

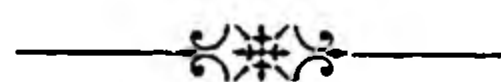
И. И. ЛАППО.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

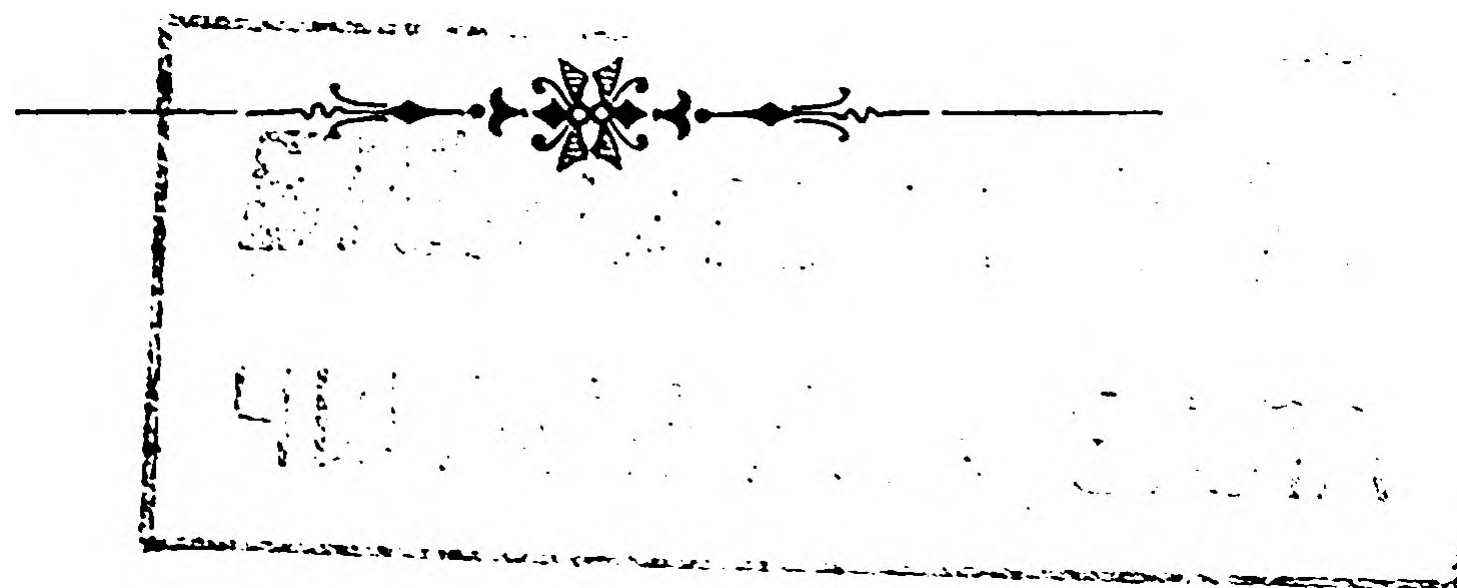
ЗА ВРЕМЯ

ОТЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ
ДО СМЕРТИ СТЕФАНА БАТОРІЯ
(1569—1586).

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПОЛИТИЧЕСКАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ.

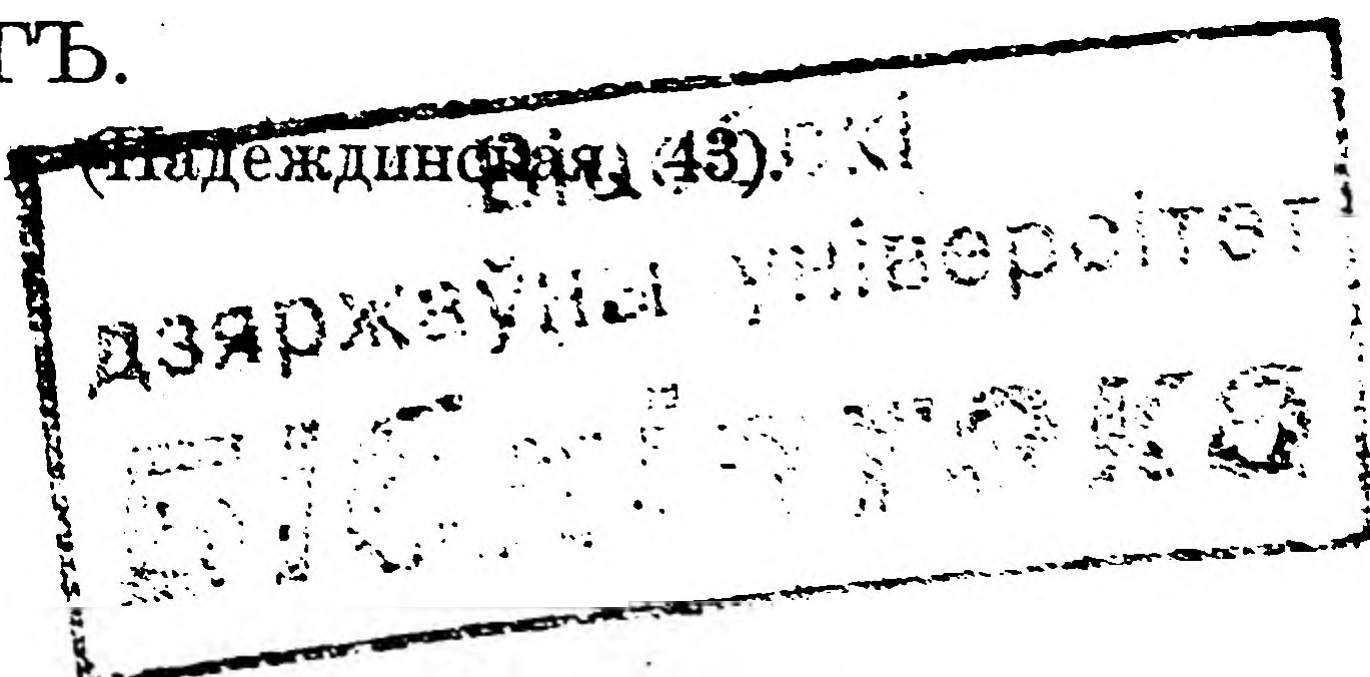
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходов (Надеждинская 43).

1901.

459713

Печатается по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Имп.
С.-Петербургскаго Университета. 4 октября 1901 года.

Деканъ *С. Платоновъ*.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

ВАСИЛІЯ ГРИГОРЬЕВИЧА

ВАСИЛЬЕВСКАГО.

Воскрешая въ памяти годы работы въ Петербургскомъ Университетѣ, давшемъ мнѣ подготовку къ научной дѣятельности, считаю нравственнымъ долгомъ посвятить свое изслѣдованіе памяти ученаго, вліянію котораго наиболѣе обязаны историки-слушатели родного Университета конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ истекшаго столѣтія, — памяти ученаго, отдавшаго притомъ часть своихъ силъ разработкѣ исторіи Литвы. Постоянное общеніе съ источниками давало Василю Григорьевичу удивительно живое чувство исторической дѣйствительности, а широта общихъ знаній приводила въ стройную систему и освѣщала факты послѣдней. Соединяясь съ горячею любовью къ наукѣ, это производило неотразимое впечатлѣніе на слушателей и учениковъ почившаго профессора. Большой ученый чувствовался въ Василю Григорьевичѣ; лучше и глубже хотѣлось работать, видя его и слыша слова науки изъ его усть.

Вѣчная ему память!

Изученіе внутренняго строя великаго княжества Литовскаго въ эпоху его политическаго соединенія съ Польшею представляетъ высокій научный интересъ. Вопросъ о томъ, чѣмъ было Литовско-Русское государство въ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой, — область, едва затронутая историческимъ изслѣдованіемъ. А между тѣмъ рѣдкій отдѣлъ исторіи человѣчества заслуживаетъ такого вниманія, на какое имѣетъ право внутренняя исторія Литвы. Какъ область, почти еще неизвѣстная исторической наукѣ, внутренняя исторія Княжества времени послѣ Уніи 1569 года должна представить совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ то государство, которое именовалось Польско-Литовскою Речью Посполитою и которое до конца XVIII столѣтія занимало одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ системѣ государствъ Европы. Для Русской исторіи, какъ науки, изученіе строя Княжества послѣ Люблинской Уніи имѣетъ и свой спеціальный интересъ. Исторія *народа Русскаго* выходитъ далеко за предѣлы исторіи Русскаго государства, а исторія Литовско-Русскаго великаго княжества, присоединеннаго къ Россіи въ концѣ XVIII вѣка, тѣмъ болѣе должна останавливать на себѣ вниманіе Русскаго историка: она изслѣдуетъ и прошлое Русскаго народа, и прошлое его государственной территоріи настоящаго времени. Изученіе того, какъ жилъ Русскій народъ на всемъ громадномъ протяженіи, на которомъ раскинулось племя Восточныхъ Славянъ — достояніе науки Русской исторіи, и изученіе жизни западной части Русскихъ Славянъ и формъ, въ которыя она вылилась — ея предметъ не въ меньшей степени, чѣмъ изученіе жизни Руси Московской. Кромѣ того изслѣдованіе исторіи самой Московской Руси и Импе-

раторской Россіи должно ожидать для себя много отъ детальнаго изученія историческаго прошлаго великаго княжества Литовскаго. Литовскій Статутъ оказался въ числѣ источниковъ Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича, и уже это одно должно говорить о значеніи вліянія Княжества на Москву. Вліяніе это должно было быть тѣмъ сильнѣе, что оно было невольнымъ и постояннымъ. Войны съ Литвою наполняютъ XVI и XVII столѣтія исторіи Москвы. Пересылки между правительствами сосѣднихъ государствъ были постоянными; не рѣдко были и Литовскіе переселенцы въ Московское государство. Русскій языкъ, какъ государственный языкъ Княжества, облегчалъ сношенія, и Литва должна была давать многое изъ своей болѣе высокой культуры менѣе развитой Москвѣ. Литва была серединою между Западно-Европейскою Польшей и Восточной Москвою, и она должна была стать посредницей въ дѣлѣ передачи культуры Запада въ Москву. Это было тѣмъ легче, что Западная культура усваивалась самою Литвою на почвѣ Русской старины Литовско-Русскаго княжества. Намъ нѣтъ надобности приводить обще-извѣстные факты вліянія Западной Руси на Восточную; на самой Петровской реформѣ не могло не сказаться вліянія Литовскихъ порядковъ, съ которыми Петръ Великій долженъ былъ близко познакомиться, находясь со своими войсками въ предѣлахъ Княжества во время великой сѣверной войны. Но изученіе внутренней исторіи Литвы имѣетъ и свое крупное значеніе для философіи исторіи и теоріи историческаго процесса. Цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся усвоенія культуры однимъ народомъ путемъ заимствованія ея отъ другого и переработки заимствованнаго на основѣ своей старины, долженъ получить матеріаль для своего разрѣшенія или освѣщенія чрезъ изученіе усвоенія Литвою Польскихъ началъ и переработки ихъ на основѣ Литовско-Русской старины, охраняемой неизмѣнно во многомъ.

Въ настоящее время детальное изслѣдованіе внутренней

исторіи великаго княжества Литовскаго является совершенно возможнымъ. Полная доступность для научныхъ занятій драгоценныхъ историческихъ сокровищъ Литовской Метрики, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, должна быть отмѣчена, какъ особенно благопріятное условіе для этого. Литовскую Метрику, какъ государственный архивъ Княжества, дополняютъ Виленскій и Витебскій Центральные Архивы, въ которыхъ собраны акты областныхъ судовъ великаго княжества Литовскаго въ его предѣлахъ послѣ Люблинской Уніи. Другія древлехранилища дополняютъ матеріалы этихъ трехъ главныхъ архивовъ Литовскихъ. Рядъ изданій памятниковъ и актовъ Княжества облегчаютъ работу изслѣдователя. Особенно нужно указать на монументальныя изданія Виленской Археографической Коммиссіи (27 томовъ актовъ и рядъ отдѣльныхъ изданій), Витебскаго Центрального Архива (28 томовъ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ) и Виленскаго Учебнаго Округа (12 томовъ Археографическаго Сборника и другія изданія). Кромѣ нихъ существуетъ длинный списокъ изданій Русскихъ и Польскихъ, ученыхъ учрежденій и частныхъ лицъ.

Предлагаемое вниманію читателя изслѣдованіе является опытомъ изученія внутренняго строя Княжества по даннымъ источниковъ, какъ обнародованныхъ, такъ и не изданныхъ, хранящихся въ различныхъ древлехранилищахъ Россіи. Авторъ далекъ отъ взгляда на свой трудъ, какъ на работу, исчерпывающую предметъ совершенно, не требующую научнаго дополненія и исправленія; онъ смотритъ на него, какъ на первый опытъ всесторонняго изученія строя великаго княжества Литовскаго по даннымъ источниковъ. Настоящая работа является первымъ томомъ задуманнаго авторомъ изслѣдованія; слѣдующія части его труда должны будутъ служить дальнѣйшему изображенію внутренняго строя Литовско-Русскаго княжества эпохи его политическаго соединенія съ Польшею, въ тѣхъ же хронологическихъ предѣлахъ, которыми ограничено изслѣдованіе въ выпускаемомъ теперь томѣ.

Вспоминая годы, проведенные в работѣ надъ своимъ изслѣдованіемъ, авторъ считаетъ своею обязанностью принести искреннюю признательность учрежденіямъ и лицамъ, способствовавшимъ исполненію его труда и появленію его въ печати. Съ чувствомъ живой признательности авторъ вспоминаетъ полное сердечности и интереса отношеніе къ его труду со стороны М. К. Любавскаго, приноситъ свою благодарность профессору С. Ѡ. Платонову за вниманіе и участіе и И. Я. Спрогису за его указанія и содѣйствіе во время занятій автора въ Вильнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ считаетъ своимъ долгомъ принести благодарность администраціи учрежденій, въ которыхъ онъ работалъ надъ своимъ трудомъ, а именно Московскихъ Архивовъ Министерства Юстиціи и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Виленскаго и Витебскаго Центральныхъ Архивовъ, Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотеки, Военно-Ученаго Архива и Библіотеки Главнаго Штаба.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Отношенія великаго княжества Литовскаго къ коронѣ Польской за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія.

Люблинскій договоръ 1569 года и отношеніе къ Уніи Поляковъ и Литовцевъ.

	СТРАН.
Содержаніе Люблинскаго договора 1569 года.	1—7
Неполнота акта Люблинской Уніи.	8
Отношеніе Польши къ Уніи и дѣлу ея заключенія	8—12
Требованія, которыя предъявляла Литва къ Уніи съ Польшею.	12—13

Люблинскій сеймъ 1568—1569 годовъ.

Противоположность взгляда Поляковъ и Литовцевъ на Унію и требованія, предъявляемыя ими къ ея условіямъ на Люблинскомъ сеймѣ; настроеніе представителей обоихъ народовъ и положеніе обѣихъ договаривавшихся сторонъ во время сейма 1569 года	13—16
Взглядъ Поляковъ на Литовскіе привилеи	16—17
Прибытіе Литовцевъ въ Люблинъ, ихъ отдѣльныя совѣщанія съ Сигизмундомъ Августомъ; смыслъ и значеніе этихъ совѣщаній	17—19
Представленіе Литовцами Полякамъ статута Княжества и его статьи, противныя Польскимъ требованіямъ.	19—21
Отношеніе посольской избы Короннаго сейма къ дѣйствительнымъ политическимъ правамъ Литвы.	21
Представленіе Литовцами старыхъ привилеевъ.	21—22
Отношеніе Литовцевъ и Поляковъ къ старымъ документамъ и положеніе, создавшееся вслѣдствіе взаимнаго противорѣчія послѣднихъ.	22—24
Литовскій проектъ Уніи.	24—27

	СТРАН.
Отказъ Поляковъ принять Литовскій проектъ и отъѣздъ Литовцевъ изъ Люблина	27
Настроение Короннаго сейма послѣ отъѣзда Литовцевъ и присоединение къ Польшѣ Волыни и Подляшья; Поляки и Литовцы въ этомъ дѣлѣ	27—32
Прибытіе Литовскаго посольства и его заявленіе	32—35
Коронный сеймъ и Литовское посольство	35—37
Отъѣздъ Литовскаго посольства и новые сеймики въ Литвѣ	37—39
Присоединение къ Польшѣ Кіева	40—41
Отношеніе Литовцевъ къ происходившему на Люблинскомъ сеймѣ и переписка Литовскихъ дѣятелей этой эпохи	41—45
Сенаторы и послы земскіе Княжества на Люблинскомъ сеймѣ; дальнѣйшій ходъ переговоровъ объ Уніи и выработка привилея на нее	45—51
Литовцы и Поляки въ вопросѣ о печати на подтвержденіяхъ королями правъ обоихъ народовъ и на привилеѣ Уніи; Литовскія требованія и отношеніе къ нимъ Поляковъ; дальнѣйшіе переговоры	51—54
Засѣданіе 27 іюня. Рѣчь Ходкевича къ королю и обращеніе его къ Коронному сенату. Отвѣтныя рѣчи Краковскаго бискупа и короля (лично и черезъ подканцлера). Отвѣтъ Ходкевича. Удаленіе Литовцевъ изъ сената для обсужденія дѣла. Возвращеніе ихъ и новая рѣчь Ходкевича. Рѣчь Евстафія Воловича. Отвѣтъ Краковскаго бискупа. Новая рѣчь короля и рѣшеніе принятія Уніи	54—60
День 28 іюня и новыя разногласія. Те Деумъ въ костелахъ	60
День 1 іюля и присяга на Унію членовъ сейма	60—61
Те Деумъ въ костелѣ св. Станислава	62
День 2 іюля — продолженіе принесенія присяги; королевская пропозиція спольному сенату и ея обсужденіе	62—63
Размѣщеніе Литовскихъ пословъ въ посольской избѣ сейма	63
Раздѣленіе пословъ спольной избы въ ихъ требованіяхъ на Литовскую и Коронную части	63—64
Вопросъ о значеніи высшихъ Литовскихъ урядовъ рядомъ съ Коронными и его разрѣшеніе	64—68
Литовская и Польская части сейма въ обсужденіяхъ дѣлъ Короны и Княжества. Защита Литвы. Кварта. Вопросъ о посполитомъ рущеньѣ и наемныхъ войскахъ. Составленіе побороваго универсала. Отдѣльная работа Литовцевъ надъ дѣлами Княжества. Составленіе сеймовой конституціи	68—79
Выводы изъ фактовъ дѣятельности перваго спольнаго сейма Речи Посполитой: отдѣльность Литвы отъ Короны, недовольство Княжества дѣянiami сейма 1569 года и Уніей, на немъ установленной, и недовѣріе Литовцевъ къ Полякамъ	79—83
Договоръ Уніи и сепаратистическія стремленія Литовцевъ	83—85

Послѣдніе годы царствованія Сигизмунда Августа.

Варшавскій сеймъ 1570 года	86
Варшавскій сеймъ 1572 года	86— 87
Повѣтовые сеймики передъ сеймомъ 1572 года и вопросъ о печати на сеймовыхъ листахъ и инструкціяхъ королевскимъ посламъ, поднятый Литвою	87— 90
Указъ о Литовской монетѣ, данный Сигизмундомъ Августомъ на сеймъ 1572 года и предложеніе короля вознаградить Княжество Мазовіей за отобранныя у него въ 1569 году земли	90— 91

Эпоха перваго безкоролевья.

Смерть Сигизмунда Августа и положеніе Литвы	91— 92
Примасъ и великій Коронный маршалокъ	92
Коронные и Литовскіе съѣзды эпохи перваго безкоролевья и сношенія обоихъ народовъ	92— 99
Варшавскій конвокаціонный сеймъ 1573 года. Требованія Литовцевъ. Поляки и Литовцы на конвокаціи	99—102
Виленскій съѣздъ и его требованія	102
Избирательный сеймъ 1573 года и избраніе Генриха Вalezія	102—103
Отношенія Литвы и Польши и Литовскія требованія въ эпоху перваго безкоролевья	103—104
Событія, протекшія между избраніемъ Генриха и прибытіемъ его въ Краковъ; коронація Генриха и коронаціонный сеймъ	104—110
Итоги событій перваго безкоролевья для Княжества	110—114

Эпоха втораго безкоролевья.

Бѣгство Генриха Вalezія во Францію и положеніе Речи Посполитой послѣ него	114—115
Варшавскій конвокаціонный сеймъ и Литва	115—116
Посольство къ Генриху и событія, протекшія между Варшавской конвокаціей и Стенжицкимъ съѣздомъ; Виленскій съѣздъ	116—120
Стенжицкій съѣздъ 1575 года	121—129
Время между Стенжицкимъ съѣздомъ и елекціею Баторія	129—131
Варшавскій елекціонный сеймъ и Андреевскій съѣздъ; избраніе Анны Ягеллонки и Стефана Баторія	131—135
Литва и избраніе Баторія. Гродненскій съѣздъ	136—137
Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ и Баторій	137—138
Коронація короля Стефана и посольство Гродненскаго съѣзда въ Краковъ	138—141
Польское посольство въ Литву и отношеніе къ Стефану Баторію Литовцевъ	141—142
Мстибоговскій съѣздъ и его посольство къ Баторію; требованія Княжества и признаніе Литвою короля Стефана	142—149

	СТРАН.
Поѣздка Стефана Баторія въ Кнышинъ и Тыкотинъ и знакомство его съ Литовскими сенаторами.	149
Итоги второго безкоролья для Княжества	149—152

Царствованіе Стефана Баторія въ его значеніи для Княжества.

Король и Литва	152—153
Положеніе государства въ началѣ царствованія Стефана Баторія; война съ Москвою и Гданскомъ; Торунскій сеймъ	153—157
Положеніе Баторія послѣ Торунскаго сейма и созывъ главныхъ сеймиковъ Короны и Литвы.	157—168
Призывъ Литвы къ войнѣ съ Москвою	168—169
Варшавскій сеймъ 1578 года и разграниченіе Подляшья и Княжества.	169—170
Московская война; почты Литовскихъ пановъ; Поляки и Литовцы въ этой войнѣ	170—173
Развитіе обще-Литовскаго съѣзда въ царствованіе Стефана Баторія.	173—174
Виленскій съѣздъ 1580 года	174—177
Патріотизмъ Литовской шляхты и ея заслуги въ Московской войнѣ	177—180
Король и просьбы Полоцкой шляхты.	180—181
Варшавскій сеймъ 1581 года и возникновеніе главнаго Литовскаго трибунала	181—189
Январскій Волковыскій съѣздъ 1582 года и его постановленія.	189—193
Выработка третьяго Литовскаго статута.	193—222

Значеніе Литвы въ Польско-Литовскомъ государствѣ и ея политическая особность	222—228
---	----------------

ГЛАВА II.

Народъ-шляхта великаго княжества Литовскаго.

Шляхта и шляхетское достоинство въ Княжествѣ.

Литовская шляхта въ ея отличіяхъ отъ шляхты Коронной	229—238
Способы приобрѣтенія шляхетства, утрата его и доказательства принадлежности къ шляхетскому сословію	239—248
Упреки въ нешляхетствѣ; законныя дѣти и бенкарты; браки съ совершеніемъ церковнаго вѣчанія и безъ него	248—254

Характеристика отдѣльныхъ группъ народа-шляхты Княжества.

Слои, на которые распадается Литовская шляхта	254—255
Князя (княжата)	255—262

	СТРАН.
Паны (панята)	262—266
Старосты и державцы	266—293
Старосты судовые	293—300
Лѣсничіе	301—305
Тивуны Жомойти	305—310
Тивуны Виленскій и Троцкій	310—313
Врядники повѣтовые:	
Перечень ихъ	313—314
Маршалокъ	314—322
Хоружій	322—333
Городничій и замковый писарь	333—339
Войскій	339—345
Конюшій и подконюшій	346—349
Ключникъ и подключій	349—351
Другіе несудовые вяды повѣта	351—352
Врядники судовые земскіе (судья, посудокъ и писарь)	352—354
Гродскій судъ	354
Подкоморій и коморникъ	354—358
Возный	358—359
Врядники обще-Литовскіе:	
Ихъ виды	359—360
Кухмистръ	360—362
Конюшій (конюхи, кальвокаторъ и другіе подчиненные конюшія)	362—368
Подконюшій	368
Ловчій	368—374
Ложничій и подкоморій	374—377
Подскарбій дворный	377—382
Крайчій	382—383
Чашникъ и подчашій	383—385
Стольникъ и подстолій	385—387
Земскій и дворный хоружіе и мечникъ	387—388
Охмистръ (дворъ королевы)	388—390
Соединеніе дворныхъ урядовъ съ завѣдываніемъ державами	390—391
Дворные судьи	391—393
Возный и генераль дворные	394
Инстигаторъ	394—398
Секретари	398—401
Писари и дьяки	401—405
Толмачи	405—406
Государевы слуги	406—408
Дворяне	408—419
Коморники	419—420
Войско Княжества	420—421
Ротмистры (поручники, десятники и товарищи)	421—435
Партизаны	435
Гетманъ и писарь польные	435—440

Частно-служилая шляхта. Слуги свободные и несвободные, ихъ виды, назначеніе и положеніе; служебники-шляхтичи . . .	441—461
Татары-шляхта и ихъ врядники	461—471

Экономическое положеніе Литовской шляхты.

Виды шляхетской „маетности“	472
Имѣнія наслѣдственные	472—473
Имѣнія благопріобрѣтенныя	473—478
Имѣнія-владѣнія	478—480
Шляхетская недвижимость въ городахъ	480—486
Движимое имущество шляхты	486—488
Права на доходы, дарованные королемъ	488—491
Картина экономического положенія шляхты Литовской	491—498

Состояніе образованности среди народа-шляхты Княжества.

Источники пріобрѣтенія знаній для Литовской шляхты	499
Школа	499—502
Грамотность шляхты	503
Внѣшкольное обученіе	504
Книга, какъ источникъ знаній народа-шляхты	504—507
Путешествія въ ихъ значеніи для просвѣщенія Литовской шляхты.	507—510
Культурныя условія умственной жизни шляхты Княжества . .	510—512
Новгородскій подсудокъ Феодоръ Евлашевскій, какъ представи- тель Литовской шляхты конца XVI столѣтія	512—515

Права шляхты Княжества.

Частныя права шляхтичей и шляхтянокъ	515—522
Политическія права народа-шляхты Литвы	522—526

Повинности шляхты Литовской.

Сеймикованье, какъ повинность	526—527
Посполитое рушенье въ шестидесятые годы XVI столѣтія нака- нунѣ Люблинской Уніи	527—548
Серебщизна въ Литвѣ въ эпоху наканунѣ Уніи 1569 года . . .	549—554
Поборы эпохи послѣ Люблинской Уніи	554—556
Посполитое рушенье въ эпоху послѣ Люблинской Уніи	556—563

ГЛАВА III.

Паны-рада великаго княжества Литовскаго.

Сенаторы Княжества.

	СТРАН.
Составъ Литовскаго сената въ эпоху послѣ Уніи 1569 года . . .	564—565
Бискупы	565—577
Воеводы:	
Перечень воеводствъ	577—578
Воеводства старыя и образованіе новыхъ воеводствъ	578—580
Воеводы до реформъ шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія . . .	580—588
Реформы шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія и ихъ значеніе для воеводскаго уряда	588—590
Воеводы новыхъ воеводствъ и старосты центральныхъ повѣтовъ.	590—594
Назначеніе воеводы	594—596
Воеводы въ ихъ значеніи для всѣхъ повѣтовъ ихъ воеводствъ.	596—599
Значеніе воеводы въ центральномъ повѣтѣ его воеводства . . .	599—612
Доходы воеводы	612—616
Кашталяны	616—635
Уряды министерскіе и лица, ихъ занимавшія въ изслѣдуемый періодъ времени	635—637
Маршалокъ земскій	637—642
Маршалокъ дворный	642—645
Канцлеръ и подканцлеръ	645—651
Подскарбій земскій	651—665
Гетманъ наивысшій	665—667
Администраторъ и гетманъ Лифляндіи	667—670

Рада Литовская, какъ учрежденіе.

Наблюденія надъ личнымъ составомъ рады Княжества и путь, который проходили Литовскіе дѣятели до дверей сената.	670—679
Группировка радныхъ пановъ по партіямъ	679—683
Присяга сенатора и значеніе пановъ-радъ	683—688
Собранія рады; ихъ виды и обсужденіе въ нихъ государствен- ныхъ дѣлъ	688—696
Письменные сношенія короля съ сенатомъ	696—697
Установленіе рѣшенія короля и сената и взаимное значеніе рады и государя	697—700
Ходатайства радныхъ пановъ и ихъ роль при королевскихъ назначеніяхъ и распоряженіяхъ	700—704
Паны-рада при судѣ королевскомъ	704—709
„Коммисіи“, дававшіяся раднымъ панамъ	709—711
Паны-рада въ дѣлѣ подготовки сейма	711—712
Взглядъ народа на пановъ-раду	712—716
Награды, дававшіяся раднымъ панамъ	716—718

	СТРАН.
Связи, соединявшія пановъ-радъ со шляхтою	718—720
Паны-рада и шляхта въ эпохи безкоролевій	720—721
Дѣятельность Литовской рады въ дни безкоролевій	721—734
Радные паны и шляхта въ дни безкоролевій	734—735
Присяга пана-рады времени безкоролевья	736
 Указатель географическій	 737—746
 Указатель личный	 747—776

Г Л А В А I.

Отношенія великаго княжества Литовскаго къ коронѣ Польской за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586).

Люблинскій сеймъ 1569 года соединилъ великое княжество Литовское съ Польскимъ королевствомъ въ одно государство, чрезвычайно своеобразное по своему устройству. Привилей на Люблинскую Унію ¹⁾ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ условія этого соединенія и строй вновь образовавшагося государства. Королевство Польское и великое княжество Литовское, согласно этому привилею, сливаются въ единое и нераздѣльное тѣло и единое общее государство, которое образовалось черезъ слияніе и соединеніе въ одинъ народъ и одно государство двухъ государствъ и народовъ. Прелаты, паны-рада, бароны и всѣ станы Польскаго и Литовскаго народовъ во всѣхъ обстоятельствахъ, противныхъ интересамъ и выгодамъ государственнымъ, должны помогать другъ другу общею помощью, всѣми своими силами и средствами, какъ будетъ рѣшено общимъ совѣтомъ. Они будутъ дѣлать это, помогая другъ другу вѣрно и считая общимъ какъ счастье, такъ и несчастье. Устанавливая такое, повидимому, полное слияніе Княжества съ Короною, актъ Уніи, однако, сохраняетъ для перваго титулъ великаго княжества Литовскаго, равно какъ всѣ должности, вранды и значеніе становъ цѣлыми и ненаруши-

---

¹⁾ Привилей на Унію изданъ въ *Voluntina legit II*; другія изданія: *Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ*. Спб. 1865 (Стр. 140—162) и *Biblioteka Starozytna Pisarzy Polskich. Wydał K. Wł. Wójcicki*. Tom. VI. Warszawa 1844 (str. 237—251). Разсказъ о Люблинскомъ сеймѣ см. у *М. О. Кояловича*. Люблинская Унія или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Спб. 1863.

мыми, поясняя, что это не вносить раздѣленія въ соединенное общее государство. Оно на вѣчныя времена должно имѣть единую главу, одного общаго государя и короля, который избирается общими голосами Поляковъ и Литовцевъ, причемъ отсутствіе той или другой «стороны», т. е. одного изъ этихъ двухъ народовъ не можетъ служить непризнанію акта избранія, хотя зато строго предписывается совершать вызовъ на елекцію пановъ-радъ и всѣхъ становъ Коронныхъ и Литовскихъ. Что касается до мѣста елекціи королевской, то оно должно избираться въ предѣлахъ Польши, а не Литвы. Послѣ своего избранія король долженъ быть помазанъ и коронованъ въ Краковѣ. При елекціи и коронованіи король провозглашается королемъ Польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ, Русскимъ, Прусскимъ, Мазовецкимъ, Жомотскимъ, Кіевскимъ, Волынскимъ, Подляшскимъ, Инфлянтскимъ. Титулъ великаго князя Литовскаго такимъ образомъ сохраняется, какъ сохраняются и вранды Княжества, но особаго избранія и провозглашенія електа государемъ въ Литвѣ, какъ бывало прежде, уже не должно быть, даже не должно быть ни малѣйшаго на него намека. Всякое наследственное право на Литовское княжество его государей уничтожается: Сигизмундъ-Августъ передалъ его на вѣчныя времена Коронѣ. Дѣлая это, король, однако, выговорилъ себѣ и своему потомству, если оно у него будетъ, чтобы они не были обездолены, но имѣли бы приличное ихъ положенію обезпеченіе отъ государства, въ томъ случаѣ если его потомки не будутъ избраны на престолъ королевскій; но при этомъ отнюдь не разрѣшается производить какого-либо раздѣленія территоріи государственной. Спольная Литовско-Польская Речь Посполитая, имѣя общаго короля, должна имѣть и общіе сеймы. Сеймы и рады оба народа должны имѣть всегда общіе, коронные, подъ королемъ Польскимъ, своимъ государемъ. На нихъ засѣдаютъ Литовскіе паны-рада между панами-радами Польскими и послы земскіе Княжества между послами Короны. Какъ на сеймѣ, такъ и безъ сейма они должны обсуждать общія нужды государственныхныя. Со времени заключенія Люблинской Уніи король уже не будетъ назначать никакихъ отдѣльныхъ сеймовъ, но всегда общіе сеймы обоимъ народамъ, какъ единому тѣлу государственному. При этомъ мѣсто для собранія сейма избирается въ границахъ Польши, гдѣ покажется наиболѣе удобнымъ панамъ-радамъ Короннымъ и Литовскимъ. Соединеніе Польши и Литвы, прежде отдѣльныхъ государствъ, должно отозваться и на ихъ отношеніяхъ къ другимъ

государствамъ: всѣ договоры, заключенные ими съ другими государствами и народами, невыгодные для одной изъ двухъ составныхъ частей общей Речи Посполитой, не должны болѣе соблюдаться, а на будущее время ни одинъ внѣшній союзъ, или договоръ съ чужестраннымъ народомъ не можетъ быть заключаемъ, равно какъ ни одно посольство въ предметахъ важныхъ не можетъ посылаться безъ вѣдома и общаго обсуждения обоихъ народовъ. Монета должна быть общею и совершенно однообразною, какъ въ Княжествѣ, такъ и въ Коронѣ. Присяга пановъ-радь, дигнитарей, врядниковъ, старость и лицъ важнѣйшихъ семей великаго княжества Литовскаго остается въ силѣ прежняя, но съ тѣмъ, чтобы потомъ всѣ такія присяги приносились коронованному королю и Польской Коронѣ. Всѣ Литовскіе вряды, которые вакантны въ данное время, или которые будутъ вакантными потомъ, король не имѣетъ права раздавать иначе, какъ съ обязательствомъ для получающихъ ихъ присягнуть королю, его коронованнымъ преемникамъ и нераздѣльному тѣлу—Польской Коронѣ. Всѣ статуты и уставы, постановленія которыхъ въ Литвѣ направлены противъ Поляковъ касательно приобрѣтенія и обладанія ими имѣній въ Княжествѣ, какимъ бы способомъ таковыя приобрѣтены ни были (по женѣ, выслугою, покупкою, дарованіемъ, мѣною, или какимъ-либо другимъ законнымъ способомъ), — не должны имѣть силы, какъ противныя праву, справедливости, общей братской любви и Польско-Литовскому соединенію; какъ Поляки въ Литвѣ, такъ Литовцы въ Польшѣ могутъ приобрѣтать имѣнія законными способами и могутъ держать ихъ, соблюдая то право, которому подлежитъ приобрѣтенное имѣніе. Хотя со времени заключенія Люблинской Уніи должна прекратиться раздача королевскихъ столовыхъ имѣній Литовскихъ, но тѣ имѣнія, которыя потомъ будутъ къ королю переходить изъ домовъ княжескихъ, шляхетскихъ и панскихъ, король будетъ раздавать по своей волѣ и по своей милости шляхетнымъ обывателямъ, какъ Польскаго, такъ и Литовскаго народа, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы отъ этого не было ущерба земской военной службѣ. Что касается до тѣхъ земель, которыя король вернетъ отъ Московскаго государя, завоевавшего ихъ, то онѣ должны быть возвращены владѣвшимъ ими до Московскаго завоеванія; но если взамѣвъ ихъ было давно уже владѣльцамъ ихъ отъ короля вознагражденіе прежде, онѣ поступаютъ въ разрядъ столовыхъ королевскихъ Литовскихъ имѣній, а стало быть, и подчиняются только что изложенному постанов-

ленію акта Уніи относительно этихъ послѣднихъ. Сливая Литву съ Польшею въ одно и то же государство, Люблинскій привилей, хорошо знаетъ и признаетъ, однако, особыя права и постановленія Литовскія. Для того, чтобы дѣйствительно обѣ стороны, и Литва, и Польша, служили другъ другу совѣтомъ и были помощью, король долженъ соблюдать цѣлыми и неприкосновенными права и привилеи какъ Короны, такъ Княжества и земель, къ нему принадлежащихъ, — права и привилеи, данные всякимъ «письмомъ» всѣми предшественниками короля и имъ самимъ, какъ съ древнѣйшаго времени, такъ и отъ начала Уніи, всѣмъ вообще и каждому особо, дарованные всѣми способами, а также вольности, «достоинства», прерогативы и всякіе вѣжды обоихъ народовъ; онъ обязанъ сохранять въ силѣ и неприкосновенности каждому стану всѣ права, власти (gzaudy), «высады», княжескіе станы и шляхетскія фамиліи обоихъ народовъ, судовыя постановленія отъ древнѣйшихъ временъ и до текущаго. При коронаціи, вступающій на престолъ король обязанъ, присягая въ соблюденіи ихъ, утвердить одними и тѣми же словами, на одномъ и томъ же листѣ на вѣчныя времена права, привилеи и вольности всѣхъ подданныхъ обоихъ народовъ и соединенныхъ государствъ. Но требуя такого общаго подтвержденія каждымъ новымъ королемъ правъ обывателей соединеннаго государства вмѣстѣ, одними и тѣми же словами и однимъ и тѣмъ же документомъ, Люблинскій актъ старательно огораживаетъ Литовцевъ отъ опасностей лишенія имѣній въ силу экзекуціи, провѣрки правъ владѣнія и отнятія въ казну государственныхъ земель, если таковыя окажутся въ обладаніи частныхъ лицъ. Экзекуція ¹⁾ не должна коснуться становъ и обывателей Княжества, владѣющихъ столовыми имѣніями, но всѣ права и привилеи, дарованные раньше предшественниками короля и имъ самимъ отъ начала Уніи въ Литвѣ Литовскимъ, Русскимъ, Жомойтскимъ, и инымъ народамъ и обывателямъ Княжества, а также его землямъ и повѣтамъ, фамиліямъ и особамъ, должны остаться цѣлыми и ни въ чемъ не нарушимыми; также вѣчными остаются лены, фримарки, доживотья, заставы, совершенные и данные на сеймѣ и безъ сейма; они должны вѣчно быть сохраняемы согласно привилею каждаго безъ всякаго заподозриванія ихъ какимъ-либо способомъ. Равнымъ образомъ должны быть сохранены пожалованія

¹⁾ Производимая въ Польшѣ согласно статуту Александра и послѣдующимъ постановленіямъ.

на дигнитарства и вяды, а также всѣ заставы и суммы въ полномъ на нихъ правѣ, и держащіе ихъ не должны будутъ обращать ни на что никакой части своихъ обычныхъ доходовъ, кромѣ какъ на свой личный пожитокъ, противъ ихъ настоящихъ правъ держанія и привилеевъ, или листовъ. Кромѣ того, всякій обыватель Княжества, владѣющій землями и посессіями всѣхъ названій, не имѣя документовъ на нихъ, будетъ владѣть своею собственностью и безъ документовъ, какъ и съ ними, на вѣчныя времена согласно Литовскому статуту, старому и новому, а также обычаямъ давнимъ. Паны-рады, всѣ станы и послы всѣхъ земель настоящимъ своимъ постановленіемъ лишаютъ себя и своихъ потомковъ права постановленія, возобновленія подъ какимъ-либо видомъ экзекуціи на выслуги и всякія имущества, даже упоминанія о ней и всякой къ ней попытки. Такъ крѣпко оградили себя Литовцы въ своихъ правахъ на имѣнія, принадлежащія имъ. Но сдѣлавъ это постановленіе, шляхта оградила себя и въ другомъ отношеніи. Всѣ таможенныя пошлины и мыта въ Польшѣ и Литвѣ, собираемыя на сушѣ и на водѣ, всѣхъ названій—королевскія, шляхетскія, духовныхъ и городовъ уничтожаются: отнынѣ на вѣчныя времена не будетъ взиматься никакихъ таможенныхъ пошлинъ съ духовныхъ и свѣтскихъ людей шляхетскаго стана и съ ихъ подданныхъ со всѣхъ предметовъ собственнаго издѣлія, разведенія и сбора, конечно, при томъ условіи, что они не будутъ, злоупотребляя этимъ своимъ правомъ, прикрывать мытныхъ сборовъ съ купцовъ и не будутъ съ ними сговариваться во вредъ государству и для укрыванія мытныхъ королевскихъ сборовъ, издавна обычныхъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ.

Вотъ содержаніе тѣхъ условій, на которыхъ соединились королевство Польское и великое княжество Литовское въ одно государство, сливъ свои отдѣльныя речи посполитыя въ единую общую. Всѣ статьи Люблинскаго акта Уніи утверждены станами Коронными и Литовскими на вѣчныя времена. Было при этомъ постановлено, что если одна изъ сторонъ, заключившихъ между собою Унію, или кто-либо изъ отдѣльныхъ обывателей, не будетъ соблюдать договора ¹⁾, противъ таковыхъ должны всѣ вмѣстѣ съ королемъ подняться съ оружіемъ, какъ противъ враговъ. Самыя статьи и постановленія Люблинскаго акта не могутъ никогда, ни подъ какимъ видомъ измѣняться ни королемъ, ни

¹⁾ „Przywilejów i spisów o spólnosci uczynionych między temi narody“.

панами-радами, ни всякими станами обоихъ народовъ, но должны быть вѣчно сохраняемы цѣлыми и въ полной силѣ. Этотъ договоръ заключенъ панами-радами и послами земскими Коронными съ панами-радами и земскими послами Литвы, бывшими на вальномъ спольномъ Люблинскомъ сеймѣ, и сдѣлано это именемъ какъ самихъ ихъ, присутствовавшихъ на сеймѣ лично, такъ и остальныхъ ихъ товарищей, отсутствовавшихъ,—они посланы на сеймъ сеймиками повѣстовыми земель и повѣтовъ съ полнымъ и совершеннымъ полномочіемъ и порученіемъ. Собравшимся на Люблинскій сеймъ извѣстны желаніе и воля остальной шляхты—обывателей короны Польской, какъ находящихся въ данное время въ Люблинѣ, такъ и не пребывающихъ въ немъ: сеймики повѣтовые, бывшіе передъ сеймомъ, выразили ихъ и онѣ извѣстны такъ, какъ бы всѣ обыватели сами были переименованы въ актѣ и привѣсили бы къ нему свои печати. Поэтому, самый документъ провозглашаетъ во всеобщее свѣдѣніе договоръ отъ имени не только Коронныхъ сенаторовъ и пословъ, присутствовавшихъ на сеймѣ, но отъ имени *всѣхъ обывателей короны Польской*. Въ предисловіи къ самымъ статьямъ Люблинскаго привилея излагаются мотивы въ заключенію Уніи и исторія его, конечно, изложенная съ Польской точки зрѣнія. По словамъ документа, станы Коронные, неизмѣнно соблюдая свой долгъ по отношенію къ своей отчизнѣ, славной коронѣ Польской, которой достоинство, славу и благосостояніе, а болѣе всего укрѣпленіе въ опасностяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ должны они охранять, стремились къ дѣйствительному совершенію Уніи Польши съ Княжествомъ. Они это дѣлали, имѣя передъ глазами своими славное и весьма потребное соединеніе, нѣкогда сдѣланное ихъ предками съ обывателями Литовскаго великаго княжества на вѣчныя времена за общимъ, письменно изложеннымъ соглашеніемъ обоихъ народовъ, скрѣпленнымъ листами-документами, печатями, присягами обѣихъ сторонъ и долгое время соблюдавшимся съ искренностью обѣими сторонами, но затѣмъ приведеннымъ въ затрудненіе во времена злобы и зависти. И предки, и Поляки 1569 года, по словамъ привилея, были озабочены, немалое время просили и просьбами своими вели королей (Сигизмунда (старого) и Сигизмунда-Августа, чтобы они въ силу обязанности своей государевой - королевской, какъ единые главенствующіе надъ обоими народами, помогли имъ привести въ исполненіе общіе списы - договоры и иные привилеи и права Коронныхъ обывателей, которые они имѣютъ

на унію и соединеніе съ Княжествомъ еще со временъ короля Александра; то же, что не исполнялось, просили королей возстановить. Съ этою цѣлью Поляки добивались отъ королей созванія ихъ вмѣстѣ съ панами-радами и станами Литовскими на одно мѣсто для окончанія этого славнаго и полезнаго обоимъ народамъ дѣла. Такъ, объ этомъ дѣлѣ уніи ясно рассказываютъ, по словамъ договора 1569 года, акты, конституціи, деклараціи и рецессы сеймовъ, бывавшихъ въ тѣ времена. Наконецъ, продолжаетъ документъ, по милосердію Божію и по милости королевской Польскіе обыватели добились того, что сначала на сеймѣ Варшавскомъ 1563 года, а потомъ, съѣхавшись въ 1564 году со станами Литовскими въ Парчовѣ, положили хорошее начало правильному устройству этого соединенія и этой, отчасти нарушенной уніи, обсуждая дѣло между собою обѣими сторонами и утверждая статьи, касающіяся уніи. Такъ какъ статьи эти тогда не могли быть утверждены общимъ договоромъ Поляковъ съ Литовцами вслѣдствіе краткости времени засѣданій и наличности другихъ болѣе неотложныхъ нуждъ государственныхъ, поэтому, съѣхавшись теперь, въ болѣе свободное время въ Люблинѣ 23 декабря 1568 года на спольный сеймъ, назначенный королемъ съ согласія обѣихъ радъ, Польши и Литвы, и въ согласіи (*jednostaunie*) продолжаемый до настоящаго часа, заключили между собою этотъ договоръ и соглашеніе. Договоръ Уніи, по словамъ документа, доведенъ до конца милостью Божіей и согласнымъ и одинаковымъ обѣихъ сторонъ соизволеніемъ и спольнымъ, общимъ письменнымъ актомъ, ни въ чемъ не нарушая Варшавскаго рецесса и другихъ привилеевъ. За все это воздается хвала Богу и благодарность королю Сигизмунду-Августу и провозглашается слава на вѣчныя времена Коронѣ и Княжеству. Новымъ договоромъ Уніи всѣ старые договоры Польши и Литвы возобновлены и согласованы—гласить актъ Уніи 1569 года.

Таково полное содержаніе знаменитаго Люблинскаго договора, соединявшаго великое княжество Литовское съ Польскимъ королевствомъ въ одно государство, сливавшаго двѣ различныя «речи посполитыя» въ единую, «спольную», общую. Мы старались цѣликомъ пересказать этотъ документъ акта, такъ различно оцѣнивавшагося въ долгіе вѣка, протекшіе послѣ имѣющаго такое крупное значеніе въ исторіи не только Литвы и Польши, но и цѣлой Европы событія 1569 года. Излагая содержаніе документа, мы не разъ замѣняли изложеніе его дословнымъ пере-

водомъ: такая полнота передачи содержанія договора Люблинской Уніи необходима для обсужденія и оцѣнки его.

Бѣглый взглядъ на изложенный документъ говоритъ читателю, что имъ далеко не вполне точно и всесторонне были опредѣлены взаимныя отношенія короны Польской и великаго княжества Литовскаго. Много недоговореннаго, неопредѣленнаго точными статьями договора чувствуется даже не вооруженному изученіемъ исторической обстановки заключенія этого акта глазу читателя. Но если не все было точно выговорено и опредѣлено документомъ, толкованіе этого недоговореннаго, значитъ, представлялось жизни и практикѣ, самимъ народамъ Литовскому и Польскому, соединеннымъ въ одно государственное тѣло Люблинскою Уніею 1569 года. Пониманіе этого договора оказалось не только не одинаковымъ, но совершенно противорѣчивымъ и противоположнымъ у обѣихъ сторонъ: ихъ сознаніе совершенно несходно понимало тѣ отношенія, въ которыя Унія поставила Литву и Польшу, и тѣ цѣли, которыя были созданы ею и ея условіями для обоихъ «братскихъ» народовъ. Поэтому и къ реальнымъ фактамъ дѣйствительности, къ тѣмъ событіямъ, которыя затѣмъ переживала Речь-Посполитая Польско-Литовская, Корона и Княжество подошли съ совершенно различными требованіями, встали къ нимъ въ совершенно различное отношеніе и постарались извлечь изъ нихъ совершенно различныя для себя послѣдствія. Заключая Унію 1569 года Польша думала, что лишь осуществляетъ свои права, пріобрѣтенныя ею въ теченіе двухъ вѣковъ царствованія въ ней династіи Ягеллоновъ. Рядъ привилеевъ и договоровъ, не справляясь съ тѣмъ, какъ велики ихъ дѣйствительная сила и ихъ юридическое значеніе, а также и съ тѣмъ, признаетъ ли ихъ и всегда ли давала на нихъ свое согласіе Литва, Польша считала незыблемымъ основаніемъ для своихъ требованій Уніи въ желанномъ для нея смыслѣ. Она не сомнѣвалась въ своемъ правѣ на инкорпорацію Литвы и обращалась къ королевской власти, призывая ее къ насильственному разрѣшенію ея велѣніемъ дѣла, требуя королевскаго приказанія неговорчивымъ Литовцамъ. Выдвигалась фикція абсолютной власти Ягеллоновъ въ Княжествѣ, давно разрушенной временемъ, создавшимъ уже на ея мѣстѣ политическое значеніе Литовскихъ становъ, далеко не такъ несходное съ политическимъ значеніемъ становъ Польскихъ, чтобы можно было признать хотя какое-нибудь реальное основаніе для такихъ приказаній государевыхъ. На Варшав-

скомъ сеймѣ 1564 года Поляки добились отъ Сигизмунда-Августа передачи наслѣдственныхъ правъ на Княжество, отрицавшее, однако, ихъ существованіе, Коронѣ, а въ 1569 году заставили этого же государя отнять у Литвы Подлясье, Волынь и Кіевщину и принудить Литовцевъ къ проекту Уніи, составленному Поляками на основаніи Варшавскаго рецесса 1564 года, не признаваемаго Литовцами ¹⁾. Самое проведеніе Уніи представлялось сознанію Поляковъ дѣломъ, требующимъ исключительно энергіи и настойчивости, а не творчества въ области политическаго строя, создаваемаго государства. Новаго въ создаваемомъ политическомъ строѣ не хотѣли видѣть ничего: вопросъ шелъ лишь о введеніи давно признанной Польшею Уніи. Такое пониманіе дѣла характерно отразилось и въ Польскихъ хроникахъ, говорящихъ о Люблинскомъ сеймѣ 1569 года. Стрыйковскій, на примѣръ, рассказывая объ этомъ сеймѣ ²⁾, прежде всего говоритъ о прибытіи кардинала Гозія и папскаго легата Винцентія Портика, а также пословъ императора Максимилиана и Шведскаго короля Іоанна; затѣмъ упоминаетъ о послахъ князей Поморскихъ, Турецкаго султана и о гонцѣ Московскомъ, о пріѣздѣ князя Легницкаго, подарившаго королю двухъ молодыхъ львовъ. Далѣе хроника продолжаетъ: «на томъ сейме скончалась совершенно унія или соединеніе великаго княжества Литовскаго съ Короною Польскою; Волынь же, Подляще и Кіевское воеводство къ Польше приложилось, хотя противныхъ тому много Литовскихъ сенаторей было» ³⁾. Вотъ и все, что нашель нужнымъ сказать о заключеніи Уніи Стрыйковскій, и послѣ этихъ словъ сейчасъ же обратился къ разсказу о взятіи княземъ Романомъ Сангушкою Улы и о казни Миколаевскаго. Другіе хронисты не щедрѣе Стрыйковскаго въ разсказѣ о Люблинской Уніи. Бѣльскій, такъ говоритъ объ ея заключеніи: «на томъ же сеймѣ (1569 года) достигла совершеннаго окончанія (*skończyła się gruntownie*) Унія, или соединеніе великаго княжества Литовскаго съ Короною Польскою; при этой Уніи особенно было обезпечено (*wagowano*) Литовскому Княжеству, что оно не будетъ подлежать езекуціи по отношенію къ имѣніямъ стола королевскаго. Волынь, Подлясье и Кіевское вое-

¹⁾ Дневникъ Люблинскаго сейма. Спб. 1869. Стр. 37, 53 и др.

²⁾ *Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Strzykowskiego*. Tom. II. Warszawa 1846. Str. 418.

³⁾ Приводимъ русскій текстъ по рукописному переводу, хранящемуся въ Рук. Отд. Имп. Публ. Библ. (F. IV. № 172).

водство были присоединены къ Коронѣ на вѣчныя времена. Долго противились этому Литовскіе сенаторы, но все-таки, наконецъ, согласились на это»¹⁾. Нѣсколькими строками ниже хроника Бѣльскаго добавляетъ, что на Люблинскомъ сеймѣ былъ уничтоженъ прежній порядокъ засѣданій (zwuszaу dawny zasiedania) Польскихъ и Литовскихъ сенаторовъ и замѣненъ новымъ; прибавляетъ еще, что городъ Варшава былъ избранъ мѣстомъ для общихъ сеймовъ²⁾ и приводитъ списокъ пановъ-радъ общаго Польско-Литовскаго сената³⁾. Не болѣе, чѣмъ Бѣльскій, сообщаетъ и Гурницкій⁴⁾. Послѣдній даже какъ-то вскользь говоритъ о заключеніи Уніи на Люблинскомъ сеймѣ. Онъ пишетъ, что Гданщане были вызваны на ближайшій сеймъ, «а онъ» — продолжаетъ далѣе хроника — «былъ назначенъ обоимъ народамъ въ Люблинѣ для окончанія Уніи на дни декабря 1568 года. Продолжался этотъ сеймъ вплоть до исхода лѣта 1569 года. На немъ была доведена до конца Унія, но это совершилось не прежде, чѣмъ король присоединилъ къ Коронѣ Подлясье и Волынь». Вслѣдъ за этимъ Гурницкій прямо переходитъ къ суду надъ Гданщанами⁵⁾. Итакъ событіе такого первостепеннаго значенія, какимъ была Люблинская Унія, такъ безцвѣтно и такъ коротко отразилось въ хроникахъ Польскихъ, что самое значеніе его теряется въ рядѣ другихъ фактовъ, рассказываемыхъ дѣписателями Польскими.

Разъ таково было отношеніе къ факту заключенія Люблинской Уніи въ хроникахъ, сама собою напрашивается аналогія и для отношенія къ нему современнаго ей Польскаго шляхетства. Но краткость упоминаній хроникъ можетъ имѣть своею причиною или отсутствіе интереса къ событію, или такую опредѣленность его пониманія обществомъ, что самому автору хроники оно представляется не требующимъ подробнаго разсказа о немъ. Конечно, не первое соображеніе должно имѣть мѣсто, когда мы рисуемъ себѣ настроеніе Польскаго народа-шляхты въ эпоху заключенія Люблинской Уніи. Польскіе сеймики обсуждали ее уже нѣсколько

¹⁾ Biblioteka Polska (odział historyczny). Kronika *Marcina Bielskiego*. Tom. II. Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. Sanok. 1856. Str. 1169.

²⁾ Ibidem str. 1170.   ³⁾ Ibidem str. 1170—72.

⁴⁾ Dzieje w Koronie polskiej za Zygmunta I-go y Zygmunta Augusta aż do śmierci iego z przytoczeniem niektórych postronnych ciekawości od roku 1538, aż do roku 1572 przez *Łukasza Górnickiego* Tykocińskiego i Wasilkowskiego Starostę spisane. Zbiór pisarzy polskich. Część druga. Pisma Ł. Górnickiego. Tom IV. W. Warszawie 1828. Str. 196, 197.

⁵⁾ „Sądzeni też Gdańszczanie byli....“ Str. 197.

разъ до сейма 1569 года, такъ какъ рядъ сеймовъ предшествующихъ считалъ Унію въ числѣ предметовъ своихъ совѣщаній и постановленій. Вопросъ о ней долженъ былъ даже намозолить уши Короннаго шляхетства, трактуясь на цѣломъ рядѣ сеймиковъ антекомиціальныхъ и посеимовыхъ, связанныхъ съ сеймами шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія. Сеймики предсеймовые проводила шляхта Польская въ разсужденіяхъ о средствахъ принудить Литовцевъ къ принятію желанной для нея Уніи и въ мечтахъ о ея выгодахъ для Короны; сеймики посеимовые несли съ собою разочарованіе и раздражаніе, такъ какъ реляціи пословъ сеймовыхъ рассказывали о неудачахъ дѣла Уніи и крушеніи попытокъ къ ней, разбивавшихся о стойкость и упорство Литовцевъ. Послы Коронные на Люблинскомъ сеймѣ прямо заявляли, что ихъ братья приказали имъ во что бы то ни стало вернуться домой съ заключенною наконецъ Уніею въ рукахъ ¹⁾. Интересъ къ дѣлу окончанія всѣхъ долгихъ переговоровъ съ Литвою желанною Уніею былъ громаденъ: съ одной стороны грозила опасность потерять ²⁾ Литву для Короны со всѣми послѣдствіями этой потери, съ другой стороны внимательное наблюденіе сосѣдей Польши, «христіанскихъ и поганскихъ» за ходомъ дѣла Уніи говоритъ объ обязательности скорого наступленія одного изъ послѣдствій утраты связи съ Литвою—перемѣны отношеній сосѣдей, ожидающихъ ослабленія ея ³⁾. Такимъ образомъ несомнѣнно, что Польша съ глубокимъ интересомъ и живѣйшимъ вниманіемъ слѣдила за дѣломъ осуществленія давножеланной Уніи, но она смотрѣла на нее именно какъ на осуществленіе старыхъ договоровъ съ тѣмъ ихъ толкованіемъ, которое утвердилось въ шляхетныхъ головахъ Коронныхъ обывателей, забывая совсѣмъ, что Литва пошла сильно

¹⁾ Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. Соединеніе великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ. Спб. 1869 (Изданіе Археогр. Коммисіи, приготовленное къ печати. М. О. Кояловичемъ). Стр. 308. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на дневникъ сейма 1569 года мы пользуемся этимъ изданіемъ однимъ, хотя сохранились двѣ редакціи дневника этого сейма, такъ какъ кромѣ дневника, изданнаго Кояловичемъ, существуетъ еще изданный Дзялынскимъ (*Zródłopisma do dziejów unii Lubelskiej. Część III. Poznań 1856*). Мы не указываемъ соотвѣтствующихъ мѣстъ изданія Дзялынскаго потому, что изданіе Кояловича представляетъ изъ себя сводный текстъ обоихъ дневниковъ, благодаря помѣщеннымъ издателемъ подъ строкою тѣхъ мѣстъ дневника Дзялынскаго, которыхъ нѣтъ совсѣмъ въ дневникѣ Кояловича или которыя въ послѣднемъ отличны отъ текста перваго.

²⁾ Дневникъ Любл. с. 1569 г. Нпр., стр. 50. ³⁾ Ibidem, стр. 52.

впередъ въ развитіи политическихъ правъ становъ населенія въ теченіе столѣтій, протекшихъ въ переговорахъ объ Уніи между Княжествомъ и Короною. Для Польши вопросъ былъ лишь въ томъ, чтобы сдѣлать пергаминамъ жизнью и обратить мертвыя чернила его статей въ жизненные связи Литвы и Короны и реальныя формы ихъ совмѣстнаго политическаго существованія. Въ рѣчахъ пословъ сеймовыхъ 1569 года ясно это пониманіе дѣла: они боятся вновь и съ Люблинскаго сейма привезти своимъ избирателямъ лишь пергаминамъ, а не Унію ¹⁾. Самое упорство Литвы представлялось Полякамъ преступнымъ отступничествомъ и нарушеніемъ прежнихъ ея обязательствъ, которыя они извлекли изъ подъ архивной пыли, правда, извлекши лишь то, что служило ихъ собственнымъ интересамъ, а не интересамъ княжества Литовскаго ²⁾. Когда вскрылось, что у Литовцевъ, также какъ и у Поляковъ, есть документы, скрѣпленные присягою Ягеллоновъ, содержащія въ себѣ какъ разъ противоположное тому, въ чемъ они же присягали Польшѣ, Поляки стали требовать насильственнаго разрѣшенія дѣла путемъ приказанія королемъ Литовцамъ исполнить Польскія требованія ³⁾, настаивая на фикціи абсолютной власти великаго князя въ Литвѣ, которая уже давно была только фикціей, что прекрасно знали и сами Поляки. Таково было настроеніе Польскаго народа и таковъ былъ взглядъ его на Унію, когда она заключалась на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Посмотримъ теперь на то, съ какими чувствами и въ какомъ настроеніи вступала Литва въ политическое супружество съ Короною Польскою, созданное Люблинскою Уніею. Мы не будемъ излагать всѣхъ перипетій борьбы за Унію между Литвою и Польшею и хода развитія отношеній обоихъ государствъ, начиная съ Кревской Уніи 1385 года. Только что вышедшій капитальный трудъ М. К. Любавскаго, посвященный исторіи Литовско-Русскаго сейма ⁴⁾, позволяетъ намъ ограничиться простою отсылкою читателя къ страницамъ этого прекраснаго ученаго изслѣдованія. Мы должны здѣсь указать лишь на то, что еще наканунѣ сейма

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 283, 455, 456.

²⁾ Ср. М. В. Довнаръ-Запольскій. Польско-литовская Унія на сеймахъ до 1569 года. М. 1897. Стр. 17. (Оттискъ изъ II тома Трудовъ Славянской Комиссіи при Имп. Моск. Археол. Общ.).

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 29 и др. Предлагалось даже наказать короля лишеніемъ его доходовъ за неприведеніе Литвы къ Уніи. Ibidem. Стр. 376.

⁴⁾ М. К. Любавскій. Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. М. 1901.

1569 года ¹⁾ Литва высказала свой взглядъ на Унію и заявила, какою она хочетъ ее имѣть. Когда въ 1567 году были посланы къ панамъ-радамъ и рыцерству Литовскимъ послы отъ Речи Посполитой Польской ²⁾ съ Петрковскаго сейма съ приглашеніемъ къ Уніи, на пышную рѣчь подканцлера и бискупа Плоцкаго Петра Мышковскаго, говорившаго отъ имени пословъ, Литовцы отвѣтили, что они не противъ Уніи, но согласны на нее лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы великое княжество Литовское нисколько не было унижено въ своемъ достоинствѣ и чтобы ему не было никакого уменьшенія и ущерба въ титулѣ, правахъ и доходахъ (*intracie* ³⁾). Это-же самое требованіе принесли съ собою Литовцы и на Люблинскій сеймъ въ 1569 году.

Исторія участія Литовцевъ на Люблинскомъ сеймѣ дѣлится на два періода. Первый охватываетъ время съ начала сейма до 1 марта, когда Литовцы уѣхали изъ Люблина, не видя возможности сговориться съ Поляками относительно Уніи. Что касается до второго, то онъ начинается съ возвращенія Литовцевъ на сеймъ и тянется вплоть до окончанія занятій и закрытія Люблинскаго сейма. Дневники этого сейма прекрасно сохранили ходъ переговоровъ между Литовцами и Поляками на этомъ сеймѣ съ цѣлымъ арсеналомъ основаній, которыя приводились обѣими сторонами въ защиту своего пониманія дѣла, и съ изложеніемъ рѣчей сеймовавшихъ, въ словахъ которыхъ слышится та пестрая масса взглядовъ, идей и стремленій, которую слышалъ сеймъ и въ которой такъ много вычурнаго и напыщеннаго, но и такъ нерѣдки искреннія выраженія и обмолвки, въ которыхъ характерно обнаруживались дѣйствительныя цѣли и стремленія, не прикрываемыя громкими фразами приготовленныхъ заранѣе рѣчей сеймовыхъ ораторовъ.

Мы видѣли, какъ смотрѣли Поляки на свою задачу въ дѣлѣ заключенія Уніи съ Литвою: Унія уже утверждена старыми договорами и привилеями, теперь нужно лишь ее подтвердить и привести въ дѣйствительное исполненіе. Сондецкій кашталянъ Осолинскій прямо заявлялъ Литовцамъ: «Унія великаго княжества Литовскаго давно уже опредѣлена и закрѣплена присягою, вслѣд-

¹⁾ Созванъ былъ этотъ сеймъ на 23 декабря 1568 года, но открылся 10 января 1569 года (Дн. Л. с. Стр. 1).

²⁾ Ксендзъ Петръ Мышковскій, еп. Плоцкій, и подканцлеръ, панъ Лысаковскій, кашталянъ Хелмскій, и панъ Станиславъ Чарнковскій *kommandor*

³⁾ *Łukasz Górnicki. Dz. w. Kor. etc t. IV Str 195, 196.*

ствіе чего въ теченіе многихъ вѣковъ Польскіе короли повелѣваютъ въ Литвѣ и дали ей различныя вольности; теперь остается только сдѣлать въ ней исправленія, какія окажутся нужными, и дать силу всѣмъ условіямъ ея» ¹⁾. Но, смотря такъ на дѣло, Поляки вовсе не скрывали отъ себя того, что Литва не хочетъ соединенія съ ними всецѣло въ единое государство, и еп. Куявскій даже объяснялъ это нежеланіе Литовцевъ тѣмъ, что они видятъ дурное правленіе въ Польшѣ ²⁾. Конечно, историкъ не приметъ цѣликомъ этого мнѣнія современника, хотя и не откажется, пожалуй, посчитать и эту причину одною изъ второстепенныхъ причинъ нежеланія Литвы тѣсно соединиться съ Польшею. Но если Поляки не совсѣмъ и не всегда ясно понимали истинныя причины, заставлявшія Литву, независимое государство, отстраняться отъ Уніи съ Польшею въ томъ видѣ, въ какомъ она предлагалась послѣднею Княжеству, то сами они высказались на сеймѣ весьма опредѣленно объ истинныхъ причинахъ стремленія ихъ къ Уніи и взглядѣ на послѣднюю. Поляки хотятъ «втѣлить» въ Польшу Литовское Княжество, произвести полную его инкорпорацію, обратить въ свою провинцію, наследственныя права на которую были переданы Коронѣ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1564 году. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они не забываютъ и своихъ выгодъ, обсуждая, что въ Уніи выгодно для нихъ и чего поэтому нужно добиваться, а также что невыгодно и что поэтому можно нарушить, сдѣлавъ этимъ какъ бы уступку Княжеству. Такъ, Краковскій епископъ говорилъ земскимъ посламъ, приглашеннымъ въ сенатъ: запись на Унію нужна, «но ее нужно такъ составить, чтобы мы вмѣсто свободы не взяли на себя неволи, потому что и Парчевскій сеймъ тѣмъ кончился, что Литовцы желали, чтобы мы несли одинаковыя съ ними тягости, а у нихъ тягости больше нашихъ; а такъ какъ они имѣютъ свои должности, свою казну, то нужно, чтобы имѣли свои совѣщанія для защиты государства, чтобы они сами себя защищали» ³⁾. Капшталякъ Рагозинскій также соглашался на то, «чтобы Литовцы имѣли особыя сеймы, потому что имъ нужна бóльшая защита государства, чѣмъ Полякамъ» ⁴⁾. Когда потомъ Поляки уже оторвали отъ Княжества Подляшье и Волинь, былъ поднятъ вопросъ о присоединеніи къ Коронѣ и Кіева. Обсуждая 3-го іюня

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 13.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 4.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 46.

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 53.

это дѣло, часть сенаторовъ Коронныхъ высказалась, что соединеніе Кіева къ Польшѣ должно совершиться «какъ потому, что это крайне нужно, такъ и потому что изъ привилеевъ видно, что онъ составлялъ собственность Королевства». Но напротивъ «другая часть сенаторовъ была того мнѣнія, что Кіева не слѣдуетъ отдѣлять отъ Литвы, потому что «мы» — говорили они — «можемъ доставить ему слабую защиту, тогда какъ та страна требуетъ значительной посылки войска, котораго мы не можемъ нанять съ малыми издержками. Напротивъ, Кіевъ нужно оставить Литовцамъ; пусть они своей казной устроятъ и защищаютъ его, какъ устроили и защищали до сихъ поръ. Намъ нужно соображать, какъ бы не взять на себя больше тяжести, чѣмъ сколько могутъ вынести наши силы»¹⁾. По словамъ Поляковъ, надо, «чтобы старые привилеи принесли какую-либо пользу, а не лежали даромъ»²⁾, и они старались взыскать по этимъ гнилымъ и разрушеннымъ временемъ документамъ съ Литовцевъ свои выгоды, пользуясь благопріятнымъ для своихъ происковъ временемъ. А время для того, чтобы принудить Литовцевъ на уступки было дѣйствительно благопріятно: надъ Литвою скопились черныя тучи, шедшія съ востока и съ юга — Грозный царь и «поганство» Татары несли съ собою ужасъ войны XVI вѣка, усугубленный жестокостью обоихъ этихъ Литовскихъ враговъ. Виленскій воевода Николай Радивиль откровенно говорилъ на сеймѣ Полякамъ объ этомъ. «На нашемъ хребтѣ былъ непріятель, когда мы уѣзжали сюда, желая постановить съ вами унію, которая бы объединяла насъ взаимною любовью, и, если сказать правду, мы устремились къ ней почти бѣгомъ, тогда какъ предки наши шли къ ней тихимъ шагомъ» — такъ говорилъ этотъ начальный челоуѣкъ Литвы 25-го января 1569 года³⁾. Поляки прекрасно понимали затруднительное положеніе Княжества Литовскаго. Краковскій каштелянъ прямо заявлялъ 11-го февраля: «такого времени, какое теперь имѣемъ, для заключенія уніи съ Литовцами не будемъ уже имѣть никогда»⁴⁾. Печальное положеніе Литовцевъ въ 1569 году даже вызывало у самихъ Поляковъ временами нѣчто въ родѣ тѣни сочувствія. Такъ, подъ 21-мъ января въ дневникѣ Люблинскаго сейма читаемъ: «сенаторы Польскіе», замѣчая, что прибывшіе въ замокъ «Литовцы не хотятъ придти къ нимъ

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 402.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 312.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 19.

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 46.

согласились уступить имъ изъ уваженія къ ихъ злополучію и самимъ идти къ нимъ»¹⁾. И такъ, положеніе обѣихъ сторонъ на Люблинскомъ сеймѣ было далеко не одинаково: обстоятельства времени, моментъ заключенія Уніи, оказались неизмѣримо болѣе благопріятными для Поляковъ, чѣмъ для ихъ «братіи» Литовцевъ. Этимъ моментомъ пользовались Поляки въ высшей степени умѣло и энергично. Съ одной стороны мы видимъ громкія выраженія притворной любви къ Литвѣ²⁾ и рядъ прославленій благодарній, будто бы, оказанныхъ ей Польшею³⁾; съ другой стороны встрѣчаемъ и заботливость о томъ, чтобы Литовцы не проникли въ эгоистичные матеріальные расчеты Поляковъ и не убѣдились въ корыстолюбіи этой своей «братіи». Такъ, когда въ посольской избѣ Польскаго сейма сталъ обсуждаться вопросъ объ отторженіи отъ великаго княжества Литовскаго Волыни и присоединенія ея къ Коронѣ, «нѣкоторые послы подали мнѣніе: «не упоминать пока о Волыни, а требовать вообще всего, чтобы Литва не думала⁴⁾, что намъ собственно нужна Волынь, а объ нихъ (Литовцахъ) мы вовсе не хлопчемъ»⁵⁾.

Мы видѣли выше, какъ Поляки смотрѣли на незыблемость привилеевъ, которыми владѣли они, требуя ихъ непремѣннаго осуществленія. Но оказалось, что и Литва имѣетъ свои привилеи и скрѣпленные присягою пожалованія и утвержденія ея правъ, полученные отъ тѣхъ же Ягеллоновъ которые даровали привилеи и Польшѣ, ея теперь выставляемые; притомъ оказалось, что привилеи Литовскіе прямо противорѣчатъ тому, что было даровано Польшѣ и осуществленія чего добивались съ такою энергіею Поляки на сеймѣ 1569 года. Какъ же отнеслись Поляки, такъ уважавшіе силу документа по отношенію къ своимъ привилеямъ, къ документамъ Литовскимъ? Одинъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ посольской избы, Перемышльскій судья Валентинъ Орѣховскій, держа 7 февраля отъ имени избы рѣчь къ сенату, такъ говорилъ о Литовцахъ и ихъ документахъ: «а что они намъ представили какіе-то привилеи князей Литовскихъ, то мы не думаемъ, чтобы они какъ-нибудь могли препятствовать намъ заключить унію⁶⁾».

Такой взглядъ на привилеи Литовскіе вовсе не былъ достояніемъ одной посольской избы. Краковскій епископъ Филиппъ

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 10.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 18.   ³⁾ Дн. Л. с. Стр. 27, 55.

⁴⁾ Мы такъ переводимъ слова «aby Litwa nie rozumiała», а не согласно съ М. О. Кояловичемъ, который перевелъ «nie rozumiała»—не догадалась.

⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 117.   ⁶⁾ Дн. Л. с. Стр. 27.

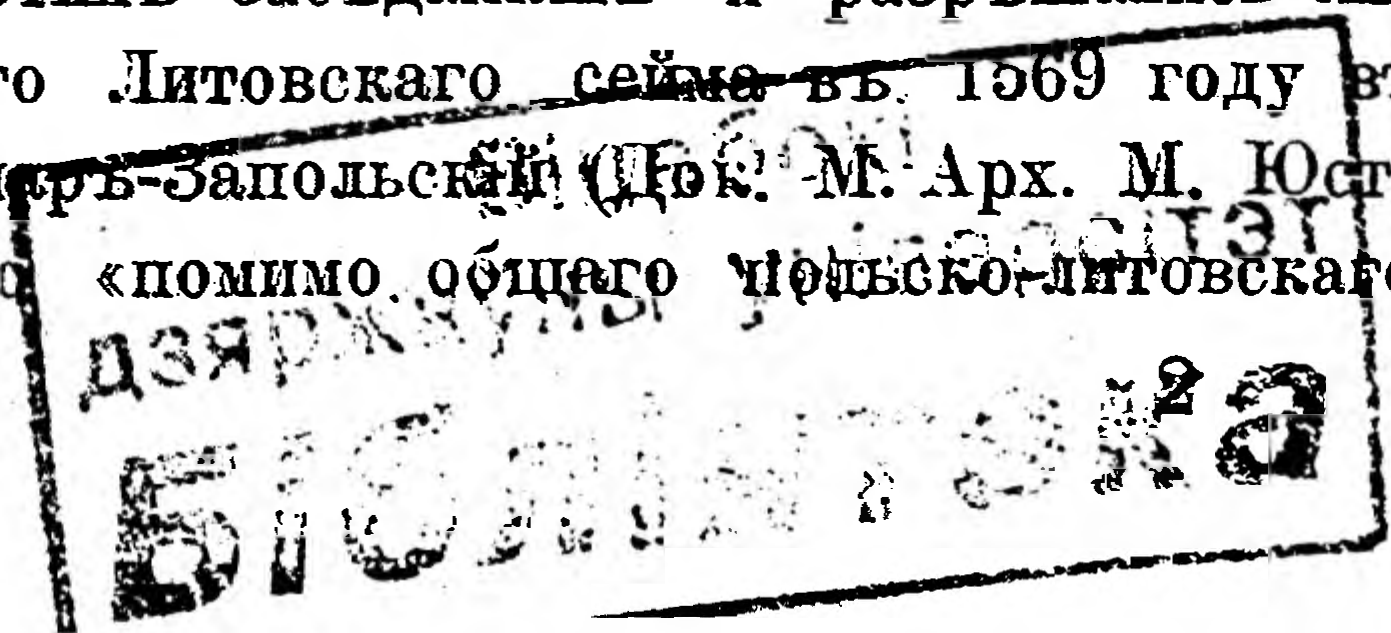
Падневскій, отвѣчая на рѣчь Орѣховскаго, говорилъ: «о тѣхъ привилеяхъ ихъ (т.-е. Литовцевъ), которые они намъ показывали, мы думаемъ такъ, что тѣ князья управляли въ Литвѣ подъ верховною властью Польскихъ королей, поэтому тѣ привилеи не могутъ подрывать силу нашихъ привилеевъ». Краковскій епископъ, настаивая на силѣ привилеевъ, дарованныхъ Ягеллонами Коронѣ, указывалъ на власть короля, который долженъ будетъ насильно заставить Литву принять требованія Польши. Такъ различно понималась сила документовъ лишь потому, что одни были дарованы Польшѣ, а другіе Литвѣ. Стоя на формальной почвѣ документа, Польша отрицала право дѣлать то же самое за Литвою. «Въ старыхъ привилеяхъ и договорахъ—слава нашихъ предковъ и совѣсть, связанная присягами обѣихъ сторонъ», говорилъ тотъ же сенаторъ ¹⁾, забывая, что то же самое могли сказать и Литовцы, прославляя своихъ предковъ и указывая на совѣсть королей Польскихъ, великихъ князей Литовскихъ, скрѣпившихъ своею присягою документы Литовскіе.

Все приведенное достаточно ясно изображаетъ взгляды и настроеніе Поляковъ на Люблинскомъ сеймѣ, когда они вступали съ Литовцами въ обсужденіе условій «братской» уніи. Глубокій эгоизмъ и нежеланіе отступать отъ буквы старыхъ, истлѣвшихъ, заключенныхъ въ тѣ времена, когда Литва была совсѣмъ не тою, какою она была въ 1569 году, притомъ отчасти оспариваемыхъ въ формальномъ своемъ значеніи, какъ неутвержденные Литовцами, привилеевъ—вотъ что встрѣтила Литва въ «братіи» Полякахъ на Люблинскомъ сеймѣ. Епископъ Краковскій говорилъ Литовскимъ сенаторамъ 28 января 1569 года: «намъ нужно, чтобы исполнено было то, что постановлено нашими и вашими предками, и что въ эти времена нужнѣе вамъ, нежели намъ» ²⁾, и эти слова прекрасно рисуютъ то положеніе, которое заняла Польша по отношенію къ Литвѣ въ событіяхъ 1569 года.

Когда прибыли на спольный сеймъ въ Люблинъ Литовцы, они являлись нѣкоторое время на отдѣльныя свои совѣщанія къ королю. Въ это время Литовцы разрѣшали съ королемъ свои мѣстныя дѣла ³⁾ и подавали королю просьбы Литовскихъ земель

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 29.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 17.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 6. Именно въ этихъ засѣданіяхъ и разрѣшались Литовскія дѣла въ Люблинѣ. Отдѣльнаго Литовскаго сейма въ 1569 году въ Люблинѣ быть не могло, и М. В. Довнаръ-Запольскій (Докл. М. Арх. М. Юст., I. Стр. 497) ошибочно полагаетъ, что «помимо общаго польско-литовскаго

и повѣтовъ¹⁾, но въ это же время Литовскіе сенаторы употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы привести Литву въ полную готовность къ защитѣ противъ того натиска, который готовилась сдѣлать Польша на ея права и самостоятельность. Прежде чѣмъ приступить къ переговорамъ съ Польскими сенаторами, паны-рады Литовскіе въ своихъ совѣщаніяхъ съ королемъ старались ясно опредѣлить дѣйствительное положеніе Княжества. Тщетно ожидали Коронные сенаторы Литовскихъ на общее засѣданіе. Въ двѣнадцатый день сейма въ Польскій сенатъ явились нѣсколько Литовскихъ радныхъ пановъ съ подканцлеромъ Евстафіемъ Воловичемъ во главѣ, который и объявилъ, «что Литовскіе сенаторы не могутъ придти къ нимъ, потому что они имѣютъ очень настоятельныя дѣла къ королю касательно вольностей и правъ речи посполитой великаго княжества Литовскаго и, пока не кончатъ ихъ, не могутъ вдаваться ни въ какія другія дѣла»²⁾. Для переговоровъ съ Литовцами Польскій сенатъ послалъ восемь своихъ сенаторовъ, но имъ пришлось услышать отъ двухъ первыхъ свѣтскихъ сенаторовъ Литвы, Виленскаго воеводы Николая Радивила и маршалка земскаго старосты Жомоитскаго Яна Ходкевича отвѣтъ, выражающій твердое рѣшеніе Литовской рады сначала устроить Литовскую речь посполитую и уже затѣмъ лишь приступить къ переговорамъ объ Уніи³⁾. Особенно опредѣленно выразился Ходкевичъ. Онъ сказалъ: «хотя наши народы и мы—люди честные, благородные и своими вольностями можемъ сравняться съ какимъ угодно народомъ на свѣтѣ и съ вами господа (Поляки), но мы не желали бы кончить съ вами, господа, дѣло объ этой уніи, прежде нежели поставимъ твердо поря-

---

сейма, засѣдавшего въ Люблинѣ въ 1569 году и утвердившаго унію Литвы съ Короной, тамъ же въ Люблинѣ засѣдалъ и отдѣльный литовскій сеймъ, обсуждавшій свои мѣстные дѣла». Мы не можемъ согласиться съ г. Довнаръ-Запольскимъ и въ томъ, что поборовый универсалъ сейма 1569 года (о составленіи котораго Поляками и Литовцами совершенно отчетливо рассказываетъ Дневникъ сейма), изданный на польскомъ языкѣ въ второмъ томѣ изданія *Volumina legum*, «отличается значительными отмѣнами» по сравненію съ русскимъ текстомъ, напечатаннымъ въ I томѣ Д. М. Арх. М. Юст. Это безусловно одинъ и тотъ же документъ, лишь переведенный на русскій языкъ, хотя и съ нѣкоторыми небольшими несходствами въ текстѣ. Стоитъ прочесть оба документа, сличая ихъ построчно, чтобы убѣдиться въ этомъ. Документъ, напечатанный г. Довнаръ-Запольскимъ, только прерывается на срединѣ, что видно даже изъ простаго на него взгляда: онъ не датированъ.

¹⁾ См. Д. М. Арх. М. Юст., I, Стр. 497—502.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 11.   ³⁾ Дн. Л. с. Стр. 12 и 13.

докъ дѣлъ въ нашей речи посполитой и пока не покажемъ вамъ, что вы заключаете унію съ друзьями, равными вамъ въ благородствѣ и достойными по внутреннему наряду. Это намъ нужно прежде рѣшить съ нашимъ государемъ, и тогда уже мы будемъ охотно говорить съ вами объ уніи, до которой королю его милости нѣтъ никакого дѣла; это дѣло наше, потому что мы люди—свободные, христіане, о которыхъ никто не можетъ вести переговоровъ кромѣ насъ самихъ, какъ и предки наши сами вели дѣла съ предками вашей милости». Радивиль, отвѣчая Сандецкому кашталяну Осолинскому еще добавилъ къ этому опредѣленію Ходкевичемъ правъ и политическаго значенія Литвы. «Что же касается», говорилъ онъ, «до того, что король Польскій, какъ ваша милость сказали, давно уже повелѣваетъ въ Литвѣ; то не думаю, чтобы уже была отпѣта вѣчная память великому Литовскому князю, и чтобы Литва (прибавилъ староста Жомойтскій) тогда только получила вольности, когда въ ней сталъ управлять Польскій король». Конечно, такая отповѣдь вызвала сильное раздраженіе въ Польскомъ сенатѣ, и авторъ дневника сейма 1569 года записалъ, что «эти бесѣды болѣе раздражили тѣхъ и другихъ, нежели принесли пользы»¹⁾. Когда послы Польскаго сената удалились, сенаторы Литовскіе совѣщались между собою и послѣ этого совѣщанія въ свою очередь выслали нѣсколькихъ лицъ изъ своей среды въ Коронный сенатъ для передачи ему окончательнаго отвѣта Литовцевъ. Рѣчь держалъ вновь Янъ Ходкевичъ. Онъ выразилъ полную готовность Литовцевъ обсуждать и постановлять статьи уніи съ Польшею, «только прежде этого», сказалъ онъ, «мы требуемъ отъ короля, чтобы онъ подтвердилъ наши статутковыя права, какъ это онъ обѣщалъ намъ». Ходкевичъ говорилъ, что Литовскіе паны рада съ удовольствіемъ укажутъ Полякамъ тѣ законы Литовскіе, о которыхъ идетъ рѣчь, обѣщая прислать ихъ Коронному маршалку, чтобы онъ завтра-же показалъ ихъ сенату²⁾. Дѣйствительно, на слѣдующій день, т. е. 22 января, сенаторы и послы Коронные уже разсматривали Литовскій статутъ и были поражены тѣмъ, что въ немъ увидели. Особенное ихъ вниманіе обратили на себя 3-й, 6-й и 9-й артикулы третьяго раздѣла Литовскаго статута 1566 года³⁾. Въ статутѣ Сигизмундъ Августъ давалъ обѣщаніе за себя и за своихъ преемниковъ, великихъ князей Литовскихъ, «подъ тоюжъ

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 12.

²⁾ Дн. Л. С. стр. 14.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 15, 16.

присегою» своею, которую онъ принесъ Княжеству, въ томъ, чтобы его «у славѣ, титулѣ, столицы, зацность и влады, и возможность розказованью, и въ иныхъ всихъ належностяхъ и прислухиванью и въ границахъ ни в чомъ не вменшати и овшемъ примножати»¹⁾. Король, кромѣ того, тѣмъ же артикуломъ обязывался «ни в чомъ томъ не понижати» князей, пановъ-радъ, врядниковъ и всѣхъ становъ Литовскихъ, какимъ бы государствомъ другимъ ему ни пришлось владѣть кромѣ Литовскаго. Артикуломъ третьимъ Сигизмундъ Августъ давалъ обѣщаніе не уменьшать земель великаго княжества Литовскаго; но этого мало, статутъ отъ имени короля гласилъ: «и то, што будетъ черезъ непріятелей того панства нашего отдалено, разобрано и ку иному панству отъ того панства нашего коли кольвекъ упрошоно, *ку Коронь, ку Мазовшу, ку Пруссомъ, ку Инфлянтномъ*, то за се ку власности того Великого Князства привести привлацати и границы оправити обѣцуюемъ». Если какія-либо земли Княжества даны государемъ «заграничникомъ», эти послѣдніе обязаны нести службу на Княжество, а въ противномъ случаѣ пожалованные имъ на ихъ имѣнія привилеи не имѣютъ силы²⁾. Девятымъ артикуломъ третьяго раздѣла статута Сигизмундъ Августъ давалъ обѣщаніе «подъ присегою» своею, принесенною Княжеству и его станамъ (перенося настоящую статью изъ статута отца своего Сигизмунда Стараго), въ томъ, что въ Литвѣ и во всѣхъ земляхъ, къ ней «прислухаючихъ», никакія должности, города, дворы, земли, староства не будутъ жалуеты королемъ чужеземцамъ, заграничникамъ, «ани сусѣдомъ того панства», но лишь «Литвѣ а Руси, родичомъ старожитнымъ и врожонцамъ Великого Князства Литовскаго и иныхъ земель, тому Великому Князству належачихъ». Всякій заграничникъ и «*сусѣдъ* того панства», который осмѣлится выпросить себѣ и держать какое-либо пожалованіе въ Княжествѣ, долженъ отказаться отъ него немедленно, если ему заявятъ объ этомъ; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то вся его «маетность» отбирается «до столу и скарбу» великаго князя Литовскаго. Если чужестранецъ пріобрѣтетъ «осѣлость» въ предѣлахъ Княжества, онъ можетъ пользоваться ею, становясь обывателемъ Литовскимъ и служа Литвѣ земскую службу. Но на всякій врядъ духовный и свѣтскій можетъ быть выбираемъ и назначаемъ лишь «здавна прождковъ своихъ уроженецъ Великого Князства Литовскаго Лит-

¹⁾ II ст. III. 1.   ²⁾ II ст. III. 3.

винъ и Русинъ». Всякій не уроженецъ Княжества, владѣющій врядомъ въ немъ, долженъ сложить съ себя свою должность по первому требованію; въ противномъ случаѣ онъ наказывается конфискаціей имущества и такимъ образомъ уже и въ силу этого долженъ быть лишенъ вряда, такъ какъ онъ становится теперь «неосѣлымъ» ¹⁾. Наконецъ въ шестомъ артикулѣ того же третьяго раздѣла Поляки прочли, что Сигизмундъ Августъ установилъ, «хотечы то все мѣти вѣчными часы», что онъ и «потомки» его великіе князья Литовскіе будутъ собирать въ Княжествѣ вальные сеймы, когда въ этомъ будетъ надобность, «за радю» пановъ-радъ Литовскихъ, «або за прозьбою рыцерства» ²⁾.

Такимъ образомъ статутъ Литовскій, данный Княжеству Сигизмундомъ-Августомъ всего за нѣсколько лѣтъ до Люблинскаго сейма 1569 года, заключалъ въ себѣ постановленія, которыя уничтожали всякую возможность «втѣленія» Литвы въ Польшу. Ко всему этому прибавлялось, что Городенскіе сеймы шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія признали и Инфлянты собственностью одного великаго княжества Литовскаго. Конечно, Поляки пришли въ страшное раздраженіе, узнавъ настоящее положеніе дѣла и истинныя политическія права Литвы, и посольская изба отказалась входить въ какія-либо разсужденія: она просто-на-просто отбросила въ сторону всѣ права, которыми владѣло Литовское княжество, и стала понуждать Коронныхъ сенаторовъ требовать, чтобы Литовскіе сенаторы сѣли въ засѣданіе рядомъ съ Польскими и послы земскіе Литвы рядомъ съ земскими послами Короны; т.-е. она потребовала, чтобы прервались переговоры и Литовцы противъ воли своей и своихъ правъ приступили къ желанной Уніи ³⁾. Но не одни ближайшіе по времени изданія своего къ 1569 году свои законы и постановленія предъявили Полякамъ Литовцы. Корона ссылалась на старину, указывая на незаконность новыхъ постановленій, противорѣчащихъ старымъ привилеямъ, и Литовскіе сенаторы показали Люблинскому сейму, какіе документы завѣщала Княжеству эта старина. 7 февраля, рассказываетъ дневникъ Люблинскаго сейма, Литовскіе сенаторы дали письменный отвѣтъ станамъ Короннымъ въ томъ смыслѣ, что они не желаютъ признать старыхъ привилеевъ на Унію, на которые ссылаются Поляки. При этомъ Литовцы «подали рукопись ⁴⁾, въ ко-

¹⁾ II ст. III. 9.   ²⁾ II ст. III. 6.   ³⁾ Дн. Л. с. Стр. 17.

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 21—26.

торой заключались выдержки изъ привилеевъ Литовскихъ князей, начиная отъ Казимира», до Сигизмунда Августа. Авторъ дневника сейма такъ излагаетъ содержаніе этихъ выписокъ: «содержаніе всѣхъ этихъ привилеевъ одно и то же: чтобы великое Литовское княжество не умалялось ни въ своемъ достоинствѣ, ни въ своихъ прерогативахъ, ни въ своихъ должностяхъ; чтобы князья, дворяне, бояре не были унижаемы, чтобы не были нарушаемы границы великаго княжества Литовскаго иноземными государями и не были овладѣваемы кѣмъ бы то было». Дневникъ сейма 1569 года, изданный Дзялынскимъ, приводитъ и самыя эти выписки. Это были выдержки изъ привилеевъ—Казимира 1452 года, Александра 1492 года, Сигизмунда 1506 года, его же 1529 года ¹⁾ и, наконецъ, изъ второго статута (1566 года), который уже ранѣе, 22 января, разсматривался Короннымъ Люблинскимъ сеймомъ.

Итакъ обѣ стороны, готовившіяся заключить между собою «братскую унію», выступили съ цѣлымъ арсеналомъ своихъ привилеевъ, незыблемость которыхъ въ глазахъ каждой изъ нихъ не подвергалась ни малѣйшему сомнѣнію. Но не сомнѣваясь въ силѣ своихъ привилеевъ, каждая сторона не признавала силы документовъ другой. Однако, въ самомъ отрицаніи Поляковъ и Литовцевъ была разница. Поляки просто говорили, что привилеи Литовцевъ не имѣютъ значенія, голословно отбрасывая ихъ, или заявляя, что великіе князья Литовскіе не имѣли права ихъ давать, ибо они будто бы всегда княжили подъ верховною властью королей Польскихъ ²⁾; Литовцы же стояли болѣе на почвѣ формальнаго закона, говоря, что главные козыри игры Поляковъ—Мельницкій привилей Александра на Унію 1501 года и Варшавскій речесъ 1564 года не имѣютъ силы, первый, потому что Унія 1501 года, принятая лишь самимъ Александромъ и только частью пановъ-радъ Княжества, была отвергнута, въ концѣ концовъ, Литовцами ³⁾, второй же, потому что онъ не былъ подписанъ Литовцами ⁴⁾. Такимъ образомъ яснымъ было, что на почвѣ формальной, на почвѣ документовъ трудно было сговориться Полякамъ и Литовцамъ: тѣ документы, которые признавались одною стороною, отрицались въ своемъ значеніи другою. Люблинскій кашталянъ образно, но вѣрно выразилъ истинное положеніе дѣла, сказавъ: «кажется намъ придется доказывать дѣло Литовцамъ,

¹⁾ Т.-е. I-ый Литовскій статутъ.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 28.   ³⁾ М. К. Любавскій. Литовско-русскій сеймъ. Стр. 145—147.   ⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 37 и 53.

указывая на рецессъ, съ тою же силою, какъ если бы кто сталъ доказывать что-либо жиду Новымъ Заветомъ»¹⁾. При такомъ положеніи дѣла Уніи было три пути для ея достиженія: отбросить всѣ договоры и старыя привилеи на Унію и создать совершенно новый договоръ на нее, или настаивать на безусловномъ исполненіи старыхъ привилеевъ, или же, наконецъ, пойти на компромиссъ и, удержавъ старыя привилеи на соединеніе государствъ, сдѣлать кое-какія уступки въ нихъ упорству Литовцевъ. Первымъ путемъ желали идти Литовцы²⁾, второй избрала Коронная посольская изба, третьимъ пытался временами слѣдовать Коронный сенатъ. Выборъ одного изъ этихъ путей для окончательнаго разрѣшенія дѣла обуславливался положеніемъ обоихъ соединявшихся государствъ съ одной стороны и степенью политической мудрости болѣе сильнаго обстоятельствами минуты съ другой. Поставленная въ болѣе тяжелыя условія сторона должна была волею-неволею идти на уступки; дѣломъ политической мудрости болѣе счастливой было создать такія условія Уніи, чтобы она могла быть прочною и охотно принятою другою. Предъ читателемъ дневника Люблинскаго сейма 1569 года открывается трагическая картина положенія Литвы, но вмѣстѣ съ тѣмъ вскрывается и характеръ заключенной въ этомъ году Уніи. Требования Польши и Литвы были рѣзко различны, во многомъ прямо діаметрально противоположны, и за требованіями тѣхъ и другихъ стоялъ пергаментъ, стояли привилеи и присяги, принесенныя Ягеллонами тому и другому народу, присяги, которыми они утверждали за однимъ народомъ то, что сейчасъ же или только что отдавали своею же присягою другому. Не было ли въ дѣлѣ Уніи, для того чтобы она могла быть дѣйствительною и прочною, одного пути вѣрнаго—отбросить весь этотъ клятвопреступный хламъ блестящихъ Ягеллоновъ и вновь приняться за дѣло на-чисто безъ всякихъ справокъ съ гнилыми и позорными привилеями клятвопреступниковъ-королей, сговориться заново объ условіяхъ Уніи двухъ государствъ, и это былъ путь, которымъ хотѣла идти Литва. Поляки выбрали иную дорогу, воспользовавшись своимъ вліяніемъ на потерявшаго почву подъ своими взглядами и убѣжденіями,

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 52.

²⁾ Свое требованіе вести переговоры не отъ старыхъ списовъ но «зъ милости братерское», Литовскіе сеймики выразили своимъ посламъ повѣтовымъ, посланнымъ на Люблинскій сеймъ 1569 года. См. *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія. Стр. 217.

разбитого развратомъ и пережитыми тяжелыми личными дѣлами послѣдняго Ягеллона. Этого мало. Польша воспользовалась и ужасомъ положенія Литвы въ виду страшныхъ опасностей, грозившихъ ей съ востока и юга. «Тиранство» Грознаго царя и опасность завоеванія имъ вольнаго народа, обладавшаго правами и ихъ сознаниемъ, грабежъ, убійства и насилія рисовались на горизонтѣ Литвы съ востока, въ то время какъ съ юга неслись тучи «поганства» — Татаръ съ опустошеніемъ селеній, обращеніемъ въ «ясырь» населенія, съ рабствомъ, трудомъ и позоромъ его для мужчинъ и насиліемъ, позоромъ и рабствомъ для ихъ женъ, сестеръ и дочерей. Трудно было не идти Литвѣ на уступки при такихъ обстоятельствахъ, но «непрочно все, что дѣлается насиліемъ» ¹⁾. Это понимали и наиболѣе благоразумные изъ самихъ Поляковъ.

На Люблинскомъ сеймѣ Литовцы представили свой проектъ Уніи ²⁾. По этому проекту оба государства должны имѣть общаго государя, который избирается общими голосами Поляковъ и Литовцевъ при равномъ числѣ избирателей того и другого народа. Самое избраніе должно происходить на границѣ Короны и Княжества, для того чтобы представителямъ обоихъ народовъ было одинаково удобно пріѣзжать на елекцію. Выбранный король Польскій сейчасъ же избирается и провозглашается и великимъ княземъ Литовскимъ, но возведеніе на престолъ Короны и Княжества производится отдѣльно—въ Краковѣ на Польскій престолъ и въ Вильнѣ—на Литовскій, причемъ соблюдаются всѣ древнія церемоніи этого обряда. При церемоніи возведенія на престолъ Польскій обязательно присутствуютъ послы Литовскіе, а при возведеніи на престолъ Княжества — послы Короны. Вступая на престолъ Польскій, новый государь приноситъ присягу въ соблюденіи вольностей Короны, вступая на престолъ Княжества,— такую же присягу въ соблюденіи правъ и вольностей этого послѣдняго. Печати на этихъ актахъ должны быть различныя: на первомъ Коронная, на второмъ Литовская. Хранится первый документъ въ Польшѣ, второй въ Литвѣ. Самое возведеніе на Литовскій престолъ должно совершаться не позже, какъ черезъ четверть года послѣ коронаціи въ Краковѣ, и Литва не признаетъ власти и приказаній короля до совершенія обряда возведенія на

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 431—рѣчь канцлера посламъ земскимъ отъ имени короля.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 79—88. Документы, объясн. ист. з.-р. края и его отн. къ Р. и къ П. Спб. 1865. Стр. 54—68.

престолъ въ Вильнѣ. Кромѣ общаго государя, Польша и Литва будутъ на вѣчныя времена имѣть и общую защиту противъ всякаго непріятеля, который грозилъ бы тому, или другому изъ этихъ государствъ, и эта оборона будетъ постановляться по общему совѣту и соглашенію. Такимъ образомъ создается рядъ дѣлъ, которыя требуютъ общихъ Польско-Литовскихъ сеймовъ и совѣщаній. Эти дѣла: избраніе общаго государя, оборона, заключеніе мира, отправленіе посольствъ (вмѣстѣ Поляка и Литовца) въ другія государства и установленіе податей на земскую оборону обоихъ государствъ. Общія Польско-Литовскіе сеймы созываются государемъ за радюю и согласіемъ обоихъ государствъ на общей границѣ ихъ по грамотамъ королевскимъ, рассылаемымъ въ Княжество подъ Литовскою печатью, въ Корону—подъ Коронною. Передъ сеймомъ созываются областныя сеймики для выбора пословъ сеймовыхъ, а самыя сеймы собираются *alternatim*—разъ въ Польшѣ, разъ въ Литвѣ. Сеймовыя конституціи и рецессы издаются скрѣпленными Коронною печатью въ экземплярахъ, отправляемыхъ въ Корону, Литовскою—въ экземплярахъ, идущихъ въ Княжество. Что касается до разрѣшенія дѣлъ и нуждъ мѣстныхъ, то для этой цѣли должны созываться отдѣльныя сеймы въ каждомъ государствѣ. Но на этихъ отдѣльныхъ сеймахъ отнюдь не будутъ упоминаться, обсуждаться и разрѣшаться никакія уніи ¹⁾, ни посполитое, или повѣтовое рушенъе, ни установленіе податка, на какую бы надобность онъ ни требовался. Если государь не пожелаетъ или не будетъ имѣть возможности созвать такой сеймъ для разрѣшенія мѣстныхъ дѣлъ, то его созываютъ въ Коронѣ Польскіе паны-рады, согласившись со шляхтою, а въ Литвѣ паны-рады Княжества, и постановленное въ мѣстныхъ дѣлахъ такими сеймами утверждается рецессами въ Коронѣ съ печатью Коронною, а въ Литвѣ съ Литовскою. Всѣ должности, вранды и значеніе становъ Княжества будутъ сохранены въ цѣлости на вѣчныя времена. Особенно постановляется о сохраненіи вполнѣ достоинства и силы тѣхъ высшихъ врандовъ, которымъ можетъ умалить чести и значенія введеніе спольныхъ Польско-Литовскихъ сеймовъ, общихъ походовъ и общихъ постановленій о сборахъ податка, а именно маршалковства, канцлерства, гетманства и подскарбства. Какъ Поляки въ

¹⁾ Переводъ въ изданіи дневника М. О. Кояловича невѣренъ (стр. 84). Ср. также Документы и т. д. Стр. 59.

Литвѣ, такъ Литовцы въ Польшѣ имѣютъ право пріобрѣтать осѣдлость и недвижимость, но въ Княжествѣ всѣ безъ исключенія должности и вранды, какъ духовные, такъ и свѣтскіе могутъ быть предоставляемы лишь природнымъ обывателямъ Княжества. Монета должна быть одинаковою и равнаго вѣса въ обоихъ государствахъ, но княжество Литовское должно имѣть ее съ надписью великаго князя Литовскаго. Надо, чтобы новая монета и монетный дворъ были устанавливаемы въ обоихъ государствахъ не иначе, какъ съ вѣдома общаго сейма подъ справою въ Польшѣ: подскарбія Короннаго, а въ Литвѣ—Литовскаго. Границы обоихъ государствъ должны быть исправлены такъ, какъ онѣ были въ прежнія времена, и это должно быть сдѣлано комиссарами, назначенными на томъ же Люблинскомъ сеймѣ 1569 года во время, которое наступитъ послѣ уборки полей; на будущее время, въ случаѣ надобности въ этомъ, границы должны быть исправляемы тѣмъ же способомъ. Послѣ исправленія границъ будетъ совершенно ясно, къ какимъ судамъ нужно обращаться обывателямъ въ случаѣ земельныхъ тяжбъ, а также преступленій: Полякъ долженъ былъ вызывать Литовца, а Литовецъ Поляка въ тѣ суды, которымъ подлежатъ отвѣтчики—Польскіе и Литовскіе. Въ заключеніе Литовскій проектъ гарантируетъ Княжеству полную свободу отъ экзекуціи правъ на имѣнія, производимую въ Коронѣ: если экзекуція будетъ подъ какимъ бы то ни было видомъ распространена на Литву, Княжество объявляетъ себя свободнымъ отъ Уніи, заключенной съ Польшею.

Таковъ былъ Литовскій проектъ. Въ немъ Литовцы создавали Унію заново и вступали въ вѣчное соединеніе съ Польшею подъ властью одного государя, съ вѣчнымъ оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ, общимъ сеймомъ для общихъ дѣлъ, общими налогами на военныя нужды и съ единствомъ монеты, но съ сохраненіемъ полной особности мѣстнаго управленія и законодательства и съ сохраненіемъ во всей неприкосновенности титула и чести государства Литовско-Русскаго и его врандовъ. Проектъ Литовцевъ вполнѣ соответствовалъ дѣйствительному положенію Княжества и его строю наканунѣ Уніи, и можно сказать, что оно не требовало себѣ ровно ничего новаго въ смыслѣ расширенія, или увеличенія своихъ правъ, а лишь стремилось сохранить тотъ политическій строй, который оно имѣло до Люблинскаго сейма 1569 года. Оно дѣлало рядъ уступокъ объединительнымъ стремленіямъ Поляковъ, отдавая рушенъе посполитое и повѣтовое,

наложеніе податковъ и установленіе монеты общему сейму, и, конечно, это было далеко не малое добавленіе къ единству враговъ и друзей для обоихъ народовъ, признаваемому проектомъ. Но Польша отвергла этотъ проектъ и упорно требовала принятія Литовцами того, который былъ составленъ ею на основаніи старыхъ привилеевъ на Унію. Видя невозможность договориться съ Поляками, не желавшими признать за Княжествомъ права быть тѣмъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, Литовцы уѣхали изъ Люблина, и 1 марта Польскій сеймъ узналъ объ этомъ неожиданномъ и крайне непріятномъ для него происшествіи, случившемся ночью на это число ¹⁾. Однако, отъѣздъ ихъ не разрушилъ дѣла Уніи, и Сигизмундъ Августъ изъявилъ готовность провести ее и безъ Литовцевъ, не обращая вниманія на ихъ права и вольности ²⁾. Послѣ отъѣзда Литовцевъ всплыли открыто и желанія оторвать отъ Княжества земли, воспользовавшись его критическимъ положеніемъ. Требовать Волыни и Подляшья постановила посольская изба ³⁾, и это требованіе было проведено со всею энергіею, несмотря на то, что отсутствіе Литовцевъ лишало ихъ возможности доказать свои права на эти области и разрушить юридическими доказательствами претензіи Польши. На Литовцевъ была наложена контумація за ихъ отъѣздъ съ сейма, а Волынь и Подляшье были отданы 1-го же марта 1569 года Коронѣ Сигизмундомъ Августомъ, забывшимъ свою клятву не уменьшать границъ Княжества. Успѣхъ придалъ силы Полякамъ, и ихъ аппетиты стали расти и расти. Перемышльскій судья уже требовалъ, чтобы и вранды Литовскіе ⁴⁾ были уничтожены и замѣнены Коронными: Литовцы утратили право требовать сохраненія своихъ правъ, такъ какъ на нихъ наложена контумація ⁵⁾; а другой посоль—Фредро заявлялъ, что Волыни и Подляшья мало за благодѣянія, оказанныя Княжеству Короною. ⁶⁾ Въ то же время раздраженіе противъ Литовцевъ на Коронномъ сеймѣ возрасло до такихъ размѣровъ, что о нихъ стали думать хуже, чѣмъ о Туркахъ и имѣть «на Литовцевъ больше злости, нежели на Турка» ⁷⁾. Но въ то время, какъ посольская изба кричала, понося бранью Литовцевъ и требуя, чтобы мечомъ заставили Литву исполнить желаніе Польши ⁸⁾, Коронный сенатъ находилъ нужнымъ сдѣлать

1) Дн. Л. с. Стр. 121.   2) Дн. Л. с. Стр. 123.   3) Дн. Л. с. Стр. 122.

4) Т.-е. высшіе вранды министерскіе.   5) Дн. Л. с. Стр. 132, 133.

6) Дн. Л. с. Стр. 133.   7) Дн. Л. с. Стр. 134.   8) Дн. Л. с. Стр. 138.

уступки Литвѣ. Епископъ Краковскій говорилъ посламъ, что сенатъ, также какъ и изба, считаетъ Литовцевъ въ силу контумаціи, наложенной на нихъ за мятежническій отъѣздъ съ сейма, одобрившими всѣ Польскіе привилеи на Унію и лишенными ихъ высшихъ вѣрядовъ, но онъ выставилъ на видъ необходимость для Польши разрѣшить отдѣльные сеймы Литвѣ: у нея есть особыя тягости, ради которыхъ нужны и особыя ея сеймы. Указалъ онъ и на крупныя жертвы деньгами и войскомъ, необходимыя для войны съ Москвою и для приведенія Литвы къ Уніи силою оружія ¹⁾.

Отторженіе Волыни и Подляшья было уже насильственной мѣрою по отношенію къ Литвѣ на пути приведенія ея къ «братской» Уніи. 5 марта Подляшанамъ, изъ которыхъ нѣкоторые послы находились еще въ Люблинѣ, а одинъ былъ возвращенъ съ дороги ²⁾, объявлено было Короннымъ маршалкомъ королевское приказаніе занять мѣста въ Коронной избѣ посольской между послами Польскими ³⁾—рѣшеніе Сигизмунда Августа присоединить Подляшье къ Коронѣ они узнали еще наканунѣ ⁴⁾. 9 марта они принесли присягу на подданство Коронѣ, хотя при этомъ принесеніи присяги и разыгралась не могшая не произвести сильнаго впечатлѣнія сцена принесенія присяги Мельницкимъ старостою Матишкомъ: Матишекъ отказался отъ присяги и лишь угрозами лишенія староства и понуканіями онъ былъ приведенъ къ ней ⁵⁾. Литовская канцелярія должна была получить приказъ не вѣдать болѣе дѣлъ Волыни и Подляшья ⁶⁾. Присоединеніе Волыни и Подляшья должно было произвести сильное впечатлѣніе на Литву. Съ одной стороны оно показало рѣшимость короля во что бы то ни стало держать руку Поляковъ и клятвопреступничать въ ихъ интересахъ, а не въ интересахъ Княжества, съ другой—затрогивало матеріальные интересы Литвы. Одно изъ самыхъ большихъ воеводствъ Литовскихъ, Волынское вмѣстѣ съ Подляшьемъ присоединялось къ Польшѣ, и изъ состава Княжества вырывались земли, давашія ему весьма значительное количество вооруженныхъ силъ и денежныхъ доходовъ: Волынь была одною изъ населеннѣйшихъ и богатѣйшихъ земель княжества ⁷⁾. Но этого мало. На Волыни и въ

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 141—143.   ²⁾ Ижиковичъ.   ³⁾ Дн. Л. с. Стр. 155.

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 152.   ⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 171.

⁶⁾ Дн. Л. с. Стр. 154. О томъ, какъ было принято это присоединеніе Волыни къ Коронѣ самими Волынцами, см. *Θ. М. Уманецъ. Вырожденіе Польши.* Спб. 1872. Стр. 57.

⁷⁾ Согласно попису Волынской земли въ 1528 году, она выставляла 819 коней съ 272 землевладѣльцевъ (владѣльцевъ, а не лицъ, такъ какъ нѣсколько

Подляшьѣ владѣла имѣніями цѣлая масса Литовскихъ обывателей, осѣлыхъ въ другихъ воеводствахъ, иные были даже врядниками, старостами и державцами. Опасность подвергнуться конфискаціи земельныхъ имуществъ и лишенію врядовъ, должна была подѣйствовать на многихъ лицъ въ смыслѣ внушенія имъ большей уступчивости требованіямъ короля и Поляковъ. Какъ бы то ни было, самое владѣніе осѣлостями, староствами, державами и врядами въ предѣлахъ отобранныхъ Короною воеводствъ заставляло Литовцевъ возвращаться въ Люблинъ, все равно имѣло ли это возвращеніе своею цѣлью присягу Коронѣ, или протестъ противъ незаконнаго дѣянія Польскаго сейма. Было и еще одно обстоятельство, заставлявшее Литовцевъ возвращаться въ Люблинъ. Посольская изба Коронная видѣла искренность намѣренія короля довести до конца Унію на сеймѣ 1569 года въ томъ, что онъ назначилъ именно на этотъ сеймъ судебное разбирательство частныхъ дѣлъ знатныхъ Литовцевъ,—частные интересы привлекутъ ихъ на сеймъ и удержатъ на немъ¹⁾. Такимъ образомъ Люблинскій сеймъ Коронный могъ ожидать возвращенія Литовцевъ въ Люблинъ, у него были данныя для того, чтобы имѣть увѣренность, что это ожиданіе не будетъ безплоднымъ. Но изъ Литвы приходили слухи тревожнаго характера. Подляшане получали изъ дому письма съ угрозами; имъ даже было извѣстно, что въ Княжествѣ было сдѣлано распоряженіе быть готовыми къ войнѣ, а съ кѣмъ—неизвѣстно²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, согласно Литовскимъ порядкамъ, въ отсутствіи короля изъ Княжества правительственная власть въ немъ находилась въ рукахъ рады Литвы, и Литовскіе паны-рады разослали по Подляшью и Волыни грамоты съ приказаніемъ обывателямъ собираться на войну подъ страхомъ конфискаціи имѣній³⁾. Такимъ образомъ, если Польша собиралась идти посполитымъ рушеньемъ на Литву, чтобы привести ее къ «братской» Уніи⁴⁾, то и Княжество дѣлало свои военныя приготовления, которыя могли быть обращены не только противъ южнаго и восточнаго враговъ, но и противъ Поляковъ. Между тѣмъ требованія принесенія присяги отдѣльными Подляшанами продол-

---

совладѣльцевъ, братьевъ и т. д. сосчитаны за одного). Эти цифры (подсчитаны по А. Виц. XIII. Стр. 19—21) интересно сопоставить съ числомъ обывателей Полоцкаго воеводства середины XVI вѣка, приводимыми нами во второй главѣ настоящаго изслѣдованія.

1) Дн. Л. с. Стр. 159.   2) Дн. Л. с. Стр. 168.   3) Дн. Л. с. Стр. 187.

4) Дн. Л. с. Стр. 193, 194.

жала предъявлять посольская изба. Особенно энергично требовали присяги Литовскаго подканцлера Евстафія Воловича, одного изъ наиболѣе горячихъ защитниковъ правъ Княжества на Люблинскомъ сеймѣ. Онъ былъ оставленъ Литовцами на сеймѣ вмѣстѣ съ Литовскимъ подскарбіемъ земскимъ Николаемъ Нарушевичемъ. Воловичъ владѣлъ въ Подляшѣ староствами ¹⁾, а не осѣлостью, и примасъ Уханскій убѣждалъ пословъ не требовать отъ него присяги: довольно, если онъ просто будетъ платить со своихъ державъ Подляшскихъ идущіе съ нихъ сборы не въ скарбъ Литовскій, а въ Коронный, вѣдь и въ Коронѣ, становясь державцами, обыватели ея не приносятъ никакой особой присяги ²⁾. Изба стояла на своемъ и не хотѣла понимать тактики сената, стремившагося не раздражать Литвы еще сильнѣе и не вызывать бурныхъ сценъ проявленія вспышекъ горячаго патріотизма Литовцевъ, могущихъ оказывать вліяніе, какъ примѣръ и образецъ для всего Литовско-Русскаго народа. Примасъ говорилъ въ присутствіи короля, который, по всей вѣроятности, держался того же взгляда, но послѣ выхода короля изъ сената посольскій маршалокъ Чарнковскій вновь потребовалъ отъ имени избы присяги Воловича: онъ «главный виновникъ расторженія Уніи, потому что онъ однихъ пословъ выслалъ» изъ Люблина, «а другимъ, которые остались» въ немъ, «дѣлалъ угрозы», поэтому онъ долженъ присягнуть непременно ³⁾. Сенатъ уступилъ, уступилъ и король, и Воловичу было приказано присягать ⁴⁾. Но этотъ патріотъ Литовскій достойно выдержалъ натискъ на него и предпочелъ быть лишеннымъ своихъ Подляшскихъ державъ, чѣмъ совершить недостойное дѣло измѣны родному Княжеству. Разыгралась сильно импонирующая сцена отказа отъ присяги, и много горькихъ истинъ было громко высказано Воловичемъ по поводу совершавшагося въ Люблинѣ. Онъ говорилъ, что пришелъ въ сенатъ, лишь исполняя приказаніе короля, какъ помазанника Божія; староства въ Подляшѣ даны ему за его честную службу, за то, что онъ отражалъ врага королевскаго; онъ просилъ не входить съ нимъ въ судъ, ибо онъ не призванъ на него законнымъ образомъ. «Что же касается до Подляшья», сказалъ онъ, «то прошу вашу королевскую милость оставить открытымъ другое ухо тому государству и дать мнѣ время извѣстить объ этомъ другихъ моихъ

¹⁾ Ломазы, Годынецъ и Воинъ. Дн. Л. с. Стр. 177.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 172.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 173.   ⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 175.

братевъ»¹⁾. Не будемъ забывать, что присоединеніе Подляшья и Волыни къ Коронѣ совершилось сразу послѣ отъѣзда Литовцевъ: въ ночь на 1 марта уѣхали Литовцы изъ Люблина, а 9-го уже приведены были къ присягѣ Подляшане, 10-го приводили къ ней Воловича. Послѣ повторенія отъ королевскаго имени требованія присяги Воловичъ сказалъ слѣдующее: «свѣтлѣйшій милостивый король! Паны-рада Литовскаго княжества, уѣзжая отсюда, объявили вашей королевской милости и поручили мнѣ съ моимъ товарищемъ паномъ подскарбіемъ объявить панамъ-радамъ Короннымъ, что они уѣхали отсюда съ прежнею любовью къ нимъ. Мы просили пана канцлера и князя архіепископа допустить насъ объявить это, но не могли получить дозволенія: поэтому прошу васъ помнить это. Что же касается до меня, то, такъ какъ мнѣ приходится имѣть здѣсь великое и трудное дѣло, какого еще никогда не случалось со мною, прошу дать мнѣ нѣкоторое время подумать объ немъ и не принуждать меня къ такой присягѣ, о которой я думаю, что не долженъ приносить ея»²⁾. Отказъ отъ присяги повлекъ за собою лишеніе Воловича его Подляшскихъ державъ³⁾, полученныхъ имъ раньше за государственныя его заслуги.

Коронный сенатъ рѣшился сдѣлать шагъ къ примиренію Литвы и ея желаній съ Польшею и желаніями Поляковъ. Былъ составленъ сенаторами Короны проектъ Уніи въ грамотѣ, которая должна была быть обнародована въ Литвѣ, какъ *litterae significatoriales*, и которая была принесена въ посольскую избу въ качествѣ грамоты, въ которой изложено королевское рѣшеніе того, какою должна быть Унія. Но послы земскіе отвергли ее, негодуя на сенаторовъ «за то, что они въ этой грамотѣ лучше устроили Литву, нежели какъ устроили ее сами Литовцы»⁴⁾. Не есть ли этотъ сенаторскій проектъ новое доказательство того, насколько правы были Литовцы въ своемъ пониманіи условій Уніи? Сенатъ Коронный, не потерявшій способности хладнокровно обсудить положеніе дѣла и дѣйствительное политическое состояніе Княжества наканунѣ Люблинской Уніи, призналъ такимъ образомъ цѣлесообразность и правильность Литовскихъ требованій, но въ эту эпоху исторіи Польскаго сейма уже не сенатъ держалъ въ своихъ рукахъ перевѣсъ на

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 178.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 178, 179.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 185, 188.   ⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 192, 193.

Коронномъ сеймѣ, а *populus tumultuosus*, шляхта Коронная ¹⁾. Требования добиться Уніи войною съ Литвой стали настойчивѣе раздаваться на сеймѣ ²⁾. Но раздавались и голоса, доказывающіе, что помимо всѣхъ другихъ причинъ нежелательности похода на Литву, онъ вызоветъ сильную ненависть между Поляками и Литовцами, «а ея и такъ довольно между» ними ³⁾; записано въ дневникѣ сейма и признаніе Поляка (еп. Куявскаго): «никогда никого мы не спасали отъ бѣды; объ насъ добраго мнѣнія нѣтъ» ⁴⁾.

Между тѣмъ, Литва вновь подала свой государственный голосъ. 4 апрѣля на сеймѣ были читаны письма Литовскихъ пановъ-рады, въ которыхъ они рекомендовали королю своихъ пословъ, удостоверяя, что эти послы посланы Литовскою Речью Посполитою, т.-е. государствомъ Литовскимъ ⁵⁾. 5 апрѣля Литовское посольство было выслушано Короннымъ сенатомъ. Оно было представлено Яномъ Ходкевичемъ, Евстафіемъ Воловичемъ, Доминикомъ Пацомъ, Криштофомъ Николаемъ Ридивиломъ и Николаемъ Кишкою ⁶⁾. Посольство справлялось по тетрадки, которую читалъ Янъ Ходкевичъ. Самый текстъ его былъ составленъ, очевидно, съѣздомъ Литовской рады, о которомъ говоритъ самый документъ ⁷⁾. Литовская рада требовала, чтобы Волынь и Подляшье не отнимались отъ Княжества, такъ какъ эти земли никогда не принадлежали Коронѣ, но всегда составляли собственность Литвы. Литовская рада напоминала Полякамъ давній союзъ, скрѣпленный клятвеннымъ обязательствомъ не причинять другъ другу вреда. Ея посольство объясняло отъѣздъ Литовцевъ съ Люблинскаго сейма тѣмъ, что народъ-шляхта Литовская, посылая своихъ пословъ въ Люблинъ, предписалъ имъ заключить Унію не на осно-

¹⁾ См. *Н. И. Карчевъ*. Историческій очеркъ Польскаго сейма. Москва 1888, Стр. 42—45, 98, 99

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 227, 247, 251.   ³⁾ Дн. Л. с. Стр. 247.

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 237.   ⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 253.

⁶⁾ Первый былъ старостою Жомойтскимъ маршалкомъ земскимъ Княжества администраторомъ и гетманомъ земли Лифлянтской, второй Литовскимъ подканцлеромъ, третій Витебскимъ кашталаномъ, четвертый крайчіемъ Литовскимъ и пятый подчашіемъ. Конечно, сверхъ своихъ высшихъ вѣдъ Княжества, они владѣли въ немъ староствами и державами.

⁷⁾ Оно подробно приведено въ дневникѣ, изданномъ Дзялынскимъ и выписано въ примѣчаніи изданія М. О. Кояловича. Стр. 258—265. О Виленскомъ съѣздѣ говоритъ также «наука» королевскимъ посламъ на Литовскіе сеймики, данная 26 апр. 1569 года. См. *М. К. Любавскій*. Лит.-р. сеймъ. Приложенія. Стр. 218.

ваніи старыхъ договоровъ, *нарушавшихъ равенство* Литовскаго и Польскаго народовъ, а на основаніи безпристрастнаго обсужденія условій соединенія обоихъ государствъ. Изложивъ дѣло передъ королемъ и увидѣвъ, что они не могутъ добиться того, къ чему были обязаны сенаторы и послы земскіе Княжества обывателями Литовскими, они уѣхали, чтобы сообщить послѣднимъ требованія Короннаго сейма и испросить разрѣшенія ихъ на принятіе условій, навязываемыхъ Короною. Получивъ отъ имени короля приглашеніе явиться въ Коронный сенатъ, Литовскіе сенаторы поѣхали въ замокъ, хотя и были оповѣщены не своимъ маршалкомъ, а Короннымъ, но на мосту ихъ встрѣтили Люблинскій и Львовскій кашталяны, которые сказали, что Коронные сенаторы уже разѣхались. Тогда они вновь отправились вечеромъ, послѣ ужина къ королю, чтобы получить отъ него разъясненіе, зачѣмъ нуженъ ихъ съѣздъ съ Поляками, разъ они не имѣютъ права, согласно выраженной имъ волѣ Литовскаго народа, принимать и обсуждать ту унію, которой требуютъ Поляки,—но они не получили этого разъясненія. Тогда они уѣхали, оставивъ однако своихъ товарищей, Литовскихъ подканцлера и подскарбія, поручивъ имъ побратски объясниться съ Поляками, но послѣдніе не пожелали ихъ принять и выслушать. Въ виду всего этого Литовцы отнюдь не считаютъ себя совершившими проступокъ противъ Короны и Люблинскаго сейма. Литовскіе сенаторы были призваны въ Люблинъ королемъ лишь для заключенія Уніи, а вовсе не для разрѣшенія какого-либо вопроса о Волини и Подляшѣ, да притомъ послѣднія всегда находились въ границахъ Княжества, никто объ этомъ не возбуждалъ сомнѣнія, и самъ король, вступая на престолъ, засталъ ихъ Литовскими и призналъ таковыми своею присягою. Между тѣмъ теперь не только отобранны отъ Литвы Волинь и Подляшье, но къ послѣднему захватываютъ и не малую часть Берестейскаго староства, никогда не входившаго въ составъ Подляшья; на этомъ незаконномъ основаніи отобранны староства и отъ Евстафія Воловича, и можно доказать привилеями, что они не входятъ въ составъ Подляшья. Кромѣ того всякія пререканія о Волини и Подляшѣ несправедливы уже потому, что Сигизмундъ Августъ *раньше принесъ Литвѣ присягу въ сохраненіи всѣхъ ея земель, чѣмъ сдѣлался королемъ Польскимъ* и при церемоніи вступленія его на престолъ Княжества присутствовали станы обоихъ государствъ, но Поляки тогда и не подумали заявлять свои права

на эти земли. Притомъ на сохраненіе цѣлости Литвы была принесена королемъ двойная присяга—разъ отцомъ его за его малолѣтствомъ, въ другой разъ самимъ королемъ, и все это ясно изложено въ привилеяхъ. Литовская рада просить Коронный сенатъ постараться о томъ, чтобы король задержалъ и уничтожилъ универсалы, выданные на Волынь и Подляшье, и не отдѣлялъ этихъ земель отъ Княжества, которому онѣ принадлежатъ. Эти универсалы вносятъ смуту въ умы людскіе: теперь нарушается цѣлость Литовскаго великаго княжества, потомъ станутъ приводить людей, принесшихъ присягу Литвѣ, къ присягѣ на подданство Коронѣ и поставятъ вопросъ о правѣ владѣнія ими ихъ отчизными землями. Волынь и Подляшье принадлежатъ Княжеству и по Божьему и по человѣческому праву: Ягайло владѣлъ этими землями по власти великаго князя Литовскаго, а не короля Польскаго и, хотя князья Литовскіе вступали въ договоры Уніи съ Польшею, это вовсе не служитъ основаніемъ для того, чтобы отъ Литовскаго государственнаго тѣла отрывать по частямъ его члены. Волынь населена народомъ только Русскимъ и Литовскимъ и родами князей Олелька, Ольгерда, Наримунта и Корибута, и по настоящій день Литовцы защищаютъ ее отъ враговъ. Что касается до Подляшья, то оно закладывалось князьямъ Мазовецкимъ князьями Литовскими, и уже это одно доказываетъ власть надъ нимъ Литовскихъ государей. Все это говоритъ о томъ, что Волынь и Подляшье части Княжества, а вовсе не Короны. Литовская рада взываетъ къ Коронной, прося ее оставить тотъ путь, который избрала Корона въ устройствѣ отношеній обоихъ государствъ: «лучше все дѣлать съ Божьимъ страхомъ» и, вмѣсто того чтобы отрывать отъ Литвы земли, оstarляя остальные въ жертву тиранству Московскаго князя, лучше заключить Унію съ Литовскимъ княжествомъ. Причиною того, что сенаторы Литовскіе не довершили на Люблинскомъ сеймѣ дѣла Уніи было то обстоятельство, что на земскихъ пословъ своихъ Литовская шляхта возложила строгое обязательство не начинать Уніи отъ старыхъ договоровъ; отдѣляться-же отъ пословъ сенаторы не считали себя въ правѣ ни по своему сенаторскому званію, ни по интересамъ государства Литовскаго, ни по обѣщанію своему, данному ими посламъ земскимъ на съѣздѣ въ Воинѣ—уѣхать всѣмъ вмѣстѣ, и это обѣщаніе извѣстно было королю. Въ заключеніе Литовская рада просила дать Литвѣ другой проектъ Уніи, такой, въ которомъ-бы старые договоры не вредили достоинству и чести

государства Литовскаго, его особамъ и станамъ, не уничтожали-бы въ Княжествѣ туземнаго народа, не навлекали-бы на Литовцевъ экзекуціи, чтобы оба государства соединялись въ одно братство и «чтобы одна сторона не осуждалась на гибель ради другой». Послы Литовскіе, высказавъ все это, выражали полную готовность быть къ услугамъ Польскаго сената, если онъ пожелаетъ ими воспользоваться.

Посольство Литовское и содержаніе его рѣчей свидѣтельствовали ясно, какъ затруднительно было положеніе Литвы и какъ готова она была на уступки, сколько нибудь совмѣстныя съ ея достоинствомъ, ввиду опасностей и затрудненій, ее окружавшихъ. Поляки поняли это, и епископъ Краковскій тотчасъ-же указалъ на «мольбу» Литвы, съ которою она обратилась къ Коронѣ. Онъ восклицалъ: «и мы упустимъ все это!»¹⁾ «Литва уже просить уніи», говорили и послы земскіе²⁾. Сеймъ сталъ обсуждать просьбу Литовцевъ; конечно, о возвращеніи Волыни и Подляшья не могло быть серьезной рѣчи, но о созваніи новыхъ Литовскихъ сеймиковъ для выработки ими новыхъ полномочій земскимъ посламъ Княжества, разсуждали серьезно. Послѣ того какъ было высказано много подозрѣній къ просьбѣ Литовцевъ,—считали эту просьбу маневромъ, чтобы выиграть время, а созваніе сеймиковъ Литвы средствомъ вызвать бунтъ,—посольская изба рѣшила, что нужно ждать Литовцевъ четыре недѣли, но созыва сеймиковъ не дозволять: «какъ теперь Литовцы пріѣхали сюда, хотя никто не созывалъ имъ сеймиковъ такъ и въ другой разъ они могутъ пріѣхать безъ сеймиковъ»³⁾. Такъ разсуждали послы шляхты Польской о правахъ народа-шляхты Литовской. Какую бурю вызвало-бы среди самой шляхты Короны, если-бы какое-нибудь важное дѣло, не говоря уже о такомъ исключительномъ, какъ Унія, было совершено противъ инструкцій ея, данныхъ ею посламъ своимъ, или безъ созванія сеймиковъ для выраженія мнѣній и желаній ея! Какъ боялись сами послы земскіе Коронные потерять довѣріе *своихъ* избирателей⁴⁾, поступая противъ ихъ желаній и инструкцій! Но шляхта Польская хорошо знала латинскія пословицы и видимо твердо помнила—*quod licet Jovi, non licet bovi*. Таковъ былъ взглядъ на права того народа, съ которымъ «по братски» хотѣла соединиться шляхта Польская,

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 268.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 272.

³⁾ Дн. Л. Стр. 290.

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 309.

и не оправдаетъ историкъ поступка Люблинскаго сейма, хотя сеймъ самъ и оправдывалъ себя тѣмъ, что Литовскіе сеймики дѣлаютъ и постановляютъ лишь то, чего отъ нихъ требуютъ сенаторы ¹⁾. Нарушая формальное право Княжества, сеймъ тѣмъ самымъ создавалъ законное основаніе для протестаціи Литовцевъ и для отказа ихъ отъ признанія Уніи, но мы уже знаемъ, что Литва не могла воспользоваться этимъ своимъ правомъ ввиду затрудненій, въ которыхъ она находилась. Сенатъ и Король не хотѣли заходить такъ далеко въ правонарушеніяхъ Литовскаго государственнаго строя, и сенаторы убѣждали избу согласиться на созваніе Литовскихъ сеймиковъ, ибо Литовскіе послы только на нихъ могутъ получить новыя полномочія на заключеніе Уніи на условіяхъ, съ которыми несогласны прежнія ихъ инструкціи ²⁾. Посольская изба, однако, не уступила и теперь, «единогласно рѣшила, что не нужно созывать» сеймиковъ Литовскихъ, несмотря на желаніе короля и сената ³⁾, и 18 апрѣля посольскій маршалокъ категорически объявилъ это сенаторамъ ⁴⁾. На слѣдующій день сенаторы послали передать избѣ, что пора отпустить Литовское посольство; сенатъ обсуждаетъ отвѣтъ имъ, но не дастъ его безъ вѣдома земскихъ пословъ ⁵⁾. Дѣло облегчалось тѣмъ, что Литовскіе послы на вопросъ Польскаго сената объ ихъ полномочіяхъ на заключеніе Уніи, заявили, что имѣютъ ихъ, а еслибы и не имѣли, то ручаются за своихъ братьевъ: они примутъ то, на что согласятся они, послы ихъ. Тогда сенаторы передали имъ свой проектъ договора Уніи ⁶⁾, составленный сенаторскою комиссіей, образованной по рѣшенію короля и сената изъ восьми сенаторовъ — четырехъ духовныхъ и четырехъ свѣтскихъ — и имѣвшей цѣлью сличить Литовское предложеніе съ Александровымъ привилеемъ, Варшавскимъ рецессомъ и послѣднимъ Люблинскимъ привилеемъ и такимъ образомъ достигнуть соглашенія ⁷⁾. Литовцы, взявъ сенаторскій проектъ, просили лишь о томъ, чтобы сеймы бывали попеременно — разъ въ Литвѣ и разъ въ Польшѣ, и сенатъ склонялся на эту уступку ⁸⁾, но посольская изба постановила не входить ни въ какіе переговоры съ Литовцами и не отступать ни въ чемъ отъ привилея на Унію ⁹⁾. Въ субботу 23 апрѣля посольская изба получила извѣщеніе отъ сената: Ли-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 290.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 300—301.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 303.

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 307.

⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 311.

⁶⁾ Дн. Л. с. Стр. 313.

⁷⁾ Дн. Л. с. Стр. 312.

⁸⁾ Дн. Л. с. Стр. 313.

⁹⁾ Дн. Л. с. Стр. 314, 315.

товское посольство отпущено съ тѣмъ отвѣтомъ, что срокъ прїѣзда Литовцамъ назначенъ лишь до Троицына дня ¹⁾, Волынцамъ—три недѣли, Подляшанамъ до понедѣльника ²⁾. Прибытіе Подляшанъ и Волынцевъ было назначено раньше съ тою цѣлью, чтобы они не могли сговориться съ Литвою дѣйствовать сообща ³⁾.

Однако сеймики Литовскіе были все-таки созваны королемъ, несмотря на противодѣйствіе ихъ созыву со стороны посольской избы Короннаго сейма. Великій князь Литовскій, Сигизмундъ-Августъ могъ не считаться въ своихъ распоряженіяхъ по Княжеству съ желаніями Польскаго сейма. 26 и 27 апрѣля 1569 года изготовлены были въ Люблинѣ листы, касающіеся созыва повѣтовыхъ Литовскихъ сеймиковъ на 10 мая ⁴⁾. Въ королевской «наукѣ», данной, какъ это бывало обыкновенно, посламъ государя на отдѣльные сеймики, были изложены тѣ рѣчи, съ которыми должны были послы государевы обратиться къ сеймикующимъ обывателямъ. Въ силу этой «науки» ⁵⁾ послы королевскіе на сеймикахъ 10 мая 1569 года должны были напомнить обывателямъ Княжества объ ихъ просьбахъ, поданныхъ королю во время Московской войны, «абы его королевская милость для способу большого ку вальце съемъ спольный съ коруною Польскою на унею зложити рачилъ». Король напоминаетъ Литовцамъ сеймы Виленскій и Варшавскій, Бѣльскій и Парчовскій, просьбы въ Молодечнѣ въ военномъ станѣ, Городенскій сеймъ 1568 года—эти собранія и съѣзды ознаменованы Литовскими просьбами объ Уніи и переговорами съ Поляками относительно нея. Теперь королемъ созванъ сеймъ въ Люблинѣ для окончательнаго установленія Уніи, онъ засѣдаетъ и теперь, но, когда на него съѣхались станы обоеихъ государствъ, они «въ томъ згодити ся не могли, же бы отъ старыхъ списовъ, альбо отъ намовъ на соймахъ прошлыхъ справу унеи починати мели». Паны-рада и станы Литовскіе «дали се въ томъ слышети его милости господару, ижъ отъ братаи ⁶⁾ своее отпращени, абы не отъ старыхъ списовъ, але зъ милости братеръское знову унею становили», Поляки же хотѣли начинать дѣло, положивъ въ основаніе его старыя привилеи, «звлаща при-

¹⁾ 29 мая. См. *Н. Горбачевскій*. Археографическій календарь. Вильна, 1869 г. № 20.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 326.   ³⁾ Дн. Л. с. Стр. 323.

⁴⁾ *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія. №№ 75, 76, 77, 78.

⁵⁾ *Ibidem* № 77.

⁶⁾ Исправляемъ по чтенію Лит. Метр. $\frac{III A}{10}$ л. 18, приводимому самимъ *М. К. Любавскимъ* въ примѣчаніи (стр. 217).

вилья» Александра, и «въ томъ ся слышети давали, естли бы и въ томъ привилью короля Александра што противного видело милости и сполку братерскому, кождый артыкулъ приводячи», соглашались на нераспространеніе на Княжество Короннаго постановленія относительно езекуціи. Литовцы «по долгихъ намовахъ», бывшихъ между ними и Поляками, уѣхали изъ Люблина, «ничого не постановивши». Послѣ отъѣзда Литовцевъ Поляки «оказовали передъ его кролевъскою милостью права и привилья, домовляючи ся, абы съ повинности, его милости господарское ку skutькови ¹⁾ ихъ приведены были», и этого «на сторону откладати» королю «не годило» ввиду присяги его самого и его предковъ, «звлаща за таковымъ розѣханемъ некоторого упевненья не вчинивши, якожь то вжо» Литовскимъ обывателямъ «не тайно ²⁾», што около некоторыхъ земель, ку границамъ коруны Полское прилеглыхъ, дееть». Паны-рада Княжества, «которые ся на тотъ часъ до Вильни зѣхати могли», отправили къ королю и къ Коронному сенату своихъ пословъ, прося созвать новый сеймъ «ку застановенью тое sprawy», т. е. Уніи. Однако король ввиду опасностей, грозящихъ отъ враговъ и помня прежнія просьбы Литовцевъ объ уніи съ Поляками, а также ввиду обѣщанія становъ Коронныхъ ожидать «до святокъ, близко пришлыхъ», возвращенія на сеймъ Литовцевъ, назначилъ повѣтовые сеймики Княжеству на 10 мая, «бачечи, же тою причиною, замероною моцью становити, тая справа унеи не дошла». Король поручаетъ своимъ посламъ сказать сеймикующимъ обывателямъ Литовскимъ: «его кролевская милость съ подивеньемъ приймаеть, ижъ сами добровольне просите о зуниеванье для вальки потужное и о соймы спольные для того, а кгда на съемъ пословъ выправуете, замероную имъ моцъ даете и на становенье унеи новый обычай—не только старыхъ листовъ не держите, але тежъ и певныхъ намовъ, на соймехъ около унеи вчиненыхъ, отступуете, зачимъ речъ посполитую затрудняете, панства въ нелюбость и въ ростыркъ приводите, неприятелеви потуху большую съ того подаете, звлаща ижъ водле потребности потужная война не идетъ, зачимъ ся неприятель въ панстве его кролевское милости ширить, братью и приятелей вашихъ одныхъ у везенью держить, другихъ маенности поседаеть, вы тежъ сами частыми войнами и немалыми податки на тую жъ войну вытегааете, што добре бачить его

¹⁾ Также (стр. 218).   ²⁾ Также (ibidem).

кролевъская милость, яко трудности и нарушенья на маетности приимете, а то не лацне бы ити могло за злученьемъ обоихъ панствъ». Король говоритъ, чтобы все это продумали сеймики и, выбравъ пословъ на Люблинскій сеймъ, отправили-бы ихъ туда «на понеделокъ светочный», т. е. къ Духову дню. Полномочіе имъ должно быть дано неограниченное—имъ нужно дать «зупольную моць становити такъ около унеи, яко и спольное обороны, кгдажъ въ той справе унеи постерегати хочеть, ижъ бы въ ровности тые панства захованы были, а одно надъ другое ся не вывышало и въ своей зацности, у-въ учтивости и въ достоенствахъ обои панства цале захованы были, чого—дали Богъ—съ потехою будутъ уживати на вечные часы, сполне кожъдому неприятелеви отпираючи и въ кождой учтивости правъ, вољностей и свободъ своихъ уживати будутъ». Король со своей стороны обѣщаетъ, не щадя своихъ трудовъ и здоровья, «дотољ речи зносити, яко на всемъ томъ, што на листехъ его кролевъское милости и въ томъ поселъсгве» Литовскимъ обывателямъ черезъ пословъ его «роказано, ласку его кролевъское милости ку тому панству, великому князству Литовъскому, и ку особамъ своимъ кождый познаеть». При этомъ Литовцы «яко доброволне приедуть, такъ тежъ доброволне и отъедуть». Если же они не захотятъ отправиться въ Люблинъ къ назначенному дню, а вслѣдствіе этого Княжеству будетъ какой-либо ущербъ, или приключится опасность отъ непріятеля, «въ томъ, яко зостануть права его кролевъское милости и оному панству, то кождый нехай лепшимъ роказанемъ въ себѣ поважаетъ». Таковы были рѣчи, которыя говорили послы королевскіе на сеймикахъ Литовскихъ повѣтовъ 10 мая 1569 года. Листы къ Литовскимъ обывателямъ, «узываючи ихъ на съемъ Любельскій ку сконченью унеи», разосланные изъ Люблина 28 и 29 апрѣля ¹⁾, предписывали также, собравшись на сеймикъ выбрать и выслать на сеймъ «тыхъ-же пословъ, которые на сойме теперешнемъ Любельскомъ первой были, альбо иныхъ, людей бачныхъ ростропныхъ», но «не зъ замерною моцью», какая имъ была дана прежде, «але зъ зупольною и достаточною ку скончьенью тое справы унеи, такъже и для объмышлеванья около обороны оногo панства нашего, великого князства Литовского, чимъ бы ся безъпечити могло».

Между тѣмъ пока сеймъ послѣ отъѣзда Литовскаго посоль-

¹⁾ М. К. Любавскій. Л.-Р. сеймъ. Приложенія. № 78.

ства работалъ надъ своими Польскими дѣлами, аппетиты его на присоединеніе Литовскихъ земель къ Коронѣ разгорались. Въ это время посольская изба не только предъявила требованіе наказать не прибывшихъ на сеймъ Волынцевъ и Подляшанъ ¹⁾, но заявила, будто-бы изъ привилеевъ оказывается, что и Кіевъ принадлежитъ Королевству. Она получила на это отвѣтъ короля объ его готовности присоединить Кіевъ къ Польшѣ въ томъ случаѣ, если сенаторы, разсмотрѣвъ привилеи, найдутъ это требованіе правильнымъ ²⁾. Изба затѣмъ не разъ возобновляла свое требованіе отторженія отъ Литвы Кіевщины съ Брацлавомъ и Виницею ³⁾. Замѣтимъ тутъ, что о нераздѣленіи судьбы Брацлава и Виницы отъ судьбы Кіева, какъ-бы она ни рѣшилась, просилъ и самъ воевода Брацлавскій князь Романъ Сангушко ⁴⁾. Передъ читателемъ дневника сейма 1569 года невольно воскресаетъ картина пріискиванія основаній для присоединенія земель къ Франціи во времена Людовика XIV и *chambres de réunion* этого короля, когда онъ узнаетъ основанія для присоединенія Кіева къ Польшѣ, высказанныя посольскою избою сейма: 3 іюня посолъ Потворовскій «отъ имени пословъ почтительнѣйше просилъ короля присоединить къ королевству Кіевъ съ его округомъ, какъ страну, которая въ древности платила дань королевству и которой князья обыкновенно признавали власть королевства, что видно изъ привилеевъ, представленныхъ королю, и изъ древнѣйшихъ хроникъ, въ которыхъ говорится, что этотъ городъ трижды былъ взятъ и разграбленъ Польскими королями» ⁵⁾. Походы Поляковъ въ XI столѣтіи, считались основаніями для притязаній на Кіевъ въ серединѣ XVI вѣка!

23 мая была принесена на подданство Коронѣ присяга Волынцами ⁶⁾; присяга Подляшанъ происходила еще раньше ⁷⁾. Присяги Волынцевъ и Подляшанъ продолжали приноситься и въ слѣдующіе дни ⁸⁾. Вопросъ о присоединеніи Кіева къ Коронѣ былъ, наконецъ, также рѣшенъ королемъ въ утвердительномъ смыслѣ 5 іюня ⁹⁾, и новое отторженіе отъ Литвы ея земель должно было состояться. Характеренъ эгоизмъ, съ которымъ обсуждалось присоединеніе къ Коронѣ «матери городовъ Русскихъ». Въ то время какъ часть Польскаго сената высказывалась за его присоеди-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 367.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 367.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 388, 392, 401, 403, 404, 407.   ⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 397.

⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 401.   ⁶⁾ Дн. Л. с. Стр. 378.   ⁷⁾ Дн. Л. с. Стр. 169—171.

⁸⁾ Дн. Л. с. Стр. 385, 386, 387.   ⁹⁾ Дн. Л. с. Стр. 405.

ніе,—разъ рѣшено было слѣдовать указаніямъ старыхъ грамотъ и хроникъ, этого требовала послѣдовательность,—другая часть говорила: «мы можемъ доставить ему слабую защиту, тогда какъ та страна требуетъ значительной посылки войска, котораго мы не можемъ нанять съ малыми издержками. Напротивъ, Кіевъ нужно оставить Литовцамъ; пусть они своей казной устроятъ и защищаютъ его, какъ устроили и защищали до сихъ поръ. Намъ нужно соображать, какъ бы не взять на себя больше тяжести, чѣмъ сколько могутъ вынести наши силы»¹⁾. Интересно, что нѣкоторые Поляки сами понимали всю нелогичность отторженія отъ Литвы ея земель, если съ нею намѣрена Польша заключить Унію. Такъ, Краковскій воевода Станиславъ Мышковскій сразу послѣ объявленія королевскаго рѣшенія о присоединеніи Кіева къ Коронѣ, сказалъ съ большимъ гнѣвомъ (*furor concitatus*): «заявляю, что я никогда не совѣтовалъ, чтобы такъ по частямъ присоединялись къ Королевству владѣнія, но пусть заканчивается вообще унія всѣхъ ихъ потому, что мы имѣемъ такіе же привилегіи не только на Кіевъ, но и на Вильну, Троки и проч.»²⁾. Но Краковскій воевода не только не имѣлъ успѣха со своимъ заявленіемъ, но даже вызвалъ такое раздраженіе, что присутствовавшіе «насилу удержались отъ того, чтобы не плевать на него; они съ ѣдкой называли его ходатаемъ Литовскимъ»³⁾.

Какія чувства все это возбуждало въ Литовцахъ, какъ должны были они смотрѣть на короля и Поляковъ, видя ограбленіе Литовскаго государства и слыша о томъ, что говорилось на «братскомъ» сеймѣ? Положеніе было слишкомъ серьезнымъ для того, чтобы Литовскіе сенаторы и довѣренныя лица, жившіе въ Люблинѣ, оставленные здѣсь Литовцами послѣ своего отъѣзда, не слѣдили за всѣмъ, что дѣлалось на сеймѣ, ловя всѣ слухи и рѣчи и сообщая потомъ все это своимъ товарищамъ, жившимъ въ Княжествѣ. Такъ, 26 апрѣля 1569 года Литовскій земскій подскарбій Николай Нарушевичъ послалъ изъ Вильны Виленскому воеводичу Николаю Криштофу Радивилу своего посланца, который при письмѣ его понесъ цѣлый «фасцикулъ» (связка) писемъ изъ Люблина къ этому представителю первой по своему вліянію Литовской фамиліи⁴⁾. 4 мая изъ Люблина кухмистръ Еразмъ Крочевскій писалъ къ тому же Николаю Криштофу Радивилу, убѣждая его пріѣхать въ Люблинъ, чтобы не подвергнуться «конту-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 402.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 406. Ср. приложение LXXIV.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 406.

⁴⁾ Вил. Арх. Сб. VII № 19.

маціи» со всѣми ея послѣдствіями и чтобы добыть для себя врьдъ Литовскаго подчашія ¹⁾). Но въ томъ же Несвижскомъ архивѣ Радивиловъ, изъ котораго извлечены эти письма, сохранились и письма гораздо болѣе интересныя, чѣмъ эти. Какимъ глубокимъ драматизмомъ положенія и горемъ патріота дышатъ, напримѣръ, письма Яна Ходкевича къ Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу. Такъ 20 мая изъ Гуци, живя въ Литвѣ послѣ своего возвращенія изъ поѣздки въ качествѣ посла Литовской рады въ Люблинъ, Ходкевичъ писалъ Радивилу, что онъ, вернувшись домой, нашель у себя много неприятныхъ вѣстей изъ Люблина: Волынамъ назначенъ послѣдній срокъ для присяги подъ страхомъ конфискаціи имѣній и изгнанія изъ воеводства, панъ Слушка, отказывавшійся прежде присягать, принесъ требуемую отъ него присягу; не хотятъ ожидать долше назначеннаго срока и Литовцевъ. А тутъ 70 тысячъ Турецкаго войска расположились недалеко отъ Черкасъ, и отуреченный Полякъ Стражъ, посоль Турецкій отдаеть ихъ въ распоряженіе Сигизмунда-Августа. Ходкевичъ собирается выѣзжать въ Люблинъ и просить Радивила также отправиться туда; «безъ тебя», пишетъ онъ, «ничего не сможемъ сдѣлать... спасай свою Речь Посполитую, которой ты самъ одинъ можешь служить лучше всѣхъ». Остального, что волнуетъ и занимаетъ его, авторъ письма не рѣшается довѣрить бумагѣ ²⁾). Приближаясь къ Люблину, Ходкевичъ пишетъ поспѣшно, наскоро (*partissime*) другое письмо Радивилу 28 мая изъ Парчова ³⁾). Здѣсь онъ встрѣтился съ паномъ Радомскимъ, ѣхавшимъ на Волынь, который разсказаль ему, что уже присягнули Коронѣ по своимъ Волынскимъ имѣніямъ воеводы Троцкій, Кіевскій и Волынскій, Луцкій бискупъ, Евстафій Воловичъ, ксендзъ Корецкій, князь Вишневецкій и много менѣе значительной шляхты. Узналь Ходкевичъ и то, что Волынскіе послы, сѣвъ въ посольской избѣ Коронной послѣ присоединенія Волыни къ Польшѣ, высказались за присоединеніе къ ней и Кіева, такъ, какъ онъ принадлежитъ-де

¹⁾ Вил. Арх. Сб. VII № 20. Издатели почему-то посчитали подчашство Литовское специальнымъ Подляшскимъ урядомъ. Такого не было, да и самъ документъ ни слова не говоритъ о чемъ-либо подобномъ.

²⁾ Вил. Арх. Сб. VII № 21. Нельзя не обратить вниманія на погрѣшность изданія. Издатели напечатали: «*taka serbe scviunt (sic)*», поставивъ—*sic*—въ знакъ неясности мѣста. Между тѣмъ оно совершенно ясно; стоитъ лишь написать его такъ: «*tak aserbe seviunt*». Перенесеніе буквъ одного слова въ другое—явленіе совершенно обычное въ рукописяхъ XVI столѣтія.

³⁾ Вил. Арх. Сб. VII, № 22.

не къ Руси, а къ Волыни. «Изволь знати объ этомъ, ваша милость, и каковы будутъ воля и мнѣніе твои, какъ поступать»?—спрашиваетъ Ходкевичъ начальнаго Литовскаго сенатора и чело-вѣка. Но вотъ Ходкевичъ прибылъ въ Люблинъ. 31 мая онъ вновь пишетъ Радивилу, и какимъ горемъ проникнуто это письмо Литовскаго патріота! «До чего дошло и еще болѣе доходить для убогой и бѣдной речи посполитой нашей, того мнѣ не нужно писать вашей милости, моему милостивому пану, какъ прекрасно освѣдомленному во всѣхъ дѣлахъ. Сердце поражается небывалою болью, когда смотришь на то, что дѣлается съ нами, а особенно когда видишь, что мы жестоко во всемъ ошибаемся и именно въ томъ, откуда съ надеждою ожидали для себя всего добраго»—такъ пишетъ Ходкевичъ въ этомъ письмѣ. Онъ говоритъ далѣе о принесеніи присяги Литвою—одни принесли ее противъ желанія, другіе *obviis ulmis*; Волынцы заявили въ посольской избѣ, что Кіевъ и Берестье принадлежатъ къ ихъ землѣ, проводится граница ея по Наревъ и Яцольду, захватывая на Волыни Пинскъ и Кобринъ, и Поляки хотятъ добиваться всего этого. Теперь уже Поляки разсуждаютъ между собою, что имъ и Унія съ Литвою мало нужна: они уже считаютъ для себя тяжелымъ дѣломъ защиту Литвы отъ Москвы—«пускай себѣ тамъ воетъ Литва». Жмудь хотятъ отдать Пруссакамъ. «Для Бога, мой пане, благоволи, ваша милость, пріѣхать для спасенія нашей (теу) убогой Речи Посполитой, ибо не имѣется никакой надежды на тѣхъ, кто пріѣхалъ». Поспѣшить просить Ходкевичъ Радивила, такъ какъ, по его словамъ «*interitus poster prae foribus*» ¹⁾.

Мало утѣшительнаго сообщалъ Николаю Радивилу о положеніи дѣлъ въ Люблинѣ и другой его кореспондентъ—земскій Литовскій подскарбій Николай Нарушевичъ. Въ письмѣ отъ 5 іюня ²⁾ онъ разсказываетъ о присягѣ, принесенной на подданство Коронѣ Волынцами, говоритъ о прибытіи въ Люблинъ кашталяновъ Виленскаго и Троцкаго ³⁾ и о представленіи королю всѣхъ бывшихъ въ Люблинѣ Литовскихъ сенаторовъ за исключеніемъ пана Виленскаго. Онъ пишетъ также о томъ, какъ маршалокъ великій Литовскій ⁴⁾ отъ имени цѣлой рады Княжества въ подробной рѣчи заявилъ королю, что сенаторы Литовскіе съѣхались въ Люблинъ для окончанія дѣла Уніи и въ исполненіе воли королев-

¹⁾ Вил. Арх. Сб. VII, № 23.   ²⁾ Вил. Арх. Сб. VII, № 24.

³⁾ Григ. Алекс. Ходкевичъ и Юрій Алекс. Ходкевичъ.   ⁴⁾ Янъ Еро- нимовичъ Ходкевичъ.

ской; однако они испрашивали милостиваго указанія государева, какъ имъ приступить къ этому дѣлу и отъ чего начинать, ибо они видятъ великое горе свое и государства Литовскаго вслѣдствіе непонятнаго оторванія отъ него земель Подляшской и Волынской, а также половины Берестейскаго староства; а тутъ еще угрожаютъ и Кіеву. Рассказывая далѣе о Люблинскихъ дѣлахъ, Нарушевичъ говоритъ, что, судя по началу дѣла, нельзя ожидать ничего хорошаго и одна лишь есть надежда—на Божіе милосердіе. Дѣла въ такомъ положеніи, что и премудрый Соломонъ съ трудомъ могъ бы уже ихъ поправить; паны-рады Литовскіе все-таки сильно желаютъ видѣть среди себя Николая Радивиля, на него возлагая свои надежды. Какъ изъ другихъ, такъ и изъ этого письма узнаемъ, что и Радивиль не оставлялъ своихъ корреспондентовъ безъ отвѣта ¹⁾; изъ него же узнаемъ что въ Люблинѣ находился и секретарь Виленскаго воеводы Андрей Волянъ, извѣщавшій его подробно о происходившемъ ²⁾.

6 іюня написалъ письмо Николаю Радивилу Янъ Ходкевичъ ³⁾, которое звучитъ не менѣе безотрадно, чѣмъ письмо Нарушевича, писанное наканунѣ. Въ немъ староста Жомойтскій, между прочимъ, извѣщаетъ Радивиля и о смерти своего стрыя, Троцкаго каштеляна ⁴⁾, который, обѣдая у него, говорилъ Оссолинскому о томъ, какую гибель приноситъ Литвѣ такая Унія и, *amore patriae ductus*, пожелалъ себѣ не дожить до нея. Такъ и случилось: онъ отдалъ Богу душу 6 іюня. Проникнуты горемъ и письма Нарушевича отъ 11 и 28 іюня ⁵⁾. Особенно сильно звучитъ звукомъ горя и слезъ о судьбѣ Литвы послѣднее изъ этихъ писемъ. Нарушевичъ получилъ письмо Радивиля, изъ котораго увидѣлъ, какъ горячо оплакиваетъ Виленскій воевода «погребеніе и уничтоженіе на вѣчныя времена вольнаго и независимаго государства, нѣкогда великаго княжества Литовскаго». Онъ пишетъ далѣе: «что благоволишь, дѣлать, ваша милость, какъ по истинѣ великій и первѣйшій сенаторъ и патриотъ, страстно любящій свою отчизну, такъ какъ и всякаго, хотя-бы даже самаго низшаго природнаго обывателя этого государства такое дѣло (*affect*) должно поразить и привести въ глубокое горе. Нарушевичъ высказываетъ сожалѣніе, что не далъ Богъ того, чтобы воевода Виленскій вмѣстѣ съ Виленскимъ бискупомъ были на Люблинскомъ сеймѣ: ихъ рада вмѣ-

¹⁾ Вил. Арх. Сб. VII. Стр. 41; ср. также стр. 46 и 47. ²⁾ Вил. Арх. Сб. VII. Стр. 41. ³⁾ Вил. Арх. Сб. VII, № 25. ⁴⁾ Юрій Александровичъ Ходкевичъ. ⁵⁾ Вил. Арх. Сб. VII, №№ 26 и 27.

стѣ съ радюю остальныхъ сенаторовъ Литовскихъ могла-бы удержать Княжество *in suo pristino statu*. Божіе наказаніе за грѣхи видитъ Нарушевичъ въ томъ, какъ была устроена эта Унія ¹⁾.

Таково было настроеніе Литовскихъ сенаторовъ, въ то время когда заключалась Люблинская Унія. На самомъ сеймѣ Литовскіе паны-рада не переставали смѣло выступать защитниками политическихъ правъ великаго княжества Литовскаго. 6 іюня, т. е. на другой день послѣ объявленія королевскаго рѣшенія о присоединеніи Кіева къ Коронѣ, Литовскіе сенаторы съ земскими послами Княжества явились въ замокъ по королевскому приказанію, переданному имъ Короннымъ маршалкомъ. Когда они сошлись съ Короннымъ сенатомъ, великій маршалокъ Литовскій Янъ Ходкевичъ «съ горечью и гнѣвомъ говорилъ, что Полякамъ не слѣдовало отнимать у нихъ издавна принадлежащихъ Литовскому княжеству областей, не доказавъ справедливости такого отнятія, какъ это слѣдовало-бы сдѣлать». Составитель дневника сейма 1569 года прибавляетъ: «много онъ говорилъ объ этомъ; дѣлалъ даже колкіе упреки» ²⁾. Ходкевичу отвѣчалъ Краковскій епископъ Филиппъ Падневскій, который ссылался на привилеи и на то, что еще въ Варшавѣ Поляки просили короля о возвращеніи имъ Волыни и Подляшья, которыя они считаютъ своею собственностью; Литовцамъ лучше было не уѣзжать съ сейма—они знали, что въ ихъ отсутствіе Поляки поднимутъ вопросъ о земляхъ. Въ заключеніе Падневскій заявилъ, что Поляки не вступятъ съ Литовцами ни въ какіе переговоры и будутъ стоять упорно за привилей на Унію, данный имъ королемъ. Онъ закончилъ свою рѣчь такъ: «угодно вамъ принести присягу и сѣсть вмѣстѣ съ нами въ радѣ? Извольте, господа (*waszmoscie*) это сдѣлать» ³⁾. Почва подъ собою чувствовалась Поляками въ это время уже твердо: король на ихъ сторонѣ и выдалъ уже привилей на Унію въ желанномъ для Поляковъ духѣ, а Литва ослаблена отторженіемъ отъ нея Волыни, Подляшья и Кіевщины, т. е. цѣлыхъ четырехъ воеводствъ ⁴⁾. Отвѣтъ Ходкевича епископу Краковскому подчеркиваетъ послѣднее особенно сильно. «Не знаю», сказалъ онъ, «какая это будетъ унія, когда мы видимъ, что уже теперь между вами сидятъ Литовскіе сенаторы. Вы уже обрѣзали намъ крылья! Между вами уже сидятъ воеводы Волынской, Кіевской, Подляш-

¹⁾ Вил. Арх. Сб. VII, № 27.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 407.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 407—408.   ⁴⁾ Волынское, Подляшское, Кіевское и Браславля Подольскаго.

скій, а также и другіе паны-рада—кашталяны». Однако Ходкевичъ попросилъ дать Литовцамъ привилей на Унію: они обсудятъ его. Польскіе сенаторы согласились это сдѣлать, но попросили поскорѣе покончить съ этимъ дѣломъ¹⁾. Упреки, высказанные Ходкевичемъ, были настолько сильны, что послы Коронные на другой день обратились къ королю съ жалобою на Литовскихъ сенаторовъ за ихъ вчерашнія рѣчи. Король отвѣтилъ, что онъ дурно смотритъ на поведеніе пановъ-рады Литовскихъ, но желаетъ, чтобы на ихъ поступокъ не обращалось вниманія въ интересахъ дѣла заключенія Уніи. «Сказать правду», прибавилъ онъ, «Литовцы не могутъ не сердиться: невзгода ихъ не маловажная,—у нихъ вѣдь оборваны крылья». Однако все-таки Полякамъ онъ сказалъ добиваться своего²⁾. Но посольская изба не успокоилась и послѣ этого отвѣта Сигизмунда Августа. 9 іюня послы земскіе отправили въ сенатъ четырехъ своихъ депутатовъ съ упрекомъ сенаторамъ, пропускающимъ безъ отвѣта гнѣвныя рѣчи Литовцевъ, которыхъ нельзя терпѣть. Изба заявила, что не желаетъ вступать съ Литвою ни въ какіе переговоры помимо новаго привилея на Унію, дарованнаго королемъ. Сенатъ далъ отвѣтъ этимъ депутатамъ въ томъ смыслѣ, что онъ смотритъ на Унію и на привилей о ней согласно съ избою и не поступитъ иначе, чѣмъ рѣшила она³⁾. Въ тотъ-же день прибыли въ сенатъ Литовскіе паны-рада, и Ходкевичъ вновь держалъ рѣчь отъ ихъ имени. Онъ высказалъ, что радѣ Литовской не нравится новый привилей, такъ какъ въ началѣ его упоминаются всѣ старыя привилеи на инкорпорацію, между тѣмъ какъ Унія, если уже идти отъ привилеевъ прежнихъ, должна быть заключена на основаніи Александрова привилея, дарованнаго послѣ всѣхъ старыхъ и смягчающаго ихъ. Далѣе онъ высказалъ слѣдующія требованія Литовцевъ: 1) вновь избираемый король долженъ послѣ принесенія присяги Польшѣ, принести ее и Литвѣ, какъ король Польскій и великій князь Литовскій, и подъ привилеями должны быть двѣ печати—Коронная и Литовская, 2) должности и достоинства въ Литвѣ должны быть сохранены въ своей чести и въ своихъ почетныхъ мѣстахъ, 3) параграфъ объ экзекуціи долженъ быть изложенъ болѣе обстоятельно, 4) сеймы должны бывать попеременно (*alternatim*)—разъ въ Польшѣ и разъ въ Литвѣ, 5) послѣ того какъ все это будетъ исполнено Поляками, Литовцы дадутъ

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 408.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 409.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 410.

имъ привилей на себя, а Поляки такой-же Литовцамъ; затѣмъ всѣ вмѣстѣ сядутъ въ радѣ, и король подтверждаетъ этотъ привилей; 6) что касается до контумаціи, то если хотятъ ее сохранить Поляки, Литва уступаетъ это на ихъ волю. Свою рѣчь Ходкевичъ закончилъ словами: «спрячьте, господа, привилей, полученный вами безъ насъ, а намъ дайте другой» ¹⁾. Итакъ Литва принимала Унію даже съ оторваніемъ земель отъ нея и только требовала признанія ея правъ на равенство съ Польшею, признанія ея и Короны двумя совершенно равными по своему значенію частями соединеннаго государства: присяга короля каждой части спольной Речи Посполитой, значеніе врядовъ, сеймы *alternatim*—должны говорить объ этомъ постоянно, а взаимное обязательство поставить Литву и Польшу въ положеніе двухъ договорившихся до Уніи государствъ, давшихъ одно другому обязательство въ исполненіи условій ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Литовцы старались обезопасить себя насчетъ нераспространенія на нихъ езекуціи, а относительно контумаціи, какъ наказанія за отѣздъ съ Люблинскаго сейма, то даже соглашались на упоминаніе о ней въ привилеѣ на Унію, не смотря на то, что этотъ документъ будетъ вѣчныя времена постоянно передъ глазами обоихъ народовъ. Когда Коронные сенаторы довели этотъ отвѣтъ Литовцевъ до свѣдѣнія короля, послѣдній по совѣщаніи съ сенатомъ пригласилъ въ засѣданіе и пословъ земскихъ. Примасъ Уханскій отъ имени сената сказалъ посламъ, что сенатъ думаетъ назначить комиссію изъ пяти сенаторовъ (въ числѣ ихъ печатарь) для измѣненія предисловія къ привилею, хотя и не желаетъ отступать отъ него. Такимъ образомъ будетъ составленъ новый привилей, какъ-будто по обоюдному согласію Поляковъ и Литовцевъ; тогда дѣло будетъ лучше и тверже. Новый привилей будетъ съ печатями обоихъ государствъ; что же касается до измѣненія пунктовъ, о которыхъ говорятъ Литовцы, то теперь сенатъ не считаетъ нужнымъ говорить съ ними: обо всѣхъ дѣлахъ будетъ рѣчь тогда, когда сядутъ вмѣстѣ въ одно засѣданіе. Посольская изба взяла это дѣло на свое обсужденіе, и, быстро покончивъ съ нимъ, послы отправились въ сенатъ съ такимъ приговоромъ: благодарить короля за его стараніе; отъ новаго привилея, даннаго въ 1569 году, не отступать, но взять изъ конца его въ предисловіе (*arengue*), что Литовцы прибыли на сеймъ и согласились

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 411, 412.

на Унію; Литовской печати на привилеѣ изба не желаетъ; привилей на Унію дадутъ Литовцы Полякамъ, а послѣдніе Литовцамъ, и король пусть конфирмуетъ это соглашеніе (zgode) особымъ привилеемъ ¹⁾. Король и сенатъ согласились дать Литовцамъ такой отвѣтъ, какого требовала посольская изба, и онъ въ тотъ же день, т. е. 9 іюня, былъ переданъ примасомъ приглашеннымъ въ сенатъ Литовскимъ раднымъ панамъ. Ходкевичъ возражалъ, но сенаторы ему отвѣтили: «согласитель только, господа, сѣсть съ нами въ одномъ засѣданіи; привилей-же пусть пишутъ, а вы, господа, пересмотрите копію ихъ» ²⁾. Прошли два дня, и посольская изба рѣшила поторопить короля и сенатъ съ окончаніемъ привилея на Унію. 12 іюня послы постановили идти къ королю съ просьбою о томъ, чтобы былъ составленъ ³⁾, наконецъ, и переданъ на ихъ обсужденіе привилей на Унію ⁴⁾, послѣ чего пусть король утвердитъ его своею грамотою. Перемышльскій судья Орѣховскій, говорившій по порученію избы объ этомъ рѣчь королю, ссылаясь на то, что уже много времени прошло въ сеймовыхъ занятіяхъ,—«и какое теперь время? Теперь такое время, что въ хозяйствѣ дорогъ каждый день» ⁵⁾. Землевладѣльческое значеніе шляхты и необходимость заботиться о сельскомъ хозяйствѣ, единственномъ средствѣ къ существованію рядовой, не должностной и не частно-служилой шляхты, требовали скорѣйшаго окончанія слишкомъ затянувшася сейма. Въ самомъ дѣлѣ, уже полгода длились засѣданія его, а дѣло Уніи не было еще закончено, и нетерпѣніе пословъ имѣло свои основанія. Но теперь дѣло заключенія Уніи стало подвигаться впередъ уже быстро. 15 іюня въ Коронный сенатъ явились опять Литовскіе сенаторы, отъ имени которыхъ снова говорилъ, какъ земскій Литовскій маршалокъ, староста Жомойтскій Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ. Онъ сказалъ: «безъ горечи нельзя вспомнить того, что съ нами дѣлается. Если вы, господа, желаете держать съ нами равенство, то мы не понимаемъ, почему намъ нужно терпѣть столь достойныя сожалѣнія вещи—быть ниже васъ»? Онъ требовалъ сохраненія значенія

¹⁾ Дн. Л. Стр. 412—414.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 414, 415.

³⁾ Этотъ привилей составлялся, какъ мы уже видѣли выше, сенаторскою комиссіей. Хотя посольская изба и требовала, чтобы надъ нимъ работала не чрезвычайная сенаторская комиссія, а просто, какъ обыкновенно, печатари (канцлеръ и подканцлеръ), но король приказалъ сохранить прежнее рѣшеніе свое и сената (Дн. Л. с. Стр. 414).

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 416.   ⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 417.

ваніи старыхъ договоровъ, *нарушавшихъ равенство* Литовскаго и Польскаго народовъ, а на основаніи безпристрастнаго обсужденія условій соединенія обоихъ государствъ. Изложивъ дѣло передъ королемъ и увидѣвъ, что они не могутъ добиться того, къ чему были обязаны сенаторы и послы земскіе Княжества обывателями Литовскими, они уѣхали, чтобы сообщить послѣднимъ требованія Короннаго сейма и испросить разрѣшенія ихъ на принятіе условій, навязываемыхъ Короною. Получивъ отъ имени короля приглашеніе явиться въ Коронный сенатъ, Литовскіе сенаторы поѣхали въ замокъ, хотя и были оповѣщены не своимъ маршалкомъ, а Короннымъ, но на мосту ихъ встрѣтили Люблинскій и Львовскій кашталяны, которые сказали, что Коронные сенаторы уже разѣхались. Тогда они вновь отправились вечеромъ, послѣ ужина къ королю, чтобы получить отъ него разъясненіе, зачѣмъ нуженъ ихъ съѣздъ съ Поляками, разъ они не имѣютъ права, согласно выраженной имъ волѣ Литовскаго народа, принимать и обсуждать ту унію, которой требуютъ Поляки,—но они не получили этого разъясненія. Тогда они уѣхали, оставивъ однако своихъ товарищей, Литовскихъ подканцлера и подскарбія, поручивъ имъ побратски объясниться съ Поляками, но послѣдніе не пожелали ихъ принять и выслушать. Въ виду всего этого Литовцы отнюдь не считаютъ себя совершившими проступокъ противъ Короны и Люблинскаго сейма. Литовскіе сенаторы были призваны въ Люблинъ королемъ лишь для заключенія Уніи, а вовсе не для разрѣшенія какого-либо вопроса о Волини и Подляшьѣ, да притомъ послѣднія всегда находились въ границахъ Княжества, никто объ этомъ не возбуждалъ сомнѣнія, и самъ король, вступая на престолъ, засталъ ихъ Литовскими и призналъ таковыми своею присягою. Между тѣмъ теперь не только отобранны отъ Литвы Волинь и Подляшье, но къ послѣднему захватываютъ и не малую часть Берестейскаго староства, никогда не входившаго въ составъ Подляшья; на этомъ незаконномъ основаніи отобранны староства и отъ Евстафія Воловича, и можно доказать привилеями, что они не входятъ въ составъ Подляшья. Кромѣ того всякія пререканія о Волини и Подляшьѣ несправедливы уже потому, что Сигизмундъ Августъ *раньше принесъ Литвѣ присягу въ сохраненіи всѣхъ ея земель, чѣмъ сдѣлался королемъ Польскимъ* и при церемоніи вступленія его на престолъ Княжества присутствовали станы обоихъ государствъ, но Поляки тогда и не подумали заявлять свои права

на эти земли. Притомъ на сохраненіе цѣлости Литвы была принесена королемъ двойная присяга—разъ отцомъ его за его малолѣтствомъ, въ другой разъ самимъ королемъ, и все это ясно изложено въ привилеяхъ. Литовская рада проситъ Коронный сенатъ постараться о томъ, чтобы король задержалъ и уничтожилъ универсалы, выданные на Волынь и Подляшье, и не отдѣлялъ этихъ земель отъ Княжества, которому онѣ принадлежатъ. Эти универсалы вносятъ смуту въ умы людскіе: теперь нарушается цѣлость Литовскаго великаго княжества, потомъ стануть приводить людей, принесшихъ присягу Литвѣ, къ присягѣ на подданство Коронѣ и поставятъ вопросъ о правѣ владѣнія ими ихъ отчизными землями. Волынь и Подляшье принадлежатъ Княжеству и по Божьему и по человѣческому праву: Ягайло владѣлъ этими землями по власти великаго князя Литовскаго, а не короля Польскаго и, хотя князя Литовскіе вступали въ договоры Уніи съ Польшею, это вовсе не служитъ основаніемъ для того, чтобы отъ Литовскаго государственнаго тѣла отрывать по частямъ его члены. Волынь населена народомъ только Русскимъ и Литовскимъ и родами князей Омелька, Ольгерда, Наримунта и Корибута, и по настоящій день Литовцы защищаютъ ее отъ враговъ. Что касается до Подляшья, то оно закладывалось князьямъ Мазовецкимъ князьями Литовскими, и уже это одно доказываетъ власть надъ нимъ Литовскихъ государей. Все это говоритъ о томъ, что Волынь и Подляшье части Княжества, а вовсе не Короны. Литовская рада взываетъ къ Коронной, прося ее оставить тотъ путь, который избрала Корона въ устройствѣ отношеній обоихъ государствъ: «лучше все дѣлать съ Божьимъ страхомъ» и, вмѣсто того чтобы отрывать отъ Литвы земли, оstarляя остальные въ жертву тиранству Московскаго князя, лучше заключить Унію съ Литовскимъ княжествомъ. Причиною того, что сенаторы Литовскіе не довершили на Люблинскомъ сеймѣ дѣла Уніи было то обстоятельство, что на земскихъ пословъ своихъ Литовская шляхта возложила строгое обязательство не начинать Уніи отъ старыхъ договоровъ; отдѣляться-же отъ пословъ сенаторы не считали себя въ правѣ ни по своему сенаторскому званію, ни по интересамъ государства Литовскаго, ни по обѣщанію своему, данному ими посламъ земскимъ на съѣздѣ въ Воинѣ—уѣхать всѣмъ вмѣстѣ, и это обѣщаніе извѣстно было королю. Въ заключеніе Литовская рада просила дать Литвѣ другой проектъ Уніи, такой, въ которомъ-бы старые договоры не вредили достоинству и чести

государства Литовскаго, его особамъ и станамъ, не уничтожали-бы въ Княжествѣ туземнаго народа, не навлекали-бы на Литовцевъ езекуціи, чтобы оба государства соединялись въ одно братство и «чтобы одна сторона не осуждалась на гибель ради другой». Послы Литовскіе, высказавъ все это, выражали полную готовность быть къ услугамъ Польскаго сената, если онъ пожелаетъ ими воспользоваться.

Посольство Литовское и содержаніе его рѣчей свидѣтельствовали ясно, какъ затруднительно было положеніе Литвы и какъ готова она была на уступки, сколько нибудь совмѣстныя съ ея достоинствомъ, ввиду опасностей и затрудненій, ее окружавшихъ. Поляки поняли это, и епископъ Краковскій тотчасъ-же указалъ на «мольбу» Литвы, съ которою она обратилась къ Коронѣ. Онъ восклицалъ: «и мы упустимъ все это!»¹⁾ «Литва уже проситъ уніи», говорили и послы земскіе²⁾. Сеймъ сталъ обсуждать просьбу Литовцевъ; конечно, о возвращеніи Волыни и Подляшья не могло быть серьезной рѣчи, но о созваніи новыхъ Литовскихъ сеймиковъ для выработки ими новыхъ полномочій земскимъ посламъ Княжества, разсуждали серьезно. Послѣ того какъ было высказано много подозрѣній къ просьбѣ Литовцевъ, — считали эту просьбу маневромъ, чтобы выиграть время, а созваніе сеймиковъ Литвы средствомъ вызвать бунтъ, — посольская изба рѣшила, что нужно ждать Литовцевъ четыре недѣли, но созыва сеймиковъ не дозволять: «какъ теперь Литовцы пріѣхали сюда, хотя никто не созывалъ имъ сеймиковъ такъ и въ другой разъ они могутъ пріѣхать безъ сеймиковъ»³⁾. Такъ разсуждали послы шляхты Польской о правахъ народа-шляхты Литовской. Какую бурю вызвало-бы среди самой шляхты Короны, если-бы какое-нибудь важное дѣло, не говоря уже о такомъ исключительномъ, какъ Унія, было совершено противъ инструкцій ея, данныхъ ею посламъ своимъ, или безъ созванія сеймиковъ для выраженія мнѣній и желаній ея! Какъ боялись сами послы земскіе Коронныя потерять довѣріе *своихъ* избирателей⁴⁾, поступаая противъ ихъ желаній и инструкцій! Но шляхта Польская хорошо знала латинскія пословицы и видимо твердо помнила—*quod licet Jovi, non licet bovi*. Таковъ былъ взглядъ на права того народа, съ которымъ «по братски» хотѣла соединиться шляхта Польская,

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 268.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 272.

³⁾ Дн. Л. Стр. 290.

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 309.

и не оправдаетъ историкъ поступка Люблинскаго сейма, хотя сеймъ самъ и оправдывалъ себя тѣмъ, что Литовскіе сеймики дѣлаютъ и постановляютъ лишь то, чего отъ нихъ потребуютъ сенаторы ¹⁾. Нарушая формальное право Княжества, сеймъ тѣмъ самымъ создавалъ законное основаніе для протестаціи Литовцевъ и для отказа ихъ отъ признанія Уніи, но мы уже знаемъ, что Литва не могла воспользоваться этимъ своимъ правомъ ввиду затрудненій, въ которыхъ она находилась. Сенатъ и Король не хотѣли заходить такъ далеко въ правонарушеніяхъ Литовскаго государственнаго строя, и сенаторы убѣждали избу согласиться на созваніе Литовскихъ сеймиковъ, ибо Литовскіе послы только на нихъ могутъ получить новыя полномочія на заключеніе Уніи на условіяхъ, съ которыми несогласны прежнія ихъ инструкціи ²⁾. Посольская изба, однако, не уступила и теперь, «единогласно рѣшила, что не нужно созывать» сеймиковъ Литовскихъ, несмотря на желаніе короля и сената ³⁾, и 18 апрѣля посольскій маршалокъ категорически объявилъ это сенаторамъ ⁴⁾. На слѣдующій день сенаторы послали передать избѣ, что пора отпустить Литовское посольство; сенатъ обсуждаетъ отвѣтъ имъ, но не дастъ его безъ вѣдома земскихъ пословъ ⁵⁾. Дѣло облегчалось тѣмъ, что Литовскіе послы на вопросъ Польскаго сената объ ихъ полномочіяхъ на заключеніе Уніи, заявили, что имѣютъ ихъ, а еслибы и не имѣли, то ручаются за своихъ братьевъ: они примутъ то, на что согласятся они, послы ихъ. Тогда сенаторы передали имъ свой проектъ договора Уніи ⁶⁾, составленный сенаторскою комиссіей, образованной по рѣшенію короля и сената изъ восьми сенаторовъ — четырехъ духовныхъ и четырехъ свѣтскихъ — и имѣвшей цѣлью сличить Литовское предложеніе съ Александровымъ привилеемъ, Варшавскимъ рецессомъ и послѣднимъ Люблинскимъ привилеемъ и такимъ образомъ достигнуть соглашенія ⁷⁾. Литовцы, взявъ сенаторскій проектъ просили лишь о томъ, чтобы сеймы бывали попеременно — разъ въ Литвѣ и разъ въ Польшѣ, и сенатъ склонялся на эту уступку ⁸⁾, но посольская изба постановила не входить ни въ какіе переговоры съ Литовцами и не отступать ни въ чемъ отъ привилея на Унію ⁹⁾. Въ субботу 23 апрѣля посольская изба получила извѣщеніе отъ сената: Ли-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 290.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 300—301.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 303.

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 307.

⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 311.

⁶⁾ Дн. Л. с. Стр. 313.

⁷⁾ Дн. Л. с. Стр. 312.

⁸⁾ Дн. Л. с. Стр. 313.

⁹⁾ Дн. Л. с. Стр. 314, 315.

товское посольство отпущено съ тѣмъ отвѣтомъ, что срокъ прїѣзда Литовцамъ назначенъ лишь до Троицына дня ¹⁾, Волынцамъ—три недѣли, Подляшанамъ до понедѣльника ²⁾. Прибытіе Подляшанъ и Волынцевъ было назначено раньше съ тою цѣлью, чтобы они не могли сговориться съ Литвою дѣйствовать сообща ³⁾.

Однако сеймики Литовскіе были все-таки созваны королемъ, несмотря на противодѣйствіе ихъ созыву со стороны посольской избы Короннаго сейма. Великій князь Литовскій, Сигизмундъ-Августъ могъ не считаться въ своихъ распоряженіяхъ по Княжеству съ желаніями Польскаго сейма. 26 и 27 апрѣля 1569 года изготовлены были въ Люблинѣ листы, касающіеся созыва повѣтовыхъ Литовскихъ сеймиковъ на 10 мая ⁴⁾. Въ королевской «наукѣ», данной, какъ это бывало обыкновенно, посламъ государя на отдѣльные сеймики, были изложены тѣ рѣчи, съ которыми должны были послы государевы обратиться къ сеймикующимъ обывателямъ. Въ силу этой «науки» ⁵⁾ послы королевскіе на сеймикахъ 10 мая 1569 года должны были напомнить обывателямъ Княжества объ ихъ просьбахъ, поданныхъ королю во время Московской войны, «абы его королевская милость для способу большого ку вальце съемъ спольный съ коруною Польскою на унею зложити рачилъ». Король напоминаетъ Литовцамъ сеймы Виленскій и Варшавскій, Бѣльскій и Парчовскій, просьбы въ Молодечнѣ въ военномъ станѣ, Городенскій сеймъ 1568 года—эти собранія и съѣзды ознаменованы Литовскими просьбами объ Уніи и переговорами съ Поляками относительно нея. Теперь королемъ созванъ сеймъ въ Люблинѣ для окончательнаго установленія Уніи, онъ засѣдаетъ и теперь, но, когда на него съѣхались станы обихъ государствъ, они «въ томъ згодити ся не могли, же бы отъ старыхъ списовъ, альбо отъ намовъ на соймахъ прошлыхъ справу унеи починати мели». Паны-рада и станы Литовскіе «дали се въ томъ слышети его милости господару, ижъ отъ брати ⁶⁾ своее отправлени, абы не отъ старыхъ списовъ, але зъ милости братеръское знову унею становили», Поляки же хотѣли начинать дѣло, положивъ въ основаніе его старыя привилеи, «звлаца при-

¹⁾ 29 мая. См. *Н. Горбачевскій*. Археографическій календарь. Вильна, 1869 г. № 20.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 326.   ³⁾ Дн. Л. с. Стр. 323.

⁴⁾ *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія. №№ 75, 76, 77, 78.

⁵⁾ *Ibidem* № 77.

⁶⁾ Исправляемъ по чтенію Лит. Метр. $\frac{ША}{10}$ л. 18, приводимому самимъ *М. К. Любавскимъ* въ примѣчаніи (стр. 217).

вилья» Александра, и «въ томъ ся слышети давали, естли бы и въ томъ привилью короля Алексанъдра што противного видело милости и сполку братерскому, кождый артыкулъ приводячи», соглашались на нераспространеніе на Княжество Короннаго постановленія относительно езекуціи. Литовцы «по долгихъ намовахъ», бывшихъ между ними и Поляками, уѣхали изъ Люблина, «ничого не постановивши». Послѣ отъѣзда Литовцевъ Поляки «оказовали передъ его кролевъскою милостью права и привилья, домовляючи ся, абы съ повинности, его милости господарское ку skutъкови ¹⁾ ихъ приведены были», и этого «на сторону откладати» королю «не годило» ввиду присяги его самого и его предковъ, «звлаща за таковымъ розѣханемъ некоторого упевненья не вчинивши, якожь то вжо» Литовскимъ обывателямъ «не тайно ²⁾, што около некоторыхъ земель, ку границамъ коруны Полское прилеглыхъ, дееть». Паны-рада Княжества, «которые ся на тотъ часъ до Вильни зѣхати могли», отправили къ королю и къ Коронному сенату своихъ пословъ, прося созвать новый сеймъ «ку застановенью тое sprawy», т. е. Уніи. Однако король ввиду опасностей, грозящихъ отъ враговъ и помня прежнія просьбы Литовцевъ объ уніи съ Поляками, а также ввиду обѣщанія становъ Коронныхъ ожидать «до святокъ, близко пришлыхъ», возвращенія на сеймъ Литовцевъ, назначилъ повѣтовые сеймики Княжеству на 10 мая, «бачечи, же тою причиною, замероною моцью становити, тая справа унеи не дошла». Король поручаетъ своимъ посламъ сказать сеймикующимъ обывателямъ Литовскимъ: «его кролевская милость съ подивеньемъ приймаеть, ижъ сами добровольне просите о зуниеванье для вальки потужъное и о соймы спольные для того, а кгда на съемъ пословъ выправуете, замероную имъ моцъ даете и на становенье унеи новый обычай—не только старыхъ листовъ не держите, але тежь и певныхъ намовъ, на соймехъ около унеи вчиненыхъ, отступуете, зачимъ речь посполитую затрудняете, панъства въ нелюбость и въ ростыркъ приводите, неприятелеви потуху большую съ того подаете, звлаща ижъ водле potrzeby потужъная война не идетъ, зачимъ ся неприятель въ панъстве его кролевъское милости ширить, братью и приятелей вашихъ одныхъ у везенью держитъ, другихъ маетности поседаеть, вы тежь сами частыми войнами и немалыми податки на тую жъ войну вытегаетеся, што добре бачить его

¹⁾ Также (стр. 218).

²⁾ Также (ibidem).

кролевская милость, яко трудности и нарушенья на маетности приймете, а то не лаце бы ити могло за злученьемъ обоихъ панствъ». Король говоритъ, чтобы все это продумали сеймики и, выбравъ пословъ на Люблинскій сеймъ, отправили-бы ихъ туда «на понеделокъ светочный», т. е. къ Духову дню. Полномочіе имъ должно быть дано неограниченное—имъ нужно дать «зупольную моць становити такъ около унеи, яко и спольное обороны, кгдажъ въ той справе унеи постерегати хочеть, ижъ бы въ ровности тые панства захованы были, а одно надъ другое ся не вывышало и въ своей зацности, у-въ учтивости и въ достоенствахъ обои панства цале захованы были, чого—дали Богъ—съ потехою будутъ уживати на вечные часы, сполне кожъдому неприятели отпираючи и въ каждой учтивости правъ, вольностей и свободъ своихъ уживати будутъ». Король со своей стороны обѣщаетъ, не щадя своихъ трудовъ и здоровья, «дотоль речи зносити, яко на всемъ томъ, што на листехъ его кролевское милости и въ томъ поселъстве» Литовскимъ обывателямъ черезъ пословъ его «роказано, ласку его кролевское милости ку тому панству, великому князству Литовскому, и ку особамъ своимъ кождый познаеть». При этомъ Литовцы «яко доброволне приедутъ, такъ тежъ доброволне и отъедутъ». Если же они не захотятъ отправиться въ Люблинъ къ назначенному дню, а вслѣдствіе этого Княжеству будетъ какой-либо ущербъ, или приключится опасность отъ неприятели, «въ томъ, яко зостануть права его кролевское милости и оному панству, то кождый нехай лепшимъ роказанемъ въ себѣ поважаетъ». Таковы были рѣчи, которыя говорили послы королевскіе на сеймикахъ Литовскихъ повѣтовъ 10 мая 1569 года. Листы къ Литовскимъ обывателямъ, «узываючи ихъ на съемъ Любельскій ку сконченью унеи», разосланные изъ Люблина 28 и 29 апрѣля ¹⁾, предписывали также, собравшись на сеймикъ выбрать и выслать на сеймъ «тыхъ-же пословъ, которые на сойме теперешнемъ Любельскомъ первей были, альбо иныхъ, людей бачныхъ ростропныхъ», но «не зъ замероною моцью», какая имъ была дана прежде, «але зъ зупольною и достаточною ку скончьенью тое справы унеи, такъже и для объмышлеванья около обороны оногo панства нашего, великого князства Литовского, чимъ бы ся безъпечити могло».

Между тѣмъ пока сеймъ послѣ отъѣзда Литовскаго посоль-

¹⁾ М. К. Любавскій. Л.-Р. сеймъ. Приложенія. № 78.

ства работалъ надъ своими Польскими дѣлами, аппетиты его на присоединеніе Литовскихъ земель къ Коронѣ разгорались. Въ это время посольская изба не только предъявила требованіе наказать не прибывшихъ на сеймъ Волынцевъ и Подляшанъ ¹⁾, но заявила, будто-бы изъ привилеевъ оказывается, что и Кіевъ принадлежитъ Королевству. Она получила на это отвѣтъ короля объ его готовности присоединить Кіевъ къ Польшѣ въ томъ случаѣ, если сенаторы, разсмотрѣвъ привилеи, найдутъ это требованіе правильнымъ ²⁾. Изба затѣмъ не разъ возобновляла свое требованіе отторженія отъ Литвы Кіевщины съ Брацлавомъ и Винницею ³⁾. Замѣтимъ тутъ, что о нераздѣленіи судьбы Брацлава и Виницы отъ судьбы Кіева, какъ-бы она ни рѣшилась, просилъ и самъ воевода Брацлавскій князь Романъ Сангушко ⁴⁾. Передъ читателемъ дневника сейма 1569 года невольно воскресаетъ картина пріискиванія основаній для присоединенія земель къ Франціи во времена Людовика XIV и *chambres de réunion* этого короля, когда онъ узнаетъ основанія для присоединенія Кіева къ Польшѣ, высказанныя посольскою избою сейма: 3 іюня посоль Потворовскій «отъ имени пословъ почтительнѣйше просилъ короля присоединить къ королевству Кіевъ съ его округомъ, какъ страну, которая въ древности платила дань королевству и которой князья обыкновенно признавали власть королевства, что видно изъ привилеевъ, представленныхъ королю, и изъ древнѣйшихъ хроникъ, въ которыхъ говорится, что этотъ городъ трижды былъ взятъ и разграбленъ Польскими королями» ⁵⁾. Походы Поляковъ въ XI столѣтіи, считались основаніями для притязаній на Кіевъ въ серединѣ XVI вѣка!

23 мая была принесена на подданство Коронѣ присяга Волынцами ⁶⁾; присяга Подляшанъ происходила еще раньше ⁷⁾. Присяги Волынцевъ и Подляшанъ продолжали приноситься и въ слѣдующіе дни ⁸⁾. Вопросъ о присоединеніи Кіева къ Коронѣ былъ, наконецъ, также рѣшенъ королемъ въ утвердительномъ смыслѣ 5 іюня ⁹⁾, и новое отторженіе отъ Литвы ея земель должно было состояться. Характеренъ эгоизмъ, съ которымъ обсуждалось присоединеніе къ Коронѣ «матери городовъ Русскихъ». Въ то время какъ часть Польскаго сената высказывалась за его присоеди-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 367.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 367.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 388, 392, 401, 403, 404, 407.   ⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 397.

⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 401.   ⁶⁾ Дн. Л. с. Стр. 378.   ⁷⁾ Дн. Л. с. Стр. 169—171.

⁸⁾ Дн. Л. с. Стр. 385, 386, 387.   ⁹⁾ Дн. Л. с. Стр. 405.

ніе,—разъ рѣшено было слѣдовать указаніямъ старыхъ грамотъ и хроникъ, этого требовала послѣдовательность,—другая часть говорила: «мы можемъ доставить ему слабую защиту, тогда какъ та страна требуетъ значительной посылки войска, котораго мы не можемъ нанять съ малыми издержками. Напротивъ, Кіевъ нужно оставить Литовцамъ; пусть они своей казной устроятъ и защищаютъ его, какъ устроили и защищали до сихъ поръ. Намъ нужно соображать, какъ бы не взять на-себя больше тяжести, чѣмъ сколько могутъ вынести наши силы»¹⁾. Интересно, что нѣкоторые Поляки сами понимали всю нелогичность отторженія отъ Литвы ея земель, если съ нею намѣрена Польша заключить Унію. Такъ, Краковскій воевода Станиславъ Мышковскій сразу послѣ объявленія королевскаго рѣшенія о присоединеніи Кіева къ Коронѣ, сказалъ съ большимъ гнѣвомъ (*furore concitatus*): «заявляю, что я никогда не совѣтовалъ, чтобы такъ по частямъ присоединялись къ Королевству владѣнія, но пусть заканчивается вообще унія всѣхъ ихъ потому, что мы имѣемъ такіе же привилегіи не только на Кіевъ, но и на Вильну, Троки и проч.»²⁾. Но Краковскій воевода не только не имѣлъ успѣха со своимъ заявленіемъ, но даже вызвалъ такое раздраженіе, что присутствовавшіе «насилу удержались отъ того, чтобы не плевать на него; они съ ѣдкостью называли его ходатаемъ Литовскимъ»³⁾.

Какія чувства все это возбуждало въ Литовцахъ, какъ должны были они смотрѣть на короля и Поляковъ, видя ограбленіе Литовскаго государства и слыша о томъ, что говорилось на «братскомъ» сеймѣ? Положеніе было слишкомъ серьезнымъ для того, чтобы Литовскіе сенаторы и довѣренныя лица, жившіе въ Люблинѣ, оставленные здѣсь Литовцами послѣ своего отъѣзда, не слѣдили за всѣмъ, что дѣлалось на сеймѣ, ловя всѣ слухи и рѣчи и сообщая потомъ все это своимъ товарищамъ, жившимъ въ Княжествѣ. Такъ, 26 апрѣля 1569 года Литовскій земскій подскарбій Николай Нарушевичъ послалъ изъ Вильны Виленскому воеводичу Николаю Криштофу Радивилу своего посланца, который при письмѣ его понесъ цѣлый «фасцикулъ» (связка) писемъ изъ Люблина къ этому представителю первой по своему вліянію Литовской фамиліи⁴⁾. 4 мая изъ Люблина кухмистръ Еразмъ Крочевскій писалъ къ тому же Николаю Криштофу Радивилу, убѣждая его пріѣхать въ Люблинъ, чтобы не подвергнуться «конту-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 402.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 406. Ср. приложеніе LXXIV.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 406.

⁴⁾ Вил. Арх. Сб. VII № 19.

маці» со всѣми ея послѣдствіями и чтобы добыть для себя врандъ Литовскаго подчашія ¹⁾). Но въ томъ же Несвижскомъ архивѣ Радивилловъ, изъ котораго извлечены эти письма, сохранились и письма гораздо болѣе интересныя, чѣмъ эти. Какимъ глубокимъ драматизмомъ положенія и горемъ патріота дышатъ, напримѣръ, письма Яна Ходкевича къ Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу. Такъ 20 мая изъ Гуци, живя въ Литвѣ послѣ своего возвращенія изъ поѣздки въ качествѣ посла Литовской рады въ Люблинъ, Ходкевичъ писалъ Радивилу, что онъ, вернувшись домой, нашелъ у себя много неприятныхъ вѣстей изъ Люблина: Волынцамъ назначенъ послѣдній срокъ для присяги подѣ страхомъ конфискаціи имѣній и изгнанія изъ воеводства, панъ Слушка, отказывавшійся прежде присягать, принесъ требуемую отъ него присягу; не хотятъ ожидать долѣе назначеннаго срока и Литовцевъ. А тутъ 70 тысячъ Турецкаго войска расположились недалеко отъ Черкасъ, и отуреченный Полякъ Стражъ, посоль Турецкій отдастъ ихъ въ распоряженіе Сигизмунда-Августа. Ходкевичъ собирается выѣзжать въ Люблинъ и проситъ Радивила также отправиться туда; «безъ тебя», пишетъ онъ, «ничего не сможемъ сдѣлать... спасай свою Речъ Посполитую, которой ты самъ одинъ можешь служить лучше всѣхъ». Остального, что волнуетъ и занимаетъ его, авторъ письма не рѣшается довѣрить бумагѣ ²⁾). Приближаясь къ Люблину, Ходкевичъ пишетъ поспѣшно, наскоро (*partissime*) другое письмо Радивилу 28 мая изъ Парчова ³⁾). Здѣсь онъ встрѣтился съ паномъ Радомскимъ, ѣхавшимъ на Волынь, который рассказалъ ему, что уже присягнули Коронѣ по своимъ Волынскимъ имѣніямъ воеводы Троцкій, Кіевскій и Волынскій, Луцкій бискупъ, Евстафій Воловичъ, ксендзъ Корецкій, князь Вишневецкій и много менѣе значительной шляхты. Узналъ Ходкевичъ и то, что Волынскіе послы, сѣвъ въ посольской избѣ Коронной послѣ присоединенія Волыни къ Польшѣ, высказались за присоединеніе къ ней и Кіева, такъ какъ онъ принадлежитъ-де

¹⁾ Вил. Арх. Сб. VII № 20. Издатели почему-то посчитали подчашество Литовское специальнымъ Подляшскимъ урядомъ. Такого не было, да и самъ документъ ни слова не говоритъ о чемъ-либо подобномъ.

²⁾ Вил. Арх. Сб. VII № 21. Нельзя не обратить вниманія на погрѣшность изданія. Издатели напечатали: «*taka serbe scviunt (sic)*», поставивъ—*sic*—въ знакъ неясности мѣста. Между тѣмъ оно совершенно ясно; стоитъ лишь написать его такъ: «*tak aserbe seviunt*». Перенесеніе буквъ одного слова въ другое—явленіе совершенно обычное въ рукописяхъ XVI столѣтія.

³⁾ Вил. Арх. Сб. VII, № 22.

не къ Руси, а къ Волыни. «Изволь знати объ этомъ, ваша милость, и каковы будутъ воля и мнѣніе твои, какъ поступать»?—спрашиваетъ Ходкевичъ начальнаго Литовскаго сенатора и чело-вѣка. Но вотъ Ходкевичъ прибылъ въ Люблинъ. 31 мая онъ вновь пишетъ Радивилу, и какимъ горемъ проникнуто это письмо Литовскаго патріота! «До чего дошло и еще болѣе доходить для убогой и бѣдной речи посполитой нашей, того мнѣ не нужно писать вашей милости, моему милостивому пану, какъ прекрасно освѣдомленному во всѣхъ дѣлахъ. Сердце поражается небывалою болью, когда смотришь на то, что дѣлается съ нами, а особенно когда видишь, что мы жестоко во всемъ ошибаемся и именно въ томъ, откуда съ надеждою ожидали для себя всего добраго»—такъ пишетъ Ходкевичъ въ этомъ письмѣ. Онъ говоритъ далѣе о принесеніи присяги Литвою—одни принесли ее противъ желанія, другіе *obviis ulmis*; Волынцы заявили въ посольской избѣ, что Кіевъ и Берестье принадлежать къ ихъ землѣ, проводится граница ея по Наревъ и Яцольду, захватывая на Волыни Пинскъ и Кобринъ, и Поляки хотятъ добиваться всего этого. Теперь уже Поляки разсуждаютъ между собою, что имъ и Унія съ Литвою мало нужна: они уже считаютъ для себя тяжелымъ дѣломъ защиту Литвы отъ Москвы—«пускай себѣ тамъ воетъ Литва». Жмудь хотятъ отдать Пруссакамъ. «Для Бога, мой пане, благоволи, ваша милость, пріѣхать для спасенія нашей (теу) убогой Речи Посполитой, ибо не имѣется никакой надежды на тѣхъ, кто пріѣхалъ». Поспѣшите просить Ходкевичъ Радивиля, такъ какъ, по его словамъ «*interitus poster prae foribus*»¹⁾).

Мало утѣшительнаго сообщалъ Николаю Радивилу о положеніи дѣлъ въ Люблинѣ и другой его корреспондентъ—земскій Литовскій подскарбій Николай Нарушевичъ. Въ письмѣ отъ 5 іюня²⁾ онъ разсказываетъ о присягѣ, принесенной на подданство Коронѣ Волынцами, говоритъ о прибытіи въ Люблинъ каштеляновъ Виленскаго и Троцкаго³⁾ и о представленіи королю всѣхъ бывшихъ въ Люблинѣ Литовскихъ сенаторовъ за исключеніемъ пана Виленскаго. Онъ пишетъ также о томъ, какъ маршалокъ великій Литовскій⁴⁾ отъ имени цѣлой рады Княжества въ подробной рѣчи заявилъ королю, что сенаторы Литовскіе съѣхались въ Люблинъ для окончанія дѣла Уніи и въ исполненіе воли королев-

¹⁾ Вил. Арх. Сб. VII, № 23.   ²⁾ Вил. Арх. Сб. VII, № 24.

³⁾ Григ. Алекс. Ходкевичъ и Юрій Алекс. Ходкевичъ.   ⁴⁾ Янъ Еро- нимовичъ Ходкевичъ.

ской; однако они испрашивали милостиваго указанія государева, какъ имъ приступить къ этому дѣлу и отъ чего начинать, ибо они видятъ великое горе свое и государства Литовскаго вслѣдствіе непонятнаго оторванія отъ него земель Подляшской и Волынской, а также половины Берестейскаго староства; а тутъ еще угрожаютъ и Кіеву. Рассказывая далѣе о Люблинскихъ дѣлахъ, Нарушевичъ говоритъ, что, судя по началу дѣла, нельзя ожидать ничего хорошаго и одна лишь есть надежда—на Божіе милосердіе. Дѣла въ такомъ положеніи, что и премудрый Соломонъ съ трудомъ могъ бы уже ихъ поправить; пань-рады Литовскіе все-таки сильно желаютъ видѣть среди себя Николая Радивиля, на него возлагая свои надежды. Какъ изъ другихъ, такъ и изъ этого письма узнаемъ, что и Радивиль не оставлялъ своихъ корреспондентовъ безъ отвѣта ¹⁾; изъ него же узнаемъ что въ Люблинѣ находился и секретарь Виленскаго воеводы Андрей Волянъ, извѣщавшій его подробно о происходившемъ ²⁾.

6 іюня написалъ письмо Николаю Радивилу Янъ Ходкевичъ ³⁾, которое звучитъ не менѣе безотрадно, чѣмъ письмо Нарушевича, писанное наканунѣ. Въ немъ староста Жомойтскій, между прочимъ, извѣщаетъ Радивиля и о смерти своего стрыя, Троцкаго каштеляна ⁴⁾, который, обѣдая у него, говорилъ Оссолинскому о томъ, какую гибель приносить Литвѣ такая Унія и, *amore patriae ductus*, пожелалъ себѣ не дожить до нея. Такъ и случилось: онъ отдалъ Богу душу 6 іюня. Проникнуты горемъ и письма Нарушевича отъ 11 и 28 іюня ⁵⁾. Особенно сильно звучитъ звукомъ горя и слезъ о судьбѣ Литвы послѣднее изъ этихъ писемъ. Нарушевичъ получилъ письмо Радивиля, изъ котораго увидѣлъ, какъ горячо оплакиваетъ Виленскій воевода «погребеніе и уничтоженіе на вѣчныя времена вольнаго и независимаго государства, нѣкогда великаго княжества Литовскаго». Онъ пишетъ далѣе: «что благоволишь, дѣлать, ваша милость, какъ по истинѣ великій и первѣйшій сенаторъ и патриотъ, страстно любящій свою отчизну, такъ какъ и всякаго, хотя-бы даже самаго низшаго природнаго обывателя этого государства такое дѣло (*affect*) должно поразить и привести въ глубокое горе. Нарушевичъ высказываетъ сожалѣніе, что не далъ Богъ того, чтобы воевода Виленскій вмѣстѣ съ Виленскимъ бискупомъ были на Люблинскомъ сеймѣ: ихъ рада вмѣ-

¹⁾ Вил. Арх. Сб. VII. Стр. 41; ср. также стр. 46 и 47.   ²⁾ Вил. Арх. Сб. VII. Стр. 41.   ³⁾ Вил. Арх. Сб. VII, № 25.   ⁴⁾ Юрій Александровичъ Ходкевичъ.   ⁵⁾ Вил. Арх. Сб. VII, №№ 26 и 27.

стѣ съ радюю остальныхъ сенаторовъ Литовскихъ могла-бы удержать Княжество *in suo pristino statu*. Божіе наказаніе за грѣхи видитъ Нарушевичъ въ томъ, какъ была устроена эта Унія ¹⁾.

Таково было настроеніе Литовскихъ сенаторовъ, въ то время когда заключалась Люблинская Унія. На самомъ сеймѣ Литовскіе паны-рада не переставали смѣло выступать защитниками политическихъ правъ великаго княжества Литовскаго. 6 іюня, т. е. на другой день послѣ объявленія королевскаго рѣшенія о присоединеніи Кіева къ Коронѣ, Литовскіе сенаторы съ земскими послами Княжества явились въ замокъ по королевскому приказанію, переданному имъ Короннымъ маршалкомъ. Когда они сошлись съ Короннымъ сенатомъ, великій маршалокъ Литовскій Янъ Ходкевичъ «съ горечью и гнѣвомъ говорилъ, что Полякамъ не слѣдовало отнимать у нихъ издавна принадлежащихъ Литовскому княжеству областей, не доказавъ справедливости такого отнятія, какъ это слѣдовало-бы сдѣлать». Составитель дневника сейма 1569 года прибавляетъ: «много онъ говорилъ объ этомъ; дѣлалъ даже колкіе упреки» ²⁾. Ходкевичу отвѣчалъ Краковскій епископъ Филиппъ Падневскій, который ссылался на привилей и на то, что еще въ Варшавѣ Поляки просили короля о возвращеніи имъ Волыни и Подляшья, которыя они считаютъ своею собственностью; Литовцамъ лучше было не уѣзжать съ сейма—они знали, что въ ихъ отсутствіе Поляки поднимутъ вопросъ о земляхъ. Въ заключеніе Падневскій заявилъ, что Поляки не вступятъ съ Литовцами ни въ какіе переговоры и будутъ стоять упорно за привилей на Унію, данный имъ королемъ. Онъ закончилъ свою рѣчь такъ: «угодно вамъ принести присягу и сѣсть вмѣстѣ съ нами въ радѣ? Извольте, господа (*vaszmoscie*) это сдѣлать» ³⁾. Почва подъ собою чувствовалась Поляками въ это время уже твердо: король на ихъ сторонѣ и выдалъ уже привилей на Унію въ желанномъ для Поляковъ духѣ, а Литва ослаблена отторженіемъ отъ нея Волыни, Подляшья и Кіевщины, т. е. цѣлыхъ четырехъ воеводствъ ⁴⁾. Отвѣтъ Ходкевича епископу Краковскому подчеркиваетъ послѣднее особенно сильно. «Не знаю», сказалъ онъ, «какая это будетъ унія, когда мы видимъ, что уже теперь между вами сидятъ Литовскіе сенаторы. Вы уже обрѣзали намъ крылья! Между вами уже сидятъ воеводы Волынскій, Кіевскій, Подляш-

¹⁾ Вил. Арх. Сб. VII, № 27,   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 407.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 407—408.   ⁴⁾ Волынское, Подляшское, Кіевское и Браславля Подольскаго.

скій, а также и другіе паны-рада—кашталяны». Однако Ходкевичъ попросилъ дать Литовцамъ привилей на Унію: они обсудятъ его. Польскіе сенаторы согласились это сдѣлать, но попросили поскорѣе покончить съ этимъ дѣломъ¹⁾. Упреки, высказанные Ходкевичемъ, были настолько сильны, что послы Коронные на другой день обратились къ королю съ жалобою на Литовскихъ сенаторовъ за ихъ вчерашнія рѣчи. Король отвѣтилъ, что онъ дурно смотритъ на поведеніе пановъ-рады Литовскихъ, но желаетъ, чтобы на ихъ поступокъ не обращалось вниманія въ интересахъ дѣла заключенія Уніи. «Сказать правду», прибавилъ онъ, «Литовцы не могутъ не сердиться: невзгода ихъ не маловажная,—у нихъ вѣдь оборваны крылья». Однако все-таки Полякамъ онъ сказалъ добиваться своего²⁾. Но посольская изба не успокоилась и послѣ этого отвѣта Сигизмунда Августа. 9 іюня послы земскіе отправили въ сенатъ четырехъ своихъ депутатовъ съ упрекомъ сенаторамъ, пропускающимъ безъ отвѣта гнѣвныя рѣчи Литовцевъ, которыхъ нельзя терпѣть. Изба заявила, что не желаетъ вступать съ Литвою ни въ какіе переговоры помимо новаго привилея на Унію, дарованнаго королемъ. Сенатъ далъ отвѣтъ этимъ депутатамъ въ томъ смыслѣ, что онъ смотритъ на Унію и на привилей о ней согласно съ избою и не поступитъ иначе, чѣмъ рѣшила она³⁾. Въ тотъ-же день прибыли въ сенатъ Литовскіе паны-рада, и Ходкевичъ вновь держалъ рѣчь отъ ихъ имени. Онъ высказалъ, что радѣ Литовской не нравится новый привилей, такъ какъ въ началѣ его упоминаются всѣ старыя привилеи на инкорпорацію, между тѣмъ какъ Унія, если уже идти отъ привилеевъ прежнихъ, должна быть заключена на основаніи Александрова привилея, дарованнаго послѣ всѣхъ старыхъ и смягчающаго ихъ. Далѣе онъ высказалъ слѣдующія требованія Литовцевъ: 1) вновь избираемый король долженъ послѣ принесенія присяги Польшѣ, принести ее и Литвѣ, какъ король Польскій и великій князь Литовскій, и подъ привилеями должны быть двѣ печати—Коронная и Литовская, 2) должности и достоинства въ Литвѣ должны быть сохранены въ своей чести и въ своихъ почетныхъ мѣстахъ, 3) параграфъ объ экзекуціи долженъ быть изложенъ болѣе обстоятельно, 4) сеймы должны бывать попеременно (*alternatim*)—разъ въ Польшѣ и разъ въ Литвѣ, 5) послѣ того какъ все это будетъ исполнено Поляками, Литовцы дадутъ

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 408.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 409.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 410.

имъ привилей на себя, а Поляки такой-же Литовцамъ; затѣмъ всѣ вмѣстѣ сядутъ въ радѣ, и король подтверждаетъ этотъ привилей; б) что касается до контумации, то если хотятъ ее сохранить Поляки, Литва уступаетъ это на ихъ волю: Свою рѣчь Ходкевичъ закончилъ словами: «спрячьте, господа, привилей, полученный вами безъ насъ, а намъ дайте другой» ¹⁾. Итакъ Литва принимала Унію даже съ оторваніемъ земель отъ нея и только требовала признанія ея правъ на равенство съ Польшею, признанія ея и Короны двумя совершенно равными по своему значенію частями соединеннаго государства: присяга короля каждой части спольной Речи Посполитой, значеніе вѣдѣвъ, сеймы *alternatim* — должны говорить объ этомъ постоянно, а взаимное обязательство поставить Литву и Польшу въ положеніе двухъ договорившихся до Уніи государствъ, давшихъ одно другому обязательство въ исполненіи условій ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Литовцы старались обезопасить себя насчетъ нераспространенія на нихъ экзекуціи, а относительно контумации, какъ наказанія за отъѣздъ съ Люблинскаго сейма, то даже соглашались на упоминаніе о ней въ привилеѣ на Унію, не смотря на то, что этотъ документъ будетъ вѣчныя времена постоянно передъ глазами обоихъ народовъ. Когда Коронные сенаторы довели этотъ отвѣтъ Литовцевъ до свѣдѣнія короля, послѣдній по совѣщаніи съ сенатомъ пригласилъ въ засѣданіе и пословъ земскихъ. Примасъ Уханскій отъ имени сената сказалъ посламъ, что сенатъ думаетъ назначить комиссію изъ пяти сенаторовъ (въ числѣ ихъ печатарь) для измѣненія предисловія къ привилею, хотя и не желаетъ отступать отъ него. Такимъ образомъ будетъ составленъ новый привилей, какъ-будто по обоюдному согласію Поляковъ и Литовцевъ; тогда дѣло будетъ лучше и тверже. Новый привилей будетъ съ печатями обоихъ государствъ; что же касается до измѣненія пунктовъ, о которыхъ говорятъ Литовцы, то теперь сенатъ не считаетъ нужнымъ говорить съ ними: обо всѣхъ дѣлахъ будетъ рѣчь тогда, когда сядутъ вмѣстѣ въ одно засѣданіе. Посольская изба взяла это дѣло на свое обсужденіе, и, быстро покончивъ съ нимъ, послы отправились въ сенатъ съ такимъ приговоромъ: благодарить короля за его стараніе; отъ новаго привилея, даннаго въ 1569 году, не отступать, но взять изъ конца его въ предисловіе (*arenge*), что Литовцы прибыли на сеймъ и согласились

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 411, 412.

на Унію; Литовской печати на привилеѣ изба не желаетъ; привилей на Унію дадутъ Литовцы Полякамъ, а послѣдніе Литовцамъ, и король пусть конфирмуетъ это соглашеніе (zgode) особымъ привилеемъ ¹⁾. Король и сенатъ согласились дать Литовцамъ такой отвѣтъ, какого требовала посольская изба, и онъ въ тотъ же день, т. е. 9 іюня, былъ переданъ примасомъ приглашеннымъ въ сенатъ Литовскимъ раднымъ панамъ. Ходкевичъ возражалъ, но сенаторы ему отвѣтили: «согласитель только, господа, сѣсть съ нами въ одномъ засѣданіи; привилей-же пусть пишутъ, а вы, господа, пересмотрите копію ихъ» ²⁾. Прошли два дня, и посольская изба рѣшила поторопить короля и сенатъ съ окончаніемъ привилея на Унію. 12 іюня послы постановили идти къ королю съ просьбою о томъ, чтобы былъ составленъ ³⁾, наконецъ, и переданъ на ихъ обсужденіе привилей на Унію ⁴⁾, послѣ чего пусть король утвердитъ его своею грамотою. Перемышльскій судья Орѣховскій, говорившій по порученію избы объ этомъ рѣчь королю, ссылаясь на то, что уже много времени прошло въ сеймовыхъ занятіяхъ,—«и какое теперь время? Теперь такое время, что въ хозяйствѣ дорогъ каждый день» ⁵⁾. Землевладѣльческое значеніе шляхты и необходимость заботиться о сельскомъ хозяйствѣ, единственномъ средствѣ къ существованію рядовой, не должностной и не частно-служилой шляхты, требовали скорѣйшаго окончанія слишкомъ затянувшася сейма. Въ самомъ дѣлѣ, уже полгода длились засѣданія его, а дѣло Уніи не было еще закончено, и нетерпѣніе пословъ имѣло свои основанія. Но теперь дѣло заключенія Уніи стало подвигаться впередъ уже быстро. 15 іюня въ Коронный сенатъ явились опять Литовскіе сенаторы, отъ имени которыхъ снова говорилъ, какъ земскій Литовскій маршалокъ, староста Жомойтскій Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ. Онъ сказалъ: «безъ горечи нельзя вспомнить того, что съ нами дѣлается. Если вы, господа, желаете держать съ нами равенство, то мы не понимаемъ, почему намъ нужно терпѣть столь достойныя сожалѣнія вещи—быть ниже васъ»? Онъ требовалъ сохраненія значенія

¹⁾ Дн. Л. Стр. 412—414.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 414, 415.

³⁾ Этотъ привилей составлялся, какъ мы уже видѣли выше, сенаторскою комиссіей. Хотя посольская изба и требовала, чтобы надъ нимъ работала не чрезвычайная сенаторская комиссія, а просто, какъ обыкновенно, печатари (канцлеръ и подканцлеръ), но король приказалъ сохранить прежнее рѣшеніе свое и сената (Дн. Л. с. Стр. 414).

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 416.   ⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 417.

Литовскихъ должностей, чего «требуютъ всѣ привилей, въ особен-ности, привилей Александра». Если сеймы будутъ происходить только въ Польшѣ и грамоты будутъ утверждаться лишь печатью Коронною, то что останется отъ значенія Литовскихъ вѣдъ, т. е. маршалковъ и печатарей? Ходкевичъ представилъ Коронному сенату Литовскій проектъ привилей, который представляетъ изъ себя немного лишь измѣненный привилей Польскій; это исправленіе сдѣлано для сохраненія достоинства Литвы. Привилей этотъ дадутъ на себя Литовцы Полякамъ, а Поляки Литовцамъ ¹⁾.

Рѣчь Ходкевича слушали, и сенаторы, и послы Коронные, такъ какъ онѣ сошлись въ этотъ день вмѣстѣ, чтобы произвести счетъ денегъ съ налоговъ прошлыхъ годовъ ²⁾. Сенатъ выслалъ пословъ, чтобы обсудить вмѣстѣ съ королемъ, вернувшимся опять въ сенатъ, — онъ присутствовалъ при счетѣ денегъ и вышелъ изъ сената на время пребыванія тамъ Литовцевъ. Послы удалились и въ посольской избѣ стали разсуждать о происходившемъ. Посольство Познанскаго воеводства Бѣховскій предложилъ послать къ королю и сенаторамъ депутацію и заявить имъ, что посольская изба не отступить отъ принятаго уже привилей, налагающаго на Литовцевъ контумацію, и не желаетъ никакого другого ³⁾. Когда большинство оказалось за отправленіе этой депутаціи, маршалокъ избы сдѣлалъ заключеніе — послать ее ⁴⁾. Были выбраны депутаты, но они отказались идти; тогда пошла цѣлая половина избы съ маршалкомъ во главѣ, который отъ имени пословъ просилъ короля «не обсуждать поданной Литовцами рукописи» ⁵⁾. Это заявленіе привело въ сильный гнѣвъ Сигизмунда Августа и сенатъ, и посламъ было приказано выдти изъ сената и подождать, пока король окончитъ свое совѣщаніе съ сенаторами, а спустя нѣсколько времени имъ былъ данъ такой отвѣтъ: король недоволенъ, что послы вмѣшиваются въ его дѣла, притомъ не согласившись всѣ ⁶⁾. На слѣдующій день, т. е. 16 іюня, всѣ послы земскіе Коронные были вызваны королемъ въ сенатъ, и канцлеръ отъ имени короля еще разъ выразилъ имъ королевское неудовольствіе по поводу ихъ поступка, которымъ онѣ хотѣли запретить королю совѣщаться о дѣлахъ, чего дѣлать изба не имѣетъ права, — поступокъ пословъ оскорбилъ короля и сенатъ. Король взялъ подъ свою защиту исправленный привилей: по словамъ канцлера, въ

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 424, 425.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 423.   ³⁾ Дн. Л. с. Стр. 426.

⁴⁾ Дн. Л. стр. 428.   ⁵⁾ Дн. Л. стр. 428, 429.   ⁶⁾ Дн. Л. с. Стр. 429, 430.

немъ не было отвергнуто ничего изъ находившагося въ первой редакціи привилея на Унію, и различіе ихъ лишь въ выраженіяхъ. Послѣ рѣчи канцлера Коронный маршалокъ ударилъ своимъ жезломъ, требуя этимъ общаго молчанія, и самъ король обратился къ посламъ съ рѣчью. Онъ говорилъ о своихъ трудахъ, которыхъ онъ не жалѣетъ для дѣла Уніи, говорилъ о величїи совершеннаго дѣла и о томъ, что нельзя спѣшить съ такимъ важнымъ предпріятіемъ. Онъ выразилъ затѣмъ и самъ свое неудовольствіе посламъ за ихъ вчерашній поступокъ, напомнивъ при этомъ имъ, что они сами иногда по долгу обсуждаютъ дѣла, но король съ сенатомъ по нѣсколькимъ днямъ ожидаютъ ихъ и не обижаются на замедленія. Маршалокъ посольской избы Чарнковскій отвѣчалъ королю отъ имени пословъ. Онъ просилъ Сигизмунда Августа не смотрѣть дурно на поступокъ избы, дозволить посламъ обсудить дѣло и взять съ собою рукопись новаго привилея. Затѣмъ говорили примасъ и вновь отъ королевскаго имени канцлеръ, и къ посламъ внизъ былъ отправленъ подканцлеръ, чтобы прочесть имъ предъ ихъ обсужденіемъ рукопись и объяснить, почему кое-что прибавлено и кое-что измѣнено въ новомъ привилеѣ сравнительно со старымъ. Послѣ этого послы удалились въ свою палату, стали обсуждать дѣло, но послы Краковскаго воеводства высказались за то, чтобы стоять на своемъ и не обсуждать новаго привилея. Ихъ мнѣніе одержало верхъ ¹⁾, но посольскій маршалокъ унесъ съ собою проектъ новаго привилея, свѣрилъ его у себя на дому со старымъ, контумационнымъ привилеемъ и составилъ списокъ того, что прибавлено было въ немъ противнаго первому привилею. Все это онъ принесъ въ избу на слѣдующій день (17 іюня), читалъ посламъ и показывалъ, что принять можно и чего принимать нельзя. Послы теперь его слушали со вниманіемъ и не возставали противъ чтенія, какъ вчера, такъ какъ успѣли уже одуматься. Они были такъ заняты этимъ дѣломъ, что даже просили короля нѣсколько обождать, когда онъ ихъ позвалъ въ сенатъ. Наконецъ они были готовы, явились въ сенатъ, и посольскій маршалокъ обратился къ королю съ рѣчью. Онъ говорилъ о скорби пословъ по поводу королевскаго гнѣва на нихъ, объ уваженіи къ государю и сенаторамъ, благодарилъ короля и просилъ его и сенатъ не гнѣваться на избу. Затѣмъ онъ сталъ читать привилей и свои на него замѣтки и сказалъ,

---

¹⁾ День 16-го іюня изложенъ въ Дн. Л. с. на стр. 430—440.

что на предисловіе привилея изба уже согласилась съ сенатомъ. Сличеніе статей привилея на Унію происходило около трехъ часовъ въ присутствіи короля, который и самъ многое прибавлялъ и исключалъ, какъ нравилось панамъ-радамъ и посламъ земскимъ. Весь привилей былъ исправленъ въ полномъ и единодушномъ согласіи. Разошлись только въ одномъ пунктѣ, котораго желала Литва, а именно въ томъ, гдѣ стояло: «новый король послѣ коронаціи будетъ утверждать права всѣхъ панствъ на одномъ листѣ, но на этомъ листѣ должны быть двѣ печати—Коронная и Литовская». Король и сенатъ стояли за исполненіе этого требованія Литовцевъ, но послы не соглашались и попросили позволенія выдти въ сосѣдную залу, чтобы сговориться между собою. Рѣшеніемъ, выработаннымъ ими было: «идти къ королю, просить, чтобы была одна печать, и сказать, что отступить отъ этого рѣшенія мы не можемъ». При этомъ послы говорили, что даже не нужно и убѣждать Литовцевъ соглашаться на требованіе Поляковъ—имъ просто нужно указывать формальнымъ образомъ на Варшавскій рецессъ, отъ котораго Поляки не желаютъ отступать. Слова короля, высказанныя имъ послѣ этого упорства въ высшей степени характерны и знаменательны. Онъ сказалъ послѣ своего совѣщанія съ сенаторами: «если не хотите согласиться на двѣ печати, то увидите, что будетъ хуже; я этого уже не увижу; зло это обнаружится при другомъ королѣ, но говорю, что вы желаете худшаго, для того, чтобы объ этомъ осталась память на вѣчныя времена. Что-же касается до Литвы, то она согласится на одну печать». ¹⁾

Итакъ привилей на Унію былъ выработанъ, и статьи его установлены Короннымъ Люблинскимъ сеймомъ 1569 года. Оставалось только заставить Литовцевъ присягнуть на него и сѣсть въ общее засѣданіе, т.-е. формальнымъ образомъ установить Унію: о томъ, чтобы она сдѣлалась дѣйствительно реальнымъ, «братскимъ» соединеніемъ Поляки не заботились и къ этому не стремились. Однако вопросъ о печати едва не разстроилъ всего дѣла вновь: 20 іюня шли цѣлый день переговоры Литовцевъ съ Поляками, и Ходкевичъ въ заключеніе ихъ сказалъ отъ имени Литовской рады: «мы должны исполнить то, что угодно королю, но согласиться по совѣсти, по доброй волѣ на то, чтобы къ грамотѣ, которою новый король будетъ утверждать наши привилеи, не была прило-

¹⁾ День 17 іюня изложенъ въ Дн. Л. с. на стр. 440—449.

жена наша печать, не можемъ. Мы принуждены будемъ допустить это лишь насиліемъ надъ нами». Литовцы просили вести съ ними дѣло «fraterne», а не «summo jure»¹⁾. 21 іюня вновь пришлось посольской избѣ обсуждать вопросъ о печати. Онъ ставился такъ: согласиться ли на требованіе Литовцевъ, или изъ-за печати разѣхаться и отказаться отъ Уніи?²⁾ Послѣ преній рѣшено идти къ королю и настаивать на своемъ требованіи одной печати на подтвержденіяхъ правъ Короны и Литвы новыми королями, но если нельзя будетъ добиться исполненія этого требованія, то согласиться съ королемъ и сенатомъ³⁾. Король не далъ отвѣта сразу, но отложилъ его до слѣдующаго дня⁴⁾. Въ этотъ наступившій день, т.-е. 22 іюня, король и сенатъ совѣщались о требованіи пословъ относительно печати. Сенаторы допускали обѣ печати (Коронную и Литовскую) не только на конфирмаціонныхъ привилеяхъ будущихъ королей, но даже и на привилеѣ Уніи. Когда послы узнали объ этомъ, они заявили, что ни подъ какимъ видомъ не согласятся на послѣднее, чтобы не казалось, что Унію утверждаетъ не только Польскій король, но и великій князь Литовскій. Отвѣта послы опять не получили въ этотъ день: онъ былъ отложенъ до завтра⁵⁾. 23 іюня сенатъ Коронный пригласилъ для переговоровъ Литовскихъ сенаторовъ, и послѣ длинныхъ переговоровъ оказалось, что послѣдніе не хотятъ уступить въ слѣдующемъ: 1) контумація на Литву не должна упоминаться въ привилеѣ на Унію и 2) наслѣдство Литовскаго престола, уступленное королемъ Польшѣ на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 года, должно принадлежать Литвѣ наравнѣ съ Короною. Что же касается до печати, то сенатъ Коронный не сдѣлалъ въ вопросѣ о ней уступки и не хотѣлъ въ него вдаваться. Когда это было сообщено посольской избѣ, она постановила: на требованіе объ уничтоженіи упоминанія о контумаціи не соглашаться, а наслѣдство Литовское будутъ имѣть Литовцы, если будутъ вѣрно держаться вмѣстѣ съ Поляками и не отрываться отъ нихъ; когда Литва будетъ уже не Княжествомъ, а частью Короны, то во всемъ Польскомъ будетъ участвовать наравнѣ съ Поляками, т.-е. лишь послѣ заключенія Уніи Литовцы получаютъ право на это наслѣдство, заявляла изба⁶⁾. Рѣшено

1) Дн. Л. с. Стр. 454, 455.   2) Дн. Л. с. Стр. 455.

3) Дн. Л. с. Стр. 455—459.   4) Дн. Л. с. Стр. 460.

5) Дн. Л. с. Стр. 460.   6) Дн. Л. с. Стр. 461 и 463.

идти завтра къ королю и просить его покончить наконецъ все дѣло, а также просить и о томъ, чтобы Литовцы болѣе не вступали въ переговоры съ Поляками, такъ какъ они не отступятъ отъ привилеевъ ¹⁾. 24-го іюня Холмскій подкоморій Сѣницкій изложилъ все это въ своихъ рѣчахъ, сказанныхъ королю, а потомъ сенату отъ имени посольской избы ²⁾. Отвѣтъ королевскій на выраженныя желанія избы былъ отложенъ до завтра, и посламъ было приказано удалиться въ ихъ палату. Послѣ ухода пословъ король шесть часовъ провелъ въ переговорахъ съ Литовцами и Поляками. Литовскіе сенаторы и земскіе послы Княжества находились во время этихъ переговоровъ въ одной палатѣ, а сенаторы Коронные въ другой, король же переходилъ изъ одной залы въ другую, стараясь привести къ концу дѣло Уніи. Оказалось, что Литовцы настаивали на правѣ своего участія въ наследованіи престола Княжества наравнѣ съ Короною, а также и на томъ, чтобы въ привилеѣ на Унію было пропущено указаніе на привилеи, данныя на Люблинскомъ сеймѣ до настоящаго. Это понесли два сенатора въ посольскую избы. По другому дневнику они явились къ посламъ земскимъ съ такимъ сообщеніемъ: «король можетъ привести Литовцевъ къ тому лишь, что они принесутъ присягу и сядутъ въ засѣданіи сената, но онъ не можетъ привести ихъ къ тому, чтобы они сами дали на себя записи въ томъ, что дѣло Уніи рѣшено вслѣдствіе ихъ отъѣзда изъ Люблина. Они люди свободные и не хотятъ согласиться на это» ³⁾. Однако посольская изба наотрѣзъ отказалась исполнить Литовское желаніе. Воевода и каштелянъ Ленчицкіе, посланные королемъ и сенатомъ въ избы съ этимъ желаніемъ, должны были вернуться въ сенатъ съ отказомъ пословъ исполнить его. Черезъ нѣсколько часовъ въ избы явились отъ короля два каштеляна (Ленчицкій и Данцигскій), которые объявили, что Литовскіе сенаторы уже дали свое согласіе на всѣ статьи привилея и лишь просили, чтобы въ немъ не упоминалось о наследствѣ Литовскаго престола, о которомъ говоритъ Варшавская декларация. Въ понедѣльникъ, т.-е. 26 іюня, король надѣется закончить все дѣло. Теперь Литовцы разсуждаютъ объ Инфлянтахъ, но король не согласился на ихъ домогательства и приказалъ сказать имъ, что Инфлянты будутъ принадлежать вмѣстѣ Коронѣ и Княжеству и ихъ оборона будетъ общимъ дѣломъ всѣхъ государствъ королев-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 461, 462.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 462, 463.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 464.

скихъ ¹⁾. Таково было содержаніе королевскаго извѣщенія посольской избы 24 іюня, но окончить дѣло Уніи 26 іюня, какъ оно обѣщало, не удалось. Въ этотъ день цѣлые десять часовъ ²⁾ велись снова переговоры между Литовскимъ и Польскимъ сенатами, и король вновь переходилъ постоянно изъ одной залы въ другую, уговаривая сенаты своихъ двухъ государствъ, все еще не имѣвшіе возможности слиться въ одинъ и засѣдавшіе въ двухъ различныхъ залахъ. Наконецъ, былъ посланъ въ посольскую избу отъ короля Ленчицкій кашталянъ, который принесъ давно ожидаемую вѣсть: Литовскіе сенаторы на все согласились, и завтра наступитъ конецъ трудному дѣлу заключенія Уніи ³⁾. Но вотъ насталъ и этотъ давно желанный день—вторникъ 27 іюня. Коронные сенаторы уже засѣдали вмѣстѣ съ королемъ, а послы земскіе ожидали въ своей палатѣ приглашенія отъ короля, когда прибыли Литовскіе пань-рада. Когда всѣ собрались, великій Литовскій маршалокъ Янъ Ходкевичъ обратился къ королю съ обширною рѣчью. «Свѣтлѣйшій, милостивый король!» говорилъ онъ. «Вашей королевской милости извѣстно, что настоящее наше дѣло обсуждено со всѣхъ сторонъ панами-радою и станами великаго княжества Литовскаго. Теперь оно дошло до такого положенія, что сами мы безъ оскорбленія нашей совѣсти никакъ не можемъ рѣшиться отказаться отъ того, чего мы требовали отъ сенаторовъ Королевства. Поэтому, какъ вѣрные и покорные ваши подданные, мы пришли теперь къ вашей королевской милости, чтобы представить вамъ, на чемъ остановилось это дѣло, т.-е. чтобы объявить вамъ, что въ прошедшую пятницу мы добровольно согласились на всѣ пункты уніи, кромѣ слѣдующихъ пяти: 1) о на-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 465, 466.

²⁾ «Переговоры продолжались отъ 11-го до 20-го часу» записано въ дневникѣ сейма (стр. 466). Въ Польшѣ въ эту эпоху, также какъ и въ другихъ странахъ Европы (Германіи, Италіи, Чехіи и др.) начинали счетъ часовъ отъ захода солнца, считая по 24 часа въ суткахъ. Первый часъ такимъ образомъ начинался въ первой четверти послѣ солнечнаго захода, когда зазвонятъ въ костелѣ на «Anioł Pański». Такъ какъ заходъ солнца бываетъ въ различное время года, въ разные часы по современному нашему счету, то и первый часъ совпадалъ поэтому въ различное время года съ разными часами нашего счета. Въ іюнь заходъ солнца въ Польшѣ—около 8-ми часовъ вечера, стало бытъ 11-й часъ это 7-й утра, а 20-й—4-й пополудни по нашему счету. См. *Maurycjusz hr. Dzieduszycki. Dni, nocu, godziny. We Lwowie 1874. (Przedruk z «Przeglądu Lwowskiego») Str. 17, 18, 22, 23.*

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 466.

слѣдствѣ Литовскаго престола, 2) объ Инфлянтахъ, 3) о печати Литовской Речи Посполитой, 4) о Варшавскомъ рецессѣ и 5) о Люблинскомъ привилеѣ». По приказанію короля Литовцы «съ великою болью и стѣсненіемъ» своего «сердца дозволили вынудить» у себя «согласіе и на эти пять пунктовъ; но какъ это», продолжалъ Ходкевичъ, «намъ больно—этого невозможно выразить словами. Вѣдь мы, какъ вѣрные сыны отечества, обязаны заботиться объ его благѣ, сколько у насъ есть силъ». Король самъ, по словамъ оратора, можетъ засвидѣтельствовать, что Литовскіе паны-рада, сколько хватало силъ, защищали свое отечество, которое сохранили цѣлымъ до настоящаго времени своею кровью и жизнью. «Если же теперь» Литовцы «не могли довершить этой защиты, то это потому, что нужно было уступить препятствіямъ, судьбѣ и обстоятельствамъ времени». Литовцы должны уступить, но они уступаютъ «не какому бы то ни было декрету, а волѣ» короля, «*exequitora legum* и общаго государя, принесшаго государству присягу» (*przysięgłego*). Литовцы даютъ свое согласіе на одну печать для привилеевъ и постановленій (*praw*), общихъ обоимъ государствамъ. Касательно Инфлянтовъ Ходкевичъ говорилъ о томъ, сколько жертвъ деньгами и людьми стоила ихъ защита Литвѣ; сверхъ того имъ дана Литвою клятва, что они будутъ всегда при Княжествѣ; въ виду всего этого Литовцы не будутъ противиться отдѣленію отъ нихъ Инфлянтовъ, если оно будетъ добровольное, но просятъ короля разрѣшить въ такомъ случаѣ Литву въ ея данной имъ клятвѣ. Сверхъ того справедливо было бы и вознаградить Княжество, если отъ него отходятъ Инфлянты, за его расходы и жертвы на нихъ. Перейдя къ вопросу о наслѣдствѣ Литовскаго престола, Ходкевичъ заявилъ, что Литва обладаетъ правомъ свободнаго избранія своего государя, а вовсе не является наслѣдственнымъ государствомъ-вотчиною. Привилеи предковъ Сигизмунда Августа доказываютъ это. Сигизмундъ Старый былъ избранъ на престолъ Литовцами въ то время, когда онъ жилъ въ далекой Силезіи, и онъ самъ объ этомъ свидѣтельствуется. Сигизмундъ Августъ также былъ избранъ Литовцами въ государи свои, когда еще былъ ребенкомъ. Издавна въ Княжествѣ сидѣли государи не по своему праву наслѣдства, а по добровольному избранію Литовцевъ. Но какое бы то ни было наслѣдственное право на Литву,—если можетъ быть только вообще таковое въ государствѣ, имѣющемъ избирательный престолъ,—у Сигизмунда Августа, это право, переданное королемъ Польшѣ Варшавскимъ

рецессомъ и Люблинскимъ привилеемъ, обращаетъ Литовцевъ въ подданныхъ Короны. Поэтому Литовцы не могутъ, по своему разсужденію и соблюдая свою честь и доброе имя, согласиться на то, чтобы были упомянуты въ договорѣ Уніи Варшавскій рецессъ и Люблинскій привилей, дарующіе Польшѣ Литовское наслѣдство: объ этомъ, какъ и о другихъ вещахъ, въ нихъ упомянутыхъ, Литовцы никогда ничего не слыхали, ничего не знаютъ и ни съ кѣмъ не вели переговоровъ. Какъ *честнымъ людямъ*, Литовцамъ неприлично давать аппробацію такимъ вещамъ. «Притомъ», съязвилъ Ходкевичъ, «вѣдь не въ обычаѣ, чтобы рабы утверждали даръ своихъ господъ». Заключение этой рѣчи Литовскаго патріота ярко рисуетъ то безвыходное положеніе, въ которомъ находилась Литва. Вотъ это заключеніе. «Такъ какъ намъ уже не къ кому обратиться за помощью, развѣ только къ Богу и къ вамъ, нашъ милостивый государь, правитель и хранитель (*saffarz*) нашего достоинства (*potcziwosci naszich*), защитникъ правъ нашихъ, помазанникъ Божій,—то вотъ мы теперь и стоимъ передъ вашею королевскою милостью. Какъ добровольно мы пріѣхали сюда, такъ добровольно и теперь стоимъ передъ вашею королевскою милостью, вѣрные и послушные подданные ваши, и дѣлаемъ это съ радостью, принося вамъ нижайшую просьбу нашу, дабы ваша королевская милость такъ до конца изволили дѣйствовать (*sprawnowac*), чтобы все это не было совершено съ неволею и позоромъ (*anbą*) намъ и нашимъ потомкамъ. Не допусти же, государь, насъ опозорить, но пусть актъ Уніи заключенъ будетъ такъ, чтобы на насъ не было ни одного пятна. Будь же, наконецъ (*już*), государь, самъ стражемъ и умѣрителемъ этого дѣла, и да будетъ то намъ величайшею твоею милостью, если все это ты благоволишь постановить въ любви къ намъ. Конечно, больно бы было намъ и внукамъ нашимъ, что мы должны смотрѣть на это дѣло не съ любовью, но съ горечью, или винить насъ, что мы не понимали (замѣчали) нашего порабощенія. Мы уже доведены до такого положенія, что должны пасть къ ногамъ вашей королевской милости съ нашими униженными просьбами». Послѣ этихъ словъ Литовцы съ рыданіями пали на колѣна передъ Сигизмундомъ Августомъ, и Ходкевичъ продолжалъ: «именемъ Бога умоляемъ тебя, государь, помнить наши службы и нашу полную (*stateczną*) вѣрность тебѣ, нашу кровь, которую мы проливали ради твоей славы. Благоволи устроить насъ такъ, чтобы для всѣхъ это дѣло было съ честью, а не съ посмѣяніемъ и прини-

женіемъ нашимъ, устроить съ соблюденіемъ совѣсти твоей государственной и того, въ чемъ ты присягалъ намъ прежде. Именемъ Бога умоляемъ объ этомъ,—благоволи помнитъ все это государь!» Рыдая поднялись Литовцы, и горе ихъ было такъ безотрадно и сильно, что даже изъ Поляковъ рѣдко кто не плакалъ, смотря на нихъ. Ходкевичъ, между тѣмъ, обратился къ Коронному сенату съ нѣсколькими словами, взывая къ нему съ просьбою окончить дѣло такъ, чтобы оно было совершено вполнѣ согласно съ совѣстью, честью Литовцевъ и общею братскою радостью обоихъ народовъ¹⁾.

На рѣчь Ходкевича отвѣчалъ бискупъ Краковскій Филиппъ Падневскій, отъ имени сената двоекратно прося Литовцевъ согласиться на Унію и покончить такимъ образомъ все дѣло. Во время этой рѣчи Коронные сенаторы встали всѣ со своихъ креселъ, подкрѣпляя этимъ словесную просьбу въ рѣчи Падневскаго²⁾. Послѣ этой рѣчи Краковскаго бискупа сказалъ нѣсколько словъ самъ король³⁾, заключивъ ихъ своею благодарностью Литовцамъ за принятіе уже нѣкоторыхъ пунктовъ Уніи. По существу же на просьбы Литовцевъ отвѣчалъ отъ королевскаго имени Коронный подканцлеръ, читая по тетрадкѣ заранѣе приготовленную рѣчь⁴⁾. Въ этомъ отвѣтѣ высказывалось окончательное мнѣніе (*ostateczne zdanie*) короля, причемъ высказывалось и королевское желаніе, чтобы Литовцы остановились на немъ, имъ разрѣшивъ все дѣло (*na tım przestali*). Унія, дарованная королемъ въ Люблинѣ на основаніи Александрова привилея, не можетъ ни въ чемъ вредить Литовскому княжеству. Артикуль о наслѣдствѣ Литовскаго престола можетъ имѣть мѣсто въ актахъ записей обоихъ народовъ на Унію, такъ какъ, соединившись съ Польшею, Литва получитъ участіе и во всѣхъ правахъ, принадлежащихъ Полякамъ, а слѣдовательно и наслѣдство Литовскаго престола будетъ принадлежать обоимъ народамъ одинаково; «въ настоящемъ случаѣ соединяется и сливается вольный народъ съ вольнымъ, равный съ равнымъ, и они всегда будутъ вмѣстѣ избирать себѣ одного государя». Люблинскій привилей, которымъ недовольны Литовцы, король вовсе не считаетъ противнымъ интересамъ Литвы; король былъ бы радъ, если бы онъ былъ данъ въ присутствіи Литовцевъ на сеймѣ, но они уѣхали; изданный, хотя и въ ихъ отсутствіи, онъ не можетъ быть поколебленъ въ своемъ законномъ

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 467—471.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 472—474.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 474—475.

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 475—478.

значеніи и силѣ. Король высказывалъ надежду, что Литовцы согласятся, наконецъ, на условія Уніи и черезъ это согласіе породнятъ съ собою Коронные станы; явится взаимное довѣріе и будетъ расти взаимное согласіе, «при которыхъ *можно будетъ со временемъ исправить все, что только вы признаете нужнымъ исправить*» — читалъ подканцлеръ въ королевской рѣчи, обращаясь къ Литовцамъ. «Теперь же извольте, господа, удовольствоваться (*przestać*) для общаго блага тѣмъ, что сдѣлано, и дать свое согласіе на то, чего требуютъ отъ васъ Коронные станы» — стояло въ ней далѣе; король вспоминалъ о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ обоимъ государствамъ, говорилъ что не убѣждалъ бы Литовцевъ сдѣлать то, въ чемъ скрывается для нихъ униженіе или порабощеніе и видитъ, наоборотъ, что Унія послужитъ къ общей пользѣ и славѣ. Поэтому король и совѣтуетъ, и *требуетъ въ силу своей власти*, чтобы Литовцы остановились на этихъ условіяхъ Уніи, дали на нихъ свое согласіе и безъ дальнѣйшихъ разсужденій вступили-бы въ дѣйствительное взаимное общеніе обѣихъ сторонъ. Подканцлеръ кончилъ читать свою тетрадку, тогда снова сталъ говорить король. Онъ сказалъ, что считаетъ себя поступившимъ по совѣсти въ дѣлѣ Уніи, проливалъ слезы, высказывая убѣжденіе въ угодности Богу сдѣланнаго имъ и предписывалъ Литовцамъ исполнить желаніе Короны. Рѣшившій все дѣло съ вопіющимъ нарушеніемъ своихъ прежнихъ клятвъ, данныхъ Литвѣ, послѣдній Ягеллонъ заявлялъ о томъ, что онъ не забылъ присягъ своихъ, принесенныхъ обоимъ государствамъ; Унія Литвѣ — благо, а не зло ¹⁾. На рѣчь короля отвѣчалъ Ходкевичъ. Онъ попросилъ у короля для Литовцевъ разрѣшенія удалиться изъ засѣданія, чтобы обсудить прочитанное и высказанное имъ. Получивъ это разрѣшеніе, они удалились въ свою залу и послѣ трехчасоваго обсужденія вернулись въ сенатъ. Ходкевичъ вновь говорилъ рѣчь отъ ихъ имени ²⁾. Грѣхи Литовцевъ, сказалъ онъ, прогнѣвали Бога и навлекли на Литву несчастія. Долго перечислять ихъ. Къ числу ихъ относится и происходящее теперь перенесеніе Речи Посполитой изъ Литовскаго народа въ другой народъ. Литовцы умоляютъ короля изыскать способы облегчить ихъ положеніе. Литовцы рѣшились на все: они знаютъ, что послѣ Бога должны повиноваться королю первому и все предоставлять разсужденію государеву. Но Литовцы просятъ короля

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 478—480.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 481.

изложить высказанное имъ въ видѣ привилея, или рсцесса и до-
бавить къ этому, что они имѣютъ право такъ оберегать свои
права, какъ найдутъ лучшимъ и наиболее почетнымъ. На Люблинскій
привилей Литва соглашается, но съ условіемъ, чтобы было сдѣлано
требуемое ею прибавленіе и дано письменное удостовѣреніе (re-
wersał) того, что Унія не принесетъ ей зла. Они просятъ объ
этомъ документѣ-свидѣтельствѣ дѣла, чтобы оно было памятно
на вѣчныя времена. Не изъ страха смерти согласились Литовцы
исполнить волю короля и Коронныхъ сенаторовъ и не изъ раз-
счетовъ на выгоды, но сдѣлали это изъ желанія блага Речи
Посполитой, по братской любви и для пріобрѣтенія милости коро-
левской и любви своихъ братьевъ пановъ-рады Коронныхъ. Ре-
версаль королевскій поможетъ королю привести къ Унії и тѣхъ
Литовцевъ, которыхъ нѣтъ на Люблинскомъ сеймѣ. «У всякаго
человѣка», такъ заканчивалъ свою рѣчь Ходкевичъ, «бываютъ и
друзья, и враги; поэтому, чтобы ни одинъ нашъ врагъ не могъ
укорить насъ, будто мы то, что здѣсь сдѣлали, сдѣлали за по-
дарки или по какимъ-либо другимъ побужденіямъ, мы просимъ
васъ, ваша королевская милость, и васъ всѣхъ, господа, сохра-
нить въ своей памяти, что мы защищали здѣсь наше отечество,
какъ слѣдовало защищать его. Лучшаго свидѣтельства въ этомъ,
чѣмъ то, какое дадите намъ вы, государь, вы, сенаторы, и это
собраніе пословъ, намъ не нужно» ¹⁾. Когда кончилъ свою рѣчь
Ходкевичъ, сказалъ нѣсколько словъ Евстафій Воловичъ, под-
канцлеръ Княжества. Онъ благодарилъ за обѣщаніе братской
любви, данное Короннымъ сенатомъ въ рѣчи бискупа Краков-
скаго. Литовцы увѣрены въ томъ, что сенаторы Коронные будутъ
ходатайствовать за Литовцевъ передъ королемъ. «Благоволите
господа», говорилъ Воловичъ, «такъ обсуждать дѣла, чтобы честь
и свобода нашего народа оставались нетронутыми. За это мы не
только воздадимъ вамъ братскою любовью, но съ радостью будемъ
отслуживать вамъ посильными нашими услугами». Литовцы не
сомнѣваются въ томъ, что въ актѣ Унії, если это будетъ нужно,
сенаторы Коронные сами будутъ охранять вольности Княжества,
чтобы этотъ славный актъ вѣчнаго общенія достигъ своего окон-
чанія не только на бумагѣ или пергаменѣ, но братскою любовью,
чтобы можно было сказать, что по здравому разсужденію и съ
любовью братскою дошли до разрѣшенія дѣла, которое затѣмъ

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 481—483.

уже было окончено рѣшеніемъ королевскимъ ¹⁾. Литовцамъ отвѣчалъ Краковскій бискупъ, который возблагодарилъ Бога за совершившееся соединеніе, принесъ благодарность Литовцамъ и выразилъ желаніе сенаторовъ Коронныхъ все дѣлить поровну съ ними, засвидѣтельствовавъ при этомъ преданность братскую имъ со стороны Короннаго сената. Сенаторы Польскіе стояли во время этой рѣчи, выражая тѣмъ свое въ ней участіе. День закончился ²⁾ рѣчью короля, въ которой выражалась его радость по поводу совершившагося и обѣщаніе заботы о Литвѣ и Коронѣ ³⁾.

Итакъ, 27 іюня, наконецъ, былъ рѣшенъ вопросъ объ Уніи Литвы съ Польшею. Оставалось лишь оформить дѣло привилеемъ, да принести присягу въ соблюденіи договора. Но разногласіе не замедлило обнаружиться и при этомъ. 28 іюня Литовскіе депутаты явились къ Короннымъ посламъ для исправленія привилея на Унію. Опять Литовцы возобновили свое требованіе, чтобы на конфирмаціонныхъ грамотахъ, которыя будутъ давать новые короли правамъ обоихъ народовъ, были двѣ печати — Коронная и Литовская. Поляки не соглашались, и Литовскіе депутаты перенесли дѣло на рѣшеніе короля. Но Унія уже считалась рѣшенною, и въ этотъ день по костеламъ пропѣли *Te Deum laudamus*, и проповѣдники призывали народъ благодарить Бога за совершившееся ⁴⁾. На слѣдующій день вмѣстѣ съ сенаторами Короны и Литвы былъ въ засѣданіи король: исправлялся привилей на Унію. Посламъ было сначала приказано обождать въ ихъ избѣ, но такъ какъ оказалось, что въ этотъ день дѣла не окончатъ, то король послалъ имъ сказать, что Литовскіе сенаторы на все согласились; пусть поэтому послы приготовятся къ присягѣ на завтра и пусть не забудутъ захватить съ собою завтра свои печати. Наступило и это завтра. Въ этотъ день, 1 іюля, была дѣйствительно принесена взаимная присяга сенаторами и послами земскими обоихъ соединившихся государствъ. Сначала присягали паны-рада Короны съ примасомъ и бискупами во главѣ ⁵⁾, затѣмъ рада Литовская. При этомъ сенаторы Подляшья, Вольни и Кіева приносили присягу Литвѣ вмѣстѣ съ другими панами-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 483—484.   ²⁾ Ibidem.

³⁾ «... o wssem bądzie tego pewni, że o wsitkiem dobrem panstwa onego tak, jako koronnego, staranie me pilne bedzie y kazdemu z osobna waszmosciow łaska, swą nagradzacz tho cheze».   ⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 485.

⁵⁾ Первымъ принесъ присягу примасъ Яковъ Уханскій, за нимъ бискупы, потомъ свѣтскіе сенаторы по порядку.

радою Короннаго сената, какъ члены его. Послѣ принесенія присяги сенаторами присягали земскіе послы, сначала Польскіе — по воеводствамъ, потомъ Литовскіе. «При этомъ актѣ», рассказываетъ составитель дневника сейма 1569 года, «сенаторы Польскіе благодарили Бога, что далъ имъ дожить до этого времени, и сильно плакали, такъ что канцлеръ, читавшій формулу присяги, не могъ читать и бросилъ, — сталъ читать ее великій маршалокъ; потомъ уже, успокоившись, канцлеръ продолжалъ читать формулу присяги сенаторамъ и посламъ. Литовскій подканцлеръ читалъ точно также формулу присяги Литовскимъ сенаторамъ и посламъ» ¹⁾. Не обошлось, однако, безъ споровъ и рѣзкихъ выходовъ и въ этотъ день. Еще до принесенія присяги поднялся споръ между послами Великой и Малой Польшы изъ-за того, что въ привилеѣ на Унію послы Познанскіе были поставлены выше Краковскихъ ²⁾, а во время самаго принесенія присяги обнаружилось нежеланіе антитринитаріевъ, бывшихъ въ числѣ пословъ Коронныхъ, присягать Трѣдиному Богу. Когда пришло время принести присягу Холмскому подкоморію Николаю Сѣницкому и его товарищамъ, онъ отказался присягать св. Троицѣ. Призванный къ королевскому столу, — присяга приносилась у стола, подлѣ короля, стоявшаго съ обнаженною головою. — онъ, прежде чѣмъ стать для присяги на колѣна, сказалъ: «я не буду присягать во имя Троицы и того Бога, котораго не признаю». Разгнѣванный этимъ король самъ потребовалъ отъ Сѣницкаго, чтобы онъ не вносилъ безпорядка въ совершавшійся актъ. Сѣницкій принесъ присягу, но все-таки не произнесъ словъ: «*rapu Bogu w Troiczi jedinemu*». Его единовѣрцы, два Мазовшанина — Жолинскій и Бросковскій, не присягнули вовсе; они предпочли совсѣмъ уйти изъ палаты ³⁾. Не обошлось и безъ столкновенія на почвѣ политическихъ интересовъ только что соединившихся Уніею сенатовъ: сенаторы Литовскіе требовали, чтобы вмѣстѣ съ ними присягали и Инфлянты, какъ часть Литовскаго княжества, сенаторы же Польскіе заявили, что Инфлянты принадлежатъ Коронѣ въ такой же степени, какъ Литвѣ, а поэтому они принесутъ присягу отдѣльно ⁴⁾. Когда окончилось принесеніе присяги ⁵⁾ лицами, при-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 486—487.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 485—486.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 487. О Николаѣ Сѣницкомъ см. *Н. Любовича*. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и Антитринитаріи. Варшава. 1883. Стр. 248 и сл. (Онъ былъ прежде въ числѣ вожаковъ протестантовъ).

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 487.   ⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 488—489.

сутствовавшими въ палатѣ, король сѣлъ верхомъ на заранѣе приготовленнаго коня и отправился вмѣстѣ съ сенаторами и послами Коронными, а также множествомъ народа въ костелъ св. Станислава, гдѣ со слезами воздавалъ хвалу Богу и приказалъ пѣть *Te Deum laudamus*, причемъ и самъ присоединилъ свой голосъ къ голосамъ поющихъ ¹⁾. На слѣдующій день, т.-е. въ субботу 2-го іюля, присягали тѣ члены сейма, которые не принесли присяги по отсутствію наканунѣ. При этомъ король настойчиво требовалъ присяги отъ неприсягнувшихъ, и извѣстные уже намъ антитринитаріи Жолинскій и Бросковскій были принуждены исполнить королевское требованіе слѣдующимъ образомъ: Коронный маршалокъ передалъ маршалку посольской избы, что король по совѣщаніи съ сенаторами запретилъ имъ, какъ не желающимъ присягнуть, участіе въ засѣданіяхъ сейма,—и антитринитаріи поспѣшили принести требуемую отъ нихъ присягу ²⁾. Когда такимъ образомъ присяга была принесена всѣми участниками Люблинскаго сейма, канцлеръ предложилъ теперь уже спольному Польско-Литовскому сенату на обсужденіе слѣдующую королевскую пропозицію. «Литовскіе сенаторы», говорилось въ ней, «желали прибавить къ привилею на Унію нѣкоторые пункты, которые не были включены въ него потому, что ихъ предполагалось обсудить въ то время, когда Польскіе и Литовскіе сенаторы составятъ одно засѣданіе. Поэтому теперь нужно говорить о нихъ, ибо король ихъ отложилъ до общаго засѣданія». Теперь, послѣ окончанія Уніи и предлагается королемъ подавать сенаторамъ мнѣнія по этимъ вопросамъ. Они слѣдующіе: 1) оборона государства, 2) монета, 3) когда присягать Инфлянтчикамъ — теперь или потомъ? 4) посольство въ Москву, 5) Литовскіе вяды, 6) мѣсто общихъ сеймовъ, 7) избраніе королей, 8) обезпеченіе королевскаго потомства согласно рецессу, 9) мѣста для князей. Дневникъ, изданный Дзялынскимъ, прибавляетъ къ этому еще вопросъ объ обезпеченіи Литвы ³⁾. Стали подавать мнѣнія ⁴⁾, но подавались они, повидимому, не по всѣмъ этимъ вопросамъ. Наиболѣе энергично трактовали вопросы о защитѣ Литовскаго княжества и объ Инфлянтахъ, хотя нѣкоторые сенаторы высказались и по другимъ изъ предложенныхъ вопросовъ. Изъ сенаторскихъ мнѣній обнаружилась, между прочимъ, ясно непригодность посполитаго

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 490.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 490—491.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 491—492.   ⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 492—502.

рушенья въ дѣлѣ государственной обороны въ эту эпоху: многіе сенаторы высказались въ этомъ направленіи, а Литовскіе паны-рада (кашталянъ Виленскій, воевода и кашталянъ Троцкіе) заявили, что отъ рушенья «будетъ не защита Литвы, а опустошеніе ея». Относительно Инфлянтовъ, Янъ Ходкевичъ по прежнему требовалъ сохраненія ихъ за Княжествомъ, понесшимъ большія издержки на нихъ. Совѣщаніе сената, повидимому, не выработало никакого общаго рѣшенія въ этотъ день, хотя и длилось такъ долго, что король даже опоздалъ къ ужину ¹⁾).

Въ слѣдующій рабочій день сейма, понедѣльникъ 4 іюля, пропозицію королевскую должна была обсуждать посольская изба, но прежде чѣмъ она приступила къ этому дѣлу, необходимо было разрѣшить споры о мѣстахъ для пословъ отдѣльныхъ воеводствъ Коронныхъ и Литовскихъ, такъ какъ въ составъ прежней посольской избы Коронной были введены послы Литовскіе, и имъ нужно было дать мѣсто на скамьяхъ ея, вдвинувъ ихъ въ ряды Польскихъ пословъ, а при этомъ поднимались вопросы мѣстнической чести. Коронный маршалокъ вмѣстѣ съ Сендомірскимъ воеводою лично явились въ избу, и первый, приказавъ разставить скамьи, самъ указывалъ по списку мѣста для пословъ каждаго воеводства ²⁾. Послѣ этого маршалокъ избы поставилъ на обсужденіе субботнее предложеніе короля. Но оказалось, что посольская изба, въ которой соединились послы обоихъ народовъ, сразу раздѣлилась въ своихъ интересахъ. Послы Краковскаго воеводства заявили, что они не будутъ ни о чемъ разсуждать до тѣхъ поръ, пока избѣ не будетъ дано отвѣта на ея, сдѣланное ею еще до окончательнаго рѣшенія дѣла Уніи, предложеніе о храненіи и расходованіи квартиры, а Виленское воеводство черезъ одного изъ своихъ пословъ объявило, что ни о чемъ не будетъ говорить до тѣхъ поръ, пока король не сдѣлаетъ постановленія относительно врядовъ Литовскаго княжества. Всѣ другія Коронныя воеводства, а въ ихъ числѣ: Волынское, Подляшское и Кіевское, присоединились къ голосу Краковскаго; всѣ же Литовскія воеводства — къ голосу Виленскаго ³⁾. Такъ рѣзко обозначилось различіе интересовъ у пред-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 502.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 502. Однако, это распредѣленіе мѣстъ Короннымъ маршалкомъ не прекратило споровъ совершенно. 6-го іюля даже передъ королемъ завели споръ послы Великой и Малой Польши о мѣстѣ для пословъ Виленскаго воеводства, и королю лично пришлось разрѣшить его приказаніемъ посламъ Виленскаго воеводства засѣдать рядомъ съ послами Познанскими. Дн. Л. с. Стр. 507.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 502—503.

ставителей соединившихся въ одну Речь Посполитую народовъ: вопросъ о квартѣ, имѣвшій первостепенное значеніе для Польши, не представлялъ ни малѣйшаго интереса для Литвы, хотя и обсуждался въ общемъ сеймовомъ собраніи пословъ обоихъ народовъ. Литва не знала кварты въ предѣлахъ Княжества и не желала допускать обсужденія ея прежде, чѣмъ будетъ рѣшенъ жгучій для Литовцевъ вопросъ объ ихъ врядахъ рядомъ съ врядами Коронными. Когда затѣмъ въ другомъ уже засѣданіи ¹⁾ подавались голоса въ посольской избѣ о квартѣ, Литовскіе послы даже не подавали о ней и мнѣній на томъ основаніи, что они не имѣли къ ней никакого отношенія. Характерно также въ этомъ первомъ засѣданіи соединенной Польско-Литовской посольской избы было то, что, сговорившись о своихъ дѣлахъ, Поляки сказали Литовцамъ, что они сами могутъ заявить королю о Литовскихъ врядахъ; Поляки предоставляли имъ самимъ, *отдѣльно* отъ нихъ, хлопотать о Литовскомъ дѣлѣ ²⁾. И дѣйствительно въ рѣчи, произнесенной на другой день (5 іюля) передъ королемъ отъ имени посольской избы Холмскимъ подкоморіемъ Сѣницкимъ не было ни слова о Литовскихъ врядахъ, а требовалось лишь исполненіе желанія пословъ относительно кварты ³⁾.

Мы не станемъ слѣдить далѣе, день за днемъ, какъ работалъ Люблинскій сеймъ, обсуждая дѣла, подлежащія его дѣятельности, такъ какъ онъ занялся послѣ разрѣшенія дѣла Уніи Коронными дѣлами, представлявшими интересъ лишь для Польши, а не для Литовскаго княжества, и остановимся только на нѣсколькихъ вопросахъ и сторонахъ его дѣятельности, представляющихъ интересъ для нашей цѣли, выясненія отношеній Княжества и Короны, какъ они устанавливались въ 1569 году. Изъ этихъ вопросовъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе вопросъ о правахъ и функціяхъ высшихъ Литовскихъ врядовъ рядомъ съ одноименными врядами Коронными въ соединенномъ Польско-Литовскомъ государствѣ. Дѣятельность однихъ на общихъ сеймахъ должна была исключать дѣятельность другихъ, а между тѣмъ, согласно привилею на Унію, значеніе Литовскихъ врядовъ должно было оставаться въ полной его неприкосновенности. Мы видѣли, вопросъ этотъ поднимался уже не разъ, поднять онъ былъ и въ первомъ соединенномъ засѣданіи 4 іюля пословъ зем-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 548 (15-го іюля).   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 504.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 504—505.

скихъ Литвы и Польши. Дѣйствительно вопросъ этотъ настоятельно требовалъ разрѣшенія. 8 іюля ¹⁾ король вмѣстѣ съ сенатомъ приступилъ къ обсужденію того, какъ будутъ впредь исполнять свои обязанности маршалки Короны и Княжества. Разсказывая объ этомъ, авторъ сеймоваго дневника прибавляетъ, что объ этомъ былъ большой споръ между маршалками обоихъ народовъ, создавшій большія затрудненія ²⁾ На другой день, т.-е. 9-го числа, въ посольскую избу явился посланный отъ короля Коронный подскарбій съ изложеніемъ на бумагѣ обязанностей маршалковъ обоихъ народовъ для обсужденія этого дѣла послами. Въ этой бумагѣ такъ разрѣшался маршалковскій вопросъ. На настоящемъ, Люблинскомъ сеймѣ первенство долженъ сохранить за собою маршалокъ Коронный; пусть онъ раздаетъ голоса въ радѣ и управляетъ, но жезлы должны поднимать передъ королемъ маршалки обоихъ народовъ. Судить Поляковъ маршалокъ Коронный, Литовцевъ—Литовскій. Дѣла смѣшанныя, т. е. sprawy Поляковъ съ Литовцами въ Литвѣ и въ Польшѣ, подлежащія вѣдѣнію маршалковскаго уряда разбираютъ оба маршалка въ замкѣ королевскомъ. На настоящемъ сеймѣ должно быть постановлено (opatrzone) сеймовою конституціею въ цѣляхъ сохраненія врядовъ Коронныхъ и Литовскихъ цѣликомъ при ихъ власти, чтобы на слѣдующемъ сеймѣ *alternatim* имѣлъ всю власть маршалковскую маршалокъ Литовскій; и такъ всегда должны на сеймахъ, бывающихъ по очереди въ Брестѣ-Литовскомъ и въ Варшавѣ, чередуясь, держать весь маршалковскій урядъ—въ Берестѣ маршалокъ Литовскій, въ Варшавѣ маршалокъ Коронный. Король объяснялъ необходимость такого постановленія данною Литовцамъ клятвою сохранить значеніе врядовъ, а такъ какъ у нихъ отнято право имѣть отдѣльный сеймъ, то для сохраненія значенія врядовъ Литовскихъ необходимо допустить созываніе сеймовъ поочередно—разъ въ Литвѣ, другой разъ въ Польшѣ ³⁾. Посольская изба не вошла въ обсужденіе этого дѣла. Она была занята вопросомъ о сборѣ, храненіи и расходованіи квартиры, вызвавшимъ большіе раздоры между послами Великой и Малой Польшъ изъ-за выбора мѣста для храненія. Послы земскіе отказались обсуждать вопросъ о маршал-

¹⁾ Дневникъ, изд. Кояловичемъ, даетъ 9 іюля, какъ день этого обсужденія; дневникъ, изд. Дзялынскимъ,—8-е. (Дн. Л. с. стр. 524). Мы принимаемъ послѣднюю дату, такъ какъ 9-го числа бумага съ изложеніемъ обязанностей маршалковъ была уже передана посольской избѣ.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 524. ³⁾ Дн. Л. с. Стр. 524—525.

кахъ, предоставивъ его сенату и королю; посольская изба поняла, что сенаторы передали это дѣло ей для того, чтобы свалить на нее потомъ всю вину за то или другое его разрѣшеніе ¹⁾. Но вопросъ этотъ не могъ быть отложенъ въ долгій ящикъ. 16 іюля Литовскіе послы вновь заявили въ избѣ, что они не станутъ обсуждать вмѣстѣ съ Поляками никакого дѣла до тѣхъ поръ, пока не будетъ устроено дѣло объ урядахъ княжества Литовскаго ²⁾, и Перемышльскій судья, говорившій въ этотъ день королю рѣчь отъ имени посольской избы, объявилъ ему въ числѣ другихъ заявленій и то, что изба не можетъ обсуждать вопроса о защитѣ Литвы, такъ какъ Литовскіе послы не хотятъ говорить о ней, пока не кончится споръ о маршалковскихъ урядахъ ³⁾. Отвѣчая на эту рѣчь, Сигизмундъ Августъ, сказалъ, что онъ самъ разрѣшитъ споръ о маршалковствахъ ⁴⁾. На слѣдующій день (17 іюля) Литовцы сами черезъ одного изъ пословъ Литовскихъ, Сновскаго, заявили сенату, что не будутъ обсуждать никакого дѣла до разрѣшенія этого спорнаго вопроса ⁵⁾. Однако вопросъ этотъ не такъ легко было разрѣшить. Давая клятву сохранить значеніе Литовскихъ врядовъ, Поляки не продумали содержанія этого обѣщанія и не представляли себѣ ясно того, какъ будетъ устроено спольный Польско-Литовскій сеймъ въ деталяхъ своей организаціи и дѣятельности. Требовали спольнаго сейма, но легкомысленно не ставили себѣ вопроса, какъ же онъ будетъ устроенъ; думали, что Литовскій сеймъ просто-на-просто сольется съ Короннымъ, и не предвидѣли никакихъ затрудненій при этомъ сліяніи, необдуманно клянясь сохранить неприкосновенными значеніе и права Литовскихъ врядовъ. А между тѣмъ эти уряды, въ особенности маршалковства (великое и дворное), на спольномъ сеймѣ должны были играть одну и ту же роль съ урядами Польскими, тѣмъ исключая ихъ; такимъ образомъ, нужно было по меньшей мѣрѣ измѣнить, если не уничтожить совсѣмъ значеніе Коронныхъ маршалковъ на сеймѣ, сохраняя его для Литовскихъ. Примасъ ясно выразилъ такое положеніе вопроса. 17 іюля онъ говорилъ въ сенатѣ: «что касается Литовскихъ сенаторовъ, то не знаю, какъ тутъ быть. Недавно мы имъ клялись, что сохранимъ имъ ихъ должности, которыя и дѣйствительно будутъ сохранены; но съ другой стороны, я не желалъ бы, чтобы должности Королевства потеряли

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 526.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 561.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 563.

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 564.

⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 569.

какъ-нибудь свое значеніе, чтобы онѣ подвергались какому-либо измѣненію; впрочемъ, это неизбѣжно бываетъ, когда соединяются государства. Хотя бы меня въ куски изрубили, какъ говорили въ старину, не стану говорить противъ совѣсти. Убереги меня отъ этого Богъ» ¹⁾. Какъ бы то ни было, но вопросъ этотъ долженъ былъ быть разрѣшенъ. Съ его разрѣшеніемъ знакомить насъ письмо Литовскаго земскаго подскарбія Николая Нарушевича къ Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу, писанное въ Люблинѣ 28 іюля 1569 года ²⁾. Въ этомъ письмѣ читаемъ: «власть урядовъ великаго и надворнаго Литовскихъ маршалковъ уже опредѣлена его королевскою милостью такимъ образомъ, что эти должности должны быть *сорулата* съ врядами маршалковъ Польскихъ; жезлы должны поднимать вмѣстѣ въ Польшѣ и въ Литвѣ, раздавать голоса (*wota*) долженъ Польскій маршалокъ Полякамъ, Литовскій Литовцамъ, какъ уже они и дѣйствуютъ (*sprawują*); Поляка долженъ судить маршалокъ Польскій, Литовца—Литовскій; при арестованіяхъ злочинцевъ при слугахъ великаго Польскаго маршалка долженъ имѣть одного, или двухъ слугъ маршалокъ Литовскій въ видахъ предупрежденія уменьшенія чести (*dla przestrzegania*

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 573.

²⁾ Вил. Арх. Сб., VII. № 27. Это письмо по датѣ, напечатанной издателями, написано 28 іюня. Но если это не опечатка въ изданіи, то описка въ рукописи, и вмѣсто 28 Iunii нужно, несомнѣнно, читать 28 Iulii. Въ этомъ письмѣ Нарушевичъ говоритъ о полученномъ имъ письмѣ Николая Радивила, оплакивающимъ «*progrzeb. u zgladzenie na wieczne czasy wolney a udzielnei rzeczy polspolitey, między W. Xięstwa Litewskiego*». Унія была рѣшена окончательно лишь 27 іюля, и потому невозможно считать датою письма Нарушевича 28 іюня, ибо это значило бы признавать возможнымъ, что въ одни сутки гонецъ успѣлъ съѣздить въ Вильну изъ Люблина и вернуться въ него обратно съ письмомъ Радивила, на которое отвѣчаетъ Нарушевичъ. Кроме того, письмо Нарушевича, изданное въ VII томѣ Вил. Арх. Сборника, говоритъ о назначеніи 9 августа днемъ закрытія сейма. Въ концѣ іюня не могло быть и рѣчи о днѣ окончанія сейма, такъ какъ еще слишкомъ много дѣла было впереди. Лишь 18 іюня посольская изба избрала депутатовъ для составленія списка петицій воеводствъ и подумала о томъ, что нужно сдѣлать до окончанія сейма (Дн. Л. с. Стр. 574, 575). Подъ 20 іюля вновь встрѣчаемъ запись о дѣятельности этихъ депутатовъ (Дн. Л. с. Стр. 576). Еще 27 іюля послы земскіе заявляли королю о своемъ желаніи поскорѣе окончить сеймъ (Дн. Л. с. Стр. 584): очевидно, что даже 27 іюля еще не было опредѣлено время его окончанія. Наконецъ, и слова письма Нарушевича о маршалкахъ, какъ уже дѣйствующихъ по своимъ урядамъ, могутъ относиться лишь къ іюлю мѣсяцу и потому, что первое засѣданіе спольнаго Польско-Литовскаго сената состоялось только 1 іюля.

ubliżenia) Литовскаго народа. Объ остальныхъ функціяхъ (оупуsch władzach) этихъ врядовъ отложено до другого сейма» ¹⁾. Точно также излагаетъ отношенія маршалковъ обоихъ народовъ и королевскій привилей, данный 19 іюля 1569 года ²⁾.

Другимъ вопросомъ первостепенной важности и огромнаго интереса является вопросъ объ участіи Литовцевъ въ дѣлахъ общаго сейма. Представлялъ ли изъ себя сеймъ картину дѣйствительно общей работы Поляковъ и Литовцевъ въ дѣлахъ, подлежащихъ его обсужденію, или же въ самыхъ дѣлахъ существовало раздѣленіе на дѣла специально Коронныя, представлявшія интересъ лишь для Польскихъ членовъ сейма, и дѣла Литвы, дѣла специального интереса Литовцевъ? Но кромѣ этихъ дѣлъ специального характера первый спольный сеймъ Польско-Литовскій долженъ былъ разрѣшить и дѣла обще-государственныя. Какъ относились другъ къ другу оба народа при разрѣшеніи этихъ дѣлъ? Тутъ мы не имѣемъ въ виду тѣхъ исключительныхъ вопросовъ, которые касались отдѣльныхъ частей самаго договора, какъ вопросъ о власти маршалковъ, только что нами разсмотрѣнный, но лишь дѣла, содержаніемъ которыхъ было не созданіе статей акта Уніи и ихъ толкованіе, а разрѣшеніе, такъ сказать, обычныхъ обще-государственныхъ нуждъ и потребностей. Такимъ дѣломъ являлся вопросъ объ устройствѣ обороны государства и связанный съ нимъ вопросъ о налогѣ для нея. Защита Княжества отъ Московскаго врага его являлась не только дѣломъ государственной необходимости, но и личной чести Польскаго народа. Обращаясь къ посламъ земскимъ, примасъ Уханскій говорилъ 13 іюля: «обсудите защиту государства. Мы взяли Литовское княжество и другія государства: нужно обсудить, какъ бы не оказалось, что мы взяли ихъ на посрамленіе себѣ, т.-е. что взяли ихъ и не защищаемъ. Какая это будетъ слава!» ³⁾. 15 іюля посольскій маршалокъ предложилъ избѣ подавать мнѣнія о защитѣ Литвы ⁴⁾. Но изба предпочла заняться вопросомъ о долгѣ короля Коронѣ, поставленнымъ также маршалкомъ, притомъ передъ вопросомъ о Литвѣ, и такъ увлеклась имъ, что вовсе и не коснулась Литовской защиты ⁵⁾. 16 іюля королемъ

¹⁾ Вил. Арх. Сб. VII. Стр. 48.

²⁾ Zbiór Pamiętników do dziejów Polskich. Wydał Włodzimierz Stanisław Hr. de Broel-Plater. Tom 2. Warszawa 1858. Str. 17, 18. Характеристику врядовъ Литовскихъ великаго и дворнаго маршалковъ читатель найдетъ въ III главѣ настоящаго изслѣдованія.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 534.

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 546.

⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 546—549.

черезъ канцлера было приказано избѣ заняться обсужденіемъ защиты Княжества, о чемъ уже давно было сдѣлано ей предложеніе, но изба опять разсудила иначе. Она постановила: «не обсуждать дѣла о защитѣ Литовскаго княжества. Литовскіе послы заявили, что не станутъ съ нами обсуждать никакого дѣла, пока не будетъ устроено дѣло о должностяхъ Литовскаго княжества: такъ и намъ не слѣдуетъ заниматься этимъ дѣломъ. Лучше намъ прежде устроить свои дѣла ...»¹⁾. О защитѣ Литвы не хотятъ говорить сами Литовцы, поэтому не могутъ разсуждать о ней и послы Коронные—приговорила изба, не упустивъ, однако, воспользоваться этимъ дѣломъ для того, чтобы добиться отъ короля уничтоженія мыта Русскихъ рудниковъ, которое было поставлено необходимымъ условіемъ для начала занятій изьбы вопросомъ объ оборонѣ²⁾. Рѣчь оратора изьбы³⁾ къ королю заявила ему о невозможности изъ-за самихъ Литовцевъ обсуждать оборону⁴⁾, и Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ, что Литовцы будутъ обсуждать защиту государства, такъ какъ онъ самъ разрѣшитъ вопросъ о маршалковствахъ⁵⁾.

1 августа вновь было приказано заняться дѣломъ защиты Литвы; канцлеръ предложилъ посламъ заняться этимъ вопросомъ, «*abi sie czas nie wlioki*»⁶⁾. На другой день маршалкомъ изьбы было предложено земскимъ посламъ подавать мнѣнія объ оборонѣ⁷⁾. Но обсужденіе ея не было ведено съ большимъ интересомъ. Краковское воеводство отказалось говорить объ оборонѣ, Познанское—соглашалось дать по 20 грошей съ лана, чтобы Московская граница и Инфлянты не оставались совершенно безъ войска. Въ то же время послы Виленскаго воеводства собрали около себя остальныхъ Литовскихъ пословъ, и всѣ они постановили сдѣлать избѣ общее заявленіе черезъ одного изъ пословъ Княжества. Это заявленіе требовало помощи Поляковъ дѣлу уничтоженія тягостей, лежащихъ на обывателяхъ Литовскихъ. Послы Литовскіе не желаютъ приступать ни къ какому дѣлу, пока эти тягости не будутъ сняты съ Литвы. Относительно защиты Литовцы объявили, что они не будутъ говорить о защитѣ путемъ денежнаго побора, но поѣдутъ противъ врага посполитымъ рушеньемъ, причемъ просятъ о рушеньѣ и Поляковъ. На это послы Коронные отвѣчали: «если вамъ, господа, не нужна постоянная защита, то мы и не будемъ объ ней говорить, но не видимъ также настоятельной надобности и

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 561.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 562.   ³⁾ Перемышльскаго судьи.

⁴⁾ Дн. Л. с. 563.   ⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 564.   ⁶⁾ Дн. Л. с. 595.

⁷⁾ Дн. Л. с. Стр. 599.

въ посполитомъ рушеньѣ». Посылаются въ Москву послы, и, если имъ удастся заключить миръ, то не будетъ нужды въ посполитомъ рушеньѣ ни Литвѣ, ни Польшѣ; если же мира заключено не будетъ, то необходимо послать на границы войско, чтобы непріятель не посмѣлъ сдѣлать вторженія. Поэтому нужно говорить о деньгахъ на постоянное войско. Если окажется, что необходимы чрезвычайныя мѣры, то король созоветъ сеймики и вальный сеймъ; будутъ приняты мѣры для отпора врага и, въ случаѣ надобности, Поляки двинутся посполитымъ рушеньемъ, но это они могутъ сдѣлать лишь въ слѣдующемъ году и то не иначе, какъ послѣ совѣщанія пословъ со своею шляхтою. Однако Литовскіе послы все-таки не хотѣли говорить объ обыкновенной оборонѣ (о rotoczne obronie)¹⁾. Тогда и Польскіе ихъ товарищи постановили не разсуждать о ней, заявить объ этомъ королю (для защиты же Польши есть кварта и кварцяныя деньги) и просить его окончить такъ долго дящійся сеймъ²⁾. Все это было высказано королю въ тотъ же день въ рѣчи посольскаго маршалка, а послѣ нея выступилъ впередъ одинъ изъ Литовскихъ пословъ, Сновскій, и просилъ Сигизмунда Августа отъ имени всѣхъ ихъ снять съ Литовцевъ лежавшія на нихъ тягости, безъ чего они не приступятъ къ обсужденію никакого дѣла. Что касается до защиты, то, по словамъ Сновскаго, Литвѣ «не нужна обычная оборона постояннымъ войскомъ, такъ какъ неизвѣстно еще, намѣренъ ли король воевать съ Москвою»³⁾. Послѣ этого посольскій маршалокъ сказалъ: «наіяснѣйшій, милостивый король! Должно открыто высказать вашей королевской милости, ничего не скрывая. Господа (Литовцы) утверждаютъ, что ваша королевская милость обязаны своею казною устроить обыкновенную оборону»⁴⁾. Добавилъ еще нѣсколько словъ Радѣевскій староста. Ходкевичъ и Воловичъ вскричали тогда, обращаясь къ Литовскимъ посламъ: «ради Бога! что дѣлаете! вѣдь намъ нужна постоянная защита!» На все, высказанное ему, Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ, что онъ рѣшилъ воевать съ Москвою, но, пока вернутся послы изъ Москвы да пока будетъ обдуманно, какъ вести войну, нужна обыкновенная оборона. Что же касается до того, будто король обязанъ самъ ее устраивать, то такого закона нигдѣ найти невозможно. Ходке-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 601. ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 602. ³⁾ Дн. Л. с. Стр. 602—603.

⁴⁾ Т. е. Литва хотѣла того же, что было въ Польшѣ, имѣвшей отъ короля кварцяныя деньги на наемъ постояннаго войска для охраны границъ

вичъ возразилъ Сигизмунду Августу, что король обязанъ обезпечить военною обороною замки. Сигизмундъ Августъ согласился съ нимъ, сославшись на законы (*primo*), но не продолжалъ своей рѣчи далѣе и приказалъ посламъ удалиться къ себѣ и обсуждать это дѣло ¹⁾.

Сущность всего дѣла была въ томъ, что въ Польшѣ еще въ 1563 году Сигизмундъ Августъ отказался отъ четвертой части (кварта) доходовъ съ королевскихъ столовыхъ имѣній ²⁾, которая поступала на наемъ такъ называемаго кварцянаго войска для постоянной защиты границъ Польши. Такимъ образомъ Польскіе обыватели не знали расходовъ на обыкновенную оборону границъ Польскихъ и должны были платить налогъ или подниматься въ посполитомъ рушеньѣ лишь въ случаяхъ чрезвычайной нужды государственной. Литва не имѣла кварталы королевской и должна была устраивать на средства своихъ обывателей и обычную, и чрезвычайную оборону своего Княжества. Послы Литовскіе, опираясь на данное имъ обѣщаніе равенства въ правахъ съ Поляками и добивались послѣ Уніи, установленія такого же порядка обычной защиты границъ Литовскихъ на средства королевскихъ имѣній, какъ это было въ Польшѣ, имѣвшей кварталы. Но если послы Литовскіе стремились къ новому порядку и расширенію вольностей народа Литовскаго, сенаторы Княжества зорко наблюдали за сохраненіемъ старыхъ правъ Литвы, и Ходкевичъ напомнилъ Сигизмунду-Августу объ его обязанности относительно содержанія въ боевой готовности укрѣпленій Литовскихъ, обязанности, опредѣленной письменными документами.

3 августа посольская изба стала разсуждать о налогѣ и согласилась дать на дѣло защиты государства трехлѣтній налогъ по 20 грошей съ лана, но съ Литовскими послами по этому вопросу соглашенія, однако, не состоялось ³⁾. Причину трудности сговориться Полякамъ съ Литовцами излагаетъ самъ составитель дневника сейма, рассказывая о событіяхъ 4 августа. Оказалось, что въ Литвѣ поборы организованы иначе, чѣмъ въ Коронѣ. Въ Литвѣ

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 603—604.

²⁾ См. о квартѣ: Vol. legum II. Petersburg 1859, str 17 (O pozwoleniu czwartej części na obronę potoczną). *A. Pawiński*. Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego. Źródła Dziejowe VIII. Warszawa. 1881. Str. 132—141. См. также въ общихъ трудахъ по исторіи Польши, пр. *М. Бобржинскій*. Очеркъ исторіи Польши. II. СПб. 1891. Стр. 84 и *J. Szujski*. Dzieje Polski. T. II. W Krakowie 1795. Str. 366.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 605.

существовало два побора — большой и малый ¹⁾. Первый собирается со всякой торговли и идетъ въ скарбъ самого короля (*do skarbu samego krolia iego moszci*) на нужды королевскія и на обезпеченіе (*opatrzenie*) замковъ. Въ этотъ поборъ не включается чоповое, но такъ какъ сумма его гораздо больше, чѣмъ сумма чопового, то Литовскія воеводства старались о томъ, чтобы было равенство въ поборѣ въ Литвѣ и въ Польшѣ, такъ какъ онѣ составляютъ теперь одно тѣло. Кромѣ того, этотъ поборъ въ Литвѣ шелъ не прямо на удовлетвореніе нуждъ государственныхъ, но въ скарбъ королевскій, почему Литовскіе послы и заявили желаніе, чтобы онъ шелъ на государственныя нужды. Что касается до малаго побора, то онъ продолжится лишь до дня Всѣхъ Святыхъ ²⁾. Но этимъ не окончились недоразумѣнія съ постановленіемъ побора. 6 августа посольская изба читала поборовый универсалъ, изданный на истекшее трехлѣтіе, и рѣшила принять тотъ же поборъ и на слѣдующее трехлѣтіе, сдѣлавъ лишь измѣненія въ дѣлѣ организациі передачи его сборщиками въ дальнѣйшія инстанціи ³⁾. Однако, при этомъ возникло серьезное затрудненіе ввиду особенностей поборовъ Литовскихъ. Въ Литвѣ серебщизна взималась съ дворовъ, и этого никакъ не могли понять Поляки, какъ несвойственнаго Польшѣ. Поэтому послы Коронные выбрали нѣсколько человекъ и, присоединивъ ихъ къ маршалку избы, поручили имъ всѣмъ вмѣстѣ съ нѣсколькими Литовскими послами согласить поборы Литовскій и Польскій. При этомъ послы Княжества уперлись на томъ, чтобы поборъ съ городовъ королевскихъ шелъ на обыкновенную оборону, какъ въ Польшѣ, а не въ скарбъ королевскій, какъ это было до Уніи ⁴⁾. 9 августа передъ королемъ въ сенатѣ при послахъ земскихъ былъ прочитанъ поборовый универсалъ, но такъ какъ поборовый универсалъ въ Литву не понравился королю и сенаторамъ Княжества, то Сигизмундъ Августъ поручилъ подскарбіямъ Коронному и Литовскому согласить ихъ, чтобы было полное равенство ⁵⁾. Такъ закончилось составленіе поборового универсала 1569 года ⁶⁾.

¹⁾ Переводъ на стр. 607 невѣренъ.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 607, 608.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 614.   ⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 615.   ⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 621, 622.

⁶⁾ Поборовый универсалъ въ Княжество изданъ въ Документахъ Моск. Арх. Мин. Юстиціи. (Т. I. М. 1897 г., стр. 502—505). Мы уже выше имѣли случай указать ошибку издателя относительно этого документа. Разсказъ дневника сейма объ его составленіи дополняетъ высказанныя нами выше соображенія.

Мы видѣли сейчасъ, какъ обсуждалось на первомъ спольномъ сеймѣ Литвы и Польши дѣло защиты государственной. Нельзя не подмѣтить постоянно обнаруживавшагося различенія сеймомъ интересовъ Короны и Княжества даже въ дѣлѣ защиты границъ. Казалось-бы, какое дѣло должно быть болѣе общимъ для всего соединеннаго государства, если не дѣло защиты отъ общаго врага, а между тѣмъ видимъ полное раздѣленіе вопроса о защитѣ государства на два: защиту Польши и защиту Литвы. Самые источники средствъ различны для той и для другой. На обычную защиту первой идетъ Коронная кварта, на обычную защиту второй устанавливается поборъ, несмотря на то, что Литва всѣми силами добивалась на сеймѣ введенія въ ней Польскаго порядка въ этомъ отношеніи. Правда, что поборъ на защиту Княжества былъ установленъ по всему государству, онъ будетъ взиматься и съ Короны и съ Княжества, но посольская изба во время обсужденія его постоянно выдѣляетъ свое, Польское, не смѣшивая его съ Литовскимъ. Нельзя было не позаботиться объ охранѣ Литвы, это было бы равносильно полному разрушенію только что заключенной Уніи и вопіющимъ попраніемъ ея договора, но въ высокой степени характернымъ для этой Уніи является выдѣленіе сразу *своего* и *своей* обороны Коронною частью посольской избы, только что провозгласившей сліяніе въ *единое тѣло* Литвы и Польши, но охраняющей отъ расходовъ на Литву свою кварту. Если Литва, такимъ образомъ, стремилась неустанно къ сохраненію во многихъ политическихъ сторонахъ своей отдѣльности отъ Польши, то и послѣдняя, противясь этому, сама ставила преграду полному сліянію Княжества съ Короною, подчеркивая отдѣльность своего кошелька и своихъ матеріальныхъ интересовъ отъ Литовскихъ.

Посмотримъ теперь, какъ относятся на сеймѣ 1569 года Литовцы къ дѣламъ, имѣющимъ значеніе лишь для Польши, и какъ относятся Поляки къ дѣламъ спеціально-Литовскимъ. Мы видѣли уже выше, что Литовскіе послы прямо отказались 15 іюля подавать свои мнѣнія о квартѣ на томъ основаніи, что Княжество не подлежитъ ей ¹⁾. Такимъ образомъ, Литовцевъ интересуетъ лишь то, что касается ихъ непосредственно, какъ ихъ частно-Литовское дѣло, или какъ обще-государственное, а къ мѣстно-Польскому у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго интереса. Взглянемъ и на то, какъ смотрятъ Поляки на мѣстно-Литовскія дѣла. Прежде всего необ-

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 548.

ходимо отмѣтить, что ораторъ посольской избы, передавая ей просьбы королю и сенату, передавалъ и просьбы Литовцевъ ¹⁾. Ходкевичъ ²⁾ и Воловичъ ³⁾ даже искали ходатайства избы передъ государемъ по дѣламъ частнымъ. Но если посольская изба занималась и мѣстно - Литовскими дѣлами, то встрѣчаемъ и примѣры исключительно Литовской работы надъ ними. Мы видѣли выше, какъ о требованіи Литовскомъ заявлялъ королю отдѣльно, послѣ рѣчи оратора избы, одинъ изъ пословъ земскихъ Литовскихъ ⁴⁾. Статьи конституціи сеймовой, касающіяся Княжества, были составляемы Литовскими послами отдѣльно и уже затѣмъ читались посольской избѣ. Подъ 30-мъ іюля въ дневникѣ сейма записано между прочимъ: «потомъ читали Литовскіе артикулы, но не кончили и постановили, чтобы Литовцы избрали изъ своей среды нѣсколько человекъ, эти лица отправились-бы къ посольскому маршалку и вмѣстѣ съ нимъ скорриговали конституціи. Такъ было постановлено, такъ и сдѣлано» ⁵⁾. 1 августа послы Литовскіе просили избу, чтобы имъ было разрѣшено прочесть ихъ конституціи, которыхъ они не успѣли приготовить и отдать наверхъ (въ сенатъ) вмѣстѣ съ конституціями Польскими ⁶⁾. Это чтеніе вызвало столкновение Литовцевъ съ Поляками изъ-за Инфлянтовъ, которые присвоивали себѣ Литовцы. Изъ преній, возникшихъ по поводу этого, обнаружилось, что Литовскіе послы земскіе имѣли и отдѣльныя сношенія съ сенатомъ, повидимому, цѣлымъ, а не только Литовскимъ, ведя съ нимъ переговоры относительно своихъ желаній ⁷⁾. У Литовцевъ были и свои частныя дѣла, о которыхъ они ходатайствовали передъ королемъ, прося поддержки у Поляковъ ⁸⁾. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года вообще даетъ очень много интересныхъ подробностей для выясненія того, какъ составлялись сеймовыя конституціи спольнаго Польско-Литовскаго сейма ⁹⁾. Проектъ конституціи составлялся посольскою

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 585.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 595 (за Борковскаго).

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 589. (О возвращеніи ему Ломазовъ, Воина и Кодынца, отобранныхъ отъ него за отказъ присягнуть съ Подляшьемъ. Объ его дѣлѣ также стр. 595, 596, 597).

⁴⁾ Сновскій 2 авг. Дн. Л. с. Стр. 602, 603.   ⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 589.

⁶⁾ Дн. Л. с. Стр. 598.   ⁷⁾ Дн. Л. с. Стр. 598.   ⁸⁾ Дн. Л. с. Стр. 608.

⁹⁾ Мы не касаемся въ настоящемъ томѣ нашего изслѣдованія вопроса о томъ, насколько и въ какихъ частяхъ своихъ были обязательны статьи конституцій Польско-Литовскаго сейма для великаго княжества Литовскаго, т. е. были ли обязательны для него всѣ статьи конституцій, относительно которыхъ не было обозначено, что имъ не подлежитъ Литва, или что онѣ изданы спе-

избою. 21 іюля послы земскіе принесли проектъ въ избу ¹⁾, но онъ оказался неудачнымъ и былъ разорванъ ²⁾. На другой день вновь былъ принесенъ послами проектъ конституціи, составленный маршалкомъ избу Чарнковскимъ, но на него не послѣдовало единоголаснаго согласія пословъ, и 23 іюля изба читала уже новый проектъ конституціи, составленный Холмскимъ подкоморіемъ Сѣницкимъ и Перемышльскимъ судьей Орѣховскимъ ³⁾. Однако, и этому проекту не удалось удостоиться одобренія всѣхъ пословъ земскихъ ⁴⁾. Чтобы, наконецъ, покончить это дѣло, посольская изба составила въ тотъ же день (23 іюля) цѣлую комиссію, въ которую вошли Холмскій подкоморій Сѣницкій, Калишскій судья Цотворовскій и по одному послу изъ cadaго воеводства. Но не удалось окончить дѣла и этой комиссіи: поднялся споръ изъ-за постановленій относительно Пруссіи, и Калишскій судья разорвалъ то, что имъ было написано. Тогда конституція была написана

ціально для какой-нибудь отдѣльной части (не Литвы) Речи Посполитой, или же нужно признавать обязательными для Литвы лишь тѣ статьи конституцій, въ которыхъ обозначено, что онѣ изданы для Княжества. Въ ученой литературѣ Русской девяностыхъ годовъ истекшаго столѣтія вопросъ этотъ былъ поднятъ съ очень большою энергіею по поводу одного частнаго случая (считать ли наслѣдство графа Манузи, открывшееся въ 1822 году, выморочнымъ на основаніи кадуковаго права, или признать на него права представителей боковыхъ линій рода графа Манузи). Возникши въ судѣ, на почвѣ гражданскаго иска, вопросъ этотъ былъ перенесенъ повѣренными сторонамъ (покойный профессоръ С.-Петербургскаго Университета С. А. Бершадскій и присяжный повѣренный Б. Г. Ольшамовскій) на почву ученаго изслѣдованія. Правительствующій Сенатъ, когда дѣло было перенесено въ него, пройдя черезъ Ковенскій Окружный Судъ и Виленскую Судебную Палату, обратился къ профессорамъ Владимірскому-Буданову, Сергѣевичу, Пахману и Леонтовичу съ просьбою высказаться по возбужденному этимъ дѣломъ историко-юридическому вопросу. Кромѣ того, вопросомъ заинтересовались С. Л. Пташицкій и проф. А. Гольмстенъ, высказавшіеся по нему въ печати. Такимъ образомъ создалась цѣлая литература вопроса въ напечатанныхъ работахъ С. А. Бершадскаго, проф. Гольмстена, проф. Леонтовича, г. Ольшамовскаго и г. Пташицкаго. Мы не станемъ останавливаться на этомъ вопросѣ въ настоящемъ томѣ нашей работы, отлагая его до ея продолженія, до главы, посвященной Польско-Литовскому сейму, и отсылаемъ читателя къ этой литературѣ, въ которую вводитъ книжка г. *Б. Г. Ольшамовскаго*. Обязательность для Великаго Княжества Литовскаго Конституцій Вальныхъ Сеймовъ бывшей Польской Рѣчи Посполитой въ связи съ вопросомъ о выморочности (Кадукахъ) по Польско-Литовскому Законодательству. Спб. 1897.

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 576.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 577.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 577.   ⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 577, 578.

маршалкомъ избы Чарнковскимъ по его произволу (wedlie swei fantasiei), и, такъ какъ посламъ надоѣло все это дѣло, они согласились принять написанное имъ ¹⁾. Затѣмъ послы явились наверхъ, къ королю. Чарнковскій передалъ тамъ артикулы конституціи, но послѣ этого выступили впередъ Орѣховскій и Сѣницкій; первый просилъ позволенія представить для конституціи статьи о Русскомъ воеводствѣ, второй представилъ составленныя имъ конституціи о Пруссіи. Сигизмундъ Августъ приказалъ имъ обоимъ отдать ихъ статьи подканцлеру. Посламъ земскимъ былъ данъ королемъ отвѣтъ черезъ канцлера: король съ сенатомъ разсмотритъ проектъ конституціи, составленный избою, а послы должны удалиться въ свою палату и обсуждать мѣры къ защитѣ государства, оставивъ лишь депутатовъ для суда по дѣламъ экзекуціи ²⁾. Въ слѣдующіе дни сенатъ съ королемъ обсуждалъ представленный ему избою проектъ конституціи ³⁾. 26 іюля королемъ былъ присланъ въ избу подскарбій съ тѣми статьями конституціи, которыя были уже обсуждены имъ и сенатомъ. Это были еще не всѣ статьи, а лишь нѣкоторыя. 27 іюля изба читала эти возвращенныя ей статьи и видя, что сенаторы измѣнили нѣкоторыя изъ нихъ, рѣшила добиться того, чтобы оставлено было такъ, какъ было раньше принято ею ⁴⁾. Послѣ рѣчи Перемышльскаго судьи, сказанной въ этомъ смыслѣ передъ королемъ по порученію посольской избы ⁵⁾, къ посламъ былъ присланъ Сигизмундомъ Августомъ подканцлеръ Коронный съ исправленными пунктами конституціи. Онъ читалъ рукопись, и посольская изба согласилась принять внесенное въ проектъ сенатомъ, но для редакціи конституціи избрала въ помощь подканцлеру трехъ лицъ изъ своего состава—Сѣницкаго, Потворовскаго и Прилецкаго ⁶⁾. 30 іюля посольскій маршалокъ принесъ съ собою въ избу проектъ конституціи, но чтеніе его не состоялось за другими дѣлами ⁷⁾. Въ тотъ же день послы стали читать статьи конституціи по дѣламъ Литвы, но, не окончивъ чтенія постановили, чтобы Литовцы, избравъ изъ своей среды нѣсколькихъ лицъ, отправили ихъ къ посольскому маршалку для корригаціи конституцій. «Такъ было постановлено, такъ было и исполнено», прибавляетъ дневникъ сейма ⁸⁾. 1 августа посольская изба читала конституціи, составленныя Короннымъ

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 578.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 579.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 582 (записано подъ 26 іюля).   ⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 584.

⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 584—587.   ⁶⁾ Дн. Л. с. Стр. 587—588.

⁷⁾ Дн. Л. с. Стр. 588.   ⁸⁾ Дн. Л. с. Стр. 589.

подканцлеромъ вмѣстѣ съ депутатами избы. Это чтеніе взяло много времени, такъ какъ послы, читая, одно исключали, другое прибавляли; наконецъ, согласившись всѣ, въ полномъ согласіи пошли наверхъ къ королю, и Чарнковскій, маршалокъ посольскій, представилъ конституцію государю ¹⁾. Однако, оказалось, что въ этой конституціи не было статей, касающихся Литвы, составленіе которыхъ было дѣломъ Литовцевъ. Когда земскіе послы, передавъ конституцію королю, вернулись въ свою палату, послы Литовскіе просили дозволить имъ читать ихъ статьи, которыхъ они не успѣли приготовить во-время и передать наверхъ вмѣстѣ съ Коронными ²⁾. Посольскій маршалокъ возстановилъ тишину и сказалъ Литовцамъ приступить къ чтенію. Но уже первый пунктъ ихъ вызвалъ большіе споры. Въ немъ Литовцы «ужь очень» (*już bardzo*) присвоивали Княжеству Инфлянты. Поляки заявили Литовцамъ, что это противорѣчитъ конституціямъ Короннымъ, которыя только что составлены въ избѣ и которыя прослушали сами Литовцы. Наконецъ, въ сенатѣ вмѣстѣ съ сенаторами Коронными засѣдаютъ и Литовскіе сенаторы. Они подаютъ свои голоса по дѣламъ, разсматриваемымъ сенатомъ, и, если посольская изба получила единогласный отвѣтъ его на свою конституцію, это значитъ, что и Литовскіе паны-рада согласны съ нимъ. Поляки при этомъ напомнили Литовцамъ ихъ недавнюю присягу на Унію. Несмотря на это, Литовцы все-таки желали читать свои конституціи и заявили, что имъ наверху былъ данъ другой отвѣтъ, чѣмъ Полякамъ. Послѣ завязавшагося между Литовскими послами и Холмскимъ подкоморіемъ Сѣницкимъ спора маршалокъ предложилъ сдать разсмотрѣніе Литовскихъ статей конституціи въ комиссію, составленную изъ Польскихъ и Литовскихъ членовъ избы: пусть эта комиссія разсмотритъ ихъ и, что можно удержать въ нихъ, удержитъ, а чего нельзя удержать, — выкинетъ. Это предложеніе встрѣтило общее согласіе ³⁾. Подъ 4 августа въ дневникѣ, изданномъ Дзялынскимъ, записано, что Литовскіе послы просили въ этотъ день Польскихъ помочь имъ въ томъ, чтобы король утвердилъ статьи, поданныя ему съ Литовскими просьбами ⁴⁾. Такимъ образомъ, въ это время королю уже были представлены проекты постановленій Литовскихъ. Но составленіе окончательной редакціи конституціи сейма 1569 года

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 590.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 598.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 598—599.   ⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 608.

было задержано самимъ королемъ, высказавшимъ требованіе внести въ нее еще четыре пункта, а именно о безкоролевьѣ, о посполитомъ скарбѣ, о гетманской присягѣ и объ обезпеченіи королевскаго потомства ¹⁾. Изба отказалась слушать своего маршалка, говорившаго объ этомъ въ избѣ 5 августа, и отправилась къ королю съ просьбою воспретить ему читать на сеймѣ уже составленныя конституціи, такъ какъ постановленія сейма закончены и всѣ остальные вопросы должны ожидать сейма слѣдующаго ²⁾. Однако сенатъ настаивалъ на внесеніи въ конституцію пунктовъ, предложенныхъ королемъ. Послы возражали, но, наконецъ, согласились на томъ, чтобы внести эти пункты въ сеймовый документъ въ видѣ рецесса. Послѣ этого послы удалились въ свою палату, прочитали еще разъ конституцію и, поднявшись вновь въ сенатъ, передали ее черезъ своего маршалка Чарнковскаго королю. Прочитаны были статьи, на которыя состоялось согласіе сената и избы, и дѣло выработки конституціи было, наконецъ, закончено ³⁾.

Приглядываясь къ изложенному ходу составленія конституціи Люблинскаго сейма 1569 года, перваго спольнаго Польско-Литовскаго сейма соединенной Речи Посполитой, нельзя не замѣтить, что особенность Литвы рѣзко проглядываетъ на немъ. Литовскіе послы составляютъ статьи конституціи, касающіяся Литвы, отдѣльно отъ Поляковъ и лишь уже готовыми читаютъ ихъ избѣ. Только послѣ того, какъ обнаружилось противорѣчіе въ Литовскихъ статьяхъ конституціи съ остальными, т.-е. Коронными ея статьями, была составлена коммиссія для разсмотрѣнія ихъ, образованная изъ нѣсколькихъ Польскихъ и Литовскихъ пословъ земскихъ. Ранѣе этого обнаруженія изба даже поручала корригацію Литовскихъ конституцій самимъ Литовцамъ совмѣстно съ посольскимъ маршалкомъ. Ясно до очевидности, что Поляки мало интересовались собственными дѣлами Литвы до тѣхъ поръ, пока эти дѣла не затрогивали непосредственно интересовъ самихъ Поляковъ. На Люблинскомъ сеймѣ видимъ не «братское» обсужденіе дѣлъ обоихъ народовъ, а стремленіе каждой части спольной Речи Посполитой обезпечить свои личные интересы; самое чтеніе Литовскихъ конституцій сопровождается не «братскимъ» совѣтомъ и заботою о благѣ обоихъ народовъ, а ссорою: представители одного народа

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 610.   ²⁾ Дн. Л. с. Стр. 611.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 612—613.

наблюдаютъ за представителями другого, чтобы они не провели на сеймѣ чего-либо вреднаго для личныхъ интересовъ ихъ народа.

Мы довольно долго занимались изученіемъ дневника Люблинскаго сейма ¹⁾, наблюдая дѣятельность этого знаменитаго сейма съ точки зрѣнія выясненія отношеній Литвы и Короны, какъ они складывались на первомъ спольномъ сеймѣ соединенной Речи Посполитой. Но наблюдение надъ этимъ первымъ общимъ сеймомъ только-что возникшаго въ 1569 году Польско-Литовскаго государства настолько необходимо для выясненія почвы, на которой развивались отношенія Литвы и Польши въ послѣдующія десятилѣтія, которымъ посвящено настоящее изслѣдованіе, что не представляется возможнымъ болѣе бѣглое изученіе этого сейма.

Подведемъ теперь итоги подъ нашими наблюденіями надъ дѣйствіями и занятіями Люблинскаго сейма 1569 года. Основнымъ выводомъ, который съ полною очевидностью слѣдуетъ изъ всего изложеннаго выше, является *отдѣльность Княжества отъ Короны, ясно сознаваемая и Поляками, и Литовцами XVI столѣтія*. Существуютъ рядомъ съ общегосударственными дѣлами *отдѣльныя Литовскія и отдѣльныя Польскія* дѣла, притомъ даже отдѣльно

¹⁾ Кромѣ сочиненія *М. О. Кояловича* (Люблинская Унія или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. СПб. 1863), названнаго нами выше ввиду особенной близости его изложенія къ разсказу Дневника сейма 1569 года, съ Люблинскимъ сеймомъ знакомятъ слѣдующіе труды: *И. И. Малышевскій*. Люблинскій съѣздъ 1569 года. (Памятники Русской старины въ Западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ восьмой. Холмская Русь. СПб. 1885. Стр. 108—197), *М. О. Кояловичъ*. Присоединеніе Подлѣсья къ Польшѣ на Любл. сеймѣ 1569 года (*Ibidem*. Стр. 198—216), *Д. И. Иловайскій*. Исторія Россіи. Томъ третій. М. 1890. Стр. 127—148, *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. М. 1901 Глава VII. Мы указываемъ здѣсь лишь на тѣ труды Русской исторической литературы, въ которыхъ читатель можетъ найти болѣе или менѣе подробное изложеніе хода занятій сейма 1569 года, составленное по его дневникамъ. Что-же касается до трактованія Люблинскаго сейма 1569 года и его значенія въ Русской и Польской литературѣ, то изложеніе его слишкомъ бы увеличило и безъ того очень разросшіеся размѣры настоящаго изслѣдованія, а потому мы надѣемся посвятить ему особую работу. Нельзя, кромѣ того, здѣсь не указать на погрѣшность столь полезнаго пособія *Л. Финкеля* (*Bibliografia Historji Polskiej Część I. We Lwowie 1891. Str. 114*), въ которомъ упоминается актъ Виленской конфедераціи 1569 года, яко-бы напечатанный въ Холмскомъ Греко-Уніатскомъ Мѣсяцесловѣ на 1870 годъ. Это недоразумѣніе, такъ какъ въ Холмскомъ Мѣсяцесловѣ 1870 года на стр. 66—78 напечатанъ актъ Виленской конфедераціи диссидентовъ 1599, пропущенный вообще у Финкеля (*Str. 128, 129*).

обсуждаемыя сначала и уже потомъ предъ внесеніемъ въ конституцію сообщаемыя для разсмотрѣнія цѣлому, общему сейму. Интересъ у Литовцевъ къ собственно-Польскимъ дѣламъ отсутствуетъ, какъ онъ отсутствуетъ и у Поляковъ къ дѣламъ собственно-Литовскимъ. При этомъ взаимное недоверіе и полное отсутствіе «братства» господствуютъ между представителями «братскихъ», по словамъ формальныхъ выраженій актовъ, народовъ. Отдѣльность Литвы отъ Польши, такъ рѣзко превозглашаемая реальною дѣйствительностью, несмотря на звучащее фальшивымъ звукомъ оффиціальной лжи заявленіе акта Уніи, что оба государства составляютъ «jedno ciało»,—единое тѣло, подчеркивается и сохраненіемъ Литовскихъ должностей въ ихъ значеніи на спольномъ сеймѣ, что дѣлало и самый сеймъ *не Короннымъ*, какъ его обозначаетъ договоръ Уніи, а *Польско-Литовскимъ* сеймомъ соединенныхъ представителей двухъ отдѣльныхъ частей государства. На общемъ сеймѣ Литовцы и Поляки имѣли своихъ отдѣльныхъ высшихъ сановниковъ, передававшихъ волю короля, руководившихъ совѣщаніями сената, поддерживавшихъ порядокъ на сеймѣ и творившихъ судъ по преступленіямъ, совершаемымъ во время него. Голоса Литовскимъ панамъ-радамъ раздаетъ Литовскій маршалокъ, Польскимъ—Коронный, судить Поляка маршалокъ Короны, Литовца—маршалокъ Княжества. Требованіе сохраненія Литовскихъ должностей неприкосновенными въ ихъ правахъ и значеніи, требованіе, въ которомъ такъ замѣтно примѣшивалось къ идеальной охранѣ Литовскаго княжества въ его значеніи и величїи матеріальное желаніе Литовскихъ врядниковъ-сенаторовъ, боявшихся за свои вряды, сохранить ихъ вполнѣ,—спасло въ значительной степени Литву отъ сліянїя съ Короною ¹⁾. Пока существовало сеймовое значеніе высшихъ врядовъ Литовскихъ, до тѣхъ поръ у Литовскаго народа всегда передъ глазами стояли внѣшнія, видимыя и осязаемыя для каждаго знаки отдѣльности Литвы и Польши. Они были какъ бы маяками, которые освѣщали Литовскую отдѣльность. Но кромѣ отдѣльныхъ однозначущихъ должностей сознаніе особности Литвы въ первыя десятилѣтія послѣ Уніи поддерживалось и существованіемъ долгое время Литовской монеты, несмотря на всѣ заботы о полной замѣнѣ ея Польскою. Счетъ на гроши Литовскіе сохраняется не только еще въ самомъ концѣ XVI столѣтія ²⁾, но даже

¹⁾ Ср. слова объ этомъ примаса въ 1569 г. Дн. Л. с. Стр. 664. Приложение XI.

²⁾ Примѣровъ тысячи. Въ числѣ ихъ А. Вил. XX № 108. (1598 г.).

и въ XVІІ вѣкѣ¹⁾. Могучею силою, сохранявшею Литовскому народу сознание его особенности былъ Русскій языкъ, остававшійся языкомъ его законовъ и юридической жизни вплоть до конца XVІІ вѣка, когда послѣдовало соaequatio iurium²⁾, сдѣлавшее Польскій языкъ языкомъ и Литовскаго суда. Третій Литовскій статутъ, составившійся въ царствованіе Стефана Баторія, повторяетъ требованіе II-го статута о томъ, чтобы земскій писарь «всѣ листы, выписы и позвы» писалъ «по Руску литерами и словы Рускими»³⁾. Охраняя Русскій языкъ въ своихъ законахъ, королевскихъ распоряженіяхъ и судахъ, Литва охраняла и свою особенность отъ Короны. Кромѣ того, въ первыя десятилѣтія послѣ Уніи Польскій языкъ не былъ знакомъ массѣ Литовскаго народа. Мы не говоримъ о мѣщанствѣ и крестьянствѣ, не знавшихъ его за немногими исключеніями, мы говоримъ о шляхтѣ, и ниже, когда будемъ излагать устройство и дѣятельность Литовскаго повѣтоваго сеймика, этотъ фактъ обнаружится съ полною очевидностью. Вмѣстѣ съ языкомъ охраняли сознание Литвою своей особенности и ея внутренніе вѣды и порядки, созданные обычаемъ и стариною и стоящіе подъ защитою статута Литовскаго. Старые привычные порядки, старина, сохранялись, и сохраненіе старины въ государственномъ и общественномъ строѣ было даже возведено въ политическій принципъ Литовскаго княжества. Если сохраненіе старины было принципомъ, высказываемымъ Литовскимъ правительствомъ уже въ XIV и XV столѣтіяхъ⁴⁾, то оно оставалось имъ и въ послѣдующее время отдѣльнаго государственнаго существованія Литовскаго княжества, какъ оставалось и въ эпоху, наступившую послѣ Люблинской Уніи 1569 года, и Литва, какъ увидимъ ниже, зорко охраняла свою старину.

Но Люблинскій сеймъ создалъ и новые факты, которые еще болѣе должны были усиливать сознание Литвою своей особенности отъ Польши. На немъ вскрылось съ оскорбительною наготою эгоистичное отношеніе Поляковъ къ своей «братіи» Литовцамъ. Особенно характернымъ было отторженіе отъ Княжества земель и присоединеніе ихъ къ Коронѣ. Это отторженіе было и нелогичнымъ дѣйствіемъ, и въ то же время крайне враждебнымъ по

1) Нпр. Ист.-Юр. мат. XXIII. № 113 (1623 г.).

2) Volumina legum V. Petersburg. 1860. Str. 417.

3) III. ст. IV. 1. II. ст. IV. 1.

4) М. Ясинскій. Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Кіевъ. 1889. Стр. 2.

отношенію къ Литвѣ поступкомъ. Если самое отторженіе отъ Литовскаго великаго княжества Подляшья, Волыни и Кіевщины и присоединеніе ихъ къ Коронѣ само по себѣ является страннымъ актомъ со стороны *братскаго* народа ¹⁾), притомъ составившаго, по словамъ договора Уніи, съ Литвою *jedno сіаю*, то мотивы и основанія, которые высказывались за и противъ этого акта звучатъ еще болѣе чистымъ и характернымъ звукомъ истиннаго смысла ограбленія Польшею Литвы во время заключенія пресловутой Уніи. Кіевъ не совѣтовали отторгать отъ Княжества нѣкоторые сенаторы, потому что обладаніе имъ будетъ дорого стоить Коронѣ,—пусть Литва владѣетъ имъ и тратится на его защиту ²⁾). Какое различіе въ положеніи дѣла въ понятіяхъ Поляковъ и Литовцевъ! Съ одной стороны эгоизмъ и холодный расчетъ рядомъ съ заносчивостью чувствующаго за собою силу момента и обстоятельствъ эгоиста, съ другой—кровавыя слезы и безысходное горе истиннаго страданія людей, находящихся въ безвыходномъ положеніи. Отторженіе Волыни, Подляшья и Кіева съ Брацлавомъ въ глазахъ историка должно имѣть двойное значеніе. Во-первыхъ, самый фактъ перехода земель отъ Литвы къ Коронѣ въ 1569 году отрицаетъ возможность считать Литву и Польшу совершенно единымъ государствомъ. Иначе отторженіе это не имѣло бы никакого смысла—оно было бы простымъ перекладываніемъ изъ одного кармана въ другой. Поляки не только оторвали отъ Литвы земли, воспользовавшись отъѣздомъ Литовцевъ съ Люблинскаго сейма, но не хотѣли вернуть ихъ Княжеству и послѣ возвращенія ихъ на сеймъ и принятія Уніи, несмотря на просьбы Литовцевъ. Ясно, что отдѣльность Литвы и Польши прекрасно сознавалась и Поляками, и Литовцами—отторженіе земель отъ Литвы и присоединеніе ихъ къ Польшѣ лучше всего доказываетъ это. Но фактъ отторженія Польшею отъ Литвы Волыни, Подляшья и Кіевщины долженъ имѣть въ глазахъ историка и другое значеніе. Онъ вызывалъ въ Литовцахъ чувство глубокаго недовольства Уніею и Поляками и недовѣріе къ послѣднимъ. Богатыя и населенныя земли были отняты отъ Княжества; это влекло за собою уменьшеніе матеріальныхъ его средствъ и силъ, такъ какъ обыватели этихъ земель стали отбывать свои земскія повинности—оборону государства и уплату налоговъ—на Польшу, а не на Литву. Силы

¹⁾ Это, какъ мы видѣли выше, сознавала и часть самихъ Поляковъ.

²⁾ Дн. Л. с. Стр. 402.

Княжества и доходы Литовскаго скарба значительно уменьшились, благодаря утратѣ имѣ Подляшья, Волыни и Кіева съ Брацлавомъ. Конечно, Литовскій народъ не могъ быть доволенъ этимъ, и мы увидимъ, что онъ не забывалъ требовать возвращенія себѣ отнятыхъ земель. Но не одно недовольство Литовцевъ было результатомъ ограбленія ихъ Поляками. Недовѣріе къ Польшѣ, необходимость наблюдать за каждымъ шагомъ Поляковъ, не клонится ли онъ къ нарушенію Литовскихъ интересовъ, должны были явиться постоянными спутниками Литовцевъ, когда они имѣли дѣло съ Поляками. Развѣ возможно было полное сліяніе Литвы съ Польшею при такихъ условіяхъ! Станный поступокъ Поляковъ по отношенію къ «братскому» народу, который они ограбили совсѣмъ не по-братски, уничтожалъ въ корнѣ возможность этого и въ то же время заставлялъ Литовцевъ еще тѣснѣе сближаться между собою въ виду опасности повтореній Польскихъ вивисекцій территоріи Литовскаго княжества: чувство опасности и необходимость общей защиты всегда были самыми могущественными факторами сближенія людей. Все, что вообще происходило въ 1569 году между Литовцами и Поляками, создало атмосферу такого недовольства Литовцевъ Поляками и такого взаимнаго недовѣрія, что сліяніе обоихъ народовъ сдѣлалось надолго невозможнымъ. Унія, заключенная тѣмъ способомъ, который избрали Поляки, создавая внѣшнее соединеніе, создавала въ то же время глубокую рознь между обоими народами, и всякая мысль о ней вызывала въ сознаніи Литовцевъ столько оскорбительнаго и унижительнаго, что о сліяніи двухъ народовъ въ «единое тѣло» не могло быть и рѣчи. Память хранила роковыя событія 1569 года и воскрешала ихъ въ сознаніи Литовскаго народа.

Въ такомъ-то настроеніи вступало Литовское великое княжество въ соединеніе съ Польскою Короною, установленное Люблинскимъ привилеемъ на Унію 1569 года. Какъ мы сейчасъ видѣли, нельзя ожидать отъ Литовцевъ шаговъ въ пользу сліянія Литвы съ Польшею: настроеніе ихъ было таково, что они не только не могли пойти на уничтоженіе того, что давала Унія особности Княжества отъ Короны, а, наоборотъ, должны были охранять его, расширять въ толкованіи статей договора и стремиться къ формальному расширенію его путемъ юридическихъ измѣненій и дополненій документа. А самый договоръ Уніи давалъ много поводовъ и возможностей для проведенія въ жизнь Литовскихъ стремленій. Два изъ постановленій договора Уніи 1569

года обращаютъ на себя вниманіе въ этомъ отношеніи. Первое говоритъ объ общей радѣ и ея дѣятельности, второе гарантируетъ Литовскому княжеству сохраненіе его титула, правъ, значенія врядовъ, достоинствъ и фамилій. Артикуль объ общемъ сенатѣ говоритъ, что всѣ паны-рада и станы обоихъ народовъ должны помогать другъ другу вѣрно, всѣми своими силами, считая общими счастье и несчастье. Но мы видѣли сейчасъ, какое настроеніе создала Унія 1569 года въ Литовцахъ и какъ различны оказались интересы и цѣли обоихъ народовъ. Если въ дѣлахъ внѣшней обороны не сходились представители обоихъ народовъ въ желаніи дѣйствовать сообща и защищать другъ друга, не желая жертвовать свои средства на защиту «брата», и такимъ образомъ отказывались исполнять статьи Унии, то въ дѣлахъ внутреннихъ это нежеланіе работать другъ для друга было еще замѣтнѣе. Мы видѣли, какъ отказывались Литовцы разсуждать о неинтересныхъ для нихъ Польскихъ дѣлахъ на Люблинскомъ сеймѣ, мы видѣли также, какъ поверхностно относились Поляки къ дѣламъ Литовцевъ. Явленіе это, обнаружившееся на первомъ спольномъ сеймѣ соединившихся Литвы и Польши, должно было сдѣлаться постояннымъ и проявляться на послѣдующихъ. Сеймъ былъ постоянно занятъ и спѣшилъ покончить со своими дѣлами, ибо шляхту ожидали ея домашнія дѣла и хозяйство и она не желала затягивать своего собранія, ради котораго нужно было проживаться въ городѣ, гдѣ засѣдалъ сеймъ. Кромѣ того, на сеймѣ возникалъ всегда рядъ вопросовъ принципиальныхъ, къ нимъ присоединялись дѣла и вопросы личные, поднимались ссоры и споры, а время уходило, и шляхта спѣшила уже вернуться къ своему майонтку. Литовскія конституціи, не представляя непосредственнаго интереса для Польскихъ членовъ сейма, должны были проходить безъ общаго обсужденія ихъ, что не могло не поддерживать сепаратизма Литвы. Итакъ, противоположность интересовъ и отсутствіе искренности и дружественнаго чувства между Поляками и Литовцами, соединяясь съ отсутствіемъ интереса другъ къ другу и спѣшностью въ обсужденіи обычныхъ, не громкихъ и не принципиальныхъ дѣлъ, разрушали на дѣлѣ статью договора Унии объ общихъ совѣтахъ и дѣлали ее неисполнимою въ дѣйствительности. Но если эта статья сразу оказалась неспособною сдѣлаться жизненною, то гарантированіе титула княжества Литовскаго, значенія его врядовъ, достоинствъ и фамилій и утвержденіе его особыхъ правъ самі по себѣ громко провоз-

глашали особность отъ Польши Литвы во внутреннемъ ея строѣ и постоянно напоминали обывателямъ Литовскимъ, что они члены Литовскаго княжества, а не Польскаго королевства, хотя Унія и говорила, что Литва и Польша составляютъ одно тѣло. Къ этому можно прибавить и отсутствіе въ Литвѣ екзакуціи правъ, выговоренное себѣ Литовцами на вѣчныя времена и напоминавшее также объ отличіи Княжества отъ Польши. Словомъ, Литва и Польша оставались отдѣльными единицами съ особыми территориями и особыми правами и послѣ Уніи 1569 года, хотя онѣ и имѣли общій сеймъ и общаго короля. Заключение Уніи въ томъ видѣ и тѣми способами, какъ оно совершилось, дѣйствительно «нанесло новую рану Литовцамъ и повело къ пущему раздору» ¹⁾ и отнюдь не слило Литву и Польшу совершенно. Не даромъ такъ старательно хлопотали о точномъ опредѣленіи границъ Короны и Княжества ²⁾: это были границы двухъ государствъ, имѣющихъ лишь общее высшее правительство, и Польскій историкъ правъ, если стать на точку зрѣнія Польши и ея патриота, говоря, что «унія въ томъ видѣ, въ какомъ ее заключили, содержала въ себѣ коренной недостатокъ» ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, Литовское великое княжество осталось и послѣ 1569 года со своими порядками и особенностями: сеймъ Люблинскій потребовалъ лишь того, чтобы Литовцы сѣли съ Поляками въ общемъ сеймѣ, и не думалъ о болѣе глубокой реформѣ Литвы, благодаря которой она сдѣлалась бы Польшею. Оказалась предоставленною времени эта задача, но время, играя въ руку Польшѣ, болѣе высокая культура которой работала надъ ассимиляціей Литвы, въ то же время внушало и Княжеству убѣжденіе въ необходимости быть на сторожѣ по отношенію къ Польшѣ и беречь свою отдѣльность: факты пренебреженія Польшею интересами Литвы были всегда предъ глазами Литовскаго народа.

Посмотримъ теперь на то, какъ прожило Литовское великое княжество первыя десятилѣтія, протекшія со времени заключенія Люблинской Уніи. Изученіе фактовъ этой эпохи покажетъ намъ,

¹⁾ *А. Трачевскій*. Польское безкоролье по прекращеніи династии Ягеллоновъ. М. 1869. Стр. XXXI.

²⁾ См. нпр., документъ подъ заглавіемъ—«*Deputantur comisarii ad constituendos fines et terminos inter Magnum Ducatum Lithuaniae et palatinatum Podlachiae*». Библиотека Главнаго Штаба. *Acta Historyczne*. № 2901. XI. Объ этомъ рѣчь будетъ еще ниже въ настоящей же главѣ.

³⁾ *М. Бобржинскій*. Очеркъ исторіи Польши. II. Спб. 1891. Стр. 91.

чѣмъ были въ дѣйствительности Княжество и Корона въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ соединенномъ государствѣ; что же касается до строя Литвы въ изучаемую эпоху, то его должны будутъ обрисовать намъ послѣдующія главы настоящаго изслѣдованія.

Въ царствованіе Сигизмунда Августа послѣ 1569 года Польша и Литва дважды были созываемы на спольный сеймъ—въ 1570 и въ 1572 годахъ Первый изъ этихъ сеймовъ не занялся чѣмъ-либо, что касалось измѣненія въ отношеніяхъ Короны и Княжества. На Варшавскомъ сеймѣ 1570 года ¹⁾ главное вниманіе привлекло къ себѣ извѣстное Сендомірское соглашеніе лютеранъ, кальвинистовъ и моравскихъ братьевъ Польши, которое отказался признать король, и этотъ отказъ его помѣшалъ реформамъ и постановленіямъ, ожидавшимся отъ сейма ²⁾. Удовольствовались рецессомъ, отлагавшимъ внутреннія дѣла до слѣдующаго сейма, и плодомъ занятій сейма 1570 года были лишь constituciones, предписанныя имъ Гданску ³⁾. Неразрѣшеніе сеймомъ дѣлъ и вопросовъ, ему поставленныхъ, заставило Сигизмунда Августа поспѣшить созваніемъ новаго сейма. Онъ былъ назначенъ въ Варшавѣ на день Трехъ Кролей (6 января) 1572 года. Повѣтовые сеймики Литовскіе были созваны на 9 декабря 1571 года «водле статуту оного панѣства нашего великого князства Литовского», какъ говоритъ королевскій листъ повѣтовый, извѣщающій о сеймѣ и сеймикахъ ⁴⁾. Но паны-рада Коронные и нѣкоторые Литовскіе писали королю, прося его отложить открытіе назначеннаго сейма: «с певныхъ причинъ, звлаща наибольшей для поветрія морового, которое з воли Божое такъ се zde в Полще, яко и у великомъ Князстве на розныхъ местцахъ еще не устало». Путешествіе на сеймъ опасно, ибо туда нужно ѣхать по дорогамъ «заповетреннымъ». Поэтому король отсрочиваетъ сеймъ до

¹⁾ Его дневникъ см. *Scriptores rerum Polonicarum*. Tomus I. Cracoviae. 1872. Str. 113—160.

²⁾ *М. Бобржинскій*. Очеркъ ист. Польши. II. Стр. 101.

³⁾ *Volumina legum*. II. Petersburg. 1859. Str. 108—123.

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{IIA}{56}$ л. 28—29. Инструкція королевскому послу на сеймикъ

находится въ Лит. Метр. $\frac{IIA}{56}$ л. 19 об.—28. Большая часть ея издана въ А.

Ю. и З. Р. II. № 148. Конца документа въ изданіи не хватаетъ. Сверхъ того,

въ Метрикѣ Литовской въ книгѣ $\frac{IIA}{56}$ нѣтъ 1 сентября 1571 года, какъ его

даты.

Громницъ, т.-е. до 2 февраля того же 1572 года, не измѣняя, однако, мѣста для сеймованья, назначеннаго первымъ его универсаломъ сеймовымъ, Варшавы ¹⁾. Эти же королевскіе «листы, писанные около отроченья сойму, на Три Кроли зложеного, до Громницъ», говорятъ о томъ, что сеймики нѣкоторыхъ Литовскихъ повѣтовъ не состоялись по той же причинѣ морового повѣтрія. Однако, не пришлось сейму открыться и 2 февраля 1572 года. Онъ былъ вновь отсроченъ до 2 марта, потому что повѣтріе еще не прекратилось ²⁾. Наконецъ, сеймъ состоялся въ Варшавѣ, начавшись въ началѣ марта ³⁾, но онъ ничего не постановилъ, потому что «король его милость Августъ южъ былъ хорый», по объясненію Теодора Евлашевскаго ⁴⁾. Бѣльскій объясняетъ причину неудачи сейма повѣтріемъ ⁵⁾, а Гурницкій и повѣтріемъ, и болѣзнью королевскою ⁶⁾. Повѣтріе было причиною также того, что повѣтовые сеймики отбывались передъ этимъ сеймомъ не совсѣмъ обычнымъ порядкомъ въ Княжествѣ. Нѣкоторые повѣты должны были собраться на нихъ не на обычномъ мѣстѣ своего сеймованья, а въ иныхъ, болѣе безопасныхъ и благополучныхъ отъ повѣтрія мѣстахъ; случалось даже, что приходилось сеймиковать въ полѣ. Кромѣ того, нѣсколькимъ повѣтамъ пришлось сеймиковать вмѣстѣ въ одномъ собраніи ⁷⁾. Но помимо этого уклоненія отъ опредѣленнаго статутомъ порядка сеймикованья, уклоненія, явившагося помимо королевской воли, самъ Сигизмундъ Августъ

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{II A}{56}$ л. 37 об.—38 (панамъ-радамъ), л. 38 — 38 об. (повѣтамъ).

²⁾ Лит. Метр. $\frac{II A}{56}$ л. 42 об.—43 об. (панамъ-радамъ), л. 43 об. — 44 об. (землямъ и воеводствамъ)—отъ 18 янв. 1572 года.

³⁾ *Teodor Narbutt Dzieje narodu Litewskiego*. I. IX. Wilno. 1841. Str. 461. *J. Szujski (Dzieje Polski*. II. W. Krakowie. 1895. Str. 403) относитъ сеймъ 1572 года къ маю мѣсяцу. Но онъ самъ говоритъ, что уже въ началѣ мая король отправился изъ Варшавы въ Кнышинъ. (Str. 604).

⁴⁾ Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси. Вып. II. Кіевъ. 1896. Стр. 11. (Дневникъ Новгор. подсудка Ѳ. Евлашевскаго).

⁵⁾ *Kronika Marcina Bielskiego*. Tom II, (Biblioteka Polska. Wydanie Józefa Turowskiego. Sanok. 1856). Str. 1220.

⁶⁾ *Zbiór pisarzyw polskich*. Część druga. Pisma Ł. *Górnickiego*. T. IV W. Warszawie. 1828. *Dzieje w Koronie polskiej za Zygmunta I — go u Zygmunta Augusta...* Str 200.

⁷⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 5 об.—6 об., 7—8 об., 9, 9 об.—10.

внесъ отступленіе отъ обычной формы въ своихъ сношеніяхъ съ предсеймовыми сеймиками 1571 года. Сеймовые листы и инструкціи посламъ королевскимъ, отправленнымъ въ повѣты на сеймики, оказались запечатанными «сыкгнетовою» ¹⁾, а «не звыклою печатью великого князства Литовского» и инструкціи не подписанными «водле звыклого обычаю рукою пана канъцлера альбо» подканцлера ²⁾. Паны-рады донесли королю, что шляхта чрезвычайно недовольна этимъ нарушеніемъ обычныхъ формальностей, отказывается сеймиковать и требуетъ присылки новыхъ листовъ сеймовыхъ и инструкцій, снабженныхъ печатью Княжества и подписью его канцлера, или подканцлера ³⁾. Король не уступилъ,

¹⁾ Т. е. перстнемъ королевскимъ.

²⁾ Вотъ что читаемъ въ королевской грамотѣ, данной въ Варшавѣ 25 ноября 1571 года и имѣющей заглавіе: «Отпись до панов рад Литовских на лист их мл, который писали, хотечи ведати, естли бы соймъ далей не был помкненъ для поветрея. О печатоване листов соймовых сыкгнетовою печатью и о зъехане поветов на одно мествцо».—«...Што ся дотычетъ до другое речи около зъеханя на одно мествцо поветомъ до своего воеводъства на соймикъ и тежъ около печати малое на листех соймовыхъ, ижъ бы лепей листы до большое печати переписати, в томъ мы наменьшого затрудненья не бачимъ, а ни ся сподаваемъ, кгдажъ ваше милости пановъ печатаров наших оного паньства великого князства Литовского при насъ государи не было, коли ся листы соймовые писали и розсылали, мусело ся тою менъшою печатью казати печатовати, а если бы до которого з ваше милости мели ся послати ку печатованью, не ведаемъ, яко бы то розумяно на дату в листехъ смотречи, ведаючи, же ваша милость на он часъ не были. А тежъ то и за короля его милости славное памети пана отца нашего, и вжо за щасливого панованья нашего не разъ бывало в коруне Польской, же, коли печатари отъ двору на часъ отъеждчали, тогда завжды сыкгнетомъ отъправовалися вси потребы земьские, которые прудкое отправки потребовали и не терпели омешканя, а привилья и данины если бы ся трафили, ино себе отновляли потомъ у большое печати. А з стороны печати великого князтва Литовского (л. 6 об.) ваша милость ведомость маете, кгда печатар при насъ государи не мешкалъ, яко ся заховывало, ведъже мы зменьшенья врядом ваше милости печатарскимъ не мыслили есмо ни в чомъ чинити, и делати не будемъ, кгда который з ваше милости при насъ государи бытностью своею мешкати будетъ, тогда и листы соймовые и иные вси справы земьские через руки и справу ваших милостей отпраковать мусят ся. Про то с причинъ помененых не сподаваемъ ся, абы на сойме мелъ хто потребне тымъ затруднять речи соймовые, не маючи кгрунъту слушне о то мовити»... Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 6 об., 7.

³⁾ О томъ же говорить: «Отпись до панов рад такъ же в речах соймовых з стороны печатованя листов соймовых сыкгнетовою печатью и о помкненье сойму далей.—Жикгимонт. Воеводе Троцькому князю Стефану Анъдрее-

однако, требованію шляхты Литовскихъ повѣтовъ, переданному ему панами-радами Княжества. Онъ предложилъ, чтобы шляхта

вичу Збаражскому, пану Троцъкому подканъцлерому нашему великого князтва Литовского старосте Берестейскому и Кобриньскому пану Остафью (л. 7) Волловичу. Выrozumели есмо достаточне з листу ваше милости, который есть намъ отъ ваше милости данъ, ижъ соймикъ земли воеводства Троцъкого, на часъ зложеный з одного зо всехъ поветовъ, ку воеводству Троцъкому належачихъ, за пильнымъ стараньемъ ваше милости вжо дошолъ, ачъ з великою небезпечностью от поветрия и при малом собранью шляхты, злаца ижъ с повету Упитъского никого на немъ не было. Ино мы то от ваше милости пановъ рад нашихъ вдячне приймаемъ, же есте таковую дбалость, старанье в потребахъ Речи Посполитое чинили. А што в томъ же листе своемъ пишете до нас, прекладаючи великое затрудненье на том соймiku от шляхты около запечатованья инъструкций и листовъ соймовыхъ не звыклою печатью великого князтва Литовского и з неподписанья инъструкций водле звыклого обычаю рукою пана канъцлера, альбо твое милости пана подканъцлерого, для чого шляхта в тых потребахъ земскихъ намовы чинити и пословъ на съемъ обирати через чотыри дни не хотели, ажъ бы инъструкция и листы соймовые за звыклою печатью нашою великого князтва Литовского имъ были отменены и в каждый поветъ посланы, а они, знову зъехавшися на одно местъце за зложеньемъ от насъ на часъ певный, тых листовъ в поветехъ своихъ огледавши, посломъ на страву зложити и на съемъ ихъ выправити хочуть, а где бы таковы листы имъ в поветы не были посланы не хочечи и послов на съемъ слати и на страву имъ складати. А такъ ваша милость, бачечи ихъ такое предсявзятє, постерегаючи, абы за тымъ пильные потребности земские затрудненья не терпели, рыцерству шляхте приобецали есте, ижъ листы такъже инъструкциями соймовые за звыклою печатью великого князтва Литовского особливе в каждый поветъ будутъ посланы (л. 7 об.), пишучы ку намъ, абыхмо ихъ знову переписатьи а ку подпису и ку запечатованью до воеводы Виленъского канъцлера нашего великого князтва Литовского старосты Мозырского и Лидъского державцы Борисовъского пана Миколая Юревича Радивила, альбо до твое милости, пане Троцъкий, подканъцлерого оного панства послати велели». Однако, Сигизмунду Августу «на сесь часъ того, яко вжо тая справа до всехъ земель воедствъ и поветовъ великого Князства послана, иначе отъменяти не видело». Король говоритъ: «за тымъ печатываньемъ листовъ соймовыхъ печатью меньшою ниякого затрудненья в речи земской не бачимъ а ни се сподеваемъ, и о вшемъ бы каждый дивне то себе розумелъ, если бы тые листы оною незвыклою печатью нашою великого Князства запечатаны были, ведаючи, же ваше милости пановъ печатаровъ на онъ часъ, кгда ся отправовали, се zde при насъ господари не было. Ведъже если якое уближенье себе в томъ розумеютъ, тымъ могутъ большое речи не затруднять, але, выправивши пословъ на съемъ, нехай ся на сойме того домовляють, а яко се на сойме (л. 8) постановить, такъ се потомъ отправовати будетъ. Кгдажь в радомъ печатарскимъ змейшенья жадного николи чинити не хочемъ, але коли при насъ господари который мешкати будетъ, тогды и листы соймовые и вси справы канъцлярейские за печатью звыклою оною

подняла вопросъ объ этомъ дѣлѣ на сеймѣ черезъ своихъ пословъ и отдала бы такимъ образомъ его на сеймовое разсмотрѣніе. Король въ самомъ дѣлѣ торопился съ созваніемъ сейма: дѣлъ, особенно внѣшнихъ, дѣйствительно, накопилось много весьма серьезныхъ, и онъ не хотѣлъ задерживать сейма черезъ посылку листовъ сеймовыхъ къ Литовскимъ печатарямъ. Такъ нужно объяснять дѣло, рассматривая подготовительные къ сейму 1572 года документы. Но шляхта Литовская увидѣла въ поступкѣ короля нарушеніе правъ Княжества. Изъ сеймиковыхъ документовъ не видно, насколько можно обвинить Сигизмунда Августа въ намеренности этого нарушенія, но настроеніе, въ которомъ находилась Литва съ 1569 года, должно было заставлятъ ее видѣть въ каждомъ отступленіи отъ установленныхъ обычаемъ или закономъ порядковъ новый шагъ къ уменьшенію ея отдѣльныхъ правъ и значенія въ соединенномъ Польско-Литовскомъ государствѣ. Вопросъ о печати и подписи на сеймиковыхъ документахъ исхода 1571 года, поднятый Литовскою шляхтою, является, поэтому, характернымъ фактомъ, рисующимъ настроеніе Литвы въ эту эпоху и ея отношеніе къ королю и соединенному государству.

Сеймъ 1572 года разошелся, не оставивъ послѣ себя конституціи. Тѣмъ не менѣе для Княжества время его засѣданій имѣло свое значеніе, такъ какъ на этомъ сеймѣ 27 марта 1572 года былъ данъ королемъ указъ о Литовской монетѣ¹⁾. Этимъ указомъ назначалась цѣна Литовской монеты при обмѣнѣ ея на Польскую, обязательная для всѣхъ подданныхъ государствъ королевскихъ. Два гроша Литовскихъ должны приниматься за два съ полови-

---

панства нашего великого князства Литовского отъправоватися мають, водле давного обычая. Про то вжо на сесь часъ ваша милость того передъ себе не беручи, штобы есте ваша милость з стороны своее всихъ становъ и рицество шляхту тамъ того воеводства и поветовъ, ку нему належачихъ, до того побудили писаньемъ и намовами своими приводечи, жебы пословъ зъ зупольною моцю без всякого омешканья на съемъ выправовали, бо сойму далей без позволенья другихъ пановъ радъ тутюшнихъ Коруньныхъ прекладати не можемъ, яко ваша милость в листе своемъ жедаете насъ, абы для небезпечного поветрия далей былъ съемъ помъкненъ, а ведъже пропозыця, о которой тежъ ваша милость писали, можетъ ся позадеръжати, ожедаючи зъеханья всехъ ваше милости пановъ радъ и пословъ з оного паньства нашего великого князства Литовского. Писанъ у Варьшаве» 1571 года 23 декабря. Лит. Метр I A л. 7—8 об.

56

¹⁾ *M. Baliński. Historya miasta Wilna. T. II. Wilno. 1837. Str. 289—290 (Zalecenie Jeneralne o Monecie Litewskiej)*

ною гроша Польскихъ, и эта цѣна, опредѣляемая настоящимъ королевскимъ указомъ, имѣла быть внесенною въ сеймовую конституцію, что, однако, на дѣлѣ не могло совершиться за несовершеніемъ послѣдней. Что касается до грошей, отчеканенныхъ въ Тыкотинѣ по образцу Польскихъ, то они должны какъ въ Польшѣ, такъ въ Литвѣ приниматься по цѣнѣ Коронныхъ грошей. Всѣмъ, кто позволитъ себѣ не принимать Литовскихъ грошей по назначенной королемъ цѣнѣ ихъ, грозитъ штрафъ, опредѣленный настоящимъ королевскимъ указомъ. Кромѣ постановленія Сигизмунда Августа о Литовской монетѣ, сеймъ 1572 года замѣчательнъ въ исторіи взаимныхъ отношеній Короны и Княжества и въ другомъ отношеніи. Король предложилъ Полякамъ вознаграждать Литву за отобранныя отъ нея въ 1569 году земли присоединеніемъ къ Княжеству Мазовіи, но не успѣлъ добиться ихъ согласія на это. Такъ, самъ Сигизмундъ Августъ признавалъ несправедливость совершеннаго имъ отторженія на Люблинскомъ сеймѣ отъ Литвы ея земель ¹⁾.

7 іюля 1572 года въ Кнышинѣ скончался Сигизмундъ Августъ²⁾. Соединенная Речь Посполитая вступила въ эпоху безкоролевій и спольныхъ елекцій королевскихъ. Эта эпоха должна была дать и дѣйствительно дала много поводовъ и полную возможность проявленію Литовскихъ стремленій и достиженію многими изъ нихъ своихъ цѣлей. Историкъ перваго безкоролевья такъ опредѣляетъ настроеніе Литовцевъ въ дни, наступившіе послѣ смерти Сигизмунда Августа: «нанесенная имъ рана была еще свѣжа, когда со смертью послѣдняго Ягеллона порвалась насильственная связь двухъ государствъ. Судьба снова предоставляла Литовцамъ свободу дѣйствій. Имъ открывалась возможность не только самостоятельно выбрать правителя, но и поправить свое дѣло, разбить цѣпи, выкованныя въ Люблинѣ всего три года тому назадъ. Успѣхъ былъ обезпеченъ за ними: стоило только не дремать, немедленно броситься въ разгаръ Польской анархіи и рѣшить по

¹⁾ Ср. *Teodor Narbutt. Dz. nar. Lit. T. IX. Str. 462, 463. Seweryn Gołębiowski. Czasy Zygmunta Augusta. Część I. Wilno. 1851. Str. 138, 139.*

²⁾ 6 мая Сигизмундомъ Августомъ было составлено завѣщаніе, продиктованное извѣстному въ то время знатоку обою права Августину Ротундусу, бывшему секретаремъ королевскимъ и войтомъ Виленскимъ. См. *Seweryn Gołębiowski. Czasy Zygmunta Augusta. Część I. Str. 139.* Ср. также *J. Szujski. Dz. P. II. Str. 404.* Самое завѣщаніе см. у *M. Balińskiego. Hist. m. Wilna T. II Str. 159—182.*

своему споръ между Великою и Малою Польшами» ¹⁾, поднявшійся изъ-за первенства и руководства дѣлами безкоролевья, такъ какъ Великая Польша признавала его за примасомъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ, а Малая за великимъ Короннымъ маршалкомъ Яномъ Фирлеемъ, бывшимъ въ то же время Краковскимъ воеводою. Гейденштейнъ, дѣлая обзоръ соединенной Речи Посполитой въ моментъ вступленія ея въ эпоху перваго безкоролевья, такъ говоритъ о Литвѣ: «соединенная за нѣсколько лѣтъ до смерти Сигизмунда Августа съ Королевствомъ на вѣки вѣчные Люблинскимъ сеймомъ, она, хотя и была принята въ соединеніе на совершенно равныхъ правахъ, не только не слилась съ Польшею совсѣмъ и не была довольна тѣмъ, что получила, но тѣмъ упорнѣе и сильнѣе (*gwałtowniej*) стала требовать обратно себѣ всего того, что утратила черезъ Унію» ²⁾.

Первымъ съѣздомъ, собравшимся въ Коронѣ послѣ смерти послѣдняго Ягеллона, былъ съѣздъ Малополянъ въ Краковѣ. Онъ назначилъ 10 августа днемъ созванія общаго (*ogólnego*) сейма, который долженъ будетъ назначить день и мѣсто елекціи новаго короля. Объ этомъ были извѣщены Великополяне, Литовцы, Русины и Пруссаки ³⁾. Но Великополяне — сенаторы и шляхта — около середины мая собрались сами въ Ловичѣ вокругъ примаса Якова Ухаяскаго, которому въ силу привилея на архіепископство принадлежала наивысшая власть во время безкоролевья ⁴⁾. Въ то время, когда Ловичскій съѣздъ занимался своими дѣлами, ему были доставлены листы Литовскихъ становъ съ удостовѣреніемъ ихъ расположенности и готовности защищать Речь Посполитую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ просьбою о помощи противъ Москвы. Отвѣтомъ Ловичскаго съѣзда Литвѣ были — благодарность за расположеніе и вѣрность, сообщеніе о значеніи примаса, какъ высшаго сановника въ эпоху безкоролевья, увѣреніе въ томъ, что Литва будетъ извѣщена о мѣстѣ и времени елекціи и обо всемъ, что будетъ постановлено, совѣтъ послать въ Крымъ Литовскихъ пословъ вмѣстѣ съ Польскими и *полный отказъ въ помощи Литвѣ противъ Москвы*: именемъ примаса было объявлено, что Княжество должно само о себѣ заботиться, какъ можетъ. Конечно, та-

¹⁾ А. Трачевскій. Польское безкоролевье и т. д. Стр. 91.

²⁾ *Dziejopisowie Krajowi. Rajnolda Heidensteina, sekretarza Królewskiego. Dzieje Polski. I. Petersburg. 1857. Str. 3—4.*

³⁾ *Heidenstein. I. Str. 14.*

⁴⁾ *Ibidem.*

кой отвѣтъ долженъ былъ еще болѣе усилить прежнія обиды Литовцевъ ¹⁾. Къ Литовскимъ панамъ-радѣ было отправлено Ловичскимъ съѣздомъ посольство съ извѣщеніемъ ихъ объ его постановленіи, назначившемъ вальный сеймъ въ Кнышинѣ на 17 сентября ²⁾. Между тѣмъ, около 10 августа собрался Литовскій съѣздъ въ Гроднѣ. Открытіе его предупредило открытіе Кнышинскаго съѣзда, ибо послѣдній былъ отложенъ великимъ Короннымъ маршалкомъ Яномъ Фирлеемъ на 24 число ³⁾. Гродненскій съѣздъ оказался поставленнымъ въ большое недоумѣніе: изъ Великой Польши къ нему явились послы съ назначеніемъ сейма на одинъ день, изъ Малой — на другой, и притомъ оба посольства заявляютъ, что дѣйствуютъ отъ имени цѣлой Короны ⁴⁾. Однако, Гродненскій съѣздъ все-таки постановилъ отправить въ Кнышинъ своимъ посломъ великаго Литовскаго маршалка Яна Ходкевича для общаго съ Короною обсужденія положенія дѣлъ ⁵⁾. Кнышинскій съѣздъ назначилъ день и мѣсто избирательнаго сейма, какъ бы по общему соглашенію Королевства и великаго княжества Литовскаго:—13 сентября въ Быстрицѣ недалеко отъ Люблина ⁶⁾. Постановленія Кнышинскаго съѣзда были сообщены всему Королевству, Литвѣ и Пруссіи черезъ универсалы и посольства ⁷⁾. Къ Великополянамъ и примасу Кнышинскій съѣздъ отъ имени Малополянъ и Литовцевъ отправилъ посольство, въ составъ котораго входилъ и Лавринъ Война, подскарбій дворный и писарь Литовскаго княжества ⁸⁾. Это посольство должно было сообщить Великополянамъ рѣшеніе съѣзда Малополянъ и Литовцевъ и просить о принятіи его. Но лишь только узнали Великополяне о по-

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 16.

²⁾ *Dziejopisowie Krajowi. Świętosława z Bożejowic Orzelskiego. Dzieje Polski*. I. Petersburg i Mohilew. 1856. Str. 4. Ср. *Bielski* III. Str. 1225—1226.

³⁾ *Heidenstein*. I. Str. 17.

⁴⁾ Ср. *A. Трачевскій. Польское безкоролье и т. д.* Стр. 104. Выписки изъ источниковъ по исторіи перваго безкоролья см. также у Нѣмцевича—*Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce z rękopismów, tudzież dzieł w różnych językach o Polsce wydanych, oraz z listami oryginalnemi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym, przez J. U. Niemcewicza*. Wydanie nowe Jana Nep. Bobrowicza. Tom I. W Lipsku 1838. Str. 101 et sq.

⁵⁾ *Heidenstein*. I. Str. 17. Ср. *Bielski*. III. Str. 1226.

⁶⁾ *Heidenstein*. Str. 18.

⁷⁾ *Ibidem*. Str. 20.

⁸⁾ *J. Wolff. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386—1795*. Kraków. 1885. Str. 191.

становленіяхъ Кнышинскаго съѣзда, они поспѣшили собраться на свой съѣздъ въ Шроду 7 сентября и отвергли постановленія и Ловичскаго, и Кнышинскаго съѣздовъ, какъ принятыя не по общему согласію всей шляхты ¹⁾. Что касается до Кнышинскаго съѣзда, то Великополяне прямо заявили, что не могутъ никоимъ образомъ допустить, чтобы Малополяне и Литовцы съ нарушеніемъ правъ примаса и Великой Польши осмѣлились назначать день и мѣсто елекціи. Съѣздъ въ Шродѣ постановилъ, чтобы Великопольскіе сенаторы, собравшись около примаса, убѣдили его созвать конвокацію цѣлаго сената и чтобы, кромѣ того, они поспѣшили къ Литовцамъ, Русинамъ и Малополянамъ, отсовѣтывая имъ ихъ постановленія и склоняя ихъ къ отказу отъ ихъ намѣреній ²⁾. Упорство и энергія Великополянъ спасли престижъ Великой Польши и прерогативу примаса. Отъ Кнышинской партіи стали отступать ея члены съ воеводою Сендомірскимъ Петромъ Зборовскимъ во главѣ. Литовцы, имѣя на челѣ своемъ Яна Ходкевича, женатаго на сестрѣ Зборовскаго, также писали къ примасу и Великополянамъ, отступая отъ Кнышинскихъ постановленій и сваливая всю вину въ происшедшемъ на великаго Короннаго маршалка, протестуя при этомъ противъ выбора мѣста для елекціи около Люблина по настоянію Фирлея, въ то время какъ Литовцы избрали для этой цѣли Ломжу ³⁾. Между тѣмъ въ Рационжѣ, въ Мазовіи собралась Плоцкая шляхта, и Кнышинскіе послы, прибывъ сюда, должны были увидѣть, что и этотъ съѣздъ оказался противнымъ Кнышинскимъ постановленіямъ. Куявцы, узнавши о результатѣ Кнышинскаго съѣзда, назначили сами себѣ съѣздъ на 21 августа. Словомъ, побѣда Великой Польши надъ Малою и примаса надъ великимъ Короннымъ маршалкомъ оказалась полною, и архіепископъ Гнѣзненскій вмѣстѣ съ бискупомъ Куявскимъ написали листы Малополянамъ, Литовцамъ, Пруссакамъ и цѣлому Королевству, созывая всѣхъ или въ Варшаву на 9 октября, или въ Ломжу на 27 октября ⁴⁾. Но Литовцамъ нужно было все-таки оффиціальнымъ образомъ уничтожить свое прежнее соглашеніе съ Малополянами, и они написали въ Кнышинъ, заявляя, что Ходкевичъ вслѣдствіе свирѣпствующей повсюду заразы не могъ вернуться во-время въ Вильну. Отъ него Литовцы узнали, что, когда Малополяне не пожелали назначить иного дня и иного

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 21. Ср. 4. *Трачевскій*. Польское безкоролье и т. д. Стр. 123.

²⁾ *Orzelski*. I. Str. 8. ³⁾ *Heidenstein*. I. Str. 22. ⁴⁾ *Ibidem*. Str. 22—23.

мѣста для сейма, онъ согласился съ ними, но лишь отъ своего имени, а не отъ имени цѣлой Литвы. Такъ какъ постановленія Кнышинскаго съѣзда не могли дойти до Княжества тотчасъ же, то и сеймики не могутъ быть отправлены во-время и должны быть отложены на 7 недѣль. Крымскій посолъ можетъ быть выслушанъ Литовцами на съѣздѣ въ Рудникахъ, гдѣ будетъ и Янъ Ходкевичъ. Въ Инфлянтахъ также не могутъ собраться во-время сеймики. Въ заключеніе Литовцы говорили, что они не могутъ прибыть въ день и на мѣсто, назначенные Кнышинскимъ съѣздомъ, такъ какъ и зараза сильно свирѣпствуетъ, да и о Великополянѣхъ они ничего не знаютъ. Кромѣ того, они просили, чтобы мѣсто и время для елекціи были выбраны болѣе удобныя для нихъ, на примѣръ Ливъ и январь. Если ихъ просьба исполнена не будетъ, они не приѣдутъ, но, во всякомъ случаѣ, вышлютъ своихъ пословъ съ полными инструкціями ¹⁾. Какъ бы то ни было, Литовцы отступили отъ Малополянъ. О нихъ, кромѣ того, пошли по Польшѣ слухи ²⁾, что они сносятся частью съ Австріей, частью съ Москвою и чрезвычайно подозрительно относятся къ станамъ Короннымъ. Однако, во всякомъ случаѣ, оффиціально Литовцы продолжали свои сношенія съ Поляками по прежнему, и 25 сентября 1572 года изъ Рудниковъ вновь отправили свое посланіе Литовскіе паны-рады къ Полякамъ съ извѣщеніемъ о поступкахъ Московскаго царя и о необходимости посольства къ нему ³⁾.

Когда собрались 3 октября Малополяне на съѣздъ въ Осѣкѣ, рѣшившій, наконецъ, признать прерогативу примаса, откликнуться на его призывъ и явиться на сеймъ въ Варшаву, они просили лишь, чтобы ихъ подождали до 14 октября, такъ какъ къ 9-му они не успѣютъ прибыть. Но извѣщая объ этомъ, Малополяне писали, что ихъ беретъ сильное сомнѣніе относительно поведенія Литовцевъ, и посылали копіи листовъ, присланныхъ имъ послѣдними. Малополяне обращали вниманіе примаса на то, что послы императора задержаны нѣсколькими сенаторами и, какъ слышно, безъ вѣдома маршалка и въ разрѣзъ его обѣщанію Королевству, поѣхали въ Плоцкъ къ королевнѣ Аннѣ Ягеллонкѣ, сестрѣ Сигизмунда Августа. Малополяне говорили о противозаконности всего этого—они уже послали объ этомъ своихъ пословъ къ королевнѣ

¹⁾ Ibidem. Str. 23—24.   ²⁾ *Heidenstein*. I. Str. 25.

³⁾ Рук. Имп. Публ. Библ. F. IV. № 327. Стр. 14—24.

и совѣтовали сдѣлать то же и Великополянѣмъ; такого же содержания листы они послали и Литвѣ ¹⁾.

Между тѣмъ, примасъ прибылъ въ Варшаву ко дню, имъ самимъ назначенному, т.-е. къ 9 октября, а съ нимъ нѣсколько сенаторовъ и бискупы Куявскій и Плоцкій въ ихъ числѣ. Собравшіеся сенаторы отписали въ Осѣкѣ, что не могутъ ожидать Малополянъ до 14 октября за недостаткомъ провизіи, которой они себѣ не заготовили и которой не достать въ окрестностяхъ Варшавы, охваченныхъ эпидеміей. Они ѣдутъ въ Коло на общій Великопольскій съѣздъ къ 15 октября и туда же приглашаютъ Малополянъ, обѣщая ожидать ихъ тамъ въ теченіе трехъ дней. О Литвѣ и Пруссакахъ, писалъ примасъ, ничего ему неизвѣстно. Литовцы лишь прислали къ нему въ Варшаву листы Московскаго князя, которые требуютъ общаго размышленія. Малополяне стали уже съѣзжаться въ Варшаву, изъ которой уѣхали примасъ и бывшіе съ нимъ, и должны были въ виду не состоявшагося съѣзда возвратиться по домамъ. Но они снова были вызваны въ Варшаву листами воеводъ Подольскаго, Краковскаго и Сендомірскаго. Съ Краковскимъ бискупомъ во главѣ вернулись Малополяне къ 17 октября въ Варшаву. Пока они разсуждали между собою, что нужно дѣлать, къ нимъ пришли листы изъ Колоа отъ Великополянъ, извѣщающіе, что послѣдніе переѣзжаютъ въ Ленчицу и будутъ тамъ ожидать Малополянъ до 20 октября. Недовольные всѣмъ этимъ Малополяне послали къ Великополянѣмъ своихъ пословъ ²⁾, которые должны были сначала постараться убѣдить ихъ пріѣхать въ Варшаву, а если этого не удастся сдѣлать, то вмѣстѣ съ ними учинить, наконецъ, окончательное постановленіе объ общемъ вальномъ сеймѣ для Польши, Литвы и Пруссіи ³⁾. Кольскій сеймикъ назначилъ окончательно день и мѣсто для съѣзда Малополянъ и Великополянъ—въ Каскахъ 25 октября, и въ этотъ день состоялся давно желанный съѣздъ ⁴⁾. Онъ назначилъ днемъ общаго конвокаціоннаго сейма день св. Крещенія въ 1573 году ⁵⁾.

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 26.

²⁾ Воеводу Сендомірскаго и каштеляна Жарновскаго.

³⁾ *Heidenstein*. I. Str. 26—28.

⁴⁾ *Ibidem*. Str. 35.

⁵⁾ О днѣ этого сейма существуетъ разногласіе въ источникахъ и въ литературѣ. *Heidenstein* (I. Str. 35) относитъ его къ 6 января (мы считаемъ опечаткою въ переводѣ—6 lutego, вмѣсто 6 stycznia, такъ какъ сеймики, по словамъ Гейденштейна, были назначены на день св. Люціи, т.-е. 13 декабря,

Съѣздъ въ Каскахъ отправилъ своихъ пословъ въ Литву, Пруссію, на Русь, въ Инфлянты; на Волынь, въ Кіевъ и на Подолье были посланы лица съ призывомъ и убѣжденіемъ прибыть на конвокацію. Послами въ Литву были отправлены Петръ Зборовскій, воевода Сендомірскій и Янъ Томицкій, каштелянъ Гнѣзенскій ¹⁾. Имъ было поручено, кромѣ того, захватить въ Тыкотинъ, чтобы, посоветовавшись съ Литовцами, они устроили дѣла этого староства и взяли изъ Тыкотина старые документы и грамоты (*prawa i dyplomata*), которыхъ тамъ не мало собралъ самъ Сигизмундъ Августъ. Однако, Литовцы, согласившись на осмотръ и исправленіе Тыкотинскаго замка, не позволили ничего изъ него тронуть ²⁾. Что касается до исполненія Зборовскимъ и Томицкимъ ихъ посольства въ Литву, то оно было выполнено ими во Мстибоговѣ, гдѣ они были приняты въ декабрѣ Литовскими панами-радою ³⁾. Отвѣтъ, данный ими посламъ Короны, былъ полонъ достоинства и твердости. Они заявили, что въ актахъ Уніи нѣтъ упоминанія ни о какомъ другомъ сеймѣ, кромѣ избирательнаго, а между тѣмъ Поляки не только чинятъ разные съѣзды для назначенія времени и мѣста елекціи, но даже обсуждаютъ дѣла такого великаго значенія, какъ порядокъ елекціи, оборона границъ, жалованье войску и другія дѣла, подобныя этимъ, о чемъ думаютъ Литовцы, что все это должно быть разрѣшаемо не на частныхъ собраніяхъ, но на общемъ вальномъ сеймѣ по совѣту и согласію всѣхъ. Паны-рада Литовскіе не хотятъ брать на себя отвѣтственности въ томъ, чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ окончательно высказаться безъ вѣдома своихъ товарищей, безъ вѣдома шляхты и городовъ. Они будутъ, однако, стараться, чтобы, какъ Поляки собрались въ Каскахъ, такъ и Литовцы собрались

а сеймики были созываемы за три недѣли до сейма, если сеймъ былъ чрезвычайнымъ. См. *B. Lengnich. Prawo pospolite Królestwa Polskiego*. Kraków 1836. Str. 336, 337); *Orzelski* называетъ его днемъ 20 января (I. Str. 17). *Bielski* — «dzień trzech królów» (III. Str. 1230). Въ литературѣ также день его обозначается различно: *М. Бобржинскій* — 15 января (Оч. ист. Польши II. Стр. 107). *J. Szujski*—то 6, то 20, то 15 января (*Dzieje Polski*. III. Str. 20, i nota 4). *Θ. М. Уманецъ*—январь (Вырожд. Польши. Стр. 149). *А. С. Трачевскій*—Крещеніе 1573 года, подтверждая принимаемую имъ дату ссылкой на универсалъ съѣзда по рукоп. Имп. Публ. Библ. (Польское безкоролье. Стр. 149 и прим. стр. 11).

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 35. *Orzelski*. I. Str. 17.

²⁾ *Heidenstein* I. Str. 37.

³⁾ *Heidenstein*. I. Str. 39.

въ Вильнѣ и чтобы въ недѣлю послѣ праздника Крещенія выѣхали на сеймъ въ Варшаву. Если всѣ не будутъ имѣть возможности лично прибыть на сеймъ по разнымъ причинамъ, а особенно изъ-за опасенія передъ врагомъ, то, во всякомъ случаѣ, пришлютъ въ Варшаву своихъ пословъ съ самымъ достаточнымъ полномочіемъ во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ имъ сообщено. Возобновили также Литовцы свое требованіе обратно Волыни, Кіева, Подляшья и Брацлава, говоря о тѣсныхъ связяхъ между этими землями и Княжествомъ. Они не поднимали бы никакого спора и не дѣлали бы никакихъ постановленій относительно этихъ земель, если бы въ приглашеніи Литовцевъ на Люблинскій сеймъ 1569 года было хотя какое нибудь упоминаніе о заключеніи или нарушеніи союза. Приговоръ (wуrok), отнимающій отъ Литовцевъ ихъ области, палъ на нихъ безъ ихъ вѣдома и противъ закона, почему они просятъ, чтобы сообразно съ этимъ всѣмъ были посланы съ Коронныхъ сеймиковъ полномочія на сеймъ Варшавскій. Если же скорбь и обида Литовцевъ будутъ оставлены Поляками безъ вниманія, тѣмъ самымъ прекратятся взаимная любовь и пріязнь обоихъ народовъ. Что Литовцы сдѣлали снова постановленіе, чтобы доходы съ Волыни и Подляшья вносились въ Литовскій скарбъ, такъ на это они имѣли право, и этимъ не сдѣлали ничего противъ утвержденной присягою Уніи, такъ какъ издавна они принадлежали Литовскому скарбу и присягою на Унію Литовцы не вырекались отъ этихъ земель. Затѣмъ, паны-рада Княжества доказывали, что королева Анна Ягеллонка не можетъ имѣть надъ нимъ никакой власти: обладая своими правами, а потому люди свободные, Литовцы не признаютъ надъ собою никакой власти кромѣ власти государственной. На съѣздѣ въ Каскахъ про Литовцевъ болтали, что они хотѣли вести съ Москвою переговоры объ Инфлянтахъ; это ложь, такъ какъ никогда и въ мысляхъ ихъ этого не было, въ чемъ легко могутъ убѣдиться сами Поляки изъ посольства Литовскаго писаря Гарабурды и отвѣта самого царя. Можно бы, наоборотъ, доказать, что изъ Коронной канцеляріи выходятъ листы отъ имени покойнаго короля, которыми безъ вѣдома администратора Инфлянтъ¹⁾ и Литовцевъ приказано передать нѣсколько замковъ Шведскому королю, только администраторъ ихъ задержалъ доселѣ. Кромѣ того, Литовцы до-

---

¹⁾ Янъ Ходкевичъ, староста Жомойтскій, маршалокъ земскій Литовскій и т. д.

казывали, что противно правамъ Литвы и администратора Поляки отправили своихъ пословъ въ Инфлянты и не безъ общественной опасности поручили тамъ созвать сеймики. Наконецъ, Литовцы домогались, чтобы Литовская монета была допущена къ обращенію въ ея настоящей цѣнности по цѣлой Польшѣ и всюду, какъ это было еще постановлено при жизни короля. Литовцы не противорѣчили даже тому, что сносились съ иностранцами, но говорили, что дѣлали это совершенно частнымъ образомъ и что главное—сами Поляки этого причина, такъ какъ они хотѣли отстранить Литовцевъ отъ елекціи. Ничего, однако, окончательнаго они не постановили и напередъ ничего не предпримутъ безъ общаго совѣщанія ¹⁾. Таковъ былъ отвѣтъ, данный Литовскою радою посламъ Польскимъ.

Между тѣмъ, конвокаціонный сеймъ собрался въ Варшавѣ, но ему пришлось обождать въ своихъ рѣшеніяхъ Литовцевъ, бывшихъ еще въ дорогѣ ²⁾. Какъ мы уже видѣли выше, Литовцы постановили собраться на съѣздъ въ Вильнѣ для обсужденія положенія дѣлъ. Съ этого съѣзда они выслали своихъ пословъ въ Варшаву—кашталяновъ Троцкаго Евстафія Воловича и Витебскаго Павла Паца вмѣстѣ съ нѣсколькими представителями Литовской шляхты ³⁾. Съ Виленскаго съѣзда Литовцы написали Полякамъ, что по причинѣ продолжительности дороги они не могутъ прибыть въ назначенный день, и возможно, что дней на пять ихъ послы и опоздають. Литовцы извиняли отсутствіе своихъ сенаторовъ то отдаленностью мѣста, то формулою Уніи, согласно которой всѣ должны съѣхаться лишь на избирательный сеймъ, то тѣмъ, что примасъ самъ созвалъ настоящій сеймъ ⁴⁾; объясняли, что по важнымъ причинамъ не могутъ вмѣстѣ съ этими послами отправить пословъ отъ шляхты. Паць и Воловичъ посланы только затѣмъ, чтобы условиться съ Поляками о времени и мѣстѣ елекціи, и Парчовъ для нея самое удобное мѣсто, по мнѣнію Литовцевъ: онъ уже не разъ упоминался на прежнихъ съѣздахъ, онъ одинаково удаленъ ото всѣхъ и наиболее удобенъ для наблюденія за движеніемъ враговъ и ихъ отраженія. Литовцы думаютъ такъ,

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 39—41. Ср. *Bielski*. III. Str. 1233—1234. См. также А. С. Трачевскій. Польское безкоролье и т. д. Примѣч. стр. 14.

²⁾ *Heidenstein*. I. Str. 43.

³⁾ *Heidenstein*. I. Str. 44. Ср. *Bielski*. III. Str. 1236—1238.

⁴⁾ Т.-е. безъ совѣта съ остальными сенаторами, а въ ихъ числѣ и Литовскими.

что дни около св. Войтѣха были бы очень подходящими для елекціи, такъ какъ необходимо обратить вниманіе на тѣхъ, кто живетъ далеко, да и на нихъ самихъ, чтобы они имѣли возможность отправить у себя пределекційные сеймики, а что самое главное — весною, когда *poruszczą*, рѣки, озера и болота, они меньше будутъ опасаться непріятеля, потому что онъ наиболѣе дѣятельнымъ бываетъ зимою; рассказываютъ даже, что онъ уже осадилъ Ревель и самъ царь стоитъ съ войскомъ подъ Полоцкомъ, о чемъ свидѣлствуютъ со всѣхъ сторонъ пожары. Онъ напрягаетъ свои силы противъ Литовцевъ, чтобы напасть на нихъ не приготовленныхъ вдругъ, а чтобы отвести имъ глаза, посылаетъ своихъ пословъ. Поэтому и Речи Посполитой нужно какъ можно скорѣе отправить къ нему посольство, чтобы позадержать его какъ-нибудь. Литовцы умоляли Поляковъ о помощи противъ Москвы, такъ какъ скорбь Литовскій совершенно истощенъ, а противъ такого врага нужно и жолнеровъ, и наличныхъ денегъ. Жаловались также на королеву и представили ей листы въ доказательство того, что она, писавъ Виленскому бискупу, назвала Литву своею вотчиною, что приказала завѣдующимъ лѣсами представить ей слѣдующіе податки, что, когда Поляки назначили сеймъ въ Варшавѣ, она сама созвала Литву въ Ломжу и даже прислала Литовцамъ формулу присяги; Литовцы просятъ, чтобы все это столкновение съ королевою было отложено до избирательнаго сейма, и обѣщаютъ, что въ Тыкотинскомъ дѣлѣ будутъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Польшею. Литовцы возобновили давніе споры о Волини, Кіевѣ, Брацлавѣ и Подляшѣ, утверждая, что эти земли незаконно были у нихъ отобраны на Люблинскомъ сеймѣ и въ сообщеніи Поляковъ не было объ этомъ ни малѣйшаго упоминанія; поэтому они требовали, чтобы эти земли были возвращены Литвѣ еще до елекціи. Они желали также, чтобы ихъ маршалки ¹⁾).

¹⁾ Переводчикъ *Heidenstein*'а пишетъ—*Marszałek Ziemi* (I. Str. 45), но это грубая ошибка и недосмотръ. Великій маршалокъ земскій въ Литвѣ былъ одинъ, и эту должность въ 1573 году занималъ Янъ Ходкевичъ, который, конечно, не согласился бы никогда сѣсть рядомъ съ меньшими кашталянами Коронными. Да и въ спискѣ сенаторовъ 1569 года (Vol. leg. II. Str. 93) маршалокъ земскій Княжества помѣченъ рядомъ съ Короннымъ. *Bielski* это требование Литовцевъ излагаетъ такъ: «*Napirali się i tego, aby marszałkowie litewscy ziemscy do rady za przysięgą przyjęci byli i między mniejsze kasztelany posadzeni*» (III. Str. 1237). Тутъ разумѣются, конечно, Литовскіе государевы маршалки, стоявшіе во главѣ шляхты и повѣтовъ и имѣвшіе въ Литвѣ дѣйствительно до Уніи 1569 года мѣста въ радѣ. См. ниже, II главу настоящаго изслѣдованія.

получили мѣсто въ сенатѣ между меньшими кашталянами, чтобы Литовская монета, какъ это было раньше постановлено, въ Королевствѣ и повсюду была принимаема по ея цѣнѣ. Жаловались также на то, что въ Инфлянтахъ Поляки созвали сеймики своею властью безъ вѣдома Литовцевъ и администратора. Что касается до сдѣлокъ объ Инфлянтахъ съ Москвою, что про нихъ говорятъ, то совершенно ихъ отвергали и утверждали, что и въ головахъ ихъ не было ничего подобнаго. Наоборотъ, они доказывали, что, въ силу листовъ, вышедшихъ изъ Коронной канцеляріи, было опредѣлено отдать нѣсколько замковъ Шведу; но Литовскій администраторъ Инфлянтъ задержалъ ихъ.

Конечно, все это вызвало много толковъ среди сенаторовъ, а потомъ и шляхты Короны, но, кромѣ обще-Литовскаго посольства, пришлось сенату выслушать еще одно посольство—секретное отъ князя Юрія Слуцкаго. Оно принесло доносъ на Яна Ходкевича и Литовцевъ, говорившій объ ихъ сношеніяхъ съ императоромъ. Ненавидя Ходкевича, князь Слуцкій прислалъ и самые листы этихъ сношеній, донося, сверхъ того, что староста Жомоитскій отдаетъ въ заставы королевскія имѣнія, что съѣзды въ Литвѣ отбываются безъ вѣдома шляхты, и совѣтовалъ отправить въ Литву Польское посольство для разслѣдованія и прекращенія всего этого; сверхъ того, совѣтовалъ назначить мѣсто елекціи поближе къ Литовскимъ границамъ. Князь Слуцкій отдавалъ себя и свое княжество подъ власть Короны, предупреждалъ, что Литовцы открыто готовятъ противъ него вооруженную силу, просилъ не быть равнодушнымъ къ его опасности и въ заключеніе домогался для себя мѣста въ сенатѣ соединеннаго государства ¹⁾. По словамъ Бѣльскаго, сенаторы, прочитавъ листъ князя Юрія Омельковича Слуцкаго, отписали ему, что назначили ему мѣсто въ сенатѣ то самое, которое онъ имѣлъ и прежде въ радѣ Литовской до Уніи 1569 года, т.-е. рядомъ съ Виленскимъ бискупомъ ²⁾. Но это назначеніе не было приведено въ исполненіе, и мы еще не разъ встрѣтимся съ требованіями Слуцкимъ княземъ своего сенаторскаго кресла.

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 46. О князѣ Слуцкомъ и его значеніи въ великомъ княжествѣ Литовскомъ см. *Θ. И. Леонтовичъ*. Очерки исторіи Литовско-Русскаго права. Спб. 1894. Стр. 147, 148. *М. К. Любавскій*. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит.-Р. государства. М. 1893. Стр. 24, 133, 134. *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. М. 1901. Стр. 335. *J. Wolff*. Kniaziowie Litewzko-Ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa. 1895. Str. 333—334.

²⁾ *Bielski*. III. Str. 1240, 1241.

Мы не будемъ входить въ изложеніе занятій конвокаціоннаго сейма Варшавскаго, такъ такъ задачею нашею является лишь отмѣтить то, какъ и въ чемъ проявляла себя Литва въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ въ эту эпоху. Варшавскій сеймъ назначилъ елекцію новаго короля на 5 апрѣля и избралъ мѣстомъ для нея деревню Камень подъ Варшавою ¹⁾. Но Литовцы оказались недовольными этимъ рѣшеніемъ. Собравшись въ Вильнѣ и узнавъ о постановленіяхъ Варшавскаго сейма, они отправили въ Польшу листы ²⁾ съ просьбою, чтобы сеймъ былъ перенесенъ въ Ливу, какъ ближайшее къ Княжеству мѣсто; увѣряли также Литовцы, что они чисты отъ подозрѣній, которыя высказаны по отношенію къ нимъ въ Варшавѣ, что они не замышляли ничего, что было бы въ ущербъ цѣлости и величію общей Речи Посполитой и что они дадутъ отчетъ въ Московскомъ посольствѣ Литовскаго писаря Гарабурды. Вмѣстѣ съ этимъ Литовцы доносили, что имъ грозитъ новая опасность со стороны Москвы. Литовцы вновь, кромѣ того, домогались Волини и другихъ украинъ, такъ какъ, незаконно лишенные этихъ областей, они тѣмъ менѣе въ состояніи теперь обороняться противъ Москвы ³⁾. Но избирательный сеймъ все-таки открылся 5 апрѣля подъ Варшавою, несмотря на просьбу Литовцевъ. Послѣдніе не могли поспѣть къ самому открытію сейма. Отправивши свои сеймики, они собрались въ Бѣльскѣ и оттуда послали свой листъ къ Коронному сенату, извѣщая, что придутъ, но прося обождать ихъ ⁴⁾: за дальнею дорогою они не могутъ приѣхать подъ Варшаву во-время. Имъ было отказано въ ихъ просьбѣ. Но они, хотя и позже другихъ, все-таки прибыли еще во-время ⁵⁾. Когда производилась елекція, Литовцы дѣйствовали съ полнымъ единодушіемъ, несмотря на то, что вообще они дѣлились въ это время на двѣ партіи: во главѣ первой стоялъ Виленскій воевода Николай Радивиль, во главѣ второй—Янъ Ходкевичъ. Обѣ партіи соединились, высказавшись за избраніе Генриха Вalezія, поставивъ, однако, при этомъ требованіе, чтобы онъ вступилъ въ бракъ съ королевною Анной Ягеллонкой ⁶⁾. Послѣ

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 56.

²⁾ Бѣльскій болѣе отчетливо рассказываетъ объ этомъ постановленіи Литовцевъ. Онъ говоритъ, что Литовцы, съѣхавшись въ Вильнѣ, слушали своихъ вернувшихся съ конвокаціи пословъ, «których zrozumiawszy listy po koronie na te sejmiki rozpisali», прося о назначеніи елекціи въ Ливѣ (*Bielski* III. Str. 1263).

³⁾ *Heidenstein*. I. Str. 58.

⁴⁾ *Bielski*. III. Str. 1265.

⁵⁾ *Heidenstein*. I. Str. 66.

⁶⁾ *Ibidem*. Str. 73.

избранія Генриха, къ посламъ его, находившимся въ Варшавѣ, была послана депутація, въ составъ которой отъ Литвы вошелъ Радивилъ, и послѣ принесенія ими за Генриха присяги на раста *conventa* и прибытія пословъ Французскихъ на избирательное поле Генрихъ былъ провозглашенъ королемъ черезъ великаго Короннаго маршалка и великаго маршалка Литовскаго, провозгласившаго его отъ имени Литвы ¹⁾).

Новый король былъ избранъ, но мы не можемъ ограничиться констатированіемъ лишь этого, говоря объ елекційномъ сеймѣ 1573 года и о времени, протекшемъ до его коронованія: это былъ слишкомъ важный моментъ въ исторіи всей спольной Речи Посполитой, чтобы мы имѣли право бѣгло пройти его. Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, что на этомъ сеймѣ Литва вновь предъявила свои требованія Польшѣ, добиваясь возвращенія отнятаго у нея Люблинскимъ сеймомъ 1569 года. 19 апрѣля Литовцы предъявили слѣдующія требованія Полякамъ: 1) вернуть Литвѣ Кіевъ, Подляшье, Волынь и Брацлавское воеводство, 2) допустить въ сенатъ Литовскихъ князей, 3) дать согласіе на обычное прежде число Литовскихъ маршалковъ (какъ членовъ сената) и 4) сеймы должны собираться въ Польшѣ и Литвѣ поочередно. Поляки отвѣтили на эти требованія, что они противны Уніи и что, сверхъ того, такія важныя дѣла можно разсматривать лишь въ присутствіи короля и передъ лицомъ всей Речи Посполитой, а потому нужно все это отложить до того времени, когда будетъ въ государствѣ король, не задерживая теперь елекціи ²⁾. Права князя Слуцкаго на мѣсто въ сенатѣ также вновь были предметомъ обсужденія на сеймѣ ³⁾. Кромѣ того, избирательный сеймъ былъ занятъ и вопросомъ объ оборонѣ границъ государственныхъ. Мы видѣли выше, какъ усиленно, но въ то же время тщетно Литва просила у Короны помощи противъ Москвы во все время протекшаго безкоролевья. Елекційный сеймъ позволилъ Литовцамъ собрать податокъ въ Литвѣ на войну съ Москвою, но изъ средствъ Короны

¹⁾ Ср. А. С. Трачевскій. Польск. безк. Стр. 502. *J. Szujski. Dz. P. III. Str. 33, 34.*

²⁾ *Orzelski. I. Str. 90.* Характерны основанія, приводимыя Оржельскимъ для доказательства правъ Польши на Кіевъ (*Str. 91*). Это тѣ же выписки изъ хроникъ, на которыя ссылались и на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года Поляки, доказывая свои права на этотъ городъ и его область.

³⁾ *Heidenstein. I. Str. 67—68.*

на защиту Княжества не далъ ни гроша ¹⁾. Лишь на оборону Инфлянтъ, которые считались въ общемъ обладаніи Короны и Литвы, была оказана Польшею помощь Литовцамъ: Гнѣзненскій каштелянъ Янъ Костка послалъ Литовцамъ 30 тысячъ изъ Короннаго податка, да изъ Мазовіи, съ воеводства Плоцкаго, было выдано также 30 тысячъ въ распоряженіе Яна Ходкевича, какъ администратора Инфлянтъ ²⁾. Такимъ образомъ, еще разъ Польша заявляла Литвѣ, что ей нѣтъ дѣла до обороны послѣдней, и предоставляла ее силамъ самихъ Литовцевъ.³⁾

Избирательный сеймъ назначилъ 4 октября днемъ коронаціи новаго короля, а сеймики передъ коронаціоннымъ сеймомъ рѣшили открыть 1 сентября ³⁾. Къ новому королю, во Францію было отправлено торжественное посольство, составленное изъ большого числа сенаторовъ и шляхтичей ⁴⁾. Изъ Литовцевъ отправились во Францію Николай Криштофъ Радивилъ (Сиротка) князь на Олыкѣ и Несвижѣ, маршалокъ надворный Литовскій и князь Александръ Пронскій, воеводичъ Кіевскій,—первый, какъ представитель Литовскаго сената, второй, какъ представитель Литовской шляхты ⁵⁾. При архіепископѣ Гнѣзненскомъ, продолжавшемъ стоять во главѣ государства до прибытія Генриха въ Польшу, была составлена постоянная рада, съ которою онъ долженъ былъ совѣщаться обо всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Отъ Княжества въ эту раду вошли Николай Радивилъ, воевода Виленскій канцлеръ Литовскій, Янъ Ходкевичъ, староста Жомойтскій маршалокъ земскій Литовскій и Евстафій Воловичъ, каштелянъ Троекій подканцлеръ великаго Княжества ⁶⁾. Въ другія государства были отправлены послы

¹⁾ Поборовый универсалъ елекційнаго сейма см. Volum. leg. II. Petersb. 1859. Str. 126—130.

²⁾ *Heidenstein*. I. Str. 76.

³⁾ Vol. leg. II. Str. 130. Ср. *Heidenstein*. I. Str. 76, 77.

⁴⁾ Имена ихъ см. Vol. leg. II. Str. 132; *Heidenstein* I. Str. 77; *Solikowski* (*Krótki Pamiętnik Rzeczy Polskich. Dziejopisowie Krajowi*. Petersburg. 1854). Str. 6; *Orzelski*. I. Str. 149.

⁵⁾ *Heidenstein* (I. Str. 77) неправильно называетъ кн. Александра Пронскаго Кіевскимъ воеводою (если только это не погрѣшность перевода, или изданія), *Orzelski* (I. Str. 149)—просто Александромъ Пронскимъ *Solikowski* (Str. 6)—воеводичемъ Кіевскимъ. Такъ же онъ обозначенъ и въ универсалѣ избирательнаго сейма (Vol. leg. II. Str. 130). Кіевскимъ воеводою въ 1573 году былъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Кн. А. Пронскій сынъ Кіевскаго воеводы, умершаго въ 1555 году.

⁶⁾ *Heidenstein*. I. Str. 77.

съ извѣщеніемъ объ избраніи Генриха на престолъ Польско-Литовскаго государства, и въ Москву по просьбѣ Литовцевъ послали Андрея Тарановскаго ¹⁾. Нельзя не отмѣтить тутъ и того ²⁾, что въ самыя раста *conventa* Генриха было включено требованіе, чтобы каждый сеймъ назначалъ по 16 сенаторовъ изъ Польши, Литвы и другихъ странъ, принадлежащихъ Коронѣ, въ прибочную раду королевскую ³⁾.

Когда послы Речи Посполитой, прибывъ въ Парижъ, торжественно передавали Генриху дипломъ его елекціи въ торжественномъ собраніи, въ присутствіи короля Французскаго Карла IX, Екатерины Медичи, Генриха Наварскаго, его супруги Маргариты Валуа и цвѣта Французской знати, сначала говорилъ бискупъ Познанскій, а послѣ него Литовскій надворный маршалокъ Радивиль, именемъ Литвы принося Генриху увѣреніе въ подданствѣ ⁴⁾. Между тѣмъ, пока посольство справляло свое дѣло во Франціи и пока король собирался въ дорогу, примасъ съ приданною ему радю вѣдалъ дѣла Польско-Литовскаго государства. Передъ самымъ отъѣздомъ Генриха Вalezія изъ Парижа пришли туда листы отъ примаса, Андрея Зборовскаго и Французскаго посла Базэна, извѣщающіе о томъ, что все спокойно внутри государства. Однако, на дѣлѣ это было далеко не такъ: грозила война съ Турціей, вслѣдствіе нападенія на Татаръ казаковъ, Гданьщане стояли въ то же время подъ оружіемъ, и такимъ образомъ на сѣверѣ и на югѣ нужны были боевыя приготовленія. Но этого мало. По рукамъ ходили листы Московскаго царя, въ которыхъ онъ рассказывалъ, что Литовцы приглашали его сына себѣ въ государи, просили для себя у царя войска и мѣховъ лисьихъ и собольихъ, но что онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ—онъ не хочетъ садиться на тронѣ соединеннаго государства, не будучи приглашеннымъ законнымъ образомъ. Онъ рассказывалъ, что выслали къ нему вторично писаря Литовскаго Михаила Гарабурду, который призывалъ его на великое княженіе и хотѣлъ вести съ нимъ переговоры о под-

¹⁾ *Ibidem.* Str. 78.

²⁾ О прибочной радѣ будетъ идти рѣчь въ III главѣ настоящаго излѣдованія.

³⁾ *Heidenstein.* I. Str. 97. Въ Vol. legum. II. Str. 133—134, гдѣ напечатаны эти раста *conventa*, нѣтъ упоминанія о прибочной радѣ. Нѣтъ его и въ присягѣ, и въ подтвержденіи правъ, данныхъ Генрихомъ. Отсюда надо заключать, что учрежденіе прибочной рады оказалось въ числѣ спорныхъ артикуловъ, которые Генрихъ отдавалъ на обсужденіе сеймиковъ повѣтовыхъ (Vol. leg. II. Str. 136).

⁴⁾ *Heidenstein.* I. Str. 104—107.

твержденіи правъ и привилеевъ обоихъ народовъ. Было условлено, что на день св. Троицы, а самое позднее на день св. Петра и Павла къ нему придутъ для этого послы отъ становъ. Въмѣсто этого посольства явился къ царю Андрей Тарановскій съ жалобами на какіе-то убытки, причиненные на границѣ Инфлянтъ и съ извѣщеніемъ объ избраніи на престолъ Генриха Вalezія. Московскій царь удивленъ всѣми этими противорѣчіями. Притомъ Тарановскій же объявилъ ему, что, если новый король не придеть въ Польшу ко дню св. Мартина, то будетъ назначенъ новый избирательный сеймъ и тогда не забудутъ о великомъ князѣ Московскомъ ¹⁾. Грамота эта подводила, такъ сказать, итогъ сношеніямъ Литовской рады съ Иваномъ IV^о во время перваго безкоролья по вопросу о возведеніи на вакантный престолъ самого Московскаго царя, или сына его Θεодора. Настроеніе въ Речи Посполитой послѣ смерти послѣдняго Ягеллона дѣлало возможною кандидатуру ²⁾ Θεодора, а также и самого Ивана IV^о. Литовская рада, извѣщая Московскаго царя о смерти Сигизмунда Августа черезъ гонца своего Воропая, высказала желаніе видѣть царевича Θεодора Ивановича государемъ соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Отвѣтъ царя Воропаю показалъ, однако, что самъ Иванъ желаетъ Польско-Литовскаго престола. Литовская рада довела до свѣдѣнія рады Коронной о результатахъ посольства въ Москву Воропая и о требованіи Иваномъ IV^о немедленной присылки къ нему уполномоченныхъ для окончательныхъ переговоровъ. Однако, Поляки не торопились отправленіемъ пословъ, несмотря на опасность для Литвы отъ этой задержки. Въ началѣ 1573 года паны-рада Княжества оказались вынужденными отправить вѣновь въ Москву лишь своего Литовскаго посла, писаря Княжества Михаила Гарабурду, опытнаго въ исполненіи посольскихъ порученій къ Московскому царю ³⁾.

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 115, 116.

²⁾ *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи съ др. временъ. Кн. II. Спб. 1894. Стр. 235, 236. *J. Szujski Dz. P.* III. Str. 27, 30. *А. С. Трачевскій* Польск. безк. Стр. 245 и сл.

³⁾ О посольствахъ Гарабурды въ Москву см. *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи съ древн. вр. Кн. II. Стр. 194 (принималъ участіе въ посольствѣ 1563 года). Ср. Книга Посольская Метрики Вел. Княж. Лит., изд. кн. М. Оболенскимъ и проф. И. Даниловичемъ. М. 1843. № 165. См. также «отпись першій до пана Михаила Гарабурды писара в поселстве до Москвы посланого, который се вернулъ от границ до Орши». (Дата: Варшава 28 окт. 1571 года) Лит. Метр. $\frac{IA}{56}$ л. 1 об.-2. Тотъ же Гарабурда принималъ участіе въ дѣлѣ мирныхъ

Онъ оправдывалъ медленность въ дѣйствіяхъ пановъ-рады Коронныхъ и Литовскихъ моровымъ повѣтріемъ, свирѣпствовавшимъ въ Литвѣ и Польшѣ, говорилъ о желаніи Литовскихъ пановъ провести на престолъ Речи Посполитой царя или его сына Θεодора и просилъ у Московскаго государя рѣшительнаго отвѣта, самъ ли онъ хочетъ получить престолъ Польско-Литовскаго государства, или желаетъ его для Θεодора. Отвѣтныя рѣчи Ивана послу Литовскому не могли понравиться Литовскому сенату. Въ двухъ рѣчахъ самого царя, выслушанныхъ Гарабурдою, было и колебаніе, и нежеланіе исполнить требованія Литовцевъ, и предпочтеніе интересовъ Московскихъ интересамъ Польско-Литовскаго государства, которому предстояло сдѣлаться въ лучшемъ случаѣ лишь придаткомъ къ владѣніямъ Ивана, а въ худшемъ, можетъ быть, подвергнуться и соединенію въ одно государство съ Московскимъ— Грозный царь покушался уже въ своемъ отвѣтѣ на уничтоженіе избирательнаго престола Речи Посполитой, а послѣ своего избранія, несомнѣнно, пошелъ бы и дальше въ своихъ нарушеніяхъ строя государства и правъ его обывателей, хотя на словахъ и соглашался съ необходимостью сохраненія порядковъ его. Кромѣ того, и самъ лично, и черезъ присланныхъ къ Литовскому послу окольничія Умнаго-Колычева, думнаго дворянина Плещеева и дьяковъ Андрея и Василя Щелкаловыхъ, царь заявилъ о своемъ желаніи лучше царствовать въ одномъ Княжествѣ, отдѣлившемся отъ Короны, чѣмъ въ цѣломъ соединенномъ государствѣ ¹⁾. Разрушить Унію и ввѣриться Грозному царю, «тиранство» котораго такъ хорошо было извѣстно Литвѣ,—вотъ къ чему должны были, въ концѣ концовъ привести сношенія Литовцевъ съ Москвою по вопросу объ елекціи Московскаго кандидата. Если первое не было желательно для Литвы цѣликомъ, такъ какъ она хотѣла лишь измѣнить условія Уніи согласно своему дѣйствительному значенію и правамъ наканунѣ ея заключенія, то перспектива второго уже ни въ какомъ случаѣ не могла улыбаться Литовцамъ. Вопросъ объ избраніи Московскаго царя, или его сына на престолъ Речи Посполитой даже серьезно и не могъ обсуждаться на избирательномъ сеймѣ 1573 года, такъ какъ Иванъ IV не послалъ на него своего посольства. Листы Грознаго царя, которые ходили по

переговоровъ у Запольскаго Яма. С. М. Соловьевъ. Ист. Р. съ др. вр. Кн. II. Стр. 287).

¹⁾ С. М. Соловьевъ. Ист. Р. съ др. вр. Кн. II. Стр. 236—244.

рукамъ въ соединенномъ государствѣ съ извѣтами на Литовцевъ, были, несомнѣнно, местию Ивана Литовцамъ за ихъ отказъ исполнить его желаніе: Московскій царь не только рѣшился «промышлять» надъ Литвою за избраніе Француза, но хотѣлъ усилить къ ней недовѣріе среди Поляковъ.

Но Генрихъ уже подвигался къ предѣламъ своего новаго государства. Во время этого путешествія паны-рада Литовскіе еще разъ заявили о своихъ требованіяхъ, которыя они не разъ уже предъявляли въ протекшее безкоролье къ Полякамъ. Когда король находился въ Вейссенбургѣ, къ нему прибылъ посолъ отъ Литовскихъ сенаторовъ ¹⁾. Въ этихъ листахъ Литовцы благодарили короля за его доброжелательство, которое имъ объявилъ Базэнъ, и увѣряли со своей стороны въ вѣрности и уваженіи. Превозносили до небесъ Французскій народъ, а особенно Андегавенскую фамилію, которая, по ихъ словамъ, отъ самаго начала христіанства не только доставляла государей своему краю, но владѣла и другими королевствами—Польскимъ, Венгерскимъ и Чешскимъ. Доносили Литовцы, что они внимательно сторожатъ границы и сразу послѣ смерти Сигизмунда Августа поставили пограничную стражу противъ Москвы, благодаря чему принудили царя Московскаго къ годичной пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, такъ что теперь, даже если бы не было и стражи, нечего бояться нападенія Москвы на Литву. Жаловались далѣе, что у нихъ еще передъ смертью Сигизмунда Августа незаконно отняты Кіевъ, Подляшье и Волынь; объ этомъ они заявятъ на общемъ сеймѣ, такъ какъ ихъ силы черезъ это не мало ослабѣли: мужество и отвага обывателей этихъ областей, выступающихъ вооруженными часто даже безъ сеймоваго постановленія, не разъ прогоняли прочь непріятеля. Помимо всего этого, Литовцы употребятъ всѣ свои силы на то, чтобы сохранить для короля Литву цѣлою. Нужно только опасаться, чтобы послѣднее посольство въ Москвѣ не произвело бы какой-либо диверсіи тѣмъ, что осмѣлилось бы назначить для короля срокъ, въ случаѣ неприбытія на который будетъ взято назадъ его признаніе. Заявляли Литовцы также, что будутъ всѣми силами стараться ничего не измѣнять въ постановленіяхъ (объ елекціи), что даже свое имущество и жизнь свою готовы отдать для блага отечества и славы королевской, но для этого необходимо нужны прибытіе, присутствіе и помощь самого

¹⁾ Jakiś poufały Chodkiewicza Starosty Zmudzkiego. *Heidenstein*. I. Str. 122.

короля. Прежде еще, когда Литовцы владѣли всѣмъ своимъ въ цѣлости и имѣли три сильныя крѣпости, они часто едва лишь могли выдерживать численное превосходство Москвы, теперь же, лишенные части своихъ земель, должны защищать не только Литву, но и достаточно слабые Инфлянты. Они призывали короля поспѣшить возможно только скорѣе на помощь, а между тѣмъ просили приказать заплатить обѣщанное жалованье войску, такъ какъ доселѣ обѣщанія его пословъ не имѣли ни малѣйшаго исполненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Литовцы посылали грамоту (дипломъ), изготовленную на Виленскомъ съѣздѣ сенаторами и шляхтою, подписанную и скрѣпленную печатями, въ которой, снова восхваливши изстаринныя доблести Французовъ, Литовцы подтверждали Варшавскую елекцію, произносили проклятіе на противящихся ей, или не признающихъ ея и объявляли ихъ врагами отечества. Отвѣтъ, данный Литовцамъ Генрихомъ, былъ самый любезный и милостивый: онъ благодарилъ ихъ за ихъ твердость, поощрялъ къ ея сохраненію, объяснялъ задержку своего путешествія и послалъ съ Рамбулье 40 тысячъ франковъ на первыя нужды Княжества ¹⁾. Когда Генрихъ 23 декабря прибылъ въ Фульду, онъ тамъ уже засталъ гонца съ извѣстіемъ отъ Рамбулье. Прибывъ въ Краковъ, Рамбулье попалъ на съѣздъ многихъ сенаторовъ. На этотъ съѣздъ пріѣхалъ и Янъ Ходкевичъ, который доносилъ, что, какъ Литовскіе станы узнали достоверно, Московскій царь замышляетъ вторгнуться въ Литву съ огромнымъ войскомъ, раздѣленнымъ на три отдѣльные корпуса. Одинъ изъ нихъ подъ личнымъ предводительствомъ самого царя долженъ ударить на Польшу, другой съ сыномъ царскимъ посланъ къ Витебску, а третій подъ командою Магнуса, брата Датскаго короля, отправленъ въ Инфлянты. Такъ какъ Рамбулье привезъ королевское приказаніе, чтобы станы совѣщались съ нимъ, если случится что-либо особенно важное, то его пригласили въ засѣданіе сената, въ которомъ должно было быть сдѣлано постановленіе относительно помощи, требуемой для Литвы отъ Польши Ходкевичемъ. Въ присутствіи Рамбулье сенатъ разсуждалъ о томъ, какъ много увеличиваетъ отсутствіе короля опасность и недостатокъ помощи, такъ какъ безъ него нельзя ни наложить податка, ни рунуться въ поле шляхтѣ безъ нарушенія публичнаго права и свободъ ея, ибо станы, дающіе на все это разрѣшеніе, не могутъ быть со-

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 122—123.

званы безъ короля. Громко винили такое долгое отсутствіе короля и требовали отъ него денежной помощи, какъ это обѣщали королевскіе послы на Варшавскомъ сеймѣ, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, Рамбулье имѣетъ въ этомъ отношеніи опредѣленные приказанія. Рамбулье, объяснивши промедленіе короля, убѣждалъ не сомнѣваться въ обѣщанномъ послами, однако заявилъ, что, такъ какъ королю было донесено, что съ Москвою на годъ было заключено перемиріе и что есть полная увѣренность въ мирѣ со стороны остальныхъ сосѣдей, королю Генриху не могло придти и на мысль давать какія-либо порученія относительно помощи, и онъ, Рамбулье, не можетъ ничего дѣлать безъ такого порученія. Онъ совѣтуетъ, чтобы на помощь Литвѣ обратили податокъ, постановленный на избирательномъ сеймѣ. Когда же ему отвѣтили, что этотъ податокъ обращенъ уже на другія нужды государства, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ выдать Ходкевичу 10 тысячъ золотыхъ на наборъ жолнеровъ для расположенія ихъ на границахъ до прибытія короля. Всѣ ожидали, по словамъ Рамбулье, Генриха съ величайшимъ нетерпѣніемъ; въ остальномъ все спокойно. Гданьщане прекратили свое боевое положеніе и приготовили къ королю посольство для изъявленія вѣрности и подданства¹⁾.

Наконецъ, давно желанное прибытіе короля въ Краковъ состоялось 18 февраля 1574 года²⁾. Намъ не нужно описывать встрѣчу Генриха Литовцами и Поляками и коронаваніе его, но намъ нельзя не указать на одинъ фактъ во время коронаціоннаго сейма. Литовцы и Пруссаки грозили протестаціей, если не будетъ обращено вниманія на ихъ жалобы передъ подтвержденіемъ правъ королемъ³⁾.

Подведемъ итоги подъ тѣмъ, что оставило послѣ себя первое безкоролевье великому княжеству Литовскому. Прежде всего эта эпоха должна была подвинуть эволюцію Литовскаго взгляда на короля въ сторону его обращенія во взглядъ Польскій. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года прекрасно рисуетъ то глубокое различіе, которое существовало во взглядахъ на своего государя обоихъ народовъ, вступавшихъ въ Унію между ихъ государствами. Литва смотрѣла на своего государя, какъ на помазанника Божія, къ которому она сохраняла весь свой вѣрноподданической шететъ, несмотря на все развитіе своихъ политическихъ правъ. Поляки держатъ себя совершенно иначе по отношенію къ Сигизмунду

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 125—126.   ²⁾ *Ibidem*. Str. 130.   ³⁾ *Ibidem*. Str. 145.

Августу, чѣмъ Литовцы. Они требуютъ, упрекаютъ, провѣряютъ короля, не довѣряя ему и не скрывая этого недовѣрія. Мы видѣли выше, что однажды Сигизмундъ Августъ даже не выдержалъ назойливаго и рѣзкаго вторженія посольской избы въ его дѣла и далъ ей гнѣвный отпоръ. Особенно характернымъ является съ этой точки зрѣнія отказъ Люблинскаго сейма сдѣлать постановленіе объ обезпеченіи потомства королевскаго, несмотря на просьбы объ этомъ Сигизмунда Августа. Соединяясь съ Поляками подъ скипетромъ общаго короля и съ общимъ сеймомъ, Литовцы должны были принимать и Коронный взглядъ на государя, такъ отличавшійся отъ Литовскаго и такъ мало оставлявшій для уваженія и подчиненія ему. Но этого мало. Дѣянія послѣдняго Ягеллона также должны были сослужить свою службу дѣлу разрушенія стараго взгляда Литовцевъ на своего государя. Нарушеніе клятвъ Сигизмундомъ Августомъ, торжественно данныхъ Княжеству, и продажа его Польшѣ съ отнятіемъ Литовскихъ областей не могли не ворваться ледяною струей въ теплое чувство вѣрно-подданческаго пietetа, который питалъ Литовскій народъ по отношенію къ своему государю. Къ этому прибавлялась дурная семейная жизнь и развратъ короля, не бывшіе тайною для народа. Еще на Люблинскомъ сеймѣ 1566 года примасъ Яковъ Уханскій обратился къ королю съ мольбою не отсылать Екатерины Австрійской, супруги своей, къ ея брату Максимилиану, императору Священной Римской Имперіи. Сцена разыгралась сильная, и сенатъ плакалъ, моля короля измѣнить его семейную жизнь ¹⁾. Послѣ смерти короля развратъ его вскрылся во всей своей наготѣ въ официальныхъ, публичныхъ заявленіяхъ дворянъ и людей, служившихъ ему ²⁾. Наступившее затѣмъ время елекціи, подкуповъ и заискиваній кандидатовъ, подкупавшихъ и льстившихъ черезъ своихъ агентовъ сенаторамъ и шляхтѣ, должно было перевернуть все представленіе о величій государя, которое было прежде утверждено крѣпко въ головахъ Литовскаго народа. Народъ долженъ былъ сознать, что онъ можетъ и въ правѣ дать корону претенденту, а можетъ и не дать, а если дастъ, то можетъ по-

¹⁾ *Lukasz Górnicki. Dzieje w Koronie Polskiej etc. (Zbiór pis. p. Część druga. Pisma L. Górnickiego. T. IV. W Warszawie. 1828). Str. 192, 193. Король отложилъ отвѣтъ до слѣдующаго дня и отвѣтилъ, «że tego przywieść na sobie nie może, iżby takiej dogodził proźbie, a iż cięższaby mu to rzecz była niż pozbyć żywota: przeto aby mu w tym już pokoju dano».*

²⁾ *Orzelski. I. Str. 84, 85, 88.*

торговаться объ условіяхъ, на которыхъ согласится признать претендента своимъ государемъ. Если не сразу Литовскій народъ усвоилъ взглядъ на короля, какъ на должностное лицо, лишь властью народа получающее корону, если старыя понятія не могли еще сразу рухнуть совсѣмъ, то, во всякомъ случаѣ, для эволюціи ихъ первая елекція должна была сдѣлать свое дѣло. Литовскій народъ долженъ былъ привыкать отдѣлять себя отъ своего великаго князя и привыкать считать его постороннимъ лицомъ, чуждымъ ему по понятіямъ и происхожденію, лишь волею самого народа, болѣе, или менѣе случайно получающимъ корону. Прежде, не отдѣляя отъ себя государя, народъ Литовскій долженъ былъ привыкать отдѣлять его отъ себя, а это должно было содѣйствовать еще большому сближенію между собою становъ Литовскихъ. Если Литовская шляхта этой эпохи представляется Поляками находящеюся цѣликомъ въ рукахъ своихъ сенаторовъ ¹⁾, и если нельзя безъ оговорокъ принимать цѣликомъ это представленіе и, какъ оказывается, въ ней было теченіе въ сторону эмансипаціи отъ панскаго преобладанія и даже борьбы съ панами ²⁾, то эпоха безкоролья должна была сблизить шляхту и сенатъ Литовскіе— они могли лишь другъ въ другѣ искать помощи въ дѣлѣ защиты своихъ и своего Княжества интересовъ. Что касается до Поляковъ, то на ихъ слова о «братской» любви нужно было Литовцамъ махнуть рукою и признать ихъ пустыми и ложными словами: первое безкоролье блестящимъ образомъ подтвердило убѣжденіе въ этомъ, которое должно было создаться, благодаря Люблинскому сейму. На свои просьбы о помощи Литва слышала только отказъ отъ Польши, хотя договоръ Уніи постановилъ, что у обоихъ народовъ враги должны быть общіе. Этого мало. Литовцы видѣли подозрительность, съ которою къ нимъ относятся Поляки, видѣли и полное невниманіе къ интересамъ Литвы при выборѣ мѣста и времени для сеймовъ эпохи безкоролья, не-

¹⁾ Даже Подляшанинъ, Николай Буйно, хоружій Дрогицкій, на примѣръ, говорилъ 15 апрѣля 1569 года въ посольской избѣ: «что же касается до того, чтобы Литовцамъ созывать сеймики, то противъ этого я скажу, что тамъ вовсе не было сеймиковъ со времени Парчевскаго сейма. Сеймики тамъ отбываются, иначе чѣмъ у васъ, господа. Тамъ пріѣзжаютъ на сеймикъ только воевода, староста, да хоружій; напишутъ, что имъ вздумается, и пошлютъ къ землянину на домъ, чтобы подписалъ. Если онъ не подпишетъ, то они отдуютъ его палками». Дн. Любл. с. Стр. 290.

²⁾ См. *М. К. Любавскій*. Литовско-русскій сеймъ. Стр. 534, 539, 540, 543, 561, 562, 579 и др.

смотря на хлопоты ихъ. Такимъ образомъ фантомъ «братства» съ Поляками, если онъ и могъ случайно рисоваться воображенію какого-либо наивнаго Литовца, долженъ былъ исчезнуть окончательно въ дни перваго безкоролья. Но если «братство» оказалось несуществующимъ и невозможнымъ и убѣжденіе въ его отсутствіи должно было заставлятъ Литовцевъ зорко охранять свои интересы, то картина раздоровъ и несогласій Поляковъ вмѣстѣ съ цѣлою массою интригъ и подкуповъ, развернувшаяся въ 1572 и 1573 годахъ, должна была заставлятъ Литовцевъ подальше держаться отъ своей Польской «братіи». Литовцы стали на формальную почву договора Уніи, объявивъ прямо, что требуютъ буквальнаго исполненія его Поляками. Это они заявили, когда ихъ приглашали Поляки на конвокаціонный сеймъ, это заявили они, и когда Поляки нарушили права Литовцевъ въ Инфлянтахъ, самовольно назначивъ тамъ сеймики. Но требуя отъ Поляковъ соблюденія буквы договора 1569 года, Литовцы стремятся къ отмѣнѣ въ немъ того, что противно ихъ интересамъ. Они требуютъ возстановленія права Литовской монеты свободно, по ея настоящей цѣнѣ, обращаться въ государствѣ, они требуютъ и сеймовъ *alternatim* — попеременно въ Польшѣ и Литвѣ, чего они добивались на Люблинскомъ сеймѣ. Литва добивалась и введенія въ сенатъ тѣхъ членовъ Литовской рады, которые остались за его дверями послѣ соединенія ея съ радюю Коронною въ одинъ общій сенатъ: Литовскіе станы хлопотали объ этомъ для государевыхъ маршалковъ, князь Слуцкій — для себя лично. Кромѣ того, Литва продолжала протестовать противъ незаконнаго дѣянія Люблинскаго сейма, оторвавшаго отъ нея Волынь, Подляшье, Кіевъ и Подолье. Литовцы доказывали, что эти земли незаконно отняты отъ нихъ, доказывали внутреннее единство ихъ съ великимъ Литовскимъ княжествомъ. Въ самомъ дѣлѣ, и составъ населенія, и установившіеся порядки и строй, закрѣпленные вторымъ Литовскимъ статутомъ 1566 года, дѣлали эти области органическою частью Княжества. Не будемъ забывать, кромѣ того, что многіе обыватели Литовскіе владѣли осѣлостями, державами и врядами въ этихъ земляхъ ¹⁾. Литва чувствовала себя даже въ правѣ сдѣ-

¹⁾ Напр., Василій Тишкевичъ былъ воеводою Подляшскимъ и старостою Минскимъ. См. Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 47 об.—48 об. («Привилей пану Василю Тишкевичу воеводе Подляскому на крабство». Данъ въ Кнышинѣ 5 ноября 1569 года).

латъ постановленіе о поступленіи доходовъ съ Волини и Подляшья въ Литовскій, а не Коронный скарбъ и, поступая такъ, объявляла себя не нарушающею этимъ Уніи: Литовцы не сами отдали эти земли и не внесли эту отдачу, какъ статью въ договоръ Уніи, скрѣпленный ихъ присягою, но ихъ отняли у Литвы насильно и противозаконно. Въ то же время, предъявляя свои требованія къ Польшѣ, Литва почувствовала себя вполнѣ вновь въ своемъ политическомъ самостоятельномъ значеніи. На своихъ сѣздахъ она дѣлаетъ постановленія по внутреннимъ дѣламъ своего Княжества и по обезпеченію въ немъ порядка, правосудія и спокойствія, обсуждаетъ внѣшнія опасности, мѣшавшія ей, прибавимъ, добиться всего, чего она желала отъ Поляковъ. Литва находится въ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами. Она вообще чувствуетъ себя настолько самостоятельною, что хлопочетъ объ отмѣнѣ постановленій Варшавскаго конвокаціоннаго сейма. Конечно, Литовцы съ гордостью отвергли притязаніе Анны Ягеллонки на Литву, какъ на наследственное владѣніе Ягеллоновъ: они слишкомъ хорошо знали свои права и слишкомъ высоко ихъ цѣнили, чтобы допустить его. Но наиболѣе характернымъ фактомъ для дѣйствительнаго положенія Литовскаго великаго княжества въ эпоху перваго безкоролья было его отношеніе къ избранному королю. Представитель Литвы, Криштофъ Радивилъ, въ Парижѣ отдѣльно отъ Польскаго оратора, приноситъ Генриху Вalezію изъявленіе подданства Литовскимъ народомъ, а Виленскій сѣздъ посылаетъ новому королю *дипломъ, которымъ великое княжество Литовское подтверждаетъ избраніе его въ короли соединеннаго Польско-Литовскаго государства*. Таково было сознаніе своего положенія Литовскимъ народомъ въ эту эпоху, и таковы были политическіе его взгляды, дѣйствительное положеніе и стремленія, съ которыми онъ вступалъ въ тяжелые для Речи Посполитой дни, наступившіе послѣ «утечки» короля Генриха, такъ скоро оставившаго свое новое государство для трона родной и «прекрасной» Франціи. Историкъ въ правѣ сказать о Литовцахъ этого времени, перефразируя слова императора Александра I, сказанныя имъ о Французскихъ эмигрантахъ въ эпоху реставраціи Бурбоновъ: они ничего не забыли изъ того, чего добивались въ дни заключенія Уніи, но за то научились многому.

Генрихъ Вalezій убѣжалъ изъ Краковскаго замка ночью съ 28 на 29 іюня во Францію, чтобы занять ея наследственный тронъ, вакантный послѣ смерти его брата Карла IX. Попытки

вернуть бѣжавшаго короля обратно оказались напрасными, и Речь Посполитая оказалась въ обидномъ, трудномъ и опасномъ положеніи. Бѣгство короля, такое поспѣшное и, можно сказать, неприличное, оскорбляло національную гордость и ставило государство въ весьма затруднительное положеніе — какъ поступить съ нимъ и какъ устроить правительство; наконецъ, «утечка» Генриха вновь вызывала происки кандидатовъ на престолъ, надежды которыхъ снова оживали, а также приглашала внѣшнихъ враговъ воспользоваться затрудненіями Польско-Литовскаго государства и ударить на него своими военными силами. Начались вновь мѣстные шляхетскіе съѣзды, но начались и разные «гвалты» ¹⁾ и преступленія въ государствѣ. Примасъ созвалъ съѣздъ для всего государства въ Варшавѣ ²⁾ на день св. апостола Варѳоломея ³⁾. Но ему не пришлось открыться въ срокъ, и до 29 августа прибывшіе поджидали остальныхъ ⁴⁾. Съѣздъ этотъ былъ многолюденъ, но Литовцы на немъ отсутствовали. По разсказу историка XVII столѣтія, Андрея Максимиліана Фредро, Литовскіе станы не легко согласились на этотъ сеймъ на томъ основаніи, что, пока они будутъ сеймовать, Москва вторгнется въ Литву ⁵⁾. Но тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія ⁶⁾ говоритъ, что Литовцы, можетъ быть, не хотѣли пріѣхать на сеймъ и потому, что онъ былъ созванъ примасомъ не по обычаю, но властью нѣсколькихъ сеймиковъ (Краковскаго, Познанскаго и Сендомірскаго), которые такимъ образомъ какъ бы навязали ему это постановление о созывѣ сейма. На Варшавскомъ конвокаціонномъ сеймѣ Литовцевъ, какъ народа Княжества, не было совсѣмъ. Могли быть лишь случайно нѣсколько человѣкъ ⁷⁾. Отъ Литовцевъ же, какъ народа, были присланы листы—первый отъ 12 іюля къ се-

¹⁾ Они были и въ Литвѣ. См. *Heidenstein*. I. Str. 154.

²⁾ *Heidenstein*. I. Str. 158.

³⁾ *Solikowski*. Str. 15. *J. Szujski* (*Dzieje Polski*. III. Str. 43), принимая дату Фредро (str. 87), говоритъ, что сеймъ этотъ открылся 10 сентября, а день св. Варѳоломея 24 августа. Но Фредро жилъ въ XVII вѣкѣ и не былъ современникомъ событій. По Оржельскому, днемъ съѣзда было назначено 23 августа (*Orzelski*. II. Str. 8 i 11).

⁴⁾ *Orzelski*. II. Str. 14.

⁵⁾ *Jędrzeja Maksimiliana Fredro*. *Dzieje narodu Polskiego pod Henrykiem Walezyuszem, królem Polskim, potem Francuzkim*. (*Dziejopisowie Krajowi*. Petersburg i Mohylew. 1855). Str. 88. ⁶⁾ *Fredro*. Str. 129.

⁷⁾ *Heidenstein* говоритъ, что Пруссаконъ и Литовцевъ было немного (I. Str. 159).

нату, второй отъ 9 августа къ обоимъ станамъ Короннымъ (сенаторскому и шляхетскому). Въ первомъ изъ этихъ листовъ Литовцы объявляли себя за сохраненіе Генриха Вalezія на тронѣ Польско-Литовскаго государства и требовали отправления къ нему пословъ отъ Польши и Литвы¹⁾. Поляки не считали возможнымъ идти наперекоръ Литовскому мнѣнію, выраженному такъ опредѣленно, и должны были исполнить его. Затѣмъ, 2 сентября сенатъ читалъ земскимъ посламъ другой Литовскій листъ отъ 9 августа, въ которомъ Литовцы извѣщали оба стана Короны, что они не могутъ прибыть на Варшавскую конвокацію по причинѣ опасности отъ Москвы, срокъ перемирія съ которою истекъ. По этой же причинѣ свою *Литовскую конвокацію* они рѣшили отбыть не въ Волковыйскѣ, какъ это дѣлали обыкновенно, но вооруженными собраться поближе къ Полоцку. Литовцы просили денежной помощи противъ врага. Кроме того, они *требовали, чтобы Поляки не дѣлали въ Варшавѣ никакихъ постановленій, соединенныхъ съ поврежденіемъ правъ великаго княжества Литовскаго.* Къ королю Генриху пусть Поляки вышлютъ пословъ, къ которымъ присоединятся и послы отъ Литвы. Объ елекціи пусть Поляки не разсуждаютъ и пусть они снесутся съ Литовцами, испрашивая ихъ совѣта и согласія на предметы и содержаніе проектированнаго посольства во Францію. Въ другомъ листѣ, присланномъ вмѣстѣ съ этимъ, Литовцы жаловались на Поляка Каспра Дембинскаго, канцлера сына, совершившаго, по ихъ словамъ, наѣздъ на имѣніе воеводы Мстиславскаго Остика²⁾.

Съѣздъ Варшавскій, принявъ мнѣніе Подольскаго воеводы Мелецкаго, постановилъ выслать къ королю пословъ³⁾ и назначить срокъ для его возвращенія; если къ этому сроку онъ не вернется, то онъ будетъ признанъ отказавшимся отъ короны и будетъ приступлено къ новой елекціи. Срокомъ возвращенія было назначено 12 мая⁴⁾, и, въ случаѣ если король не возвратится къ этому сроку, то безъ новыхъ универсаловъ всѣ должны собраться въ Стенжицу для новой елекціи.

¹⁾ *Orzelski*. II. Str. 28.

²⁾ *Orzelski*. II. Str. 29, 30.

³⁾ Иеронимъ Розражевскій, старшій секретарь, и Янъ Томашъ Дрогоевскій. *Heidenstein*. I. Str. 159; *Solikowski*. Str. 15; *Bielski*. III. Str. 1362; *Orzelski*, II. Str. 50. (Оржельскій называетъ Розражевскаго пробощемъ Плоцкимъ, Дрогоевскаго—дворяниномъ).

⁴⁾ *Orzelski*. II. Str. 45; *Solikowski*. Str. 16; *Heidenstein*. I. Str. 159 (май); *Bielski*. III. Str. 1362 (12 мая).

Во время, протекшее между Варшавскою конвокаціей и Стенжицкимъ съѣздомъ, Литовцы еще разъ проявили свою самостоятельность. Литовское княжество отправило свое отдѣльное посольство во Францію, объявляя Генриху черезъ своего посла, номината на бискупство Жомойтское Мельхиора Гедройця, что, если онъ не вернется къ 12 мая 1575 года, Литовцы станутъ думать о новомъ королѣ ¹⁾. Другимъ фактомъ, которымъ заявила себя Литва въ это время, было посланіе къ Полякамъ Яна Ходкевича изъ Быхова отъ 8 марта, въ которомъ онъ доносилъ о тяжкомъ опустошеніи, причиненномъ Инфлянтамъ великимъ княземъ Московскимъ черезъ брата Датскаго короля Магнуса, женатаго на дочери Ивана Грознаго. Нужно такъ много войска для войны съ Москвою, что, если Поляки не помогутъ Литовцамъ, или не добьются перемирія, онъ, Ходкевичъ, не будетъ имѣть достаточно силъ для отраженія врага. Онъ усиленно проситъ Поляковъ послать къ нему сильную помощь, чтобы не потерять Инфлянтъ ²⁾. Кромѣ этихъ двухъ фактовъ, которыми проявила себя Литва въ своихъ отношеніяхъ къ Коронѣ за время, протекшее между Варшавскою конвокаціей 1574 года и Стенжицкимъ съѣздомъ 1575 года, необходимо еще остановиться на листѣ Литовскихъ становъ, данномъ въ Вильнѣ 1 ноября 1574 года ³⁾. Этотъ листъ подпи-

¹⁾ *Orzelski*. II. Str. 61. Мельхиоръ Гедройць былъ номинованъ на Жомойтское бискупство Генрихомъ Валезіемъ (послѣ смерти бискупа Юрія III) изъ прелатовъ Виленскихъ. Соперникомъ его явился пробощъ Гераноинскій Яковъ Воронецкій, но послѣдній былъ отвергнутъ Виленскимъ съѣздомъ 1575 года, какъ Полякъ. Послѣ папскаго утвержденія М. Гедройць былъ посвященъ въ бискупы въ Вильнѣ въ 1576 году. См. *Ks. Biskup Maciej Wołoncewski*. Biskupstwo Żmujdzkie. Kraków. 1898. Str. 49—50 (§ 61). *Solikowski* (str. 16) ошибочно называетъ Мельхиора Гедройця Юриемъ. *J. Szujski* (Dz. P. III. Str. 45) также. Но *X. Melchior Bubiński* — правильно Мельхиоромъ (*Historya kościoła Polskiego*. T. III. W Krakowie. 1874. Str. 257, nota 4).

²⁾ *Orzelski*. II. Str. 79.

³⁾ Листъ этотъ нами издается по двумъ спискамъ, находящимся въ рукописномъ сборникѣ, хранящемся въ Имп. Публ. Библиотекѣ (Польск. F. IV, № 253). Текстъ, издаваемый нами, сличенъ въ этихъ спискахъ и издается исправленнымъ въ испорченныхъ мѣстахъ черезъ сравненіе обоихъ списковъ. «My nizey imion podpisami z Senatu y z Rycerstwu W. X. Litt. oznaumuiemy tym pismem rąk naszych podpisaniem y zapieczętowaniem pieczęci naszych. Gdy za odiechaniem Krola y Pana naszego Henryka nad wiadomość y mniemanie wszech nas wielkie potrwożenie w ludze graniczne strony wielkiego Xiążęcia Moskiewskiego przypadło i gdzieby Krol Imc pan nasz za pisaniem naszym y PP. Polakow braciey naszej do Polskiey, albo do W. X. Litt. przybyć nie raczył albo nie mógł, lub też kondycyey, Koronie y W. X. Litt. uczynionych y legit-

сали слѣдующія лица: Николай Паць бискупъ Кіевскій, Николай Радивиль воевода Виленскій, Янъ Ходкевичъ каштелянъ Виленскій, Остафій Воловичъ каштелянъ Гроцкій, Станиславъ Паць воевода Витебскій, Павелъ Сапега каштелянъ Кіевскій, Юрій Зеновичъ каштелянъ Полоцкій, Николай Криштофъ Радивиль, Криштофъ Радивиль, Янъ Кишка и еще 16 различныхъ врядниковъ и шляхтичей. Самый составъ лицъ, подписавшихся подъ этимъ документомъ, дѣлаетъ его уже въ высшей степени интереснымъ. Рядомъ съ сенаторами Княжества тутъ видимъ Кіевскихъ бискупа и каштеляна, которымъ послѣ оторванія Кіева отъ Литвы не мѣсто бы, казалось, быть на Литовскомъ съѣздѣ,

time poprzysiężonych, nie zyscił y nie wykonał tym więcej gdyby nas przez vice-Regenty, albo Gubernatory nad prawa i wolności nasze sprawowac chciał, co wszystko tym by ieszcze większy zawrot w rzeczy pospolitey czynic by musiało a PP. Polacy wedle swego stanowienia y obligu chcieliby zatym do Elekcyey przystapic, a tak my, rozumając roziachanie nasze z tego ziazdu naszego Wilenskiego byc bardzo niebezpieczne strony tych ludzi pogranicznych, gdzieby nie wiedzieli spolnego y zgodnego umysłu naszego w tym, kogo byśmy za nieprzybyciem Pana naszego za Krola Polskiego y Xiążęcia Litewskiego obierac chcieli, przetosmy ten szrodek sobie znaleźli (zachowuwając zupełną wiarę y poddanstwo Panu naszemu Koronowanemu przykładem przodkow swych, ieżeli do nas przybędzie y to, co się wyżej pomieniło, spełni) ku radzierzeniu myśli ludzkich do spolney zgody w obieraniu Nowego Pana (ieżeli by nam do czego przyszło), iż nie mamy innego Pana obierać y głosow swych na nikogo podawać okrom na Samego Nayiasnieyszego Arcy-Xiążęcia Rakuskiego Ernesta Syna Cesarza Imci Chrzescianskiego a to czynic mamy zgodnie a spolnie, nie rozniając się w tym ieden od drugiego a ni po csęci żadney się dzieląc, też nie daiąc się uwodzić żadnym strachom, obietnicom, даром, радом, przyiazni, krewnosci ani żadnym racyom, rozymem ludzkim wynaydzionym pod obligacyą wiary, cnoty, podsciwosci y sumnienia naszego a to z tych przyczyn rozumiemy, że z takim Panem pokoy nie tylko granicom naszym y wewnątrz w Panstwach być może, ale też y zgoda między Pany przednieyszemi Chrzescianskimi przeciwko Przeciwnikom Krzyża Świętego Pogancom wszem być może do czego się być chętnym y Wielki Xiąże Moskiewski przez Pana Haraburdę na przyszłą ieszcze Elekcyę obiecował, uważając przy tym Domu tego Rakuskiego świętobliwe od lat nie mało panowanie nad wszemi poddanemi Ich, miłość y sprawiedliwość a pobożne rządzenie Panstw, im od Pana Boga zwierzonych, k temu tegoż Domu spowinowaczenie ze wszemi Przednieyszemi Monarchami Chrzescianskimi y z Iego Krolewską Mcią Panem naszym, ktoremu to tak światobliwemu panowaniu tego chwalebного Domu uffając, nic nie wąpiemy, iż gdy na panowanie przyidzie, wszystko, co iest oddalono y odlączono od W. X-wa Litt-o, przywroci y w dawney a zwykley uczciwości, ozdobie, zacnosci y prerogatywach Panstwa swe a zwłaszcza W. X-o Litt. zachowac będzie raczył, ktoremu nie mało się ubliżyło odeyściem ziem, zdawna Xstwu Litewskiemu należącym, to iest Wołyniem, Podlasiem, Kijowem y Bracławiem, nad zastanowienie starodawnych pakt y Uniey, czego pod tymże obli-

ибо они принадлежали къ сенаторамъ Короннымъ. Пребываніе ихъ въ Вильнѣ на обще-Литовскомъ съѣздѣ 1574 года ясно доказываетъ, что они считали себя принадлежащими Литвѣ, а не Польшѣ, полагая неправильнымъ и незаконнымъ отторженіе отъ Княжества Кіевщины и разрушая его, прежде чѣмъ Литва формальнымъ образомъ получила ее обратно, достигнувъ исполненія своихъ требованій, предъявленныхъ Короннымъ станамъ и королю Генриху въ истекшемъ году. Содержаніе документа не менѣе интересно. Въ виду опасности на границахъ Княжества, Литовскіе сенаторы и шляхта, съѣхавшіеся въ Вильнѣ, рѣшили, что имъ нельзя разѣхаться, не сдѣлавъ своего общаго постановленія о

giem tey naszej Konfederacyey mamy u braciey naszej PP. Polakow dochodzić y popierać przed I. Krolewską Mcią Panem naszym; a gdzieby kto z narodu Polskiego y Litewskiego z iakichkolwiek przyczyn kogo innego sobie za Pana obierać chciał, albo y obrał przeciwko wolnościom naszym, przeciwko takowemu y takim wszystkim mamy się do gardł naszych zostawiać y wszelakie usiłowanie nasze obrocic, nie dając się od przedsięwzięcia naszego odrzucać, ale z tymi pozyskiwać, ktorzy głosy swemi na Arcy-Xiążęcia Ernesta zezwalać będą. A kto by wedle podpisu y zapieczetowania swego, na tę konfederacyę uczynionego, tego popierac, albo od nas odstrzelac się chciał y od nas odstąpił, zezwalając na panowanie Inszego Pana, tedy okazawszy mu to jawnie podle tey Konffederacyey naszej, taki swą sprawą stawa się bezecnym ku wiecznemu polżeniu samego siebie y Domu swego, okrom gdzieby przerweczony Arcy-Xiąże Imc Ernest sam tey sprawy popierać nam grzbiety dzierzec y temu takowemu przedsięwzięciu naszemu ratunku statecznego przeciw tym, co by się na nas o to oburzyli czynic nie chciał, także co się strony W. X. Ltt-o waruie, kondycyey wyżey mianowanych y Exekucyey przywileiem Uniey obwarowanej przez Elekcyą nie upewnił y dostatecznie nie wyraził y nie warował sufficientibus literis, tedy w takim przypadku zaden iednak pojedynkiem się z tego zaprzysiężenia wyzwalac y wyłączać nie ma, ale tamże na Elekcyi to znieść y dobrą naszą (na to — вмѣсто naszą, по другому списку) deliberacyę uczynic mamy y będziemy powinni tedy dopiero z dobrowolnego wszech zezwolenia z tey takiej obligacyi wolni byc mamy, gdyż to iuż nie przez nas, ale przez samego I. Mei Arcy-Xiążęcia ku niewykonaniu przyidzie. A dla większey potężności byśmy powinni okazowac Braciey y Przyiaciom swym narodu Litewskiego, ktorzy tym ieszcze wiadomości nie mają, y onych perswazyami swemi de takowey że zgody y iednego znania w rzeczy pospolitey rozumienia przywodzić, aby się oni z nami do tey że Konfederacyey podpisowali y pieczętowali. Wszakże y innych narodow ludzi y Przyiaciom naszych wolno nam będzie przywodzić do tego, aby na panowanie Arcy-Xiążęcia Ernesta z nami się zgodzali, ale tey Konffederacyey nie ukazując, Pisan w Wilnie 1 mca Novembra Anno Salutis 1574. Далѣ слѣдуютъ подписи: въ первомъ спискѣ—непосредственно послѣ даты, а во второмъ передъ подписями стоятъ: «Podpisy na drugiey stronie przy pieczęciach tych osob znajduią się takowe». Самыхъ подписей здѣсь не выписываемъ, такъ какъ имена подписавшихся приводятся нами въ нашемъ изложеніи событіи.

томъ, кого они желаютъ избрать въ короли въ случаѣ, если Генрихъ не вернется, или не выполнитъ условій, на которыхъ его признали своимъ государемъ Корона и Княжество и на которыя онъ принесъ свою присягу. Въ случаѣ необходимости новой елекціи Литовскій съѣздъ отдаетъ голоса свои Эрнесту, сыну императора Священной Римской имперіи. Виленскій съѣздъ не сомнѣвается, что, когда Эрнестъ сдѣлается королемъ Польско-Литовскаго государства, онъ сохранитъ старыя права и достоинства Литвы и возвратитъ Княжеству то, что ему издавна принадлежало и что было оторвано отъ него Поляками, а именно Волынь, Подляшье, Кіевъ и Брацлавъ. Этихъ земель должны добиваться Литовцы отъ короля и Поляковъ, обязываясь къ этому настоящею своею конфедераціей. Если кто-либо изъ Поляковъ, или Литовцевъ будетъ противиться постановленію Литовской конфедераціи, избирающему на престолъ, въ случаѣ лишенія его Генриха, эрцгерцога Эрнеста, бывшіе на Виленскомъ съѣздѣ обязуются «до горлъ» своихъ, т.-е. жертвуя даже жизнью, отстаивать его, отступившій же отъ настоящей конфедераціи лишается своей чести и чести своего дома. Если самъ эрцгерцогъ Эрнестъ не пожелаетъ поддержать Виленскую конфедерацію, или не исполнитъ условій и желаній Литовцевъ, указанныхъ выше, то все-таки никто изъ признавшихъ конфедерацію не можетъ своею властью, самовольно освободить себя отъ ея обязательства, но на елекціи, собравшись, всѣ общимъ своимъ постановленіемъ лишь могутъ освободить себя отъ него: въ этомъ будетъ уже вина не ихъ, а самого эрцгерцога. Литовцамъ, братіи и пріятелямъ своимъ, должны показывать подписавшіе конфедерацію актъ ея, чтобы они также приступали къ ней и подписывали документъ. Что касается до людей другихъ народовъ и пріятелей—здѣсь разумѣются Поляки,—то ихъ также нужно приводить къ избранію Эрнеста, но только имъ уже нельзя показывать самой конфедераціи.

Таково содержаніе документа. Оно достаточно ясно и опредѣленно говоритъ о настроеніи и сознаніи своихъ правъ и значенія Литовцевъ для того, чтобы нуждалось въ комментированіи. Замѣтимъ лишь, что подпись Виленскаго воеводы Николая Радивиля вмѣстѣ съ подписями Яна Ходкевича и Николая Криштофа Радивиля, стояція подъ актомъ этой конфедераціи, ручаются намъ за то, что въ Княжествѣ не могло найтись людей, которые осмѣлились бы къ ней не присоединиться, и она должна была непременно сдѣлаться конфедераціей цѣлаго великаго княжества Литовскаго.

Генрихъ Валезій не вернулся къ назначенному ему сроку, и 11 мая 1575 года, т.-е. наканунѣ дня, назначеннаго убѣжавшему королю, въ Стенжицѣ собрался съѣздъ со всего Польско-Литовскаго государства. Литовцы явились въ Стенжицу съ вооруженными отрядами ¹⁾ для того, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ надобности, силою отстаять свои права и требованія. По словамъ Оржельскаго, Литовцы были болѣе готовы къ бою, чѣмъ къ совѣщанію ²⁾. Они расположились отдѣльно отъ Поляковъ—Ходкевичъ съ Радивиломъ надъ берегомъ Вепря, а остальные Литовцы въ Рыкѣ, деревнѣ Зеленскаго ³⁾. 11 мая были публично прочитаны въ шопѣ, въ присутствіи сената и шляхты: 1) актъ Варшавской конфедерации, предписывающій съѣздъ въ Стенжицѣ, 2) листъ къ королю Генриху, отправленный къ нему изъ Варшавы, и 3) отвѣтъ короля посламъ Короннымъ и Литовскимъ.

Послѣ этого стали передъ сенатомъ послы отъ Литовскихъ пановъ-рады и шляхты. Это были Евстафій Воловичъ, каштелянъ Троцкій и Николай Криштофъ Радивиль, надворный маршалокъ Княжества. Они заявили, что ихъ послали Литовцы, для того чтобы узнать, съ какою цѣлью открытъ настоящій Стенжицкій съѣздъ; если это сдѣлано для елекціи,—Литовцы явятся для участія въ немъ сейчасъ же; если же онъ открытъ для другихъ дѣлъ, то Литовцы, придерживаясь права и обычая, не примутъ въ немъ никакого участія и не съѣдутся съ Поляками нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, но лишь въ Варшавѣ, согласно тому, какъ предписываетъ законъ ⁴⁾. Кромѣ того, они потребовали мѣста въ сенатѣ для князя Слуцкаго ⁵⁾. Коронный сенатъ на другой день сталъ обсуждать Литовское заявленіе, но послы Литовцевъ предъявили новое требованіе—отвѣтъ сената долженъ быть данъ не словесно, а письменно. Но имъ было отвѣчено, что законъ предписалъ Полякамъ и Литовцамъ совѣщаться обо всемъ вмѣстѣ и сообща, а не письменными сношеніями, и если сенатъ не требуетъ отъ пословъ письменнаго формальнаго заявленія, довѣряя имъ, то пусть и Литовцы также вѣрятъ его слову. Пусть будутъ Литовцы увѣрены, что Коронные сенаторы не отступятъ отъ своего словеснаго удостовѣренія, что настоящій съѣздъ исключительно елекцій-

¹⁾ *Orzelski*. II. Str. 90. По *Heidenstein*'у (I. Str. 162), Стенжицкій съѣздъ открылся 22 мая. *Bielski* говоритъ: «lata 1575 zjechali się naszymy do Steżyce na dzień 12 maja» (III. Str. 1364).

²⁾ *Orzelski*. II. Str. 91.   ³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Orzelski*. II. Str. 91—92.   ⁵⁾ *Heidenstein*. I. Str. 162.

ный ¹⁾. На просьбу о мѣстѣ въ сенатѣ для князя Слуцкаго было отвѣчено: пусть онъ самъ явится и докажетъ свои права—сенатъ Коронный охотно разсудитъ объ этомъ вмѣстѣ съ Литовцами ²⁾.

Между тѣмъ время шло, и Польскій съѣздъ 16 мая постановилъ отправить къ Литовцамъ пословъ отъ сената и шляхты съ официальною просьбою явиться на третій день, т.-е. 19 мая въ шопу для совѣщанія съ Поляками и назначенія елекціи ³⁾. На другой день послѣ этого посольства пришелъ Литовскій отвѣтъ, гласившій, что Литовцы въ высшей степени желаютъ согласія съ Поляками и готовы исполнить ихъ просьбу. Для большаго подтвержденія этого отвѣта явились Янъ Ходкевичъ и Евстафій Волловичъ и заявили отъ имени Литовцевъ, что они очень желаютъ приступить къ елекціи, но не признаютъ ни Варшавской конфедерации, ни постановленій о внутреннемъ порядкѣ, сдѣланныхъ Короною, такъ какъ и та, и другія противны ихъ свободамъ и правамъ,—*эти постановленія, какъ сдѣланныя безъ ихъ вѣдома, не могутъ быть для нихъ обязательными, также какъ постановленія Литовцевъ не относятся къ Полякамъ* ⁴⁾. На это имъ отвѣчали, что согласно Люблинскому привилею на Унію Литовцы были приглашены Поляками въ Варшаву, но такъ какъ они не явились, то должны признать все, что было постановлено на конвокаціи. Но убѣжденія Поляковъ не производили никакого дѣйствія. «То былъ звонъ для глухихъ», записалъ историкъ этого времени въ свою хронику ⁵⁾. Литовцы такъ и не признали постановленій Варшавской конвокаціи 1574 года и много разъ заявляли объ этомъ потомъ ⁶⁾. Однако, Ходкевичъ являлся не только выразителемъ требованій Литвы и взглядовъ Литовцевъ на Варшавскую конвокацію. Онъ объявилъ, что въ правахъ, написанныхъ Короннымъ маршалкомъ, много такого, что идетъ въ ущербъ его власти, какъ маршалка Литовскаго. На всѣ требованія Литовцевъ было отвѣтомъ: они не могутъ охуждать Варшавскаго постановленія и, если не явятся, то елекція начнется и безъ нихъ въ наступающую пятницу ⁷⁾. Но этимъ дѣло не кончилось. 20 мая вся шляхта Ко-

¹⁾ *Orzelski*. II. Str. 93—94. ²⁾ *Heidenstein*. I Str. 162.

³⁾ *Orzelski*. II. Str. 96. Послами этими были: отъ сената—Янъ Тарло, воевода Люблинскій и Янъ Гербуртъ, каштелянъ Саноцкій, отъ шляхты—Андрей Фирлей, староста Сендомірскій, и Рафалъ Ленцинскій, староста Радзѣвскій. Ср. *Heidenstein*. I. Str. 163.

⁴⁾ *Orzelski*. II. Str. 96. ⁵⁾ *Ibidem*. Str. 97.

⁶⁾ *Heidenstein*. I. Str. 162, 163, 170, 175—176. ⁷⁾ *Heidenstein*. I. Str. 163.

ронная, бывшая на съѣздѣ, явилась въ сенатъ и подала свои просьбы. Заявляя о своей вѣрности Варшавской конфедераціи, шляхта просила Литовцевъ присоединиться къ ней и просила о томъ, чтобы шляхта Княжества разсуждала вмѣстѣ со шляхтою Короны. На это бывший въ сенатѣ Янъ Ходкевичъ отвѣтилъ отъ имени Литвы, что она не присоединится къ постановленіямъ, противнымъ правамъ Литовскимъ. Въ остальномъ Литовцы охотно согласятся на то, чтобы каждому была обеспечена безопасность въ мѣстахъ скопленія народа и чтобы пушки и войска оставались въ обозахъ или лагеряхъ ¹⁾. Когда, потомъ, уже Люблинскій воевода вновь сталъ просить Литовцевъ присоединиться къ конфедераціи Поляковъ, Ходкевичъ, сдвинувъ брови, закричалъ на него, что нельзя столько разъ оскорблять Литовцевъ и что, если Поляки такъ презираютъ ихъ то послѣдніе, не желая имъ мѣшать, сейчасъ же уѣдутъ ²⁾. Тогда каштелянъ Бѣцкій сказалъ: «пусть Литовцы дѣлаютъ, что хотятъ, только не мѣшаютъ Полякамъ» ³⁾.

Литовцы приняли участіе въ разрѣшеніи вопроса объ избраніи новаго короля. Они требовали настойчиво вмѣстѣ съ частью Поляковъ немедленнаго низложенія Генриха Вalezія и новаго избранія ⁴⁾. Однако Стенжицкому съѣзду не удалось окончить дѣла елекціи. Приѣхалъ Французскій посоль д'Эспессъ ⁵⁾, привезшій съ собою удостовѣреніе князя Виртембергскаго въ томъ, что Пибракъ, отправленный въ Польшу Генрихомъ, не могъ прибыть еще туда, ограбленный и лишенный свободы какими то Французами. Д'Эспессъ именемъ короля Генриха просилъ продлить срокъ, назначенный ему для возвращенія въ Польшу, и представилъ также листъ Пибрака, сообщающій о нападеніи на него разбойниковъ и о томъ, что онъ постарается какъ можно скорѣе прибыть въ Польшу ⁶⁾. Хотя д'Эспессъ и заклиналъ съѣздъ не постановлять ничего враждебнаго Генриху, станы Короны все-таки рѣшили не отступать отъ Варшавскаго постановленія ⁷⁾. Стали разсуждать о новой елекціи, и рѣшено было произвести ее совершенно также, какъ была произведена предыдущая. Постановлено, однако, составить при этомъ депутацію, которая добавила бы къ старому порядку елекціи то, что считаетъ нужнымъ, но не измѣняя его совершенно. Шляхта приняла это рѣшеніе сената, хотя и понимала недостатки стараго порядка елекціи. Она согласилась, такъ какъ уже присоединилась

¹⁾ *Orzelski*. II. Str. 107.   ²⁾ *Ibidem*. Str. 109—110.   ³⁾ *Ibidem*. Str. 110.

⁴⁾ *Heidenstein*. I. Str. 165—166.   ⁵⁾ *Heidenstein*. I. Str. 167.

⁶⁾ *Orzelski*. II. Str. 111, 112.   ⁷⁾ *Heidenstein*. I. Str. 167, 168.

къ нему въ Варшавскомъ универсалѣ. Что касается до новаго короля, то, смотря на то, кто будетъ избранъ, ему будутъ представлены и соотвѣтственныя новыя условія. По примѣру первой елекціи, сенатъ приказалъ соблюденіе общественнаго спокойствія, а шляхта прибавила къ этому, что оно должно быть строго соблюдаемо не только въ мѣстѣ общественныхъ совѣщаній, но и въ военныхъ станахъ, притомъ до двухъ недѣль по елекціи. Кромѣ того всѣ согласились не развѣзжаться съ сейма ранѣе постановленія объ охранѣ границъ и порядкѣ обороны ¹⁾. Какъ это было на первомъ избирательномъ сеймѣ, такъ и теперь на второмъ маршалки и ихъ вѣдники должны вѣдать охрану порядка и наказанія преступниковъ. Все это сообщено было и Литовцамъ ²⁾.

Была составлена коммиссія обоихъ народовъ для разсмотрѣнія этихъ постановленій: депутаты Короннаго съѣзда совѣщались о нихъ съ Ходкевичемъ ³⁾. Разсмотрѣнныя ими, они вторично были прочитаны и утверждены съѣздомъ. Но нужно было, наконецъ, рѣшить и главный вопросъ Стенжицкаго съѣзда — вопросъ объ елекціи. 24 мая, когда пришла въ сенатъ шляхта, примасъ приказалъ прочесть отъ его имени написанныя на листѣ нѣсколько предложеній: онъ желалъ, чтобы еще обождали возвращенія Генриха, заявлялъ, что не принимаетъ Варшавской конфедераціи, такъ какъ не подписалъ ея и не приложилъ къ ней своей печати; при этомъ объявлялъ торжественно, что, если Поляки будутъ выбирать новаго короля, онъ не хочетъ слѣдовать этому ихъ намѣренію. Послѣ заявленія примаса Литовскіе сенаторы, по словамъ Оржельскаго, еще болѣе подняли свои головы и категорически объявили Полякамъ, снова просившимъ ихъ признать Варшавскую конфедерацію, что достаточно сдѣлали, пріѣхавъ на елекцію, а петли, ярма и кандаловъ конфедераціи принимать не желаютъ. Сказавъ это, они въ гнѣвѣ вышли изъ сената ⁴⁾. Вслѣдъ за ними вышелъ и примасъ. По выходѣ Литовцевъ и примаса шляхта добивалась елекціи. Ея порядокъ былъ написанъ такъ, какъ было постановлено раньше, но во вниманіе къ Литовскимъ панамъ-радѣ было оставлено въ документѣ пустое мѣсто для статьи о принятіи Литовцами Варшавской конфедераціи, на которое не соглашалась до сихъ поръ Литва. Къ Литовцамъ былъ посланъ Саноцкій каштелянъ съ новою просьбою принять договоръ

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 169.   ²⁾ *Heidenstein*. I. Str. 170.

³⁾ *Ibidem*. *Orzelski*. II. Str. 113.   ⁴⁾ *Orzelski*. II. Str. 114, 115.

и на будущее время умѣрить свою запальчивость, которой они позволяли увлекать себя доселѣ. Самое провозглашеніе елекціи было отложено до утра ¹⁾. На утро елекція была оглашена черезъ вознаго по приказанію маршалка ²⁾. Но это объявленіе мало помогло установленію согласія, и особенно упорство Литовцевъ представлялось съѣзду тяжелымъ. Въ сенатѣ Краковскій бискупъ въ скромныхъ выраженіяхъ упрекалъ пановъ-раду Литовскихъ за ихъ вчерашній выходъ изъ сената и просилъ ихъ присоединиться къ тому, что упрочило бы дѣйствительность настоящей елекціи; онъ доказывалъ при этомъ, что польза Варшавской конфедераціи въ томъ, что, если бы ея не разрушали, такъ и елекція, и настоящій съѣздъ уже достигли бы своего желаннаго конца. Бискупу Краковскому отвѣчалъ Янъ Ходкевичъ. Онъ сказалъ, что необходимость, а не какая-нибудь обида заставила Литовцевъ выдти вчерашній изъ сената; Литовцы не хотятъ присоединиться къ Варшавской конфедерации потому, что она постановлена безъ вѣдома ихъ, да къ тому же много Поляковъ съ однимъ изъ архіепископовъ во главѣ открыто и безнаказанно ей воспротивились; Литовцы сильно желаютъ соглашенія и охотно соглашаются на елекцію, хотя не были законнымъ образомъ, формально, приглашены на Варшавскую конвокацію; они думали, что на ихъ уступчивость Поляки взглянутъ привѣтливо; что же касается до принятія какого либо опредѣленнаго постановленія, то они готовы написать его, или особую конфедерацию и представятъ завтра ея проектъ ³⁾. Дѣйствительно 26 мая Литовцы представили Полякамъ свое письменное изложенное мнѣніе объ елекціи и объявили, что не приступятъ къ ней прежде, чѣмъ будетъ исполнено то, что написано въ настоящемъ ихъ листѣ. Для разсмотрѣнія этого документа Коронная шляхта избрала изъ своей среды депутатовъ. Они должны были сравнить его съ привилеемъ на Унію и посмотрѣть, въ чемъ онъ ему противорѣчитъ ⁴⁾. Въ то же время Литовская шляхта, которая только теперь соединилась съ Польскою, жаловалась, что Поляки оскорбили ее, не пригласивъ въ Варшаву на конвокацію. Литовцамъ отвѣчали, что они должны винить своихъ сенаторовъ, такъ какъ имъ посылалось приглашеніе, но они ни сами не приѣхали на конвокацію, ни извѣстили о ней Литовскую шляхту ⁵⁾.

¹⁾ *Orzelski*. II. Str. 115.   ²⁾ *Heidenstein*. I. Str. 170.

³⁾ *Orzelski*. II. Str. 117—118.   ⁴⁾ *Orzelski*. II. Str. 121—122.

⁵⁾ *Ibidem*. Str. 123.

Между тѣмъ, комиссія депутатовъ, избранная шляхтою, разсмотрѣла представленный Литовцами документъ и, исправивъ его, возвратила Литовцамъ. Последніе, взявъ бумагу, удалились изъ сената ¹⁾. Наконецъ, 30 мая состоялось полное соглашеніе Литовцевъ съ Поляками. Въ этотъ день Литовскіе сенаторы подписали актъ, утверждающій взаимное соединеніе, составленный накануне вмѣстѣ съ депутатами отъ Короны. Содержаніе этого акта было слѣдующее. Литовцы не явились на Варшавскую конвокацію, созванную по отъѣздѣ Генриха изъ Польши, по причинѣ опасностей, грозившихъ имъ отъ сосѣднихъ непріятелей; но они *добровольно* (а не по обязанности) подчиняются конфедерации, постановленной на этой конвокаціи, и статьямъ, касающимся короля, установленнымъ всѣми станами на прошлой елекціи Варшавской и скрѣпленнымъ присягою Генриха въ Парижѣ. Литовцы обязуются приступить къ настоящей елекціи королевской, соблюдать выше упомянутые артикулы и на будущее время хранить ненарушимо соединеніе названной Варшавской конфедерации. Этотъ документъ былъ прочитанъ шляхтѣ Коронной и съ радостью принять ею. «Однако», прибавляетъ Оржельскій, «несмотря на торжественность этого акта, когда шляхта Литовскихъ воеводствъ не очень охотно соглашалась на него, Литовцы отъ него отказались и объявили его неимѣющимъ силы». По словамъ хрониста Литовцы дали этимъ доказательство своего легкомыслія и показали, что Литовская шляхта слѣпо держится всего, чего пожелаютъ два Литовскіе сенатора—Виленскіе воевода и каштелянъ, т.-е. Радивиль и Ходкевичъ ²⁾.

Мы видѣли выше, что елекція была уже объявлена во всеобщее свѣдѣніе черезъ вознаго. Но она далеко еще не была рѣшена съѣздомъ. Споры о ней все продолжались, и во время ихъ Ходкевичъ заявилъ категорически, что онъ ни подъ какимъ видомъ не согласится на открытіе номинаціи до тѣхъ поръ, пока всѣ станы не подпишутъ акта, заключающаго въ себѣ формальное постановленіе о низложеніи Генриха съ престола съ указаніемъ причинъ его ³⁾. Сенаторы и Литовская шляхта ⁴⁾ объявили

¹⁾ Ibidem. Str. 125. Противорѣчіе съ Уніей замѣтилъ уже каштелянъ Бѣцкій при чтеніи этого документа (ibidem).

²⁾ Orzelski. II. Str. 126—127. ³⁾ Ibidem. Str. 130.

⁴⁾ Заявленіе это было сдѣлано черезъ стольника Литовскаго Николая Николаевича Дорогостайскаго Кухмистровича. Издатель невѣрно понимаетъ подъ Кухмистровичемъ стольникомъ Литовскимъ Криштофа Николаевича Кухмистро-

также, что не приступать къ номинаціи, пока не состоится формальный приговоръ ¹⁾. Споры и несогласія на съѣздѣ все разгорались,—партіи не хотѣли уступить одна другой. Противники постановленія о низложеніи Генриха, видѣвшіе въ немъ шагъ, предрѣшающій избраніе на престолъ Речи Посполитой императора Максимилиана II, имѣвшаго наибольшее число сторонниковъ на Стенжицкомъ съѣздѣ, удалились на поле и образовали отдѣльное собраніе. Между этимъ послѣднимъ и Стенжицкимъ съѣздомъ начались переговоры ²⁾. Наконецъ, 3 іюня Литовцы отправились къ шопѣ ³⁾ въ такомъ большомъ числѣ и такъ вооруженными, какъ они еще ни разу не появлялись на этомъ съѣздѣ. Разсуждали объ этомъ такъ, что они хотѣли начать номинацію и внушить страхъ своимъ противникамъ ⁴⁾. Но не одни Литовцы готовились съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свое мнѣніе; отряды вооруженныхъ силъ были выставлены всѣми партіями и сильными вельможами. Все это ясно показывало, что елекція въ Стенжицѣ можетъ совершиться только послѣ большой проволочки и употребленія въ дѣло военной силы. Въ виду этого, шляхта стала разъѣзжаться изъ Стенжицы все въ большемъ и большемъ числѣ. Интересно, что вооруженіе Литовцевъ нашло для себя оправданіе въ объясненіи великаго Короннаго маршалка Андрея Опалинскаго. Онъ говорилъ, что причиною вооруженія Литовцевъ было то, что замѣтили нѣсколько пушекъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ, направленныхъ на дорогу, ведущую къ шопѣ; опасаясь засады, они рѣшили выѣхать вооруженными; они готовы снять оружіе, если это кого-либо оскорбляетъ ⁵⁾. Но раздоры и несогласія продолжались. Во время ихъ еще разъ обнаружилось, что Литовцы не считаютъ себя связанными Варшавскою конфедераціею ⁶⁾. Разъѣздъ шляхты становился все сильнѣе, и, наконецъ, сенатъ и остававшаяся еще на съѣздѣ шляхта подписали и утвердили своими печатями два акта. Первый заключалъ въ себѣ статьи о разъѣздѣ

веча Дорогостайскаго (*Orzelski*. II. Str. 133), такъ какъ послѣдній получилъ врандъ стольника лишь 27 мая 1588 года. См. *J. Wolff*. Senat. i dign. Str. 318.

¹⁾ *Orzelski*. II. Str. 133.

²⁾ *Heidenstein*. I. Str. 171. *Orzelski*. II. Str. 135, 136. *Г. Вержбовскій* (Двѣ кандидатуры на Польскій престолъ Вильгельма изъ Розенберга и эрцгерцога Фердинанда. Варшава. 1889. Стр. 128) говоритъ, что раздѣленіе было дѣломъ Замойскаго, открывшаго глаза шляхтѣ на истинное значеніе вопроса. Гейденштейнъ и Оржелскій не знаютъ этого.

³⁾ Мѣсто засѣданій сената, устроенное подъ деревяннымъ навѣсомъ.

⁴⁾ *Orzelski*. II. Str. 147. ⁵⁾ *Orzelski*. II. Str. 149. ⁶⁾ *Ibidem*. Str. 151.

и изложение причинъ его, второй протестацію. Были выбраны оставляемые въ Стенжицѣ депутаты Коронныхъ воеводствъ. Они должны были вести переговоры съ противниками съѣзда о приведеніи сдѣланныхъ постановленій въ желанное исполненіе ¹⁾. Депутатамъ была оставлена инструкція, опредѣлявшая ихъ дѣйствія ²⁾, а всѣ, кто еще оставался кромѣ депутатовъ, наконецъ, разѣхались 5 іюня ³⁾. Гейденштейнъ, рассказывая о сорваніи Стенжицкаго съѣзда, говоритъ о полномъ единодушіи Литовцевъ, съ которымъ они требовали елекціи. По его словамъ, Литовцы заявляли, свидѣтельствуясь Богомъ и людьми, что они готовы на все доброе для Речи Посполитой и что теперь уже надъ ними не тяготитъ вина въ замедленіи елекціи. Они ни къ чему иному не присоединятся, разъ уже заявили это, и выговорили себѣ, что не пріѣдутъ ни по какому иному приглашенію, но только на елекцію. Литовцы поздравляютъ себя съ тѣмъ, что не присутствовали при постановленіяхъ ни настоящаго съѣзда, ни съѣзда Варшавскаго, потому что тѣмъ свободнѣе, ничѣмъ не связанные выйдутъ изъ Стенжицы. Литовцы сильно возставали противъ того, что по винѣ нѣсколькихъ цѣлое сеймующее собраніе не можетъ обсуждать дѣлъ государства. Затѣмъ они выставляли на видъ опасности великаго княжества Литовскаго: Инфлянты такъ опустошены царемъ Московскимъ, что онъ уже доселѣ изъ разныхъ государевыхъ имѣній увелъ въ неволю болѣе 40 тысячъ человѣкъ. Указывали и на другія внѣшнія опасности и на главную изъ нихъ, на начало войны съ Москвою, срокъ перемирія съ которою уже истекъ. Поляки или не хотятъ, или не могутъ обороняться. Поэтому Литовцы сами должны, какъ видно, о себѣ заботиться и, если они должны будутъ оказаться подъ другою властью, то предпочитаютъ перейти подъ нее добровольно, а не по принужденію ⁴⁾, если же должны будутъ совершенно погибнуть, то никогда не перестанутъ жаловаться на Поляковъ и, какъ доселѣ были истинными друзьями Польши, такъ сдѣлаются завзятыми ея врагами. Ни на какую иную елекцію Литовцы не согласятся, такъ какъ, согласно Уніи, должны дѣлать постановленія объ одной, а не двухъ или нѣсколькихъ елекціяхъ разомъ, хотя и эта одна ихъ нисколько не связываетъ, какъ они уже объявляли столько разъ. ⁵⁾ Въ такомъ

¹⁾ Ibidem. Str. 157.   ²⁾ Ibidem. Str. 158—159.   ³⁾ Ibidem. Str. 159.

⁴⁾ Тутъ, несомнѣнно, намекъ на возможность разрыва Литовцами Люблинской уніи и соединенія съ Москвою подъ властью Ивана IV.

⁵⁾ *Heidenstein*. I. Str. 175, 176.

настроении уѣхали Литовцы со Стенжицкаго съѣзда. Что касается до пановъ-рады Княжества, то они передъ отъѣздомъ еще разъ, хотя и безуспѣшно, попросили о мѣстѣ въ сенатѣ для князя Слуцкаго ¹⁾.

Между тѣмъ, депутаты, оставленные Поляками Стенжицкаго съѣзда, послѣ разъѣзда противной партіи написали 7 іюня универсалы, каждый отъ своего имени, ко всѣмъ землямъ Короннымъ. Въ нихъ они объявляли, какъ мало благосклонности оказала имъ противная партія, и созывали во всѣхъ воеводствахъ сеймики на 10 іюля ²⁾. Но мы не будемъ слѣдить за Коронными съѣздами, послѣдовавшими за окончательно неудавшимся Стенжицкимъ съѣздомъ. Мы отмѣтимъ лишь сношенія Поляковъ съ Литовцами, происходившія во время, протекшее между нимъ и новымъ елекціоннымъ сеймомъ, оказавшимся отложеннымъ на неопредѣленное время. Въ августѣ ³⁾ мѣсяцѣ 1575 года Литовскіе паны-рада собрались въ Вильнѣ. Къ нимъ былъ отправленъ листъ Малопольскими сенаторами, на который послѣдовалъ Литовскій отвѣтъ, датированный 10-мъ августа и подписанный 15-ю сенаторами Княжества. Въ этомъ отвѣтномъ листѣ своемъ паны-рада Литовскіе просили Малополянъ назначить днемъ предстоящаго съѣзда 10, или 15 октября, а мѣстомъ—Варшаву, а если ея назначить нельзя, то Ливу или Венгровъ, мѣстности ближайшія къ границамъ Княжества. Между тѣмъ, примасъ прислалъ къ Литовцамъ свой универсалъ, призывающій ихъ въ Варшаву на конвокацію на 3 октября. На это приглашеніе Литовцы отвѣтили, что быть на этой конвокаціи не могутъ ни подъ какимъ видомъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ — дурной примѣръ, что безъ ихъ согласія былъ назначенъ кѣмъ-либо съѣздъ, и во-вторыхъ—Литва находится въ величайшей опасности, такъ какъ Московскій князь во время Стенжицкаго съѣзда жестоко опустошилъ Инфлянты; Московское войско подъ предводительствомъ зятя его Магнуса, брата Датскаго короля, овладѣло Пернавою и многими другими городами, совершая большія жестокости. Лифлянтцы молятъ Литовцевъ о поспѣшной помощи, но Литовцы чувствуютъ свои силы настолько слабыми, что, если имъ Поляки немедленно не пришлютъ помощи, то придется потерять цѣлые Инфлянты: Литовцы просятъ Поляковъ, помня о довѣрїи и обязанностяхъ, соединяю-

¹⁾ Ibidem. Str. 178.   ²⁾ *Orzelski*. II. Str. 160.

³⁾ *Orzelski* (II. Str. 166) даетъ 8 августа, какъ день открытія этого собранія.

щихъ ихъ взаимно, какъ можно скорѣе послать имъ помощь. Что же касается съѣзда, на который приглашали Литовцевъ Малопольяне, то Литовцы отдѣльвались отъ него тѣмъ же способомъ, какъ и отъ съѣзда, объявленнаго примасомъ: они въ такихъ хлопотахъ, что не могутъ прибыть ни на тотъ, ни на другой. Однако, не желая сойти за небрежныхъ, нѣкоторые изъ нихъ соглашались пріѣхать на съѣздъ въ томъ случаѣ, если онъ будетъ отложенъ до 28 октября и состоится между Ливою и Венгровымъ ¹⁾).

Варшавская конвокація отложена не была; она состоялась и была чрезвычайно малолюдной и короткой. Собралась, по словамъ Оржельскаго, лишь горсть сенаторовъ да нѣсколько земскихъ пословъ, число которыхъ мало чѣмъ превосходило число сенаторовъ. Собравшись 3-го октября около примаса, съѣздъ уже 4-го октября составилъ свое постановленіе, въ силу котораго елекція королевская назначалась на 7-е число слѣдующаго мѣсяца около Блони подъ Варшавою ²⁾). Отъ Литовцевъ съѣздомъ былъ полученъ листъ съ просьбою о томъ, чтобы Поляки мѣстомъ елекціоннаго сейма назначили Ливу, а временемъ 27 октября, или еще позже. Кромѣ того, они прислали полученный ими отъ великаго князя Московскаго листъ, въ которомъ онъ соглашался на перемиріе до окончанія елекціи, объясняя опустошеніе Инфлянтъ тѣмъ, что они не были включены въ перемиріе съ Литвою, и жаловался, что Литовцы столько разъ неприличнѣйшимъ образомъ задержали его пословъ, посланныхъ въ Польшу.

Изъ событій, которыя прошли за время между этою конвокаціею и Варшавскимъ елекціоннымъ сеймомъ, необходимо отмѣтить еще два. Первое изъ нихъ — прибытіе Пибрака, посла Генриха Вalezія. Онъ опоздалъ на конвокацію, чтобы спасти дѣло своего государя, такъ какъ прибылъ въ Варшаву на другой день послѣ ея разѣзда. Онъ пытался вербовать сторонниковъ для Генриха, но, увидавъ полную невозможность сохранить тронъ Польско-Литовскаго государства для Вalezія, уѣхалъ изъ Польши во Францію и уже навсегда ³⁾). Этотъ отъѣздъ посла Генриха былъ послѣднимъ, заключительнымъ моментомъ исторіи отпрыска дома Валуа въ Речи Посполитой. Другимъ событіемъ эпохи было страшное вторженіе Крымцевъ, опустошившихъ Подолье, Русь и Волынь. Ужасъ нашествія и опасность дальнѣйшихъ успѣховъ «поганства» были настолько велики, что даже въ Краковѣ и Броц

¹⁾ *Orzelski*. II. Str. 166—167.

²⁾ *Orzelski*. II. Str. 172—173.   ³⁾ *Ibidem*. Str. 173.

лавѣ вооружались для встрѣчи врага ¹⁾. Нападеніе Татаръ сдѣлало страстно желаннымъ окончаніе безкоролья, и государство стало съ нетерпѣніемъ ждать дня, когда оно вновь будетъ имѣть своего короля, который, вернувъ Речь Посполитую къ нормальному теченію ея государственной жизни, дастъ охрану и защиту обывателямъ. Вотъ, наконецъ, настало и 7 ноября, день, назначенный для открытія елекціоннаго сейма. Не много, однако, и сенаторовъ, и пословъ земскихъ въ первый день сейма съѣхалось въ Варшавѣ: одни рассчитывали, что не сразу сеймъ займется избраніемъ короля, другіе, а именно Литовцы, Волынцы и Русины, за долгою и трудною дорогою, не могли прибыть вовремя ²⁾. Но мало-по-малу съѣздъ становился многолюднѣе, и опоздавшіе стали съѣзжаться. Литовцы доставили, впрочемъ, еще не мало неприятностей Полякамъ, прежде чѣмъ пріѣхали на сеймъ. Въ Варшаву стали приходить вѣсти отъ Литовцевъ. Прибылъ гонецъ отъ надворнаго Литовскаго маршалка Николая Радивиля (Сиротки) съ извѣщеніемъ, что онъ разболѣлся, притомъ настолько, что даже лишился слуха ³⁾. Прибыли и нѣкоторые Литовскіе сенаторы, а именно кашталяны Троцкій и Жмудскій—Евстафій Воловичъ и Николай Станиславовичъ Тальвошъ. Оба они предъявили отъ имени Литовцевъ просьбу, чтобы елекція была отложена еще на одну недѣлю ⁴⁾. Гейденштейнъ рассказываетъ, что вся шляхта поддерживала просьбу пана Троцкаго о томъ, чтобы обождали Литовцевъ, бывшихъ уже въ дорогѣ ⁵⁾. Однако, сенаторы Коронные рѣшили иначе. Кашталянъ Бѣцкій, а послѣ него бискупъ Краковскій отвѣтили Литовцамъ, что сеймъ цѣлой Короны не обязанъ ради Литовцевъ терять еще болѣе времени; заблаговременно они были приглашены на сеймъ и сами отписали, что придутъ на день св. Симона и Иуды ⁶⁾, который уже прошелъ; изъ-за Литовцевъ уже и такъ прождали недѣлю, пусть сами они сообразятъ, какимъ неудобствамъ и расходамъ подвергнута шляхта, проживая здѣсь. Къ этому прибавилъ и Краковскій подкоморій, что, если сеймъ станетъ ожидать Литовцевъ, то Польская шляхта разѣдется, наскучивъ промедленіемъ и израсходовавъ свои де-

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 178—181; *Solikowski*. Str. 17—18; *Orzelski*. II. Str. 173—177; *Bielski*. III. Str. 1365—1367. Ср. *J. Szujski*. Dz. Polski. III. Str. 48.

²⁾ *Orzelski*. II. Str. 179. По Бѣльскому съѣхались на елекцію «na dzień 4 miesiąca listopada» (*Bielski*. III. Str. 1369).

³⁾ *Orzelski*. II. Str. 181.   ⁴⁾ *Ibidem*. Str. 187.

⁵⁾ *Heidenstein*. I. Str. 185.   ⁶⁾ 28 октября.

нежные запасы, а она вѣдь имѣетъ равное право съ Литовцами въ елекціи ¹⁾. Такимъ образомъ и представитель Коронной шляхты высказался иначе, чѣмъ только что заявила она, прося обождать Литовцевъ. Но на этомъ не окончились препирательства съ Литвою. Литовцы предъявили новое требованіе — перенести елекцію въ Ливу, но объ этомъ и слышать не хотѣла Коронная шляхта ²⁾. Между тѣмъ, Литовцы уже понемногу съѣзжались въ Варшаву, и вопросъ о перенесеніи сейма въ другое мѣсто такимъ образомъ упразднялся самъ собою. Приѣздъ Литовцевъ сразу ознаменовался столкновеніемъ съ Поляками. Литовцы требовали помощи отъ Короны, но имъ было отвѣчено, что какъ въ Польшѣ во время безкоролевья доходами государственными распоряжаются сенаторы Коронные, такъ въ Княжествѣ—Литовскіе; поэтому, ежели хотятъ, то пусть дадутъ отчетъ въ Литовскихъ доходахъ, и тогда Корона и Княжество будутъ защищать оба края общими доходами, а иначе пускай довольствуются на свои нужды податкомъ, наложеннымъ у себя, какъ это сдѣлала и Польша. На это Литовцы отвѣтили, что податка не хватитъ на отраженіе Москвы, потому что Коронные станы оторвали отъ Литвы съ несправедливостью для нея нѣсколько воеводствъ. Польскіе сенаторы спорили, говоря, что Литва, когда дѣло идетъ о выгодахъ и чести, объявляетъ себя равною съ Короной частью государства, когда же нужно отражать опасности, снова дѣлаетъ себя меньшей ³⁾. Какъ характерны были всѣ эти споры для взаимныхъ отношеній обоихъ народовъ! Литва проситъ помощи, но ей отказываютъ въ ней, снова предоставляя ее собственнымъ ея силамъ, какъ бы забывая, что эти силы уменьшены весьма значительно отнятіемъ отъ нея земель Польшею на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Но вотъ собрались Литовскіе сенаторы, которые стали принимать участіе въ разсужденіяхъ сената Польско-Литовскаго государства ⁴⁾. Интересно, что сами Поляки не скрывали даже въ своихъ рѣчахъ, произносимыхъ оффиціально, отсутствія согласія съ Литовцами. Такъ, примасъ Яковъ Уханскій, произнося на елекціи длинную рѣчь въ пользу Австрійскаго претендента на корону Речи Посполитой, говорилъ, разрушая возможность выбора.

¹⁾ *Orzelski*. II. Str. 187—188.   ²⁾ *Heidenstein*. I. Str. 186.

³⁾ *Heidenstein*. I. Str. 187.

⁴⁾ *Orzelski*. II. Str. 226—228: рѣчи Виленскаго воеводы Николая Радивила и Яна Ходкевича. *Heidenstein*. I. Str. 199.

на престолъ кого-либо изъ обывателей самого Польско-Литовскаго государства: «если выберемъ Поляка, Литовцы враждебно (z rod oka) будутъ на него смотрѣть; если выберемъ Литовца, то должны будемъ снова опасаться, чтобы онъ не присоединилъ къ Литвѣ Волини, Подляшья и Кіева, которыхъ Литовцы такъ настойчиво требуютъ назадъ»¹⁾. То же самое отсутствіе единенія отмѣчалъ и Андрей Тенчинскій, хотя онъ и предлагалъ, наоборотъ, выбрать на престолъ обывателя соединенной Речи Посполитой. Онъ говорилъ: «представляемъ условія чужеземцамъ, представимъ и родаку» (туземцу). По его словамъ, если Литовецъ можетъ быть болѣе благосклоннымъ къ Литовцу, или Полякъ къ Поляку, то еще болѣе Французъ къ Французу, Нѣмецъ къ Нѣмцу, Итальянецъ къ Итальянцу²⁾. Во время елекціи Литовцы единодушно подали голоса свои за эрцгерцога Эрнеста вслѣдъ за своимъ первымъ свѣтскимъ сенаторомъ, воеводою Виленскимъ³⁾. Рассказывая о голосованіи Литовской шляхты, Оржельскій сообщаетъ интересныя его подробности⁴⁾. Когда маршалокъ шляхты сказалъ Литовцамъ подавать ихъ мнѣнія по воеводствамъ согласно обычаю Польскому, они отказались и категорически заявили, что имъ разрѣшено вотировать лишь всѣмъ вмѣстѣ отъ имени цѣлаго княжества Литовскаго. Польскій хронистъ съ насмѣшкою замѣчаетъ, что если бы имъ пришлось подавать голоса по воеводствамъ, то оказалось бы Литовцевъ меньше числомъ, чѣмъ воеводствъ, и они понимали, что такое голосованіе пристыдитъ ихъ. Однако, историкъ долженъ дать другое объясненіе поступку Литовцевъ, бывшихъ на елекціи. Они, очевидно, не желали подавать голоса по воеводствамъ потому, что смотрѣли на послѣднія не какъ на части Короны, а какъ на части Литвы и противоплавали голосъ Княжества голосу Короны, а не голоса отдѣльныхъ воеводствъ голосамъ отдѣльныхъ же воеводствъ, безразлично Польскихъ и Литовскихъ. Оржельскій отмѣчаетъ и единственный примѣръ Литовскаго шляхтича, подавшаго свой голосъ не согласно съ общимъ мнѣніемъ Литовцевъ. Это былъ Полоцкій шляхтичъ Корсакъ, высказавшійся за избраніе Шведскаго короля, если нельзя избрать на престолъ великаго князя Московскаго. Оржельскій замѣчаетъ, что рѣчь Корсака его товарищи слушали съ негодованіемъ, записывая его слова, «можетъ быть, для того, чтобы донести своимъ магнатамъ»⁵⁾.

1) *Heidenstein*. I. Str. 194.

2) *Ibidem*. Str. 204.

3) *Ibidem*. Str. 199.

4) *Orzelski*. II. Str. 276—277.

5) *Orzelski*. II. Str. 277.

Единодушія всего избирательнаго сейма не удавалось достигнуть ¹⁾, хотя елекція и тянулась нѣсколько недѣль. Шляхта уже являлась на избирательное поле вооруженною, видя невозможность достигнуть добровольнаго соглашенія ²⁾. Наконецъ, Австрійская партія, къ которой принадлежала и Литва, стала внушать примасу, чтобы онъ провозгласилъ короля и тѣмъ покончилъ съ партією Пяста, и 12 декабря примасъ провозгласилъ королемъ императора Максимилиана ³⁾. Противная партія по началу не знала, что дѣлать при такомъ оборотѣ событій, но въ это время руководители ея, воевода Бельзскій Тенчинскій и Бельзскій староста Янъ Замоискій ⁴⁾ вспомнили объ Аннѣ Ягеллонкѣ. Именемъ шести Русскихъ воеводствъ Замоискій провозгласилъ Анну королевой, а чтобы Польско-Литовская корона не могла никакимъ способомъ достаться Австріяку, стараніемъ Замоискаго при помощи Зборовскихъ шляхта избрала ей супругомъ и провозгласила королемъ князя Седмигородскаго Стефана Баторія ⁵⁾. Но избраніе Баторія требовало подтвержденія и формальнаго согласія на него Австрійской партіи. Чтобы достигнуть этого, рѣшено было созвать сеймики и новый вальный сеймъ въ Андреевѣ на 19 января 1576 года, а къ императору отправили посольство съ извѣщеніемъ его объ обоихъ избраніяхъ и съ просьбою отказаться отъ короны Речи Посполитой ⁶⁾. Императоръ, однако, принявшій уже въ это время другое посольство, вручавшее ему тронъ Польско-Литовскаго государства, принялъ этотъ тронъ и присягнулъ въ соблюденіи условій, ему предложенныхъ, хотя и недовольный избраніемъ себя, а не Ернеста, а также условіями, на которыхъ былъ избранъ ⁷⁾. Между тѣмъ, 28 января, нѣсколькими днями позже, чѣмъ было назначено, собрался Андреевскій съѣздъ. Несмотря на то, что сторонники императорской партіи даже не отбыли сеймиковъ передъ съѣздомъ и на него не явились, съѣздъ этотъ объявилъ себя соборнымъ закономъ и обладающимъ властью разрѣшенія дѣлъ цѣ-

¹⁾ Литовцы противодействовали кандидатурѣ Пяста. См. *Orzelski*. II. Str. 287.

²⁾ *Orzelski*. II. Str. 314.

³⁾ *Ibidem*. Str. 320. *Heidenstein*. I. Str. 224. *Bielski*. III. Str. 1372.

⁴⁾ Ср. *J. Szujski*. Dz. P. III. Str. 50, 51, 52, 53.

⁵⁾ *Heidenstein*. I. Str. 224—225. *Orzelski*. II. Str. 328.

⁶⁾ *Heidenstein*. I. Str. 226. У Оржельскаго очевидная ошибка въ датѣ (na dzień Wielkiejnocy—*Orzelski*. II. Str. 330), такъ какъ ниже (*Orzelski*. III. Str. 39) онъ самъ говоритъ, что Андреевскій съѣздъ открылся 18 января.

⁷⁾ *Heidenstein*. I. Str. 226—227.

лаго государства. Онъ подтвердилъ елекцію Анны Ягеллонки и Баторія и назначилъ 4 марта днемъ коронаціи и брачнаго вѣнчанія ихъ. Для сопровожденія королевы въ Краковъ были назначены 4 сенатора, для привѣтствованія короля рѣшено послать на границу почетную встрѣчу, въ составъ которой входили представители сената и шляхты. Въ числѣ первыхъ названы хрониками и два Литовскіе паны-рады—Янъ Ходкевичъ каштелянъ Виленскій и Криштофъ Радивилъ подчашій и гетманъ польный Литовскій¹⁾. Разсказывая объ избраніи членовъ этого посольства, Гейденштейнъ прибавляетъ: «нѣкоторые изъ этихъ пословъ были сторонниками Австріяка, и ихъ нарочно выбрали для того, чтобы сдѣлать подозрительными въ глазахъ ихъ единомышленниковъ и тѣмъ примирить партіи»²⁾. Андреевскій съѣздъ сдѣлалъ еще цѣлый рядъ постановленій, касающихся охраны порядка и обороны государства, но мы не будемъ говорить о нихъ, такъ какъ они были дѣломъ исключительно Польскимъ и не распространялись на Литву. Обо всемъ, что было постановлено въ Андреевѣ, съѣздъ извѣстилъ Литовцевъ, пославъ къ нимъ своими послами Конарскаго каштеляна Рафала Слядковскаго и Сѣрадзскаго подсудка и бурграбю Краковскаго замка Станислава Карсьницкаго, прося ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ присоединиться къ партіи Стефана Баторія³⁾. Но и кромѣ послышки этого посольства, Андреевскій съѣздъ имѣлъ сношенія съ Литвою: нужда Княжества въ помощи Короны заставляла его сноситься съ нею. Въ самомъ дѣлѣ, на Андреевскій съѣздъ пріѣхалъ посоль отъ Яна Ходкевича, Видавскій, съ просьбою о помощи противъ Московскаго великаго князя, который угрожаетъ уже Ригѣ. Ходкевичъ извѣщалъ, что, городъ этотъ будетъ непременно утраченъ, если не подойдутъ подкрѣпленія, а черезъ это откроется непріятелю дорога изъ Инфлянтъ въ Пруссію и Литву, а оттуда и въ Польшу⁴⁾.

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 227—228. *Orzelski*. III. Str. 85.

²⁾ *Heidenstein*. I. Str. 228.

³⁾ Инструкція, имъ данная 10 февраля 1576 года, напечатана въ *Acta Historica Res Gestas Poloniae Illustrantia* (Т. XI. № IX). Имена пословъ этихъ даетъ *Orzelski*. III. Str. 86. *Heidenstein* (I. Str. 230) прибавляетъ къ этимъ двумъ посламъ еще третьяго—Войтѣха Гржибовскаго, но онъ по Оржельскому былъ вмѣстѣ съ каштеляномъ Добржинскимъ посланъ въ Пруссію. По Бѣльскому (*Bielski*. III. Str. 1377), послами въ Литву были Рафаль Слядковскій каштелянъ Конарскій и Станиславъ Карсьницкій Сасинъ судья Сѣрадзскій.

⁴⁾ *Orzelski*. III. Str. 51.

Польша, между тѣмъ, считала дѣло избранія Баторія уже оконченнымъ. Въ апрѣлѣ 1576 года новый король вѣхалъ въ предѣлы Короны, но коронаціонный сеймъ отлагали изъ-за Литовцевъ, живущихъ далеко, да и нужно было, чтобы всѣ обыватели соединеннаго государства хорошо узнали обо всемъ происшедшемъ ¹⁾. Въ то время, когда Поляки самовольно рѣшали дѣло возведенія Стефана Баторія на престоль Польско-Литовскаго государства. Литовцы собирались на свои съѣзды для обсужденія положенія дѣла. Когда въ Литву явились послы Андреевскаго съѣзда, они были приняты Литовцами въ Гераноинахъ, но отвѣтомъ имъ было—Литовцы дадутъ отвѣтъ черезъ своихъ пословъ ²⁾. Въ качествѣ этихъ пословъ были посланы дворный подскарбій Княжества Лавринъ Война и Феодоръ Скуминъ съ предложеніемъ вмѣстѣ Полякамъ и Литовцамъ подумать о положеніи дѣла и назначить общій съѣздъ для разрѣшенія спора объ избранномъ королѣ. Но Поляки отвѣчали, оправдываясь въ своихъ поступкахъ и приглашая Литовцевъ въ Краковъ на коронацію къ 28 апрѣля, говоря, что коронація была отложена именно ради Литовцевъ. Разумѣется, Литва не могла остаться довольною такимъ отвѣтомъ, нарушающимъ ея права, и въ Гроднѣ собрался 19 апрѣля Литовскій съѣздъ для рѣшенія, что дѣлать. Оржельскій приводитъ списокъ лицъ сенаторскаго званія, прибывшихъ на съѣздъ, и добавляетъ, что множество шляхты вмѣстѣ съ ними собралось въ Гроднѣ ³⁾. Приводитъ Оржельскій и самый текстъ постановленія Гродненскаго съѣзда ⁴⁾. Онъ слѣдующій: «сенать и всѣ станы великаго княжества Литовскаго, совѣщаясь объ опасности

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 231.

²⁾ *Orzelski*. III. Str. 191. *Bielski*. III. Str. 1381—1382.

³⁾ *Orzelski*. III. Str. 192. Интересенъ самый списокъ сенаторовъ Литовскихъ, приводимый Оржельскимъ. Въ Гродну прибыли: Мельхіоръ Гедройць бискупъ Жмудскій, Николай Паць бискупъ Кіевскій, Николай Радивиль воевода Виленскій, Янъ Ходкевичъ, Остафій Воловичъ кашталянъ Троцкій, другой (Григорій) Воловичъ кашталянъ Новгородскій, Павелъ Паць кашталянъ Витебскій, Янъ Гайко кашталянъ Брестскій, Янъ Глѣбовичъ кашталянъ Минскій. Вмѣстѣ съ ними хроника называетъ Николая Кухмистровича стольника Литовскаго, Лукаша Заторскаго и Ивана Воловича маршалковъ, Марка Вунешку, Андрея Галицкаго писаря Рѣчицкаго. Кроме того, по словамъ ея, было много иныхъ и множество шляхты. Такимъ образомъ Кіевскій бискупъ входилъ въ эту эпоху въ составъ Литовскихъ сенаторовъ по старому, а также и государевы маршалки засѣдали съ панами-радами Литовскими, какъ это было до Уніи 1569 года.

⁴⁾ *Orzelski*. III. Str. 249.

государственной по причинѣ избранія двухъ королей, постановили и объявляютъ Полякамъ, что съѣдутся на вальный сеймъ въ обычномъ мѣстѣ, въ Варшавѣ на шестую недѣлю послѣ Великой Ночи, земскіе же сеймики будутъ отправлены во вторую недѣлю послѣ того же праздника. Съ сеймиковъ всѣ паны-рада и старшіе изъ стана второго (т.-е. шляхетскаго) съѣдутся на вторую недѣлю во Мстибоговѣ и постановятъ объ отправленіи на сеймъ для уговора съ Поляками, а также постановятъ и о томъ, всѣмъ-ли ѣхать вмѣстѣ, или отбыть переговоры черезъ пословъ, т.-е. черезъ извѣстныя особы. На вальномъ сеймѣ они прежде всего будутъ имѣть своею цѣлью исправленіе притѣсненій и обидъ, понесенныхъ Литовцами отъ Поляковъ, прекращеніе распрей, возвращеніе къ единству и согласію, такъ чтобы всѣ станы признали себя подданными короля, который окажется самымъ полезнымъ для государства. Если Поляки всѣ, или нѣкоторые изъ нихъ будутъ стараться насиліемъ навязать Литовцамъ короля, если черезъ это совершатъ нарушеніе свободной елекціи и учинятъ поступокъ, идущій въ разрѣзъ связывающимъ ихъ трактатамъ, Литовцы постараются сперва довести дѣло до общаго согласія, а если этого сдѣлать не удастся, то произнесутъ протестацію относительно разрушенія договора Уніи съ Короною, объявляя свою совѣсть свободною отъ этого соединенія, и не признаютъ ни одного, ни другого короля. Они немедленно созовутъ съѣздъ во Мстибоговѣ, поспѣшатъ на этотъ съѣздъ, какъ на тушеніе пожара, и, будучи уже совершенно освобождены своею протестаціею, выберутъ себѣ своего князя, который имъ покажется самымъ полезнымъ, подъ условіемъ, что этотъ ихъ князь подтвердитъ имъ всѣ ихъ вольности, прерогативы и предложенныя ему условія. Прежде чѣмъ это наступитъ, ни одинъ Литовецъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ оказывать повиновенія ни одному изъ двухъ выбранныхъ королей». Для исполненія этого постановленія всѣ Литовцы обязались рыцарскимъ словомъ подъ страхомъ наказанія смертію и конфискаціи имущества. Для предупрежденія, между тѣмъ, опасностей постановлено написать листы къ императору и великому князю Московскому съ просьбою удержаться отъ враждебныхъ шаговъ; къ воеводѣ же Седмигородскому Стефану Баторію;—чтобы отложилъ коронацію и обождаль Варшавскаго сейма.

Изъ Гродна же былъ отправленъ въ Краковъ отъ 20 апрѣля листъ Яна Ходкевича. Въ этомъ листѣ своемъ Виленскій каштанъ заявлялъ, что онъ вѣрноподданнѣйшій слуга короля; онъ

скорбѣлъ, что не имѣлъ возможности до этого времени отвѣтить на два листа королевскіе, доносилъ, что на съѣздѣ въ Гераноинахъ всѣ склонялись къ королю, но на Гродненскомъ съѣздѣ мнѣнія раздѣлились на трое. Литовцы жаловались на Поляковъ, что послѣдніе отняли у нихъ право коронаціи, что о нихъ никто не подумалъ, когда отправляли пословъ въ Седмигородъ. Они говорили, что не могутъ терпѣть Польской спѣси и напыщенности,—для нихъ несносно, что Поляки такъ себя возвеличиваютъ, все себя выставляютъ впередъ и даютъ такъ много доказательствъ своей ненависти и пренебреженія по отношенію къ Литвѣ. Извѣщалъ при этомъ Янъ Ходкевичъ, что онъ вмѣстѣ съ бискупомъ Кіевскимъ, Литовскимъ крайчимъ Кишкою, Минскимъ кашталяномъ ¹⁾ и Городенскимъ старостою ²⁾ стараются всѣми силами о томъ, чтобы склонить мысли Литовцевъ къ королю; кашталянъ Минскій ѣдетъ къ королю, чтобы извѣстить его обо всемъ и съ нимъ посовѣтоваться, онъ же, Ходкевичъ, долженъ остаться въ Литвѣ, такъ какъ боится за Инфлянты, долженъ наблюдать за Москвою и за партіей императора и озабоченъ недостаткомъ денежныхъ средствъ на войну, а также возможностью пріѣзда императора ³⁾. Листъ Ходкевича пришелъ въ Краковъ, когда тамъ уже собрался коронаціонный сеймъ (1—30 мая). Коронація Стефана Баторія совершилась ⁴⁾ безъ присутствія кого-либо изъ Литовцевъ ⁵⁾, когда пріѣхало въ Краковъ посольство Гродненскаго съѣзда. Его составляли Минскій кашталянъ Янъ Глѣбовичъ, Криштофъ Сѣновицкій, Янъ Клекоцкій и Иеронимъ Женьскій. Послы Литвы явились къ королю, а потомъ къ сенату и шляхтѣ. Привѣтствовалъ короля съ великимъ почтеніемъ, но титулуя его лишь княземъ, послы прежде всего указали на текстъ

1) Янъ Глѣбовичъ. 2) Александръ Ходкевичъ.

3) *Orzelski*. III. Str. 212. *Bielski* (III. Str. 1390) просто глухо говоритъ, что Ходкевичъ подалъ королю надежду на признаніе его Литовцами.

4) Описаніе ея см. *Orzelski*. III. Str. 224—226. Бѣльскій говоритъ, что прежде чѣмъ Карниковскій короновалъ Анну, «tedy się pierwaj wyrzekła koronie ze wszystkich spadków po królowej Bonie matce swej, które na nią należały ak w koronie, jako w Litwie i w księstwie Mazowieckiem, zaczem jej też oprawę na Mazowszy uczyniono» (*Bielski*, III. Str. 1389—1390). Подтвержденіе Стефаномъ Баторіемъ правъ Короны и Княжества см. *Volumina legit.* II. Str. 157—159. См. также *Materyały Archiwalne wyjęte głównie z metryki Litewskiej od 1348 do 1607 roku*. Wydał *D-r Antoni Prochaska*. Lwów. 1890. Str. 169. № 283.

5) *Solikowski*. Str. 30.

Польско-Литовской Унии, которая постановляетъ, что одинъ народъ не долженъ ничего обсуждать безъ вѣдома другого, а также не долженъ выбирать отдѣльно себѣ короля ¹⁾). Они упрекали Стефана Баторія въ томъ, что онъ, выбранный въ государи одними только Поляками, употреблялъ титулъ великаго князя Литовскаго, хотя Литовцы не выбирали его своимъ княземъ, не просили его на тронъ черезъ своихъ пословъ и не подали ему никакихъ условій. Хотя Баторій и присягнулъ уже опредѣленнымъ условіямъ, но они не имѣютъ силы, потому что противны желаніямъ и волѣ Литовцевъ и составлены одними Поляками. Черезъ это произошелъ большой ущербъ вольностямъ Литвы и праву свободной елекціи. Литовцы просили, чтобы по ходатайству сената и шляхты король удержался отъ слишкомъ поспѣшной коронаціи и обождалъ бы сейма, созваннаго въ Варшавѣ, на которомъ будетъ совершена новая елекція по соглашенію обоихъ народовъ. Послы Литовскіе объявили, что, если король не пожелаетъ поступить такъ, какъ они совѣтуютъ, они уѣдутъ, не сдѣлавъ ничего, лишь подадутъ протестацію о нарушеніи ихъ правъ и договора Унии. Они имѣютъ строгое приказаніе, исполнить которое обязались честью и совѣстью и, если они отважатся поступить въ разрѣзъ предписанной имъ инструкціи, заключенные ими договоры не будутъ имѣть никакой силы ²⁾).

Исполнивъ свое посольство передъ королемъ, Литовскіе послы явились передъ собравшіеся вмѣстѣ сенатъ и земскихъ пословъ и предъявили свои вѣрительныя грамоты. Затѣмъ, Глѣбовичъ сказалъ привѣтствіе станамъ и сталъ держать рѣчь. Поступки Поляковъ, говорилъ онъ, вызвали въ Литовцахъ сильное чувство негодованія, такъ какъ сами Поляки втянули Литву въ Унію, сами ее подтвердили своею клятвою, а теперь нарушаютъ ее самымъ безчестнымъ образомъ. Та свобода есть истинная, когда подчиняются не по принужденію, а по доброй своей волѣ; напротивъ, Поляки налагаютъ на Литву ярмо. Если Поляки имѣютъ въ чемъ-либо упрекнуть Литовцевъ, то вина кого-нибудь одного изъ нихъ не можетъ падать на цѣлый народъ. Далѣе, Глѣбовичъ продолжалъ: «мы не были формальнымъ образомъ приглашены

¹⁾ *Biel-ki* (III. Str. 1389—1390) изъ состава этого посольства называетъ по имени одного лишь Яна Глѣбовича. Онъ говоритъ, что послы называли Баторія только королемъ Польскимъ (*tylko królem polskim, a nie w. ks. litewskim*).

²⁾ *Orzelski*. III. Str. 237—238.

въ Андреевъ; вы не должны были постановлять актовъ и конфедерацій безъ нашего вѣдома и нашей воли — поэтому ни къ чему не обязываютъ насъ Польскія постановленія. Не останавливаясь на изданіи самовольныхъ извѣстныхъ ухвалъ, Поляки приняли самымъ неприличнымъ образомъ своего короля-електа, ибо предъ его прибытіемъ нужно было погасить всѣ раздоры. Король дѣйствительно принесъ свою присягу, но Литовцы ея не слышали. Вы, Поляки, вырвали изъ нашихъ рукъ все; хотя ни я, ни много другихъ въ Литвѣ не были сторонниками императора, вы несправедливымъ образомъ оскорбили насъ, не дали намъ участія въ совѣщаніи и коронаціи королевской. Поэтому мы протестуемъ торжественно въ нарушеніи нашихъ правъ черезъ коронацію, содѣланную безъ нашего вѣдома, и мы уже совершенно разрѣшены и освобождены отъ узъ Уніи съ Польшею»¹⁾. На эту рѣчь отвѣчали—подканцлеръ отъ сената и Люблинскій каштелянъ отъ имени земскихъ пословъ. Они отвѣчали привѣтствіемъ на привѣтствіе и заявили, что дадутъ обстоятельный отвѣтъ, когда посовѣтуются между собою²⁾. Однако Глѣбовичъ протестовалъ отнюдь не противъ личности Баторія. Мы видѣли выше, что начальной человѣкъ Литвы въ эту эпоху, Янъ Ходкевичъ, уже склонялся на сторону Стефана. Самъ Глѣбовичъ, по разсказу Соликовскаго, былъ инымъ по отношенію къ королю въ частной аудіенціи, чѣмъ въ публичномъ своемъ исполненіи посольства³⁾. Литва защищала свои права, а вовсе не думала имѣть что-либо лично враждебное къ Стефану Баторію.

Въ то время, когда сеймъ обсуждалъ, какъ нужно отнестись къ Литвѣ, ея требованіямъ и заявленію, Баторій въ прекрасной рѣчи высказалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ государствѣ, сдѣлавъ это съ обычною ясностью своей мысли и вѣрностью своего пониманія. Ему казалось, по его словамъ, постановленіе, сдѣланное въ Андреевъ противъ непризнающихъ его избранія, слишкомъ суровымъ, ибо различно положеніе тѣхъ, кто ему сопротивляется. Къ числу ихъ принадлежатъ цѣлыя провинціи — Литовцы, желающіе быть признаваемыми половиною всего Королевства, и Пруссакі, владѣющіе отдѣльною большою землею; кромѣ того, въ извѣстныхъ провинціяхъ лишь часть, а не всѣ обыватели цѣликомъ принадлежатъ къ числу противниковъ его. Поэтому, нельзя со всѣми поступать одинаково. Что касается до Литовцевъ, то

¹⁾ *Orzelski*. III. Str. 238.   ²⁾ *Ibidem*. Str. 238—239.   ³⁾ *Solikowski*. Str. 30.

къ нимъ, какъ и къ Пруссакамъ нужно отправить пословъ и все имъ извинить для блага государства ¹⁾). Такъ думалъ король. Но между Литовцами, прибывшими послами въ Краковъ, и Поляками въ дѣйствительности отношенія не имѣли характера полного разрыва. Повидимому, между сеймомъ, требовавшимъ отъ короля наказанія, какъ бунтовщиковъ, всѣхъ, противившихся Андреевскимъ постановленіямъ ²⁾, къ числу которыхъ на самомъ дѣлѣ принадлежали и Литовцы, и послами этихъ послѣднихъ существовалъ извѣстный *modus vivendi*, если Глѣбовичъ счелъ возможнымъ, хлопоча объ отпускѣ его изъ Кракова, просить пословъ земскихъ добиться отъ короля исполненія каптуровъ безкоролья, скрѣпленныхъ присягами, и возвращенія вдовѣ кашталяна Черскаго Лянцкороны, захваченной Ласкимъ ³⁾. Но вотъ, наконецъ, было назначено и посольство въ Литву. Король для этой цѣли выбралъ изъ сенаторовъ воеводу Ленчицкаго и кашталяна Малогоскаго. Послы земскіе, по желанію Баторія, присоединили къ нимъ еще двухъ изъ своей среды ⁴⁾. Проектъ посольства въ Литву былъ прочитанъ и исправленъ земскими послами. Въ немъ стояло, что Поляки, какъ свидѣтельствуяютъ и сами Литовцы, нѣсколько разъ приглашали ихъ на съѣзды; король утвердилъ своею присягою всѣ права обоихъ народовъ и выѣзжаетъ 3 іюня въ Варшаву, поэтому туда вызываются и Литовцы для общаго совѣщанія. Разсмотрѣвши этотъ проектъ, земскіе послы согласились вызвать Литовцевъ для соглашенія на предстоящій сеймъ, но не желали приглашать ихъ на особый съѣздъ въ Варшаву для взаимнаго совѣщанія, такъ какъ оно можетъ имѣть мѣсто лишь на сеймѣ. Король согласился съ послами земскими и сказалъ, что слова, не понравившіяся шляхтѣ, внесены въ проектъ сенаторами безъ его воли ⁵⁾. Между тѣмъ, Литовцы все болѣе и болѣе склонялись на сторону Стефана Баторія. Если Виленскій воевода Николай Радивиль еще въ началѣ мая 1576 года распоряжался прибывать по своимъ державамъ и инымъ мѣстамъ свои универсалы, провозглашая императора, то Янъ Ходкевичъ уже писалъ въ это время въ своихъ письмахъ къ различнымъ сенаторамъ Литовскимъ, что

¹⁾ *Orzelski*. III. Str. 246.   ²⁾ *Orzelski*. III. Str. 248.   ³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Orzelski*. III. Str. 252. По *Źródła Dziejowe IV*, № XV послами въ Литву были: Joannes Sirakowski a Boguslawicze palatinus Lanciensis et generosi Stanislaus Karsnicki subjudex Siradiensis et Arnolphus Hlebowicz vexillifer Drohiciensis.

⁵⁾ *Orzelski*. III. Str. 257.

електъ «nie zle ma oko na Litwie» ¹⁾. Соликовскій говоритъ, что Ходкевичъ склонялся на сторону Баторія, побуждаемый своимъ родственникомъ Петромъ Зборовскимъ ²⁾. Бѣльскій также говоритъ о согласіи кашталяна Виленскаго съ этимъ его «швагромъ» ³⁾. Однако, едва ли Литовскій патриотъ руководствовался какими-либо личными соображеніями въ дѣлѣ выбора короля. Свое безкорыстіе Янъ Ходкевичъ доказалъ въ эту эпоху, отказавшись отъ предложенія того же Зборовскаго, стоявшаго раньше за кандидатуру Чешскаго вельможи Вильгельма изъ Розенберга, предложенія заплатить ему 100 тысячъ за содѣйствіе его и зависѣвшей отъ него шляхты ⁴⁾; Ходкевичъ отвергъ предложеніе это, какъ онъ отправилъ обратно и къ императору золото, присланное ему имъ послѣ его избранія ⁵⁾. Мнѣніе Ходкевича, конечно, много значило въ Княжествѣ, и послѣднее стало дѣлаться все болѣе и болѣе готовымъ признать Баторія своимъ государемъ. Станы Литовскіе собрались на съѣздъ во Мстибоговѣ ⁶⁾, и сюда явились посланные въ Литву послы Краковскаго сейма. Мстибоговскій съѣздъ согласился признать Стефана Баторія королемъ соединеннаго Польско-Литовскаго государства и послалъ къ нему своихъ пословъ для объявленія этого рѣшенія. Въ составъ Литовскаго посольства вошли нѣкоторые сенаторы и врядники, а также представители воеводствъ Княжества. Въ числѣ высшихъ врядниковъ Литовскихъ, входившихъ въ составъ этого посольства былъ и Криштофъ Радивилъ, подчашій Литовскій, не могшій, однако, дѣйствительно исполнить этого посольства по причинѣ болѣзни ⁷⁾. Послы эти были отправлены къ королю съ посланіемъ Мстибоговскаго съѣзда, датированнымъ 3 іюня 1576 года ⁸⁾. Въ посланіи своемъ Литовскіе станы извѣщали короля о томъ, что они выслушали присланныхъ къ нимъ королевскихъ пословъ—Яна съ Богуславицъ воеводу Ленчицкаго, Станислава Карсьницкаго

¹⁾ Acta Hist. Res Gestas P. III. XI. № XXII.

²⁾ *Solkowski*. Str. 30.   ³⁾ *Bielski*. III. Str. 1390.

⁴⁾ *Θ. Вержбовскій*. Двѣ кандидатуры и пр. Стр. 125 и 126, прим. 3 (выписка изъ донесенія Дудича императору изъ Кракова отъ 5 авг. 1575 года).

⁵⁾ A. N. R. G. P. III. XI. № XXII.

⁶⁾ На этотъ съѣздъ прибылъ и посоль императора Янъ Кохцицкій съ полномочіемъ и листами императорскими, но долженъ былъ ночью уѣхать обратно, ибо Мстибоговскій съѣздъ уже склонился въ пользу признанія короля Стефана. *Bielski*. III. Str. 1393.

⁷⁾ Qui tamen propter adversam valetudinem advenire huc ad nos non poterat.

⁸⁾ *Źródła Dziejowe*. T. IV. Warszawa. 1877. № XI.

подсудка Сѣрадзьскаго и Арнольфа Глѣбовича хоружія Дрогицкаго, — благодарятъ за высказанное черезъ нихъ и дали свой отвѣтъ этимъ посламъ. Сверхъ этого отвѣта, они отправили къ Стефану свое посольство, которое просятъ выслушать и которому просятъ вѣрить. Просятъ короля и о томъ, чтобы онъ съ любовью и милостиво держалъ себя по отношенію ко всѣмъ Литовцамъ и нуждамъ Княжества, чтобы станы Литовскіе, видя его заботу и обезпеченіе вольностей ихъ, служили королю. Въ числѣ подписавшихъ это посланіе Литовскихъ сенаторовъ былъ и бискупъ Кіевскій Николай Паць. Литовское посольство, отправленное съ этою грамотою въ Варшаву, было составлено изъ представителей обоихъ становъ Княжества, сенаторскаго и шляхетскаго. Въ составъ его входили ¹⁾: каштелянъ Виленскій староста Жомойтскій маршалокъ земскій Литовскій администраторъ и гетманъ Лифлянтскій Янъ Ходкевичъ, каштелянъ Троцкій подканцлеръ Литовскій Евстафій Воловичъ, Гавріилъ Горностай воевода и староста Минскій, каштелянъ Минскій Янъ Глѣбовичъ, крайчій Литовскій Янъ Кишка, стольникъ Литовскій Николай Олехновичъ Дорогостайскій, подскарбій дворный и писарь Литовскій Лавринъ Война, староста Городенскій и Могилевскій Александръ Ходкевичъ. Вслѣдъ за этими именами источникъ даетъ имена пословъ *ex ordine vero equestri et nuntiorum terrestrium ex omnibus palatinatibus et districtibus magni ducatus Lithuaniae*. Это были: изъ Виленскаго воеводства — маршалокъ державца Мойшагольскій князь Иванъ Свирскій и маршалокъ державца Немонойтскій князь Яковъ Свирскій, изъ Троцкаго — маршалокъ тивунъ Бержанскій князь Лукашъ Свирскій, подкоморій Ковенскій Альбертъ Деялтовскій, бургграфъ Гродненскій Иванъ Клюковскій и Валентинъ Каменскій, изъ земли Жомойтской — тивунъ Шовдовскій Альбертъ Белевичъ и Георгій Война, изъ воеводства Полоцкаго — староста Дриссенскій Иванъ Лопоть и Романъ Цевельскій, изъ воеводства Новгородскаго — Волковыйскій хоружій Еронимъ Пулешта, судья земскій Слонимскій Михаилъ Соколовскій, подсудокъ Волковыйскій Ленартъ Узловскій, Богущъ Овсяный, Андрей Голубъ и Василій

¹⁾ Имена пословъ пропущены (за исключеніемъ перваго — Яна Ходкевича, и послѣдняго — Василія Чапинскаго) въ обоихъ документахъ, говорящихъ объ ихъ дѣятельности, напечатанныхъ въ *Źródła Dziejowe* (Т. IV. №№ XV, XVI). Приводимъ ихъ по *Acta Historyczne* № 2901 рукописей Библиотеки Главнаго Штаба, гдѣ находится тотъ же самый документъ, который изданъ въ *Źr. Dz.* Т. IV, подъ № XVI.

Зенковичъ Цихинскій, изъ воеводства Витебскаго—Николай Сопѣга, изъ Берестейскаго воеводства—хоружій Пинскій Василій Федюшко, Григорій Война и Максимиліанъ Чапля, изъ Минскаго—Минскій подкоморій Станиславъ Соллогубъ, Минскій судья земскій Мартинъ Володковичъ и Василій Чапинскій.

Прежде чѣмъ рассказывать о результатахъ дѣятельности этихъ пословъ въ Варшавѣ, мы не можемъ не указать на характерную особенность раздѣленія ихъ на двѣ группы. Первую составляютъ *barones et generosi nobiles*, какъ ихъ называетъ документъ; вторую послы отъ воеводствъ. Раздѣленіе пословъ на двѣ группы показываетъ, что передъ нами послы отъ двухъ Литовскихъ становъ—пановъ-рады и шляхты. Но присматриваясь къ лицамъ, бывшимъ послами рады Княжества, мы встрѣчаемъ въ ихъ числѣ не только сенаторскихъ врядниковъ, занимавшихъ кресла въ спольномъ сенатѣ Польско-Литовскаго государства, но и такихъ врядниковъ, которые не имѣли мѣста въ немъ по «порядку рады», установленному на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года ¹⁾. Крайчій, стольникъ, дворный подскарбій, староста Городенскій, равно какъ и подчашій не были допущены въ сенатъ соединеннаго государства. Однако, всѣ эти врядники засѣдали въ Литовской радѣ до Уніи 1569 года ²⁾. Такимъ образомъ нужно признать, что въ своихъ отдѣльныхъ сѣздахъ Литовцы продолжали держаться стараго порядка своихъ сеймовыхъ собраній, не обращая вниманія на то, что Унія лишила часть прежнихъ Литовскихъ сенаторовъ сенаторскаго кресла. Нужно пояснить только, почему маршалки, бывшіе до 1569 года также Литовскими панами-радами, оказались въ числѣ пословъ шляхетскихъ. По всей вѣроятности шляхта нѣкоторыхъ воеводствъ убѣдила ихъ ѣхать ея послами, какъ ея вождей во времена рушенья, которыхъ она привыкла считать своими руководителями и представителями.

Послы великаго княжества Литовскаго были посланы къ королю 1) для изъявленія ему подданства Литвы и 2) для представленія ему требованій Литовскаго народа. Баторій часть этихъ требованій исполнилъ теперь же, а часть отложилъ до другого времени ³⁾. 29 іюня была

¹⁾ Vol. legum. II. Str. 93.

²⁾ М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 334 и др.

³⁾ *Heidenstein* (I. Str. 242) просто упоминаетъ объ этомъ посольствѣ Княжества для договора съ королемъ и обезпеченія Литовскихъ правъ. При этомъ Гейденштейнъ называетъ лишь нѣкоторыхъ изъ пословъ Литвы. По Бѣльскому (*Bielski*. III. Str. 1397), когда Стефанъ Баторій, окончивъ 30 мая

передъ Литовскимъ посольствомъ повторена королемъ Стефаномъ присяга, принесенная имъ раньше Полякамъ. Въ листѣ съ этою присягою ¹⁾ король говоритъ: «*cum, divina voluntate ad gubernacula communis reipublicae regni Poloniae et magni ducatus Lithuaniae vocati, Cracoviae more institutoque christianorum regum ac istius reipublicae coronamur*», случилось, что при коронаціи не присутствовали сенаторы, вѣрники и послы Литовскіе по той причинѣ, что еще не состоялось общаго соглашенія относительно избранія Баторія. Теперь Мстибоговскій съѣздъ призналъ Стефана королемъ и прислалъ своихъ пословъ *ejusque rei declarandae ac postulatorum, quae ad suffragiorum ejus gentis jus et libertates et immunitates ceteras tuendas pertinerent deferendorum causa*. Послы эти потребовали отъ короля повторенія въ ихъ присутствіи той присяги, которую онъ принесъ Коронѣ и Княжеству въ Краковѣ, обѣщая послѣ этого принести ему свою присягу отъ своего и становъ Литовскихъ имени. Далѣе идутъ слѣдующія замѣчательныя слова: *Hoc primum et ante omnia testati et professi, quod id non poscerent, ut vel electionem et coronationem nostram in dubium vocarent, vel ut hanc consuetudinem iterandi magni ducatus Lithuaniae ordinibus juramenti a regibus, indeque magnis ducibus Litvaniae, ab utraque natione scilicet Polona et Litvana communiter, prout de jure est, electis, inducerent vel unionis privilegium laedi vellent, cujus vinculum sacrosanctum et indissolubile perpetuis temporibus esse deberet; sed prospicientes, ut jus et libertas suffragiorum illis cum regno Poloniae senatoribus, officialibus ac nobilitate communis, eodem jure integra salvaque maneat et nunquam minuat; de qua libertate in ipso privilegio unionis cautum sit, quod videlicet non separatim a solis Polonis vel item Litvanis rex Poloniae et idem magnus dux Litvaniae creari debeat, sed simul communibus, ut in privilegio unionis scriptum est, vocibus et suffragiis: proinde nullum in regno Poloniae et magno ducatu Litvaniae imperare posse, vel etiam potuisse ex praescripto privilegii unionis, nisi requisito legitime ac de jure accedente utriusque nationis proprio consensu, quemadmodum etiam in reliquis regni conventibus nihil statui posse, quo utraque natio teneatur et obligetur,*

коронаціонный сеймъ, отбылъ изъ Кракова и 12 іюня прибылъ въ Варшаву, тамъ его «*panowie litewscy, jako Jan Chotkiewicz kasztelan wileński, Ostafi Wołowicz trocki, Jan Kiszka krajczy, Aleksander Chotkiewicz starosta grodzieński imieniem wszystkiego ks. litewskiego witali i za pana przyznawali*».

¹⁾ Źródła Dziejowe. T. IV. № XV.

non advocata, aut non consentiente utraque natione, juxta continentiam literarum unionis. Praeterea vero se poscere id testabantur considerantes, quod cum titulus et officia magni ducatus Lituaniae integra debeant manere, idcircoque in electione et coronatione electus promulgari et publicari debeat rex Poloniae et idem magnus dux Litvaniae, et circa coronationem rex de more juret in leges et libertates, nemo non modo officialium verum et senatorum ac nunciorum terrestrium magni ducatus Litvaniae circa juramentum nostrum vel etiam promulgationem tituli et regiminis nostri praesens fuerit. Все это взвѣсивъ и полагая, что отъ исполненія желанія Литовцевъ нисколько не будетъ нанесено ущерба королевскому достоинству, или его присягѣ, а въ то же время сохранится благо и согласіе подданныхъ ему народовъ, король повторилъ передъ Литовскимъ посольствомъ, а также въ присутствіи сенаторовъ, вѣдниковъ и шляхты Короны присягу, принесенную имъ въ Краковѣ. Далѣе слѣдуетъ самый текстъ королевской присяги ¹⁾.

Но Стефанъ Баторій 29 іюня 1576 года не только принесъ присягу предъ Литовскимъ посольствомъ. Послѣднее ему представило рядъ требованій Литовскихъ становъ, которыя въ свое время могли бы быть внесены въ *раста сопвента*, представленныя королю, если бы его избраніе совершилось обоими народами вмѣстѣ. Такъ какъ Баторій былъ избранъ одними лишь Поляками, то Литовцы представили ему свои требованія *отдѣльно*, и часть ихъ была принята къ исполненію Баторіемъ въ *отдѣльномъ* документѣ, выданномъ имъ того же 29 іюня 1576 года Литовцамъ ²⁾. Грамотою короля утверждались слѣдующіе пять пунктовъ Литовскихъ требованій. Во-первыхъ, требованіе относительно обязательнаго участія.

¹⁾ Текстъ этой присяги, изданной въ *Żr. Dz.* (IV. № XV), въ общемъ тождественный съ присягою, принесенною Стефаномъ Баторіемъ въ Мегенѣ (*Meggyes*), напечатанною во II томѣ *Vol. legum* (*Str.* 148, 149). Въ отдѣльныхъ фразахъ, кромѣ различія въ нѣкоторыхъ словахъ и порядкѣ ихъ разстановки, бросается въ глаза болѣе тщательное выписываніе имени Литвы рядомъ съ Короною. Такъ, въ *Vol. leg.* читаемъ: *terminosque regni et magni ducatus*, въ *Żr. Dz.*—*ducatus Litvaniae*; въ *Vol. leg.*—*justitiam omnibus incolis regni*, въ *Żr. Dz.*—*regni et magni ducatus Litvaniae*, въ *Vol. leg.*—*ab omni fide, obedientia regi debita*, въ *Żr. Dz.*—*ab omni obedientia et fide regi et magno duci Litvaniae debita*.

²⁾ *Źródła Dziejowe*. T. IV. № XVI. Тотъ же документъ въ *Acta Historyczne* № 2901 рукописей Библиотеки Главнаго Штаба. Конфирмацію правъ, совершенную Стефаномъ Баторіемъ при коронаціи, см. въ *Volum. legum* (II. *Str.* 157—159). Ея Польскій переводъ—*Orzelski* III. *Str.* 229—233.

Литовскихъ сенаторовъ въ прибочной радѣ королевской, учрежденной артикулами елекціи Генриха Вalezія ¹⁾. Общее число Литовскихъ сенаторовъ было меньше числа сенаторовъ Коронныхъ. Поэтому, ихъ рядъ долженъ прекращаться скорѣе, чѣмъ Польскій при обновленіяхъ каждый сеймъ этихъ 16-ти сенаторовъ прибочной рады. Своею грамотою Баторій постановляетъ, что, когда всѣ сенаторы Литвы перебиваются по-очереди въ прибочной радѣ, въ то время какъ рядъ Коронныхъ еще не дошелъ до своего конца, то Литовскіе назначаются въ эту раду опять по ихъ списку сначала, Коронные же продолжаютъ назначаться во своему порядку. Такимъ образомъ, Литвѣ гарантировалось постоянное участіе ея сенаторовъ въ прибочной радѣ королевской. Во-вторыхъ, такъ такъ узаконенія (*praescriptiones*) не дѣйствуютъ во время безкоролевья, какъ это было объявлено на коронаціонномъ сеймѣ, не дѣйствовали узаконенія и предписанія также и въ Литвѣ, не исполненныя предъ смертью Сигизмунда Августа, теперь они могутъ имѣть мѣсто во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ. Въ-третьихъ, гарантируется ненаказуемость лицамъ, подавшимъ свои голоса противъ избранія Стефана Баторія, и снятіе съ нихъ отвѣтственности, наложенной Андреевскимъ съѣздомъ. Въ-четвертыхъ, лежація въ предѣлахъ Княжества имѣнія, принадлежація королю, должны перейти по тому самому праву, которое на нихъ простирается, не къ королю, а въ силу уступки его—къ великому княжеству Литовскому ²⁾. Въ-пятыхъ, король воспретитъ и воспрепятствуетъ обѣимъ канцеляріямъ Короны выдавать листы въ воеводства Княжества, изъ которыхъ присланные послы заключили въ Люблинѣ Унію. Эти листы могутъ нарушать Литовскую юрисдикцію въ этихъ воеводствахъ. Король также воспретитъ остальнымъ врядникамъ Короны и ея воеводствамъ, а именно старостамъ, вмѣшиваться въ эту юрисдикцію, давать судъ и рѣшеніе въ дѣлахъ, перенесенныхъ къ нимъ по позвамъ кого-либо изъ Литвы, и посягать на что-либо силою своего уряда.

Такимъ образомъ послы Литвы получили отъ Баторія привилей, исполняющій часть ихъ требованій. Но они добивались большаго. Они требовали отъ короля, чтобы онъ все, «што ся народу великого князства Литовского убжило, обваровавши заховане

¹⁾ См. выше. Стр. 105.

²⁾ Въ изданіи документа (*Źr. Dz. IV. Str. 32*) опечатка—*magno ducatus Litvaniae cedant*. Въ рукописи Библиотеки Генеральнаго Штаба (*Acta Hystoryczne № 2901*) это мѣсто читается: *magno ducatu Litvaniae cedant*.

правъ, вольности и свободъ великого князства Литовского присягою» ¹⁾ своею утвердилъ. Что изъ этихъ требованій нашель возможнымъ утвердить своею присягою король, онъ утвердилъ, какъ мы уже видѣли; остальное же отложилъ до слѣдующаго вальнаго сейма. Однако, чтобы послы Княжества не оказались виновными передъ Литовскими станами въ неисполненіи всего возложеннаго на нихъ послѣдними, король въ тотъ же день, 29 іюня, далъ свой листъ, официальнымъ образомъ отлагающій эти требованія до сейма, такъ какъ они касаются не только его самого, *sed ad omnes etiam status pertinerent nec non nisi in comitiis generalibus decidi et determinari possint.* Эти заявленія и требованія Литовцевъ были слѣдующія. Король не долженъ въ войскахъ, принадлежащихъ великому князству Литовскому, дѣлать начальникомъ войска Поляка, или иностранца, но всѣ войска, какія только посылаются въ Литву, должны находиться подъ командою общаго Литовскаго военачальника. Военныя ординаціи не должны постановляться къ обидѣ обывателей Литовскихъ. Жолнеры гарнизоновъ пограничныхъ замковъ должны поручаться людямъ, осѣлымъ въ Княжествѣ. Сеймы должны бывать поочередно въ Польшѣ и въ Литвѣ, и на нихъ, когда сеймъ въ Литвѣ, будутъ отправляться суды Литовскіе по статутамъ Литовскимъ, и суды Польскіе по статутамъ Польскимъ, когда онъ будетъ въ Польшѣ. Для сеймовъ назначаются по очереди Петрковъ и Вильна, или Варшава и Городно, или Люблинъ и Берестье. Уменьшеніе силъ Литовскихъ (произведенное Люблинскою Уніей) должно быть вознаграждено равною имъ силою, чтобы Литовцы имѣли несомнѣнную защиту и имъ не было бы надобности, въ случаѣ опасности прибѣгать къ Полякамъ. Долженъ писаться обычный титулъ сенату и станамъ великаго княжества Литовского. Должны быть учреждены въ судовыхъ повѣтахъ кашталяны вмѣсто маршалковъ по образцу меньшихъ кашталяновъ въ Польшѣ. Монета, чеканимая въ Польшѣ, должна чеканиться и въ Литвѣ, старая же должна оставаться въ старомъ значеніи и цѣнѣ въ Коронѣ и въ Княжествѣ. Таможенные сборы на морѣ и на сушѣ, которые прежде не принадлежали Коронному скарбу и никогда не бывали, не должны требоваться, чтобы этимъ не было причиняемо ущерба скарбу и народу Княжества. Князю Слуцкому должны быть даны мѣсто и право голоса въ сенатѣ согласно древнему

¹⁾ Acta Hist. Res Gestas Poloniae illustr. XI. № XXVI.

обычаю и деклараціи Сигизмунда Августа. Князья должны сохранить свои мѣста, обычныя издавна, согласно древнему порядку ¹⁾).

Всѣ эти требованія, удостовѣряетъ королевская грамота, были представлены Литовскимъ посольствомъ королю съ просьбою объ ихъ утвержденіи. Они отложены, какъ мы уже видѣли выше, королемъ до ближайшаго вальнаго сейма, и ихъ предложить на послѣднемъ Литовцы и король станамъ Польскимъ ²⁾). Король приказалъ выдавать изъ Литовской канцеляріи «преписы» всего этого, а передъ слѣдующимъ сеймомъ они будутъ, согласно просьбѣ Литовскаго посольства, разосланы по воеводствамъ и повѣтамъ Княжества. Когда Баторій исполнилъ такимъ образомъ требованія пословъ Литовскихъ въ томъ, на что считалъ себя имѣющимъ право, обѣщавъ въ остальномъ свое содѣйствіе, они принесли ему присягу именемъ Литвы и по полномочію, имъ данному, признали его государемъ. Послѣ этого король Стефанъ разослалъ по Княжеству листы къ панамъ-радамъ и въ воеводства Литовскія, извѣщая о происшедшемъ и приказывая начать обычные управленіе и судъ подъ его титуломъ и такимъ образомъ перейти къ обыкновенному порядку администраціи и суда отъ порядковъ безкоролевья. 6 іюля Баторій послалъ уже свое королевское предписаніе и гетману польному Литовскому Криштофу Радивилу, распоряжаясь обороною Княжества, какъ его законный и признанный государь ³⁾). Достигнувъ признанія Литвою, Стефанъ Баторій отправился въ Кнышинъ и Тыкотинъ, гдѣ съѣхались различныя Литовскіе сенаторы ⁴⁾). Такимъ образомъ новый король вошелъ въ непосредственное знакомство съ сенатомъ великаго княжества Литовскаго. Такъ закончилась исторія вступленія Баторія на престоль соединеннаго Польско-Литовскаго государства.

Подводя итогъ подъ фактами, въ которыхъ выразились отно-

¹⁾ Кромѣ того „*media pars tormentorum Tuscocinium devecta magno ducatu Lithuaniae restitatur*“.

²⁾ *Źródła Dziejowe* T. IV. № XVII.

³⁾ *Acta Hist. R. G. P. ill.* T. XI. № XXVI. Хроники также хорошо знаютъ объ особой присягѣ, принесенной Стефаномъ Баторіемъ Литовцамъ. Гейденштейнъ рассказываетъ, что королемъ было обѣщано Литовскимъ посламъ исполнить ихъ требованія, утвердивъ ихъ уфалою ближайшаго сейма; кромѣ того «король принесъ имъ особую присягу и выдалъ подтвержденіе ихъ правъ». (*Heidenstein*. I. Str. 242). Оржельскій также говоритъ, что Баторій, по желанію Литовцевъ, принесъ имъ особую присягу въ Варшавѣ (*Orzelski* III. Str. 263).

⁴⁾ *Heidenstein*. I. Str. 246.

шенія Литвы и Польши за періодъ времени, протекшій между «утечкою» Генриха Вalezія и началомъ славнаго царствованія великаго Баторія, нельзя не признать, что эта эпоха была еще большимъ развитіемъ того, что было посѣяно Люблинскою Унією 1569 года и что возшло уже яркимъ цвѣткомъ въ години перваго безкоролья. Въ самомъ дѣлѣ, великое княжество Литовское смѣло и энергично заявило свои особыя права и свои требованія въ эту эпоху. Литва требуетъ сохраненія трона за Генрихомъ въ первыя времена послѣ его бѣгства, Литовцы созываютъ свои особыя конвокаціи, постановленія которыхъ обязательны для всѣхъ ихъ, и въ эти постановленія не могутъ вмѣшиваться Коронныя сѣзды. Литва охраняетъ свою внутреннюю самостоятельность, запрещая Полякамъ постановлять что-либо противное ея правамъ и воспрещая безъ Литовцевъ разсуждать объ елекціи. Литва отправляетъ и свое особое Литовское посольство къ бѣжавшему во Францію Генриху, которое должно напомнить ему объ его обязанностяхъ, какъ великаго князя Литовскаго, и пригласить его отъ имени Княжества вернуться въ Польско-Литовское государство. Въ листѣ, составленномъ 1 ноября 1574 года Виленскимъ сѣздомъ, видно полное сознаніе Литовскими станами своего самостоятельнаго политическаго значенія въ соединенномъ государствѣ. Въ отношеніяхъ Литовцевъ къ Полякамъ обращаетъ на себя вниманіе полное единодушіе Литовцевъ и сознаніе ими своего единства, ясное пониманіе того, что они составляютъ особую политическую единицу: мы видѣли, что во время сѣздовъ съ Польшею Литва подаетъ свой голосъ, какъ голосъ цѣлаго Княжества, а не какъ рядъ голосовъ воеводствъ соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Былъ моментъ, когда Княжество, угрожаемое Москвою, готово было, повидимому, даже отдѣлиться отъ Короны: въ Стенжицѣ, среди раздоровъ этого сѣзда Литовцы заявили, что они, какъ видно, сами должны о себѣ заботиться и предпочитаютъ добровольно перейти подъ чужую власть (т.-е. Москвы), чѣмъ быть завоеванными ею насильно. Однако, Литовцы не отдѣлились отъ Польши въ эту эпоху, такъ какъ перспектива оказаться подъ властью Грознаго царя, «тиранство» котораго хорошо было извѣстно Литвѣ, и опасность войны съ Москвою заставляли Литовцевъ сохранять Унію, хотя она, по ихъ убѣжденію, и была нарушена Поляками. Видя полное отсутствіе «братства» по отношенію къ себѣ у Поляковъ и признанія ими «братскаго» равенства въ политическихъ правахъ и ихъ осуществленіи, Литва опять, не-

измѣнно требуетъ возвращенія себѣ земель, отнятыхъ у нея въ 1569 году, и это требованіе стоитъ во главѣ другихъ ея желаній. Литва понимала, что она можетъ, пожалуй, недурно устроиться въ соединенномъ государствѣ, если только будетъ сильна и, благодаря своей силѣ, заставитъ Поляковъ признавать и соблюдать, Литовскія права; отнятіе же земель уменьшало силы Княжества, обрѣзало его крылья, какъ еще въ 1569 году выразился Жомоитскій староста Янъ Ходкевичъ ¹⁾. При очевидномъ и полномъ отсутствіи всякой идеальной связи съ Поляками, Литовцы должны были упорно стоять на почвѣ Люблинскаго договора, крѣпко держась за его формальныя постановленія. Фикція «братства» разсѣялась окончательно, и на смѣну ея съ полною наготою обнаружился истинный характеръ связи Литвы и Короны; это была юридическая сдѣлка, формальный договоръ, статьи котораго хотѣла толковать и расширять въ своихъ частныхъ, политически-особныхъ интересахъ каждая изъ этихъ двухъ частей соединеннаго государства, бывшихъ просто контрагентами въ заключенномъ договорѣ. Литовцы настаиваютъ на соблюденіи артикуловъ документа Уніи 1569 года и торжественно затѣмъ протестуютъ противъ его нарушенія Поляками. На общіе съ Поляками съѣзды Литовцы являлись вооруженными, требовали письменныхъ отвѣтовъ отъ Польскаго сената, дѣлая все это подъ шумъ взаимныхъ упрековъ обоихъ народовъ. Гдѣ же тутъ «братство», такъ трогательно прославляемое въ нѣкоторыхъ рѣчахъ Люблинскаго сейма 1569 года? Гдѣ тутъ истинное политическое единство?—долженъ спросить историкъ. Учреждаются коммиссіи обоихъ народовъ для выработки общихъ рѣшеній, ведутся переговоры между двумя народами, Польскимъ и Литовскимъ, но, несмотря на все это, второе безкоролевье оставило послѣ себя актъ, такъ и не признанный въ концѣ концовъ Литвою,—актъ Варшавской конфедерации, оставшійся постановленіями, принятыми лишь Короною, но отвергнутыми Княжествомъ. Наконецъ, эпоха, второго безкоролевья завершилась протестомъ Княжества противъ поступковъ Короны и нарушеніемъ статей Уніи самимъ королемъ, давшимъ Литовцамъ повтореніе передъ ними своей присяги и *особый листъ* съ утвержденіемъ ея правъ. Съ этимъ подтвержденнымъ формально признаніемъ своей личности и признаніемъ ея Баторіемъ вступило Литовское великое княжество въ славную эпоху царство-

¹⁾ Дн. Любл. с. Стр. 493.

ванія короля Стефана. Чтобы быть признаннымъ Литвою, представители которой не присутствовали на Андреевскомъ съѣздѣ, утвердившемъ его избраніе, и на его коронаціи, Стефанъ Баторій долженъ былъ дать ей отдѣльное подтвержденіе ея правъ и принести ей отдѣльно отъ Короны присягу, громко провозглашая тѣмъ отдѣльность Княжества отъ Короны. Отдѣльность Литвы отъ Польши понималась въ то время ясно вообще, и императоръ, на примѣръ, говорилъ о томъ, какъ навязали короля Поляки Литовцамъ ¹⁾, — очевидно, что тутъ идетъ рѣчь не о частяхъ одного народа, а о двухъ различныхъ народахъ, самостоятельно держащихся въ соединенномъ общемъ государствѣ. Литовское посольство, явившееся въ Варшаву къ только что прибывшему туда изъ Кракова послѣ коронаціи королю, предъявило ему условія, на которыхъ Княжество согласно признать его своимъ государемъ. Что должно было дать Баторію и его пониманію дѣйствительнаго взаимнаго отношенія Польскаго и Литовскаго народовъ въ соединенномъ государствѣ это посольство Княжества съ его требованіями? Несомнѣнно, оно показало ему настоящее значеніе Литовскаго народа, его настроеніе и стремленія и должно было создать ему правильный взглядъ на то, что изъ себя представляетъ великое княжество Литовское въ спольной, Польско-Литовской Речи Посполитой. Баторій, такимъ образомъ, вступалъ на престолъ, получивъ возможность усвоить себѣ, какъ онъ долженъ держать себя для того, чтобы быть дѣйствительно государемъ Литвы, а не обидчикомъ ея, а также, чтобы ладить съ нею. Король Стефанъ имѣлъ слишкомъ ясный умъ для того, чтобы не понять этого, и признаніе имъ правъ и особенности Княжества было результатомъ его опыта въ первые мѣсяцы царствованія надъ Речью Посполитою Польско-Литовской. Событія дальнѣйшаго царствованія Стефана Баторія заставили его искать расположенія Литвы. Столкновенія съ Коронною шляхтою на сеймахъ и Московская война принуждали короля искать прочнаго сочувствія Княжества, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Литва неуклонно и твердо шла въ его царствованіе по пути сохраненія своей отдѣльности отъ Польши и дальнѣйшаго развитія своихъ правъ.

Въ самомъ началѣ своего царствованія, 29 іюня 1576 года, своею грамотою, приводившей въ исполненіе часть требованій Литов-

¹⁾ *Heidenstein*. I. Str. 247.

скихъ, Баторій гарантировалъ Княжеству, между прочимъ; то, что въ прибочной радѣ королевской всегда будутъ члены Литовскаго сената рядомъ съ сенаторами Коронными. Ясное дѣло, что сенаторы Польши и сенаторы Литвы разсматривались Баторіемъ не какъ паны-рада единого, общаго государства, являющіеся представителями обще-государственныхъ интересовъ, а какъ хранители и защитники правъ и интересовъ двухъ государствъ, Польскаго и Литовскаго, хотя и соединившихся въ одну Речь Посполитую, но имѣющихъ свои особыя права и особенные, отдѣльные интересы. Послѣдующіе годы царствованія Стефана Баторія ознаменовались другими въ высшей степени важными фактами въ государственной жизни Литвы. Московская война, начавшаяся еще при Сигизмундѣ-Августѣ, но блестящимъ образомъ законченная Баторіемъ, обращаетъ на себя прежде всего вниманіе въ эту эпоху. Рядомъ съ нею стоятъ весьма крупнаго значенія внутреннія дѣла, изъ которыхъ на первомъ планѣ находятся выработка третьяго Литовскаго статута и учрежденіе Главнаго Литовскаго трибунала. Какъ потребности войны, заставлявшія короля искать новыхъ средствъ для ихъ удовлетворенія, такъ и созданіе новаго кодекса Княжества вызвали особенно сильное развитіе обще-Литовскаго съѣзда, который собирался въ эту эпоху особенно часто и особенно энергично работалъ надъ государственными дѣлами великаго княжества Литовскаго. Остановимся сначала на томъ, какъ отражалась Московская война на отношеніяхъ Баторія къ Литвѣ и что давала она сознанію Литовской личности и еще большому утверженію ея.

Положеніе короля Стефана въ первый годъ его царствованія было чрезвычайно затруднительно. Война съ Москвою и съ Гданскомъ стояла передъ нимъ въ то время, когда ему нужно было упрочивать свое положеніе въ самой Речи Посполитой, примиряя съ собою сторонниковъ другихъ кандидатовъ на престолъ и знакомясь съ положеніемъ дѣлъ государственныхъ, входя въ трудную роль короля соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Послѣ возвращенія Стефана Баторія изъ его поѣздки въ Литву, предпринятой съ цѣлью окончательнаго примиренія съ собою Княжества, онъ, захавъ въ Варшаву, отправился въ Пруссію. Въ Брестѣ Куявскомъ принесъ ему присягу Прусскій герцогъ, а въ Торунѣ присягнула королевская Пруссія, за исключеніемъ Гданска. Послѣдній отказался признать Баторія, продолжая свое возмущеніе противъ Польскаго короля, начатое еще въ царствова-

ніе послѣдняго Ягеллона ¹⁾. Необходимо было силою покорить непокорный городъ, и Баторій созвалъ въ октябрѣ 1576 года сеймъ въ Торунѣ для постановленія податка на нужды войны ²⁾. Но этотъ сеймъ, открывшійся 4 октября 1576 года, не далъ королю того, что ожидалъ онъ отъ него. Въ то время, когда требовалась серьезная война съ Гданскомъ, не хотѣвшимъ признать своего подданства королю Речи Посполитой, а на востокѣ, на границахъ великаго княжества Литовскаго, нужно было ожидать усиленія военныхъ дѣйствій со стороны Москвы, обманувшейся въ своихъ видахъ на Польско-Литовскій престолъ для дома Владиміра Святого, съ запада же грозила опасность отъ Австріи, также недовольной неудачей Габсбургскаго дома въ дѣлѣ достиженія престола Речи Посполитой, сеймъ завелъ свои споры и пререканія съ королемъ, заставившія Стефана произнести его замѣчательныя слова, такъ ярко рисующія его личность. «Не въ хлѣву, но вольнымъ человѣкомъ родился я», сказалъ король, «и было у меня, что ѣсть и во что одѣться, прежде чѣмъ прибылъ я въ эту страну. Люблю мою свободу и храню ее въ цѣлости. Королемъ вашимъ я сталъ волею Божіею, вами избранный, прибылъ сюда вслѣдствіе вашихъ просьбъ и настояній, и вы сами возложили корону мнѣ на главу. Поэтому, я вашъ настоящій король, а не король, нарисованный на картинкѣ. Хочу царствовать и приказывать и не потерплю, чтобы кто-нибудь правилъ надо мною. Будьте стражами вольности вашей—то дѣло доброе, но не позволю, чтобы вы были бакалаврами для меня и моихъ сенаторовъ. Такъ храните вольность вашу, чтобы она не выродилась въ своеволие» ³⁾.

Для исторіи отношеній Короны и Княжества Торунскій сеймъ имѣетъ большое значеніе. На немъ предъявили протестацію послы земскіе Литовскіе противъ поведенія Поляковъ по отношенію къ Литвѣ ⁴⁾. Изъ этой протестаціи узнаемъ, что, когда Поляки

¹⁾ См. рассказъ объ этомъ у Шуйскаго (Dz. Polski. III. Str. 64, 65).

²⁾ «Листы соймовые, до всехъ становъ великаго князства Литовскаго писанные; складаючи соймъ в Торуню в року 76 на ден св. Михала»—Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 14—16 об.

³⁾ *Heidenstein*. I. Str. 265.

⁴⁾ «Протестація послов вел кз Литовскаго противко станом Корунным, на сойме Торунском учиненая з стороны неданя обороны великому князству Литовскому водлуг списов унии.

Стефанъ Божью милостью королъ Польскій... Ознаймуемъ тымъ листомъ

постановили вести войну съ Москвою и Гданскомъ посполитымъ рушеньемъ, а не наемнымъ войскомъ, Литовцы поставили имъ рядъ условій, которыя должны будутъ соблюдаться во время этого рушенья Коронныхъ обывателей и пребыванія ихъ въ

нашимъ, ижъ, будучи намъ господару зъ ихъ милостью паны-радами и послы земьскими короны Польское и великого князства Литовского на здешнемъ сойме сполномъ, в Торуню зложономъ, пришедъши передъ насъ послове земьские, которие з великого князства Литовского тутъ на съемъ теперешний яко для намовъ около оныхъ всихъ потребъ, тому сойму належачих, такъ особливе а наболей жадаючи обороны великому князству Литовскому от становъ Корунны Польское, водле списку Унии повинъное, отъправлены и послани были, оповедали, ижъ по увесь часъ того сойму, уставичъне упоминаючи и домавяючи у становъ Корунныхъ обороны великому князству Литовскому, наконецъ за великимъ усилованьемъ и жоданьемъ тое обороны послове земьские короны Польское, инакъшого способу на тотъ часъ не найдуючи ку обороне коруны Польское и великого князства Литовского, на рушенье посполитое позволили и то намъ господару подали, которого ачъ послове з великого князства Литовского за певными коньдыциями и варуньками, а звлаща абы шкоды в тягненью отъ войска Корунного обывателемъ великого князства Литовского не было, на сторону не отъкладали, ведже, кгда послове Корунные на тые коньдыции и варуньки, менячи то быть противъко правомъ своимъ, не позволяли и жаднымъ способомъ в томъ рушенью посполитомъ статуту и коньстытуций своихъ отъступити не хотели. А такъ послове з великого князства Литовского, бачечи с того рушенья посполитого большую шкоду, анижели пожитокъ свой, а праве упадъ оногo паньства отъчизны своее и оказавъши то намъ при бытности ихъ милости пановъ-радъ нашихъ корунныхъ и великого князства Литовского, с тымъ ся яко именовъ своимъ, такъ тежъ и именовъ всее брати своее, в домехъ позосталое, обывателей великого князства Литовского, намъ оповедали и осветчали, ижъ того рушенья посполитого на оборону свою отъ становъ корунныхъ водъле звязку унии повинъную не приймають и на тое рушенье, яко оному паньству, отчизне ихъ, шкодъливое, ку уближенью а праве зъгубе ихъ постановъленое, не зезволяютъ а ни зезволятъ с тымъ докладомъ и варунькомъ, абы тымъ способомъ обороны, ку уближеню ихъ вынайденымъ, станы корунные не розумели, ижъ въ чиненю обороны великому князству Литовскому отъ нихъ водле списку унии досыт ся стало. Для чого с тымъ ся особливе оповедаютъ и осветчаютъ, ижъ отъ становъ корунныхъ обороны жадное водле повинностей ихъ, на унии поприсяжоное, не мають, а рушенья того посполитого, без всякого порадыку поданого, на оборону свою не приймаючи, кгде бы, чого Боже уховай, тепер княз великий Московский з войски своими вторжене до великого князства Литовского учинилъ а они бы в зменьшеню силъ своихъ за одештьемъ до Корунны певныхъ земель и воеводствъ отъ великого князства Литовского отпору водле потребности тому неприятелеви и войскамъ его учинити не могли, а в томъ бы ся шкода яка значная тому паньству нашему великому князству Литовскому стати могла, абы бы што моцью от того неприятеля взято было, абы то доброй славе и учъстивостямъ обывателей

предѣлахъ Княжества. Этими условіями, очевидно, Литовцы хотѣли обезпечить свое государственное достоинство и значеніе своихъ властей, равно какъ и безопасность своихъ обывателей отъ возможности обидъ и правонарушеній со стороны Коронной шляхты.

великого князства Литовского ничего не шло, але, если бы ся што, чога Боже уховай, отъ неприятеля стало, то бы все с причинъ помененыхъ за зменьшенемъ силъ великого князства Литовского и за непостановенемъ слушного посилъку и порадное обороны деяло, што собе варуючи, яко панове-рады ихъ милость, такъ и послове земьские великого князства Литовского жедали насъ именемъ своимъ и всее братьи своее, обывателей великого князства Литовского, абыхмо тое оповеданье и осветченье ихъ до книгъ каньцлерыи наше записати велели, такъ тежъ абы артыкулы, народу ихъ по-требныя, зо Мъстибогова намъ у Варшаве поданыя а на теперешний съемъ зъ Варшавы отъложеноны, кгдажъ на здешнемъ сойме то сконъчитися не могло, на иный потомъ съемъ блиско пришлый отъложеноны были. Которое оповеданье и осветченье пановъ-радъ и пословъ великого князства Литовского мы государъ приемъши такъ же и тые артыкулы, ижъ кгдажъ ся на теперешнемъ сойме за коротькостью часу водле потребности намовълены быти не могли и скутьку своего не взяли, на иный блиско пришлый съемъ откладаемъ, а сесь нашъ листъ, рукою нашою подписавъши и печать нашу к нему приложити росказавъши, велели есмо до книгъ каньцлерыи наше уписати а преписы с книгъ во вьси воеводъства и поветы великого князства Литовского, которимъ то належати будет, за печатью нашою давати, якожъ до воеводства (имя его) сесь препись того всего за печатью нашою выданъ есть. Писанъ у Торуню лета Бож нароч 1576 месеца декабря (число) дня». Документъ этотъ сохранился въ Литовской Метрикѣ въ нѣсколькихъ спискахъ. Мы издаемъ его, сличивъ три списка и исправивъ по нимъ описки отдѣльныхъ словъ. Эти списки слѣдующіе: 1) Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 96 об.—98, 2) *ibidem* л. 98—99 об., 3) Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. 131—132 об.

Различіе списковъ то, что они адресованы въ различные повѣты: первый—въ воеводство Троцкое, третій—Виленское, второй—«до повету Городеньского пану Грегорию Мосалскому подъсудку Городеньскому державцы Перстуньскому а пану Юрю Тишъковичу ротъмистру нашому, посломъ того повету вышей менованого сесь препись с того всего за печатью нашою выданъ есть». Даты документа: въ первомъ спискѣ—19 дек. 1576 г., во второмъ—декабрь 1576 года, въ третьемъ—10 дек. 1576 года. Различіе датъ объясняется тѣмъ, что не въ одинъ день, а въ разные потребованы были копии этой протестаціи различными повѣтами Княжества. Экземпляръ этого документа, данный въ Виленское воеводство, изданъ въ *Acta Historica Res Gestas Poloniae illustrantia* Т. XI. №. XLII. Онъ изданъ по копии въ *Tekach Naruszewicza* (Vol. 85, d. 188) и напечатанъ латиницею, какъ онъ былъ переписанъ для Нарушевича (такъ написаны и тѣ томы «текъ» Нарушевича, которые поступили въ Библиотеку Главнаго Штаба). Мы считали необходимымъ, въ виду важности документа, переиздать его въ томъ видѣ, какъ онъ сохранился въ Литовской Метрикѣ и какъ былъ написанъ при составленіи его.

Когда Поляки отказались принять эти условия, Литовцы отвергли посполитое рушение, какъ Княжеству «шкодъливое, ку уближенью а праве згубе ихъ постановъленное». При этомъ они заявляютъ, чтобы Поляки не думали, будто они исполнили требованія Уніи, сдѣлавъ свое постановленіе о рушеньѣ, — Унію они нарушили, отказавъ въ дѣйствительной помощи Литвѣ. Если Княжество понесетъ новыя потери отъ Московскаго врага, то вина падетъ на Поляковъ, уменьшившихъ силы его черезъ отнятіе отъ него земель въ 1569 году и отказавшихъ ему теперь въ настоящей помощи. Кромѣ того настоящая протестація, внесенная въ книги канцеляріи королевской и выданная въ копіяхъ по повѣтамъ Литовскимъ, содержитъ въ себѣ обѣщаніе короля перенести на слѣдующій ближайшій сеймъ утвержденіе тѣхъ требованій Литвы, которыя были ему предъявлены въ іюнѣ 1576 года въ Варшавѣ и которыя не могли быть утверждены на Торунскомъ сеймѣ.

Итакъ, Торунскій сеймъ не имѣлъ тѣхъ результатовъ, на которые надѣялся король. Отъ посполитаго рушенья на охрану Литвы отказались сами Литовцы, да и король не могъ быть доволенъ его постановленіемъ Коронными станами. Талантливый вождь и превосходный знатокъ военнаго дѣла, онъ понималъ всю слабость боевыхъ качествъ собравшейся изъ своихъ имѣній, непривычной къ войнѣ и не обученной военному дѣлу шляхты съ ея пахолками, взятыми прямо отъ сохи. Время короля Стефана хорошо знало наемныя войска, состоявшія изъ солдатъ, специалистовъ своего дѣла, и посполитое рушение, грозное прежде, уже не было такимъ въ эту эпоху. Возможность обращенія посполитаго рушенья вмѣсто военныхъ занятій и битвъ къ обсужденію государственныхъ дѣлъ — посполитое рушение, вѣдь, было собраніемъ всего державнаго народа — шляхты *viritim* — дѣлала еще болѣе неудобнымъ пользованіе имъ. Вождь не можетъ быть доволенъ, когда войско вдругъ заявитъ ему, что настоящая власть принадлежитъ не ему, а самому войску, которое можетъ даже найти, что война не нужна, и разойтись по домамъ. Проволочки и обращенія посполитаго рушенья въ политическое собраніе сувереннаго народа — шляхты были неизбѣжными спутниками рушенья всего посполства — шляхты на войну. Кромѣ того, невозможность дѣлать рушившуюся шляхту на отряды дѣлала рушение не только мало полезнымъ, но даже вреднымъ для успѣха военныхъ дѣйствій: король долженъ былъ всюду тащить съ собою эту массу

плохихъ воиновъ, а между тѣмъ потребности минуты могли дѣлать это прямо невозможнымъ. Но дѣло Гданска требовало немедленнаго разрѣшенія. Связь его съ политикою Габсбургскаго дома, враждебною Баторію и опасною для всей Речи Посполитой, придавала ему особую опасность, и отложить походъ на непокорный городъ король не имѣлъ возможности. Послѣ отказа отъ посполитаго рушенья для короля оставался одинъ возможный способъ веденія войны, обратиться къ услугамъ наемныхъ солдатъ, людей служебныхъ. Но на ихъ наемъ нужны деньги, которыхъ лишился король сеймъ, отказавшій ему въ поборѣ. А между тѣмъ въ мартѣ 1577 года въ Речь Посполитую вторглись Татары, проникшіе до Дубна. Хотя они и были отражены тамъ Янушемъ Острожскимъ ¹⁾, но, во всякомъ случаѣ, это было новое затрудненіе для находившагося и безъ того въ весьма тяжеломъ положеніи Баторія. Въ такомъ трудномъ положеніи король Стефанъ рѣшается обратиться съ просьбою о податкѣ ко всему народу Речи Посполитой, испытывавъ неудачу въ своемъ обращеніи къ ея парламенту. Онъ созываетъ воеводскіе и повѣтовые сеймики, а послѣ нихъ съѣзды составныхъ частей государства для утвержденія испрашиваемаго королемъ податка. Такимъ образомъ поборъ утверждался каждою составною частью Речи Посполитой лишь для себя, а не вальнымъ сеймомъ для цѣлаго государства. 9 мая 1577 года состоялся главный сеймикъ Великопольскій въ Колѣ, на которомъ собрались Коронные паны-рада и земскіе послы повѣтовыхъ сеймиковъ воеводствъ Познанскаго, Калишскаго, Сѣрадзскаго, Ленчицкаго, Брестскаго, Иновлоцлавскаго, земли Добринской, Плоцкаго, Подляскаго, Бѣльской земли и Равскаго ²⁾. Кольскій сеймикъ исполнилъ желаніе короля, поставивъ, однако, при этомъ слѣдующія условія: 1) его постановленіе сохраняетъ силу только въ томъ случаѣ, если подобныя постановленія будутъ сдѣланы и другими Коронными воеводствами; разумѣется, это не можетъ требоваться отъ тѣхъ воеводствъ, которыя уже выступили изъ своихъ домовъ *in armis* посполитымъ рушеньемъ; 2) выплатившія поборъ воеводства должны быть уже свободны отъ обязанности посполитаго рушенья противъ Гданска и Татаръ; 3) деньги, полученные скарбомъ черезъ уплату этого побора, должны быть употреблены только на войну съ Гданскомъ и Татарами, а не на

¹⁾ См. *J. Szujski. Dz. Polski III. Str. 69.*

²⁾ *Źródła Dziejowe. T. IV. № LXV.*

что-либо другое; 4) этими деньгами должно уплачиваться жолнерамъ не заслуженное уже ими жалованье, а жалованье за ихъ службу, начиная лишь со времени постановленія этого податка; 5) завѣдываніе этими деньгами, переданными скарбу поборцами, выбранными Кольскимъ сеймикомъ, должно быть въ рукахъ Короннаго подскарбія, который долженъ въ расходованіи ихъ дать отчетъ земскимъ посламъ на ближайшемъ сеймѣ, притомъ показавъ употребленіе ихъ исключительно на нужды обороны отъ Татаръ и на докореніе Гданщанъ. Исполняя желаніе Стефана Баторія, Великопольскій сеймикъ высказалъ, что созываніе сеймиковъ повѣтовыхъ и главныхъ безъ слѣдующаго за ними вальнаго сейма онъ находитъ новымъ и необычнымъ. Только въ виду особыхъ нуждъ государства, съ которыми ему приходится бороться въ данное время и которыя требуютъ поспѣшнаго принятія мѣръ, Кольскій сеймикъ исполняетъ королевское желаніе, предупреждая, однако, чтобы на будущее время нововведеніе, сдѣланное королемъ въ государственномъ порядкѣ обсужденія и постановленія податей, не повторялось болѣе. Въ инструкціи, которая была дана Кольскимъ сеймикомъ своимъ посламъ къ королю, поставлено ему на видъ и нарушеніе прежнихъ порядковъ созыванія главныхъ сеймиковъ Польскихъ: Корчинскій сеймикъ Малой Польши всегда двумя недѣлями предшествовалъ Кольскому сеймику Великой Польши, теперь же королемъ Стефаномъ сдѣлано какъ разъ наоборотъ, и главный сеймикъ Великопольскій уже закончился, когда Малопольскій еще и не открывался ¹⁾. Въ своемъ отвѣтѣ посламъ главнаго сеймика Великополянь король, благодаря за постановленіе побора, объяснялъ, что мысль о созваніи повѣтовыхъ и главныхъ сеймиковъ принята имъ по совѣщаніи съ сенатомъ, который въ многолюдномъ своемъ собраніи (*in frequentissimo senatu*), собранный на конвокацію во Вроцлавкѣ, совѣтовалъ ему такъ поступить. Баторій говорилъ, что Великопольскій главный сеймикъ созванъ имъ прежде Малопольскаго лишь потому, что этого потребовали короткость времени и пребываніе короля въ Великой Польшѣ въ данную минуту; листы королевскіе, поэтому, могли дойти скорѣе въ повѣты Великопольскіе, чѣмъ Малопольскіе ²⁾. Такъ просто указаніемъ на реальную дѣйствительность и ея потребности отвѣчалъ король на тѣ страхи нарушенія буквы закона и обычая, въ которыхъ уже тогда обнаруживалась склонность

¹⁾ Źródła Dziejowe. T. IV. № LXVI.   ²⁾ Ibidem. № LXXXIV.

политическаго строя Речи Посполитой замереть въ окаменѣлой неподвижности.

15 мая 1577 года желанный для короля поборъ былъ постановленъ Мазовецкимъ главнымъ сеймикомъ, собравшимся въ Варшавѣ ¹⁾ и Корчинскимъ главнымъ сеймикомъ Малой Польши ²⁾, обсуждавшими его въ одинъ и тотъ же день. Оба эти съѣзда, Варшавскій и Корчинскій, были не только собраніемъ пановъ-рады и земскихъ пословъ повѣтовыхъ сеймиковъ, — на нихъ находились и простые шляхтичи, не имѣвшіе полномочій посольскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, инструкція посламъ Мазовецкаго главнаго сеймика къ королю писана отъ кашталяновъ, урядниковъ и дигнитарей земскихъ, а также пословъ и рыцарства воеводства Мазовецкаго ³⁾; инструкція посламъ съѣзда Малопольскаго написана также отъ пановъ-радъ и всего рыцарства Малой Польши ⁴⁾, а удостовѣреніе, «листъ верущій» (*litterae fidei*) этимъ посламъ Малопольскимъ и прямо говоритъ, что за оповѣщеніемъ королевскимъ съѣхались въ Новое Мѣсто Корчинъ всѣ вмѣстѣ какъ паны-рада, такъ многіе изъ рыцарства и много пословъ Малопольскихъ ⁵⁾. Такимъ образомъ, главные сеймики Мазовецкій и Малопольскій въ 1577 году состояли не только изъ сенаторовъ и пословъ сеймиковъ повѣтовыхъ, но на нихъ присутствовали и тѣ шляхтичи, которые пожелали. Они представляли, слѣдовательно, собою не только Мазовецкую и Малопольскую части сейма, но къ нимъ присоединилась и часть шляхты-поспольства повѣтовъ, т.-е. съ этою частью сейма сливались и части повѣтовыхъ сеймиковъ. Съѣзды Варшавскій и Корчинскій исполнили желаніе королевское, вотировали поборъ въ размѣрѣ, установленномъ Люблинскимъ сеймомъ 1569 года, и, также какъ Кольскій, выбрали его сборщиковъ ⁶⁾. Они тоже не преминули указать Баторію на нарушеніе имъ старыхъ обычаевъ и порядковъ созыва сеймиковъ и, кромѣ того, отложили до сейма нѣкоторые поставленные королемъ вопросы, какъ не подлежащіе ихъ компетенціи (монетный дворъ). Но король достигъ своей главной цѣли — средства для найма жолнеровъ были приобрѣтены ото всей Короны. Оставалось только получить ихъ отъ земель, соединенныхъ съ Короною Унією, т.-е. отъ Литвы и отъ Пруссіи. Требованіе этого предъявилъ королю и Корчинскій главный сеймикъ Малопольскій, настаивая, чтобы

¹⁾ Ibidem. № LXXXVI.   ²⁾ Ibidem. № LXXXIX.

³⁾ Ibidem. № LXXXVII.   ⁴⁾ Ibidem. № LXXXIX.   ⁵⁾ Ibidem. № LXXXVIII.

⁶⁾ Ibidem, №№ LXXXVII, XCI.

паны Литва и Пруссаки несли одинаковыя съ Польшею тяжести такъ какъ это они должны дѣлать вслѣдствіе заключенія Уніи ¹⁾ И дѣйствительно постановленіе этого побора было предложено королемъ и Литвѣ, Литовскому Волковыйскому съѣзду.

Главный сеймикъ Литовскій для установленія въ великомъ Княжествѣ побора на расходы войны съ Гданскомъ и Татарами былъ созванъ Стефаномъ Баторіемъ въ Волковыйскѣ черезъ двѣ недѣли послѣ повѣтовыхъ сеймиковъ, которые должны были открыться за два дня до Иванова дня, т.-е. 22 іюня ²⁾. Передъ этими сеймиками были разсланы, конечно, королевскіе универсалы въ повѣты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особыя королевскія листы лицамъ, которымъ обыкновенно посылались таковыя передъ сеймиками. Изданы въ печати два листа Баторія къ двумъ самымъ выдающимся панамъ-радамъ великаго княжества Литовскаго—Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу ³⁾ и Виленскому каштеляну Яну Еронимовичу Ходкевичу ⁴⁾. Оба эти документа совершенно тождественны между собою за исключеніемъ лишь небольшой вставки, всего въ нѣсколько словъ, въ листѣ Ходкевичу, говорящей о возможности нахождения его во время сеймиковъ не въ великомъ Княжествѣ, а въ Лифлянтской землѣ, администраторомъ и гетманомъ которой онъ былъ; да сверхъ того еще различаются оба листа тѣмъ, что въ листѣ Радивилу король проситъ о его дѣйствиіи на сеймикѣ въ качествѣ воеводы, а въ листѣ Ходкевичу — его, какъ каштеляна. Дословное сходство во всемъ остальномъ обоихъ листовъ дѣлаетъ несомнѣннымъ, что въ нихъ мы имѣемъ не спеціальныя листы къ Радивилу и Ходкевичу, а общіе листы ко всѣмъ старшимъ панамъ-радамъ, а можетъ быть и ко всѣмъ сенаторамъ Литовскимъ вообще, т.-е. къ старшимъ и младшимъ. Слѣдовательно, эти листы должны являться для насъ источникомъ для изученія общей подготовки предстоящихъ сеймиковъ и съѣзда во всѣхъ повѣтахъ Литовскихъ. Король рассказываетъ въ нихъ о своеволіи и бунтовскихъ дѣйствіяхъ Гданщанъ, о невозможности, благодаря имъ, защитить Волинь и Подолю отъ Крымцевъ, которые дѣйствуютъ, подстрекаемые и поддерживаемые Москвою. У короля нѣтъ другихъ средствъ для борьбы со всѣми этими врагами Речи Посполитой

¹⁾ Ibidem. № LXXXIX.

²⁾ Вил. Арх. Сб. IV. № 22. Acta Hist. R. G. P. ill. XI. № LIII.

³⁾ Acta. H. R. G. P. ill. XI. № LIII. ⁴⁾ Вил. Арх. Сб. IV. № 22.

кромѣ посполитаго рушенья, постановленнаго Торунскимъ сеймомъ. Не видя другого исхода, Баторій уже приказалъ обнародовать вици въ Коронѣ и военные листы въ Княжествѣ о сборѣ посполитаго рушенья. Но паны-рада, съѣхавшіеся къ королю на конвокацію во Вроцлавокъ, посовѣтовали ему «до того остатнего лекарства не утекагь», а сначала собрать повѣтовые сеймики и предложить имъ, чтобы они королю «дорогу показали до забегенья тому упадку речи посполитое». Король рѣшилъ поступить такъ, какъ ему совѣтовали паны-рада. Онъ уже назначилъ сеймики повѣтовые Малопольскіе и Великопольскіе, а также генеральные для Великой и Малой Польшы въ Колѣ и Корчинѣ. Хотя Баторій и отправилъ посольство къ великому князю Московскому, но нельзя надѣяться на хорошіе результаты его: Москва «пріязнить» съ Крымомъ; Гданщанамъ же все это придаетъ смѣлости. Великому княжеству Литовскому, поэтому, не менѣе, чѣмъ Коронѣ, нужно «убезпеченье», а такъ какъ «въ одной речи посполитой обои панства замыкають ся и сполне вси потребности речи посполитое поносити мають», то король и назначаетъ во всѣхъ повѣтахъ Княжества повѣтовые сеймики на 22 іюня, а черезъ двѣ недѣли послѣ нихъ «головный соймикъ» въ Волковыйскѣ» тымъ же обычаемъ, яко въ Польшѣ, въ Колѣ и въ Корчинѣ». На эти сеймики, какъ повѣтовый, такъ и главный, приглашается Стефаномъ Баторіемъ панъ-рада для того, чтобы онъ на нихъ «посполу зъ иными станы достаточне намовы учинилъ, а зъ мѣстца и достоенства своего ишимъ прикладомъ и поводомъ былъ». Отъ общей «намовы» Литовскихъ становъ король ожидалъ для себя указанія «дороги» для разрѣшенія всѣхъ потребностей государства, которыя у него есть въ данную минуту. Король самъ понимаетъ, что созываемые имъ сеймики не соотвѣтствуютъ постановленіямъ статута и созываются не согласно съ нимъ, но это созваніе вызываютъ исключительныя затрудненія, въ которыхъ находится Речь Посполитая. При созывѣ сеймиковъ передъ слѣдующимъ сеймомъ король уже не нарушитъ статута, и панъ-рада долженъ это на обоихъ сеймикахъ, на которыхъ будетъ, т.-е. и на повѣтовомъ, и на головномъ, «всимъ достаточне преложити и вывести, ижъ бы того за уближенье права посполитого не брано». Если нужно, Баторій готовъ удостовѣрить это и особыми своими листами. Канцлеру великаго княжества Литовскаго Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу отсылаются королемъ листы объ этихъ сеймикахъ въ повѣты. Вмѣс-

тѣ съ ними присылается и инструкція королевскому послу въ Браславскій повѣтъ (воеводства Радивила), во-первыхъ, для того, чтобы канцлеръ, прочитавъ ее, познакомился съ тѣмъ, что будутъ говорить на повѣтовыхъ сеймикахъ королевскіе послы отъ имени государя (во всѣ повѣты посланы инструкціи тождественныя), и, во-вторыхъ, для того, чтобы Радивиль самъ выбралъ посла въ Браславскій повѣтъ и вписалъ его имя въ инструкцію запечатавъ ее своею печатью. Кромѣ того, къ канцлеру посылается списокъ всѣхъ пословъ, назначенныхъ королемъ на повѣтовые сеймики. Королевскіе листы о созваніи сеймиковъ въ повѣты канцлеръ долженъ переслать къ земскому подскарбію для ихъ разсылки. Король уже приказалъ ему писать, чтобы онъ не замедлилъ ихъ отосланиемъ по повѣтамъ ¹⁾). Изъ Мальборка 23 мая 1577 года, т.-е. уже послѣ состоявшихся постановленій о поборѣ, сдѣланныхъ Коронными главными сеймиками, Баторій вновь пишетъ къ Николаю Радивилу и, конечно, ко всѣмъ остальнымъ Литовскимъ сенаторамъ о предстоящихъ сеймикахъ великаго Княжества. Король посылаетъ копію постановленія Корчинскаго сеймика за подписью писаря, прибавляя, что постановленіе сеймика Кольскаго устанавливаетъ оборону государства такъ же, какъ и Корчинскаго, и панъ-рада долженъ вести сеймики, и повѣтовый, и главный, къ такому же постановленію, какое сдѣлано о поборѣ Малою и Великою Польшами ²⁾).

Но главный Литовскій сеймикъ заставилъ Баторія нѣкоторое время беспокоиться объ его исходѣ. Только 27 іюля король получилъ желанное извѣстіе о благополучномъ его окончаніи и о постановленіи испрашиваемаго Стефаномъ Баторіемъ податка ³⁾). Постановленіе Волковыйскаго сеймика состоялось 17 іюля 1577 года ⁴⁾). Въ Волковыйскъ собрались Литовскіе паны - рада, врядники столовые и дворные, маршалки королевскіе, врядники земскіе, а также послы со всѣхъ воеводствъ и повѣтовъ Княжества, которые были высланы на съѣздъ «съ соймиковъ повѣтовыхъ зъ моцью и зъ инструкціями достаточными отъ всихъ становъ ры-

¹⁾ Acta H. R. G. P. ill. XI. № LIV.   ²⁾ Ibidem. № LVI.

³⁾ Ibidem. № LIX.

⁴⁾ А. Вил. III. Стр. 271—277. Тотъ же документъ изданъ въ А. Н. Р. G. P. ill. IX. № LVIII, но только переписаннымъ латиницею, въ измѣненномъ такимъ образомъ видѣ. Сверхъ того, въ послѣднемъ изданіи пропущено число іюля (17). Въ четвертой строкѣ съ конца въ этомъ изданіи ошибка: нужно читать не *roborow*, но *roborow*.

цества, въ домѣхъ позосталого». Такимъ образомъ, по составу своему этотъ съѣздъ 1577 года былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Литовскій сеймъ до Люблинской Уніи; не достаетъ только присутствія короля для того, чтобы мы могли совершенно отождествить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, обозначеніе пословъ повѣтовыхъ отдѣльно отъ вѣрниковъ заставляетъ полагать, что вѣрники прибыли на съѣздъ не въ качествѣ пословъ сеймиковыхъ, а по своему положенію, какъ должностныя лица. Спольный Литовско-Польскій сеймъ не знаетъ такого отдѣла сеймующихъ, онъ знаетъ только сенатъ и посольскую избу, въ которой могутъ засѣдать и вѣрники, но лишь въ томъ случаѣ, если они являются послами земскими повѣтовыми. Собранный въ Волковыйскъ съѣздъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее. Король и великій князь Литовскій Стефанъ далъ знать всѣмъ станамъ Литовскимъ, чтобы они собрались на повѣтовыхъ сеймикахъ и, поразмысливъ тамъ о «потребахъ» Речи Посполитой и защитѣ великаго княжества Литовскаго, съѣхались на главный сеймикъ въ Волковыйскъ «ку дальшому а достаточнейшему постановенью». Станы Литовскіе находятъ такое созваніе повѣтовыхъ и главнаго сеймиковъ «звыклому обычаю и правомъ и вольностямъ» своимъ «противнымъ» и заявляютъ, что они не должны были собираться на нихъ: сеймики собираются лишь передъ вальнымъ сеймомъ, а теперь король не созываетъ послѣдняго. Станы только въ виду нуждъ и опасностей для самого великаго княжества Литовскаго исполнили королевскую волю и съѣхались сначала на повѣтовыхъ сеймикахъ, а потомъ и на главномъ, Волковыйскомъ. Это сдѣлано притомъ «не въ обычай самого напотомъ признанія соймиковъ повѣтовыхъ незвыклыхъ», но исключительно въ виду опасностей и нуждъ Литвы. Собранный на съѣздъ, станы Княжества прежде всего права и вольности свои «добре уважили» и постановили, что сеймики 1577 года никогда не могутъ пойти имъ въ «пошлину», что эти сеймики, назначенные съ нарушеніемъ ихъ правъ, собирались лишь потому, что они сами по доброй своей волѣ, а не по обязанности «на тотъ только часъ учинили». Въ своихъ дальнѣйшихъ «намовахъ» съѣздъ призналъ опасности, которыя грозятъ великому Княжеству со стороны «головного а дѣдичного непріятеля того панства, великаго князя Московскаго», съ которымъ не заключено «певнаго» договора; грозятъ онѣ также и отъ Татаръ, которые опустошаютъ границы государства. Хотя станы Литовскіе повинны и готовы, по примѣру предковъ, противъ каждаго

врага «силами и персями» своими «въ рушенью посполитомъ военномъ застановляти ся», но, соблюдая свои права и вольности, они не должны «рушенья посполитого чинити» безъ участія въ немъ самого короля и безъ «становъ Польскихъ». Вслѣдствіе всего этого, съѣздъ, «чинячи сами себе и тому панству великому князству Литовскому оборону, на люде служебные, *ку потребамъ того самого панства, великого князства Литовского, а не на што иного*», постановляетъ и «уфалаетъ» податокъ со всѣхъ имѣній, находящихся въ Княжествѣ, никого и ничьихъ имѣній отъ него не освобождая. Король, духовенство, паны - рада, князья, паны, земляне и всѣ обыватели великаго княжества Литовскаго должны ему подлежать. Всѣ имѣнія, и дѣдичныя, и заставныя, и доживотныя, всѣ подданные ихъ и всѣ живущіе въ великомъ Княжествѣ, которые только «земли подъ собою держатъ», должны платить его въ размѣрѣ, точно опредѣляемомъ постановленіемъ съѣзда для каждаго разряда жителей. Постановленный податокъ отдается поборцамъ, выбраннымъ въ повѣтахъ, — особому поборцѣ въ каждомъ повѣтѣ. Уфала съѣзда перечисляетъ ихъ поименно. Податокъ долженъ быть выданъ, начиная ото дня праздника Панны Маріи Зельной (15 августа) до дня св. Михаила (29 сентября) въ текущемъ 1577 году. Не уплатившіе податка до дня св. Михаила подлежатъ взысканію его въ двойномъ размѣрѣ. Получая деньги, поборцы выдаютъ свои квиты, «квитуютъ». Выбравши податокъ, повѣтовые поборцы должны передать собранныя деньги главнымъ поборцамъ въ Вильнѣ на день св. Шимона Іуды (28 октября). Здѣсь они должны «личбу достаточную съ присегою тѣлесною учинити», какъ въ томъ, что «справедливе» выбрали податокъ, такъ и въ томъ, что передали все собранное сполна и не имѣютъ въ своемъ повѣтѣ податокъ утаившихъ. За трудъ повѣтовымъ поборцамъ съѣздъ назначилъ вознагражденіе, а именно по 2 гроша Литовскихъ отъ копы собранныхъ денегъ и по грошу отъ квитанціи, выданной ими. Главными поборцами и шафарами этого податка съѣздъ избираетъ и депутуетъ слѣдующихъ лицъ: 1) со стороны пановъ - рады — подскарбія земскаго и писаря Княжества старосту Пинскаго державцу Олитскаго и Квасовскаго Лаврина Войну и 2) «зъ стороны княжатъ, панятъ, врадниковъ дворныхъ, земскихъ и всихъ становъ рыцерства» — крайчія королевскаго Литовскаго Яна Кишку и королевскаго маршалка судью земскаго Новгородскаго Мальхера Сновскаго. Отбираніе податка отъ повѣтовыхъ поборцевъ главными, которые должны жить въ Вильнѣ,

начнется ото дня св. Михаила и будетъ продолжаться до дня св. Шимона Іуды въ текущемъ 1577 году. Кто изъ повѣтовыхъ поборцевъ не передастъ собранныхъ денегъ этимъ депутатамъ и не представитъ имъ отчета (личбы), тотъ подлежитъ конфискаціи имѣнія и движимости. «Квиты противные и реистра личбъ» повѣтовыхъ поборцевъ за ихъ печатями и подписями должны также отъ нихъ взять депутаты. Вознагражденіе за трудъ главнымъ поборцамъ назначено съѣздомъ слѣдующее: Лаврину Войнѣ и Яну Кишкѣ по триста, а Мальхеру Сновскому сто шестьдесятъ копѣ грошей Литовскихъ. Но Волковский съѣздъ не ограничился выборомъ повѣтовыхъ и главныхъ поборцевъ. Кромѣ нихъ онъ еще выбралъ цѣлую комиссію для наблюденія за тѣмъ, чтобы собранныя, какъ податокъ, съ Княжества деньги расходовались исключительно на тѣ земскія нужды, на удовлетвореніе которыхъ онѣ назначены съѣздомъ. Въ составъ этой комиссіи вошли изъ пановъ - радѣ Литовскихъ два первые сенатора Литвы — Валеріянъ бискупъ Виленскій и Николай Радивилъ князь на Биржахъ и на Дубинкахъ Виленскій воевода канцлеръ Литовскій староста Лидскій и Ошменскій. Со стороны шляхты ея членами были: Станиславъ Нарушевичъ Виленскій тивунъ и Станиславъ Станкевичъ ¹⁾ Бѣловичъ подкоморій Жомойтскій тивунъ Ойрагольскій. Эта комиссія, когда увидитъ дѣйствительную и настоятельную потребность въ «людяхъ служебныхъ», должна съѣхаться въ Вильнѣ съ депутатами, назначенными къ пріему податковыхъ денегъ отъ повѣтовыхъ поборцевъ, и здѣсь вмѣстѣ съ ними установить, на сколько «людей служебныхъ» и на какое время ихъ содержанія нужно отпустить средства изъ собранныхъ со всего Княжества этимъ подборомъ денегъ. При этомъ всѣ уполномоченныя на эти расходы лица должны «пильне того стеречи», чтобы «намнѣйшей шафунокъ того податку нигдѣ индеи ся не чинилъ, одно на властную певную кгвалтовную потребу и оборону речи посполитое того панства», т.-е. только великаго княжества Литовскаго. Дѣлать это они обязаны «подъ вѣрою и цнотою своею». Контроль расходованія собранныхъ земскихъ денегъ долженъ быть до такой степени тщательнымъ, что, въ случаѣ надобности отпуска суммы изъ нихъ, одинъ изъ главныхъ поборцевъ обязанъ лично ѣхать съ требуемыми деньгами къ войску и выдать деньги лишь въ

¹⁾ Въ А. Вил. III (стр. 278) напечатано Станисевичъ вмѣсто Станкевичъ. Но это, конечно, ошибка. См. А. *Bonięski*. *Poczet Rodów*. Str. 6.

томъ случаѣ, если выдача будетъ дѣйствительно необходима. Если же онъ не увидитъ дѣйствительной «потребы людей служебныхъ», то долженъ вернуться съ привезенными деньгами обратно и возвратитъ ихъ въ то «схованье», откуда взялъ. Въ случаѣ израсходованія этихъ денегъ всѣхъ на наемъ людей служебныхъ речъ посполитая (т. е. Литовская) не станетъ о нихъ «у пановъ головныхъ упоминатися», т.-е. требовать объясненій въ этомъ расходѣ. Если не окажется надобности въ наймѣ солдатъ, главные депутаты должны «подъ вѣрою своею ку речи посполитой» сохранять ихъ въ цѣлости и полной неприкосновенности. Въ деньгахъ этихъ главные депутаты имѣютъ дать отчетъ всѣмъ станамъ Литовскимъ на ближайшемъ обычномъ Волковыйскомъ главномъ сеймикѣ, который соберется передъ вальнымъ сеймомъ. Съѣздъ обязуется выполнить свое настоящее постановление и дѣлаетъ это «добрымъ словомъ» всѣхъ присутствующихъ за себя лично, а пословъ повѣтовыхъ за всю братію, «въ домѣхъ позо-сталую». Утверждая актъ своего постановленія своими подписями и печатями, станы Литовскіе, собравшіеся на главный сеймикъ, еще разъ заявляютъ, что настоящее ихъ постановление является добровольнымъ и исключительнымъ, сдѣланнымъ только ввиду чрезвычайныхъ и настоятельныхъ нуждъ земскихъ, и не можетъ служить къ ущербу правъ и вольностей Княжества. Въ заключеніе съѣздъ постановляетъ, чтобы и король разрѣшилъ сборъ постановленнаго Литовскими станами податка со своихъ столовыхъ имѣній.

Постановленіе Волковыйскаго сеймика 1577 года является въ высшей степени характернымъ для отношеній Княжества къ Коронѣ. Несмотря на то, что главныя нужды, которыя въ то время были у короля, — война съ Гданскомъ и Татарами, Литовскій съѣздъ строго опредѣляетъ расходование постановленнаго имъ податка исключительно на нужды Княжества, игнорируя потребности Короны. Строгий контроль учреждается съ цѣлью помѣшать расходованію хотя одного Литовскаго гроша на Польскія надобности. Литва и не могла поступить иначе, такъ какъ Польша первая въ эпоху безкоролевій показала Княжеству, какъ должна себя держать отдѣльная часть соединеннаго государства, т.-е. заботиться исключительно о себѣ, предоставляя другую ея собственнымъ средствамъ. Въ высшей степени важнымъ является и постановленіе о томъ, чтобы свой отчетъ въ податковыхъ Литовскихъ деньгахъ главные депутаты представили не спольному

сейму, а обще-Литовскому съѣзду. Если отдѣльное, сдѣланное не на общемъ сеймѣ постановленіе податка было нарушеніемъ акта Уніи 1569 года, то отчетъ на съѣздѣ являлся открытымъ провозглашеніемъ Литвою своей полной самостоятельности въ своихъ дѣлахъ, заявленіемъ того, что дѣла Литвы, даже такого перво-степеннаго значенія, какъ оборона ея, не касаются Поляковъ, если они не требуютъ отъ нихъ непосредственной помощи и содѣйствія въ томъ или другомъ видѣ. Нарушеніе статьи акта Уніи шло отъ короля и конвокаціи сената, отрицаніе права Короны на участіе въ дѣлахъ Княжества, въ которыхъ не было совмѣстнаго дѣйствія Поляковъ и Литовцевъ, шло отъ самихъ становъ Литовскихъ.

Стефанъ Баторій съ нетерпѣніемъ ожидалъ результата созваннаго имъ Волковыйскаго главнаго сеймика Литвы. Онъ пишетъ 27 іюля изъ сюза у Гловы Николаю Радивилу, а вѣроятно, и другимъ панамъ-радамъ Литовскимъ, вновь рассказывая о затрудненіяхъ и нуждахъ соединеннаго государства. Король говоритъ о своемъ невѣдѣніи исхода Волковыйскаго съѣзда, но опасеніе за него было напрасно. Когда королевскій листъ къ Радивилу былъ уже написанъ, король получилъ листы съ Волковыйскаго главнаго сеймика, что должно было успокоить его, хотя онъ и недоволенъ размѣрами податка и медленностью его выдачи. Нужды государства и потребность немедленной защиты его уже заставили Баторію въ это время обратиться къ Литвѣ съ призывомъ всѣмъ спѣшить на спасеніе отчизны, какъ для гашенія огня, который охватилъ пожаромъ Речь Посполитую ¹⁾. Какъ бы то ни было поборъ въ Литовскомъ великомъ княжествѣ былъ постановленъ съѣздомъ Волковыйскимъ и былъ собранъ. До насъ дошли и квитанціи его пріема повѣтовыми поборцами ²⁾.

Когда въ концѣ 1577 года Гданскъ былъ окончательно усмиренъ ³⁾, Стефанъ Баторій получилъ возможность отдать себя всецѣло Московской войнѣ. Янъ Ходкевичъ, какъ администраторъ Лифляндіи, давно уже взывалъ къ королю о помощи противъ Москвы, дѣлая это своимъ именемъ и именемъ Литвы ⁴⁾. Мы уже видѣли

¹⁾ А. Н. В. Г. Р. III. XI. № LIX. «Листы, писанные до панов-рад и всех станов вел кз Литовского, радечи и жедаючи, абы готовост военъную способляли». Лит. Метр. $\frac{IA}{56}$ л. 20—20 об. (Дата: Книшинъ 25 іюля 1576 года).

²⁾ Квитанція поборцы Новгородскаго повѣта Щаснаго Друцкаго. Вил. Арх. Сб. III. № 28.

³⁾ *Heidenstein*. I. Str. 278. ⁴⁾ *Ibidem*. Str. 276.

распоряженіе короля о готовности Княжества къ отраженію врага. Когда еще Баторій стоялъ подъ Гданскомъ, онъ обратился съ призывомъ къ Литовской шляхтѣ, призывая ее подъ команду Литовскаго великаго гетмана Виленскаго воеводы Николая Радивила ¹⁾, а въ январѣ 1578 года сеймъ рѣшилъ войну съ Москвою и постановилъ податокъ на ея веденіе ²⁾. Мы не знаемъ, были ли исполнены на этомъ сеймѣ тѣ требованія, которыя предъявило Княжество Баторію въ Варшавѣ передъ признаніемъ его своимъ государемъ и которыя были отложены имъ сначала на Торунскій сеймъ, а потомъ на Варшавскій 1578 года. Какъ увидимъ ниже, не всѣ Литовскія постановленія, утверждаемыя королемъ на сеймахъ, вносились въ сеймовыя конституціи, и отсутствіе Литовскихъ артикуловъ 1576 года въ конституціи 1578 года, поэтому, не можетъ вполнѣ убѣдительно доказывать ихъ неутвержденія. Однако, въ эту конституцію было внесено важное постановленіе, отвѣчающее Литовскимъ желаніямъ, — о томъ, чтобы были отдѣльные монетные дворы въ Коронѣ и Княжествѣ ³⁾. Что касается до Баторія лично, то нужно думать, онъ былъ готовъ сдѣлать все возможное для того, чтобы находиться въ хорошихъ отношеніяхъ съ Княжествомъ ввиду войны съ Москвою, во время которой ему придется постоянно нуждаться въ жертвахъ Литовскаго народа. Изъ Сендоміра, отъ 28 апрѣля 1578 года, король проситъ совѣта Литовскихъ сенаторовъ въ затруднительныхъ дѣлахъ государственныхъ ⁴⁾. Но дѣла внутреннія идутъ своимъ чередомъ и также требуютъ къ себѣ вниманія. Разграниченіе земель Короны и Княжества съ болѣе точнымъ и вдумчивымъ опредѣленіемъ границъ ихъ, чѣмъ это было сдѣлано въ 1569 году, когда были оторваны отъ Литвы ея земли, требовало назначенія комиссіи для совершенія его. Еще на Торунскомъ сеймѣ 1576 года паны-рада и послы земскіе Литовскіе указывали на то, что обыватели Берестейскаго воеводства привлекаются въ административно-судебный округъ воеводства Подляскаго, прося, чтобы

¹⁾ Ibidem. Str. 283, 284. *Рейнгольда Гейденштейна*. Записки о Моск. войнѣ (1578—1582). Спб. 1889. Стр. 5, 6.

²⁾ Vol. leg. II. Str. 191—198 (поборовый универсалъ). *Heidenstein*. I. Str. 286, 287. Зап. о Моск. в. Стр. 9—11.

³⁾ „Uchwałą seymu tego, iż potrzeba iest pilna bić swą myńcę, tak w Litwie iako w Polsce: a obcą iedną wywołać, a drugą oszacować. To wszystko uczyniemy y opatrzymy wedle namow Seymu tego, przestrzegaiąc, aby to było ku pożytkowi, nie szkodzie Korony y Państw naszych.» Vol. leg. II. Str. 189.

⁴⁾ A. N. R. G. P. ill. XI. № LXXIII.

воеводству Берестейскому не дѣлалось «уближенья» въ его границахъ ¹⁾. На Варшавскомъ сеймѣ 1578 года Берестейскіе послы вновь возобновили свою просьбу, и наконецъ комиссія для разграниченія, составленная изъ Поляковъ и Литовцевъ, получила предписаніе начать свои дѣйствія. Это предписаніе было дано *за обѣими печатями—Коронною и Литовскою* ²⁾. Обѣ же печати скрѣпили и королевскую грамоту о сложеніи съ себя Яномъ Ходкевичемъ администраторства въ Ливоніи ³⁾. Такимъ образомъ, если Литовцы не успѣли сохранить своей печати на сеймовыхъ конституціяхъ, то они зорко охраняютъ ее на другихъ актахъ совмѣстныхъ дѣйствій съ Поляками.

Мы не станемъ слѣдить шагъ за шагомъ за ходомъ побѣдоносной войны Стефана Баторія съ Москвою, но мы должны отмѣтить въ исторіи этой войны то, что было характернымъ для взаимныхъ отношеній обѣихъ частей соединеннаго государства. Историкъ войны Московской, вовсе не расположенный къ Литовцамъ вообще, отмѣчаетъ великую готовность Литовскихъ пановъ служить въ этой войнѣ королю и государству. Когда Баторій прибылъ въ 1579 году въ Городну, находясь въ большомъ затрудненіи, такъ какъ податковыя деньги, установленныя сеймомъ 1578 года, еще не поступали въ скарбъ ⁴⁾, Литовскіе паны, узнавъ объ его затрудненіяхъ, дали обѣщаніе выставить добровольно такое число солдатъ, какое только каждый изъ нихъ дать въ силахъ, и подали при этомъ королю списки этихъ своихъ отрядовъ. Число добровольно обѣщанныхъ королю Литовскими панами солдатъ дошло до 10 тысячъ, что совершенно ободрило пріунывшаго короля ⁵⁾. Уже въ Вильнѣ 30 іюня приведены были къ Стефану Баторію отряды Радивиловъ и Кишки ⁶⁾. Затѣмъ прибыли 900 человекъ коннаго отряда Яна Ходкевича ⁷⁾, который самъ остался дома, задержанный недугомъ, отъ котораго ему уже не суждено было оправиться, такъ какъ въ томъ же 1579 году онъ и

¹⁾ Библіотека Главнаго Штаба. Akta Historyczne № 2901. XI. Название документа: „Deputantur comisarii ad constituendos fines et terminos inter Magnum Ducatum Lithvaniae et Palatinatum Podlachiae“.

²⁾ A. N. R. G. P. ill. XI. № CV.

³⁾ Źródła Dziejowe. T. XI. № XXII.

⁴⁾ Кромѣ того, не поступилъ еще весь податокъ, постановленный въ Княжествѣ Волковъскимъ главнымъ сеймикомъ 1577 года. Vol. leg. II. Str. 195.

⁵⁾ Зап. о М. в. Стр. 38—39. *Heidenstein*. I. Str. 303.

⁶⁾ Зап. о М. в. Стр. 42. *Heidenstein*. I. Str. 305.

⁷⁾ Зап. о М. в. Стр. 46. *Heidenstein*. I. Str. 308.

скончался. Присоединились отряды и Стефана Збаражскаго, Николая Дорогостайскаго, Юрія Зеновевича, Яна Глѣбовича и многихъ другихъ Литовскихъ пановъ ¹⁾.

Московская война дала массу случаевъ и представила массу поводовъ для того, чтобы ясно обнаружались истинныя отношенія Польскаго и Литовскаго народовъ, а описанія ея сохранили факты, рисующіе ихъ ²⁾. Обратимся же къ этимъ фактамъ и остановимся на нихъ, не входя въ подробное изложеніе исторіи самой войны. Прежде всего необходимо отмѣтить, что во время войны строго различались всегда отряды Литовскіе и отряды Польскіе ³⁾. Литовцы не смѣшиваются съ Поляками, а всегда держатся отъ нихъ отдѣльно, составляя особыя отдѣлы въ войскѣ Стефана Баторія. Отношенія обоихъ народовъ во время походовъ, осадъ городовъ и лагерныхъ стоянокъ полны взаимнаго недовѣрія, враждебности и постоянного различенія Литовскаго и Короннаго. Когда на сеймѣ 1579 года былъ поднятъ вопросъ о томъ, вести ли королю военныя дѣйствія лично, или черезъ своихъ намѣстниковъ, въ числѣ соображеній за непосредственное его участіе въ руководствѣ военными дѣйствіями было высказано и то, что «присутствіе его будетъ полезно для ослабленія раздоровъ, могущихъ возникнуть изъ-за соперничества между Польскими и Литовскими должностными лицами» ⁴⁾. Въ самомъ дѣлѣ присутствіе короля въ войскѣ ввиду характера взаимныхъ отношеній Поляковъ и Литовцевъ было необходимо. Литовцы были недовольны назначеніемъ главнокомандующимъ Поляка Яна Замойскаго, Короннаго канцлера и друга Стефана Баторія (за котораго

¹⁾ Зап. о М. в. Стр. 45—46. *Heidenstein*. I. Str. 308—309.

²⁾ *Dyaryusz zdobycia zamków: Wieliża, Uświaty, Wielkich Łuk, w liście Jana Zborowskiego kasztelana Gnieźnieńskiego do Piotra Zborowskiego Wojewody Krakowskiego*. A. N. R. G. P. ill. XI. № CXXVIII; *Dyaryusz oblężenia i zdobycia Wieliża, Wielkich Łuk i Zawołocia od dnia 1 Sierpnia do 25 Listopada 1580 r., pisany przez Łukasza Działyńskiego starostę Kowalskiego i Brodnickiego*. Ibidem. № CXXIX. *Рейнгольда Гејденштейна*. Записки о Московской войнѣ (1578—1582) Спб. 1889. То-же въ его (*Dziejach Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594 ksiąg XII* (книги III, IV, V, VI). Оба изданія—переводы съ латинскаго оригинала. Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главнымъ образомъ къ заключенію Запольскаго мира (1581—1582 г.). Спб. 1867.

³⁾ Нпр. А. Н. R. G. P. ill. XI. Str. 191, 197, 198 и др.; Записки о Моск. войнѣ. Стр. 60, 115, 122, 191 и др.; Дневникъ посл. пох. Ст. Б. Стр. 24, 66 и др.

⁴⁾ Зап. о М. в. Стр. 95.

последній выдалъ даже свою племянницу) ¹⁾, и не стѣснялись выражать свое недовольство этимъ. Они бранятъ Замойскаго и слагаютъ на него пасквили ²⁾. Только ради короля Литовцы соглашаются держать караулы, чего не хотѣли дѣлать въ исполненіе распоряженія главнокомандующаго ³⁾. Полякъ, авторъ Дневника Псковскаго похода Баторія записалъ: «и Liwty nie mamy ni kaska łaski; czo ieszcze troche beło, wszystkośmy teras tym hetmaństwem utracieli; niczego nam dobrego nie zyszą etc» ⁴⁾. Литовцы устраиваютъ свои отдѣльныя Литовскія совѣщанія ⁵⁾, собираясь въ своемъ обозѣ около своихъ начальныхъ людей ⁶⁾. Литовцы предъявляютъ свои требованія ⁷⁾ и дѣлаютъ свои заявленія ⁸⁾. Литовскіе паны-рада также охраняютъ отдѣльные интересы Княжества и его народа. Они протестуютъ ⁹⁾ въ радѣ королевской противъ рѣшеній, которыя они считаютъ неудобными для Литовцевъ. Король также вполне признаетъ отдѣльность интересовъ Литовскихъ отъ Коронныхъ. Онъ имѣетъ тайныя рады съ панами Литовскими ¹⁰⁾ и вмѣстѣ съ сенаторами Княжества вырабатываетъ и постановляетъ мѣры, касающіяся безопасности Литвы ¹¹⁾. Что же удивительнаго въ томъ, что Литовцы стали требовать въ это время созыва сейма въ предѣлахъ Княжества ¹²⁾, а не Короны? Опасности войны, требовавшія пребыванія короля вблизи театра военныхъ дѣйствій, были хорошимъ предлогомъ для того, чтобы создать прецедентъ созыва вальныхъ сеймовъ въ Литвѣ и потомъ, ссылаясь на него, добиться исполненія Литовскаго желанія сеймовъ *alternatim*, заявленнаго ими при заключеніи Уніи и никогда не забытаго въ послѣдующее время. Поляки, однако, поняли значеніе Литовскаго желанія и отвѣчали на него, «ze s tego nic nie bendzie» ¹³⁾. Поляки, въ свою очередь, подчеркиваютъ отдѣльность Княжества и Короны. Авторъ «Дневника» Псковскаго похода пишетъ: король «od nas ku Wielkiemu Xięstwu Litewskie-

1) Ср. *Życia sławnych Polaków*. Wydanie nowe *Jana Nep. Bobrowicza*. Т. III. W Lipsku 1837. *Życie Jana Zamojskiego*. Przez *Fr. Bohomolca*. Str. 85.

2) Дневн. п. пох. Стр. 120: «z łotra pan, s klechy pleban, zak sądzi, desperat rządu, klecha hetmani, Panie Boże racz być s nami».

3) *Ibidem*. Стр. 87, 136. 4) *Ibidem*. Стр. 157. 5) Зап. о М. в. Стр. 226.

6) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 119. 7) Зап. о М. в. Стр. 133.

8) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 119.

9) *Ibidem*. Стр. 118. Ср. также просьбу Литовскихъ пановъ—*ibidem*, стр. 116.

10) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 41. 11) Зап. о М. в. Стр. 83.

12) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 133. 13) *Ibidem*.

mi odiezdzał» ¹⁾, или «propomował P. hetman nasz» ²⁾, называя его такъ въ отличіе отъ Литовскаго гетмана Николая Радивила, или «nasz i Panowie» ³⁾, отличая ихъ тѣмъ отъ Литовскихъ. Когда съ авторомъ «Дневника», секретаремъ Короннымъ, разговаривалъ Замойскій о томъ, кому быть правителемъ въ Инфлянтахъ послѣ заключенія мира съ Москвою, тотъ отвѣчалъ: «trzeba człowieka magnaе autoritatis, praeterea wiernego a zyczliwego Krolowi; Litwina nie radzę» ⁴⁾. Авторъ «Дневника» жалуется, что «Lithwa nieuzici są u w małych rzeczach» ⁵⁾, жалуется и на слухи, распускаемые Литовцами ⁶⁾, передаетъ некрасивыя черты нравовъ, приписываемыхъ Литовцамъ ⁷⁾. Отдѣльность Литовскаго и Польскаго народовъ ⁸⁾ выражалась и въ составѣ посольствъ, отправляемыхъ во время войны, — въ него входили Поляки и Литовцы ⁹⁾, какъ представители обоихъ народовъ. Послѣ окончанія Московской войны, во время сейма 1582 года Литовцы часто обращались къ Стефану Баторію съ просьбою присоединить Ливонію къ Княжеству ¹⁰⁾. Конечно, это было бы хотя нѣкоторымъ вознагражденіемъ Литвы за отнятыя отъ нея въ 1569 году земли и за ея жертвы во время войны. Противъ требованія Литовцевъ на сеймѣ не было сдѣлано никакого возраженія ни сенатомъ, ни избою, и только противодѣйствіе одного Замойскаго лишило Литву исполненія ея желанія. Таковы были отношенія Поляковъ и Литовцевъ, какъ они рисуются историками Московской войны Стефана Баторія. Литовская особность и сознаніе ея Литовцами и Поляками совершенно ясно обрисовываются этими отношеніями. Неудивительно, поэтому, что подданные Московскаго царя, пограничные съ Литвою, но далекіе отъ Польши, говорили по окончаніи войны, что наступилъ миръ съ королемъ Литовскимъ ¹¹⁾, совсѣмъ забывая, а можетъ быть и не всегда зная, что онъ былъ королемъ соединеннаго Польско-Литовскаго государства.

Посмотримъ теперь, что переживало Литовское княжество въ своей внутренней жизни въ то время, когда оно боролось съ врагомъ на своихъ границахъ. Эпоха царствованія Стефана Баторія была временемъ особеннаго развитія дѣятельности обще-Литовскаго съѣзда. Мы видѣли выше постановленія Волковыйскаго главнаго сеймика 1577 года. Передъ сеймомъ 1578 года.

¹⁾ Ibidem. Стр. 163.   ²⁾ Ibidem. Стр. 123.   ³⁾ Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 30.

⁴⁾ Ibidem. Стр. 174.   ⁵⁾ Ibidem. Стр. 26.   ⁶⁾ Ibidem. Стр. 24, 25.

⁷⁾ Ibidem. Стр. 29.   ⁸⁾ Ср. Зап. о М. в. Стр. 15.   ⁹⁾ Ibidem. Стр. 1, 2, 233.

¹⁰⁾ Зап. о М. в. Стр. 303.   ¹¹⁾ Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 176.

вновь собрался съѣздъ въ Волковскийскѣ, но мы не будемъ останавливаться на немъ, такъ какъ это былъ обычный предсеймовый съѣздъ Литовцевъ, изученію котораго посвящена особая глава настоящаго изслѣдованія ¹⁾. 16 марта 1580 года изъ Гродна были разсланы королевскіе листы во всѣ 22 Литовскихъ повѣта о назначеніи повѣтовыхъ сеймиковъ Княжества на 5 апрѣля и съѣзда въ Вильнѣ на 17 апрѣля 1580 года. Повѣтовые сеймики Литовскіе созываются на этотъ разъ очень скоро послѣ закрытія вальнаго сейма. 4 января 1580 года закончился Варшавскій сеймъ, а 16 марта уже выходятъ отъ Баторія универсалы по Княжеству, извѣщающіе о предстоящихъ сеймикахъ и съѣздѣ. Причина созванія ихъ — продолжающаяся еще война съ Москвою. Въ началѣ своего листа въ повѣты король Стефанъ заявляетъ, что съ самаго начала своего царствованія онъ ни о чемъ не старался болѣе, какъ о томъ, чтобы не только дать защиту и миръ великому княжеству Литовскому, но чтобы возвратитъ всѣ земли, замки и «многіе добра», захваченные великимъ княземъ Московскимъ. Король стремился всегда къ тому, чтобы послѣ этого добыть «кгрунтовне успокоене на долгие часы панствамъ» своимъ и всѣмъ своимъ подданнымъ. По милосердію Божію и благодаря королю, который не только трудился для достиженія этой цѣли, но даже не жалѣлъ своего здоровья, а также благодаря «мужному заставованю» Литовскаго рыцарства, «замки, черезъ оногo неприятеля опанованые, Полоцкъ, Суша, Соколь, Туровля, Ситно, Красное, Нещерда и иные пригородъки з немалыми широкостями кгрунтовъ» возвращены опять великому княжеству Литовскому славными побѣдами надъ Московскими войсками. Но, несмотря на все это, миръ съ великимъ княземъ Московскимъ еще не заключенъ, и онъ не пересталъ стараться о захватѣ владѣній Литовскихъ. Достиженіе прочнаго мира съ Москвою и средства для этого и были задачею, предложенною обсужденію только что закончившагo вальнаго Варшавскаго сейма. Собравшіеся на немъ паны-рада и земскіе послы обоихъ народовъ, «всякіе потребы, шкоды и пожитки, а особливе вывышенъе славы народов своих уважаючи, то по многомъ намышливанью своемъ обачили», что нужно войну продолжать ввиду большой ея удачи. Въ силу этого постановленія сеймоваго, король сейчасъ же по

¹⁾ Глава пятая, которая входитъ въ составъ второга тома настоящаго изслѣдованія.

окончаниі сейма поспѣшилъ въ Литовское княжество для того, чтобы «выправиться» на войну съ Москвою, «што наборздей ку потребе военной, часу до того погодного не омешкиваючи». Но великій князь Московскій прислалъ къ королю своего гонца съ предложеніемъ выслать къ нему пословъ. Стефанъ Баторій находитъ, однако, что поступить согласно предложенію Ивана IV «з многих и слушных а панствамъ» королевскимъ «шкодливых причин» не годится. Поэтому онъ назначаетъ съѣздъ Литовскимъ панамъ-радамъ, врядникамъ земскимъ и всѣмъ посламъ, которыхъ вышлютъ повѣты Княжества. Предметы, подлежащіе обсужденію съѣзда, слѣдующіе. Во-первыхъ, это «рушенье» короля къ войску и охрана безопасности великаго княжества Литовскаго во время пребыванія короля на войнѣ. Во-вторыхъ, нужно обсудить тѣ предложенія, съ которыми пріѣзжалъ посоль Московскій, и посмотрѣть, не захочетъ ли онъ ввиду рушенья и собранія войскъ Речи Посполитой искать заключенія мира на такихъ условіяхъ, которыя будутъ «не з ущербомъ», но съ «вывышанемъ славы» короля и Литовскаго рыцерства. Третьимъ предметомъ занятій съѣзда будутъ «иншія sprawy земскія». Всѣ эти дѣла и вопросы, по заявленію короля Стефана, всѣмъ Литовскимъ станамъ «ведати належить, и никого болни», чѣмъ вѣрныхъ обывателей великаго княжества Литовскаго и «убезпеченія жон, детей и маетьностей» ихъ это «заходитъ». Вотъ причины, по которымъ созывается на 17 апрѣля 1580 года въ Вильнѣ съѣздъ панамъ-радамъ, врядникамъ земскимъ Княжества и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыхъ «с поветовъ с посродку себе» изберутъ и вышлютъ обыватели Литовскіе. Число пословъ отъ повѣтовъ на съѣздъ не опредѣляется королевскимъ универсаломъ точно. Онъ говоритъ объ этомъ, обращаясь къ обывателямъ, такъ: «межи собою намовивши две, албо три особы, албо похочете ли и болшъ с посродку себе братю вашу, людей добрых ростропных и бачных на тотъ зъездъ, у Вилни на ден семнадцатый месеца апреля зложоный, прислали бы», и они «сполне зъ их милостью паны-радами и иншими станы, которые на он час до Вилни прибудут, яко около рушеня нашего до войска», такъ и въ иныхъ «потребахъ земских обмышлевали» бы ¹⁾. Объ этомъ съѣздѣ и сеймикахъ

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 3—3 об. Документъ изданъ въ А. З. Р. III, № 119, но съ пропускомъ нѣсколькихъ строкъ.

разосланы и 14 листовъ къ тивунамъ Жомоитскаго староства, а также листы къ 27 членамъ Литовскаго сената ¹⁾).

Итакъ послѣ сейма 1579—1580 годовъ, наполненнаго интригами партій и личными расчетами вельможъ и даже упрекавшаго своего побѣдоноснаго короля въ нарушеніи правъ и законовъ Речи Посполитой ²⁾, Стефанъ Баторій обращается къ Литвѣ, ища въ ея патриотизмѣ себѣ поддержки и прочной почвы для продолженія войны съ Москвою съ ея заманчивыми перспективами, рисовавшимися великому королю. Сеймъ, хотя и вотировавшій единогласно испрашиваемый королемъ поборъ, но сдѣлавшій это лишь послѣ прекрасной рѣчи Яна Замойскаго, исполненной упрековъ, не избавилъ короля отъ необходимости обращенія къ патриотизму великаго княжества Литовскаго, и безъ того уже истомленнаго громадными трудностями и расходами Московской войны, павшими на него почти цѣликомъ. На Виленскомъ съѣздѣ 1580 года присутствовалъ самъ король ³⁾, который своимъ присутствіемъ дѣлалъ его какъ бы воскресшимъ сеймомъ великаго княжества Литовскаго, не существовавшимъ съ 1569 года, когда его убила Люблинская Унія. Въ Вильну на съѣздъ явились и послы обывателей Полоцкаго воеводства, земли котораго вмѣстѣ съ самымъ Полоцкомъ, завоеванныя Иваномъ IV, были опять возвращены Княжеству Стефаномъ Баторіемъ въ 1579 и 1580 годахъ. Послы Полоцкіе, подкоморій Полоцкой земли панъ Оникій Корсакъ и писарь земскій Полоцкій Юрій Котовицкій, просили короля отъ имени обывателей своего воеводства подтвердить ихъ старыя права, которыми они пользовались до Московскаго завоеванія. Всѣ «листы, привилея и твердости, на права и вольности, всей земљи Полоцкой надлежащие», дарованные королями Польскими и великими князьями Литовскими, хранились въ храмѣ св. Софіи въ Полоцкомъ замкѣ и были захвачены врагами. Теперь Полоцкъ отнять обратно отъ Москвы, а вмѣстѣ съ нимъ вернуться къ Литовской речи посполитой и имѣнія Полоцкой шляхты. Исполняя просьбу пословъ Полоцкихъ, король прославляетъ труды шляхты этого воеводства и ея преданность отечеству ⁴⁾. Баторій

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 3 об.—4.   ²⁾ Зап. о. М. в. Стр. 85—96.

³⁾ Изъ Вильны король отбылъ въ началѣ іюля. Зап. о М. в. Стр. 106.

⁴⁾ «Тогда мы господарь з ласки наше, маючи ласкавый взгляд на верные а намъ господару и речи посполитой пожиточные службы панов Полоцких рыцества шляхты обывателей земљи воеводства Полоцкого, ижъ они

сохраняетъ за обывателями Полоцкаго воеводства всѣ права и вольности, дарованныя имъ 21 февраля 5 индикта 1547 года Сигизмундомъ Августомъ. Онъ приказываетъ «отворить» канцлярскія книги и вписать находящійся въ «метрыкъ» листъ Сигизмунда въ настоящую свою грамоту. Послѣ вписанія въ жалованную настоящую грамоту этого листа 1547 года ¹⁾, она гласитъ отъ имени короля: «и хотимъ мети, абы во всехъ артикулахъ и важности своей тепер и на потомъные часы водъле утверженья предковъ нашихъ королей ихъ милости и великихъ князей и теперешнего нашего утверженья ни въ чомъ ненарушено везде на кожъдомъ мѣстѣцу и въ каждого права при зупольной моцы паномъ Полоцкимъ рыцерству всей шляхте обывателемъ тое земли воеводства Полоцкаго тотъ привилей, в семъ листе-привилею нашомъ вписанный, былъ хован, и держанъ быти маеть вечъными часы». Въ случаѣ требованій шляхтою Полоцкою выдачи выписей другихъ всякихъ привилеевъ, они будутъ ей выдаваться безпрепятственно, хотя и не въ данную минуту, потому что «метрыкъ канцлярскихъ зъвлаца давныхъ справ на сесь часъ у Вилни при канцлерыи» государевой «не было» ²⁾.

Какъ нельзя болѣе кстати было это громкое признаніе заслугъ Полоцкихъ обывателей королемъ Стефаномъ именно въ Вильнѣ, «столичномъ мѣстѣ» великаго княжества Литовскаго, передъ лицомъ всѣхъ Литовскихъ становъ, собравшихся на свой обще-Литовскій съѣздъ. Грамота Баторія, подтверждающая права Полоцкихъ обывателей и признающая ихъ заслуги, является въ то же время продолженіемъ извѣстій о патриотизмѣ Литовской шляхты, о которомъ говоритъ уже грамота Баторія ко всѣмъ обывателямъ Полоцкой земли, изданная въ Вильнѣ 20 апрѣля 1579 года ³⁾.

ачъ имена свои, в земли Полоцкой лежащие, спустошонные и зничонные маючи, але з милости своее ку намъ господару и речи посполитой бываючи на службахъ нашихъ господарскихъ и речи посполитое здорове свое противъ люду неприятеля нашего Московского выносячи, и пры добываню того замьку Полоцкаго з рукъ неприятельскихъ Московскихъ не одно они пры насъ господары были и, певные почты свои водле наболшого премноженья своего на ласку нашу господарскую выведъшы, з нелитованемъ горла и маетьностей своихъ, яко добрые а верные рыцерские люди служили». М. Арх. М. Юст. Коронная

Метрика $\frac{I B}{22}$ л. 72.

¹⁾ Изданъ въ А. З. Р. III. № 5.

²⁾ Документъ находится—Коронная Метрика $\frac{I B}{22}$ л. 71 об.—77 об.

³⁾ Вил. Арх. Сб. I. № 50.

Еще въ ней король объявляетъ о томъ, что по прїѣздѣ его въ великое княжество Литовское для веденія войны съ Москвою, рѣшенной на прошломъ вальномъ Варшавскомъ сеймѣ, онъ былъ «не по малу способленъ» Литовскими обывателями. Одни изъ нихъ тотчасъ же рѣшили отправиться сами лично со своими почтами съ королемъ въ войскѣ, а другіе выразили «зъ зѣздовъ повѣтовыхъ и тежъ черезъ посланцовъ своихъ таковую жъ упреимость свою на тую потребу», не жалѣя здоровья и имущества своего, вмѣстѣ съ королемъ «тягнути оферовали» со всѣхъ повѣтовъ и воеводствъ. Король благодаритъ за это всѣ Литовскіе станы и каждый повѣтъ особенно. «Часомъ ку тятненью до войска» Баторіемъ назначается 28 іюня 1579 года, а мѣстомъ собранія Свира. Король не только «варуетъ» теперь, но по собраніи войска «варовати хочеть» особымъ привилеемъ, что всѣ станы великаго княжества Литовскаго, «не будучы повинни за поступеньемъ податку на отправу войны тое, алижъ за уфалою соймовою рушенъе посполитое посполъ зъ братьею своею паны Поляки, водле спису Уніи, але толко до тое потребности» обѣщали идти въ походъ съ королемъ. Это настоящее рушенъе, *идушее*, прибавимъ, *въ разртзгъ съ договоромъ Уніи*, не принесетъ никакого ущерба «вольностямъ и свободамъ» обывателей Княжества и «на вси потомные прышлые часы въ пошлину пойти не маеть». Каждый, кто явится со своимъ почтомъ въ войско къ королю, «блишимъ будетъ ласки» королевской «и опатренья водлугъ службы и стану своего». Великое Княжество горячо отозвалось на призывъ королевскій, и, заслуживъ полное признаніе своихъ заслугъ отъ короля, должно получить его и со стороны исторіи. Въ то время какъ Корона ограничилась лишь уплатою податка на веденіе войны наемнымъ войскомъ, Литва не только внесла его, но добровольно выслала своихъ обывателей въ посполитомъ рушенъѣ «персями» своими защищать отечество. Но послушаемъ самого Стефана Баторія объ этомъ. 29 апрѣля 1580 года король Стефанъ изъ Вильны объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее. Когда Варшавскимъ сеймомъ была рѣшена война съ Москвою, король намѣревался ее вести согласно сеймовому постановленію наемными войсками, а не посполитымъ рушенъемъ, на средства, данныя ему установленнымъ какъ для Короны, такъ и для Княжества податкомъ. Но, когда онъ послѣ окончанія сейма прибылъ въ великое княжество Литовское, паны-рады Литовскіе, «яко ведомые всихъ справ, поступковъ и силъ того неприятеля граничнаго великому князству Ли-

товскому», довели до свѣдѣнія короля, что войска для веденія войны нужно не мало, а на тѣ небольшія средства, которыя принесетъ податокъ «великость войска нелацно бы се способити могло». Ввиду этого король воззвалъ къ патриотизму Литвы и обратился съ просьбою къ панамъ-радамъ, княжатамъ, панятамъ, врадникамъ и всѣмъ станамъ Литовскимъ, чтобы они «з милости» своей къ королю и государству поддержали своими силами короля въ его начинаніи. Это было сдѣлано Баторіемъ въ Городнѣ. Тѣ Литовскіе обыватели, которые были въ то время въ этомъ городѣ около короля, хотя и истомленные горями и тяжестями за долгое время войны Московской, только изъ своего расположенія («хути и милости») къ королю, а отнюдь не по обязанности обѣщали ему выставить на войну свои почты. «За радю» пановъ-радъ королемъ были написаны листы ко всѣмъ обывателямъ великаго Княжества, которые не были въ это время въ Городнѣ. Въ этихъ листахъ находилась королевская просьба къ Литвѣ о «посилкѣ», о помощи. На сеймикахъ повѣтовыхъ почти вся шляхта Княжества откликнулась на королевское воззваніе, сдѣлавъ это также лишь «з милости своее, а не з жадное повинности». Король Стефанъ приписываетъ этотъ поступокъ шляхты Литовской любви и преданности, которыя питала Литва къ своимъ прежнимъ государямъ и къ нему, Баторію, и это Литовскіе обыватели доказали не только словами, но и самымъ дѣломъ. Когда наступило время военныхъ дѣйствій, обыватели Княжества въ Свирѣ, Диснѣ и другихъ мѣстахъ явились съ такими почтами (притомъ оставаясь около короля всю войну), что за ихъ «подпартъемъ войска досыт великого и потужного», Баторій могъ не только «безпечне здорове» свое «вынести», но счастливо двинулся противъ врага, который не пожелалъ выйти ему навстрѣчу и заперся главными силами своими во Псковѣ. Король взялъ Полоцкъ, Красное, Ситно, Козьяны, Туровлю, Сушу и другіе замки непріятели въ землѣ Полоцкой. Теперь, когда новый Варшавскій сеймъ подтвердилъ постановленіе о продолженіи войны съ Москвою, король приказалъ въ универсалѣ сеймовый внести признаніе и объявленіе всей Речи Посполитой этихъ заслугъ Литовскихъ становъ. Король рассчитываетъ, что паны-рада, старосты и державцы Княжества и въ другой разъ не откажутся помочь ему. Вернувшись изъ Варшавы съ сейма въ Литву, въ «столечное мѣсто» Литовское Вильну, король вызвалъ къ себѣ пановъ-радъ и рыцерство Княжества, всѣхъ кто только могъ прибыть къ королю. Въ Вильнѣ

опять король обратился съ просьбою къ обывателямъ Литвы. Онъ «жадаетъ» ихъ снова явить «хуть» ихъ къ своему государю и помочь ему въ дѣлѣ продолженія войны. Король своимъ королевскимъ словомъ гарантируетъ станамъ Литовскимъ, что помощь эта не будетъ обращена имъ въ повинность, или въ «звыклость», и обѣщаетъ награду—«*примноженіе вшеляких волностей*». Баторій признаетъ, что Литва обнаруживаетъ такія «веру и милость» къ нему и отчизнѣ, какихъ ни одинъ «инъшій народъ противо паном своимъ» не показывалъ и не показываетъ одинаково съ нею. Обыватели Литовскіе не только несутъ тяжесть податка, назначеннаго на веденіе войны, постановленнаго сеймомъ,—это дѣлаютъ и обыватели Короны; станы Литовскіе, выплативъ его, сверхъ того отозвались на просьбу королевскую и явились въ войско сами съ такими почтами людей и съ такими готовностью и преданностью, что «во всем годными были найдены» королемъ, т. е. государь не нашелъ никакого недостатка въ поведеніи своихъ Литовскихъ подданныхъ. Все, что надлежитъ дѣлать доблестному рыцерству, они исполняли съ готовностью и мужествомъ. По всему этому «не годило» Королю «иначей, одно тую веру и зычливость ихъ», ему «и речи посполитое мужне оказаную, значне вызнати, вывышити и на вечную паметку на писме то им зоставит». Теперъ снова, вторично паны-рады вядники и рыцерство Княжества готовы сослужить ту же примѣрную службу королю и государству, но только вновь просятъ имъ гарантировать, что эта служба отечеству будетъ опять признана добровольнымъ ихъ даромъ, а не обязанностью, исполненія которой отъ нихъ стануть требовать послѣ. Король исполняетъ ихъ просьбу и въ торжественныхъ выраженіяхъ подтверждаетъ нецрикосновенность правъ обывателей великаго княжества Литовскаго ¹⁾.

Рядомъ съ этимъ признаніемъ заслугъ обывателей Литовскихъ въ дѣлѣ защиты отечества и войны съ извѣчнымъ врагомъ его стоятъ королевскія распоряженія по удовлетворенію ходатайствъ обывателей Княжества. Выше мы видѣли подтвержденіе Баторіемъ правъ Полоцкаго воеводства. Тѣ же Полоцкіе послы, которые хлопотали о немъ, предъявили королю и другую просьбу Полоцкихъ обывателей. Дѣло въ томъ, что послѣ завоеванія Москвою По-

¹⁾ Коронная Метрика $\frac{I B}{22}$ л. 25.—27 об. Дата: Вильна 29 апр. 1580 г.

лоцка и захвата ею шляхетскихъ имѣній въ Полоцкой землѣ были розданы шляхтѣ этого воеводства столовые земли въ хлѣбокормленіе до возвращенія отъ врага ея имѣній. Эти имѣнія теперь очищены отъ вражеской власти и возвращены ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Но ввиду опустошенія этихъ имѣній, а также ввиду заслугъ Полоцкихъ обывателей король, сверхъ того, оставляетъ имъ еще на пять лѣтъ и данныя въ хлѣбокормленіе столовые земли ¹⁾. Не во всемъ, однако, сходились Полоцкіе обыватели съ Баторіемъ во взглядахъ на Виленскомъ съѣздѣ 1580 года. Основаніе королемъ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ и пожалованіе ей земель, принадлежавшихъ прежде православнымъ церквямъ, вызвало уже на только что прошедшемъ сеймѣ заявленіе неудовольствія Полоцкой шляхты. Теперь на Виленскомъ съѣздѣ она еще энергичнѣе, хотя и безуспѣшно противилась учрежденію и обезпеченію іезуитскаго коллегіума въ центрѣ своего воеводства ²⁾.

Въ январѣ 1581 года собрался Варшавскій сеймъ ³⁾. Мы не будемъ входить детально въ ходъ его занятій ⁴⁾, но остановимся лишь на одномъ учрежденіи, созданномъ на немъ для Литовскаго княжества. Это учрежденіе — главный Литовскій трибуналъ, высшая апелляціонная инстанція Княжества. Трибуналъ Литовскій былъ вызванъ къ жизни какъ торжествомъ принципа шляхетскаго верховенства въ Польско-Литовскомъ государствѣ, такъ и дѣйствительною потребностью въ апелляціонномъ судѣ, который бы имѣлъ обязанность и возможность разбирать всю массу справъ, переносимыхъ по апелляціямъ изъ судовъ областныхъ. Въ эпоху до Люблинской Уніи дѣла по апелляціямъ въ Литовскомъ государствѣ разбирались какъ королемъ, такъ и съѣздами пановъ-радъ ⁵⁾. Но нельзя сказать, чтобы паны-рада аккуратно

¹⁾ А. Н. Р. Г. Р. III. XI. № СХХVI. Документъ напечатанъ латиницею, какъ онъ былъ переписанъ въ Tekach Naruszewicza. Такой же списокъ см. въ Akta Historyczne № 2901. XI. Библиотеки Главнаго Штаба. Тамъ же находится и списокъ на латинскомъ языкѣ того же документа.

²⁾ Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 28—29.

³⁾ См. Akta Sejmu Walnego Warszawskiego, in Anno 1581 ad 22 Januarii naznaczonego. А. Н. Р. Г. Р. III. XI. Str. 285—339. Конституція этого сейма и поборовый универсалъ—Vol. leg. II. Str. 206—219.

⁴⁾ Сейму посвящена—шестая глава (II томъ) настоящаго изслѣдованія.

⁵⁾ С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Любл. уніи. 1388—1569. Спб. 1883. Стр. 289. М. Ж. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 259 и др.

исполняли свою обязанность съѣзжаться два раза въ годъ на свои «съемы», да и тяжущіеся предпочитали обращаться со своими делами лучше къ королю, чѣмъ къ сенаторамъ. Король долженъ былъ разбирать всю массу дѣлъ, которую копили для его «разсудка» повѣты великаго Княжества. Правда, что король пользовался для разбора дѣлъ услугами пановъ-радъ и врядниковъ, разсматривавшихъ ихъ безъ его непосредственнаго участія, въ качествѣ дворнаго суда королевскаго. Справы, направляемыя къ королевскому суду, разсматривалъ король далеко не всегда лично. Ихъ было слишкомъ много для того, чтобы онъ имѣлъ возможность это дѣлать¹⁾. Временемъ выработалось нѣсколько формъ королевскаго суда. Король разсматривалъ самъ вмѣстѣ съ сенаторами судебное дѣло, но также онъ «высаживалъ на справы» и нѣсколькихъ отдѣльныхъ сенаторовъ, или маршалковъ, творившихъ судъ отъ королевскаго имени и докладывавшихъ ему своею «реляціею» тѣ дѣла, въ которыхъ они не рѣшались произнести приговора сами. Соединяя нѣсколькихъ сенаторовъ съ нѣсколькими врядниками въ одну судебную комиссію, получившую названіе ассессорскаго суда, съ теченіемъ времени король создалъ и новую форму своего суда королевскаго. Само собою разумѣется, что постановленіе королевскаго суда во всѣхъ его видахъ имѣло значеніе «вырока», приговора, произнесеннаго самимъ королемъ лично, и записывалось вмѣстѣ съ актомъ судебного разбирательства въ книги государевой канцеляріи. Однако, въ то же время, необходимость учрежденія новаго апелляціоннаго судилища сказывалась все сильнѣе и сильнѣе съ того времени, когда Литва соединилась съ Польшею Люблинскимъ актомъ 1569 года. Съ одной стороны, эта Унія принесла съ собою спольные сеймы для Польши и Литвы, имѣвшіе шестинедѣльную продолжительность своихъ засѣданій и созывавшіеся при обычномъ теченіи государственной жизни только каждые два года; съ другой стороны, Люблинская Унія внушила въ Литовскій народъ тотъ же взглядъ на государя, который существовалъ въ Польшѣ,—взглядъ, такъ отличный отъ прежнихъ Литовскихъ понятій о великокняжеской власти. Время сейма было обычнымъ временемъ и королевскаго суда. Къ сейму обыкновенно копили большую часть судебныхъ дѣлъ по апелляціямъ, такъ какъ сеймъ собиралъ около короля почти всѣхъ сенато-

¹⁾ См. о массѣ судебныхъ дѣлъ возносимыхъ къ королю—С. А. Бершадскій. Лит. еврей. Стр. 281, 282 и Ө. Вержбовскій. Двѣ кандидатуры на Польскій престолъ. Стр. 24.

ровъ и дворныхъ врядниковъ, помощниковъ, совѣтниковъ и замѣстителей государя въ отпращиваніи его судебныхъ обязанностей. Кромѣ того, во время сейма король жилъ на одномъ мѣстѣ, что было также очень важно для удобства суда. Стоитъ взглянуть на даты грамотъ Сигизмунда Августа и Стефана Баторія, чтобы представить себѣ постоянные переѣзды королей изъ одного мѣста въ другое. Конечно, при такихъ условіяхъ функционированіе королевскаго суда во «дворѣ» государевомъ было крайне затруднительнымъ. Но если королевскій судъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ во время сейма, то какъ онъ могъ управляться со всею массою дѣлъ, требовавшихъ его разбора, въ какія-нибудь шесть недѣль разъ въ два года, притомъ, когда королю нужно было судить дѣла и Короны, и Княжества? И для одной части Речи Посполитой этого времени было недостаточно. Во время царствованія Баторія, занятаго войною съ Москвою, особенно чувствовалась необходимость созданія новаго апелляціоннаго судилища.

Такимъ образомъ, самыя условія, въ которыя былъ поставленъ апелляціонный судъ Литвы послѣ ея соединенія съ Польшею, требовалъ созданія новой формы этого суда, имѣющей дѣйствительную возможность разбора дѣлъ судебныхъ. Польша знала судебныя вѣча, имѣвшія значеніе высшаго областного суда. Такіе областныя «соймы» знали и нѣкоторыя земли великаго княжества Литовскаго въ болѣе раннее время ¹⁾. Конституція Піотрковскаго сейма 1565 года всего за четыре года до Уніи точно опредѣляетъ эти судебныя вѣча въ воеводствахъ короны Польской ²⁾, возстановляя такимъ образомъ въ новомъ законѣ старинную форму областного высшаго суда. А между тѣмъ потребность въ королевскомъ судѣ чувствовалась сильно и въ Польшѣ. Самый взглядъ шляхты Польской на короля представлялъ его вождемъ, защитникомъ и судьей, выражая такимъ образомъ въ новыхъ выраженіяхъ и выводя это представленіе изъ новыхъ политическихъ понятій «золотой вольности», но въ концѣ концовъ сохраняя исконное славянское представленіе о государѣ, князѣ, какъ о вождѣ во время войны и судѣ во время мира, дѣятельность котораго шла рука объ руку

¹⁾ *М. К. Любавскій*. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит.-Русск. государства. М. 1893. Стр. 869—873.

²⁾ Vol. leg. II. Str. 45—47. Ср. *Oswald Balzer*. Geneza trybunału Koronnego. Studium z dziejów sądownictwa Polskiego XVI wieku. Warszawa 1886. Str. 22 и сл.

съ волею народа, довѣрявшаго ему ¹⁾). Краковскій посолъ Геронимъ Оссолинскій такъ говорилъ на сеймѣ 1553 года, проводя этотъ исконный славянскій взглядъ на государя: «iż nam Król I. M. każe inne tu sędzie najdować, coby nas sądzili, obrony też obyczaj, jakobyśmy się bronili, bo temu wszystkiemu, powieda, dosyć czynić nie może, a cóż to jest innego mówić: sądzić nie mogę, bronić nie mogę, jedno mówić: panować a królować wam nie mogę» ²⁾). Король долженъ судить: онъ — «judex supremus» и не имѣетъ права отказываться отъ исполненія своей судовой обязанности. Но сами Поляки, однако, замѣчали, что король не имѣетъ возможности исполнять ея, и сеймы выдвинули, наконецъ, вопросъ объ учрежденіи высшаго суда для Польши. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года говоритъ не разъ о томъ, какъ король принимался за судъ и какъ онъ не имѣлъ времени и возможности справиться со всѣми дѣлами, требовавшими его приговора ³⁾). Тому же сейму Сигизмундъ Августъ уже заявилъ о необходимости учрежденія высшаго судилища вмѣсто королевскаго суда ⁴⁾, и король прямо говорилъ, что государство настолько увеличилось, что онъ не въ состояніи удовлетворить всѣхъ, обращающихся къ нему за судомъ, «а безъ правосудія никакое государство не можетъ стоять твердо» ⁵⁾).

Что касается до Литвы, то необходимость созданія новаго апелляціоннаго суда для нея была не менѣе ощутительна, чѣмъ для Польши. Соединеніе съ Польшею перенесло въ Литву и Польскій взглядъ на государя, такъ непохожій на прежній Литовскій, а введеніе спольнаго сейма отняло у великаго князя Литовскаго возможность судить во время сейма исключительно Литовскія sprawy, заставляя его дѣлать время разбора судебныхъ дѣлъ между всѣми составными частями Речи Посполитой. Все это влекло за собою мысль о необходимости реформы высшаго суда Княжества. Въ то же время установленіе избирательнаго престола, который занимали короли, не знавшіе Русскаго языка, языка судебныхъ актовъ великаго княжества Литовскаго, дѣлало для Литвы вопросъ объ учрежденіи высшаго апелляціоннаго судилища особенно

¹⁾ Ср. *Вл. Дьячанъ*. Участіе народа въ верховной власти въ Славянскихъ государствахъ до измѣненій ихъ государственнаго устройства въ XIV и XV вѣкахъ. Варшава 1882. Стр. 183.

²⁾ *Scriptores Regum Polonicarum*. Tomus I. Cracoviae 1872. P. 29 (Дневникъ Краковскаго сейма 1553 года).

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 341, 370, 387, 400, 415, 576, 604, 617, 623 и др.

⁴⁾ Дн. Л. с. Стр. 634. ⁵⁾ Дн. Л. с. Стр. 594.

назрѣвшимъ. Итакъ, дѣло учрежденія высшаго трибунала было лишь вопросомъ времени. Необходимость его была совершенно ясна. Можно лишь было бы спросить эпоху о принципахъ, которые лягутъ въ основу новаго учрежденія, а не о самомъ его возникновеніи. Послѣднее должно было совершиться неминуемо. Новый судъ могъ явиться учрежденіемъ аристократическимъ, или демократическимъ; онъ могъ также сдѣлаться единымъ судилищемъ для всего соединеннаго государства, подобно тому, какъ король былъ прежде единымъ верховнымъ судьей для всѣхъ частей его, и могъ возникнуть въ видѣ отдѣльныхъ трибуналовъ для каждой составной части Речи Посполитой. Разрѣшеніе обоихъ этихъ вопросовъ могло въ значительной степени отозваться на самомъ строѣ государства и должно было имѣть самыя серьезныя послѣдствія. Передъ Речью Посполитою стоялъ вопросъ, строить ли зданіе своего высшаго суда такъ, чтобы оно было построено лишь изъ камней, лежащихъ на поверхности, на вершинѣ массы шляхетства, т.-е. сенаторовъ, или воздвигать его стѣны изъ матеріаловъ и камней всей почвы въ ея внутреннихъ пластахъ шляхетской массы. Стоялъ передъ нею и другой вопросъ,—создать ли въ новомъ судѣ новую силу, стягивающую все государство къ одному центру, или, давъ верховные апелляціонныя суды отдѣльнымъ составнымъ частямъ государства, тѣмъ дать имъ новый устой для сохраненія ихъ отдѣльности и поставить новую опору противъ ассимиляціи и сліянія всѣхъ частей Речи Посполитой въ единое, сросшееся государственное тѣло.

Сенатъ былъ постояннымъ совѣтникомъ и участникомъ въ судѣ королевскомъ. Казалось бы, что онъ и въ новомъ апелляціонномъ судилищѣ не долженъ потерять своего значенія. На дѣлѣ вышло иначе. Польская шляхта хотѣла совершенно устранить сенаторовъ отъ участія въ составѣ членовъ главнаго трибунала и придать ему характеръ исключительно шляхетскаго суда ¹⁾: народъ-шляхта послѣ утвержденія избирательнаго престола и перваго безкоролья по смерти послѣдняго Ягеллона уже крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ политическое верховенство. Лишь то соображеніе, что сенаторы по своему рожденію и прирожденнымъ правамъ та же шляхта, дало имъ право быть избираемыми въ качествѣ равныхъ, а не высшихъ по сравненію съ остальными шляхтичами, членовъ трибунала. Такимъ образомъ,

¹⁾ *Гейденштейнъ. Зап. о М. в. Стр. 13.*

трибуналъ сдѣлался новымъ приобрѣтеніемъ шляхты въ ея побѣдномъ шествіи XVI вѣка по пути развитія своего политическаго значенія въ государствѣ. Что касается до учрежденія еди-наго трибунала для всего государства, какъ объединяющей силы для отдѣльныхъ составныхъ частей его, то оно оказалось невозможнымъ для Речи Посполитой. Мы уже видѣли, какъ энергично и зорко охраняла Литва свою отдѣльность отъ Польши, упорно стоя на точкѣ зрѣнія контрагента, заключившаго договоръ съ Короною, и ни за что не желая совершенно сливаться съ Польшею. При такомъ положеніи дѣлъ, Княжество никогда не согласилось бы на учрежденіе общаго верховнаго суда для него и для Короны. Но этого мало. Невозможность общаго главнаго трибунала истекала и изъ другихъ причинъ. Языкомъ суда и закона въ великомъ княжествѣ Литовскомъ былъ языкъ Русскій, въ то время какъ Польша употребляла въ судѣ и законахъ языки Латинскій и Польскій. Къ этому присоединялось руководство Литвою въ своей внутренней жизни Литовскимъ статутомъ, обязательнымъ для руководствованія въ своихъ судебныхъ разбира-тельствахъ и Литовскими судами ¹⁾, а не Польскими законами, на основаніи которыхъ творили свой судъ суды Коронные. Если бы собрались, поэтому, вмѣстѣ въ одну судебную коллегію трибуна-листы Коронные и Литовскіе, они оказались бы въ положеніи полной невозможности совмѣстной работы. Итакъ, Княжество не хотѣло и не могло имѣть общее съ Короною верховное судилище. Это послѣднее должно было создаться отдѣльнымъ для Польши и отдѣльнымъ для Литвы. Но и двухъ судилищъ оказалось мало для такъ искусственно сложившагося государства, какимъ была спольная Польско-Литовская Речь Посполитая. Даже не всю тер-риторію Короны оказалось возможнымъ подчинить Коронному трибуналу, какъ было названо это высшее судилище. Воеводства Кіевское, Волынское и Брацлавское, также какъ и королевская Пруссія не могли быть включены по своимъ особенностямъ въ судебный округъ Короннаго трибунала ²⁾. Дѣло въ томъ, что Пруссія имѣла свою особую судебную организацію и сохранила апелляцію къ королю и послѣ учрежденія Короннаго трибунала въ 1578 году, а Русскія земли, оторванныя отъ Литвы въ 1569

¹⁾ Въ трибуналъ поступали апелляціи на рѣшенія судовъ земскаго, гродскаго и подкоморскаго, которые вели свои книги на Русскомъ языкѣ.

²⁾ *Oswald Balzer*. Gen. tr. Kor. Str. 321. См. также *Kwartalnik Historyczny* 1900. Zeszyt II. Str. 292—296.

году, не имѣли, какъ и Литва, возможности обращенія въ одинъ судебный округъ съ землями Польскими: онѣ руководствовались Литовскимъ статутомъ и употребляли Русскій языкъ въ своихъ актахъ ¹⁾. Это вызвало учрежденіе особаго трибунала и для этихъ воеводствъ. Воеводства, которыя руководствовались Литовскимъ статутомъ, согласно постановленію сейма 1578 года ²⁾ должны отправлять свои судебныя разбирательства передъ депутатами, избираемыми ихъ шляхтою на своихъ сеймикахъ. Этихъ депутатовъ — пять человекъ отъ воеводства Волынскаго и по четыре отъ Кіевскаго и Брацлавскаго. Они составляютъ особую высшую судебную коллегію для дѣлъ этихъ воеводствъ и имѣютъ свои засѣданія въ Луцкѣ. Но постановляя это для трехъ южныхъ воеводствъ, оторванныхъ отъ Литвы, конституція сейма 1578 года предоставляетъ имъ право исправить и измѣнить это сеймовое постановленіе объ ихъ трибуналѣ, или даже совсѣмъ отъ него отказаться и вновь передать всѣ свои дѣла по апелляціямъ королевскому суду. Вольно имъ будетъ это сдѣлать и на всякомъ другомъ сеймѣ согласно съ Литовскимъ статутомъ, привилеемъ на Унію и коронаціонной конституціей Стефана Баторія ³⁾.

Что касается до великаго княжества Литовскаго, то оно черезъ своихъ сенаторовъ и земскихъ пословъ уже на Варшавскомъ сеймѣ 1579—1580 годовъ ⁴⁾ просило объ учрежденіи для него особаго главнаго Литовскаго трибунала ⁵⁾. На этомъ сеймѣ, за-

¹⁾ Подляшье могло вполне войти въ округъ Короннаго трибунала, такъ какъ оно и въ эпоху до Люблинской Уніи успѣло усвоить и Польскій языкъ, какъ языкъ актовъ, и Польскіе порядки. Оно, дѣйствительно, и стало сразу, съ 1578 года частью округа Короннаго трибунала. Vol. leg. II. Str. 182.

²⁾ Vol. leg. II. Str. 185. О Луцкомъ трибуналѣ см. *М. Ясинскій*. Луцкій трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ въ посл. четв. XVI вѣка. Чтенія въ ист. общ. Нестора лѣт. XIV. Его же. Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала. Чт. въ ист. общ. Н. лѣт. XIII. Рецензія *О. Balzera* — Kw. Hist. 1900. Z. II. Str. 292—296.

³⁾ Vol. leg. II. Str. 185. «Трибуналъ», изданный для Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ на сеймѣ 1589 года. — Vol. leg. II. Str. 292—296. См. также Рукоп. Имп. Публ. Библ. Польская F. II. № 9 л. 97 об.—102. Тотъ же сеймъ сдѣлалъ новое постановленіе и о трибуналѣ для Пруссіи (въ Піотрковѣ). Vol. leg. II. Str. 281.

⁴⁾ Декабрь и январь.

⁵⁾ Временникъ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 25. М. 1857. Трибуналъ обывателямъ великаго княжества Литовскаго на сойме Варшавскомъ даны року 1581. Стр. 1.

кончившемся 9 января 1580 года, Литовцы составили уставъ своего трибунала. Евлашевскій въ своихъ запискахъ, рассказывая о своемъ участіи въ этой работѣ въ качествѣ посла Новгородскаго повѣта, говоритъ: «потомъ въ декабры былъ съемъ у Варшаве, на которомъ панъ Андрей Тризна и я зъ повету Новгородского послами были, и працювалисмы, пишучи трибуналъ; якожъ увесь написанный, и король его милость подписалъ его намъ, але выдати не могъ безъ констытуцыей, которой зъ того сейму не было, толко универсалъ поборовый»¹⁾. Вызванные Баторіемъ на съѣздъ-конвокацію въ Вильну въ 1580 году, паны-рады, врядники и шляхта Литовскіе вновь возобновили свою просьбу королю объ изданіи уже утвержденнаго королемъ устава Литовскаго трибунала²⁾, и, наконецъ, его учрежденіе было внесено въ сеймовую конституцію 1581 года³⁾, и трибуналъ Литовскій сталъ функціонировать со слѣдующаго 1582 года. Согласно уставу Литовскаго трибунала, члены его избираются повѣтровою шляхтою Княжества на повѣтовыхъ сеймикахъ, собиравшихся ежегодно на праздникъ Римской церкви Громницы (Срѣтеніе), т.-е. 2 февраля, начиная съ 1582 года. Каждый повѣтъ Литовскій избиралъ изъ своей среды большинствомъ голосовъ двухъ шляхтичей, которые, собравшись всѣ вмѣстѣ, и составляли собою главный трибуналъ Княжества. Выбраннымъ въ члены трибунала могъ быть всякій шляхетный обыватель повѣта, будь это сенаторъ, князь, должностное лицо, или рядовой шляхтичъ. Переизбраннымъ трибуналистъ (членъ трибунала) могъ быть не раньше, чѣмъ черезъ два года. Исключеніе разрѣшалось закономъ лишь въ томъ случаѣ, если вторичное избраніе было единогласнымъ. Во время исполненія своихъ судебныхъ обязанностей члены трибунала выбирали изъ своей среды трибунальскаго маршалка, который и руководилъ ихъ совѣщаніями. Трибуналъ имѣлъ свои трибунальскія книги, въ которыя вписывалъ на Русскомъ языкѣ акты въ первое время дѣятельности этого суда земскій писарь того повѣта, въ центральномъ пунктѣ котораго засѣдалъ въ данной своеі сессіи трибуналъ, а потомъ, въ позднѣйшее время, особый трибунальскій писарь. Трибуналъ по уставу 1581 года отправлялъ свой сессіи въ Вильнѣ (для дѣлъ пяти повѣтовъ Виленскаго воеводства и воеводства Полоцкаго), Трокахъ (дѣла

¹⁾ Мемуары, относ. къ ист. южной Руси. Вып. II. Кіевъ. 1896. Стр. 20.

²⁾ Трибуналъ об. в. кн. Л. Стр. 1.   ³⁾ Vol. leg. II. Str. 210.

четырёх повѣтовъ Троцкаго воеводства), Новгородкѣ (три повѣта Новгородскаго воеводства и два Берестейскаго) и Минскѣ (два повѣта воеводства Витебскаго, воеводство Мстиславское и три повѣта воеводства Минскаго). Самыя засѣданія происходили въ домѣ замка, или двора государева, отведенномъ для нихъ распоряженіемъ мѣстнаго гродскаго уряда. Что касается до земли Жомойтской, пользовавшейся особымъ положеніемъ и особыми правами въ Княжествѣ, то ей было предоставлено также участвовать въ трибуналѣ Литовскомъ, избирая въ него членовъ изъ состава ея шляхты, съ отправленіемъ трибунальскихъ судовъ для Жомойти въ Росейнахъ, или другомъ какомъ-либо мѣстѣ этой земли. Продолжительность отдѣльныхъ сессій была точно опредѣлена закономъ. Таково изложенное въ самыхъ общихъ чертахъ устройство главнаго трибунала Княжества. Созданный въ 1581 году высшій Литовскій судъ имѣлъ громадное значеніе для Литвы: онъ являлся давно желанною апелляціонною инстанціею, которая разбираетъ всѣ sprawy, возносимыя въ нее, но онъ былъ въ то же время могучимъ, ясно виднымъ для всѣхъ обывателей Литовскихъ столбомъ, на который опиралась отдѣльность Княжества отъ Короны. Такимъ образомъ, къ прежнимъ опорамъ и видимымъ знакамъ самостоятельности и отдѣльности великаго княжества Литовскаго отъ короны Польской прибавилась новая опора, и въ этомъ было крупнѣйшее значеніе событія 1581 года для взаимныхъ отношеній обѣихъ частей соединеннаго государства.

Въ январѣ 1582 года, т.-е. почти черезъ полтора года послѣ Виленскаго съѣзда 1580 года собрался новый не предсеймовый обще-Литовскій съѣздъ въ Волковыйскѣ. Его постановленіе ¹⁾ помѣчено 21 января 1582 года, т.-е. оно состоялось черезъ шесть дней послѣ того, какъ побѣдоносная война короля Стефана съ Москвою, остановленная геройскою защитою Пскова и посредничествомъ «святого престола», наконецъ закончилась миромъ въ Киверовой Горѣ, не доведенная до той цѣли, о которой мечталъ Баторій въ своихъ широкихъ думахъ и обширныхъ планахъ. Главный сеймикъ Волковыйскій собрался за восемь мѣсяцевъ до вальнаго Варшавскаго сейма, открывшагося 2 октября 1582 года. Такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы это былъ обычный предсеймовый главный сеймикъ Литовскій. Въ

¹⁾ А. Вил. VII. Стр. 179—182. Тотъ же документъ находится въ IX томѣ. Acta Historyczne № 2901 Библіотеки Главнаго Штаба (переписанъ латиницею).

январѣ 1582 года въ Волковыйскѣ съѣхались Литовскіе панырада (духовные и свѣтскіе), послы воеводствъ и повѣтовъ, врядники и рыцарство, которые явились на главный сеймикъ «за росказаньемъ и злеценьемъ его королевской милости». Предметы обсуждения Волковыйскаго съѣзда были уже сообщены, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ созванія Литовскихъ конвокацій королевскими посланцами повѣтовымъ сеймикамъ. Но и на съѣздѣ также явился посоль отъ короля, а именно панъ Янъ Волчокъ, королевскій маршалокъ Литовскій конюшій Виленскій подконюшій земскій. Онъ принесъ съѣзду «всказанье его королевское милости», чтобы онъ «намовлялъ» о тѣхъ дѣлахъ Речи Посполитой, которыя были оповѣщены повѣтовымъ сеймикамъ. Такимъ образомъ посоль не сообщилъ съѣзду ничего новаго, и самая посылка его является, поэтому, простою формальностью. Отмѣтимъ тутъ, что на съѣздѣ 1577 года посла королевскаго не было, а на съѣздѣ 1580 года присутствовалъ самъ король лично, и его присутствіе, конечно, упраздняло всякую возможность такого посольства. По выраженіи благодарности королю за его заботы о государствѣ и его подданныхъ и по заявленіи «хути своей къ службамъ его королевское милости» съѣздъ отмѣчаетъ особенно, какъ «ласку и добродѣйство» своего короля, учрежденіе на прошломъ сеймѣ «за прозьбою всихъ становъ» трибунала для Княжества и заботы короля объ исправленіи статута. Съѣздъ уже знаетъ («певную вѣдомость на тымъ съѣздѣ взяли есьмо»), что депутаты, назначенные для «поправы» статута, окончили ее и извѣстили объ этомъ короля. Въ виду этого, Литовскіе станы «оповѣдали» королю, чтобы онъ согласно конституціи прошлаго сейма назначилъ «часъ ку ревидованю» его всѣми станами великаго княжества Литовскаго. Когда это было сдѣлано Литовскими станами, документъ не говоритъ; очевидно, не задолго до собранія самого съѣзда, ибо уставъ трибунала Литовскаго былъ выданъ 1 марта 1581 года ¹⁾, т.-е. за 10 мѣсяцевъ до собранія въ Волковыйскѣ конвокаціи 1582 года. Относительно предстоящаго разсмотрѣнія новаго статута Волковыйскимъ съѣздомъ королевскій посоль не объявилъ Литовскимъ станамъ никакой «взменки». Съѣздъ проситъ короля, зная «ласку» его и имѣя въ рукахъ сеймовое постановленіе, чтобы «та поправа статуту, которая се черезъ депутатовъ нашихъ вжо доконала, въ заведбанье не привожона, але ижбы ихъ милость

¹⁾ Временникъ. Кн. 25. Стр. 22 (Трибуналъ об. в. кн. Л).

панове-рады рачили межи собою певные особы теперь за разомъ обратъ и при его королевской милости, нашимъ милостивымъ пане, той поправы ревидовать» ¹⁾. Паны-рада обязаны были сеймовою конституціею предоставить своихъ депутатовъ дѣлу исправленія статута и сдѣлать это черезъ четыре недѣли послѣ Пасхи 1581 года. Однако, они этого не сдѣлали еще и въ январѣ 1582 года. Съѣздъ очень озабоченъ скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла исправленія статута, имѣвшаго, дѣйствительно, чрезвычайную важность для обывателей Княжества. Вспомнимъ, какъ много новаго было внесено въ политическую жизнь Литвы временемъ, истекшимъ съ 1566 года, года изданія ея кодекса: Унія 1569 года, Варшавская конфедерація 1573 года, развитіе главнаго Литовскаго сеймика, трибуналъ, не говоря уже о цѣломъ рядѣ другихъ явленій въ жизни Княжества. Съѣздъ торопитъ назначеніе депутатовъ отъ сената Литовскаго для исправленія статута, чтобы это дѣло такимъ образомъ «се направило». «Ревидованіе» статута, которое «се на тотъ часъ у Волковыску не стало», должно «за ознайменьемъ часу» королемъ всѣмъ станамъ «дойти», самое долгое, что «у двухъ, або у трехъ недѣляхъ, вступивши въ постъ въ тымъ теперешнемъ року». Заботясь о томъ, чтобы скорѣе былъ утвержденъ новый статутъ, съѣздъ «особливе» и «унижене» проситъ короля, чтобы онъ, не имѣя возможности выслушать проектъ статута на сеймѣ, ибо «короткій часъ есть справамъ соймовымъ назначонъ, для отправки речи посполитой попиранья войны скорочонъ былъ», — назначилъ бы дни и часы «ку выслуханью» этого статута съ панами-радами, дабы «безъ всякой вонтпливости статутъ поправленый до конфирмаціи его королевское милости водлугъ конституціи соймовое на сеймѣ напервши принесенъ и намъ выданъ былъ». Проситъ съѣздъ короля также, чтобы убытки и тягости, которые были причинены жолнерами, были бы разобраны и вознаграждены и чтобы на будущее время жолнеры не имѣли бы «лежи» въ имѣніяхъ обывательскихъ. Во время похода жолнеры должны держать себя, соблюдая законы и статутъ. Что касается до высказанной королемъ въ его листахъ къ повѣтамъ мысли о продолженіи войны, то для него необходимо сеймовое разрѣшеніе. Однако, паны-рада Литовскіе «зъ мѣсць» своихъ, а послы повѣтовые, «будучи съ тымъ отправены» отъ «братіи», чтобы на сеймѣ вальномъ, или на съѣздѣ Волковыйскомъ постановили то, что

¹⁾ А. Вил. VII. Стр. 180.

будетъ къ наибольшему благу государства, такъ «намовили, взявши вѣдомость, ижъ въ некоторыхъ повѣтѣхъ панове Поляцы» стовариваются не «отводить» короля на сеймѣ отъ войны, но помогать ему, «попираючи посланкомъ податку на служебные»: Литва согласится «на тотъ одинъ часъ» установить такой же податокъ «на попиранье войны», какой будетъ «намовленъ» въ Польшѣ. Если это все будетъ постановлено и рѣшено въ Коронѣ на главныхъ сеймикахъ (въ Колѣ и Корчинѣ), «не отзываютисе до сойму вального», Литва сдѣлаетъ то же самое. Конечно, король долженъ оповѣстить великое княжество Литовское своими листами о томъ, рѣшено ли дѣло на главныхъ сеймикахъ, или же нужно ѣхать на сеймъ, равно какъ въ этихъ листахъ должно «достаточное быть доложено около часу и способу выбиранья того податку згодливе, яко панове Поляцы у себе постановятъ». Въ своихъ инструкціяхъ посланъ на повѣтовые сеймики король, кромѣ того, предлагаетъ обывателямъ Литовскимъ «пильне угленути въ справу поборовую, абы се то показало зъ стороны выданья, яко се хто противко речи посполитой заховуетъ», но этого сдѣлать станы Литовскіе не считаютъ себя въ правѣ. Если сеймъ не «дойдетъ», а постановленный податокъ будетъ выбираться, то король пусть разрѣшитъ избрать самимъ повѣтамъ поборцевъ его. Кромѣ того, по вопросу объ этомъ податкѣ съѣздъ ходатайствуетъ предъ королемъ о сохраненіи духовенствомъ своего права отдавать поборъ своимъ особымъ поборцамъ, «не уближаючи ничего констытуціи соймовое, яко звыклость есть въ короне Польской». Относительно не выплачивающихъ этого податка пусть распорядится король съ соблюденіемъ «права посполитого» и констытуціи. Болѣе входить въ обсужденіе ровнаго и одинаковаго сбора податка съ обоихъ народовъ съѣздъ не можетъ: «то есть речъ соймовая, на котромъ о томъ зо всими станы намовлять потреба», хотя и сами Литовскіе станы видятъ «великое уближенье» государству вслѣдствіе поступленія такой малой суммы съ этихъ поборовъ, какъ станы были извѣщены королемъ. Далѣе съѣздъ переходитъ къ обсужденію отправления Литовскаго земскаго суда. Дѣло въ томъ, что по распоряженію короля земскіе трикрольскіе роки отложены были на время послѣ окончанія сейма, ибо во время сейма и его подготовки имъ неудобно отсуживаться: и члены суда, и шляхта повѣтовъ заняты сеймиками и сеймомъ. Но если сеймъ не окончится къ назначенному сроку, т.-е. къ 9 марта, станы просятъ, чтобы правосудію («справедливости») «отвлока» не

дѣлалась; въ листахъ, которые король пришлетъ въ повѣты о поборѣ, пусть онъ благоволитъ распорядиться «отсуженъемъ» тѣхъ справъ, которыя въ повѣтахъ «на оныя роки припадали, то есть о сородопостное недѣли». Этимъ заканчиваетъ Волковскій главный сеймикъ изложеніе своихъ просьбъ и постановленій, а всѣ прочія просьбы и «потребы» находятся въ инструкціяхъ повѣтовымъ посламъ на сеймъ. Послѣдніе донесутъ ихъ королю и всѣмъ станамъ, «кгда сеймъ будетъ». Свое постановленіе Волковскій съѣздъ отсылаетъ къ королю, а также къ «братіи» своей въ воеводства и повѣты. Къ документу члены съѣзда приложили свои печати, «ажъ до змоцненья отъ его королевское милости».

Познакомившись съ постановленіемъ Волковскаго съѣзда 21 января 1582 года, мы встрѣтились съ новою, чрезвычайно важною задачею, которая стояла передъ обще-Литовскимъ съѣздомъ въ эту эпоху. Первая задача, которою былъ занятъ главный Литовскій сеймикъ въ царствованіе Баторія, война съ Москвою, составила славу исторіи всей Речи Посполитой и ея короля Стефана, но роль Литвы въ ней оставалась въ тѣни, заслоненная общеою славою всего государства и заглушенная громомъ патріотическихъ прославленій, въ которыхъ вся Речь Посполитая искала себѣ потомъ опоры, нравственныхъ устоевъ и преданій своего былого могущества, нуждаясь въ этомъ во времена упадка. Но по справедливости нужно сказать, что Московская война была въ дѣйствительности гораздо больше дѣломъ Княжества, чѣмъ Короны. Мы видѣли, какъ Литовскій съѣздъ принималъ большую половину тяжести этой войны на плечи Литвы, мы видѣли, какъ Литва своими «персями» встрѣчала врага, въ то время какъ Корона закрывала свою грудь наемнымъ войскомъ, за которое притомъ платила не только она, но и Княжество; мы видѣли и громкое признаніе Баторіемъ заслугъ Литвы, а особенно Полоцкой шляхты на Виленскомъ съѣздѣ 1580 года. Вторая задача, которою занялся Литовскій съѣздъ была не менѣе важна. Но заслуга Литовскихъ становъ въ ея разрѣшеніи не болѣе извѣстна, чѣмъ оцѣнено значеніе Литвы въ дѣлѣ созданія сокровищницы славныхъ преданій Московской войны Баторія. Если вся Речь Посполитая владѣла этими преданіями, то дѣло составленія третьяго статута, эта вторая заслуга Литовскаго съѣзда, цѣликомъ приписывается Льву Сапѣгѣ¹⁾, занимавшему съ 1585 года должность

¹⁾ С. Л. Пташникій. Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго статута. СПБ. 1893. Стр. 12.

Литовскаго подканцлера. Не отрицая вообще значенія энергіи и дарованій Льва Сапѣги, этого Литовскаго самородка, сумѣвшаго пріобрѣсти и знанія, и развитой умъ, не смотря на неблагопріятныя для умственнаго развитія условія ¹⁾, мы, однако, не можемъ не выдвинуть работы самихъ Литовскихъ становъ и главнаго сеймика Княжества надъ «поправою статутовою», производимою депутатами Литовскими.

Какъ извѣстно, уже на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года было постановлено учредить комиссію депутатовъ ²⁾ для «поправы» Литовскаго статута, который необходимо было измѣнить въ виду новаго политическаго положенія великаго княжества Литовскаго и новыхъ его отношеній къ Польшѣ, установленныхъ Люблинскою Унією. Исправленіе Литовскаго статута не было, однако, простымъ согласованіемъ его со статьями Люблинскаго акта въ тѣхъ частяхъ его, гдѣ это могло требоваться,—оно было вмѣстѣ съ тѣмъ внесеніемъ въ него поправокъ, которыхъ потребовала практика Литовской общественной и государственной жизни для раздѣловъ и артикуловъ второго Литовскаго статута. «Поправка» статута была вызвана не только политическимъ актомъ Люблинской Уніи, она была также отвѣтомъ на просьбы о «поправенъѣ статута», возносимыя къ королю Литовскими станами еще до 1569 года ³⁾. Составъ комиссіи, учрежденной на Люблинскомъ сеймѣ

¹⁾ См. объ условіяхъ, въ которыхъ прошла его молодость, въ письмѣ его къ Криштофу Радивилу изъ Кракова отъ 12 сентября 1583 года. *Archivum Domus Sapiehanae. Tomus I. Continet codicem Epistolarum 1575—1606. Lwów 1892. № 4.*

²⁾ Vol. leg. II. Str. 100.

³⁾ Въ уфалѣ Городенскаго сейма 1568 г. читаемъ, что на этомъ сеймѣ были «донесены» къ королю просьбы ото всѣхъ становъ, чтобы «теперь разомъ певные особы» изъ пановъ-радъ и изъ шляхты «за сполнымъ зволеньемъ на поправенъе статуту высажоны были, ижъ бы ся на семъ сойме статутъ могъ поправити». Король, по совѣщаніи съ панами-радами, назначилъ въ эту комиссію Виленскаго бискупа, Берестейскаго воеводу и каштеляновъ Жомойтскаго и Берестейскаго. «А с кола, або зъ становъ шляхетскихъ и посельскихъ тежъ обрали на то певныхъ особъ»—продолжаетъ далѣе уфала. Эта комиссія, составленная «моцю сего сойму теперешнего Городенскаго», должна засѣдать въ Вильнѣ «и того дозрети и поправити, што бы шкодливого и в артыкулахъ статутовыхъ было. А где бы тежъ шляхта якие готовые артыкулы статутовые водле уфалѣ першихъ соймовыхъ в себе мели, тогды мають то зносити до тыхъ же особъ, на то высажонныхъ и обраныхъ». Комиссія должна начать свою дѣятельность «по выволанью» сейма Городенскаго «в чотырохъ неделяхъ». Исправленные артикулы комиссія должна внести

1569 года для исправленія Литовскаго статута 1566 года былъ слѣдующій. Изъ рады Княжества вошли въ нее Валеріанъ бискупъ Виленскій и Мальхеръ Шеметь кашталянъ Жомоитскій. При нихъ былъ назначенъ состоять королевскій секретарь «докторъ обойга права» ¹⁾ Августинъ Ротундусъ войтъ Виленскій. Если изъ этихъ лицъ кто-либо не будетъ имѣть возможности работать въ комиссіи, король депутуетъ на его мѣсто другого депутата. Изъ стана шляхетскаго въ комиссію вошли по одному члену отъ каждаго воеводства Литовскаго. Это были: Николай Дорогостайскій стольникъ Княжества державца Велюньскій тивунъ Гондинскій, князь Лукашъ Свирскій маршалокъ государевъ, Янъ Стецковичъ, Бенедиктъ Юраха маршалокъ государевъ, князь Павелъ Соколинскій подкоморій Витебскій, Янъ Сколка, Кирдей Кричевскій судья Берестейскій, Сѣлецкій, Мартинъ Волочкевичъ. При этихъ депутатахъ назначены были состоять два писаря земскихъ: Андрей Мачковичъ—Виленскій и Петръ Станиславовичъ—Ошмянскій. Засѣдать комиссія должна была въ Вильнѣ и должна была начать свои засѣданія на день св. Мартина ²⁾, т.-е. 11 ноября того же 1569 года. «Поправа» по требованію сеймовой конституціи должна состоять въ томъ, чтобы депутаты, положивъ передъ собою Польскій статутъ (*statut Polski*), согласили бы съ нимъ законы Литовскіе (*a co naubliżey z nim prawa Litewskie zgadzać*). Исправленія потомъ должны быть внесены на ближайшій вальный сеймъ. На содержаніе депутатамъ для «поправки» статута, пока они не окончатъ своего труда, сеймовая конституція назначаетъ ³⁾ податокъ съ обывателей Княжества—по грошу съ каждой волюки, или

на обще-Литовскій съѣздъ, который будетъ назначенъ королемъ послѣ повѣтовыхъ сеймиковъ «передъ соймомъ сполнымъ с Поляки». Заканчивается этотъ 27 артикулъ уфалы 1568 года слѣдующимъ образомъ: «а такъ мы, моцю сего жъ сойму Городенского и такъ, якобы то тутъ теперь на немъ вчинено быти мело, зо всими станы уфаливши, в статутъ вписати кажемъ и то имъ утвердимъ по звыклому обычаю, а на семъ теперешнемъ сойме артыкулъ около року за позвы кгородскими и о кглеиты, абы поднесенья выволанья, тежъ есмо з уфалы всихъ становъ поправить и в сесь речесъ вписати казали». Д. М. А. М. Ю. I. Стр. 475, 476.

¹⁾ А. Вил. XX. Стр. 18, 22. Объ Августинѣ Ротундусѣ см. у *Teodora Narbutta*—Dz. nar. Lit. IX. Dodatek X. Str. 27—28.

²⁾ Vol. leg. II. Str. 101.

³⁾ «Na strawę tym Deputatom, poki na tey poprawie statutow mieszkać będą, wszyscy obywatele W. X. L., iako się Stany tegoż Xięstwa tu na tym Seymie zezwolili, mają we wszystkich powieciech złożyć z kaźdey włoki y służby ludzi grosz ieden...» и т. д. Ibidem.

службы людей, съ дымовъ Подляшскихъ по 8 пенезей, съ загородниковъ по 4 пенезя, съ бояръ путныхъ и панцерныхъ по грошу и съ неимѣющей людей шляхты по два гроша отъ дома. Само собою разумѣется; что составъ комиссіи не былъ тѣмъ же самымъ за все время ея дѣятельности. Напримѣръ, Жомоитскій кашталянъ Мальхеръ Шеметь умеръ въ 1570 году ¹⁾, бискупъ Виленскій Валеріянъ Протасевичъ—въ 1579 году ²⁾, т.-е. до утвержденія въ 1588 году поправленнаго Литовскаго статута, получившаго названіе третьяго.

Съ результатомъ дѣятельности депутатовъ, назначенныхъ въ 1569 году для исправленія статута 1566 года, пришлось уже встрѣтиться королю Генриху на коронаціонномъ сеймѣ 1573 года, на который былъ представленъ одинъ артикуль статутовой «поправы», не попавшій, однако, въ сеймовую конституцію и обнародованный лишь королемъ Стефаномъ въ 1578 году ³⁾. О депутатахъ, «по становенью сойму Любельского при уніи постановленныхъ и децутованныхъ певныхъ особахъ для поправы статуту», знаетъ и листъ сеймовый Торунскаго сейма 1576 года, разосланный только что вступившимъ на престолъ Речи Посполитой Стефаномъ Баторіемъ ⁴⁾. На Варшавскомъ сеймѣ 1578 года вновь встрѣчаемся съ результатами занятій статутowychъ депутатовъ, такъ какъ на этотъ сеймъ были представлены «артикулы поправъ статуту Литовскаго» ⁵⁾. Конституція Варшавскаго сейма 1578 года ⁶⁾ рассказываетъ, что паны-рада и послы земель, воеводствъ и повѣтовъ великаго княжества Литовскаго поднесли королю для утвержденія потребовавшіе разъясненія артикулы статута Литовскаго и нѣкоторыя добавленія къ нему. Конституція затѣмъ перечисляетъ содержаніе этихъ «поправъ», не выписывая ихъ цѣликомъ. Она говоритъ далѣе объ утвержденіи ихъ Стефаномъ Баторіемъ властью этого сейма и о приказаніи короля разослать ихъ изъ канцеляріи Княжества по всѣмъ воеводствамъ и повѣтамъ Литовскимъ за печатью Княжества и подписью короля. Тотъ же Варшавскій сеймъ 1578 года внесъ въ свою кон-

¹⁾ *J. Wolff*. Senatorowie i dignitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kraków. 1885. Str. 143.

²⁾ *X. Melchior Buliński*. Historia Kościoła Polskiego. T. II. W Krakowie. 1873. Str. 175.

³⁾ Временникъ Имп. М. Общ. Ист. и Др. Р. XXIII. Стр. 204.

⁴⁾ А. З. Р. III. № 66. ⁵⁾ Временникъ XXIII. Стр. 200—212.

⁶⁾ Vol. leg. II. Str. 186.

ституцію слѣдующій параграфъ: «A w Wielkim Xięstwie Litewskim przy swych prawach, według poprzysiężenia Unii zostaną, poprawę statutu swego wedle konstytucyi w Lublinie w roku sześćdziesiątym dziewiątym uczynionej, y wedle poprzysiężenia Krola I. Mci Henryka y naszego, wcale zachowując. Iakoż ku poprawie tych spraw sądowych Wielkiego Xięstwa Litewskiego y Seymiki w Woiewodztwach Xięstwa Litewskiego naznaczamy w tym roku 1578 miesiąca Maja 23 dnia: a z tych Seymikow większy zjazd mają, mieć Stany W. X. Lit., dla teyże poprawy statutu praw ich, w Nowogrodку на pewny czas на dzień. S. Michała w tymże to roku teraznieyszym. A ztąd mają, tę poprawę przynieść на Seym Koronny pierwszy, ku konfirmacyi naszej» ¹⁾. Такимъ образомъ, 29 сентября ²⁾ 1578 года, согласно постановленію сейма, долженъ былъ собраться новый Литовскій съѣздъ для «поправы» статута—на этотъ разъ въ Новгородкѣ. Намъ не удалось встрѣтить въ актахъ слѣдовъ дѣятельности Новгородскаго съѣзда, но черезъ два года послѣ представленія на сеймъ 1578 года «поправы статутовой» и утвержденія ея сеймовою конституціею снова встрѣчаемся съ дѣломъ исправленія второго Литовскаго статута, о которомъ была поднята рѣчь на Виленскомъ съѣздѣ въ апрѣлѣ 1580 года. Изъ королевской грамоты, вышедшей 29 апрѣля этого года, узнаемъ, что еще на прошломъ Варшавскомъ сеймѣ были «донесены» королю просьбы Литовскими панами-радами и послами земскими о томъ, чтобы нѣкоторые артикулы «поправы» Литовскаго статута были королемъ «выданы и моцю оногo сойму ствержены». Король согласился исполнить эту просьбу и приказалъ дать эти поправки «на писме» вмѣстѣ съ порядкомъ апелляцій, о которомъ хлопотала Литва. Однако, «выдать» эти законы король могъ согласиться лишь «за варунком и змоцненъемъ тое речи констытуціею соймовою». Онъ уже подписалъ документъ, но «выдать» его оказалось невозможнымъ, такъ какъ Варшавскій сеймъ 1579 года не «дошолъ» и не оставилъ послѣ себя конституціи. Поэтому нельзя было и опубликовать новыхъ законовъ, хотя документы, относящіеся къ нимъ, были уже утверждены королевскою подписью. Такимъ образомъ, окончательное утвержденіе «поправы» статута затянулось опять до слѣдующаго сейма. Но могла ли быть увѣрена Литва, что этотъ новый сеймъ «дойдетъ», а не разойдется

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Н. Горбачевскій. Археографическій календарь. Вильна. 1869. Стр. 94.

безъ всякой конституціи, не сговорившись въ дѣлѣ выработки своихъ постановленій? Виленскій съѣздъ, на которомъ присутствовалъ и самъ король, могъ представляться станамъ Литовскимъ прекраснымъ случаемъ для того, чтобы представить здѣсь вновь королю «поправы» своего кодекса и испросить здѣсь его утвержденія. Процедура новаго представленія ихъ на сеймъ будетъ устранена, и Литва получитъ, несмотря на это, необходимые для нея законы. Но этого мало. Княжество создастъ прецедентъ утвержденія своихъ законовъ безъ всякаго участія въ немъ спольнаго сейма, одними Литовскими станами вмѣстѣ съ государемъ. На Виленскомъ съѣздѣ 1580 года дѣйствительно обратились къ королю съ этою просьбою собравшіеся «за листы и везванемъ» королевскими паны-рада, княжата, панята, маршалки, врядники земскіе и дворные и всѣ станы рыцарство, обыватели великаго княжества Литовскаго. Въ отвѣтъ на эту просьбу король заявилъ, что, давъ уже свое соизволеніе на Литовскую просьбу во время прошедшаго сейма, онъ и теперь «варуетъ» Литовскимъ станамъ, что на ближайшемъ сеймѣ какъ «порадокъ новый около отправованя апелаций» къ королевскому суду, такъ и статutowыя поправки, т.-е. всѣ новые законодательные акты, о которыхъ хлопочетъ Литва, будутъ выданы, вписаны въ конституцію сеймовую и оглашены королевскими листами по всему великому княжеству Литовскому. «А если бы теж того была потреба, же бы и што артикулов в том порадку справедливости поправило», станамъ Литовскимъ это сдѣлать «волно будетъ на сеймикахъ пришлыхъ», и король обѣщаетъ своимъ королевскимъ словомъ «выдать» имъ этотъ исправленный «порадокъ» вмѣстѣ со статutowою поправою, согласно «способу и порадку, яко в коруне Полской есть постановено»¹⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что дѣятельность депутатовъ, назначенныхъ для исправленія статута, не прекращается послѣ «поправы» 1578 года. Въ 1579 году готово продолженіе этихъ «поправъ», которое было принесено на сеймъ этого года и о которомъ была поднята рѣчь также на Виленской конвокаціи 1580 года.

Между тѣмъ, пока работали надъ исправленіемъ второго Литовскаго статута, необходимость «поправы» его стала чувствоваться

¹⁾ Коронная Метрика М. А. М. Ю. $\frac{IV}{22}$ л. 28 об.—29. Далѣе документъ добавляетъ: «заховавши толко тые суды, которые персуне маестату нашего, особливе о добра столу нашего, власне суду нашему господарьскому належат».

все сильнѣе и сильнѣе. Учрежденіе трибунала Литовскаго въ 1581 году сдѣлало необходимыми соотвѣтствующія измѣненія въ статутѣ, и конституція сейма 1581 года предписала вновь депутатамъ Литовскимъ «поправить» статутъ и сеймовыя конституціи, относящіяся къ суду. Разумѣется, это предписывается сдѣлать такъ, чтобы ничто не стояло въ противорѣчій со «списами Уніи» Литвы и Польши ¹⁾. Мы не встрѣчаемъ тутъ новаго предписанія о депутатской комиссіи и новаго учрежденія ея, и это обстоятельство говоритъ за то, что это была та же самая комиссія, которая существовала съ 1569 года и которая еще не закончила своей дѣятельности, хотя и успѣла уже часть своей работы представить на Варшавскіе сеймы 1578 и 1579 годовъ. Свои поправки къ статуту депутаты вносили на главный Литовскій сеймикъ, и акты сохранили намъ указанія на занятія обще-Литовскаго съѣзда этимъ дѣломъ исправленія Литовскаго кодекса. Волковскій съѣздъ 1582 года, какъ мы видѣли выше, удѣляетъ очень много вниманія дѣлу составленія третьяго Литовскаго статута, но еще болѣе имъ занимается обще-Литовскій съѣздъ, собравшійся въ Вильнѣ въ 1584 году. Самъ король также находился въ Вильнѣ въ это время. На этотъ разъ и самую цѣль съѣзда была статутная поправка. На Виленскомъ съѣздѣ 25 марта 1584 года «ихъ милость панове-рады и послове, которые се были зѣехали тут до Вильни ку сконъченью поправки статутное, оповедали его королевской милости, ижъ пры доконанью тое sprawy статутное не могли некоторыхъ арътыкулов и иныхъ речей, до тогожъ статуту потребныхъ, сконъчыт безъ братьи своее». Они просили, чтобы король, когда онъ будетъ назначать въ повѣтахъ собраніе сеймиковъ передъ вальнымъ сеймомъ, послалъ на повѣтовые сеймики черезъ своихъ пословъ «то, што межы собою намовѣдали» станы на съѣздѣ. Паны-рада и послы Литовскіе подали въ канцелярію государеву изложенные письменно эти артикулы, а король приказалъ вписать ихъ въ канцелярейскія книги ²⁾. Это письменное заявленіе начинается такъ: «мы рада великого князства Литовскаго духовные и свецкие и послове з воеводствъ и повѣтов, за волею и листы его кр. милости зобраные тут до Вилни для сконъченья и згоды арътыкуловъ прав, писаныхъ черезъ депу-

¹⁾ Vol. leg II. Str. 210.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{II A.}}{61}$ л. 132 об.—136.

татов наших, яко бы се от всех становъ згодне ку конѣфирма-
 ции и до его кр. милости на съемъ тотъ статутъ новыи прыне-
 сенъ был, в которомъ статуте ижехъмы обачыли...» Далѣе идетъ
 изложение замѣчаній сѣзда по поводу статей, внесенныхъ въ
 проектъ статута депутатовъ, вмѣстѣ съ выписками изъ нихъ.
 Въ артикулѣ 7 и 29 третьяго раздѣла проекта сѣздъ увидѣлъ
 постановленіе постояннаго податка (по 2 гроша съ волоки) на
 прогоны посламъ повѣстовымъ на вальные сеймы, а также «на
 будованье домовъ для зложенья книгъ земскихъ и на иныя по-
 требы». Сѣздъ не посчиталъ себя въ правѣ согласиться на
 него, такъ какъ предки «варовали се того, абы вечный платъ ни-
 коли не былъ вношонъ на маетьности и подданныхъ» обывателей
 Литовскихъ. Паны-рада совершаютъ поѣздки на сеймы на свой
 собственный счетъ, и эти поѣздки и безъ новыхъ поборовъ
 обходятся не дешево подданнымъ сенаторовъ, на которыхъ па-
 даетъ обязанность доставлять своимъ господамъ подводы и удо-
 влетворять другія потребности этихъ путешествій. Что касается
 до того, откуда изыскать источникъ прогонныхъ денегъ для повѣ-
 стовыхъ пословъ, то сѣздъ со своей стороны предлагаетъ слѣдую-
 щее. Въ теченіе трехъ лѣтъ великое княжество Литовское вноситъ
 ежегодно по 8 грошей съ волоки или со службы людей, по 2
 гроша съ огородника ¹⁾ и по 5 пенезей съ мѣстскихъ домовъ.
 Этими собранными деньгами имѣется въ виду «заложить скарбъ
 речы посполитое, то есть просить его кр. милость, абы мынцу
 зо всимъ начынемъ мынцарскимъ даровати рачыл на речъ поспо-
 литую». «Зыскомъ з мынцы» будутъ покрываться расходы по
 отправленію пословъ повѣстовыхъ на сеймъ, а также по удовле-
 творенію другихъ нуждъ повѣстовъ, каковы на примѣръ, постройка
 судовыхъ домовъ и другія, подобныя этой нужды. Конечно, всѣ
 эти расходы могутъ дѣлаться лишь «за намовою спольною речы
 посполитое». Но вѣдь сеймъ отправляется не каждый годъ, до-
 ходъ же съ монетнаго двора будетъ постояннымъ, будетъ полу-
 чаться непрерывно, а не специально передъ сеймами, и такимъ
 образомъ въ государственномъ скарбѣ Литовскомъ будетъ всегда
 оставаться извѣстная сумма и она будетъ расти годъ отъ году.
 Для этихъ свободныхъ денегъ сѣздъ хочетъ видѣть слѣдующее
 назначеніе. Многіе люди, нуждаясь въ деньгахъ, платятъ большіе

¹⁾ «Тымъ обычаемъ, яко на прошлые войны плачоно». Лит. Метр..

проценты за ссуды: платятъ «до цалого гроша», а иные и больше за недѣлю ссуды съ копы грошей, взятой въ долгъ. Это несомнѣнно «шкода» для государства, такъ какъ изъ-за этого лихоимства «сынове земские ку убоству и знищенью прыходятъ». Изъ свободныхъ суммъ государственнаго скарба нуждающіяся въ кредитѣ лица могли бы подъ обезпеченіе въ уплатѣ «на певныхъ маестностяхъ» получать ссуды за проценты, которые не должны превышать двухъ пенезей, въ недѣлю отъ копы грошей ссуды. Такъ какъ сумма, имѣющая поступить въ скарбъ Литовскій, собранная трехгодичнымъ выше изложеннымъ податкомъ, будетъ очень значительна, то и доходъ великому Княжеству отъ этихъ ссудъ сразу будетъ немалый. Такимъ образомъ, выгода предлагаемой мѣры, очевидно, велика и для государства, и для «сыновъ земскихъ». Дѣлопроизводители всего этого должны быть не только изъ шляхты, но и изъ стана «местьского», а одинъ изъ сенаторовъ долженъ каждую четверть года «догледать порадку кованья монеты и шафованья пенезей з мынцы». Итакъ, учрежденіе посполитаго скарба Литовскаго задумано такъ широко, что въ дѣлѣ распоряженія имъ вмѣстѣ сходятся и рядомъ стоятъ не только владѣющіе политическимъ правомъ по закону два высшіе стана, паны-рада и шляхта-рыцарство, но къ нимъ присоединяются и мѣщане—все свободное населеніе Литовскаго великаго княжества объединяется съѣздомъ въ этой реформѣ. Учрежденіе государственнаго Литовскаго скарба съ правомъ ссужать изъ суммъ его нуждающихся въ кредитѣ лицъ дѣлаетъ возможною просьбу съѣзда къ королю о томъ, чтобы въ столичномъ городѣ Литвы Вильнѣ (гдѣ, конечно, и будетъ помѣщаться этотъ скарбъ), никто не давалъ «на лифу на золото и на серебро»—одинъ монетный дворъ въ Вильнѣ имѣетъ право дѣлать денежные ссуды за два пенезя въ недѣлю отъ копы грошей. А то много купцовъ, оставивъ свою торговлю, занимаются исключительно ссудами подъ проценты. При этомъ чужеземцы вывозятъ много серебра, собравъ его, какъ проценты. Многіе и «зъ стану рыцарского, покинувшы господарства пристойные, на лифу пенези даютъ». Въ проектѣ съѣзда предполагается запрещеніе занятія ростовщичествомъ только въ Вильнѣ и не упоминается объ этомъ по отношенію къ другимъ городамъ великаго Княжества. Причина этого понятна: нельзя было, запретивъ ссудныя операціи частныхъ лицъ во всѣхъ городахъ, заставить всѣхъ нуждающихся въ кредитѣ непременно ѣхать за нужными деньгами въ Вильну. Тѣмъ не

менѣе проектъ этотъ наносилъ крупный ударъ ростовщичеству въ Княжествѣ, ибо, уничтожая его въ столицѣ и предлагая вмѣсто него населенію болѣе дешевый кредитъ въ столичномъ городѣ, онъ оказывалъ услугу не только столицѣ, но и всему Княжеству, такъ какъ поѣздка въ Вильну была дѣломъ далеко не труднымъ и явленіемъ далеко не такимъ рѣдкимъ въ жизни Литовскихъ обывателей. Существованіе государственнаго монетнаго двора прекрасно разрѣшаетъ и вопросъ о «стравныхъ» деньгахъ для сеймовыхъ пословъ Литовскихъ повѣтовъ. Когда наступитъ время собранія главнаго сеймика Литовскаго въ Слонимѣ—новый статутъ замѣняетъ Волковыйскъ этимъ городомъ для обще-Литовскихъ предсеймовыхъ собраній,—сеймики повѣтовые снесутся съ нимъ, давъ съѣзду Слонимскому «личбу» расходовъ на пословъ. Тогда «справцы мынѣцные за ведомостью оного преложоного з радъ» выдадутъ эти деньги посламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дадутъ отчетъ съѣзду въ своей дѣятельности, состояніи суммъ и доходѣ монетнаго двора ¹⁾. Паны-рада, послы и рыцарство, которые будутъ собравшимися на съѣздѣ, выслушавъ отчетъ, «мают ихъ, водлугъ годности справы их уваженъе чынечы, пры том зоставити, або на тое мѣстѣце инъшыхъ обрат, абы се около его обѣходили и люди до пана въ знаемость и цвиченъе прыходили». Необходимо также обезпечить условіемъ («варовать»), чтобы никто не смѣлъ брать денегъ изъ этого скарба безъ «ведомости речы посполитое». Все это, предложенное съѣздомъ, «на сойме сполномъ с паны Поляки можетъ быти стверѣжоно и варовано, яко се будетъ налѣпей видѣть и яко се намовятъ на соймикахъ; если бы се то имъ не подобало»,—тогда пусть сеймики сами придумаютъ другой способъ «высправованья» пословъ на сеймы и «заложенья скарбу посполитого». Что касается до ближайшаго сейма, то тѣ свѣтскіе паны-рада, которые не поѣдутъ на сеймъ, распорядятся выдачей податка со своихъ подданныхъ въ томъ размѣрѣ, какъ постановитъ шляхта,—но это только для пословъ одного лишь предстоящаго сейма. На будущее время средства для выправы пословъ повѣтовыхъ долженъ давать монетный дворъ, или же какой-нибудь другой «пожытокъ», который изыщутъ повѣтовые сеймики въ замѣну этого, предложеннаго съѣздомъ.

¹⁾ Очень характерно, что въ числѣ этихъ справцевъ мынѣцныхъ находятся мѣщане, которые такимъ образомъ выдаютъ и «приносятъ» стравныя деньги посламъ сеймовымъ повѣтовой шляхты на ихъ поѣздки на сеймы.

Далѣе съѣздъ переходитъ къ 30-му артикулу IV-го раздѣла депутатскаго проекта исправленнаго статута. Здѣсь стоитъ въ проектѣ: «робота замковъ, мостов, даванья стацый, где передъ тымъ было, абы и тепер давано, што може се вытечатъ далеко, бо бымъ за тымъ могъ урад и неповинъныхъ прымушати до тое повинъности, а отътоль бы наклад и права уросли», поэтому «се» съѣзду «видело постановити на купецкие люди, ижъ бы вжо всим (sic) места господаръские духовные и свецкие и чужоземские купъцы и кождый чоловекъ, который се купецтвомъ обьходить, прыклядал се и платилъ мыта, ку старому платечы а давно звыклому мыту» прибавку ¹⁾. Полученныя путемъ этого увеличенія мыта деньги съѣздъ предполагаетъ обратить на выкупъ столовыхъ имѣній, заложенныхъ прежними королями. Столовыхъ имѣній король не долженъ раздавать совершенно, «але абы з нихъ наклад чынено»- на построение замковъ такъ, какъ онъ это черезъ своихъ пословъ съѣзду «всказат рачылъ, хочечы, абы валомъ сыпаны стены замковые, кгдажъ будованье замковъ деревомъ ничемное есть и нисчее отъ старости а отъ огня». Над-

¹⁾ Отъ камня воску—6 грошей, отъ лою—2, хмѣлю—1¹/₂, отъ бочки соли—3, отъ селедцовъ (къ старому мыту)—4 гроша, отъ шкуръ воловыхъ—3 гроша («отъ скур всякихъ, ижъ въ земли есть потреба для посполитого чоловека не мало, заграничники безъ того се обьйти не могутъ, а про то купецъ, выправажаючы за границу, нехай бы платилъ отъ скур воловыхъ ку старому мыту грошы тры), отъ пары юхтовъ — прибавки 3 гроша, отъ шкуры цимцовой и козловой—прибавки 5 пенезей, отъ двухъ шкуръ дубленыхъ—4 гроша, отъ шкуры яловичей—2 гроша, «отъ бочки жыта, которую за границу купецъ провадитъ, а не господар своее роботы, отъ бочки полтора гроша, а такъ и отъ иного збожъя». Другіе товары, «которые до панства идутъ такъ сукна, яко и едwabъные, золотые, коренья и иные всякие речы косматые товары, шадуочы на копы, отъ копы по грошей тры, а с такихъ мествъ, которые нигде мыта не даютъ, абы, проводечы товары за границу, потому, яко вышей описано, платили. А скобное мыто отъ тыхъ товаровъ, яко отъ суконъ едъwabевъ, коренья и иныхъ речей, абы платили по тры грошы. А таковыя, которые едно на одномъ мествѣ старого мыта не платятъ и иные купъцы, што провадятъ за границу и у границу, отъ копы по грошей два ку старому мыту абы давали с купного мыта. А яко купецъ ошадуе свои товары, отъ того мыта дать, а за тымъ лацъно можетъ бытъ постановена цена вшелякимъ товаромъ, почому што маетъ в земли провадать, показавъшы ему пожитокъ за фурълон и за працу и за то, што мыта даетъ, абы и купецъ мелъ пожитокъ и въ земли дорогость товаровъ не была, яко на тотъ часъ, почому хто хочеть, продаютъ товары зъ заграничья прыпровадившы». Лит. Метр. $\frac{\text{ПА}}{61}$ л.

зоръ за мытомъ въ таможняхъ, находящихся на границахъ государства, имѣеть и другое значеніе: путемъ его можно будетъ назначать цѣны на товары, такъ чтобы и купецъ имѣлъ свою прибыль и обыватели Княжества не платили слишкомъ дорогихъ цѣнъ. Благодаря этому новому источнику доходовъ для великаго княжества Литовскаго, состоится выкупъ столовыхъ имѣній, которыя затѣмъ образуютъ неприкосновенный капиталъ, доходы съ котораго будутъ идти на сооруженіе крѣпостей Литовскихъ. «А такъ водлугъ важности и купенья имения освободятъ имена королевъскіе и тежаръ зъ имения шляхецкого знесеть се, кгдажъ и передъ тымъ замки граничныя будовано зъ добръ короля его милости, гдѣ на то повинныхъ людей зъ имения шляхецкихъ не было». Что касается до мощенія мостовъ, то ихъ можетъ строить владѣлецъ того имѣнія, гдѣ мостъ нуженъ, «а нехай мостовое маеть за свой накладъ водлугъ уваженья комисаровъ, на то отъ» короля «высланныхъ». Съѣздъ далѣе требуетъ, чтобы «варунокъ выбиранья пенезей, на мытахъ подвышоное вложонныхъ, и на вси тые речы, вышей описаныя, яко будетъ намовенья в поветехъ, абы передъ прышлымъ соймомъ прынесено до Волковыйска, кгдажъ въ Слониме зъездъ новымъ статутомъ еще не есть ствержоный. А тамъ намовившы се сполне и згодне, на съеймъ до его кр. милости ку стверженью прынести се то маеть». Въ числѣ вопросовъ, о которыхъ будутъ разсуждать повѣтовые сеймики, занимаясь сообщеннымъ имъ изъ депутатскаго проекта, особенно отмѣчаетъ съѣздъ 46-ой артикулъ IV-го раздѣла, устанавливающій, чтобы роки земскихъ судовъ отправлялись не одновременно во всѣхъ повѣтахъ, — это «отъложено на соймики в поветы на уваженье всихъ и для прынесенья на соймикъ Волковыйскій». Кромѣ того нужно, чтобы на этихъ же повѣтовыхъ сеймикахъ, имѣющихъ быть созванными королемъ передъ сеймомъ, «намовляли» объ освобожденіи Виленскаго коллегіума отъ службы военной. Объ этомъ просятъ сами «колеяцы» на томъ основаніи, что они даже не могутъ сами имѣть «выживенья» съ «наданныхъ» имъ имѣній, а не только что чѣмъ отправлять военную службу. Предлагается освободить ихъ отъ служенія «войны» со всѣхъ имѣній, не только тѣхъ, которыми они владѣютъ теперъ, но и съ тѣхъ, которыя будутъ въ послѣдующее время «наданы» этому и другимъ коллегіумамъ, «кгдажъ оттуль наука и цвиченье молодымъ людямъ иде, што за одинъ скарбъ речы посполитой ма бытъ почытано». Въ заключеніе съѣздъ предлагаетъ вниманію сеймиковъ повѣто-

выхъ мѣру въ интересахъ Литовской торговли. Онъ предлагаетъ «намовляти» о складахъ, которые были бы устроены на границахъ великаго княжества Литовскаго для товаровъ, идущихъ за границу. Всѣ эти товары, а именно «збожъя, попелы, клепъки, ванчосы», бракуются чужеземскими купцами въ очень большомъ количествѣ при приѣмѣ ихъ послѣ доставки. Если эти товары, безъ которыхъ чужеземцы не могутъ обойтись, будутъ покупаться иностранными купцами въ складахъ, устроенныхъ на границахъ, то, конечно, Литовскіе продавцы избѣгутъ браковокъ послѣ затратъ на доставку товаровъ на мѣсто. Такимъ образомъ и интересы Литовской торговли не были забыты Виленскимъ съѣздомъ 1584 года. Заканчивая актъ своихъ обсужденій, съѣздъ писалъ: «а для того то писмо наше оповедали есмо передъ его кр. милостью, абы во вси поветы на соймаки, посылаючи послы, слово отъ слова выдавано и межы инъшими речами, отъ его кр. милости подаными, о томъ намовляли» ¹⁾. 25 марта уже дана была грамота короля Стефана въ повѣты, извѣщающая ихъ о результатахъ дѣятельности съѣзда для исправленія статута. Грамота эта объявляла обывателямъ Литовскихъ повѣтовъ о томъ, что лица, высланныя ими на съѣздъ въ Вильну для окончанія «поправы статutowое, за зложенъемъ и узыченъемъ часу» королемъ, «ознаймили» ему, на что изъ этого исправленнаго статута съѣздъ даетъ свое согласіе и что онъ проситъ подвергнуть обсужденію повѣтовой шляхты черезъ королевскихъ пословъ передъ вальнымъ сеймомъ. Къ этому объявленію король прибавляетъ: какъ онъ «на поправу того статуту» соизволилъ, такъ не задержитъ и его утвержденія своимъ привилеемъ «за згоднымъ прынесенъемъ» его на сеймъ Литовскими обывателями ²⁾.

Исполненіе королемъ своего обѣщанія сообщить повѣтовымъ сеймикамъ для обсужденія статьи статута, которыхъ не могъ принять съѣздъ безъ «братіи-шляхты», могло послѣдовать въ томъ же 1584 году. На 15 января 1585 года созванъ былъ Баторіемъ вальный сеймъ въ Варшавѣ. Въ то время какъ сеймики Коронные были всецѣло поглощены громкимъ дѣломъ убійства Самуила Зборовскаго и предстоящимъ на сеймѣ судомъ надъ его убійцами, сеймики Литовскіе занимались созданиемъ своего

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{IIA}{61}$ л. 132 об.—136. Документъ находится между актами

24 марта 1584 года.

²⁾ Вил. Арх. Сб. III. № 32.

кодекса. 24 декабря 1584 года закончился главный Волковский съезд, очевидно, бывший предсеймовымъ съездомъ сенаторовъ и пословъ земскихъ великаго княжества Литовскаго. Намъ не удалось встрѣтить документа его постановленій по исправленію статута, которое должно было обсуждаться на немъ, какъ и на повѣтовыхъ сеймикахъ, ему предшествовавшихъ. Но сохранился и даже изданъ документъ, излагающій тѣ статьи этого статута, на которыя изъявили свое согласіе духовные и свѣтскіе паны-рада, — онѣ касаются отношеній духовенства къ свѣтскому суду¹⁾. Документъ этотъ представленъ былъ для вписанія въ канцелярейскія книги лишь 25 марта 1586 года, и сдѣлалъ это «зѣ милованья Божого кардиналъ святого костела Римскаго бискупъ Виленскій Юрей Радивилъ на Олыцѣ и Несвижу княжа». Называется документъ этотъ такъ: «Артыкулы правные, съ статуту великаго князства Литовскаго новопоправленого вынятые, на которые ихъ милость панове стану духовного съ ихъ милостями паны стану свѣтскаго на зѣздѣ головномъ Волковийскомъ, въ року тысяча пятьсотъ осмдесятъ четвертомъ дня двадцать четвертого декабря сконченомъ, згодливѣ и въ спольной милости зезволилися, и оныя печатями и подписами рукъ своихъ утвердили». Всего находимъ здѣсь пять артикуловъ: 1) «артыкуль 31 въ роздѣлѣ третьемъ, о непозыванье свѣтскихъ въ духовное право о рѣчи свѣтскіе», 2) «артыкуль 32, о довоженье справедливости въ кривдахъ свѣтскимъ зѣ станы духовными, также духовнымъ зѣ станы свѣтскими», 3) «артыкуль 33, о права земленые межи станы духовными и свѣтскими», 4) «артыкуль 34, о позыванью опекуновъ, або экзекуторовъ тестаменту духовныхъ особъ» и, наконецъ, 5) «о колегіятахъ». Четыре первые артикула цѣликомъ вписаны въ третій статутъ²⁾. Сличая оба текста, можно лишь отмѣтить нѣсколько словъ, замѣненныхъ другими въ окончательной редакціи, нѣсколько пропусковъ и вставокъ отдѣльных словъ, рѣшительно не измѣняющихъ смысла. Существенной вставкою статута являются лишь слѣдующія слова 32-го артикула: «а где бы тежъ кому отъ князей бискуповъ кривда въ чомъ деяласе, такъ отъ самыхъ особъ, якъ отъ врядниковъ, слугъ, бояръ и подданныхъ ихъ, а они бы сами за упомненьемъ отъ вряду земскаго черезъ листъ упоминальный сами стороне жалобливой усправедливитися, яко особы духовные, не хотѣли, альбо

¹⁾ А. З. Р. III. № 161.   ²⁾ III ст. III. 31—34.

з урядниковъ, слугъ, бояръ и подданныхъ своихъ справедливости не учинили, водълугъ сего права посполитого, тогда о то до насъ господара такъже на рокъ завитый позываный и тымъ же правомъ земскимъ сужоны быти мають, складаючи рокъ за позвы, естли у великомъ княжствѣ Литовскомъ дворомъ нашимъ будемъ, чотыри недели, а естли за границею великого князства Литовского, осмъ недель»¹⁾. Что касается до пятого артикула изъ внесенныхъ въ канцелярейскія книги въ 1586 году Виленскимъ бискупомъ, то онъ принятъ не соглашеніемъ пановъ-радъ свѣтскихъ и духовныхъ, а «за позволеніемъ всихъ становъ»²⁾. Онъ также внесенъ въ статутъ 1588 года дословно, но уже въ раздѣлѣ второй и составляетъ въ немъ вторую половину девятого артикула. Этотъ артикулъ «о коллегіятахъ» былъ изъ числа тѣхъ отдѣловъ и статей статута, которые, какъ мы видѣли, должны были быть разосланы на обсужденіе повѣтовыхъ сеймиковъ по просьбѣ Виленскаго съѣзда 1584 года и по обѣщанію королевскому, объявленному повѣтамъ Литовскимъ грамотою Баторія отъ 25 марта того же 1584 года. Мы видимъ, однако, что просьба Виленскихъ коллегіатовъ домогалась для Виленскаго коллегіума большаго, чѣмъ даетъ имъ статутъ. Коллегіумъ добивался освобожденія отъ обязанности править земскую службу военную не только съ тѣхъ имѣній, которыми онъ уже владѣеть, но и съ тѣхъ, которыя еще будутъ ему «наданы». Просьба кромѣ того касалась и другихъ коллегіумовъ, а не одного Виленскаго, и съѣздъ 1584 года отнесся сочувственно къ этой просьбѣ, высказывая мысль, что наука и образованіе юношества—это тотъ же «скарбъ» государства, онѣ равны по пользѣ государственной денежнымъ богатствамъ его. Очевидно, лишь повѣтовые сеймики нѣсколько уменьшили льготы Виленскому коллегіуму, къ которымъ склонялся Виленскій съѣздъ. Въ то же время они совершенно

¹⁾ III, ст. III. 32.

²⁾ А. З. Р. III. № 161. Документъ въ сокращенномъ видѣ изданъ также С. Л. Пташицкимъ (къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго статута. СПб. 1893. Стр. 11. Прим. 1). Но дата внесенія его въ канцелярейскія книги, приводимая г. Пташицкимъ — 26 марта 1596 года, не можетъ быть вѣрна, такъ какъ кардиналъ бискупъ Виленскій Юрій Радивилъ въ это время былъ уже бискупомъ не Виленскимъ, а Краковскимъ, которымъ онъ былъ назначенъ въ 1591 году (X. *Melchior Bubiński*. Hist. Kosciola Polskiego. III. Str. 255). Конечно, это опечатка. Въ текстѣ самъ г. Пташицкій даетъ 1586 годъ. Кромѣ того не хватаетъ въ документѣ, изд. г. Пташицкимъ, артикула «о коллегіятахъ».

лишили льготъ прочіе коллегіумы, хотя съѣздъ, повидимому, готовъ былъ распространить ихъ и на всѣ остальные учрежденія «для науки и цвиченья» юношества.

Если мы теперь, на основаніи изложенныхъ фактовъ, зададимся цѣлью изобразить въ общихъ чертахъ способъ составленія третьяго Литовскаго статута и путь, пройденный имъ до его утвержденія, мы должны представить это слѣдующимъ образомъ. Второй статутъ былъ дополняемъ депутатами путемъ внесенія въ него отчасти статей изъ общихъ постановленій для всей Польско-Литовской Речи Посполитой ¹⁾, отчасти статей, самостоятельно составленныхъ самими депутатами. Дѣло сличенія Литовскаго статута съ Польскими узаконеніями, какъ понимала статутную поправу конституція Люблинскаго сейма 1569 года, обратилось въ совершенно самостоятельную переработку статута 1566 года на основаніи практики его и потребностей государственной и общественной жизни Литовской. Свои работы депутаты вносили на обще-Литовскій съѣздъ, который разсматривалъ ихъ, прежде чѣмъ «поправки» будутъ представлены королю. Съѣздъ привлекалъ къ работѣ надъ созданіемъ новаго Литовскаго кодекса и всѣхъ шляхетныхъ обывателей Княжества, отсылая на разсмотрѣніе повѣтовыхъ сеймиковъ тѣ статьи, принятія которыхъ онъ не могъ взять на себя. Но кто же давалъ санкцію Литовскому кодексу? «Поправы» 1578 года были внесены на Варшавскій сеймъ, конституціею котораго перечислено содержаніе ихъ ²⁾. Самый текстъ этихъ «поправъ» статутныхъ имѣетъ во главѣ слѣдующія слова короля Стефана: «чинимъ знаменито всимъ посполито, кому того вѣдати потреба, што будучы намъ на соймѣ Варшавскомъ всимъ землямъ Короны Польской и Великого Княжства Литовского, обясненя артикуловъ нѣкоторыхъ, въ статутѣ описаныхъ, и ново причиненого порядку справедливости, яко то имъ правомъ посполитымъ и поприсяженямъ нашимъ есть позволено, и просили насъ, абы тоєю моцю того сейму зверхностью нашею господарскою было имъ утверженно, и до статуту Великого Княжства Литовского уписанно. На што мы Господарь позволивши, и розказали въ констытуцыѣ змѣнъ ³⁾ о каждомъ таковыхъ артыкуловъ учинити, и въ сесь привилей нашъ слово отъ слова велѣвши уписати, и до всѣхъ воеводствъ, земель и повѣтовъ, которыи ся тымъ

¹⁾ Напр., изъ акта Варшавской конфедераціи 1573 года.

²⁾ Vol. leg. II. Str. 186.   ³⁾ Т.-е. упоминаніе.

правомъ статутомъ Великого Князьства Литовского судити, съ канцлярие Великого Князьства Литовского выдать есъмо казали, яко тыи артыкули такъ въ собѣ мають»¹⁾.

Тѣ же «поправки» дають намъ знать, какъ былъ утвержденъ артикуль статутовой поправки королемъ Генрихомъ на коронаціонномъ сеймѣ, — «на соймѣ коронаціи короля Гендрика потверженный конституціею соймовою». Въ этомъ артикулѣ читаемъ слѣдующія слова, сказанныя отъ лица короля Генриха: «тогда для прудшой справедливости людской моцю теперешнего сейму, *за дозволенямъ всихъ пановъ-радъ нашихъ и пословъ земскихъ Великого Князьства Литовского*, тотъ артикуль, през нихъ до насъ поданный, ухваливши, въ статутъ вписать и ку вживаню привести заказалисьмо тымъ способомъ»²⁾. По смыслу приведенныхъ словъ привилея Генриха, внесеніе поправки статутовой на сеймъ не было вовсе дѣломъ, подлежащимъ разсмотрѣнію цѣлаго спольнаго сейма Польско-Литовскаго. Нельзя поэтому думать, что прежде утвержденія ея королемъ поправка разсматривалась и Поляками, и Литовцами вмѣстѣ на сеймѣ; ея разсмотрѣніе и утвержденіе было дѣломъ короля и *однихъ Литовцевъ*. Обратившись къ утвержденію Стефаномъ Баторіемъ «поправъ статутовыхъ» на Варшавскомъ сеймѣ 1578 года, мы также замѣтимъ особенность его по сравненію съ другими сеймовыми постановленіями. Въ самомъ дѣлѣ, сеймовая конституція 1578 года перечисляетъ лишь заголовки тѣхъ артикуловъ «поправки», которые представлены королю панами-радами и земскими послами великаго княжества Литовскаго. Послѣ перечисленія этихъ артикуловъ конституція отъ имени короля гласитъ³⁾: *ktore My artykuły wszystkie przyjąwszy, iako rzecz słuszną, у mocą tego Seymu*⁴⁾ *konfirmuiemy, у за pieczęcią W. X. Litewskiego, z podpisaniem ręki naszej; z Kancellaryi W. X. Litewskiego, we wszystkie Woiewodztwa у Powiaty W. X. Litewskiego odesłacieśmy kazali, aby to за statut mając, wedle tego się sądzili*». Само собою разумѣется, что сеймовая конституція въ данномъ случаѣ не могла служить для примѣненія «поправъ» судьями, администраціей и всѣми обывателями великаго княжества Литовскаго: по простому перечню заголовковъ артикуловъ,

¹⁾ Временникъ Имп. М. Общ. Ист. и Др. Р. XXIII. Стр. 200.

²⁾ Временникъ XXIII. Стр. 204.   ³⁾ Vol. leg. II. Str. 186.

⁴⁾ Конечно опечатка—*Seymiki* вмѣсто *Seymu* въ Vol. leg. Исправляемъ ее въ нашей выпискѣ. (Въ спискѣ опечатокъ, приложенномъ въ концѣ II тома Vol. leg., указанія на нее нѣтъ).

не имѣя въ рукахъ полнаго ихъ текста, очевидно, нельзя было дѣйствовать. Но если конституція не могла служить для руководства Литовскимъ врядникамъ и обывателямъ, то самые артикулы также не могли быть вписанными цѣликомъ въ конституцію, такъ какъ послѣдняя была написана на Польскомъ языкѣ, а первые на Русскомъ ¹⁾. Такимъ образомъ, «поправки» 1578 года, утвержденныя сеймовою конституціею, были обнародованы не ею, а королевскимъ привилеемъ, въ который вписанъ ихъ текстъ цѣликомъ ²⁾. Внесеніе въ конституцію сеймовую только однихъ заголовковъ артикуловъ, а не текста ихъ въ Польскомъ переводѣ, заставляетъ думать, что «поправки» и не разсматривались сеймомъ въ цѣломъ ихъ объемѣ и по существу ихъ содержанія, а лишь просто были прочитаны заглавія артикуловъ, писанныхъ на непонятномъ сейму Русскомъ языкѣ и утвержденныхъ королемъ по представленію Литовскихъ сенаторовъ и пословъ повѣтовыхъ. Такой же порядокъ утвержденія и внесенія въ сеймовую конституцію былъ соблюденъ и при созданіи главнаго Литовскаго трибунала. Въ конституціи сейма 1581 года, утверждающей трибуналь Литовскій, читаемъ: «*Stanom Wielkiego Xięstwa Litewskiego, za potrzebą ich na tym Seymie, wydaliśmy Trybunał, to iest, porządek Sądow nowych głównych, przez Sędzie główne, ktorzy od Stanow onego Państwa czasu y mieysca naznaczonego obrani będą. O czym szerzey artykuły namowione, za pieczęcią naszą, W. X. Litewskiego, y z podpisem ręki naszej, wedle praw ich, Ruskim pismem pisane są, y im do Woiewodztw y Powiatow wydane*». Далѣе конституція говоритъ объ исправленіи депутатами Литовскими,—(конечно здѣсь имѣются въ виду депутаты, занимающіеся исправленіемъ статута 1566 года),—Литовскаго статута и ухваль сеймовыхъ, относящихся къ судамъ. Это должно быть сдѣлано такъ, чтобы ничто не противорѣчило договору Уніи. Поправа эта должна быть представлена для королевскаго утвержденія (*dla konfirmacyi naszej*) на ближайшей, первый сеймъ ³⁾. Что касается до самаго устава Литовскаго трибунала, то онъ, какъ мы видѣли, былъ составленъ и изданъ въ томъ же 1581 году

¹⁾ О томъ, какъ существованіе двухъ различныхъ государственныхъ языковъ, Русскаго и Польскаго, отзывалось на самыхъ существенныхъ сторонахъ политической жизни соединеннаго государства, будетъ рѣчь во второмъ томѣ настоящаго изслѣдованія, въ главахъ, посвященныхъ Литовскому повѣтовому сеймику, обще-Литовскому главному сеймику и спольному сейму.

²⁾ Временникъ XXIII. Стр. 200 и сл.   ³⁾ Vol. leg. II. Str. 210.

Но вернемся къ исторіи составленія и утвержденія «поправъ статutowыхъ».

Мы видѣли выше, что «поправы» статута послѣ сейма 1578 года были представлены на Варшавскій сеймъ 1579 года, но сеймъ «не дошолъ», и онѣ остались безъ утвержденія, хотя и были подписаны королемъ. Видѣли мы также, что Виленскій съѣздъ 1580 года хотѣлъ обойти новое представленіе ихъ сейму, прося короля объ ихъ немедленномъ обнародованіи. Король отказался это сдѣлать, но гарантировалъ станамъ Литовскимъ, что на ближайшемъ сеймѣ онѣ прикажетъ внести артикулы статutowые въ сеймовую конституцію и обнародуетъ ихъ по всему великому княжеству Литовскому ¹⁾. Не простою ли формальностью

¹⁾ Приводимъ грамоту пѣликомъ.—«Стефан Божю милостю корол Польскій великій княз Литовскій. Ознаймуемъ тымъ листом нашимъ всемъ посполите и кождому зособна, кому то ведать належитъ, ижъ што перъво сего на прошломъ вальномъ сойме Варшавскомъ в року минулом 1579-мъ были до нас донесены прозбы отъ пановъ-рад наших (и) пословъ земъскихъ великого князства Литовского около порадку справедливости, то ест отправованя апеляцій, на суд нашъ господарскій належачих, абы тот таковый порадокъ около справедливости и при немъ некоторые артикулы поправы статуту великого князства Литовского им были от нас выданы и моцю оног сойму ствержены, якож есмо на то позволили водле артикулов, при обираню короля Генрыка постановеных и через насъ поприсяженных, и отсуженя таковых апеляцій з нас зложивши, тот порадокъ, которым обычаем таковыя апеляціе через особъ, которых вы вси станы великого князства Литовского межи собою на то обрали, на писме посполу с поправою артикулов статutowых выдати есмо им розказали за варунком и змоцненъемъ тое речи констытуцією (sic) соймовою, якож ужо и рукою нашою тот порадокъ, списанный около тых судов, подписали были. Але иж констытуція соймовая на том Варшавском сойме не дошла жадная окром самого универсалу соймового, про то теж и тот порадокъ справедливости отсуживаня апеляцій и поправа артикулов статutowых, у ним описаных, не выдано (sic). А панове-рады наши, княжата, панята, маршалки, врядники земские и дворные и вси станы рыцерство обыватели панства нашего великого князства Литовского, зъехавшися здесе за листы и везванемъ нашим тут до места Виленского столечного у великом князстве на конвакуцію (sic) ку намовам в справах и потребах военныхъ, вси згодне и одностайне чинили нам припоминане и прозбу о выданемъ (sic) того нового порадку справедливости и около отправованя и отсуживаня апеляцій, на што, якомы перво сего на сойме у Варшаве хутливе были зезволили и оный порадокъ вжо рукою нашою подписали, так и на сес часъ, жеданю и прозбе панов-рад нашихъ и въсих станов досыт чинечи и в том ихъ всехъ упевняучи (sic), варуем то им сим листом нашимъ, иж на сойме валном пришлом, который напервей от нас для потреб и справ речи посполитое зложонъ будет, маем станомъ великого князства Литовского тот порадокъ новый около отправованя апеляцій, на суд нашъ припадаючихъ посполу с поправою артикулов

является внесение Литовскихъ законовъ на спольный вальный сеймъ Польско-Литовскій, если король до него «упевняетъ» и «варуетъ» исполненіе просьбы Литовскихъ становъ? Ясное дѣло, королемъ совершенно не принимается въ расчетъ возможность несогласія пословъ и сенаторовъ Коронныхъ съ этими Литовскими узаконеніями, а слѣдовательно, и для утвержденія ихъ было вполнѣ достаточно согласованія желанія Литовскихъ становъ съ волею королевскою. Очевидно, внесение на сеймъ этихъ «поправъ» было нужно лишь для того, чтобы они были утверждены королемъ именно во время сейма, какъ утверждались государемъ прежде на сеймѣ же законы Литовскіе въ то время, когда Княжество было совершенно отдѣльнымъ государствомъ и имѣло свои отдѣльные сеймы.

Посмотримъ теперь, какое значеніе имѣли не утвержденныя еще сеймовыми конституціями «поправы» въ практикѣ судовъ Литовскихъ. 22 февраля 1590 года Троцкій подкоморій князь Богданъ Огинскій разбиралъ жалобу на коморника Троцкаго повѣта Яна Совковича, который, «будучы онъ высланный» подкоморіемъ за позвомъ подкоморскимъ «для доизренья sprawy» между сторонами на мѣстѣ, «для выслуханья доводовъ и отводовъ такъ черезъ письмо, яко и черезъ светки; гдежь дей, будучи онъ на онъ часъ на томъ кгрунѣ помененомъ, одное стороны, доводу, пана Павла Жукового, черезъ светъки чиненого слухал, а ее пани Войзбуное доводу, который она передъ нимъ готова была показати, яко черезъ листъ увящый пана судьи кгородьского Троцького, такъ тежь черезъ свитки, шляхту и иньшия добрие

статutowых, в нем (sic) описаных, выдати и в констытуцію (л. 28 об.) соймоую то заразом уписати, росказавши по всему панству нашому великому князству Литовскому черезъ листы наши казати обволати, иж бы вжо такывые суды водлуг оногo порадку, черезъ насъ выданого, отсуживаны и отправованы черезъ насъ были. А если бы тежь того была потреба, же бы и што артикуловъ в томъ порадку справедливости поправило, тогды то имъ волно будетъ на сеймикахъ пришлыхъ учинити, а мы то имъ с тою поправою выдатъ обещуемъ подъ словомъ нашимъ королевскимъ водлугъ того способу и порадку, яко в коруне Полской есть постановено, заховавши толко тые суды, которые персуне маестату нашого, особливе о добра столу нашого, власне суду нашому господарьскому належатъ. Для чого тотъ листъ нашъ, рукою нашою власною подписавши, печетю (sic) нашою великого князства Литовского запечатоватъ есмо велели. Писанъ у Вилни лета Божего нароженя 1580, месеца апреля 29 дня. Подписъ руки господарьское. Коронная Метрика (М. Арх. М. Юст.). $\frac{I\ B}{22}$ 28 об.—29.

люди суседы околечные, сумежники, слухати дей не хотель и, не заховуючи се дей водле права посполитого и статуту земьского, не слухаючы выводу ее через свитки и не читаючи листу увящого, пана Павла Жука дей при всихъ кгрунътехъ Кгрутишскихъ не водле права зоставилъ». Однако, панъ Павелъ Жукъ, вмѣстѣ съ коморникомъ позванный панею Войзбуновою на судъ подкоморія, «ніякого дей року» не призналъ и не посчиталъ себя «повиннымъ» становиться на судъ, «беручи собе на то моцъ з статуту старого з розделу четвертого артыкулъ семьдесятый, где пишеть о подкоморской и коморниковской владзы, ижъ сторона жалобливая, если бы мела ку кривде судъ коморниковъский, не мела апелевати до подкоморого, але до суду головного...» «Кривженье» пану Жуку было учинено 26 августа 1585 года, а переслано дѣло Троцкому подкоморію земскимъ судомъ Троцкимъ было 14 ноября 1586 года; выѣздъ же коморника на разбирательство состоялся 20 августа 1588 года ¹⁾. Ясное дѣло, что мы не имѣемъ

¹⁾ Приводимъ документъ цѣликомъ.—«Лета от нароженя Сына Божьего тисеча пять сотъ девятдесятого месеца февраля двадцать второго дня. Передо мною Богданомъ Окгинъскимъ с Козельска подкоморымъ Троцкимъ державцою Дорсунискимъ на року, припаломъ за позвы моими подкоморскими, в Дорсунишкахъ, у дворе его королевское милости обличъне ставшы у права обе стороне, землянка господарская повету Ковенъского пани Ядвига Яновна Миколаева Шимъковича Войзбунова и з сынъми своими, Лукашомъ а Якубомъ Миколаевичи Войзбуны, через приятеля своего умоцованого пана Томаша Котовича Войзбуна жаловали с позву моего подкоморского на Яна Совковича, коморника повету Троцъкого, о томъ, што иж дей року прошлого тисеча пять сотъ осмъдесятъ осмого будучы онъ высланный от мене за позвомъ моимъ подкоморъскимъ для доизренъя sprawy межи ними, которую они мели зъ земляникомъ господарскимъ повету Троцъкого паномъ Павломъ Яновичомъ Жукомъ на кгрунте Кгрутишскомъ и Ейнаришскомъ, для выслуханья доводовъ и отводовъ такъ через писмо, яко и через свитки, гдежъ дей, будучи онъ на онъ часъ на томъ крунъте помененомъ, одное стороны доводу, пана Павла Жукового, через светьки чиненого слухал, а ее панн Войзбуновое доводу, который она перед нимъ готова была показати, яко через листъ увящый пана судьи кгородского Троцъкого, такъ тежъ через свитки шляхту и инъшие добрие люди суседы околечные, сумежники, слухати дей не хотель и, не заховуючи се дей водле права посполитого и статуту земьского, не слухаючы выводу ее через свитки и не читаючи листу увящого, пана Павла Жука дей при всихъ кгрунътехъ Кгрутишскихъ не водле права зоставилъ, у которие панъ судья кгородский Троцъкий ее Миколаевую Возбунову и сыновъ ее урадовне место части всего имения брата того пана Павла Жука, небощика Юря Яновича Жука, за голову мужа ее небощика Миколая Шимъковича Войзбуна у сту пети копахъ и у грошей двадцати чотырохъ былъ увезалъ. По прочытанью позву и жалобы пани Миколаевое Войзбу-

тутъ ссылки на второй статутъ въ томъ его видѣ, въ которомъ онъ былъ изданъ въ 1566 году. Трибуналъ Литовскій былъ учрежденъ только въ 1581 году, а потому мы напрасно будемъ искать во второмъ статутѣ упоминанія объ апелляціи къ нему. Подъ «старымъ статутомъ», на который ссылался панъ Павелъ Жукъ, возможно понимать только «поправы», которыя въ случаѣ ихъ

новое и сыновъ ее тутъ же очевисте стоячы третей стороны панъ Павелъ Яновичъ Жукъ, который тежь черезъ листъ мой отворонный, урадовне черезъ возного ему поданный, ку прислуханью тое sprawy былъ притягненъ, черезъ умоцованого приятеля своего, пана Войтеха Кульвиньского, поведилъ, ижъ на тотъ позовъ пани Войзбуное, которымъ коморника припозвала и пана Жука, яко сторону, листомъ вмл., пане подкоморы, заложила и обьнесла ку прислуханью права, ниякого дей року панъ Павелъ Жукъ не признаваетъ и становити се не повиненъ, беручи себе на то мочь з статуту старого з розделу четвертого артыкуль семьдесятый, где пишеть о подкоморской и коморниковъской владзы, ижъ сторона жалобливая, если бы мела ку кривде судъ коморниковъскій, не мела апелевати до подкоморого, але до суду головного; кгдажъ дей тое кривженье стало се пану Жуку от пани Войзбуное в року осмьдесятъ пятомъ месеца августа двадцать шостого дня, а отосланные до суду подкоморского от враду земьского Троцького в року осмьдесятъ шостомъ месеца ноябра чотырнатцатого дня, нижли только выездъ коморника сталъ ся в року осмьдесятъ осмомъ месеца августа двадцатого дня который коморникъ тымъ статутомъ старимъ прошлые роки отправовалъ и доводовъ слухалъ, а бачечи дей, ижъ з стороны пани Войзбуное не водле права апелляци до пана подкоморого домогалисе коморника не допустилъ про то, ижъ до суду головного не апелевала, порадку правного себе отступила и не повиненъ дей былъ в томъ ее коморникъ научать. На то стороны жалобливое от пани Войзбуное пан Томашъ Котовичъ поведилъ, ижъ, ачь се тая справа за старого статуту зачала, але дей выездъ коморника былъ в року осмьдесятъ осмомъ месеца августа двадцатого дня, вжо по выданью нового статуту и бралъ себе на помочь з статуту нового з розделу девятого артыкуль десятый, где пишетъ: если бы се што в справе, в писанью и в поступьку иньшомъ якомъ черезъ коморника поблудило нижли бы пришло до розсудку skuteczного о границы, о такие речы розправа з ними маеть быти передъ подкоморимъ, а подкоморий виненъ з нихъ справедливость чинити от принесенья к нему жалобы надалей за две недели и моцонъ будетъ облуженья ихъ поправити. Про то дей, ижъ се то за нового статуту стало, тогда тутъ теперь с коморникомъ и рокъ праву посполитому есть и повиненъ се есть передъ вмл., пане подкоморый, усраведливити в томъ, ижъ одное стороны доводовъ ниякихъ не слухаючы, а што се дей тычетъ апелляци на ономъ року передъ нимъ, тогда сторона моя апелевала до вмл., пане подкоморый, нижли коморникъ апелляци не допустилъ, и с тыхъ причинъ тутъ есть коморникъ передъ судъ вмл. припозванъ и сторона панъ Жукъ ку прислуханью, абы се то направило, ижъ коморникъ надъ право стороне одной уближенье учинилъ и, доводовъ ее не слухаючы, кгрунтъ отсудилъ. А по тыхъ спорехъ и мовенью ихъ знашолъ есми, ижъ тая справа маеть быти новымъ статутомъ су-

утвержденія «за статутъ» ¹⁾ признаются. Едва ли можно сомнѣваться, что въ приведенномъ дѣлѣ Жука и Войзбуновой мы имѣемъ ссылку на «поправу» статута, рассмотрѣнную Виленскимъ съѣздомъ 1584 года, причемъ примѣнялся тотъ артикулъ, который, не возбудилъ никакихъ вопросовъ, или недоумѣній въ членахъ этого съѣзда, а потому и не попалъ въ число артикуловъ, обсужденіе которыхъ было по просьбѣ съѣзда 1584 года предложено Баторіемъ повѣтовымъ сеймикамъ. Если обратимся къ самому третьему статуту и откроемъ въ немъ 70-ый артикулъ IV-го раздѣла, то не найдемъ въ немъ словъ объ апелляціи отъ суда подкоморія и коморника въ трибуналь. 70-ый артикулъ

жона с тое причины: хотя сама речъ стала ся за старого статуту, але выездъ коморника за нового статуту вкročилъ. На што панъ Кулывенъскій з стороны пана Жуковое поведилъ, ижъ и в новымъ статуте розделе девятомъ артыкуле десятомъ такъ пишеть: где бы кому судъ коморника которого не подобал се, о то отзов маеть им до суду головного, яко и от подкоморого быти. А коморникъ поведил Янъ Совѣкговичъ, ижъ, если был дей я стороне жалобливой пани Войзбуновой ублизенъе в чомъ учинилъ, яко то себе менуеть, мела бы дей апелевать до суду головного, а я быхъ имъ апеляцци не боронилъ, але ижъ дей не водле права до вмл., пане подкоморый, апелевали, с тыхъ причинъ имъ апеляцци не естъ допуцона. А кгда вжо стороны больше споровъ и мовенъя не мели, я, припатривши се добре декретови коморника моего, в которомъ зменъку чинить, ижъ по декрете его пани Войзбуновая апелевала до подкоморого, нижли ей коморник апеляцци не допустил, а припатривши се добре праву посполитому, в статуте описаному, в розделе четверътомъ артыкуле осмъдесять шостомъ, ижъ сторона, которая бы себе от суду земъского, кгородского, албо и подкоморъского зрозумела быти сказанъе не водле права учиненое, воъно апелевати до суду головного трибунальского и, ачъ в томъ сторона жалобливая, пани Войзбуновая и з сынами своими, апелевала не до суду головного, але до подкоморого, а апеляцци до суду моего подкоморского не належытъ, однакъже ижъ апелевала и апеляцци по декрете коморничомъ не промолъчала, с тыхъ причин стороне жалобливой, пани Ядвизе Войзбуновой и сыномъ ее, отъ декрету Яна Совѣкговича коморника моего, в року осмъдесять осмомъ месеца августа двадцатого дня в той справе межи ними и паномъ Жукомъ учиненого, апеляццию до суду головного трибунальского быти слушную призналомъ и в томъ облуженъя, ижъ до суду належного апеляцци сторонами не допустилъ, суду коморника своего поправиломъ. Мають обе две стороне, такъ пани Миколаева Войзбуновая з сынъми своими, яко и панъ Павелъ Жукъ у суду головного у Вилни становити се в року теперешнемъ тисеча пят сот деветь десятомъ на часъ звыклый, в праве посполитом описаный, кгда справы воеводства Троцького сужоны и отпраованы будут. Которая справа, яко ся точила, естъ до книгъ моихъ подкоморскихъ записана. Писанъ в Дорсуншъкахъ. Вил. Центр. Архивъ № 5931. Книга Троцького подкоморского суда 1585—1606 г. Л. 40, 41.

¹⁾ Выраженіе конституціи сейма 1578 года. Vol. leg. II. Str. 186.

IV-го раздѣла статута 1588 года гласитъ «о участникахъ, которые яко речы доходити усхочуть, ижъ другихъ своихъ участниковъ на одны роки судовые земьские, яко на рокъ завитый позывати мають». Объ апелляціи отъ суда коморника говоритъ въ статутѣ дѣйствительно 10-ый артикулъ IX-го раздѣла, притомъ буквально то, что гласитъ и заявленіе пана Жука. Что же изъ всего этого слѣдуетъ? Очевидно, что *редакція статута и порядокъ размѣщенія въ немъ отдѣльныхъ артикуловъ* были переработаны за время между 1584-мъ и 1588-мъ годами. Съ другой стороны, изъ приведеннаго факта, сохраненнаго Троцкими подкоморскими книгами, несомнѣннымъ является и тотъ взглядъ на отсутствіе необходимости утвержденія проекта статута спольнымъ сеймомъ, который былъ у обывателей и врядниковъ Княжества, довольствовавшихся утвержденіемъ его Литовскимъ съѣздомъ.

Но какіе же были источники для составленія третьяго Литовскаго статута? Можетъ быть, онъ былъ составленъ путемъ сведенія въ одинъ кодексъ такихъ узаконеній, которыя уже раньше были утверждены спольнымъ сеймомъ каждое отдѣльно, а потому и новое утвержденіе ихъ, сведенныхъ въ одну книгу, представлялось излишнимъ? Мы не производили изученія источниковъ каждой отдѣльной статьи статута 1588 года, но сдѣлавъ наблюденіе надъ многими изъ нихъ, едва-ли ошибемся, если скажемъ, что источниками третьяго Литовскаго статута были: 1) второй Литовскій статутъ, который легъ въ основаніе статута 1588 года, 2) сеймовыя постановленія времени послѣ Люблинской Уніи, 3) королевскіе привилеи, 4) статьи, созданныя самостоятельно съѣздомъ, повѣтовыми сеймиками Литвы и Литовскими депутатами, назначенными для «поправки» статута. Значеніе статута 1566 года, какъ источника для третьяго статута Княжества, не требуетъ доказательствъ. Что онъ лежитъ въ основаніи статута 1588 года, видно изъ сличенія почти каждой страницы обоихъ кодексовъ, а также и изъ словъ конституціи Люблинскаго сейма 1569 года, предписывающихъ «поправу» статута ¹⁾, — Литовскимъ статутомъ, дѣйствовавшимъ въ 1569 году, былъ только статутъ 1566 года. Роль общихъ Польско-Литовскихъ постановленій, сдѣланныхъ по обоюдному согласію обоихъ народовъ на сеймахъ ихъ, какъ источниковъ третьяго статута, несомнѣнна. Откроемъ третій артикулъ

¹⁾ Vol. leg. II. Str. 100.

третьяго раздѣла статута 1588 года, который озаглавленъ «о захованью въ покою всихъ подданныхъ нашихъ обывателей того паньства зъ стороны розного розуменья и уживанья набоженства хрестияньского». Это не что иное, какъ актъ Варшавской конфедераціи 28 января 1573 года ¹⁾. Самъ статутъ облегчаетъ и безъ того нетрудное дѣло отысканія источника этого артикула, начиная его такъ: «а ижъ тежъ привилемъ и поприсяженемъ нашимъ есть утвержено покою межы розными в релии стеречи, про то и конфедерацыя часу интересни, въ той речы межы станы коруны Польское и великого князства Литовьского учиненая, въ сесь статутъ слово отъ слова есть вписана, абы водле нее, яко мы господаръ, такъ и вси обыватели тыхъ панствъ заховали се, которая коньфедерацыя съ Польское коньстытуцыи водлугъ права, кождому народу належачого, на Руский еззыкъ преложона и Рускимъ же писмомъ в сесь статутъ уписана и слово отъ слова такъ се въ себе маеть...»

Для того, чтобы отыскать примѣръ земскаго привилея, вписаннаго въ статутъ, откроемъ 1-ый артикулъ IV-го раздѣла, который представляетъ по формѣ своей земскій привилей обычнаго типа. Наконецъ, мы видѣли выше примѣры созданія статей статута на съѣздѣ обще-Литовскомъ «згодою» его членовъ, или путемъ подачи мнѣній повѣтовыхъ сеймиковъ. Примѣръ перваго — 31, 32, 33 и 34 артикулы третьяго раздѣла третьяго статута, явившіеся, благодаря соглашенію духовныхъ и свѣтскихъ сенаторовъ на Волковыйскомъ съѣздѣ 1584 года; примѣръ втораго — статья «о колегіятахъ», отданная на обсужденіе повѣтовыхъ сеймиковъ Виленскимъ съѣздомъ того же года и внесенная въ 9-ый артикулъ II-го раздѣла статута 1588 года.

Составленный путемъ свода въ одну книгу источниковъ, перечисленныхъ нами, съ исправленіемъ и передѣлкою статута 1566 года, третій Литовскій статутъ лишь въ одной своей части, а именно въ тѣхъ артикулахъ, которые были переводомъ на Русскій языкъ общихъ Польско-Литовскихъ постановленій, могъ по смыслу Люблинскаго договора на Унію не требовать разсмотрѣнія спольнымъ сеймомъ. Во всѣхъ же остальныхъ своихъ частяхъ, а большинство ихъ было подавляющимъ, — третій статутъ долженъ былъ требовать разсмотрѣнія спольнаго Польско-Литовскаго сейма. Сеймовое разсмотрѣніе новаго Литовскаго кодекса было необхо-

¹⁾ Vol. leg. II. Str. 124.

димо уже потому, что старый, второй статутъ былъ изданъ до Уніи и сама Унія вызвала его пересмотръ по постановленію перваго спольнаго Польско-Литовскаго сейма, засѣдавшаго въ Люблинѣ въ 1569 году. Конституціи спольныхъ сеймовъ и королевскія грамоты, говорящія объ исправленіи Литовскаго статута, требуютъ представленія «поправки» на Польско-Литовскій сеймъ. Иначе и быть не могло по самому смыслу предпринятаго исправленія статута 1566 года. Мы видѣли выше, какъ король Стефанъ отклонилъ отъ себя утвержденіе «поправки», когда объ этомъ его просили Литовскіе станы на Виленскомъ съѣздѣ 1580 года, хотя въ выраженіяхъ, въ которыхъ онъ далъ свой отвѣтъ на эту просьбу мы уже замѣтили взглядъ на представленіе «поправки» на сеймъ, какъ на простую формальность. А между тѣмъ третій статутъ дѣйствительно вступилъ въ свои права обязательнаго закона великаго княжества Литовскаго безъ разсмотрѣнія спольнаго сейма. Литовскій статутъ 1588 года былъ утвержденъ Сигизмундомъ Вазою единолично, а не сеймовою конституціею ¹⁾, хотя онъ и сдѣлалъ это, «намовивъши се въ томъ съ паны-радами» своими «и зо всими станы обоого народу, на сойме вальномъ коронацыи» королевской «будучими». Привилей королевскій, утверждающій третій статутъ Княжеству, данъ за Литовскою печатью 28 января 1588 года за подписью короля Сигизмунда III и скрѣпою Литовскихъ подканцлера Льва Сапѣги и писаря Гавріила Войны ²⁾.

Мы не будемъ входить здѣсь въ изложеніе исторіи утвержденія Литовскаго статута 1588 года и заботъ Литовскихъ становъ о немъ во время безкоролевья, наступившаго послѣ смерти Стефана Баторія, послѣдовавшей въ Городнѣ 12 декабря 1586 года, такъ какъ это повело бы насъ за хронологическіе предѣлы настоящаго изслѣдованія. Но мы не можемъ не остановиться здѣсь на вопросѣ о томъ, какую роль игралъ въ составленіи статута 1588 года Литовскій подканцлеръ Левъ Сапѣга. С. Л. Пташицкій говоритъ ³⁾, что дѣло съ третьимъ статутомъ «затянулось бы, вѣроятно очень долго, еслибы его не взялъ въ свои руки Левъ Сапѣга, назначенный вице-канцлеромъ въ 1585 году. Онъ подви-

¹⁾ Въ ней нѣтъ упоминанія о статутѣ. Vol. leg. II. Str. 251—270. Ср. С. Л. Пташицкій, Къ вопросу объ изд. и коммент. Лит. ст. Стр. 12, 13.

²⁾ Временникъ Имп. М. Общ. Ист. и Др. Р. XIX. Стр. IV. См. также С. Л. Пташицкій. Къ вопросу объ изд. и пр. Стр. 44.

³⁾ Ibidem. Стр. 12.

нуль дѣло впередъ быстро, и статутъ былъ представленъ къ сейму 1588 года». Самъ г. Пташицкій нѣсколько выше ¹⁾ говоритъ, однако, что «статутъ былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ въ окончательной формѣ» сеймиками 1584 года. Это заставляетъ думать, что г. Пташицкій приписываетъ Льву Сапѣгѣ лишь заслугу энергической дѣятельности по приведенію третьяго статута къ утвержденію королевскому. Чацкій, первое изданіе труда котораго «O litewskich i polskich prawach» относится къ 1800—1801 годамъ, признаетъ Льва Сапѣгу лишь переводчикомъ статута 1588 года съ Русскаго на Польскій языкъ»: «Opinia bez wsparcia i dowodach», прибавляетъ Чацкій, «tłómacza podała za twórcę prawa» ²⁾. Даниловичъ уже въ 1841 году призналъ Льва Сапѣгу «только главнымъ блюстителемъ надъ производствомъ труда», который «написалъ предисловія и подносилъ Статутъ Королю на утвержденіе» ³⁾. Голенбювскій, сочиненіе котораго вышло въ 1851 году, отвергъ всецѣло признаніе Сапѣги переводчикомъ статута 1588 года на Польскій языкъ, сдѣланное Чацкимъ ⁴⁾.

Но кромѣ имени Льва Сапѣги сохранилось и еще одно имя, приурочиваемое къ дѣлу созданія третьяго Литовскаго статута. Въ сборникѣ надгробныхъ надписей, изданномъ въ срединѣ XVII столѣтія Симономъ Старовольскимъ, встрѣчаемъ надпись на гробницѣ, въ которой былъ похороненъ «Paulus Szerbic praepositus Sandomirien. Canon. Varsavien. Secret. Regius». Въ числѣ обозначеній заслугъ и должностей этого Шербица встрѣчаемъ такое: «Legum Mag. D. Lith. Corrector» ⁵⁾. Уже Чацкій обратилъ вни-

¹⁾ Ibidem. Стр. 11. Въ текстѣ, конечно, опечатка—1574 годъ (стр. 10), и вѣрною нужно считать дату документа, приводимую г. Пташицкимъ въ примѣчаніи—1584 годъ (стр. 11).

²⁾ Biblioteka Polska. Serya na Rok 1861. Zeszyt 29 i 30. O Litewskich i Polskich Prawach o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy, 1529 roku wydanym. Przez *Tadeusza Czackiego*. Zeszyt pierwszy i drugi. Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. W Krakowie. Nakładem Drukarni «Czasu» 1861. Str. 12.

³⁾ Проф. *И. Даниловичъ*. Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе статуты (Юридическія записки, издаваемыя *Петромъ Рѣдкимъ*, докторомъ правъ и ординарнымъ профессоромъ Имп. Моск. Унив. Т. I. М. 1841). Стр. 29.

⁴⁾ Czasy Zygmunta Augusta. Ustęp z przeszłości. Przez *Seweryna Gołębiowskiego*. Część II. Wilno 1851. Str. 102.

⁵⁾ Monumenta Sarmatarum, viam universae carnis ingressorum. *Simone Starovolscio* Primicerio Tarnoviensi Collectore. Cracoviae. In officina viduae et haeredum *Francisci Caesarii*, S. R. M. T. Typog. Anno Domini MDCLV. P. 149. Шербицъ «vixit annis LVI. Mensibus VI. moritur die XXX Martii A. MDCIX».

маніе на эту надпись, не опредѣляя однако, какого рода участіе принималъ Шербицъ въ исправленіи Литовскаго кодекса. Онъ вообще говоритъ, что «*wielkiej liczbie wuznaczonech w różnych epokach ta sława*», т.-е. слава составителей статута 1588, «*należy*»¹⁾.

Мы видѣли выше, какъ составлялся третій статутъ великаго княжества Литовскаго. Его составляли Литовскіе депутаты, повѣтовые сеймики Княжества и обще-Литовскіе съѣзды. Иначе и быть не могло. Если братства и цехи, т.-е. соединяющіеся въ извѣстные группы-союзы жители Литвы, составляли свои уставы, «сами собѣ за намовою братьи своее сполне списавши», и передавали ихъ на утвержденіе королю²⁾, то, конечно, все великое княжество Литовское не могло допустить составленія своего кодекса иначе, какъ «за намовою» всѣхъ своихъ обывателей, и эта «намова» производилась на повѣтовыхъ сеймикахъ и обще-Литовскихъ съѣздахъ. Но какую-же роль играли въ дѣлѣ составленія третьяго статута Левъ Сапѣга, подканцлеръ Литовскій и Павелъ Шербицъ, секретарь Коронный? Съ большою вѣроятностью можно предположить, что Сапѣга далъ окончательную редакцію статуту 1588 года, расположивъ статьи его въ томъ порядкѣ, въ которомъ они сведены въ кодексъ Литовскомъ. Мы видѣли выше, что редакція третьяго статута была переработана за время между 1584 и 1588 годами. Въ 1585 году Левъ Сапѣга былъ назначенъ на Литовское подканцлерство, и весьма вѣроятно, что его энергія и дарованія были приложены къ дѣлу созданія окончательной редакціи статута, уже приготовленнаго депутатами, сеймиками и съѣздами. Но, конечно, если и вѣрно это вполне гадательное предположеніе, то даже тутъ станы Литовскіе едва-ли могли оставить работу Сапѣги безъ своего разсмотрѣнія и контроля. Кромѣ того, нужно указать еще на ту его заслугу передъ Литвою, что онъ «тую працу передъ себе взялъ, абымъ тотъ статутъ в друкъ подалъ»³⁾, т.-е. напечаталъ и тѣмъ далъ его въ руки обывателямъ Литовскимъ, сдѣлавъ возможнымъ распространеніе его. Что касается до составленія третьяго статута, то самъ Левъ Сапѣга говоритъ о немъ слѣдующее въ своемъ посвященіи Сигизмунду Вазѣ: «статутъ новый, а на многихъ мѣстьцахъ отъ людей мудрыхъ, а въ правахъ беглыхъ, з народа нашего на то обранныхъ, поправлений, на томъ першомъ вѣступку панованья своего

1) *T. Czacki. Str. 12.*   2) Вил. Арх. Сб. I. № 57 (1582 г.).

3) *Временникъ XIX. Стр. VII.*

рачилось намъ подтвердить...»¹⁾. Итакъ заслуга Сапѣги немалая, но она не была созданиемъ Литовскаго кодекса. Но что же могъ сдѣлать для статута Шербиць? Коронный секретарь, онъ не могъ имѣть мѣста и участія въ дѣлѣ выработки законодательнаго сборника Литовскаго народа, и уже Даниловичъ категорически отвергъ предположеніе Чацкаго объ его работѣ надъ составленіемъ статута 1588 года²⁾. Доказательствомъ того, что Шербиць, или Щербиць не былъ участникомъ составленія третьяго статута по крайней мѣрѣ до 25 февраля 1585 года служитъ листъ Стефана Баторія на нобилитацію его, данный въ этотъ день въ Варшавѣ на сеймѣ вальномъ³⁾. Въ числѣ заслугъ его, перечисляемыхъ здѣсь, не находимъ упоминанія объ его работѣ надъ статутомъ, и трудно предположить, чтобы это могло быть, если бы Шербиць дѣйствительно несъ этотъ трудъ⁴⁾. Но какъ примирить это съ категорическимъ свидѣтельствомъ надгробной надписи, говорящимъ совершенно опредѣленно объ участіи Щербица въ дѣлѣ исправленія Литовскихъ законовъ? Можно предположить лишь съ вѣроятностью, что Щербиць, какъ секретарь Стефана Баторія, переводилъ этому королю Литовскій статутъ на Латинскій языкъ, дѣлая это устно во время рецитации Баторію проекта статута, писаннаго на Русскомъ языкѣ, которымъ не владѣлъ король. Что же касается до утвержденія третьяго статута Сигизмундомъ Вазою, то требованіе его было предъявлено ему въ числѣ другихъ Литовскихъ требованій, представленныхъ Княжествомъ, какъ условіе признанія его своимъ государемъ⁵⁾, а «универсалы, от

1) Ibidem. Стр. VI.   2) И. Даниловичъ. Op. cit. Стр. 28, 29.

3) Źródła Dziejowe XI. № CLII.

4) Вотъ какъ обозначены здѣсь его заслуги: «Quapropter visum nobis est, debitis istis ornamentis afficere spectatam virtutem honestissimi de nobisque optime meriti Pauli Szczerbiec, decretorumque nostrorum scriptoris, quem ipsa natura finxit ingenio praestanti moribusque imprimis compositissimis, quique post peragratas nobilissimas provincias, post inspectos variarum gentium mores, post tot bonarum literarum celebritate clara frequentata emporia, non in aliquo loco abdito, sed in clarissima curiae nostrae luce et totius reipublicae theatro adolescentiam suam traduxit, juris scientia ita instructus, ut in juvenili sua aetate praestantes eo in genere viros exaequet, veluti qui totum aetatis suae tempus in tractando jure civili transegerit, ut omnino par esse, ducamus nostram in eum benevolentiam declarare, in quem non mediocrem coelestis numinis benignitatem munificentiamque effusam esse cognovimus.

5) Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 258 об.

короля его милости до воеводствъ и поветов разосланные»¹⁾ и данные Сигизмундомъ III въ Краковѣ 1 февраля 1588 года, утверждаютъ новый статутъ Литвѣ и предписываютъ ввести его въ дѣйствіе, начиная съ трикрольскихъ, т. е. январьскихъ земскихъ роковъ 1589 года. Такимъ образомъ утвержденіе третьяго Литовскаго статута Сигизмундомъ Вазою было выставлено въ числѣ артикуловъ, предъявленныхъ новому королю въ качествѣ особыхъ требованій Княжества, при условіи исполненія которыхъ оно даетъ ему свое признаніе. Это объясняетъ намъ и отсутствіе упоминанія объ утвержденіи статута 1588 года въ конституціи коронаціоннаго сейма.

Мы окончили очеркъ исторіи отношеній великаго княжества Литовскаго къ Польшѣ за время отъ Люблинской Уніи до окончанія славнаго царствованія Баторія. Сознаніе Литвою своей особенности и политическаго значенія своего народа, отдѣльно стоящаго отъ народа Польскаго и лишь имѣющаго съ нимъ часть общаго правительства и общихъ дѣлъ, съ полною ясностью сквозитъ въ событіяхъ только что разсмотрѣнной эпохи. Люблинская Унія 1569 года не измѣнила по существу взглядовъ Литовскаго народа на политическое значеніе своего Княжества. До 1569 года Литву съ Польшею соединяла одна династія, а съ этого года общій король, рядомъ съ которымъ стояли общій сенатъ и сеймъ, распадалъ-

¹⁾ «Жыкгимонт третій... Князем, паном, воеводам, каштеляном, маршалком, старостам, державцом, тивуном, врядником земским и дворным, двораном и земляном нашим, шляхте и всему рыцерству нашему, также кнегиням, вдовам, всимъ посполито духовного и светского стану людем, обывателемъ воеводства Берестейского. Ознаймуемъ, иж з воли и презренья Божого а за добровольным обранем от всих станов коруны Полское и великого князства Литовского на столицу тых панствъ припроважени а способомъ и звычайемъ коронованья королей Полскихъ укороновани естесмы и сеймъ коронации наше щастливе dokonчили есмо, на которомъ за домовляньемъ от панов-рад и пословъ земскихъ великого князства Литовского на права волности и свободы шляхетские, на захованье покою межы розными въ вере и на иншые прозбы и артыкулы, намъ поданые, при коронации нашей присегу учыненую, особно великому кз. Литовскому повторившы, и статутъ новопоправленийъ привилемъ нашимъ утвердили и, ку ужыванью великому князству Литовскому друковать позволившы, выдати есмо велели, которымъ судити се почати мають в року пришломъ тисеча пятсотъ осмьдесятъ девятомъ о трехъ кроляхъ святе Римскомъ...»

и т. д. Дата документа: Краковъ, 1 февр. 1588 года Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 273—237 об.

Въ Метрику приведенъ этотъ листъ въ Берестейское воеводство, какъ образецъ. Такіе же листы были разосланы и въ остальные повѣты.

шіеся, однако, весьма замѣтно на части Литовскую и Коронную, механически соединенныя, а не органически слитыя. Мы не станемъ перечислять еще разъ факты, изложенные выше, а обратимъ лишь вниманіе читателя на нѣкоторыя статьи Литовскаго кодекса, явившагося завершеніемъ политической работы Литовскихъ становъ и консолидаціей тѣхъ порядковъ, понятій и идей, которые создавались и существовали въ эпоху, протекшую послѣ Уніи 1569 года. Раскроемъ въ третьемъ Литовскомъ статутѣ тѣ статьи его, которыя соотвѣтствуютъ артикуламъ статута 1566 года, вызвавшимъ такое негодованіе Коронной шляхты на сеймѣ 1569 года. Третьему артикулу третьяго раздѣла второго статута соотвѣтствуетъ четвертый артикулъ третьяго раздѣла статута 1588 года. Вотъ что читаемъ въ этомъ артикулѣ: «тежъ добра паньства того великого князства Литовского не уменьшимъ и то, што будетъ черезъ непріятелей того паньства отъдалено, разобрано и *ку иному панству отъ того паньства нашего коли колвекъ упрошоно*, то засе ку власности того великого Князства привести, привлащити и границы направити обещуемъ, а хотя быхъмо тежъ кому заграничникомъ при границахъ тыхъ, верху мененыхъ, земли, именья, села и люди дали, тогды таковыя мають с того служити великому князству Литовскому, а хтобы не хотелъ служити, таковыхъ привилъевъ не маемъ мы и потомки наши деръжати» ¹⁾. Артикулъ этотъ отличается отъ третьяго артикула второго статута Литовскаго только тѣмъ, что въ немъ не названы поименно эти «ишія панства», т. е. Корона, Мазовія, Пруссія и Инфлянты, какъ это сдѣлано въ статутѣ 1566 года. Во всемъ остальномъ они совершенно тождественны. Артикулъ шестой второго статута слить вмѣстѣ съ пятымъ его артикуломъ въ одинъ (6-ой) и измѣненъ такимъ образомъ, что выпущены совершенно слова объ отдѣльномъ Литовскомъ сеймѣ, но все-таки буквально внесены изъ второго статута въ третій слова о томъ, что сеймъ будетъ назначаться королемъ за радю «радъ нашихъ тогожъ паньства» ²⁾. Наконецъ, девятый артикулъ второго статута, помѣщенъ въ статутѣ 1588 года двѣнадцатымъ. Его названіе: «около недаванья чужоземьцомъ достоенствъ и врьдовъ всякихъ, а приходнемъ зъ инъшихъ паньствъ» ³⁾ оселости не давати». Въ этомъ артикулѣ,

1) III ст. III. 4.   2) III ст. III. 6.

3) III ст. III. 12. Въ изданіи М. Общ. Ист. и Др. Р., конечно, опечатка— «паньствахъ» вмѣсто «паньствъ».

въ большей своей части буквально сходномъ съ девятымъ артикуломъ статута 1566 года, не только читаемъ, что вранды и державы въ Княжествѣ могутъ даваться «только Литве, Руси, Жомойти, родичомъ старожытнымъ и уроженцомъ великого князства Литовскаго и иныхъ земель, тому великому князству належащихъ»; въ немъ находятся и еще болѣе точныя предписанія принадлежности къ исконнымъ обывателямъ Княжества его врандниковъ и несенія повинностей на него его землевладѣльцевъ. «Ведь же и тубыльцомъ, хотя и родичомъ великого князства Литовскаго, достоенства и вранды всякие мають быти даваны *добре значнымъ, и правдиве незмыслене* в томъ воеводствѣ або повете *оселымъ*»; кто же изъ «обчого народу» получить осѣлость въ Княжествѣ, «тогда и таковой только оселости оное уживати маеть, учинивши первой присегу по взятю оное оселости на першыхъ рочкохъ кгородскихъ оного повету, передъ врандиками земскими, або кгородскими того жъ повету, которые на онъ часъ тамъ прибыти могутъ, ижъ маеть быти вернымъ и зычливымъ тому паньству великому князству Литовскому, такъ яко и тубыльцы, и служечи службу земскую тому жъ паньству»—прибавляетъ статутъ 1588 года. Повторяя далѣе принятое и вторымъ статутомъ постановленіе, что не тубыльцы, приобрѣвшіе осѣлость въ Княжествѣ, не могутъ занимать Литовскихъ урядовъ, третій статутъ добавляетъ объ обязанности печатарей и писарей королевскихъ это «с повинности своее постерегати» ¹⁾.

Итакъ кодексъ, составленный послѣ Уніи, оказался проникнутымъ тѣмъ же духомъ и такимъ же отношеніемъ къ Польшѣ, какъ и прежній, созданный до нея. Слова конституцій о томъ, что въ исправленномъ статутѣ не должно быть ничего противнаго «списамъ Уніи» ²⁾, странно звучать рядомъ съ этими артикулами кодекса Княжества. Мы видѣли выше, какъ несовершененъ былъ самый договоръ Уніи 1569 года и какъ нѣкоторыя статьи его давали признаніе Литовской особности рядомъ съ Польскимъ стремленіемъ, втѣленія Литвы въ Корону, а нѣкоторыя оказывались неисполнимыми на дѣлѣ. Польша сдѣлала свое дѣло, заключила Унію 1569 года и легкомысленно махнула рукою на ея осуществленіе. Договоръ написанъ, о чемъ же тутъ еще думать!—говорить историку настроеніе Поляковъ эпохи послѣ 1569 года. Но жизнь пошла не по той колѣѣ, въ которую ее хотѣлъ искус-

¹⁾ III ст. III. 12.

²⁾ Vol. leg., II. Str. 210.

ственно вдвинуть Коронный сеймъ 1569 года. Пути, создаваемые политическими фантазіями на бумагахъ, и пути, которыми идетъ жизнь, часто не сходятся совершенно. Что же удивительнаго, что договоръ 1569 года остался въ значительной своей части просто упражненіемъ въ искусствѣ составленія политическихъ документовъ, а Литва, взявъ изъ него то, что она могла взять, отбросила то, что оказалось совершенно не соответствующимъ реальнымъ свойствамъ ея политическаго и соціальнаго организма. Простой взглядъ на карту и на статистическую таблицу Княжества и Короны говоритъ уже о полной невозможности утраты Литвою своей особенности при ея размѣрахъ, большихъ чѣмъ размѣры Короны. Не будемъ забывать при этомъ силы прецедентовъ и принципа сохраненія старины, постоянно выдвигавшагося въ Литвѣ, и мы поймемъ, почему договоръ Уніи рвался по швамъ и зданіе, созданное имъ, трещало по своимъ скрѣпамъ. Иначе и быть не могло. Совершенно измѣнившійся государственный организмъ, попытались трактовать такимъ, какимъ онъ былъ въ эпоху составленія актовъ старыхъ уній. Тѣ силы, которыя выросли въ Княжествѣ за время, протекшее отъ заключенія Уній прежняго времени до 1569 года, непризнанныя Короннымъ Люблинскимъ сеймомъ, желавшимъ стоять на формальной почвѣ старыхъ договоровъ, не могли исчезнуть отъ почерка пера, написавшаго актъ Уніи, и должны были существовать въ дѣйствительности по-прежнему, найдя себѣ другія формы обнаруженія и другіе способы выраженія. Уничтожили отдѣльный сеймъ Княжества, на его мѣсто созданъ обще-Литовскій съѣздъ. Создали на бумагѣ общее для Литвы и Польши избраніе королей и общее подтвержденіе вновь избранными государями правъ обоихъ государствъ, а жизнь такъ легко и такъ просто разрушила все это и создала особое подтвержденіе Литвою елекціи и особое утвержденіе королемъ правъ для Литвы. Отдѣльный трибуналъ, отдѣльные скарбъ, канцелярія, печать и вранды, монета ¹⁾, особый статутъ и свой государственный языкъ (Русскій)—все это, соединяясь съ полнымъ отсутствіемъ взаимной заботы другъ о другѣ обоихъ народовъ, дѣлало постояннымъ противоположеніе Польскаго Литовскому. Культурное вліяніе Поль-

¹⁾ Еще въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ было постановлено королемъ, чтобы Литовская «монета, которая до того часу бита, снижона и ничимъ зменшена не была» (Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 500), а на сеймѣ 1572 года, какъ мы уже видѣли, была установлена и обязательная цѣна Литовской монеты при переводѣ ея на Польскую.

ши дѣлало свое. Литовская шляхта усваивала Польскую культуру, и Польскій языкъ все болѣе и болѣе распространялся среди Литовской шляхты, но Литва не забыла нисколько своихъ политическихъ правъ, охраняла ихъ отъ покушеній Поляковъ и развивала ихъ. Факты ясно говорятъ объ этомъ. И сильное правительство при дѣйствительномъ исполненіи его законовъ и распоряженій не можетъ передѣлать историческаго прошлаго и созданнаго имъ, а Польшѣ, въ которой, по словамъ ея историковъ, «объ исполненіи законовъ никто не думалъ» ¹⁾ и «stało wszystko ludźmi a nie instytucjami» ²⁾, еще менѣе подъ силу была борьба съ тѣмъ, чѣмъ было въ дѣйствительности Княжество накануне Уніи 1569 года и какимъ не хотѣла его признать Польша на сеймѣ этого года. А между тѣмъ сами Польскіе дѣятели Люблинскаго сейма знали, что «non is, qui incipit, sed is, qui perseverat, ma sławę otrzymasz» ³⁾. Не забудемъ при этомъ, что на Люблинскомъ сеймѣ признавалось даже *право* Литовцевъ исправить Унію со временемъ ⁴⁾, и Литва хотѣла ее исправить, и это желаніе ея постоянно обращаетъ на себя вниманіе рядомъ съ бдительною охраной ея своихъ правъ. Унія создала двухъ контрагентовъ и федерацію двухъ государствъ, на основаніи договора, опредѣляющаго условія ихъ политическаго супружества, составившихъ Польско-Литовскую Речь Посполитую. Поляки готовы забыть договоръ Уніи, для нихъ выгоднѣе его не вспоминать, а смотрѣть на Литву, какъ на часть Польши. Литовцы же зорко слѣдятъ за исполненіемъ его, конечно, въ тѣхъ его частяхъ, которыя выгодны для нихъ. Литовцы выставляютъ его документомъ, обязательнымъ для исполненія; за предѣлами его и личныхъ интересовъ Литвы Княжеству нѣтъ дѣла до Короны. Но мы уже видѣли выше, какъ Литва стремилась измѣнить договоръ Уніи, и теперь намъ нѣтъ надобности повторять факты, говорящіе объ этомъ. Въ послѣдующія эпохи великое княжество Литовское оставалось вѣрнымъ своимъ традиціямъ политической особы, завѣщаннымъ ему старымъ совершенно отдѣльнымъ государствомъ и событіями первыхъ десятилѣтій политическаго соединенія съ Польшей. Эти послѣдующія эпохи ожидаютъ еще изученія историка, но нѣкоторые отдѣльные факты, даже взятые безъ изученія остальныхъ явленій, въ связную цѣпь которыхъ они входятъ, говорятъ о томъ, что Литва оставалась

¹⁾ М. Бобржинскій. Очеркъ исторіи Польши. Т. II. Стр. 54.

²⁾ J. Szuiski. Dz. P. T. II. Str. 207. Т. III. Str. 1.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 287. ⁴⁾ См. выше, стр. 58.

вѣрною себѣ и въ это время. Вотъ нѣсколько фактовъ и наблюдений, которые говорятъ объ этомъ. Когда Сигизмундъ Ваза назначилъ въ концѣ XVI вѣка Виленскимъ бискупомъ Поляка, Бернарда Мацѣевскаго, Литва не приняла его на этотъ врядь ¹⁾, и Литовская шляхта энергично выступила на своихъ повѣтовыхъ сеймикахъ противъ такого назначенія, потребовавъ, чтобы непременно Литвинъ былъ на этомъ урядѣ ²⁾. XVII-й вѣкъ съ его страшными событіями войнъ съ казаками, Шведами и Москвою долженъ былъ дать новые факты проявленія Литовской самостоятельности, а 1673 годъ принесъ съ собою и исполненіе Литовскаго желанія, чтобы сеймы бывали попеременно въ Литвѣ и Польшѣ, и если они стали отбываться не совсѣмъ *alternatim* въ Коронѣ и Княжествѣ, то все-таки съ 1673 года каждый третій сеймъ долженъ былъ отбываться въ Городнѣ ³⁾. Историкъ XVII столѣтія Андрей Максимилианъ Фредро такъ характеризуетъ отношенія Литвы и Польши въ эпоху перваго безкоролья: «*jasno dawało się widzieć, że nawet Litwini, którzy przez długie stosunki z Polakami, przyjęli już ich język i obyczaje, a przerodzili się, rzecz można. w Polaków, dostawszy wspólne z nimi prawa, — że nawet Litwini, raczej przez uszanowanie dla Krolewny z domu jagiellońskiego, jako dla krwie swych dziedzicznych panów, niż ze swęj dobrej woli trzymali jedność z Polską. Był tedy słuszny powód do obawy, iżby po zgonie Zygmunta Augusta nie skierowali gdzie indziej umysłów, i kogo innego nie obrali swym monarcha*» ⁴⁾. Въ этихъ словахъ писателя XVII вѣка нельзя не замѣтить вліянія современности, впечатлѣній эпохи, въ которой жилъ историкъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ приведенной цитаты. Польскій языкъ и Польскіе обычаи могли считаться принятыми Литовскою шляхтою лишь во второй половинѣ и въ концѣ XVII столѣтія ⁵⁾, что выразилось и въ *soaequatio iurium* конца этого вѣка. Такимъ образомъ, Фредро придаетъ Литвѣ второй половины XVI столѣтія черты, принадлежащія концу слѣдующаго, XVII вѣка. Тѣмъ харак-

¹⁾ X. *Melchior Bubiński*. *Historia kościoła Polskiego* T. III. W. Krakowie 1874. Str. 255.

²⁾ Чрезвычайно энергичное заявленіе и требованіе объ этомъ внесла, напримѣръ, шляхта Виленскаго повѣта въ инструкцію своимъ посламъ на сеймъ 1594 года. А. Вил. VIII. Стр. 333, 334.

³⁾ Vol. leg. V. Petersburg. 1860. Str. 417. Ср. Н. И. Каръевъ. *Ист. очеркъ Польск. сейма*. М. 1888. Стр. 117.

⁴⁾ *Fredro*. Str. 9. Ср. также str. 68.

⁵⁾ Фредро умеръ въ 1679 году Подольскимъ воеводою.

тернѣ является для мысли XVII столѣтія признаніе Литовской особености и отсутствія единства Литвы и Польши послѣ Люблинской Уніи. Сочиненіе Фредро не хроника, или записки современника, а трудъ, написанный писателемъ, какъ сочиненіе продуманное и литературное. Поэтому то, что находимъ въ его произведеніи, является не только изложеніемъ событій изображаемой имъ эпохи, но и фактами, существовавшими въ сознаніи мыслящаго Польскаго общества XVII столѣтія. Послѣдній вѣкъ существованія Польско-Литовскаго государства также сохранилъ намъ свидѣтельства сознанія Княжествомъ своей особености. Вотъ, на примѣръ, «Konfederacya generalna wolna wielkiego księstwa Litewskiego» ¹⁾ 24 августа 1792 года, въ которой говорится о волѣ *Литовскаго народа*. А вотъ и свидѣтельство современнаго дѣятеля: «съ Польшею же Литва, какъ особое государство, николи, ниже по духовенству и имѣніямъ его, не смѣшивалась» ²⁾—такъ писалъ отъ 3 сентября 1795 года къ Дм. Пр. Трощинскому Н. В. Репнинъ, управлявшій Княжествомъ по его присоединеніи къ Россіи.

---

¹⁾ А. Вил. IX. Стр. 558.   ²⁾ Сб. Имп. Русск. Ист. Общ. XVI. Стр. 286.

ГЛАВА II.

Народъ-шляхта великаго княжества Литовскаго.

Речь Посполитая, частью которой было съ 1569 года и великое княжество Литовское, признавала народомъ лишь шляхетское сословіе. Обладая установленными законами исключительными правами, которыхъ были лишены другіе общественные классы, народъ-шляхта зорко охранялъ ихъ, стремясь къ дальнѣйшему ихъ расширенію и дѣлая это отчасти на листахъ *роста conventa* и сеймовыхъ конституцій, отчасти путемъ осуществленія своего все болѣе и болѣе широкаго взгляда на свои права, свободы и вольности въ конкретныхъ случаяхъ переживаемой имъ дѣйствительности. Рядомъ съ формальнымъ утвержденіемъ новыхъ правъ шло реальное проведеніе въ жизнь отдѣльными шляхетными обывателями принципа, еще не успѣвшаго во всѣхъ своихъ мелочныхъ деталяхъ консолидироваться въ статьяхъ закона, но уже признаваемого во всѣхъ своихъ выводахъ въ шляхетскихъ головахъ народа Речи Посполитой Польско-Литовской. Люблинская Унія не была, какъ мы уже видѣли, полнымъ разрушеніемъ стараго строя великаго княжества Литовскаго. Жизнь сильнѣе «пергамена», и эта истина наглядно иллюстрируется строемъ Литовскаго княжества въ эпоху его политическаго соединенія съ короною Польскою. Менѣе всего можно полагать, что вся шляхта соединеннаго государства представляла изъ себя нѣчто совершенно однородное по своему составу и облику въ обѣихъ главныхъ частяхъ соединеннаго государства, и только полувѣковая давность выхода въ свѣтъ послѣдняго по времени общаго обзора Польскаго права ¹⁾ можетъ служить извиненіемъ трактованія шляхты Польской и Литовской вмѣстѣ, не раздѣляя ихъ. Различіе національное прежде

---

¹⁾ *S. Hüppe*. Uebersetzung der Republik Polen. Berlin. 1867. Его источникъ: *Bandtkie-Steżyński*. Historia Prawa Polskiego. Warszawa. 1850.

всего ясно сознавалось Польскою и Литовскою шляхтою XVI вѣка, благодаря языку и отчасти религіи. Если Литовцы исповѣдывали въ большинствѣ случаевъ ту же религію, что и Поляки, и такимъ образомъ лишь языкъ ясно отдѣлялъ ихъ отъ послѣднихъ, то Русскіе и Татары имѣли на лицо обѣ эти преграды для полнаго сліянія ихъ съ Поляками. Отличія въ обычаяхъ, взглядахъ и характерахъ, различія культуры, не успѣвшія еще сгладиться точно также ставили извѣстную линію раздѣла между группами шляхты соединенной Речи Посполитой. Но если шляхта Польская и шляхта Литовская, Литовцы и «братія Поляки», какъ ясно раздѣляетъ ихъ языкъ памятниковъ, отчетливо отдѣляются одни отъ другихъ, то, наоборотъ, шляхетные обыватели великаго княжества Литовскаго, несмотря на различіе національное, сливаются въ плотную, весьма объединенную массу. Объединяющимъ началомъ служила прошлая совмѣстная жизнь въ Княжествѣ, когда оно было совершенно независимымъ государствомъ. Она дала всему народу Литвы сознаніе своихъ интересовъ, какъ интересовъ отдѣльнаго цѣлаго, она дала всему народу и общій языкъ — Русскій, какъ языкъ закона, суда и письменности. Самое проведеніе на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года акта Уніи съ отнятіемъ отъ Княжества Короною лучшихъ, плодороднѣйшихъ земель въ свою пользу, также какъ и послѣдующая исторія взаимныхъ отношеній Литвы и Польши, должны были заставить весь Литовскій народъ-шляхту яснѣе сознать свою особность отъ шляхты Польской, и дѣйствительно народъ-шляхта Литовская зорко наблюдаетъ за соблюденіемъ своихъ правъ со стороны Польши. Онъ требуетъ точнаго исполненія акта Уніи, настаиваетъ на замѣщеніи Литовскихъ урядовъ лишь кандидатами изъ обывателей Княжества, собирается на съѣзды въ дни безкоролевья и вырабатываетъ свои *Литовскія* требованія къ новому королю и панамъ Полякамъ. Такимъ образомъ самая Люблинская Унія способствовала съ одной стороны противоположенію Литовскаго народа Польскому и еще большому единенію различныхъ національностей шляхты великаго княжества Литовскаго, съ другой. Унія, какъ мы видѣли, создала изъ Литвы и Польши двухъ контрагентовъ съ совершенно различными интересами вообще, но имѣющихъ и интересы общіе, ради которыхъ они вступили другъ съ другомъ въ сдѣлку, въ договоръ. Протесты, заявляемые панами-радою и послами повѣтовой шляхты Литвы на вальныхъ сеймахъ, звучатъ диссонансомъ съ криками и рѣчами Польской шляхты, но полнымъ униссономъ

для всѣхъ представителей народа великаго княжества Литовскаго. Русскій языкъ также былъ могучимъ средствомъ сохраненія единства Литовской шляхты. И Жмудинъ, и Татаринъ, и Русскій владѣли этимъ языкомъ и на немъ писали свои заявленія въ суды, завѣщанія, посланія и записки. Польскій языкъ въ XVI вѣкѣ былъ достояніемъ лишь немногихъ представителей рядовой шляхты, и мы еще увидимъ, какъ незнаніе Польскаго языка Литовскою шляхтою отразилось на Литовскомъ сеймикѣ и его дѣятельности.

Если мы обратимся къ королевскимъ грамотамъ въ воеводства и повѣты и прислушаемся къ ихъ обращеніямъ къ обывателямъ Польско-Литовскаго соединеннаго государства, то намъ явятся и другія различія между шляхтою Короны и Княжества. Вотъ, на-примѣръ, универсалъ Стефана Баторія въ воеводства Краковское и Сендомірское, данный 1 мая 1578 года ¹⁾. Въ немъ читаемъ: «wszem w obec i każdemu z osobna, tak radom naszym jako stanu rycerskiego ludziom i wszem innym, którym to wiedzieć należy, Krakowskiego i Sędmirskiego województw poddanym naszym, uprzejmie a wiernie nam miłym łaskę naszą królewską», т.-е. «всѣмъ вообще и каждому въ особенности, такъ радамъ нашимъ, какъ и людямъ шляхетскаго стана, кому надлежитъ это знать, подданнымъ нашимъ Краковскаго и Сендомірскаго воеводствъ» и т. д. Но обращаясь 8 ноября 1586 года къ обывателямъ Литовскимъ, тотъ же король Стефанъ говоритъ: «княземъ, паномъ воеводамъ, каштеляномъ, маршалкомъ, старостамъ, державцам, кнегинямъ, панямъ вдовамъ, врадникомъ земьскимъ и дворнымъ, земляномъ и двораномъ нашимъ и всей шляхте, обывателемъ воеводства....» ²⁾. Простой взглядъ на эти обращенія говоритъ о гораздо большей выдержанности принципа шляхетскаго равенства въ Польшѣ сравнительно съ Литвою. Уже со времени привилея короля Людовика, съ XIV вѣка утверждался этотъ принципъ въ Польскомъ королевствѣ. XVII вѣкъ принесъ съ собою полное его признаніе въ законѣ 1638 года, запретившемъ принятіе титуловъ Поляками и пользованіе ими ³⁾. По утвержденные Унією, т.-е. Литовскіе титулы оставлены были неприкосновенными. Такимъ образомъ въ то время,

¹⁾ Biblioteka ordynacyi Krasińskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. Tom piąty i szósty. Warszawa. 1881. № 37.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 200.

³⁾ Vol leg. III. Petersburg. 1859. str. 441—442. Ср. *Bandtkie-Stężyński*. Hist. pr. p. Str. 538.

когда среди Польскаго шляхетства торжествуетъ принципъ равенства, шляхетство Литовское сохраняетъ для нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ княжескіе, а также и графскіе титулы. Но это не одна особенность Литовскаго шляхетскаго сословія по сравненію со шляхтою Польши. Если мы взглянемъ на религіозныя вѣрованія, господствовавшія среди народа-шляхты Речи Посполитой за изслѣдуемый періодъ времени, то замѣтимъ несравненно большее разнообразіе въ Княжествѣ, чѣмъ въ Коронѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Польшѣ рядомъ съ католическою религіею во второй половинѣ XVI вѣка встрѣчаемъ реформаціонное ученіе различныхъ видовъ, хотя, главнымъ образомъ, кальвинизмъ и антиринитаризмъ, кромѣ того ученіе Чешскихъ братьевъ ¹⁾. Въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго наиболѣе распространенною религіею среди шляхты, какъ и всѣхъ остальныхъ сословій, является православіе, но рядомъ съ нимъ католичество, реформаціонное ученіе, сектантство, ученіе Чешскихъ братьевъ и, наконецъ, среди Татаръ-шляхты магометанство. Уже въ 1521 году, т.-е. только черезъ четыре года послѣ выступленія въ Виттенбергѣ Лютера съ его тезисами, открывшими реформаціонное движеніе въ Германіи, въ Вильну прибылъ придворный проповѣдникъ супруги Сигизмунда Стараго, королевы Боны, итальянецъ Францискъ Лисманини, бывшій первымъ провозвѣстникомъ протестантизма въ Литвѣ ²⁾. Въ 1535 году уже издается королемъ строгій декретъ противъ послѣдователей Лютера. Но этотъ декретъ не остановилъ реформаціоннаго движенія въ Княжествѣ, и въ 1539 году уже сама Литовская національность дала Литвѣ проповѣдника лютеранства—Авраама Кульву, вернушагося въ Вильну изъ Германіи, гдѣ онъ изучалъ науку. Онъ возвратился на родину не только съ ученою степенью доктора богословія и саномъ католическаго священника, но и съ преданностью ученію Лютера. Въ то же время кальвинизмъ изъ Малой Польши, шляхта которой такъ охотно принимала его, видя въ немъ не только отвѣтъ на свои религіозныя запросы, но и средство для борьбы съ духовенствомъ и для торжества надъ клиромъ, распространялся и въ Литвѣ подъ крѣпкимъ щитомъ, которымъ прикрыла его отъ опасностей со стороны католическаго ду-

¹⁾ См. *Н. Любовичъ*. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Въ Варшавѣ. 1883. Ср. *Н. И. Карчевъ*. Реформація и католическая реакція въ Польшѣ. Вѣстникъ Европы. Августъ 1885 г. Стр. 550 и сл.

²⁾ Ср. *И. А. Чистовичъ*. Очеркъ исторіи Западно-Русской церкви. Часть первая. СПб. 1882. Стр. 75.

ховенства и властей могущественная фамилія Радивиловъ. Въ самой Вильнѣ устраивается «зборъ»¹⁾, молитвенный домъ для кальвинистовъ. Устроенная Николаемъ Чернымъ Радивиломъ въ Несвижѣ типографія выпускаетъ въ 1562 году напечатанныя славянскимъ шрифтомъ книги «катихисисъ»²⁾ и «о оправданіи грѣшнаго челоуѣка передъ Богомъ», излагающія на Русскомъ языкѣ религиозное ученіе кальвинизма³⁾. Уже въ предисловіи къ «катихисису» издатели говорятъ и о новыхъ предполагаемыхъ изданіяхъ. Рядомъ съ Несвижскою типографіей Николая Радивила работаетъ имъ же открытая типографія въ Брестѣ, выпустившая въ 1563 году Библию въ переводѣ на Польскій языкъ. Реформатскіе храмы и учебныя заведенія быстро растутъ въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго на денежныя средства Радивиловъ и другихъ сторонниковъ кальвинизма. По мнѣнію митрополита Макарія⁴⁾, «реформатское движеніе въ Литвѣ въ эпоху царствованія Сигизмунда II Августа было до того сильно, что почти все католическое дворянство увлеклось имъ и оставило вѣру отцевъ». Члены лучшихъ фамилій великаго княжества Литовскаго принадлежали къ числу кальвинистовъ. Въ продажной записи на домъ, находящійся въ Вильнѣ, проданный Николаемъ Юрьевичемъ Радивиломъ⁵⁾ «братѣмъ збору Пана Крестусоваго евангелицкаго, у Вильни будучого», находимъ интересный списокъ лицъ, которыя передали Радивилу деньги за этотъ домъ. «Зъ стороны сенаторское» здѣсь были: панъ Евстафій Воловичъ кашталянъ Троцкій подканцлеръ великаго княжества Литовскаго староста Берестейскій и Кобринскій, панъ Миколай Дорогостайскій воевода Полоцкій староста Волковыйскій и Лепельскій державца Шерешовскій Веленскій и Бойсагольскій тивунъ Гондинскій, панъ Матвѣй

¹⁾ См. *В. Г. Васильевскій*. Очеркъ исторіи города Вильны. Стр. 35. (Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи, изд. *П. Н. Батюшковымъ*, Вып. V. Петербургъ 1872.).

²⁾ Его издатели: Матвѣй Кавечинскій Несвижскій намѣстникъ, Симонъ Будный и Лаврентій Крышковскій.

³⁾ Описаніе «катихисиса» см. въ *Вил. Арх. Сб.* VII, стр. XVI—XXIV (сдѣлано *П. А. Гильтебрандомъ*) и въ *Памятникахъ Русск. старины въ Зап. губ.* Вып. VI. Спб. 1874. Стр. 152—156.

⁴⁾ *Арх.* (потомъ митрополитъ) *Макарій*. Исторія Русской церкви. Томъ IX. Спб. 1879. Стр. 321.

⁵⁾ «княжа на Дубинкахъ и Биржахъ, воевода Виленскій, канцлеръ на-вышшій великаго князства Литовскаго, староста Опменскій и Лидскій державца Борисовскій».

Савицкій кашталянъ Подляшскій писарь великаго княжества Литовскаго, панъ Янъ Глѣбовичъ кашталянъ Минскій державца Оникщенскій, Радощковскій и Зейгвольтскій. Изъ «стану рыцарскаго збору Пана Крисутоваго брата» въ этомъ документѣ названы: князь Александръ Пронскій стольникъ великаго княжества Литовскаго, князь Янушъ Болеславовичъ Свирскій маршалокъ господарскій староста Мойшогольскій, панъ Криштофъ Зеновьевичъ староста Чечерскій и Пропойскій и панъ Стефанъ Роскій дворянинъ господарскій. Далѣе въ актѣ обозначены имена лицъ «зъ стороны брата тогожъ збору Пана Крисутоваго, з министровъ, сениоровъ, мещанъ Виленскихъ, в томъ року водле порядку старшихъ въ зборѣ постановленныхъ»¹⁾. Только въ одномъ зборѣ, такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ видныхъ фамилій, а зборовъ въ Литвѣ было число немалое.

Рядомъ съ кальвинизмомъ распространялось въ Литвѣ и учене антиринитаріевъ, явившееся здѣсь даже раньше, чѣмъ въ Польшѣ²⁾. Антиринитаризмъ былъ впервые занесенъ въ Литву въ 1556 году Петромъ изъ Гонѣндза и распространялся здѣсь, найдя себѣ сильнаго покровителя въ лицѣ Яна Кишки. Изъ Великой Польши проникло въ великое княжество Литовское также гусситство—учене Чешскихъ братьевъ.

Такую оживленную картину въ области религіознаго движенія представляло изъ себя XVI столѣтіе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Это религіозное движеніе должно было имѣть громадныя послѣдствія для государства. Историкъ Западно-Русской церкви признаетъ, что «въ самомъ принципѣ протестантства было много возбуждательнаго»³⁾. Оно несло съ собою освобожденіе отъ господства папскаго авторитета, отъ неподвижности въ области мысли, несло съ собою стремленіе къ истинѣ и горячее исканіе христіанскаго идеала. Культурное значеніе эпохи реформаціи громадно, и, разумѣется, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ оно не было инымъ. Но реформаціонное движеніе отозвалось и другими послѣдствіями для великаго Княжества. Ряды православныхъ и католиковъ сильно порѣдѣли послѣ того, какъ реформаціонное движеніе широкою волною всколыхнуло Литовскою шляхту. Объ этомъ мы можемъ судить по примѣру Новгородскаго воеводства,

¹⁾ А. Вил. XX. № 28. Тотъ же документъ—А. Вил. VIII. № 167.

²⁾ Н. Любовичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антиринитаріи. Въ Варшавѣ. 1883. Стр. 273.

³⁾ И. А. Чистовичъ. Очеркъ ист. Зап.-Р. церкви. I. стр. 75.

въ которомъ изъ болѣе 600 шляхетскихъ домовъ Греческой вѣры остались не увлеченными реформаціей лишь 16, или еще менѣе ¹⁾. Еще болѣе опустошительнымъ было дѣйствіе новаго ученія на ряды католической шляхты. Не будемъ забывать того воздѣйствія на умы рядовой шляхты, которое должна была имѣть принадлежность къ реформаціонному ученію Радивиловъ, Ходкевичей, Воловичей и другихъ знатныхъ Литовскихъ фамилій, отъ которыхъ зависѣли цѣлыя массы служившихъ имъ шляхтичей и отъ которыхъ ждало ходатайствъ передъ королемъ о наградахъ и пожалованіяхъ еще большее число шляхты. Самъ король Сигизмундъ Августъ, мужъ Варвары Радивилъ, готовъ былъ посѣтить молитвенное собраніе кальвинистовъ, и лишь рука Виленскаго бискупа Валеріяна Протасевича, схватившая за узду королевскаго коня и указавшая ему дорогу въ костелъ, лишила реформацію торжественнаго королевскаго признанія ²⁾. Распространеніе реформаціи требовало и распространенія просвѣщенія, книги и школы ³⁾, и мы уже знаемъ, какъ Радивилы работали на этомъ поприщѣ, устраивая типографіи и книгою распространяя свои вѣрованія среди своихъ соотечественниковъ. Такимъ образомъ, реформація вносила въ Литовское княжество несомнѣнно ослабленіе и православія, и католичества, что дало въ XVI вѣкѣ свои политическія послѣдствія, но что въ то же время подготовило торжество іезуитовъ въ эпоху Сигизмунда Вазы, т.-е. уже въ концѣ того же столѣтія. Самое различіе вѣроисповѣданій должно было вносить потребность взаимной терпимости ⁴⁾, а эта послѣдняя необходимо являлась новымъ звеномъ, способствовавшимъ сознанію себя однимъ народомъ всею Литовско-Русскою шляхтою, или, лучше сказать, уничтожавшимъ то нѣкоторое раздѣленіе, которое вы-

¹⁾ *Архіеп.* (потомъ митрополитъ) *Макарій*. Исторія Русской Церкви. Томъ IX. Спб. 1879. Стр. 322.

²⁾ *Д. Зубричскій*. Галицкая Русь въ XVI столѣтіи. Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Р. при М. Унив. 1862 г. Кн. 3. Стр. 50 (Матеріалы Славянскіе).

³⁾ Ср. *И. А. Кулишъ*. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654). Т. I. Москва 1890. Стр. 25, 26.

⁴⁾ *Ө. Евлашевскій* въ своихъ запискахъ прекрасно рисуеъ эту взаимную терпимость. Рассказывая о томъ, какъ онъ, слушая «министровъ вчоньхъ Вендрокгорскаго и Костеницкаго», пользовался расположеніемъ и Яна Маковецкаго, Варшавскаго архидьякона кустоша и каноника Виленскаго, онъ прибавляетъ: «бовемъ на онъ часъ разность веры не чинила наимнейшой разности приятельской». (Мемуары, отн. къ исторіи Южной Руси. Сын. II. Кіевъ 1896. Стр. 7).

зывалось прежнею религіозною исключительностью православія и католичества. Свобода религіозныхъ воззрѣній несла съ собою и большее единство шляхты. Вмѣстѣ съ тѣмъ являлась необходимость уничтожить формальнымъ образомъ прежнее исключительное положеніе, которое занимала католическая церковь въ великомъ княжествѣ Литовскомъ на основаніи Городельскаго привилея 1413 года. Правда, что привилеемъ 15 октября 1432 года православные князья и бояре Литовской Руси (въ тѣсномъ смыслѣ) были уже сравнены въ правахъ съ католиками-Литовцами¹⁾; правда, что затѣмъ это уравниеніе въ правахъ католиковъ съ православными стало распространяться и на нѣкоторыя земли, не принадлежащія къ составу собственно Литовской Руси²⁾, равно какъ и на многихъ обывателей остальныхъ земель Княжества, такъ или иначе приобрѣтавшихъ имѣнія въ этихъ привилегированныхъ земляхъ³⁾; но все это еще далеко не было общимъ уравниеніемъ въ правахъ католиковъ и православныхъ на всемъ протяженіи Литовско-Русскаго государства. А между тѣмъ внутреннее объединеніе областей Княжества и новое областное дѣленіе, завершѣныя реформами шестидесятыхъ годовъ XVI-го столѣтія создавали необходимость уничтоженія по возможности мѣстныхъ привилегій и замѣны ихъ общими законодательными нормами для всего государства. Съ другой стороны, такъ много прежде католической шляхты стало иновѣрною въ эпоху реформаціоннаго движенія, что дѣлалось совершенно невозможнымъ соблюденіе даже со всевозможными ограниченіями требованія Городельскаго привилея о принадлежности правъ шляхетства лишь тѣмъ кто были *cultores christianae religionis Romanae ecclesiae subjecti et non schismatici vel alii infedeles*⁴⁾. Не было возможности лишать массу «разновѣрной» шляхты ея прежнихъ правъ, да она не позволила бы этого сдѣлать и сама: она признавала уже въ это время свое значеніе, свою силу и свои права, и самое реформаціонное движеніе съ его идеалами и стремленіями дало этому сознанію новую пиццу—реформація внесла свое требованіе религіозной свободы, свободы вѣры и мысли въ понятіе «золотой вольности» XVI вѣка, и Вар-

1) См. М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 75.

2) Привилей Ягайлы Луцкой землѣ 30 октября 1432 года. См. *ibidem*, стр. 76.

3) *Ibidem*. Стр. 90.

4) Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ. СПб. 1865. Стр. 14. Vol leg. I. Petersburg. 1859. Str. 31.

шавская конфедерация 1573 года ¹⁾ закрепила его закономъ, для соединенной Речи Посполитой. Но еще раньше, въ 1563 году великое княжество Литовское получило уравнение иновѣрцевъ съ католиками въ своихъ предѣлахъ. Въ этому году Сигизмундомъ Августомъ былъ изданъ указъ ²⁾, которымъ уничтожалось совершенно требованіе Городельскаго привилея о принадлежности къ католической церкви для того, чтобы имѣть право пользоваться шляхетскими вольностями и привилегіями. Отнынѣ ими пользуется всякій, кто имѣетъ на нихъ права по своему положенію, лишь бы только онъ принадлежалъ къ христіанской религіи.

Но законъ, изданный на Виленскомъ сеймѣ 1563 года, говоритъ объ одинаковомъ значеніи по отношенію къ правамъ на шляхетство лишь для всѣхъ исповѣданій христіанской религіи; онъ ни слова не говоритъ о религіи магометанской, представителей которой было не мало среди шляхты великаго княжества Литовскаго. Для Татаръ Литовскихъ былъ изданъ Сигизмундомъ Августомъ на Городенскомъ сеймѣ особый привилей 20 іюня 1568 года ³⁾, вызванный нарушеніемъ нѣкоторыми артикулами статута 1566 года правъ Татаръ-шляхты Княжества ⁴⁾. Этотъ привилей гласитъ, что Татары великаго княжества Литовскаго обратились къ королю и били ему челомъ, жалуясь на то, что изданный королемъ статутъ 1566 года нѣкоторыми своими артикулами нарушаетъ ихъ права и вольности. Въ исполненіе этого челобитья король на сеймѣ постановилъ: «мають они во всемъ радитися и справовати въ справахъ своихъ заровне зъ иншими обывательми панства нашего, великаго князства Литовскаго, стану шляхецкаго, потому яко и до сихъ часовъ вольностей своихъ ужывали и въ нихъ се справовали»; что же касается до артикуловъ статута, «которые бы правомъ и вольностямъ ихъ, отъ предковъ нашихъ и отъ насъ господара имъ наданымъ, противны были, ничого вольностямъ и свободамъ ихъ шкодити и на переказы быти не мають вечными часы» ⁵⁾.

¹⁾ Vol. leg. II. Petersburg. 1859. Str. 124.   ²⁾ А. З. Р. III. № 32.

³⁾ Эта грамота не разъ потомъ подтверждалась. Подтвержденіе ея Сигизмундомъ III въ 1595 году—А. Вил. I стр. 177—179, Станиславомъ Августомъ въ 1766 году—Archiwum domowe do dziejów i literatury krajowej z rękopismów i dzieł najrzadszych zebrał i wydał Kaz. Wł. Wojcicki. W Warszawie. 1856. Str. 45—47.

⁴⁾ Подробно о положеніи Литовскихъ Татаръ, равно какъ и о происхожденіи привилея 1568 года, будетъ идти рѣчь ниже, въ настоящей же главѣ.

⁵⁾ А. Вил. I, стр. 178.

Итакъ, въ изучаемую эпоху шляхта великаго княжества Литовскаго представляла изъ себя станъ, признававшійся народомъ Литовскимъ, объединенный Русскимъ языкомъ, шляхетскими вольностями и привилегіями, свободою религіи и сознаниемъ своей самостоятельности и отдѣльности, какъ народа. Представляя изъ себя цѣлое въ политическомъ отношеніи, какъ отдѣльный народъ, шляхта великаго княжества Литовскаго представляла изъ себя единое цѣлое и по общимъ правамъ и вольностямъ, принадлежавшимъ сословію - народу. Но, разумѣется, въ самомъ составѣ шляхты Литовской были различныя группы, категоріи шляхетныхъ обывателей Княжества, однородныя по своимъ правамъ, утвержденнымъ закономъ, но различающіяся своимъ положеніемъ и возможностью осуществленія этихъ обще-шляхетскихъ правъ, свободъ и вольностей. Существовалъ рядъ различій въ дѣйствительномъ положеніи отдѣльных шляхтичей, жившихъ на протяженіи территоріи великаго княжества Литовскаго. Самъ статутъ даетъ указаніе на нихъ, называя въ числѣ лицъ, пользующихся шляхетскими вольностями князей, пановъ-радъ, врядниковъ земскихъ и дворныхъ, пановъ хоруговныхъ, шляхту - рыцерство ¹⁾, добавляя въ понятіе этой послѣдней еще шляхту частно-служилую ²⁾. Шляхта иногда является не только въ актахъ, но и въ самомъ статутѣ подъ именемъ бояръ-шляхты ³⁾ - названіе, не имѣющее за собою какого-либо особаго реального значенія по отношенію къ объему правъ шляхетскихъ, но имѣющее свой глубокой исторической смыслъ. Такимъ образомъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ шляхетское сословіе - народъ дѣлилось на шляхту рядовую и шляхту должностную, шляхту титулованную и нетитулованную и, наконецъ, на шляхту, знающую лишь службу земскую для Речи Посполитой, и шляхту, рядомъ съ этою службою служащую службу частнымъ лицамъ. Всѣ эти различія имѣютъ своими причинами: 1) административно-судебное устройство Литовскаго княжества, создававшее рядъ должностей и выдѣлявшее черезъ это часть шляхты изъ общаго равенства, 2) историческое прошлое Княжества и 3) экономическое положеніе шляхты. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію группъ, на которыя раздѣлялись Литовскіе шляхетные обыватели, намъ необходимо остановиться на самыхъ основаніяхъ, въ силу которыхъ признавались въ Литвѣ обыватели входящими въ ряды шляхты, какъ народа великаго княжества Литовскаго.

¹⁾ II статутъ; нпр., III. 1, 2.   ²⁾ II ст. III. 4, 8.   ³⁾ Нпр., II ст. III. 4.

Шляхта великаго княжества Литовскаго — сословіе туземное, это «тубыльцы» и родичи «того панства». Статутъ 1566 года говоритъ о присягѣ королевской «всимъ обывателемъ всихъ земель Великаго Князства Литовскаго и всихъ земель, ку нему здавна и теперь належащихъ»¹⁾. Статутъ 1588 года также гласитъ отъ имени короля о присягѣ, «которую есмо учинили всимъ обывателемъ всихъ земель великаго князства Литовскаго»²⁾. Въ силу признанія шляхты Литовскаго княжества самостоятельнымъ цѣлымъ, принадлежность къ ней опредѣляется правомъ рожденія. Рожденіе отъ шляхтича Княжества — даетъ право на обладаніе вольностями и свободами Литовской шляхты. При этомъ принимается въ расчетъ лишь шляхетская кровь отца. Онъ своимъ шляхетствомъ «ошляхтитъ» и жену, и дѣтей, «зъ нею спложныхъ», хотя бы она была нешляхтянка, «и таковыя жоны и дѣти ихъ за правдивыхъ шляхтичовъ быти мають». Конечно, если эта ошляхтившаяся выйдетъ послѣ смерти своего мужа замужъ за «простого человѣка», а не за шляхтича, то она утрачиваетъ «учтивость свою шляхецкую» и будетъ принадлежать уже къ такому «стану», въ которомъ находится ея новый мужъ. Но дѣти ея, которыя у нея были отъ перваго мужа-шляхтича, нисколько не терпятъ отъ новаго супружества матери и остаются шляхтичами, лишь бы только не занимались ремесломъ, т.-е. занятіемъ, пріостанавливающимъ право пользованія шляхетскими вольностями и свободами. Кромѣ рожденія отъ отца-шляхтича для шляхетства дѣтей необходимо было, чтобы они и «поступковъ шляхецкихъ и рыцерскихъ наслѣдовали»³⁾. Въ случаѣ сомнѣнія въ шляхетскомъ происхожденіи, выраженнаго по отношенію къ шляхтичу, онъ доказываетъ свое шляхетство тѣмъ, что «поставитъ» двухъ шляхтичей «прироженныхъ» (по статуту 1588 года — «кровныхъ»), т.-е. родныхъ ему, которые присягнутъ въ томъ, что онъ имъ родной, «прироженный а правдивый шляхтичъ». Если родъ прекратился («а пакъ бы се будетъ родъ звель»), а лицо, въ шляхетскомъ происхожденіи котораго высказывается сомнѣніе, — «тутошнаго панства» Литовскаго «тубылецъ», тогда оно должно «поставитъ» двухъ шляхтичей изъ бояръ-шляхты околичныхъ, которые при немъ и присягнутъ въ томъ, что оно «зъ роду шляхтичъ»⁴⁾. Но кромѣ доказательства шляхетства такимъ признаннымъ статутомъ путемъ присяги двухъ шляхтичей, уже

¹⁾ II ст. III. 1.

²⁾ III ст. III. 1.

³⁾ II ст. III. 16.

⁴⁾ Ibidem.

давно установился другой способъ для доказательства принадлежности къ шляхетскому сословію—представленіе документовъ, свидѣтельствующихъ о ней. ¹⁾ Оба способа примѣнялись въ дѣйствительности одинаково, смотря по тому, который изъ нихъ былъ удобнѣе для даннаго случая. Дѣла по доказательству шляхетства—совершенно обычное явленіе въ актовыхъ книгахъ великаго княжества Литовскаго, и декреты «въ заданю нетшляхетства» дошли до нашего времени въ очень большомъ числѣ ²⁾.

Но необходимость вывода шляхетства является не только тогда когда, шляхтичъ слышитъ оскорбительный для него упрекъ въ непринадлежности къ господствующему сословію-народу. Такъ, привилей, данный Сигизмундомъ Августомъ въ Люблинѣ 15 января 1569 года Слонимскимъ боярамъ Проствиловичамъ «на шляхетство» ³⁾, какъ и многіе другіе документы, выставляетъ другую причину необходимости хлопотать о доказательствѣ принадлежности къ шляхетскому сословію. Содержаніе этого привилея слѣдующее. Королю Сигизмунду Августу били челомъ бояре Слонимскаго повѣта Проствиловичи (Лень Ивановичъ, Маркъ Климовичъ, Василь Борисовичъ и Петръ Ходоровичъ), заявляя, что они «с предковъ своихъ» бояре-шляхта, а между тѣмъ ихъ въ теченіе трехъ лѣтъ заставляли, какъ нешляхту, платить циншъ, что доказывается и скарбовыми реестрами. Они просятъ короля, чтобы онъ «на выводъ шляхетства ихъ» далъ («дали»). По ихъ челобитью Сигизмундъ Августъ приказалъ написать свой королевскій листъ къ Николаю Юрьевичу Радивилу, бывшему тогда Троцкимъ воеводою ⁴⁾, чтобы онъ «того выводу шляхетства ихъ прослушалъ а у хоружого и бояр Слонимскихъ, если же они суть с предковъ своихъ бояре-шляхта, опыталъ и полное а достаточное выведеніе около того вделалъ» и королю «того справу на писме далъ». Проствиловичи представили затѣмъ королю выписъ изъ

¹⁾ См. *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 442, 443.

²⁾ Нпр., Историко-Юридич. матеріалы XVII, стр. 234: «декретъ семиковы, Грамничний Мстиславскій въ заданю нетшляхетства, отъ небозчика Володимира Кгорского Матею Глушанину виводни, а другій декретъ суда головного трибунального на потверженя того декрету привоуду нашого на шляхецкого (?), который судъ головний трибунальний утвердилъ и при учостивости шляхецкой зоставилъ» (XVII вѣка).

³⁾ Лит. Метр. $\frac{IA}{49}$ л. 39—40.

⁴⁾ Слонимскій повѣтъ принадлежалъ къ числу повѣтовъ Троцкаго воеводства.

книгъ воеводы Виленскаго, такъ какъ Николай Юрьевичъ Радивиль былъ къ этому времени уже перемѣщенъ съ воеводства Троцкаго на воеводство Виленское,—и въ этой выписи изложеніе разслѣдованія объ ихъ шляхетствѣ. Радивиль, будучи наивысшимъ гетманомъ, находился тогда въ королевскомъ войскѣ подъ замкомъ Таврусомъ. Онъ поручилъ «около того опытъ и выведанье чинити» хоружію королевскому дворному (въ то время, а потомъ онъ былъ Минскимъ земскимъ судьей) Григорію Рагозѣ, хоружію Новгородскому Ивану Харитоновичу и хоружію Берестейскому Кирдею Кричевскому. Передъ этими тремя хоружими Слонимскіе королевскіе бояре, «люди добрые шляхта», Миколай Станкевичъ и Богушъ Мискевичъ Простивилловичи, выводя шляхетство бояръ-просителей, «тыми словы сознавали, ижъ продкове ихъ были Проствило а Пац роженная братья народу шляхетского. С Проствила вышли два сыны, Станько а Миско. Зъ Станька вышолъ сынъ Микола, а зъ Миска он, сынъ его Богушъ. А тые бояре вышей поменены, Ленъ Ивановичъ, Марко Климовичъ, Василъ Борисовичъ, а Петръ Ходоровичъ с Проствилова роженого брата Паца пошли и суть имъ братья стрыечная». Послѣ этого заявленія королевскій бояринъ Онъ Войтеховичъ Квинта «созналъ», что бояре, выводъ шляхетства которыхъ производится, «кревная братья» его отцу Войтеху Квинтѣ и «одного с нимъ гербу, и якъ ихъ зазнал, тогды поспол з нимъ службу земскую военъную служивали». Слонимскій хоружій Михаилъ Соколовскій со своей стороны также заявилъ, что бояре Проствировичи, какъ при хоружихъ, бывшихъ до него, такъ и въ его хоружество, служивали земскую военную службу вмѣстѣ съ другими боярами-шляхтою Слонимскими. Однако Николай Радивиль не ограничился всѣми этими заявленіями, ясно доказывающими шляхетство Проствировичей. Онъ самъ лично «около того шляхетства ихъ опытъ и достаточное выведанье чинилъ», притомъ не только у бояръ Проствировичей, названныхъ выше, но и у иныхъ бояръ-шляхты, «людей добрыхъ старожитныхъ». Убѣдившись вполне въ томъ, что бояре, выводъ и провѣрка шляхетства которыхъ были поручены ему королемъ,—шляхта, Радивиль лично, доложилъ объ этомъ королю, когда послѣдній находился въ своемъ дворѣ Воинѣ. Только послѣ всего этого Сигизмундъ Августъ удовлетворилъ челобитье Проствировичей и призналъ ихъ шляхтою листомъ своимъ, даннымъ 15 января 1569 года. Такимъ образомъ, осторожность при признаніи шляхетства за тѣмъ, или другимъ обывателемъ соблюдалась не-

малая, но значеніе правъ, которыми владѣлъ шляхтичъ дѣлаетъ ее вполне понятною и необходимою. И Проствиловичи, когда ихъ шляхетство было доказано, получили признаніе своихъ правъ равными съ правами остальной шляхты Княжества. Король говоритъ въ своемъ листѣ: «ино мы, постерегаючи, абы волности, права и свободы шляхетские во всемъ в целости непоруже захованы были, для того и тыхъ вышей помененыхъ бояръ нашихъ Слонимскихъ, Леня Ивановича, Марка Климовича, Василя Борисовича а Петра Ходоровича и всехъ потомковъ ихъ, за таковымъ певнымъ, достаточнымъ а яснымъ выводомъ ихъ шляхетства своего, з ласки нашею господарьскою отъ плаченья цынъшу до скарбу нашего земского вечно вызволили и симъ листомъ нашимъ вызволяемъ и, моцю звирхности нашею господарьскою при шляхетстве ихъ зоставуючи, даемъ и даруемъ имъ то, ижъ они сами и потомковѣ ихъ права своего, волности, тытулу и заволянъя почѣстивого шляхетского заровно весполокъ з ыншою шляхтою и рыцерствомъ паньства нашего великого князтва Литовского уживати и з нихъ ся веселити мають вечными часы». Признаніе бояръ Проствиловичей шляхтою тотчасъ же повлекло за собою и приказаніе короля Григорію Воловичу, Новгородскому кашталянѣ, бывшему въ то время Слонимскимъ старостою, и тѣмъ, кто будетъ держать Слонимское староство послѣ него,—не требовать съ нихъ циншу въ скарбъ, не причинять имъ никакихъ затрудненій и соблюдать по отношенію къ нимъ и къ ихъ потомкамъ то, что даровано имъ настоящимъ королевскимъ привилеемъ.

Приведенный примѣръ прекрасно рисуеъ процессъ вывода шляхетства, почему мы такъ подробно его и изложили ¹⁾. Въ немъ мы имѣемъ случай доказательства шляхетства прирожденнаго. Но шляхетство можетъ быть и дарованнымъ королемъ лицу, которое не имѣло его по праву рожденія. Король можетъ за особія заслуги пожаловать шляхетство и человѣку «простого стану» ²⁾—его доблесть и заслуги даютъ ему право на вступленіе въ ряды народа-шляхты Литовской. При этомъ статутъ, однако, категорически добавляетъ, что изъ простого стана никто

¹⁾ Прекрасный примѣръ вывода шляхетства послѣ жизни шляхтича въ городѣ и мѣстской дѣятельности и службы см. Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 21—21 об.— «Привилей албо варунокъ Григорію Семеновичу Щиту з стороны шляхецтва его». (Данъ въ Кнышинѣ 5 августа 1568 года).

²⁾ II ст. III. 21.

самъ не можетъ-себѣ «вольности привилъевъ стану шляхецкаго» присвоивать «и ихъ некоторымъ образомъ уживати» ¹⁾. Примѣромъ такого дарованія королемъ права шляхетства человѣку простого стана (*plebeiae conditionis*) можетъ служить пожалованіе шляхетства (*nobilitas*) Андрею Волану, служебнику Виленскаго воеводы Николая Радивиля, вмѣстѣ съ братомъ его Яковомъ Воланомъ, сдѣланное въ Люблинѣ 6 февраля 1569 года ²⁾. Сигизмундъ Августъ пожаловалъ въ шляхтичи обоихъ братьевъ Волановъ по рекомендаціи и ходатайству Николая Радивиля, засвидѣтельствовавшаго достоинства и высокія качества своего служебника Андрея.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Приводимъ грамоту цѣликомъ. „In nomine Domini. Amen. Ad perpetuam rei memoriam Nos, Sigismundus Augustus, Dei gratia Rex Poloniae, Magnus Dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae Livoniaeque etc., Dominus et haeres. Significamus tenore praesentium quibus expedit universis et singulis, praesentibus et futuris, harum notitiam habituris. Quia cum omnis sublimis potestas in hoc sita Domino constituta, ut eam benefactis justa rependat praemia, quam flagitiis debitas exsolvat paenas, si modo tranquillitatem publicam conservare integram cupiat et bene ac fideliter degerendae inter homines vitae causa esse velit. Idcirco et nos pro ratione officii et muneris nostri, quod nobis in excelso et Regali rerum vestigio collocatis impositum agnoscimus et unicuique virtuti et bene meritis hominum suos reddamus honores commendata nobis per illustrem et magnificum Nicolaum Radziwil palatinum Vilnensem et Magni Ducatus Lithuaniae Cancellarium etc., sincere nobis dilectum, insigni virtute summaque morum integritate Andrea Volani seruitoris sui ac praeterea excellenti eruditione et magna ingenii dexteritate, quam ille non modo in rebus suis privatis sed in publicis etiam negotiis multoties prospexit et tam tempore belli quam pacis utilem Republicae usu ipso cognovit. Necessariam rem omnino nos facturos duximus, si tot egregias virtutes et merita laudabili aliquo praemio et honore condecoraremus. Cum autem honos et dignitas inter (л. 59 об.) caetera virtutum praemia non postremum habeat locum et his potissimum tribui debet, qui ingenio et virtute sese conspicuos omnibus reddunt, eam dignitatem praedicto Andreae Volano omnino dandam duximus, maxime cum id a nobis postularet supra nominatus Nicolaus Radziwil palatinus Vilmensis, de nobis et Republica tota semper optime meritis ita, ut tam justis ejus precibus aquiescendum esse omnino duxerimus. Et si autem antiquitus praedictus Andreas Volanus maiores suos honesta nobilitatis conditione habuerit, fruentes ita, ut nunc etiam plurimas cognatione praeclaras et nobiles attingat familias, tamen quia successu temporum, ut rerum omnium humanarum vicissitudo est, obscurari quodam modo domus ejus ceperit et in plebejam paene conditionem degeneravit. Nobilitatem ei de (m) integro fratrique ejus germano Iacobo Volano ac toti eorum sexus vtriusque posteritati, ab eis legitime descendenti, ac si integra et nunquam nobilitatis serie interrupta a maioribus eorum ad eos pervenisset pro autoritate et potestate nostra Regiamus, donamus, concedimus cum omnibus praerogatiuis, libertatibus, immunitati-

Принадлежность къ шляхетскому сословию такимъ образомъ является или слѣдствіемъ рожденія, или слѣдствіемъ пожалованія. Но можетъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ поселиться и не туземецъ его, а человѣкъ «обчого народу», чужестранецъ. Законъ гласитъ: «а хотя бы хто обчого народу за свои заслуги въ той речы посполитой пришолъ ку осѣлости зъ ласки и данины» государевой, или какимъ-либо «инымъ правомъ» ¹⁾, такія лица «ужывають» свою осѣлость-имѣніе, дѣлаясь черезъ это обывателями Княжества и неся земскую службу Литвѣ. Однако, они не совсѣмъ равны въ своихъ шляхетскихъ правахъ съ родичами Литовскими, такъ какъ «на достоенства и всякій врьдъ духовный и свѣцкій» можетъ избираться шляхтою и назначаться государемъ «толко здавна предковъ своихъ уроженецъ Великого Князства Литовского Литвинъ и Русинъ» ²⁾. Статья эта, принятая статутомъ 1566 года изъ статута 1529 года ³⁾, была принята и статутомъ 1588 года ⁴⁾. Этотъ послѣдній опредѣляетъ и то, кого нужно понимать подъ «уроженцами» Литовскаго княжества. Это— «Литва, Русь, Жомойть, родичи старожытныи и уроженцы великого князства Литовского и иныхъ земель, тому великому княз-

bus quibuscunque tota Nobilitas tam in Regno nostro Poloniae, quam in Ducatu Magno Lithuaniae gaudet et fruitur, concedentes illis potestatem dignitates omnes et officia ac munera Nobilibus dari pro cuiusque meritis solita capiendi, item terrestria quaeuis bona quocunque modo acquirendi eaque pacifice possidendi cum omni eorum prole ac posteritate temporibus perpetuis non alia conditione ac modo, nisi quo tenentur et possidentur ab aliis Regni nostri Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae nobilibus incolis. Porro Stemma Nobilitatis iam ante illis vsitatum et familiare in omne futurum tempus illis concedimus, sagittam nimirum duabus transuersis (л. 60) lineis dissectam et vulgo Lisowiec dictam flauam ipsam in rubro campo depictam cuius quidem stemmatis ille cum fratre praedicto ac omni posteritate sua non modo in angulis gestandi ac eo litteras et quaeuis munimenta obsignandi, verum etiam in auro et argento sculpendi et in locis priuatis ac publicis depingendi secundum exigentiam rei et temporum plenam omnibus temporibus habebit potestatem. In cuius quidem rei firmitus robur et evidens testimonium has illis litteras nostras sigillo nostro appenso munitas concessimus. Datum Lublini die sexta Februarii Anno Domini Millesimo Quingentesimo Sexagesimo Nono in conuentione magna et generali consiliariorum statuumque omnium et ordinum tam Regni Poloniae quam Magni Ducatus Lithuaniae. Per manus supramemorati Nicolai Radziwił Ducis in Dubinki et Bierze Palatini Uilnensis et Magni Ducatus Lithuaniae Cancellarii, sincere nobis dilecti. Subscriptio S. R.

Maiestatis. Лит. Метр. $\frac{III A}{8}$ л. 59 об.—60 об.

¹⁾ Нпр., по женѣ. ²⁾ II ст. III. 9. ³⁾ I ст. III. 3. ⁴⁾ III ст. III. 12.

ству належащихъ». Болѣе точное и подробное опредѣленіе понятія «уроженства», которое даетъ третій статутъ, является, очевидно, вызваннымъ прежде всего договоромъ Люблинской Уніи 1569 года, уничтожавшимъ всѣ уставы и статуты, установленные въ Литвѣ противъ пріобрѣтенія и владѣнія Поляками имѣніями въ Княжествѣ и устанавливавшимъ одинаковое право и для Поляковъ, и для Литовцевъ владѣть имѣніями въ обѣихъ частяхъ «спольной» Речи Посполитой ¹⁾. Мы видѣли уже выше, какъ сложились отношенія Литвы къ Польшѣ въ эпоху, наступившую послѣ Уніи 1569 года, и знаемъ, что Литовское княжество защищало свои права и свою особность отъ Короны со всею возможною бдительностью. Литва и послѣ Уніи, допуская чужеземцевъ-Поляковъ къ владѣнію землей въ своихъ предѣлахъ, ограничивала ихъ права, закрывая передъ ними доступъ къ Литовскимъ должностямъ, хотя и требовала отъ нихъ земской военной службы для великаго княжества Литовскаго вмѣстѣ съ остальными его обывателями. Если болѣе подробное изложеніе этой статьи третьимъ статутомъ дѣлалось необходимымъ ввиду настойчиваго требованія Люблинскаго договора о томъ, что оба народа—Литовскій и Польскій—должны составлять одинъ «lud» и одно «państwo», требованія, отъ котораго такъ энергично и стойко отстранялись Литовцы, то существованіе ея въ статутѣ было дѣломъ необходимымъ вслѣдствіе того, что на службѣ у королей Польскихъ великихъ князей Литовскихъ бывало всегда достаточное число иностранцевъ, какъ военныхъ, такъ мастеровъ и врачей, пользовавшихся милостями государей и пріобрѣтавшихъ имѣнія въ предѣлахъ Княжества. Такъ, 1 іюня 1574 года король Генрихъ Вауа пожаловалъ ²⁾ ротмистру королевскому Александру Гванини (Кгванинъ) мѣстечко Филипово въ лѣсничествѣ Перстунскомъ со 158 волоками земли, къ нему принадлежащими, а также села Кривую Волю (16 волокъ), Жуснево (34 волоки) и Перерослю (6 волокъ) съ людьми, въ мѣстечкѣ и селахъ осѣлыми, и со всѣми «ихъ служъбами, платы и повинностями цынъшовыми, капъчизнами и иными подачъками, зъ нихъ приходячими, зъ млынами и зъ ихъ вымельки, зъ кгрунъты, землями, застенъками оселыми и

¹⁾ Volumina legum II. Str, 90. 14. Документы, объясн. ист. Зап.-Р. края Стр. 152, 154.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 110 об.—111 об.

пустыми и иными вшелякими пожитками» ¹⁾. Все доходы и «пожитки», которые имются в названных местечках и селах и «которые на потом якимъ кольвекъ обычаемъ вынайденны и постановены быти могут». Гванини будетъ «держати, вживати, всякие пожитки себе тамъ розмножати и прибовляти и того всего спокойне вживати до живота своего». При этомъ онъ освобождается ото всякихъ уплатъ по своему имѣнію въ скарбъ. пожалованіе этого имѣнія лишь пожизненное, и по смерти Гванини имѣніе вновь должно отойти на государя, «ку столу» его великаго княжества Литовскаго. Въ пожалованіи имѣнія ротмистру Гванини мы имѣемъ примѣръ награжденія за военную службу. Но и службы другого вида также награждались земельными имуществами, жалуемыми королемъ. Такъ, Лукашъ Вольфъ, цирульникъ короля Сигизмунда Августа, получилъ отъ Генриха Валезія не только листъ ²⁾ «на волностъ ³⁾ дому его в месте Виленскомъ и на

---

¹⁾ «Генърикъ Бою милостью. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ. Билъ намъ чоломъ ротъмистръ нашъ Александро Кгванинъ и просилъ насъ, ижъ быхмо з ласки наше господарское за служъбы его, которыми онъ немалые почты ротъ людей служебныхъ в справе своей маючы и ротъмистромъ пешимъ будучы а противъ войскъ непріятеля нашего великаго князя Московскаго мужне се зоставуючы яко на замку нашомъ Витебскомъ, такъ и на иншихъ многихъ местъцахъ в паньстве нашомъ великомъ князствѣ Литовскомъ заслуговалъ яко опатренъе учинили и оселость ему дали. Якожъ многие панове рады наши, залечаючы годные, пилные и значные заслуги его в справахъ рыцерскихъ противко речи посполитое паньствъ нашихъ, насъ за нимъ у причине жедали А такъ мы, взявши ведомость о служъбахъ звышъ менованого Александра Кгванина, которыми онъ отъ немалого часу ротъмистромъ будучи и роты людей служебныхъ пешихъ на пограничномъ замку нашомъ Витебскомъ маючы и на иншихъ многихъ розныхъ местъцахъ служачы а не только на маетности своей утраты великие приймаючи, але и здоровья своего не литуючы королю его милости славное памети Жикгимонту Августу предку нашому и Речи Посполитой нанствъ нашихъ в справахъ рыцерскихъ пожиточне, верне а цнотливе и на всемъ пильне ласку его королевское милости заслуговал, дали есмо ему...»

Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 110 об.—111.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 2 об.—4 об.

³⁾ «от стоянья пановъ рад нашихъ ихъ милости духовныхъ и светскихъ, вридниковъ земскихъ и духовныхъ такъ Коруны Польское, яко и великаго княжества Литовскаго, такъже пословъ и гоньцовъ чужоземскихъ, дворанъ и иныхъ слугъ нашихъ и иного всякаго стану гостей». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 3 об.

волности ремесла бальверского ¹⁾ везде уживати», но и пожалование имѣніемъ. Въ листѣ королевскомъ на это послѣднее пожалование ²⁾ читаемъ, что еще Сигизмундъ Августъ, «маючи баченье на служъбы» цирульника Лукаша Вольфа, «которими онъ черезъ немалый часъ верне, цютливе, зо въшелякою пильностью около опатренья здоровья его королевское милости працовите ласку его королевское милости заслуговалъ», далъ ему «вечнымъ правомъ в дедицтво» два села въ Олитской пуцѣ—Мотлявку (34 волоки) и Бухты (17 волокъ), придавъ къ волокамъ этихъ селъ еще 15 волокъ лѣсу для дровъ и 2 волоки сѣножатей. Подтверждая по просьбѣ пановъ-радъ это пожалование своего «предка», Генрихъ Валезій въ своемъ листѣ говоритъ: «маеть впрод речоный Лукашъ Вольфъ самъ, жона, дети и потомки его села Мотлавку и Бухты зо всякими кгрунъты, широкостями и пожитки и зъ шестьма волоками осочъницъкихъ ³⁾, въ селе Мотълавце лежачихъ, и зо всимъ на все, якъ ся оныя села сами в себе мають, такъже 15 волокъ лесу и две волоки сеножати держати и въживати, вольни будучи тамъ прибавити, розъширити, фольварки, млыны и ставы себе будовати и въсякие пожитъки примножати, маючи вольност тую всю данину короля его милости предка нашего, або часть ее отъдати, продати, даровати, заменити и водле воли своее шафовать, вживаючи с тымъ всякихъ свобод и вольностей во всемъ потому, яко в листе короля его милости предка нашего описано есть» ⁴⁾.

Такимъ образомъ пожалованія имѣніями за службы королю и государству были обычнымъ явленіемъ въ Литовскомъ княжествѣ. Ниже мы увидимъ, что эти пожалованія были вообще однимъ изъ способовъ награжденія лицъ, служившихъ великому княжеству Литовскому. Въ числѣ получившихъ ослѣлость путемъ ли пожалованія ея правительствомъ, или путемъ приобрѣтенія ея чужестранцами дозволенными закономъ способами, было достаточное число лицъ, принадлежащихъ къ такимъ общественнымъ клас-

¹⁾ цирульничьяго.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 19 об.—21 об.

³⁾ Эти волоки не были показаны въ привилеѣ Сигизмунда Августа, но король Генрихъ призналъ за Вольфомъ и ихъ, такъ какъ ему пожаловано все село Мотлавка.

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 21, 21 об.

самъ другихъ государствъ, которые могли быть признаваемы имѣющими въ этихъ послѣднихъ аналогическое значеніе со значеніемъ шляхты въ Литовскомъ княжествѣ. Понятнымъ, поэтому, становится вышеприведенное требованіе статута о преимуществахъ «отчичей» и «тубыльцевъ» великаго княжества Литовскаго передъ этими переселенцами, признанными шляхтою и въ Литвѣ. Если мы сравнимъ способы приобрѣтенія шляхетства въ Польшѣ, то замѣтимъ, что и тамъ главнымъ изъ этихъ способовъ было рожденіе, но рядомъ съ нимъ стояли индигенатъ дворянства чужестраннаго и нобилитація нешляхтичей ¹⁾.

Свободы и вольности шляхты ставятъ ее высоко надъ другими сословіями великаго княжества Литовскаго. Естественны, поэтому, постановленія закона, ограждающія шляхтича отъ оскорбленій, а особенно отъ оскорбительныхъ для него подозрѣній въ нешляхетскомъ происхожденіи. Если шляхтичъ или правительственная власть сомнѣваются въ шляхетскомъ происхожденіи даннаго лица, то послѣднее должно доказать свое шляхетство путемъ вывода его, примѣръ чего мы видѣли выше. Но если шляхтичу «приганыть» ²⁾ нешляхтичъ, а тотъ, по отношенію къ кому это сдѣлано, докажетъ свое шляхетство выводомъ его, а кромѣ того; докажетъ, что «приганившій» ему самъ — нешляхтичъ, то этотъ послѣдній наказывается «урѣзаньемъ языка» ³⁾. Такъ строго карается нешляхтичъ, осмѣливающійся мѣшаться въ дѣла народа-шляхты, который считаетъ его слишкомъ низко стоящимъ по сравненію съ собою для того, чтобы разрѣшить разсуждать о вопросахъ шляхетства. Вольности шляхетства слишкомъ важны, чтобы высказанное даже нешляхтичемъ обвиненіе шляхтича въ нешляхетствѣ, не вызывало доказательства своего «благородства» тѣмъ лицомъ, по отношенію къ которому подозрѣніе было высказано. Но строго казня черезъ «урѣзанье языка» въ случаѣ ошибочности заявленія, законъ долженъ былъ, разумѣется, удерживать нешляхтичей отъ заявленій о нешляхетствѣ того или другого шляхтича. За то шляхтичъ свободно можетъ

¹⁾ X. *Wincenty Skrzetuski S. P.* Prawo polityczne narodu polskiego. I. Warszawa. 1782. Str. 187. *Bandtkie-Steżyński.* Hist. pr. p. Warszawa. 1850. Str. 533—537.

²⁾ Значеніе слова «приганыть» особенно хорошо видно изъ фразъ въ родѣ слѣдующей: «Барташова тежь той духовници приганила и не мела се за справедливую...» А. Вил. XVII. № 534.

³⁾ II ст. III. 18. См. также «о наганене шляхтича забитого». *Ibidem.* 19.

заявлять свое сомнѣніе въ шляхетствѣ того или другого обывателя. Мы видѣли выше, что подозрѣніе въ неправильной принадлежности къ шляхетскому сословію, высказанное шляхтичемъ влечетъ за собою «выводъ шляхетства». Но законъ знаетъ и такой случай, что шляхтичъ сдѣлаетъ упрекъ другому шляхтичу «такъ о шляхетство, яко и о иные речы шкодливые доброй славы» и обѣ стороны, и оскорбителъ и потерпѣвшій, явятся на судъ, но на судѣ обидчикъ откажется отъ своего обвиненія ¹⁾. Въ такомъ случаѣ эта «примовка», эти оскорбительныя рѣчи не будутъ имѣть никакого значенія для чести оскорбленнаго, но зато и оскорбителъ, отказавшійся отъ содержанія своего упрека, также свободенъ отъ дальнѣйшаго суда ²⁾. Нельзя не видѣть въ этомъ постановленіи статута желаніе не закрывать возможности высказыванія подозрѣній въ нешляхетствѣ по отношенію къ отдѣльнымъ шляхтичамъ: права и вольности шляхты слишкомъ важны для того, чтобы закрыть путь къ возможно лучшей провѣркѣ правъ каждаго шляхтича, шляхетство котораго почему-либо является подозрительнымъ. Но упрекъ можетъ быть высказанъ по отношенію къ шляхтичу и въ томъ, что онъ сынъ незаконный, не «чистого ложа сынъ». Тутъ мы встрѣчаемся съ самымъ понятіемъ незаконныхъ дѣтей, или «бенкартовъ», какъ ихъ называетъ статутъ ³⁾. Незаконными дѣтьми статутъ признаетъ не только тѣхъ дѣтей, которыя прижиты «при властной жонѣ съ чужолозницею», но даже и тѣхъ, которыхъ отецъ будетъ имѣть отъ этой женщины, вступивъ съ нею въ бракъ послѣ смерти своей прежней жены ⁴⁾. Кромѣ того, бенкартомъ признается закономъ такой сынъ, отъ котораго отрекся отецъ при своей жизни, не признавъ его своимъ ребенкомъ. Но при этомъ требуется статутомъ, чтобы такое непризнаніе ребенка не было сдѣлано «зъ вазни и зъ гнѣву» противъ сына, или жены. Законъ признаетъ за мужемъ право непризнанія лишь такого сына, дѣйствительнымъ отцомъ котораго онъ считаетъ другое лицо. Поэтому, если онъ уже долгое время держалъ дитя у себя въ домѣ, какъ своего собственнаго ребенка, а также и мать его продолжалъ считать своею женою ⁵⁾, то самую эту «терпливостью»

¹⁾ «того се запрѣль».   ²⁾ II ст. III. 22.   ³⁾ II ст. III. 23.

⁴⁾ II ст. III. 23. Для лучшаго пониманія не совсѣмъ яснаго текста этой статьи, нужно его сличить съ соотвѣтствующею статьею статута 1588 года (III ст. III. 28).

⁵⁾ Во II-мъ статутѣ по изданію во Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. (XXIII. М. 1855) ошибка; исправляемъ ее по III-му статуту,

своею призналъ его своимъ законнымъ ребенкомъ и уже потомъ не имѣеть права отъ него отказываться. Особенно подчеркиваетъ статутъ для отца невозможность признать незаконнымъ своего ребенка тогда, когда отецъ, овдовѣвъ отъ перваго брака, въ которомъ онъ былъ съ матерью этого ребенка, вступитъ въ новый бракъ: «тогда вже при мачосѣ отъ имѣнья отчизного отдаляти не можетъ потомужъ»¹⁾—законъ ясно предвидитъ возможность вліянія новой жены, стремящагося къ лишенію законности происхожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правъ наслѣдства дѣтей мужа отъ перваго брака для того, чтобы все имущество мужа перешло къ его дѣтямъ отъ брака съ нею. Итакъ, постановленія статута, устанавливающія понятіе законныхъ и незаконныхъ дѣтей и опредѣляющія, какія дѣти признаются закономъ и какія имъ не признаются,—первое, что необходимо имѣть передъ глазами, когда рѣчь идетъ о законности и незаконности происхожденія, какъ она понималась въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Второе обстоятельство, съ которымъ нужно считаться въ вопросѣ о Литовской семьѣ, это существованіе браковъ съ совершеніемъ церковнаго обряда вѣнчанія и безъ него. Акты судовъ Литовскихъ прекрасно знаютъ браки съ женами «невѣнчальными», хотя, правда, только для лицъ, не слишкомъ выдающихся и важныхъ по своему общественному положенію. Среди подданныхъ государевыхъ и панскихъ такіе браки были явленіемъ нерѣдкимъ. Такъ, на примѣръ, 29 апрѣля 1560 года Слонимскому старостѣ Григорію Воловичу жаловался подданный пана Льва Гоцовскаго Иванъ Кузьмичъ на подданнаго государскаго войтовства Загривецкаго Ониску Куриловича. Иванъ Кузьмичъ такъ излагалъ свою жалобу: «дал есми за сына его Макара дочку свою Орину, по которой дал есми ему, свату своему, по дочке своей корову, козу, свиню, гус 1, кур 3. То пакъ дей тот сын его, мешкавши з нею, сам проч пошел, а дочку мою до мене прислал, которая мешкаеть у мене полтора года». Ониско призналъ, что дочь Ивана была за его сыномъ, но послѣдній «нижли дей для покорменя ишол кормитися». Тогда староста, разбиравшій дѣло спросилъ²⁾, вѣнчальною ли женою была Орина. Ониско отвѣчалъ, что она была невѣнчальною³⁾, а относительно требуемаго Ивановомъ обратно приданаго ея показалъ, что «козеня а порося, гус

¹⁾ II ст. III. 23.

²⁾ «пытали есмо, бы то была жона венчалная».

³⁾ «он поведил, иж невенъчалная».

и кур трое взял, коза 1 здохла, а корове и сорочкамъ не знался». Иванъ «на то доводу не мел», а потомъ и самъ призналъ, что далъ все это не Онискѣ, а его сыну за своею дочерью ¹⁾ и такимъ образомъ Ониска является неотвѣтственнымъ по этому иску. Оправдавъ Ониска Куриловича ²⁾, Григорій Воловичъ постановилъ о дочери Ивана Кузьмича слѣдующее: «а што ся дотычетъ, дочка его иж невѣнчалная была, а злаца и мужа ее нет, тогда можетъ ее за кого хотя отдать, а если тотъ мужъ ее, пришедши, всхочетъ взят, тогда и то можетъ вчинить, если хочеть» ³⁾ Итакъ, бракъ безъ церковнаго вѣнчанья совершенъ и трактуется передъ судомъ вовсе не какъ противозаконная связь, а какъ бракъ, совершенный лишь безъ церковнаго обряда. Какъ бы ни смотрѣла на такой бракъ видѣвшая въ немъ грѣхъ церковь, въ глазахъ общества онъ былъ явленіемъ обычнымъ и нисколько не позорнымъ, если женщина, бывшая въ такомъ бракѣ, можетъ быть вновь выдана отцомъ за другого мужа и сдѣлаться затѣмъ даже «вѣнчальною» женою, т.-е. вступить въ бракъ съ совершеніемъ церковнаго обряда вѣнчанія ⁴⁾. Совершенный безъ таинства, невѣнчанный бракъ можетъ и расторгаться совершенно просто. Такъ на примѣръ, 11 февраля 1540 года жена жаловалась на своего мужа Городенскому суду: «взялъ онъ мене за жову себе, то пакъ онъ теперь мене отъ себе отбилъ, кроме моей жадной винности». Мужъ на это отвѣтилъ, что, хотя онъ и взялъ ее себѣ за жену но съ нею не вѣнчался и теперь за ея своеволие не желаетъ болѣе имѣть ее своею женою. И судъ объявилъ мужа отъ жены его «вольнымъ» на томъ основаніи, «ижъ тотъ Яцько (мужъ) зъ жоною своею ся не венчалъ» ⁵⁾. Но не слѣдуетъ думать, чтобы бракъ безъ церковнаго вѣнчанія практиковался только среди простыхъ подданныхъ, т.-е. крестьянскаго населенія. 22 іюня 1556 года земскимъ судьямъ Городенскимъ жаловался ⁶⁾ господарскій бояринъ Городенскаго повѣта Антонъ Ходоровичъ на свою невѣстку Ульку Оедьковну боярыню господарскую того же повѣта, въ томъ, что она, будучи невѣнчальною женою его сына Сенка, остается жить

¹⁾ «а потомъ и самъ зналъ, иж то не ему, але сыну его за дочкою своею дал».

²⁾ «а такъ я от того подданого господарьского вчинилъ правымъ».

³⁾ Виленскій Центральный Архивъ № 7863. Слонимскаго Гродскаго суда № 1. Л. 42 об.

⁴⁾ Нпр., А. Вил. XXI. № 221. Въ этомъ актѣ сама жена заявляетъ о томъ, что она невѣнчальная, и это оспаривается противною стороною.

⁵⁾ А. Вил. XVII. № 181. ⁶⁾ А. Вил. XVII. № 986.

въ его домѣ и послѣ смерти этого Сенка и притомъ «немалые шкоды» ему «чинить и словы невчѣстивыми ся сегаеть», а изъ дому его не уходитъ. Но Улка на это отвѣчала, что она живетъ въ домѣ Ходоровича потому, что осталась по смерти мужа своего «на вдовемъ столцы, будучи женою венчельною, и зъ сыномъ своимъ Сенкомъ». Когда Ходоровичъ оспаривалъ существованіе вѣнчаннаго брака между его сыномъ и Улкою, послѣдняя «попаку свидѣству поставити подвезалася». Можетъ быть, Улкѣ и удалось потомъ доказать «вѣнчалность» ея брака съ покойнымъ ея мужемъ, но самая возможность жалобы въ судъ Ходоровича съ его заявленіемъ говоритъ о существованіи среди бояръ браковъ безъ совершенія церковнаго обряда. Итакъ, между боярами браки безъ церковнаго вѣнчанія существовали. Но они бывали, повидимому и среди пановъ. Въ самомъ дѣлѣ, на примѣръ, панъ Иванъ Богусевичъ Гаруса, дворянинъ господарскій, явившись передъ земскихъ судей Городенскихъ 3 іюня 1557 года вмѣстѣ съ женою своею пани Мариною Кумшелевною, заявилъ, что, ввиду частой среди нихъ «незгоды» и взаимнаго несогласія и ссоръ, они рѣшились съ женою развестись. Гаруса прибавляетъ въ концѣ своего заявленія: «вольно будетъ, гдѣ похочу, жону себе у малженство взяти, на што есъмо межи собою и листы ростанья своего одинъ другому подъ печатми нѣкоторыхъ людей добрыхъ на себе дали», и притомъ заключили свое соглашеніе подъ зарукою на государя ¹⁾. Въ этомъ актѣ нѣтъ ни слова о церковномъ разрѣшеніи развода, который необходимъ для развода повѣнчанныхъ супруговъ и о которомъ хорошо знаютъ другіе акты ²⁾. Можно съ увѣренностью поэтому считать этотъ примѣръ примѣромъ существованія невѣнчанныхъ браковъ и между довольно крупною шляхтою. Что же касается мелкой шляхты, то она такъ близка была по своему экономическому и умственному состоянію къ боярамъ, что можно безъ всякой опасности ошибиться обобщать моральные взгляды боярства и мелкаго шляхетства. Всѣ данныя актовъ о невѣнчальныхъ жонахъ скрѣпляются и самимъ статутомъ, гласящимъ: «а бѣлымъ головамъ шляхецскимъ якъ головщина, такъ и навезка маеть быти плачона совито, тымъ же обычаемъ потомъ и ихъ жонамъ и детемъ, которіе *вѣнчалные жоны* мають, маеть быти навезка шляхецская» ³⁾. Разъ статутъ нахо-

¹⁾ А. Вил. XVII. № 992.

²⁾ Нпр., А. Вил. XVII. № 652: «какъ мя митрополитъ зъ нею распустилъ»

³⁾ II ст. XI. 13.

дить нужнымъ прибавить *вѣнчальныя* къ слову жоны, онъ уже этимъ самымъ ясно намекаетъ на существованіе жонъ и невѣнчальныхъ. Но какъ же доказывается бракъ, вѣнчанный въ церкви, если не существовало брачныхъ обысковъ и церковныхъ книгъ, куда вносились бы брачныя записи? Доказательствомъ того, что бракъ повѣнчанъ, служило свидѣтельство священника, вѣнчавшаго супруговъ, или заявленіе свидѣтелей совершеннаго церковнаго обряда. Выше мы видѣли, какъ жена, упрекаемая своимъ свекромъ въ томъ, что ея бракъ съ покойнымъ мужемъ ея не былъ вѣнчанъ, ссылается на свидѣтельство священника ¹⁾. Показаніе свѣтковъ также обычное явленіе при доказательствѣ совершеннаго церковнаго вѣнчаніи ²⁾.

Изъ всего приведеннаго въ характеристику брачныхъ порядковъ Литовско-Русскаго княжества для насъ въ настоящемъ изложеніи важно то, что въ обществѣ взглядъ на бракъ двоился. Если законъ признавалъ законнымъ бракомъ только такой, который состоялся съ совершеніемъ церковнаго обряда, наблюдая при этомъ чистоту брака до такой степени, что не признавалъ законными дѣтьми не только дѣтей, прижитыхъ внѣ брака, но даже отказывалъ въ признаніи законными дѣтей, прижитыхъ съ женщиною, связь съ которой была нарушеніемъ супружеской вѣрности, хотя бы они рождались уже послѣ церковнаго брака съ нею, — общество сохраняло и бракъ безъ церковнаго обряда, остатокъ еще сѣдой языческой эпохи, сохранявшійся затѣмъ долго и въ христіанскую эпоху по причинѣ отдаленности храмовъ отъ многихъ поселеній обширнаго пространства Княжества, а также и по далеко неглубокому проникновенію населенія церковнымъ ученіемъ. Это необходимо имѣть ввиду, когда встрѣчаемъ въ актахъ оскорбительныя упреки, обращенныя къ различнымъ лицамъ въ томъ, что они «нечистого ложа сыны» ³⁾. Не слѣдуетъ всегда видѣть тутъ упрекъ въ происхожденіи отъ брака безъ церковнаго вѣнчанія. Въ сознаніи *всего* Литовскаго общества не могло еще быть утвердившимся въ XVI вѣкѣ требованіе церковнаго обряда для признанія брака: согласіе родителей на совмѣстную жизнь супруговъ считалось еще многими достаточнымъ для того, чтобы считать ее супружествомъ, а не преступною связью. Такимъ образомъ, въ семейномъ правѣ Литовско-Русскаго великаго княжества

¹⁾ А. Вил. XVII. № 986.

²⁾ Нпр., А. Вил. XVII. №№ 167, 168.

³⁾ Нпр., А. Вил. XXI. № 22.

мы имѣемъ интересный фактъ различія нормы закона съ нормою жизни. Законъ христіанскаго государства XVІ вѣка не могъ не требовать обязательнаго церковнаго обряда и благословенія церкви для освѣщенія супружеской жизни его христіанскихъ подданныхъ, общество же еще не прониклось вполне христіанскимъ взглядомъ и продолжало жить старымъ, языческимъ понятіемъ. Едва ли по этому можно всегда видѣть въ упрекѣ происхожденіемъ «нечистого ложа», упрекъ въ рожденіи отъ родителей, жившихъ въ супружествѣ безъ церковнаго вѣнчанія, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ это и возможно. Что касается до другихъ случаевъ, то въ нихъ нужно подразумѣвать происхожденіе отъ наложницъ, т.-е. рожденія отъ связи мужа при живой женѣ, или связи тайной, безъ согласія родителей.

Теперь посмотримъ, какъ караетъ законъ за оскорбленіе, наносимое упрекомъ въ происхожденіи «нечистого ложа». Если кто-либо сдѣлаетъ такой упрекъ другому, онъ долженъ доказать передъ судомъ, что этотъ послѣдній произошелъ отъ брака «не зъ вѣнчалною, нешлюбною женою», а если этого доказать окажется не въ состояніи, то долженъ свою «примовку», свой упрекъ «очистити» передъ судомъ и сдѣлать это, произнеся слѣдующія слова: «што есмо менилъ на тебе, же бы ты не былъ чыстого ложа сынъ, въ томъ на тебе брехалъ, якъ песъ». Въ случаѣ отказа произнести эту фразу, виновный долженъ быть посаженъ въ тюрьму, «маеть седѣти у везенью на замку» королевскомъ и будетъ находиться тамъ до тѣхъ поръ, пока не согласится произнести приведенной выше формулы отреченія отъ содержанія своего упрека. При этомъ врядъ не долженъ оказывать ни малѣйшаго снисхожденія, «никоторое фолкги» такому «упорному» ¹⁾.

Познакомившись съ тѣмъ, какъ доказывалась принадлежность къ шляхетскому сословію, перейдемъ къ изученію положенія, правъ и обязанностей народа-шляхты великаго княжества Литовскаго. Въ народѣ-шляхтѣ объединялись общими правами люди различнаго экономическаго и умственнаго состоянія. Различіе по экономическому положенію и по умственному развитію вносило, конечно, раздѣленіе братіи-шляхты на слои. Самое равенство по правамъ въ принципѣ должно было, несомнѣнно, въ значительной степени ограничиваться различною степенью возможности осуществленія своихъ правъ отдѣльными шляхтичами въ зависимости

¹⁾ II ст. III. 23.

отъ экономическаго ихъ положенія и умственнаго развитія. Къ этимъ различіямъ нужно еще присоединить существованіе въ великомъ Княжествѣ титуловъ, отчасти старинныхъ-родовыхъ, въ которыхъ звучитъ историческое значеніе той или другой фамиліи (царевичъ, князь), отчасти приобрѣтенныхъ путемъ пожалованія (князь, грабя, т.-е. графъ). Наконецъ, изъ рядовой шляхты выдѣлялась шляхта должностная, занимавшая придворныя, административныя и судебныя должности въ государствѣ. Но всѣ виды шляхты, всѣ слои ея въ ея чести и правахъ одинаково охраняются закономъ: «князь, панъ, котораго кольвекъ стану и достойности, будучы толко бы одно роду шляхецкаго чловѣкъ, заровно всихъ въ томъ почитаючы отъ вельможнаго до навбожнаго шляхтича» ¹⁾. Но, конечно, какъ увидимъ ниже, на дѣлѣ у каждаго шляхтича далеко не было возможности чувствовать себя равнымъ съ сильнымъ и богатымъ паномъ. Присмотримся же къ отдѣльнымъ слоямъ шляхты великаго княжества Литовскаго и познакомимся съ ними прежде, чѣмъ говорить о правахъ и обязанностяхъ всего шляхетскаго сословія.

Во главѣ всѣхъ Литовскихъ обывателей ставятся королевскими универсалами и статутомъ князя. Г. Іосифъ Вольфъ ²⁾ дѣлитъ князей великаго княжества Литовскаго на три категоріи. 1) князя происхожденія Литовскаго, 2) потомки удѣльныхъ Русскихъ князей и 3) выходцы изъ Москвы, Татаръ и Черкесовъ: Первую группу, въ свою очередь, цитируемый авторъ подраздѣляетъ на двѣ, а именно потомковъ Литовскихъ князей, княжившихъ въ Литвѣ до XIII вѣка, и потомковъ Гедимина. Во вторую группу входятъ потомки удѣльныхъ князей, княжившихъ въ Русскихъ земляхъ, вошедшихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго. Сюда относятся потомки князей Полоцкихъ и Витебскихъ, Черниговскихъ, Смоленскихъ и Пинско-Туровскихъ.

Признавая, что классификація князей Княжества, которую встрѣчаемъ въ трудѣ г. Вольфа, вполне правильна въ принципѣ, положенномъ въ ея основаніи, мы, однако, для удобства трактованія князей, какъ извѣстной группы шляхетскаго стана Литвы во второй половинѣ XVI вѣка, предпочитаемъ принять раздѣленіе ихъ на двѣ группы — остатковъ владѣтельныхъ, удѣльныхъ князей великаго княжества Литовскаго и князей служилыхъ и

¹⁾ II ст. III. 22.

²⁾ *Jósef Wolff*. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*. Warszawa. 1895. Str. XXI.

князей-землянъ. Территорія Княжества вмѣщала въ себѣ цѣлый рядъ княжескихъ вотчинъ. Историкъ Литовскаго права отмѣчаетъ цѣлый рядъ такихъ земельныхъ владѣній: кн. Крошинскихъ, Путятъ, Подбережскихъ, Заславскихъ, Соломерецкихъ, Томинско-Березуйскихъ, Киндеровичей, Мстиславскихъ, Жилинскихъ и т. д. ¹⁾. Въ болѣе раннее время эти княжескія владѣнія представляли изъ себя территоріи, находившіяся во власти удѣльныхъ князей, подчиненныхъ великому князю Литовскому. «Божію милостію и здоровьемъ господара нашего великого короля Зигимонта мы князь Михайло Ивановичъ Мстиславски чынымъ знаменито симъ нашимъ листомъ нынѣшнимъ и напотомъ будучымъ, кому будетъ потреба вѣдати або, чтучы его, слухати»—пишетъ одинъ изъ князей Мстиславскихъ 25 февраля 1526 года въ своей жалованной грамотѣ Пустынскому монастырю на село Радивоновское ²⁾. Удѣльные князья управляли, судили, собирали «пошлины» и требовали себѣ службы съ населенія ихъ владѣній, дѣйствуя черезъ своихъ наместниковъ, тивуновъ и другихъ «урадниковъ» ³⁾. Но рядомъ съ владѣтельными князьями рано существовали и князья служилые. Такъ въ числѣ «королевыхъ бояръ», упомянутыхъ въ числѣ свидѣтелей одной дарственной записи княгини Ульяны Семеновой Кобринской и сына ея Ивана, князя Семеновича, данной въ 1465 году, встрѣчаемъ Елюкима князя Корецкаго ⁴⁾. Итакъ, еще въ XV столѣтіи были двѣ группы князей—князья владѣтельные, владѣвшіе своими вотчинами-удѣлами и князья, вошедшіе въ ряды простыхъ бояръ, т.-е. землянъ-шляхты послѣдующаго времени. Само собою разумѣется, что общественное положеніе обоихъ слоевъ княжескаго класса было различно. Владѣтельные князья входили въ составъ старой великокняжеской рады Литвы ⁵⁾. Сеймовые листы въ XVI столѣтіи вызываютъ на сеймы не только врядниковъ, но и князей вмѣстѣ съ панами ⁶⁾. Когда реформы 1564—1566 годовъ создали совершенно иную, чѣмъ прежде, организацію политическаго, административнаго и судебнаго строя Княжества, вла-

¹⁾ См. *Θ. И. Леонтовичъ*. Очерки исторіи Литовско-Русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства. СПб. 1894.

²⁾ Вил. Арх. Сб. II. № 9. Ср. А. Ю. и З. Р. I. №№ 52, 58, 75, 199, 205.

³⁾ Вил. Арх. Сб. II. № 3. А. Ю. и З. Р. I. № 54.

⁴⁾ А. Вил. III. № 2.

⁵⁾ *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 326, 328, 334, 335, 348—352, 360 и др.

⁶⁾ *Ibidem*. Приложенія. Стр. 22, 23, 66—68, 83—84, 121—122, 131, 153—154, 164—165, 176—177, 205—206.

дѣтельные князья, какъ и паны, остались все-таки въ положеніи высшаго слоя народа-шляхты Литовской. Они вызывались на сеймъ, какъ правители обширныхъ территорій, имъ принадлежавшихъ, также какъ воеводы, кашталяны и врядники. Унія 1569 года лишила ихъ этого права. Соединившись съ Короною, Литва должна была принять и Коронный сеймъ въ томъ его составѣ, какъ онъ былъ организованъ въ эпоху Уніи.

Польскій сеймъ состоялъ изъ двухъ палатъ: сената и посольской избы. Первую составляли воеводы, кашталяны и высшіе врядники, вторую—послы отъ шляхты Королевства. На спольный Польско-Литовскій сеймъ, возникшій въ 1569 году, Литва должна была высылать одноименныхъ членовъ съ Коронными, и такимъ образомъ часть состава сейма Княжества отпала, не получивъ мѣста въ соединившихся сеймахъ Литвы и Короны. Князья, какъ паны и урядники земскіе и дворные, вызывавшіеся на Литовскій сеймъ въ эпоху до Уніи 1569 года, оказались не удовлетворяющими тѣмъ условіямъ, наличность которыхъ требовалась Короннымъ сеймомъ для права участія въ его засѣданіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, они не могли оказаться въ ряду сенаторовъ, ибо не соединяли со своимъ значеніемъ въ Княжествѣ званія воеводы, кашталяна, или высшаго врядника ¹⁾, ни членами посольской избы, если не были избраны повѣтовыми сеймиками, давшими имъ посольскія полномочія. Князья, какъ таковые, остались за дверями сената Польско-Литовскаго государства. Мы видѣли выше ²⁾, какъ они искали для себя мѣста въ сенатѣ въ эпоху, наступившую послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ, въ первое и второе безкоролья. Особенно энергично стремился къ сенаторскому креслу князь Слуцкій. Въ годы наступившаго послѣ второго безкоролья царствованія Стефана Баторія князь Слуцкій не переставалъ добиваться своего кресла, и даже Литовскіе повѣты вносили требованіе для него мѣста въ сенатѣ въ инструкціи своимъ посламъ сеймовымъ, и сеймы 1581 и 1585 годовъ слышали протестаціи становъ Литовскихъ и друзей дома Слуцкихъ князей ³⁾. Не получивъ, однако, мѣста въ сенатѣ, князья, какъ и паны, продолжали получать отдѣльные сеймовые листы, приглашающіе ихъ къ участію въ повѣтовыхъ сеймикахъ. Но, конечно, это оста-

¹⁾ Конечно, бывали весьма нерѣдко случаи занятія князьями воеводскихъ и кашталянскихъ урядовъ, и тогда князья по своимъ врядамъ входили въ сенатъ.

²⁾ Глава I. ³⁾ *Zródła Dziejowe*. Т. XI. №№ CLXXII, CLI.

валось лишь достояніемъ наиболѣе крупныхъ и владѣтельныхъ фамилій. Такъ, въ числѣ документовъ, входящихъ въ составъ «справы соймовой» 1571 года ¹⁾, находятся листы «до княжатъ, панят, то ест до князя Слуцкого, до пановъ Воловичовъ, до пановъ Глебовичовъ, до князей Лукомскихъ, до пановъ Зеновьевичовъ, до пановъ Завишъ, до князей Друцкихъ, до князей Кгедройтевъ, до князей Соколинъскихъ, до пановъ Остиковъ до Нарбутовъ» ²⁾. Въ Метрикѣ, какъ образецъ этихъ листовъ, находится листъ къ князю Слуцкому ³⁾, въ которомъ король приглашаетъ его отпра-

1) Лит. Метр. $\frac{II A}{56}$ л. 19 об. и сл.

2) Ibidem, л. 33 об.

3) Приводимъ этотъ документъ цѣликомъ. «Листы отъвороные тымъ обычаемъ. Жикгимонтъ Августъ. Князю Юрю Юревичу Слуцкому. Ознаймуемъ твоей милости, ижъ для великихъ а важныхъ потребъ земскихъ коруны Полское и великого князства Литовъского, яко одное сполное Речи Посполитое, которые за отъложенъемъ с прошлыхъ соймовъ выконанья skutecznego потребують, до чого приступили не меньшие потребности и небезъпечности земъские, тые тежъ омешканья жадного терепети не могутъ, а для того с повинъности наше господарское хотечи все ку доброму порадьку привести и в Речи Посполитой успокоенье вчинити, зложили есмо и складаемъ съемъ великий вальный спольный народомъ Польскимъ и Литовъскимъ у Варшаве на день Трохъ Кролей Римского свята, которое будетъ в року пришломъ семьдесятъ (л. 33 об.) второмъ. А ижъ водле статуту оногo панства нашего великого князства Литовского соймйки поветовые съемъ вальный чотырма неделями мают уперезжати, тогды соймкомъ во вьсихъ земляхъ воеводъствахъ и поветехъ складаем часъ певный у неделю, месеца декабра девятого дня в семь року семьдесятъ первомъ. Якожъ на тые соймйки до кожного повету послали есмо от насъ господара з наукою зупольною особъ певныхъ, черезъ которыхъ вси тые sprawy и потребности земские, што выконанья своего потребуеть, такъже и всякие небезъпечности, о чомъ на сойме вальномъ радити потреба, з науки, отъ насъ имъ на письме даное, всимъ станомъ оповеданы и достаточне а меновите озънаймены будутъ. А такъ штобы твоя милость, о томъ ведаючи а на соймикъ поветовый на часъ и ден помененый до повету належного, в которомъ головнейшие именя свои маешъ зъехавши, сполне з ьными князи, паны и врадники земскими и дворными, такъже з рыцарствомъ-шляхтою, которые ся тежъ на оный соймикъ зъедутъ, тыхъ всихъ потребъ земскихъ отъ посланца нашего с писма-науки наше, ему даное, выслушали и, не ждучи долго иншихъ, хто бы приехати омешкалъ, с тыми, которые ся зъедете, в тыхъ речахъ намову межи собою учинивши, послов с посродку себе, людей зацныхъ, мудрихъ и статечныхъ, которые бы ся о все доброе Речи Посполитое старали, обрали и, давши имъ зупольную, а не замероную от себе моць, до Варшавы на ден, сойму вальному зложоный, выправили и послали, жебы на сойме весполокъ з ьными станы коруны Полское и великого князства Литовского вси потребности, Речи Посполитой належачие, маючи не замероную моць (л. 34),

виться на сеймикъ того повѣта, гдѣ лежатъ самыя главныя его имѣнія, тамъ познакомиться съ тѣмъ, что сообщитъ сеймику королевскій посланецъ, и принять участіе въ сеймиковомъ обсужденіи дѣлъ и въ выборѣ пословъ повѣтовыхъ на сеймъ. Такимъ образомъ, князь Слуцкій приглашается королемъ принять участіе въ сеймиковыхъ занятіяхъ наравнѣ съ остальными обывателями повѣта. Какъ отличается этотъ листъ отъ листовъ эпохи до Уніи, которые получалъ тотъ же князь Слуцкій, приглашаемый тогда «обмышлять и радить» вмѣстѣ съ панами-радами государевыми ¹⁾, занимая въ «лавицѣ» радъ Литовскихъ второе мѣсто, садясь рядомъ съ бискупомъ Виленскимъ, выше даже остальныхъ бискуповъ Княжества! ²⁾ Понятны при сравненіи этихъ листовъ хлопоты князя Слуцкаго и князей Литовскихъ вообще о возвращеніи ихъ вновь въ составъ рады государевой послѣ Уніи 1569 года, изгнавшей ихъ изъ нея. Въ своихъ грамотахъ они вѣдь по прежнему величали себя «з ласки Божое княжа» ³⁾ и не могли безъ протеста и попытокъ борьбы съ новыми порядками отказаться отъ своего прежняго политическаго значенія. Иногда князя въ отличіе отъ великихъ князей Литовскихъ называютъ «княжата», какъ и говорилось также «панята», чтобы отличить пановъ хоругвныхъ отъ пана-господаря.

Исторія княжескихъ домовъ въ Литовскомъ великомъ княжествѣ представляетъ изъ себя постепенную демократизацію

скутечне справовати и становити могли. А инакъ с подданое веры своее и для ласки нашео господарьское, абы твоя милость не чинилъ. Писан у Варшаве, лет. Бож нарож. 1571 месеца октября 1 дня. Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{56}$ л. 33 об.— 34 об.

¹⁾ М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 335. Приложенія. Стр. 122 (1563 г.).

²⁾ Ibidem. Стр. 139.

³⁾ «Симеон Олелкович з ласки Божое княжа Слуцкое» (5 февр. 1572 года). Собрание Древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ (sic). Zbiór dawnych Dyplomatow i aktow Miast Mińskiej Gubernii, Prawosławnych Monasterów, cerkwi i w różnych sprawach. Минскъ. 1848. № 23. «Юрии Юрьевич Олелковича княжа Слуцкое». Ibidem. № 30 (15 дек. 1583 года). «Мы Юреи Юревич Олелковича княжа Слуцкое». Ibidem. № 26 (8 марта 1578 года). О немъ также говорятъ: «привилей княжати Юрю Слуцкому на замокъ Бобруйскъ доживотнымъ правомъ». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 308 об. и сл., «томуужъ княжати Юрю Юревичу Слуцкому варунокъ на Бобруйскъ», ibidem, л. 311 и об. и рядъ другихъ документовъ

большинства княжескихъ фамилій Литвы. Тутъ прежде всего нужно отмѣтить факторъ экономической. Княжескія вотчины раздроблялись, раздѣляемыя между сонаслѣдниками, или приходили въ разстройство отъ различныхъ причинъ, вродѣ опустошеній вражескими нашествіями и «лежами» жолнеровъ. На Городенскомъ сеймѣ 1568 года, напримѣръ, къ Сигизмунду Августу обратились князья Соколинскіе (Тимофей, Павелъ, Богданъ и Андріянъ) съ просьбою пожаловать ихъ имѣніями, гдѣ они могли бы помѣстить свои семьи: ихъ собственныя имѣнія разорены военными людьми ¹⁾. Демократизаціи княжескихъ фамилій способствовали и браки, заключаемые членами княжескихъ семей съ панами и простыми, рядовыми землянами. Такъ подскарбій дворный Литовскій Иванъ Андреевичъ Солтанъ былъ женатъ на Богданѣ Феодоровнѣ княжнѣ Четвертинской ²⁾, а княжна Щасная Юрьевна Боровская была замужемъ за простымъ земляниномъ Упитскаго повѣта Матвѣемъ Рокицкимъ ³⁾. Утративъ свое прежнее экономическое и политическое положеніе, князья вошли въ общіе ряды народа-шляхты Литовской, за исключеніемъ, конечно, князя Слуцкаго и подобныхъ ему крупнѣйшихъ князей Литвы, оставшихся сильными своимъ экономическимъ положеніемъ и на почвѣ его создавшихъ себѣ вліяніе среди повѣтовой шляхты и чрезъ это сохранившихъ и свое политическое вліяніе, но, однако, проявляя его уже не непосредственно, лично въ радѣ государевой, но черезъ своихъ «пріятелей» и экономически зависимую шляхту. Въ самомъ дѣлѣ, князей встрѣчаемъ на обычныхъ урядахъ и въ обычныхъ должностяхъ, занимаемыхъ и рядовою шляхтою. Встрѣчаемъ ихъ и лѣсничими ⁴⁾, и тивунами ⁵⁾, и старостами ⁶⁾, и подкоморіями ⁷⁾,

¹⁾ Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 496.

²⁾ Его завѣщаніе (24 авг. 1554 г.) Вил. Арх. Сб. VI. № 16. Ср. А. Ю. и З. Р. I. №№ 128, 208. ³⁾ А. Вил. XXVI. № 71 (1585 г.).

³⁾ Нпр., «листъ князю Полубеньскому на лесництво Слонимъское». Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. 4 об. и сл. (7 іюля 1576 г.).

⁴⁾ Нпр., «князю Михаилу Боровъскому на тивунство в земли Жомонтской Коршовъское потверженъе». Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 328 и об. (10 іюля 1577 г.). Ср. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 106—107 (7 мая 1574 года).

⁵⁾ «Князь Александро Полубеньскій староста Волъмерскій и Трикацкій державца Вилькейскій и Поюрскій». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 51 об. (3 мая 1574 года).

⁶⁾ Ж. М. Н. Пр. 1899. № 8. Стр. 352, прим. 4, 353.

и ротмистрами ¹⁾, и т. д., какъ и простыми землянами ²⁾. Встрѣчаемъ князей даже на службѣ у вельможъ. Князь Юрій Боровскій, на примѣръ, былъ маршалкомъ двора Виленскаго воеводы Глѣбовича ³⁾. Королевскія награды и пожалованія, которыя даются государемъ князьямъ, нисколько не выдѣляютъ ихъ по своимъ размѣрамъ изъ рядовъ награждаемыхъ. Такъ, князю Полубенскому Генрихъ Валезій пожаловалъ 8 мая 1574 года «до живота его» два села (Шуляки и Ярнево) волости Слонимскаго староства ⁴⁾.

Демократизаціи княжескаго класса въ Литвѣ способствовали и переходы въ Княжество князей изъ другихъ странъ и владѣній. Если переходъ въ Литовское подданство даже такихъ крупныхъ лицъ, какимъ былъ, на примѣръ, Андрей Михайловичъ Курбскій, не могъ не ослаблять значенія княжескаго класса, ибо выходцы получали земельныя пожалованія отъ государя и не были представителями князей-вотчинниковъ, то переѣздъ въ Литву князей Татарскихъ долженъ былъ ронять даже значеніе самаго княжескаго титула, такъ какъ князья, мурзы и уланы Татарскіе составляли какъ бы низшій слой шляхты, и въ пользу сокращенія правъ ихъ даже существовала въ Княжествѣ, какъ увидимъ ниже, замѣтная тенденція. Но едва ли не болѣе всего демократизаціи княжескаго класса способствовали реформы шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія и Унія 1569 года. Первыя ввели княжескія вотчины въ общія повѣтовые территоріи великаго княжества Литовскаго, подчинивъ ихъ повѣтовой администраціи и суду. Повѣтовый староста сталъ врядникомъ, компетенція котораго простиралась и на княжескія вотчины, а земскій судъ, составъ котораго избирался шляхтою, и подкоморій, вмѣстѣ съ замковымъ судомъ старосты, оказались судами и для самихъ князей. Вмѣстѣ съ тѣмъ новое дѣленіе на повѣты и новая военная организація Княжества, уничтожившая отдѣльныя хоругви для князей и пановъ хоругвовныхъ, поставила ихъ съ ихъ почтами въ общіе

¹⁾ Въ числѣ ротмистровъ пѣшихъ ротъ, которымъ были посланы 30 сент. 1569 года «листы на заслуженное», былъ, напр., князь Соколенскій. Лит. Метр. IIIA. $\frac{10}{10}$ л. 79 об. Ср. списки ротмистровъ ниже, въ этой же главѣ.

²⁾ Нпр. князь Левъ Ивановичъ Масальскій, земенинъ господарскій воеводства Берестейскаго. А. Вил. II. Стр. 6 и сл. (1584 г.).

³⁾ *Adam Boniecki*. Herbarz Polski. Część I. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Tom. II. Warszawa. 1900. Str. 56.

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 68 об.—69.

ряды рушившейся шляхты повѣта, подѣ общую для всего повѣта хоругвь. Это сдѣлали реформы 1564—1566 годовъ. Люблинская Унія dokonчила дѣло, закрывъ передъ князьями двери сената и выбросивъ ихъ изъ рядовъ пановъ-рады въ массу народа-шляхты. Унія замѣнила прежнія сенаторскія политическія права князей обще-шляхетскими, конечно, не лишивъ ихъ, однако, возможности создавать себѣ въ силу своего положенія и значенія въ повѣтѣ исключительное вліяніе на повѣтовую шляхту. Но вѣдь эта возможность была доступна князьямъ, также какъ и рядовымъ шляхтичамъ, которые сумѣли бы создать себѣ какими бы то ни было средствами вліяніе въ повѣтѣ.

Переходя къ изложенію положенія «пановъ» въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, мы должны будемъ въ значительной степени повторять то, что было сказано о князьяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ болѣе раннее время паны, также какъ и князья, стояли во главѣ своихъ земель, бывшихъ въ то же время и ихъ административно-судебными округами, которыми они владѣли и управляли съ феодалнымъ характеромъ власти. Исторія даже знаетъ пановъ, получившихъ княжескій титулъ, хотя этотъ титулъ былъ и совсѣмъ иного происхожденія, чѣмъ титулы старинныхъ княжескихъ фамилій. Мы имѣемъ въ виду примѣръ Радивиловъ, сдѣлавшихся князьями въ 1547 году по пожалованію императора Карла V¹⁾. Панскія земли принадлежали своимъ владѣльцамъ «со всимъ правомъ и панствомъ»²⁾, и послѣдніе были такими же правителями этихъ земель, какими являлись князья въ своихъ княжескихъ владѣніяхъ. Самое слово «панъ» употреблялось и при обозначеніи великаго князя и короля, и это говоритъ также въ характеристику власти пана въ земляхъ, ему принадлежащихъ. Въ началѣ XVI столѣтія паны, самостоятельно управляя своими землями, несли рядъ повинностей на государя. Эти повинности—военная служба, стаціи и подводы для господара, пословъ и гонцовъ и подати. Въ этомъ отношеніи положеніе пановъ и князей было совершенно одинаково³⁾. Неся повинность военной службы, князья и паны несли ее, не смѣшиваясь своими почтами съ остальными Литовскими землевладѣльцами. Во время собраній земскаго ополченія они становились въ эпоху до второго статута не подѣ одну общую съ остальными

1) *Adam Boniecki*. *Poczet Rodów w. W. Ks. Lit. w. XV i XVI wieku*. Warszawa. 1887. Str. 276 i 279.

2) *М. К. Любавскій*. *Обл. дѣл. и м. упр.* Стр. 312.

3) *Ibidem*. Стр. 830—832.

обывателями хоругвь, а ставили свои почты подъ свои собственные хоругви ¹⁾. Военныя силы, которыя выставлялись князьями и панами въ болѣе раннее время, были дѣйствительно велики. М. К. Любавскій, подсчитавъ цифры реестра 1528 года ²⁾, замѣчаетъ, что, напримѣръ, одинъ панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ съ сыномъ со своихъ имѣній выставлялъ на 64 ратника больше, чѣмъ всѣ землевладѣльцы хоругви Вилькомирскаго повѣта и приблизительно въ $7\frac{1}{2}$ разъ болѣе, чѣмъ всѣ бояре и мѣщане Витебской земли ³⁾. Гаштольды выставляли 466 коней, Кезгайлы—768, Радивилы—621, кн. Гольшанскіе—380 и т. д. ⁴⁾. Съ теченіемъ времени, конечно, картина экономическаго и военнаго могущества пановъ должна была измѣниться. Въ самомъ дѣлѣ, часть панскихъ имѣній перешла къ столу великаго князя послѣ прекращенія рода владѣльцевъ (нпр., Гаштольды), другая же часть ихъ, раздѣлившись между сонаслѣдниками, уже не представляла изъ себя прежняго источника силы и значенія для ихъ владѣльцевъ. Съ данными реестра 1528 года въ этомъ случаѣ очень интересно сопоставить данныя реестра Раковскаго пописа 1565 года ⁵⁾. Возьмемъ для примѣра хотя бы пановъ Юндиловъ. Въ 1528 году Павелъ Юндиловичъ выставлялъ 28 коней, его жена—10, Матей и Миколай Юндиловичи—8 ⁶⁾. Общее число коней Юндиловъ въ 1528 году было 46. Въ 1565 году панъ Станиславъ Юндиль отъ себя и отъ своей матери ставилъ 5 коней по-гусарски ⁷⁾, панъ Янъ Юндиль—3 коня и 2 драба ⁸⁾, панъ Малхеръ

¹⁾ Ср. М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 702 (прим. 400).

²⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{ПА}}{1}$. Часть этого реестра, относящаяся къ Волынской землѣ, издана—А. Вил. XIII. Стр. 19—21.

³⁾ М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 359.

⁴⁾ Ibidem. Стр. 355 и сл.

⁵⁾ «Реестръ попису войска господарского великаго князства Литовского, которое се пописовало збирать и пописовать в Ракове року от нароженя Сина Божого тисеча пять сотъ шестьдесятъ пятого месеца июля девятого дня за гетманства и справи его милости пана Миколая Радивила, воеводы Троцького, гетмана наивышшого великаго княз Литовског, старости Мерецького, державци Лидьского и Сутилиског. А пописовано тое войско через мене, Михала Григоревича Колсду, служебника его королевское милости». Рук. Имп. Публ. Библ. F. IV. № 82.

⁶⁾ М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 356 и прим. 182.

⁷⁾ «Панъ Станиславъ Юндиль отъ себе и отъ матки своей ставилъ почту своею коней 5 коньно, збройно, по усарску». Л. 6 об.

⁸⁾ «Панъ Янъ Юндиль ставилъ 3 кони в панцер, в приль, с тар, з деревни а два драба з ручницами». Ibidem.

Юндилъ—4 коня ¹⁾ и панъ Миколай Юндилъ—4 коня ²⁾. Такимъ образомъ, всего—18 коней. Цифры «почтовъ панячихъ», также какъ и «почтовъ князькихъ» въ реестрѣ пописа 1565 года ³⁾ вовсе не поражаютъ своею грандіозностью. Въ самомъ дѣлѣ князь Збаражскій выставилъ 12 коней, кн. Андрей Андреевичъ Лукомскій—15 коней, кн. Иванъ Любецкій—4 коня, кн. Андрей Вишневецкій 95 коней, кн. Александръ Свирскій—4 коня, панъ Стефанъ Роскій—14 коней, панъ Иванъ Горностай—30 коней, панъ Петръ Хребтовичъ—16 коней, панъ Иванъ Слушка—3 коня, панъ Николай Волчко—15 коней, панъ Миколай Павловичъ Сологубъ—5 коней и т. д. ⁴⁾. Итакъ, въ общемъ, несомнѣнно, замѣчается экономическій упадокъ княжескихъ и панскихъ фамилій въ эпоху, протекшую между изданіями перваго и втораго Литовскихъ статутовъ. Конечно, это должно было въ значительной степени облегчать введеніе князей и пановъ въ общіе ряды повѣтовой шляхты по несенію повинностей, состоявшееся въ эпоху втораго статута. Но не только въ дѣлѣ несенія повинностей князья и паны сравнивались съ рядовою шляхтою въ эпоху статута 1566 года, они подчинились и повѣтовому суду, созданному этимъ статутомъ. Такимъ образомъ, исполнилось, наконецъ, желаніе шляхты, чтобы князья и паны судились въ повѣтахъ, наравнѣ съ остальными обывателями, а не подлежали лишь суду самого государя и спеціально назначаемыхъ имъ для каждаго отдѣльнаго дѣла коммиссаровъ ⁵⁾.

Посмотримъ теперь на перемѣну въ политическомъ значеніи въ Княжествѣ, которая совершилась, благодаря Уніи 1569 года, съ панами такъ же, какъ и съ князьями. До учрежденія Литовскаго повѣтоваго сеймика королевскою грамотою отъ 30 декабря 1565 года ⁶⁾ князья и паны, какъ и маршалки и всѣ другіе урядники земскіе и дворные, приглашались на вальные сеймы лично, по ихъ положенію. Реформа 1565 года ⁷⁾ ввела пословъ повѣтовыхъ и

¹⁾ «Панъ Малхер Юндилъ 4 кони в пан, в прил, з оцепи». Л. 10

²⁾ «Панъ Миколай Юндилъ 4 кони в пан, в прил, з оцепи». Ibidem.

³⁾ «Реестръ попису» въ Раковѣ. Л. 5 об.—10.

⁴⁾ Къ вопросу о происхожденіи панскихъ фамилій можно указать на А. Вил. III. № 2 (6973 г. 19 февр.): Олександро Ходковичъ, Тышко братъ его; Ходко Евсеевичъ, Глядь братъ Ходковъ и др. имена.

⁵⁾ Ср. М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 579, 590.

⁶⁾ А. З. Р. III. № 38. Ср. Н. В. Стороженко. Западно-Русскіе провинціальныя сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Кіевъ. 1888. Стр. 6 и 7.

⁷⁾ О сеймикѣ Литовскомъ рѣчь идетъ во II томѣ настоящаго изслѣдованія.

такимъ образомъ приблизила Литовскій сеймъ по составу къ сейму Коронному. Однако, и послѣ этой реформы княжата и панята получали спеціальныя приглашенія на сеймы ¹⁾. Лишь Люблинская Унія лишила ихъ принадлежавшаго имъ прежде мѣста на сеймѣ. Дѣло въ томъ, что на Коронномъ сеймѣ, съ которымъ слился въ 1569 году сеймъ Княжества, были только сенаторы и послы земскіе. Княжата, панята, маршалки и врядники, за исключеніемъ земскаго и дворнаго маршалковъ, канцлера съ подканцлеромъ и земскаго подскарбія, оказались внѣ сената и посольской избы; на Коронномъ сеймѣ не было мѣстъ для нихъ, ибо тамъ не было такихъ же одноименныхъ Польскихъ членовъ.

Таковы перемѣны, которыя пережили паны вмѣстѣ съ князьями въ XVI столѣтіи. Перемѣны эти, мы видѣли, были совершены факторами экономического и политическаго характера. Могущественные своими земельными владѣніями въ прежнее время, князья и паны твердо держали и знамя своего значенія политическаго, притягивая къ себѣ подъ свою власть и «оборону» даже шляхту ²⁾, поддававшуюся имъ ради послѣдней. Но затѣмъ княжескія и панскія вотчины въ значительномъ числѣ ихъ перестали быть дѣйствительно крупными территоріями феодальнаго характера, а вымираніе нѣкоторыхъ фамилій передавало великому князю часть прежнихъ панскихъ и княжескихъ земель. Такимъ образомъ число крупныхъ пановъ и сильныхъ князей все уменьшалось. Конечно, это должно было благопріятствовать успѣхамъ демократически-шляхетской тенденціи, которая замѣтна въ ходѣ внутренней исторіи Княжества середины XVI столѣтія, завершившемся реформами 1564—1566 годовъ. Но часть пановъ и князей еще ранѣе слилась съ рядовою шляхтою, ставъ въ одинаковое

¹⁾ Ср. *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 732, 831. Въ «Титулахъ пановъ-радъ ихъ милости», находящихся въ 9-ой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской ($\frac{\text{III A}}{9}$ л. 160—163), встрѣчаемъ рядъ князей и пановъ, приведенный тамъ, очевидно, для разсылки сеймовыхъ листовъ. Вотъ онъ: «до княжатъ и панятъ—до князей Санкгушъковичовъ, до князей Ружынскихъ, до князей Збаражескихъ, до князей Вишневецъкихъ, до князей Четвертинъскихъ, до князей Друцкихъ, до князей Соколинскихъ, до князей Лукомъскихъ, до князей Масальскихъ, до князей Деречынскихъ, до всехъ пановъ Хребътовичовъ, до всѣхъ пановъ Шеметовъ, до пановъ Сологубовъ, до пановъ Нарбутовъ» (л. 162 об.). Въ этотъ же списокъ вписано, но другими чернилами и почеркомъ, поддѣланнымъ подъ почеркъ книги: «до князей Полтевовъ» и «до князей Горскихъ».

²⁾ *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 641.

съ нею экономическое положеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе политическаго и соціальнаго значенія шляхты Литовской приближало ее къ панамъ. Въ самомъ дѣлѣ, шляхтичъ-землянинъ прибрѣлъ также панскія права надъ своими подданными своихъ сель и мѣстечекъ. Такимъ образомъ, если князья и паны постепенно принижались въ своемъ значеніи въ Княжествѣ, то шляхта прибрѣтала въ своихъ шляхетскихъ имѣніяхъ тѣ же права надъ населеніемъ, которыя въ старину были достояніемъ однихъ князей и пановъ. Что же удивительнаго, что оба эти класса, наконецъ, слились и что слово панъ стало съ теченіемъ времени прилагаться ко всякому шляхтичу? Для князей и пановъ осталось лишь вспоминать о своемъ прежнемъ значеніи, читая въ универсалахъ обращеніе къ себѣ, прежде чѣмъ къ воеводамъ и врядникамъ, но въ дѣйствительности находясь въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и остальная шляхта Литовская.

Познакомившись съ тѣмъ, какое значеніе имѣли въ великомъ княжествѣ Литовскомъ князья и паны, перейдемъ теперь къ изученію того, чѣмъ были въ Княжествѣ старосты и державцы. Староства въ изучаемую эпоху были двухъ видовъ: староства судовыя и несудовыя. Старосты судовыя соединяли въ себѣ значеніе обыкновеннаго несудоваго старосты со значеніемъ главы повѣта, державшаго въ своихъ рукахъ администрацію и судъ не только надъ станами «простыми», но и надъ повѣтовою шляхтою. Познакомимся сначала съ несудовыми старостами и уже затѣмъ обратимся къ изученію положенія судовыхъ.

Прежде всего необходимо отмѣтить тожество по своему существенному значенію понятій несудоваго старосты и державцы. Въ самомъ дѣлѣ, акты смѣшиваютъ иногда очень характерно оба эти слова. Такъ «конфирмація пана Баки на чотыри села у волости Кгруштеньской» ¹⁾ называетъ этого пана Григорія Баку то державцою Рогачевскимъ, то Рогачевскимъ старостою ²⁾. Однако, съ

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 49 об.—52. Дата: Краковъ, 3 мая 1574 года.

²⁾ Въ началѣ документа читаемъ, что Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ «оповедалъ и добровольне вызналъ, ижъ его милость, маючи владность водле уфалы сойму Берестейского имени своими отъчизными и якимъ кольвекъ правомъ набытыми шафовати, воленъ будучы все огулом (л. 49 об.), або часть которую кому хочечи записати, а дознавши его милости з давъныхъ часовъ значъныхъ и добре накладныхъ, ужиточныхъ службъ и учиности приятельскихъ пріятеля его милости, пана Григоря Баки, державцы Рогачевского...» Но далѣе во вписанномъ въ настоящій листъ короля Генриха листѣ самого

другой стороны, языкъ актовъ и различаетъ державу отъ староства. Онъ говоритъ иногда: «в староство даемъ»¹⁾, а иногда— «в державу даемъ»²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что должно было быть въ понятіяхъ того времени и различіе несудоваго староства съ державою. Это различіе лежало въ размѣрахъ и значеніи жалуемыхъ въ держанье земельныхъ пространствъ. Вотъ, на примѣръ, что получилъ въ староство панъ Боркулабъ Корсакъ: замокъ «Дисненскій з местомъ и зо всими селы, к нему прислухаючими, а меновите, зъ селы Владычными Долицами Великими и Малыми, Весницкомъ, Путилковичи, дворцемъ Тетчою и з двема селы ку тому дворцу, Завечельемъ, Усвицою, Вороночомъ, Пискулы, Уличою и зъ селомъ Еванкомъ Манастырскимъ и зъ селомъ Игумениемъ, Мотырыном и теж зъ селомъ Игуменовомъ и зо всими доходы и пожытки тамошними»³⁾. Посмотримъ теперь, какъ перечисляютъ акты то, что входитъ въ составъ державы. «Готъ двор нашъ Шерешовскій з местомъ и зъ волостью и зо всими пожитки, на насъ и до скарбу нашего належачыми и прислухаючими, в держанье и въживанье доживотное ему есмо дали, яко то з особна привилеемъ нашимъ достаточне ему обваровано естъ и яко тая держава Шерешовская за листы и увяжъчимъ нашимъ ему подана будетъ»—читаемъ въ листѣ короля Генриха, писанномъ къ земскому подскарбію пану Николаю Нарушевичу 28 мая 1574 года въ Краковѣ⁴⁾ по поводу пожа-

Ходкевича стоитъ: «Янъ Ходкевичъ кграбя на Шклове и Мыши староста головный Жомойтскій... (далѣе перечислены всѣ его титулы) ознаймуемъ и чинимъ явѣно симъ нашимъ листомъ кожъдому, кому бы то о томъ ведати належало, ижъ, маючи мы владность водле рыцесу сойму Берестейского имени нашими отъчизными и якимъ правомъ набытыми шафовати, воленъ будучи все огуломъ, або часть которую кому хотечи записати, а дознавши есмо з давныхъ часовъ значныхъ и добре накладныхъ службъ и учинностей приятельскихъ приятеля нашего, пана Григоря Баки, старосты Рогачевского...» Л. 50 об. Старостою Рогачевскимъ названъ Бака и въ документѣ, озаглавленномъ—«лист пана Баки на села Верхстокъ, Курашово и инъшие до живота ему даны». Ibidem. Л. 48—49 об. (Дата: Краковъ, 18 апрѣля 1574 года).

¹⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 110. (Всѣ документы этой книги датированы Краковомъ и 1574 годомъ. Такимъ образомъ ихъ даты различаются только мѣсяцами и числами).

²⁾ Нпр., *ibidem*, л. 66 об.: «...в державу ему даемъ и, при немъ зоставуючи, то ему симъ листомъ нашимъ потвержаемъ...»

³⁾ «Привилей пану Боркулабу Корсаку на староство Дисенское». Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 2—2 об. (Дата: Кнышинъ, 25 марта 1566 г.).

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 116 об.—117 об.

лованія Шерешовской державы стольнику Литовскому пану Николаю Дорогостайскому ¹⁾. На первый взглядъ можетъ показаться, что отличительною особенностью староства отъ державы является замокъ, входящій въ составъ перваго. Но это предположеніе разрушается сейчасъ же самими актами. Въ одномъ изъ нихъ читаемъ: «Жикгимонтъ Августъ Божью милостью королъ Польскій etc. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, штожь маючи есмо в милостивой памети нашей службы державцы Крычевского небожчика пана Анъдрея Шолухи, которыми онъ отъцу нашому славное памети королю его милости Жикгимонту на послугахъ его милости господарскихъ и земскихъ такъже и намъ господару, а особливе на замку нашомъ украинъномъ Кричеве державцою будучи, яко доброму а веръному слуге належало ласку нашу заслуговалъ, не мней тежь маючи ласковый взглядъ на службы дворанина нашего пана Костенътина Шолухи сына его, яко онъ, не упослежаючи цнотливыхъ поступковъ отъца своего на дворе нашомъ, намъ господару служаши, в тыхъ послугахъ своихъ добре ся намъ подобал, а хотячи его ещче впередъ ку службамъ нашимъ тымъ охотнейшого учинити, дали есмо тому дворенину нашому пану Костенътину Шолусе, якожь и симъ листомъ нашимъ даемъ, держанье, замокъ нашъ Кричевскій з местомъ и зъ селы, з бояры и зо всими людъми, к нему прислухаючими, и с пожитками, отътоль на державцу тамошнего приходячими...» ²⁾ Ближе къ истинѣ будетъ предположеніе, что въ языкѣ изучаемой эпохи староство несудовое понималось просто, какъ болѣе обширная по размѣрамъ пространства, въ нее входящаго, держава. Трудно, конечно, установить тутъ предѣлъ пространства, за которымъ держава начинала называться староствомъ, но несомнѣнно, что слишкомъ небольшая, въ нѣсколько деревень всего, держава староствомъ назваться не могла.

Староства и державы жаловались королемъ въ награду за службу и во вниманіе къ заслугамъ лицъ, получавшихъ ихъ, или же отдавались въ залогъ кредиторамъ скарба съ правомъ выбирать изъ доходовъ отданныхъ королемъ земель деньги, ссуженныя скарбу. Случалось, что оба способа передачи королемъ

¹⁾ «Листъ пану Николаю Дорогостайскому и до Яроша Кречевъского о державу Шерешовскую». Ibidem, л. 115 об.—116 об. (Ярошъ Кречевскій—прежній державца Шерешовскій, отъ котораго эта держава отбирается для передачи Дорогостайскому).

²⁾ «Привилей Костентину Шолусе на староство Кричевъское». Лит. Метр. I A
49 л. 3—3 об. (Дата: Кнышинъ, мартъ 1566 года).

староствъ и державъ соединялись, и онѣ давались въ держанье какъ для уплаты ссуженнаго скарбу, такъ и за службы получающаго ихъ. Примѣромъ пожалованія въ награду за службу можетъ служить упомянутое уже выше пожалованіе Дисненскаго староства пану Боркулабу Корсаку. Въ привилеѣ, данномъ ему, король говоритъ: «ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, ижъ, маючи есмо ласкавый взглядъ на службы ротмистра нашего пана Боркулаба Ивановича Корсака, который с предковъ своихъ ку предкомъ нашимъ, а звлаца онъ самъ, бываючи в немалыхъ битвахъ а мужне се зостановляючи на противко неприятелемъ нашимъ, не литовалъ здоровья с проливаньемъ крови своее, чимъ намъ господару и речи посполитое земское верне ся и цнотливе заслужыл и въ инъшихъ кождыхъ службахъ, на него преложеныхъ, добре ся намъ завжды подобалъ, а хотячи мы его еше упередъ ку службамъ нашимъ господарскимъ тымъ охотнейшого способити, дали есмо ему, якожъ и симъ листомъ нашимъ даемъ, в держанье до живота его замокъ нашъ Дисненскій з местомъ и зо всеми селы, к нему прислухаючими» и т. д.

Какъ на примѣръ полученія державы кредиторомъ скарба, можно указать на пожалованіе, о которомъ говоритъ «листъ князя воеводы Троцкого на Жосле и на Бражоло» ¹⁾. Но иногда дер-

¹⁾ Вотъ этотъ документъ: «Генрикъ Божию милостью etc. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всимъ посполите и кожъдому з особна, кому бы того была потреба ведати, ижъ што король его милость и великий князь славное памяти Жикгимонтъ Августъ на потребы свои господарьские и земские рачилъ позичити и възяти до скарбу земского великого князства Литовского у воеводы Троцкого князя Стефана Андриеевича Збаражского певную суму пенезей три тисечи таляровъ в року 1563-мъ мца июля третего дня черезъ руки пана Троцкого подканъцлерого великого князства Литовского старосты Берестейского и Кобрынського, на онъ часъ будучи его милости подскарбимъ земскимъ великого князства Литовского, а к тому тежъ што за доходы волости Упитъское, отъ воеводства Троцкого до столу нашего господарьского приверненые отъ предковъ нашихъ королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ поступлено-упривилъевано на воеводство Троцкое в кожъдый годъ зъ скарбу нашего земского по семи сотъ копъ грошей личьбы Литовское воеводе Троцкому давати, того юркгельту за рокъ прошлый 69-й двухъ сотъ и осмидесятъ копъ грошей, а за чотыри годы, то есть за рокъ 70-й, 71-й, 72-й и 73-й, по семи сотъ копъ грошей, то ест (л. 7 об.) всего сумою трехъ тисечи и осмидесятъ копъ грошей князю воеводе Троцкому не заплачено. Которое все сумы, кладучи таляръ по 26 грошей Литовскихъ и по 4 пенези. чинить копъ 1320 копъ грошей, а к тому приложивши тотъ юркгельтъ на воеводство Троцкое, его милости упривилъеванный а за тые роки помененые его милости не заплачены, всего сумою чинить копъ 4400. П ждалъ насъ князь воевода

жава жаловалась въ одно и то же время какъ въ награду за службу, такъ и въ залогъ взятыхъ скарбомъ заимообразно

Троцкий, абыхъмо тую суму пенезей зъ скарбу нашего заплатити и отъдати его милости велели. А ижъ для пыльныхъ потребъ нашихъ господарьскихъ и земскихъ тая сума помененая готовыми пенезми зъ скарбу нашего на сесь часъ заплачона быти не могла, ведже не хотечи, абы панъ воевода Троцкий на томъ шкодовалъ, з волею и ведомостью пановъ-рад ихъ милости и врьдниковъ земскихъ, при насъ будучихъ, в той всей суме пенезей 4400 копахъ грошей zostавили и завели есмо и симъ листомъ нашимъ zostавуемъ и заводимъ вперед менованому воеводе Троцкому князю Стефану Зборажскому двори наши, то есть двор и местечко Жосли и двор Брожоло с фольварки тыхъ дворовъ, з гумънами, дворцами, зъ селищами, зъ сады, з огороды овощными и пашными (sic—описка, вмѣсто пашнями), дворными, с полями и зо всеми землями пашными и непашными и сеножатями, зъ зарослями, з лесы, з борами, с пуцями, зъ озеры, ставы, ставищами, з млыны и з ихъ вымелъки, з реками, з речъками и зъ езами, з берегами и зо всеми входы, з ловы зверинными, рыбными и пяташими и бобровыми гоны, з мещаны Жосленьскими (л. 8) и зъ ихъ капъцизноу, зъ слугами путными, з людьми тяглыми и осадными и зъ ихъ служъбами, платы и доходы и въсякими пожитки и зо всемъ тымъ, яко ся тые двори и фольварки наше Жосли и Бражоло и местечко Жосленьское сами в себе и во въсихъ пожитъкохъ своихъ мають и яко то черезъ ревизоровъ нашихъ постановълено и до реестровъ скарбныхъ описано есть, ничого на насъ господара не zostавуючи а ни уймуючи. Маеть князь воевода Троцкий за симъ листомъ нашимъ тые двори, местечко и волость помененую держати и всихъ пожитъковъ, на насъ и на врьды наши тамошние прислухаючихъ и належачихъ, вживати, всихъ мещанъ и подданныхъ нашихъ судити, рядити и зъ нихъ справедливость чинити и винныхъ винами карати подлугъ выступу ихъ, ажъ до отъданья его милости на рокъ в семь листе нашомъ, нижей описаный, тое все сумы пенезей спольна, 4400 копъ грошей. Якожъ на початги держанья заставнымъ обычаемъ и выкупенье тыхъ дворовъ Жосель и Бражела и местечка Жосленьского складаемъ рокъ певный, то есть, почавши отъ свята, блиско пришлого светого Войтеха Рымского свята, которое будетъ в року нинеидучомъ 1574-мъ месеца апреля 23 дня до такогожъ другого свята светого Войтеха, которое будетъ в року пришломъ 75-мъ месеца апреля 23 дня, на который рокъ маемъ мы з скарбу земского тую суму пенезей 4400 копъ грошей князю воеводе Троцкому казати отъдати, а тые двори и местечко Жосли (л. 8 об.) с тымъ, щимъ его милости подано, до рукъ нашихъ взяти. А где бы есмо на тотъ рокъ, вышей помененый, оное сумы, вышей меновите описаное, князю воеводе Троцкому з скарбу нашего не отъдали, тогды его милость год до году тые двори помененые, фольварки и местечко Жосли з волостью, с тымъ дворомъ прислухаючою, и зо всемъ держати и всихъ пожитъковъ уживати маеть до того часу, покуль алиж оная вся сума пенезей ему, або потомкомъ его, або тому, кому бы то онъ по животе своемъ записалъ, зъ скарбу нашего на рокъ, вышей описаный, отъдана и заплачона зупольна будетъ. А по тотъ весь часъ держанья своего князь воевода Троцкий с тыхъ дворовъ, местечка, фольварковъ и волости у скарбе нашомъ некоторое личьбы делати,

у даннаго лица денегъ. На коронаціонномъ сеймѣ 1574 года, «при бытности ихъ милости пановъ-радъ» королевскихъ «духовныхъ и

такъ тежъ и до жадныхъ работъ нашихъ людей посылати не будетъ повиненъ. Межи тыхъ роковъ описанныхъ мы сами и потомки наши оныхъ дворовъ и места и волости наше у князя воеводы самого и потомковъ его милости и у того, кому бы его милость то записалъ, окуповати, з рукъ з моцы и зъ держанья его выймовати и никому с того его милости скуповати дозволити и въ таковой суме, а ни в большой вжо тыхъ дворовъ, места и волости заставовати и заводити не маемъ, одно з властного скарбу земского розказати окупити то маемъ. И то тежъ симъ листомъ нашимъ обьваровываемъ, ижъ с тыхъ дворовъ и фольварковъ и местечька Жосленьского князь воевода Троцкий и его потомки и тотъ, кому бы то онъ по животе своемъ записалъ, служьбы земской военной служити и почьту некоторого ставити не будетъ повиненъ. А где бы в томъ часе которого року за держанья пана воеводы самого, або того, кому бы то онъ записалъ, серебьщизна, або податокъ (л. 9) який же кольвекъ на всихъ подданныхъ замковъ, дворовъ, местъ и волостей нашихъ отъ насъ господара положонъ и постановленъ былъ, тогда черезъ вьрядники свои тамошние с тыхъ подданныхъ нашихъ оны (sic) податокъ водле постановенья нашего выбирати и до скарбу нашего отьдавати и личьбу с того в скарбе нашемъ делати повиненъ будетъ. А покуль сума, верху помененая, зупольна зъ скарбу нашего князю воеводе Троцкому и потомкомъ его милости, або тому, кому бы то его милость по животе своемъ описалъ, не будетъ отьдана, мы господаръ сами и потомки наши во вьсякие пожитьки тыхъ дворовъ, местечька и волости ничимъ се уступовати, сель, людей, земель никому отьдавати, ревизоровъ и дворанъ нашихъ до тыхъ дворовъ нашихъ Жосель и Бражоль на ревидоване и ни для чого иного всьлати не маемъ; такъже если бы за держанья князя воеводы Троцкого, або того, кому то его милость запишетъ, шкоды якие кольвекъ з допущенья Божего поветреемъ моровымъ, або от огьна, або отъ неприятеля и людей служебныхъ стали, тогда мы сами и потомки наши его милости самому и потомкомъ его милости и тому, кому бы то по животе своемъ его милость отьписалъ, при отьданью сумы вытручатъ и потомъ поискивати на немъ не будемъ и не маемъ, але сума его милости, в скарбъ земский дана, гинуть не маеть. А хотя бы изьнищели подданные наши, маеть быти имъ отъ насъ и отъ потомковъ нашихъ спольна отьдана, або где на иньшие именья наше перенесена. Над то тежъ вольно будетъ князю воеводе Троцкому и потомкомъ его милости и тому, кому бы то онъ по животе своемъ отьписалъ, потребуючи пенезей, оные дворы и местечько помененое за симъ же (л. 9 об.) листомъ нашимъ в таковой, а не в большой суме пенезей кому хотечи записомъ своимъ зоставити и завести, а тотъ, кому то они зоставять и записомъ своимъ заведуть, такъже во всемъ моцю сего запису нашего и артыкуловъ, в немъ описанныхъ, держати и вьживати маеть до зупольной заплаты 4400 копъ грошей на рокъ, в семь листе нашемъ описаный. А ижъ королева ей милость Польска, паньна Ганьна, до двора, места и волости Жосленьское право свое быти менуеть, про то, естли бы ей милость того дошла, тогда тая сума пенезей, што бы се на Жосли вытрутитъ пришло, зъ скарбу нашего князю воеводе Троцкому заплачено, або на иньшомъ именью нашемъ записано быти маеть. И на то дали есмо его

свещкихъ, оповедалъ и жаловалъ» передъ королемъ Генрихомъ панъ Владиміръ Семеновичъ Заболоцкій. Содержаніе его заявленія было слѣдующее. Сигизмундъ Августъ взялъ у Заболоцкаго и «въ малъжонки его, паней Алены Череповичовны», въ земскій Литовскій скарбъ шесть тысячъ Литовскихъ грошей, считая въ каждомъ грошѣ по 10 бѣлыхъ пенезей. «Яко в той сумѣ пенезей, такъ и за служъбы его, которіе онъ его королевской милости чинилъ», Сигизмундъ Августъ «рачилъ былъ» ему и его женѣ «в держанье дати» замокъ Ляховичи съ принадлежащими къ нему мѣстомъ, фольварками и всею волостью. Держава эта дана Заболоцкому «до живота его и малъжонки его, вышей мененое, под такимъ способомъ, ижъ онъ и малъжонка его, держачи оный замокъ, вси фольварки и волость Ляховицкую, всякие пожитъки до рукъ своихъ выбираючи, только з доходов и цынъшов голыхъ личъбу до скарбу его королевское милости чинити и, што бы се зъ оныхъ доходовъ и цынъшовъ голыхъ Ляховицкихъ сумы пенезей которого року з личъбы оказати мело, то они в суму пенезей шести тысячей копъ грошей втручати мели; а фольварки, млыны и иные всякие пожитъки Ляховицкіе, ничего з нихъ до скарбу его королевское милости не даючи и личъбы не чинячи, на себе держали». Державу эту панъ Заболоцкій имѣлъ «в спокойномъ держаньи», принося аккуратно «личбу» съ нея, вплоть до послѣдняго дня декабря 1569 года. За это время онъ «выбралъ з доходовъ Ляховицкихъ» 2418 копъ 23 гроша и 5¹/₂ пенезей, такъ что «ему еще было винъно с тое державы избирати» 3581 копу 36 грошей и 4¹/₂ пенезя. Но Сигизмундъ Августъ «оное именье Ляховицкое зо всимъ, якъ се в себе маеть, з нарушеньемъ права его и малъжонки его доживотъного дати рачилъ в отъмену» Яну Еронимовичу Ходкевичу за его Свислочьское имѣніе, взятое королемъ «к рукамъ своимъ». Мы не станемъ входить въ дальнѣйшее изложеніе документа ¹⁾, такъ какъ мы уже привели изъ него то, что нужно для характеристики пожалованія державы за службу и за долгъ скарба одновременно.

Не слѣдуетъ думать, чтобы державы давались исключительно панамъ и шляхтѣ. Могло случиться, что нужда въ деньгахъ была

милости сесь нашъ листъ с подписомъ руки наше господарское и з нашою печатью.» Дата: Краковъ, 27 апрѣля 1574 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 7 об.—10.

¹⁾ «Лист пана Виленского на Ляховичи и на Свислочь». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 15 об.—18 об. Дата: Краковъ, 3 апр. 1574 года.

такъ настоятельна, что не было возможности ожидать, пока найдется шляхтичъ, имѣющій свободныя деньги для ссуды скарбу, и приходилось закладывать столовыя имѣнія даже нешляхтичамъ. ¹⁾ Что касается до срока, на который давались державы, то тутъ встрѣчаемъ слѣдующія разновидности. Прежде всего держава могла даваться «в держанье и въживанье доживотное» ²⁾,

¹⁾ Сигизмундъ Августъ, «маючи ласкавое баченье на великие, значные и яко королю его милости, такъ всей речи посполитой паньствъ нашихъ пожиточные заслуги его милости дати ему рачилъ в державу замокъ и место Ковно, двор Румъшишъки зо всеми волостьми и селы, ку Ковну и Румшишъкамъ прислухаючими. А ижъ на томъ старостве Ковеньскомъ певные особы немалые сумы пенезей, отъ короля его милости предка нашего записаные, мели и тое староство Ковеньское и двор Румъшишъскій заставою держали, тогды его королевская милость пану Виленьскому, оные сумы пенезей тымъ особам, которые то заставою держали, отъложивши, то ку ономужъ староству Ковеньскому держати позволити рачилъ. Где онъ, за тымъ позволенемъ его королевское милости оное староство Ковеньское и державу Румшишъскую окупуючи, властныхъ пенезей своихъ князю Ярославу Матьфеевичу Микитича за замокъ, место и волость Ковеньскую две тысячи копъ грошей, хоружому Ковеньскому Яну Выдре а Бальцеру Райскому за двор, местечько и волость Румъшишъскую три тысячи копъ грошей, Станиславу (л. 46) Рокницкому за село Скребинны 400 копъ грошей, подкоморому Ковеньскому Войтеху Девалятовскому за село Бопъты 400 копъ грошей, тивуну Тверскому Анъдрею Илькговскому за село Вирсвидово 500 копъ грошей, тивуну Дервяньскому Яну Кградовскому за села Ковеньские Конюхи, Анъкгутово и Вежъкговичи 620 копъ грошей. Того всего выдалъ его милость, окупуючи тое староство Ковеньское и державу Румъшишъскую, 6920 копъ грошей, все на личьбу великого князства Литовского. Якожъ записы короля его милости отъ тыхъ особъ, которые то в заставе отъ короля его милости мели, его милость освободилъ и до рукъ своихъ взялъ, а оное староство Ковеньское и двор Румъшишъскій спокойне одержалъ, нижли, кгда короля его милости продка нашего панъ Богъ до хвалы своее зъ сего света поволати рачилъ, тогды некоторые панове-рады наши, при теле его королевское милости у Кнышине будучие, для великихъ а пильныхъ потребъ земскихъ, а меновите для освобоженья замьку Пернавъского, в земли Лифлянтъской лежачого, ужили его милости в томъ, ижъ онъ, уступивши права своего, фольваркъ Ковеньскій по Немоне и к тому селъ пять, то есть Виршведу, Войшведу, Поспъты, Роканы и Шлелювъ з людьми, в оныхъ селахъ оселыми, и зъ ихъ всякими пожитьки завести позволилъ *подданому нашему Якубу Гинъцы* в певной суме пенезей в 4000 копъ грошей, личбы Литовское, што есть помененому Якубу Гинъцы отъ пановъ-рад наших заведено...» «Листъ пану Виленьскому на Ковно». Лит. Метр. $\frac{IA}{57}$ л. 46—48. Данъ королемъ Генрихомъ въ Краковѣ 20 апрѣля 1574 года.

²⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{IA}{57}$ л. 116.

«до живота»¹⁾, и такую «державу доживотную»²⁾ имѣлъ въ своихъ рукахъ ея владѣлецъ «з доживотьемъ»³⁾, «доживотнымъ правомъ»⁴⁾, т.-е. пожизненно. Рядомъ съ пожалованіями державъ и имѣній въ пожизненное обладаніе стоятъ державы, жаловавшіяся «до двухъ животовъ»⁵⁾. Такъ, 7 мая 1574 года Генрихъ Валезій подтвердилъ ротмистру королевскому Криштофу Пирхлинскому, «ему самому, жоне его до двухъ животовъ ихъ» 35 волокъ, пожалованныхъ Сигизмундомъ Августомъ⁶⁾. Кромѣ того, держава могла быть пожалованною и «до воли и ласки» государевыхъ⁷⁾. Но кромѣ пожалованій въ обладаніе пожизненное или «до двухъ животовъ», т.-е. пожалованій въ полномъ смыслѣ этого слова, княжество Литовское широко пользовалось столовыми королевскими землями, какъ залогами, отдаваемыми кредиторамъ скарба за ссуды, ему оказываемыя. При такихъ залогахъ, конечно, срокъ владѣнія державою кредиторомъ скарба опредѣляется уплатою ему денегъ, взятыхъ у него въ скарбъ. Такъ, въ листѣ, данномъ Генрихомъ Валезіемъ 28 марта 1574 года на Шерешовъ Литовскому стольнику Николаю Дорогостайскому⁸⁾, выплатившему деньги прежнему державцѣ Шерешовскому, которому эта держава «заведена» была Сигизмундомъ Августомъ «в певной сумѣ пенезей», говорится: «а кгда бы онъ самъ зъ сего света зышолъ, тогды и въ потомковъ его мы сами и потомъки наши оное державы Шерешовское брати и ничимъ рушати не маемъ, ажъ оная сума пенезей, которую панъ стольникъ Кричевскому дастъ, зт.

1) Нпр., *ibidem*, л. 47. об. 2) Нпр., *ibidem*, л. 42, 43.

3) Нпр., *ibidem*, л. 17.

4) Нпр., *ibidem*, л. 117 об. («...ведаючи о доживотномъ правѣ пана стольникова на той державѣ, отъ насъ даномъ...»)

5) Нпр., *ibidem* л. 52 об., 80 об., 88, 107.

6) «Маеть впрод речоный Криштофъ Пирхлинскій водлугъ поданья и листу увяжъчого Михала Боровского (тивунъ Коршовскій) у войтовстве Полякъменскомъ село Биржелявки волокъ 8, село Лабъвардзе волокъ 18, село Вериче волокъ 4, а у войтовстве Облиньскомъ в селе Ведрахъ волокъ 5, черезъ слугу пана Виленскаго, Станислава Жука, ему поданые и в листехъ ихъ увяжчихъ достаточне описаные . . . . . держати и въживати» и т. д. *Ibidem* л. 107.

7) Нпр., «листъ пану Грыгору Войне на державу Радошковичы». Лит. Метр. $\frac{III A}{10}$ л. 35—35 об. Дата: Люблинь, 8 мая 1569 года. См. ниже, стр. 278 и 279, примѣчаніе 6.

8) Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 4 об.—6.

скарбу нашего потомкомъ его сполъна отъдана и заплачона будетъ». Иногда въ листахъ на «заставы» опредѣляется срокъ, на который «заводится» держава, но тутъ же прибавляется, что, если уплаты скарбоваго долга въ срокъ не послѣдуетъ, то время обладанія для державцы его державою будетъ продолжаться съ году на годъ ¹⁾. Держава, заведенная въ заставу, является достоянiемъ владѣльца въ силу гражданскаго права, которое онъ имѣетъ на нее, получивъ ее въ залогъ заимообразно данныхъ государству денегъ. Но если державца, получившій «в суме пенезей» державу, не исполняетъ условій, на которыхъ она ему заведена, то, въ такомъ случаѣ, держава можетъ быть отобрана отъ него и передана другому лицу, уплачивающему, однако, этому кредитору скарба его деньги, не возвращенныя еще ему государствомъ. На такихъ основанiяхъ, на примѣръ, была отобрана въ 1574 году Шерешовская держава отъ землянина Яроша Кречевскаго и передана стольнику Княжества Николаю Дорогостайскому ²⁾. Но нарушеннымъ актъ сдѣлки государства съ его кре-

¹⁾ Нпр., въ документѣ, озаглавленномъ «лист пана Сновъского на Куренець» (*ibidem*, л. 53—54 об.), читаемъ, что ему передается держава Куренецкая на два года, «почавши отъ свята светого Станислава в року нынешнемъ 74-мъ, ажъ до таковогожъ свята светого Станислава, которое будетъ в року пришломъ 1576-мъ, на который часъ маемъ мы тую всю суму пенезей, то есть 3400 копъ грошей Литовскихъ, пану Сновскому, або потомкомъ его зъ скарбу нашего отъдати, а тую державу Куренецкую зо всимъ с тымъ, яко ся вышей поменило, до рукъ нашихъ взяти. А где быхмо на тотъ рокъ помененый оное сумы пенезей его 3400-ть грошей ему зъ скарбу нашего не отъдали, тогды онъ и потомки его вжо год от году, то есть от свята светого Станислава, ажъ до другого таковогожъ свята, помененый двор Куренецкый с тымъ всимъ, с чимъ ему перво сего отъ короля его милости предка нашего заведенъ, такъже з бояри Куренецкими и именьями ихъ, с пущею тамошнею и зъ гоны бобровыми держати и въживати мает до того часу, ажъ тая вся сума пенезей (л. 54) имъ отъ насъ зъ скарбу нашего на самый рокъ, выкупу зложоный, верху описанный, сполъна отъдана и заплачона будетъ...»

²⁾ Вотъ «листъ пану Миколаю Дорогостайскому и до Яроша Кречевскаго о державу Шерешовскую» (*ibidem*, л. 115 об.—116 об.)—«Генърикъ Божию милостью корол Полский великий князь Литовский. Земенину нашему Ярошу Кречевскому, а в небытности его самого въ Шерешове, ино враднику его тамошнему и хтожъ бы колвекъ отъ него двор, место и волост нашу Шерешовскую в заведанью и въ справе своей мель. Што первой того (л. 115 об.) славное памети корол и великий князь Жикгимонтъ Августъ, предокъ нашъ, тотъ двор, место и волость Шерешовскую в некоторой певной суме пенезей тебе завести рачилъ под тымъ обычаемъ, ижъ ты оную суму пенезей, которую еси на тую державу Шерешовскую был далъ, водле порахованья выдерживати

диторомъ можетъ быть не только въ ущербъ государству, но и въ ущербъ самому кредитору. Въ такомъ случаѣ правительствомъ должны быть охранены интересы послѣдняго и возмѣщены его убытки. Въ листѣ, данномъ Генрихомъ 27 апрѣля 1574 года Троицкому воеводѣ князю Стефану Андреевичу Збаражскому на «заведенные» ему въ 4400-хъ копахъ грошей дворы Жосли и Бражоло, читаемъ: «а ижъ королева ей милость Польска панъна Ганъна

и о томъ, што се выдержитъ, достаточную ведомост дати, а овсы дякольны на кони его королевское милости предка нашего до Слонима отъсылати еси мель, тогда ты якъ рахунку, што которого року за держанья твоего сумы своее себе еси взялъ и выдержалъ, не оказывалъ, такъ и овсовъ дякольныхъ на кони его королевское милости предка нашего до Слонима не отъсылалъ ку немалой шкоде скарбу земского великого княства Литовского и тымъ самъ еси себе право свое, если бы съ которое мель, нарушилъ и его утратилъ. А такъ, маючы залецонные в насъ верные и цнотливые службы и заслуги столпника нашего великого княства Литовского, деръжавцы Веленьского пана Миколая Дорогостайского, которыми онъ з молодости летъ своихъ, яко на дворе его королевское милости предка нашего отъ немалого часу будучи, такъ и въ потребахъ речы посполитое до войскъ роты и немалые почъты людей водячы и на соймехъ бываючи, з немалыми утратами маетности своее верне, годне, пильне и въставичне в служъбахъ его королевское милости и въ потребахъ речы посполитое ся заховалъ, тотъ двор наш Шерешовский з местомъ и з волостью и со всеми пожитки, на нас и до скарбу нашего належащими и прислухающими, ему в держанье и въживанье доживотное дали, яко то зособна привилъемъ нашимъ достаточне ему объваровано естъ. Якожъ и въвезати его в то послали есмо дворенина нашего, урожноного Малхера Райского, который, кгда там до Шерешова приедеть и в то его увяжет, приказуемъ тебе, ажъбы еси ничимъ ему в томъ противенъ не былъ и в тотъ двор нашъ и въ мѣсто, у волость тамошнюю и в жадные пожитки тое державы Шерешовское черезъ то ничимъ се не уступовал. А што се дотычет сумы, отъ тебе на то взятое, тогда, ачъ кольвекъ за невшполненьемъ через (л. 116) тебе самого обовязковъ, в справе твоей описаных, и оное сумы пенезей, хотя бы еси еще которое части не выбралъ, за таковымъ невыполнениемъ обовязков, в праве твоёмъ описаныхъ, отъпадати слушне еси мель, а ведже мы, не зычечы никому с подданныхъ нашихъ шкоды на властности его, на томъ есмо постановили, жебы еси в скарбе земскомъ великого княства Литовского порахованъе о томъ учинилъ и, чого будешъ сумы своее по тые прошлые лета держанья своего не выдержалъ, и вытрутивши то, што еси овсы дякольные задержалъ и ихъ на кони его королевское милости предка нашего до Слонима не отъсылалъ, то все, што тое сумы на тую державу, от тебе данос, еще будешъ не добралъ, от подскарбего земского пана Миколая Нарушевича тебе заплачено и отъдано будетъ». Дата: Краковъ, 28 марта 1574 года. Вслѣдъ за этимъ документомъ въ 57-ой книгѣ Записей Метрики Литовской помѣщенъ «о томъ же листѣ, писанный до пана подскарбего земского» (л. 116 об.—117 об.).

до двора, места и волости Жосленьское право свое быти менуеть, про то, естлибы ей милость того дошла, тогда тая сума пенезей, што бы ея на Жосли вытрутит пришло, зъ скарбу нашего князю воеводе Троцъкому заплачно, або на инъшомъ имению нашомъ записано быти маеть» ¹⁾. Давая державу въ залогъ, король можетъ и передать ее другому, если этотъ другой возвратитъ кредитору скарба, владѣвшему прежде, его деньги ²⁾. Такъ, въ привилеѣ, данномъ Генрихомъ 10 апрѣля 1574 года пану Яну Зборовскому на Дубно ³⁾, стоитъ: «а ижъ оная держава Дубенская отъ предка нашего славное памети Жикгимонъта Августа ложъничому его королевское милости, небощику Лукашу Ленъцкому, малжонъце и детемъ его в двух тисечахъ копахъ грошей личъбы Литовъское обычаемъ зоставы заведена, тогда панъ Янъ Зборовъский тую суму пенезей всю спольна, два тисеча копъ грошей, малжонъце Ленъского и детемъ его отъложить маеть...»

Всякое пожалованіе державы, будетъ ли это держава, просто жалуемая, или «заводимая» въ деньгахъ, взятыхъ заимообразно, сопровождалось формальностями и закрѣплялось документами. Эти послѣдніе были двухъ категорій: одни говорили о пожалованіи державы правительственною властью, другіе о вступленіи державцы въ обладаніе его державою. Къ первой категоріи относятся привилеи и листы, которыми король, или во время безкоролевья паны-рада жалуютъ державу ⁴⁾. Но кромѣ привилеевъ на державу сюда же относятся листы подскарбію земскому, сообщающіе ему отъ имени короля, какъ лицу завѣдующему столовыми землями, о сдѣланномъ королемъ пожалованіи ⁵⁾. Что касается до второй категоріи документовъ, то ее составляютъ такъ называемые «листы увяжчіе», документы, вводящіе державцу во владѣніе его державой. Вводъ во владѣніе

¹⁾ Ibidem, л. 10.

²⁾ Конечно, если въ привилеѣ на державу не было выговорено, что держава не можетъ быть передаваема королемъ другому лицу.

³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 43—44.

⁴⁾ См., нпр., листъ «воеводе Полоцкому, пану Миколаю Дорогостайскому на староство Волковыйское, в некоторой суме пенезей заведенное» (7 іюля 1576 года). Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 4. Такихъ листовъ и привилеевъ сохранились въ Литовской Метрицѣ цѣлыя сотни, а можетъ быть и тысячи.

⁵⁾ См. выше—о державѣ Шерешовской.

державою совершался или служебникомъ, посылаемымъ мѣстнымъ врядомъ ¹⁾, или же дворяниномъ, специально присланнымъ для этого королемъ ²⁾. Держава подается иногда просто такъ, какъ ее держалъ предшествующій державца ³⁾, или же составляется при передачѣ державы формальная ея опись. При этомъ опись составляется или присланнымъ отъ короля или изъ скарба лицомъ ⁴⁾, или мѣстнымъ врядомъ ⁵⁾, или же, наконецъ, самимъ получившимъ державу ⁶⁾. Конечно, при изготовленіи документовъ

¹⁾ Нпр., Сигизмундъ Августъ, жалуя писарю «людей служебныхъ войска» своего, Войтеху Стабровскому, 200 осѣлыхъ волокъ Ретовскаго тивунства земли Жомойтской въ обезпеченіе долга ему скарба, говорилъ въ листѣ, данномъ въ Люблинѣ 27 мая 1569 года къ Жомойтскому старостѣ: «...твоя бы милость, пане староста, Стабровскому за тую суму (л. 34 об.) пенезей его, вышей менованую, которую он на пыльные потребности земьские пры войску и людех нашихъ служебныхъ выдалъ, в заставу в тивунствѣ Ретовскомъ Марка Внучка волокъ оселыхъ 200 подати и в то его увезати велелъ». Лит. Метр. $\frac{\text{II I A}}{10}$
л. 34—34 об.

²⁾ Нпр., «листъ пану Миколаю Дорогостайскому и до Яроша Кречевьского о державу Шерешовскую». См. выше, стр. 275 и 276 примѣчаніе 1.

³⁾ А. З. Р. III. № 102 (1578 г.).

⁴⁾ См., нпр., А. Вил. XXV. № 5 (1578 г.).

⁵⁾ Такъ изъ листа Генриха (7 мая 1574 года) на пожалованіе державы пану Пирхлинскому въ Коршовскомъ тивунствѣ земли Жомойтской узнаемъ, что пожалованныя ему села «водлугъ данини его королевское милости продка нашего и за листомъ пана старосты Жомойтского князь Михалъ Боровский, тивун Коршовский, у волости Коршовское..... помененному Криштофу Пирхлинскому завелъ и подалъ, на што и реестръ свой увяжчый далъ». Лит. Метр-
 $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 106—106 об.

⁶⁾ «Листъ пану Грыгору Войне на державу Радошковичы», на примѣръ, гласить: «Жикгимонтъ Августъ. Дворянину нашему Грыгору Войне. Маемъ того ведомость, иж воеводичъ Новьгородский, дворянинъ нашъ, панъ Иванъ Горностаи тыхъ недавныхъ прошлыхъ часовъ зъ сего света зышолъ, а ижъ по смерти его замокъ нашъ Радошковичы, бояре, место и волость, ку оному замьку прыслухоучы, што он толко до живота своего отъ насъ держалъ, на насъ господара, яко власность наша, прышла и спала, тогда мы, маючы ласкавое бачене на служьбы твои, которыми верне и цнотливе намъ господару, ласку нашу господарьскую заслугуючы, тотъ замокъ Радошковичы зъ дворы, з местомъ, зъ бояры-шляхтою и зо всеми поддаными нашими, ку оному замьку прыслухоучыми, (л. 35) тебе в держане до воли и ласки наше господарьское злецаем. И прыказуемъ тебе, ижъбы еси кромъ жадного замешканя, скоро сесь листъ нашъ тебе данъ будетъ, до Радошъковичъ схалъ и, зо всякою пилностью ся поспешывъшы, оный замокъ, место, волость и бояры, ку оному замьку належачые, в моц и справу и владност свою взялъ, якъ замокъ и стрельбу

случались и ошибки, которые могли быть результатомъ какъ не досмотра при составленіи самаго документа, такъ и не совсѣмъ точныхъ свѣдѣній о державѣ скарба и канцеляріи Литовскихъ. Иногда въ листахъ бываетъ спутанъ счетъ волокъ ¹⁾, вслѣдствіе чего, конечно, являлась весьма существенная неясность. При пожалованіи державы, отправлялась отъ короля и послушная грамота къ населенію ея, хотя надо думать, что она посылалась лишь въ томъ случаѣ, когда держава переходила къ новому владѣльцу безъ «увязанья» его врядникомъ или спеціальнымъ посланцемъ, или же въ случаѣ сопротивленія населенія вступленію новаго державцы въ свои права. Какъ на примѣръ такой послушной грамоты, можно указать на листъ Стефана Баторія, посланный въ 1577 году къ подданнымъ державы Вилкейской и тивунства Поюрскаго, которымъ король приказывалъ имъ быть послушными княгинѣ Полубенской и ея врядникамъ послѣ взятія въ Московскій плѣнъ самаго державцы, ея мужа, князя Александра Ивановича Полубенскаго ²⁾.

Получая державу, державца получалъ право управленія, суда и веденія господарскаго хозяйства въ ней со всѣми доходами, идущими на него. Въ составъ державы могли входить весьма различные населенные пункты, земли и угодыя. Замокъ, мѣсто, мѣстечко, дворъ, фольварокъ, волость, озеро, рѣки, воды, потоки, затоки, сажовки, ставы, млыны, пасѣки, гай, лѣса, сѣножати и т. д.—все это жаловалось въ державу, или староство, налагая на державцу обязанность хранить, устраивать эти свои владѣнія и вести въ нихъ государево хозяйство. Населеніе староствъ и державъ, поступавшее подъ «справу» державцы, дѣлилось на различныя группы—бояре, мѣщане, слуги различныхъ видовъ, подданные, т.-е. крестьяне, кухари, бортники, стрѣльцы, псарцы, бобровники и т. п. подданные спеціальнаго значенія. Въ державахъ, образованныхъ изъ «спадковыхъ» земель, т.-е. изъ земель, перешедшихъ къ королю и «столу» послѣ прекращенія фамилій, которымъ

замъковую, которая бы тамъ была, такъ дворы, место, волость и бояры тамошние и всякие пожитъки, што кольвекъ съ фольварковъ, з местечка и з волости Радощьковъское прыходить, достаточне на реиسترъ списал и реестръ того спи-

санья своего до насъ безъ мешканя послалъ...» Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 35—35 об
Дата: Люблинъ, 8 мая 1569 года.

¹⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 107.

²⁾ А. З. Р. III. № 88.

онѣ принадлежали, въ ряды подчиненныхъ державцѣ людей входили и шляхтичи, жившіе на этихъ земляхъ. Познакомимся поближе съ дѣятельностью державцы; онъ былъ тоже своего рода врядникомъ по управленію, суду и эксплуатаціи столовыхъ земель, отданныхъ ему въ державу или въ староство.

Въ привилеяхъ на староства и державы обладаніе ими дается на общихъ основаніяхъ, какъ было прежде, конечно, если только держава не «заводится» въ суммѣ денегъ, когда условія держанья ея могутъ разнообразиться. Вотъ, что напримѣръ, читаемъ въ привилеѣ, данномъ на Могилевъ пану Андрею Ходкевичу королемъ Генрихомъ 6 мая 1574 ¹⁾: «тотъ замокъ Могилевъ з местомъ и зо всими волостьми и селы, к нему прислухаючими, во всемъ потому, яко то небощикъ панъ Виленский держалъ, впрод речоному пану Анъдрею Ходкевичу в староство даемъ и, при немъ зоставуючи, то ему симъ листомъ нашимъ потвержаемъ. Маеть впрод речоный панъ Анъдрей Ходкевичъ тое староство Могилевское з местомъ, з дворы, фольварками и зъ волостьми, селы, к нему прислухаючими, держати и въживати, доходы и иные всякие припадки, на старосты и державцы у великомъ князстве Литовскомъ постановеные, ку пожитку своему брати, а иные всякие платы и доходы з местъ, с фольварковъ, с подданныхъ и зо всихъ иныхъ пожитьковъ, яко пенези до скарбу земского великого князства Литовского отъдавати, такъ и личьбу достаточную чинити будетъ повиненъ». Король же обѣщаетъ не лишать Ходкевича Могилевскаго староства «до живота» его. Завѣдуя королевскими землями, составляющими его державу, староста или державца прежде всего озабоченъ эксплуатаціей ихъ. Въ хорошо поставленной эксплуатаціи державы выгода и скарба государева, и самого державцы. Державцы имѣютъ подъ своею «справою» замки, города и мѣстечки, волостныя земли и фольварки. Посмотримъ, въ чемъ состоитъ хозяйственная дѣятельность державцы въ этихъ отдѣльных частяхъ его державы.

Завѣдуя замкомъ, староста или державца долженъ заботиться о содержаніи его въ хорошемъ состояніи и его боевой готовности. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ существовали городничіе, эта обязанность лежала на послѣднихъ, и державца долженъ былъ лишь содѣйствовать имъ въ ихъ дѣятельности. Но если городъ не имѣлъ, городничія то обязанности послѣдняго лежали на самомъ державцѣ. Значе-

¹⁾ Лит. Мстр. $\frac{I A}{57}$ л. 109—110 об.

ніе державцы въ городахъ было различно, смотря по тому, имѣлъ ли городъ привилей на самоуправленіе, т.-е. былъ ли онъ «мѣстомъ упривильеванымъ», или нѣтъ. Города, имѣвшіе самоуправленіе, совершенно освобождались отъ вѣдѣнія державцы и въ своемъ хозяйствѣ, и въ своемъ судѣ, и въ своей администраціи, и только часть домовъ, не попавшая по тѣмъ или другимъ причинамъ въ присудъ «мѣстскій», а находившаяся въ присудѣ замковомъ, подлежала его завѣдыванію. Въ городахъ не «упривильеванныхъ» державца завѣдывалъ раздачею лавокъ и огородовъ мѣстскихъ и сборомъ циншовъ и повинностей съ нихъ. 14 мая 1569 года, на примѣръ, былъ данъ Сигизмундомъ Августомъ листъ, въ которомъ онъ обращался къ «старосте Гомейскому, пану Михаилу Мышце Варковскому и напотомъ будущимъ старостамъ Гомейскимъ» ¹⁾. Въ этомъ листѣ король говорилъ, что въ Люблинѣ къ нему обратился ротмистръ Еронимъ Скромовскій, заявляя ему отъ своего имени и отъ имени своего товарища, другого тамошняго ротмистра Алексѣя Презмыцкаго, что Гомейскій староста выправляетъ циншъ съ пляцовъ, огородовъ и сѣножатей драбовъ ихъ ротъ, поселившихся въ Гомлѣ. Варковскій, находясь «сезде, на дворе» королевскомъ, «того справу далъ, ижъ тые вси дома в месте Гомейскомъ в реистре ревизорскомъ под послушенство старостино описаны, яко бы слушне всякыи повинности с нихъ полънити мели». Несмотря, однако, на это заявленіе старосты, король все-таки освободилъ драбовъ отъ цинша ²⁾. Наблюдая за тѣмъ, чтобы не уменьшались доходы какъ

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 24 об.—25 об.

²⁾ «Нижъли мы, то уважаючи, же без тыхъ пляцов, огородовъ пры домехъ имъ, яко людемъ служебнымъ, на замьку украиномъ вытравати трудно, тогда имъ на трыста драбовъ трыдцать господ, то есть на кожъдый десятокъ драбовъ по госпде волно—на роту Презмыцкого господ двадцать на драбовъ двесте, на роту Скромъского господ десять на драбовъ сто, до инъшое науки наше зоставуемъ и прыказуемъ тебе, ижъбы еси на тыхъ, которыхъ домовъ 30 ротмистрове для господ оберуть, з домовъ, огородовъ цынъшу и никоторыхъ податковъ не правилъ и тому ловенья рыбъ в озеряхъ и речъкахъ тамошнихъ, где бы без шкоды скарбу нашего и переказы пожитку твоего старостинского не заборонялъ, кгдажъ они первой сего з маршалкомъ (л. 25) нашимъ, бывшимъ старостою Гомейскимъ, паномъ Каленицкимъ Тышкевичемъ перед нами господаремъ о то справу мели их выроку нашего, имъ в томъ всемъ постановенье вделано, што шырей в ономъ выроку есть доложено и описано. Ты бысь в томъ всемъ ку нимъ водле оногъ выроку, с Каленицкимъ уделаного, заховалъ конечно». Дата: Люблинъ, 14 мая 1569 года.

государевы, такъ и его самого, державца преслѣдуетъ также корчмы, млыны и другія предпріятыя, заводимыя частными лицами, если на нихъ нѣтъ спеціальнаго разрѣшенія королевскаго. Такъ, на того же Варковскаго тѣ же ротмистры жаловались Сигизмунду Августу, что онъ «водле давныхъ обычаевъ пива и инъшыхъ трунъковъ в пивницахъ ихъ мети, товарышомъ и драбомъ роты ихъ тыхъ напоевъ с пивницъ ихъ куповати» препятствуетъ, «приводячы ихъ ку тому, ижбы въ» его «корчме старостинъской пиво и всякие напои куповали». И по этому дѣлу, какъ по предъидущему, Варковскій заявилъ королю, что онъ считаетъ себя въ правѣ это дѣлать, такъ какъ «корчмы вси в старостве Гомейскомъ» отданы королемъ ему, «и никому инъшому опрочъ корчмы» его «старостинъское жадныхъ напоевъ мети неволно», въ доказательство чего представилъ Сигизмунду Августу листъ королевскій. Но король опять рѣшилъ дѣло въ пользу ротмистровъ, «фолкгуячы тому, иж онымъ ротмистромъ, на томъ замку украиномъ мешкаючы а заплаты з скарбу» государева «не часто беручы, трунъковъ своихъ волныхъ не держачы, выживеня мети, товарышовъ и драбовъ роты своее для неборздое заплаты заслужоного ихъ з скарбу» государева «задержати не могутъ». Но было поставлено и ограниченіе этому праву: «одножъ оны тыхъ трунъковъ своихъ никому иному обчому продавати не мають, только товаришомъ и драбомъ своимъ». При этомъ просьба ротмистровъ подлежитъ исполненію лишь «до воли инъшого постановенья» королевскаго, или «до успокоенья з неприятелемъ» Московскимъ, и послѣ заключенія мира съ Москвою Гомельскій староста вновь будетъ восстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ ¹⁾. Мы привели эти примѣры заботы державцы о доходахъ скарба и своихъ собственныхъ, чтобы указать и на нарушенія правъ его королемъ по тѣмъ, или другимъ соображеніямъ.

Въ земляхъ волостныхъ державца озабоченъ веденіемъ хозяйства государева. Онъ раздаетъ волоки желающимъ ихъ взять на условіи несенія повинностей, лежащихъ на нихъ, и примножаетъ доходы государевы, отъ увеличенія которыхъ, какъ увидимъ, зависятъ и увеличеніе его собственныхъ доходовъ. Внутри земель державы державца даетъ имъ различныя назначенія самъ, или

¹⁾ «Листъ, писанный до старосты Гомейского пана Михаила Мышки Варковскаго, абы Ярониму Скромскому и Олекъшому Презмыцкому, ротмистромъ, корчмы и шиньку волного в Гомъи мети не заборонялъ». Дата: Люблинъ, 14 мая 1569 года. Ibidem, л. 23 об.—24 об.

въ исполненіе королевской воли. Такъ державца двора Красницкаго, Лавринъ Война ¹⁾, отбираетъ по приказанію короля Генриха отъ кухаровъ своей державы одни волоки, «взявши» ихъ къ двору Красницкому, и замѣняетъ ихъ другими ²⁾. Фольварки и всевозможныя угоды также эксплуатируетъ державца для государева и своего дохода. Но каковы же доходы державцевъ отъ веденія государева хозяйства? «Устава на волоки» ³⁾, данная въ 1557 году опредѣляетъ ихъ такъ: «платъ весь съ десятое волоки; кромъ овса и сѣна третій снопъ зъ гуменъ нашихъ всякого збожья; торговое и помѣрное все и за лопатки пѣнязми дня торгового; десятая рыба при спущанью ставовъ; вина, коли который подданный на работу не выйдетъ, грошъ 1 за день, а за другій день барана; записного отъ волоки пѣнезей 14, а гдѣ на насъ овесъ отбирають, ино отъ бочки по пѣнезю». Въ привилеяхъ на староства и державы также встрѣчаемъ съ обозначеніемъ доходовъ державцевъ. «А самъ его милость только третій снопъ збожья, десятый грошъ цынъшу и иные доходы, на старосты и державцы у великомъ князстве Литовскомъ постановленые, на выхованье и ку пожитку своему брати маеть» — читаемъ о нормальныхъ доходахъ старосты въ листѣ, данномъ 20 апрѣля 1574 года Генрихомъ Валезіемъ Яну Ходкевичу на Ковно ⁴⁾. Однако, рядомъ съ нормальными доходами державцы встрѣчаемъ очень часто и доходы, далеко выходящіе за предѣлы нормы. Это бывало, или благодаря милости государевой, или же въ силу условій, на которыхъ «заведена» держава державцѣ-кредитору скарба. Примѣромъ перваго случая можетъ служить пожалованіе Стобинокъ королемъ Генрихомъ земскому Литовскому подскарбію пану Николаю Нарушевичу. Держава ⁵⁾ ему была пожалована на

¹⁾ Подскарбій дворный и писарь великаго княжества Литовскаго, староста Пинскій, державца Олитскій, Квасовскій и Красницкій.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{IA}{57}$ л. 102 об.—104. Дата: Краковъ, 15 мая 1574 года.

³⁾ А. З. Р. III № 19. (38). *J. Jaroszewicz*. *Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi, od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII*. Część II. Wilno. 1844. Str. 229—271, 271—275.

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{IA}{57}$ л. 46—48. Ср. *ibidem*, л. 108 об.

⁵⁾ Вотъ составъ ея: «двор нашъ Стобиньки у старостве Мерецкомъ с фольварки того двора, на имя Думьленьскимъ и Бульгаковъским, и местечко Лоздейское з людьми, в томъ местечку оселыми и зо венми кгрунъты, до того местечка приналежащими и зъ людьми волостными, осадными и тяглыми воло-

такихъ условіяхъ: «маеть панъ подскарбий и по немъ малъжонка его милости тотъ двор Стобинькги такъ, яко ся вышей поменило и выписало, со всимъ на себе держати и его вживати до животовъ своихъ, будучи вольни тамъ прибавити и розширити и пожитъки вшелякие подле налепъшого домыслу своего вынайти и причинити и то все ку пожитъку своему властному оборочати и привлащати такъ, яко сами налепей розумеючи, а с того всего намъ господару и потомкомъ нашимъ потомкове пана подскарбего жадное личъбы а ни справы до скарбу нашего земского и дворного давати не будутъ повинъни». Такимъ образомъ Нарушевичъ и его жена получили во владѣніе державу безъ всякихъ уплатъ доходовъ ея въ скарбъ, а съ правомъ обращенія всѣхъ ея доходовъ въ свою собственность. Примѣровъ такихъ пожалованій державъ съ правомъ державцы безотчетно пользоваться доходами ихъ всецѣло на свой «пожитокъ» можно привести достаточно. Но рядомъ съ такими пожалованіями державы со всѣми ея доходами по милости государевой встрѣчаются и подобныя же пожалованія, но какъ средства уплаты за долги скарба. Тутъ нужно различать слѣдующіе случаи. Держава можетъ жаловаться кредитору скарба въ держанье только до того времени, пока онъ выбираетъ съ нея ссуженныя деньги. Въ такомъ случаѣ державца получаетъ въ качествѣ процентовъ на ссуду доходы, идущіе на державцу по закону, и возвращаетъ себѣ по частямъ капиталъ,

---

сти Лоздейское, а меновите войтовство Стобаньское зо всіми селы, войтовство Задуское тяглое зо всіми селы, войтовство Бульгаковское съ фольваркомъ, вышей помененым, и зо всіми селы и з людьми, в них оселыми, з осадными и с тяглыми и зо всіми ихъ платы и доходы, з служъбами, повинъностями и пошлинами и зо всіми кгрунты того двора Стобиньского и фольварковъ помененыхъ и местечька Лоздейского и тежъ тыхъ войтовствъ и селъ, к нему (л. 101) прислухающихъ, такъже з озери, реками, зъ ставы, зъ ставищами, з млынами и зъ ихъ вымелъки, з бобровыми гоны, з рыбными входы, зъ езы, з ласы, з бори, з деревомъ бортнымъ и зъ данью медовою, з ловы зверинъными и пташими и зо всякими пожитками якимъ кольвекъ именемъ могутъ быть назъваны, або менены, и такъ долъго и широко, яко то все здавна и теперь на насъ держано было, ничего отътуль ку пожитъку намъ господару и скарбу нашего земского и дворного а ни жадного вряду не уймуючи а ни зоставуючи, такъ, ижъ менованое неменованому, а неменованое менованому ничего шкодити и переказы жадное одно другому ни в чомъ чинити не маеть». Документъ находится—Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 100 об—101 об. Дата: Краковъ, 1574 г.

оставляя у себя тѣ доходы, которые должны идти въ скарбъ ¹⁾. Но держава можетъ отдаваться державцѣ просто въ залогъ съ правомъ пользоваться ея доходами, по закону принадлежащими державцѣ, но безъ права возвращать себѣ капиталъ, задерживая скарбовыя поступленія ²⁾. При такомъ условіи пожалованія державца пользуется опредѣленными по закону доходами въ качествѣ процентовъ, капиталъ же получить обратно изъ самаго скарба. Случалось и такъ, что держава заводилась «в суме пенезей» на такихъ условіяхъ: державца, получая законные доходы и внося въ скарбъ, слѣдующую ему часть, удерживалъ изъ послѣдней опредѣленную сумму согласно привилею ³⁾. Однако

¹⁾ Нпр. «листъ пану Миколаю Дорогостайскому и до Яроша Кречевьского о державу Шерешовскую». Ibidem, л. 115 об.—116 об. См. выше, стр. 275 и 276 примѣчаніе 2. Ср. также «листъ пана Виленского на Ляховичи и на Свислочь». (выше, стр. 272).

²⁾ Маршалокъ господарскій судья земскій Новгородскій, державца Куренецкій, панъ Мальхеръ Зыгмунтовичъ Сновскій «ховалъ» въ землѣ Лифлянтской «почоть людей служебныхъ», 200 коней «езьныхъ» и 100 «драбов пешихъ», на свои собственныя средства «черезъ некоторый часъ, ажъ до приеханья» короля Генриха. На каждого коня за четверть года должно быть уплочено жайованья по 6 копъ грошей, а на пѣхотинца по 2 копы. Такимъ образомъ за четверть года скарбъ оказался должнымъ пану Сновскому 1400 копъ грошей Литовскихъ, и ввиду невозможности рассчитаться съ нимъ «около тое заплаты» съ нимъ учинено «постановеньє», чтобы король бояръ государевыхъ, принадлежащихъ со своими имѣньями къ Куренецкому двору, а также Куренецкую пуцу съ ея «пожитками» присоединилъ къ его державѣ Куренецкой, заведенной ему въ двухъ тысячахъ копахъ грошей Литовскихъ еще Сигизмундомъ Августомъ, и взнесъ и записалъ на нихъ эти 1400 копъ. Земли отданы Сновскому со всѣмъ присудомъ и доходами «до певного часу, до двухъ год зупольных, по себе идучихъ, то есть почавши отъ свята светого Станислава в року нынешнемъ» 74-мъ, до такого же дня 1576 года, «на который часъ» король вернетъ всѣ 3400 копъ Сновскому, или его потомкамъ, а державу Куренецкую возьметъ «до рукъ» своихъ со всѣмъ, съ чѣмъ она была дана Сновскому. Если же возвращенія денегъ ему въ срокъ не послѣдуетъ, то Сновскій и его потомки будутъ «год од году» отъ дня св. Станислава до дня св. Станислава «въживати» державу вплоть до уплаты долга скарба. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 53—54 об. (Дата: Краковъ, 2 мая 1574 года).

³⁾ Паны-рада во время перваго безкоролевья взяли у пана Александра Ходкевича 8 тысячъ копъ Литовскихъ грошей и эту сумму денегъ ему «выдерживати описали» со староства Городенскаго, переданнаго ему его отцомъ Это староство со всѣмъ, что принадлежитъ къ нему «держечы, вси платы и доходы з него выбираючы, до скарбу земского великого князства Литовского» онъ долженъ «отдавати и личьбу зо всякихъ пожитковъ чинити, а себе

бывали случаи пожалованія державъ и на условіяхъ особенно обременительныхъ для скарба. Королевскій привилей, данный 20 апрѣля 1574 года Яну Еронимовичу Ходкевичу на Ковно, отдавалъ ему Ковенское староство, Румшишскій дворъ съ городами, селами и волостями ихъ, также лѣсничества Дорсунишское и Бирштанское и три села лѣсничествъ Олитскаго и Немоноитскаго со всѣмъ, къ нимъ принадлежащимъ, съ правомъ ими владѣть и всякіе ихъ пожитки «на себе брати и ку пожитку своему оборочати». Со всего этого «ничого до скарбу» государева «давати и личьбы чинити» Ходкевичъ «не повиненъ будетъ до того часу, покуль его милости сума пенезей 6920 копъ грошей личьбы Литовское, которую, окупуючы староство Ковеньское, двор Румъшишскій и села, в семь листе нашомъ меновите описаные, особамъ верху менованымъ выдалъ, отъ насъ, альбо отъ потомковъ нашихъ отъдана и спольна заплачона будетъ», такъ говорить привилей отъ королевскаго имени. Послѣ же уплаты изъ скарбу Ходкевичу самому, или его потомкамъ должной ему суммы, онъ будетъ выплачивать скарбу слѣдующимъ ему съ державы доходы, чиня «личьбу», самъ же «только третій снопъ збожъя, десятый грошъ цынъшу и иншия доходы, на старосты и державцы у великомъ князстве Литовскомъ постановленые, на выхованье и ку пожитку своему брати маеть». Король при этомъ гарантируетъ Ходкевичу, что онъ его и послѣ расплаты съ нимъ скарба не лишитъ «до живота его» пожалованныхъ ему въ державу земель¹⁾.

Итакъ, различныя условія, на которыхъ владѣли державцы державами, создавали различіе въ объемѣ доходовъ, шедшихъ на нихъ. Въ силу этого и отчетъ, который давали державцы скарбу въ поступленіяхъ съ державы, долженъ былъ приниматься подскарбіемъ земскимъ и подчиненными ему врядниками, основываясь не только на законѣ, какимъ въ данномъ случаѣ являлась «устава на волоки», но и на привилей каждого отдѣльнаго державцы. Въ самомъ дѣлѣ «личьба» въ скарбѣ однимъ державцамъ была обязательна во всѣхъ доходахъ державы, другимъ — въ нѣ-

с тыхъ же доходовъ, которые се з личьбы его окажутъ, у выдержанье сумы пенезей своихъ, до скарбу земского великого князства Литовского даныхъ, по тисечу копъ грошей брати, а фольваркъ Оделскій до выбранья тое сумы на выхованье свое мети маеть....» Ibidem л. 107 об.—108. (Весь документъ— л. 107 об.—109).

¹⁾ Документъ находится въ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 46—48.

которыхъ, третьи не представляли ея скарбу совершенно ¹⁾. Это зависѣло отъ условій, на которыхъ была пожалована державцѣ его держава. Конечно, такой порядокъ не могъ не усложнять дѣятельности скарбовыхъ вьядниковъ и главы ихъ подскарбія земскаго, на обязанности котораго лежалъ пріемъ въ скарбъ Княжества доходовъ отъ старость и державцевъ ²⁾. Столовыми имѣніями вообще завѣдывалъ земскій скарбъ Княжества. Онъ беретъ въ свое вѣдѣніе земли, поступающія «до рукъ и до столу» государевыхъ ³⁾, онъ вѣдаетъ расчеты при залогахъ и передачахъ державъ «въ суме пенезей» ⁴⁾; онъ же посылаетъ ревизоровъ въ державы ⁵⁾, когда посчитаетъ это своевременнымъ и нужнымъ. Конечно, и передачи державъ отъ одного державцы другому, дѣлаемые королемъ, сообщаются подскарбію государемъ ⁶⁾.

Кромѣ хозяйства государева державца въ предѣлахъ своей державы вѣдаетъ администрацію и судъ. Къ административной дѣятельности державцы прежде всего относится сборъ постановленной сеймомъ серебщизны. «Конюшина» королевская, «старостина» Мельницкая, Гераноинская и Кнышинская пани Ярошова Корицкая, урожденная Софія Ходкевичевна была въ 1568 году «позвана» передъ короля мандатомъ королевскимъ въ томъ, «ижъ малъжонокъ ее небошчикъ панъ Ярошъ Корицкий серебщизну з державы Кгераноинское, которую за живота своего держалъ, за рокъ прошлый шестьдесятъ третій, яко на онъ часъ уфалена была, выбравши», отдалъ ее въ скарбъ, но, «не вчинивши личбы, зъ сего света зшолъ». Кромѣ того, она и сама по смерти своего мужа «з державы Кнышинское с третее раты в томъ же року от сохи по трыдцати грошей выбрала и, хотяжъ до скарбу»

¹⁾ См., нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 5 об., 9, 14, 47 об., 49 об., 54 об., 86 об., 93 об., 108 об. и др.

²⁾ О вьядѣ земскаго подскарбія и его компетенціи см. въ III-ей главѣ.

³⁾ Такъ были взяты, на примѣръ, Подольскія имѣнія пана Филона Кмшты по его просьбѣ «до рукъ и до столу» государевыхъ, а ему взаменъ ихъ пожалованъ замокъ «Чорнобыли» съ мѣстомъ, мѣщанами, боярами, селами и проч. Привилей, данный ему въ Бѣльскѣ 29 марта 1566 г., см. въ Лит.

Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 4 об., 5.

⁴⁾ См., нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 5 об. (28 марта 1574 года).

⁵⁾ См. ниже, въ III-ей главѣ.

⁶⁾ См. выше, стр. 275, 276, прим. 2.

государева «отъдала, але личбы не вчинила». Дѣло разсматривалось Сигизмундомъ Августомъ 10 сентября 1568 года. Король освободилъ пани Корицкую отъ суда, но это сдѣлалъ лишь по своей милости къ ней ¹⁾. Говоря объ административной дѣятельности державцевъ, необходимо замѣтить, что она совершенно переплеталась съ хозяйственною ихъ дѣятельностью. Въ самомъ дѣлѣ различныя распоряженія, дѣлаемая державцею въ предѣлахъ его державы, носятъ характеръ и той, и другой стороны его дѣятельности. Самый сборъ серебщизны державцею въ его державѣ является уже актомъ хозяйственно-административнымъ. Другія распоряженія державцы имѣютъ тотъ же характеръ. Вотъ, на примѣръ, «листъ, писанный до старосты Городенского пана Григоря Александровича Ходкевича, абы выправилъ подводы з волостей Городенскихъ до Меречи по овесъ, ижбы везли до Кнышина для коней господарскихъ» ²⁾. Въ немъ находится королевское приказаніе самому Ходкевичу, «а в небытности» его самого въ Городнѣ, «подстаростему его милости тамошнему Городенскому и всимъ врадникомъ дворовъ староства Городенского», чтобы были высланы 270 подводъ съ подданныхъ королевскихъ, «людей осадныхъ» разныхъ волостей. На каждый возъ должно быть нагружено по три бочки овса, взятаго изъ Шовленскихъ овсовъ, которые «в Меречу зсыпаны лежать». Овесъ этотъ выдастъ государевъ служебникъ Теофилъ Млодецкий, «который пры том овсе мешкаетъ». Долженъ быть доставленъ овесъ въ Кнышинъ «што наборздей быти можетъ», и «для прудшого выхованья и высланя подданныхъ ку прыгледанью отвезеня тыхъ овсовъ до Кнышина» былъ посланъ королемъ дворянинъ. Подобныя же листы были отправлены и нѣкоторымъ другимъ державцамъ ³⁾. Собирая циншъ съ подданныхъ королевскихъ,

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 30, 30 об.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{III A}{10}$ л. 29—30. Дата: Люблинъ, 15 мая 1569 года.

³⁾ «Таковыя листы писаны, один до державцы Перстунского и Берзницкого Грыгоря Масалского, ижбы послалъ до Мереча с Перстуну и Берзникъ подвод 60, а до державцы Олитского пана Станислава Райского, ижбы послалъ до Мереча подданныхъ Олитскихъ подвод 60, а до пана ловчого, ижбы послалъ до Мереча подвод з волости Меречское подвод 100, а з волости Довсповское подвод 100, с Перелай подвод 40, з Лоздех подвод 40, а писанъ тыми словы, яко вышей написано». Ibidem, л. 30. Къ тому же дѣлу перевозки Шовленскихъ овсовъ см. «листы о отвожене овсов, посланы з Люб-

живущихъ въ предѣлахъ державы, державца уменьшаетъ его сумму, если подданный, находится въ особо стѣсненномъ положеніи. Такъ, Сигизмундъ Августъ далъ въ Люблинѣ 9 іюня 1569 года листъ къ конюшію земскому, державцѣ Гераноинскому пану Якубу Пясецкому, чтобы онъ «фолькгу чинил» королевскому подданному села Коревиць Гераноинской волости, Томашу Гилевичу, такъ какъ послѣдній «сее зими прошлое з Божего допущѣня зо всею маетностью своею на коренье погорель и в великий недостатокъ прышоль», почему не можетъ заплатить въ скарбъ своего цинша за прошлый 1568 годъ. Король сдѣлалъ свое распоряженіе по челобитью самого Гилевича, приказавъ не взыскивать съ него этого цинша ¹⁾. Бывало, конечно, что державцы налагали на подданныхъ и повинности, которымъ они вовсе не подлежали. Сигизмунду Августу, напримѣръ, жаловались его подданные «волости Кгераноинское зъ двоухъ войтовствъ, Довъневъского и Цыгановъского зъ села Нестеревичъ, Бочечъвичъ и Короивиць, на имя Амъброжей Стащкевичъ, Балътроей Опанасовичъ, Шимко Якутевичъ а Сенько Микутевичъ сами от себе и от инъшихъ потужъниковъ своихъ» на пана Якуба Пясецкаго, дворнаго конюшія и державцу Гераноинскаго, говоря, что «они, будучы людьми осадными, только цынъшъ з волокъ своихъ, которые под собою мають, до скарбу» государева «дают, а инъшихъ дей повинностей полнити не повинни». Между тѣмъ, Пясецкій привлекаетъ ихъ къ разнымъ работамъ, притомъ не сбавляя имъ за это съ суммы ихъ цинша. Король приказалъ Пясецкому сбавить имъ циншу за

лина через Геркулеса Юрчынского, дворанина его кр. мл., чотыры, которые отдавшы, масть самъ подводы з держав, в листех помененых, выправить, которые посланы мая 16 дня». Листъ ловчію Княжества Григорію Воловичу, «а в небытности его самого в Меречы, в Докгахъ, в Перелаяхъ, в Сейвахъ и в Лоздеяхъ, врадникомъ его тамошнимъ». Дата: Люблинь, 15 мая 1569 года. Ibidem. Л. 31—32.

¹⁾ «Про то, кгдажъ оный подданный нашъ Томашъ Кгилевичъ в немалую шкоду от огню попалъ а уставе (sic) описано есть, же кожъдому упалому для поратованья шкоды его фолькга с цынъшу делана быти маеть, ты бы пане Пясецкій, а в небытности его самого у Кгераноинахъ тебе, враднику его тамошний, прыказуемъ, же бы еси о томъ погоренью его достаточне выведаль и, окажетъ ли ся такъ, яко онъ намъ жалобою своею справу далъ, и быс увес цынъшъ, который онъ з волоки своее за рокъ прошлый 68-й отдати повиненъ, ему отпустилъ и на немъ не отправилъ такъже и грабежы, которые будут ли ему за неотданье того цынъшу поделаны, сполъна поворочати казалъ, а то тебе за симъ листомъ въ скарбе нашомъ на личъбе прынято будетъ». Ibidem. Л. 41 об.—42 об.

эти работы и по отношенію къ нимъ держать себя «водле уставы» государевой ¹⁾).

По приказанію королевскому державца измѣняетъ характеръ повинностей тѣхъ, или другихъ волокъ. Такъ, державецъ Красницкому, Литовскому дворному подскарбію Лаврину Войнѣ, было 15 мая 1574 года приказано королемъ Генрихомъ отобрать отъ кухаровъ нѣсколькихъ селъ Красницкаго двора ихъ волоки, «при вернуть» ихъ къ двору, а имъ взамѣнъ дать другія ²⁾). Точно также по приказанію королевскому державца «заводить и подаетъ» земли изъ своей державы, если ихъ жалуетъ кому-либо государь. Такъ, кашталяну и старостѣ Мстиславскому, князю Ивану Соломирецкому было приказано Сигизмундомъ Августомъ 3 апрѣля 1569 года, чтобы онъ «селище, вышей мененое Рудомино, естлибы не большъ одно полъсемы службы кгрунѣту было», землянину Мстиславскому Протасу Костровицкому взамѣнъ отобраннаго у него къ замку имѣнія «завелъ и подалъ и, в то его увезавши,

¹⁾ Ibidem, л. 41—41 об. Еще примѣръ—«листъ, писанный до старосты Слонимскаго пана Григоря Воловича, абы на боярахъ служъкахъ зъ села Чемеровицкаго пожорнового брати николи не казалъ». Въ немъ читаемъ: «Жикгимонт Август. Кашталяну Новъгородскому, старосте Слонимскому, пану Григорию Воловичу, а в небытности пана Новъгородскаго в Слониме, ино подстаростему его милости тамошнему, хто на тотъ часъ отъ него тотъ замокъ нашъ Слонимъ заведаетъ. Прыходили до насъ подданные наши Слонимские, бояре путные, служъки зъ села Чемеровицкаго, Ждан Ивановичъ, Федец Маньцовичъ, Демешъ Демяновичъ а Войтехъ Олехновичъ, жалуючы о томъ, штожъ дей дворанинъ нашъ Илкговъскій, з росказанья нашего помераючы на волоки кгрунѣту волости наше Слонимское, вымерывъшы, земли села ихъ Листовъницкаго примучылъ и упустилъ у трѣтее поле селу Чемеровичькому и далъ имъ в томъ селе волокъ 10 вольныхъ на служъбу служъковскую на пят коней, с которыхъ дей они подлугъ уставы наше, имъ через него даное, они чергами з листы нашими и врадowymi такъже с пенезьми доходowymi и где имъ в потребахъ нашихъ бываетъ росказывано ездити повинни, в ынъшыхъ дей некоторыхъ повинностей, ани подачокъ на насъ господара и на старосту тамошняго давати не мають, якожъ постановенья Анѣдрея Илкговъскаго и листъ его перед нами оказывали». Староста и его врядники, не соблюдая «уставы» государевой, «новинъ имъ в томъ уводятъ и пожорновщыны на нихъ правять». Король исполняетъ челобитье своихъ бояръ и приказываетъ, расслѣдовавъ дѣло, соблюдать права ихъ. Ibidem. Л. 44 об.—45 об. Дата: Люблинъ, 17 іюня 1569 года.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 102 об.—104. («Листъ кухаромъ двора Красницкаго, которымъ за отъмену кгрунтовъ ихъ по две волоки имъ дано и под прьсудъ двора Красницкаго ихъ прыдано»).

уживати ему не забороняль» ¹⁾. Само собою разумѣется, что, если изъ земель державы жалуются королемъ земли, то этимъ нарушаются права державцы на пользование всею совокупностью его державы. Если такое пожалованіе дѣлается, оно требуетъ, конечно, обезпеченія правъ державцы, которыя нарушаются имъ. Листомъ, даннымъ въ Краковѣ 10 мая 1574 года ²⁾, Генрихъ Валезій пожаловалъ три сельца (Коркенята, Мелники и Мойсичи) и Банишскій застѣнокъ со всѣмъ, что къ нимъ принадлежитъ, Азрубалю Цыприскому и его женѣ «в держане и уживанье». Эти «кгрунты» лежатъ въ державѣ Трабской, принадлежащей Берестейскому кашталянѣ; пану Яну Гайку. Поэтому король говоритъ въ своемъ листѣ, обращаясь къ этому послѣднему: «а ижъ тм., пане кашталяне, на державу Трабскую отъ короля его милости продка нашего право доживотное маешъ, тогда жедаемъ, абыс, то тм. для ласки наше господарское чинечи, верху описаные три сельца, Коркеняты, Мельники и Моисечи з людми, в оныхъ селахъ осельми, и зо всеми ихъ кгрунты и пожитки, такъже и застенокъ Банишский Азрубалю Цыприскому безъ всякого затрудненья поступилъ и тому дворенину нашему, его в то все увезати допустивши, Азрубалю в держанью и въживаню ихъ переказы никоторое не чинилъ, але его при томъ всемъ водлугъ привилю нашего господарского, ему и жоне его отъ насъ даного, спокойне заховал. А мы тм., симъ листомъ нашимъ варуемъ и упевняемъ, ижъ то праву твоей милости, которое на державу Трабскую маешъ, ничего шкودити не будетъ».

Кромѣ административно-хозяйственной власти державца имѣлъ въ предѣлахъ своей державы и власть судебную. Такъ напримѣръ, въ привилеѣ, данномъ Генрихомъ Валезіемъ 2 мая 1574 года маршалку государеву, земскому судѣ Новгородскому, пану Мальхеру Зыгмунтовичу Сновскому на державу Куренецкую, читаемъ, что Сновскій, его жена и потомки будутъ не только держать эту державу до уплаты имъ скарбомъ долга, но и «бояр, мещанъ, слугъ путныхъ и всихъ подданныхъ тамошнихъ судити и рядити, справедливость з нихъ чинити и винъныхъ винами подлугъ уставы карати» ³⁾. Королевскіе подданные разныхъ спеціальныхъ видовъ должны находиться «завжды в присуде и послушеньстве державец»

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{III A}{10}$ л. 6—6 об.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 119 об.—120.

³⁾ Ibidem. Л. 54.

тѣхъ дворовъ, къ которымъ они были приписаны ¹⁾. Такимъ образомъ нешляхетскіе обыватели, жившіе въ предѣлахъ державы, подлежатъ суду мѣстнаго державцы. Исключеніе изъ этого правила—мѣщане городовъ «упривильеванныхъ», получившихъ свой собственный судъ и самоуправленіе въ силу привилея судиться и управляться Нѣмецкимъ правомъ. Шляхта имѣла свой судъ государственнаго значенія, свободная отъ этого феодальнаго суда державцевъ. Но и тутъ было исключеніе. Шляхта спадковыхъ имѣній, т.-е. имѣній, перешедшихъ къ королю въ качествѣ выморочныхъ ²⁾, судилась старостами и державцами, и Сигизмундъ Августъ отстаивалъ это право своего «стола» на сеймахъ Литовскихъ кануна Люблинской Уніи, несмотря на желаніе шляхты его уничтожить ³⁾. Въ эпоху послѣ Уніи 1569 года право державцевъ судить шляхту спадковыхъ земель существовало попрежнему, если для освобожденія отъ него приходилось отдѣльнымъ шляхтичамъ подавать челобитья королю и испрашивать у него отдѣльные привилеи. Такой привилей, на примѣръ, получилъ землянинъ Семень Груша отъ Генриха Валезія 8 мая 1574 года, въ силу котораго онъ освобождался по своему имѣнію Бокшишкамъ отъ присуда державцы Трабскаго ⁴⁾ и поддавался повѣтовому уряду Ошменскому ⁵⁾.

¹⁾ Такъ гласитъ, на примѣръ, привилей Генриха Валезія, данный кухару Ручню и его братаничу на четыре волоки въ Олитской волости. Ibidem. Л. 104—105. (Дата: Краковъ, 12 мая 1574 года). Ср. также «Потверженіе кухару кор. его милости Яну Радюку на две волоки в селе Родевичах и на приданье третее волоки в оном же селе Родевичах Левоновское на службѣ кухарской». Ibidem. Л. 105—105 об. (Дата: Краковъ, 12 мая 1574 года). Также—«Лист Болтromeю и Шимону Матеевичомъ на шест волокъ кухарскихъ у волости Красницкой». Ibidem. Л. 99 об.—100.

²⁾ Спадокъ—наслѣдство.

³⁾ См. *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 770, 771.

⁴⁾ Трабы—вотчина князей Трабскихъ, перешедшая по наслѣдству пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду и затѣмъ, по прекращеніи рода Гаштольдовъ, доставшаяся королю. Ср. *М. К. Любавскій*. Областное дѣленіе и пр. Стр. 115, 116.

⁵⁾ «Генърикъ Божю милостью корол. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ. Поведилъ перед нами земенин нашъ Семень Груша о томъ, ижъ онъ держитъ под собою именьце купленое Стетьковское, прозывающее Бокпишъки, недалеко державы наше Трабское над рекою Якунею лежащее, с котораго именья державцы наши Трабские его ку повинностямъ и присудомъ двора Трабскаго примушаютъ и немалые трудности о то, жебы онъ зъ онога именьца, вышей менованого, уряду Трабскаго послушенъ былъ, ему задають. И билъ намъ чоломъ, ижъ быхмо его с тымъ именьцомъ, вышей менова-

Если мы подведем итогъ подъ всѣмъ, что было приведено нами для характеристики державцы и державы, то должны будемъ сказать, что державы представляли изъ себя административно-судебно-хозяйственные округа, различныхъ размѣровъ, находящіяся въ завѣдываніи назначенныхъ королемъ и подчиненныхъ ему и скарбу земскому державцевъ. Староства и державы, какъ административно-хозяйственные округа, противопоставляются источниками имѣніямъ частно-владѣльческимъ, бывшимъ такими же округами, только принадлежащими не королю, а частнымъ лицамъ. «Яко в староствахъ и державахъ нашихъ, такъ в ыменьяхъ князьскихъ, паньскихъ, земляньскихъ и духовныхъ», читаемъ въ одномъ королевскомъ листѣ 1574 года ¹⁾.

Переходя къ изображенію положенія въ Княжествѣ старость судовыхъ, необходимо прежде всего отмѣтить, что эти послѣд-

---

нымъ, до повету Ошменьского, где инъшіе обыватели великого князства Литовского, коло Ошъмены оселости свои маючие, належать, привернули и ровное вольности з ынъшими обывательми оног повету Ошъменьского ему вживати допустили. Якожъ некоторые панове-рада наши о то насъ за нимъ у причине ждали. А такъ мы, яко вшелякихъ вольностей и свобод подданымъ нашимъ стану шляхетъского ради узычаемъ, так и въ томъ прозбу его слышную видечы, з ласки наше господарское вышей-менованого Семена Грушу, малъжонку, дети и потомки его з ыменейцомъ его Бокъшишъками и зо всякими кгрунъты, которые онъ при державе Трабъской ку оному именью Бокъшишкомъ держитъ, с присуду и въсякого послушеньства з державы наше Трабъское вынявши и вольнымъ его учинивши (л. 69 об.), до свобод, вольности, вряду и судовъ кгородскихъ, земскихъ и под хоругов повету Ошменьского прилучаемъ такъ, ижъ вже преречоный Семень Груша, малъжонка, дети и потомки его жадного послушеньства и повинъности до вряду Трабъского з ыменейца своего Бокъшишокъ и зо всехъ кгрунътовъ, которые ку тому именейцу належать, чинити повинъни не будутъ, але всякие sprawy свои, хто бы што до него, абы онъ до кого мель, перед врядомъ повету Ошменьского отъправовати и службу земскую военъную под хоруговью оногжъ повету служити мають вечными часы, уживаючи зъ онымъ именейцомъ всякое вольности и свобод (sic), яко инъшіе обыватели, шляхъта великого князства Литовского волности и свобод своихъ уживають, якожъ каштеляну (написано—кашеляну) Берестейскому, державцы Трабъскому, пану Яну Гайку и напотомъ будучимъ державцамъ Трабскимъ приказуемъ, ижъбы Семена Груши ку жаднымъ повинъностямъ и под послушеньство вряду Трабского не притегали и некоторое трудности имъ о то вечно не задавали. И на то есмо Семену Груши дали сес нашъ листъ, подписавши его властною рукою нашою, до которого на твердость и печать нашу привесити казали». Ibidem. Л. 69—70. Дата: Краковъ, 8 мая 1574 года.

¹⁾ «Волность жидом Пинскимъ на шест год в некоторыхъ поборех и о податкахъ з нихъ». Ibidem. Л. 63 об.—65 об. Дата: Краковъ, 20 апрѣля 1574 года.

ніе соединяли въ своемъ лицѣ два значенія: во-первыхъ, значеніе простаго старосты-державцы и, во-вторыхъ, значеніе повѣтоваго вряда. Какъ державцы, судовые старосты вѣдали хозяйство столовыхъ земель, замковъ и дворовъ королевскихъ, судили подлежащихъ суду державцы ихъ обитателей и управляли ими. Въ качествѣ судебного старосты, какъ такового, они вѣдали администрацію и городскій судъ всего повѣта, а не только столовыхъ земель королевскихъ. Являясь въ качествѣ державцы староства врядникомъ скарбовога хозяйства съ феодальнымъ характеромъ управленія своею державою, судебный староста былъ въ то же время врядникомъ съ чертами государственнаго должностнаго лица. Первое значеніе онъ имѣлъ въ предѣлахъ той части повѣта, которая составляла староство-державу, второе—во всѣхъ остальныхъ земляхъ, лежащихъ въ чертѣ повѣта. Судовыя староства были слѣдующія: Ошменское, Вилькомирское, Браславское, Лидское, Городенское, Ковенское, Упитское, Слонимское, Волковыйское, Оршанское, Пинское, Мозырское, Рѣчицкое¹⁾. Но кромѣ старостъ въ этихъ нецентральныхъ повѣтахъ воеводствъ Литовскихъ судовые существовали и въ трехъ воеводскихъ повѣтахъ, а именно Берестейскомъ, Мстиславскомъ и Минскомъ, воеводы которыхъ не имѣли въ нихъ правъ и значенія судебныхъ старостъ, каковыя имѣли остальные воеводы Княжества въ центральныхъ повѣтахъ своихъ воеводствъ²⁾. Намъ не нужно говорить о значеніи судебныхъ старостъ, какъ державцевъ столовыхъ земель, такъ какъ дѣлать это значило бы повторять снова, только что изложенное нами. Мы должны остановиться теперь лишь на дѣятельности судебныхъ старостъ, какъ повѣтовыхъ врядниковъ. Дѣятельность эта была двойкая: судебная и административная. Суду воеводъ и старостъ судебныхъ подлежали слѣдующія дѣла: 1) «о наѣздѣ крвалтовный на дома шляхецкіе», 2) «крвалтъ въ мѣстехъ» королевскихъ, 3) «о пожогу и разбои по дорогахъ», 4) «о квал-

¹⁾ Перечень Литовскихъ повѣтовъ см. Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 352, 353. Также *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія. Стр. 226—232. Мозырскій повѣтъ послѣ Уніи 1569 года отошелъ отъ воеводства Кіевскаго, перешедшаго къ Коронѣ, къ Минскому воеводству, оставшемуся въ составѣ Княжества. См. Трибуналь об. в. кн. Лит., стр. 11. (Временникъ XXV). Ср. также. *М. Baliński i T. Lipiński*. Starożytna Polska pod względem Historycznym, Geograficznym i Statystycznym. T. III. Warszawa. 1846. Str. 834—845. (Минское воеводство—str. 811—850).

²⁾ Подробно объ этомъ въ III-ей главѣ на страницахъ, говорящихъ о воеводахъ Княжества.

товане панень и невѣсть», 5) «о злодѣйство», 6) «о фалшь», 7) «о голову шляхецкую»¹⁾. Староста судебный, какъ и простой державца рѣдко бываетъ на своемъ урядѣ. Обыкновенно его обязанности исполняетъ его намѣстникъ. Для суда староста долженъ, кромѣ того, присоединить къ нему еще особыхъ своихъ врядниковъ. Эти врядники — судья замковый и писарь. Судьею замковымъ долженъ назначать староста «человѣка доброго, шляхтича въ томъ же повѣтѣ осѣлого, прысяглого», и этотъ послѣдній «уставичнѣ повиненъ будетъ посполу зъ урядомъ замковымъ судити и справовати вси речы судебныя, которые замку, або вряду нашему принадлежати будутъ», гласить статутъ отъ королевскаго имени. Какъ намѣстникъ, такъ судья замковый и писарь назначены самимъ старостою, являются врядниками, получившими власть отъ него, а потому и жалобы на ихъ судебныя рѣшенія подаются старостѣ и только въ случаѣ, если онъ откажется разсмотрѣть дѣло, или самъ несправедливо пересмотритъ его, подается апелляціонная жалоба государю²⁾. На свой судъ староста вызываетъ своею повѣсткою, «позвомъ». Если онъ отсутствуетъ и судить «в небытности» его, его намѣстникъ подстароста, этотъ послѣдній посылаетъ и судебную повѣстку. Позовъ везетъ возный повѣтовый, который и передаетъ его по назначенію³⁾. Подчиненное свое положеніе подстароста иногда обозначаетъ и въ книгахъ замковаго, гродскаго суда. «На вряде господарскомъ к гродскомъ Упитскомъ, передо мною Станиславомъ Нининскимъ — подстаростимъ Упитскимъ, будучимъ отъ вельможного пана его милости, пана Яна Глебовича — подскарбега земьского великого княжества Литовского, старосты Упитьского, пана моего милостивого», читаемъ не разъ въ Упитскихъ гродскихъ книгахъ конца XVI столѣтія⁴⁾. Это же назначеніе отъ старосты подчеркивается иногда Упитскими книгами и для судьи и писаря замковыхъ⁵⁾. Книги гродскихъ судовъ являются интереснѣйшимъ источникомъ для изученія строя Литовскаго общества, а также и его культур-

1) II ст. IV. 20. Въ текстѣ статута стоитъ: «воеводове, старостове и державцы наши». Конечно, это недосмотръ редакторовъ статута 1566 года. такъ какъ тутъ буквально выписаны изъ I-го статута эти слова (ср., нпр., I стр. VI. 3), причемъ упустили изъ виду, что уже съ Бѣльскаго привилея 1564 года судъ въ Литвѣ былъ кореннымъ образомъ преобразованъ въ его принципахъ и основаніяхъ.

2) II ст. IV. 21.   3) Нпр. А. Вил. XXVI. № 157, (1585 г.).

4) А. Вил. XXVI. №№ 4, 24 др.   5) А. Вил. XXVI. № 14 и др.

наго состоянія. Преступленія, жалобы, заявленія, гражданскія сдѣлки вносились въ книги этихъ судовъ, причемъ даже записи, подлежащія внесенію въ книги земскихъ судовъ, вносились иногда съ разрѣшенія закона ¹⁾ въ гродскія книги. Дѣло въ томъ, что сессіи судовъ земскихъ отбывались лишь три раза въ годъ въ то время, какъ «рочки» гродскіе—въ началѣ каждаго мѣсяца. Не всегда было возможно заинтересованнымъ лицамъ ожидать земскихъ роковъ, и они пользовались нерѣдко гродскими книгами для внесенія своихъ документовъ перенося потомъ гродскія записи въ книги земскаго суда ²⁾. Въ гродскій судъ обращаются со своими дѣлами и заявленіями не только шляхтичи, но и государевы подданные ³⁾ и мѣщане ⁴⁾, и источники очень хорошо знаютъ случаи перевода домовъ, находящихся въ городахъ, владѣвшихъ Магдебургскимъ правомъ изъ присуда мѣстскаго въ присудъ замковый ⁵⁾. Апелляціонныя жалобы на рѣшеніе старосты подавались королю ⁶⁾, а съ учрежденіемъ трибунала—въ это судилище ⁷⁾.

Рядомъ съ судебною властью въ предѣлахъ своего повѣта судовой староста держалъ въ своихъ рукахъ и повѣтовую администрацію. Стоя во главѣ послѣдней, онъ прежде всего обязанъ озабочиваться опубликованіемъ королевскихъ универсаловъ. Въ

¹⁾ III ст. IV. 100.   ²⁾ См. Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 290.

³⁾ Нпр., А. Вил. XXVI. № 19.

⁴⁾ Такъ «на враде его кр. мл. замку Слонимского передо мною Иваном Черленковским, столником Браславским, на тот час от его мл. пана Виленского пана Остафья Воловича, моего милостивого пана, подстаростим Слонимским, постановившисе очевисто мещане господарские Слонимские на име...» 6 человекъ «а подданные господарские з Миткович.....» 4 человекъ, «которые вси мещане одностайне тыми словы сознали, иж чули есмо, што его мл. панъ Янъ Кунцович, подкоморий Новгородский, винует Томаша Петровича, яко бы мсл его быт отчичом, а так мы того сведомы, што тот Тумашъ Петрович, живши у Молчади за плербаном и пришол сезде до Слонима з жоною своею и дети сплодил у Слониме и вже тому вотъ болшей год петнадцать, як у Слониме живеть добровольне а никто ему не .....» (дальше истлѣло). Документъ датированъ 10 мая 1586 года. Вил. Центр. Архивъ. № 7866 (Слонимскаго Гродскаго суда). Л. 417 об.

⁵⁾ Нпр., «привилей Антонему Влоху муляру на вызволене дому его на передместю Виленском от присуду местскаго под присуд замковый». Лит. Метр. I A
49 л. 17, 17 об. Дата: Городно, іюня 4. 1568 года.

⁶⁾ II ст. IV. 21.

⁷⁾ Трибуналь обывателямъ в. кн. Лит. Стр. 7, 8. Временникъ. Кн. 25, М. 1857.

числѣ документовъ «справы соймовой року 1571» ¹⁾, напри-
мѣръ, находится и листъ «до старост поветовых о ознаймене лис-
тов соймовыхъ тымъ обычаемъ» ²⁾. Въ немъ стоитъ такое коро-
левское приказаніе каждому повѣтовому старостѣ, или его под-
старостѣ: «аж бы еси оный листъ нашъ о зложеню сойму вал-
ного и соймиковъ поветовыхъ тогожь часу, скоро тебе сесь нашъ
листъ данъ будетъ, в месте (имя) и в ыныхъ местечкахъ (имена)
пры костелехъ и на торгохъ объволати велель и, копею з него
списавши, до именей пановъ-радъ нашихъ ихъ милости также
кнежат, паняты и врадниковъ земьскихъ и дворныхъ, в ономъ
повете лежащихъ, черезъ возныхъ розослалъ, а потомъ тотъ листъ
нашъ на соймику тамошнемъ поветовомъ всимъ станомъ, которіе
ся тамъ зъедутъ, оказалъ, иначе не чинечи конечно». Разумѣется,
не одни только сеймовые листы оглашались повѣтовыми старо-
стами во всеобщее свѣдѣніе, а всякіе королевскіе универсалы,
какого бы содержания они ни были ³⁾. Кромѣ оглашенія листовъ

1) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{56}$ л. 19 об. и сл.

2) Ibidem. Л. 37. Дата: Варшава, 1571 годъ.

3) Приводимъ для образца листъ «до повету Браславского о помкнене року, сойму назначоного, далей, о зложене посломъ на страву и отрочаючи вси справы судовые на иный часъ. Жикгимонт Августъ. Воеводе Мстиславъ-скому старостѣ Браславъскому пану Юрю Остику, а в небытности его милости самого у Браславлю, ино подъстаростемъ его милости тамошнему. Посылаемъ в семъ фастыкуле листы наши отъвороные, писаные до князей, пановъ и всихъ становъ народу шляхетского у повете Браславъскомъ,—одинъ о помкнене року сойму вальному, всимъ обывателемъ панъствъ нашихъ такъ коруны Польское, яко и великого князства Литовского се zde у Варшаве черезъ насъ господара зложоного, однимъ тыднемъ далей, то есть по великодню, святе тепер прышломъ, в трехъ неделяхъ, а другой о зложене на страву посломъ тымъ, которые на тотъ соймъ с повету Браславъского будутъ посланы, яко то все с тыхъ листовъ нашихъ ширей и достаточней твоя милость вырозумеешь. Про то што бы твоя милость, пане воевода (л. 2 об.), а в небытности его милости самого у Браславлю, тебе, подъстаростий его милости тамошний, приказуемъ, ажъ бы еси оный нашъ листъ о помкнене сойму вального тогожь часу, скоро тебе данъ будетъ, в месте в Браславли и в ыныхъ местечкахъ того повету пры костелехъ и на торъгохъ обволати велель, а потомъ яко тотъ листъ, такъ и другой, о зложене на страву посломъ писанный, на соймику тамошнемъ поветовымъ всимъ станомъ, которые ся на тотъ соймъ зъедутъ, оказати велель и сам до того з стороны своее ся причиниль, яко бы, пословъ на съемъ до Варшевы выправившы, на страву имъ зложили, а то будет на сойме з намовъ спольныхъ осмотрено, отъколь потомъ посломъ земьскимъ на съемъ маеть быти опатривано. А к тому пры тыхъ же листехъ посылаемъ особливый листъ нашъ, писанный также до всихъ становъ того по-

королевскихъ на старостахъ лежали и другія административныя обязанности. По третьему статуту городскіе вяды уступаютъ шляхтѣ мѣста для постройки домовъ для земскаго суда ¹⁾ и отводятъ «особый домъ престронный, где на судехъ заседати» ²⁾, если нѣтъ особаго дома земскаго суда. Статья статута, гласящая объ этой обязанности городскаго уряда вышла изъ практики, бывшей послѣ изданія статута 1566 года. Въ самомъ дѣлѣ, источники хорошо знаютъ просьбы повѣтовыхъ обывателей къ королю о домѣ судовомъ, въ исполненіе которыхъ давались государемъ соотвѣтствующія распоряженія старостамъ. Такъ напримѣръ, на Торунскомъ сеймѣ 1576 года къ Стефану Баторію обратились «послы земские от всех обывателей с повету Упитского», посланные на сеймъ, и въ числѣ другихъ просьбъ повѣта вознесли къ королю такую просьбу: такъ какъ они «дому, гдебы на рокох земскихъ судовых того повету на справах судовыхъ заседати мели, местца спокойного не маютъ», они просятъ короля, чтобы онъ приказалъ «пляц, на тотъ домъ удобный» въ Поневѣжѣ, мѣстечкѣ Упитскаго староства, «местце, на то годное в рынку обрати и вымерыти такъ много, якобы оный домъ сталъ». Король, конечно, исполнилъ просьбу Упитской шляхты и отдалъ соотвѣтствующее приказаніе Упитскому старостѣ ³⁾.

Какъ исполнительная власть въ повѣтѣ, городскій урядъ приводитъ въ исполненіе приговоры судовъ, отправляемые къ нему для исполненія. Въ его распоряженіи находятся для этого палачъ и тюремное помѣщеніе ⁴⁾. На непослушнаго приговору земскаго суда вядъ замковый долженъ собрать рушенье повѣта и вмѣстѣ съ повѣтовою шляхтою на такого преступника «ся рушыти» и силою привести въ исполненіе приговоръ земскаго суда. «А гдѣ бы еще повторе тотъ же за позваньемъ до кгороду а рамени и звирхности вяду нашего господарского спротивилсе», гласитъ статутъ ⁵⁾, о такомъ замковый урядъ сообщаетъ государю, «а мы

вету около отсроченья всехъ справъ, суду и выроку нашему господарскому належачихъ, на часъ певный, то есть по великодню у троухъ неделяхъ, яко то вырозумеешъ достаточне с того листу нашего, который тежъ абы еси тогожъ часу кромъ всякого продлуженья в ономъ повете ку ведомости всимъ станомъ обьволати и ознаймити велель и на соймаку поветовомъ его имъ оказалъ. Писан у Варшеве». 24 января 1570 года. Ibidem. Л. 2 об., 3.

¹⁾ III ст. IV. 13.   ²⁾ III ст. IV. 52.

³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{61}$ л. 24. Дата: Торунь, 14 декабря 1576 года.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 288.   ⁵⁾ II ст. IV. 67.

Господарь съ канцляреи наше листы роскажемъ выдати по всему панству нашему Великому Князству Литовскому, и, за горло его поймавши, съ права гдѣ ся въ томъ виненъ покажетъ, ничымъ инымъ, только горломъ карати роскажемъ». Замковому же уряду подлежатъ дѣла «о квалтовное выбитье спокойного держанья» ¹⁾, какъ и вообще охрана спокойствія и внутренней безопасности повѣта. Къ нему обращаются обыватели съ заявленіями, какъ объ оскорбленіяхъ и убыткахъ, имъ причиняемыхъ ²⁾, такъ и объ опасностяхъ, грозящихъ имъ отъ покушающихся на ихъ здоровье и благосостояніе личныхъ враговъ. Такъ, землянинъ господарскій Упитскій Бартломей Бартошевичъ Поезерскій заявилъ 6 августа 1585 года гродскому Упитскому вряду, что землянинъ того же повѣта Матей Авгуштыновичъ Довейко, «поткавши» его «в месте тутошнемъ Поневежскомъ, на рынку предъ домомъ мещанки Поневежское Бируковой, и тамъ на томъ местъцу отповедилъ и пофалъку на здоровье» его «учинилъ, похваляючися» его «самого з детьми, з челедью и с поддаными самыхъ смертью з сего света позбавити, достатки, маетности и весь спрятъ домовый до щатку зничить» ³⁾. Замковый урядъ имѣлъ, однако, далеко не всегда возможность предупредить ту, или другую опасность, грозящую обывателю отъ враждебныхъ ему лицъ, такъ какъ достаточныхъ для этого средствъ не было въ его распоряженіи. Хотя и были приписаны къ замку, или двору государеву, находившемуся въ центрѣ повѣта, бояре и слуги различнаго вида и назначенія ⁴⁾, но акты молчатъ объ участіи ихъ въ несеніи полицейскихъ обязанностей въ повѣтѣ. Органомъ, несшимъ эти обязанности былъ возный, а число возныхъ въ повѣтѣ весьма ограничено, ихъ бывало обыкновенно человекъ пять ⁵⁾. Ясное дѣло, что они не могли являться фактической силою, да и сопротивление имъ хорошо знаютъ акты Литовскихъ судовъ ⁶⁾. Мы видѣли выше, статутъ 1566 года постановлялъ повѣтовое рушенъе противъ неповинующихся вряду. Въ «поправы» 1578 года

¹⁾ II ст. IV. 69.

²⁾ Нпр., А. Вил. XXVI. №№ 12, 13, 17, 18, 21, 22 и др.

³⁾ Ibidem. № 25.

⁴⁾ Въ числѣ слугъ при замкѣ встрѣчаются и духовныя лица. См., нпр., «привилей протопопе Могилевскому Ивану и брату его Сасину Захариничом на некоторые кгрунты у волости Могилевской правом ленным». Лит. Метр.

I A
— 49 — л. 15, 15 об. Дата: Городна, 1 мая 1568 года.

⁵⁾ Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 272, 273.   ⁶⁾ Ibidem. Стр. 289.

внесено измѣненіе этого постановленія въ томъ смыслѣ, что «отъ того часу рушеня съ повѣту для отъправы речей сужоныхъ быти не маеть»; предписывается вряду земскому и гродскому (смотря по тому, который изъ этихъ врядовъ постановилъ приговоръ) съ вознымъ и двумя шляхтичами «вмѣсто рушеня всего повѣту» отправиться «до имени оногo противного вряду», и именно «до той части, въ которую подъ тымъ часомъ презыскъ правный сторонѣ поводовой дорогу покажетъ». Если владѣлецъ имѣнія, подлежащаго этому дѣйствию вряда, ему воспротивится и «увязаня» не допуститъ, «такового противника праву и вряду» государеву должна «сторона поводовая» вызвать «манъдатомъ» на судъ королевскій ¹⁾).

Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ совмѣщеніе урядовъ и державъ. Судовыя староства отдавались лицамъ, выдающимся по своему положенію въ Княжествѣ, и, конечно, занятыя дѣлами по другимъ своимъ врядамъ, а также и по своимъ обширнымъ частнымъ имѣніямъ, они не имѣли возможности лично нести свои обязанности главы повѣтовой администраціи и замковаго суда. Какъ могъ, въ самомъ дѣлѣ, лично исполнять обязанности Ковенскаго старосты Янъ Ероимовичъ Ходкевичъ, если онъ былъ въ то же время Виленскимъ кашталяномъ, старостою Жомойтскимъ, земскимъ Литовскимъ маршалкомъ, администраторомъ и гетманомъ Лифляндскимъ, державцею Плотельскимъ и Тельшовскимъ ²⁾ и, сверхъ того, владѣльцемъ обширныхъ частныхъ своихъ имѣній; или Николай Юрьевичъ Радивиль ³⁾, совмѣщавшій съ Литовскимъ канцлерствомъ и гетманствомъ цѣлыхъ три судебно-административныхъ старостинскихъ уряда—воеводы Виленскаго и старость Ошменскаго и Лидскаго, замѣтимъ при этомъ, повѣтовъ, принадлежавшихъ къ тому же Виленскому воеводству? ⁴⁾. Конечно, занятые другими своими дѣлами, они управляли своими повѣтами черезъ подстарость, намѣстниковъ. Листы королевскіе, отправляемые по дѣламъ староства обращаются обыкновенно не только къ старостѣ, но и къ его «подстаростему» на случай «небытности» самого старосты въ повѣтѣ ⁵⁾).

¹⁾ Временникъ. XXIII. Стр. 207, 208.   ²⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 62.

³⁾ Нпр. А. З. Р. III. № 82. Ср. *J. Wolff*. Sen. i dign. Str. 150.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 352, 353, прим. 4. Списокъ Ошменскихъ старость см. Powiat Oszmiański. Materiały do dziejów ziemi i ludzi. Zebrał i wydał *Czesław ankowski*. Część pierwsza. Petersburg. 1896. Str. 28, 29.

⁵⁾ Примѣры см. выше.

Особую группу въ ряду старостъ и державцевъ Княжества составляли лѣсничіе. Привилеи на лѣсничество ¹⁾ отдають подъ справу

¹⁾ Приводимъ образецъ такого привилея. «Привилей князю Ивану Полубенскому на лесництво Слонимское. Стефанъ Божью милостью король Польский... Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ, ижъ мовилъ намъ панъ Виленський, староста Жомойтский, маршалокъ земский великого князства Литовского, администратор и гетманъ земли Ифлянтское, староста Ковенський, державца Тельшовский, панъ Янъ Яронимовичъ Ходъкевича, залекаючы службы ротмистра нашего князя Ивана Полубенского, которые онъ зъ себе показовалъ за щасливого панованья светобливое и славное памети короля его милости Жикгимонта Августа продка нашего, в земли Ифлянтской ведучы роты от немалого часу накладомъ и коштомъ немалымъ своимъ власнымъ, кгдажъ его заплата не завше доходила и до тыхъ часовъ не дошла, а тамъ з неприятельскими войски чакстокротъ поторъжъки мевалъ, замки неприятельские убегаючы, вязни водилъ, не литуючы розлитья крови своее на службахъ его королевское милости и речи посполитое черезъ кольконадцать летъ, и жедалъ насъ его милость, абысмо на знакъ нагороды яко з ласки наше господарское лесництвомъ Слонимскимъ князя Полубенского осмотрели, которое теперь вакуеть по зештю зъ сего света небожчика Дмитра Сапеги. А такъ мы господарь, уважаючы жаданье его милости пана Виленского и маючы бачность на таковыя службы князя Полубенского, тым лесництвомъ Слонимскимъ его пожаловавши, дали есмо и симъ листомъ нашимъ ему даемъ до живота его. Маеть князь Иванъ Полубенский тое лесництво Слонимское все огуломъ, нероздельне, зо всеми стрельцами и осочниками, селы и людми, осочники и бобровники, полазники держати и все пуцы кграниц старовечныхъ абы в своей власности зоставили, догледаючы до живота своего, албо до болшого и пожитечнейшого опатренья нашего господарского и перестерегаючы пожитковъ нашихъ господарскихъ яко въ зверу, такъ тежъ в бортяхъ, в озерахъ, в сеножатехъ, в бобровыхъ гонахъ, а звлаца в лесныхъ роботахъ, если быхмо коли робити в тыхъ пуцахъ нашихъ казали, яко бы ниякая шкода намъ господару и скарбу нашому не была. С чого князь Полубенский повиненъ будетъ в скарбе нашомъ личбу чынити зо всехъ тыхъ доходовъ, которые с того лесництва водле реестровъ ревизорскихъ до скарбу нашего належать, а фольваркъ, на лесництво данный отъ его кр. милости данный (sic) пана зошлого продка нашего, люди и села, а меновите село Борокъ ку работе того фольварку и то, што-кольвекъ на лесничого здавна на реестрахъ ревизорскихъ описано, маеть князь Полубенский, на себе держачы, ужывати, а с того жадное личбы в скарбе нашомъ не чынити, во всемъ потому тоѣ лесництво Слонимское держачи, яко небощикъ Дмитрей Сапега держалъ. Писанъ у Варьшаве» 8 іюля 1576 года. «Подпись руки господарское». Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 45—46. Доживотное пожалованіе лѣсничествъ встрѣчаемъ также въ листѣ, данномъ подкоморію Жомойтскому Николаю Станкевичу, озаглавленномъ такъ: «листъ пану Станкевичу, на лесництва Вилкейское, Юрборьское и Скерстомоньское данный». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 76 об.—77 об. Дата: Краковъ, 10 мая 1574 года.

лѣсничія весь его округъ, все «огуломъ», со всѣми селами и крестьянскимъ населеніемъ различнаго назначенія, живущимъ въ его границахъ. Лѣсничій обязанъ заботиться о томъ, чтобы государю и скарбу не было никакого ущерба въ предѣлахъ ввѣреннаго ему лѣсничества, ни въ звѣрѣ, ни въ бортяхъ, ни въ озерахъ, сѣножатяхъ и бобровыхъ гонахъ, ни во всякихъ лѣсныхъ работахъ. Пожалованія лѣсничествами дѣлались какъ пожизненно или вплоть до новаго, высшаго и лучшаго пожалованія ¹⁾, такъ и «до воли и ласки господарьское» ²⁾. Лѣсничіе по своимъ врядамъ являлись органами, подчиненными ловчію, какъ высшему уряднику, вѣдавшему господарскую охоту и все, къ ней относящееся ³⁾. Какъ врядлики, охраняющіе лѣса и завѣдующіе ими, лѣсничіе обязаны были хлопотать объ интересахъ королевской охоты. Они, основываясь на наблюденіяхъ осочниковъ, составляютъ списки мѣстъ для облавъ на потѣху государеву ⁴⁾. Но и помимо хлопотъ о государевой охотѣ дѣла у лѣсничія было не мало по веденію хозяйства лѣсничества. Тутъ на первомъ планѣ стоитъ охрана лѣса отъ расхищенія. «Устава на волоки» требуетъ, чтобы «лѣсничіе никому дерева стоячего на будованье, а ни на жадную рѣчь для пожитковъ своихъ давати не смѣли» подъ страхомъ строгаго наказанія. Только «лежащее дерево» они могутъ отдавать, но и то лишь государевымъ подданнымъ, «которые бы на волокахъ своихъ къ ихъ потребамъ лѣсу не мѣли» ⁵⁾. Хозяйство пущъ государевыхъ требовало, чтобы были врядлики, вѣдающіе его на самомъ мѣстѣ, и этими врядликами являлись лѣсничіе. Частновладѣльческія пущи также имѣли своихъ панскихъ лѣсничихъ ⁶⁾. Вѣдая ту часть пущи, которая составляетъ его лѣсничество, лѣсничій «заводитъ и подаетъ» обрубы лѣсу, если они жалуются кому-нибудь государемъ или если приказывается ему это сдѣлать отъ его началь-

¹⁾ Нпр., только что приведенный привилей кн. Ив. Полубенскому.

²⁾ Нпр., «привилей Юрю Кгродзинскому на лесничество Переломское до воли и ласки господарьское». Дата: Тыкотинъ, 18 іюля 1576 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 52, 52 об.

³⁾ См. ниже—о врядѣ ловчія. ⁴⁾ Также.

⁵⁾ А. З. Р. III. № 19. I. 57.

⁶⁾ Ср. Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ съ присовокупленіемъ грамотъ и привилегій на входы въ пущи и на земли, составленная старостою Мстибоговскимъ Григоріемъ Богдановичемъ Воловичемъ въ 1559 году. Вильна. 1867. Стр. 54 (землянинъ Городенскій, лѣсничій пана Миколая Андрушевича).

ника—ловчія. Такъ, Смоленскій воевода и ловчій Литовскій, панъ Григорій Воловичъ, заботясь о доходахъ государевыхъ, отдалъ землянину Городенскаго повѣта Ивану Григорьевичу Святскому «обрубъ лесу проробками врочищомъ Линькупяньскимъ, в которомъ, кгда се розробишь, есть кгрунъту среднего волокъ 20». Этотъ обрубъ Воловичъ Святскому, по словамъ документа, «до ласки наше господарское в держанье и въживанье далъ на службѣ земской военной». Далѣе читаемъ: «якожъ вже тотъ обрубъ Ивану Святскому черезъ державъцу Бержницького и Перстуньского, а на онъ часъ бывшого лесничого Олитского и Немонитского, Григоря Масальского есть заведенъ и поданъ». У Святскаго были два листа въ доказательство правъ его на пожалованный ему обрубъ—«одинъ пана воеводы Смоленского, а другой Григоря Масальского»¹⁾.

Лѣсничій завѣдывалъ своимъ лѣсничествомъ съ тѣми же правами, какъ и обыкновенный державца. Онъ охраняетъ земли лѣсничества, и акты хорошо знаютъ процессы лѣсничихъ съ владельцами сосѣднихъ имѣній изъ-за земель пограничныхъ²⁾. Въ числѣ способовъ эксплуатаціи лѣсныхъ угодій видное мѣсто занимаетъ «розробка лѣсу», обращеніе его въ пашню. При обиліи лѣсовъ вырубка части ихъ съ обращеніемъ очищенной отъ деревьевъ земли подъ пашню представляла очень большую выгоду для господарскаго хозяйства. Поэтому съ заботою врядниковъ объ этой «розробкѣ лѣсу» часто встрѣчаемся въ актовомъ матеріалѣ, оставшемся отъ эпохи. Мы видѣли выше, какъ воевода Смоленскій и ловчій Литовскій панъ Григорій Воловичъ отдалъ

¹⁾ «Листъ Ивану Святскому на волокъ двадцать в лесництве Немонитскомъ». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 88 об.—89 об. Дата: Краковъ, 15 мая 1574 года.

²⁾ Такъ въ документѣ, озаглавленномъ „потверженье пану Копътю на кгрунъты имени его Верховицького“, читаемъ: „Генърикъ Божю милостью королъ Польскій... Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ всемъ посполите и кождому зособна, нинешнимъ и потомъ будущимъ. Поведилъ передъ нами дворянинъ нашъ панъ Василей Копоть, ижъ король его милость Польскій и великий князь Литовскій славное памяти Жикгимонтъ Августъ, предокъ нашъ, за частымъ отъ немалого часу ускаржаньемъ около безъправного забиранья кгрунтовъ и земель, такъже входовъ и иныхъ пожитковъ его властныхъ имения его Верховицького ку пуци короля его милости Беловезьской обаполь реки Сыропы черезъ лесничого Беловезского небошика Ивана Ивановича Лядского...“ Документъ находится—Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 89 об.—93. Дата: Краковъ, 16 мая 1574 года.

на службѣ военной 20 волокъ лѣсу землянину Ивану Святскому. Онъ это сдѣлалъ, «постерегаючи того, абы кгрунъты» государевы «в пусте не лежали, звлаца при границы Пруской в лесницстве Немонитскомъ лесъ не розъробленый, который первой на обрубъ села Линькупяновъ былъ назначонъ, где, ачъ некоторые подданные, оседши потроше проробливати его были почали, нижли в часы злые и лета голодные вси отътоль прочъ розешлися и только одинъ человекъ тамъ на огороде зосталъ, а иншие вси проробъки, што ихъ потроше ест, у пусте лежать и онят лесомъ заростати почали». Документъ прибавляетъ: «зачимъ с того на насъ господара пожитьку никоторого не было»¹⁾. Въ этомъ документѣ такимъ образомъ имѣемъ примѣръ опыта «розробки» участка лѣса сначала самимъ лѣсничествомъ, а потомъ передачи его въ руки частнаго лица въ надеждѣ на большую энергію и большій успѣхъ дѣла въ его рукахъ²⁾. Конечно, рядомъ съ этимъ способомъ эксплуатаціи лѣсныхъ пространствъ, господарское хозяйство должно было знать и другіе способы ея: бортное дѣло, сѣнокосы, порубка строевого лѣса на продажу, «паленье поповъ» и т. д.

Что касается доходовъ лѣсничихъ, то они были тѣже, что и обыкновенныхъ державцевъ. Такъ, въ листѣ, данномъ Генрихомъ Валезіемъ Яну Еронимовичу Ходкевичу на староство Ковенское, дворъ Румшишки и лѣсничества Дорсунишское и Бирштанское «зо всими осочъниками, стрельцами и с подданными, на воляхъ в тыхъ лесницствахъ оселыми», которые онъ получилъ въ залогъ 6920 копъ грошей Литовскихъ, читаемъ, что Ходкевичъ будетъ всѣмъ этимъ владѣть, ничего не платя въ скарбъ изъ доходовъ этихъ земель до тѣхъ поръ, пока ему не будутъ выплачены королемъ, или его премниками всѣ 6920 копъ грошей. Документъ затѣмъ продолжаетъ: «а кгда его милость (sic) самому, альбо потомкомъ его тая сума пенезей з скарбу нашего дойдетъ, на онъ часъ онъ, тое староство Ковеньское, двор

¹⁾ „Лист Ивану Святскому на волокъ двадцать в лесницстве Немонитскомъ“. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 88 об.—89 об. Дата: Краковъ, 15 мая 1574 года.

См. выше, стр. 303.

²⁾ Въ данномъ случаѣ ловчій хлопоталъ не только о „пожиткѣ“ королевскомъ, но и о томъ, „ижъбы отъ людей Прусскихъ, яко на границы в пуци нашой (т. е. государевой) тамошней шкоды не деяли се“. Ibidem. Л. 88 об.

Румъшишъки и лесницства Дорсунишъское и Бирштанъское и три села Олитские и Немоноитские в держанью своемъ до живота своего маючи, всякие платы и доходы з мествъ, с фольварковъ и зъ сель, вышей помененыхъ, до скарбу земского великого князства Литовского отдавати и личьбу чинити повиненъ будетъ. А самъ его милость только третій снопъ збожъя, десятый грошъ цынъшу и иинше доходы на старосты и державцы, у великомъ князстве постановленые, на выхованье и ку пожитьку своему брати маеть...»¹⁾. Такимъ образомъ доходы съ лѣсничествъ смѣшаны вмѣстѣ съ доходами староства и державы, слѣдовательно, ихъ характеръ и норма были одинаковы.

Теперь мы должны перейти къ знакомству съ державцами, носившими также особое названіе и имѣвшими свое специальное значеніе. Это тивуны земли Жомоитской. Въ списокѣ пановъ-радъ и врядниковъ²⁾ эпохи Люблинской Уніи, находящемся въ девятой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской, находимъ слѣдующій списокъ тивуновъ Жомойти: 1) Шовдовскій, 2) Вешвенскій, 3) Ужвенскій, 4) Поюрскій, 5) Тверскій, 6) Ретовскій, 7) Ойрагольскій, 8) Берженскій, 9) Бержинянскій, 10) Дирвянскій, 11) Дирвянскій (вторично), 12) Гондынскій, 13) Коршовскій. Тивунствъ Дирвянскихъ было такимъ образомъ два. Одно изъ нихъ было тивунствомъ «Дирвянъ Болшихъ»³⁾, другое «Дирвянъ Малыхъ»⁴⁾. Иногда тивуны Жомоитскіе называются тивунами волостей; напри-

¹⁾ „Лист пану Виленьскому на Ковно“. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 46 — 48.
Дата: Краковъ, 20 апрѣля 1574 года.

²⁾ „Тытулы пановъ-радъ их милости“. Лит. Метр. $\frac{III A}{9}$ л. 160—163.

³⁾ Нпр., „подкоморому Лидъскому, тивуну земли Жомоитской Дирвян Болших, пану Миколаю Олехновичу“. Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 4. Ср. также— „Каспору Криковичу на тивунство в земли Жомоитской Дирвянъ Болших“. Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 16 об.

⁴⁾ А. Вил. XX. № 340 (1721 г.)—„сіwип М. Dugwian“. Вообще въ спискахъ тивуновъ встрѣчаемъ обыкновенно двухъ Дирвянскихъ. См. Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 12 об., 24, 32, 36 об.—37, 38, 39 об., 54 об.—55, 55 об.—56, 56 об.—57, 58 об.—59, 64, 67 об., 81 об., 100 об., 126 об. Но иногда только одного: *ibidem*, л. 6, 22 об., 34—34 об., 42 об.—43, 52 об., 83, 112, 146 об. О Дирвянскихъ тивунствахъ ср. *Θ. И. Леонтовичъ*. Очерки исторіи Литовско-Рускаго права. Спб. 1894. Стр. 51. Примѣчаніе 4.

мѣръ, тивунъ «волости Поюрское», «волости Берженское», «волости Тверское» и т. д. ¹⁾. «В земли Жомойтской у волости тивунства Ойракгольского» — читаемъ въ одномъ изъ документовъ 1574 года ²⁾.

Слово тивунъ въ древнѣйшемъ значеніи этого слова — домашній слуга, ключникъ ³⁾. Это значеніе оно сохраняло въ языкѣ Литовскихъ актовъ и въ позднѣйшее время. Въ самомъ дѣлѣ, тивунъ, какъ дворникъ, или завѣдующій дворомъ, или имѣніемъ частнаго лица, — явленіе совершенно обычное въ актахъ изслѣдуемаго періода ⁴⁾. Какъ ключники, завѣдывали тивуны и волостями государевыми, вѣдая ихъ хозяйство и администрацію, нераздѣльно соединенныя въ эпоху до середины XVI столѣтія. Съ теченіемъ времени тивуны замѣнились намѣстниками-державцами ⁵⁾, которые съ большею самостоятельностью и съ большимъ авторитетомъ взяли въ свои руки завѣдываніе дворами и волостями господарскими. Но въ Жомойтской землѣ тивуны остались со своимъ прежнимъ именемъ. Эта земля постоянно стремилась къ сохраненію своей старины. Это былъ принципъ, который Жмудь постоянно выдвигала въ своихъ заявленіяхъ, прося королей сохранить землю Жомойтскую въ ея «звыклыхъ обычайхъ стародавнихъ» ⁶⁾. Свое право требовать сохраненія своей старины безъ всякаго нарушенія ея господарями Жмудь основывала на томъ, что Жмудины «великимъ княземъ Литовскимъ сами добровольнѣ подъ панованье ся поддали, а не мечомъ, а ни квалтомъ до того притѣснены». Короли подтверждали права земли Жомойтской, но на примѣрѣ этихъ подтвержденій видимъ, какъ жизнь вносила разрушеніе въ королевскія присяги и какъ практика шла иногда въ разрѣзъ съ Жомойтскимъ принципомъ сохраненія старины. Въ самомъ дѣлѣ, реформы 60-хъ годовъ XVI сто-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 34, 34 об.

²⁾ «Потьверженье листъ пана Кротовского на три села у волости Ойракгольской». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 81—83 об. Дата: Краковъ, 15 мая 1574 года.

³⁾ Ср. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. I. Спб. 1890. Стр. 351.

⁴⁾ А. Вил. II. Стр. 7, 10 (1584 г.). А. Вил. XXVI. №№ 3 (1585 г.), 55 (1585 г.), 548 (1586 г.) и др. Ср. также А. Вил. VIII, стр. 557 (1603 г.).

⁵⁾ См. М. К. Любавскій. Обл. дѣл. и м. упр. Л.-Р. гос. Passim.

⁶⁾ А. З. Р. III. № 59.

лѣтія ввели въ Жомойтскую землю новыхъ врядниковъ — кашталяна, подкоморія, войскаго, а также судью, подсудка и писаря земскихъ, да и сами Жмудины стали хлопотать о замѣнѣ титула старосты титуломъ воеводы для главы своей земли ¹⁾. Но нарушеніе стародавнихъ правъ земли Жомойтской совершалось и въ другихъ направленіяхъ. Всякіе вряды и «достоинства», тивунства, хоружества и державы, равно какъ и ослѣлости въ силу правъ Жмуди не должны королемъ даваться никому, какъ только родичамъ земли Жомойтской, а между тѣмъ такія пожалованія, какъ увидимъ ниже на примѣрахъ, были явленіемъ совершенно обычнымъ. «Въ суммахъ пенезей» также заводились Жмудскія земли, хотя и это шло въ разрѣзъ съ правами Жомойтскими. Что касается до тивуновъ, то они въ чертахъ, характеризующихъ ихъ, сливаются съ державцами другихъ земель Княжества. Въ своемъ административномъ значеніи тивуны Жомойтскіе являлись врядниками, подчиненными Жомойтскому старостѣ. Въ самомъ дѣлѣ, староста Жомойтскій посылаетъ свои приказанія тивунамъ. Такъ, староста Жомойтскій Янъ Ходкевичъ «листъ свой до тивуна Коршовъского, князя Яна Боровского, писалъ, абы онъ в уряде своемъ» согласно королевской данинѣ выбралъ 35 волокъ ослѣлыхъ и передалъ ихъ пану Криштофу Пирхлинскому. Исполняя приказаніе своего старосты, тивунъ Коршовскій эти волоки ему «завель и подалъ, на што и реестръ свой увяжчый далъ» ²⁾. Но если тивунъ получаетъ приказанія по передачѣ пожалованныхъ королемъ земель отъ своего старосты, то это вовсе не исключаетъ и непосредственныхъ съ нимъ сношеній по этимъ дѣламъ самого государя. Напримѣръ, жалую ротмистру, князю Балтазару Лукомскому 15 волокъ въ тивунствѣ Ретовскомъ, Сигизмундъ Августъ 10 іюня 1569 года приказалъ Жомойтскому старостѣ, Яну Ходкевичу, чтобы онъ, «безъ всякого омешканья и проволоки пославши до тое волости «государевой» Ретовское служебника своего, петнадѣцать волокъ земли, людми оселыхъ, обрати и в то его увезати и в держанье скуточное ихъ ему подати

¹⁾ *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 753. Ср. *ibidem*, стр. 330 примѣчаніе 60.

²⁾ «Лист пана Пирхлинъского на трыдцатъ волокъ в земли Жомойтской, в тивунствѣ Коршовскомъ правомъ доживотнымъ самому и малжонце его». Лит.

Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 106—107. Дата: Краковъ, 7 мая 1574 года.

велелъ конечно» ¹⁾). Но въ тотъ же день король подписалъ листъ и къ тивуну Ретовскому Марку Внучку, извѣщая его о сдѣланномъ пожалованіи въ его волости и объ отданномъ сейчасъ только приказаніи Ходкевичу. Обращаясь къ Внучку, король говоритъ: «а про то приказуемъ тебе, абы еси тому посланъцу его милости пана старосты Жомоитского оныхъ петнадѣцати волокъ, людьми оселыхъ, у волости Ретовской, черезъ служебника его милости обраныхъ, тому ротмистру нашему, князю Бальтазару Лукомскому, подавати и в то его увезывати не заборонялъ и по увезанью вже ся в тые люди ничимъ не вступалъ конечно, абы то иначе не было» ²⁾).

Стоя во главѣ своего тивунства, какъ административнаго округа, тивунъ охраняетъ и имущество обывателей въ случаѣ смерти владѣльца ³⁾. Онъ же собираетъ, подобно обыкновеннымъ держав-

¹⁾ «Князю Балтазару Лукомскому на 15 волок въ земли Жомоитской, в тивунстве Ретовском вечностью». Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 44 об.—45. Дата: Люблинъ, 10 іюня 1569 года.

²⁾ «О том же лист князю Лукомскому до тивуна Ретовского пана Марка Внучка». Ibidem. Л. 45—45 об. Дата: Люблинъ, 10 іюня 1569 года.

³⁾ «Листъ боярына Жомоитского Юря Матеййтиса.—Жикгимонт Август. Старосте Жомоитскому, маршалъку земьскому великого князства Литовского, администратору и гетману земли Ифлянтское, старосте Ковенъскому, державъцы Плотельскому и Тельшовъскому, пану Яну Ходкевичу. Билъ намъ чоломъ боярынъ земли Жомоитское волости Тверское Юри Матеййтис и поведилъ перед нами, ижъ в року 66-мъ з допущеня Божого дядки его, Войтехъ Дарскалайтис а Павелъ Павлийтисъ, поветреемъ вымерли, по которыхъ вся маетьность, такъ дома со всеми кгрунъты на него правом прырожонимъ прышло и спало, нижъли дей тивунъ (л. 62) нашъ Тверский Анъдрей Ильковский по вымертью оныхъ бояр, дядковъ его, всю маетьность ихъ былъ з ураду тивунства своего запечаталъ. Которую маетьность, такъ теж дома со всеми землями твоя милость тому Юрю Матеййтису, близкому з найденья своего, взяти ему допустил и через посланъца своего Марътина Анъдреевича в то его увезалъ и подати ему велелъ, чого онъ будучы в спокойномъ держанью, о то насъ просылъ, абыхъмо его пры томъ увезанью посланъца твоей милости зоставили. Ино, кгдажъ тотъ Юри Матеййтисъ самъ есть боярын и оные змерлые дядки его бояре были и земли ихъ ревизор нашъ на волюки не мерылъ и до реистровъ скарбныхъ не вписалъ, твоя бы милость тому Юрю Матеййтю такъ у земляхъ его властныхъ, яко и в тыхъ землях, што ему по тыхъ змерлыхъ бояр прывернути и подати велелъ, тивуну Тверскому Андрею Ильковъскому и потомъ будучымъ тивунамъ Тверскимъ в той земли отчызной и по дядкохъ его спалыми ничимъ уступовати не казалъ—нехай онъ тыхъ земль спокойне ужываетъ, а намъ господару с того служъбу земьскую военную служыть потому, яко здавна онъ самъ и тые близкие его служыли». Находится доку-

цамъ, государевы доходы съ земель волости тивунства. Когда 3 августа 1569 года Сигизмундъ Августъ пожаловалъ «хлеборъмлениемъ» вернувшагося изъ Московскаго плѣна пана Лукаша Гарабурду, вознаградивъ его за его имущество, захваченное Москвою при завоеваніи замка и земель Полоцкихъ, онъ приказалъ пану Николаю Станкевичу Белевичу, бывшему Жомоитскимъ подкоморіемъ и тивуномъ Ойрагольскимъ, слѣдующее. Вмѣстѣ съ посланнымъ отъ короля дворяниномъ тивунъ Ойрагольскій долженъ выбрать въ своемъ тивунствѣ 40 осѣлыхъ волокъ и передать ихъ Гарабурдѣ. Тивунъ долженъ выдать ему и «листъ свой увяжъчый» на переданныя земли, «водле которого мы листу твоего увяжчого», говоритъ король, «то ему листомъ нашимъ господарьскимъ подтвердить можемъ». Гарабурда, его жена, дѣти и потомки будутъ владѣть пожалованными волоками «с платы грошовыми, даньми медовыми, дяклы рѣжаными, овсяными и санными и со всеми пожитъки», идущими на государя и на его врьдъ. Владѣніе это продолжится «до очыщеня именей его в земли Полоцкой». Далѣе грамота говоритъ тивуну: «а што бы платовъ и доходовъ нашихъ господарьскихъ с тыхъ волокъ за теперешний рокъ 69-й прыходити мело, и ты бы с тыхъ волокъ, в которые его увяжешъ, тыхъ платовъ вжо на нас не бралъ, але ему вжо тые платы и доходу ку пожитъку его брати допустилъ, кдыжъ онъ ничымъ на сес часъ з скарбу нашего опатронъ быти не могъ. И вжо бы еси в тые волоки и люди, и в пожитъки, з нихъ прыходячыє, ничымъ ся не вступовалъ и заховалъ ся бы еси в томъ водлугъ сего розказанья и листу нашего конечно» ¹⁾. Подобно остальнымъ державцамъ, тивуны передаютъ кредиторамъ скарба земли, заложенныя имъ государемъ. Такъ, «тивуну въ' земли Жомоитской волости Ретовское, пану Марку Внучьку, а в небытности самого Внучка в тивунстве Ретовскомъ, наместнику его тамошнему Ретовскому» было приказано Сигизмундомъ Августомъ выбрать въ тивунствѣ 200 осѣлыхъ волокъ и передать ихъ Вой-

---

ментъ между актами 1569 года. «Подпись руки господарьское. Лаврын Война, подскарбий дворный писар.». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 62—62 об.

¹⁾ «Листъ до пана Станкевича, ижбы восполок з дораннимъ (sic) его кр. милости обрал у волости Ойракогоской волокъ сорокъ, людми оселыхъ, и подал то пану Лукашу Гарабурде до очыщеня именей его в земли Полоцкой».

Дата: Люблинъ, 3 авг. 1569 года. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 65 об.—66 об.

теху Стабровскому, писарю людей служебныхъ, которому скарбъ долженъ 2425 копъ 32 гроша и 7 пенезей. Но можетъ случиться, что эта передача волокъ тивунства другому лицу окажется не-пріятною тивуну. На этотъ случай грамота ему предлагаетъ слѣдующее: «паклижъ бы еси въ той сумѣ пенезей Стабровскому двухъ сотъ волокъ поступити не хотячы, его сумы пенезей, 2425 копъ 32 грошы пенезей 7, отдати ся поднялъ, тогда мы господарь тебе то позволяемъ; кгда тую суму пенезей Стабровскому заплатышь и отдаси, тогда 200 волокъ, людми оселыхъ, в тивунствѣ своемъ тымъ обычаемъ держати будешъ, якъ с тобою потомъ отъ насъ господара постановене вчынено будетъ»¹⁾. Стоя во главѣ тивунства и вѣдая его администрацію, тивунъ, естественно, собираетъ съ него и серебщизну, если послѣдняя наложена сеймомъ²⁾.

Мы видѣли выше, что тивунъ собираетъ доходы, принадлежащіе въ его тивунствѣ государю. Но акты знаютъ и случаи пожалованія изъ этихъ доходовъ юргельтовъ, т.-е. денежныхъ жалованій, самому тивуну, который такимъ образомъ, сверхъ своихъ обыкновенныхъ доходовъ, какъ державцы-тивуна, получаетъ и нѣкоторую сумму изъ скарбовыхъ поступленій. Такъ, тотъ же Маркъ Внучко, тивунъ Ретовскій, имя котораго мы только что приводили, получилъ въ 1579 году сто копъ грошей ежегоднаго юргельта изъ поступленій въ скарбъ съ его тивунства³⁾.

Кромѣ Жомойтскихъ тивуновъ, источники изслѣдуемаго времени знаютъ — Виленскаго и Троцкаго, т.-е. тивуновъ центральныхъ повѣтовъ двухъ старѣйшихъ воеводствъ Литовскихъ. Въ болѣе раннее время, въ началѣ XVI столѣтія, должность тивуновъ существовала не только въ Вильнѣ и Трокахъ, но и въ Кіевѣ, Полоцкѣ, Городнѣ и т. д., какъ наслѣдіе удѣльной эпохи, уцѣлѣвшее и при намѣстникахъ и воеводахъ, замѣнившихъ удѣльныхъ

¹⁾ «Листъ Стабровского, до пана Внучка писанный, ижъбы ему в тивунствѣ своемъ в сумѣ пенезей завел и поступил волок двесте». Дата: Люблинъ, 27 мая 1569 года. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 33 об.—34 об.

²⁾ См. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 13—14. («Тые листы тымъ обычаемъ писаны о серебщизну». Дата: Вильна, 14 іюля 1563 года). Также—*ibidem*, л. 25 об.—27. («Лист до тивуна Ужвентьского и Вешвенского о серебщизне». Дата: Вильна, 9 іюля 1563 года).

³⁾ «Привилей пану Марку Внучку тивуну Ретовскому на сто коп грошей в кожъдый год юргелту с тивунства Ретовского». Дата: Вильна, 13 іюня 1579 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 224 об. и сл.

князей ¹⁾. Но съ теченіемъ времени эти тивунства исчезли совершенно, и только два изъ нихъ—Виленское и Троцкое—сохранились, продолжая существовать въ изслѣдуемую эпоху ²⁾. Какъ Виленскій, такъ и Троцкій тивуны имѣли въ своемъ завѣдываніи дворы и волости, составлявшіе ихъ тивунства ³⁾. Въ привилеѣ на тивунство и городничество Троцкое, данномъ Стефаномъ Баторіемъ дворянину королевскому Мартину Стравинскому ⁴⁾, читаемъ: «дали есмо преречоному Марѣтину Стравиньскому врьдъ тивунство и городничое Троцкое с фольварками, з людьми тяглыми и осадными, з озерами и зо всимъ потому, што ку тому вьраду здавна належить и прислухаеть, ни в чомъ его не зменьшиваючы». На первый взглядъ можетъ возникнуть вопросъ, къ которому изъ двухъ врьдговъ, жалуемыхъ пану Стравинскому, принадлежать эти земли, но далѣе самъ документъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ, относя ихъ именно къ тивунству, а не къ городничеству. Тотъ же документъ рисуеть и картину довольно печальнаго положенія тивуна Троцкаго, такъ какъ значительная часть его владѣній отдана кредиторамъ скарба въ залогъ взятыхъ у нихъ денегъ. Правда, что пану Стравинскому разрѣшается выкупить эти земли у лицъ, которымъ онѣ «заведены», но, конечно, это не измѣняетъ печальной картины состоянія его тивунства ⁵⁾. Управляя землями

¹⁾ М. К. Любавскій. Обл. дѣл. и м. упр. Л.-Р. гос. Стр. 92.

²⁾ См. списки тивуновъ у *Bonieckiego*. *Poczet Rodów. Spis dign. i urz.* Str. VI—VIII. Ср. также X. *W. Skrzetuski*. *Prawo polityczne narodu polskiego*. T. I. Warszawa. 1782. Str. 212.

³⁾ М. К. Любавскій. Обл. дѣл. и м. упр. Л.-Р. гос. Стр. 92 и 140.

⁴⁾ «Привилей пану Мартину Стравинскому на тивунство и городництво Троцкое». Дата: Брянскъ, 30 іюля 1576 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 56—57.

⁵⁾ «Маеть панъ Марѣтинъ Стравиньскій тот вьрад тивунство и городничое Троцкое держати, всякое учѣстивости на немъ уживаючы. А ижь есть не мало людей и селъ нашихъ господарьскихъ того тивунства Троцкаго заставою заведено в певной суме пенезей, на потребу речи посполитое до скарбу земского взятое, ино, кгда ся тые добра до столу нашего зъ скарбу нашего окупать, тогды никто инъшій, одно тот тивунъ нашъ, панъ Марѣтинъ Стравиньскій, маеть при томъ тивунстве то все держати, чинечи с того вьраду личбу зо всехъ приходовъ и доходовъ нашихъ, в скарбъ нашъ належачихъ, а беручи тежь на себе пожитки с того тивунства и городництва водле реистровъ и личбы скарбное и яко першие тивунове держали и уживали. А пакли бы тежь такъ борздо тые добра наши господарские не могли ся окупити з скарбу нашего, ино даемъ моцъ симъ листомъ нашимъ пану Стравиньскому то своими властными пенезми окупит, а то все держать и на себе вживат до отложснѣя тое сумы пенезей зъ скарбу нашего, в чомъ было то первой заведено». *Ibidem*.

тивунства, тивунъ, подобно державцѣ, вѣдаетъ въ нихъ господарское хозяйство и администрацію, давая отчетъ въ доходахъ скарбу и самъ получая съ нихъ свои доходы. Что касается до тивунства Виленскаго, то, кромѣ земель его, «в справе и заведанью» Виленскихъ тивуновъ находился мостъ «в Неменьчине на реце Вельи», а также при мѣстѣ Виленскомъ дворъ съ сажовками для храненія рыбы для господарской кухни ¹⁾. Тивуны называются уже врядниками въ актахъ Литовскихъ. Но

¹⁾ «Лист на древництво пану Станиславу Нарушевичу и на домъ в мѣсте Виленскомъ.—Генърикъ Божю милостью etc. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ. Мовиль намъ подскарбий земскій великого князства Литовского, писар нашъ, державца Марковский и Мядельскій, Ушпольскій и Пеняньскій, панъ Миколай Нарушевичъ (л. 18 об.) именемъ тивуна Виленского пана Станислава Нарушевича, брата своего, о томъ, ижъ што который двор при мѣсте Виленскомъ за Вельею зъ сажовками для хованья рыбъ до кухни наше господарское завѣжды былъ в справе и заведанью першихъ тивуновъ Виленскихъ, предковъ пана тивуновыхъ, такъже и мостъ в Неменьчине на реце Вельи, што потомъ в розные руки пришло з неменьшимъ уближеньемъ того вряду стародавного, и просилъ насъ панъ подскарбий именемъ брата своего, абы есмо такового уближенья брату его в томъ вряде тивунскомъ над звычай стародавний далей поносити не допустили, але то, што здавна ку тому вряду прислухало, ку нему за ся привернули. Якожъ и некоторые зъ ихъ милости пановъ-рад великого князства Литовского, а меновите воевода Виленскій, канъцлер нашъ великого князства Литовского, староста Лидскій, Мозырскій, державца Борысовскій, панъ Миколай Радивиль и зъ иными ихъ милость паньрадами оного паньства, насъ о томъ за паномъ тивуномъ Виленскимъ жедаячи, справу намъ того дали, ижъ тотъ дворъ при мѣсте Виленскомъ за Вельею, такъже и мостъ в Неменьчине на реце Вельи былъ зъ стародавна в справе и въ заведанью тивуна Виленского. А такъ мы на прозбу, отъ пана тивуна Виленского до насъ донесену, и за жеданьемъ ихъ милости пановъ-рад нашихъ и данем в томъ таковое справы отъ ихъ милости, бачечи речъ слышную, абы кожъдый вряд на всемъ в целости и важности своей стародавней захованъ былъ, уближенья и нарушенья никоторого ни в чомъ не поносячи, тотъ дворъ при мѣсте Виленскомъ за Вельею зъ сажовками и зо всемъ кгрунътомъ и с тымъ всемъ, што кольвекъ здавна (л. 19) ку тому двору належало, и тежъ древництво при замку Виленском и мостъ в Неменьчине на реце Вельи за ся ку тивунству Виленскому приворочаемъ и привлацаемъ такъ, ижъ вже отъ того часу, яко панъ тивунъ теперешний, такъ иные потомъ тивунове Виленские, то все, яко ся вышей поменило, ку тивунству Виленскому держати и то в справе и заведанью вряду своего тивунского вечъными часы подле стародавного обычаю мети мають. И на то дали есмо пану тивуну Виленскому сесь нашъ листъ с подписомъ руки наше и зъ нашою печатью. Писанъ у Кракове» 12 апрѣля 1574 года. «Подписъ руки короля его милости». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 18 об.—19 об.

они болѣе походили на державцевъ, чѣмъ на врядниковъ, какъ ихъ понимаетъ Княжество послѣ реформъ шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія. Къ знакомству съ врядниками Литовскими теперь и обратимся.

Государственные уряды Литовскіе распадаются на нѣсколько категорій. Прежде всего изъ нихъ выдѣляются уряды сенаторскіе, т.-е. воеводы, кашталяны и рядъ министровъ Княжества. Врядники несенаторскіе, въ свою очередь, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ: 1) врядники земскіе, 2) врядники дворные и 3) врядники мѣстскіе. Не говоря уже о дѣленіи всѣхъ урядовъ на высшіе и низшіе, на начальниковъ и подчиненныхъ, необходимо земскихъ врядниковъ раздѣлить на повѣтовыхъ и общегосударственныхъ, а врядниковъ мѣстскихъ на шляхетныхъ и нешляхетныхъ. Только врядниковъ мѣстскихъ, каковыми бывали иногда шляхтичи, мы не будемъ касаться въ настоящемъ томѣ нашего изслѣдованія вряды же сенаторскіе будутъ разсмотрѣны отдѣльно въ слѣдующей главѣ. Начнемъ нашъ обзоръ съ врядовъ повѣтовыхъ, какъ наиболѣе близкихъ къ массѣ землянства-шляхты, постоянно находящихся въ сношеніяхъ и связи съ нею, а затѣмъ перейдемъ къ врядамъ общегосударственнымъ, земскимъ и дворнымъ. Литовскій повѣтъ является территоріальною единицею, имѣющею значеніе административное, судебное, военное и политическое. Каждый повѣтъ Княжества имѣлъ своихъ должностныхъ лицъ, державшихъ въ своихъ рукахъ повѣтовую администрацію, каждый повѣтъ имѣлъ свои суды, свой сеймикъ, какъ политическое собраніе, и своихъ должностныхъ лицъ, становившихся на челѣ повѣтовой шляхты во время рушенья повѣта. Администрація повѣтовая находилась въ рукахъ повѣтовыхъ старостъ въ нецентральныхъ повѣтахъ воеводствъ, а также и въ повѣтахъ центральныхъ воеводствъ, учрежденныхъ въ 1566 году, — и въ рукахъ воеводы въ повѣтахъ центральныхъ воеводствъ, существовавшихъ до введенія новаго территоріальнаго дѣленія. Мы уже видѣли значеніе и дѣятельность старостъ судовыхъ, а съ административно-судебною дѣятельностью воеводъ познакомимся въ слѣдующей главѣ. Кромѣ старостъ, каждый повѣтъ имѣлъ цѣлый рядъ повѣтовыхъ врядниковъ. «Списанье поветовъ великого князства Литовского и врядниковъ в нихъ» ¹⁾ въ цент-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 197 об.—203 об. Издано М. К. Любавскимъ Лит.—Р. сеймъ. Приложенія. № 79.

ральных повѣтахъ воеводствъ называетъ, кромѣ воеводы и кашталяна—подкоморія, хоружія, судью, подсудка и писаря, а въ повѣтахъ нецентральныхъ, не имѣвшихъ, слѣдовательно, воеводы и кашталяна,—маршалка, подкоморія, хоружія, судью, подсудка и писаря. Но кромѣ этихъ врядниковъ, повѣты Княжества имѣли еще, какъ увидимъ, цѣлый рядъ другихъ, не упомянутыхъ Списаньемъ повѣтовъ и врядниковъ Литовскихъ. Во главѣ повѣтовыхъ врядниковъ Списанье ставитъ маршалковъ въ повѣтахъ нецентральныхъ; имъ соотвѣтствуютъ кашталяны въ центральныхъ повѣтахъ воеводствъ. Актами и другими источниками упоминаются въ великомъ княжествѣ Литовскомъ маршалки слѣдующихъ пяти видовъ: 1) повѣтовые, 2) государевы, 3) маршалокъ Волынской земли, 4) дворный маршалокъ и 5) земскій ¹⁾. Памятники рано, еще въ XV вѣкѣ, хорошо знаютъ маршалковъ. Г. Юсифъ Вольфъ какъ перваго маршалка земскаго, называетъ Волимунтонича Румбольда, назначеннаго на этотъ урядъ въ концѣ 1411 или въ началѣ 1412 года ²⁾; а первымъ дворнымъ маршалкомъ тотъ же авторъ считаетъ Григорія Станиславовича Остиковича, получившаго дворное маршалковство въ іюлѣ 1494 года ³⁾. Но въ книгѣ Бонецкаго «*Poczet Rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku*», вышедшей черезъ два года послѣ появленія въ печати списковъ сенаторовъ и дигнитаровъ Литовскихъ Вольфа, встрѣчаемъ Станислава Чупурну въ качествѣ маршалка земскаго съ 1396 года и Милона, съ того же 1396 года занимавшаго урядъ маршалка дворнаго ⁴⁾. Особенно серьезнымъ является разногласіе обоихъ составителей столь полезныхъ для изслѣдователя пособій въ вопросѣ о времени учрежденія въ Литвѣ маршалковства дворнаго, такъ какъ цѣлое столѣтіе (1396—1494) отдѣляетъ дату, принимаемую Бонецкимъ, отъ даты Вольфа. Во всякомъ случаѣ, ошибка г. Вольфа несомнѣнна. Можно привести цѣлый рядъ упоминаній источниковъ о дворныхъ маршалкахъ ранѣе 1494 года.

¹⁾ Къ этимъ видамъ маршалковъ, какъ должностныхъ лицъ государственныхъ, нужно прибавить еще маршалковъ частныхъ лицъ, бывшихъ слугами послѣднихъ.

²⁾ *Józef Wolff. Senatorowie i dignitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego (1386—1795). Kraków. 1885. Str. 167.*

³⁾ *Ibidem. Str. 178.*

⁴⁾ *Adam Boniecki. Poczet Rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa. 1887. Spis dignitarzy i urzędników duchownych i świeckich. Str. XIV—XV.*

Напримѣръ, 1 іюня 1492 года великій князь Литовскій Александръ писалъ изъ Вильны грамоту къ маршалку своему, намѣстнику Смоленскому пану Миколаю Ивановичу Ильинича, а «правиль» эту грамоту маршалокъ дворный, намѣстникъ Мерецкій и Оникшгенскій, панъ Григорій Станиславъ Остиковича ¹⁾. Можно привести еще болѣе раннія упоминанія актовъ о дворныхъ маршалкахъ. Такъ, въ числѣ лицъ, которыя присутствовали при пожалованіи Витовтомъ Станиславу Дзядку Дорогицкаго войтовства былъ Гаштольдъ, дворный маршалокъ ²⁾. Что касается до компетенціи маршалковъ земскаго и дворнаго, то рѣчь о ней будетъ ниже, когда будемъ разсматривать сенаторскіе вранды Княжества. Теперь намъ необходимо лишь указать на время возникновенія въ Литвѣ маршалковства вообще, какъ уряда государственнаго. Переходя къ вранду маршалка повѣтоваго, мы должны прежде всего напомнить, что повѣтовый маршалокъ находился въ каждомъ повѣтѣ великаго княжества Литовскаго, не имѣвшемъ въ воеводствѣ значенія центральнаго. Г. Вольфъ говоритъ ³⁾, что должность повѣтоваго маршалка была создана въ 1569 году во время Люблинскаго сейма. Но стоитъ заглянуть въ статутъ 1566 года, чтобы замѣтить сразу ошибку Вольфа: маршалки, какъ и земства (земскіе суды), существуютъ уже въ эту эпоху въ повѣтахъ ⁴⁾. Повѣтовые маршалки во всѣхъ нецентральныхъ повѣтахъ воеводствъ Княжества должны были считать своимъ родоначальникомъ маршалка земли Волынской, существовавшего въ этой землѣ со времени Свидригайла, учредившаго на Волыни, захваченной имъ, свой дворъ по образцу Польскаго ⁵⁾. Обязанности маршалка Волынской земли обрисовываются довольно отчетливо грамотою Сигизмунда Стараго, данною въ 1525 году. Обращаясь ко всѣмъ князьямъ, панамъ, землянамъ и дворянамъ, владѣющимъ имѣніями въ Луцкомъ и Владимірскомъ повѣтахъ, король въ этой грамотѣ говоритъ, что къ нему присылалъ Владимірскій староста князь Андрей Александровичъ Сангушковичъ, «оповѣдаючи», что онъ уже старъ

¹⁾ Вил. Арх. Сб. III. № 2.

²⁾ „Praesentibus nobilibus et strenuis Generosio de Talewicze, Nicolao Stancho, Jacobo de Cobilani, curiae nostrae marschalco Gasztoldo Juscono alias Herņiko, supremo cubiculario Radziwiłko et aliis quam plurimis fide dignis fidelibus nostris dilectis“. Акты *Леонтовича*. Т. I. Вып. I. Варшава. 1896. № 2 (послѣ 25 дек. 1428 года).

³⁾ *J. Wolff*. Senat. i dign. Str. 166.   ⁴⁾ Нпр., II ст. II. 6.

⁵⁾ *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 209.

и потому не можетъ съ Луцкими и Владимірскими обывателями «на службы» ѣздить «и тымъ враномъ, маршалковствомъ Волинское земли, справовати». Онъ проситъ Сигизмунда, чтобы вмѣсто него было дозволено его сыну, князю Теодору, ѣздить съ обывателями на государевы службы «и тымъ враномъ справовати». Исполняя его просьбу, король говорилъ въ своемъ листѣ: «ино мы, бачачы на его старость, ижъ онъ вжо недужъ на службы наши ѣздити и тымъ враномъ справовати, дозволили есмо на его мѣстцо сыну его, князю Теодору, на тую службу нашу нинѣшнею и на иныи службы наши, гдѣ бы кольвекъ потреба вказывала, зъ вами ѣздити и тымъ враномъ, маршалствомъ Волинское земли, справовати». Въ заключеніе обывателямъ предписывается быть послушными князю Теодору на службахъ государевыхъ такъ же, какъ они слушались и его отца ¹⁾. Такимъ образомъ, Волинскій маршалокъ былъ вождемъ обывателей Волинской земли во время рушенья ихъ. Повѣтовый маршалокъ въ другихъ земляхъ Княжества былъ такимъ же вождемъ рушившейся шляхты его повѣта. Напримѣръ, листъ, данный Сигизмундомъ Августомъ въ февралѣ 1567 года «урождоному» Адаму Косинскому, прекрасно подтверждаетъ это значеніе маршалковского уряда. Въ этомъ листѣ читаемъ: «z łaski naszej Królewskiej dalismy y tym listem naszym daiemy przerzeczonemu Adamowi Kosinskiemu marszałkowstwo na dworze naszym, ktorego on urzędu marszałkowskiego wedle zwyczaju starodawnego we wszelakich sprawach, temu urzędowi zdawna należących ma używac. A k temu wedle Statutu Państwa naszego Wielkiego Xięstwa Litewskiego czasu woyny przydawamy mu powiaty Drohicky y Mielnicki, gdyż jeden chorągwy w tych powieciech chorągwią sprawuie; ktore powiaty on sprawą swą ma wiesc do woyska naszego, zachowuiąc się, iako y ini marszałkowie naszymy». ²⁾ Привилей Косинскому, выписка изъ котораго только что приведена нами, рисуя обязанности маршалка во время войны, въ то же время говоритъ и объ обязанностяхъ его на дворѣ государевомъ. Во время войны, какъ мы уже видѣли, повѣтовый маршалокъ стоитъ во главѣ рушившейся шляхты своего повѣта. Онъ принимаетъ отъ повѣтоваго хоружія шляхту повѣта и ведетъ ее послѣ рапорта хоружія къ воеводѣ того воеводства, въ составъ котораго входитъ его повѣтъ. Когда шляхта повѣта,

¹⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 79.

²⁾ Лит. Метр. III A л. 36 об.

предводимая своимъ маршалкомъ, достигла мѣста стоянки воеводы, маршалокъ вмѣстѣ съ хоружимъ «мають здати и оповѣдати шляхту воеводѣ, кого нѣтъ, а за чимъ гдѣ»¹⁾. Такъ ясно опредѣляетъ статутъ обязанности повѣтоваго маршалка во время рушенья. Но какія же обязанности были у маршалка на дворѣ государевомъ и въ какомъ отношеніи находится врьдъ маршалка повѣтоваго къ маршалковству господарскому? Уже привилей Косинскому, приведенный въ части своего текста выше, намекаетъ на тожество маршалковъ повѣтовыхъ съ маршалками господарскими. Но чтобы убѣдиться въ этомъ вполнѣ, посмотримъ на имена маршалковъ повѣтовыхъ и маршалковъ господарскихъ конца шестидесятихъ годовъ XVI вѣка: тожество ихъ докажетъ и тожество самыхъ врьдовъ. «Списанье поветовъ»²⁾ даетъ возможность составить довольно полный списокъ повѣтовыхъ маршалковъ. Вотъ онъ: повѣтъ Ошменскій—панъ Павелъ Островицкій, повѣтъ Браславскій— князь Лукашъ Болеславовичъ Свирскій, повѣтъ Городенскій—панъ Иванъ Воловичъ, повѣтъ Ковенскій— князь Ярославъ, повѣтъ Лидскій—панъ Янъ Волчекъ, повѣтъ Упитскій—панъ Александръ Θεодоровичъ Владыка, повѣтъ Мозырскій—панъ Каленицкій Василевичъ Тишковичъ, повѣтъ Владимірскаго—панъ Петръ Богдановичъ Загоровскій, повѣтъ Кремянецкій—панъ Михаилъ Ело, повѣтъ Слонимскій—панъ Иванъ Яцыничъ, повѣтъ Оршанскій— князь Одинцевичъ, повѣтъ Мельницкій³⁾—панъ Косинскій, повѣтъ Бѣльскій—панъ Николай Павловичъ Сопега, воеводичъ Новгородскій, повѣтъ Пинскій—панъ Олизаръ Кирдей Мыльскій, повѣтъ Рѣчицкій—панъ Оникій Горностай. Пересматривая этотъ списокъ, мы видимъ не показанными имена лишь маршалковъ Вилькомирскаго и Волковыйскаго. Что касается до повѣта Дорогицкаго, то мы уже знаемъ, что онъ имѣлъ общаго маршалка съ повѣтомъ Мельницкимъ, а въ центральныхъ повѣтахъ воеводствъ, въ которыхъ существовали кашталяны, маршалковъ не было совсѣмъ. Имѣя передъ глазами только что приведенный списокъ повѣтовыхъ маршалковъ, посмотримъ на имена маршалковъ «господарскихъ», такъ часто упоминаемыхъ актами. Вотъ, на примѣръ, «маршалокъ его королевское милости князь Лукашъ

¹⁾ II ст. II. 6.   ²⁾ Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 197 об.—203 об.

³⁾ Мы уже знаемъ, что Косинскій имѣлъ въ своемъ завѣдываніи и хоругвь Дорогицкую. Лит. Метр. $\frac{III A}{8}$ л. 36 об.

Болѣславовичъ Свирскій» ¹⁾ (1566 года 3 января), «маршалокъ нашъ (Сиг. Авг.) - панъ Петръ Богдановичъ Загоровскій» ²⁾ (1566 г. 24 авг.), «маршалокъ нашъ (Сиг. Авг.), писарь замковъ украинныхъ панъ Иванъ Ивановичъ Гришковича Воловича» ³⁾ (1568 г. 16 июня), «маршалокъ нашъ (Сиг. Авг.), державца Оршанскій князь Андрей Семеновичъ Одинцевича» ⁴⁾ (1566 г. 21 авг.), «маршалковая его королевское милости, кнегиня Ярославовая Матфеевича, кнегиня Дорота Костевна» ⁵⁾ (1569 г.). Имена маршалковъ государевыхъ, приведенныя нами изъ различныхъ документовъ, всѣ находятся въ спискѣ повѣтовыхъ маршалковъ, который мы видѣли выше. Полагаемъ, изъ этого можно сдѣлать выводъ, что маршалки повѣтовые были въ то же самое время и маршалками королевскими. Это обобщеніе подтверждаютъ и сами акты. Въ листѣ, данномъ Сигизмундомъ Августомъ въ Городенскій повѣтъ 13 іюля 1567 года о «показанью се на войну, яко до-потребы в Молодечне» ⁶⁾, читаемъ: «маршалку нашему пану Ивану Воловичу, хоружому, зѣмяном и двораном нашимъ и всему рыцерству-шляхте тымъ, которые имена свои в повете Городенскомъ мають...», а между тѣмъ въ той же книгѣ Литовской Метрики Иванъ Воловичъ значится маршалкомъ повѣта Городенскаго ⁷⁾.

Итакъ, врядъ маршалковъ повѣтовыхъ былъ врядомъ, служившимъ постоянною связью между королемъ и повѣтомъ. Въ эпоху до Люблинской Уніи маршалки повѣтовые даже были членами рады Княжества ⁸⁾, подобно кашталянамъ, имѣвшимъ аналогичное съ маршалками значеніе для центральныхъ повѣтовъ воеводствъ. Унія 1569 года, слившая сенаты Польскій и Литовскій въ общій сенатъ соединеннаго государства, оставила маршалковъ повѣтовъ внѣ этого сената, и они перестали быть панами-радами, хотя Литва и требовала отъ Польши послѣ Уніи не разъ возвращенія имъ ихъ сенаторскихъ кресель ⁹⁾. Повѣтовые маршалки

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{50}$ л. 8.   ²⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 9; 31, 31 об.

³⁾ Ibidem. Л. 12.   ⁴⁾ Ibidem. Л. 10 об.   ⁵⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. 190.

⁶⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 150 об—151.

⁷⁾ Ibidem. Л. 199. *М. К. Любавскій* (Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 729 и др.) доказываетъ тожество маршалковъ господарскихъ съ маршалками повѣтовыми, идя въ своемъ изслѣдованіи нѣсколько инымъ путемъ.

⁸⁾ См. *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 840.

⁹⁾ См. первую главу.

господарскіе приравнивались къ меньшимъ каштелянамъ Короны. При такомъ высокомъ значеніи уряда повѣтовыхъ королевскихъ маршалковъ естественнымъ дальнѣйшимъ повышеніемъ ихъ по лѣстницѣ служебной іерархіи являлось сенаторское кресло—каштелянство. Такъ, панъ Мальхеръ Завиша былъ назначенъ ¹⁾ Сигизмундомъ III 6 февраля 1588 года изъ маршалковъ королевскихъ на Витебское каштелянство. Король сдѣлалъ это назначеніе, «маючи залецоную годность и службы» своего маршалка, пана Завишы, которыя онъ служилъ королямъ и государству «з молодости» своихъ лѣтъ и которыя «з нелитованьемъ маетности своее на войнахъ оказывал», заслуживая тѣмъ «ласку» государеву. Желая его наградить и тѣмъ «хутливого ку службамъ» своимъ и «речи посполитое способити и учтивостью стану сенаторского обдарити», король ввелъ его «в лавицу межи иныхъ пановъ-радъ» своихъ, давъ ему Витебскую каштелянію. Панъ Завиша такимъ образомъ перешелъ изъ стана шляхетскаго въ станъ сенаторскій. Такое возвышеніе маршалка до сенаторскаго кресла было далеко не исключительнымъ явленіемъ ²⁾. Число маршалковъ въ эпоху послѣ областной реформы шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка и послѣ Уніи 1569 года было точно опредѣлено въ противоположность порядкамъ предшествующаго времени, когда число ихъ иногда произвольно увеличивалось королемъ съ единственною цѣлью ввести новыхъ лицъ въ свою раду ³⁾. Въ изслѣдуемую эпоху самое назначеніе новаго маршалка было возможно только тогда, когда какое-нибудь маршалковство дѣлалось вакантнымъ. Прибавленіе словъ «по смерти» маршалка - предшественника, встрѣчающееся во многихъ такихъ назначеніяхъ, ясно подчеркиваетъ это ⁴⁾.

1) Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 277, 277 об.

2) См. *J. Wolff*. Senat i dign. Str. 176, 177

3) *M. K. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 336—339.

4) *I. Wolff*. Senat. i dign. Str. 177. Вотъ образецъ привилея на маршалковство: «листъ на маршалковство Городенское. Стефан Божю милостю корол Полскій etc. Ознаймуем сим нашим листом всим посполите и кождему зособьна, иж мы господарь, маючи ласкавый взъглядъ на зацности и старожытность дому князя Федора Ивановича Масалского также на верные и пилные послуги его, а к тому маючи залецоною (sic) годность в пилности службахъ наших а хочечи мы и вперед службам нашим тым пилнейшого и охотнейшого учинити и достоинством враду земского, маршалковскомъ (sic) з ласки нашео господарское опатрыт, дали есмо ему врад маршалковскій, который на тотъ

Кромѣ своихъ обязанностей во время повѣтоваго рушенья, маршалки несли еще обязанности надворѣ королевскомъ. На маршалковъ повѣтовыхъ - королевскихъ нерѣдко возлагалось разбирательство судебныхъ дѣлъ, восходившихъ въ дворный королевскій судъ. Вотъ на примѣръ, «Реистра книги справ судебныхъ, писаны зъ росказанья господаря, короля его милости и великого князя Жикгимонта Августа, которые справы сужоны и справованы за росказаньемъ его милости господарьскимъ на сойме великомъ вальномъ у Вильни на поладу его кролевское милости через маршалковъ его милости господарьскихъ, на судебныя справы отъ его милости на тотъ часъ высажонныхъ, пана Юря Васильевича Тишкевича, державцу Волковыйского а пана Григоря Есифовича Тризну а пана Михаила Тихновича Козиньского. А записываны тые судебныя справы зъ росказанья господарьского через дьяка моего, Яна Миколаевича Гайка, маршалка и писара господаря короля его милости, конюшого Городеньского, державцы Ошмянского, Вилькейского и Красносельского на имя Яна Закревского, которые вси справы судебныя нижейменовите до тыхъ книгъ есть вписаны» (18 ноября 1565 года)¹⁾. Въ числѣ ассесоровъ, разсматривавшихъ судебныя дѣла на дворѣ королевскомъ, также бывали маршалки. На примѣръ, «зъ росказанья» короля Стефана Баторія 20 марта 1584 года «смотрели того дела на дворе» королевскомъ «у Вилни ассесорове, отъ» короля «высажонные», кашталяны Витебскій и Берестейскій и маршалки королевскіе «князь Лукашъ а князь Янъ Болеславовичи Свирские и панъ Мартинъ Стравинскій»²⁾.

По своему положенію въ ряду другихъ должностныхъ лицъ маршалки стояли очень высоко. Въ спискѣ врядниковъ, находя-

---

часъ ваковал по небожчику пану Ивану Воловичу, и сим листомъ нашимъ до живота его, або до лепшого опатрєня нашего. Маеть помененый князь Федоръ Масалскій тотъ врядъ маршалковскій держати и всякихъ пожитковъ и учтивости, на тотъ врядъ належачихъ, постерегати и во всемъ водлугъ звыклого обычаю и повинности вряду своего заховатися такъ, яко и интышыя маршалкове наши въ поветехъ панства нашего великого князтва Литовского заховывають. И на то есмо звыш мененому князю Федору Масальскому дали сес нашъ листъ съ подписомъ руки наше господарское, до которого на твърдостъ и печать нашу прытиснути казали есмо. Писанъ у Городне летъ отъ нароженья Сына Божего 1582 месеца июня 28 дня. Потъписъ руки господарское». Лит.

Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 158.

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{II A}{50}$

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 187 и 187 об.

щемся въ девятой книгѣ Публичныхъ дѣлъ Литовской Метрики ¹⁾, маршалки названы послѣ пановъ-радъ, подчашія, крайчія, стольника, дворнаго подскарбія, мечнаго, чашника и хоружихъ земскаго и дворнаго Княжества, но выше старость, державцевъ и тивуновъ Жомоитскихъ ²⁾. Въ спискахъ врядниковъ повѣтовыхъ маршалки стояли во главѣ ихъ всѣхъ, т.-е. выше подкоморія, хоружія и земскихъ судьи, подсудка и писаря ³⁾. Такое же высокое мѣсто занимаютъ маршалки и въ королевскихъ универсалахъ ⁴⁾. Что касается до совмѣщенія маршалковства съ другими должностями, то оно было совершенно возможно. Такъ, державца Куренецкій, панъ Мальхеръ Зыгмунтовичъ Сновскій былъ маршалкомъ королевскимъ и въ то же время земскимъ Новгородскимъ судьей да сверхъ всего этого еще имѣлъ роту изъ двухсотъ всадниковъ и сотни пѣшихъ драбовъ ⁵⁾. Очень часто встрѣчается совмѣщеніе съ маршалковствомъ должности писаря королевской канцеляріи ⁶⁾, а также и другихъ врядовъ.

Кромѣ маршалковъ повѣтовыхъ, которые, какъ мы уже видѣли, были въ то же время и маршалками королевскими, акты знаютъ маршалка земли Волынской, маршалка дворнаго и маршалка земскаго, какъ врядниковъ Княжества. Въ эпоху, когда земля Волынская не была еще раздѣлена на воеводства и повѣты,

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. 160—162.

²⁾ Вотъ имена маршалковъ по этому списку, относящемуся къ самому началу 1569 года: панъ Шимковичъ, панъ Петръ Загоровскій, панъ Миколай Сопега, панъ Островицкій, панъ Иванъ Воловичъ, панъ Янъ Волчекъ, князь Ярославъ, панъ Владыка, панъ Каленицкій, панъ Ело, панъ Адамъ Косинскій, панъ Олизаръ Кирдей Мылскій, князь Лукашъ Свирскій, князь Янушъ Свирскій, панъ Малхеръ Сновскій, панъ Василий Загоровскій, панъ Александръ Вагановскій, князь Пузына. Ibidem, л. 161, 161 об.

³⁾ «Списанье поветовъ великого князства Литовского и врядниковъ в нихъ». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 197 об.—203 об.

⁴⁾ Нпр., «князем, паном, воеводам, кашталяном, маршалком, старостам, державцам и инымъ всимъ врядникомъ нашимъ, на якихъ кольвекъ врядахъ от насъ постановленнымъ, а в небытности ихъ самыхъ на врядахъ ихъ, ино ихъ подъяростимъ и наместникомъ...» Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{61}$ л. 116 об.

⁵⁾ «Листъ пана Сновского на Куренець», данный королемъ Генрихомъ въ Краковѣ 2 мая 1574 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 53, 53 об.

⁶⁾ Напр. Д. М. Арх. Мин. Юст. I. № 163 и др.

а сохраняла вполне цѣльность и нѣкоторую особность въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ ней существовала и особая должность маршалка Волынской земли, ведя свое начало еще со времени Свидригайлы. Но послѣ реформъ шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія она утратила свой смыслъ и послѣ Люблинской Уніи существовала лишь до смерти послѣдняго маршалка Волынской земли ¹⁾, вступившаго, нося этотъ титулъ, и въ Унію 1569 года. Такимъ образомъ, въ изслѣдуемый періодъ времени маршалковство Волынское было лишь пережиткомъ; притомъ, какъ врядъ, послѣ Люблинской Уніи принадлежавшій уже Коронѣ, а не Княжеству, оно не должно останавливать на себѣ нашего вниманія на настоящихъ страницахъ. Что касается до маршалковъ дворнаго и земскаго, то ихъ вряды были врядами сенаторскими, а потому мы и будемъ заниматься ими въ слѣдующей главѣ, предметомъ которой будетъ Литовскій сенатъ.

Рядомъ съ маршалкомъ въ нецентральному повѣтѣ воеводства и съ кашталяномъ въ центральному — стоялъ во времена рушенья шляхты повѣта хоружій. Повѣтовый хоружій былъ знаменосцемъ повѣтоваго рыцерства, народа-шляхты, обывателей повѣта. Въ «списаньѣ поветовъ великого князства Литовского и врядниковъ въ нихъ» ²⁾ находимъ описаніе хоругвей-знаменъ Литовскихъ воеводствъ ³⁾. Въ этомъ «списаньѣ», составленномъ передъ самою Унією 1569 года, обозначенъ цвѣтъ воеводскихъ хоругвей и приведены имена хоружихъ нѣкоторыхъ повѣтовъ; въ нѣкоторыхъ же повѣтахъ указанъ лишь врядъ хоружія, но не названо имени лица, въ данное время его занимавшаго. Цвѣтъ хоругви, та-

¹⁾ 13 февраля 1608 года.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 197 об.—203 об.

³⁾ Въ Виленскомъ воеводствѣ «чирвоная в белымъ полю гербъ», въ Троцкомъ—«лазуровая в беломъ полю гербъ», въ староствѣ Жомойтскомъ—«белая в чирвономъ полю гербъ», въ воеводствѣ Полоцкомъ—«сикоража в белом полю гербъ», въ Новгородскомъ—«пелистая в белом полю гербъ», въ Витебскомъ—«зеленая в беломъ полю гербъ», въ Берестейскомъ—«блякитная в чирвономъ полю гербъ», въ Мстиславскомъ—«жолътая в чирвоном полю гербъ», въ Минскомъ—«гвоздикова в беломъ полю гербъ». Въ воеводствахъ, отошедшихъ въ 1569 году отъ Княжества къ Коронѣ цвѣта хоругвей были слѣдующіе: въ Кіевскомъ—«папужъкова в чирвономъ полю гербъ», въ Волынскомъ—«брунатная в белумъ полю гербъ», въ Подляшскомъ—«хоруговъ Дорогицкая и Мельницкая жолто-горачая в белом полю гербъ», въ воеводствѣ Браславля Подольскаго—«шарая в чирвономъ полю гербъ».

кимъ образомъ, былъ одинъ для всѣхъ повѣтовъ одного и того же воеводства, и хоружіе отдѣльныхъ повѣтовъ воеводства носили совершенно одинаковыя знамена. Присмотримся теперь поближе къ повѣтовому хоружію, вьяднику, игравшему весьма замѣтную роль въ жизни народа-шляхты Литовской. Второй статутъ посвящаетъ вьяду хоружія *отдѣльный артикулъ* ¹⁾. Хоружимъ государь долженъ назначать «толко людей зацныхъ, добрыхъ, ростропныхъ, можныхъ и осѣлыхъ въ повѣтѣ томъ». Самое назначеніе хоружія дѣлается королемъ, но, разумѣется, шляхта можетъ рекомендовать ему на этотъ вьядъ обывателя, пользующагося ея довѣріемъ. Такъ наприимѣръ, по рекомендаціи мѣстной шляхты, Стефанъ Баторій назначилъ 6 декабря 1576 года, на вальномъ Торунскомъ сеймѣ, Василя Корсака хоружимъ повѣта Мозырскаго ²⁾. Въ привилеѣ, выданномъ Корсаку на эту должность, король говоритъ, что «писали и присылали» къ нему «князи, панове, земляне и вся шляхта повету Мозырского, ознаймуючи» королю, «ижь в ономъ повете Мозырскомъ хоружого тамошнего, Василя Лозьки, в животе не стало». Обыватели Мозырскіе бьютъ челомъ государю, чтобы онъ «имъ хоружого в тотъ поветъ Мозырскій з ласки» своей господарской далъ. При этомъ они «залецають» королю «писаньемъ своимъ обывателя тамошнего жь Василя Корсака, же на тотъ вьядъ есть годъный». Король, склоняясь на рекомендацію обывателей, назначилъ Корсака Мозырскимъ хоружимъ, и, по словамъ привилея, «маеть помененый Василей Корсакъ тот вьядъ Мозырскій, хоружьство, до живота своего держати и имъ радити и справовати тамъ в томъ Мозырскомъ повете, яко и у войску водълугъ статуту земьского и артыкуловъ, в немъ на владность хоруства описаныхъ, и во всемъ потому, яко першие хоружие Мозырскіе на томъ ся вьраде радили и справовали». Дѣлая назначеніе хоружія, король вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ ³⁾ обывателямъ повѣта оказывать ему «вшелякую учъстивость и послушенъство». Хоружій былъ центральной фигурой ереди братіи-шляхты повѣта во время повѣтоваго рушенья: онъ несъ

¹⁾ II ст. II. 5.

²⁾ Лит. Мстр. $\frac{I A}{56}$ л. 85 и 85 об. Тотъ же привилей—Лит. Мстр. $\frac{I A}{58}$ л. 127.

³⁾ «Про то вамъ всимъ обывателемъ стану шляхецького, которие коль-векъ именья и оселости свои в повете Мозырскомъ мають, приказуемъ, ажъ бы есте ему вшелякую учъстивость и послушенъство, што на вьяд его належит чинили».

знамя повѣта. Понятно, поэтому, государево требованіе отъ шляхты «учъстивости», почтенія по отношенію къ нему, но понятно и желаніе шляхты видѣть хоружимъ челоуѣка, почтеннаго въ ея собственныхъ глазахъ и ей желаннаго ¹⁾).

Свою хоругвь, свое знамя повѣтъ получалъ изъ скарба королевскаго. Держа ее, хоружій долженъ быть и вооруженъ вполне прилично для своего выдающагося положенія въ рядахъ «рушившейся» вооруженной шляхты. По требованію статута, онъ долженъ «на собѣ мѣти зброю добрую и гелмъ, албо прильбицу и бронь, а конь абы былъ подъ нимъ добрый» ²⁾. Когда великій вальный сеймъ сдѣлаетъ постановленіе ³⁾ о поднятїи всей земли на войну посполитымъ рушеньемъ, хоружіе извѣщаютъ объ этомъ шляхту, каждый—своего повѣта. Затѣмъ каждый повѣтовый хоружій выѣзжаетъ въ поле, наказавъ своимъ «повѣтникамъ», народу-шляхтѣ своего повѣта, съѣхаться къ нему за три дня до выступленія въ походъ. Когда повѣтовые обыватели соберутся со своими «почтами», хоружій повѣта вмѣстѣ съ ними отправляется къ каштеляну, или маршалку, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о центральномъ повѣтѣ воеводства, гдѣ дѣйствовалъ каштелянъ, или о прочихъ повѣтахъ воеводства, гдѣ вмѣсто него вѣдалъ это дѣло маршалокъ. Здѣсь хоружій даетъ отчетъ каштеляну, или маршалку—весь ли повѣтъ онъ привелъ сполна и кто изъ повѣтовыхъ обывателей находится при немъ, а кто не явился. Послѣ этого шляхта уже не съ однимъ хоружимъ, а съ нимъ и каштеляномъ, или маршалкомъ, «подъ каштеляновоу, або маршалковоу справоу», на-

¹⁾ Другіе примѣры назначенія хоружія см. — Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 53, «прывилей Ильи Ивановичу Харитоновича на хоружьство Новгородское». Ibidem. Л. 266 об.: «Василю Букрабе на хоружьство Берестейское»; «о томъ же до обывателей повету Берестейского писанный» (листъ). Ibidem. Л. 267; а также другіе примѣры.

²⁾ II ст. II. 5.

³⁾ Статутъ 1566 года отъ имени государя гласитъ: «такъ уставуемъ, ижъ гдѣ за потребоу земскою будетъ отъ насъ и пановъ-радъ албо гетмана всей земли розказано на войну ѣхати». (II ст. II. 6). Статутъ 1588 года говоритъ о рушеньѣ, собираемомъ лишь «з уеалы сойму великого вального» (III ст. II. 6). Варшавская конфедерация 1573 года (Vol. legum. II. 124—125), формально воспретившая королю посполитое рушенье безъ сеймового постановленія, внесенная потомъ и въ третій Литовскій статутъ (III ст. III. 3), измѣнила и артикулъ II статута о созывѣ рушенья. Поэтому, мы въ изложеніи своемъ слѣдовали акту Варшавской конфедерации, такъ какъ съ 1573 года порядокъ, излагаемый II-мъ статутомъ былъ уже измѣненъ.

правляется къ воеводѣ своего воеводства, и послѣднему кашталянъ, или маршалокъ вмѣстѣ съ хоружимъ «оповѣдаютъ» шляхту, подаютъ рапортъ, «кого нѣтъ, а за чимъ гдѣ»¹⁾. Въ своей дѣятельности хоружій подлежитъ строгой отвѣтственности, ибо отъ нея зависятъ въ значительной степени средства обороны Княжества. Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, воевода Виленскій, послѣ занятія Гомля Литовскимъ войскомъ въ 1535 году²⁾ писалъ къ гетману Юрію Радивилу о томъ, что королю сдѣлалось извѣстнымъ раскрытіе гетманомъ проступка одного хоружія, который отпустилъ изъ войска бояръ своего повѣта. Узнавъ объ этомъ, король сказалъ: «вѣдже дей вѣдаетъ панъ гетманъ, ижъ каждый таковой хоружій горломъ маеть каранъ быти, который бы кольвекъ хотя одного боярина хоружства своего втаилъ, або съ войска отпустилъ, што жъ то яснѣ и въ статутѣ и въ теперешней уставѣ нашей военной есть описано; а такъ не могъ бы дей панъ гетманъ лѣпѣй учинити, абы дей того хоружого, яко зрадцу нашего, который безъ воли наше и гетманское бояръ отпускаеть и тымъ войска уменьшаетъ, и насъ и речъ посполитую зражаетъ, ижъ бы его вывести казалъ посередъ всего войска, и казалъ бы ему горло взяти, абы ся инши съ того карали». Однако, Сигизмундъ Старый, говорившій эти слова, не совсѣмъ твердо помнилъ статью статута, на которую ссылался. Статутъ 1529 года постановлялъ карать хоружихъ, оставившихъ землянина дома, или отпустившихъ его изъ войска безъ вѣдома гетмана, не смертною казнью, а ли-

¹⁾ П ст. П. 6.

²⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 171. Документъ этотъ, отнесенный издателемъ (Н. И. Костомаровымъ) къ 23 іюля 1576 года, ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ этому времени. Виленскимъ воеводою въ 1576 году былъ князь Николай Юрьевичъ Радивилъ (1566—1584), а не Альбрехтъ Гаштольдъ, умершій въ 1539 году; точно также въ 1576 году и кашталянѣмъ Виленскимъ былъ Янъ Иеронимовичъ Ходкевичъ (1574—1579), а не Юрій Радивилъ († 1541 г.), а врьадъ земскаго подскарбія былъ занимаемъ не Иваномъ Горностаемъ, умершимъ въ 1558 году, а «ваковаль», такъ какъ Николай Нарушевичъ умеръ въ 1575 году, а Лавринъ Война, его преемникъ, былъ назначенъ только 30 іюля 1576 года (Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 18—22). Письмо это нужно относить къ 1535 году (т.-е. ко времени войны Москвы съ Литвою въ правленіе Елены Глинской въ Москвѣ), когда Литовское войско, вторгнувшись въ Сѣверскую область, овладѣло Гомлемъ (см. С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга II. СПб. 1894. Стр. 14). Мы не говоримъ уже о другихъ соображеніяхъ, относящихся къ содержанию и языку документа, не позволяющихъ отнести его къ 1576 году.

шеніемъ вряда и конфискаціей имѣнія ¹⁾). Второй Литовскій статутъ наказываетъ хоружія за эти проступки лишеніемъ хоружества. Онъ гласитъ: «установуемъ тежъ и приказуемъ, абы хоружые наши не мѣли жаденъ зъ нихъ земенина дома осажывати и отпущати, а естли бы который земенинъ дома zostалъ, а хоружый бы того передъ гетманомъ не повѣдилъ и втаилъ, а то бы на него было переведено, ижъ то умыслнѣ оставилъ, тогда таковой хоружый врядъ свой тратить» ²⁾).

Итакъ, роль хоружія въ посполитомъ рушеньѣ не ограничивается лишь тѣмъ, что онъ несетъ повѣтовое знамя, имъ самимъ и хранимое ³⁾,—онъ имѣетъ серьезныя и весьма отвѣтственныя обязанности и въ дѣлѣ сбора повѣтовой шляхты на ея земскую службу. Намъ не удалось встрѣтить въ актовыхъ книгахъ повѣтовыхъ судовъ XVI вѣка образцовъ универсаловъ хоружихъ о собраніи шляхты въ посполитомъ рушеньѣ, но, конечно, они не могли очень отличаться отъ универсаловъ XVII вѣка, которые издавались хоружими въ исполненіе повелѣній короля и гетмана ⁴⁾. Когда, на примѣръ, Речь Посполитая переживала страш-

¹⁾ I ст. II. 10.   ²⁾ II ст. II. 18.   ³⁾ II ст. II. 5.

⁴⁾ Приводимъ, какъ образецъ, универсалъ пана Базылія Албрыхта Орды, хоружія и мечнаго Пинскаго повѣта, внесенный имъ 27 октября 1657 года въ Пинскія гродскія книги чрезъ своего слугу, пана Полкотыцкаго. «Iasnie wielmożnym, wielmożnym ich mosciom panom, dignitarzom, urzędnikom ziemskim, grodzkim, rycerstwu szlachcie y wszystkim powiatu Piskiego obywatelom, moim wielce mściwym panom y braci. Po zaleceniu moich w łaskę wmw moich mosciwych pp. służb,—wiadomo iest wmm. moim mosciwym panom, iż tak ikm. pana naszego miłosciwego, iako y iasnie wielmożnego im. pana hetmana wielkiego W. X. L. do naszego Piskiego powiatu ostrzegając y naupominając nas wychodziły uniwersały, abysmy w pospolitym ruszeniu y w zgromadzeniu viritim w powiecie naszym zostawali. Iakoż y ia, powinnosci moiey wmm. moim mosciwym panom nieraz przez moie rozsyłając ię, oznaymowałem y upraszałem uniwersały, abyscie wmsc moie mosciwi pp., swoiey poczuwając się powinnosci, pod chorągwią powiatową, iako prawo miec chę, swemi własnymi zostawali osobami. A że teraz na powiat nasz ze wszech stron od nieprzyiaciela zachodzą niebezpieczeństwa, zaczem przez ten moy uniwersał wmm moim mosciwym ppm, tak w Zahorodzkim, iako y w Zarzeckim zostawiającym tractie, oznaymuję, proszę y z władze mey naupominam, abyscie wmsc moie mosciwi pp., zadnemi nie excipując się warunkami, wszyscy viritim, kto się ieno szlachcicem byc mianue, do Piska na dzie szosty nowembra pod surowemi, w prawie pospolitym na nieposłusznych założonemi paenami przybywac raczyli, o co y posetnie uproszając (л. 857, или стр. 751) moie powolnę wmw moich mosciwych panow łaskę iako naupilniey zalecam usługi. W Pinsku dnia dwudziestego siódmego oktobra anno tysiąc szesc set piędziesiąt siódmego. У того универсалу подписе руки тыми словы:

ную эпоху пятидесятихъ годовъ XVII столѣтія съ ея войнами съ казачествомъ, Крымомъ, Москвою и Швеціею и опустошеніями, ставившими вопросъ о самомъ существованіи государства, Пинскому повѣту грозила большая опасность со стороны Татаръ. Витебскій воевода и региментарь войскъ великаго княжества Литовскаго, Павелъ Сапега, издалъ универсалы, чтобы Пинская шляхта собралась для предупрежденія вторженія Татарскаго въ Пинскій повѣтъ. Ввиду этого Пинскій хоружій и мечный, панъ Василій Орда, обратился къ Пинской шляхтѣ со своимъ универсаломъ, приглашая ее собраться въ Пинскѣ 17 января 1656 года. Дѣлая это, онъ проситъ обывателей, чтобы они «do miasta Pinkska dla namowy z pocztami swemi viritim zgromadzali, postrzegajac zdrowia y substantiy swych, y mieysce sobie dla sprowadzenia malzonek, dziatek y dobr swych pod te czasy upatrzyli»¹⁾. Изъ словъ этого универсала видно, что хоружій былъ не только простымъ исполнителемъ предписанія короля или гетмана²⁾,—онъ созывалъ шляхту, хотя уже и готовую съ ея почтами на войну, для предварительныхъ совѣщанія и намовы; онъ же обращалъ вниманіе шляхты и на заботу объ охранѣ семействъ и имущества ея.

Самый характеръ вряда хоружества, дѣлавшій изъ хоружія центральную фигуру земскаго повѣтоваго войска-народа, а также и обязанность его являться въ рушеньѣ повѣта хорошо вооруженнымъ вызывали для лица, занимавшаго этотъ врядъ, необходимость быть вполне обеспеченнымъ человѣкомъ. Прекрасной иллюстраціей экономическаго положенія хоружія является описаніе Полоцкой Ревизіи 1552 года³⁾. Тутъ описаны имѣнія Полоц-

---

Waszmosciow mych mosciwych panow zyliwy brat y sluga Bazyli Albrycht Orda chogaży. Который универсалъ за поданем его до книг кгородских Пинских есть уписан». Виленскій Центральный Архивъ. № 13009. Пинскаго Гродскаго Суда (1656—1658). № 22. А. Л. 857 (стр. 751)—Л. 857 об. (стр. 752).

¹⁾ Вил. Центр. Арх. № 13009. л. 16 об., или стр. 10.

²⁾ Павелъ Сапега исправлялъ должность гетмана великаго въ званіи генеральнаго региментаря Литовскихъ войскъ. Акты его называютъ такъ: «Панъ Павелъ Сапега реиментаръ енеральный войскъ его королевское милости великаго князства Литовьскаго». Нпр., Вил. Центр. Арх. № 13009 л. 42 об., или стр. 62.

³⁾ Намъ извѣстны два экземпляра этой Ревизіи. Одинъ изъ нихъ изданъ на страницахъ 173—247 пятаго тома изданія *Scriptores Regum Polonicarum*. (Tomus V. Cracoviae. 1880). Другой хранится въ Военно-Ученомъ архивѣ Главнаго Штаба (отд. 5 № 78 шк. 31 полка 2). Полоцкая Ревизія 1552 года представляетъ изъ себя писцовую книгу, составленную маршалкомъ Яномъ Кмитю и конюшимъ Троцкимъ Мартиномъ Подцевскимъ. Списокъ этой Ревизіи,

каго хоружія, пана Ивана Михайловича Зеновевича, съ которыхъ онъ долженъ былъ выставять къ службѣ земской 9 коней. Имѣнія пана Ивана Михайловича Зеновевича были слѣдующія. 1) Дворъ Бобыничи, имѣніе отчизное и дѣдизное. Къ этому двору принадлежали: 3 боярина, имѣвшіе каждый своихъ людей, 18 путныхъ слугъ, 6 огородниковъ, 13 дымовъ людей, служившихъ пану Зеновевичу по 2 дня въ недѣлю, 10 дымовъ (5 служебъ) людей отчизныхъ тяглыхъ, 10 дымовъ (5 служебъ) людей тяглыхъ куничныхъ, 1 человекъ, дававшій пану Зеновевичу четвертую долю дохода со своей пашни, 22 дыма (13 служебъ) людей отчизныхъ тяглыхъ и 6 дымовыхъ людей вольныхъ. 2) Куликовщина, выслуга брата Ивана Зеновевича, Яцка на королѣ Сигизмундѣ. Въ этомъ имѣніи 1 слуга путный. 3) Дворъ Селище,

изданный д-ромъ І. Шуйскимъ въ *Scriptores*, относится къ XVIII столѣтію и писанъ латиницею; списокъ же, хранящійся въ архивѣ Главнаго Штаба, писанъ Русскимъ письмомъ XVI столѣтія. Книга, хранящаяся въ Военно-Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба, носитъ слѣдующее названіе: «*Revizya całego woiewodztwa Połockiego po odebraniu z nieprzyacielskich rąk to jest Moskiewskich, pod panowaniem krola Stephana Batorego przez Fiedora Skumina podskarbiego dwornego W. X. Litt. a Iuria Druckiego Sokolinskiego podkomorzego Witebskiego, rewizorow I. K. Mei. Roku 1586*». О ревизіи, произведенной Скуминымъ и Соколинскимъ сохранился слѣдъ и въ Литовской Метрицѣ.

На листѣ 271-мъ 63-й книги Записей Литовскихъ $\left(\frac{I A}{63}\right)$ находится «*Nauka dana panu Fiedorowi Skuminowi, podskarbicemu nadwornemu W. X. Litt, staroscie Brasławskiemu a kniazii Jerzemu Sokolinskiemu, podkomorzemu Witebskiemu, iako się w tych rzeczach, ktore im w woiewodztwie Połockiem ku sprawowaniu są zleczone, sprawowac maia*». Документъ этотъ помѣщенъ между документами 1579 и 1580 годовъ (предшествующій «наукѣ» документъ относится къ 1579 году безъ обозначенія мѣсяца, а слѣдующій за нею датированъ 5 ноября 1580 года). На оборотѣ 80-го листа «Ревизіи», хранящейся въ Архивѣ Главнаго Штаба, находимъ слѣдующую приписку: «Про то я Теодор Скумин, воевода Новгородский, ижем по взятю того воеводства Полоцъкого з рукъ непрятельскихъ тамъ в Полоцъку ревизоромъ отъ его кр. милости змерлого Стефана посланымъ былъ и за жеданемъ его милости пана воеводы Полоцъкого с того реестру первое ревизии того воеводства, черезъ пана Яна Кмиту и пана Мартина Подцендъковского отправованое, который реестръ пры насъ на той ревизии былъ, копею слово отъ слова списавшы, с печатью моею, подписавшы ея власною рукою моею, его милости вельможному пану, пану Миколаеви Монвидови Дорогостайскому, воеводе Полоцкому есьми далъ. У тое ревизии печать вельможного его милости пана Теодора Скумина, воеводы Новгородского, прытиснена есть, а подъписъ руки егожь милости подписано тыми словы: «Теодор Скумин воевода Новгородский власною рукою». Изъ этой приписки слѣдуетъ, что та часть «Ревизіи» Скумина и Со-

имѣніе отчизное и дѣдизное. Къ этому двору: 17 дымовъ (11 служебъ) людей отчизныхъ тяглыхъ, 6 дымовъ людей вольныхъ, 1 человекъ, служащій по 2 дня въ недѣлю, 1 бояринъ имѣющій своего человекъ и 1 путный слуга. 4) Дворъ Дисна, имѣніе отчизное и дѣдизное. Къ нему 4 домовыхъ слуги, которые имѣютъ свои земли, а пану Зеновичу «з сукни служатъ», 3 слуги путныхъ отчизныхъ, 6 огородниковъ, 2 дыма (2 службы) людей отчизныхъ тяглыхъ и 18 дымовъ людей вольныхъ. 5) Заселье, выслуга отца его на королѣ Александрѣ. На ней: 1 домовый слуга, служащій ему «зъ сукни», 2 путныхъ слуги, 2 огородника, 10 дымовъ людей вольныхъ. 6) «Кондратовщина, а Ваколовщина а Териховщина», выслуга отца И. Зеновича на королѣ Александрѣ. На ней: 2 слуги путныхъ и 13 дымовъ людей вольныхъ. 7)

колинскаго, которая предшествуетъ настоящей припискѣ, была въ рукахъ этихъ ревизоровъ въ такомъ же значеніи, въ какомъ въ рукахъ Московскихъ писцовъ бывала писцовая книга прешествующаго по времени описанія, т.-е. въ качествѣ «приправочной» книги по Московской терминологіи. На составленіе этой части Полоцкой Ревизіи значительно раньше 1586 года сверхъ того, прямо указываютъ нѣсколько словъ, находящихся на оборотѣ 55-го листа, изъ которыхъ видно, что эта часть книги составлена въ царствованіи Сигизмунда Августа. Здѣсь, при описаніи имѣній Войны Петровича Ешимаха, цельника Полоцкаго, встрѣчаемъ слѣдующія слова: «к тому жъ двору село Доложце выслуга его на теперешнемъ господари его милости, королю Жыгимонте Августе». Есть и другія данныя для отнесенія этой части книги ко времени царствованія Сигизмунда Августа. Если сравнимъ 80 первыхъ листовъ рукописи Архива Главнаго Штаба съ ревизіей Полоцкаго воеводства, изданною въ V-мъ томѣ *Scriptores Regum Polonicarum*, то замѣтимъ, что это одна и та же книга. При этомъ экземпляръ, изданный въ *Scriptores*, не имѣетъ конца, такъ какъ прерывается на 75-омъ листѣ рукописи Главнаго Штаба, а послѣдняя не сохранила самаго начала книги, т.-е. ея вступленія и начала описанія Полоцкаго замка. Такимъ образомъ оба списка взаимно дополняютъ другъ друга. Въ нашемъ изслѣдованіи мы пользуемся спискомъ Архива Главнаго Штаба и дѣлаемъ это по слѣдующимъ причинамъ: 1) этотъ списокъ XVI вѣка въ то время, какъ рукопись, изданная въ *Scriptores*, относится къ XVIII столѣтію; 2) рукопись, изданная въ *Scriptores*, прерывается на 75-омъ листѣ рукописи Главнаго Штаба, почему часть описанія имѣній шляхты не напечатана въ V-мъ томѣ *Scriptores*; для насъ же именно описаніе имѣній Полоцкой шляхты и представляетъ наибольшій интересъ въ настоящемъ изслѣдованіи; 3) въ рукописи, изданной въ *Scriptores*, есть ошибки въ цифрахъ, въ списокѣ же Главнаго Штаба въ большинствѣ случаевъ числа писаны словами, что внушаетъ къ нимъ больше довѣрія; примѣръ ошибки—«на которомъ mieszczanin sedit, razietma iemu 4 hroszey daiet» (стр. 247, въ описаніи имѣнія Θεодора Ивановича Мелшска), въ списокѣ же главнаго Штаба—«позма ему сем грошей даютъ» (л. 75). Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на этотъ источникъ мы будемъ для удобства называть его просто—«Полоцкая Ревизія».

«Лукьяновъщина», купля «матки» его. На ней: 1 слуга путный и 3 человекъ, дающіе ему четвертую долю «со всякого збожа». 8) «Ловейковщизна», купля самого И. Зеновевича. На ней: 1 слуга домовый, служащій «з сукни», 4 огородника, 9 дымовъ людей вольныхъ и 3 человекъ, сидящіе на волѣ. 9) Къ двору Диснѣ два сельца—отчизна и дѣдизна на Туросе и Гомей. Въ нихъ: 1 слуга домовый, служащій «з сукни», 2 слуги путныхъ, 2 человекъ, составляющихъ одну тяглую службу, 7 дымовъ людей вольныхъ и 1 огородникъ. 10) Въ сельцѣ Нощыничахъ 2 человекъ куничныхъ. 11) Отчизная земля подъ Городомъ Полоцкомъ на Просмужду. На ней 6 человекъ, платящихъ Зеновевичу 15 грошей. 12) Двѣ лавки на рынкѣ въ мѣстѣ Полоцкомъ, съ которыхъ Зеновевичу шло по 20 грошей въ годъ ¹⁾. Подведя итогъ подъ цифрами, обозначающими населеніе имѣній Полоцкаго хоружія, мы получимъ картину очень значительнаго имѣнія. Въ самомъ дѣлѣ ему принадлежали 4 боярина, имѣвшіе своихъ людей, 30 путныхъ слугъ, 19 огородниковъ, 7 домовыхъ слугъ, крестьянъ разныхъ видовъ 133 дыма и 15 человекъ, да кромѣ того еще на волѣ сидѣли 3 человекъ. Когда мы познакомимся съ экономическимъ положеніемъ шляхетской массы, намъ явится картина достатка Полоцкаго хоружія еще болѣе яркою.

При своемъ выдающемся среди народа шляхты повѣтовой положеніи хоружій, естественно, и помимо своего прямого назначенія въ дѣлѣ посполитаго рушенья исполнялъ цѣлый рядъ порученій и дѣлъ. Эти дѣла и порученія возлагались на него какъ высшими властями, такъ и повѣтовою шляхтою: и въ глазахъ властей, и въ глазахъ шляхетныхъ обывателей онъ былъ лицомъ, облеченнымъ довѣріемъ, и человекъ «статечнымъ». Наиболѣе видною ролью хоружія была роль его при «выводѣ шляхетства». Онъ болѣе чѣмъ кто-нибудь другой изъ повѣтовой шляхты могъ удостовѣрить шляхетство обывателя и его предковъ, такъ какъ онъ бывалъ въ каждомъ повѣтовомъ рушеньѣ, давалъ отчеты въ составѣ рушившейся шляхты маршалку, или кашталюну и уже тѣмъ самымъ необходимо зналъ всѣхъ шляхетныхъ обывателей своего повѣта. Если законъ требовалъ присяги двухъ шляхтичей

¹⁾ Полоцкая Ревизія. Л. 38—39 об. Источникъ не обозначаетъ количества земли, принадлежащей И. М. Зеновевичу, указывая лишь цифру населенія въ его имѣніяхъ, повинности его и доходы владѣльца.

въ шляхетствѣ выводящаго свой родъ ¹⁾, то практика, какъ мы это уже видѣли выше, выдвинула хоружихъ, какъ лицъ, наиболѣе удобныхъ для свидѣтельствванія о шляхетствѣ обывателей ²⁾. Въ эпоху дореформеннаго земскаго суда, намѣстникъ, творившій судъ, нерѣдко имѣлъ при себѣ хоружія въ числѣ «добрыхъ людей», съ которыми онъ «чинилъ намову» ³⁾. Послами на сеймъ также часто посылались повѣтовою шляхтою хоружіе. Такъ на Торунскій вальный сеймъ 1576 года князя, земскіе вьядники и вся шляхта Витебскаго повѣта послали своими послами князя Юрія Соколинскаго, подкоморія Ѳедора Данильевича, хоружія Ивана Ѳедоровича и хоружича Богдана Пашницкаго ⁴⁾. Встрѣчаемъ хоружихъ и въ числѣ лицъ, которыя «депутовались» повѣтовыми сеймиками для внесенія сеймиковаго акта въ судовыя книги ⁵⁾, встрѣчаемъ хоружихъ и въ качествѣ поборцевъ ⁶⁾ и въ качествѣ членовъ земскаго суда ⁷⁾; послѣднее совмѣщеніе, т.-е. совмѣще-

¹⁾ II ст. III. 16.

²⁾ См. выше (стр. 240—241) дѣло Проствиловичей. Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 39—40.

³⁾ А. Вил. XVII. №№ 70, 75, 76, 80, 94, 95, 128, 150, 151, 152 и др.

⁴⁾ А. З. Р. III. № 73.

⁵⁾ Нпр., 10 янв. 1597 года внесли инструкцію Берестейскаго сеймика въ Берестейскія земскія книги «уроожные ихъ милость панъ Василей Букраба, хорунжий воеводства Берестейскаго, панъ Остафій Янъ Тишкевичъ, воеводичъ Берестейскій, секретарь его королевское милости, будучи депутованыи на одданью ку уписанью до книгъ инструкціи, на соймьку въ року прошломъ...» А. Вил. II. Стр. 149. Издатели этого тома ошибочно поставили дату этого «актикованья» инструкціи въ книги судовыя — 10 января 1596 года. Самый документъ датированъ 30 декабря 1596 года, а потому и не могъ быть внесенъ въ земскія книги 10 января того же года. Сеймикъ, объ инструкціи котораго идетъ рѣчь, былъ созванъ передъ вальнымъ сеймомъ, засѣдавшимъ отъ 4 февраля по 23 марта 1597 года. См. *J. Szujski. Dzieje Polski. III. W Krakowie. 1895. Str. 169.*

⁶⁾ Нпр., А. Ю. и З. Р. I. № 162: Щасный Харменскій, хоружій и поборца Кіевскій (1571 г.).

⁷⁾ Нпр., Хоружій Слонимскій, панъ Михайлъ Лавриновичъ Соколовскій въ 1555 году былъ назначенъ писаремъ земскимъ Слонимскимъ (А. Вил. XXII, стр. 2). Въ 1566 году, послѣ преобразования суда онъ продолжаетъ совмѣщать хоружество съ судовымъ вьядомъ, теперь уже съ должностью земскаго судьи (*ibidem*, стр. 206). Въ 1570 году панъ Михайлъ Соколовскій продолжаетъ еще быть и судьею земскимъ и хоружимъ Слонимскаго повѣта. Въ продажной записи Слонимскаго земенина Конона пану Михаилу Соколовскому читаемъ, что Кононъ продалъ свою «отчизну» пану М. Соколовскому «хоружому и судьи земьскому повету Слонимскаго» (А. Вил. XXII. № 650). При этомъ М. Соколовскій названъ занимающимъ оба вьяда актомъ дважды (стр.

ніе земскаго судоваго вряда съ хоружествомъ, было, однако, запрещено категорически в послѣдствіи статутомъ 1588 года ¹⁾. Что касается до королевскихъ пожалованій, то хоружіе получали ихъ отъ короля и въ видѣ земель, и въ видѣ доходныхъ статей подобно тому, какъ ихъ получали и другія награждаемыя лица ²⁾.

Кромѣ повѣтовой шляхты имѣли своихъ хоружихъ и Литовскіе Татары. Привилей Сигизмунда Августа, данный изъ Варшавы 22 іюня 1570 года). «Татарину Аликечу Улану Бекгимовичу на хоружество Татарское стягу Городенскаго», гласитъ, что хоружество уланское надъ Татарами Городенскаго стяга до этого времени держалъ и имъ завѣдывалъ слуга государевъ, князь Магметъ Уланъ Юхновичъ. Онъ умеръ и панъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, каштелянъ Виленскій, гетманъ наивысшій Литовскій, староста Городенскій, державца Могилевскій, озабоченный тѣмъ, чтобы это хоружество «не ваковало, и часу потребности которое ся омешканье в послугахъ» государевыхъ и земскихъ «не деяло», отдалъ «в заведанье и справу» это уланское хоружество Городенскаго стяга князю Аликечу Улану Бекгимовичу. Сдѣлавъ это, Ходкевичъ написалъ къ королю, прося его, хотя и *post factum*, пожаловать это хоружество слугѣ королевскому, князю Бекгимовичу. Сигизмундъ Августъ исполняетъ просьбу Ходкевича и даетъ Бекгимовичу этотъ врьдъ. «Маеть онъ», гласитъ привилей, «тое хоружество Уланское надъ Татарами стягу Городенскаго держати и онымъ потому, якъ небошчикъ князь Магметъ Уланъ Юхновичъ радилъ, справовати и пристойне ся на немъ в послугахъ нашихъ господарскихъ и земскихъ заховати, ажъ до живота его». Тѣмъ же днемъ (22 іюня 1570 года) помѣчена и королевская

443 и 444). Это мѣсто мы считаемъ нужнымъ подчеркнуть потому, что выше стр. 228, 302, 306, 309, 310, 442 и др.) М. Соколовскій называется просто земскимъ судьей. Интересно, что въ другихъ актахъ онъ называется иногда и просто хоружимъ. Такъ, въ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ въ документѣ, находящемся на листахъ 39—40, читаемъ: «хоружый Слонимскій Михал Соколовскій» (1569 г.)

¹⁾ III ст. IV. 2.

²⁾ Нпр., А. З. Р. III, № 127 (1581 г.): Теофану Богдану, архіепископу Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому Стефанъ Баторій жалуетъ Онуфріевскій монастырь, который за «листомъ» Сигизмунда Августа «держалъ до живота своего хоружый Мстиславскій Богданъ Селицкій».

³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 69 об.—70. Тотъ же привилей—Лит Метр. $\frac{I A}{58}$ л.

119. Первый списокъ ошибочно называетъ въ заглавіи стягъ Новгородскимъ, а не Городенскимъ.

грамота ¹⁾ Татарамъ стяга Городенскаго съ приказаніемъ имъ, чтобы они, «о томъ ведаючи а подъ справою его будучи, в по-слугахъ» государевыхъ и земскихъ, «вряду его належащих, его послушни были». Хоружіе Татарскіе, очевидно, играли ту же роль въ рушеньѣ Татаръ своихъ стяговъ, какую и хоружіе повѣтовые играли въ рушеньѣ шляхты своего повѣта.

Маршалокъ и хоружій стояли во главѣ повѣтовой шляхты во время ея рушенья—они вели ее въ походъ. Но существовали въ повѣтахъ врядники, которымъ была ввѣрена охрана безопасности самаго повѣта и его центральныхъ пунктовъ и укрѣпленныхъ замковъ. Городскія укрѣпленія и военные матеріалы и оружіе для ихъ обороны подлежали завѣдыванію городничихъ. Акты совершенно отчетливо характеризуютъ этотъ урядъ. Въ грамотѣ Сигизмунда I, данной имъ въ въ 1541 году, затѣмъ представленной шляхетными обывателями Мстиславскаго повѣта Сигизмунду Августу для подтвержденія и имъ подтвержденной 24 ноября 1551 года ²⁾, читаемъ, что обязанности городничихъ состоятъ въ томъ, чтобы они, будучи «на замкохъ» городничими «речи бронные замковые заведали, которые бы для часу потребности отъ не-пріятеля» государева «опатрнѣ въ цѣлости черезъ нихъ были хованы». Но не только храненіе орудій обороны замка должно быть заботою городничія, онъ обязанъ имѣть попеченіе о самыхъ замковыхъ укрѣпленіяхъ и распорядиться ихъ постройкою и по-чинкою, распредѣляя эту работу между волостями. Такъ, во время работъ по укрѣпленію Кіевскаго замка въ началѣ сороковыхъ годовъ XVI столѣтія Кіевскій городничій Иванъ Служка, по при-казу королевскому замокъ «вымѣрылъ и по части въ ровность на каждую волость того замку (нашого), водлугъ почту людей, ро-боты роздалъ» ³⁾. Городничіе бывали въ болѣе значительныхъ городахъ-замкахъ ⁴⁾ великаго княжества Литовскаго, независимо

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 70 об.

²⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 124. *Гейденштейнъ* опредѣляетъ городничія, какъ «чиновное лицо, имѣющее попеченіе объ укрѣпленіяхъ и замкахъ». (Записки о Моск. войнѣ. СПб. 1889. Стр. 76).

³⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 109.

⁴⁾ У *М. К. Любавскаго* въ его изслѣдованіи городничьяго вряда (Обла-стное дѣленіе и проч. Стр. 474) есть неточность выраженія. Онъ говоритъ: «городничіе существовали въ *центральныхъ* замкахъ областей, бывшихъ глав-ными базами ихъ обороны». Но это простая обмолвка, такъ какъ на стр. 667 того же капитальнаго труда читаемъ: «...городничіе, которые назначались

отъ ихъ значенія, какъ центровъ воеводствъ и повѣтовъ. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ городничими Виленскимъ ¹⁾, Троицкимъ ²⁾, Полоцкимъ ³⁾, Витебскимъ ⁴⁾, Минскимъ ⁵⁾ и другихъ центральныхъ пунктовъ воеводствъ ⁶⁾, встрѣчаемъ и городничихъ замковъ, не имѣющихъ совершенно повѣтово-центрального значенія и являющихся лишь простыми военными пунктами, вродѣ, на примѣръ, Дриссы, замка «украиннаго» ⁷⁾, городничимъ котораго былъ въ 1568 году Иванъ Богдановичъ Ракуса ⁸⁾.

Назначается городничій королемъ ⁹⁾. Шляхта повѣтовая стре-

господаремъ для *важнѣйшихъ* замковъ...» О городничемъ см. *С. А. Бершадскій*. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ рады великаго княжества Литовскаго. Кіевъ. 1888. (Оттискъ изъ «Кіевской Старины»). Стр. 43—48. Также—*И. Д. Бѣляевъ*. Разказы изъ Русской исторіи. Книга четвертая. М. 1872. Стр. 404—406. *X. Wincenty Skrzetuski*. Prawo polityczne narodu Polskiego. I. Str. 213. *I. W. Bandtkie-Stezyński*. Historia prawa Pol. skiego. Str. 631.

¹⁾ Нпр., бывшій городничій Виленскій небощикъ Епъ (?) Прайтфусъ, городничій Виленскій Войтехъ Протоцкій. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 115 (6 мая 1574 года).

²⁾ А. З. Р. III. № 97 (1578 г.): тивунъ и городничій Троицкій панъ Мартинъ Стравинскій. Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 187 об. (20 марта 1584 года).

³⁾ Нпр., Фронцъ Бартошевичъ Жукъ. А. З. Р. III. № 135 (1582 г.). А. Ю. и З. Р. I. № 196 (1589 г.).

⁴⁾ Писцовыя книги, изд. *Калачова*. I. Отд. II, стр. 425.

⁵⁾ Нпр., Волчокъ Шепелевичъ А. Ю. и З. Р. I. №№ 61 (1516), 62. I (1516), 62. II (1517). Адамъ Волотковичъ—привилей ему на городничество Минское, данный въ 1588 году, см. Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 274. См. также А. Вил. XIII, стр. 7: сыновья городничія Минскаго Петра Оношка (1508).

⁶⁾ Нпр., Володимерскій. А. Ю. и З. Р. I. № 150, или Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 29, 29 об. См. также *М. К. Любавскаго*. Обл. дѣл. и пр. passim и *А. Bonieckiego*. Roczet Rodów. Str. IX.

⁷⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 174 об. такъ ее называетъ.

⁸⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 21, 21 об.

⁹⁾ Приводимъ для образца «привилей Адаму Волотковичу на городничество Минское», относящійся къ 1588 году. «Жыкгимонтъ третій. Ознаймуемъ сим листомъ нашимъ. Маемъ того ведомость от воеводы Троицкого, державцы Упитского, его милости пана Яна Глебовича на Дубровне, ижъ судя земскій Минскій, Мартинъ Волотковичъ, будучы зошлый в летехъ, врядъ городничество замку нашего Минскаго з себе складаючи, сыну своему Адаму Мартиновичу

милась уже въ сороковыхъ годахъ XVI столѣтія къ тому, чтобы на эту должность въ повѣтъ назначались только шляхетные обыватели этого же повѣта и чтобы король «иншого, обчого, неродича тамошнего городничимъ» не назначалъ, «жебы ихъ братья, земляне тамошніе, на тыхъ замкохъ» были городничими — такъ по крайней мѣрѣ сумѣла выговорить себѣ у короля шляхта Мстиславская и Радомская ¹⁾. Въ изслѣдуемый періодъ времени назначеніе королемъ на врьдъ городничія непременно обывателя-шляхтича того же самаго повѣта, въ которомъ дѣйствовалъ этотъ врьдникъ, было общимъ явленіемъ и общимъ порядкомъ для цѣлаго Княжества. Городничій имѣлъ и своего секретаря, замковаго писаря, необходимость котораго для него ясна уже изъ того, что ему приходилось вести списки «вежъ» и «стрѣльбы» замковыхъ ²⁾, не говоря о другихъ надобностяхъ въ дѣлѣ письменоводства. Такой писарь назначался королемъ, но, конечно, по всей вѣроятности, если не всегда, то обыкновенно, по представленію самого городничія. Такъ, когда умеръ писарь Виленскаго замка, Станиславъ Чаисъ, то король Стефанъ назначилъ ему преемникомъ «за причиною», по просьбѣ самого Виленскаго городничія — шляхетнаго Шимона Дхоровскаго, «взявъ» его «за слугу» своего «за залеценемъ» того же городничія ³⁾. Этотъ писарь замка Ви-

Волотковичу пустил и билъ нам чоломъ через воеводу Троцкого, абыхмо при том городничестве помененого сына его Адама Волотковича zostавили а то ему листом нашим утвердили. А иж от того воеводы Троцкого цнота, верность и годность того Волоткевича залецона есть, мы господарь, чынечы волным Мартина Волотковича от того врьду, сыну его Адаму Волотковичу оный врьд городничество Минское дали есмо и сим листом нашим даемъ, на котором онъ будучы, всякое учтивости, владзы и пожитков, на тотъ врьд здавна належачых, ужывати маеть потому, яко отецъ его и иные перед тым городничые бывшые заховывалисе до живота своего, альбо до лепшого опатренья нашего. И на то дали есмо Адаму Мартиновичу Волотковичу, городничому замку нашего Миньского, сес нашъ листъ с подписом руки наше господарское, до которого и печать нашу притиснути есмо велели. Писан у Кракове» 1588 года феврала (число оторвано). Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 274.

¹⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 124.

²⁾ См., нпр., списокъ ихъ въ Полоцкой Ревизіи (л. 1—5 об.).

³⁾ Вотъ этотъ документъ: «Стефан Божю милостю» и проч. «Ознаймуемъ симъ листом нашим всим вобець и каждому зособна, иж по вестю с того света писара замку Виленьского Станислава Чаиса за залеценемъ нам господару городничого Виленского пана Войтеха Претоцкого взяли есмо за слугу нашего шляхетного Шимона Дхоровского, которому з ласки ношее господарское за причиною тогожь помененого городничого Виленьского дали и

ленскаго дѣйствуетъ «подъ справою» пана городничія и получаетъ опредѣленное ежегодное денежное жалованье—«юргельтъ».

Городничество имѣетъ и свои земли. Такъ, Сигизмундъ III въ листѣ, данномъ имъ въ Краковѣ 28 января 1588 года, говорилъ: «ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ, иж што перво того продокъ нашъ, кр. его милость Полский и великий князь Литовский Жикгимонтъ Авъгустъ, ведучи валъку с княземъ великимъ Московским, потребуячи пенезей людемъ служебнымъ на заплату и на иншия потребности свои, державу Сомилискую двор, место, волость, люди Старотроцъкие и *городничства Троцъкого* со всимъ, яко се оный двор, место и волость Сомилишъская, фольварокъ тивунства Троцъкого Стариа Троки з людми и зо всими кгрунты Петру Оборъскому у двухъ тисечахъ копахъ гр. заставити и завести рачил...»¹⁾. Акты знаютъ также случаи занятія городничимъ земли частныхъ лицъ «ку стайнямъ» государевымъ, въ которыхъ, вѣроятно, стояли лошади для передвиженія замковыхъ орудій и военныхъ запасовъ²⁾.

Исполненіе обязанностей городничія вознаграждалось доходомъ, шедшимъ на эту должность. Выше мы видѣли указаніе на земли

назначили есмо на тое писарство замковое певный юркгелтъ, то ест каждого году по сороку золотыхъ Полскихъ. Маеть он тое писарство замковое, будучи под справою пана городничого Виленского, справовати и всего того, чого небощикъ Станцель (sic) Чаисъ догледалъ и заведаль заведывати и доглядати, справуючися во всемъ пристойне и пилне до лепшого з ласки нашео опатренья. И на то дали есмо ему сесь нашъ листъ з нашою печатью и с подписомъ руки нашео господарьское. Писан у Вилни». 30 мая 1581 года. «Stephanus Rex. Миколай Ясенский писар». Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 92 об.

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 278 об.

²⁾ Такъ, въ листѣ, данномъ королемъ Генрихомъ пану Мальхеру Сновскому и пану Григорію Войнѣ, сообщается отъ имени короля земскому подскарбію (Н. Нарушевичу) и Виленскому городничію (Войтеху Протоцкому): «поведил перед нами маршалокъ нашъ, судя земский Новгородский, державца Куренецкий, панъ Малхер Жикгимонтовичъ Сновский, самъ отъ себе и именемъ ротъмистра нашего пана Григоря Войны, ижъ дей што который пляць у месте Виленскомъ, при стайняхъ нашихъ тамошнихъ лежащий, з будованьемъ тымъ, што на немъ есть, малъжонкомъ ихъ, то есть малъжонце его Сновского, паней Барбаре Клочковне, а малъжонце Григоря Войны, паней Раине Клочковне, певнымъ правомъ по небощику пану Матею Клочку прислухающий, перво сего черезъ бывшего городничого Виленского, небощика Епа Прайтъ-фуса безъ ведомости и позволенья ихъ ку стайнямъ нашимъ Виленскимъ есть занятъи прилучонъ...» Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 115, 115 об. (6 мая 1574 года).

городничества и тивунства Троцкаго. Но и съ земель державъ также шелъ доходъ городничію. М. К. Любавскій приводитъ рядъ свидѣтельствъ ¹⁾ о доходахъ городничихъ (дякло, колодина, глинные пенязи) эпохи до перваго статута. Источники времени, болѣе близкаго къ періоду, изслѣдуемому въ настоящей работѣ, также знаютъ доходы городничія. Съ селъ пригонныхъ Полоцкаго замка шелъ опредѣленный взносъ въ пользу городничія. Такъ, село Зябки (дымовъ 13, а сябровъ ихъ 9) по ревизіи Полоцкаго воеводства, составленной въ 1552 году, давало «заданю городничому Полоцкому осмъ гроше шыроких и тры угорычы» (т.-е. угря ²⁾), село Клясичи (14 дымовъ) платило «заданю городничому Полоцкому одинадцат грошей шыроких» ³⁾ и т. д. Бывало, конечно, что за свою службу городничіе награждались и имѣніями-выслугами отъ короля ⁴⁾. Какъ врядникъ и лицо, пользующееся авторитетомъ, городничій иногда спрашивался при «выводѣ шляхетства», какъ, напримѣръ, былъ спрошенъ Дрисскій городничій Иванъ Богдановичъ Ракуса въ 1568 году въ Кнышинѣ вмѣстѣ со старостою Дисненскимъ, ротмистромъ королевскимъ, паномъ Боркулабомъ Ивановичемъ и девжавцею Воронежскимъ, паномъ Онিকেемъ Андреевичемъ Корсаками—въ дѣлѣ доказательства шляхетства Григорія Семеновича Щита ⁵⁾. Случалось, что городничій замѣнялъ и старостинскаго намѣстника въ повѣтовомъ центрѣ. Напримѣръ, 11 марта 1577 года было сдѣлано одно заявленіе передъ «Павломъ Соколицкимъ, городничимъ замку господарского Берестейского, на мѣспу вельможного пана его милости пана Троцкаго, въ одѣханью пана Малхера Райского, подстаростего Берестейского, зоставленнымъ». Заявленіе это вмѣстѣ съ «сознаньемъ» вознаго по этому дѣлу было внесено въ городскія Берестейскія книги ⁶⁾.

Врядъ городничія существовалъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ уже въ XV столѣтіи ⁷⁾. Съ тѣмъ же значеніемъ, кото-

¹⁾ М. К. Любавскій. Областное дѣленіе и пр. Стр 474, 475.

²⁾ Полоцкая Ревизія. Л. 26.   ³⁾ Ibidem. Л. 26 об.

⁴⁾ Нпр., «поведили тые Забеляне (т.-е. жители села Забеля), иж которые села небощык пан Иван городничый выслужыл на господарыи его милости славное памети королі Жыкгимонте—Ореховно, Загатые, Солонеевичы, Прозороки, Санники, в которых менили быти о полтораста подымя». Ibidem. Л. 23 об.

⁵⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 21, 21 об.   ⁶⁾ А. Вил. V. № 419.

⁷⁾ См. Записи земельныхъ дачъ короля Казиміра. Д. М. Арх. М. Юст. I.

рое онъ имѣлъ въ XVI и, повидимому, въ XV столѣтіяхъ, врядъ этотъ продолжалъ существовать и въ послѣдующее время. Одинъ документъ середины XVII столѣтія прекрасно рисуеъ обязанности городничія въ тѣхъ же чертахъ, что и въ предшествующее время, но болѣе подробно опредѣляетъ ихъ и потому яснѣе представляетъ читателю. Мы имѣемъ въ виду привилей короля Яна Казимира, данный 4 мая 1662 года Константину Пѣтуху на должность Могилевскаго городничія ¹⁾. Въ немъ читаемъ: «ktory to horodniczy nasz ma y powinien będzie oprawę y obronę zamku tamiecznego obmyslac, znaszaiąc się z woytami tamieczney włosci, cekawzem. puszkarzami y ich włokami zawiadywac, piechotę, do obrony zamkowej z teyże włosci wybieraiąc onych cwicząc, pod czas incursiey i nieprzyiacielskiey munitiey wszystko w dozorze miec y wszelakiego porzadku postrzegac, zostawuiąc pod władzą oekonoma naszego tamiecznego, ktoremu y prowiant doroczny nazuaczamy, to iest z włok dwuch przetak ięczmienia, przetak owsa, z włok czterech przetak przenicy, przetak gryki, z włok dwudziestu woz siana, z włok dwuchset iałowica, kaban ieden, para baranow: a nadto zadney rzeczy nie powinien będzie wymyslac». 30 марта 1663 года панъ Константинъ Пѣтухъ, въ качествѣ уже Могилевскаго городничія, представилъ для вписанія въ книги Могилевскаго магистрата инвентарь ²⁾ замка Могилевскаго, составленный паномъ Юріемъ Суходольскимъ, чесникомъ Мстиславскаго воеводства скарбовымъ королевскимъ дворяниномъ, подстаростою Могилевскимъ въ присутствіи двухъ Оршанскихъ генераловъ-возныхъ и двухъ шляхтичей, представлявшихъ собою «сторону» при этомъ актѣ. На отвѣтственности городничія, такимъ образомъ, былъ замокъ и состояніе его укрѣпленій и средствъ обороны—обязанности весьма серьезныя, такъ какъ замокъ являлся не только оплотомъ противъ вражескаго нашествія, но и мѣстомъ спасенія для обывателей съ ихъ семьями и имуществомъ въ години бѣдствій вторженія неприятеля. Шляхетскіе дома въ городахъ служили своимъ владѣтелямъ не только во времена сеймиковъ и шляхетскихъ съѣздовъ, или просто поѣздокъ шляхтичей въ городъ по своимъ частнымъ

М. 1897. Стр. 20. Акты *Леонтозича*. I. № 32. См. также Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ. XXXV. Спб. 1882. № 66 (1501 г.): «лѣта 7009, генваря въ 13 день, пріѣхалъ изъ Литвы отъ великаго князя Александра посольствомъ Богданъ Ивашенцовъ городничего». Много указаній и въ другихъ источникахъ.

¹⁾ Историко-Юридич. Матеріалы. X. Стр. 321—323.

²⁾ *Ibidem*. Стр. 323—329.

дѣламъ, но и во время вторженія врага въ предѣлы повѣта. Особенно ярко обрисовывается источниками это значеніе города для эпохи Московской войны (съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ) короля Яна Казиміра, но факты, сохранные актами этого времени, могутъ съ полнымъ правомъ служить для характеристики этого значенія города Княжества и для предшествующаго времени. И «маетность рухомая» и всѣ привилеи, справы и листы ¹⁾ отвозила шляхта въ замки, «видучы страхъ, удавшисе зо всимъ убозствомъ своимъ....» ²⁾.

Рядомъ съ городничимъ въ дѣлѣ охраны повѣта стоитъ войскій. М. К. Любавскій отмѣчаетъ войскихъ въ Берестейско-Подляшской землѣ, указывая на то, что эта должность возникла по примѣру Польши ³⁾ и существовала уже въ нѣкоторыхъ частяхъ великаго княжества Литовскаго еще до эпохи перваго статута (1529 г.). Адамъ Бонецкій называетъ войскихъ Бѣльскихъ (до 1554 года), Брестскихъ (до 1547 г.), Дорогицкихъ (до 1570 г.), Гродненскихъ (до 1551 г.), Каменецкаго (до 1541 г.), Кобринскаго (до 1557 г.), Кремянецкаго (до 1528 г.), Мельницкихъ (до 1558 г.), Пинскихъ (до 1569 г.), Слонимскаго (до 1541 г.) ⁴⁾. Послѣ Уніи 1569 года и отторженія Польшею, отъ Княжества южныхъ областей его и Подляшья только четыре изъ этихъ войскихъ остались врядниками Литовскими, а именно Брестскій, Городенскій, Пинскій и Слонимскій. Но, конечно, и войскіе этихъ повѣтовъ существовали послѣ хронологическихъ датъ, приведенныхъ Бонецкимъ, да и были войскіе не только въ нихъ, но по всей вѣроятности во всѣхъ повѣтахъ Литовскихъ, и только упоминанія о нихъ случайно не встрѣтились Бонецкому. Въ самомъ дѣлѣ, можно привести примѣры упоминанія источниками войскихъ и земли Жомойтской ⁵⁾, и Новгородскаго ⁶⁾,

¹⁾ Ист.-Юр. Мат. XVII. Стр. 177—180, 219, 227 и сл., 234 и сл., и др.

²⁾ Ibidem. Стр. 179.

³⁾ М. К. Любавскій. Областное дѣленіе и пр. Стр. 673.

⁴⁾ Roczet Rodów. Str. XLVIII—XLIX.

⁵⁾ Нпр., панъ Янъ Яновичъ Бурба, войскій земли Жомойтской (1586 г.) А. Вил. XXVI. № 629, или войскій земли Жомойтской, панъ Войтехъ Шеметь (1580 г.) Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 23 об.—24.

⁶⁾ Нпр., войскій Новгородскій, державца Пуньскій, панъ Александръ Бриндза (время безкоролья послѣ смерти Сигизмунда Августа). Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 40 об.

и Минскаго ¹⁾, а также рядъ указаній на войскахъ второй половины XVI вѣка, о которыхъ совсѣмъ не упоминаетъ Бонецкій ²⁾. Польскій историкъ права считаетъ войскахъ врядниками, существовавшими въ каждомъ Литовскомъ повѣтѣ ³⁾, и противъ этого едва ли возможно спорить.

Врядъ войскаго — врядъ земскій. Акты прямо говорятъ: «врядъ земскій, войское Берестейское» ⁴⁾. Назначаетъ на этотъ врядъ самъ король. Когда, напримѣръ, умеръ войскій Берестейскій Рафаль Прокулей Литвиновскій, который «держалъ» отъ короля этотъ врядъ «до живота своего», Сигизмундъ Августъ назначилъ въ Берестье новаго войскаго. Онъ выбралъ для этого назначенія своего дворянина Григорія Вагановскаго, «маючи ласкавый взглядъ на службу» его, «яко онъ, от немалого часу на дворе» королевскомъ «будучи, ласку» королевскую «пильне заслужовалъ себе». Другими мотивами для этого назначенія были желаніе короля сдѣлать Вагановскаго впередъ «тымъ охотнейшого» къ службамъ государевымъ, а также и «причина», ходатайство Трощаго каштеляна и подканцлера Литовскаго, старосты Берестейскаго и Кобринскаго, пана Остафія Воловича. По словамъ привилея, дается королемъ Вагановскому: «врядъ земскій, войское Берестейское зо-

¹⁾ «Листъ пана Ванкевичовъ на войское Менское». Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. 11.

Тотъ же документъ Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 16, 16 об. (22 іюля 1576 года): дается врядъ Минскаго войскаго, вакантный послѣ смерти князя Петра Пузины.

²⁾ Нпр., «Матей Савицкій, писарь и секретарь, староста Мельницкій, войскій Дорогицкій» (1569 г.) А. Ю. и З. Р. I. № 151. Онъ же (1571 г.)—*ibidem*, № 159. Рафаль Прокулей (Литвиновскій), войскій Берестейскій съ 13 апрѣля

1568 г. Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 11. Его преемникъ Григорій Вагановскій съ 1570

года. Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 76, 76 об. Панъ Бенедиктъ Василевичъ, войскій Го-

роденскій. Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 7, 7 об. (30 мая 1566 г.). Григорій Война, войскій

Городенскій. Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 143 об., 144 (листъ ему на войское Городенское,

данный въ Торунѣ 15 декабря 1576 года). Аврамъ Мелешко, войскій Слоним-

скій. Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. 185 об. и сл., $\frac{I A}{58}$ л. 77, 77 об. (листъ ему на войское

Слонимское, данный въ Торунѣ 31 октября 1576 года).

³⁾ *J. W. Bandtkie-Steżyński. Hist. pr. p. Str. 629*

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 76—76 об.

всякою учтивостью и владностью, тому вряду належаю, такъ же и зо всякими пожитки и доходы, здавна и тепер тому вряду приходячими и належащими, до живота его» ¹⁾.

Врядъ войскаго можетъ быть совмѣщаемъ съ другими врядами повѣта, даже съ такими обремененными дѣлами, какъ писарство земское ²⁾. Уже это должно говорить о томъ, что войскій по своему уряду не былъ заваленъ дѣлами. По опредѣленію Н. Горбачевскаго войскій «въ древности тоже, что войтъ, въ позднѣйшее время—адъютантъ гетмана. Обязанностью его было: смотрѣть за безопасностью воеводства или земли, заступать мѣсто каштеляна во время всеобщаго ополченія шляхты. Войскіе были большіе и меньшіе», далѣе продолжаетъ Горбачевскій, «большіе—земскіе, а меньшіе—городскіе» ³⁾. Въ этомъ опредѣленіи вѣрнымъ можетъ быть признано лишь то, что обязанностью войскаго было наблюденіе за безопасностью повѣта во время отсутствія изъ него повѣтовой шляхты въ посполитомъ руженьѣ. Что касается до смѣшенія войскаго съ войтомъ, или обращенія его въ гетманскаго адъютанта, то это явное недоразумѣніе, на которомъ не нужно даже и останавливаться. Раздѣленія войскихъ на большихъ и меньшихъ великое княжество Литовское не знало: оно имѣло мѣсто лишь въ Польшѣ ⁴⁾. Ближе къ вѣрному пониманію значенія вряда войскаго Порай-Кошиць, который говоритъ, что «войскій Литовскій (tribunus) обязанъ былъ, подобно Коронному, принимать надлежащія мѣры для всеобщей безопас-

¹⁾ Далѣе привилей продолжаетъ: «маеть Григорей Вагановскій тотъ врид войское Берестейское потому, яко перед тым ажъ до сего часу вси войскіе Берестейскіе тотъ врид держали, зо всякою учтивостью и владностью его держати, также всяких доходовъ и пожитковъ, к нему здавна и тепер належащих, уживати и на томъ вриде слушне и пристойне се радити и справовати ажъ до живота своего. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ, подписавши его рукою нашою господарською, до которого на твердость того и печать нашу притиснути есмо велели. Писанъ у Варъшаве» 31 іюля 1570 года. «Подпись руки господарское. Базилиусъ Древинскій писарь». Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 76, 76 об.

²⁾ Нпр., «Листъ, Авраму Мелешку на войское и писарство земское повету Слонимского належащій». Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. 185 об. и сл.

³⁾ Н. Горбачевскій. Словарь древняго актовaго языка Сѣверо-Западнаго края и царства Польскаго. Вильна. 1874. Стр. 366.

⁴⁾ *Bandtkie-Steżyński*. Hist. pr. p. Str. 628, 629 i 630. См. также *Słownik rzeczy starożytnych*. Kraków. 1896. Str. 478—481.

ности особенно въ то время, когда дворянство выступало въ походъ противъ непріятеля» ¹⁾). Но и этотъ авторъ ошибочно дѣлитъ войскихъ на земскихъ и городскихъ, не различая такимъ образомъ вряда войскаго въ Княжествѣ и одноименнаго вряда въ Коронѣ ²⁾). Врядъ войскаго въ его обязанностяхъ и назначеніи довольно хорошо опредѣляется однимъ привилеемъ, приводимымъ М. К. Любавскимъ въ только что вышедшемъ его капитальномъ изслѣдованіи Литовско-Русскаго сейма. Въ этомъ привилеѣ, выданномъ 20 февраля 1534 года землянину Мартину Туру королемъ на врьдъ войскаго въ Берестѣ, читаемъ: «маеть онъ тое войское держати и въ небытности старосты нашего Берестейского часовъ небезпечныхъ отъ непріятелей, або естли бы служба наша земская зашла, при томъ замку нашомъ мешкати и въ доброй опатрности его мети и во всемъ справоватися такъ, яко иншии войскии на замкахъ нашихъ ся справують» ³⁾). Врядъ войскаго былъ, очевидно, перенесенъ въ Литву изъ Польши съ тѣмъ измѣненіемъ, что Княжество усвоило просто должность войскихъ, безъ раздѣленія ихъ на большихъ и меньшихъ; въ Польшѣ же войскіе были обязаны вмѣстѣ съ подстаростами находиться во время посполитаго рушенья въ замкахъ, вѣдая охрану мѣстной безопасности. Конституція 1621 года, которая предписываетъ это ⁴⁾, прибавляетъ, что войскіе «ргашет даушемъ» освобождены отъ посполитаго рушенья ⁵⁾, и несомнѣнно, что дѣйствительно издавна были опредѣляемы именно такъ обязанности войскаго. Еще конституція Піотрковскаго сейма 1538 года постановила, что новыя должности войскихъ, установленныя королемъ, будутъ существовать лишь до смерти лицъ, ихъ занимавшихъ ⁶⁾; конституція же сейма 1550 года, также собравшагося въ Піотрковѣ, уничтожила всѣ новыя врьды войскихъ, установленныя послѣ 1538 года. Объясняя это тѣмъ, что «woieппеу służby Woyskiemі nie mało ginie» ⁷⁾. Понятна забота сейма о томъ, чтобы войскихъ не было слишкомъ много: они освобождались отъ обязанности участвовать въ посполи-

¹⁾ Историческій разсказъ о Литовскомъ дворянствѣ. Сочиненіе Коллежскаго Совѣтника Ивана Порай Кошица. Санктпетербургъ. 1858. Стр. 49.

²⁾ Ibidem.

³⁾ М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 161. Привилей этотъ—

Лит. Метр. $\frac{I A}{17}$ л. 469 об., 470.

⁴⁾ Volumina legum. III. Petersburg. 1859. Str. 202. ⁵⁾ Ibidem. Str. 201.

⁶⁾ Vol leg. I. Str. 261. De novis Tribunatibus.

⁷⁾ Vol. leg. II. Str. 7. 17.

томъ рушеньѣ. Что касается до Литовскаго великаго княжества, то въ немъ было не болѣе одного войскаго на повѣтъ.

Какъ мы видѣли выше, на врьдѣ войскаго назначаетъ самъ король. Если въ приведенномъ выше примѣрѣ назначенія Григорія Вагановскаго на Берестейское войское король принималъ во вниманіе ходатайство и рекомендацію старосты Берестейскаго, т.-е. старосты того повѣта, въ который войскій назначался, то въ другихъ случаяхъ встрѣчаются примѣры назначенія королемъ войскаго безъ всякаго ходатайства и рекомендаціи повѣтовой власти. Такъ, Рафаль Прокулей, предшественникъ Вагановскаго на врьдѣ Берестейскаго войскаго, былъ назначенъ Сигизмундомъ Августомъ изъ дворянъ королевскихъ по ходатайству Яна Еронимовича Ходкевича ¹⁾, не имѣвшаго никакой административной власти въ Берестейскомъ повѣтѣ ²⁾.

Въ повѣтѣ своемъ войскій занималъ почтенное положеніе. Въ эпоху дореформеннаго суда въ великомъ Княжествѣ, т.-е. въ эпоху до реформы 1564—1566 годовъ ³⁾, когда областной судъ сосредоточивался въ земскомъ судѣ, бывшемъ тогда судомъ воеводъ, старостъ и намѣстниковъ, встрѣчаемъ войскихъ въ ряду лицъ, присутствовавшихъ иногда при разборѣ дѣлъ въ судѣ ⁴⁾. Сынъ войскаго по врьду своего отца назывался войсковичемъ ⁵⁾, что выдѣляло его изъ рядовъ простой шляхты. Въ качествѣ посла повѣтоваго не разъ встрѣчаемъ войскаго ⁶⁾. На сеймиковыхъ постановленіяхъ также фигурируетъ подпись войскаго въ ряду подписей должностныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ сеймикованьѣ повѣта ⁷⁾.

¹⁾ Староста Жомойтскій, маршалокъ земскій Княжества, администраторъ и гетманъ земли Лифлянтской, державца Ковенскій, Плотельскій и Тельшовскій.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 11 (привилей данъ въ Кнышинѣ 13 апрѣля 1568 года).

³⁾ См. Ж. М. Нар. Пр. 1897. № 6. Стр. 294—299.

⁴⁾ Нпр., А. Вил. XVII. № 128.

⁵⁾ Нпр., Ист.-Юр. Мат. XXI. Стр. 184. № 65: «imśc p. Felicjan Łukomski, woyskowiez wdztwa Witto.

⁶⁾ Нпр., въ Пинскія гродскія книги внесена «instructia ich msciom panom posłom naszym na dzisieyszym seymiku dnia piętnastego octobris tysiąc szescset szescdziesiąt osmego w zamku Piskim na conuocatią Warszawską dnia piątego nowembris złożoną obranym, iego msci panu Stanisławowi Ciechanowiczowi, Woyskiemu Piskiemu y imsci panu Janowi Fiłonowi Woroniczowi, skarbnikowi Kiiowskiemu, sędziemu Grodzkiemu Piskiemu dana». Вил. Центр. Архивъ. № 13020. (Пинскаго гродскаго суда.) Стр. 811.

⁷⁾ Нпр., А. Вил. VIII, стр. 340: «Jerzy Tyskiewicz, woyski woiewodztwa Wileńskiego, starosta Obelski или Samuel Kazimierz Giedroyć, woyski Mścislawski

Кромѣ своихъ обязанностей по оборонѣ повѣта войскій имѣль и другія обязанности. 13 мая 1566 года въ Люблинѣ была подписана Сигизмундомъ Августомъ слѣдующаго содержания грамота войскому Городенскому, пану Бенедикту Василевичу ¹⁾. «Што даешъ намъ знати», обращается король къ Городенскому войскому, «широце а по достатку всю справу выписуючи, яко тыхъ недавно минулыхъ часовъ подданные князей Жославскихъ, Гринько Атаманъ, Остапко Барановичъ а Васечко, холопъ Матеев, беручи заплату свою за розбой и за розбите на томъ розбою жида Жославского Агрона и о побранье при немъ немалое сумы пенезей, яко полпоста ста копъ грошей, поволали лесничого князей Жославскихъ, именемъ Станислава Скиндера, чоловека народу шляхетского, яко бы онъ в томъ зломъ учиньку, в розбою оного жида и в бранью того луцу, учасникомъ был и, имъ товаришомъ будучи, того допомагалъ; и тое поволане его смертию своею запечатали. За которымъ поволаньемъ приятели оного Агрона забитого жида, именемъ Хемья а Мошко Ильиничи, а жона тогожъ забитого Рахля у права просили тебе, абы и тотъ Скиндеръ тымъ тромъ злочиньцомъ в томъ розбою смерти оного жида причиньцоу былъ, такъ же, яко и они, черезъ право заплату свою взялъ и за то былъ скаранъ....» ²⁾. Но панъ Василевичъ отложилъ разрѣшеніе этого

(1671 г.). Или *ibidem*, стр. 345: „woyski Starodubski, podstarości Wileński“ (1698 г.) и др.

¹⁾ «Оповолане Станислава Скиндера з стороны розбою жида Жославского».

Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 7—7 об.

²⁾ Документъ продолжаетъ такъ: «даючи до того тую причину, ижъ, хотяжъ оный Станиславъ Скиндеръ есть шляхтичъ и водле права до присеги ся къ отводу беретъ, але ему то ити не можетъ ку помочи, кгдажъ тые тры злочиньцы его поволали и тое поволанье ихъ за трое себе поволанье быти розумели, але ты, не коньчечи тое речи, отложилъ еси то до тыхъ часовъ, поколь бы есмо о томъ тебе науку нашу дали, если же тые жидове за тыхъ троухъ злочиньцовъ поволаньемъ, смертию ихъ утверженнымъ, близшиє суть поприсягнути того Станислава Скиндера о тое на розбою забитье оного приятеля своего Агрона жида, альбо пакъ оному Станиславу Скиндеру, яко человеку шляхетскому, отъ того ся присягою телесною отвести прийдеть. Которой справе на выписе твоємъ достаточне вырозумели есмо, а бачечи, ижъ тое троухъ злочинцовъ в одномъ учиньку и товаристве одно поволанье не можетъ быти розумяно за трое поволанье а тотъ Станиславъ Скиндеръ, яко человекъ шляхетского народу, если будетъ передъ тымъ нигде в жадномъ поволани николи не былъ, водле обычаю права посполитого и статуту земского найдемъ того Станислава Скиндера близшимъ отъ того обвиненя и розбою присягою своею отвестися, о чомъ бы еси ведаючи, того Станислава Скиндера

дѣла до тѣхъ поръ, когда онъ получитъ «науку» отъ короля, какъ онъ долженъ поступить. Этою «наукою» и является нашъ источникъ, приведенная нами грамота. Можетъ быть два предположенія для объясненія дѣятельности пана Василевича. Или онъ дѣйствовалъ въ качествѣ намѣстника Городенскаго старосты въ гродѣ повѣта, или же разсматривалъ дѣло, какъ повѣтовый войскій. Едва ли можно остановиться на первомъ изъ этихъ объясненій, такъ какъ если бы оно было правильно, то королевская грамота обратилась бы къ «вряду гродскому Городенскому», или къ намѣстнику, подстаростѣ, если не къ самому старостѣ, да и самъ Василевичъ, если бы онъ дѣйствовалъ, какъ подстароста, обратился бы за указаніемъ не непосредственно къ королю, а, конечно, къ своему старостѣ, пану Григорію Ходкевичу ¹⁾. Между тѣмъ, нашъ документъ обращается къ «войскому Городенскому, пану Бенедыкту Василевичу» ²⁾, не упоминая ни разу о гродскомъ Городенскомъ врьдѣ и о должностныхъ лицахъ его. Такимъ образомъ приходится признать, что войскій вѣдалъ не только охрану безопасности повѣта, но имѣлъ и подвѣдомственные ему судебныя дѣла. Грамоты о назначеніи войскихъ говорятъ, къ сожалѣнію, слишкомъ общо объ ихъ обязанностяхъ, не давая возможности подробно обрисовать функціонированіе этого врьда. Онѣ говорятъ просто, что назначаемый вновь войскій «маетъ» свой врьдъ «за всякою учтивостью и владностью его держати, также всякихъ доходов и пожитков, к нему здавна и теперъ належачих, уживати и на томъ врьде слушне и пристойне радити и справовати потому, яко передъ тымъ ажъ до сего часу вси войские» этого повѣта «держали, зацности, владности и пожитковъ, ему приналежачихъ, уживати». Конечно, войскій держитъ свой врьдъ пожизненно, или «поколи его чимъ лучшимъ» король «осмотритъ» милостью своею государевою ³⁾.

Въ числѣ должностныхъ лицъ повѣтовъ Княжества встрѣчаемъ

водле обычаю права посполитого статуту земского заховалъ. Писанъ у Люблине». 3 мая 1566 года. «Подпись руки господарское. Базылиусъ Древинский писаръ». Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 7—7 об.

¹⁾ См. *Adam Boniecki*. *Poczet Rodów*. Str. XXIX.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 7.

³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 11 (1568 года 13 апрѣля).

и конюшія ¹⁾). Определе́нія, данныя этой должности въ литературѣ настолько разнообразны, что заслуживаютъ упоминанія для характеристики запутанности и противорѣчій, существующихъ въ исторической литературѣ вообще въ изложеніи вопросовъ, относящихся къ внутреннему строю великаго княжества Литовскаго. Въ сочиненіи Порай-Кошица ²⁾), вышедшемъ въ Петербургѣ въ 1858 году, читаемъ, что конюшій, также какъ и стольникъ, подстолій, чашникъ или чесникъ, подчашій, ловчій, меченосецъ или мечникъ, подконюшій, крайчій, скарбникъ или казначей, когда то входилъ въ составъ придворнаго штата. «Всѣ сіи должностныя лица», читаемъ на 57-ой страницѣ этого сочиненія, «составлявшія придворный штатъ, находились въ воеводствахъ, въ каждомъ уѣздѣ, и посему, для различія отъ придворныхъ сановниковъ, постоянно служившихъ при особѣ короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, назывались воеводскими, или земскими чинами, удерживая лишь только при себѣ одинъ почетный титулъ, означавшій придворное званіе». Они заступали, по словамъ Порай-Кошица, соотвѣтствующихъ имъ придворныхъ сановниковъ во время пребыванія короля въ воеводствахъ. И. Д. Бѣляевъ ³⁾), совершенно игнорируя конюшія, какъ областного врядника, трактуетъ его, какъ «одинъ изъ самыхъ важныхъ придворныхъ чиновъ». Онъ дѣлитъ конюшихъ на земскихъ и дворныхъ. Хотя Бѣляевъ и говоритъ далѣе, что «кромѣ того были еще конюшіе по нѣкоторымъ областямъ», но онъ, повидимому, не знаетъ совершенно мѣннія Порай-Кошица о нихъ, какъ о врядникахъ, бывшихъ «въ каждомъ уѣздѣ». Н. Горбачевскій опредѣляетъ конюшія, какъ шталмейстера ⁴⁾). Совсѣмъ иное представленіе о врядѣ конюшія даетъ М. К. Любавскій. «Господарскими конюшнями и конскими заво-

¹⁾ Нпр., панъ Янъ Юрьевичъ Волочковича, конюшій Виленскій, державца Василишскій—А. З. Р. III. № 36 (1564 г.); конюшій Смоленскій Василій Павловичъ Полтева—*ibidem*, № 101 (6974 г.); конюшій дворный и Троицкій намѣстникъ Волжоникскій и Лепунскій, лѣсничій Городенскій, панъ Якубъ Кунцевичъ—А. Ю. и З. Р. I. № 64 (1516 г.); маршалокъ королевскій, конюшій Виленскій и подконюшій земскій, державца Василишскій... Юрьевичъ Волчко—*ibidem*, № 215 (1579 г.); конюшій Троицкій—А. Вил. XVII. № 469, конюшій Городенскій—*ibidem* № 476, и т. д.

²⁾ Историческій рассказъ о Литовскомъ дворянствѣ. Сочиненіе Коллежскаго Совѣтника Ивана Порай-Кошица. Санктпетербургъ. 1858.

³⁾ И. Д. Бѣляевъ. Разказы изъ Русской Исторіи. IV. М. 1872. Стр. 439.

⁴⁾ Н. Горбачевскій. Словарь древняго актовaго языка Сѣверо-Западнаго края и царства Польскаго. Вильна. 1874. Стр. 13 (подъ словомъ *adago*).

дами, находившимися при дворахъ, бывшихъ нѣкогда мѣстопробываніемъ удѣльныхъ князей, завѣдывали особыя конюшіе» — читаемъ на стр. 842-ой «Областного дѣленія и мѣстнаго управленія Литовско-Русскаго государства». Возникшая еще въ эпоху удѣловъ должность конюшія продолжала существовать и въ послѣднія времена политической жизни Речи Посполитой ¹⁾. Однако, въ силу этого происхожденія должности областного конюшія является возможность думать, что не во всѣхъ повѣтахъ великаго княжества Литовскаго и даже не во всѣхъ воеводствахъ существовали конюшіе. Къ сожалѣнію, мы не можемъ высказаться опредѣленно по этому вопросу. Изъ того, что намъ лично не удалось встрѣтить указанія на должность конюшія того, или другого повѣта въ тѣхъ актахъ, которые просмотрѣны нами, мы не рѣшаемся дѣлать вывода о несуществованіи въ немъ этого вряда: со временемъ, при дальнѣйшемъ изученіи архивнаго матеріала, можетъ быть, и придется встрѣтиться съ такими указаніями, а несомнѣнно существовавшая въ Княжествѣ тенденція къ созданію врядовъ и почетныхъ титуловъ въ неимѣвшихъ ихъ мѣстностяхъ по образцу имѣвшихъ позволяетъ надѣяться на это. Конюшіе бывали и въ воеводствахъ, и въ повѣтахъ. Рядомъ съ конюшимъ Виленскимъ ²⁾, или Троицкимъ ³⁾, или Витебскимъ ⁴⁾ встрѣчаемъ и конюшія Городенскаго ⁵⁾, т.-е. Городенскаго повѣта Троицкаго воеводства. Адамъ Бонецкій ⁶⁾ указываетъ въ изслѣдуемую нами эпоху лишь на конюшихъ Городенскаго (Янъ Гайко) и Виленскаго (Янъ Волочковичъ); но, конечно, это простая случайность: Бонецкій просто не встрѣтилъ упоминаній объ этомъ врядѣ въ другихъ повѣтахъ, и никто изъ знающихъ, что изъ себя представляетъ работа надъ актовымъ матеріаломъ, не поставитъ этого въ вину его книгѣ; но еще менѣе возможно считать неупоминаніе у Бонецкаго доказательствомъ несуществованія вряда. Привилеи на врядъ конюшія ⁷⁾ обыкновенно составлены въ

¹⁾ Нпр., Историко-Юрид. мат. XXIII. № 56, стр. 185 (1716 г.).

²⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 36 (1564 г.).

³⁾ Нпр., А. Вил. XVII. № 45 и др.

⁴⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 79.

⁵⁾ Нпр., А. Вил. XVII. №№ 204, 212 и др.

⁶⁾ Roczet Rodów. Spis dign. i urzęd. Str. XII.

⁷⁾ Приводимъ образецъ привилея на врядъ конюшія: «Привилей на конюшество Витебское Анъдрею Сивицкому» Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 79. «Жикгимонт

обычныхъ выраженіяхъ королевскихъ привилеевъ на должности, т.-е. безъ точнаго и полнаго опредѣленія обязанностей вряда. Предѣлы компетенціи уряда и его обязанности были ясны въ то время всѣмъ, хотя и позволительно сомнѣваться, чтобы они были опредѣлены настолько точно, что не сокращались, или не расширялись въ зависимости отъ личности, энергіи и частнаго положенія врядника. Ввиду того, что привилеи на назначеніе врядника на должность слишкомъ мало говорятъ изслѣдователю для опредѣленія круга дѣятельности и компетенціи уряда, приходится искать въ другихъ источникахъ данныхъ для характеристики его. Акты знаютъ конюшни королевскія въ повѣтахъ ¹⁾, знаютъ и конюховъ, въ повѣтахъ жившихъ ²⁾. Прежде всего для характеристики вряда укажемъ, что конюшіе бывали и у богатыхъ лицъ. Такъ, акты Городенскаго земскаго суда упоминаютъ, напримѣръ, Михна, служебника - конюшія старосты Пинскаго, Кобринскаго, Клецкаго и Городенскаго, державцы Селецкаго ³⁾. И частныя лица могли имѣть такое количество коней и конюшень, что требовался особый служебникъ для завѣдыванія ими.

Августъ Божью милостью королъ Полскій, великій князь Литовскій etc. Ознаймуем сим листомъ нашимъ. Поведилъ передъ нами воевода Витебскій, державца Суражскій, панъ Станиславъ Миколаевичъ Пац, ижъ которое конюство земское в повете Витебскомъ за даниною нашою держалъ земянинъ нашъ повету Витебскаго, Григорей Шапка, а ижъ тотъ Шапка вжо змер, его милость по смерти оногo Шапки тотъ врядъ, конюштво земское Витебское, земянину нашому тогожъ Витебскаго повету, Андрею Якубовичу Сивицкому, бачечи его на тотъ врядъ быти годного, зо всякими пожитки и доходы, к нему належачими, далъ до воли и ласки наше господарское и на то ему листъ свой далъ. И жедалъ насъ панъ воевода Витебскій, абыхмо тому земянину нашому Андрею Сивицкому ласку нашу господарскую вчинили а тотъ врядъ, конюштво земское Витебское, листомъ нашимъ господарскимъ утвердили ему. Ино мы з ласки наше господарское а на жедане и причину пана воеводы Витебскаго то учинили и оногo земянина нашего Анѣдрея Якубовича Сивицкаго при томъ вряде, конюшстве Витебскомъ, зоставили и, симъ листомъ нашимъ давши ему, при немъ его зоставуемъ. Маеть тотъ Андрей Якубовичъ Сивицкій тотъ врядъ, конюство земское Витебское, зо всякими доходы и пожитки, к нему належачими, держати, уживати до живота своего с тымъ к тому, яко и первые конюшіе Витебскіе, того вряду до сего часу дѣржачи, уживали, а намъ господару съ того вряду служити будетъ повиненъ. И на то есмо ему, Анѣдрею Сивицкому, конюштому Витебскому, дали сесь нашъ листъ подъ нашою печатью. Писанъ у Варшаве» 1572 года 29 мая. «Подписъ руки его милости пана Троцкаго подканцлерого. Базилиусъ Древинскій писаръ».

¹⁾ А. Вил. XVII. № 3.

²⁾ Упомянутый очень много, нпр., А. Вил. XVII—passim.

³⁾ А. Вил. XVII. № 892.

Конюшій повѣтовый завѣдывалъ конюшнями и конюхами государевыми. Для управленія конюхами въ его распоряженіи находились подчиненныя ему лица, какъ сотникъ ¹⁾ и дѣцкій ²⁾. Сдѣлки на землю конюховъ по ихъ гражданскимъ обязательствамъ совершаются за «дозволеннымъ листомъ» конюшія ³⁾, который наблюдаетъ, чтобы съ нихъ шла служба конюха. Акты сохранили указанія и на расправу конюшія съ подчиненными ему конюхами. Такъ, 27 сентября 1540 года въ земскомъ Городенскомъ судѣ мѣщанинъ Городенскій, Гришка Андреевичъ Переломецъ, заявилъ: «правда дей есть, ижъ, коли еще панъ Богданъ Гринкевичъ конюшимъ Городенскимъ былъ и я въ него въ тотъ часъ служилъ, и зъ розказанья его не одного конюха, але всихъ конюховъ граблывалъ, бо я надъ ними дѣцкимъ былъ» ⁴⁾. Служебники и бояре конюшихъ не разъ упоминаются актами ⁵⁾, что говоритъ и объ ихъ обезпеченномъ матеріальномъ положеніи. Совмѣщеніе должности конюшія съ другими рядами—явленіе совершенно возможное. Встрѣчаются и совмѣщенія конюшества съ другимъ рядомъ того же повѣта ⁶⁾. Что касается до времени, на которое давалось конюшество повѣта, то въ изслѣдуемый періодъ оно давалось обыкновенно на всю жизнь. Для времени болѣе ранняго М. К. Любавскій приводитъ примѣръ назначенія конюшія Витебскаго на два года ⁷⁾. Кромѣ конюшихъ упоминаются въ областяхъ Княжества и подконюшіе ⁸⁾.

Въ Вильнѣ и Трокахъ въ изслѣдуемый періодъ времени встрѣчаемъ и ряды ключника и подключія. Въ привилеѣ, данномъ Стефаномъ Баторіемъ Андрею Тризнѣ на ряды Троцкихъ ключника и подключія ⁹⁾, читаемъ, что королю заявилъ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, «ижъ въ тыхъ часехъ войскога Городенскаго, ключника и подключого Троцкаго, пана Бенедыкѣта Протасовича, въ животе не стало». Маршалокъ земскій Янъ Еронимовичъ Ход-

¹⁾ А. Вил. XVII. № 945.

²⁾ А. Вил. XVII. № 476. ³⁾ А. Вил. XVII. № 945. ⁴⁾ А. Вил. XVII. № 476.

⁵⁾ Нпр., А. Вил. XVII, №№ 298, 469, 735 и др. См. также № 115—листъ вызнанный конюшія Городенскаго Сопотька.

⁶⁾ Нпр., конюшій, войскій Городенскій. А. Вил. XVII. № 551.

⁷⁾ М. К. Любавскій. Областное дѣленіе и пр. Стр. 843 (1524 г.).

⁸⁾ Ibidem. Стр. 844.

⁹⁾ «Привилей Андрею Трызне на ряды ключництво и подключое Троцкое». Дата: Торунь, 1576 года декабря 15. Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 94 об., 95. Тотъ

же документъ — Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 143.

кевичъ рекомендовалъ Баторію на врьдъ Троцкихъ ключника и подключія «чоловека народу зацного, шляхетского, у великомъ князстве Литовскомъ добре значного, то есть Андрея Тризну, судью кгородского Новгородского». Король принялъ рекомендацію Ходкевича и исполнилъ его просьбу о назначеніи Тризны на эти Троцкіе врьды. Отъ имени короля привилей такъ говоритъ о правахъ Тризны, какъ ключника и подключія Троцкаго: «маеть онъ тые врьды, отъ насъ ему даные, держати, въсякое владзы и пожитковъ, ку нимъ здавна належачихъ, и, яко першие ключники и подключие Троцкіе держали, уживати до своего живота, албо до лепшого опатренья нашего, ни въ чомъ тыхъ врьдовъ не зменьшаючи». М. К. Любавскій объясняетъ врьдъ ключниковъ Виленскаго и Троцкаго, какъ врьдъ, на обязанности котораго лежало завѣдываніе погребями, въ которые поступала медовая дань съ волостей¹⁾. Что же касается до подключихъ, то, по словамъ того же изслѣдователя, они завѣдывали господарскимъ медовареніемъ и тѣми людьми, которые его производили²⁾. Уже то обстоятельство, что въ Трокахъ одно и то же лицо занимало одновременно оба врьда говоритъ о малой обремененности дѣлами каждаго изъ нихъ. При этомъ соединеніе въ однѣхъ рукахъ обихъ этихъ урядовъ въ Трокахъ было явленіемъ совершенно обычнымъ, едва ли не постояннымъ во второй половинѣ XVI вѣка. По крайней мѣрѣ, предшественникъ Андрея Тризны, панъ Бенедиктъ Васильевичъ Протасовичъ, именуется въ актахъ ключникомъ и подключимъ Троцкимъ, войскимъ Городенскимъ³⁾. Но въ болѣе раннее время ключникъ Троцкій является лицомъ, имѣющимъ только этотъ урядъ⁴⁾. Должность ключника Виленскаго также совмѣщалась съ другими врьдами. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка она бывала въ рукахъ скарбнаго и писаря скарбоваго, а именно Ивана Зарецкаго⁵⁾ и Яна Исаковскаго⁶⁾.

¹⁾ М. К. Любавскій. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 844.

²⁾ Ibidem. Стр. 847. То же опредѣленіе врьда ключника и подключія принято *Ф. И. Леонтовичемъ* (Акты Литовской Метрики. Т. I. Вып. II. Стр. XI и XIX).

³⁾ А. Вил. VIII. Стр. 255.

⁴⁾ Акты *Леонтовича*. I. I. № 255 (1496 г.). I. II. № 635 (1502 г.).

⁵⁾ «Я Иванъ Зарецкій, скарбный великого князства Литовскаго, староста Упитский и ключникъ Виленскій»—такъ начинается его «листъ вызнанный», данный 3 іюля 1584 года. 4 сентября 1585 года онъ уже былъ «небощикомъ». А. Вил. XXVI. № 291.

⁶⁾ «Панъ Янъ Исаковскій, писарь его королевской милости скарбовый, ключникъ и дровничій Виленскій, державца Виршубскій». А. Вил. VIII. №№ 184 (1602 г.), 219 (1601 г.).

Кромѣ Вильны и Грокъ, встрѣчаемъ врядъ ключника и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Для болѣе ранняго времени можно привести цѣлый рядъ ключниковъ кромѣ Виленскаго и Троцкаго, а именно Берестейскаго, Витебскаго, Городенскаго, Кіевскаго, Ковенскаго, Луцкаго, Минскаго, Новгородскаго, Пинскаго, Смоленскаго ¹⁾. Къ нимъ можно прибавить Слонимскаго ²⁾, а по всей вѣроятности и рядъ другихъ, если принять въ расчетъ тенденцію къ увеличенію числа врядовъ въ повѣтахъ, существовавшую въ Княжествѣ. Не будемъ забывать при этомъ, что ключники существовали и въ большомъ хозяйствѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, каковыми были, на примѣръ, Виленскіе бискупы ³⁾.

Кромѣ врядовъ, перечисленныхъ нами, въ повѣтахъ великаго княжества Литовскаго актами послѣдующаго времени упоминается цѣлый рядъ должностей, одноименныхъ съ тѣми, которыя встрѣтимъ на дворѣ государевомъ, а именно, мечника ⁴⁾, чашника ⁵⁾, подчашія ⁶⁾, стольника ⁷⁾, подстоля ⁸⁾. Кромѣ того, въ областяхъ стали возникать и должности, существовавшія прежде не приуроченными къ отдѣльнымъ воеводствамъ и повѣтамъ, какъ на примѣръ, должность мостовничія ⁹⁾. Если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, притомъ лишь по отношенію къ нѣкоторымъ повѣтамъ, мы можемъ видѣть остатокъ, пережитокъ удѣльной эпохи, когда эти повѣты были еще удѣльными княжествами, князья которыхъ имѣли свои особыя дворы ¹⁰⁾, то по отношенію къ другимъ сказать этого мы не имѣемъ права. Въ всякаго сомнѣнія, многіе изъ этихъ урядовъ возникли лишь въ эпоху послѣ Люблинской Уніи. Мы не рѣшаемся давать объясненія этому явленію: было ли оно вызвано все большимъ и большимъ развитіемъ самостоятельности отдѣльныхъ воеводствъ и повѣтовъ, или тутъ

¹⁾ См. *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. LXXXVI. Акты *Левитовича*. I. II. Стр. XI.

²⁾ А. Вил. XII. № 143 (1559 г.).

³⁾ А. Вил. XX. №№ 4 (1543 г.) и 13 (1554 г.).

⁴⁾ Нпр., А. Вил. XX, №№ 335 (1586 г.), 353 (1735 г.). Не слѣдуетъ, однако, мечника-врядника смѣшивать съ мечникомъ-ремесленникомъ. См. *ibidem*, стр. 421 и др.

⁵⁾ Нпр., А. Вил. VIII. № 80 (1711 г.), А. Вил. XIII. № 1 (1641 г.).

⁶⁾ Нпр., А. Вил. XX. № 312 (1686 г.) и др.

⁷⁾ Нпр., А. Вил. VIII. № 91 (1736 г.).

⁸⁾ Нпр., А. Вил. VIII. № 103 (1772 г.).

⁹⁾ Нпр., А. Вил. XX. № 363 (1770 г.).

¹⁰⁾ См. *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 837—852.

нужно просто видѣть проявленіе стремленія къ удовлетворенію честолюбія шляхты, мало-мальски поднимающейся надъ массою своей братіи. Къ этому прибавляется вопросъ о томъ, насколько тутъ дѣйствовало и Польское вліяніе. Все это вопросы настолько важные для общаго освѣщенія состоянія Княжества въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, что къ ихъ разрѣшенію нельзя обращаться до детальнаго изученія источниковъ и документовъ, сохранившихся отъ эпохи. Кромѣ этихъ врядовъ въ повѣтахъ, шляхтичи могли занимать вранды мѣстскіе въ городахъ по ихъ управленію, а также исполнять обязанности сборщиковъ мытъ различнаго вида. Сюда относятся и восковничіе, и дровничіе, каковыми бывали шляхтичи ¹⁾.

Мы видѣли выше, что администрація повѣта находилась въ рукахъ повѣтоваго старосты, а въ центральныхъ повѣтахъ старыхъ воеводствъ — въ рукахъ воеводъ, бывшихъ въ нихъ и старостами. Теперь намъ нужно остановиться на должностяхъ судебныхъ, существовавшихъ въ каждомъ повѣтѣ Княжества.

Вранды судебныя имѣли особое значеніе въ повѣтѣ. И взглядъ общества и правительства на «справедливость», какъ на «фундаментъ покою посполитого» вмѣстѣ съ «обороною» государства ²⁾, и дѣйствительное, реальное значеніе судебныхъ приговоровъ, рѣшеній и книгъ судовъ въ жизни шляхты ставили суды повѣтовые и ихъ врандниковъ на значительную высоту въ ряду учрежденій и дигнитарей великаго княжества Литовскаго. Повѣтовыми судами были судъ земскій, гродскій, и подкоморскій. Главнымъ судомъ считался земскій судъ, «земство», бывший со времени второго статута судомъ независимымъ отъ администраціи и собиравшимся на свои судебныя сессіи періодически, по три разъ въ годъ. Эти сессіи носили названіе роковъ судебныхъ и отправлялись одинъ разъ въ году зимою, одинъ разъ лѣтомъ и одинъ разъ осенью. Зимняя сессія носила названіе роковъ трекрольскихъ и начиналась 7 января, на другой день послѣ праздника Трехъ Кролей (т.-е. Крещенія); лѣтняя называлась роками троицкими и начиналась на другой день послѣ Троицына дня и третья — роками Михайловскими, начинаясь 30 сентября, «на завтрее» послѣ

¹⁾ Нпр., А. Вил. XX. № 91 (1597 г.). Для характеристики этого рода мытниковъ, см. А. Ю. и З. Р. I. № 134 и А. Ю. и З. Р. II. №№ 87 и 98.

²⁾ Такъ, напримѣръ, опредѣляютъ значеніе суда листы Стефана Баторія, посланные имъ по повѣтамъ Литовскимъ съ Торунскаго сейма 1576 года. Лит-

Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 36. Ср. Ж. М. Нар. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 263 и сл.

праздника св. Михаила. Судовый земскій врьдъ составляли судья, подсудокъ и писарь, выбиравшіеся на сеймикъ повѣтовою шляхтою, какъ кандидаты, и получавшіе затѣмъ утвержденіе отъ короля. Сеймикъ выбиралъ четырехъ своихъ «електовъ» на судовую должность земства, а король изъ представленныхъ ему четырехъ кандидатовъ выбиралъ одного, которому и давалъ свое утвержденіе привилеемъ. Главою земской судовой корпораціи былъ земскій судья, вторымъ ея членомъ—подсудокъ, третьимъ—писарь. Являясь лицомъ, уже получившимъ отъ обывателей повѣта однажды доказательство довѣрія къ себѣ, а также и королевское утвержденіе, подсудокъ и писарь не должны были вновь подвергаться избранію на общихъ основаніяхъ въ случаѣ, если повѣтъ избиралъ ихъ на мѣсто, вакантное за смертию, или за отказомъ отъ должности кого-либо изъ врьдниковъ земскаго суда. Если шляхта выбирала подсудка преемникомъ судьи, или писаря преемникомъ подсудка, она представляла королю избраннаго одного, а не вмѣстѣ съ тремя другими кандидатами. Въ члены земскаго суда должно было выбирать «людей добрыхъ, цнотливыхъ, ростропныхъ, въ правѣ умѣтныхъ, роду шляхецкаго, въ томъ повѣтѣ добрѣ оселыхъ, не иное вѣры только хрестіянское» ¹⁾. Послѣ выбора повѣтовою шляхтою и утвержденія государемъ члены земскаго суда приносятъ присягу по своей должности на первой-же судовой сессіи передъ воеводою (въ землѣ Жомойтской—старостою Жомойтскимъ), «при зобранью шляхты», а въ случаѣ отсутствія воеводы, то передъ каштеляномъ.

Земскій повѣтовый судъ имѣеть власть «на роки зложоные позывати передъ себе, судити и справовати всихъ пановъ-радъ духовныхъ и свѣцскихъ, княжатъ, пановъ хоруговныхъ, шляхту и бояръ о земскіе речи зъ имѣней однако, одностайно, хто одно кольве въ томъ повѣтѣ имѣнья свои мѣти будетъ» ²⁾. Лишь самъ государь и врьдники его по имѣніямъ государя не подлежатъ земскому суду—тутъ судъ творить уже самъ государь, или тотъ, кому онъ его поручить. Судъ земскій является судомъ шляхетскимъ, судомъ судей, выбранныхъ народомъ-шляхтою повѣтовою изъ своей собственной среды на повѣтовомъ сеймикѣ, въ составъ котораго входила одна только шляхта. Однако, его разбору подлежатъ дѣла не одной шляхты исключительно; самъ статутъ кромѣ пановъ-радъ, княжатъ, пановъ хоруговныхъ

¹⁾ II ст. IV. 1.   ²⁾ II ст. IV. 2.

и шляхты, отдаетъ земскому суду и дѣла бояръ, которые совсѣмъ не принадлежали къ шляхетскому сословію и не могли «веселиться» его свободами, правами и вольностями ¹⁾). Отъ своихъ врядовъ, врядники судовые земскіе имѣютъ свой доходъ, опредѣленный закономъ ²⁾, а по своему матеріальному положенію они были людьми достаточными, что видно изъ тѣхъ документовъ, касающихся ихъ имѣній, которые встрѣчаются въ земскихъ книгахъ ихъ собственнаго суда. Кромѣ значенія своего, какъ суда, «земство» великаго княжества Литовскаго имѣло еще значеніе нотаріальное. Книги суда служили повѣтовымъ обывателямъ не только для внесенія въ нихъ разбирательствъ и постановленій земскаго суда, но и для записыванія въ нихъ всевозможныхъ документовъ, завѣщаній, актовъ гражданскихъ сдѣлокъ, королевскихъ листовъ и т. д. съ цѣлью предохранить ихъ отъ утраты: выпись изъ судовой книги имѣетъ то же значеніе, какъ и самый оригиналъ грамоты. Понятно поэтому, что и законъ, и общество такъ озабочены были храненіемъ книгъ судовыхъ ³⁾).

Рядомъ съ судомъ земскимъ въ каждомъ повѣтѣ Княжества находился судъ замковый, или гродскій, отбывавшій свои «рочки гродскіе» съ перваго числа cadaго мѣсяца. Но мы уже знакомы съ этимъ судомъ и его составомъ, такъ какъ видѣли его, когда разсматривали значеніе въ повѣтѣ судебного старосты и врядниковъ, имъ назначаемыхъ. Третьимъ судомъ cadaго Литовскаго повѣта былъ судъ подкоморскій. Просьба Литовской шляхты объ учрежденіи въ каждомъ повѣтѣ Княжества по подкоморію «для справъ граничныхъ и земельныхъ» была вознесена къ королю на Виленскомъ сеймѣ 1565 года ⁴⁾, и въ статутъ 1566 года былъ уже внесенъ артикуль о подкоморскомъ повѣтовомъ врядѣ и объ его судѣ ⁵⁾. На Подляшѣ подкоморіе существовали уже задолго до введенія ихъ по всему Княжеству ⁶⁾. Но еще до обнародованія втораго статута явились подкоморіе и въ другихъ воеводствахъ и повѣтахъ Литовскихъ. Уже въ 1565 году Слонимскій повѣтъ

¹⁾ О томъ, что Витебскій земскій судъ и послѣ изданія III-го статута вѣдалъ дѣла мѣщанъ Витебскихъ, см. Ж. М. Нар. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 284, 285.

²⁾ II ст. IV. 3.   ³⁾ II ст. IV. 11.

⁴⁾ Д. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 170, 24. Въ Польшѣ уже въ эпоху до короля Людовика существовали подкоморіе въ значеніи судей по дѣламъ граничнымъ. *Bandtkie-Steżyński. Hist. pr. p. Str. 204.*

⁵⁾ II ст. IV. 70.

⁶⁾ М. К. Любавскій. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 672, 673.

имѣлъ своего подкоморія, пана Станислава Николаевича Нарбута, Подляшскаго воеводича, который былъ назначенъ королемъ «з раменя своего господарьскаго» ¹⁾, (еще до постановленія Виленскаго сейма 1565 года). На Берестейскомъ сеймѣ, утвердившемъ второй статутъ Литовскій, въ числѣ пословъ земли Жомоитской встрѣчаемъ уже подкоморія Жомоитской земли, тивуна Ойрагольскаго, пана Николая Станькевича ²⁾. Въ королевскихъ грамотахъ, разосланныхъ по Литовскимъ повѣтамъ къ воеводамъ и старостамъ о введеніи новыхъ судовъ послѣ общей судовой реформы 1564—1566 годовъ, предписывалось и начало дѣйствій подкоморскаго уряда. «Также и подкоморій вראду своего потому, яко в статуте описано ест, яко се индеи в поветех того панства нашего вел. кн. Лит. заховати будетъ, мает ужывати водлугъ описаня порадку розделу судового в новом статуте доложоного» ³⁾— гласить королевская грамота о началѣ дѣйствія преобразованнаго суда въ Пинскомъ повѣтѣ (28 янв. 1566 года). Изъ всего выше приведеннаго ясно, что подкоморскій судъ не началъ функционировать во всѣхъ повѣтахъ Княжества въ одинъ и тотъ же день. Были мѣсяцы, отдѣляющіе возникновеніе этого вряда въ одномъ повѣтѣ отъ возникновенія его въ другомъ, но, во всякомъ случаѣ, введеніе этого уряда въ Литовскихъ повѣтахъ произошло въ 1565—1566 годахъ, конечно, за исключеніемъ повѣтовъ Подляшскихъ, гдѣ онъ явился гораздо раньше. Подкоморій ⁴⁾ вриадникъ «присяглый», т.-е. принесшій присягу на свой вриадъ. Онъ долженъ быть обывателемъ, осѣлымъ въ томъ повѣтѣ, въ которомъ получаетъ подкоморство, и это условіе требуется закономъ и подчеркивается привилеями на должность ⁵⁾ Свой урядъ онъ зани-

1) А. Вил. XXII. Стр. 148.

2) Д. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 200.

3) Вил. Центр. Арх. № 13014. Пинскаго гродскаго суда № 27. Стр. 357.

4) II ст. IV. 70.

5) Нпр., привилей «Богушу Олексеевичу на подкоморство Новгородское.— Стефан Божью милостью король Полскій, великій князь Литовскій. Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ. Поведилъ передъ нами писар нашъ великаго князства Литовскаго панъ Андрей Ивановичъ, ижъ што который вриадъ земскій, подкоморство Новгородское, деръжалъ он и тепер на себе деръжитъ з ласки и данины короля его милости Жыкгимонта Авъгуста, славное памяти продка нашего, за листомъ его королевское милости, на то ему данымъ, ино ижъ онъ, будучы забавенъ обещными служъбами нашими на дворе нашомъ за возваньемъ его на тотъ вриадъ писарства нашего и не могучы потребамъ и тому суду, вриадъ подкоморьскому належнымъ, досыть чинити, а не хотечы замешканья

маеть «до живота своего, яко и иные врядники земскіе». Обязанность подкоморія разбирать «всякіе розници земленые, або граничныя» повѣта, т.-е. дѣла о границахъ имѣній и земель повѣтовыхъ. Хотя законъ и говоритъ, что предъ подкоморіемъ справа возникаетъ лишь «за одосланьемъ отъ суду земского», но жизнь расширила путь, по которому къ подкоморію шли дѣла на его «розсудокъ», и къ нему стали пересылаться дѣла и судомъ гродскимъ, а послѣ учрежденія трибунала Литовскаго, и трибунальскимъ. III-й статутъ призналъ уже это ¹⁾. Но сверхъ того могли возникать дѣла предъ подкоморіемъ и непосредственно ²⁾.

По второму статуту подкоморій назначается королемъ. Привилеи въ эпоху дѣйствія второго статута также говорятъ о назначеніи этого врядника королемъ своею властью. Но по III-му статуту право выбора повѣтоваго подкоморія передается повѣтовой шляхтѣ ³⁾, и король уже обязывается давать подкоморство не иначе, «одно за обраньемъ на то певныхъ особъ чотырехъ черезъ обывателей каждое земли и повету», т.-е. порядокъ совершенно тотъ же, какъ и при замѣщеніи должности врядниковъ судовыхъ земскихъ, членовъ земскаго повѣтоваго суда. Но этотъ способъ назначенія подкоморія былъ признанъ и утвержденъ лишь статутомъ 1588 года; въ

никоторого у справедливости людской тымъ делати, спустилъ добровольне тотъ врад земскій, подъкоморство Новгородское, дворанину нашему, у в ономъ воеводстве Новгородскомъ оселому, Богушу Олекъсеевичу Овсяному...» Назначая Овсянаго подкоморіемъ, король говоритъ ему въ своемъ привилеѣ: «а такъ, кгдажъ писаръ нашъ панъ Анъдрей самъ добровольне тотъ врадъ ему спустилъ, мы господаръ на то позволили и, з ласки наше то чинечы а хочечы его ку службамъ нашимъ охотнейшого вчинити, оный врад земскій, подъкоморство Новгородское, тому дворанину нашему Богушу Овсяному дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ и то въ справу и владность его ему поручаемъ. Маеть онъ тотъ врадъ, подъкоморство оногo воеводства Новгородского, на себе деръжати и всякое владности в немъ вживати и пожитки, с того владу приходячие, на себе брати, справуючы и заховываючы ся во всемъ потому, яко в статуте правъ земскихъ около того владу и владности его описано есть. Которого жъ то владу будетъ онъ ужывати ажъ до живота своего, або до иньшого, большого опатренья нашего господарьского. А на твердость того, подъписавшы сесь нашъ листъ рукою нашою, и печать нашу к тому приложити казали. Писанъ у Торунѣ», 30 ноября 1576 года. «Подъписъ руки господарьское. Матей Савицький кашталянъ». Лит. Метр.

Г А
58

л. 108 об.—109 об.

¹⁾ III ст. IX. 2.

²⁾ См. Ж. М. Нар. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 362—364.

³⁾ III ст. IX. 1.

эпоху же, которой посвящено настоящее исследование, подкоморій повѣтовый назначался королемъ по личному его выбору и усмотрѣнію, лишь бы только онъ былъ лицомъ, осѣлымъ въ повѣтѣ. Въ своихъ приговорахъ и постановленіяхъ подкоморій подлежалъ обжалованію суду дворному королевскому, а послѣ учрежденія въ Литвѣ трибунала, — этому послѣднему. За свой трудъ подкоморій получалъ опредѣленный доходъ, установленный закономъ. Его положеніе въ повѣтѣ было весьма почтеннымъ. Въ списокѣ повѣтовъ и врядовъ повѣтовыхъ (послѣ преобразованія управленія и суда въ Литвѣ въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка), помещенномъ въ Литовской Метрикѣ въ числѣ актовъ 1568 и 1569 годовъ ¹⁾, врьдъ подкоморія поставленъ вслѣдъ за врьдомъ маршалка и выше хоружія, судьи, подсудка и писаря земскихъ. На сеймикѣ повѣтовомъ подкоморій также лицо замѣтное: его подпись фигурируетъ въ первыхъ рядахъ подписей сеймикующей шляхты на инструкціяхъ сеймовымъ посламъ и постановленіяхъ сеймиковъ (лявдумъ). Послами сеймовыми также не разъ бывали подкоморіе. И связи ихъ представляются немаловажными ²⁾. Отъ королей подкоморіе получали, заслуживъ государеву «ласку», и другія должности ³⁾, и державы ⁴⁾, и земельныя дачи ⁵⁾. Какъ специалистъ по граничному и межевому дѣлу, подкоморій былъ наи-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 197 об.—203 об. Изд. М. К. Любавскимъ—Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. Стр. 226—232.

²⁾ См. Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 352—354.

³⁾ Нпр., привилей «подкоморому Виленскому пану Миколаю Ясенъскому на писарство великого князства Литовского». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 61 об.—62 об. (Дата: Берестье, 24 августа 1576 года).

⁴⁾ Нпр., «привилей подкоморому Мелницкому пану Каспору Криковичу на тивунство Болшихъ Дирвянъ в земли Жомойтской». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 11 об.—12 об. Послѣ смерти пана Криковича это тивунство было передано въ 1578 году Лидскому подкоморію, какъ даетъ знать «привилей подкоморому Лидскому пану Миколаю Олехновичу на тивунство Дырвянъ Болшихъ». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 180 и об. Къ тому же назначенію относятся: «о той же речы листъ, писанный до пана Яна Ходкевича, старосты Жомойтского» (*ibidem*, л. 180 об.—181) и листъ волостному населенію о томъ же (*ibidem*, л. 181).

⁵⁾ Нпр., «привилей подкоморому Волковыйскому Юрю Юндилу на села в старостве Могилевском—Кишчычы, погостъ Русановичы и Чомоданы до животнымъ правомъ». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 103 об. и сл.

болѣе подходящимъ лицомъ для исполненія обязанностей комиссара, или ревизора. Такъ, ревизія Полоцкаго воеводства послѣ возвращеніи его изъ рукъ Москвы Баторіемъ была произведена въ 1586 году Θεодоромъ Скуминнымъ, подскарбіемъ дворнымъ великаго княжества Литовскаго и Юріемъ Друцкимъ Соколинскимъ, подкоморіемъ Витебскимъ ¹⁾. У подкоморія былъ и помощникъ. Могло ихъ быть даже и больше одного. По требованію статута, въ видахъ того, чтобы «отправа всякихъ справъ, вряду подкоморого належащихъ, омѣшканья и затрудненья некоторого не пріймучи, але тымъ снадней кромъ вшеякое проволоки и продолженья скутокъ, а конецъ свой пріймовала», подкоморій долженъ въ помощь себѣ выбрать въ повѣтъ одного, или двухъ коморниковъ, «шляхтичовъ, въ повѣтъ осѣлыхъ, людей годныхъ и статечныхъ». Они на рокахъ судовыхъ (земскихъ) передъ кашталяномъ, или повѣтовымъ маршалкомъ и передъ врядомъ земскимъ, или дворнымъ приносятъ такую же присягу, какъ и самъ подкоморій. Сдѣлавъ это, коморники «по особну за сланьемъ подкоморого, гдѣ бы самъ подкоморій на которой справѣ быти не могъ, тую всю моцъ и владность зуполную мѣти мають и будутъ, яко самъ подкоморій». Такимъ образомъ коморникъ былъ своего рода викаріемъ подкоморія. Онъ разбираетъ дѣло, подлежащее «розсудку» подкоморія, но не иначе, какъ по особому порученію послѣдняго на каждый отдѣльный случай. Судъ коморника замѣняетъ судъ самого подкоморія, а поэтому въ эпоху дѣйствія второго статута и апелляціонной инстанціей для него является общая апелляціонная инстанція, т.-е. королевскій дворный судъ, а съ учрежденіемъ трибунала, — этотъ послѣдній ²⁾.

Чтобы покончить съ повѣтовыми врядниками Литовскими, намъ нужно еще коснуться одного, а именно вознаго. «Врядъ возновскій» произошелъ изъ сліянія функцій вижа и дѣцкаго. Съ одной стороны возный являлся исполнителемъ судебныхъ приговоровъ, передавая присужденныя судомъ имѣнія сторонѣ, съ другой — онъ былъ официальнымъ свидѣтелемъ, посылавшимся врядомъ и испрашиваемымъ обывателями у вряда для освидѣтельствованія всевозможныхъ ранъ, шкодъ и т. п., которыя являлись причиною для вчинанія дѣла передъ судомъ. Къ этимъ обязанностямъ воз-

¹⁾ См. выше, стр. 328 прим.

²⁾ Объ апелляціи на судъ коморника въ эпоху второго и третьяго статутъ см. Ж. М. Нар. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 392—394.

наго нужно прибавить еще третью—присутствіе на судѣ для наблюденія порядка и дѣятельность его въ это время по «привольванью ку праву», т.-е. по вызову передъ судьей сторонъ, ожидающихъ своей очереди стать на судъ, а также его обязанность развозить и отдавать судовые «позвы», повѣстки. Статутъ потребовалъ, «абы воеводове въ кождомъ повете судовомъ, гдѣ книги лежать, а староста Жемоитскій тамъ въ той земли Жемоитской возныхъ выбирали, пострыгали, уставляли тежъ шляхту, людей добрихъ, вѣры годныхъ, цнотливыхъ, оселыхъ въ томъ же повѣтѣ». Возныхъ въ каждомъ повѣтѣ должно быть числомъ столько, сколько требуется «водлѣ повѣту и широкости его а потребности людской»¹⁾. Вступая въ свой урядъ, возный приноситъ установленную присягу. При себѣ, въ каждой своей справѣ, возный долженъ имѣть «стороною», свидѣтелями своего дѣйствія, двухъ шляхтичей «для подпору признанья и свѣдѣства своего»²⁾. За свои дѣйствія и разъѣзды возный получаетъ определенное закономъ вознагражденіе³⁾.

Отъ изученія врядовъ повѣтовыхъ обратимся къ обзору врядовъ обще-Литовскихъ. Эти вяды были дворные и земскіе. Одни изъ нихъ имѣли значеніе придворныхъ должностей, и лица, ихъ занимавшія, завѣдывали тою, или другою, отраслью дворцоваго хозяйства и развлеченій королевскихъ, или служили государю за его столомъ, украшали его дворъ во время церемоній и торжествъ. Другіе были не столько дворцовыми врядами, сколько государственными, хотя и соединяли въ своей должности черты вряда дворцоваго съ урядомъ государственнымъ. Наконецъ, третій разрядъ обще-Литовскихъ должностей совершенно не имѣлъ характера врядовъ дворцовыхъ. Если кухмистръ, подчашій, стольникъ, подкоморій и подобные имъ дигнитары были въ полномъ смыслѣ слова дворцовыми врядниками, то уже ловчій, инстигаторъ и имъ подобныя должностныя лица соединяли въ себѣ какъ обязанности придворной службы, такъ и обязанности обще-государственнаго значенія, такъ какъ первый не только вѣдалъ охоту государеву, но управлялъ лѣсничими, завѣдывавшими пущами Княжества и ихъ хозяйствомъ, а второй рядомъ съ охраною интересовъ личнаго имущества короля охранялъ и интересы земскаго скарба. Нако-

¹⁾ II ст. IV. 4.   ²⁾ II ст. IV. 5.

³⁾ Для времени до второго статута акты судовъ Литовскихъ знаютъ и подвозныхъ, назначавшихся самимъ судомъ. А. Вил. XXII. №№ 68, 94, 105 и др.

нецъ, гетманъ польный, земскій хоружій, ротмистры, мостовничіе и т. п. совсѣмъ уже не имѣли характера придворныхъ чиновъ двора государева. Мы не будемъ въ своемъ изложеніи выдѣлять въ особыя группы эти категоріи обще-Литовскихъ урядовъ, такъ какъ характеръ каждаго уряда самъ покажетъ безъ всякой регламентаціи, къ которой группѣ врядниковъ принадлежитъ отдѣльный урядъ.

Кухнею государевою завѣдывалъ особый врядникъ, который носилъ названіе кухмистра ¹⁾. 25 іюля 1576 года былъ назначенъ Стефаномъ Баторіемъ на эту должность панъ Станиславъ Шеметь ²⁾. Назначеніе состоялось по заявленіи Яномъ Ходкевичемъ, Виленскимъ кашталяномъ, Жомоитскимъ старостою, маршалкомъ земскимъ Литовскимъ, старостою Ковенскимъ и державцею Тельшовскимъ—«о зацности дому старожитного», пановъ Шеметовъ въ Княжествѣ. Въ ихъ домѣ, говоритъ привилей, «завжды достоенства и влады земские бывали за почтивыми службами ихъ ку продкомъ» государевымъ, королямъ Польскимъ и великимъ князьямъ Литовскимъ, «якожь зособна зацецалъ» королю Ходкевичъ, «ку знаемости» короля «приводячы и офяруючы пана Станислава Шемета». Этотъ послѣдній, «наследуючы во всемъ продковъ своихъ, не занехавалъ в молодости летъ своихъ службыти речы посполитой»; онъ бывалъ на службахъ земскихъ военныхъ «з немалымъ накладомъ своимъ, справуючыся во всемъ учстиве, яко доброму сыну земскому належить». Желая сдѣлать Шемета еще болѣе охотнымъ къ службамъ своимъ государевымъ и земскимъ, король Стефанъ пожаловалъ ему кухмистровство, такъ говоря объ этомъ въ привилей: «даемъ врад на дворе нашомъ кухмистровство в панствѣ нашомъ великомъ князствѣ Литовскомъ до его живота, албо до большого, поважнейшого и пожиточнейшого з ласки наше господарское опатренья. Маеть панъ Станиславъ Шеметь зо всякою учстивостью тотъ врадъ, кухмистровство на дворе нашомъ, держати и имъ, яко и передъ тымъ першые кухмистры великого князства Литовского за продковъ нашихъ, ко-

¹⁾ Акты знаютъ и кухмистровъ королевъ. Нпр., акты *Леонтовича*. Т. I. Вып. I. № 691 (1504 г.—королевы Елены Ивановны).

²⁾ «Привилей пану Станиславу Шемету на врад кухмистровство вел. кнз. Литовского». Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 52 об., 53. Тотъ же привилей—Лит. Метр.

$\frac{I A}{58}$ л. 24 об.

ролей Польскихъ и великихъ князей ихъ милости Литовскихъ, радили, справовати, всякое владзы и пожитковъ, тому владови з давныхъ вековъ у великомъ князстве Литовскомъ належачихъ, ужываючы до живота своего». Изъ этого привилея видно, что должность кухмистра давалась лицу, происходившему изъ дома, уже зарекомендовавшаго себя дѣятелями на врядахъ Литовскихъ, и притомъ уже послужившему и имѣющему личныя свои заслуги. Кромѣ того, изъ привилея Шемету видно, что должность кухмистра давалась на всю жизнь врядника, или до назначенія его на высшій врядъ и не могла быть отнята у лица, ее занимавшаго. Врядъ кухмистра существовалъ уже въ XV вѣкѣ¹⁾. Въ завѣдываніи кухмистра, несомнѣнно, находились и повара-кухары, которыхъ хорошо знаютъ акты XVI столѣтія²⁾. Кухары за свою службу владѣли волоками земли «на службѣ кухарской». Эти земли ихъ свободны «отъ платов и въшелякихъ повинностей»; ихъ они могутъ «только на службѣ кухарской держати и въживати, а з нихъ службу кухарскую в кухни» королевской, когда имъ «роказано будетъ по першому обычаю служити»³⁾. Однако, бывали случаи, когда и кухары должны были вносить податки въ видѣ исключенія, если положеніе государства требовало изысканія исключительныхъ источниковъ доходовъ⁴⁾. Но это бывало въ исключительныхъ случаяхъ, а во времена обычныя служба въ кухнѣ была единственною обязанностью, лежавшею на кухарахъ. Если эта служба ихъ и не нужна въ данное время, они все-таки, разумѣется, владѣютъ своими землями⁵⁾. Акты знаютъ и переходы кухарскихъ земель въ частное владѣніе по пожалованію королевскому: слишкомъ большое число кухаровъ, бывшее необходимымъ во времена удѣловъ отдѣльнымъ князьямъ удѣльнымъ, было не нужно уже для кухни государевой. Такъ, напримѣръ, Сигизмундъ Августъ, «маючы ласкавое бачене на заслуги» своего маршалка пана Михаила Ела Малинскаго, пожаловалъ въ 1569

¹⁾ *J. Wolff. Senat. i dign. Str. 231.* Для времени начала XVI столѣтія см. А. Ю. и З. Р. I. №№ 43 (1507 г.), 61 и 62 (1516 г.).

²⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 68.

³⁾ Лит. Метр. $\frac{IA}{57}$ л. 105 об.

⁴⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 68.

⁵⁾ Лит. Метр. $\frac{IA}{57}$ л. 105 об. (документъ данъ 12 мая 1574 года). Другіе документы о кухарахъ—*ibidem* л. 99 об.—100 об., 102 об.—104, 104—104 об., 104 об.—105 об.

году «ему самому, жоне, детем и ихъ потомкомъ у вотчизну на вечность дворыща и селища в селе Велицкомъ», которыя держали «под собою» государевы подданные, кухары замка Луцкаго села Велицкаго, Малей, Санецъ, Янъ, Найдень, Андрей, Васка, Андрей, Созонъ и вся «ихъ братья и потужники». Королевскій листъ извѣстилъ объ этомъ пожалованіи самихъ кухаровъ, глася такъ: «вы бы о томъ ведали и, скоро тотъ посланецъ нашъ оныя земли наши пану Малинскому заведеть и в то его увяжетъ, вы бы ему тыхъ земель поступили и болшь того ничымъ ся в оныя земли без воли пана Еловы не вступовали, а естли ему служить похочете, вы бы его послушни были конечно» ¹⁾. Въ документахъ 1574 года, бывшихъ главнымъ нашимъ источникомъ свѣдѣній о кухарахъ, встрѣчаемся съ ходатайствами за нихъ передъ королемъ Генрихомъ. За кухаровъ ходатайствовали паны-рады вообще и особенно Янъ Ходкевичъ, а о кухмистрѣ не упоминаютъ эти акты ни однимъ словомъ. Причинъ этого двѣ: 1) кухмистръ не имѣлъ возможности вообще ходатайствовать передъ королемъ лично, такъ какъ онъ не входилъ въ составъ сената и 2) какъ разъ съ 1569 года по 1576 врядъ кухмистровскій ваковалъ ²⁾.

Конюшни и конскія стада королевскія находились въ завѣдываніи особаго дворнаго врядника. Онъ носилъ имя конюшія королевскаго дворнаго ³⁾, или конюшія дворнаго Литовскаго ⁴⁾, или, наконецъ, просто государева конюшія ⁵⁾. Для изображенія дѣятельности вряда конюшія прекраснымъ источникомъ является «ордынацья стадна», изданная королемъ Генрихомъ 15 мая

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 65, 65 об.: «Листъ до кухаров замьку Луцкого села Велицкого, жебы дворыща и селища, которые они держали, поступили пану Елу Малинскому, або с ними ему служыли».

²⁾ *J. Wolff. Senat. i dign. Str 232.*

³⁾ Нпр., «Ярошъ Корыцкий, конюший корол дворный, староста Мельницкий и Лосичьский, державца Кгерановский и Кнышинский». Въ 1566 году онъ называется умершимъ (небощикомъ). Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 5 об.

⁴⁾ Нпр., «конюшому нашему дворному великого князства Литовского, державцы Кгерановскому, Якубу Пясецкому». А. З. Р. III. № 124 (1580 г.).

⁵⁾ Нпр., «конюшиная наша, старостиная Мельницкая, Кгераноиньская и Кнышиньская, пани Ярошова Корыцкая, пани Зофия Ходкевичовна». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 30, 30 об.

1574 года ¹⁾). Эта ординація была издана, такъ какъ представлялось необходимымъ ввести порядокъ въ дѣло устройства стадъ королевскихъ, а также нужно было продать лишнихъ лошадей въ интересахъ скарба. Ординація 1574 года представляетъ изъ себя «науку» конюшію, пану Якубу Пясецкому, «якъ стада и стадники» государевы въ великомъ Княжествѣ «поставити и которые стада ку потребе стайни» королевской «зоставити, а которые ку пожитку скарбу» государева, «ошачовавъши, розказати сиродати маеть». Оставивъ 530 лучшихъ лошадей, остальныхъ конюшій долженъ продать. Стада королевскія были распределены по разнымъ дворамъ и державамъ ²⁾ и до 1574 года заключали въ себѣ 951 голову лошадей. Изъ ординаціи узнаемъ, что «пильновать», т.-е. стеречь стада должны конюхи; конюхи же должны косить сѣно на стада, какъ это дѣлали и подданные королевскіе нѣкоторыхъ волостей. Волости эти должны также строить и поправлять «стайни», т.-е. конюшни и вывозить изъ нихъ «гнои». При этомъ приказывается волостнымъ людямъ, чтобы они «се недостаткомъ людей до кошенья сень и направованья стаенъ вымовки не деяли».

Тѣ конскія стада, которыя королемъ приказано сохранить, панъ конюшій дворный великаго княжества Литовскаго долженъ обѣхать, осмотрѣть двухлѣтнихъ жеребятъ и выбрать изъ нихъ тѣхъ, которые окажутся «на потребу» для государевой конюшни. На третій годъ, осенью они должны быть отправлены въ Липнишки, а затѣмъ весною выложены, за исключеніемъ тѣхъ, «которые бы ся добре дрыкганътами ³⁾ до езды и до стадъ згодзили». Негодныхъ жеребятъ конюшій долженъ распорядиться продать, назначивъ цѣну въ своемъ реестрѣ для старостъ и державцевъ. Ординація опредѣляетъ и кормъ для коней королевскихъ. Въ своихъ подробностяхъ она идетъ такъ далеко, что постановляетъ, по

¹⁾ Конечно, самъ король участвовалъ въ созданіи этой ординаціи лишь своею подписью. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 94—99 об.

²⁾ Дворъ Новодворскій—105 головъ, Липнишки—69, держава Олитская—80, дворъ Бирштанскій—71, Вилькія—98, держава Велюньская—64, Скерстомоньская—56, дворъ Добучинскій—71, держава Радуньская—50. Итого 664 головы. Кромѣ того, были еще мелкія стада («дробные и мало потребныя»); въ нихъ во всѣхъ (Пунскомъ, Добучинскомъ, Переломскомъ, Волпенскомъ, Метелскомъ, Красницкомъ, Трокельскомъ и Кгорждовскомъ) было 287 головъ. Такимъ образомъ, всего—951 голова.

³⁾ Заводскій жеребець. *

скольку «стадниковъ», т.-е. заводскихъ жеребцовъ, должно быть оставлено на стадо ¹⁾. Сѣно для стадъ должно доставляться съ фольварковъ и лѣсничествъ, «до стать прилегълыхъ», т.-е. ближайшихъ къ мѣстамъ расположенія стадъ; тамъ же, гдѣ «дворныхъ и лесничихъ сенъ не ставало», т.-е. не хватало, тамъ добавлять сѣномъ дякольнымъ. Кромѣ сѣна на кормъ стадамъ шелъ овесъ и сѣчка изъ ржаной соломы, которые выдавались мѣстными старостами и державцами. При стадахъ королевскихъ до ординаціи 1574 года находились стадничіе, особыя лица, вѣдавшія ихъ, но по этой ординаціи «для великого кошту скарбного» ихъ имѣть уже нельзя, и къ стадамъ должны быть приставлены только машталеры ²⁾, которые получаютъ «стадничого» вознагражденія по 2

¹⁾ По одному на 20.

²⁾ Машталеръ—стремянной, конюхъ. Въ актахъ это слово встрѣчается нерѣдко (нпр., А. Вил. XVII. № 636 и др.); «дворные машталеры»—нпр. А. З. Р. III, № 68 и др.; машталеръ Сигизмунда Августа Мартинъ Головенца—

Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 2 и сл., или *ibidem* л. 84. За свою службу машталеры получали денежное вознагражденіе и земли «на службѣ машталерской». Вотъ на примѣръ, «листъ до пана Виленскаго, абы отъмену Головенчиной далъ, писанный». Въ немъ король Генрихъ приказываетъ Яну Ходкевичу, какъ старостѣ Жомойтскому, говоря такъ: «ижъ есмо з ласки наше господарское а за залеценемъ и причиною вм. самого дали секретару нашему, писару земскому Виленскому, Анѣдрею Мацковичу, сельцо Заровданское у волости Веленское, ку именьцу его Понемоньскому прилеглое, волокъ 10, людьми оселыхъ, и при томъ сельцы чотыри шнури бояр путныхъ, але ижъ продокъ нашъ, славное памети король его милость Жикгимонтъ Август машталеру своему Мартину Головеньце, жоне и детемъ его мужского рожаю оное сельце на службѣ машталерской дати рачилъ, ино хотяжъ бы тая Головеньчина вжо по смерти мужа своего до того сельца некоторого права мети не могъла, кгдажъ ниhto з нихъ службы наше машталерское не служить, але однакожъ мы господаръ, постерегаючы того, абы ниhto у праве своемъ некоторого уближенья не мелъ и показуючи в томъ Мацковичу ласку нашу господарскую хочемъ мети и приказуемъ, абы твоя милость у волости Скерстмоньской, або гдежъ кольвекъ у Жомойти у дворехъ нашихъ, або у тивунствахъ казавши обратъ сельцо якое с поддаными нашими, которые бы такъ же много цынъшу давати могли, яко и тые люди Зароданские», и это сельцо долженъ Ходкевичъ передать Головенчиной въ замѣну отобраннаго у нея для

Мацкевича. Листъ этотъ данъ въ Краковѣ 8 мая 1574 года. (Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 83 об.—84 об.). Королевскій листъ самой Головенчиной по этому дѣлу слѣдуетъ въ книгѣ Метрики за только что приведеннымъ документомъ. (Лит.

Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 84 об., 85)—«листъ Головеньчиной на отмену» (дата та же—8 мая

вольныхъ волоки да по 8 грошей въ недѣлю, какъ и прочіе машталеры. Кромѣ того при 80 коняхъ, которые будутъ при конюшемъ, выбранные имъ изъ жеребятъ, долженъ быть одинъ кузнецъ («коваль»). Онъ владѣетъ двумя вольными волоками и, сверхъ того, получаетъ изъ скарба 12 золотыхъ, да на «железа, узденицы, гребла, попонъки, кугли» на 80 жеребцовъ по 64 копы на два года. Такъ какъ самому конюшію трудно «уоставичъне» объѣзжать и досматривать стада и молодыхъ коней, то при жеребятахъ, которые рождаются въ Новодворскомъ стадѣ долженъ «с порученя пана конюшого» находиться и «уежъдчати» молодыхъ коней кальвокаторъ государевъ Сципіянъ Кампо. Послѣдній имѣлъ отъ короля «опатренъе оселости», т.-е. землю и, сверхъ того, получалъ за свой трудъ по Новодворскому стаду по 300 золотыхъ Польскихъ ежегодно. Кальвокаторъ передаетъ выбранныхъ имъ отборныхъ коней конюшію, который, «отъбираючи» ихъ «за росказаньемъ» государевымъ отъ него, отсылаетъ ихъ къ королю. Кромѣ того, для лучшей охраны этихъ отборныхъ коней конюшію имѣетъ двухъ слугъ, «добрыхъ и въ томъ умеетныхъ», на которыхъ ему будетъ отпускаться изъ Литовскаго скарба по 109 золотыхъ и по 10 грошей въ годъ (на обоихъ). Тяглые конюхи, которые до этого времени были при жеребцахъ, должны и теперь быть оставлены «на той же службѣ конюшьской тяглой». Эти конюхи лѣтомъ пасутъ стада, а зимою ихъ кормятъ (рѣжутъ сѣчку) и охраняютъ. Конюховъ Трокельскихъ (12 волокъ) король оставляетъ при конюшемъ, хотя тамъ стада уже не будетъ (оно продается), такъ какъ они будутъ пасти отборныхъ молодыхъ жеребцовъ, «до инъшое науки» государевой. Что касается вообще до конюховъ, приписанныхъ къ тѣмъ дворамъ королевскимъ, гдѣ стадъ больше не будетъ, то они будутъ переведены на циншъ. Въ заключеніе ординаціи 1574 года предписываетъ конюшію, какъ только можно скорѣе, съѣздить въ Слонимъ, гдѣ находятся при дворянинѣ государевомъ Янѣ Ковальскомъ королевскіе кони, выбрать изъ этихъ коней «возъниковъ шеръстистыхъ цукговъ пошостныхъ 10 а ездныхъ коней што лепшихъ 40» и отослать ихъ къ королю. Осталь-

---

1574 года въ Краковѣ). Въ той же книгѣ, значительно только выше (Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 1 об.—2 об:), находится и королевское пожалованіе Мацкевичу земли Головенчиной: «листь пана Мацкевичовъ на полторы волоки подъ Ковномъ и на застенокъ у волости Велюньской» (данъ въ Краковѣ 29 апрѣля 1574 года). Земли машталеровъ также—А. З. Р. III. № 68 (1576 г.).

ная часть Слонимскихъ коней должна быть отправлена въ Липнишки, которымъ даетъ ординація значеніе центральнаго пункта для конскихъ стадъ королевскихъ. Мы подробно пересказали содержаніе ординаціи стадной 1574 года: она ясно доказываетъ, что врьдъ конюшія въ Литвѣ отнюдь не былъ лишь синекурою и почетнымъ титуломъ ¹⁾, а былъ сопряженъ со значительнымъ трудомъ, властью и немалою отвѣтственностью. При томъ интересѣ, который былъ всегда у королей Речи Посполитой къ верховымъ конямъ и экипажнымъ выѣздамъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что конюшня и дѣятельность конюшія пользовались особымъ вниманіемъ государя. Квитанціи въ доставленіи коней на непосредственныя нужды государя выдавались конюшію отъ короля самого ²⁾. Сохранились также документы, касающіеся выдачи конюшимъ лошадей изъ стадъ королевскихъ и не на личныя нужды государевы, а, на примѣръ, потерпѣвшимъ на войнѣ, плѣннымъ ³⁾ и т. д. До насъ дошли также королевскія грамоты, въ которыхъ король озабочивается «порядкомъ» среди машталеровъ и конюховъ и содержаніемъ стадъ. Такъ, 17 августа 1576 года Стефанъ Баторій предписывалъ старостѣ Городенскому и Могилевскому, державцѣ Аинскому, пану

¹⁾ Такъ утверждаетъ, нпр., Вольфъ. (Sen. i dign. Str. 220).

²⁾ «Квитаця конюшого дворного, пана Якуба Пясецкого, зъ сорока и одного коня стад вел княз Литовского.—Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, ижъ конюший нашъ дворный великого князства Литовского, державца Кгераноньскій и Липнишскій, панъ Якубъ Пясецкій, за волею и росказаньемъ нашимъ припровадил и отдалъ до насъ коней стадъ нашихъ великого князства Литовского, до рукъ его отдаваныхъ, сорокъ одинъ, с которыхъ мы впрод менованого конюшого нашего, пана Якуба Пясецкого, квитуемъ симъ нашимъ листомъ с подписомъ руки наше, до которого и печать нашу приложити есмо росказали. Писанъ у Варшаве» 16 августа 1576 года. Лит. Метр. I A $\frac{63}{63}$ л. 34 об.

³⁾ Нпр., Лит. Метр. I A $\frac{65}{65}$ л. 111 об.: «Выданы суть три листы с подписомъ руки господарьское до пана Пясецкого, конюшого великого князства Литовского, абы зъ стада Кгераноинского далъ жеребцовъ трох слугамъ пана Троцкого, которимъ кони побито в потребе остаточной под Псковомъ в року 81», Или — Лит. Метр. I A $\frac{63}{63}$ л. 271 об.: «Листъ, писаный до пана Якуба Пясецкого конюшого о клячы до справъцы староства Городенского, пана Стефана Белявского, для розданья Москвы» (5 ноября 1580 года). Послѣдній документъ издавъ въ А. З. Р. III. № 124. (Въ заглавіи пропущено нѣсколько словъ).

Александру Ходкевичу, распорядиться, чтобы Новодворское стадо королевское охранялось и содержалось «водлугъ постановенья пана конюшого». Дѣло въ томъ, что король «с певныхъ а слушныхъ причинъ» не пожелалъ, чтобы стадо королевское въ Новомъ Дворѣ находилось въ завѣдываніи кальвокатора Сципіяна Кампо. Поэтому онъ приказалъ конюшію дворному Княжества, «абы онъ тое стадо» государево Новодворское самъ «в справе и в моцы своей мелъ и порадокъ слушный около хованья онога стада» въ Новомъ Дворѣ «постановилъ». Ходкевичъ извѣщается королемъ объ этомъ для того, чтобы онъ это зналъ, когда конюшій «з ведомости подѣскаръбего земьского» Литовскаго «около захованья тамъ того стада» государева «въ Новомъ Дворе порадокъ слушный вынайдесть и постановить»¹⁾. Тотъ же король Стефанъ подписалъ въ Варшавѣ 9 августа 1576 года «листъ до конюшого пана Якуба Пясецкого, приводячы в слушный порадокъ машталеров и конюхов стадных»²⁾. Въ этомъ листѣ королевскомъ говорится, что, ввиду уменьшенія королевскихъ стадъ³⁾, для скарба «бесъпотребная шкода» въ существованіи въ разныхъ староствахъ и державахъ большого числа машталеровъ и конюховъ «седельныхъ», владѣющихъ по двѣ волоки земли каждый «на тую службу». Отъ имени короля грамота продолжаетъ далѣе: «а то до слушного порадку приводечы, прикладомъ того, яко инъшии слуги наши дворные постановлены, такъ постановляемъ и хотимъ мети», чтобы и всѣ машталеры и конюхи государевы сѣдельные во всемъ Княжествѣ, владѣвшіе каждый двумя волоками на свою службу, «только одну волоку вольно деръжали», а съ другой волоки вносили бы въ скарбъ циншъ, какъ это дѣлаютъ иные подданные королевскіе. Баторій приказываетъ конюшію привести въ исполненіе настоящее свое повелѣніе⁴⁾.

1) Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. 34, 34 об. (Въ документѣ очевидная описка—«постановичить» вмѣсто «постановить», какъ читаемъ мы).

2) Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 45, 45 об.

3) Конечно, въ силу ординаціи стадной 1574 года.

4) «про то приказуемъ тебе, пане конюший, ажъ бы еси, о томъ ведаючы а подлугъ сего постановенья нашего господарьского заховываючы, помененныхъ слугъ нашихъ, стадныхъ машталеровъ и конюховъ седельныхъ, которые в справе и заведанью твоємъ суть, при той службѣ кожного только на одной волоце зоставилъ, а з другое волоки циншъ потому, яко инъшии подѣданные наши староствъ и деръжавъ тыхъ, которыхъ тежъ они земли свое мають,

Вѣдая всѣхъ конюховъ и машталеровъ, конюшій, разумѣется, долженъ былъ входить и въ дѣла по земельнымъ участкамъ, находившимся въ ихъ владѣніи на службѣ конюшеской и машталерской ¹⁾).

Кромѣ конюшія, существовалъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и врьдъ земскаго подконюшія, но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что врьдъ этотъ явился только въ концѣ XVI вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ спискахъ дигнитаровъ Литовскихъ, составленныхъ Вольфомъ, мы встрѣчаемъ указаніе на Литовскихъ подконюшихъ, лишь начиная съ тридцатыхъ годовъ XVII столѣтія ²⁾, а Бонецкій совершенно не говоритъ о нихъ, — слѣдовательно, ему не встрѣчался въ его источникахъ этотъ врьдъ въ числѣ врьдывъ XVI столѣтія ³⁾. Но акты знаютъ все-таки Литовскаго земскаго подконюшія, по крайней мѣрѣ съ 1579 года ⁴⁾. Изъ того, что о подконюшемъ земскомъ нѣтъ ни слова въ ординаціи стадной 1574 года, нужно заключить, что во время ея составленія этой должности еще не существовало; *terminus, ante quem* возникла она—1579 годъ. Такимъ образомъ должность земскаго подконюшія Княжества должна была возникнуть въ первые годы славнаго царствованія Стефана Баторія. По всей вѣроятности, подконюшій земскій Литовскій былъ помощникомъ конюшія и первымъ врьдникомъ этого уряда былъ Волчокъ (Юрьевичъ), конюшій Виленскій и подконюшій земскій, державца Васишишскій ⁵⁾.

Охота государева также имѣла особаго врьдника, ею завѣды-

з волокъ своихъ платять, на насъ господара давати и платити велелъ и тотъ платъ жебы еси с тыхъ всихъ машталеровъ и конюховъ нашихъ седельныхъ, в семъ року семьдесятъ шостомъ отъ одное волоки брати почавши, потомъ на кождый годъ сполна выбиралъ а до скарбу земскаго великаго князства Литовскаго отдавалъ и личбу с того skuteczną в скарбе нашомъ чинилъ конечно».

Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 45 об.

¹⁾ См., напримѣръ, «листы до пана конюшого, пана Пясецкого, о поступленіе села конюховъ ку Олите, ку фольваркови Краковопольскому, а на тое местце абы взялъ иншоє село, от ревизоров для стада от Олиты назна-

чоное». (1578 годъ). Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 39.

²⁾ *J. Wolff. Senat. i dign. Str. 298.*

³⁾ *A. Boniecki (Poczet rodów. Spis dign. i urzęd. Str. XXI)* знаетъ лишь Виленскихъ подконюшихъ.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 215 (документъ относится къ 1595 году; подконюшій земскій, по его словамъ, дѣйствовалъ въ 1579 году).

⁵⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 215.

вавшего. Будучи любимымъ развлеченіемъ вѣка, охота не могла не занять очень виднаго мѣста въ ряду дѣлъ королевскаго двора и должна была организоваться, какъ особый институтъ государственнѣй¹⁾. Ловчій великаго княжества Литовскаго былъ далеко не послѣднимъ сановникомъ государства. Врядъ ловчія иногда даже держалъ въ своихъ рукахъ сановникъ, занимавшій въ то же время сенаторское кресло. Такъ, въ 1569 году ловчимъ Литовскимъ былъ державца Мерецкій, Ейшискій, Довговскій, Перелайскій, Оранскій, Коневскій и Дубицкій, панъ Григорій Воловичъ²⁾. Когда онъ сдѣлался затѣмъ воеводою Смоленскимъ, то продолжалъ занимать врядъ ловчія, какъ и прежде³⁾. Преемникомъ Воловича по вряду ловчія былъ Николай Николаевичъ Радивиль, а Радивиль не могъ занимать какого-либо невысокаго вряда, и уже одно имя Радивила, какъ ловчія, ручается за высокое положеніе вряда, который могъ занимать членъ этой фамиліи⁴⁾.

Вѣдѣнію ловчія, какъ должностнаго лица, завѣдывавшаго государевою охотою, подлежали лѣсничества и пущи королевскія, а также ихъ населеніе и врядники, и, наконецъ, забота объ охранѣ дикаго звѣря, на котораго охотился король, а также забота о собакахъ и соколахъ, при помощи которыхъ эта охота производилась. Когда Баторій пожаловалъ лѣсничество своему дворянину и струкцасу Юрію Кгроденскому, онъ послалъ объ этомъ грамоту къ ловчію Литовскому Николаю Радивилу⁵⁾. Въ ней король говоритъ о томъ, что онъ пожаловалъ Кгроденскаго Переломскимъ лѣсничествомъ со всѣмъ, съ чѣмъ держалъ его «першый леш-

¹⁾ О Стефанѣ Баторіи, какъ охотникѣ, см. *A. Pawiński. Stefan Batory jako Myśliwiec. Źródła Dziejowe.* Т. XI. Str. 5—49. См. также *Рейнгольда Гейденштейна. Записки о Московской войнѣ (1578—1582).* СПб. 1889. Стр. 84.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 58 (іюль 1569 г.); по Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 53 об.— державца Мерецкій, Ейшискій, Коневскій, Дубицкій и Оранскій (ноябрь 1569 г.).

³⁾ Нпр., «воевода Смоленскій, ловчій великаго князства Литовскаго, староста Мерецкій, державца Ейшискій, Довговскій, Перелайскій, Коневскій, Вораньскій, панъ Григорей Воловичъ». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 88 об.; онъ же — *ibidem*, л. 44 об., 48 об., 66, 67, 90, 120.

⁴⁾ *J. Wolff* (Sen. i dign. Str. 236), на основаніи А. Вил. VIII, стр. 411, относитъ первое о немъ упоминаніе, какъ о ловчемъ, къ 1577 году. Но Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 62 об. знаетъ его ловчимъ уже въ 1576 году.

⁵⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{61}$ л. 82. (Дата: Мальборгъ, 12 сент. 1577 года).

ниций, небощикъ» Войтехъ Радимскій, со всѣми селами, людьми, пожитками и доходами, которые относятся къ этому лѣсничеству, но, конечно, съ обязательствомъ для лѣсничія давать въ этихъ доходахъ отчетъ скарбу. Оказалось, однако, что панъ ловчій «завестъ казалъ» Кіроденскому не всѣ земли, принадлежащія къ Переломскому лѣсничеству издавна, и «не подал» ему инвентаря «тыхъ сел, людей и пуцъ» королевскихъ. Поэтому новый лѣсничій не имѣетъ возможности «доходов, с того лесництва прислухающихъ», собрать «а ни личбы до скарбу» государева «чинити». Ввиду этого король приказалъ ловчю, чтобы онъ «тое лесництво Переломское со всимъ потому, яко и первшій лесничій держалъ, подалъ такъ тежъ инвентар, щымъ тое лесництво ему подано, достаточне описавшы, выдать росказалъ безъ жадного омешканя и проволоки». Такимъ образомъ, ловчій передаетъ ¹⁾ то, или другое лѣсничество, жалуемое королемъ извѣстному лицу; онъ же имѣетъ у себя и инвентари лѣсничествъ, ибо они подлежатъ вѣдѣнію вряда ловчія великаго княжества Литовскаго. Жалуя земли въ лѣсничествахъ, король посылаетъ ловчю приказъ «подать» ихъ новому владѣльцу и въ нихъ его «увязать», такъ какъ это «владу ловецкому належитъ» ²⁾. О лѣсничихъ, какъ о видѣ державцевъ, мы говорили уже выше, а потому здѣсь прямо можемъ перейти къ дальнѣйшему изложенію компетенціи и функционированія вряда ловчія.

Звѣрь, доставлявшій королю удовольствіе охоты, жилъ въ пуцахъ, подлежащихъ вѣдѣнію и охранѣ ловчія. Если король въ видѣ особой милости позволялъ кому-либо изъ близкихъ къ нему лицъ, или вельможъ, поохотиться въ своей пуцѣ, онъ извѣщалъ объ этомъ ловчія, точно опредѣляя, какое число головъ и какого звѣря онъ, разрѣшилъ убить. Такъ, Стефанъ Баторій двумя своими грамотами ловчю изъ Мальборга отъ 25 октября 1577 года позволилъ Николаю Криштофу Радивилу убить въ Бѣловѣжской пуцѣ четырехъ зубровъ ³⁾, а Яну Замойскому далъ разрѣшеніе

¹⁾ См., нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. 7 и 7 об.: «листъ до пана ловчого о поступене лесництва Слонимского князю Полубеньскому» (7 іюля 1576 года).

²⁾ Лит. Метр. $\frac{A}{57}$ л. 120 об. («Листъ ротъмистру Валенътому Каменьскому до пана Григоря Воловича, воеводы Смоленского, ловчого etc. о шеснадцать волок неоселыхъ в лесництве Немоноитскомъ», л. 120—120 об.).

³⁾ «Стефанъ Божю милостью . . . . Ловчому нашему великаго князства Литовского, пану Миколаю Радивилу. Ижъ есмо позволили маршалъку нашему

взять изъ той же пуци убитыхъ четырехъ зубровъ и четырехъ лосей; король приказалъ ловчю распорядиться, чтобы тамошній лѣсничій убилъ ихъ и передалъ служебнику Замойскаго ¹⁾. Самыя пуци государевы великаго княжества Литовскаго были переписаны въ 1559 году Григоріемъ Богдановичемъ Воловичемъ ²⁾ Въ этой ревизіи описаны слѣдующія пуци: Стербельская, Чернгородская, Ковельская-Нюинская, Ковельская-Вижовская, Пинскія пуци, а именно войтовства Черчицкаго, войтовства Купетицкаго, войтовства Христоволотскаго и Зарѣцкаго, войтовства Фсенскаго, войтовства Кужелицкаго, села Гати, волости Вяжской, села Ковнятинскаго и Свертинскаго, пуца Слонимская Загривецкая, Любиская, Переволотьская, Здитовская, Лососинская, Бѣлавицкая, Селецкая, Лысковская, Бѣлская. Кринская, Одельская, Молявицкая, Кузницкая, Кнышинская, Олитская, Бирштанская, Дорсунишская, Румшиская, Ковенская, Вилкійская, Мерецкая, Перстуньская, Пе-

дворному великаго князства Литовскаго, пану Миколаю Крыштофу Радвилу, в пуцы нашей Беловежской чотыры зубры убить, про то хочемъ мети, абы твоя милость того пану маршалку боронити не велель. Писан у Малборку».

25 октября 1577 года. «Stephanus Rex». Лит. Метр. $\frac{I A}{61}$ л. 84 об.

¹⁾ «Стефан Божю милостью etc. Ловчому нашему великаго князства Литовскаго, пану Миколаю (Крыштофу—ошибочно прибавлено въ подлинникѣ) Радвилу. Ижъ есмо позволили подканцлерому нашему Корунному, старосте Белзскому и Кнышинскому, пану Яну Замоискому чотырохъ зубровъ и чотырохъ лосей в пуцы нашей Беловежской убитыхъ взять на потребу его милости, а такъ хочемъ мети, абы твоя милость, лесничому нашему тамошнему, Филипу Мафицу о томъ ознаймившы, науку ему дал, абы он, чотыры зубры и чотыры лоси в той пуцы нашей Беловежской убившы, до того служебника пана подканцлерого отдалъ, которого онъ для того тамъ пошлетъ. Писанъ у Малборку» 25 октября 1577 года. «Stephanus Rex». Лит. Метр. $\frac{I A}{61}$ л. 84 об.

²⁾ Ревизія пуцъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ съ присовокупленіемъ грамотъ и привилегій на входы въ пуци и на земли, составленная старостою Мстибоговскимъ Григоріемъ Богдановичемъ Воловичемъ въ 1559 году. Съ прибавленіемъ другой актовой книги, содержащей въ себѣ привилегіи, данныя дворянамъ и священникамъ Пинскаго повѣта, составленной въ 1554 году. Вильна 1867. О работахъ по составленію ревизій различныхъ мѣстностей и округовъ Княжества чиновниками школы Сигизмунда Стараго и Боны см. С. А. Бершадскій. Литовскіе Евреи. СПБ. 1883. Стр. 303—304. Издана также для XVII вѣка—Ординація королевскихъ пуцъ въ лѣсничествахъ бывшаго великаго княжества Литовскаго, составленная по инструкціи короля Владислава IV комиссарами, Виленскимъ каноникомъ и королевскимъ секретаремъ, Петромъ Далматомъ Исайковскимъ и Упитскимъ маршалкомъ, Христофоромъ Бѣлзоромъ въ 1641 году. Вильна 1871.

реломская, Веленская, Скирстомонская и Юрбарская ¹⁾. Кроме того, одна пуца, а именно Бульская «на поля розроблена и у волоки помѣрена» ²⁾. Эти пуцы находились въ юго-западномъ, пространствѣ великаго княжества Литовскаго, считая его въ тѣхъ предѣлахъ, которые оно имѣло до 1569 года. Пуцы и переходы звѣриные, описанные ревизіей Воловича, «идутъ изъ-за Днѣпровскихъ полей до пуцъ великаго княжества Литовскаго» ³⁾ и простираются на сѣверъ до Шерешовской и Бѣловѣжской пуцъ, т.-е. до пространства, гдѣ начинаются рѣки системы Нѣмана. Цѣль, съ которою была произведена Воловичемъ по предписанію короля Сигизмунда Августа его ревизія—«вывѣданье и описанье» вышеозначенныхъ пуцъ и переходовъ звѣриныхъ, но также и «осаженье» селъ и городовъ, «гдѣ бы се садили на мѣстахъ погожихъ» и «будованье дворовъ пріѣханья короля его милости въ ловы въ тыхъ пуцахъ». Ревизія Воловича описываетъ границы отдѣльныхъ пуцъ, и въ этомъ прежде всего ея значеніе. При изученіи этого памятника хлопотливость вряда ловчія становится особенно замѣтной. Въ самомъ дѣлѣ, въ пуцы королевскія имѣютъ «входы» различныя лица, получившія на то право. Такъ, на примѣръ, въ Пинскую пуцу селъ Ковнятинскаго и Сверетинскаго имѣли входы «къ дереву бортному» Рожчаловскіе подданные пана Николая Яновича Радивиля, воеводы Виленскаго, Крайницкіе подданные Троцкаго воеводы, пана Довойны, и Пинскіе земляне Завиши, Николай Щепичъ и другіе ⁴⁾. Эти входы могли служить источникомъ злоупотребленій и требовали надзора. Бывали случаи и захвата королевской земли частнымъ лицомъ, какъ это сдѣлалъ, на примѣръ, панъ Семень Ѳедюшко, который, «на властивомъ кгрунтѣ короля его милости въ селѣ Гати пять человекъ осадивши, и немало земли короля его милости за себе забралъ» ⁵⁾, или—панъ Иванъ Кунцевичъ, который «не вѣдати которымъ обычаемъ, къ дворцу своему» захватилъ государеву землю въ четырехъ мѣстахъ Ковенской пуцы ⁶⁾. Такимъ образомъ, нуженъ былъ постоянный надзоръ за тѣмъ, чтобы имущество государево не расхищалось частными лицами въ предѣлахъ пуцъ Литовскихъ.

¹⁾ Ревизія пуцъ и т. д. Стр. 1—62.

²⁾ Ibidem. Стр. 18.   ³⁾ Ibidem. Стр. III.

⁴⁾ Ревизія пуцъ и т. д. Стр. 15. Ср. также А. Вил. II. Стр. 137 (1586 г.).

⁵⁾ Ревизія пуцъ и т. д. Стр. 15.

⁶⁾ Ibidem. Стр. 43.

Но и разногласія по поводу границъ отдѣльныхъ пущъ ¹⁾ также должны были останавливать на себѣ вниманіе ловчія.

Охрана пущъ была обязанностью осочниковъ. Ревизуя Юрбарскую пущу, Григорій Воловичъ назначилъ къ ней 10 коней осочниковъ, «которые мають съ пильностью стерегучи и станье звѣру въ тыхъ пущахъ, гдѣ на которомъ мѣстцю звѣрь становити ся будеть, и оступы лѣсничій, списавши, до его королевской милости мають дать знати на реестръ списавши» ²⁾. Итакъ, осочники сторожатъ пущу и стерегутъ звѣря въ ней, наблюдая, гдѣ онъ становится. По ихъ наблюденіямъ и замѣтамъ, лѣсничіе записываютъ затѣмъ мѣста для облавъ (оступы) и, составивъ ихъ списокъ, доводятъ его до свѣдѣнія короля. Но осочники не единственныи видъ сельскаго населенія, приуроченный къ дѣлу государевой охоты. Подобно имъ, охотѣ королевской служили и стрѣльцы, псарцы, сокольники и мысливцы ³⁾.

Кромѣ заботы объ охотѣ государевой, ловчій былъ озабоченъ и дѣломъ увеличенія доходовъ королевскихъ въ предѣлахъ земель, ввѣренныхъ его вряду. Въ грамотѣ короля Генриха, данной 28 апрѣля 1574 года ⁴⁾, читаемъ, что еще Сигизмундъ Августъ взялъ у Смоленскаго воеводы и ловчія Литовскаго его село Соричи (Волковѣйскаго повѣта). Какъ взаменъ этого села, такъ за службы пана ловчія, которыми онъ служилъ Сигизмунду Августу «отъ немалого часу верне, пилне, працовите и накладне», а особенно за то, что онъ, «за волею и росказаньемъ его королевское милости воли в пущахъ осаживаючи, не толко ижъ не малую утрату на маетности своей принял, але и ку немалому ущербку здоровья своего пришлолъ», еще Сигизмундъ Августъ назначилъ ему села изъ тѣхъ же «воль», которыя самъ Воловичъ «осадилъ». Послѣдній Ягеллонъ не успѣлъ за своею смертью закрѣпить этого

¹⁾ Нпр., споръ о части Переломской пущи между осочниками Переломскими и Городенскими. Ibidem. Стр. 53.

²⁾ Ревизія пущъ и т. д. Стр. 60.

³⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 68. Ср. также Лит. Метр. $\frac{IIA}{61}$ л. 274 — 275 об. «декрет псарцом волости Ейшиское з села Килвинянцов з соколником Матысом Тепиносом о две волоки земли и о шкоды». См. также А. Вил. XIII. Стр 23—24 (1536 г.).

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{IA}{57}$ л. 44 об.—45 об.: «лист пана воеводы Смоленскаго на села Шкобелево, Грузское, Дубровку, Яловое и Городище».

пожалованія привилеемъ, и это сдѣлалъ Генрихъ настоящею своею грамотою.

Кромѣ вѣдниковъ, вѣдавшихъ ту, или другую отрасль королевскаго хозяйства, каковыми были кухмистръ, конюшій и ловчій, дворъ Литовскій имѣлъ должностныхъ лицъ того, или другого назначенія при особѣ государевой. Сюда относятся ложничій, подкоморій, крайчій, чашникъ и подчашій, стольникъ и подстолій. Ложничій былъ, очевидно, должностнымъ лицомъ, вѣдавшимъ государеву постель. Ложничій Сигизмунда Августа, Лукашъ Ленцскій, былъ настолько состоятеленъ, что имѣлъ возможность ссудить своего государя двумя тысячами копъ Литовскихъ грошей (т.-е. 120 тысячами грошей), и въ этой суммѣ была «обычаемъ зоставы заведена» держава Дубенская ему, его женѣ и дѣтямъ ¹⁾. Должность ложничія рѣдко упоминается актами; это является причиною того, что о ней почти нѣтъ упоминаній въ исторической литературѣ ²⁾. Удѣльные княжества Русскія, вошедшія въ составъ Литовско-Русскаго государства, хорошо знали въ числѣ придворныхъ чиновъ своихъ подкладника, котораго г. Грушевскій понимаетъ, какъ спальника ³⁾, а г. П. В. Голубовскій, какъ постельничія ⁴⁾. Но, конечно, ложничій великаго княжества Литовскаго второй половины XVI столѣтія былъ вѣдникомъ, потомкомъ не этого Русскаго уряда, а должностнымъ лицомъ, перенесеннымъ въ Литовскій великокняжескій дворъ изъ двора Польскаго. По словамъ Оржельскаго, ложничій въ Польшѣ былъ то же самое, что и королевскій подкоморій, и на его обязанности лежала охрана ложа государева ⁵⁾ Гейденштейнъ называетъ великое, т.-е. дворное

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 43 об.: «листь пана Зборовъского на Дубно» (10 апр. 1574 г.). Въ 1574 году Ленцскій уже былъ «небощикомъ», по словамъ этого документа.

²⁾ *J. Wolff*: (Sen. i dign. Str. 301) не отмѣчаетъ ложничія, какъ дворнаго урядника, но въ числѣ подстоліихъ называетъ Яна Сопегу, который былъ „subicularius regis“ (начало XVII вѣка). Ср. *М. К. Любавскій*. Лит.-Р сеймъ. Стр. 422.

³⁾ *М. Грушевскій*. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1891. Стр. 333.

⁴⁾ *П. В. Голубовскій*. Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія. Кіевъ. 1895. Стр. 228. *В. Е. Данилевичъ* (Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896) не встрѣтилъ указаній на существованіе этого вѣда въ Полоцкѣ (стр. 208), но, конечно, изъ этого нельзя заключать, что его тамъ не было совершенно.

⁵⁾ *Dziejopisowie Krajowi. Świętosława z Bożejowic Orzełskiego. Dzieje Polski*. T. I. Petersburg i Mohilew. 1856. Str. 33. „Po śmierci Łoźniczego czyli Pod-

подкоморство, отличая его этимъ прилагательнымъ, очевидно, отъ подкоморства повѣтоваго—*praefectura cubiculi*. Онъ говоритъ, что эта должность представлялась особенно заманчивою для ея врядника потому, что онъ могъ знать всѣ тайныя замыслы королевскіе и быть стражемъ при нихъ ¹⁾. Такимъ образомъ, подкоморій королевскій вѣдалъ спальню государеву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и былъ отвѣтственнымъ за безопасность особы государевой, когда король въ ней находился. Послѣ бѣгства Генриха Вalezія изъ Кракова Коронный подкоморій, Тенчинскій, бросился догонять его, «*ropnu na godnosc ojczyzny i na swój urząd*», какъ говоритъ Оржельскій ²⁾. Тотъ же Тенчинскій забралъ себѣ стоившій громаднхъ денегъ королевскій коверъ, распорядясь въ комнатахъ королевскихъ послѣ бѣгства Генриха ³⁾.

Должность подкоморія существовала въ великомъ княжествѣ Литовскомъ уже въ первой половинѣ XV столѣтія ⁴⁾. Акты, къ сожалѣнію слишкомъ скупы на упоминанія о дѣятельности подкоморія, чтобы можно было представить ее во всѣхъ ея деталяхъ. Подкоморіе не разъ упоминаются въ качествѣ землевладѣльцевъ ⁵⁾, или свидѣтелей при томъ, или другомъ актѣ ⁶⁾; знаютъ акты королевскаго подкоморія и какъ члена комиссіи, которая «за росказаньемъ листовнымъ и устною наукою его королевское милости» передала и «завела» въ 1535 году «мѣщаномъ Каменецкимъ на дрова и на будованье пуши» ⁷⁾; ихъ знаютъ источники и дѣйствующими, какъ старосты-намѣстники государевы ⁸⁾, но съ дѣятельностью подко-

---

komorzego Królewskiego, do którego należało przestrzeganie przystojności, całości i porządku łoża Królewskiego...“

¹⁾ *Dziejopisowie Krajowi. Rajnolda Hejdensteina sekretarza królewskiego. Dzieje Polski. T. I. Petersburg. 1857. Str. 143. Ср. также str. 155.*

²⁾ *Dziepis. Kr. Świętosława z Bożejowic Orzelskiego. Dzieje Polski. T. II. Petersburg i Mohilew. 1856. Str. 4. Ср. также J. Szujski. Dzieje Polski. T. III. W Krakowie. 1895. Str. 42, 43.*

³⁾ *Heidenstein. Dz. P. I. Str. 155, 156.*

⁴⁾ *A. Boniecki. Poczet Rodów. Spis dign. i urz. Str. XX. Юрій Стромилла (1428—1430). Ср. Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 349, прим. 4.*

⁵⁾ Нпр., акты *Леонтовича*. I. I. №№ 79 (1493 г.), 266 (1496 г.); А. Вил. II. Стр. 128 (1532).

⁶⁾ А. Вил. II. Стр. 4 (1508)—«подкоморій Нимейскій, панъ Андрей Якубъ Довойновича, подскарбій Нимутенскій, панъ Иванъ Андреевичъ». Очевидно, что «Нимейскій» и «Нимутенскій»—названія державъ и что мѣсто испорчено такимъ образомъ въ рукописи, или въ изданіи.

⁷⁾ А. Вил. VI. Стр. 215.

⁸⁾ Нпр., А. Вил. XXIV. №№ 78 (1550), 80 (1551).

морія именно по этому уряду намъ не пришлось встрѣтиться въ актахъ Литовскихъ. Во всякомъ случаѣ, подкоморія королевскаго ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшивать съ подкоморіемъ повѣтовымъ ¹⁾, онъ игралъ на дворѣ королевскомъ приблизительно такую же роль, какую игралъ на бискупьемъ дворѣ подкоморій бискупа ²⁾. Самая должность подкоморія государева существуетъ непрерывно до середины XVI вѣка, и затѣмъ вновь встрѣчаемъ подкоморіевъ королевскихъ Литовскихъ только уже съ 1633 года. Г. Вольфъ утверждаетъ, что этотъ вакантъ наступилъ въ 1559 году, съ назначеніемъ Григорія Александровича Ходкевича на Троцкую каштелянію ³⁾. Доказательствомъ своего мнѣнія г. Вольфъ приводитъ свидѣтельство акта назначенія въ 1633 году Януша Радивила на подкоморство, гласящій, что этотъ урядъ ваковалъ послѣ Григорія Ходкевича ⁴⁾, совмѣщавшаго его съ кресломъ воеводы

¹⁾ Это дѣлаетъ проф. Ф. И. Леонтовичъ (Акты Л. М. I. II, стр. XIX) опредѣляющій подкоморія, какъ «Польскій урядъ, введенный въ Подляшскихъ земляхъ по разграниченію земель и разбирательству земельныхъ тяжбъ на мѣстѣ». Проф. Леонтовичъ ссылается на М. К. Любавскаго (Обл. дѣленіе и пр., стр. 672), но послѣдній говорятъ лишь о подкоморіяхъ Подляшскихъ повѣтовъ, а не о подкоморіяхъ королевскихъ, о которыхъ говорятъ акты, изд. г. Леонтовичемъ.

²⁾ А. Вил. XVII. № 907. А. Вил. XX. № 4.

³⁾ J. Wolff. Sen. i dign. Str. 296.

⁴⁾ Этотъ Григорій Ходкевичъ умеръ въ 1574 году, но не 12 ноября (J. Wolff. Str. 79), а въ началѣ этого года. Это несомнѣнно изъ привилея, даннаго королемъ Генрихомъ 6 мая 1574 года сыну его, пану Андрею Ходкевичу, подстолю Литовскому, на Могилевъ. Въ этомъ привилеѣ читаемъ: «Генърикъ Божю милостью корол. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, кому будетъ потребъ того ведати. Поведилъ передъ нами панъ Виленскій, староста Жомонтскій, маршалокъ земскій великаго князства Литовскаго, администратор и гетманъ земли Лифлянтское, староста Ковенскій, державца Тельшовскій, панъ Янъ Ходкевичъ, кграбя на Шклове и на Мыши, о томъ, ижъ што панъ Виленскій, гетманъ навъшъшій великаго князства Литовскаго, староста Городеньскій и Могилевскій, стрый его милости, маючи певное право и доживотье на старостве Могилевскомъ, еще за живота своего оное староство Могилевское подстолему великаго князства Литовскаго, пану Анъдрею Ходкевичу, сыну своему, пустилъ, которое спущенье онога староства Могилевскаго и королю его милости славное памети Жикгимонту Августу предку нашему ознаймилъ, и о то, жебы его королевская милост то помененому пану подстолему, сыну его милости, потвердити рачилъ, просилъ». Сигизмундъ Августъ далъ свое согласіе на просьбу Ходкевича, приказалъ «подати» Могилевское староство пану подстолю, что и сдѣлано было дворяниномъ Константиномъ Кунцевичемъ. Но Сигизмундъ Августъ умеръ, не успѣвъ выдать документъ, «потверженье» королевское. По просьбѣ Яна Ходкевича король Генрихъ дѣлаетъ это слѣдую-

Витебскаго и Кіевскаго, но сложившаго его съ себя съ назначеніемъ на каштелянство Троцкое ¹⁾. Но «реестръ попису» войска Литовскаго 1565 года ²⁾ называетъ подкоморіемъ королевскимъ пана Станислава Андреевича Довойну, старосту Пинскаго и Кобринскаго, выставившаго 10 августа этого года 60 коней своего «почту». Если обратимся къ упоминаніямъ о Станиславѣ Довойнѣ въ другихъ актахъ, замѣтимъ то обстоятельство, что онъ не именуется себя подкоморіемъ ³⁾, и это тѣмъ удивительнѣе, что обыкновенно ни одинъ врядникъ не пропускалъ въ своихъ титулахъ ни одного изъ занимаемыхъ имъ врядовъ. Въ 1568 году панъ Станиславъ Андреевичъ Довойна былъ уже «небощикомъ» ⁴⁾. Кромѣ того нужно замѣтить, что онъ не называется подкоморіемъ и и до 1565 года ⁵⁾, и послѣ него ⁶⁾. Такимъ образомъ, нужно полагать, что съ самымъ назначеніемъ Довойны подкоморіемъ случилось какое-нибудь недоразумѣніе, т.-е. или оно состоялось только на словахъ, или же сразу послѣ назначенія своего новый подкоморій сложилъ съ себя свою должность. Что касается до положенія королевскаго подкоморія въ ряду другихъ дигнитарей Литовскихъ, то доказательствомъ высоты его служитъ совмѣщеніе его съ врядомъ ловчія ⁷⁾ и съ сенаторскимъ кресломъ ⁸⁾.

Для двора господарскаго необходима была и должность дворнаго казначея. Эта должность носила названіе вряда подскарбія дворнаго ⁹⁾. А. Павинскій, труды котораго имѣютъ такое круп-

---

щими словами: «а такъ мы, маючи ласкавое баченье на значьные а высокіе заслуги предковъ ихъ милости пановъ Ходкевичовъ и теперешнего пана Виленьскаго а особъливѣ знакомитые и верные служъбы *недавно зешлого* пана Григоря Ходкевича, пана Виленьскаго, гетьмана навышъшого великаго князства Литовскаго, старосты Городеньскаго и Могилевскаго, которые его милость...»

Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 109—109 об.

1) J. *Wolff*. Sen. i dign. Str. 296. Г. Вольфъ дѣлаетъ ошибку, считая этого Ходкевича не тѣмъ же самымъ лицомъ, о которомъ онъ говоритъ на стр. 79. Приведенная въ предыдущемъ примѣчаніи выписка изъ грамоты короля Генриха дополняетъ списокъ его врядовъ.

2) Рук. Имп. Публ. Библ. F. IV. № 82, л. 3.

3) А. Вил. III. Стр. 196. А. Вил. XXIV. №№ 156, 224.

4) А. Вил. III. Стр. 195. 5) А. Вил. XXIV. №№ 156, 224.

6) А. Вил. VI. Стр. 196 (1566).

7) Панъ Николай Юрьевичъ Пацевичъ былъ подкоморіемъ и ловчимъ. А. Вил. II. Стр. 128.

8) Панъ Григорій Ходкевичъ.

9) Приводимъ образецъ привилея на этотъ урядъ. «Привилей пану Федору Скумину на подскарбство дворное.—Стефанъ Божью милостью король

ное значеніе для исторіи Польши, коснулся дворнаго скарба Литовскаго въ добавленіи къ своему труду «Skarbowość w Polsce i jéi dzieje za Stefana Batorego» ¹⁾. Самъ покойный знатокъ вну-

Польскій... Чинимъ явно симъ нашимъ листомъ нынешнимъ и напотомъ будущимъ, ижъ мы господарь, оседшы столицу панствъ нашихъ, коруны Польское и великаго князства Литовскаго, взяли есмо ведомость от ихъ милости пановъ-радъ нашихъ великаго князства Литовскаго о службахъ, прыпоминанья годныхъ над потомъки, маръшалъка господарскаго, державцы Чернобыльскаго, небожчика пана Скумина Львовича Тишкевича, которые онъ зъ себе оказывалъ, служацы продкомъ нашимъ, светобливое славное памети королемъ и великимъ княземъ ихъ милости Жыкгимонту первшому и Жыкгимонту Августу, служацы на дворехъ ихъ королевское милости веръне, працовите и накладне; а за узнанемъ годности таковое в нимъ посланъ былъ до Орды в поселстве по колько кротъ, где будучы на той позлузе земской, постерегаючы достойности продковъ нашихъ на особе своей поселской, на всемъ веру ста точную оказывавшы, с пожиткомъ речы посполитое завжды тую дорогу от правиль. А такъ ихъ милость некоторые ихъ милость панове-рады наши панства нашего великаго князства Литовскаго, таковые службы людей заслужоныхъ до ведомости наше господарское донесшы, залетили нам сына небожчика помененого маръшалъка господарскаго пана Скумина, Федора Скумина Тишкевича, который взновилъ в себе заслуги отъцовские, служацы на дворе короля его милости Жыкгимонта Августа, продъка нашего, немалый часъ, якожъ и в поселстве до Москвы от его королевское милости посланъ, тамъ на всемъ верне и цнотливе справы, на него преложоные, справовалъ. А ижъ кожда справа в речы посполитой працовитая потребуеть нагороды з оздобеннымъ всякою учтивостью, про то мы, маючи ласкавый взглядъ на потомство заслужоного врядника продкомъ нашимъ, то естъ на пана Федора Скумина, а хочечы его тымъ хутливого и впередъ ку службамъ нашимъ господарскимъ и речы посполитой способити, дали есмо впередъ реченому пану Федору Скумину врадъ на дворе нашемъ, подъскарбство надворъное панства нашего великаго князства Литовскаго, до его живота. Маеть панъ Федор Скуминъ тотъ врадъ, подъскарбство дворъное, держати, учтивости месца на соймехъ и соймикахъ, такъ тежъ владзы и пожитковъ, на тотъ врадъ здавна належачихъ, уживати до живота своего, albo до большого и пожитечнейшого опатренья нашего господарскаго, справуючы тымъ врадомъ потому, яко и первшии подскаръбие дворъные великаго князства литовскаго з давныхъ часовъ справовали. А мы господарь, того владу на немъ ни в чомъ не змнейшаючы, в ласце а бачности нашей господарской его заховати хочемъ. И на то дали есмо ему сесь нашъ листъ с подыписомъ власное руки наше господарское, до которого и печать нашу на твердость тое речы привесити есмо росказали. Писанъ у Варъшаве» 6 іюля 1576 года. «Подпись руки господар-

ское». Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 42 об.—43 об. Тотъ же документъ—Лит. Метр.

$\frac{I A}{58}$ л. 1 об.—2. Описки одного списка были нами исправлены при изданіи на основаніи другого.

¹⁾ Źródła Dziejowe. T. VIII. Warszawa. 1881.

тренней исторіи Польши сознается, что вообще изложеніе скарба и финансовой системы Княжества заслуживаетъ болѣе подробнаго и обстоятельнаго трактованія, чѣмъ это возможно въ одномъ коротенькомъ прибавленіи ¹⁾. Недостатокъ источниковъ, въ чемъ сознается самъ Павинскій, не позволилъ ему представить обстоятельнаго очерка Литовскаго скарба ²⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо отмѣтить и другую причину, помѣшавшую покойному Варшавскому профессору дать въ своей книгѣ правильное представленіе о скарбѣ Княжества. Это—общій взглядъ на Литовскіе порядки послѣ Уніи 1569 года, навѣянный отождествленіемъ Литовскаго и Польскаго, взглядъ, въ которомъ лежитъ коренная ошибка исторіографіи не только Польской, но въ значительной степени и Русской. Литовскіе институты не были Польскими по своему содержанию, хотя они и носили одноименныя съ Коронными названія. Было сходство, но было и различіе. Вѣдь вѣрды и обычаи, съ которыми вступило Княжество въ Унію съ Польшею, установились въ немъ въ то время, когда оно было совершенно отдѣльнымъ государствомъ. Оно жило въ иныхъ историческихъ условіяхъ, чѣмъ жила Польша, и эти условія оно переживало, имѣя въ основѣ Литовскую и Русскую старину, а не старину Польскую. Если вѣрдамъ и институтамъ Литовскимъ давались тѣ же названія, которыя имѣли аналогичныя вѣрды и институты въ Коронѣ; если дѣйствительно многіе изъ нихъ переносились изъ Польши, болѣе развитой въ ея цивилизаціи, то и эти институты не могли не измѣняться въ своемъ содержаніи, такъ какъ въ него входило, кромѣ переносимаго изъ Польши, и свое исконное, стародавнее. Литовскіе вѣрды и институты должны изучаться самостоятельно, какъ таковыя, и только тогда явится возможность дать ихъ правильную характеристику. Кромѣ того, только при такомъ изученіи Литовскихъ институтовъ изслѣдованіе прошлаго Княжества и всей Польско-Литовской Речи Посполитой дастъ тотъ дѣйствительно важный матеріалъ для общихъ историческихъ выводовъ, касающихся вопросовъ о культурномъ вліяніи народа на народъ и вообще для теоріи историческаго процесса, который оно дать должно и можетъ въ чрезвычайно интересныхъ фактахъ и явленіяхъ.

Но обратимся къ разбору изложенія Павинскаго «O Skarbowości litewskiej». Павинскій говоритъ, что хотя и имѣло Княже-

¹⁾ Ibidem. Str. 464.   ²⁾ Ibidem. Str. 465.

ство отдѣльный скарбъ, но несмотря на это между Литвою и Короною существовала «*pod tym jak i wielu innemi względami wzajemność*»¹⁾. Къ этому онъ прибавляетъ, что Литовскія скарбовыя средства шли «*na wspólne cele całej rzeczy-pospolitej, na utrzymanie tego samego króla, na te same wyprawy wojenne*»²⁾. Но мы уже видѣли, какъ Литва охраняла средства своего скарба отъ расходованія ихъ на Коронныя нужды; видѣли также, какъ и Корона отказывалась давать свои деньги на нужды Княжества³⁾. Такимъ образомъ о «взаимности» скарбовъ Короннаго и Литовскаго не можетъ быть и рѣчи. Посмотримъ теперь, какъ представлены Павинскимъ источники поступленій въ Литовскій скарбъ. Павинскій дѣлитъ Литовскій скарбъ на надворный и посполитый. Въ послѣдній, по мнѣнію Павинскаго, поступаютъ поборы съ Княжества, устанавливаемые сеймомъ. Тутъ прежде всего нужно исправить ошибочное положеніе, что способъ установленія поборовъ въ Княжествѣ сеймомъ явился со времени Уніи 1569 года. Онъ существовалъ въ немъ задолго до нея, и Княжество вступило въ Унію уже съ этимъ порядкомъ. Затѣмъ, объ учрежденіи посполитаго скарба Литовскіе станы стали думать только въ эпоху царствованія Стефана Баторія, толковали о немъ на своихъ съѣздахъ этой эпохи⁴⁾, представили требованіе его учрежденія Сигизмунду Вазѣ и наконецъ получили его королевскою грамотою 28 января 1588 года⁵⁾. Этотъ посполитый скарбъ былъ земскій скарбъ Княжества, окончательно отдѣленный отъ дворнаго по требованію Литовскихъ становъ. Грамотою 28 января 1588 года исключительно «на подымованье» государя и «столу» его «господарского» назначались слѣдующія староства и державы: 1) староство Городенское и держава Олитская съ фольварками, мѣстечками, селами, волостями и лѣсничествами ихъ⁶⁾, 2) староство Берестейское и держава Кобринская и Каменецкая съ принадлежащимъ къ нимъ⁷⁾ и 3) держава Шавленская въ землѣ Жомойтской «зо всіми тежъ волостями, селы и приле-

¹⁾ Ibidem. Str. 464.   ²⁾ Ibidem. Str. 464, 465.

³⁾ См. первую главу.   ⁴⁾ См. стр. 200 и сл.

⁵⁾ А. Вил. VII. Стр. 95—97. Тотъ же документъ—Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 279—281.

⁶⁾ «Городница, Новый Дворъ, Лабно, Крынки, Одельско, Красникъ, Квасовка, Кузница, Котра, Скидель, Вертилишки, Озера, Салаты, Мильковщизна, Мосты и иншіе фольварки, мѣстечка, села, волости и лѣсництва староства Городенского и державы Олитское».

⁷⁾ «зъ фольварками: Рѣчица, Воинь, Милейчицы, Ломазы, Коденець, Кіевецъ, Пружона, Клещеле, Везки, Дивинокъ зо всіми волостями» и пр.

глюстями». Такимъ образомъ только со вступленіемъ Сигизмунда Вазы на престолъ соединенной Речи Посполитой совершилось полное отдѣленіе средствъ скарбовъ земскаго и дворнаго въ Княжествѣ. При этомъ лишь часть, а не всѣ державы и староства были отданы въ Литвѣ надворному скарбу, остальные же по прежнему остались въ вѣдѣніи скарба земскаго. Это было крупнымъ отличіемъ финансоваго управленія Литовскаго отъ Короннаго, такъ какъ въ Польшѣ всѣ староства съ ихъ доходами составляли ресурсы дворнаго скарба Короны. Теперь мы исправили и ошибочное утвержденіе Павинскаго, что столовые земли составляли въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ источникъ поступленій въ дворный скарбъ¹⁾. Мы особенно старались разобрать мнѣніе Павинскаго, чтобы показать, насколько неправильно вообще переносить на явленія Литовской государственной жизни аналогичные факты жизни Короны. Крупныя дарованія, громадныя знанія и чрезвычайно внимательное отношеніе ко всѣмъ деталямъ изучаемаго имъ явленія при постоянномъ стремленіи не удаляться отъ точнаго фактическаго матеріала, которыя характеризуютъ покойнаго Варшавскаго профессора, не спасли его отъ такихъ крупныхъ ошибокъ въ характеристикѣ Литовскаго скарба, благодаря взгляду на Литовскіе порядки и государственное устройство, какъ на сколокъ съ порядковъ и устройства Короны.

Въ спискахъ г. Вольфа, какъ первый подскарбій дворный, названъ Иванъ Богдановичъ Литаворъ Хребтовичъ въ концѣ XV столѣтія²⁾. А. Бонецкій также съ него начинаетъ свой рядъ дворныхъ подскарбіевъ³⁾. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что дворный подскарбій—это лишь новое названіе, которое усвоилъ себѣ великокняжескій казначей, должность, хорошо извѣстная и двору Московскаго князя⁴⁾. Сами Литвины называли подскарбіемъ казначея по Московской терминологіи⁵⁾. Какъ казначей государевъ, дворный подскарбій долженъ былъ по всей вѣроятности дѣлать выдачи и уплаты по личнымъ расходамъ государя и по его и двора содержанию. Со времени Ливонской войны, которая стала поглощать всѣ ресурсы земскаго скарба, у дворнаго скарба явились и особыя средства. Эти

1) *Zr. Dz.* T. VIII. Str. 465, 466.   2) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 190.

3) *A. Boniecki.* Poczet Rodów. Sp. dign. i urz. Str. XXII.

4) *В. И. Сергеевичъ.* Русскія Юридическія Древности. Т. I. Стр. 415, 416.

5) Такъ казначей кн. Шуйскаго называется подскарбіемъ его. А. З. Р. III. № 35 (1564 г.). Въ монастыряхъ манахъ-казначей также назывался монастырскимъ подскарбіемъ. Вил. Арх. Сб. IX. Стр. 18, 60 и др.

средства стали давать спадковыя имѣнія, т.-е. земли, доставшіяся государю, какъ выморочныя. Онѣ считались землями, «власной, особе его королевской милости належащими» ¹⁾. Въ эпоху до Уніи 1569 года дворный подскарбій былъ членомъ господарской рады, но послѣ соединенія Литвы съ Польшею остался внѣ ея ²⁾. Находясь постоянно около короля, дворный подскарбій, естественно, имѣлъ полную возможность пріобрѣтать различныя пожалованія ³⁾, а его опытность въ финансовыхъ дѣлахъ, пріобрѣтаемая по его вряду и въ силу постоянныхъ сношеній со скарбомъ земскимъ, дѣлала его вполне подходящимъ кандидатомъ на трудную и отвѣтственную должность земскаго подскарбія. Въ самомъ дѣлѣ переходъ дворнаго подскарбія на врьдъ подскарбія земскаго былъ совершенно обычнымъ явленіемъ ⁴⁾. Кроме того дворный подскарбій былъ и самымъ подходящимъ лицомъ для временнаго завѣдыванія земскимъ скарбомъ во время ваката вряда земскаго подскарбія до назначенія новаго лица на этотъ урядъ ⁵⁾.

Должность крайчія существовала въ великомъ княжествѣ Литовскомъ уже въ XV столѣтіи ⁶⁾. Назначеніе этого уряда можетъ быть выведено изъ самаго его названія. Слово крайчій происходитъ, очевидно, отъ слова *krójac*—кроить, рѣзать. Латинское названіе этой должности—*incisoriatus*, производное отъ *incidere* (рѣзать). Такимъ образомъ назначеніемъ вряда крайчія должно было быть нарѣзываніе для королевскаго стола тѣхъ кушаній, которыя этого требовали. Въ Польшѣ крайчіе существовали уже въ первой половинѣ XV столѣтія. Врьдъ крайчія—врьдъ королевскаго стола въ прямомъ смыслѣ этого слова, *incisoriatus mensae nostrae*, какъ говоритъ о немъ Сигизмундъ Августъ въ своемъ привилеѣ, данномъ 20 іюня 1569 года пану Ивану Кишкѣ Техановецкому на врьдъ крайчія великаго княжества Литовскаго ⁷⁾. Утверждая за

¹⁾ М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 397, 398.

²⁾ Ibidem. Стр. 840.

³⁾ Нпр., «привилей подскарбему дворному, пану Федору Скумину Тишкевичу на две селе в земли Жомойтской, в тивунстве Бержанском, до живота ему и жоне его». (1576 г.) Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 95—96 об.

⁴⁾ Нпр., Лавринъ Война, Феодоръ Скуминъ Тишкевичъ. См. *J. Wolff. Sen. i dign.* Str. 191.

⁵⁾ Примѣръ см. у М. К. Любавскаго. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 398. Прим. 340.

⁶⁾ *J. Wolff. Sen. i dign.* Str. 225.

⁷⁾ Лит. Метр. $\frac{III A}{8}$ л. 63 об.—64 об.

Иваномъ Кишкою должность Литовскаго крайчія, привилей гласить отъ имени короля: «quo circa omnibus in universum consiliariis, dignitariis, officialibus Regni Poloniae, Magni Ducatus Lithuaniae ac curiae nostrae et reliquis omnibus ordinibus nobis tam in Regno Poloniae quam in Magno Ducatu nostro Lithuaniae subjectis, significamus, ut eum pro vero atque legitimo incisore Magni Ducatus Lithuaniae habeant et agnoscant illique de omnibus iuribus, praerogativis et emolumentis ad officium ipsius spectantibus, respondeant responderique curent nec aliter faciant pro gratia nostra». Какъ всякій другой врьдъ, врьдъ крайчія имѣлъ свои права и «почтивость», принадлежавшія должности. По всей вѣроятности, первоначальною обязанностью крайчія было разрѣзывать для королевскаго стола кушаній на куски, какъ мы выше уже замѣтили, и уже потомъ только, съ развитіемъ двора и его должностей, онъ обратился въ должностное лицо, лишь стоявшее «у стола государя для усиленія торжественной обстановки парадныхъ обѣдовъ», какъ характеризуетъ проф. В. И. Сергѣевичъ крайчія Московскихъ царей¹⁾ и какъ, конечно, было и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ.

Кромѣ крайчія, при дворѣ королевскомъ состояли чашникъ и подчашій. Чашникъ, *pincerna*, въ спискахъ Вольфа значится съ конца XV столѣтія²⁾, а подчашій, *subpincerna*, съ середины того же вѣка³⁾. Г. Вольфъ замѣчаетъ, что подчашій первоначально соединялъ въ своемъ лицѣ обѣ должности и часто въ то время является съ титуломъ чашника⁴⁾. Это замѣчаніе вѣрно не только относительно XV-го столѣтія, но даже и XVI-го. Такъ, Криштофъ Радзивиль изъ крайчихъ былъ сдѣланъ чашникомъ Княжества⁵⁾, какъ узнаемъ изъ привилея, даннаго Ивану Кишкѣ, назначенному 20 іюня 1569 года Литовскимъ крайчимъ на его мѣсто. Между тѣмъ акты называютъ его подчашимъ Княжества⁶⁾, чашникомъ же въ 1569 году былъ Матвѣй Петкевичъ, бывшій уже умершимъ въ 1574 году⁷⁾

¹⁾ В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. I. Стр. 411.

²⁾ J. Wolff. Sen. i dign. Str. 208. ³⁾ Ibidem. Str. 288. ⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ «Qua de causa cum post ascensum illustris Christopheri Radziwil de Dubingi et Bierze ducis ad pincernatus Magni Ducatus honorem incisoriatus mensae

nostrae vacaret...» Лит. Метр. $\frac{III A}{8}$ л. 64.

⁶⁾ Нпр., А. З. Р. III. №№ 61 (1574), 63 (1575), 76 (1576), 84 (1577), 103 (1578); А. Ю. и З. Р. I. № 167 (1573) и др. J. Wolff (Sen. i dign. Str. 290) помѣщаетъ его только въ спискахъ подчашихъ, а не чашниковъ.

⁷⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 93 об., 94 (8 мая 1574 года).

Такимъ образомъ во врьдѣ *rinsernatus* смѣшивались оба Русскія названія врьдговъ. Можно, однако, думать, что, именуясь *rinserna*, Николай Радивиль былъ и чашникомъ, и подчашимъ одновременно. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ смерти Петкевича должность чашника можетъ быть (если признать за вакантъ отсутствіе актовыхъ извѣстій о чашничествѣ въ изысканіяхъ г. Вольфа) не замѣчалась, а функціи ея отправлялъ подчашій Радивиль вплоть до своего назначенія на Троцкую каштелянію (16 октября 1579 года). По крайней мѣрѣ, новый чашникъ по смерти Петкевича, по свѣдѣніямъ Вольфа, былъ назначенъ лишь около 1580 года¹⁾. Если сравнить списки чашниковъ и подчашихъ Литовскихъ, то сразу бросается въ глаза большая, если можно такъ выразиться, аристократичность врьда подчашія по сравненію съ врьдомъ чашника. Дѣйствительно, въ должности подчашія въ XVI вѣкѣ встрѣчаемъ рядъ Радивиловъ, Кезгайла, Ходкевича, кн. Острожскаго, въ то время какъ чашниками были лишь люди менѣе знатныхъ фамилій. Уже это одно должно убѣдить насъ въ томъ, что врьдъ подчашія былъ выше врьда чашника и что приставка *pod* въ словѣ подчашій, какъ и въ словѣ подкоморій, вовсе не означаетъ, что лицо, занимающее эту должность, находится подъ чашникомъ, т.-е. ниже его, какъ и повѣтовый подкоморій былъ не только выше своего коморника, но даже его хозяиномъ, господиномъ. Въ ряду придворныхъ должностей подчашій стоялъ выше крайчія, что видно изъ словъ приведеннаго нами привилея Ивану Кишкѣ, говорящихъ о повышеніи Радивила съ врьда крайчія на врьдъ подстоля. По словамъ Лелевеля²⁾, во время придворныхъ торжествъ при дворѣ подчашій наливалъ королю напитки, которые подавалъ чашникъ. Акты знаютъ и о юргельтѣ — денежномъ жалованьѣ, которое могъ получать подстолий. Такъ, Стефанъ Баторій, «маючы ласкавый взглядъ на службы значьные» своего подчашія и гетмана польнаго Литовскаго, Криштофа Радивила, которыя онъ «завжды зъ себе ку речы посполитой оказовалъ и теперь оказовати не переставаетъ, не малый коштъ подыймуючы на вrade гетманьства польнаго», и желая его «и вперед тымъ хутлившого ку службамъ» своимъ государевымъ и земскимъ «способити», «поступилъ» ему «юркгельту в скаръбе» своемъ великаго княжества Литовскаго ежегодно по 2 тысячи золотыхъ

1) *J. Wolff. Sen. i dign. Str. 209.*

2) *J. Lelewel. Polska, dzieje i rzeczy jej. T. IV. Poznań. 1856. Str. 63.*

Польскихъ, «то есть осмь сотъ копъ грошей личбы и монеты» Литовской. Это пожалованіе, по словамъ привилея, было сдѣлано королемъ «до большого и пожиточнейшого з ласки нашео господарское опатренья»¹⁾.

Документъ этотъ, кромѣ того, что даетъ свѣдѣнія объ юргельтѣ, который могъ получать подчашій, хотя, конечно, Радивиль получалъ его не по вряду подчашія, а по вряду польнаго гетмана, дѣйствительно сопряженному съ немалыми расходами,—даетъ возможность заключать и о томъ, что врьдъ подчашія вовсе не требовалъ постояннаго присутствія на дворѣ королевскомъ занимавшаго его врьдника. Разъ подчашій могъ быть одновременно и польнымъ гетманомъ, не можетъ быть и рѣчи объ его постоянномъ исполненіи своихъ придворныхъ обязанностей, а стало быть, не такъ часто и требовалось ихъ исполненіе. Тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя, подобно земскому подскарбію, были завалены государственными дѣлами, гетманами не назначали никогда.

Рядомъ съ крайчимъ, подчашимъ и чашникомъ стояли стольникъ и подстолий. Оба эти дворные уряда существовали въ Литвѣ съ XV столѣтія, и этимологическое значеніе словъ въ данномъ случаѣ является реальнымъ, такъ какъ дѣйствительно подстолий въ служебной іерархіи стоялъ ниже, чѣмъ стольникъ. Объ этомъ ясно говоритъ возможность повышенія подстоля въ должность стольника²⁾. Привилеи, какъ это мы замѣчали уже не разъ, вручая тому или другому лицу урядъ, по большей части совсѣмъ не даютъ данныхъ изслѣдователю для характеристики этого врьда. Должность привилеемъ просто ввѣряется лицу съ тѣми ея прерогативами, которыя существовали издавна и которыя были прекрасно извѣстны современникамъ. Привилей пану Яну Зеновьевичу на подстолюство Княжества³⁾, данный 18 іюля 1576 года, также не представляетъ изъ себя чего-нибудь особенно драгоцѣннаго для изслѣдователя. Въ немъ при назначеніи

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 27 об., 28: «Пану Криштофу Радивилу, подчашому и гетману полному вел кн Литовского лист до пана подскарбего о выдаване его мл юргелту, на тое гетманство поступленого в каждый год по две тисечи золотых».

²⁾ См. примѣры у J. Wolff'a (Sen. i dign. Str. 318, 319)—Веселовскій: Криштофъ Сапега и др.

³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 51—51 об. Тотъ же привилей—Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 13—13 об.

подстолимъ Зеновьевича говорится отъ имени короля такъ: «маеть панъ Янъ Зеновьевичъ тотъ врадъ на дворе нашомъ деръжати и имъ справовати, всякое владзы, тому врадови з давныхъ вековъ у великомъ князстве Литовскомъ належачые, уживаючи во всемъ потому, яко и перъшие подстолие великого князства Литовского врадомъ помененымъ справовали, ничимъ его не зменьшиваючы...» Дѣлая это назначеніе, король принялъ во вниманіе заявленіе Яна Еронимовича Ходкевича, который «оповедалъ» передъ королемъ «о зацности дому старожитного» въ Княжествѣ «пановъ Зеновьевичовъ, в которомъ завжды достоенъства и влады земскіе бывали и тецерь суть за почтивыми службами ихъ» передъ прежними королями, «якожь зособна залецалъ» королю Ходкевичъ, «ку знаемости» государевой «оферуючи пана Яна Яновича Зеновьевича, который, наследуючы во всемъ продъковъ своихъ, не зане хавалъ в молодости лѣтъ своихъ» служить речи посполитой, бывая на службахъ земскихъ военныхъ «з немалымъ накладомъ своимъ, справуючыся во всемъ учтиве, яко доброму сыну належитъ». Такимъ образомъ, врадъ подстолія давался челоуѣку родовитому, и въ числѣ подстолихъ встрѣчаемъ Станислава Паца, сына Подляшскаго воеводы, и Андрея Ходкевича, сына Виленскаго каштеляна Григорія Ходкевича ¹⁾. Переходъ подстолія на врадъ сенаторскій былъ дѣломъ обычнымъ ²⁾. То же самое, конечно, нужно сказать и относительно стольничества. Съ 1566 года по 1576 занималъ этотъ врадъ панъ Николай Дорогостайскій, сдѣлавшійся потомъ Полоцкимъ воеводою ³⁾. Предшественникомъ его былъ знаменитый Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, гетманъ королевскій въ землѣ Лифляндской ⁴⁾, сдѣлавшійся въ 1563 году Жомоитскимъ старостою, а преемникомъ—князь Александръ Пронскій ⁵⁾, получившій потомъ Троцкое каштелянство ⁶⁾. Стольники, какъ и чашники существовали еще въ удѣльныхъ Русскихъ княжествахъ ⁷⁾. Были они и въ удѣлахъ Польскихъ, а какъ остатокъ старины

¹⁾ *J. Wolff. Sen. i dign. Str. 300, 301.* Ему еще при жизни своей отецъ его передалъ и старство Могилевское Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 109.

²⁾ *J. Wolff. Sen. i dign. Str. 300, 301.*

³⁾ *Ibidem. Str. 318.* См. также, нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 4 об. и сл. 116, 117.

⁴⁾ Нпр., А. З. Р. III. №№ 26, 27. А. Ю. и З. Р. I. № 137.

⁵⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 67.

⁶⁾ *J. Wolff. Sen. i dign. Str. 317, 318.*

⁷⁾ См. *В. И. Сертевичъ. Р. Юр. Др. Т. I. Стр. 477.*

продолжали кое-гдѣ въ воеводствахъ существовать и въ XVI столѣтїи ¹⁾. Стольникъ Литовскій очень отличался отъ стольниковъ Московскихъ: онъ былъ одинъ, и его положеніе было весьма почетнымъ, въ то время какъ стольники Московскіе считались сотнями ²⁾, и уже въ силу одного этого послѣдніе не могли сравняться съ Литовскимъ.

Великое княжество Литовское имѣло хоружихъ земскаго и дворнаго и мечника, какъ центральные уряды. Еще въ XV вѣкѣ существовали хоружіе, державшіе знамя Княжества, а съ начала XVI столѣтія они уже и называются земскими хоружими Литовскими ³⁾. Обязанности земскаго хоружія вполне опредѣляются привилеемъ на этотъ врьдъ, даннымъ 1 сентября 1544 года дворянину Миколаю Третьяку ⁴⁾. Земскій хоружій долженъ «хоруговъ земскую великаго князства Литовскаго въ себе мети и завжды у войску съ хоруговью земскою при гетмане» государевомъ «великомъ быти». Онъ назывался потомъ и просто хоружимъ великаго княжества Литовскаго ⁵⁾. Хоругвь, подъ которую становились королевскіе дворяне, держалъ хоружій дворный. Въ 1566 году, 30 марта Сигизмундъ Августъ на постъ дворнаго хоружія, вакантный послѣ избранія Григорія Рагозы земскимъ Минскимъ судьей, назначилъ брата его, дворянина своего, Василя Рагозу ⁶⁾. Дворная хоругвь отдѣльно записывается и въ «пописахъ», войска, какъ это сдѣлано въ Раковскомъ пописѣ 1565 года ⁷⁾. Что касается до мечника, то врьдъ его существовалъ въ Литвѣ также уже въ XV столѣтїи ¹⁾. Въ одномъ изъ своихъ

¹⁾ «Панъ Доминикъ Аламанъни Вепсара дедичъ стольникъ Любельскій». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 57 об. (3 іюля 1572 года).

²⁾ В. И. Сергѣевичъ. Р. Юр. Др. Т. I. Стр. 479.

³⁾ J. Wolff. Sen. i dign. Str. 201. *Adam Boniecki*. Poczet Rodów. Spis dign. i urz. Str. IV.

⁴⁾ М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 414. Прим. 415.

⁵⁾ А. Вил. XX. № 210 (1621 г.).

⁶⁾ Литр. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 6 об. См. также *ibidem*, л. 39—40, также—л. 28 об.

⁷⁾ Рук. Имп. Публ. Биб. F. IV. № 82 л. 10.

⁸⁾ J. Wolff (Sen. i dign. Str. 242) называетъ первымъ извѣстнымъ ему мечникомъ Литовскимъ Войтеха Ивашковича, указывая на 1499 годъ, какъ дату упоминанія о немъ А. *Boniecki* (Poczet Rodów. Spis dign. i urz Str. XVII) начинаетъ свой списокъ мечниковъ съ Януша Костевича (1505 г.). Однако Янушъ Станкевичъ Костевича, «мечный господара нашего» упоминается уже въ 1444 году. А. Ю. и З. Р. I. № 22. V.

писемъ къ Криштофу Радивилу Левъ Сапега говоритъ о немъ, что это «urząd zasny i wielki» ¹⁾. Обязанности мечника состояли въ томъ, что онъ долженъ былъ держать королевскій мечъ во время торжествъ и церемоній ²⁾.

Дворъ королевы также имѣлъ своихъ специальныхъ придворныхъ вѣдниковъ. Такъ по крайней мѣрѣ было при королевахъ Еленѣ и Бонѣ. Но въ Литвѣ великая княгиня Литовская едва ли имѣла цѣлый десятокъ особыхъ должностныхъ лицъ, какъ это было въ Польшѣ. Въ числѣ этихъ должностныхъ лицъ первое мѣсто занимаетъ охмистръ (т.-е. hofmeister). Въ эпоху до Люблинской Уніи охмистръ былъ лицомъ несомнѣнно большого значенія: онъ былъ членомъ великокняжеской рады. Когда въ 1541 году Сигизмундъ Старый вмѣстѣ со своею супругою королевою Боною и сыномъ Сигизмундомъ Августомъ находился въ Вильнѣ, а при нихъ было много князей, пановъ, рыцарства Литовскаго и Польскаго, дворъ «ихъ кролевское милости», да кромѣ того еще много прибывшихъ чужеземцевъ, цѣна на припасы сильно поднялась, и «мужики хлопы простые», привозившіе овесъ, сѣно, дрова, «што хотѣли, то на шляхтѣ брали». Ввиду этого «ихъ королевская милость отправили для установленія цѣнъ въ Виленскую ратушу своихъ пановъ-радъ, а именно «пана Судомирского, охмистра господарини королевое ея милости, пана Миколая Вольского, а подскарбего, земского, маршалка и писара ихъ милости, пана Ивана Горностая», а при нихъ въ ратушѣ находились Виленскіе войтъ, бурмистры и радцы ³⁾. Свидѣтельство этого документа важно по многимъ причинамъ. Прежде всего, изъ него вытекаетъ, что охмистромъ Боны былъ Полякъ, т.-е. вѣдникъ Коронный, и что едва ли у нея и былъ особый охмистръ Литовскій, такъ какъ послѣдній долженъ бы былъ находиться при ней въ Вильнѣ. Что касается до Елены супруги Александра Казиміровича, то въ 1495 году ея охмистромъ состоялъ Войтко Ключко, бывшій одновременно и намѣстникомъ Утенскимъ ⁴⁾. Въ 1504 году охмистромъ королевы былъ тотъ же Войтехъ Яновичъ Ключко, маршалокъ и охмистръ королевы, державца Ковенскій ⁵⁾. Его встрѣчаемъ и въ числѣ пановъ-радъ (domini consilarii nostri) короля Александра ⁶⁾, встрѣчаемъ и съ

¹⁾ Archiwum Domus Sapiehanae. Т. I. № 39 (2 марта 1588 года).

²⁾ М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 422.

³⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 107.   ⁴⁾ Акты Леонтовича. I. I. № 222.

⁵⁾ Акты Леонтовича. I. II. № 691.

⁶⁾ Albertus (т.-е. Войтехъ) Яновичъ. Ibidem. № 660. 10 апр. 1503 года.

королевскимъ порученіемъ «досмотрѣти», разобрать тяжбу ¹⁾. Намѣстничества - державы, бывшія въ завѣдываніи Яновича, мѣнялись слѣдующимъ образомъ: сначала онъ именуется намѣстникомъ Утенскимъ ²⁾, а затѣмъ Ковенскимъ ³⁾. Получая Ковенскую державу, онъ передалъ Утенскую князю Михаилу Глинскому, который въ 1502 году именуется дворнымъ маршалкомъ, намѣстникомъ Мерецкимъ и Утенскимъ ⁴⁾. Въ эпоху послѣ Люблинской Уніи королевы Речи Посполитой продолжали имѣть при себѣ охмистра своего двора. Такъ, королева Анна Ягеллонка, супруга Стефана Баторія, на Торунскомъ сеймѣ 1576 года черезъ своего охмистра заявила «протестацію королевое ея милости Ганъны, ижъ не за ея королевъское милости причиною обликгъацыи ея королевское милости на спученъе права на добра рухомые и не рухомые, Речи Посполитой под певными кондыцыями учыненой, досыт се не стало» ⁵⁾. Изъ этой протестаціи узнаемъ, что она была заявлена королевою «черезъ умоцованого и двору своего охмистра, врожноного Яна Конецъкого, старосту Ломъзенъского». Янъ Конецкій, Коронный староста, былъ такимъ образомъ охмистромъ «двора» королевы. Изъ этого заключаемъ, что дворъ ея былъ одинъ, безъ раздѣленія его на дворы Коронный и Литовскій, такъ какъ въ противномъ случаѣ нужно бы было ожидать соответственнаго добавленія къ словамъ охмистръ, или дворъ въ нашемъ документѣ. Дворъ королевы, повидимому, не былъ предметомъ ревнивой охраны для Литвы въ ея стремленіи сохранить свое значеніе и свои права въ эпоху существованія спольной Речи Посполитой,

¹⁾ Ibidem № 433.

²⁾ Акты Леонтовича. I. I. №№ 222 (1495 г.), 312 (1496 г.). I. II. № 433 (1499 г.).

³⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 37 (1502 г.). Акты Леонтовича. I. II. №№ 660 (1503 г.) и 691 (1504 г.). I. I. № 236 называетъ его намѣстникомъ Пинскимъ; но это или описка переписчика, или недосмотръ издателя, такъ какъ въ это время (1496 г.), какъ говоритъ самъ проф. Леонтовичъ (Очерки ист. Лит.-Р. права. СПб. 1894. Стр. 130, 131), Пинскимъ удѣломъ управляла княгиня Марія Семеновна, а не намѣстникъ великокняжескій. Погрѣшностью изданія нужно объяснить и именованіе охмистра Яновича Станиславомъ, а не Войтехомъ (Акты Леонт. I. I. № 390), такъ какъ Станиславъ Яновичъ совершенно другое лицо. Онъ былъ уже въ 1486 году Жомойтскимъ старостою. См. *J. Wolff. Sen. i dign. Str. 91.* Ср. также, нпр., А. Ю. и З. Р. I № 36 (1501 г.).

⁴⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 38.

⁵⁾ Лит. Метр. $\frac{1A}{58}$ л. 121 об.—122 об.

когда семья избирательнаго короля не могла имѣть сколько-нибудь серьезнаго политическаго значенія въ глазахъ народа, смотрѣвшаго на государя, лишь какъ на высшее должностное лицо государства. А если дворъ королевы не былъ вещью, имѣющею значеніе для охраны Литовскихъ политическихъ правъ въ Речи Посполитой, то и личный составъ врядниковъ долженъ былъ выбираться лишь при наличности одного условія, пріятности того, или другаго лица королевѣ, и, конечно, уже не Анна Ягеллонка, которая, по выраженію Ивана Глѣбовича, по отношенію къ Литовцамъ «*gębę posi wysoko i hardo*» ¹⁾, стала бы избирать для своихъ придворныхъ должностей Литовцевъ. Дворъ Боны также не былъ Литовскимъ, и только дворъ Елены ²⁾ да, предположительно, Варвары Радивилянки былъ таковымъ. Мы не станемъ, поэтому, останавливаться вообще на дворѣ «королевы ея милости» ³⁾. Но охмистръ упоминается не только въ качествѣ врядника двора королевы. Въ молодые годы Сигизмунда Августа, еще до вступленія его на Литовскій великокняжескій престолъ, при немъ находился охмистръ Польскій, Опалинскій ⁴⁾. Едва ли охмистръ вообще не соединялъ со своимъ врядомъ гофмейстера нѣкоторыхъ чертъ своего рода опекуна, должностнаго лица, охранявшаго особу королевы или королевича.

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ должностямъ двора великаго князя Литовскаго, необходимо исправить слова И. Д. Бѣляева, дающія совершенно ложное представленіе о дворныхъ урядахъ. На страницахъ 443-й и 444-й IV-й книги «Разсказовъ изъ Русской исторіи» читаемъ: «къ каждой изъ сихъ должностей приписаны были различныя волости на содержаніе и, кромѣ того, каждый изъ сихъ сановниковъ былъ урядникомъ, или управителемъ какого-либо повѣта или области». Если первая часть этого мнѣнія безусловно невѣрна, то и вторая можетъ быть принята только

¹⁾ А. Н. R. G. P. ill. XI. № XXIII. (Р. 34).

²⁾ См. *J. Wolff*. Sen. i dign. Str. 197 и акты *passim*. Нпр., А. Ю. и З. Р. I. №№ 37 (охмистръ и крайчій королевы), 41 (ея канцлеръ).

³⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 116 (12 февр. 1547 г.) упоминаетъ «урожднаго Полоцкое земли охмистра» Ивана Ситянку. Но это явное недоразумѣніе, описка въ подлинникѣ, или ошибка издателя. Несомнѣнно, что въ актѣ идетъ рѣчь объ обыкновенномъ ротмистрѣ, который получилъ отъ короля пожалованіе за свою службу и въ возмѣщеніе убытковъ вслѣдствіе опустошенія его имѣнія войсками королевскими.

⁴⁾ См. *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 264.

съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Никакихъ волостей, приписанныхъ на содержаніе своихъ врядниковъ, придворныя должности не имѣли вовсе. Что же касается до соединенія съ занятіемъ придворнаго вряда завѣдыванія староствомъ, или державою, то это дѣйстви-тельно обыкновенно бывало, но вовсе не являлось необходимымъ, обязательно-существующимъ при каждой придворной должности. Изъ существованія обыкновенія нельзя выводить необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ владѣющими ¹⁾ староствами и державами придворными врядниками встрѣчаемъ и врядниковъ, ихъ не имѣющихъ вовсе ²⁾. Теперь вернемся къ продолженію нашего обзора.

Судовые врядники великокняжескаго двора Литовскаго должны были играть далеко не послѣднюю роль въ Княжествѣ при томъ значеніи, которое имѣлъ дворный судъ королевскій. До учрежде-нія трибунала Литовскаго въ 1581 году королевскій судъ являлся единственною апелляціонною инстанціей для всѣхъ Литовскихъ повѣтовыхъ судовъ, т.-е. гродскаго, земскаго и подкоморскаго. Мы не станемъ теперь подробно излагать дѣятельности дворнаго суда: на настоящихъ страницахъ насъ интересуютъ лишь дворные врядники, какъ дигнитари, выдѣляющіеся своимъ положеніемъ изъ рядовой шляхты. Дворный судъ королевскій издавна творился на дворѣ государевомъ самимъ королемъ, иногда однимъ, но по боль-шей части со своими панами-радами. Однако, уже давно великіе князья Литовскіе стали поручать судныя дѣла разсмотрѣнію вельможъ, или своихъ врядниковъ, которые въ такомъ случаѣ судили «по прыказанью короля его милости» ³⁾. Король не имѣлъ физической возможности лично разсмотрѣть всѣ дѣла, къ нему восходившія; не будемъ забывать, что ему приходилось разбирать не только sprawy по жалобамъ на рѣшенія намѣстниковъ и вряд-никовъ, но нерѣдко и дѣла въ первой инстанціи. Литва не знала судовъ-вѣчей, которые были въ Польшѣ ⁴⁾, а съѣзды пановъ-радъ на судовые сеймы не пользовались слишкомъ уже большимъ авторитетомъ, да, повидимому, и не совсѣмъ аккуратно собирались. Во всякомъ случаѣ, король оставался, въ концѣ концовъ, един-

¹⁾ Нпр., А. Ю. и З. Р. I. №№ 64, 85, 167 и др. А. З. Р. III. №№ 26, 27, 61, 63, 76, 84 и др.

²⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 67.

³⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 22. III. Ср. Акты *Леонтовича*. I. I. № 15 и др.

⁴⁾ О нихъ см. *Oswald Balzer*. *Geneza trybunału koronnego*. Warszawa. 1886. Str. 13 et sq.

ственнымъ *iudex supremus* для Княжества. Это значеніе дворнаго королевскаго суда, создававшее громаду судныхъ дѣлъ, подлежащихъ королевскому «выроку», должно было рано выдвинуть вопросъ о замѣнѣ личнаго суда короля его дворнымъ судомъ, имѣющимъ равную силу съ судомъ самого господаря. Такимъ образомъ, должны были явиться дворные судьи государевы, «отъ господаря высажонные». Разсмотримъ, какъ примѣръ, хотя одинъ случай дѣятельности дворныхъ судей. 26 іюля 1540 года (12 индикта) въ Вильнѣ разбирали судебное дѣло ¹⁾ «судьи дворные, отъ господаря короля его милости высажонные, князь Анѣдрей Михайловичъ Коширьскій а князь (Андрей) ²⁾ Ивановичъ Полубеньскій, панъ Шимко Мацкевичъ тивунъ Виленскій, панъ Янъ Войтеховичъ, панъ Павелъ Нарушевичъ а панъ Миколай Анѣдрошевичъ». Въ своемъ судебномъ листѣ они говорятъ: «жаловалъ господарю королю его милости Стасъ Мицейкевичъ Весторѣковича, боярынъ повету Ейшиского, на пана Андрея Мацковича, державцу Волькиницѣкого и Лепунского, ижъ...» и т. д., т.-е. судъ какъ бы творится самимъ государемъ, который какъ бы присутствуетъ на судѣ самъ, и судьи дворные, его замѣняя, представляютъ собою его лицо. Далѣе въ своемъ листѣ дворные судьи говорятъ, что Стасъ Мицейкевичъ о своемъ дѣлѣ «билъ чоломъ господарю королю его милости, ино кгда король его милость рачил намъ приказати, абысмо ся тое речи досмотрели промежку тому Стасю а пану Андрею Мацкевичу...» и т. д. Судьи далѣе рассказываютъ разборъ самаго дѣла и заключаютъ свой листъ такъ: «и мы, то обачивши, подлугъ вызнанья пана Андрея и подлугъ росказанья господарьского Стася при тыхъ земляхъ зоставили и казали есмо Стасю тые земли держати со всимъ с тымъ, яко ся тые земли в собе мають, а с того господарю королю земскую службу служити, а панъ Андрей в тые земли ничимъ уступоватися... ино мы, вышей писанные судьи господарьские дворные, дали есмо Стасю сес нашъ листъ на тые земли судебный, на имя на Пуневшчизну и на Юравшчизну под нашими печатями».

Изъ приведеннаго документа видно, что подъ выраженіемъ дворный судья нельзя понимать особаго врядника, для котораго это выраженіе служило бы наименованіемъ: дворными судьями

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{IA}{49}$ л. 56 об.—57 об.

²⁾ Имя пропущено въ текстѣ и написано надъ строкою карандашомъ.

могли быть различные вельможи и вярники, которымъ прикажетъ король разобрать то, или другое дѣло, тотъ, или другой рядъ дѣлъ, въ то, или другое данное время. Такимъ образомъ королевскій дворъ Литовскій не имѣлъ особаго дворнаго судьи, какъ спеціальнаго вярника, какового, на примѣръ, имѣлъ дворъ бискупа ¹⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что и въ задачу нашу на настоящихъ страницахъ не можетъ входить изложеніе суда королевскаго, такъ какъ черты судовой дѣятельности различныхъ вярниковъ и вельможъ, маршалковъ и пановъ-радъ мы должны указывать, характеризуя ихъ, а не дворъ королевскій. Здѣсь же нужно объяснить только выраженіе ассессоръ, которое иногда встрѣчается при обозначеніи состава дворнаго суда. Въ декретѣ ²⁾, данномъ въ Городнѣ 6 декабря 1584 года «земяномъ Мстиславскимъ Зубовичомъ зъ Миколаемъ Ковнацкимъ о пятъ земель, которые былъ Ковнацкий подъ отцомъ ихъ упросилъ во Мстиславскомъ повете», читаемъ: «зъ росказанья его королевское милости слухали тое справы ихъ милость панове асесорове, на отъправованье судовъ отъ короля его милости высажонные». Слѣдовательно, подъ ассессорами нужно разумѣть дворныхъ судей, которымъ король поручаетъ разсмотрѣніе справъ судовыхъ. Что касается до состава ассессорскаго суда, то въ него входили и сенаторы, и маршалки. Такъ, на примѣръ, въ Вильнѣ 20 марта 1584 года ³⁾ разсматривали дѣло о «Руской» церкви села Хотетова Могилевской волости ассессоры, отъ короля «высажонные», два кашталяна—Витебскій (державца Куренецкій, панъ Мальхеръ Жигимонтовичъ Сновскій) и Берестейскій (панъ Богданъ Сопега) и три маршалка (князья Лукашъ и Янъ Болеславовичи Свирскіе и панъ Мартинъ Стравинскій). Вообще въ составъ ассессорскаго суда обязательно входятъ и члены рады королевской, и вярники земскіе, и въ этомъ его отличіе, какъ суда смѣшаннаго, отъ суда пановъ-радъ и отъ суда маршалковъ ⁴⁾.

¹⁾ Нпр., А. Вил. XX. № 6: «князь мистръ Станиславъ Кгабрняловичъ, плебанъ Тыкотинскій, его милости князя бискупа Виленскаго дворный судья».

²⁾ Лит. Метр. $\frac{II A}{61}$ л. 387—388 об.   ³⁾ Лит. Метр. $\frac{IA}{65}$ л. 187—187 об.

⁴⁾ Вотъ примѣръ, иллюстрирующий это опредѣленіе. Въ документѣ, находящемся на листахъ 211 об.—212 книги $\frac{IA}{65}$ Литовской Метрики читаемъ такое начало акта: «зъ росказанья его королевское милости слухали тое справы ихъ милость панове-рады, вярники земьскіе, на отъправоване судовъ высажонные»; а ниже читаемъ слѣдующія заключительныя слова документа: «зачимъ»

Не имѣя особыхъ судей, какъ специальныхъ врядниковъ, королевскій дворъ имѣлъ, однако, врядниковъ, состоящихъ при дворномъ судѣ, а именно возныхъ и генерала. Обязанности возныхъ и генерала дворныхъ при дворномъ судѣ были тѣ же, что обязанности возныхъ повѣтовыхъ на повѣтовомъ судѣ, т.-е. они вызываютъ предъ судъ стороны¹⁾, подаютъ и отвозятъ позвы на судъ королевскій²⁾, дѣлаютъ по отношенію къ королевскому суду все, что дѣлаетъ возный повѣтовый по отношенію къ повѣтовому. Акты знаютъ и случаи совмѣщенія вряда повѣтоваго вознаго съ должностью вознаго дворнаго. Такъ, Томашъ Юрьевичъ Тыдикъ былъ вознымъ Городенскимъ и въ то же время «енераломъ дворнымъ», какъ онъ самъ себя называетъ въ своемъ «сознаньѣ», поданномъ въ канцелярейскія королевскія книги 20 марта 1584 года³⁾.

Возные были должностными лицами, состоявшими при дворномъ королевскомъ судѣ. Совсѣмъ другое значеніе имѣлъ инстигаторъ королевскій, нерѣдко фигурирующій на судѣ и дворномъ,

---

их милость панове асесорове, за домовянемъ се того от стороны противное и заховуючисе в том водлугъ права посполитого, сторону поводовую, Албрихта Савицького, за нестаного здавши, пана Андрея Тиковского з Войславич именованую малжонку его от того обвиненя и обмовы волными учинили, што про памет до книгъ его милости господарских канцлерийских ест записано, с которых и сесь декрет под печатю его милости господарскою пану Анъдрею Тиковскому выдан естъ. Писан у Городне». 1586 года 26 ноября.

1) Нпр., «сторона позваная, Андрей Тиковский, сам и за моцю от малжонъки своее, у суду господарского перед их милости паны а (сесоры) скоро пилност чинилъ и сторону свою противную, Албрихта Савицького, по три дни, то ест месеца ноября 22, 24 и 27 дня, з реистру черезъ вознаго дворнаго Томаша Юревича Тидика до права приволювати давал...» Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 211 об.—212.

2) Нпр., «постановивъшыся очевисто у книгъ господарских канцлярейских, возный его королевское милости дворный, на тотъ час пры справахъ судовых дворныхъ великого князства Литовского будущый, Войтех Пясецький, вызнал тыми словы, ижъ в року тепер идучомъ 1585-м месеца февраля осмого дня, маючы он пры себе сторону, двух шляхтичовъ, подалъ очевисто в руки позов его королевское милости пану Юрю Ронъчковскому, ротъмистрови его королевское милости, по него самого и по малжонку его писанный в жалобе земенина господарского земли Жомойтское, пана Якуба Матеевича Семашька, о....» Лит. Метр. $\frac{II A}{61}$ л. 441 об.—442.

3) «Я Томаш Юрьевичъ Тыдыкъ, возный Городеньский, енераль дворный, сознаваю, ижъ....» Ibidem, л. 97—97 об. («Сознание вознаго господарского повету Городеньского, Томаша Тыдика»).

и повѣтовомъ. Инстигаторъ, несомнѣнно, явился въ Литвѣ, какъ должность, заимствованная изъ Польши ¹⁾).

По опредѣленію историка Польскаго права, инстигаторы были государственными обвинителями въ преступленіяхъ, совершенныхъ по отношенію къ королю, государству, или, наконецъ, шляхтичу (въ послѣднемъ случаѣ тогда, если некому было выступить доносителемъ и истцомъ) ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, законъ знаетъ инстигатора вызывающимъ на судъ и «*de crimine laesae majestatis*» ³⁾ и по дѣламъ столовыхъ имѣній и доходовъ королевскихъ ⁴⁾, и о невыданныхъ въ скарбъ поборахъ ⁵⁾, и за неявку на сеймъ ⁶⁾, и по другимъ дѣламъ. Литовскіе акты изслѣдуемаго времени хорошо знаютъ королевскаго инстигатора, какъ Литовскаго врядника ⁷⁾. Его полное названіе: «инстикгаторъ его королевское милости великаго князства Литовскаго» ⁸⁾. Акты знаютъ хорошо, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ инстигаторъ необходимъ, и безъ него невозможно судебное разсмотрѣніе извѣстныхъ дѣлъ ⁹⁾.

¹⁾ *Volumina legum* впервые упоминаютъ объ инстигаторѣ въ конституціи Піотрковскаго сейма 1565 года (*Vol. leg. II. Petersburg. 1859. Str. 44*), но эта конституція не учреждаетъ должности инстигатора вновь, а пользуется ею, какъ уже существующею.

²⁾ *Bandtkie-Stężyński. Hist. pr. p. Str. 626.*

³⁾ *Vol. leg. II. Str. 251 (1588 г.).*

⁴⁾ *Ibidem. Str. 372 (1598 г. Въ Литвѣ).*

⁵⁾ *Ibidem. Str. 312 (1590 г.).*   ⁶⁾ *Ibidem. Str. 44 (1565 г.).*

⁷⁾ Нпр., А. Вил. VI. Стр. 142, или «декрет инстыкгатору с потомками Станислава Жикгимонтовича о имение Романское, в старостве Ковенскомъ лежачое». Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 358 об.—361. (Листа 359 въ книгѣ нѣтъ).

⁸⁾ А. Вил. VI. Стр. 142.

⁹⁾ Вотъ примѣръ такого документа. «Стефанъ Божью милостью королъ Полскій. Зъ розказанья нашего смотрели тое справы панове - рады и урядники наши, на отъправованье судовъ отъ насъ высажонные. На року, за манъдатомъ прыпаломъ, жаловалъ з мандату кашьталанъ Новгородскій, староста Слонимскій, панъ Грыгорей Воловичъ на земенина нашего повету Слонимскаго Ждана Миколаевича о томъ, штожь дей онъ волокъ чотыри в селе Бракове, в повете Слонимскомъ лежачые, не ведати зачымъ держачы, всякихъ пожитковъ отътулъ ужывають ку шкоде скарбу нашего и ку переказе аренды его, которую отъ насъ господара на староство Слонимское маеть. На которую жалобу сторона позваная, Жданъ Миколаевич, готовъ былъ на все на то право свое и давность держанья своего показати, але панове асесорове наши, бачечы то, же в мандатехъ о пожитки и о шкоды столу скарбу нашего господарьскаго доложено, о што пану Новгородскому поспирати и въ право удавати ся безъ инстыкгатора нашего не годило, и обовляючысе того, абы сто-

Въ случаѣ земельной тяжбы частнаго лица съ подданными королевскими, а также судебного дѣла, предметомъ котораго является нанесеніе вреда государевымъ подданнымъ, представителемъ интересовъ послѣднихъ бывалъ инстигаторъ, являвшійся, какъ на судъ ¹⁾, повѣтовый или комиссарскій, такъ и на судъ королевскій ²⁾. Само собою разумѣется, что положеніе инстигатора, какъ врядника-истца на судѣ по дѣламъ королевскимъ и государственнымъ, вовсе не исключало для него возможности и добровольно, а не по долгу службы являться въ судахъ въ качествѣ «умоцованого» частныхъ лицъ ³⁾.

Какъ мы уже замѣтили выше, должность инстигатора была заимствована Литвою отъ Польши. Она уже существовала въ Княжествѣ во время царствованія Сигизмунда Августа ⁴⁾. Объ

рона поводовая столу и скарбу нашому чого не уступила, вырокомъ своимъ знашли, абы о шкоды скарбу нашего инъстыкгатор нашъ попірал. А што се дотычетъ переказы аренды пана Новгородского, яко в манъдате нашемъ было доложено, о то панъ Новъгородскій, похочет ли доходити своимъ, а не скарбу нашего именемъ, то ему вольно будетъ, ведъже слѣшне водлуг права позвати маеть. А на тотъ час сторону позваную от року и позву вольнымъ учынили. Который декретъ пановъ-рад и врадников наших обоим сторонамъ слово въ слово выдати есмо велели под нашою печатью. Писанъ у Городне»

1584 года 18 ноября. Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 303—303 об.

¹⁾ Нпр., А. Вил. VI, стр. 142 и сл. (1586 г.), стр. 200 и сл. (1599 г.), стр. 214 и сл. (1601 г.).

²⁾ Такъ, 5 мая 1570 года въ книги канцеляріи записана «пильность» инстигатора «на князя Михаила Оболенского», своевольно захватившаго королевскіе «кгрунты» Обельскіе, обвиняемаго притомъ въ «збите врадника Обельского Якуба Масальского» и въ «починенъе многих кривдъ и шкодъ подъданных тамошних». Инстигаторъ явился «з стороны подъданных Обелских и врадника тамошнего Якуба Масальского» и, по словамъ акта, «передъ его королевскою милостью постановившыся, того всего, о што князь Оболенъскій прышозван, доводити и права попірати готовъ былъ». Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. 222 об.—223.

³⁾ Нпр., инстигаторъ королевскій Воцлавъ Лопатинскій—умоцованный Дороты Андреевны, жены Войтеха Петровскаго (1584 г.). Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 184.

⁴⁾ Примѣръ 1570 года см. выше. Вотъ упоминаніе инстигатора въ 1566 году. «Actum in Knyschin in cancellaria S. R. Maiestatis Magni Ducatus Lithuaniae Feria tertia post festum sanctae Catherinae virginis proxima anno Domini 1566. Coram officio eiusdem cancellariae nobilis Mathias de Łapy ministerialis terris Bielscensis cum nobilibus Michaele olim Philippi de Zacharia Mathiae de Łapy praesentibus recognouit, quia feria secunda proxime praeterita ipso festo

инстигаторъ знаетъ и Виленскій сеймъ 1565 года ¹⁾, на которомъ королю была подана просьба о томъ, чтобы «инстыкгаторъ з рамени господарского и зезволенья всихъ становъ того сойму уставленъ былъ» въ справѣ тѣхъ, кто «службы земское замешкивали и на войнахъ не бывали». Какъ многіе вранды Литовскіе, возникшіе путемъ заимствованія изъ Польши, инстигаторъ, по всей вѣроятности появился впервые въ Подляшѣ и уже затѣмъ сталъ обще-Литовскимъ достояніемъ. Подляшье въ эпоху передъ Люблинской Уніею имѣло своихъ инстигаторовъ, и изученіе этого вранда на Подляшѣ даетъ намъ ясную и опредѣленную картину его функціонированія и назначенія. Въ королевской грамотѣ, данной въ Люблинѣ 16 августа 1566 года на Подляшскую инстигатуру (in instigationem Podlasensem) Мельхиору Нѣдѣцкому ²⁾ читаемъ: «quia ex superioritatis nostrae debito prospicere cupientes, quantum pro posse et viribus, ut homines innocentes, praesertim qui secundum statum conditionemque suam Deum primum deinde leges reuerentur, quiete et sine molestia permaneant ab illis, qui ea negligant ac posthabeant, tum ne illi, qui pro effrenata libidine, timore Dei et proximi dilectione obmissis, nulla habita nostrae superioritatis ac legum reuerentia, suis potius obtemperent cupiditatibus, magis ac magis ruant in scelera in detrimentum superioritatis nostrae proborumque hominum. Habentesque certam notitiam ex dilactione quorundam fide dignorum esse in terris nostris Podlassensibus non paucos, qui impune talia facinora perpetrarent, quibus et diuina prouocat ira et superioritas nostra contra leges et condita publica offendant. Qua re nos, volentes talibus malis contraire, officium seu munus instigationis nostrae in illis terris nostris Podlasensibus, nempe Drohiciensi Mielniciensi, Belscensique, generoso Melchiori Nieciecki, cuius dexteritas nobis probata est, committentes, dantes et conferentes, duximus, committimusque, damus et conferimus praesentibus». Далѣе королевская грамота приказываетъ всѣмъ обитателямъ Подляшскихъ земель—старостамъ, врандикамъ и всѣмъ обывателямъ признавать упомянутаго Нѣдѣцкаго «pro vero instigatore causa-

---

sanctae Catherinae cittationem mandati S—ae Regiae Maiestatis ex parte eiusdem maiestatis Regiae et instigatoris ipsius super nobiles . . . ». Лит. Метр. III А $\frac{1}{8}$ л. 33—33 об.

¹⁾ Д. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 163.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{III A}{8}$ л. 18 об.—19.

rum omnium nostrarum in illis terris». Итакъ, должность инстигатора имѣетъ своимъ назначеніемъ защиту мирныхъ и исполняющихъ законъ Бога и государя обывателей отъ дурныхъ и преступныхъ. Это своего рода прокуроръ, обязанный бороться съ преступностью и беззаконностью въ гражданской жизни великаго княжества Литовскаго ¹⁾).

Для записыванія различныхъ справъ, привилеевъ, листовъ, универсаловъ и т. д., ихъ составленія, переписыванія и внесенія въ книги, а также для всякихъ вообще канцелярскихъ нуждъ самого короля лично и его двора существовалъ цѣлый рядъ писарей, имѣвшихъ самыя различныя назначенія. Въ ряду дворныхъ писарей королевскихъ первое мѣсто занимаютъ секретари. Привилей на секретарство, данный Яну Богушевичу Овсяному Стефаномъ Баторіемъ въ Торунѣ, 30 ноября 1576 года ²⁾, говоритъ, что король имъ даетъ «врадъ секретарский въ раде» своей «такъ в коруне Польской, яко и въ великомъ князстве Литовскомъ». На этотъ врандъ, гласитъ далѣе отъ имени короля привилей, секретарь «и присягу звычайемъ посполитымъ до рады наше вѣчинилъ. Маеть Янъ Богушевичъ Овсяный тотъ врандъ секретарский держати до живота своего и, што-кольвекъ его секретарскому уряду належитъ, зѣвлаща, што от насъ господара альбо отъ пановъ-рандъ нашихъ великаго князства Литовскаго и одъ пановъ печатаровъ нашихъ будетъ злецоно, того онъ, перестерегаючи, веръне намъ господару и речи посполитое служити будетъ повиненъ, маючи вольный приступъ до рады наше, уживаючи всякое учтивости такъ, яко и иные секретари наши великаго князства Литовскаго здавна на тыхъ врандахъ бывали ся и справовали». Итакъ, секретарь это такой письменоводитель, или «писарь», которому поручаются

¹⁾ Г. Вольфъ (Sen. i dign. Str. 218) напрасно считаетъ инстигаторовъ членами дворнаго суда Литовскаго—они лишь бывали на судѣ, если этого требовало веденіе ими того, или другаго дѣла, но бывали въ качествѣ «стороны», а совсѣмъ не членовъ суда. Вообще, г. Вольфъ совершенно напрасно сливаетъ въ своей характеристикѣ инстигаторовъ Короннаго и Литовскаго. Что касается до вице-инстигаторовъ, то намъ они совершенно не встрѣтились въ источникахъ изслѣдуемаго періода времени.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 86 об.—87: «привилей Яну Богушевичу Овсяному на врандъ секретарский». Ср. также Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 281 («Na Secretarstwo Рапу Czizowу») и Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 1—1 об. («Прывилей урожоному Ерониму Маковецькому на секретарство»).

самыя серьезныя государственныя дѣла королемъ, панами-радами и хранителями печати государственной и который по своему положенію имѣеть право входа въ засѣданія рады, конечно, для исполненія канцелярскихъ обязанностей, а вовсе не для участія въ ея совѣщаніяхъ. Секретари въ великомъ княжествѣ Литовскомъ существовали уже задолго до Люблинской Уніи ¹⁾. Соединеніе секретарства съ другимъ вѣдомъ было явленіемъ совершенно обычнымъ. При этомъ соединялось оно и съ вѣдомъ дворнымъ ²⁾, и съ вѣдомъ повѣтовымъ ³⁾. Назначеніе въ секретари обыкновенно дѣлалось уже послѣ болѣе или менѣе продолжительной службы, въ награду за нее, по словамъ привилеевъ. Такъ «уроженный» Геронимъ Маковецкій былъ пожалованъ въ секретари 20 марта 1574 года королемъ Генрихомъ ⁴⁾ по свидѣтельству пановъ-радъ ⁵⁾ о службахъ его, которыя онъ при предшественникахъ Генриха, «будучи спосыланъ в посельствахъ и справахъ великоважныхъ тыхъ обудвух паньствъ, коруны Польское и великого князства Литовского, до королей ихъ милости хрестияньскихъ, Дуньского, Шведского и до королевны ей милости Анъкгельское, такъже до кнежатъ Режъскихъ, завжды годне и пожиточне, не литуючи утратъ маетности своее, часъ не малый служилъ и на всемъ в службахъ своихъ противко королю его милости пану своему и речи посполитой верне и пристойне се заховалъ». Король дѣлаеть назначеніе, имѣя «ласкавый взгляд на заслуги» Геронима Маковецкаго ⁶⁾.

¹⁾ Нпр., А. Ю. и З. Р. I. №№ 56 (1510 г.), 64 (1516 г.) и др. акты.

²⁾ Нпр., секретарь и писарь—А. З. Р. III. № 17, А. Ю. и З. Р. I. №№ 151, 173.

³⁾ Нпр., «писарь и секретар нашъ (Сигизм. Авг.), староста Мельницкий, войсковый Дорогицкий, панъ Матей Савицъкий» (1568 г.)—Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 23 об. и сл. Секретарь кор. подкоморій Новгородскій—А. З. Р. III, № 48. IV (1569 г.). Секретарь королевскій, писарь земскій Виленскій, Андрей Мацковичъ. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 1 об. и сл. 84, 85. Секретарь королевскій, ключникъ Троцкій, панъ Матвѣй Протасовича Островецкій. Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 40.

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 1—1 об.

⁵⁾ Виленскаго воеводы Николая Радивиля, Жомойтскаго старосты Яна Ходкевича, маршалка дворнаго Литовскаго Николая Криштофа Радивиля.

⁶⁾ «маючи ласкавый взгляд на заслуги вперед речоного Еронима Маковецкаго, вѣд секретарскій в паньствѣ нашомъ великомъ князствѣ Литов-

Подобно всякому другому должностному лицу, секретарь могъ получать отъ короля пожалованія державами и имѣніями ¹⁾, какъ и денежнымъ жалованьемъ ²⁾ Бывали случаи и откомандированія секретаря для занятій въ скарбъ, въ распоряженіе подскарбія земскаго. Такъ, въ грамотѣ земскому подскарбію Николаю Нарушевичу, данной въ Краковѣ 13 мая 1574 года ³⁾, король Генрихъ говоритъ, что передъ нимъ «поведилъ» секретарь его, писарь земскій Виленскій, Андрей Мацковичъ, что еще король Сигизмундъ Августъ, «взявши его до службъ своихъ господарьскихъ» назначилъ ему «юркгельту» изъ скарба по 100 копъ грошей Литовскихъ въ годъ. Однако, подскарбію земскій отказалъ ему въ выдачѣ этихъ денегъ за 1573 годъ, а также и на будущее время. Далѣе королевская грамота продолжаетъ: «ино ажъ есмо ему поручили, абы онъ на всякие sprawy и потребы скарбу нашего господарьского, где бы того потреба указовала, за посланьемъ твоей милости, пане подскарбий, ездилъ». Прикомандировывая Мацковича къ земскому скарбу, король назначаетъ ему тѣ самыя 100 копъ грошей юргельту,

скомъ ему есмо дали и нанъ преложили, которого вряду секретарского Еронимъ Маковецький такъ в раде нашой, яко и в ынъшихъ мѣстѣцахъ уживаючи и въсякое учъстивости, тому вряду належачое, не опускаючи, маеть намъ господару и речи поспѣлитой водле повинъности вряду своего секретарского верне и пожиточне служити потому, яко и инъшие секретари на дворе нашомъ тыхъ врядовъ своихъ уживають».

¹⁾ Нпр., «прывилей секретару и старосте Тыкотинскому Лукашу Кгоръницкому на Василково доживотне». Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. 9 и сл.

²⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 223 об.: «Secretario R. M. Andreae Spil stipendium annuum.—Stephanus Dei gratia rex Poloniae magnus dux Lithuaniae etc. Significamus praesentibus literis nostris quorum interest, uniuersis et singulis. Quia nos nobili Andreae Spil secretario nostro stipendium annuum ex tesauromagni Ducatus Lithuaniae ad numerandum centum nimirum et viginti sexagenarum Lituanicarum dedimus et assignauimus, ipse uero negotia nostra in Magno Ducatu Lithuaniae vel in prouincia Liuonica, quo ei commitentur fideliter tractare, promouere et conficere pro facultate debet in aulaque nostra et, si commorari non tenebitur, vocatus tamen comparebit mandataque nostra ubique faciet. Proinde tesaurario nostro terrestri magni ducatus Lithuaniae mandamus memoratam summam a festo circumcisionis Domini incipiendo annis singulis dicto Andreae Spil numeret numerarique faciat, quod nos in rationibus refferendis probaturi admissurique sumus. In praemissorum fidem praesentes sigillo nostro Magni Ducatus Lithuaniae consignare iussimus. Datis Bidgoscii die XX Februarii Anno Domini MDLXXVII. Stephanus rex».

³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 85—86.

которыя были ему пожалованы еще Сигизмундомъ Августомъ, но которыя отказался теперь выдавать ему Нарушевичъ. Такимъ образомъ, Генрихъ нашелъ выходъ изъ того страннаго положенія, въ которое была поставлена королевская прерогатива отказомъ подскарбія подчиняться распоряженію Сигизмунда Августа. Онъ предписываетъ Нарушевичу выдать Мацковичу пожалованный ему юргельтъ и за 1573 годъ. Однако, получая въ свое распоряженіе королевскаго секретаря за юргельтъ, который будетъ ему теперь выплачиваться скарбомъ, подскарбій долженъ будетъ еще оплачивать его поѣздки по скарбовымъ дѣламъ. Въ самомъ дѣлѣ, грамота говоритъ далѣе подскарбію: «одножъ абы твоя милость и по немъ (sic) иные подскарбіе наши, на всякие sprawy и потребы скарбу нашего его отправуючы и посылаючы, особливе кромъ того юргельту его, ему поступленого, на страву зъ скарбу нашего его отъправуючы и посылаючы особъливе кромъ того юргельту водле важности дороги и уважаючы мешкане его на таковыхъ справахъ скарбовыхъ ему за симъ листомъ нашимъ давали, а то все вамъ при квите его на личьбе приимовано будетъ».

Если секретари имѣли право входа въ засѣданія рады королевской ¹⁾ и являлись такимъ образомъ дѣлопроизводителями, писарями высшаго, такъ сказать, разряда, то и писари государевы пользовались весьма высокимъ значеніемъ. Соединеніе должности государева писаря съ достоинствомъ сенатора ²⁾ было дѣломъ нерѣдкимъ, какъ и соединеніе ея съ врядомъ подскарбія дворнаго ³⁾, маршалка ⁴⁾, подканцлера ⁵⁾, или врядника повѣтоваго ⁶⁾. Равнымъ образомъ случалось, что одно и то же лицо было одновременно и секретаремъ и писаремъ королевскимъ ⁷⁾. Рядомъ съ писарями встрѣчаемъ также дьяковъ, которые, повидимому, являлись писцами канцеляріи, или вообще чиновниками, болѣе низкаго значе-

¹⁾ Бывали, однако, случаи, когда дѣла и вопросы, обсуждавшіеся въ радѣ являлись настолько серьезными и секретными, что даже секретари удалялись изъ нея. См. Дневн. посл. пох. Стефана Баторія, стр. 99.

²⁾ Нпр., А. Ю. и З. Р. I. № 173. А. З. Р. III. №№ 67, 68, 107, 117, 135. Относительно соединенія подскарбства съ писарствомъ и его происхожденія см. *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 402 и сл.

³⁾ Нпр., А. З. Р. III. №№ 46, 48 II, 48 III, 48 IV, 50.

⁴⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 34, или А. Вил. XIII. Стр. 31.

⁵⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 145.

⁶⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 77. А. Ю. и З. Р. I. № 151.

⁷⁾ Нпр., А. Ю. и З. Р. I. №№ 151, 173.

нія, чѣмъ писари ¹⁾. Однако, иногда акты отождествляютъ оба эти названія, т.-е. и дьяка, и писаря ²⁾. Тутъ, кромѣ того, нужно замѣтить, что слово дьякъ употребляется актовымъ языкомъ въ двойномъ значеніи—писца, или писаря, и дьяка, причетника церковнаго ³⁾.

Въ кругъ обязанностей и дѣятельности государева писаря прекрасно вводитъ текстъ его присяги, приносимой по должности ⁴⁾. Вотъ эта присяга въ переводѣ на Русскій языкъ. «Я (имя) присягаю Всемогущему Богу, Творцу неба и земли, въ томъ, что на семъ вѣрѣ писаря королевскаго государю своему милостивому буду вѣренъ во всемъ, что будетъ мнѣ ввѣрено его королевскою милостью или канцеляріею его. Буду это вѣрно хранить и никому не открою и не повѣрю тайны. Людямъ, нуждающимся въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ (odprawa) канцеляріи королевской не буду чинить притѣсненія, не буду дѣлать ничего противнаго праву и справедливости человѣческой, ни противозаконно измѣнять (ubliżac) всякія пожалованія (daniny) и не иначе, а только согласно приказанію его королевской милости и печатарей великаго княжества Литовскаго буду писать и исполнять (odprawowac). Какъ мембрановъ такъ и листовъ пергаменныхъ не буду никому выдавать безъ воли его королевской милости и королевскихъ печатарей. Все полезное и вредное для его королевской милости буду не укрывать, но со всею правою и цѣлою вѣрностью буду доносить и предупреждать для его королевской ми-

¹⁾ Примѣры упоминаній дьяковъ—Акты *Леонтовича*. I. I. №№ 308, 316. О дьякахъ см. *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ, стр. 391, 392, 393 и др. и *С. Л. Птлшицкій*. Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики. СПб. 1887. Стр. 5.

²⁾ А. З. Р. III. № 53 (1571 г.) «Дьяка канцлерыи нашею Коронноѣ Евтиха Васильевича Высоцкого»—такъ говорится въ самомъ документѣ. Въ заглавіи же его читаемъ: «доживотье на Межигорьскій монастырь въ Кіевѣ и на землю, альбо городище Вышегородское, тежъ въ Кіевѣ, отъ замку Кіевского въ дву миляхъ, Евтихови Васильевичу Высоцкому, писарови канцлерыи Коронноѣ Рускихъ справъ».

³⁾ Нпр., Акты *Леонтовича* I. I. № 28. А. З. Р. III. № 140.

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 3 об.—4. Та же присяга—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 304.

Текстъ послѣдней исправляетъ слова первой—«przez woli Jego Kro. Mści» въ «bez woli . . . » что даетъ смыслъ фразѣ, не имѣющей его по тексту книги

$\frac{\text{III A}}{8}$. Форма присяги писаря господарскаго 1522 года—см. Акты Литовско-Русскаго государства, изданныя *М. Довнаръ-Запольскимъ*. I. М. 1900 № 156.

лости и речи посполитой великаго княжества Литовскаго. Въ этомъ да поможетъ мнѣ Богъ».

Итакъ, писарь королевскій работаетъ въ государственной канцеляріи. Онъ дѣйствуетъ въ ней, однако, не какъ лицо, самостоятелно ведущее дѣла, а лишь исполняя приказанія короля и печатарей, т.-е. канцлера и подканцлера Литовскихъ. Писарь составляетъ бумаги и документы, выходящіе изъ канцеляріи Княжества; онъ же ведетъ и книги ея, представляющія изъ себя копии съ бумагъ, выходящихъ изъ нея, то, что на канцелярскомъ языкѣ нашего времени называется «отпусками». Книги Литовской Метрики, сохранившіяся до нашего времени, въ большей своей части и являются книгами, составленными изъ этихъ отпусковъ канцеляріи. Нѣкоторыя изъ нихъ цѣликомъ заключаютъ въ себѣ документы sprawy одного и того же писаря ¹⁾, другія — различныхъ ²⁾. Иногда въ книгахъ встрѣчаемъ документы подъ которыми вмѣсто подписи писаря красуется подпись самого пана печатаря. Такъ, привилей Евстафію Воловичу на Виленское каштелянство скрѣпленъ такою подписью: «Christophorus Radziwił castellanus Trocensis, vicescancellarius et campiductor Magni Ducatus Lithuaniae ³⁾. Все это заставляетъ признать, что не было общимъ правиломъ, чтобы каждый писарь имѣлъ свою особую книгу, въ которую онъ вносилъ бы копии со всѣхъ грамотъ, вышедшихъ изъ-подъ его пера, а просто документы вписывались въ ту книгу, которая была подъ рукою. Часть книгъ архива Княжества, т.-е. Метрики Литовской, возилась обыкновенно за королемъ. Это видно не только изъ того, что въ одной и той же книгѣ встрѣчаются даты документовъ, различныя по мѣсту датированія ⁴⁾, но и изъ прямого свидѣтельства источниковъ. Подтверж-

1) Нпр. Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ — писаря Базыліуша Древиньскаго.

2) Нпр. Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ На 2-мъ листѣ этой книги читаемъ такую подпись: «Матей Савицкий, каштелян Подляскій, писарь господарьскій» (также л. 3 и др.); а на листѣ 16 об.: «Лавринъ Война подскарбий и писаръ»; на л. 18: «Михайло Гарабурда писаръ»; на л. 62 об.: «Андрей Иванович писаръ» и т. д.

3) Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 1 об.

4) Вотъ, напримѣръ, города, которыми датированы документы книги $\frac{I A}{49}$ Литовской Метрики: Городна, Кнышинъ, Бѣльскъ, Кнышинъ, Люблинъ, Кнышинъ, Городна, Кнышинъ, Варшава, Люблинъ, Воинъ, Люблинъ, Кнышинъ, Вильна, и т. д.

дая на Виленскомъ съѣздѣ 1580 года привилей, данный Полоцкимъ обывателямъ Сигизмундомъ Августомъ по листамъ великихъ князей Казимира и Александра, Стефанъ Баторій въ своемъ листѣ «потверженя права шляхце целой воеводѣства Полоцкаго» говоритъ: «а которых метрыкъ канцелярейских, зъвлаща давныхъ справ, на сесь час у Вилни при канцлерыи нашей не было, тогда и напотомъ што ся колвекъ давныхъ справ, потребъ, правъ и волностей, всей земъли Полоцкой належачих, тамъ покажетъ и чого коли они з метрык потребовати будутъ, то все в канцлереи нашей шляхте Полоцкой выдавано быти маеть ¹⁾).

Въ книги канцеляріи Литовской вписывались листы самаго различнаго характера — и привилей на должности и имѣнія, и универсалы, и сеймовые листы, и судовые акты, и всевозможные виды другихъ документовъ. При этомъ въ одной и той же книгѣ можно встрѣтить самые различные документы. Лучшимъ образцомъ такого смѣшенія въ одной книгѣ самыхъ различныхъ категорій документовъ является *подлинная* книга Литовской Метрики, находящаяся въ ней подъ № 65-мъ въ разрядѣ «Записей Литовскихъ» ²⁾. Здѣсь встрѣчаемъ и привилей на должности, и листы въ повѣты, и документы по подготовкѣ сеймиковъ повѣтовыхъ, и справки судовыя королевскаго дворнаго суда, и документы главнаго Литовскаго сеймика, и акты безкоролевья послѣ смерти Баторія, и образцы присягъ, и т. д. Въ книгу, несомнѣнно, вписывалось все, что представлялось въ канцелярію, или выходило изъ нея, безъ всякаго разбора документовъ на какія-либо группы по содержанию.

Но вернемся къ обязанностямъ писаря, какъ ихъ рисуетъ его присяга. Мы видѣли, что онъ вѣдаетъ мембраны и листы пергаменные, выходящіе изъ королевской канцеляріи. Подъ мембраномъ вообще разумѣется документъ, писанный на бумагѣ и скрѣпленный печатью и подписью ³⁾. Такимъ образомъ, писарь выдаетъ изъ канцеляріи листы, писанные и на бумагѣ, и на пергаментѣ, т.-е. всѣ, выходящіе изъ нея. Подпись писаря считалась доказа-

¹⁾ Кор. Метр. М. Арх. М. Юст. $\frac{I B}{22}$ л. 77.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$. См. С. Л. Пташукій. Описание книгъ и актовъ Литовской Метрики. Спб. 1887. Стр. 89.

³⁾ См. А. Вил. XXVI. № 587. Ср. также — *ibidem*, № 11, или А. Вил. XVII. № 1010.

тельствомъ подлинности документа, и нерѣдко документу отказывалось въ признаніи, если онъ былъ «безъ подпису не только короля его милости, але и писарского» ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, подпись писаря подъ документомъ необходима, какъ скрѣпа его; король лишь подписываетъ документъ, а «справа» его — дѣло писаря ²⁾. Писарей бывало по нѣскольку въ одно и то же время, да иначе и быть не могло при массѣ дѣлъ, которыя приходилось вести канцеляріи по управленію государствомъ и по суду королевскому. Въ награду за свою службу писари государевы Литовскіе получали и державы, и имѣнія, и юргельты ³⁾.

Кромѣ писарей, правительству великаго княжества Литовскаго необходимы были и толмачи. Толмачи были нужны прежде всего для переговоровъ съ послами, особенно Восточными ⁴⁾; что касается до пословъ Западно-Европейскихъ и Московскихъ, то, конечно, спеціальныя толмачи не были тутъ необходимою, ибо языки Латинскій и Русскій не могли оказаться неизвѣстными Литовскимъ правительственнымъ лицамъ. Но толмачи фигурируютъ и въ сношеніяхъ короля съ нѣкоторыми его подданными, а именно Татарами Литовскими. Трудно сказать, осталось ли это простымъ пережиткомъ того времени, когда Литовскіе Татары еще были вновь на территоріи Княжества, а потому и не знали его государственнаго (Русскаго) языка, или же дѣйствительно часть Татаръ не вполне еще владѣла имъ, хотя Татары и являются совершенно обычными истцами, отвѣтчиками и заявителями въ судахъ Литовскихъ, всегда изъясняясь на Русскомъ языкѣ. Какъ бы то ни было, когда въ 1563 году были посланы Литовскимъ Татарамъ королевскіе листы, «абы с почты своими ехали и збирались в Ганушишках, а оттоль тягнули до замьку его королевское милости Волмера», то Татарскому хоружію Новгородскаго

¹⁾ А. Вил. VI. Стр. 225.

²⁾ Актовый языкъ иногда отгѣняетъ это. Нпр., «тотъ привилей sprawy пана Матея Савицького, писаря короля его милости». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 83.

³⁾ Нпр., «потверженье писару его королевское милости пану Аньдрею Ивановичу листов его королей их милости Жикгимоньта Августа и Генриха на юркгелту двесте копъ грошей, в каждый год належачых». Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 76.

⁴⁾ Нпр., толмачи, сопровождавшіе пословъ Перекопскихъ. *М. В. Довнаръ-Запольскій*. Литовскія упоминки Татарскимъ ордамъ. Симферополь. 1898. Стр. 72 и др.

повѣта и князьямъ, уланамъ, мурзамъ и всѣмъ Татарамъ, «которые именья и оселости свои у стягу того хоружьства мають», понесъ такой листъ «толмач его королевское милости Мухоедимъ»¹⁾. Акты судовъ и королевскіе привилеи также знаютъ толмачей Татарскихъ²⁾, и вообще толмачъ—явленіе совершенно обычное въ Литовскихъ актахъ³⁾.

Врядники, которыми мы занимались до сихъ поръ, имѣли опредѣленное назначеніе, и каждая группа ихъ была приурочена къ тому, или другому дѣлу. Но былъ разрядъ лицъ, служившихъ королю въ самыхъ различныхъ видахъ дѣятельности, хотя и носившихъ общее названіе слугъ или служебниковъ королевскихъ. Въ этомъ разрядѣ слугъ государевыхъ встрѣчаемся съ людьми различныхъ общественныхъ группъ Княжества, различныхъ религій, различныхъ національностей. Рядомъ съ шляхтичемъ, получающимъ даже потомъ врьадъ⁴⁾, можно было встрѣтить въ качествѣ королевскаго слуги жида⁵⁾, рядомъ съ Татарскимъ царевичемъ⁶⁾—Москвитянина, выѣхавшаго «на ласку» государеву «съ земли Московской»⁷⁾. Понятіе слуги государева весьма широко. Слугою государевымъ можетъ быть и докторъ⁸⁾, и цирульникъ⁹⁾,

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 5. Толмачи далеко не всегда носили магометанскія имена. См., нпр., Акты *Довнаръ-Запольскаго*. I, стр. 32: «толмачу Илясу, сыну Василья Хребтовича».

²⁾ Нпр., А. Вил. XVII № 351. А. Ю. и З. Р. I. №№ 71, 156, 161.

³⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 49. А. Ю. и З. Р. I. №№ 71, 156, 161.

⁴⁾ Нпр., Фронцъ Жукъ. Лит. Метр. $\frac{\text{IA}}{57}$ л. 70 об. — 71 об. («Лист пану Жуку на писарство полное у великомъ князстве Литовскомъ». Дата: Краковъ, 8 мая 1574 года).

⁵⁾ Нпр., А. Ю. и З. Р. I. № 209.

⁶⁾ Нпр., Сигизмундъ Августъ «дати былъ рачиль добре заслужоному слуге своему, Исляму царевичу Пуньскому сельцо Подлипье». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 41.

⁷⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 159.

⁸⁾ Нпр., въ грамотѣ Стефана Баторія, данной въ Вильнѣ 10 іюня 1580 года (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 34 об., 35) читаемъ: «билъ нам чолом слуга и доктор нашъ Матыяс Ункторыус».

⁹⁾ Нпр., Лукашъ Вольфъ, часто упоминаемый въ Лит. Метрикѣ (нпр., $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 2 об.—4 об., 19 об.—21 об. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 88—89).

и жидъ-мытникъ ¹⁾, и человекъ военный ²⁾, и мѣщанинъ, служащій военную службу ³⁾. Положеніе слуги государева отъ положенія врядника прежде всего отличается тѣмъ, что первый служитъ лишь до тѣхъ поръ, пока этого желаетъ государь, а второй занимаетъ свою должность до «живота» или «до вывышенья», т.-е. пожизненно, или до новаго высшаго назначенія. Поэтому со смертію короля и со вступленіемъ на престолъ новаго государя, слуга можетъ и не сохранить своего прежняго положенія. Въ самомъ дѣлѣ, когда вступилъ на престолъ король Генрихъ, то онъ вновь, на примѣръ, принимаетъ «до службъ» своихъ Лукаша Вольфа, цирульника покойнаго короля, Сигизмунда Августа, дѣлая при томъ это «за залеценьемъ некоторыхъ пановъ-радъ» ⁴⁾. Принятый королемъ на службу «слуга и цируликъ» его сразу обратился къ нему съ просьбою освободить его домъ въ Вильнѣ «отъ стояня гостей всякаго стану» и о разрѣшеніи ему, «яко слуге» государеву, какъ въ Вильнѣ, такъ и въ другихъ городахъ, «тамъ, где бы и коль онъ похотелъ, такъ при бытности, яко и в небытности» короля, своего ремесла «добровольне, без цеху бальверского и въсякихъ повинностей цеховыхъ уживати было вольно». Король исполнилъ просьбу своего слуги, далъ ему освобожденіе отъ цеха, а также исполнилъ его просьбу и относительно его Виленскаго дома (для него, его жены и потомства), выговаривая лишь то, что «Лукашъ и потомки его с того дому всякие повинности местъскіе, которые до того часу з него бывали, на ратушъ Виленскій полънити, в присуде и послушенствѣ вряду местъского Виленского быти мають вечно» ⁵⁾. Въ награду за свою службу слуги государевы получали и земельныя дачи. Такъ, слуга Сигизмунда Августа, Яцко Богдановичъ Быстрейскій, «который в тыхъ часехъ з везенья и з рукъ неприятельскихъ, з Москвы, до» короля, «пана своего вышолъ», былъ пожалованъ королевскою грамотою, данною 9 ноября 1569 года въ Кнышинѣ, «хлебокормленьемъ»—33 волоками въ селѣ Кулбакахъ Лидской волости «до очищенія именей его Полоцкихъ» ⁶⁾, какъ давались хлѣбокормленья и другимъ Полоцкимъ обывателямъ, земли которыхъ были захвачены Мо

¹⁾ Нпр., А. Ю. и З. Р. I. № 190.

²⁾ Примѣры см. ниже. ³⁾ А. З. Р. III. № 83.

⁴⁾ Николая Юрьевича Радивиля, Евстафія Воловича, Яна Ходкевича и Николая Криштофа Радивиля.

⁵⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 2 об.—4 об. ⁶⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 49.

сквою. Чтобы покончить со слугами королевскими, укажемъ на то, что сохранились и листы-пожалованія въ званіе слуги государева ¹⁾.

Въ числѣ общественныхъ группъ великаго княжества Литовскаго королевскіе универсалы выдѣляютъ дворянъ государевыхъ ²⁾. Самое выдѣленіе ихъ въ обращеніяхъ королевскихъ къ обывателямъ Княжества уже говоритъ о ихъ многочисленности. Слово дворянинъ, очевидно, происходитъ отъ слова дворъ. Такимъ образомъ, дворяне — дворные люди ³⁾. Какъ таковые, они могли быть и у государя, и у частнаго лица. И въ самомъ дѣлѣ источники знаютъ рядомъ съ дворянами господарскими дворянъ частныхъ лицъ ⁴⁾. Къ числу дворныхъ людей, несомнѣнно, принадлежали и дворные бояре вродѣ Костюшки Валюжинича, получившаго 1 сентября 1395 года отъ Мстиславскаго князя Лугвенія «кгрунтъ, названный Валюжинскій» ⁵⁾. Въ XV вѣкѣ «дворянинъ» встрѣчается въ актахъ Литовскихъ ⁶⁾, также какъ и въ XVI столѣтіи. Но дворянъ нужно отличать отъ «челяди дворной», также извѣстной источникамъ ⁷⁾. На дворянъ возлагались различныя порученія довольно серьезнаго значенія, во всякомъ случаѣ службы высшаго порядка, а не та черная работа, которая была дѣломъ челяди. Личный составъ дворянъ XV вѣка, какъ и послѣдующаго времени, ни въ какомъ случаѣ не можетъ позволить думать о низкомъ значеніи дворянина въ Литвѣ, такъ какъ въ числѣ ихъ встрѣчаемъ и князей ⁸⁾, и сыновей подскарбія ⁹⁾. Порученія, которыя давались дворянамъ въ XV и первой половинѣ XVI вѣка бывали «увязанья» въ жалуемыя имѣнія ¹⁰⁾, или монастыри ¹¹⁾, поѣздки по королевскому приказу «для лепшого справедливости» справу «доведати» и потомъ «отказати» государю ¹²⁾, завѣдываніе построй-

¹⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 190.   ²⁾ Нпр., А. Ю. и З. Р. I. №№ 113, 173.

³⁾ Ср. В. И. Сергѣевичъ. Русскія Юрид. Др. Т. I. Стр. 423.

⁴⁾ Нпр., «Гришко Андреевичъ, дворянинъ пана Юрья Николаевича, старосты Городенскаго». А. Вил. XVII. № 249 (1540 г.) и др. Какъ примѣръ конца XVII вѣка (1685 г.): «дворянинъ пана Матусевичовъ Мавловичъ». Ист.-Юр. Мат. III. Стр. 63.

⁵⁾ А. Вил. XIII. Стр. 3—4.

⁶⁾ Нпр., Акты Леонтовича. I. I. №№ 16 (1454 г.), 20 (1461—1481 г.).

⁷⁾ Нпр., Акты Довнаръ-Запольскаго. I. Стр. 33.

⁸⁾ Ibidem, № 51.   ⁹⁾ Вил. Арх. Сб. V. Стр. 3.

¹⁰⁾ Нпр., Акты Леонтовича. I. I, № 20.

¹¹⁾ Нпр., А. Ю. и З. Р. I. I. №№ 80, 82.

¹²⁾ Акты Довнаръ-Запольскаго. I. № 47. Ср. ibidem, № 63.

кою мостовъ ¹⁾ и т. д. Къ характеристикѣ дворянства этого времени важно еще прибавить, что дворяне черезъ свою службу на дворѣ вовсе не переходили изъ одного общественнаго класса въ другой, а лишь принимали на себя службу на дворѣ государевомъ, оставаясь попрежнему въ той общественной группѣ, къ которой они принадлежали по своему происхожденію и по своей «осѣлости». Такъ, Пинскій князь Феодоръ Ивановичъ Ярославичъ, жалую своему служебнику Ованасу Самойловичу дворище, говоритъ въ своей грамотѣ, ему выданной, что онъ «маеть» ему съ этого дворища «служыти, какъ который дворанинъ земенинъ» ²⁾. Королевѣ Бонѣ «билъ» о своей вотчинѣ «чоломъ дворенинъ короля его милости, бояринъ» королевы «Пинскій, Олизаръ Дмитріевичъ» ³⁾.

Имѣя ввиду все, только что сказанное о дворянахъ, мы можемъ перейти къ изображенію ихъ въ седьмомъ и слѣдующихъ десятилѣтіяхъ ХVІ вѣка. Городенскій сеймъ 1567 года ⁴⁾ ввиду военныхъ потребностей Княжества постановилъ, чтобы въ течение двухъ лѣтъ при канцеляріи королевской оставалось дворянъ «для розсыланья до потребъ и з листы» только по 20 человекъ, и то такихъ, которые выставляють на войну небольшіе почты (въ три, самое большое — въ четыре коня); всѣ же остальные дворяне должны ѣхать на войну и становиться къ военной службѣ подъ дворною хоруговью. Сеймъ отличаетъ при этомъ дворянъ Литовскихъ отъ дворянъ, служащихъ на дворѣ «за пенези». Послѣдніе на государевомъ дворѣ служатъ «с почтами за пенези», имѣя «кони пописанные». Такимъ образомъ существовали двѣ категоріи государевыхъ дворянъ. Одни находились при канцеляріи великаго княжества Литовскаго для различныхъ административныхъ нуждъ и разноса листовъ канцелярійскихъ; другіе служили на дворѣ военную службу, получая за нее деньги за свои почты. По своимъ имѣніямъ, независимо отъ службы дворной, и тѣ, и другіе подлежали земской военной службѣ, какъ и всѣ остальные обыватели Княжества. Награждая дворянина за службу его, король обыкновенно говорилъ въ своемъ привилеѣ, что онъ это дѣлаеть за вѣрныя и «цнотливыя послуги» своего дворянина, «которыми он от немалого часу, на дворе» королевскомъ «будучи, и в послугахъ»

¹⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 100.

²⁾ Ревизія пуццъ и переходовъ звѣриныхъ. Стр. 261.

³⁾ Ibidem. Стр. 65. О Полоцкихъ городскихъ дворянахъ см. *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 814.

⁴⁾ Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 458—459.

государевыхъ «верне ся заховываючи, заслуговал ласку» королевскую ¹⁾. Что касается до «послугъ», которыми служилъ дворянинъ королевскій, то акты сохранили очень много для ихъ характеристики. Дворянинъ передавалъ староства и державы во владѣніе и управленіе вновь назначенному старостѣ, или державцѣ, какъ было, на примѣръ, «за росказаньемъ и листы» Сигизмунда Августа «подано» Могилевское староство дворяниномъ королевскимъ Константиномъ Кунцевичемъ подстолю Литовскому пану Андрею Ходкевичу ²⁾. Дворянинъ королемъ посылается «въвезати» новаго державцу въ жалуюемую ему державу ³⁾. Передавая державу, дворянинъ вручалъ новому державцѣ инвентарь ея ⁴⁾, а также свой листъ «увяжчій», бывшій доказательствомъ введенія его въ обладаніе державой, пожалованной королемъ ⁵⁾. Случалось, что дворянинъ посылался для «отправы» приговора судоваго въ той или другой суммѣ, присужденной на отвѣтчикѣ высшимъ судомъ ⁶⁾. Бывали, конечно, случаи, когда дворяне встрѣчали и сопротивленіе своимъ дѣйствіямъ по вводу въ обладаніе державою или имѣніемъ ⁷⁾. Кромѣ порученій по вводу въ державу, или имѣніе дворяне высылались со двора государева и по другимъ дѣламъ. Такъ, когда 15 ноября 1589 года Троцкій подкоморій Богданъ Огинскій вмѣстѣ съ королевскимъ ревизоромъ Иваномъ Мокуличемъ «за росказаньемъ и листомъ его королевское милости комисейнымъ» разсматривалъ спорное дѣло о землѣ между Троцкимъ земляниномъ паномъ Лавриномъ Савичемъ и державцою Волкиницкимъ, паномъ

¹⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 6 об. Ср. *ibidem*, л. 11, 11 об.—12, 76—76 об.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 109—110 об. (Подтвержденіе Генриха—6 мая 1574 года). Ср. *ibidem*, л. 67 об.: «якожъ за росказаньемъ и листы короля его милости тые дворы Ейшишъки, Вораны, Коневу и Дубичи черезъ дворянина его королевское милости Яна Васильевича ему суть поданы».

³⁾ Нпр., дворянинъ королевскій, «уроженный» Мальхеръ Райскій увязывалъ въ державу Шерешовскую пана Николая Дорогостайскаго. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 115 об.—116 об.

⁴⁾ Нпр., А. Вил. XIV. Стр. 297.

⁵⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 187 об.

⁶⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{II A}{61}$ л. 214 об.

⁷⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 24 (6 мая 1580 года).

Каспоромъ Клодинскимъ ¹⁾), войтъ Волкиницкаго мѣста «положилъ» передъ комиссарами «сознанье пана Фредрыха Ватриньского, дворянина его королевское милости, который былъ высланъ до державы Волкиницкое на поправу волокъ померы пана Юря Волчъка». Посылались дворяне и для завѣдыванія дѣломъ постройки мостовъ ²⁾), когда это вызывалось потребностями государства, посылались и для завѣдыванія работами по постройкѣ замковъ ³⁾). На повѣтовый сеймикъ также было удобно послать королевскаго дворянина, какъ посла государева съ «креденсомъ» ⁴⁾), удостоверяющимъ его посольство и съ инструкціей, или «наукой и злещенемъ посельства» ⁵⁾), документомъ, указывающимъ ему, какъ онъ долженъ дѣйствовать и что долженъ говорить отъ имени короля повѣтовымъ обывателямъ, собравшимся на сеймикъ. Отправляясь на сеймикъ, дворянинъ получалъ письменное приказаніе посольства отъ короля ⁶⁾).

Дворяне посылались королемъ наблюдать и за дѣятельностью державцы и исполненіемъ подданными ихъ повинностей, какъ, на примѣръ, былъ посланъ Сигизмундомъ Августомъ 15 мая 1569 года дворянинъ, «который того, ижбы вси люди з дворовъ помене-

¹⁾ Вил. Центр. Архивъ № 5931. Троцкаго подкоморскаго суда. Л. 37—39. Ср. «дворянинъ меръчый» А. Вил. XXIV № 224.

²⁾ Нпр., въ 7-ой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Литовской Метрики подъ датою 5 іюля 1563 года записано: «послано дворянина господарскаго Яна Пацовича для мошченья мостов, кгда войско Немецкое тягнути маеть тою дорогою с Ковна на Орло, на Обяны, на Ванголу, на Педю, на Шилайну, на Кейданы, на Белюну, на Криконово, на Линков село пани Виршиловое, на Жемели». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 12.

³⁾ Нпр., въ листѣ «о постановеню работы Тыкотиньское», данномъ Сигизмундомъ Августомъ въ Кнышинѣ 29 марта 1568 года (Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. 96 об.—97 об.), читаемъ: «якожь для того, ижъ бы им в посыланю тых людей до работы никоторое оменшканье не деяло, тогды есмо того догледати и непослушных, хто бы с подданных наших ку работе оменшкивал, выганяти рассказали дворянину нашому Секлицкому»—такъ говоритъ грамота державцѣ, съ державы котораго должны были высылаться рабочіе «для поспешное работы» королевскаго замка Тыкотинскаго.

⁴⁾ См., нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 11—11 об.: «креденсъ до князей, пановъ на соймикъ, до повету через дворянина посланный».

⁵⁾ См. *ibidem*, л. 16 об.—20 об.

⁶⁾ См. *ibidem*, л. 12: «листъ до дворянина, иж бы на соймик до повету посломъ ехалъ и тамъ водле листу посельство справовал».

ныхъ водле сего листу нашего кромъ жадного сплошенства выправени, дозрети маеть», какъ говоритъ королевская грамота ¹⁾. Рѣчь въ этой грамотѣ идетъ о доставленіи въ Кнышинъ для коней королевскихъ овсовъ съ волостей Мерецкой, Довговской, Перелайской, Сейвовъ и Лоздей, бывшихъ въ державѣ ловчія Литовскаго пана Григорія Воловича. Листы эти, адресованные на имя самого Воловича, или его намѣстниковъ на случай, если его самого не застанеть въ его державахъ государева грамота, посланы «черезъ дворанина его королевское милости Геркулеса Юрчынъскаго з Люблина до пана конюшого. А тые листы маеть роздати и з державъ, в листехъ помененыхъ, подвод выправить двор(енинъ) его королевское милости Грышко Ивановичъ, одно з Люблина посланы черезъ Юрчынъскаго до пана конюшого месеца мая 17 дня» ²⁾. Могли посылаться дворяне королевскіе и съ порученіемъ, «абы устава вчинена на товары всякие и мера на збожье под штрихъ такъ в местехъ» королевскихъ, «яко и панскихъ» ³⁾. Если король самъ отправлялъ нерѣдко то того, то другого изъ своихъ дворянъ «досмотрѣть», провѣрить, распорядиться, то эти послы по личному приказу государеву далеко не могли удовлетворить всей потребности командировокъ отъ правительства для наблюденія и контроля надъ державцами столовыхъ земель—староствъ и державъ. Вопросъ о правильномъ веденіи державцами хозяйства въ староставахъ и державахъ, безъ ущерба для государства и его скарба, прежде всего долженъ былъ интересовать земскаго подскарбія, какъ министра, вѣдавшего финансы государственныя. Для провѣрки и контроля державцевъ и собираемыхъ ими государственныхъ доходовъ подскарбію было необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное число лицъ, притомъ лицъ, достаточно авторитетныхъ, для разсылки ихъ по надобностямъ земскаго скарба, и, конечно, дворяне государевы были наиболѣе подходящими для этой цѣли людьми. Самъ король въ своемъ «отказѣ» на одну изъ просьбъ Жомойтской шляхты на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ дѣлаетъ предписаніе земскому подскарбію пользоваться дворянами для надобностей скарба ⁴⁾. Въ самомъ дѣлѣ, когда Жомойтская шляхта «оповедала» королю «на Рейнолтъ Кракова», державшаго отъ государя Коржды, Кретинку

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 31 об.   ²⁾ Ibidem, л. 32.

³⁾ Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 479.   ⁴⁾ Ibidem. Стр. 183, 184..

и Полонку, что онъ «нищить и убожить» подданныхъ королевскихъ, а шляхту и ея подданныхъ «на мытехъ и поборехъ убожить, недбаючи росказанья его королевское милости и уфалу соймовую, и ку тому гандлемъ своимъ великую шкоду речи посполитое делаетъ»,—король отвѣчалъ ей, что онъ «росказати рачилъ» земскому подскарбію, «абы его милость, яко подскарбий земскій», отправилъ «которого дворанина его королевское милости, человека доброго», въ Коржды, Кретинку и Полонку «и выведанье достаточное в томъ вделати ему велелъ». Но не только для посылокъ въ нуждахъ самого скарба требовались ему дворяне. Скарбъ разсылалъ королевскіе листы по Княжеству, а для этой цѣли ему были нужны дворяне, которые разносили бы ихъ по государству ¹⁾. Впослѣдствіи для дворянъ, находившихся въ распоряженіи скарба явилось и особое названіе — «дворанинъ скарбовый» ²⁾. Но не одинъ подскарбий земскій пользовался дворянами для нуждъ своего вряда. Другіе высшіе врядники Княжества также посылали ихъ по надобностямъ своихъ урядовъ. Такъ, 6 декабря 1576 года «постановившысе очевисте», государевъ дворанинъ, панъ Григорій Мартиновичъ Залусскій, «сознал до книг канцелярейских, иж дей онъ, будучы приданым зъ ураду от его милости пана, пана Виленского, маршалка навышшого великого князства Литовского», имѣя при себѣ «сторону» («людей добрых, меновите Войтеха Яворовского а Федора Василевича Токаревского»), вручилъ въ Торунѣ королевскій мандатъ Виленскому мѣщанину, пану Матвѣю Рудоминѣ ³⁾.

Въ награду за свою службу дворяне получали назначенія на вряды и земельныя пожалованія. Назначеніе дворанина на какой-нибудь повѣтовый врядъ — дѣло совершенно обычное. Такъ напримѣръ, дворанинъ королевскій Рафалъ Прокулей былъ назначенъ 13 апрѣля 1568 года войскимъ Берестейскимъ ⁴⁾, Григорій Вагановскій — въ 1570 году войскимъ того же повѣта ⁵⁾, Богушъ Алексѣевичъ Овсяный, дворанинъ королевскій, «оселый»

¹⁾ Нпр., «листы господарские посланы через дворенина господарского Павла Войниловича до старость, жебы дерево до Киева на будоване замъку Киевского спущчали». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 2.

²⁾ Нпр., Ист.-Юр. Мат. IX. Стр. 75 (1692 г.).

³⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{61}$ л. 18.

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 11.

⁵⁾ Ibidem. Л. 76—76 об.

въ Новгородскомъ воеводствѣ, получилъ 30 ноября 1576 года Новгородское подкоморство ¹⁾ и т. д. Земельныя пожалованія также были обычною наградою дворянина за его службу. 13 мая 1574 года въ Краковѣ передъ королемъ Генрихомъ «поведилъ» дворянинъ королевскій, «панъ Петръ Цыприскій, о томъ, ижъ король его милость славное памети Жикгимонтъ Августъ, предокъ» Генриха, «маючи ласкавое баченье на служъбы его и на брата его Азъ-рубала Цыприского, которими они з давныхъ часовъ на дворе короля его милости верне, пильне а цнотливе ласку его королевское милости заслуговали, назъначити былъ рачилъ дати имъ певныя кгрунты оселые в державе Трабской», прилегающіе къ имѣнію Петра Цыприскаго ²⁾. Случалось, что и староства получали дворяне, какъ получилъ староство Кричевское королевскій дворянинъ, панъ Константинъ Шолуха, по привилею, данному въ Кнышинѣ въ мартѣ 1566 года ³⁾. Бывало, что въ пожизненное управленіе они получали и монастыри съ ихъ доходами ⁴⁾.

Само собою разумѣется, что дворяне, находясь по надобностямъ службы въ какомъ-либо городѣ, или проживая въ немъ съ дворомъ государевымъ, имѣли право постоя въ домахъ горожанъ. Такъ, домъ королевскаго цирульника, Лукаша Вольфа, освобожденъ былъ королемъ Генрихомъ, какъ гласитъ его грамота, «отстоянья пановъ-рад нашихъ ихъ милости духовныхъ и светскихъ», всякихъ врядниковъ «такъ коруны Польское, яко и великого князства Литовского, такъже пословъ и гонъцовъ чужо-земскихъ, дворанъ и иныхъ слугъ нашихъ и иного всякого стану гостей» ⁵⁾. По своему экономическому положенію дворяне бывали людьми достаточными, обыкновенно средняго достатка, а иногда и выше средняго. Акты знаютъ и дворянскихъ слугъ-шляхтичей. Въ грамотѣ Стефана Баторія, данной въ Мальборкѣ 25 сентября 1577 года ⁶⁾, говорится, что королю билъ челомъ его дворянинъ, панъ «Володимер, и поведилъ» передъ нимъ «о службахъ подда-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 108 об.—109 об. Примѣръ другихъ назначеній— назначеніе дворянина Степана Пацковича мостовничимъ на дорогѣ изъ Минска въ Кіевъ. (4 дек. 1576 г.). Лит. Метр. $\frac{I A}{61}$ л. 17—17 об.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 87—88. ³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 3—3 об.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 172 (1576 г.).

⁵⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 3 об. ⁶⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{61}$ л. 74.

ного» королевскаго, «шляхтича» великаго княжества Литовскаго, «служебника своего, Мартина Петровъскаго, ижъ он, будучы в почте его вжо од немалого часу» королю и «речи посполитой земской верне, учтиве и цнотливе служыл», какъ и продолжаетъ служить, находясь при панѣ Владимірѣ въ королевскомъ войскѣ у Гданска. Панъ Владиміръ просилъ короля, чтобы онъ «з ласки своей» государевой наградилъ «хлебокорменемъ того служебника его». Исполняя просьбу своего дворянина, Баторій говоритъ въ своемъ привилеѣ: «а такъ мы за жеданем и прычыною дворе-нина нашего, пана Володимира, и хотечы его тым охотнейшого ку службам нашим и речи посполитое уделать и способить, дали есмо тому служебнику его, Мартину Петровскому, десеть волок оселых, в котором колвекъ старостве албо в повете у великомъ князстве Литовском лежащих». Выбрать эти десять волокъ король предоставляетъ земскому подскарбію, «где се наилепей» ему «повидить». И такъ, дворянинъ не только имѣлъ служебника-шляхтича, но даже могъ явиться передъ королемъ съ ходатайствомъ о награжденіи его, подобно тому, какъ это дѣлали вельможи для своихъ служебниковъ.

Въ числѣ дворянъ королевскихъ были и такъ называемые трукцасы, или струкцасы государевы. Это были дворяне, прислуживавшіе королю за его столомъ ¹⁾. Будучи на глазахъ государя; они легко могли заслужить его расположеніе и получить пожалованіе державою. Такъ, Стефанъ Баторій, «маючы ласкавый възгляд на службы дворянина и трукцаса» своего, Юрія Гродинскаго, «якожъ и впередъ хотечы его тымъ хутьлившого до службъ» своихъ государевыхъ «способити», пожаловалъ ему Переломское лѣсничество ²⁾. Пожалованіе это сдѣлано въ Тыкотинѣ 17 іюля 1576 года, а на другой же день, т.-е. 18 іюля, былъ данъ королемъ листъ-предписаніе ³⁾ ловчію Литовскому, въ которомъ послѣд-нему приказывалось распорядиться и «струкцасу» государеву «Кгродзынскому з належности враду своего тое лесницъство Переломское в моць и держанье подати и в то его увезати» и при-

¹⁾ Ср. Słownik Rzeczy Starożytnych. Kraków. 1896. Str. 448. (Стихъ Баховскаго).

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 11 об.—12.—«Струкъцасу господарскому Юрю Кгродинъскому на лесницъство Переломъское».

³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 18 об.

томъ сдѣлать это «без жаднаго омешканя и проволоки». Конечно, Переломское лѣсничество жалуется струкцасу «зо всимъ потому, яко и перший лесничий, небожыцикъ Войтехъ Радзимъский, держаль, зо всеми селы и людьми тяглыми и цынъшовыми, стрельцы, осочъники, бобровники и полазники до воли и ласки» королевской. Но вниманіе Баторія къ своему струкцасу не ограничилось этимъ пожалованіемъ. Черезъ полгода вновь встрѣчаемся съ выраженіемъ расположенія его къ Гродинскому. 12 января 1577 года былъ данъ ему королевскій листъ къ земскому подскарбію ¹⁾, «абы того досмотрель около озеръ, которые первой ку лесницътву Переломскому належали, а теперь хто иный держыть, для чого шкода в пуцы дееть ся». Приказывается также королемъ подскарбію сдѣлать постановленіе относительно озеръ и сѣножатей пуцы, а также постановить «оранъду» съ Гродинскимъ касательно доходовъ этого лѣсничества. Въ тотъ же день былъ данъ Гродинскому и другой листъ королевскій къ тому же подскарбію, которымъ разрѣшалось струкцасу взять себѣ сто талеровъ ²⁾ изъ доходовъ лѣсничества Переломскаго и мѣстечка Переросльскаго. Подскарбіемъ это должно «принято» быть «ему на личбе», т.-е. при отчетѣ и отдачѣ доходовъ лѣсничества въ скарбъ. Дѣлается это королемъ «з ласки его милости господаръске, възглядомъ служобъ его, будучы посланный до князя великаго Московъскаго» ³⁾. Изъ послѣдняго видно, что струкцасы кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей могли употребляться и для другихъ цѣлей, какъ напримѣръ, для посольствъ.

Но кто же вступалъ въ ряды дворянства Литовскаго и какъ совершалось это вступленіе? Въ числѣ дворянъ можно было встрѣтить людей самаго различнаго происхожденія. Тутъ были и Литовскіе князья, и сыновья пановъ и врядниковъ рядомъ съ бѣдными шляхтичами и выходцами изъ другихъ государствъ ⁴⁾. Привилей на вряды, какъ несенаторскіе, такъ и сенаторскіе, очень часто говорятъ о началѣ службы врядника именно на дворѣ королевскомъ. Такъ, привилей, данный Баторіемъ Габріелю Горностаю на Берестейское воеводство ⁵⁾, говоритъ, что король дѣлаетъ

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{1A}{58}$ л. 204 об.—205.   ²⁾ Въ рукописи—«тамаровъ сто».

³⁾ Лит. Метр. $\frac{1A}{58}$ л. 205.

⁴⁾ Ср. М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 418.

⁵⁾ Лит. Метр. $\frac{1A}{58}$ л. 1—1 об. Дата: Варшава, 6 іюля 1576 года.

это назначеніе, «маючы мы залецонныя службы воеводы и старосты Меньскаго, державцы Каменецкаго, пана Кгабриела Горностага, сына его милости пана воеводы Новгородскаго, которые его милость з молодости лет своихъ зъ себе оказовалъ, служачы уставичне на дворе светобливое памети Жыкгимонта Августа, продка нашего...» и т. д. Въ привилеѣ, данномъ Виленскому подкоморію пану Миколаю Ясенскому на Литовское писарство ¹⁾, также читаемъ слѣдующія слова отъ имени короля Стефана: «онъ з молодости летъ своихъ, будучы у двору при послугахъ продка нашего Жыкгимонта Августа, славное памети короля его милости Польскаго и великаго князя Литовскаго, верне, пильне и накладне пану своему и речы посполитой заслуговалъ...» и т. д. Примѣровъ подобныхъ свидѣтельствъ привилеевъ о службѣ врядниковъ на дворѣ государевомъ можно привести очень большое число. Конечно, служба на дворѣ давала дворянамъ очень большую возможность обратить на себя вниманіе государя, или того или другаго пана рады, который бы потомъ «у причине жедалъ» короля о назначеніи дворянина на врядъ или о какомъ-либо пожалованіи ему. Самое вступленіе въ ряды дворянъ совершалось черезъ внесеніе лица въ дворянскіе списки. Надо думать, что каждый урядникъ дворный, вѣдавшій ту или другую отрасль администраціи или хозяйства дворныхъ принималъ въ свои реестры нужныхъ ему дворянъ. По крайней мѣрѣ Левъ Сапега въ одномъ письмѣ своемъ къ Криштофу Радивилу такъ говоритъ о своемъ вступленіи въ дворную службу: «jakoż mię już ran podstoli dawno przyjął w swój rejestrz» ²⁾. Если могъ это дѣлать подстолій, то по всей вѣроятности имѣлъ право это дѣлать и подскарбій, и конюшіи, и другіе дворные урядники, нуждавшіеся въ дворянахъ, какъ подчиненныхъ себѣ служителяхъ и помощникахъ. Но надо думать, однако, что приѣмъ того или другаго лица въ число дворянъ королевскихъ совершался съ доклада маршалку дворному, если не съ вѣдома самого короля. По крайней мѣрѣ маршалокъ дворный по требованію Берестейскаго сейма 1544 года долженъ былъ составить общій реестръ дворянъ ³⁾.

Дворяне представляли изъ себя и вооруженную силу, охранявшую дворъ государя, а также составлявшую особую дворную хо-

¹⁾ Ibidem. Л. 61 об.—62 об. Дата: Берестье, 24 августа 1576 года.

²⁾ Archiwum Domus Sapiehanae. T. I. Lwów. 1892. № 4. Дата: 12 сентября 1582 года.

³⁾ М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 298.

ругвь въ случаѣ военнаго рушенья. Тутъ нужно, какъ мы уже видѣли, отличать дворянъ обыкновенныхъ отъ дворянъ, служившихъ со своими почтами «за пенези» и бывшихъ, такимъ образомъ, наемною гвардіею государя. Что касается до участія дворянъ въ посполитомъ рушеньѣ, то они должны были подниматься въ случаѣ объявленія его, становясь подъ дворную хоругвь и подъ справу дворныхъ хоружія и маршалка. Съ врядомъ дворнаго маршалка, какъ врядомъ сенаторскимъ, мы познакомимся въ слѣдующей главѣ, на врьдѣ же дворнаго хоружія, который мы уже упомянули выше, остановимся теперь.

Дворное хоружество передается привилеями на этотъ урядъ новымъ хоружимъ съ тою же компетенціею и съ тѣми же правами, которыя принадлежали лицамъ, прежде его занимавшимъ¹⁾. Хоружій дворный стоитъ во главѣ рушившагося дворянства съ тѣмъ же значеніемъ, съ которымъ стоятъ во главѣ шляхты повѣтовъ хоружіе повѣтовые. Съ его имени начинается списокъ дворянъ въ «реестрѣ пописа» Литовскаго войска-народа²⁾. Въ речесѣ Городенскаго сейма 1567 года читаемъ, что за исключеніемъ 20 дворянъ, необходимыхъ для нуждъ канцеляріи, всѣ остальные, ввиду серьезности войны, «в тыхъ двухъ годехъ» должны «на войну ехати и под хоруговю хоружого дворного ку службе военной становити»³⁾. Какъ и хоружій повѣтовый, дворный хоружій фигу-

1) «Привилей Василю Рагозе на хоружство дворное. Жикгимонт Августъ Божью милостью королъ Полскій etc. Ознаймуемъ сим листомъ нашимъ, што которое хоружство дворное панства нашего великого князтва Литовскогого перво сего з ласки наше деръжалъ хоружый нашъ дворный Григорей Рагоза, але, ижъ есмо его за елекцыею на судейство земское в повете Меньскомъ предложили, а в томъ часе тое хоружство дворное ваковало, ино мы, дознавши верныхъ а цнотливыхъ послугъ дворянина нашего Василя Рагозы, брата его, которыми онъ от немалого часу, на дворе нашемъ будучи и въ послугахъ нашихъ господарскихъ верне ся заховываючи, заслуговал ласку нашу, про то тое хоружство дворное тому предреченому дворянину нашему Василю Рагозе дали есмо з ласки наше, якожъ и симъ листомъ нашимъ даемъ. Маеть он тое хоружство дворное панства нашего великого князтва Литовскогого держати, моцы, владности и достойности, тому владу належачое уживати потому, яко и перед нимъ будучие хоружые дворные того владу хоружства дворного моцы, владности и достойности до сего часу уживали. И на то дали есмо ему сесь нашъ листъ з нашою печатью и с подписомъ руки наше господарское. Писанъ у Люблине». 30 марта 1566 года. «Подъписъ руки господарское. Базылиуеъ Древинскій писарь». Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 6 об.

2) Рук. Имп. Публ. Библ. Т. IV. № 82.

3) Д. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 459.

рируетъ и при «выводахъ» шляхетства, примѣръ чего мы видѣли выше ¹⁾. Занимая замѣтное положеніе на дворѣ королевскомъ, дворный хоружій могъ довольно легко получать различныя пожалованія ²⁾, да и его экономическое положеніе не могло быть мало обеспеченнымъ. Если хоружій повѣтовый не могъ быть челоукомъ бѣднымъ ³⁾, то тѣмъ болѣе достаточность была необходима для хоружія дворнаго. Источники сохранили указанія на матеріальныя средства послѣдняго. Такъ, въ реестрѣ Раковского «пописа» 1565 года находимъ слѣдующее описаніе выставленныхъ имъ воиновъ. «Хоружій дворъни панъ Григорей Рагоза показалъ водъле повинности 20 коней збройно с тарчи, а пешихъ чотири з ощепи; а на ляску господарскую — два кони збройно по козацъку з сагайдаками з ощепи а пешов(о) однов(о) з ощепом» ⁴⁾. Бѣднымъ шляхтичамъ, конечно, были не подъ силу подобныя «почты».

Особую группу лицъ спеціального назначенія, толпившихся на дворѣ государевомъ представляли собою коморники. Слово комора употребляется вообще въ актахъ въ значеніи комнаты, пристройки ⁵⁾. Коморники были дворцовыми служителями, и число ихъ было очень значительно. Въ рядахъ коморниковъ можно было встрѣтить и шляхтичей и нешляхтичей, и такимъ образомъ служба въ коморникахъ вовсе не была исключительнымъ достояніемъ шляхты. Извѣстны случаи нобилитаціи коморниковъ за ихъ заслуги ⁶⁾. При большомъ числѣ коморниковъ, конечно, всѣ они не были нужны для несенія различнаго рода услугъ, которыя требовались на дворѣ и въ «палацѣ» государевомъ ⁷⁾. Поэтому коморники употреблялись для различныхъ порученій помимо собственно дворцовой службы. Ихъ посылали, какъ и дворянъ, разносить королевскіе листы, позвы на судъ дворный, а также вводить владѣльцевъ въ пожалованныя имѣнія. Такъ, въ листѣ къ

¹⁾ См. стр. 241.

²⁾ Нпр., «привилей Василю Рагозе на корчму волную в ыймену его Крайску» (Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 28, 28 об.), или «привилей томуж Василю Рагозе на корчму волную в ыймену его Хотенчичахъ» (ibidem, л. 28 об., 29). Оба документа относятся къ 1568 году.

³⁾ См. стр. 327. ⁴⁾ Рук. Имп. Публ. Библ. F. IV. № 82. Л. 10.

⁵⁾ См. Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 387 — 389. Ср. Archiwum domus Sapiehanae. T. I. № 44.

⁶⁾ См. М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 457, 461.

⁷⁾ М. К. Любавскій признаетъ коморниковъ камеръ-лакеями государевыми (Лит.-Р. сеймъ. Указатель, стр. LX).

подданнымъ села Кумелы Городенской пуци, извѣщающемъ ихъ о пожалованіи ихъ Стефаномъ Баторіемъ Яну Замойскому ¹⁾, читаемъ: «вы бы о томъ ведали и, скоро помененый коморъникъ нашъ оное село Кумялы и васъ, подъданныхъ нашихъ его милости пану канъцлеру подаст ²⁾ и в то его милость увяжетъ, приказуемъ вамъ, ижъ бы есте всякое послушеньство ку его милости, яко пану своему чинили и повинъности ваши звыклые на пожитокъ его милости выполняли конечно». 30 декабря 1580 года, «постановившися у книгъ его милости господарских канцлярейских коморникъ его кр. милости, Януша Царевскій, будучи приданый з ураду его милости пана маршалка надворного», заявилъ, что онъ «отдал позовъ его кр. милости» отъ Волынскаго кашталяна, пана Михаила Мышки съ Варковичъ, Берестейскому кашталяну, пану Богдану Саегѣ. Содержаніе позва: «о староство Гомейское» ³⁾. Подобныхъ примѣровъ дѣятельности коморниковъ можно привести не мало, но и приведенныхъ достаточно для иллюстраціи ея.

Теперь мы должны обратиться къ обзору должностныхъ лицъ наемныхъ войскъ великаго княжества Литовскаго. Войска Литовскія дѣлились на двѣ далеко не равныя по своей численности главныя части: 1) войско земское — народъ-шляхта со своими почтами въ посполитомъ рушеньѣ и 2) войска наемныя. «люди служебные». Къ этимъ двумъ главнымъ частямъ нужно прибавить еще двѣ, а именно стяги Татарскіе и войска казацкія. Съ военнослужилыми Татарами мы еще познакомимся ниже, казаки же, не имѣвшіе ни правъ шляхетства, ни шляхтичей-начальниковъ, не могутъ останавливать на себѣ нашего вниманія на настоящихъ страницахъ. Двѣ главныя части войска Княжества, народъ-шляхта и «люди служебные» были не равны своею численностью. Толпы вооруженной въ посполитомъ рушеньѣ шляхты далеко превосходили своею массою отряды «служебныхъ», но за то въ изслѣдуемый періодъ времени лишь регулярныя роты послѣднихъ представляли изъ себя дѣйствительную военную силу съ точки

¹⁾ «Листъ, велможному пану Яну Замойскому канцлеру Корунъному etc. до подданных в пуци Городенской села Кумелы, ижъ их кр. его милость его милости отдати рачыл, данный». Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. 269—269 об.

²⁾ Въ рукописи описки—«податъ» вмѣсто «подастъ».

³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 76.

зрѣнія такихъ знатоковъ военнаго дѣла, какимъ былъ, напри- мѣръ, Стефанъ Баторій. Начальниками повѣтовой шляхты, «ру- шившейся» на врага, были хоружіе, маршалки, кашталяны и вое- воды, дворянъ вели дворные хоружій и маршалокъ, во главѣ же всѣхъ рушившихся обывателей стоялъ гетманъ наивысшій. Дѣя- тельность и значеніе всѣхъ этихъ врядниковъ мы отчасти уже видѣли, а отчасти встрѣтимся съ нею въ дальнѣйшемъ изложеніи, когда будемъ говорить о службѣ земской шляхетской и о сена- торскихъ урядахъ Княжества. Что касается до начальствующихъ лицъ въ регулярныхъ войскахъ Литовскихъ, то это были поруч- ники, ротмистры и гетманъ польный или дворный. «Люди слу- жебные» ¹⁾ прежде всего раздѣлялись на «людей ѣздныхъ» ²⁾ и «людей пѣшихъ» ³⁾. Болѣе частные ихъ виды и другія названія— драбы ⁴⁾, жолнеры ⁵⁾, гусары ⁶⁾ и т. д.

Акты великаго княжества Литовскаго 60-хъ годовъ даютъ воз- можность составить довольно полный списокъ ротмистровъ Ли- товскихъ ⁷⁾. Въ числѣ ихъ встрѣчаемъ и родичей Княжества и

¹⁾ Нпр., А. З. Р. III. №№ 81, 82, 84, 86, 96, 99, 100.

²⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 27.

³⁾ Нпр., А. З. Р. III. №№ 34, 41.

⁴⁾ Нпр., А. З. Р. III. №№ 35, 41, 61.

⁵⁾ Нпр., А. З. Р. III. №№ 34, 63, 86, 104, 134, 146.

⁶⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 84.

⁷⁾ Вотъ этотъ списокъ: Адамъ Оборскій, Янъ Цедровскій, Янъ Закрев- скій, Янъ Корицкій, Павелъ Слуцкій, Станиславъ Русецкій, Янъ Павчичъ Чехъ, Петръ Миклашовскій, Лопоть, Янъ Клюковскій, Прецлавъ Оборскій, Павелъ Гладышъ, Щасный Губа, Болтромей Стравинскій, Хома Машевичъ, староста Браславскій, Петръ Седлецкій, Станиславъ Куницкій, Андрей Врон- скій, князь Александръ Полубенскій, Розмысль Довгирдъ, Богданъ Стецко- вичъ, Млодавскій, панъ Николай Талвошъ, Гловацкій, Адамъ Мисевичъ, Талип- скій — Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 2 об. Млодавскій, Миклашовскій, Щасный Губа, Павелъ Кгладзышъ, Закревскій, Розміевскій, Стравинскій, Янъ Клюковскій, Вонсовичъ, Андрей Вронскій, Богданъ Стецковичъ, Талипскій, князь Иванъ Полубенскій, Павелъ Слуцкій, Кгловацкій, князь Александръ Полубенскій, Адамъ Мисевичъ, Адамъ Оборскій, Куницкій, Миколай Талвошъ—*ibidem*, л. 4. Станиславъ Русецкій, Юрій Рачковскій, Оленскій, Пресмыцкій, Валентый Ка- менскій, Богущъ Селицкій, Валентый Каменецкій, Петръ Серебрицкій, Голу- бицкій, Станиславъ Збышевскій, Янъ Карницкій, Петръ Курницкій, Дмитрій Бобоѣдъ, Янъ Закревскій, Амброжей Влохъ, Войтехъ Люботовскій, Янъ Вил- ковскій, Фронць Пребыславскій, Каспоръ Стуржинскій, Адамъ Оборскій, Янъ Вербицкій, Матей Белавскій, Бернатъ Кгульбицкій—*ibidem*, л. 141—141 об. Мартинъ Курчъ, панъ Григорій Тризна кашталянъ Подляшскій, Бабинскій,

чужеземцевъ. Въ ряду ротмистровъ находились и шляхтичи, даже князья, и люди, не принадлежащіе къ шляхетскому сословію; были и старосты, были и люди, не имѣвшіе никакихъ державъ и даже никакой осѣлости, ни одной волоки въ Княжествѣ. Такимъ образомъ, составъ ротмистровъ былъ весьма разнообразенъ. Эти десятки ротмистровъ составляли довольно пеструю толпу воителей, служившихъ королю за плату на свои роты и за награды, которыя давались королемъ. Въ спискахъ ротмистровъ встрѣчаемъ князей Соколинскихъ (Павла и Семена) Полубенскихъ (Александра и Ивана), Андрея Масальскаго, Фридриха Жижемскаго и Николая Ярославовича. Къ нимъ можно прибавить князя Бальцера Андреевича Лукомскаго ¹⁾ и, вѣроятно, другихъ. Рядомъ съ этими князьями стоятъ кашталянъ Подляшскій, подстолій Литовскій, старосты ²⁾, дворяне королевскіе ³⁾, хоружичи ⁴⁾, но наряду съ

Григорій Чапличъ, князь Павелъ Соколинскій, Андрей Масальскій, Мартинъ Стравинскій, Ярофей Гостскій, панъ Юрій Тишкевичъ, Остафій Шолуха — *ibidem*, л. 144. Каспоръ Новоселецкій, Янъ Радзиминскій, Станиславъ Русецкій, Богушъ Селицкій, Янъ Здравецъ, Станиславъ Збышевскій, Дмитрій Бобоѣдъ, Станиславъ Голубицкій, Амброжей Влохъ, Янъ Серебрицкій, Войтехъ Любатовскій, Бальцеръ Вербовскій, Иванъ Ракуса, Олекшей Пресмыцкій, Валентый Каменскій, князь Фридрихъ Жижемскій, Юрій Ставскій, Петръ Курницкій, Петръ Хоружичъ, Яронимъ Скромовскій, Александръ Влохъ, князь Семень Соколинскій, Янъ Буяновскій—*ibidem*, л. 195 об.—196. Панъ Макаръ Курчъ, князь Миколай Ярославовичъ, Гасанъ Улановичъ, подстолій Литовскій, Криштофъ Зеновевичъ, Мартинъ Яцыничъ, князь (имя пропущено), Янъ Свидерскій, Григорій Туръ, Илья Ивановичъ Хоружичъ, Володимерь Заболоцкій, Юрій Тишкевичъ—Лит. Метр. $\frac{III A}{10}$ л. 78—78 об. Юрій Тишкевичъ, Мартинъ Курчъ, Каспоръ Новоселецкій, Станиславъ Збыховскій, Яронимъ Старомовскій, Александръ Влохъ, князь Соколенскій, Станиславъ Русецкій, Янъ Здравецъ, Янъ Буяновскій, Петръ Яновичъ Хоружичъ, Янъ Радзиминскій, Янъ Серебрыцкій, Петръ Курницкій, Селицкій, Валентый Каменскій, Балцеръ Вербовскій, Юрій Славескій, Олексей Пресмыцкій, Войтехъ Любатовскій, Амброжей Влохъ—*ibidem*, л. 79 об.—80.

1) Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 41 об., 42, 44 об., 45, 45 об.

2) Браславскій, Кокенгаузенскій, Вольмерскій.

3) Нпр., «листь приповедный пану Макару Курчу на полтораста коней».

Лит. Метр. $\frac{III A}{10}$ л. 77 об. — 78. Въ началѣ документа, послѣ королевскаго титула, читаемъ: «дворанину нашему пану Макару Курчу». Изъ документа узнаемъ, что пану Курчу дана наивысшимъ гетманомъ Григоріемъ Ходкевичемъ рота въ 150 коней. Дата документа: Кнышинъ, 25 сентября 1569 года.

4) Петръ Яновичъ, Илья Ивановичъ. См. выше списокъ ротмистровъ.

ними и иностранные выходцы ¹⁾, люди нешляхетскаго происхожденія ²⁾ и Татары ³⁾. Разумѣется, при выборѣ ротмистровъ невозможно было выдерживать никакого другаго принципа, кромѣ принципа ихъ военныхъ качествъ, а потому нѣтъ и ничего удивительнаго въ этой крайней пестротѣ ихъ состава. Иностранцы послуживъ въ войскахъ Литовскихъ и заработавъ или награбивъ себѣ достатокъ, возвращались на родину, какъ это сдѣлалъ, на примѣръ, Александръ Гванини, уѣхавшій въ 1578 году обратно въ свое отечество Италію, «до Влохъ» ⁴⁾. Другіе оставались, получивъ въ Княжествѣ осѣлость и вступивъ въ число его обывателей. Въ чемъ же служба ротмистра и какія его заслуги передъ королемъ и государствомъ? Королевскіе листы и привилеи, награждающіе ротмистровъ, говорятъ довольно много объ этомъ. Вотъ на примѣръ, «лист пана Кгваниновъ на Филипово» ⁵⁾. Въ немъ говорится отъ имени короля Генриха: «билъ намъ чоломъ ротмистръ нашъ Александро Кгванинъ и просилъ насъ, ижъ быхмо з ласки наше господарское за службы его, которыми онъ, немалые почты ротъ людей служебныхъ в справе своей маючы и ротмистром пешимъ будучы а противъ войскъ неприятеля нашего великаго князя Московскаго мужне се зоставуючы, яко на замку нашомъ Витебскомъ, такъ и на иныхъ многихъ местъцахъ в паньстве нашомъ великомъ князстве Литовскомъ заслуговалъ, яко опатренье учинили и оселость ему дали». За него передъ королемъ ходатайствовали и «многие панове-рады» коро-

¹⁾ Нпр., Гванини, Чехъ, Влохъ и т. д. (см. выше списокъ ротмистровъ). Богданъ Петровичъ, воеводичъ Волоский, ротмистръ королевскій. Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 21, 21 об. Дата документа: Кнышинъ, 5 августа 1568 года.

²⁾ Нпр., Валентый Каменскій получилъ шляхетство только при коронаціи короля Генриха. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 52—53. Дата: Краковъ, 10 мая 1574 года.

³⁾ Гасанъ Улановичъ, ротмистръ Татарской роты. Лит. Метр. $\frac{III A}{10}$ л. 78. Дата документа: Кнышинъ, 25 сентября 1569 года.

⁴⁾ А. Вил. I. Стр. 159. См. также А. *Bonięski*. *Poczet Rodów*. Str. 69. Александромъ Гванини было составлено: «Sarmatiae Europae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massouiam, Prussiam, Pomeraniam, Liuconiā et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur». Такимъ образомъ, въ лицѣ Гванини имѣемъ интереснаго представителя наемныхъ ротмистровъ, бывшаго не только воиномъ, но и наблюдательнымъ писателемъ.

⁵⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 110 об.—111 об. Дата: Краковъ, 1 июня 1574 года.

левскіе, «залецаючы годные, пилныя и значныя заслуги его в справахъ рыцерскихъ противко речи посполитое паньствъ» государевыхъ. Далѣе грамота продолжаетъ: «а такъ мы, взявши ведомость о служъбахъ звышъменованого Александра Кгванина, которыми онъ, отъ немалого часу ротъмистромъ будучи и роты людей служебныхъ пеших на пограничномъ замку нашомъ Витебскомъ маючи и на инъшихъ многихъ розныхъ местъцахъ служачы а не только на маетности своей утраты великіе приймаючи, але и зъдоровья своего не литуючи, королю его милости славное памети Жикгимонту Августу предку нашему и речи посполитой панствъ нашихъ в справахъ рыцерскихъ пожиточне, верне а цнотливе и на всемъ пильне ласку его королевское милости заслужовал»... Итакъ, служба ротмистровъ — командованіе ротами служебныхъ людей, притомъ какъ въ полѣ, такъ и въ замкахъ, безразлично. Иными словами, они служили и полевую, и гарнизонную службу, но, конечно, послѣднюю лишь въ замкахъ «украинныхъ», пограничныхъ, которымъ можетъ въ силу ихъ положенія грозить вражеское нападеніе. Города центральные не имѣли у себя гарнизоновъ государственныхъ; въ нихъ мѣстскій урядъ самъ содержалъ сторожей, казаковъ и драгуновъ для охраны порядка и внутренней безопасности города¹⁾.

Величина роты, которую велъ ротмистръ, была различна: бывали роты и въ 50 человекъ, бывали и по 90, и по 100, и по 150, и по 200. Правительство предписывало ротмистру привести съ собою то или другое число пѣшихъ драбовъ, или конныхъ всадниковъ, смотря по степени военной надобности, а также и сообразуясь съ состояніемъ казны: вѣдь за каждаго драба нужно будетъ платить изъ скарба. Ротмистръ былъ кондотьеромъ, служившимъ за деньги, и свою роту набиралъ уже онъ самъ — правительство имѣло дѣло лишь съ нимъ, а не съ его солдатами. Вотъ, на примѣръ, содержаніе листовъ, писанныхъ 25 марта 1567 года въ Петриковѣ и посланныхъ къ ротмистрамъ королевскимъ. «Оземъши Бога на помочъ», король рѣшилъ «за кривду» свою и своего «панства» самъ «особою» своею со своими войсками «тягнуть» противъ врага, великаго князя Московскаго. «Про то для лепшого способу видело ся» королю «людей служебныхъ езныхъ и пешихъ народовъ посторонныхъ под справу родичовъ обывателей» великаго княжества Литовскаго «до обозу» своего «господарьского

¹⁾ Ист.-Юр. Мат. IV. Стр. 75, 76. V, Стр. 112 и др.

причинити, яко жъ вжо ротмистры ездные и пешие на то» королемъ «обраны суть». Имъ король «службу» приказалъ «приповедати» также, какъ и ротмистру-адресату настоящего листа. Ему (кашталяну Подляшскому пану Григорію Тризнѣ) приповѣдается настоящимъ листомъ служба на 150 коней «на каждого коня на четверть року по 10 золотыхъ Польскихъ». Обращаясь къ ротмистру, королевская грамота гласитъ далѣе: «ты бы тот почоть людей стороннихъ ку службѣ нашей на кыштальт почту нашего дворного, не омешкиваючи, способяль и поготову мелъ великимъ накладомъ з коштом, войне не потребнымъ ни прекладаючися, шкоды прожное в томъ не приимуючи, одно потому на тую службу нашу выправовался бы еси, яко тебе» отъ гетмана наивысшаго Литовскаго, пана Григорія Александровича Ходкевича, «ознаймено будеть; и по пенези на тотъ почоть по святе теперешнемъ прошломъ великодни вборзде слалъ бы еси вборзде до пана гетьмана жъ, а жебы тые люди мели до каждого десятку возъ чотырма конми сукъном черленнымъ крытый и возница в сукни черленой же, а при двухъ таковыхъ возехъ и пицовный возъ быти можетъ»¹⁾. Изъ этой грамоты прекрасно видно, какъ формируется рота ротмистра. Король «приповѣдаетъ», такъ сказать, заказываетъ ему известное число солдатъ, которыхъ этотъ кондотьеръ и доставляетъ государству. Король выбираетъ изъ всѣхъ ротмистровъ, находящихся въ его распоряженіи, известное число, и имъ приказываетъ быть готовыми къ войнѣ и сформировать свои роты опредѣленнаго на данный случай состава, на которыя они будутъ получать изъ казны содержаніе. Грамота, приведенная нами, предписываетъ ротмистру набрать свою роту изъ «людей стороннихъ»; причина такого требованія, очевидно, та, что обыватели Княжества нужны будутъ государству въ посполитомъ рушеньѣ, которое можетъ потребоваться. Но, конечно, нужно думать, что обыкновенно, по крайней мѣрѣ, въ тѣ времена, когда рушенье поспольства-шляхты не требовалось положеніемъ дѣлъ, въ рядахъ драбовъ ротмистра служили люди самыхъ различныхъ національностей и общественныхъ положеній. Въ образецъ роты для ротмистра ставится «почеть» дворный королевскій, т.-е. отрядъ войска, стояв-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 144—144 об. Ср., нпр., «листъ приповедный Станиславу Куницкому, ротмистру на замку Маенгавьском, на пятьдесят драбовъ».

Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 118—118 об. Дата: Краковъ, 12 мая 1574 года.

шій на дворѣ государя. Начальникомъ ротмистра, въ распоряженіи котораго послѣдній находится, является гетманъ; въ примѣръ только-что приведенномъ—наивысшій Литовскій, въ другихъ случаяхъ — польный, или Лифлянтскій. Итакъ, ротмистръ и его рота не могутъ быть названы постоянными войсками: ротмистръ былъ военачальникомъ, готовымъ всегда по первому королевскому приказу явиться на военную службу съ ротою своихъ наемныхъ солдатъ. Плата на служебныхъ шла, обыкновенно, по четвертямъ года, но скарбъ Литовскій далеко не всегда былъ въ состояніи аккуратно расплачиваться съ Литовскими жолнерами. Напримѣръ, 30 сентября 1569 года въ Кнышинѣ Сигизмундъ Августъ подписалъ «листъ»¹⁾ земскому подскарбію такого содержанія: «што которое постановене пры бытѣности» самого подскарбія Николая Нарушевича было сдѣлано королемъ въ Кнышинѣ «на заплату ротмистромъ драбѣскимъ на замѣкохъ» королевскихъ «украинѣныхъ, а то тымъ обычаемъ, ижъ передъ тымъ святомъ Всѣхъ Святыхъ маеть каждый ротмистръ в скарбе» государевомъ «объраховатся, яко великую суму заслужоного своего маеть», а также «которого заслужоного» каждому изъ нихъ должно быть изъ скарба заплачено впередъ сполна за четверть года службы на день Всѣхъ Святыхъ 1569 года въ Вильнѣ. Когда же «выйдетъ» новая четверть года отъ дня Всѣхъ Святыхъ, то и эта новая четверть должна имъ также быть оплачена изъ скарба, «пры которомъ», продолжаетъ документъ, «чверти старого заслужоного ихъ такежъ кожъдому жъ зъ нихъ четъвертую часть маеть быти зъ скарбу нашего плачно и потомъ завѣжды по выслузе кожъдое чверти маеть быти всимъ ротмистромъ чверть сполна и часть долгу осталого в скарбе нашемъ плачно, уважаючи, якобы заслужоное старое до шести чвертей было выплачно; а где бы которые чверти про неспособность скарбу нашего которому зъ нихъ заслужоного не заплачно, тогды будутъ повинни шафары замѣковые жывѣности зъ шпихлиров имъ на боркгъ давати, а скоро они заслужоное (з) скарбу нашего озмутъ, того жъ часу и за тую жывность повинѣни будутъ шафаромъ платити».

Такимъ образомъ, жалованье, «заслужоное». полагавшееся ротмистрамъ, они должны были получать по четвертямъ года, но

¹⁾ «Листъ, писанный до подскарбего земского пана Миколая Нарушевича, абы ротмистромъ пенези жолнерѣские на ново были даваны». Лит. Метр. III A
10

скарбъ Литовскій былъ зачастую неаккуратнымъ плательщикомъ, и, какъ свидѣтельствуется только что приведенный документъ, не только накопились у ротмистровъ на скарбъ недоимки за прошлое время службы, но даже скарбъ долженъ былъ прибѣгать къ уплатѣ ихъ за неимѣніемъ «готовыхъ», наличныхъ денегъ, натурою, тѣми поступленіями живностью съ державъ и староствъ, которыя были въ распоряженіи замковыхъ шафаровъ. Разумѣется, ротмистры и ихъ солдаты требовали себѣ денегъ, въ случаѣ задержки ихъ скарбомъ; они должны были грозить и уходомъ со службы, вызывая своими угрозами и напоминаніями королевскіе листы, «упевняющіе о заплатѣ», гарантирующіе имъ уплату жалованья, но съ новымъ ожиданіемъ исполненія скарбомъ своихъ обязательствъ передъ наемными войсками великаго княжества Литовскаго. Такъ, 18 апрѣля 1563 года изъ Петрикова были писаны королевскіе листы къ ротмистрамъ «замковъ украинныхъ, упевняючи о заплате»¹⁾. Въ этихъ листахъ король, обращаясь въ каждомъ листѣ къ тому или другому ротмистру «и поручнику и всимъ товаришомъ роты его», говоритъ, что, хотя имъ еще не выплачены изъ скарба деньги за ихъ службу, но онъ проситъ ихъ, «яко добрыхъ слугъ» своихъ, чтобы они, «тескливы не будучи, за трудно себе того не покладали, а малый часъ терпѣливы были и с того замъку не ездчали, але въ доброй опатрѣности и осторожности на» замкѣ, въ которомъ они стоятъ «мешкали». Король обѣщаетъ далѣе, что лишь только онъ прибудеть въ Вильну, — изъ Петрикова онъ имѣетъ «волю» выѣхать «на сихъ часехъ», — то «безъ каждого мешканья пенези» ротмистрамъ прикажетъ послать изъ скарба; да еще и до прибытія короля въ Вильну «заплата» ротмистровъ «дойдетъ», лишь бы только они «водле звыклое вери своее» служили государю. Король «держитъ», думаетъ о нихъ, «яко о добрыхъ и верныхъ слугахъ» своихъ, что они не уменьшаютъ «верности свое противко» государю. Что касается до «живности», т.-е. провіанта, то Сигизмундъ Августъ уже приказалъ «живность зе Кгданска моремъ до Риги припустити, а оттол з Риги» она будетъ отправлена по всѣмъ замкамъ для ротмистровъ и ихъ отрядовъ. Но, конечно, неплатежъ денегъ буйной толпѣ, собиравшейся по призывамъ ротмистровъ на военную службу въ роты служебныхъ, имѣлъ самыя печальныя по-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 4—5.

слѣдствія для жителей окрестныхъ селеній. Солдаты не способны были ожидать спокойно, пока имъ будетъ выплачено ихъ заслуженное жалованье, и жолнеры и драбы сами добывали себѣ средства къ жизни и деньги на счетъ населенія областей, въ которыхъ они стояли. Тотъ же листъ королевскій, который «упевнялъ» ротмистрамъ уплату ихъ «заслугоного» продолжаетъ отъ имени короля такъ: «и тому доходить насъ ведомость, иж обователемъ земли тамошнее великие кривды, шкоды, мордеръства, обтяжливости и неслыханые срамотные втиски отъ людей нашихъ служебныхъ деются, и естли же што иного, тогды не мней таковое захованье служебныхъ естъ переказою склонности и прихилности ку намъ людей тое земли¹⁾, для чого естъ потреба обаватися, абы, чого Боже сховайтъ, за тымъ ку якому впадку тая земля за шкодою нашою не пришла. А про то, яко есьмо вжо не пооднокротъ до васъ о томъ писали, такъ и тепер приказуемъ вамъ, ажъбы есте ку людямъ земли тамошнее безъ обтяжливости заховали и некоторыхъ кривдъ, шкодъ, мордеръствъ и втисковъ не чинили, а которые ся кривды отъ кого з васъ будутъ стали, вы бы кожъдый водле ведомости своее в томъ ся з ними поеднали и такъ в то погодили, яко бы они вжо, на томъ переставаючи, неприязни ку вамъ не мели и шамъраня межи собою не чинили. Конечно абы то инакъ не было». Разумѣется, однако, всѣ эти строгіе приказы не причинять вреда и насилій обывателямъ земель, въ которыхъ стоятъ люди служебные, обращенные къ людямъ, мало чувствующимъ надъ собою королевскую власть, притомъ въ значительной своей части людямъ «стороннимъ», а не Литовскимъ «тубыльцамъ», не могли достигать своей цѣли, тѣмъ болѣе, что приказы эти находились въ той же самой грамотѣ, въ которой король только что *просилъ* жолнеровъ подождать уплаты имъ выслуженнаго жалованья и служить ему по прежнему. «Spota draba» вошла въ поговорку, и, конечно, она не могла сдерживаться при томъ положеніи, въ какомъ находились роты служебныхъ. Неаккуратность въ уплатѣ ротмистрамъ и жолнерамъ ихъ «заслугоного» была настолько велика, что даже сама шляхта иногда выступала съ ходатайствомъ за нихъ. Такъ, въ инструкцію, данную Виленскимъ повѣтовымъ сеймикомъ посламъ на сеймъ 1595 года, было внесено порученіе просить за украинныхъ

¹⁾ Листъ адресованъ старостѣ «Дунемьборскому» ротмистру, роты «ездное» Николаю Тальвошу.

ротмистровъ и жолнеровъ великаго княжества Литовскаго, чтобы имъ выдали «заплату» ихъ «заслужонаго» для подмоги въ ихъ нищеть¹⁾. Въ такомъ положеніи находились люди служебные иногда, и надо думать, что это было далеко не исключеніемъ. Но акты знаютъ и награжденія начальниковъ наемныхъ войскъ Княжества. Какъ мы видѣли выше, главнымъ начальникомъ роты былъ ротмистръ²⁾, его ближайшимъ помощникомъ—поручникъ³⁾, а остальные «служебные» роты носили названіе товарищей ея, изъ которыхъ, однако, выдѣлялись еще десятники⁴⁾. Ротмистръ стоялъ во главѣ роты, онъ былъ ея хозяиномъ, принимавшимъ къ себѣ на службу въ роту наемниковъ, которыхъ онъ же самъ и судилъ⁵⁾; конечно, онъ и могъ рассчитывать на награды отъ короля, будетъ ли это земельная дача, или денежная пенсія (юргельтъ), или, наконецъ, «пасованье на рыцарство», возведеніе въ шляхетское достоинство великаго княжества Литовскаго. Награды ротмистрамъ были тѣмъ понятнѣе, что они не только служили своимъ мужествомъ и военною опытностью, но нерѣдко и на собственный свой счетъ выставляли «почты коней», какъ это, на примѣръ, дѣлалъ царевичъ Пуньскій Исламъ Янбековичъ, который въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда Августа, «ротмистромъ будучи», бился со Шведами въ Лифляндіи «и, не малый почот коней на онъ часъ тамъ ховаючи, упадокъ великій на маетности своей принял»⁶⁾. Награды, которыя давались ротмистрамъ въ видѣ земельных пожалованій были довольно различны по величинѣ жалуемаго имѣнія. Такъ, ротмистръ королевскій князь Балтазаръ Лукомскій получилъ 15

¹⁾ А. Вил. VIII. Стр. 336.

²⁾ Самое слово ротмистръ—сокращеніе латинскаго rotmagister. См. Sarmatiae Europaeae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massouiam, Prussiam, Pomeraniam, Liunioniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. *Alexandri Gwagnini* Veronensis, Equitis Aurati, peditumque praefecti. Cui supplementi loco ea, quae gesta sunt superiori anno inter Serenissimum Regem Poloniae et Magnum Ducem Moschoviae breuiter adiecta sunt. Item Genealogia Regum Polonorum Spiraе. M. D. LXXXI. P. 63, 63 об.

³⁾ Нпр., А. З. Р. III. №№ 63, 95.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 151.

⁵⁾ «Але драба маеть судити ротмистръ, чьей роты есть». А. Ю. и З. Р. I. № 137. II. (1559-г.).

⁶⁾ «Листъ царевича Пунского на село Подлипье». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 40—41 об. Дата: Краковъ, 8 апрѣля 1574 года.

волокъ ¹⁾, Станиславъ Тарновскій получилъ 30 волокъ ²⁾, князь Бальцеръ Андреевичъ Лукомскій—22 волоки ³⁾, Александръ Гванини—158 волокъ въ лѣсничествѣ Перстуньскомъ да 56 волокъ въ селахъ войтовства Жуснева ⁴⁾, и т. д. Словомъ величина пожалованія зависѣла отъ заслугъ ротмистра и «ласки» королевской, а также, конечно, и отъ ходатайства пановъ-радъ за награждаемаго, такъ какъ при награжденіи принимались во вниманіе и заслуги его и засвидѣтельствованіе ихъ гетманомъ ⁵⁾, или раднымъ паномъ ⁶⁾. На замкахъ «украинныхъ» и пограничныхъ, гдѣ нужна была военная власть въ виду военнаго положенія, на которомъ почти постоянно должны были находиться пограничныя мѣстности въ силу постоянной опасности отъ Москвы и отъ «поганства Та-

¹⁾ Въ тивунствѣ Ретовскомъ въ землѣ Жомойтской. Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 44 об.—45 и л. 45—45 об. Дата: Люблинъ, 10 іюня 1569 года.

²⁾ Въ томъ же тивунствѣ. Ibidem, л. 46 об. (1569 г.).

³⁾ Ibidem, л. 41 об.—42 (1569 г.).

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 110 об.—111 об. Дата: Краковъ, 1 іюня 1574 года.

⁵⁾ Нпр., «а такъ мы, маючи ласкавый взглядъ на службы его, ижъ онъ отъ немалого часу будучи ротмистромъ и ведучи роты людей служебныхъ при границы паньства нашего великого князства Литовского, в земли Руской, верне, цнотливе и докладне намъ служилъ, з нелитованемъ выносити здоровья и розлитья крови, и такъ тежъ есмо будучи ведоми и маючи справу от воеводы Браславского, гетмана нашего дворного, старосты Житомирьского, державцы Речицкого, князя Романа Федоровича Санькгушковича, ижъ будучи онъ при его милости при добыванью замку Ульского добре а почъстиве, яко ему, человеку рыцерскому, належало, служилъ...» Изъ привилея Сигизмунда Августа князю Бальцеру Андреевичу Лукомскому. Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 41 об. — 42. (1569 г.).

⁶⁾ Нпр., «ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ (Генрихъ Валезій), ижъ мы, маючи ласкавое баченье на службы ротъмистра нашего князя Ивана Полубенского, которыми онъ вже отъ немалого часу у войскахъ короля его милости славное памети Жикгимонъта Августа предка нашего и речы посполитое паньствъ нашихъ немалые почъты ротъ езныхъ водячи и противъ войскамъ и селамъ (sic) короля Шведского и великого князя Московского зоставуючы се, не только ижъ значныхъ утратъ на маетности своей не литуючы, але и зъдоровье свое в небезъпечность выносячи, верне, цнотливе, пильне и мужне не въпоследяючи правъ рыцерскихъ предковъ своихъ. Заслуги его, яко намъ суть отъ многихъ панов-радъ нашихъ достаточне ознаймены, такъ ласкового объясненья и нагороды суть годны...»—«Лист князя Полубенского на две селе у волости Слонимской». Дата: Краковъ, 8 мая 1574 года Лит.

Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 68 об.—69.

тарь», ротмистры бывали и старостами ¹⁾. Но староства давались ротмистрамъ иногда и въ награду за ихъ службу ²⁾. Акты знаютъ также случаи замѣны королемъ ротмистру однихъ его имѣній другими по его просьбѣ. Такъ, 29 марта 1566 года былъ подписанъ Сигизмундомъ Августомъ «привилей пану Филону Кмите на имене Чернобыл, заменою даное на вечность» ³⁾, изъ котораго узнаемъ, что и прежде «не по однокротъ, але от кольканадцати летъ бил» королю челомъ дворянинъ его, уже теперь «небошчикъ, панъ Семень Кмита, а потомъ такъже от немалою часу и сын его, ротмистръ» королевскій «панъ Филонъ Кмита прозбы свои чоломъбитьемъ» къ государю «доносилъ, поведаячи, ижъ для уставичныхъ послугъ», королевскихъ и земскихъ военныхъ, государемъ и гетманами его «на него преложонных, отъ имене своихъ Подольскихъ, которые в повете Веницкомъ маеть, то есть именья Летина, Полтевичъ и Солаши и двора Веницкого и всехъ людей своихъ тамошнихъ, яко отъ безвестного уторгненья Татарского тамъ в тые краины государевы «пограничные, такъже от кривдъ и шкод, которые ся ему и тымъ именьямъ его зъ стороны короны Полское обывателей, на остатокъ и от враду» королевскаго «Веницкого деють, боронити не может». Въ этомъ всемъ Кмита видитъ для себя «великие а незносные шкоды» и обращается ввиду этого къ королю съ просьбою, взявъ его имѣнія Подольскія на государя, замѣнить ихъ ему какимъ-либо другимъ имѣниемъ. Король исполнилъ его просьбу. Отправивъ предварительно своего дворянина Василя Мацкевича въ Подольскія имѣнія пана Кмиты «списати» ихъ въ ихъ «кгрунтехъ и обыходехъ», людяхъ и пожиткахъ, король приказалъ передать «до скарбу» ихъ реестръ, составленный дворяниномъ и, взявъ Подольскія земли своего ротмистра «до рукъ и до столу» своего, далъ ему «отъменою» лежащій въ Кіевской землѣ замокъ Чернобыли «з местомъ и з мешаны тамошними и з бояры, слуги путными и ихъ кгрунты и селичбами и селищами» и т. д. ⁴⁾—словомъ «зо всимъ на все, яко се то

¹⁾ См. списки ротмистровъ выше, стр. 421 прим. 7

²⁾ Нпр., см. «привилей пану Боркулабу Корсаку на староство Дисеньское». (Боркулабъ Ивановичъ Корсакъ—ротмистръ). Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 2, 2 об. Дата: Кнышинъ, 25 марта 1566 года.

³⁾ Ibidem, л. 4 об.—5.

⁴⁾ «А меновите з двема сельцы под Овручимъ, тамже в земли Клевской на имя Кубелиномъ, Алевковцами, бояры, слуги путными и ихъ подуседми з

само в себе, в границах и обыкодах своихъ здавна маеть», со всѣмъ тѣмъ и со всѣми тѣми доходами, съ которыми Чернобыльскій замокъ «до сего часу былъ держанъ» на государя. Конечно, въ привилеѣ Филону Кмитѣ на Чернобыли замѣна эта трактуется, какъ награда ему за его службы. Получали ротмистры и юргельтъ, т.-е. денежное жалованье изъ скарба земскаго. Такъ, 25 ноября 1576 года Стефаномъ Баторіемъ былъ данъ «привилей ротмистру Петру Казимерскому на юргелтъ доживотный з мыта Ковенского, в кождый год по 150 таларовъ», въ которомъ ему пожаловано по 150 талеровъ въ годъ «монеты Польское, личачи в кождый таларъ по тридцати три грошей Польскихъ»¹⁾. Но высшею наградою для ротмистра, если онъ былъ не шляхтичемъ, являлось возведеніе въ шляхетское достоинство, притомъ не только въ силу пожалованія ему «благородства» по понятіямъ вѣка, но и въ силу того, что такое «пасованье на рыцарство» открывало ему путь къ приобрѣтенію вѣровъ, державъ и староствъ великаго Княжества, такъ какъ статуть строго запрещалъ²⁾ «повышать» людей простыхъ «надъ шляхту». Давая человѣку «стану простого» шляхетство, король дѣйствовалъ согласно закону, предвидѣвшему возможность такой награды за особыя заслуги³⁾. Какъ примѣръ возведенія ротмистра нешляхтича въ шляхетское достоинство въ награду за его службы можетъ быть указано «пасованье» Валентина Каменскаго⁴⁾. При коронаціи Генриха панъ Николай Радивилъ, Виленскій воевода и канцлеръ Литовскій, староста Лидскій, державца Борисовскій, «ознаймилъ» новому королю «мужьные и знакомитые заслуги в справахъ рыцарскихъ ротмистра» королевскаго «Валенътого Каменскаго», водившаго «немалые

ихъ селидчбами, селищами и зо всеми кгрунты пашными и бортными, также в Чернобыли з людьми тяглыми и подуседьки, з мытомъ головнымъ и посполитымъ, сухою и воденою дорогою, с коръчмами всякого питья шинку, з рѣками и рѣчками, езами, с озера, з бобръвыми гоны, з ловы зверынъными и пташими, з деревомъ бортнымъ и зо всимъ на все, яко се то само в себе, в границахъ и обыкодахъ своихъ здавна маеть, с чимъ и с которыми пожитки тотъ замокъ нашъ Чернобыльскій на насъ господара до сего часу былъ держанъ, ничего тамъ на себе и на потомки наши не зоставуючи».

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 77 об. 78.

²⁾ II ст. III. 15. Ср. *ibidem* 9, 15.   ³⁾ II ст. III. 21.

⁴⁾ «Листъ Каменскаго на шестнадцать волокъ в лесництве Немононтскомъ»

Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 52—53. Дата: Краковъ, 10 мая 1574 года.

почты ротъ людей» противъ Москвы и служившаго съ ротами «на замкохъ украинскихъ», дѣлавшаго притомъ все это «добре, цнотливе, верне, мужне» и не щадя здоровья своего. Въ силу своихъ заслугъ онъ «въсякого вывышенья учъстивости рыцарское есть годенъ». Радивилъ просилъ, поэтому, Генриха, чтобы онъ, «знакъ учъстивости рыцарское при щастливой корунацыи» своей «на него вложивши и тымъ его приозъдобивши, чымъ его з ласки» своей государевой пожаловалъ. Король исполнилъ просьбу воеводы Виленскаго. Грамота отъ его имени гласить: «а так мы таковыя годныя и мужныя в речы посполитой заслуги помененого Валенътого Каменьскаго досветъчоныя и заледоныя маючи, подде звычайю пановъ и королей хрестияньскихъ при такъ щастливой корунацыи нашей впрод речоного Валенътого Каменьскаго знаком пасованья рыцарского и рукою нашою господарською на рыцарство его пасовали, зоставуючы при немъ всякую учъстивость и вывышенье стану рыцарского, которого за таковымъ пасованьемъ люи стану рыцарского уживати звыкли». Кромѣ того, король оказалъ ему свою «ласку» и «подпоможеньемъ маетности», пожаловавъ ему 16 волокъ «кгрунъту неоселого» въ лѣсничествѣ пуци Немонитской, «ему самому и малъжонце его до двухъ животовъ». Ротмистръ могъ иногда ссудить и скарбъ земскій деньгами, будетъ ли это въ случаѣ расплаты имъ своими средствами съ жолнерами и драбами, или прямою, непосредственною ссудою государственному скарбу. Какъ и другіе кредиторы скарба, ротмистръ могъ въ такомъ случаѣ получить въ «заставу», столовыя земли вплоть до уплаты ему скарбомъ долга. Такъ на примѣръ, взявъ «пѣвное сумы пенезей в скарбъ» свой «господарскій и земскій на потребу» свою «господарскую и земскую у старосты и ротмистра» своего «замку Коконгавзенскаго в земли Лифлянтской, у Миколая Богдана Стецковича», король заставилъ и записалъ «ему в той суме мети и держати до выкупленья» нѣкоторыя села Браславскаго повѣта ¹⁾. Бывали, конечно, случаи и постройки ротмистрами замковъ въ цѣляхъ обороны государства, а затѣмъ освоенія ихъ въ свою собственность. Такъ 31 октября 1571 года была дана въ Варшавѣ къ каштеляну Полоцкому, старостѣ Черчерскому, Лепельскому и Пропойскому, пану Юрію Зеновьевичу и Дисенскому старостѣ, пану Боркулабу Ивановичу Корсаку грамо-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 11 об.—12. Дата: Городна, 7 іюня 1568 года.

та Сигизмунда Августа ¹⁾ слѣдующаго содержания. Зеновьевичъ и Корсакъ писали къ королю о томъ, что «в небытности» ихъ въ замкахъ королевскихъ «украинныхъ», въ то время, когда они находились въ Вильнѣ при панахъ-радахъ, ротмистръ королевскій Воронежскій, Богданъ Кошчичъ, «одержавши на роту и взявши отпаву отъ пана Виленского, гетьмана» наивысшаго Литовскаго ²⁾, стоялъ въ Воронежскомъ королевскомъ замкѣ, а «потомъ до конца Веченского, который перво сего ротмистръ» королевскій «козацкый Богдан Телица под неприятелемъ убегъ, и тамъ на немъ замочокъ будовати почалъ, ехавши, а менуючи то быть отчизною своею, его осель и с моцы Теличыны взялъ». Телица на этотъ поступокъ Кошчича жаловался тогда же въ Вильнѣ панамъ-радамъ, но затѣмъ, не ожидая «росправы скутечное» со своимъ обидчикомъ, «помочь себе, яко противъ неприятеля» государева, «собралъ и, з многими людьми, также зъ стрельбою тотъ копецъ Вечельскій обълегъши а недѣбаючи на упоминанье врадника» Лепельскаго, пана кашталяна Зеновьевича, который оффиціально «гамовалъ» его въ томъ, чтобы «бурды и замешанья, яко на украине не чинилъ», взялъ спорный копецъ «под Кошкою моцью непристойне». Овладевъ Веченскимъ копцомъ, Телица, «тамъ вшодъшы, Кошъчича самого и хто при немъ былъ, яко людей неприятельскихъ, битъ и иные неслухные збытъки чинити велель, и в замешанью тамъ вся маетность Кошъчина роспрошена, жоне, девкам и служебницамъ его бои, зраненье и легкость великая учинена». Приводимое свидѣтельство документа важно для насъ и въ другомъ отношеніи: оно рисуеть нравы ротмистровъ, возможность для нихъ находить въ своихъ отрядахъ готовую военную силу для своихъ частныхъ, личныхъ дѣлъ и интересовъ и жестокость кровавой расправы, учиняемой ими. Эта картинка нравовъ тѣмъ болѣе важна для изслѣдователя, что она рисуеть моральныя качества лицъ, или занимавшихъ уже свое мѣсто въ рядахъ политически полноправнаго народа - шляхты при его громадномъ и социальномъ значеніи въ Княжествѣ, или же имѣвшихъ большую возможность, чѣмъ кто-либо другой изъ людей «стану простого», получить «пасованье» королевское и вступить въ ряды шляхетныхъ обывателей Литовскихъ. Чтобы закончить нашъ обзоръ

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 3—4 об.

²⁾ Староста Городенскій и Могилевскій, панъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ.

положенія ротмистровъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, намъ нужно еще указать на существованіе особыхъ ротмистровъ казацкихъ ¹⁾ и Татарскихъ ²⁾, которые командовали отдѣльными казацкими и Татарскими военными отрядами. Нужно еще прибавить то, что иногда и простые «товарищи» ротъ ротмистровъ получали королевскія пожалованія, какъ, на примѣръ, получилъ 11 ноября 1568 года на службѣ земской двѣ пустошицны «товаришъ роты ротмистра» королевскаго «Киевскаго, Каспора Стужиньскаго, Янъ Жилинскій» ³⁾. Подчиненными ротмистрамъ военными начальниками были поручники и десятники. Но мы уже видѣли, что они вполнѣ должны были зависѣть отъ ротмистра, который былъ ихъ хозяиномъ-начальникомъ, закрывавшимъ ихъ своею особою и отъ непосредственныхъ сношеній съ Литовскимъ правительствомъ, конечно, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ слишкомъ уже выдающихся ихъ заслугъ.

Кромѣ ротъ, находящихся подъ командою ротмистровъ и дѣйствующихъ совмѣстно съ остальными Литовскими войсками. Княжество знало и партизанскіе отряды, дѣйствовавшіе совершенно самостоятельно, независимо отъ остальныхъ войскъ. Такъ Стефанъ Баторій во время Московской войны далъ право самостоятельныхъ военныхъ дѣйствій противъ Москвы Мартину Голанду и Ридигеру Арби, военныя способности которыхъ были извѣстны королю. Оба эти военачальника получили отъ Баторія разрѣшеніе нападать на Московскія владѣнія и войска, какъ и гдѣ они пожелаютъ, причемъ всю добычу они могутъ обращать въ свою пользу. Въ случаѣ же если они займутъ своимъ гарнизономъ непріятельскій замокъ, или городъ, то этому гарнизону король обѣщаетъ свое жалованье, какъ получаютъ его и королевскія войска ⁴⁾.

Командованіе войсками Литовскими было въ рукахъ гетмановъ, которыхъ въ великомъ Княжествѣ въ изслѣдуемый

¹⁾ Нпр., названный выше Богданъ Телица.

²⁾ Нпр., Гасанъ Улановичъ, ротмистръ Татарской роты. Лит. Метр. III A / 10 л. 78 (1569 г.). Ср. также Ист.-Юр. Мат. V, стр. 87: «для бывшихъ ихъ млстей пановъ жолнеровъ зъ подхороньги Татарской, ротмистра и поручника...» (1688 г.).

³⁾ Лит. Метр. I A / 49 л. 36 («Яну Жилинскому на две земли в повете Киевскомъ»).

⁴⁾ Сборникъ Муханова. Изданіе второе дополненное. СПб. 1866. № 89. Дата: Варшава, 4 марта 1578 года.

періодъ времени было три: наивысшій, Лифлянтскій и польный. Только послѣдній урядъ подлежитъ разсмотрѣнію въ настоящей главѣ, ибо остальные два были заняты сенаторами, и будутъ разсмотрѣны въ числѣ врядовъ сенаторскихъ. Гетманъ польный иначе назывался гетманомъ дворнымъ. Иногда одинъ и тотъ же документъ употребляетъ оба названія ¹⁾. Нельзя сказать, чтобы должность Литовскаго дворнаго или польнаго гетмана была правильно опредѣлена въ исторической литературѣ. Порай-Кошицъ говоритъ, что «полевой гетманъ былъ при великомъ гетманѣ начальникомъ штаба». Далѣе Порай-Кошицъ продолжаетъ, что урядъ этотъ былъ «впервые установленъ» при королѣ Стефанѣ и заканчиваетъ свое изображеніе вряда польнаго гетмана слѣдующими словами: «полевой гетманъ имѣлъ мѣсто въ сенатѣ, сохранялъ свое титуло пожизненно и, въ отсутствіе великаго гетмана, исправлялъ его должность» ²⁾. Въ приведенной характеристикѣ вряда польнаго гетмана не можетъ быть признана вѣрною ни одна черта. Въ самомъ дѣлѣ гетманъ польный имѣлъ вполнѣ самостоятельное значеніе, а вовсе не былъ лишь начальникомъ штаба при великомъ гетманѣ. Это видно хотя бы уже изъ того, что во время четырехлѣтняго ваката (1572—1576), наступившаго послѣ смерти Григорія Александровича Ходкевича ³⁾, въ рядахъ гетмановъ наивысшихъ, гетманъ польный по прежнему занималъ свой урядъ ⁴⁾, и не было назначено никого исправлять обязанности гетмана великаго, или же его «начальника штаба», по опредѣленію Порай-Кошица. Невѣрно также и то, что польное гетманство возникло лишь въ царствованіе Баторія, такъ какъ оно существовало уже до его начала ⁵⁾. Наконецъ, нельзя принять и утвержденія, что польный гетманъ былъ сенаторомъ и занималъ свой урядъ пожизненно. Гетмана польнаго не встрѣчаемъ въ спискѣ пановъ-радъ Речи Посполитой, составленномъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года ⁶⁾. Гетманъ польный, или дворный, Николай Криштофъ Радивилъ, былъ одновременно подчашимъ Литовскимъ. Онъ сдѣлался членомъ сената лишь послѣ того, какъ получилъ Троцкую каштелянію ⁷⁾. Наконецъ, на примѣрѣ того же Николая

¹⁾ Нпр. А. Ю. и З. Р. I. № 167 (1573 г.).

²⁾ *Порай-Кошицъ*. Ист. р. о Лит. дв. Стр. 44.

³⁾ *J. Wolff. Sen. i dign. Str. 150.* ⁴⁾ Николай Криштофъ Радивилъ.

⁵⁾ См. *М. К. Любавскій*. Лит.—Р. сеймъ. Стр. 335, 336.

⁶⁾ *Vol. leg. II. Str. 93.*

⁷⁾ Въ 1579 году. См. *J. Wolff. Sen. i dign. Str. 155.* ^{?)} См. *ibidem*.

Криштофа Радивиля видимъ, что врядъ гетмана польнаго не былъ пожизненнымъ, такъ какъ въ 1589 году послѣдній замѣнилъ его гетманствомъ наивысшимъ. Не менѣе ошибочнымъ является представленіе о гетманѣ полномъ, которое даетъ И. Д. Бѣляевъ ¹⁾. Онъ считаетъ гетмана дворнаго и гетмана польнаго двумя различными должностными лицами. Мы уже видѣли, что это одинъ и тотъ же урядъ. Дворнаго гетмана И. Д. Бѣляевъ опредѣляетъ, какъ начальника «наемныхъ войскъ государева двора», а относительно гетмановъ полныхъ говоритъ, что ихъ «значеніе по имѣющимся даннымъ, нельзя опредѣлить прямо и положительно, но кажется такъ назывались временные гетманы на полѣ битвы, подчиненные великому гетману, такъ сказать, вице-гетманы, или товарищи гетмана». М. К. Любавскій соединяетъ гетманства дворное и полное въ одинъ урядъ, но въ характеристику этого уряда приводитъ лишь то, что «въ тѣхъ случаяхъ, когда должность гетмана (т.-е. гетмана наивысшаго) оставалась незамѣщенной, гетмана наивысшаго замѣщалъ гетманъ дворный, или польный» ²⁾.

Таковы представленія о врядѣ Литовскаго гетмана польнаго, существующія въ исторической литературѣ Русской. Познакомившись съ ними, постараемся обрисовать врядъ гетмана польнаго насколько позволяютъ намъ это сдѣлать наши источники. Но прежде чѣмъ заняться самимъ гетманомъ полнымъ, познакомимся съ врядникомъ, находившимся при немъ, а именно съ писаремъ полнымъ. Это знакомство дастъ намъ возможность отчетливѣе себѣ представить и врядъ самого польнаго гетмана. Писарь польный велъ списки «людей служебныхъ», т.-е. жолнеровъ, и документы называютъ писаря польнаго и писаремъ людей служебныхъ ³⁾. Документы, говорящіе о назначеніи на писарство полное, рисуютъ этотъ врядъ урядомъ, подъ «справою» котораго находятся жолнеры, расположенные по замкамъ и въ полѣ ⁴⁾. Другіе источ-

1) И. Д. Бѣляевъ. Разказы изъ Русской исторіи. Кн. IV. Стр. 347.

2) М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 414.

3) Войтехъ Стабровскій называется королемъ «писар людей служебныхъ войска нашего» (Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 33 об., 34 об. Оба документа относятся къ 27 мая 1569 года); въ другомъ же документѣ онъ названъ писаремъ полнымъ (Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 57 об.—см. слѣдующее примѣчаніе).

4) «Листъ Фронъца Жука на писарство полное.—Жикгимонт Августъ Божю милостью королъ Польскій etc. Подскарбему земьскому великаго княства Литовскаго, пану Миколаю Нарушевичу. Ознаймуемъ твоей милости, ижъ

ники даютъ знать, что писарь польный вѣдалъ и выдачу «служебнымъ» ихъ жалованья. Такъ, польный писарь Войтехъ Стабровский «не мало пенезей своихъ властных, позычившы у вѣшнихъ людей, выдалъ на пилные потребности земьские пры войску и людехъ» королевскихъ «служебныхъ». Общая сумма его выдачи изъ собственныхъ денегъ—2425 копъ 32 гроша и 7 пенезей, «яко се то з личбы его в скарбе земьскомъ показало»¹⁾. Такимъ образомъ, повидимому, польный писарь былъ и казначеемъ, выдававшимъ наемному войску его жалованье²⁾. Когда король назначалъ новаго польнаго писаря, онъ извѣщалъ объ этомъ назначеніи ротмистровъ и жолнеровъ, предписывая имъ ставить передъ нимъ свои отряды, когда онъ пожелаетъ получить отъ нихъ «ведомость» объ ихъ солдатахъ и пожелаетъ ихъ «пописовати»³⁾. Врядъ

мы господарь, бачачы быти годного и потребьного ку служьбамъ нашимъ господарьскимъ и потребамъ речы: посполитое служебника нашего Фроньца Жука, з ласки наше господарьское поручыли есмо ему справу писарства польного над всеми людми служебными, которые в паньстве нашомъ великомъ князстве Литовскомъ (л. 57) в поли и на замькохъ служить. Твоя бы милость о томъ ведалъ и на тое писарство польное ему юркгелтъ зыкый (sic) з скарбу нашего пенезьми готовыми сукнами, одамашками в кожьдый год потому, яко и першому писару полному Войтеху Стабровьскому даivano, выдати велел и, ничого не задерживаючы, юркгелту потому, яко и Войтеху Стабровьскому даывано з скарбу нашего, твоя милость выдавати будешь; то за симъ листом нашимъ и за квитами его часу личьбы твои (sic) милости прыймовати роскажемъ». Дата: Люблинь, 15 іюля, 1569 года. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 57—57 об.

¹⁾ «Листъ Стабровского, до пана Внучка писаный, ижьбы ему в тивунстве своемъ в суме пенезей завел и поступил волок двесте». Дата: Люблинь, 27 мая 1569 года. Ibidem, л. 33 об.—34 об. См. также «листъ до пана старосты Жомоитьского, Стабровьскому в той же речы даный». Дата та же. Ibidem, л. 34 об.—35.

²⁾ Ср. А. Ю. и З. Р. I. № 167 (1573 г.).

³⁾ «Листъ до ротмистровъ украинскихъ, Жуку даный, ижьбы о том (т. е. объ его назначеніи писаремъ польнымъ) ведали и почты свои перед нимъ пописовали. — Жикгимонт Август Божю милостью корол Полский etc. Ко всемъ ротьмистромъ езднымъ и пешымъ, поручьникомъ и товаришомъ роть ихъ на замькохъ украинскихъ в паньстве нашомъ, великом князстве Литовскомъ. Ознаймуемъ вамъ, ижь мы господарь, бачачы быти годного и потребьного ку служьбамъ нашимъ господарьскимъ и потребамъ речы посполитое служебника нашего Фроньца Жука, з ласки наше господарьское поручыли есмо ему справу писарства полного над всеми людми служебными, которые в панстве (л. 57 об.) нашомъ великомъ князстве Литовскомъ в поли и на замькохъ служить. Вы бы о томъ ведали, и прыказуемъ вамъ, ижьбы есте

писаря польнаго въ Княжествѣ былъ, повидимому, совершенно сходнымъ съ одноименнымъ вѣдомомъ Короны. По крайней мѣрѣ Лелевель такъ опредѣляетъ назначеніе этого вѣдника: «pisarze polni ustanowieni do przeglądu żołnierzy i koni, spisywania jich i wyliczania zoldu» ¹⁾. Въ дополненіе къ тому, что мы сказали въ характеристику писарства польнаго нужно добавить, что на этотъ вѣдъ шло ежегодное жалованье, юргельтъ. Въ изслѣдуемый періодъ времени Княжество имѣло двухъ писарей польныхъ, такъ какъ къ обычному вѣднику этого уряда былъ прибавленъ еще спеціально для Инфлянтъ особый писарь польный «в земли Лифлянтской», состоявшій тамъ при гетманѣ Лифлянтскомъ. Постъ администратора и гетмана Лифлянтскаго занималъ съ 1566 года по 1578 Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, а писаремъ польнымъ къ нему былъ назначенъ еще Сигизмундомъ Августомъ въ послѣднее время его жизни тивунъ Вешвенскій, панъ Войтехъ Стабровскій, бывшій до этого назначенія писаремъ польнымъ Литовскимъ ²⁾.

Познакомившись съ писаремъ польнымъ вернемся къ характеристикѣ вѣда его ближайшаго начальника, гетмана польнаго. Надо думать, что если «польный» писарь вѣдалъ наемныхъ жолнеровъ, то и «польный» гетманъ стоялъ также во главѣ ихъ. Гетманъ польный долженъ былъ быть командиромъ наемнаго войска. Наемное войско было во дворѣ для охраны государя и его двора; наемныя войска были расположены на границахъ государства, «в поли» и въ замкахъ. Понятно поэтому, что гетманъ, командовавшій наемными войсками, могъ называться и гетманомъ дворнымъ, и гетманомъ польнымъ въ одно и то же время.

почты свои, которые за пенези наши ку службѣ земьской военной ставити повинни, перед нимъ, кгда васъ пописовати и ведомость от васъ мети похочеть, оказывали и во всемъ ся потому, яко и першымъ писаромъ полнымъ заховывали конечно». Дата: Люблинъ, 15 іюля 1569 года. Лит. Метр.

III A
10 л. 57 об.—58. (Передъ словомъ «конечно» вписано «и ку нему заховали». Какъ позднѣйшую приписку, мы не внесли этихъ словъ въ документъ, издавая его).

¹⁾ *Joachim Lelewel*. Polska, dzieje i rzeczy jej. Tom IV. Poznań. 1856. Str. 66.

²⁾ См. «потверженье пану Войтеху Стабровскому на писарство полное в земли Пфлянтской и на юргелт на тоє писарство и на почот водлугъ привилію короля Генърыка». Дата: Станиславово, 4 августа 1576 года. Лит. Метр.

I A
56 л. 60—61.

Какъ командиръ лишь наемнаго войска, гетманъ польный самъ находится подъ командою гетмана наивысшаго, который стоитъ во главѣ всѣхъ военныхъ силъ, т.-е. и наемныхъ, и народно-шляхетскихъ. Во время походовъ и битвъ польный гетманъ дѣйствуетъ «зъ розказанья пана гетмана наивысшаго»¹⁾. Въ рушеньѣ шляхты гетманъ польный не можетъ быть ея главнокомандующимъ; шляхта станетъ только подъ команду гетмана наивысшаго, если не самого государя. Янъ Глѣбовичъ писалъ Яну Ходкевичу 29 января 1576 года: «do garła i z bracią szlachtą swą tego nie postarzę, abym się pod regiment polnego hetmana udać miał...»²⁾. Гейденштейнъ, рассказывая объ обращеніи Баторія въ 1577 году къ Литовской шляхтѣ съ призывомъ на войну, говоритъ, что король передалъ военную власть въ Княжествѣ Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу, «такъ какъ Григорій Ходкевичъ, который раньше тамъ начальствовалъ, въ это время умеръ»³⁾. Ясное дѣло, что необходимымъ назначеніе гетмана наивысшаго сдѣлалось потому, что въ войнѣ должны были принимать участіе не одни наемныя войска, но и народъ-шляхта, рушащійся по призыву королевскому. Какъ начальникъ наемныхъ войскъ, гетманъ дворный получаетъ королевскія приказанія для передачи старостамъ «украиннымъ» о формированіи ихъ отрядовъ⁴⁾. Когда Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ сложилъ съ себя обязанности администратора и гетмана Лифлянтскаго, Стефанъ Баторій просилъ Криштофа Радивила взять въ свои руки заботу объ оборонѣ Инфлянтъ. Ему передается командованіе жолнерами, а самъ онъ въ качествѣ польнаго гетмана становится подъ начальство своего отца, гетмана наивысшаго, Николая Радивила⁵⁾. Должность гетмана польнаго была соединена съ немалыми расходами ввиду необходимости постоянныхъ разъѣздовъ, а также содержанія своего почта, отряда охраны для этого врядника⁶⁾. Поэтому Криштофъ Радивиль, подчашій и гетманъ польный Княжества, получалъ по 800 копъ грошей Литовскихъ юргельта, пожалованнаго ему королемъ Стефаномъ⁷⁾.

¹⁾ А. З. Р. III. № 35 (1564 г.).   ²⁾ А. Н. Р. Г. Р. III. XI. № IV.

³⁾ Записки о Моск. войнѣ. Стр. 5, 6.

⁴⁾ А. Н. Р. Г. Р. III. XI. № XXVI. (Листъ Стефана Баторія Криштофу Радивилу. Дата: Варшава, 6 іюля 1576 года).

⁵⁾ Biblioteka Ordynacyi Krasieńskich. Muzeum Konst. Swidzińskiego. Tom piąty i szósty. № 53. Ср. Гейденштейнъ. Зап. о М. в. Стр. 39.

⁶⁾ См. А. Ю. и З. Р. I. № 167.

⁷⁾ «Пану Криштофу Радивилу, подчашому и гетману полному вел. кн. Литовского, лист до пана подскарбего о выдаване его мл. юргельту, на тое

Переходя къ изображенію положенія частно-служилой шляхты, т.-е. шляхетныхъ обывателей великаго княжества Литовскаго, служившихъ частнымъ лицамъ и врядникамъ и несшимъ такимъ образомъ эту службу одновременно съ обязательствомъ исполнять земскую свою службу Речи Посполитой, мы должны предварительно отвѣтить на два вопроса: почему болѣе состоятельные обыватели принимали къ себѣ на службу шляхтичей и почему эти послѣдніе мѣняли свое независимое положеніе свободнаго и полноправнаго обывателя, «брата» пана, на отношенія, отъ него зависимыя? Вѣдь не всегда могло представляться пану желательнымъ имѣть служебника - шляхтича, котораго сословное положеніе давало ему извѣстныя права и «благородство» котораго требуетъ къ себѣ

гетманство поступленого, в каждый год по две тисечи золотых.—Стефанъ Божию милостью король Польскій etc. Подскарбему земскому и писару нашему великаго князства Литовскаго, старосте Пиньскому и Олитскому, державцы Квасовскому, пану Лаврыну Войне. Ижъ мы, господарь, маючы ласкавый взглядъ на службы значныя подчашаго нашего и гетмана полнаго великаго князства Литовскаго, пана Крыштофа Радивиля, которые его милость завжды зъ себе ку речы посполитой оказовалъ и теперь оказовати не переставаетъ, не малый коштъ подымаючы на враде гетманьства польнаго, а хочечы его милости и вперед тымъ хутлившого ку службамъ нашимъ господарскимъ и земскимъ способити, поступили есмо его милости и симъ листомъ нашимъ поступуемъ юркгелту в скаръбе нашемъ великаго князства Литовскаго на каждый год две тисечи золотыхъ Польскихъ, то есть осмь сотъ копъ грошей личбы и монеты паньства нашего великаго князства Литовскаго до большаго и пожиточнейшаго з ласки наше господарское опатренья. А маеть быти его милости тотъ юркгелтъ зъ скарбу нашего завжды выдаванъ в рокъ на светый Мартинъ, почавшы отъ прышлого светого Марьтина в року семдесят шостомъ. А такъ твоей милости, подскарбему земскому и писару нашему великаго князства Литовскаго, старосте Пиньскому и Олитскому, державцы Квасовскому, пану Лаврыну Войне и инымъ напотом будучымъ подскарбимъ земскимъ прыказуемъ, абы еси пану подчашому тот юркгелтъ две тисечи золотыхъ Польскихъ, почавшы отъ прышлого светого Марьтина на каждый годъ спольна зъ яких-кольвекъ пенезей нашихъ, которые одно наперодъ мети будешъ, платилъ без всякаго омешканья и переводу. А-то твоей милости за симъ листомъ нашимъ и за квитомъ пана подчашаго на личбе будетъ прыймовано. Якожь пану подчашому особливый листъ нашъ господарский на тот юркгелтъ есть данъ и под одною датою, ведъже тые оба два листы наши на одинъ юркгелтъ належать. Писан у Кнышине» 30 июля 1576 года. «Матей Савицький» Подляшскій кашталянъ и писарь Литовскій. Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 27 об.—28. Самый «привилей пану Крыштофу Радивилю на юркелтъ на гетманьство полнос в каждый год по две тисечи золотыхъ Польскихъ» см. *ibidem*, л. 57—57 об. Дата: Кнышинъ, 30 июля 1576 года.

все-таки извѣстныхъ границъ въ обращеніи съ нимъ, притомъ этому служебнику необходимо было рядомъ со службою своему хозяину думать и о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ государству. Обладаніе слугою-шляхтичемъ рядомъ съ удобствами и выгодами давало много и неудобствъ, и невыгодъ. Что касается до причинъ, побуждавшихъ самихъ шляхетныхъ обывателей искать службы у богатыхъ и «можныхъ» людей, то выясненіе ихъ также необходимо. Чтобы отвѣтить на первый вопросъ, мы должны обратиться къ изученію состава слугъ и ихъ назначенія въ домѣ богатаго обывателя Княжества того времени. Оно объяснитъ намъ и причины, вызывавшія принятіе къ себѣ на службу панами шляхтичей, и то мѣсто, и то положеніе, которыя занимали шляхетные слуги въ ряду слугъ частныхъ лицъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. На второй вопросъ отвѣта будемъ искать въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ жила шляхетская масса Княжества.

Источники знаютъ слугъ свободныхъ и рабовъ. Разрядъ свободныхъ слугъ притомъ раздѣляется на два: 1) слуги, обязанные своею службою въ силу своей принадлежности къ составу населенія того, или другого имѣнія, какъ и крестьяне, приписанные къ нему, и 2) слуги, добровольно, по своему личному побужденію ставшіе слугами того, или другого лица. Въ первомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ принадлежностью къ той или другой группѣ населенія въ силу рожденія и обладанія извѣстнаго назначенія земельными участками; во второмъ—съ условіями найма, или заемнаго обязательства, хотя и также въ силу необходимости, необходимости экономической, но съ точки зрѣнія документа и права добровольнаго вступленія въ ряды слугъ. Названіе слугъ-рабовъ—«челядь невольная», «невольники». Статутъ признаетъ три источника рабства въ Княжествѣ. Онъ устанавливаетъ: «ижъ неволници мають быти троякихъ причинъ: первые, которые суть здавна въ неволи, або з невольныхъ се родятъ; другіе, которые полономъ заведены суть изъ земли непріятельское; третіе, коли бы се сами въ неволю поддали»¹⁾. Въ разрядъ отдавшихъ самихъ себя въ неволю должны быть отнесены и тѣ, кто, «вѣдаючи жонку невольную, въ малженство понялъ, хотя человекъ вольный, тогды таковый самъ и дѣти ихъ въ неволи быти мають». Далѣе статутъ продолжаетъ: «а естли бы се невѣдоме поняли, а одинъ

¹⁾ II ст. XII. 13.

въ нихъ будучи вольнымъ не хотѣлъ въ томъ быти», то необходимо только что вступившимъ въ бракъ обратиться «до права духовного, водле которого ихъ мають розвести, а по разводѣ таковой вольный маеть зостати вольнымъ, а невольный невольнымъ». Эти слова закона, указывая выходъ изъ того положенія, въ которомъ оказался вступившій въ бракъ съ несвободнымъ человекомъ, заставляютъ думать, что и по женѣ-рабѣ, и по мужу-рабу другой изъ супруговъ дѣлается самъ рабомъ. То-есть принципъ тотъ же, что и въ Московскомъ законодательствѣ: «по робѣ холопъ, по холопѣ роба» ¹⁾. Нужно, однако, замѣтить, что какъ разъ въ изслѣдуемую эпоху, т.-е. въ періодъ времени между изданіемъ второго и третьяго Литовскихъ статутовъ, взглядъ на невольничество въ законѣ нѣсколько измѣнился, и статутъ 1588 года постановляетъ, что «невольники впередъ не мають быти з ыншихъ причинъ, одно полоненики», всю же остальную «челядь невольную», а также и дѣтей полонениковъ онъ предписываетъ осаживать на земляхъ, и они должны «розумены быти за отчичовъ» ²⁾, т.-е. они переходятъ въ разрядъ крѣпостныхъ. Акты знаютъ и случаи, когда, несмотря на несвободу одного изъ супруговъ, другой оставался вольнымъ ³⁾. Какъ бы то ни было, «невольники» существуютъ и въ XVІІІ вѣкѣ ⁴⁾.

Въ изслѣдуемый періодъ времени дѣйствующимъ законодательствомъ былъ статутъ 1566 года, а потому намъ необходимо вновь вернуться къ его постановленіямъ о несвободныхъ ⁵⁾. За-

¹⁾ Царскій Судебникъ—76. Судебникъ Ивана ІІІ—66.

²⁾ ІІІ ст. XII. 21.

³⁾ Нпр., «паробки двора Роского: Степурка, козачокъ, жона вольная, детей нѣтъ». Вил. Арх. Сб. I. № 46, стр. 147 (1571 г.).

⁴⁾ Нпр., Ист.-Юр. Мат. XVІІІ. Стр. 85 (1710 г.).

⁵⁾ Съ примѣрами продажи и даренія рабовъ въ источникахъ встрѣчаемся очень нерѣдко. Такъ Герберштейнъ рассказываетъ: «Мелецкій, возвратившись съ войскомъ къ королю, привелъ съ собою большое число плѣнниковъ, которыхъ частію подарилъ публично королю, частію друзьямъ». (Записки о Моск. войнѣ. Стр. 79). А вотъ еще примѣръ изъ книгъ Могилевскаго Магистрата (Вит. Центр. Архивъ. Могилевской губерніи, Могилевскаго Магистрата № 3. Актовая, л. 286): «Закупене Московки Ивашка.—Передъ лентвойтомъ, бурми страми, райцами, лавниками места Могилевскаго того року (1580), на справахъ мескихъ в ратушу будучымъ, ставши очевисто, Петръ Станиславовичъ, Петръ Миткевичъ а Хома Шыдковичъ чынили сознание того, иж што мы достали были Московку за границую под Рославлемъ в року прошломъ семьдесятъ девятомъ у в осень, на име Иреню. Тую Московку заставили мещанину Могилевскому Ивашку Сапроновичу у двухъ копахъ грошей Литовскихъ, которую он

конъ озабоченъ былъ охраною имущества каждаго обывателя, а слѣдовательно и охраною для него его рабовъ. Въ силу этого онъ дѣлаетъ постановленіе «о челядь невольную, которая втечетъ отъ пана своего»¹⁾. Этою статьею постановлялось, что, если бы кто-нибудь «вывелъ» чью-либо невольную челядь, «або вѣдаючи заказъ, въ себе переховывалъ, а то бы на него правомъ было переведено», онъ обязанъ отыскать эту челядь и вернуть ее ея господину. Если онъ не сможетъ, или не пожелаетъ этого сдѣлать, то обязанъ заплатить за нее цѣну, установленную закономъ²⁾, и вознаградить за убытки, причиненные хозяину бѣгствомъ его рабовъ и потерю рабочихъ рукъ, уплативъ по 6 грошей «мужику и жонцѣ за каждую недѣлю». Конечно, можетъ быть и такой случай, что «челядинъ невольный», уйдя отъ своего господина и скрывъ свое рабство, «за кого зашолъ», тогда его настоящій, т. е. тотъ, отъ котораго онъ ушелъ, господинъ просить «права» у этого новаго пана своего челядина. Если тотъ не захочетъ «ему на него права дати», то дѣло должно дойти до суда — «тогда таковій маеть притягненъ быти ку праву земскому», и въ случаѣ, если искъ будетъ доказанъ собственникомъ раба, а также будетъ имъ доказано, что онъ «въ него просилъ справедливости разъ и два, а онъ не далъ», то этотъ принявшій къ себѣ челядина, долженъ его «навезати» по 6 грошей въ недѣлю, начиная отъ того времени, когда у него собственникъ «права просилъ». Въ случаѣ же бѣгства раба, собственникъ получить со своего отвѣтчика то, что полагается за головщизну³⁾. Но если законъ гарантируетъ рабовладѣльцу обладаніе его собственностью-рабомъ, то, съ другой стороны, онъ понимаетъ, что рабъ, какъ человѣкъ, также требуетъ для себя хотя какой-либо заботы закона. Во время неурожая и голода господамъ становится невыгодно держать у себя своихъ рабовъ, которыхъ нужно кормить, и прогнать ихъ на это время изъ дому представляется выгоднымъ господину. Статутъ выступаетъ тутъ на защиту невольной челяди и постановляетъ, что, если кто-нибудь свою

маеть держать, покн се у него выробит, а меновите до чотырех рок. А по выистю тых чотырех лет волна мает быт пуцона, кому хотя, тому служыт. А где бы се ее приятели перед рокомъ озвили, тогда маеть ее отдат на окупъ. Мывжо от сего часу ее упоминат се у него не маемъ часы вечными. Которое сознание их Ивашка сълышачы, дал то до книг запишатъ.

¹⁾ II ст. XII. 10. См. также II ст. XIII. 5 («яко челядь невольная втекая маеть быти заповѣдана»).

²⁾ II ст. XII. 1.   ³⁾ II ст. XII. 9.

челядь во время голода выгнать изъ своего дома, «не хочечи ее кормити и переховывати», она становится людьми вольными, а не невольными. Разумѣется, такое дѣйствіе рабовладѣльца должно быть доказано, и это получается слѣдующимъ образомъ. Выгнанная изъ дому челядь заявляетъ о поступкѣ съ нею ея господина повѣтовымъ вѣдникамъ, или мѣстскому вѣду, бурми-страмъ, или мѣщанамъ, «а тые, которымъ се оповѣдаютъ», должны «обослати того пана, чія челядь» и если онъ сознается, что выгнать ее изъ дому «для голоду», не желая ее кормить, «тогда она челядь вѣчнѣ маеть быти вольна»¹⁾. Забота о челяди выражается и въ другомъ постановленіи статута, касающемся ея, хотя и не столько въ силу защиты ея интересовъ, сколько въ силу принципа исключительнаго значенія христіанской религіи въ государствѣ. «Жидъ, Татаринъ и кождый бесурмянинъ» не имѣеть права покупать христіанина «у вѣчную неволю». Если онъ это сдѣлаеть, то «пенези тратитъ, а тотъ хрестіанинъ маеть быти воленъ»²⁾. Но если, какъ мы сейчасъ видѣли, въ статутѣ 1566 года есть артикулы, въ которыхъ обнаруживается нѣкоторая забота закона о рабахъ, уже находящихся въ рабскомъ состояніи, то въ немъ есть и постановленіе, имѣющее цѣлью борьбу съ экономической нуждою, какъ силою, толкающею свободнаго въ ряды рабовъ. Если кто-нибудь «въ голодъ» самъ себя, или сына своего, или, наконецъ, вообще вольнаго человѣка «въ неволю продалъ и листъ на то далъ», т.-е. выдалъ письменный документъ-обязательство, то этотъ листъ «не маеть быти держанъ», не имѣеть силы, но, когда минуетъ голодъ и продавшійся, или проданный въ неволю добудеть себѣ денегъ, онъ вернетъ «пенези» покупщику, а самъ снова сдѣлаеться свободнымъ. Такой человѣкъ еще не челядь невольная, которую вольно продавать и которая «ведле продажи маеть вѣчнѣ держана быти»³⁾.

Такимъ образомъ, статутъ совершенно ясно и отчетливо опредѣляетъ невольную челядь, какъ общественную группу населенія великаго княжества Литовскаго. Если обратимся къ актамъ Литовскимъ, увидимъ въ нихъ тѣ назначенія, которыя давались челяди невольной. Вотъ, на примѣръ, «паробки двора Роского» имѣнія пани Юрьевой Ходкевича, пани Троцкой, княжны Софіи Юрьевны Слудкой, перешедшаго послѣ ея смерти къ ея дѣтямъ подъ опекою старосты Жомоитскаго Яна Ходкевича⁴⁾. Паробки

¹⁾ II ст. XII. 12.   ²⁾ II ст. XII. 5.   ³⁾ II ст. XII. 11.

⁴⁾ Вил. Арх. Сб. I. № 46 (1571 г.). Стр. 147.

этого двора слѣдующіе: «Степурка, козачокъ, жона вольная, дѣтей нѣтъ. Василь, кухаръ, Дуло, жона вольная. Минець, козачокъ, жона вольная. Иванъ Рудый и жона невольная, сынъ 1...» и т. д. «Тымъ всимъ невольникомъ»,—читаемъ послѣ списка паробковъ,—«мѣсячины дають на годъ каждому зъ нихъ на голову по 4 копы жита». Въ данномъ случаѣ имѣемъ, такимъ образомъ, примѣръ челяди невольной, имѣющей своимъ назначеніемъ службу во дворѣ и прислуживаніе господину въ его домѣ. Но, конечно, незачѣмъ было при обилии невольниковъ, а то и по инымъ какимъ-либо различнымъ соображеніямъ рабовладѣльца, употреблять всѣхъ своихъ рабовъ на дворовую службу и на услуги. Такимъ невольникамъ нужно было платить «мѣсячину», содержаніе, но можно рабовъ перевести на пашню, и тогда они сами себя прокормятъ да, сверхъ того, еще дадутъ доходъ и владѣльцу. При наличности необходимыхъ для этого условій, обладаніи незанятою крестьянами землею, возможности и желаніи обойтись безъ дворовыхъ услугъ тѣхъ, или другихъ рабовъ—такой переводъ рабовъ на оброкъ и повинности совершался естественно. Напримѣръ, въ имѣніи Обновлянскомъ (въ землѣ Жомоитской) находимъ паробковъ, сидящихъ на моргахъ¹⁾. Это пять человекъ, и «каждый зъ нихъ держитъ моркговъ по дванадцати. Повинность ихъ до двора на службу ходити, на каждый тыдень зимѣ и лѣтѣ по пети дней, пашню дворную волми и клячами дворными пахати о своемъ хлѣбѣ, а жены ихъ водлѣ давного звычаю мають служити до двора». Подобныя этому условія перевода челяди невольной на морги, конечно, представляли несомнѣнную выгоду для рабовладѣльца.

Передъ своею смертыю очень нерѣдко рабовладѣльцы отпускали на волю своихъ невольниковъ. Такъ напримѣръ, передъ своею смертыю «вольнымъ учинилъ»²⁾ своего пастуха и другую челядь невольную своего имѣнія Пештувянъ Ковенскаго . повѣта панъ Иванъ Винкъ, землянинъ Ковенскій. Статутъ постановляетъ: «ижъ каждый якого кольвекъ стану невольнику своему, не вчинившы его напередъ вольнымъ, ничего тестаментомъ записати не можетъ, абы его первей вольнымъ учинилъ»³⁾. Въ завѣщаніяхъ очень часто можно встрѣтиться съ отпускомъ на волю рабовъ, какъ съ богоуднымъ дѣломъ, совершаемымъ передъ смертыю.

¹⁾ А. Вил. XIV. № 24 (1583 г.). Стр. 268.

²⁾ А. Вил. XIV. № 25 (1583 г.). Стр. 273.

³⁾ II ст. VIII. 4.

Такъ, жена королевскаго маршалка, державцы Мойшокгольскаго, князя Яна Болеславовича Свирскаго, урожденная Ганна Рагозянка въ своемъ тестаментѣ пишетъ: «челядь моя невольная, а меновите: невѣста на име Федья, прозвищомъ Утка, и дочька ее Настасья и зъ сыномъ своимъ, и Орина зъ сыномъ своимъ и братъ ее Васько, также и иная вся челедь, што кольвекъ есми ее мѣла, и по животѣ моемъ гдѣжъ кольвекъ зостанеть, такъ мужскаго, яко и невѣстего стану, вольная и невольная, по животѣ моемъ маеть быти вольно выпущона зъ дѣтьми, зъ статкомъ и зо всею маетностью ихъ»¹⁾. Дѣти завѣщательницы и всѣ ея близкіе и ихъ потомки по волѣ ея «до тое челеди» ея, «до дѣтей и маетностей ихъ ничего мѣтъ и нигдѣ ихъ поискивать не мають и не будутъ мочи вѣчными часы». Примѣровъ такихъ отпусковъ на волю невольниковъ въ завѣщаніяхъ можно привести очень много. Но куда-же дѣвались эти рабы, получающіе свободу? Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ былъ классъ «людей похожихъ», не освѣвшихъ, такъ сказать, ни въ какой группѣ населенія его съ опредѣленною ея фізіономією, а переходившихъ съ мѣста на мѣсто безъ недвижимой собственности, или владѣнія, иногда перебываясь случайною работою, иногда вступая на службу по найму, или по домовому обязательству, а въ случаѣ отсутствія работы иногда пользуясь подаянiемъ, которое давали похожимъ людямъ и частныя лица, и города, какъ они давали «ялмужну» и похожему человѣку, и студенту, и монаху, и драгуну, и всякому другому, кто, проходя черезъ городъ обращалъ на себя вниманіе и возбуждалъ милосердіе мѣстскаго вряда²⁾.

Челядь невольная составляла одинъ лишь видъ слугъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Кромѣ нея, были слуги, живущіе на земельныхъ участкахъ служебнаго назначенія, владѣя которыми они обязаны были въ силу этого владѣнія нести тотъ, или другой видъ службы въ пользу собственника имѣнія. Были еще и слуги-наймиты, или слуги-заемщики, служившіе по обязательству «листовному», какъ выразились бы Литовскіе акты. Въ очень многихъ имѣніяхъ, а въ крупныхъ почти во всѣхъ, встрѣчаемъ особый классъ слугъ различнаго рода. Возьмемъ для примѣра имѣнія Полоцкаго хоружія пана Ивана Михайловича Зеновевича³⁾. Въ его

¹⁾ А. Вил. VIII. № 173 (1588 г.). Стр. 462—463.

²⁾ Нпр., Ист. Юр. Мат. VII. Стр. 45, 46, 88, 102, 110 и др.

³⁾ Полоцкая Ревизія. Л. 38—39 об.

имѣніи Бобыничяхъ было 18 путныхъ слугъ, въ Куликовщинѣ—1 слуга путный, въ Диснѣ—3 путныхъ и 4 домовыхъ слуги, въ Засельѣ—1 домовый и 2 путныхъ, въ Кондратовщинѣ, Ваколовщинѣ и Териховщинѣ—2 путныхъ, въ Лукьяновщинѣ—1 путный, въ Ловейковщинѣ—1 домовый, въ сельцѣ Туросѣ—1 домовый, въ сельцѣ Гомьѣ—2 путныхъ. Такимъ образомъ пану Зеновевичу принадлежали 36 слугъ, изъ которыхъ 29 были путными и 7 домовыми. Путные слуги для своего пана «зъ листы ездятъ», и въ этомъ заключается та повинность, которою они обязаны по отношенію къ землевладѣльцу, своему пану. Полоцкая ревизія 1552 года прямо говоритъ о путныхъ слугахъ: «тые ему служатъ, где потреба зъ листы ездятъ»¹⁾. Путные слуги не были исключительною принадлежностью имѣній очень богатыхъ, выдающихся по своему состоянію землевладѣльцевъ, какимъ является Полоцкій хоружій панъ Иванъ Михайловичъ Зеновевичъ среди шляхты Полоцкой. Въ имѣніяхъ землевладѣльцевъ средней руки слуги путные—явленіе обычное. Такъ наприимѣръ, Семень Митковичъ Кублицкій, владѣвшій 33 дымами крестьянъ, имѣлъ еще пять путныхъ слугъ²⁾, Ѳедоръ Богдановичъ Кублицкій, владѣвшій 31 дымомъ,—3 дыма слугъ путныхъ³⁾, Гринашко Кублицкій, владѣвшій 35 дымами,—4 дыма слугъ путныхъ⁴⁾. Даже въ довольно мелкихъ имѣніяхъ встрѣчаемъ иногда путныхъ слугъ. Такъ, къ двору Тяпино⁵⁾, имѣнію отчизному Матвѣя Ивановича Тяпинскаго, принадлежали 2 путныхъ слуги⁶⁾, 4 службы людей тяглыхъ⁷⁾, 8 человекъ людей куничныхъ⁸⁾, да 4 огородника⁹⁾. Однако, не всегда путный слуга служилъ дѣйствительно «путь», службу путную, «листовную», развозя листы своего пана. Съ теченіемъ времени владѣлецъ имѣнія могъ перестать нуждаться въ путной службѣ своего слуги. Прежде большое имѣніе могло раздробиться на части, раздѣленное между сонаслѣдниками, и новые владѣльцы небольшихъ имѣній, явившихся на смѣну одного крупнаго послѣ его раздробленія, не могли уже позволить себѣ роскошь имѣть слугъ специально путнаго назначенія. Что возможно и доступно болѣе, или менѣе крупному пану, то далеко не всегда было по средствамъ его потомкамъ,

¹⁾ Полоцкая Ревизія. Л. 38.

²⁾ Ibidem. Л. 63.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem. Л. 63 об.

⁵⁾ Ibidem. Л. 72 об.

⁶⁾ «ему конемъ служить».

⁷⁾ «ему по два дни въ недели служить».

⁸⁾ съ нихъ «ему куничи приходитъ копа и 37 грошей».

⁹⁾ «ему по дню въ неделю служить»

обратившимся въ рядовую шляхту. Поэтому въ мелкихъ и среднихъ имѣніяхъ обыкновенно путные слуги уже значатся служащими «конемъ», т.-е. военную службу своему господину; такимъ образомъ ими онъ пользуется для исполненія своихъ обязанностей передъ государствомъ въ дѣлѣ военной службы со своего имѣнія. Но иногда и въ крупныхъ имѣніяхъ встрѣчаемъ случаи перевода землевладѣльцемъ путныхъ слугъ съ ихъ путной службы на другую повинность. Въ имѣніяхъ, напримѣръ, пана Дмитрія Богдановича Корсака, землевладѣльца крупнаго, ставившаго 26 коней «ку службе земьской военной», путные слуги были переведены на оброкъ, а съ листами ѣздили бояре, которыхъ у него было 25 человекъ и 10 дымовъ¹⁾.

Кромѣ слугъ путныхъ, источники знаютъ слугъ домовыхъ, также какъ и путные, владѣющихъ особыми земельными участками на своей службѣ. Домовые слуги «земли свои мають», а землевладѣльцу «з данины», или «з сукни служатъ»²⁾. Они исполняютъ домовыя службы въ домѣ землевладѣльца. Какъ и путные слуги, домовые переводились въ мелкихъ имѣніяхъ обыкновенно на службу «конемъ»³⁾. Кромѣ того, источники знаютъ слугъ, которые землевладѣльцу «зъ данинъ служатъ, земли свои мають»⁴⁾. Есть слуги, сами владѣющіе людьми⁵⁾, подобно тому, какъ ими владѣютъ и бояре.

Всѣ эти слуги были людьми крѣпкими своимъ земельнымъ участкамъ и обязанными за нихъ нести свою службу: они уже въ силу своего рожденія въ этомъ классѣ населенія были слугами того, или другого назначенія. Рядомъ съ этими слугами были въ Литвѣ и слуги по своему «листу», по обязательству, выдаваемому ими своему пану, служить ему за долгъ, сдѣланный ими. Вотъ, напримѣръ, запись Андрея Петкевича пану Буйvidу⁶⁾, данная 10 марта 1571 года. Въ этой записи Андрей Петкевичъ, «чоловѣкъ похожій», вмѣстѣ со своими дѣтьми, Павломъ и Лавриномъ, «чинить явно» и «сознаеть» своимъ настоящимъ листомъ, что онъ вмѣстѣ со своими дѣтьми, живя не мало «за паномъ» Матвѣемъ Григоровичемъ Буйвидомъ на землѣ его «пашной», имѣлъ «одъ пана своего черезъ немалый часъ наданье немалое» наличными деньгами, хлѣбомъ молоченымъ и немолоченымъ, ско-

1) Его имѣнія описаны—*ibidem*, л. 34—38.

2) Нпр., *ibidem*, л. 40, 39 об. 3) Нпр., *ibidem*, л. 67.

4) Нпр., *ibidem*, л. 58 об. 5) *Ibidem*. Л. 59.

6) Вил. Арх. Сб. I. № 47 (Стр. 149—150).

томъ и «иными речми всякими, ку подворью потребными». Все, что взялъ Петкевичъ у пана Буйвида за все это немалое время, онъ оцѣнилъ въ 10 копъ грошей Литовскихъ. Ставъ въ такое положеніе должника, Андрей Петкевичъ вмѣстѣ со своими сыновьями, Павломъ и Лавриномъ, принимаетъ на себя обязательство служить «пану своему», пану Буйвиду, его женѣ и потомкамъ на вѣчное время, «и ни въ чемъ пана своего выступити» они не будутъ имѣть права. Въ случаѣ, если они нарушатъ свой листъ, или уйдутъ отъ своего пана, то онъ, его жена и потомки «мають» ихъ, «где колвекъ нашодши въ мѣсцы урадовномъ», или также у землянъ, взять, «яко своихъ власныхъ отчичовъ». Убытки, «шкода», отъ такого ухода слугъ отъ пана Буйвида имѣютъ быть имъ оцѣнены, и Петкевичи должны будутъ ему служить «вѣчне» какъ за прежнія 10 копъ грошей, такъ и за эту шкоду, которая такимъ образомъ еще болѣе закрѣпитъ и безъ того вѣчное обязательство ихъ службы Буйвиду, его женѣ и потомкамъ. Случалось, что въ своихъ долгахъ родители «заставляли» служить своему кредитору только дѣтей своихъ¹⁾. Но кромѣ такихъ слугъ по дол-

¹⁾ «Месеца мая 18 дня. Жаловал мнѣ Лаврину Здитовскому нам. Слонимскому мещанинъ господарский Слонимъский Давыд Подлытковичъ на чоботара Слонимъского Долбенку о томъ, иж дей зоставил был мнѣ сына своего Максимъца у 30 грошей. То пакъ первый рокъ мнѣ служилъ без выпусту, а на сес рокъ и покул бы аж отслужил тую 30 грошей умовилъ есми ему выпущат по осми грошей; нижли не выслуживши ни одного року от мене детина вшолъ прочъ». Долбенка оспаривалъ заставу сына, но Давидъ «слался на довод» и поставилъ свидѣтелемъ Андрея Огурцевича. «Давыд, и не шлючися до светка, выпускал ему за один рокъ грошей 8, а 22 гроши просилъ Долбенъка пред ся на светка, подвезуючися все платит, што Андрейко созналъ, иж того сведомъ, иж яко Долбенка у тридцати грошей Давыду сына своего зоставил и о выпускъ жадное умовы не слышал. Ям тую 30 грошей сказал ему Давыду заплатит за 2 недели» (1560 годъ). Вил. Центр. Арх. № 7863. Слонимскаго Гродскаго суда № 1. Л. 59 об. Еще документъ. «Месеца мая 26 дня. Жаловала мнѣ Лаврину Здит. нам. Слонимскому мещанка господарская Слонимъская Богдановая Пятниковича на подданую господарскую с Койлевич, на Супронову Маню, о томъ, иж дей небожчикъ муж мой описал ми на духовниці своей на ней полкопы грошей позычоных и сермягу новую, чого мнѣ она и до тых часов не платит. Тая Маня, ставши, на то поведила, иж я была винна мужу ее 25 грошей, алемъ за то служила з мужомъ своимъ шесть год, а сын мой также служил два годы; то все муж ее нам отпустил. Тягниловая поведила, если дей они служили тогды за живота мужа моего, за то им платил, а мнѣ по смерти мужа моего не служили, ку чому ся они сами знали, иж ей не служили по смерти мужа ее. А такъ иж они за небожчика мужа ее служили, сказалом тую 30 грошей платит, а за сермягу 15 грошей; рокъ заплате 4 недели» (1560 годъ). Ibidem. Л. 60 об., 61.

говымъ обязательствамъ были и простые наемники, «наймиты» и «наймитки»¹⁾, служившіе за плату. Передъ Лавриномъ Здитовскимъ, Слонимскимъ намѣстникомъ, жаловался 8 января 1560 года бояринъ «з Лопухова Матей, зят Росолов, на человека служалого, который в наймех въ его был и пошел от него прочь, не вчтивши его, на Мацеля; то пакъ дей тогож часу по немъ взято з гумна соломы три возы а жита четверть, которую шкоду от него быт менилъ. Тот Мацел поведил, иж ему заслужил добре и на рокъ, вдаривши чоломъ, пошел прочь и суседомъ его оказался, Павлу, Мацелю, а солону взяломъ дей свою. И брал ся на присягу к тому, што ни в чомъ ему не шкодникъ. Матей ку присязе его пустилъ. Рокъ присязе въ середу»²⁾. Этотъ небольшой документъ даетъ совершенно ясную картину наймита, служащаго извѣстный срокъ, по истеченіи котораго онъ «ударяетъ челомъ» своему хозяину и воленъ идти на всѣ четыре стороны. А вотъ и документъ, опредѣляющій срокъ найма и плату наймиту. «Жаловала мне, Федору Славутичу, пани Яновая Талкевича на человека похожего Масюка, который поведал ся с Холпеницы пани Некрашовое, тымъ обычаемъ, иж цервей сего, так рокъ, тот Масюкъ з жоною своею пришел до мене и нанялся на лето, гдемъ дей ему задала грошей десет». Но этотъ Масюкъ, по словамъ истицы, «задатокъ взявши и шкодъ починивши, ночнымъ обычаемъ втекъ прочь». Передъ судомъ Масюкъ «ся знал, иж задатокъ взял и з жоною служит пани Яновой нанялся, алемъ дей тые гроши мужику панее ж отдал и пошел» прочь. Хотя онъ и не билъ челомъ своей хозяйкѣ, «но и шкоды никоторое не чинил». Судъ постановилъ: «кдыж самъ ся знал, иж пошел от паней проч, не учтивши а задатокъ взявши, винен платит шкоды, на чомъ бы пани Яновая довод вчинила, и задатокъ вернуть». Эти «шкоды», убытки свои пани Яновая заявила — «за сермяги, кожух, сорочки», забранные наймитомъ, «втекаючи», и судъ оцѣнилъ ихъ въ 57 грошей. Разборъ всего дѣла закончился тѣмъ, что «тот человекъ тут же, на праве, пани Яновое просил и за тые шкоды зъ жоною своею заслужити мелъ. Якож пани Яновая взяла его до себе, а он мел жону свою отыскати и з нею годъ пани Яновой заслужити»³⁾. Итакъ, наймитъ — человекъ, нанимающійся служить дру-

¹⁾ См., напр., А. Вил. XXVI. №№ 176, 185, 188 и др.

²⁾ Вил. Центр. Арх. № 7863. Слонимскаго Гродскаго суда № 1. Л. 5.

³⁾ Ibidem. Л. 26. Вотъ еще документъ для характеристики положенія наймитки. «Тогож дня (13 мая). Жаловал мнѣ Лаврину Здитовскому, намест-

тому лицу за известную плату. Прежде чѣмъ уйти отъ своего хозяина, онъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы послѣдній не имѣлъ на него никакихъ законныхъ матеріальныхъ претензій, а также долженъ обязательно «ударить челомъ» хозяину и, лишь совершивъ эту формальность разрыва прежнихъ его отношеній къ нему, онъ можетъ оставить своего нанIMATEЛЯ. Слуги, жившіе у болѣе или менѣе достаточныхъ людей, несомнѣнно, жилали изъ найма, но возможно, что жилали и, такъ сказать, на милость панскую, т.-е. безъ опредѣленной платы, а за подарки, дѣлаемые паномъ. Бывали слуги, служившіе своимъ господамъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Напримѣръ, въ четвергъ 1 марта 1576 года передъ врьдъ гродскій Слонимскій, передъ подстаросту Слонимскаго Офанаса Гавриловича, явился ¹⁾ «похолокъ, который ся на тотъ час меновал бытъ слугою земянина господарского повету Слонимского пана Василя Михайловича Скипорова, именемъ Янута Павлович». Онъ врьду «плачливе оповедал», что онъ «первей того з детинства своего» служилъ покойному пану Давиду Яцковичу и его покойной женѣ и что еще при жизни своей «небожчик» панъ его, «яко слугу своего напоминал», чтобы онъ «по смерти его детемъ пани малжонки его доброволне служил». Въ силу этой просьбы своего пана Янута Павловичъ по смерти его и его жены «з доброе воли своее» служил дѣтямъ ихъ, т.-е. пану Василию Скипору и его сестрѣ, Томилѣ Скипоровнѣ. О своей жизни въ это время онъ говоритъ такъ: «и мешкалом в ыйменью их Узловскомъ у хоромах своих, которые ми был дал еще за живота своего небожчик панъ Давид с пани малжонкою своею, а моею панею, на штомъ дей я, поправуючи оные хоромы, немало з убогое выслуги свои выложил». Такимъ образомъ, передъ нами слуга, пользовав-

---

нику Слонимскому—на тот час были при мне пан Гришко Перепеча а Буйно, подданный пана Гришка Перепечин,—Яхно Бердник на подданого господарского Ивана Есковича о томъ, иж дей сестра моя Орина служила ему през девет леть, то пакъ тыхъ часов ее ни щимъ выгнал а заслужоного ей ни за одно лето не заплатил. То Иван, на то отпор чинечи, поведил, иж дей я ее был взял себе в лихую филою за дочку и кормиломъ ее до тых часов и обещаломъ ее замуж выдати, то пак она тых часов от мене невинне втекла, а найму есми ей не вмовлял дават, бомъ ее мел за дочку и теперь ее не кидаю. Я пыталом оное девки, если бы хотела до того Ивана. Она до него не хотела. Я с тое причины вчиниломъ Ивана от того найму волнымъ для того, иж он ее и тепер не кидал, а лихие лета перекормилъ». Ibidem. Л. 56.

¹⁾ Вил. Центр. Арх. № 7864. Слонимскаго гродскаго суда № 2. Л. 225 об.—226.

шійся несомнѣннымъ довѣріемъ и милостью своихъ господъ. Онъ съ дѣтства живетъ въ господской семьѣ, онъ даже имѣетъ свои хоромы, пожалованныя ему его господиномъ, которыя составляютъ его собственность, и на улучшение ихъ онъ тратитъ получаемое имъ жалованье¹⁾. Янута Павловичъ принадлежалъ, очевидно, къ высшему разряду слугъ, бывавшихъ у землянъ Литовскихъ. Но и такой высшій слуга, какъ видимъ на примѣрѣ этого Янута Павловича, не былъ гарантированъ отъ непріятностей со стороны господъ. 27 февраля 1576 года пани Томила вмѣстѣ со своимъ мужемъ паномъ Тарасомъ Островскимъ, «не помнечи того», что Янута «пану своему, яко и ей однако и заровно служил и в сполномъ именью их мл. мешкал, але безвинне звазвившися», посадила его «до везенья своего». Въ то же время, держа его въ этомъ заключеніи, она все имущество Янута, которое онъ «з молодости своее на пану Давыде Яцковичу выслужил, забрала и до дому своего отпроварила». Это имущество составляли: 2 вола, купленные за 5 копъ грошей, 2 овцы, 2 свиньи, 3 гуся, 8 куръ, 8 бочекъ жита, $\frac{1}{2}$ бочки пшеницы, $\frac{1}{2}$ бочки ячменю, $\frac{1}{2}$ бочки ярицы, различныя части мяса, сѣно, солома, пустыя бочки и т. д. Заявляя обо всемъ этомъ гродскому вряду, Янута Павловичъ говорилъ: «гдеж я, вжо будучи яко человекъ волный, з везеня выпущоный, просиломъ пани Томилы через добрыхъ людей, при чомъ и возный Гаврило Михайловичъ был, абы ми маетност мою вернула». Но пани Томила отказалась это сдѣлать, а на судъ прислала боярина своего брата, заявляя, что Янута ея подданный, убѣжавшій отъ нея изъ «везенья».

Въ лицѣ Янута Павловича мы встрѣтились со слугою высшаго разряда. Ни одинъ панъ, или достаточный землянинъ не могъ обойтись безъ такихъ слугъ, которымъ онъ могъ бы довѣрять въ силу ихъ къ нему преданности и которымъ онъ могъ бы, благодаря извѣстной степени ихъ умственного развитія, довольно сложныя обязанности по управленію своими имѣніями и по веденію своихъ дѣлъ. Крупные паны, или вельможи, имѣвшіе свой дворъ, какъ бы копію королевскаго въ миниатюрѣ, тѣмъ менѣе могли обходиться безъ нихъ. У нихъ былъ и свой скарбъ²⁾, въ который поступали доходы съ земель, имъ принадлежащихъ,

¹⁾ Слугъ награждали господа и передъ своею смертью. См., нпр., завѣщаніе И. А. Солтана. Вил. Арх. Сб. VI. № 16 (1554 года).

²⁾ Нпр., скарбъ Сапеги. А. Вил. III. № 12 (1588 г.).

широко раскинувшихся по различнымъ повѣтамъ Литовскимъ; у нихъ были свои маршалки ¹⁾, подкоморіе ²⁾, конюшіе ³⁾, свои дворяне ⁴⁾ и т. д., также какъ и свои мѣрники ⁵⁾, волочники ⁶⁾ и т. п. Управление имѣніями крупнаго вельможи должно было занимать цѣлыя десятки довѣренныхъ слугъ его, которымъ разсылалъ для исполненія свои приказы вельможный панъ-владѣлецъ. «От Миколая Радивиля воеводы Виленскаго, канцлера великаго князства Литовскаго, старосты Мозырскаго и Лидскаго, державцы Борысовскаго, служебнику нашему Балцеру Раецкому», читаемъ въ одномъ изъ листовъ Радивиля ⁷⁾ къ его управляющимъ. Въ этомъ листѣ Радивиль пишетъ своему служебнику, что къ нему прѣзжали три боярина государскіе Вилькомирскаго повѣта, заявляя, что $3\frac{1}{2}$ («полчетверты») волоки изъ земли, прилегающей къ Попельскому имѣнію Радивиля, взяты и ихъ «прывернено» къ этому имѣнію, «а имъ дей за то еще отмены не дано». Радивиль прибавляетъ далѣе: «якож о томъ и ревизор его королевское милости пан Ян Стецковичъ, которы в томъ помененомъ имену нашемъ померу становит, дал нам того справу», что онъ дѣйствительно «прывернулъ» эти $3\frac{1}{2}$ боярскихъ волокъ къ Попельскому имѣнію Виленскаго воеводы. Бояре Вилькомирскіе просили Радивиля дать имъ за землю, взятую у нихъ, въ имѣніи его «Вижунскомъ, тамъ где бы имъ споручно было, отмену слушную». Заканчивается листъ воеводы Виленскаго такъ: «ино кгдаж тые бояре помененые земль своих нам поступили, а на то местцо имъ ся досыт не стало, прыказуемъ тебе, абы еси им кгрунты нашими Вижунскими такъ добрыми, яко в них взято, где бы было без шкоды наше, отмену слушную без мешканя далъ такъ, якобы они на том перестали и нам о то болшъ не докучали, якож и лист, пи-

¹⁾ См., нпр., Ист.-Юр. Мат. IV, стр. 67, 70, 132, 133, 136—канцлера; Ист.-Юр. Мат. XXIV, стр. 52 — подскарбія. Хотя эти примѣры относятся къ XVII и XVIII столѣтіямъ, но, конечно, явленіе существовало и въ XVI вѣкѣ. Ср.—маршалокъ митрополита. Вил. Арх. Сб. IX, стр. 37 (1516 г.).

²⁾ Подкоморій бискупа. А. Вил. XVII. № 907.

³⁾ Нпр., Ист.-Юр. Мат. XVIII, стр. 50.

⁴⁾ Нпр., Ист.-Юр. Мат. III, стр. 63.

⁵⁾ Нпр., служебникъ и мѣрникъ Сапеги. А. Вил. VI, стр. 4. (1564 г.).

⁶⁾ Нпр., служебникъ и волочникъ Миколая Криштофа Радивиля. Вил. Арх. Сб. III. № 31, стр. 57.

⁷⁾ Вил. Центр. Архивъ № 13878. Вилькомирскаго Гродскаго суда № 1. Л. 400.

саны от пана Стецкевича о томъ до нас, до тебе пры семь же листе нашомъ посылаемъ, с которого достаточне вырозумешъ»¹⁾. Само собою разумѣется, что для того, чтобы имѣть возможность получать подобныя предписанія и исполнять ихъ, служебникъ долженъ не только пользоваться довѣріемъ своего пана, но и по своему умственному развитію стоять выше не только обыкновенныхъ слугъ, но и многихъ земянъ. Изъ словъ акта гродскаго Вилькомирскаго суда, говорящихъ объ явкѣ листа Радивила въ судѣ на ноябрьскихъ гродскихъ рочкахъ 1596 года «для згубы, огня и всякого иного прыпадку» узнаемъ, что Балцеръ Раецкій былъ внѣ всякаго сомнѣнія шляхтичемъ, ибо судовая гродская книга называетъ его паномъ²⁾. Такимъ образомъ, мы, наконецъ, подошли и къ служебникамъ-шляхтичамъ, изображеніе положенія которыхъ было нашою главною цѣлью въ настоящемъ очеркѣ. Служба земянъ частнымъ лицамъ явленіе, извѣстное еще XV вѣку. Александръ Ивановичъ Ходкевичъ уже 7 ноября 1480 года жаловалъ три четверти мили своей Подляшской пуци Супрасльскаго двора своимъ слугамъ, королевскимъ земянамъ, урожонымъ панамъ Омельяну, Ивану и Лукьяну Ивановичамъ Соболевскимъ³⁾. Паны Соболевскіе были родомъ изъ Кіевской земли, но еще ихъ предки оставили ее и переселились въ Городенскій повѣтъ, здѣсь «имѣнья собѣ набывши добръ шляхецкихъ» и служа по нимъ на войнахъ королю и речи посполитой. Ходкевичъ, ихъ «видечы быти» годными «до послугъ службъ рыцерскихъ», къ себѣ ихъ «до послугъ» своихъ «притягнулъ». Это онъ сдѣлалъ, «прырекши имъ словомъ» своимъ «панскимъ послуги ихъ учтивые добре нагорожати». Земяне Соболевскіе, «яко люди шляхетные, на слово» Ходкевича «шляхетное» со своей стороны «позволившы», вѣрно ему служили немалое время. Въ чемъ же была ихъ служба? По словамъ грамоты, они «пры боку и почтахъ» Ходкевича на государевой послугѣ противъ врага «панства» Литовскаго «частокротне персями своими заставлялися», не щадя своего здоровья, «на рыцерскихъ послугахъ оборону чинили и въ послугахъ своихъ» Ходкевичу «высажали частокротне». Цѣня заслуги и качества земянъ Соболевскихъ, Ходкевичъ хочетъ сохранить ихъ у себя на службѣ и сыновей и потомство ихъ

¹⁾ Листъ Радивила писанъ въ Вильнѣ 29 марта 1590 года. «У того листу печат прытиснена одна, а подписе руки тыми словы: Ręka swa».

²⁾ Ibidem. Л. 399 об.

³⁾ Виц. Арх. Сб. VII. № 8 (стр. 5).

даже имѣть на своихъ «послугахъ», а чтобы наградить и привязать ихъ къ себѣ, онъ приказалъ имъ «угледати» его имѣнія и, что въ нихъ имъ понравится, то онъ имъ и пожалуетъ. Выбранная Соболевскими часть пущи Ходкевича пожалована имъ, ихъ потомкамъ и дѣтямъ, и будетъ въ ихъ держаньѣ «вѣчными а не порушными часами». Эта земля на сорокъ лѣтъ освобождена Ходкевичемъ отъ всякой повинности и даже земской службы, а по истеченіи этого времени на Ходкевича и его потомковъ по прежнему съ нея не должно идти никакихъ повинностей, «только гдѣ укажется послуга господарская и речи посполитое», когда будетъ посполитое рушенье противъ врага королевскаго, лишь тогда съ этой земли пойдетъ повинность — трехъ коней съ пахолками «и рынштунками военными, яко до бою» должны они будутъ ставить при почтѣ Ходкевича.

Если мы обратимся ко времени, наступившему послѣ Люблинской уніи, то увидимъ тотъ же порядокъ службы шляхтичей панамъ. Потомки прежде служившихъ шляхтичей, какъ мы уже видѣли изъ только-что пересказанной грамоты служили тому же роду, той же семьѣ, которымъ служили и предки, служили, не связанные никакимъ обязательствомъ вѣчной и потомственной службы и имѣя право всегда оставить своего пана, конечно, если они не запутывались въ гражданскихъ по отношенію къ нему обязательствахъ. Статутъ 1566 года отлично знаетъ и признаетъ существованіе частно служилой шляхты. Требуя, чтобы вся повѣтовая шляхта становилась подъ повѣтовою хоруговою въ часы посполитаго рушенья, онъ обязываетъ ставить на своемъ мѣстѣ, брата, родственника или, наконецъ, просто «такъ добраго шляхту, якъ самъ», такого шляхетнаго повѣтоваго обывателя, который служить пану-радѣ, вряднику, или вообще кому-нибудь другому¹⁾. Имѣть у себя на службѣ шляхту панамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ было необходимо. Кого другого, кромѣ шляхтича, могъ назначить повѣтовый староста своимъ намѣстникомъ въ староствѣ и кого этотъ послѣдній могъ сдѣлать своимъ «понамѣстникомъ», если не шляхтича, когда имъ нужно было завѣдывать замковымъ урядомъ и судить гродскіе рочки вмѣстѣ съ судьей гродскимъ? Державцамъ и старостамъ несудовымъ также для авторитета ихъ намѣстника, или подстаростія нельзя было поручить завѣдываніе державою человѣку стана «простого». Вести дѣло въ судѣ также

¹⁾ II ст. II. 7.

лучше поручить служебнику-шляхтичу, чѣмъ слугѣ простого стана уже въ силу того одного, что его на рокахъ и рочкахъ будетъ охранять отъ всякихъ случайностей не только имя его хозяина, но и его шляхетское достоинство, а, стало быть, и чести хозяина является черезъ это новая гарантія. Въ речи посполитой Литовской, равно какъ и Польской, вошло въ обычай имѣть шляхетныхъ слугъ, конечно, поначалу вслѣдствіе боевыхъ качествъ боярь-шляхтичей прежняго времени, дѣлавшихъ ихъ несравненно лучшими членами панскихъ почтовъ, чѣмъ люди простого стана. Въ то время, когда бояринъ былъ дѣйствительно воиномъ, для котораго война и военное дѣло были не только требованіями, предъявленными къ нему закономъ, но дѣйствительною стихією, въ которой онъ жилъ и съ которою свыкся въ такой же степени, въ какой онъ свыкся съ охотою на дикаго звѣря, онъ былъ желаннымъ и дорогимъ членомъ почта-дружины пана, способный съ честью для пана биться и за господаря, и за пана съ врагомъ речи посполитой и съ врагомъ своего пана. Но прошли года и характеръ шляхты сталъ мѣняться. Появленіе наемныхъ войскъ и все болѣе торжествовавшая тенденція къ замѣнѣ поголовной службы землянь серебрящиною на наемъ «служебныхъ» отдаляли для обывателя военную службу до минутъ исключительной опасности государственной и тѣмъ отнимали отъ него привычку къ войнѣ и, измѣнили характеръ воинственнаго Литовскаго землянства. Не будемъ забывать, что въ концѣ XV вѣка посполитое рушенье уже далеко не было тою грозною силою, какою бывалъ «рушившійся» народъ прежде. Нравы измѣнились, но обычай остался. Служилая шляхта изъ слугъ-воиновъ все болѣе и болѣе обращалась въ значительной своей части въ простыхъ врядниковъ и даже простыхъ служителей панскихъ. Въ описаніи пира магната Речи Посполитой XVII вѣка, оставленнаго Бопланомъ, встрѣчаемъ шляхтичей, прислуживающихъ гостямъ хозяина ¹⁾. Конечно, и въ концѣ XVI столѣтія въ Литвѣ бывало то же. Служилые шляхтичи при своихъ панахъ занимали положеніе ихъ врядниковъ и управляющихъ, какъ въ державахъ, такъ и въ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ, водили ихъ почты и служили въ нихъ, вели ихъ дѣла на судѣ, выбирали податки съ населенія ихъ земель, исполняли и другія обязанности и порученія своихъ пановъ, въ числѣ которыхъ были и наѣзды

¹⁾ Мемуары, относ. къ ист. Южной Руси. Вып. II. Кіевъ 1896. Стр. 384.

и нападенія на панскихъ недруговъ. Въ иныхъ случаяхъ обладаніе слугою-шляхтичемъ давало пану право не ѣхать лично къ бирчимъ для уплаты податка, а послать его; не имѣвшій же такого слуги обязывался лично дѣлать это ¹⁾. Ко всему этому нужно прибавить заманчивую возможность оказывать давленіе на повѣтовый сеймикъ въ его постановленіяхъ и дѣйствіяхъ, опираясь на своихъ служебниковъ, присутствующихъ на немъ въ качествѣ братіи-шляхты. Выборъ пословъ и должностныхъ лицъ, инструкціи и постановленія повѣта — на все это могъ вельможа оказывать свое давленіе черезъ голоса своихъ слугъ-шляхтичей.

Но что же побуждало самихъ шляхетныхъ обывателей Литовскихъ оставлять свои шляхетскія имѣнія и независимость и тѣсниться на панскомъ дворѣ, или жить въ имѣніи пана, служа своему добровольно признанному господину? Прежде всего тутъ необходимо отмѣтить тяжелыя экономическія условія жизни шляхетской массы, которая не имѣла возможности въ нихъ существовать и исполнять свою земскую повинность. Разсматривая земельныя владѣнія шляхты Княжества, мы наглядно увидимъ это. Другимъ мотивомъ, побуждавшимъ Литовскую шляхту обращаться въ панскихъ слугъ, является стремленіе найти себѣ въ трудную минуту опору и поддержку у сильнаго пана, которому служить шляхтичъ. Если въ Западной Европѣ эта опасность изолированности, опасность быть предоставленнымъ однимъ своимъ собственнымъ силамъ и средствамъ безъ надежды найти обязательную помощь отъ человѣка болѣе сильнаго, въ средніе вѣка выразилась въ исчезновеніи аллодіальной собственности, то и въ Восточной Европѣ

¹⁾ Нпр., въ универсалѣ, данномъ въ Вильнѣ 3 января 1566 года (Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 96—99) „о уставе серебщизну и иныхъ платовъ и о готовности на войну“ читаемъ: „который же податокъ, на теперешнемъ сойме уфаленый, безъ каждого мешканья до тыхъ бирчихъ поветовыхъ отнесенъ и отданъ быти маеть черезъ вранниковъ и слугъ вашихъ народу шляхецкого, а которые таковыхъ вранниковъ и слугъ народу шляхецкого не мають, тые сами отдати и при отданью того податку передъ тымижъ бирчими присегу вчинити...“ л. 98. О слугахъ-шляхтичахъ см. также „тые листы тымъ способомъ писаны о поборе поголовномъ и с подданныхъ господарскихъ, яко на шляхту положенъ с подданныхъ ихъ“ (ibidem, л. 86 об.—89). Въ листѣ, написанномъ въ Вильнѣ 3 января 1566 года къ „маршалку“ государеву, „старосте Оршаньскому, князю Андрею Одинцевичу“ предписывается, чтобы онъ „тотъ податокъ черезъ слугъ своихъ людей народу шляхетского выбираль...“ (л. 88 об.).

видимъ явленія, на образованіе которыхъ въ той или другой степени повліяло это чувство самосохраненія и самообороны. Въ Московскомъ государствѣ встрѣчаемъ рядъ землевладѣльцевъ, служившихъ частнымъ людямъ, богатымъ и сильнымъ по своему общественному положенію. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ также мы должны признать такое исканіе сильнаго защитника, несмотря на вольности, свободу и братство шляхетскаго сословія-народа. Равенство шляхты, провозглашаемое громко закономъ и рѣчами не было въ Литвѣ дѣйствительнымъ принципомъ, проведеннымъ въ жизнь вполне реальнымъ образомъ. Мы уже видѣли, что сами королевскіе универсалы ставятъ надъ шляхтою рядовую рядъ высшихъ группъ. Законъ далеко не всегда обезпечивалъ или, лучше сказать, не былъ въ силахъ обезпечить реальнымъ образомъ собственность и личность обывателя. Несмотря на строгость «права», наѣзды и насилія—явленіе обычное въ актовыхъ книгахъ судовъ Литовскихъ. Судъ издавалъ свой «декретъ», а его исполненіе предоставлялось обыкновенно самому истцу, врядъ давалъ лишь вознаго ему въ помощь, и хотя существовало въ законѣ строгое наказаніе для неподчиняющагося судовому постановленію, но позволительно сомнѣваться, чтобы всегда оно примѣнялось. При такомъ положеніи дѣлъ, личная независимость не могла представляться въ XVI вѣкѣ такимъ благомъ, какимъ она представляется въ наше время, когда каждое лицо должно было быть готовымъ само силою и оружіемъ защищать себя противъ далеко не рѣдкихъ опасностей и случайностей. Такимъ образомъ, небогатый шляхтичъ легко могъ увлекаться мыслью найти себѣ и большую матеріальную обезпеченность, и защиту подъ покровомъ громкаго имени, вліянія и богатства пана-хозяина.

Кромѣ того, служба у богатаго пана могла дать шляхтичу увеличеніе его шляхетской «маетности» ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, на примѣръ. Московскіе писцы, бояре и воеводы, князь Петръ Ивановичъ Шуйскій и князь Василій Семеновичъ Серебряный въ своей писцовой книгѣ 1563 года отмѣчаютъ деревни слугъ пана Довойны ²⁾. Пожалованіе панами своихъ служебниковъ землями изъ своихъ имѣній было дѣломъ совершенно обычнымъ. Вотъ, на примѣръ, листъ Витебскаго воеводы князя Стефана Збаражскаго, данный имъ своему служебнику въ Витебскѣ 10 августа 1562 года

¹⁾ Уже первый статутъ знаетъ это (I ст. III. 15).

²⁾ Писцовыя книги *Калачова*. Т. I. Отд. II. Стр. 440, 441.

и внесенный 9 июня 1625 года въ Витебскія земскія книги ¹⁾ по просьбѣ потомковъ этого служебника, пановъ Александра и Льва Гурковъ. Въ этомъ листѣ Витебскій воевода «ознаимуетъ», что его просилъ «служебникъ» его, Василій Григорьевичъ Гурко, подарить ему «сельцо пустое, именемъ Новоселки», которое опустѣло недавно, во время опустошенія края Москвою. Князь Збаражскій исполняетъ просьбу своего служебника, который былъ «старшимъ надъ слугами» князя и воевалъ храбро съ Москвою, совершивъ рядъ подвиговъ, перечисляемыхъ въ листѣ князя. Витебскаго воеводу просили за Гурку и «панове земляне, шляхта Витебские». Но не только самъ знатный панъ жаловалъ своего служебника, онъ могъ исходатайствовать ему пожалованіе и отъ короля. Такъ, королю Генриху, какъ узнаемъ изъ его листа, даннаго въ Краковѣ 15 мая 1574 года ²⁾, заявилъ «шляхетный Матей Кротовскій», служебникъ Яна Ходкевича, что Сигизмундъ Августъ «за причиною» его пана «дати рачилъ ему самому, жоне, детемъ и потомкомъ его увъ отъчизну на вечность» три села въ волости тивунства Ойрагольскаго земли Жомоитской. Представивъ этотъ привилей Сигизмунда Августа Гротовскій просилъ новаго короля сохранить за нимъ данину и подтвердить ее вновь привилеемъ. Янъ Ходкевичъ «служьбы Кротовского, которые онъ не по одинъ разъ, у войскахъ при его милости в земли Лифлянтъской бываючи», королю и речи посполитой «добре и цнотливе зъ себе показовалъ, залецаючи», короля Генриха «о томъ за нимъ у причине жедалъ». Король исполнилъ просьбу пана Виленскаго, старосты Жомоитскаго и его служебника и подтвердилъ привилей своего предшественника, данный Гротовскому въ Кнышинѣ 20 августа 1568 года, приказавъ вписать его въ свой собственный. Такимъ образомъ, Ходкевичъ дважды не поставилъ себѣ въ трудъ просить короля за своего слугу; конечно, далеко не для всякаго шляхтича онъ согласился бы это сдѣлать.

Кромѣ наградъ и пожалованій, ходатайствъ и защиты, служба у знатнаго пана давала мелкому шляхтичу и почетъ, большій, чѣмъ тотъ, которымъ онъ пользовался, какъ свободный и полноправный шляхетный обыватель великаго княжества Литовскаго: со всѣми его политическими правами. Какъ ухаживали, наприимѣръ,

¹⁾ Ист.-Юр. Мат. XXI. Стр. 434—436.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 81—83 об.

мѣстскія власти за слугами подскарбія, канцлера, вообще всякаго вельможи ¹⁾, проѣзжавшаго черезъ городъ, стараясь подарками расположить ихъ въ свою пользу, а черезъ нихъ найти лазейку и къ ихъ господамъ и уплачивая имъ «за авдыенцыю», доставленную ими у ихъ пана ²⁾!

Служилая шляхта составляла особую группу шляхетныхъ обывателей великаго княжества Литовскаго ³⁾. Особую же группу шляхетнаго населенія Княжества составляли и Литовскіе Татары-шляхта. Уже въ эпоху до Витовта появляются Татары, какъ обыватели Литовской территоріи ⁴⁾. Плѣнные Татары, захватываемые въ плѣнъ во время битвъ и вооруженныхъ столкновеній, съ Монголами, должны были быть поселяемы въ предѣлахъ Княжества. Гедиминъ даже имѣлъ въ своихъ войскахъ служившихъ ему Татаръ ⁵⁾. Возможно, что часть Татаръ, служившихъ Гедимину, осталась затѣмъ жить въ предѣлахъ его Княжества. Исслѣдователь исторіи Литовскихъ Татаръ, А. Мухлинскій, приводитъ свидѣтельство анналиста Францисканскаго ордена, упомянушаго подъ 1324 годомъ о встрѣчѣ миноритскими миссіонерами въ Литовской землѣ Скиѳовъ, молившихся на азіатскомъ языкѣ ⁶⁾. Въ 1362 году Ольгердъ разбилъ на берегахъ рѣки

¹⁾ Примѣровъ, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ, очень много въ прихода-расходныхъ книгахъ Могилева, изданныхъ въ Историко-Юрид. Матеріалахъ.

²⁾ Ист.-Юр. Мат. IV. Стр. 96: «Пану Миреевскому, слуге пана подскарбего за авдыенцыю до пана подскарбего, дали ему таляръ одинъ, золотыхъ шесть».

³⁾ Акты знаютъ даже землянъ панскихъ, какъ и землянъ господарскихъ. Нпр.: «земенинъ его милости ясневельможного пана его милости пана Льва Сапеги, канцлера великаго князства Литовскаго, старосты Слонимекого, Ясвонскаго, Марковскаго и Мядельскаго, именья его милости Островьного, Самъсон Петрович». Вит. Центр. Арх.. Вит. губ., Вит. уѣзнаго суда № 32 земская. Л. 181 об.. 182 (1592 г.).

⁴⁾ Исслѣдованіе о Литовскихъ Татарахъ—статья орд. проф. Турецкой словесности С.-Петербур. университета А. Мухлинскаго, напечатанная въ «Годовомъ торжественномъ актѣ въ Императ. Санктпет. Университетѣ, бывшемъ 8 февраля 1857 года» (СПБ. 1857. Стр. 113—182). Статья эта, весьма обстоятельная, предполагалась къ произнесенію на актѣ, какъ ученая рѣчь, но не была произнесена за недостаткомъ времени и прямо явилась въ печати. Полное ея названіе: «Исслѣдованіе о происхожденіи и состояніи литовскихъ татаръ».

⁵⁾ Въ сраженіи съ Тевтонскими рыцарями въ 1319 году участвовали Татары, какъ передовое войско.

⁶⁾ А. Мухлинскій. Op. cit. Стр. 119.

Синія воды трехъ князей Татарскихъ,—Кутлубугу, Хаджибея и Дмитрея. Остатки разбитыхъ Татаръ удалились въ Крымъ и Добруджу ¹⁾, но по всей вѣроятности часть ихъ все-таки осталась въ Подольѣ, завоеванномъ послѣ этой битвы Литовцами. Сохранились воспоминанія и о походахъ Джанибека въ «Лехистанъ». Одинъ изъ такихъ походовъ Татаръ окончился даже поражениемъ ихъ Польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ въ 1343 году въ окрестностяхъ Сендоміра. Конечно, всѣ эти походы давали Литвѣ то, или другое число плѣнныхъ, осѣдавшихъ на ея территоріи. Но особенно благопріятнымъ временемъ для образованія Татарскихъ поселеній въ предѣлахъ Литовскаго княжества было княженіе Витовта. По свидѣтельству исторіографа султана Мурада IV, Пэчеви, жившаго въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, нѣсколько Татарскихъ племенъ бѣжали въ Польшу, т.-е. въ Литву, спасаясь отъ грознаго нашествія на Кипчакъ страшнаго Тимура. Тамъ они и поселились, образовавъ шестьдесятъ селеній. Это было въ 1391 году, а черезъ пять лѣтъ и самъ ханъ Кипчака, Тохтамышъ, изгнанный изъ своего ханства, прибѣгнулъ къ милости Витовта, и послѣдній принялъ его, далъ ему мѣстопробываніе въ Лидѣ и обѣщалъ свою помощь. Въ союзѣ съ Василиемъ Димитріевичемъ Московскимъ онъ двинулся противъ Татаръ Азовской орды въ концѣ 1397 года. Азовскіе Татары были разбиты. Плѣнныхъ Татаръ Литовскій великій князь частью отправилъ къ Ягайлу въ Польшу, большую же часть поселилъ у себя въ Литвѣ вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми «на берегахъ рѣки Ваки въ 14 верстахъ отъ Вильны, а также въ самой Вильнѣ и въ нынѣшнихъ уѣздахъ Трокскомъ, Опмянскомъ и Лидскомъ Виленской губерніи, Новогрудскомъ—Минской, Брестскомъ—Гродненской, на Волыни и въ Августовской губерніи» ²⁾. Переселяемымъ Татарамъ жаловались великимъ княземъ земли въ полную ихъ собственность съ правомъ полного ими распоряженія и съ освобожденіемъ отъ податей и поборовъ, притомъ съ разрѣшеніемъ селиться не только въ селахъ, но и въ городахъ. Поселяя Татаръ въ своемъ Княжествѣ, Витовтъ признавалъ за ними полную свободу ихъ религіи и обычаевъ. Лишь, по словамъ изслѣдователя ихъ быта, ограничено было, до одной число женъ, которое могъ имѣть Татаринъ ³⁾. Забота Витовта о Татарахъ встрѣчала въ

¹⁾ В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи Западной и Юго-зап. Россіи. I. Кіевъ. 1885. Стр. 126.

²⁾ А. Мухлинскій. *Op. cit.* Стр. 123. ³⁾ *Ibidem.* Стр. 140.

нихъ полное признаніе и чувство благодарности по отношенію къ великому князю. Вѣрность Литвѣ они сохраняли постоянно, сражаясь съ врагами ея, хотя бы это были даже ихъ единовѣрцы ¹⁾. Дѣятельность Витовта, направленная къ поселенію въ предѣлахъ Княжества Татаръ, должна представляться для историка эпохою высокаго интереса. Въ то время, когда Западъ Европы совершалъ избіенія Евреевъ и сожженія еретиковъ, Витовтъ признаетъ принципъ свободы религіи и даетъ у себя спокойное жительство Татарамъ и караимамъ, отвѣчая упрекавшимъ его въ этомъ, что «и самыхъ лютыхъ звѣрей кротостію можно утишить» ²⁾. Послѣ пораженія на Ворсклѣ въ 1399 году Витовтъ не прекратилъ своихъ сношеній съ Ордою, какъ не принялъ и никакихъ репрессалій по отношенію къ Татарамъ, своимъ подданнымъ, въ отомщеніе за пораженіе отъ ихъ единоплеменниковъ. Въ битвѣ при Грюнвальденѣ подъ знаменами Литовскаго великаго князя вновь стояли уже десятки тысячъ союзныхъ ему Татаръ подъ начальствомъ Тохтамышева сына Джэлял-эд-дина и такимъ образомъ въ 1410 году мирныя отношенія съ Ордою оказались уже вновь вполне восстановленными. Несмотря на недоразумѣнія, возникшія во время этого похода съ Татарами изъ-за ихъ насилій надъ мирными жителями и наказанія ихъ съ согласія Витовта, Джэлял-эд-динъ въ 1411 году живетъ съ нимъ въ Кіевѣ, а черезъ годъ великій князь Литовскій даже успѣлъ утвердить его на престолѣ Кипчака. Татары еще болѣе сблизились съ Литвою. Часть Татаръ, кочующая за Днѣстромъ, даже повиновалась ему, а кочевавшіе отъ Днѣпра къ Дону были въ зависимости отъ Литвы. Когда по смерти Витовта и послѣ возникновенія Крымскаго ханства начались постоянные набѣги Крымцевъ на Литовскія земли, Татары Литовскіе оставались всегда вѣрными своему новому отечеству, отказываясь принимать приглашенія дѣйствовать заодно присылаемыя къ нимъ ихъ единоплеменниками. Самые набѣги Крымцевъ могли служить увеличенію числа Литовскихъ Татаръ, такъ какъ плѣнные могли селиться также въ Княжествѣ.

Всѣхъ Татаръ, жившихъ въ предѣлахъ Литвы, ихъ историкъ дѣлитъ на три категоріи, по происхожденію ихъ поселеній на Литовской территоріи: 1) «осѣдлыхъ наемныхъ и союзныхъ воиновъ Татарскихъ ордъ», 2) «улусовъ, пригнанныхъ Витовтомъ, и

¹⁾ Нпр., см. Исторію Хотинскаго похода *Якова Собѣскаго*. Мемуары, отн. къ ист. Южной Руси. Вып. II. Кіевъ 1896. Стр. 71.

²⁾ *А. Муслинскій*. Ор. cit. Стр. 124.

плѣнныхъ на войнахъ съ Татарами» и 3) «выходцевъ Татарскихъ, добровольно переселявшихся въ Литву»¹⁾. Литовскіе Татары пользовались правомъ шляхетства, которое они старательно охраняли все время существованія великаго княжества Литовскаго, какъ во время его отдѣльной политической жизни, такъ и въ эпоху соединенія съ Польшею. Когда изданный въ 1566 году второй Литовскій статутъ своими постановленіями пошелъ въ разрѣзъ съ правами Татарскими, совершенно равнявшими Татаръ съ Литовскою шляхтою, они обратились къ Сигизмунду Августу на Городенскомъ сеймѣ 1568 года съ просьбою о томъ, чтобы изъ статута были «выкинены, або поправени» артикулы его, имѣ «доткливые и учтивости» ихъ «ущицливые»²⁾, а именно 5-й артикуль XII-го и 3-й IX-го раздѣловъ Литовскаго кодекса. Первымъ изъ этихъ артикуловъ устанавливалось, чтобы «жидъ, Татаринъ и кождый бесурмянинъ на достоеństwo а ни на который врьдъ» не былъ назначаемъ государемъ или панами радою, а равнымъ образомъ, чтобы «хрестіанъ въ неволи не мѣлъ». Если нехрестіанинъ купитъ хрестіанина въ вѣчную неволю, купленный свободенъ», а купившій теряетъ свои деньги, за него заплаченныя. Если нехрестіанинъ «хлопа, або жонку закупитъ», онъ долженъ явиться передъ врьдъ и дать записать въ книги, въ какой суммѣ сдѣлана эта закупа, а также вписать, и въ какой суммѣ даны ему эти люди, если ему они будутъ выданы «въ заплатѣ». Если сумма невелика, то «тотъ закупъ и закупня за семь лѣтъ» съ этихъ денегъ «маеть выробитися»; въ томъ же случаѣ, если сумма велика, то каждый годъ работы такихъ закуповъ даетъ «выпуску» изъ нея «хлопу полтину грошей, а жонцѣ полкопы грошей». Находящихся у нихъ закупныхъ хрестіанъ басурмане не должны ни склонять къ принятію басурманской вѣры, ни тѣмъ болѣе совершать надъ ними обрѣзаніе, виновные же въ этомъ наказываются казнью черезъ сожженіе. «Мамками» басурманскихъ дѣтей хрестіанки быть не должны; и приневоливающей къ этому хрестіанокъ наказывается смертною казнью. Далѣе тотъ же артикуль постановляетъ объ имѣніяхъ, жалуемыхъ государемъ «Татарину, або жиду, або которому бесурмянину». Владѣя такими имѣніями нехрестіане не имѣютъ права приневоливать хрестіанъ-людей этихъ земельныхъ пожалованій

¹⁾ А. Мухлинскій. *Op. cit.* Стр. 133, 134.

²⁾ Док. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 494,

къ «подачкамъ и службамъ незвычайнымъ»; а если люди эти перейдутъ съ пожалованнаго имѣнія на другія земли королевскія, княжескія, панскія и шляхетскія, то они признаются «вольными», и ихъ нельзя вернуть на прежнее мѣсто ихъ жительства, хотя земля, на которой они жили и остается въ рукахъ владѣльца, получившаго ее въ пожалованіе отъ короля. Что касается до 3-го артикула IX-го раздѣла, то имъ было постановлено, что свидѣтелями на судѣ не могутъ быть «жыдове а ни Татарове», но только христіане «Рымского, або Греческого закону».

Сокращеніе правъ Татаръ, внесенное во II-ой статутъ обоими этими артикулами, является тѣмъ болѣе неожиданнымъ, что «навозка» Татарамъ, владѣющимъ земскими имѣніями и служащимъ военную службу, должна быть такою же «яко шляхтичу»¹⁾. Страннымъ представляется и внесенное во второй статутъ постановленіе о свидѣтеляхъ²⁾, которымъ не только нехристіане не допускались къ свидѣтельству, но и изъ христіанъ имѣли право «свѣдѣцтва» лишь тѣ, которые ежегодно исповѣдывались и причащались у своихъ «плебановъ, або у поповъ». Едва ли можно признать постановленіе статьи этой согласнымъ съ общимъ духомъ времени съ его «разновѣрствомъ», господствовавшимъ въ ту эпоху въ Литвѣ и Польшѣ и нашедшимъ свое выраженіе въ извѣстномъ постановленіи о посполитомъ покоѣ «межы розорванными и розными людми въ вере и набоженстве» Варшавской конфедераціи 1573 года, внесенномъ и въ третій Литовскій статутъ³⁾. Приходится полагать, что оно проникло въ статутъ 1566 года, отражая въ себѣ образъ мыслей кого-либо изъ лицъ, трудившихся надъ Литовскимъ кодексомъ, и лишь части изъ становъ Княжества, разсматривавшихъ его⁴⁾, одержавшей въ данномъ случаѣ верхъ надъ остальными. Король не былъ на сторонѣ ограниченія правъ Татаръ Литовскихъ. Это видно изъ того, что онъ успѣшилъ исполнить просьбу ихъ о восстановленіи ихъ правъ, поданную ему на Городенскомъ сеймѣ 1568 года. Онъ отвѣтилъ на эту просьбу, что въ ея исполненіе уже «привилей его королевской милости на то тутъ в Городне на семъ сойме данъ есть», а артикулы, которые противны ихъ правамъ, будутъ исправлены «при поправованью статуту», причемъ въ

¹⁾ II ст. XII. 6.

²⁾ II ст. IX. 3.

³⁾ III ст. III. 3.

⁴⁾ О составленіи второго Литовскаго статута и чтеніи его станами Княжества см. *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 296, 520, 631, и др.

него будутъ внесены и ихъ привилей ¹⁾. Подавая свою просьбу въ 1568 году, Татары, прося объ уничтоженіи противныхъ ихъ правамъ артикуловъ, хлопотали объ этомъ для того, «жебы зъ иными обывателями здешними народу шляхетского подъ однимъ правомъ и уфалою захованы были водле привилья его королевской милости», недавно имъ даннаго на Виленскомъ сеймѣ. Что касается до привилея, даннаго Литовскимъ Татарамъ Сигизмундомъ Августомъ на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, то онъ подтверждался потомъ не однажды. Подтвержденъ онъ былъ и Сигизмундомъ III-имъ 6 марта 1595 года ²⁾, какъ подтверждался и его преемниками вплоть до послѣдняго короля Польско-Литовской Речи Посполитой, Станислава Августа, приказавшаго выдать экстрактъ его изъ книгъ метрики канцеляріи Литовской, приложивъ къ нему печать Княжества ³⁾. Привилеемъ 1568 года Сигизмундъ Августъ объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе, что «князи, уланы, хоружые, маршалки и вси Татарове панства» его «великого князства Литовского» обратились къ нему на Городенскомъ сеймѣ съ извѣстною уже намъ просьбою и король, «за дознанемъ» ихъ «веры, цноты ку службамъ» своимъ государевымъ и земскимъ, сохранилъ имъ ихъ прежнія права, данныя его предшественниками. Привилей гласитъ, что «мають они во всемъ радитися и справовати въ справахъ своихъ заровне зъ иными обывателями» Литовскаго великаго княжества «стану шляхецкого потому, яко и до сихъ часовъ вольностей своихъ ужывали и въ нихъ се справовали», а артикулы статута, противные ихъ правамъ, «ничого вольностямъ и свободамъ ихъ шкодити и на переказы быти не мають вечными часы». Въ послѣдующее время къ этому привилею прибавился еще и другой привилей, данный Татарамъ Яномъ III-имъ Собѣскимъ 24 мая 1677 года и подтверж-

¹⁾ Д. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 494.

²⁾ А. Вил. I. Стр. 177—179. Мухлинскій (Op. cit., стр. 142 и сл.) такимъ образомъ напрасно почиталъ Сигизмунда Вазу притѣснителемъ Литовскихъ Татаръ. Въ III-ий статутъ внесены опять непріятныя Татарамъ постановленія, но мы видѣли, что это было сдѣлано и статутомъ 1566 года, да притомъ третій статутъ составлялся безъ всякаго участія самого Сигизмунда Вазы, даже до начала его царствованія, и лишь былъ утвержденъ имъ на коронаціонномъ сеймѣ 1588 года.

³⁾ 21 августа 1766 года. Archiwum domowe do dziejów i literatury krajowej z rękopismów i dzieł najrządzych zebrał i wydał Kaz. Wł. Wojcicki. W Warszawie. 1856. Str. 45—47.

денный потомъ Августомъ II-ымъ 12 мая 1698 года и, наконецъ, Станиславомъ Августомъ Понятовскимъ 3 декабря 1778 года ¹⁾).

Но вернемся къ положенію Татаръ Литовскихъ въ эпоху, изучаемую нами въ настоящемъ изслѣдованіи ²⁾). Татары Литовскіе дѣлились на двѣ категоріи: одни изъ нихъ владѣли земскими имѣніями Литовскими и несли военную земскую службу, другіе занимались извозомъ, ремеслами и торгомъ. Мы должны на этихъ страницахъ заняться лишь Татарами первой категоріи, потому что только они входили въ ряды Литовской шляхты. Военная служба Татаръ, несомнѣнно, была очень цѣнна для государства, и уже въ уфалу Виленскаго сейма 1565 года было внесено постановленіе, чтобы никто изъ князей и пановъ Княжества не принималъ къ себѣ на службу Татаръ, имѣющихъ «оселости» и имѣнія «подъ его кр. милостью»; лишь неосѣлыхъ Татаръ можно принимать обывателямъ къ себѣ на службу «з датку» ³⁾). Акты знаютъ хорошо и призывы Татаръ королемъ на службу военную. Такъ, 8 мая 1563 года были даны въ Люботинѣ королевскіе листы Татарскимъ хоружимъ «о еханью Татаров до земли Лифлянтское противъ непрятеля на войну» ⁴⁾). Какъ образецъ этихъ листовъ, въ Метрикѣ приведенъ листъ Татарамъ Городенскимъ. Въ немъ объявлялось «хоружому Татарскому в повете Городенскомъ и княземъ, вланомъ, мурзамъ и всимъ Татаромъ, которые именья и оселости свои у стягу того хоружьства мають», о томъ, что до короля доходятъ слухи изъ земли Лифлянтской «о небезпечности, которая се на сесь часъ тамъ дееть». Ввиду такого положенія дѣлъ король рѣшилъ усилить людьми тамошніе замки, почему онъ и приказываетъ Татарамъ, чтобы они «коньно,

¹⁾ А. Вил. XIII. Стр. 108—112.

²⁾ Татары бывали и на службѣ Московской. На листахъ 165—167 седьмой книги Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской находится списокъ, озаглавленный такъ: «Вязни Москва, которые за помочю Божю живо поймани в битве межи Улы и Суци року 1567 месеца августа 23 дня». Въ этомъ списокѣ въ числѣ другихъ «вязней» обозначены: «Кинъдюк сын Табуковъ Татарин, Тоурза Товкелевъ Резановъ Татарин пойманъ от служебника князя Романова Злобы, Баксаши мурза Яковлев сынъ Казаньских Татар, ... Кайдар Татарин, поймал его Маско Малиц Машичъ з роты князя Шахдовлетовы, ... Янъ Чур Татаринъ Мстиславецъ» и т. д.

³⁾ Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 172.

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 5—5 об. О происхожденіи этого призыва Татаръ см. М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 643.

збройно, што наборздей и наспешней быти можетъ, на службу» королевскую «до тое земли ехати готовилися», всѣ собирались въ имѣнїи пановъ Остиковъ, Ганусишкахъ, а оттуда «тягнули» бы въ замокъ Вольмеръ, гдѣ и должны собраться на срокъ черезъ недѣлю послѣ Вознесенья ¹⁾. «Омешкати» нельзя, это строго воспрещается королемъ, и виновный въ ослушанїи королевскому приказу «сроко каранъ» будетъ, «а охотнымъ и ку служъбе» государевой «поспешнымъ ласкою» своею государевой король «паметовати» будетъ. По прибытїи въ Вольмеръ всѣмъ Татарамъ будетъ доставлено «жалованье з скарбу» государева, въ Вольмеръ же будетъ прислано и лицо, «под чїею справою» они тамъ должны будутъ находиться. Листы такого содержанїя были посланы Татарскимъ хоружимъ стяговъ Аирскаго и Мерешлянскаго и повѣтовъ Виленскаго, Троцкаго, Новгородскаго и Городенскаго вмѣстѣ съ Татарами, владѣющими осѣлостями въ стягахъ ихъ хоружествъ. 16 іюля того же 1563 года вновь были написаны, а на другой день, т.е. 17 іюля, отправлены «военные листы до Татар, абы на день светого Якуба у Радошковичох становилися» ²⁾. На этотъ разъ они были посланы хоружимъ Татарскимъ повѣтовъ и стяговъ Виленскаго, Троцкаго, Аларскаго, Новгородскаго, Городенскаго, Мерешлянскаго, Кревскаго, а также къ царевичу Пунскому. Какъ образецъ, приводится въ Метрикѣ листъ «хоружому Татарскому в повете Мерешлянскомъ Всеину и всимъ княземъ, вланомъ и мурзамъ и Татаромъ, которые именья и оселости свои в повете того хоружьства мають», но документъ какъ разъ прерывается на этихъ словахъ ³⁾, не давая такимъ образомъ возможности подробнаго ознакомленїя съ его содержанїемъ.

Но не только, призывая на войну, говорятъ акты о Татарахъ. Когда 30 августа 1567 года были даны въ Кнышинѣ королемъ «листы отправчїе, хто податков водле уставы не отдал» ⁴⁾, которыми предписывалось «увязанье» посылаемому дворянину въ имѣнїя обывателей, не уплатившихъ податка, установленнаго речессомъ Городенскаго сейма 1567 года и объявленнаго королевскими листами, то въ числѣ этихъ неаккуратныхъ плательщиковъ оказались и нѣкоторые Татары. Такіе листы были по-

¹⁾ «в тыдень по Вступеньи Божьемъ в небо».

²⁾ Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 12.   ³⁾ Ibidem. Л. 12 об.

⁴⁾ Ibidem. Л. 159 об.—160 об.

сланы «до всех Татаръ, которые имена и оселости свои под Красным Селомъ в Забашевичъ и Негоничахъ мають», «до всех Татар, которые именья в повете Менскомъ и помешканя свои около Покалина, Шеметова, Положина и иных сел мають», Татарамъ, имѣющимъ имѣнія и «помешканья» въ Ошменскомъ повѣтѣ, и наконецъ, отдѣльный листъ къ Татарину того же повѣта Якиму Царицѣ¹⁾. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ источниковъ можно извлечь нѣкоторыя черты, характеризующія положеніе Литовскихъ Татаръ. Они имѣли свои осѣлости, земскія имѣнія, по которымъ были обязаны военною службою. Но есть разница въ этой военной службѣ Татаръ и шляхты. Если сравнить съ приказомъ Татарамъ ѣхать на войну, даннымъ королемъ въ 1563 году, листъ о посполитомъ рушеньѣ, выданный въ томъ же году²⁾, то замѣтна весьма существенная въ нихъ разница. Листъ Татарамъ—простое королевское приказаніе; въ немъ нѣтъ ни слова о сеймовой уфалѣ, въ силу которой Татары призываются на войну, наоборотъ, въ листахъ о рушеньѣ упоминаніе объ этой уфалѣ стоитъ на первомъ планѣ. Отсюда слѣдуетъ, что Татары служили военную службу за свои имѣнія, которыми они владѣли, какъ своего рода ленами, въ то время какъ шляхтичи несли земскую повинность, какъ свободные земельные собственники, обязанные защищать свое отечество. Въ то время, какъ шляхта прибрѣла право служить войну лишь по сеймовому постановленію, какъ гласитъ и Литовскій статутъ 1566 года³⁾, Татары все еще находились въ положеніи обязанныхъ служить по листу государеву, какъ въ эпоху перваго статута служили и всѣ Литовскіе обыватели⁴⁾. За свою службу, мы видѣли, Татары получали денежное жалованье, котораго не получала шляхта за посполитое рушенье. Наконецъ, Татаръ король передвигалъ совершенно свободно по своему усмотрѣнію въ замки, притомъ призывая на войну то одни стяги, то другіе. Такимъ образомъ есть несомнѣнное различіе въ военной службѣ Татаръ и шляхты Литовскихъ. Но Татары во всемъ остальномъ пользуются шляхетствомъ и его вольностями наравнѣ со шляхтою, они только военно-служилые люди, и въ этомъ ихъ отличіе отъ шляхты обыкновенной. Не забудемъ, что и среди христіанской шляхты Литовской бывали военно-служилые люди, какъ ротмистры и товарищи ротъ

¹⁾ Ibidem. Л. 164—164 об.

²⁾ Ibidem. Л. 8 об.—10.   ³⁾ II ст. II. 2.   ⁴⁾ I ст. II. 1.

конныхъ и пѣшихъ, правда, однако, служившіе исключительно за денежное жалованье, а не по своимъ шляхетскимъ имѣніямъ. Земскій судъ, разрѣшавшій дѣла шляхты, разбиралъ и дѣла Татаръ господарскихъ ¹⁾, а категорическія постановленія королевскія о шляхетствѣ Татаръ заставляютъ думать, что они принимали участіе и въ сеймиковыхъ собраніяхъ шляхты своихъ повѣтовъ.

Относительно болѣе ранняго времени мы имѣемъ факты, говорящіе о несомнѣнномъ полномъ равноправіи Татаръ съ христіанскими обывателями ²⁾. Такъ, въ числѣ лицъ, бывавшихъ при судѣ намѣстника дореформеннаго земскаго суда, встрѣчаемъ и Татаръ. Напримѣръ, жалобу Татарина господарскаго Мурзы Оразовича на Татаръ же господарскихъ, Ораза Давыдовича, его сына Богдана и князя Соболя Базаровича, Городенскій намѣстникъ Войтѣхъ Гришковичъ Кимбаръ разсматривалъ 14 ноября 1540 года при бывшихъ съ нимъ лѣсничемъ Городенскомъ Петрѣ Мицутѣ, бояринѣ Андрѣ Сасинѣ и Татаринѣ господарскомъ, князѣ Мулкуманѣ Мискевичѣ ³⁾. Въ изданныхъ актахъ Городенскаго суда Татары господарскіе являются постоянно съ ихъ справами передъ этимъ земскимъ судомъ дореформеннаго времени ⁴⁾.

Татары Литовскіе имѣли и своихъ начальствующихъ, и своихъ высшихъ лицъ, возвышающихся надъ рядовыми Татарами-шляхтою. Такъ, грамота Сигизмунда Августа 1568 года, подтверждавшая права Татарскія, которую мы видѣли уже выше, гласитъ: «оповедали передъ нами князи, уланы, хоружые, маршалки и вси Татарове панства нашего великого князства Литовского» ⁵⁾, выдѣляя такимъ образомъ изъ рядовыхъ Татаръ высшій ихъ слой. Князья Татарскіе, по словамъ изслѣдователя-специалиста, были потомками беговъ Золотой и другихъ ордъ Татарскихъ ⁶⁾, а уланъ,

¹⁾ Нпр., Вил. Арх. Сб. II. № 89 (1589 г.).

²⁾ М. К. Любавскій приводитъ изъ хроники Стрыйковскаго фактъ возведенія въ 1505 году королемъ Александромъ въ рыцерское достоинство множества Поляковъ, Литовцевъ и Татаръ (Лит.-Р. сеймъ. Стр. 454). Конечно, эти Татары были новопоселенными, а не потомками жившихъ въ Литвѣ еще во времена Витовта, обладавшихъ уже издавна правами шляхетства.

³⁾ А. Вил. XVII. № 551.

⁴⁾ См. А. Вил. XVII и XXI. ⁵⁾ А. Вил. I. Стр. 178.

⁶⁾ Муслинскій приводитъ и обозначенія беговъ различной степени: *Туманъ-бег* князь тумана, тьмы, т.-е. 10.000, или темникъ въ Русскомъ переводѣ ярлыковъ; *Минъ-бег*, тысячный бегъ, тысячникъ; *Юзъ-бег*, сотный бегъ, сотникъ; *Унъ-бег*, десятный бегъ, десятникъ». Изсл. о пр. и сост. Лит. Т. Стр. 135.

или угланъ обозначаетъ то же, что у Персовъ слово мирза, т.-е. употреблялось для обозначенія родственниковъ ханскихъ. Что касается до слова мирза, или мурза, то Мухлинскій придаетъ ему не большее значеніе, чѣмъ господинъ, панъ ¹⁾. Но кромѣ князей и улановъ (названія, бывшія своего рода титулами болѣе знатныхъ и родовитыхъ) среди Татаръ, были маршалки и хоружіе. Изъ того, что въ текстѣ королевской грамоты маршалки поставлены послѣ хоружихъ, можно заключать о болѣе низкомъ ихъ положеніи по сравненію съ послѣдними. Мы не можемъ принять толкованія Мухлинскимъ словъ привилея, даннаго Сигизмундомъ Старымъ 15 мая 1540 года на званіе маршалка князю Махмету Улану Осанчуковичу. Мухлинскій слова этого привилея— «въ стягу ся рядити и справовати», считаетъ обозначающими не военное, а «земское» званіе маршалка ²⁾. Прежде всего нужно по поводу этого замѣтить, что и военное значеніе вряда могло быть и дѣйствительно бывало земскимъ. Вряды гетмана, хоружія были врядами земскими въ такой же степени, въ какой и должности судьи, или подсудка. Кромѣ того и самое значеніе маршалка въ Литвѣ было прежде всего въ посполитомъ рушеньѣ, т.-е. тоже, можно сказать, военное. Дѣло въ томъ, что современный языкъ не различалъ военную дѣятельность отъ земской, а отличалъ ее отъ судовой и административной. Наконецъ, выраженіе «радитъ и справовати»—выраженіе совершенно обычное, употреблявшееся во всѣхъ привилеяхъ на всякія должности рѣшительно. Мы уже видѣли его употребленнымъ и въ грамотѣ на Татарское хоружество. Къ сожалѣнію, намъ не удалось собрать данныхъ для характеристики маршалковства Татарскаго, и грамоты, съ которыми знакомы мы, совсѣмъ даже не упоминаютъ о маршалкахъ Татаръ Литовскихъ. Что же касается до хоружія, то источники, изученные нами, позволяютъ довольно отчетливо обозначить эту должность. Хоружій Татарскій несъ хоругвь, стягъ и игралъ среди Татаръ своего стяга такую же роль, какую игралъ хоружій повѣтовый среди повѣтовой шляхты. Его назначеніе дѣлалось самимъ королемъ. Но мы уже познакомились выше съ этимъ Татарскимъ урядникомъ ³⁾.

Обратимся теперь къ изображенію экономическаго положенія шляхты Литовской въ шестидесятые, семидесятые и восьми-

¹⁾ Ibidem.   ²⁾ Мухлинскій. Op. cit. Стр. 138.

³⁾ См. выше, стр. 332, 333.

десятые годы XVI вѣка. Тутъ мы должны опредѣлить тѣ виды «маетности», изъ которыхъ слагалось имущество шляхетнаго обывателя Литовскаго, и уже затѣмъ сдѣлать очеркъ каждаго вида. Прежде всего, какъ это отгѣняютъ и сами источники, обыватель владѣлъ «речьми рухомыми» и «речьми нерухомыми», т.-е. движимостью и недвижимостью. Къ этимъ двумъ основнымъ видамъ имущества шляхты нужно прибавить еще третій—права на разнаго рода сборы, жалуемые королемъ. Что касается до недвижимыхъ имѣній шляхты, то они, въ свою очередь, были нѣсколькихъ видовъ. Тутъ основнымъ видомъ является «отчизна», имѣніе родовое, имѣніе предковъ, переданное ими изъ поколѣнія въ поколѣніе потомкамъ. Кромѣ имѣній «отчизныхъ» шляхта владѣла имѣніями благопріобрѣтенными. Способами пріобрѣтенія были: купля и залогъ въ случаѣ неуплаты долга, даръ и приданое по женѣ, выслуга на государѣ и его пожалованіе. Эти виды земельныхъ имуществъ составляли полную собственность своихъ владѣльцевъ. Но кромѣ земельной собственности великое княжество Литовское знало и владѣніе пожизненное или временное. Сюда относятся староства и державы различнаго рода, имѣнія, жалуемая королемъ пожизненно, или на нѣсколько «животовъ», или срочно и, наконецъ, имѣнія, которыми владѣли «въ заставѣ» отъ короля, или отъ частнаго лица. Движимость шляхтича состояла изъ невольной челяди, скота, денегъ и различнаго домового скарба. Наконецъ, права на доходы, жалуемые королемъ, были арендою мытъ, мостовыми сборами и т. д.

Имѣніе отчизное должно бы было, повидимому, быть основнымъ, самымъ главнымъ въ ряду другихъ имѣній одного и того же владѣльца. На дѣлѣ, однако, это бывало далеко не всегда, и причиною этого служило постоянное дробленіе имѣній при переходѣ отъ отца къ сыновьямъ, обращавшее иногда прежде большое имѣніе въ такое, которое ни въ какомъ случаѣ уже не могло быть «наиголовнѣйшимъ» изъ всѣхъ имѣній обывателя, «отчизныхъ, выслужонныхъ, купленыхъ и жонинныхъ»,—обстоятельство, вызывавшее переносъ и земской службы шляхтича иногда въ другой повѣтъ изъ того, гдѣ лежала его «отчизна»¹⁾. Вотъ напри- мѣръ, четыре брата Ососки, шляхта Полоцкая — Яцко, Лецко, Василій и Жданъ Ивановичи, которые по описанію Полоцкой Ревизіи 1552 года имѣли всѣ вмѣстѣ имѣніе «отчизное у Прозо-

¹⁾ II ст. II. 8.

рокахъ, дворцы с пашнями». Къ этимъ дворцамъ принадлежали 7 вольныхъ людей, «всихъ братьей», какъ поясняетъ Ревизія, дававшихъ имъ четвертый снопъ всякаго хлѣба и служившихъ толоки; кромѣ того, Ососкамъ принадлежали 4 огородника, служившіе толоки, да 2 человѣка, сидѣвшіе «на слободѣ» и еще не платившіе никакого плата землевладѣльцамъ¹⁾. Во что бы обратилось имѣніе cadaго изъ Ососковъ, если бы они вздумали подѣлиться? Разумѣется, случайное приобрѣтеніе новаго имѣнія путемъ брака, дара, выслуги, сейчасъ же поставитъ эту «отчизну» на второй планъ и переведетъ земскую службу шляхтича на его новую «маетность нерухомую». При раздѣлѣ своихъ имѣній между сыновьями владѣльцы далеко не всегда, конечно, соблюдали равенство частей и не всегда дробили свои владѣнія на одинаково мелкія части, чѣмъ предупреждалось, такимъ образомъ, распаденіе имѣнія сразу на нѣсколько мелкихъ; но зато при такомъ раздѣлѣ рядомъ съ крупными являлись части еще болѣе мелкія, чѣмъ онѣ были бы въ случаѣ равнаго раздѣленія. Какъ сильно дробились имѣнія, видно хотя бы по примѣру раздѣла своихъ земель королевскимъ дворяниномъ Николаемъ Павловичемъ Юндиломъ²⁾. Онъ былъ въ бракѣ дважды. Отъ перваго брака имѣлъ трехъ сыновей, отъ втораго — столько же. Такъ какъ по первой своей женѣ онъ взялъ большіе «посагъ» и «выправу», то сыновьямъ отъ перваго брака онъ завѣщалъ лучшее свое имѣніе — Бусяжъ въ Слонимскомъ повѣтѣ, а сыновьямъ отъ втораго брака — имѣнія Палесу и Ваверку, лежащія въ Лидскомъ повѣтѣ. Если продолжимъ это дѣленіе еще на одно поколѣніе, то можемъ себѣ представить, на какія небольшія части должны были распасться земли Николая Юндила.

Когда мы говоримъ объ имѣніяхъ, переходящихъ наслѣдственнымъ путемъ отъ родителей къ дѣтямъ, необходимо помнить, что они бывали какъ «отчизныя», такъ и «материстыя», т.-е. передавались, какъ отъ отца, такъ и отъ матери.

Рядомъ съ имѣніями родовыми Литовская шляхта владѣла имѣніями благоприобрѣтенными. «Купля», «земля купленная» — носили названіе земли, приобрѣтенныя путемъ покупки. Въ разрядѣ имѣній шляхетскихъ «купленныхъ» нужно различать двѣ группы: 1) имѣнія, купленныя шляхтою у шляхты же, и 2) имѣнія, купленныя ею у землевладѣльцевъ другихъ сословій. Законъ даетъ

¹⁾ Полоцкая Ревизія. Л. 75 об.

²⁾ А. Вил. ХХІІ. № 638 (1570 г.).

право «всѣмъ станомъ шляхецкаго народу, яко и людемъ вольнымъ», всѣми своими имѣніями «отчизными, материстыми и якимъ же кольвекъ обычаемъ набытыми шафовати»¹⁾. Ихъ имѣетъ право владѣлецъ отдать, продать, даровать, записать, заложить, промѣнять — «водлѣ potrzeby, воли и подобанья своего». Такимъ образомъ землевладѣлецъ-шляхтичъ не былъ связанъ въ распоряженіи своею землею, какого бы вида она ни была. Поэтому естественно, что на рынкѣ Княжества въ различныхъ его повѣтахъ всегда имѣлись шляхетскія земли, ищущія для себя покупателя. Въ эпоху до второго статута и Берестейскаго сейма 1566 года продажа земельскіхъ имѣній совершалась съ разрѣшенія мѣстнаго воеводы²⁾. Берестейскій сеймъ 1566 года и второй статутъ признали полную свободу шляхты распоряжаться своими имѣніями, и потому съ 1566 года продажа и купля ихъ производились совершенно свободно. Только обыкновенно, продавая свою землю, шляхтичъ заявляетъ, что онъ это дѣлаетъ «посполъ з женою и з детьми» своими³⁾, что, конечно, являлось гарантіею для покупателя въ томъ, что семья продавца не будетъ искать проданнаго имѣнія послѣ смерти своего главы, продавшаго его. Во всякомъ случаѣ государственное стѣсненіе права шляхты распоряжаться своими имѣніями было устранено въ 1566 году.

Рядомъ съ имѣніями, покупаемыми шляхтою у шляхты же, покупались ею имѣнія и у людей, не принадлежащихъ къ этому сословію-народу. Приобрѣтались они шляхтичами и у бояръ⁴⁾, и у слугъ⁴⁾ панцырныхъ, или путныхъ, и тому подобныхъ королевскихъ подданныхъ спеціальнаго назначенія⁶⁾, покупались и у мѣ-

¹⁾ II ст. III. 33.

²⁾ Нпр., на листѣ 75 об. Полоцкой Ревизіи читаемъ: «Артемъ Ивановичъ маеть именье купленое за дозволенемъ пана Станислава Довойна воеводы Полоцкаго у земенина Полоцкаго Борыса Шыловича, дворецъ на Беломъ с пашнею».

³⁾ Нпр., А. Вил. XXII. № 650 (1570 г.),

⁴⁾ Нпр., А. Вил. XXII. № 644 (1570 г.).

⁵⁾ Нпр., «тотъ же Фронцко маеть сельцо Борысковичы, куплю свою от слугъ путныхъ Полоцкихъ на име от Демешка Скоковки, от Андрея Перхурова, от Левона Васильевича а от Конона Альхимовича». Полоцкая Ревизія. Л. 61.

⁶⁾ Покупались и у простыхъ подданныхъ. Нпр., Полоцкая Ревизія, л. 68: «Иванъ Игнатовичъ Митрополи маеть земли—куплю отца своего и тежъ свою подьданныхъ господарскихъ на Сушыне, на...»

щанъ ¹⁾ и духовенства ²⁾. Приобрѣтаемая шляхтичемъ земля, конечно, сливается съ остальными его владѣніями и единственная повинность, идущая теперь съ нея — служба земская военная и податокъ, налагаемый сеймомъ въ случаѣ исключительныхъ нуждъ государства. Такимъ образомъ, земля, покупаемая шляхтичемъ, обѣляется, освобождается отъ прежнихъ повинностей, на ней лежавшихъ. Но земли не только покупались шляхтою, онѣ ею и продавались, притомъ продавались не только шляхтѣ же, но и лицамъ другихъ сословій. Продавались шляхетскія имѣнія и духовенству ³⁾, продавались и мѣщанамъ ⁴⁾. Статутъ отлично знаетъ, что въ рукахъ нешляхты находятся шляхетскія имѣнія, обязанныя земскою военною службою ⁵⁾, а относительно владѣнія шляхетскими имѣніями духовными лицами говоритъ еще подробнѣе ⁶⁾. Черезъ

¹⁾ Нпр., Полоцкому шляхтичу Василю Митковичу принадлежало «село Ухотьевичов, купля отца его в мещан Полоцкихъ». Полоцкая Ревизія. Л. 66. об.

²⁾ Нпр., мѣна боярина Чаплича съ Супрасльскимъ монастыремъ (1516 г.). А. Вил. I. Стр. 44, 45. Покупка церковнаго дома (1593 г.). А. Вил. VIII. Стр. 2

³⁾ См., напр., А. Вил. I. Стр. 9—12 (1585 г.). Прекрасный примѣръ продажнаго листа духовному лицу—л. 216 об.—218 книги № 3 Вилькомирскаго гродскаго суда (Вил. Центр. Архивъ № 13880). Внесенный въ Вилькомирскія гродскія книги, этотъ листъ начинается такъ: «Я Станиславъ Матеевич Буйвид, земенинъ господарскій повету Виленского, а я Алшка Миколаевна, малъжонъка звышъ помененого пана Станислава Буйвида, одинъ за обудвухъ, а обадва за одного почитаючы (л. 216 об.), згодне, одностайне, чинимъ явно и сознаваемъ симъ нашимъ листомъ добровольнымъ, записомъ вечыстое продажи нашею всимъ вобецъ и каждому зособна, кому бы то потреба была всдати, албо, чтучы его, слышати, ижъ што мы, маючы в моцы и в держаню своею пустовщызну нашу властную, прозываемую Падушку, лежащую в повете Виленскомъ, а такъ мы, заживаючы в томъ волности шляхетское и права посполитого, ижъ волно есть каждому, яко хочечы, маестною своею шафовати а потребуючы мы пилно пенезей, тую помененую пустовщызну Падушку свою власную, никому ничымъ не пенную, першымъ а ни последнейшимъ записомъ не записаную, зо всимъ на все огуломъ, ничего сами на себе, дети и потомки свои не оставуючы а ни уймуючы, продали есмо обел, вечно и на веки непорушно в моц, в держане и ужыване поступили есмо велебному в Бозе его милости князю Бенедикту Войне, кустошу костела головного светого Станислава на замку Виленскомъ, администратору бискупства Виленского, пробощу Троцкому и всимъ ихъ милости княземъ, пралатомъ, каноникомъ капитулы Виленское за певную и до рукъ нашихъ отданую суму пенезей, то есть за осмъдесятъ коп грошей личбы Литовское...» и т. д.

⁴⁾ См. примѣры покупки Витебскими конными мѣщанами земель у землянъ—Вит. Центр. Архивъ. Вит. губ. Вит. у. с. № 32. Земская. Л. 205—206; 212—214 и др.

⁵⁾ II ст. II. 1.   ⁶⁾ II ст. II. 9.

выходъ шляхетской «маетности» изъ рукъ шляхетнаго владѣльца и переходъ ея въ руки нешляхтича интересы земской службы не страдали, ибо, согласно статуту, земская служба должна была идти съ земскаго имѣнія, кто бы имъ ни владѣлъ. Страдали лишь интересы повѣта, какъ коллективной единицы политически-правоспособнаго народа, такъ какъ число шляхтичей, ее составлявшихъ, сокращалось, потому что «осѣлость» въ повѣтѣ была необходимымъ условіемъ для пользованія шляхетскими правами по участию въ администраціи и политической жизни повѣта.

Кромѣ покупки, земли приобрѣтались шляхтою и путемъ даренія, будетъ ли это даръ «пріятелю», или супругу. Вотъ, на примѣръ, дарить своему «пріятелю» имѣніе Янъ Ходкевичъ, испрашивая 3 мая 1574 года въ Краковѣ на свой подарокъ «конфирмацію» короля Генриха. Ходкевичъ заявляетъ королю, что онъ дѣлаетъ подарокъ своему «пріятелю», пану Григорію Бакѣ, имѣя полное право на основаніи уфалы Берестейскаго сейма распоряжаться своими имѣніями, какъ пожелаетъ. Оцѣнилъ же Ходкевичъ преданность себѣ Рогачевскаго державцы Григорія Баки во время военныхъ дѣйствій, когда послѣдній былъ при немъ, командуя ротами. Заслуги Баки «на добромъ баченью маючи, а хотечи тежъ вдячность свою пріятельскую оказать и тымъ его охотнейшого себе способити», Ходкевичъ «далъ, даровалъ и листомъ своимъ на вечность записалъ» ему свои 4 села, находящіяся «в ъименью Кгрушътенскомъ в земли Жомоитской». Король, конечно, утвердилъ этотъ даръ ¹⁾. Особый обширный отдѣлъ дарственныхъ записей, въ такомъ изобиліи сохранныхъ актовыми книгами Литовскихъ судовъ, а также и Литовскою Метрикою, составляютъ дарственныя записи супруговъ, «дознавшихъ» къ себѣ со стороны своего «малжонка», или «малжонки» своей «добротою и цнотливого, а верного захованья в милости малъженьской» ²⁾. Такія записи давались и передъ смертью своею однимъ изъ супруговъ ³⁾, и просто во время жизни въ супружествѣ, по-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 49 об.—52. См. выше, стр. 266 и прим. 2. Ср. дарственныя записи зятю (нпр., А. Вил. XXII. № 611), сыну (нпр., А. Вил. XXII. № 599).

²⁾ Нпр., см. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 55 об. («Конфирмація пани Барбары Ердановны Зборовской». Л. 54 об.—58).

³⁾ См., напр., А. Вил. XXII. № 619.

видимому, безъ особыхъ причинъ опасеній за свое земное существованіе ¹⁾.

Къ числу дарственныхъ записей супружескихъ относятся и такъ называемыя вѣновныя записи. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ. Выходя замужъ, жена приносила своему мужу «посагъ», «выправу посаговую», т.-е., приданое. Это приданое оцѣнивалось, и мужъ записывалъ новобрачной «подлугъ обычаю права посполитого и статуту земского вено з совитостю» ²⁾, т.-е. на своихъ имѣніяхъ записывалъ ей двойную сумму противъ той, въ которую оцѣнилъ приданое. Эта запись дѣлалась на третьей части всѣхъ имѣній новобрачнаго. Такая запись, установленная закономъ ³⁾, имѣетъ цѣлью сохранить за женою стоимость ея приданаго, приносимаго ею въ домъ своего мужа, и, если «отецъ, выдаючи дѣвку замужъ, передъ выданьемъ ее вѣна и отправки отъ зятя своего не одержалъ, таковая дѣвка по смерти мужа своего внесенье тратить», какъ бы велика ни была стоимость ея приданаго. Законъ, охраняя имущественныя права жены, такъ постановляетъ относительно мужняго вѣна, записаннаго ей въ замѣну ея посага: когда умретъ мужъ, оставивъ послѣ себя дѣтей, а вдова его вновь выйдетъ замужъ, то дѣти, или близкіе его, если пожелаютъ «съ тое третее части имѣнія за живота ее вывѣновати», должны будутъ выплатить ей цѣликомъ всю сумму, которая гарантирована ей вѣновною записью ея мужа. Въ томъ же случаѣ, если «будутъ дѣти ждаты смерти матки своее, не всхочутъ выкупити», то должны будутъ послѣ ея смерти выдать тому, кому она откажетъ, лишь ту сумму, которую она внесла въ домъ ихъ отца въ качествѣ своего посага. Что же касается до «совитости», до двойного размѣра суммы, записанной ей ея мужемъ по сравненію съ ея посагомъ, то вторая половина ея является, въ качествѣ «привѣнка», уже не принадлежащею ей въ такомъ случаѣ, и передавать ее она уже не имѣетъ права никому. Если же она умретъ, не оставивъ отъ новаго брака дѣтей и никому не завѣщавъ своего стараго посага, то онъ долженъ быть выплаченъ въ домъ, изъ котораго она была взята тѣмъ ея мужемъ, о посагѣ которому идетъ рѣчь. Такъ старательно опредѣляя и гарантируя женѣ ея право на приданое, вне-

¹⁾ См., напр., *ibidem*, №№ 597, 610 и др.

²⁾ А. Вил. XII. № 613. Ср. А. Вил. VIII, № 169 (стр. 420—423) и др.

³⁾ II ст. V. 1, 2.

сенное въ домъ мужа, статуть не забывають постановить, что то имѣніе, на которое мужъ записалъ своей женѣ «отправу», онъ уже никому другому «никоторымъ правомъ, а ни способомъ записовати, а ни въ чужіе руки задавати не можетъ, хотя и призоленье отъ жены показовалъ»; только ея личное признаніе этого дѣйствія мужа, сдѣланное передъ врядомъ, можетъ разрѣшить мужу распоряжаться, а вряду «чинить отправу» на такихъ имѣніяхъ ¹⁾.

Кромѣ исчисленныхъ способовъ благопріобрѣтенія шляхтичами имѣній нужно еще назвать пожалованія государемъ, имѣнія-выслуги. Но объ этихъ пожалованіяхъ мы уже нѣсколько разъ имѣли случай говорить, когда излагали тѣ виды наградъ, которые жаловались государемъ въ награду за службу и заслуги передъ нимъ, и здѣсь можемъ просто указать на страницы, говорящія объ этомъ, и не повторять вновь сказаннаго раньше ²⁾.

Рядомъ съ земельною собственностью шляхта имѣла земли, по отношенію къ которымъ она пользовалась лишь правомъ владѣнія. Это право владѣнія, конечно, не исключало права передачи его на тѣхъ же самыхъ условіяхъ и другому лицу. Сюда относятся такъ называемыя «заставы», имѣнія заставныя, служащія залогомъ въ суммѣ денегъ, выданныхъ въ ссуду собственнику такого имѣнія. Шляхтичъ, нуждаясь въ деньгахъ, отдавалъ свои имѣнія въ залогъ. Такую «заставу» новый владѣлецъ держитъ на себя, пользуясь всѣми доходами и работами подданныхъ имѣнія въ теченіе срока, на который оно заставлено. Этотъ срокъ опредѣлялся временемъ, на которое назначалась уплата взятыхъ въ долгъ денегъ. Если въ срокъ имѣніе выкуплено не будетъ, то уплата денегъ отсрочивалась еще на годъ, а вмѣстѣ съ нею отсрочивалось и возвращеніе кредиторомъ имѣнія его законному собственнику ³⁾. Конечно, владѣніемъ имѣніемъ гарантировалось кредитору болѣе или менѣе основательно, вродѣ, на примѣръ, обязательства не требовать возвращенія имѣнія до сроковъ, не чинить «переказы» и т. д. ⁴⁾. Шляхетскія имѣнія, разумѣется, какъ продавались, такъ и заставлялись не только лицамъ шляхетскаго же стана, но и нешляхтѣ: при «вольности» каждому шляхтичу «шафовать» своею «маетностью», лишь его личный интересъ, его желаніе и его личная

¹⁾ Ц ст. V. 16.   ²⁾ Стр. 429 и др.

³⁾ См., напр., А. Вил. XXII, № 612 и др.   ⁴⁾ Нпр., *ibidem* и др.

выгода должны были служить для него руководством въ распоряженіи имѣніемъ. Но не одни частныя лица «заходили» и «заставляли» кредиторами свои имѣнія. Королевскія столовыя земли оказывались нерѣдко въ качествѣ залога въ рукахъ кредиторовъ скарба Литовскаго, ибо и скарбъ нуждался въ ссудахъ подобно частнымъ лицамъ, обывателямъ Княжества. Какъ подданные его, такъ и король оказывались иногда вынужденными отдавать свои земли въ залогъ за ссуды, дѣлаемыя имъ ихъ кредиторами. Мы видѣли выше державы и староства, закладываемыя королемъ кредиторами скарба ¹⁾. Отдѣльныя села также бывали предметомъ залога лицамъ, ссудившимъ государство. Вотъ, наприимѣръ, королевскій листъ «пану Миколаю Богдану Стецковичу на некоторые села в старостве Браславскомъ в суме пенезей» ²⁾, данный Сигизмундомъ Августомъ въ Городнѣ 7 іюня 1568 года. Въ этомъ листѣ король приказываетъ Браславскому старостѣ, Мстиславскому воеводѣ пану Юрію Остику, или его подстаростѣ, если его самого не окажется въ Браславлѣ, не противиться королевскому дворянину въ его передачѣ Стецковичу сель, заставленныхъ ему королемъ, хотя эти села панъ Остикъ и «куроботе фольварку» королевскаго «Друйскаго обернулъ» и на этомъ основаніи уже однажды отказалъ въ передачѣ ихъ пану Стецковичу и даже лично заявлялъ объ этомъ, «о то з нимъ перед» королемъ «мовенъе маючи». О томъ, какъ сдѣлался Стецковичъ владѣльцемъ этихъ сель, король въ своей грамотѣ говоритъ слѣдующее: «взявши есмо певное сумы пенезей в скарбъ нашъ господарскій и земскій на потребу нашу господарскую и земскую у старосты и ротъмиистра нашего замку Коконгавзенского в земли Лифлянтской у Миколая Богдана Стецковича, зоставили и записали есмо ему в той суме пенезей мети и держати до выкупленья села наши у повете Браславскомъ войтовъства Гавриловского с певными застенъками, то есть села...» Случалось и такъ, что части какого-нибудь староства, или державы сначала раздавались въ заставу нѣсколькимъ лицамъ, а потомъ выкупались однимъ, которое такимъ образомъ принимало на себя и всю ссуду скарбу Княжества ³⁾. Кромѣ заставныхъ имѣній отъ короля получали иногда въ награду за заслуги и имѣнія съ правомъ владѣть ими

¹⁾ См. выше, стр. 268 и сл.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 11 об., 12.

³⁾ Приимѣръ см. выше—стр. 273, прим. 2.

лишь пожизненно, «правомъ доживотнымъ», или «до двухъ животовъ»¹⁾.

Къ числу имѣній, которыми владѣли шляхтичи не по праву собственности, а по праву владѣнія на известное время нужно отнести и земли, которыми завѣдывали опекуны по праву опеки. Статутъ отводитъ опекѣ цѣлый раздѣлъ, состоящій изъ 12-ти артикуловъ²⁾, и имѣнія, которыми владѣли шляхтичи «въ опецѣ» часто упоминаются источниками³⁾. Кроме того источники знаютъ и имѣнія, которыми шляхтичи управляли «в порученстве»⁴⁾.

Кромѣ земель въ повѣтѣ, имѣній, въ составъ которыхъ входили пустоши, деревни и села, мѣстечки, городки, шляхта владѣла и недвижимостью въ большихъ городахъ. Полоцкою ревизіею 1552 года весьма значительное число шляхтичей показано владѣющими имуществомъ въ самомъ Полоцкѣ. Этимъ имуществомъ были дворы и дворища, лавки и мѣщане. Дворы въ Полоцкѣ, бывшіе собственностью шляхтичей, иногда описываются стоящими во главѣ цѣлаго имѣнія, лежащаго около города. Въ такомъ случаѣ они являются обыкновенными шляхетскими дворами, къ которымъ былъ приписанъ цѣлый рядъ сель и земель, къ нимъ относящихся. Такъ наприимѣръ, «двор в замку»⁵⁾ имѣлъ въ числѣ своихъ владѣній панъ Глѣбъ Ивановичъ Зеновьевича-Корсакъ. Къ нему принадлежали села: Оболи (3 дыма), на Горанехъ (3 дыма), Завезневичи (3 дыма), Черепеть (3 дыма), Стайки (5 дымовъ), Гомле (2 дыма слугъ путныхъ), Виховичи (4 дыма), на Вели (5 дымовъ), сельцо на Мосарѣ (3 дыма), сельцо Забрадовичи (1 дымъ), да, кромѣ того, земля Шевино, фольваркъ на Просмужцѣ (передъ городомъ Полоцкомъ) и 5 человекъ сидѣвшихъ на волѣ (на Вшаболкахъ и на Кубку). Такое же значеніе имѣетъ и «в замку Полоцком двор», принадлежавшій Теодору

¹⁾ Примѣромъ можетъ служить хотя бы уже названный нами выше ротмистръ Каменскій, получившій отъ короля Генриха при его коронаціи шляхетское достоинство и 16 волокъ «кгрунъту неоселого» въ Немонитскомъ лѣсничествѣ, которыми будутъ владѣть Каменскій и «жена его, по немъ pozostaлая» со всѣмъ, что принадлежитъ къ нимъ «до двухъ животовъ своихъ».

Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 52—53. См. выше, стр. 432, 433.

²⁾ П ст. VI. ³⁾ Нпр., Полоцкая Ревизія, л. 52 об., 77.

⁴⁾ Нпр., «тотъ же Матфей Томкович Кгетолтъ маеть в порученстве своемъ именье дядка своего Александра Кгетолта; двор Плонскій, отчызну его». Ibidem. Л. 64.

⁵⁾ Полоцкая Ревизія. Л. 43—43 об.

Ивановичу Зеновевичу-Корсаку ¹⁾, или подобный же дворъ, принадлежавшій Богдану Ивановичу Корсаку ²⁾. Но рядомъ съ такими дворами въ Полоцкѣ были шляхетскіе дворы и другого характера: они не имѣютъ значенія главнаго пункта имѣнія шляхтича, а просто являются придаткомъ къ его владѣніямъ, дворами имѣющими самостоятельное значеніе, представляющими изъ себя такую же единицу, въ общемъ числѣ имѣній шляхтича, какъ каждое изъ этихъ послѣднихъ. Такіе дворы или служили жилищемъ владѣльцу, или же сдавались имъ въ наемъ-аренду. Такъ, Федько Ивановичъ Волынецъ имѣлъ «в месте на посаде Заполоцкомъ двор, в которомъ самъ мешкаетъ» ³⁾, по словамъ Полоцкой Ревизіи 1552 года. Другіе владѣльцы сдавали свои дворы въ аренду, какъ это сдѣлалъ, на примѣръ, Федько Комаровичъ со своими четырьмя дворами, находившимися въ Полоцкѣ «на посаде Великомъ»: съ нихъ ему шелъ доходъ въ размѣрѣ 52 грошей позема («позма») ⁴⁾. Кромѣ дворовъ источникъ знаетъ и дворища, какъ собственность шляхтичей въ Полоцкѣ, приносящую имъ доходъ ⁵⁾. Своимъ дворамъ и дворищамъ владѣльцы могли, конечно, давать различныя назначенія и извлекать изъ нихъ доходъ тѣми способами, которые имъ представлялись наиболѣе выгодными и удобными. Полоцкій хоружій, панъ Иванъ Михайловичъ Зеновевича, по словамъ Ревизіи 1552 года, «в месте Полоцкомъ на рынку маеть две лавки, с которыхъ ему плату прыходить на рокъ 20 грошей» ⁶⁾. Случалось, что шляхтичи владѣли и мѣщанами, жившими въ городѣ. Такъ, Богданъ Андреевичъ Ешимахъ имѣлъ 12 мѣщанъ въ Екиманскомъ посадѣ Полоцка, съ которыхъ ему шло 44 гроша позема ⁷⁾, Богданъ Андреевичъ Селява въ Заполоцкомъ посадѣ того же города имѣлъ 10 мѣщанъ, «которые з местом тягнутъ, а ему каждый позма по чотыры грошы платятъ» ⁸⁾, и т. д.

¹⁾ Ibidem. Л. 46—46 об.   ²⁾ Ibidem. Л. 47 об.—48.

³⁾ Ibidem. Л. 74 об. Кромѣ этого двора у Волынца были два имѣнія, въ которыхъ показаны Ревизіей 7 человекъ крестьянъ, 1 домовый слуга и 2 сидящихъ на волѣ. Къ земской службѣ Волынецъ ставилъ одного коня.

⁴⁾ Ibidem. Л. 77.

⁵⁾ Обыкновенно поземъ средняго размѣра съ дворища представлялъ изъ себя сумму въ 6—7 грошей. Нпр., Василий Олехновичъ „маеть в месте на посаде Заполоцкомъ два дворища, с которыхъ ему позма прыходить 12 грошей“. Ibidem. Л. 76. Цѣна колеблется, конечно, въ зависимости отъ величины дворища. Такъ встрѣчается плата, на примѣръ, съ двухъ дворищъ—8 грошей (ibidem, л. 72 об.), съ одного—12 грошей (ibidem, л. 74).

⁶⁾ Ibidem. Л. 39 об.

⁷⁾ Ibidem. Л. 56.

⁸⁾ Ibidem. Л. 65 об.

Такимъ образомъ, шляхта имѣла земельную собственность не только въ повѣтахъ, но и въ городахъ. Доказывать, что фактъ этотъ имѣлъ мѣсто не въ одномъ Полоцкѣ, но и въ другихъ городахъ, нѣтъ надобности: изданные акты Литовскихъ судовъ даютъ цѣлый рядъ документовъ сдѣлокъ и продажъ, предметомъ которыхъ являются шляхетскіе дома и пляцы въ различныхъ городахъ Княжества ¹⁾. Что касается цѣли, ради которой пріобрѣтали и держали свои дворы въ городахъ шляхтичи, то тутъ прежде всего выдается потребность имѣть убѣжище, куда можно было бы удалиться въ дни вражескаго вторженія въ границы великаго княжества Литовскаго, когда жизнь въ близлежащихъ къ границѣ повѣтахъ становилась опасной, а иногда прямо невозможной. Въ эпоху, напримѣръ, вторженія Московскихъ войскъ въ предѣлы Мстиславскаго воеводства во время второй Польской войны Московскаго царя Алексѣя Михайловича шляхта потянулась со своими семьями и пожитками въ замокъ Мстиславль, чтобы укрыться за его «парканомъ», за его стѣнами ²⁾. Конечно, желаніе имѣть дворъ въ замкѣ на случай такого несчастія должно было являться особенно сильнымъ преимущественно у шляхты «украинной», жившей въ пограничныхъ повѣтахъ Княжества. Но и для всякаго шляхтича было не лишнимъ имѣть дворъ въ замкѣ, вблизи отъ замковаго врыда, на случай столкновенія съ сильнымъ сосѣдомъ, грозящимъ опасностью его жизни. Равнымъ образомъ на случай пріѣзда въ городъ на роки земскіе, рочки гродскіе, или на сеймикъ не мѣшало имѣть въ немъ свой домъ. Къ этому нужно прибавить, что жизнь въ городѣ представляла удобства и для обученія дѣтей. Статутъ знаетъ шляхту «которые бы въ мѣстѣ осѣлость прынели» ³⁾. Онъ постановляетъ, что, если шляхтичъ, «занехавшы имѣнья шляхецкого, а ищучы поживенья», переселится въ городъ и, живя тамъ, будетъ торговать, имѣть «шынкъ» въ своемъ домѣ, или заниматься ремесломъ,

¹⁾ См., нпр., А. Вил. XX, № 27 и длинный рядъ другихъ актовъ.

²⁾ Ист.-Юр. Мат. XVII. Акты Кричевской Магдебургіи—очень много документовъ, говорящихъ объ этомъ. (Стр. 176 и сл.). См. выше, стр. 339. Выше мы видѣли, какъ Полоцкая шляхта XVI вѣка хранила свои документы въ Полоцкомъ храмѣ св. Софіи (см. стр. 176). Обычай хранить документы въ церквахъ былъ и въ Московской Руси. Такъ, Тверскіе землевладѣльцы хранили свои документы въ Тверскомъ соборномъ храмѣ Спасова Преображенія. См. Писцовыя Книги *Калачова*. Т. I. Отд. II. Стр. 154 и др.

³⁾ II ст. III. 20.

«понежавшы на тотъ часъ шляхецтва своего», его дѣти не утрачиваютъ своего шляхетства въ томъ случаѣ, когда не будутъ заниматься такимъ нешляхетскимъ дѣломъ своего отца, а наследуютъ «поступковъ рыцерскихъ предковъ своихъ». Но шляхтичъ могъ жить въ городѣ, и не занимаясь никакимъ торгомъ или ремесломъ, могъ даже занимать мѣстскіе вѣнды безъ ущерба для своего шляхетства. Въ документѣ, озаглавленномъ «привилей албо варунокъ Григорію Семеновичу Щиту з стороны шляхецтва его», данномъ Сигизмундомъ Августомъ въ Кнышинѣ 5 августа 1568 года ¹⁾, король говоритъ: «бил намъ чоломъ земенинъ нашъ земли Полоцкое, Григорей Семеновичъ Щить, и поведил перед нами—дед его, Мартин Трухоновичъ Щить, с предковъ своих будучи шляхтичом для убозѣтва своего, найдуючи себе поживенье, вшолъ был до места нашего Полоцкаго и, тамъ мешкаючи, не бавил ся хлопскимъ, простымъ ремесломъ, а ни жадными делы, стану шляхетскому противными, але на вѣдах местскихъ в месте Полоцкомъ радцою и бурмистромъ бывалъ и съ тымъ замкомъ нашимъ Полоцкимъ до рукъ неприятеля нашего великого князя Московского есть взят...» Такимъ образомъ шляхта могла жить въ городахъ, не утрачивая своего шляхетства, если только она не занималась торговлею или ремесломъ; могла даже занимать должности вѣндниковъ мѣстскихъ. Войтомъ мѣста бывалъ очень часто шляхтичъ, занимая этотъ урядъ по назначенію короля ²⁾, или по своему наследственному праву, лишь

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 21, 21 об. Другой примѣръ занятія шляхтичемъ мѣстскихъ вѣндовъ—А. Вил. VI. Стр. 159—176 (коммиссарское разбирательство дѣла Берестейскихъ мѣщанъ и пана Ивана Брозовскаго въ 1599 году).

²⁾ Такъ, первымъ Могилевскимъ войтомъ былъ Николай Ясенскій, королевскій писарь Литовскій, Виленскій подкоморій, назначенный войтомъ въ Могилевъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1577 году одновременно съ дарованіемъ Могилеву Магдебургскаго права (А. З. Р. III. № 77. Тотъ же документъ изданъ—Бѣлорусскій Архивъ Древнихъ Грамотъ. Часть первая. Москва. 1824. Стр. 31. Въ послѣднемъ изданіи невѣрна дата—1578 годъ, такъ какъ уже въ 1577 году Могилевъ началъ управляться Магдебургскимъ правомъ, и первая актовая книга его магистрата начата въ 1577 году. (Вит. Центр. Архивъ. Могилевской губерніи, Могилевскаго магистрата. Актовая. № 1). Но уже черезъ годъ въ должность Могилевскаго войта вступилъ панъ Мартинъ Стравинскій, тивунъ и городничій Троицкій. «Передъ его милостью велможнымъ паномъ Мартиномъ Стравинскимъ, тивуномъ и городничымъ Троицкимъ, державцою Гунскимъ, войтомъ места Могилевскаго, ставшы очевисто на року апелецыи панъ Жданъ Богдановичъ, лавникъ сегорочный, жаловалъ и оповедалъ на учтивого

утверждаемый государем¹⁾). Другіе мѣстскіе вѣды также бывали въ рукахъ шляхты, жившей въ городахъ, какъ мы это только что видѣли на примѣрѣ Мартина Трухоновича Цита. Шляхтичи являлись со своими справами передъ войтовскіимъ урядомъ, обращаясь къ нему съ жалобами и заявленіями²⁾. «Постано-

Ивана Тарасовича...»—читаемъ въ записяхъ, сдѣланныхъ въ 1579 году въ актовыхъ книгахъ Могилевскаго магистрата (Витебскій Центральный Архивъ Могилевской губерніи, Могилевскаго магистрата. № 3. 1579 и 1580 годовъ. Актовая. Л. 218. № 502). Мартинъ Стравинскій занималъ вѣдь Могилевскаго войта еще и въ 1588 году (Бѣл. Арх. Ч. I. Стр. 56).

¹⁾ О такомъ наследственномъ войтовствѣ говорить, на примѣръ, «привилей Якову Гричину на войтовство Воинское» (Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 20 об., 21). Приводимъ его цѣликомъ. «Жикгимонтъ Августъ Божью милостью король Польскій etc. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, што первой сего король его милость Жикгимонтъ славное памяти, панъ отецъ нашъ, далъ и упривилевалъ войтовство в мѣсте нашемъ Воинскомъ дворянину нашему, небошцику пану Гаврылу Грычину, и потомкомъ его, за которымъ наданьемъ и упривилеваньемъ оного войтовства небожчикъ Гаврыло Гричинъ в спокойномъ держаньи былъ и по смерти сынъ его, Яковъ, до сего часу оное войтовство держалъ. Ино, ижъ по небошцику Гаврылу колькосъ сыновъ zostало, тогда ся они землями, ку тому войтовству належачими, на ровные части поделили и то межы собою розровывали, нижли што ся дотычетъ вѣду войтовского, присуду его, тогда бурмистры, радцы и все посполство мѣста нашего Воинского присылали до насъ, бѣючи намъ чоломъ, ижъ бѣхмо под розику справу всеимъ сыномъ небожчика Гаврыла Гричина их не поддавали, але одного с них, брата старшого, Якова Грычина имъ войтомъ дали и установили. Ино, кгдажъ во всехъ мѣстехъ нашихъ не розные, але одна особа таковымъ вѣдомъ войтовскимъ справуетъ, а подданые наши Воинские, того Якова Гричина сами за войта обираючи, намъ чоломъ бѣють. мы з ласки наше господарское тое войтовство Воинское, съ присудомъ в томъ мѣсте звиклымъ и зо всякими пожитки, на войта прислухаючи, дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ. Маеть Яковъ Гричинъ самъ, жона, дети и потомки его, окромъ иншого брата его, в томъ мѣсте Воинскомъ будучи войтомъ, всякие справы, вѣду войтовскому належачие, справовати и мешчан тамошнихъ радити и судити и всякое владности и пожитков, ку тому войтовству прислухающихъ, вживати вечными часы, водлугъ першихъ листовъ и привилей отца нашего, небожцику Гаврылу Грычину, отцу его, данныхъ, потому, якъ небожчикъ отецъ ихъ до живота своего и онъ самъ по смерти отца своего тое войтовство держалъ и имъ справовалъ. И на то есмо Якову Гричину дали сесь нашъ листъ, подписавши его рукою властною нашею господарскою, и з нашею печатью. Писанъ у Кнышине» 20 іюля 1568 года. «Подпись руки господарское».

²⁾ Мы имѣемъ тутъ ввиду обычное, не исключительное время жизни повѣтовой шляхты. Конечно въ такія исключительныя времена, какъ времена вражескаго вторженія, въ магистратъ обращалась вся шляхта со всеми своими

вившысе на ураде войтовства Могилевского, чинил жалобу шляхетный панъ Адамъ Адамович, земенин Кнежицкий на Овдотью Кононовну, штож дей она, будучы у жоны моее у заставе поспол з мужомъ своимъ, Андреемъ Микиновичомъ, у двух копехъ грошей монеты Литовское, за которые пенези подвезалисе служити год тры, а так они, не заслужившы мне тых трех годъ, поспол з мужом своим от мене утекли...» — читаемъ въ одной изъ актовыхъ книгъ Могилевского магистрата ¹⁾. А вотъ еще примѣръ: «перед врадом войтовства Могилевского, ставши очевисто, шляхетный пан Кузма Маркович, землянин Могилевский, чинил оповеданье...» ²⁾. Или еще образецъ — въ документѣ, озаглавленномъ «справа с Филипомъ а з Богданомъ о седло» читаемъ, что дѣло разбиралось «з жалобою землянина велеможного кнежати Ярослава Ярославовича Головчинского Кнежыцкого, шляхетного пана Богдана Григорьевича» ³⁾.

Можетъ быть въ такихъ обращеніяхъ къ мѣстскому уряду можно видѣть указаніе на извѣстную привычку къ мѣстскимъ порядкамъ шляхты, жившей въ городѣ, такъ какъ шляхта съ заявленіями о побѣгахъ работниковъ своихъ обращалась въ судъ замковый ⁴⁾. Но, можетъ быть, тутъ можно видѣть широкое толкованіе статьи статута о томъ, что, «кгда бы се трафило жаловати которому шляхтичу» на Виленскихъ мѣщанъ «о раны, о головщины, тогды о то судить врьдъ мѣскій маеть своимъ судомъ, Майдеборскимъ правомъ» ⁵⁾. Если принять второе, нужно будетъ признать перенесеніе и на другіе города Магдебургскаго права привилегію Виленскихъ мѣщанъ, а также и расширеніе круга

заявленіями по той простой причинѣ, что шляхетскіе суды не могли дѣйствовать въ такія эпохи. См., нпр., Ист.-Юр. Мат. XVII, стр. 175 и сл.

¹⁾ Вит. Центр. Архивъ. Могил. г. Мог. маг. № 2. Актовая. № 34, л. 16 (1578 г.).

²⁾ Вит. Центр. Архивъ. Мог. г. Мог. маг. № 1. Актовая. л. 163. № 376 (1578 г.). Въ описи книгъ Витебскаго Центрального Архива неправильно обозначена актовая книга Могилевского магистрата № 1 книгою 1577 года (Ист.-Юр. Мат. I. Стр. XLVII). Эта книга относится къ 1577 и 1578 годамъ. Начиная съ документа № 359, идутъ уже sprawy 1578 года, а передъ этимъ номеромъ находится слѣдующій заголовокъ: «Акта албо sprawy ураду войтовства Могилевского справоват се почалы в року тисеча патсот семьдесат осмомъ месеца генвара девятого дна».

³⁾ Вит. Центр. Архивъ. Мог. г. Мог. маг. Актовая. № 1. л. 246. № 595 (1578 г.).

⁴⁾ Нпр., А. Вил. XXVI. № 99 и др. ⁵⁾ II ст. III. 27.

преступлений, который устанавливается статутомъ для такого обращения шляхты къ мѣстскому уряду. Конечно, лишь детальное изученіе жизни городовъ Княжества можетъ разрѣшить этотъ вопросъ¹⁾. Для насъ въ настоящемъ изложеніи важно лишь показать, что шляхта несомнѣнно жила въ городахъ, имѣя въ нихъ недвижимую собственность, занимала вранды мѣстскіе и являлась передъ мѣстскимъ урядомъ со своими дѣлами.

Всѣ виды имуществъ, принадлежавшихъ шляхтѣ всецѣло или на извѣстныхъ временныхъ правахъ, разсмотрѣнные нами представляютъ изъ себя недвижимость, «речи нерухомые», которыми владѣли шляхетные обыватели Княжества. Что касается до движимаго имущества шляхты, то акты Литовскихъ судовъ и королевской канцеляріи Княжества сохранили въ очень большомъ числѣ перечень «речей рухомыхъ» различныхъ шляхтичей въ ихъ тестаентахъ, раздѣльныхъ актахъ, спискахъ «шкодъ», причиненныхъ наѣздомъ, описяхъ имуществъ послѣ умершихъ владѣльцевъ, спискахъ «посагу» и т. п. Подробному перечню всѣхъ видовъ движимости, являвшихся имуществомъ шляхетныхъ обывателей, не мѣсто на настоящихъ страницахъ, такъ какъ изученіе ихъ слишкомъ отвлекло бы насъ отъ той цѣли, которую преслѣдуетъ нашъ очеркъ—выяснить экономическое положеніе шляхты; но *стоимость* движимаго имущества шляхты имѣетъ для насъ первостепенное значеніе. Приведемъ, поэтому, нѣсколько примѣровъ оцѣнки движимости различныхъ шляхетныхъ обывателей Княжества. Послѣ смерти пани Станиславовой Некрашевича Анны Ивановны, на ея имѣніе Городище напали староста Кревскій и Румборскій, панъ Николай Юрьевичъ Остикъ, и князя Свирскіе, Лукашъ и Янъ Болеславовичи. Сдѣлали они это «у неделю» 24 октября 1563 года, «наехавъшы мощно, кгвальтомъ», и забрали имущество пани Некрашевичевой. Въ составъ этого имущества, реестръ котораго былъ представленъ королевскому суду въ Вильнѣ 5 февраля 1566 года, входили: «готовые гроши», т.-е. наличныя

¹⁾ Когда мы говоримъ о жизни шляхтичей въ мѣстѣ и о занятіи ими мѣстскихъ урядовъ, необходимо имѣть ввиду, что магистратъ вообще назывался обыкновенно шляхетнымъ (см., напримѣръ, А. Вил. XX, стр. 421 и приходо-расходныя книги Могилева, изданныя въ Историко-Юридическихъ Матеріалахъ, томы I—XXVII). Еще въ концѣ XVIII вѣка Кіевскій магистратъ напоминалъ о томъ, что мѣстскимъ врандикамъ Кіевскимъ по правамъ города полагается шляхетская «навозка». Историческіе матеріалы изъ архива Кіевского губернскаго правленія. Вып. 3. Изд. редакторъ неофициально части Кіевскихъ губернскихъ вѣдомостей. А. А. Кіевъ. 1882. Стр. 29, 30.

деньги, серебряные посуда, ложки и пояса, «костелные речи» съ покрывалами для нихъ, «шаты», «цына», меды, «зброя военная», «речи стравные». Вся эта движимость была оцѣнена вмѣстѣ съ наличными деньгами, входившими въ ея составъ, въ девять тысячъ копъ Литовскихъ грошей¹⁾. Пани Некрашова была вдовою человекѣка далеко не бѣднаго: Станиславъ Некрашевичъ выставилъ въ 1528 году цѣлыхъ 27 коней въ войскѣ земскомъ²⁾. Поэтому примѣръ стоимости ея движимости³⁾, можетъ служить для насъ примѣромъ состоятельности богатыхъ пановъ, высшаго слоя народа-шляхты. Посмотримъ теперь на имущество рядового землянина средняго достатка. Вотъ, на примѣръ, завѣщаніе Слонимскаго землянина, пана Николая Гурскаго⁴⁾. Женѣ своей, въ ея единоличное владѣніе онъ завѣщаетъ пустовскую землю Луковщизну, купленную имъ за 15 копъ грошей, 8 копъ грошей, отданныхъ въ долгъ подъ залогъ имѣнія, вороного коня, трехъ тельныхъ коровъ, одну яловицу, двухъ подтелковъ, трехъ воловъ, четырехъ овецъ, двухъ ягнятъ, трехъ козъ, двухъ гусей, двухъ утокъ. Своимъ сыновьямъ, Фронцу и Сопку, Гурскій завѣшалъ одного коня съ сѣдломъ, вола да корову; двумъ дочерямъ—суконный кожухъ, подшитый смушками, да двѣ скрини. Земли, за исключеніемъ выдѣленнаго женѣ, завѣщаются дѣтямъ какъ отъ перваго, такъ и отъ второго браковъ. Далѣе въ завѣщаніи упоминается посѣянное жито, «збожье вымолоченое», конь «шерстью плеснивый, сверепя гнедая з седлы», три вола, два быка «неукихъ», одинъ бычокъ «малый», три «яловыхъ» коровы, одинъ подтелокъ, 15 овецъ, 7 ягнятъ, 6 козъ. Таково имущество пана Николая Гурскаго, которое онъ дѣлитъ между своими наслѣдниками, не забывъ при этомъ распорядиться своимъ погребеніемъ—«вола полового белохвостого, продаги и тыми пенезьми по погребу моемъ вси обыходы от-правовати». Какъ, на примѣръ имущества небогатаго шляхтича, укажемъ на имущество, оставшееся послѣ смерти Ковенскаго зе-

1) Лит. Метр. $\frac{II A}{50}$ л. 140—143.

2) *A. Boniecki*. *Poczet Rodów*. Str. 203.

3) Притомъ, конечно, она не вся обозначена въ этомъ списокѣ, такъ какъ не все же, что было въ домѣ, до-чиста взяли наѣхавшіе на имѣніе Некрашовой. Кромѣ того въ списокѣ не обозначены челядь и скоть.

4) *A. Вил.* XXII. № 620. Ср. также инвентарь имѣнія Русоты (1556 г.) *Яковъ Головацкій*. Черты домашняго быта Русскихъ дворянъ на Подляшѣ. Вильна. 1888. Стр. 14—18. Тотъ же документъ—*A. Вил.* XXI. № 297.

мянина Матея Григорьевича ¹⁾). После него остался крытый соломою домъ съ дворовыми постройками. Движимости кромѣ «збожья» остался лишь скотъ въ такомъ составѣ: одинъ волъ, двѣ коровы, три свиньи, да три курицы. Вотъ и все, что осталось послѣ Матея Григорьевича ²⁾).

Кромѣ недвижимости и движимости, нѣкоторые обыватели Княжества владѣли еще правами на какой-либо доходъ, дарованными имъ королемъ. Мы уже видѣли, что должностныя лица получали иногда юргельтъ, жалованье по своей должности. Кромѣ того, нѣкоторымъ врядамъ принадлежали тѣ, или другіе «пожитки», доходы, что мы видѣли также. Но иногда жаловалась королемъ и какая-либо доходная статья, аренда. Такъ напримѣръ, князю Роману Сангушку Сигизмундъ Августъ 27 іюля 1566 года пожаловалъ ³⁾ корчму при королевскомъ дворѣ въ Веницѣ и извѣстилъ объ этомъ земянъ и мѣщанъ Веницкихъ, чтобы они «о томъ ведали и яко сами, такъ подѣданые» ихъ «добровольне в той корчме трунъковъ себе брали и тамъ ихъ уживали». Люди менѣе знатные, чѣмъ воевода Браславскій князь Романъ Сангушко, также получали подобныя пожалованія ⁴⁾. Какъ доходная статья, давались въ завѣдываніе и церкви, монастыри и даже епископскія кафедры. Такъ, церковь св. пророка Или при городѣ Владимірѣ надъ рѣкою Лугомъ «поданья» королевскаго до 1568 года держалъ Тишко Конаховичъ. Но онъ оказался не въ силахъ держать ее долѣе «для знищенья от обаполныхъ соседовъ про забранье кгрунтовъ церковныхъ и для убозства своего». Стараясь о томъ, «абы тая церкъовъ ку большому знищеню не пришла и хвала Божая не вменшивалася», онъ передалъ ее со всѣми землями, сѣножатями, съ дворцомъ и садомъ и со всѣмъ, «якъ держалъ», королевскому маршалку и городни-

¹⁾ А. Вил. XIV. № 29.

²⁾ Кромѣ того, въ инвентарѣ записано: «пенезей, што небожчиковского длогу менила (его жена), плативши чотыри копы невѣстцѣ своей Петровой, чотыри копы».

³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 8 об.—9. («Князю Роману Санкушку о корчму у Веницы при дворе Кмитинском». Дата: Люблинъ, 27 іюля 1566 года).

⁴⁾ Нпр., «привилей Яцку Сушку на будоване корчмы волное в ыйменью его Туличове при замку Кобрынскомъ» (*ibidem*, л. 6), или «привилей Василю Рагозе на корчму волную в ыйменью его Крайску» (*ibidem*, л. 28—28 об.), или «привилей тому же Василю Рагозе на корчму волную в ыйменью его Хотенчичахъ» (*ibidem*, л. 28 об.—29).

чію Владимірскому, пану Василю Загоровскому, «на вечность» и взялъ отъ него за это «слушное нагороженъе». Подтверждая эту передачу церкви однимъ держателемъ другому, Сигизмундъ Августъ отгвняетъ то, что Конаховичъ не имѣлъ права этого сдѣлать «на вечность», такъ какъ церковь эта—«подаванья» королевскаго, стало быть она должна бы была лишь на время передаваться подъ право «подаванья» другого лица ¹⁾).

Аренда мыта также иногда отдавалась королемъ вельможѣ и шляхтичу. Такъ, въ Петриковѣ въ 1566 году была дана Сигизмундомъ Августомъ Яну Ходкевичу и Остафію Воловичу аренда мыта слѣдующаго года. А такъ какъ «ихъ милости не суг сведоми добре справъ поборовых, к тому будучы забавени на врадех своих велице-важными справами и послугами» государевыми и земскими, «звлаца под нинешнемъ часомъ валечнымъ», то оба они, и Ходкевичъ и Воловичъ, просили короля дозволить имъ къ этой арендѣ «припустити для споръшого дозору ку престреганью пожитковъ скарбных справцу мыт и поборов» государевыхъ, Менделя Изаковича и его товарищей, «которых он, быти на то чуйныхъ розумевшы, ку себе примет и способит». Аренда мытъ на 1567 годъ отдана Ходкевичу и Воловичу за 52 тысячи копъ Литовскихъ грошей ²⁾. Въ 1568 году въ Кнышинѣ Сигизмундъ

¹⁾ «... ино, ачь кольвекъ тотъ Тишко Конаховичъ тое церкви кромъ по зволенья нашего господарьского съпущати никому не мель, кгдажъ оная церьковъ есть подаванья нашего господарьского, але мы з ласки наше на прозбу пана Загоровского то чинечи, при оной церкви светого Ильи водлугъ листу, отъ Тишка Конаховича ему даного, его зоставуемъ и симъ листомъ нашимъ ему то потвержаемъ на вечность. Маеть онъ самъ, потомки, дети и шчадки ихъ оную церковь светого Ильи зъ землями и сеножатыми, з дворышчомъ и садом над рекою Лугомъ и зо всимъ тымъ, што здавна ку той церкви прислухають, держати, и маючи тамъ попа, у томъ законе Греческомъ коло справы церьковное умеетного, фалу Богу Сотворытелеви польнечи, за здоровье наше господарьское Бога просити и тую церковь будовати и всякими потребами направовати; и вольно ему будетъ на кгрунтех тое церкви люде садити и всякихъ пожитковъ якими-кольвекъ имени могутъ быти названы и поменены, якъ самъ налепей розумети будет розмножати и причиняти. И на утверженъе того дали есмо ему сесь нашъ лист, до которого и печать нашу приложити казали».—«Привилей пану Василю Загоровскому на церковь при месте Володимерском заложеня светого Или з кгрунтами». Дата: Кнышинъ, 16 августа 1568 года (Подпись короля, скрѣпа писаря Базыліуса Древинскаго). Ibidem. Л. 29—29 об.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{IV\ A}{10}$ л. 1—8. Происхождение этой аренды Сигизмундъ Августъ въ своемъ листѣ объясняетъ такъ: «што которые поборы в паньстве

Августъ отдасть на три года ¹⁾ аренду на новыя мыта своему служебнику Валентину Иберфельту и подданному Исааку Бродавкѣ за 26 тысячъ копъ Литовскихъ грошей въ годъ ²⁾. Что касается до передачи права аренды мыта однимъ лицомъ другому, то это было дѣломъ совершенно возможнымъ, и сами королевскія грамоты говорили: «вольнo кожъдому аренъду свою кому хочечи спустити» ³⁾.

нашомъ великомъ князстве Литовскомъ от всякихъ товаровъ перво сего постановили есмо на потребу речи посполитое, которые арендою заведали от нас справцы мыт нашихъ, жыдове Берестейские, Давыд Шмерлевичъ а Изакъ Бородавка, а потомъ панове-рада наша их милость духовные и светские во всеми станы, сойму належачыми, будучи на прошломъ сойме Берестейскомъ, на оборону земли Лифлянтское, не уменьшываючы, але еще прычинили того побору болшей над перъший, от каждого товару меновите певъную личбу постановивши выбирать, для чого в местех, селах и именахъ своих на выбранье того побору комор и прикоморьковъ поступили. А иж на онъ часъ тые жыдове, не могучи тому сами досыть учинити, кдыж многие князей, панов и землянь в ыйменьяхъ своих, ку границамъ прилеглых, не допущати того побору на потребу речи посполитое выбирать от своих и переижчых купъцовъ, пожитки неякие собе привлащаючы, про то тые справы поборовые жыдове поменены с того ся намъ господару вимовили. Ведже абы потребамъ земъскимъ в томъ омешканье якое не стало ся, тогды волею нашою господарскою были на тую справу приведени староста Жомонтъский, маршалокъ земскый великого князства Литовского, панъ Янъ Еронимович Ходкевича а подканъцлерий нашъ и маршалокъ дворный великого князства Литовского, пан Остафей Воловичъ, же тые обои поборы, яко перъво того от нас постановлены, такъ и тые на Берестейскомъ сойме от всех станов уфалены, ихъ милости есмо на теперешний рокъ 67-й арендовали...» См. также другіе документы той же книги Переписей Литовскихъ. Изданы грамоты Сигизмунда Августа 1568 года объ отдачѣ пошлинъ Княжества на откупъ Ходкевичу, Воловичу и Менделю Изаковичу (Грамоты великихъ князей Литовскихъ съ 1390 по 1569 годъ, собранныя и изданныя подъ редакціею *Владимира Антоновича* и *Константина Козловскаго*. Кіевъ. 1868. № 55). Объ этихъ Евреяхъ и ихъ арендахъ см. *С. А. Бершадскій*. Документы и регесты къ исторіи Литовскихъ Евреевъ. Т. II. 1550—1569. Спб. 1882.

¹⁾ Съ 1 ноября 1569 года по 1 ноября 1572 года.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{IV A}{10}$ л. 20—26 об. Имъ же—«на старое мыто Ковеньское» (Дата: Кнышинъ, 15 августа 1568 года. Ibidem. Л. 26 об.—28 об.). Имъ же—«на старые мыта во всемъ великомъ князстве Литовскомъ» (Дата: Кнышинъ, 15 августа 1569 года. Ibidem. Л. 28 об.—31 об. Въ пагинаціи книги Метрики—ошибка: 28 листъ ошибочно обозначенъ 18-мъ). Имъ же—«на мыта Волыньские» (Дата: Кнышинъ, 7 декабря 1569 года. Ibidem. Л. 32—33 об.).

³⁾ Лит. Метр. $\frac{IV A}{10}$ л. 40 об.

Зная виды имущественныхъ собственности и владѣнія, которые бывали въ рукахъ шляхетныхъ обывателей великаго княжества Литовскаго, постараемся теперь представить картину экономического положенія шляхты Литовской. Для насъ необходимо хотя въ самыхъ общихъ чертахъ представить экономическую состоятельность народа-шляхты Литовской, державшей *de jure* въ своихъ рукахъ всю полноту политической власти въ Княжествѣ. Имѣла ли вся шляхта Литовская возможность обладать этою властью *de facto*? Разрѣшенію этого вопроса поможетъ картина ея экономического состоянія.

Чтобы представить себѣ болѣе или менѣе наглядно экономическое положеніе шляхты въ ея слояхъ, возьмемъ имущество различныхъ обывателей одного и того же повѣта для сравненія ихъ одно съ другимъ. Вотъ, напримѣръ, имѣніе Полоцкаго шляхтича Ивана Пѣтуховича Кублицкаго. Все оно состоитъ изъ дворца Кублицкаго съ пашнею, къ которому принадлежатъ 3 человѣка вольныхъ людей, дающіе ему со своей пашни четвертую часть всякаго хлѣба и служащіе ему толоки. Съ этого имѣнія онъ ставитъ къ земской службѣ одного коня ¹⁾. Григорій Грибунъ имѣлъ пустошину «за датою» Сигизмунда Стараго. На этой землѣ у него были 3 человѣка вольные, дававшіе ему четвертую долю сбора хлѣба со своей пашни. Онъ также къ земской службѣ выставялъ одного коня ²⁾. Имѣній, подобныхъ имѣніямъ Кублицкаго и Грибуна, въ ряду земель Полоцкой шляхты было далеко не два. Но эти имѣнія слишкомъ уже невелики. Ихъ все-таки было менѣе десятка въ Полоцкомъ воеводствѣ по его описанію 1552 года. Остальныя имѣнія, съ которыхъ шла земская служба въ размѣрѣ одного коня, были значительно больше. Возьмемъ для примѣра хотя бы имѣніе Остафія Ивановича Буцка. Въ его отчизномъ имѣніи, Сушинскомъ, находились 8 человѣкъ, платившихъ ему четвертую долю своего сбора хлѣба, 4 человѣка новоосаженныхъ, сидѣвшихъ на волѣ и потому ничего ему не платившихъ, и 6 огородниковъ, служившихъ только толоки ³⁾. Посмотримъ теперь на размѣръ населенія имѣнія, съ котораго выставяются къ земской службѣ 2 коня. Въ имѣніи княгини Ивановой Соколинской было 9 дымовъ людей отчизныхъ тяглыхъ, 16 дымовъ людей вольныхъ и 4 путныхъ слуги. Тяглые отчиз-

¹⁾ Полоцкая Ревизія. Л. 78 об.

²⁾ Ibidem. Л. 80. ³⁾ Ibidem. Л. 73 об.—74.

ные люди давали ей доходу всё вмѣстѣ 5 Полоцкихъ пудовъ меду и 50 грошей Литовскихъ, ежедневно ходили «на службу» и ѣздили въ подводы; съ вольныхъ людей ей шла четвертая часть ихъ сбора съ полей; наконецъ, путные слуги служили ей конемъ и, «где потреба», ѣздили «з листы»¹⁾. Сравнимъ теперь съ этими цифрами цифры населенія самаго крупнаго землевладѣльца изъ Полоцкой шляхты по ревизіи 1552 года — пана Дмитрія Богдановича Корсака. Ему принадлежали пять имѣній — Березвичо, Плисо, Язно, дворъ на Славнѣ и Ластовица. Населеніе ихъ удобно видѣть изъ слѣдующей таблички²⁾.

Виды населенія.	И м ѣ н і я.					Итогъ.
	I.	II.	III.	IV.	V.	
Мѣщане	40 ч.	54 д.	—	—	—	40 ч.+54 д.
Бояре, имѣющіе своихъ людей. .	2 ч.	4 ч.	4 ч.	—	4 ч.	14 ч.
Бояре, своихъ людей не имѣющіе.	8 ч.	4 д.	6 д.	1 ч.	2 ч.	11 ч.+10 д.
Слуги путные. . .	2 ч.	—	—	—	—	2 ч.
Задворники и огородники	21 ч.	4 ч.	9 ч.	1 ч.	1 ч.	36 ч.
Люди отчизные . .	29 д.	27 д.+1 ч.	10 д.	12 д.+1 ч.	79 д.	157 д.+2 ч.
Люди вольные . .	42 д.	80 д.	26 д.	11 д.	40 д.	199 д.
Мѣщане новоосѣлые	—	9 ч.	—	—	—	9 ч.
Люди, сидящіе на волѣ	—	—	—	4 ч.	—	4 ч.
						420 д.+118 ч.

Сверхъ того, что приносило пану Димитрію Корсаку населеніе его имѣній, его корчмы, давали ему доходъ, котораго было 16 $\frac{1}{2}$ копъ грошей Литовскихъ³⁾. Обладая своими 420-ю дымами

¹⁾ Ibidem. Л. 54 об.

²⁾ Римскими цифрами обозначены въ таблицѣ пять имѣній Корсака: I—Березвичо, II—Плисо, III—Язно, IV—дворъ на Славнѣ, V—Ластовица. Д.—обозначаетъ дымъ, ч.—человѣкъ.

³⁾ Всего у Д. Б. Корсака Ревизіею показаны три корчмы: 1) медовая корчма въ мѣстечкѣ Березвичѣ, которую онъ «заставляет на год за семь копъ грошей», 2) медовая и пивная корчма при дворѣ Язненскомъ «чынит ему до году полтрети копы грошей», 3) къ двору на Славнѣ «на передмѣстьи Полоцкомъ у Якиманны» корчма, «которая ему чынит семь копъ грошей».

и 119-ю людьми, панъ Димитрій Богдановичъ Корсакъ долженъ былъ выставять къ земской военной службѣ 26 коней. При взглядѣ на цифры Полоцкой ревизіи 1552 года невольно бросается въ глаза отсутствіе пропорціональности числа коней, выставляемыхъ къ земской службѣ съ имѣнія, съ числомъ живущаго въ немъ населенія, а слѣдовательно и съ экономическимъ его значеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, панъ Димитрій Корсакъ, выставялъ коня съ $16\frac{4}{26}$ дыма и $4\frac{14}{26}$ человѣкъ, а Григорій Грибунъ ¹⁾, Иванъ Пѣтуховичъ Кублицкій ²⁾ и многіе другіе съ 3-хъ человѣкъ, жившихъ на ихъ землѣ, ставили по коню также. Буцко ставилъ коня съ 18 человѣкъ ³⁾, княгиня Соколинская — съ $12\frac{1}{2}$ дымовъ и 2-хъ путныхъ слугъ ⁴⁾. Такимъ образомъ, такъ сильно отличаясь размѣромъ своихъ имѣній и ихъ экономическимъ значеніемъ, шляхта рѣзко различалась въ то же время и степенью тяжести военной службы для отдѣльныхъ шляхетныхъ обывателей.

Изъ всего изложеннаго видно, въ какихъ сравнительно грубыхъ чертахъ нужно принимать для характеристики экономического положенія шляхты цѣлаго повѣта ту таблицу, которую мы сейчасъ предлагаемъ вниманію читателя ⁵⁾.

Въ имѣніяхъ Д. Б. Корсака были 4 церкви «наданья егожъ». Кромѣ описанныхъ въ Ревизіи имѣній «тогожъ пана Дмитра Корсака имене Пуновичы отышгло в сторону неприятелскую, в котором, поведил, людей шест сот чоловековъ а бояръ трыдцать». Имѣнія Д. Б. Корсака описаны на 34—38 листахъ Полоцкой Ревизіи.

¹⁾ Полоцкая Ревизія. Л. 80.   ²⁾ Ibidem. Л. 78 об.

³⁾ Ibidem. Л. 73 об., 74.   ⁴⁾ Ibidem. Л. 54 об.

⁵⁾ Въ первой графѣ этой таблицы указано, въ какомъ размѣрѣ отбывалась земская военная повинность владѣльцемъ (или нѣсколькими владѣльцами вмѣстѣ, если они владѣли нераздѣльно имѣніемъ, или рядомъ имѣній, составлявшихъ ихъ общее владѣніе). Панъ Димитрій Богдановичъ Корсакъ выставялъ 26 коней, панъ Иванъ Михайловичъ Зеновевича—9 коней, Семень и Василій Борисовичи—1 коня и т. д. При этомъ нѣсколько совладѣльцевъ посчитаны за одного владѣльца, такъ какъ ихъ общее имѣніе въ глазахъ государственной власти было единицею земельного владѣнія. Вторая графа показываетъ, сколько было въ Полоцкомъ воеводствѣ земельныхъ владѣній, съ которыхъ земская служба отбывалась въ одномъ и томъ же размѣрѣ 26 коней выставяло одно владѣніе, по 9-ти—четыре, по 3—двѣнадцать и т. д. Наконецъ, въ третьей графѣ показано, по скольку коней выставяли всѣ единицы-владѣнія, съ которыхъ правительство требовало несенія земской военной службы въ одномъ и томъ же размѣрѣ.

Число коней, выстав- ляемыхъ съ имѣнія или ряда имѣній, при- надлежащихъ одному владѣльцу.	Число имѣній или ихъ группъ, принадлежа- щихъ одному вла- дѣльцу.	Сумма выставляе- мыхъ коней.
26	1	26
20	1	20
14	1	14
11	1	11
10	1	10
9	4	36
8	1	8
5	1	5
4	12	48
3	12	36
2	29	58
1	47	47
	1	1
«Водле можности»—1 конь		
	Итого—112	Итого—320 коней

Дѣлая выводы на основаніи фактовъ, почерпаемыхъ изъ Полоцкой Ревизіи 1552 года, мы должны выяснить себѣ, вся ли дѣйствительно Полоцкая шляхта описана нашимъ источникомъ. Текстъ Полоцкой Ревизіи 1552 года не даетъ никакого права думать иначе. Въ самомъ дѣлѣ, передъ началомъ описанія имѣній Полоцкой шляхты въ Ревизіи находится общій заголовокъ—«Шляхта Полоцкая»¹⁾, а послѣ описанія имѣнія послѣдняго по описи шляхтича, Микиты Васильевича Новоци, читаемъ слѣдующую приписку: «сума почту с тыхъ всихъ именей князскихъ, паньскихъ и землянскихъ ку службѣ господарьской земьской вышей пры замку описана, то есть трыста и двадцать коней»²⁾. За этою припиской идетъ обозначеніе въ ихъ суммѣ повинностей, которыя несли имѣнія шляхты Полоцкой на государя и на Полоцкій замокъ³⁾. Вслѣдъ за этимъ находится извѣстная уже намъ³⁾ приписка о дачѣ настоящаго списка Полоцкой Ревизіи, составленной Кмитю и Подцендковскимъ, Полоцкому воеводѣ Дорогостайскому по его просьбѣ Скуминымъ, Новгородскимъ воеводою⁴⁾. Итакъ, сама книга въ

¹⁾ Полоцкая Ревизія. Л. 34.   ²⁾ Ibidem. Л. 80.

³⁾ См. выше, стр. 328.   ⁴⁾ Полоцкая Ревизія. Л. 80 об.

своемъ текстѣ не даетъ никакой возможности заподозрить ее и предположить, что въ ней переписана не вся Полоцкая шляхта, а лишь часть послѣдней¹⁾. Но цифра шляхты можетъ на первый

¹⁾ Приводимъ списокъ Полоцкой шляхты, составленный по Ревизіи 1552 года: 1) Пань Дмитрій Богдановичъ Корсакъ, 2) пань Иванъ Михайловичъ Зеновевича, хоружій Полоцкій. 3) пань Василій Михайловичъ Корсакъ, городничій Полоцкій; 4) пань Глѣбъ Ивановичъ Зеновевича Корсакъ, 5) Боркалабъ Ивановичъ Корсакъ, 6) Федоръ Ивановичъ Зеновевичъ Корсакъ, 7) Богданъ Ивановичъ Корсакъ, 8) Яковъ Глѣбовичъ Корсакъ, 9) Петръ Васильевичъ Корсакъ, 10) Остафій Глѣбовичъ Корсакъ, 11) Аникей Ивановичъ Корсакъ; Корсаки—хоружій Полоцкій пань Иванъ Михайловичъ, городничій Полоцкій, пань Василій Михайловичъ; Корсаки—Остафій и Янъ Глѣбовичи, ихъ братаничи Петръ Васильевичъ, Боркалабъ Ивановичъ, Аникей Андреевичъ, Костишно Семеновичъ, 12) князь Юрій Тимофеевичъ Масальскій, 13) князь Иванъ Тимофеевичъ Масальскій, 14) князь Павелъ Юрьевичъ Соколинскій, 15) князь Тимофей Юрьевичъ Соколинскій, 16) князь Михайло Васильевичъ Соколинскій, 17) княгиня Андреевая Соколинская, Василиса Андреевна Сангушкова и сыновья ея, князья Борисъ и Андрей Соколинскіе, 18) княгиня Ивановая Соколинская, панна Андреевна, 19) княгиня Болковая, 20) Война Петровичъ Епимахъ, целникъ Полоцкій, 21) Богданъ Андреевичъ Епимахъ, 22) Фредрихъ, Янъ и Василій Епимахи, 23) Павелъ, Сидоръ, Иванъ, Миколай, Глѣбъ, Ходоть Глѣбовичи Есмановы, 24) Яцко Богдановичъ Быстрейскій, 25) Михайло Ловейковичъ Воисецкій, 26) Иванъ Яцковичъ Стрежовскій, 27) Григорій Яцковичъ Подберезскій, 28) Фронцко Каспаровичъ, 29) Петръ Олеша, 30) Семень Федоровичъ Ульскій, 31) Федя Васильевна, Александровича Богдановая Ульская, 32) князь Петръ Богдановичъ Жыжемскій, 33) Семень Митковичъ Кублицкій, 34) Федоръ Богдановичъ Кублицкій, 35) Гринашко Кублицкій, 36) Ганна Лаврыновна Васильева Олехновича Кублицкая, 37) Богданъ Чижевичъ, 38) князь Дмитрій и князь Богданъ Федоровичи Глинскіе, 39) Матфей Томковичъ Кгетолтъ, 40) Гаврило Гридковичъ Юревскій, 41) Федоръ Тарасовичъ Шобловинскій, 42) Гаврило, Константинъ и Федоръ Юревскіе, 43) Иванъ Андреевичъ Селява, 44) Богданъ Андреевичъ Селява, 45) Василій Андреевичъ Селява, 46) Тишина Быковская Федя, 47) Петръ Свецкій, 48) Василій Митковичъ, 49) Василій Гридковичъ Меницкій, 50) Миколай Индрыховичъ Лодятичъ, 51) Иванъ Волоткевичъ, 52) Марина Васильевна Глѣбовая, 53) Янковая Богдановая Голубицовича, 54) Иванъ Игнатовичъ Митрополи, 55) Александро Михайловичъ, 56) Богданъ Михайловичъ, 57) Лукашъ Богдановичъ Гарабурда, 58) Петръ Андреевичъ, 59) Олехно Рагоза, 60) Петръ Невельскій, 61) Семень и Василій Борисовичи, 62) Василій и Иванъ Богдановичи Ракусы, 63) Павелъ Козицкій, 64) Бартошъ Рогусскій ловчій, 65) Филипъ Федоровичъ Шишка, 66) Василій Полулета, 67) Семень Степановичъ, 68) Василій Картень, 69) Микула Картанъ, 70) Матей Ивановичъ Тяпинскій, 71) Миколай Ивановичъ Тяпинскій, 72) Васильева Войниновича Картиная, Соня Рафаловна, съ сынами своими, Степаномъ, Богданомъ и Иваномъ, 73) Федоръ Мартиновичъ Проселокъ, 74) Васильева Проселковая, 75) Гарасимъ а Федоръ Шостовичи, 76) Остафій Ивановичъ Буцко, 77) Андрей Михайловичъ, 78) Федько Ивановичъ Воынецъ, 79) Жданъ Василье-

взглядъ показаться слишкомъ незначительною для числа всего «народа»-шляхты воеводства-повѣта и потому требуетъ сравненія съ цифрою шляхетскаго населенія какой-либо другой области великаго княжества Литовскаго. Удобнѣе всего это сдѣлать, сопоставивъ цифры Полоцкой Ревизіи 1552 года съ цифрами «пописа» 1528 года, части котораго изданы, на примѣръ, съ «пописомъ земли Волынской»¹⁾. По этому «попису» всѣ обыватели Волынской земли должны были выставлать на земскую службу 819 коней. Это число вооруженныхъ ратниковъ было распределено между 272-мя владѣльцами²⁾. Если принять во вниманіе, что размѣры Волынской

вичъ, 80) Иванъ Михайловичъ Стрежъ, 81) Федоръ Ивановичъ Мелешко, 82) Иванъ Опонасовичъ Мелешко, 83) Шымко Мартиновичъ Мелешко, 84) Яцко Петровичъ, 85) Яцко, Лецко, Василій и Жданъ Ивановичи Ососки, 86) Артемъ Ивановичъ, 87) Василій Олехновичъ, 88) Гарасымъ Легоновичъ, игумень Воскресенскій, съ братією своею Михномъ и Васкомъ, 89) Якимъ Гуца съ братомъ Михайломъ и съ братаничами своими Васкомъ и Максимомъ, 90) Тишко Скирневичъ, 91) Федько Комаровичъ, 92) Степанъ Глазковичъ, 93) Остафій, Матфей и Семень Хрящи, 94) Иванъ Ринковъ, 95) Иванъ Исаевичъ, 96) Михайло Полупета, 97) Михайло Кгодачевскій, Опанасъ Ивановичъ, Семень Олехновичъ и Петръ Семеновичъ, 98) Яцко и Якубъ сыновья Якуба Оханка вмѣстѣ со своею сестрою Зофією, «которыя еще летъ своихъ не доросли, суть в опеце дядька своего, плебана Нестанижскаго», 99) Иванъ Семеновичъ, 100) Иванъ Логвиновичъ Нечай, 101) Иванъ Пѣтуховичъ Кублицкій, 102) Ганна Дубровиная, 103) Степанъ Богатыревичъ, 104) Андрей, попъ дворный, съ братомъ Левонномъ и со своими братаничами Кожчычами, 105) Василій Мамевичъ, попъ Юревскій Туловскій, 106) Павелъ Полозовичъ, 107) Занько и Иванъ Грыдковичи Болотове, 108) Куньца, Иванъ и Семень Васильевичи Шышилове, 109) Петрашко Охромеевичъ Головиничъ, 110) Иванъ Яцковичъ Ворона, 111) Матфей Михновичъ, 112) Ермола Ивановичъ Ульяновичъ съ братією, своею стрыечною, Андреемъ и Гавриломъ, 113) Вольфромей и Матфей Заньковичи, 114) Володько Игнатовичъ Невельскій, 115) Григорій Грибунъ, 116) Микита Васильевичъ Новоца.

¹⁾ А. Вил. XIII. Стр. 18—21.

²⁾ Именно владѣльцевъ, а не лицъ, такъ какъ нѣсколько совладѣльцевъ, на примѣръ, братьевъ, сосчитаны нами за одного. М. К. Любавскій (Л.-Р. сеймъ. Стр. 358, 359) считаетъ въ Волынской землѣ по «попису» 1528 года—821 коня, выставляемыхъ 282-мя владѣльцами. Можетъ быть, нужно объяснить это различіе въ цифрахъ нашего подсчета съ подсчетомъ М. К. Любавскаго погрѣшностью списка внесеннаго въ трибунальскія книги, изъ которыхъ документъ взятъ въ XIII-мъ томѣ Актовъ Виленской Археографической Комиссіи. Во всякомъ случаѣ различіе въ обоихъ подсчетахъ не существенно ввиду незначительности его. Что касается до цифры коней, которую выставляли въ 1528 году князья и бояре Полоцкіе, то она не можетъ, конечно, идти въ сравненіе съ цифрою 1552 года. Эта цифра—443 коня, которыхъ выставляли 103 владѣльца. (Подсчитано нами по А. Вил. XXIV, стр. 54—55).

земли были болѣе чѣмъ вдвое обширнѣе, размѣровъ Полоцкой, что видно уже изъ того, что, послѣ новаго раздѣленія воеводствъ на повѣты, Волынское воеводство имѣло три повѣта (Луцкій, Владимірскій и Кремянецкій), а Полоцкое — лишь одинъ; то цифра Полоцкой Ревизіи не покажется сомнительною и по своей величинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣленные между тремя повѣтами 819 коней выразятся лишь цифрою въ 273 коня для каждаго повѣта. Если мы примемъ во вниманіе ростъ населенія, который, однако, лишь въ весьма небольшой пропорціи увеличивалъ количество выставляемыхъ силъ повѣта, такъ какъ съ увеличеніемъ числа шляхтичей-хозяевъ дробились имѣнія, что уменьшало число коней, выставляемыхъ съ каждаго отдѣльнаго имѣнія, увеличивая общее число шляхетскихъ имѣній, — несмотря на двадцатичетырехлѣтній промежутокъ времени, протекшій между «пописомъ» 1528 года и Полоцкой Ревизіей 1552 года, мы не можемъ заподозрить приведенныя цифры послѣдней. Кромѣ того, необходимо имѣть ввиду и то, что часть Полоцкой земли была къ 1552-му году уже захвачена Москвою.

Присматриваясь къ табличкѣ земской службы Полоцкой шляхты, помѣщенной выше, мы замѣчаемъ, что изъ 112-ти владѣльцевъ, выставлявшихъ вооруженныхъ всадниковъ въ посполитомъ руженьѣ, лишь 11 ставили болѣе четырехъ коней и лишь 35 — болѣе двухъ. Около 43% общаго числа владѣльцевъ выставляли по одному коню и около 26% — по два. Лишь 31% владѣльцевъ выставляли болѣе двухъ коней. Видѣвъ выше примѣры размѣровъ имѣній шляхты, выставлявшей по одному и по два коня, мы можемъ себѣ представить и экономическое положеніе этихъ 69% Полоцкихъ шляхтичей. Оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо обезпеченнымъ. Примемъ при этомъ во вниманіе постоянное дробленіе шляхетскихъ имѣній вслѣдствіе раздѣловъ ихъ между

Мы не привлекали ее къ сравненію въ текстѣ потому, что самые размѣры Полоцкаго воеводства были гораздо меньше въ 1552 году, чѣмъ въ 1528, такъ какъ часть его была завоевана Иваномъ Васильевичемъ, царемъ Московскимъ. Намъ нужно было сравнить цифры Полоцкой Ревизіи 1552 года съ цифрами другого какого-либо воеводства съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность сравнить Полоцкій повѣтъ-воеводство съ другими какими-либо повѣтами послѣ новаго территориальнаго дѣленія Княжества 60-хъ годовъ XVI-го столѣтія. Старое же Полоцкое воеводство въ его территориальныхъ размѣрахъ 1528 года уже не существовало въ эпоху введенія новаго раздѣленія государства на повѣты, ибо значительная часть его принадлежала Москвѣ (См. Писцовыя книги *Калачова*. I. II. Стр. 421—566).

сыновьями умершаго владѣльца, и намъ станетъ яснымъ, что число шляхетскихъ имуществъ, похожихъ на упомянутое нами выше ¹⁾ имущество, оставшееся послѣ смерти Ковенскаго землянина Матвѣя Григорьевича, должно было все увеличиваться, а инвентарь его, внесенный 17 октября 1584 года въ книги Ковенскаго земскаго суда ²⁾, — описаніе имущества крестьянина средняго достатка нашего времени.

Итакъ, изъ всего приведеннаго въ характеристику матеріальной обеспеченности шляхты Литовской, полагаемъ, слѣдуетъ, какъ несомнѣнный фактъ, что экономическое положеніе громаднаго большинства повѣтовой шляхты было таково, что лишь подъ условіемъ весьма небольшого развитія потребностей владѣльца давало ему возможность существовать на свои средства ³⁾. При наличности этого факта понятнымъ становится и стремленіе шляхтичей къ частной службѣ, въ широкихъ размѣрахъ существовавшее среди шляхетныхъ обывателей Княжества. Понятной должна стать и та постоянная группировка шляхты партіями около сильныхъ и богатыхъ вельможъ въ надеждѣ на матеріальныя выгоды отъ вниманія того или другого пана. Можетъ быть, и страсть къ сутяжничеству, несомнѣнно существовавшая среди шляхты, имѣла одною изъ причинъ своего происхожденія эту малую экономическую обеспеченность, въ силу которой пустой на нашъ взглядъ предметъ, какая-нибудь небольшая полоска пустоши, сабля, или шапка представлялись дѣйствительною цѣнностью, когда выиграть процессъ, имѣющій цѣлью пріобрѣсти или удержать ихъ за собою, было не только вопросомъ самолюбія, или чувства ненависти, зависти и имъ подобныхъ, но и вопросомъ, можетъ быть, жгучаго имущественнаго интереса.

Мы видѣли выше тѣ разряды, на которые дѣлилось шляхетское сословіе, видѣли и его экономическое состояніе. Но различіе между отдѣльными обывателями лежало не только въ томъ, что одинъ былъ титулованнымъ, должностнымъ, богатымъ, а другой рядовымъ и бѣднымъ. Различало ихъ и умственное развитіе, и степень образованности, выдѣлявшія однихъ изъ ряда другихъ, дававшія вліяніе на повѣтовыхъ ихъ «братъевъ-шляхту» и нерѣдко

¹⁾ Стр. 487, 488.   ²⁾ А. Вил. XIV. № 29.

³⁾ Убогую шляхту, не имѣющую крестьянъ, хорошо знаютъ поборовые универсалы. Vol. leg. II. Str. 102 и др. О положеніи убогой шляхты ср. *Н. И. Паолищевъ*. Сочиненія. Т. I. Польская Анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украину. СПб. 1878. Стр. 39 и сл.

возводившія ихъ на вранды. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ перейти къ изложенію правъ и обязанностей «народа-шляхты», мы должны коснуться также этого производителя неравенства между единицами большого соціального тѣла, именовавшагося народомъ-шляхтою великаго княжества Литовскаго.

Источниками, изъ которыхъ вливались въ шляхетскія головы обывателей Литовскихъ знанія, какъ элементы умственнаго развитія, были школа, книги, путешествія, встрѣчи и бесѣды съ частными лицами въ частныхъ собраніяхъ, встрѣчи и присутствіе на сеймикѣ и сеймѣ, на рокахъ судовыхъ и, наконецъ, законъ, доступный каждому вмѣстѣ съ универсалами королевскими, гетманскими, воеводскими и врандичими. Великое княжество Литовское къ началу изслѣдуемаго періода имѣло уже рядъ школъ, въ которыхъ получали образованіе дѣти шляхты Литовской. Въ самый же періодъ, которому посвящено настоящее изслѣдованіе, число школъ растетъ очень замѣтно. Школы въ Литвѣ¹⁾ существовали при католическихъ каѳедрахъ и приходахъ, устраивались онѣ и при протестантскихъ сборахъ, частью уже возникшихъ къ началу нашего періода, частью возникавшихъ въ теченіе его. Что касается до школъ, устраиваемыхъ православными, то въ эпоху до возникновенія братскихъ школъ конца XVI вѣка слишкомъ трудно говорить объ этихъ школахъ, вслѣдствіе отсутствія указаній источниковъ, а соображеній можно много высказать и за ихъ развитіе, и противъ него, соображеній, взаимно уничтожающихъ другъ друга. Католическія школы существовали, во-первыхъ, при бискупскихъ каѳедрахъ. Существовало и нѣкоторое число школъ парохіальныхъ, приходскихъ (Виленская Свято-Янская, Жижморская, Трабская, Новодворская и т. д.), но лишь съ появленіемъ іезуитовъ въ Литвѣ (1569 г.) число католическихъ школъ стало дѣйствительно замѣтно возрастать. Это происходило потому, что отчасти сами іезуиты устраивали свои училища, начиная съ Виленскаго, основаннаго ими въ 1570 году, отчасти подъ вліяніемъ ихъ, прямымъ и отрицательнымъ, и католическое духовенство открывало свои новыя школы. Нравы католическаго ду-

¹⁾ См. *Józef Łukaszewicz. Historia szkół w Koronie i w Wielkiem Księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794. T. I. Poznań 1849. T. II. Poznań. 1850. T. III. Poznań. 1851. T. IV. Poznań. 1851.* и *К. Харламповичъ. Западно-Русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религиозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Казань. 1898.*

ховенства Польши и Литвы¹⁾ и цѣли, которыя оно себѣ ставило, до этой эпохи были слишкомъ далеки отъ учительства и заботъ о народномъ образованіи. Рядомъ съ кафедральными и парохіальными училищами великое княжество Литовское уже съ 1566 года обладало училищемъ гражданскаго права, существовавшимъ въ Вильнѣ при костелѣ св. Яна. Здѣсь преподавались права Римское, Саксонское и Магдебургское, также какъ и Литовское, но едва ли эта юридическая школа обходилась безъ преподаванія и каноническаго права. Изученіе Римскаго права имѣло несомнѣнно значеніе основы юридическаго образованія въ XVI вѣкѣ, особенно необходимой послѣ эпохи Возрожденія; что же касается до правъ Литовскаго, Саксонскаго и Магдебургскаго, то изученіе ихъ должно было имѣть чисто практическое значеніе²⁾. Святоянское Виленское юридическое училище несомнѣнно и подготовляло тѣхъ знатоковъ дѣйствовавшихъ въ Княжествѣ законовъ и юридическихъ порядковъ, которые потомъ становились юристами-практиками въ качествѣ инстигаторовъ и прокураторовъ.

Со времени прибытія въ Вильну въ 1569 году іезуитовъ число католическихъ училищъ сильно возрастаетъ. Дѣятельность іезуитовъ, которая такъ долго была трактуема исключительно съ точки зрѣнія борьбы ихъ за католическую вѣру, оставалась обыкновенно оцѣниваемою совершенно односторонне, и за этою одностороннею оцѣнкою проходили нерѣдко незамѣчаемыми или даже оцѣниваемыми несправедливо тѣ положительные результаты, которые были внесены ихъ дѣятельностью въ общечеловѣческую культуру. Но заслуги ихъ въ дѣлѣ школьной дидактики и развитія ея приемовъ, какъ таковыхъ, ихъ вліяніе на общій подъемъ знаній и на увеличеніе числа школъ, а также ихъ вліяніе въ дѣлѣ

¹⁾ См. *Н. Любовичъ*. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи. Варшава 1883. Стр. 24, 41, 42 и др.

²⁾ Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. К. Харламповича (op. cit., стр. 37), что изученіе Римскаго и Саксонскаго правъ было не нужно для юристовъ-практиковъ Литвы. Римское право, помимо своего значенія, какъ основы юридическаго образованія,—что сознавалось и до Возрожденія древности, и послѣ него,—имѣло несомнѣнно и практическое значеніе для юриста, помогая ему разобраться въ современныхъ законахъ, и вопросъ въ высшей степени интересный представляетъ изъ себя изученіе Литовскихъ статутовъ съ точки зрѣнія рецепирования ими Римскаго права. Что же касается до Саксонскаго права, то изученіе его для Литовскаго юриста являлось прямою необходимостью, ибо оно было *дѣйствующимъ* въ Литвѣ, въ ея городахъ, управлявшихся нѣмецкимъ правомъ.

болѣе строгаго отношенія церковныхъ дѣятелей къ себѣ лично и подчиненія частныхъ интересовъ лица общему дѣлу—неотъемлемая историческая заслуга іезуитовъ. Для насъ въ нашемъ очеркѣ умственнаго состоянія Литовской шляхты времени съ эпохи Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія нѣтъ надобности останавливаться на исповѣдныхъ результатахъ педагогической дѣятельности іезуитовъ; намъ нужно лишь указать на ихъ значеніе въ дѣлѣ увеличенія числа католическихъ школъ въ Княжествѣ и распространенія знаній среди шляхты Литовской. Въ 1570 году уже открылись іезуитская коллегія и школа въ Вильнѣ, а затѣмъ іезуитскія школы стали возникать и въ другихъ мѣстахъ великаго княжества Литовскаго. Іезуитская коллегія въ Полоцкѣ возникла въ 1581 году, тогда же, повидимому, тамъ стала дѣйствовать и ихъ школа ¹⁾. Въ Несвижѣ іезуиты основались лишь въ 1584 году ²⁾. Остальныя іезуитскія училища возникли въ Княжествѣ уже за тѣми хронологическими предѣлами, которые ограничиваютъ наше изслѣдованіе положенія шляхты Литовской. Къ школамъ, названнымъ нами, нужно еще прибавить духовную семинарію въ Вильнѣ ³⁾. Кто же были ученики католическихъ школъ великаго княжества Литовскаго, изъ какихъ сословій дѣти учились въ училищахъ, устроенныхъ при католическихъ каѳедрахъ, приходахъ и іезуитскихъ коллегіяхъ? Безъ сомнѣнія, это были дѣти шляхты и мѣщанъ Княжества. Крестьяне Литовскіе не имѣли тѣхъ заботъ законодательства объ ихъ образованіи и обученіи, которыя имѣло Польское крестьянство ⁴⁾, а, принадлежа въ большей своей части къ православному исповѣданію, они не могли и пользоваться католическою школою, даже если бы и имѣли для обученія въ школѣ внѣшнюю возможность. Католическая школа Княжества, конечно, предназначалась для мѣщанства и шляхты и должна была служить дѣлу обученія дѣтей именно

¹⁾ *J. Łukaszewicz. Hist. Szk. Str. 132. К. Харламповичъ. Op. cit. Стр. 67 и прим. 2.*

²⁾ *J. Łukaszewicz. Hist. Szk. T. IV. Poznań. 1851. Str. 119.*

³⁾ Въ Жомойтскомъ бискупствѣ не было своей семинаріи до начала XVII вѣка, несмотря на требованіе Тридентскаго собора, чтобы каждый католическій епископъ устроилъ семинарію въ своей епархіи. Жомойтскіе бискупы изучаемой эпохи приготавливали священниковъ своей епархіи, пользуясь Виленской академіею, въ которую посылали учиться избранныхъ ими юношей, отпуская на это обученіе средства. *Ks. biskup Maciej Wołoncewski. Biskupstwo Żmujdzkie. Kraków, 1898. Str. 132.*

⁴⁾ Факты см. у *К. Харламповича. Op. cit. Стр. 4, 5.*

этихъ сословій. Иногда въ бурсахъ шляхетскія дѣти жили вмѣстѣ съ мѣщанскими, иногда отдѣльно, въ спеціальныхъ шляхетскихъ бурсахъ.

Кромѣ школъ католическихъ, въ Литвѣ въ серединѣ XVI вѣка появились и школы протестантскія. Въ 1539 году въ Вильнѣ была открыта школа (тайная) лютераниномъ Авраамомъ Кульвою, а въ пятидесятыхъ годахъ Яномъ Винклеромъ. Но обѣ школы были весьма недолговѣчны и не могутъ быть серьезно разсматриваемы съ точки зрѣнія ихъ значенія для поднятія знаній Литовскаго шляхетства. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи были школы кальвинистовъ. Виленская и другія кальвинскія школы несомнѣнно дѣлали свое дѣло такъ же, какъ и социніанскія, но число ихъ все-таки ни въ какомъ случаѣ не могло быть слишкомъ уже велико. Вообще необходимо признать, что школъ католическихъ и протестантскихъ, взятыхъ вмѣстѣ, далеко не было числомъ столько, чтобы онѣ могли быть достояніемъ шляхты и мѣщанъ всего Княжества. Существованіе бурсъ при школахъ облегчало родителямъ помѣщеніе ихъ дѣтей въ ученіе въ школахъ, но, конечно, ими пользовались сравнительно немногіе, а города, въ которыхъ находились школы, лежали слишкомъ далеко отъ большей части повѣтовой шляхты, для того чтобы она могла при своихъ въ массѣ небольшихъ средствахъ пользоваться школою и чтобы школьное обученіе сдѣлалось правиломъ, а не болѣе или менѣе частымъ исключеніемъ. Переходя къ школѣ православной, мы находимся въ большомъ затрудненіи, такъ какъ источники очень скупы на упоминанія о ней ¹⁾. Если и была въ изслѣдуемую эпоху православная школа въ Княжествѣ, то, внѣ всякаго сомнѣнія, она предназначалась главнымъ образомъ для дѣтей самаго духовенства, и размѣры ея дѣятельности не были таковы, чтобы она могла считаться дѣйствительнымъ факторомъ большого значенія, даже равнаго съ католическою и протестантскою школами въ дѣлѣ умственнаго развитія и образованія Литовскаго народа-шляхты ²⁾.

Подводя итогъ подъ сказаннымъ о школѣ Литовскаго княжества, мы должны признать значеніе школы для образованія шляхты, но лишь какъ фактора, и количественно, и качественно

¹⁾ Примѣры упоминанія о ней—А. З. Р. III. №№ 77, 144.

²⁾ Лукашевичъ, говоря о Русскихъ школахъ, пишетъ: «przynajmniej ani Kazimierz Wielki, ani Witold, odebrawszy kraje ruskie, szkół w nich żadnych nie zastał». *J. Łukasiewicz. Historia Szkół. T. I. Str. 11.*

стоявшаго въ ряду другихъ, а не выдающагося надъ ними. Грамотность и даже знанія болѣе высокаго, чѣмъ она, порядка приобрѣтались и помимо школы, какъ учебнаго заведенія, а безграмотность шляхты—явленіе довольно обычное по документальнымъ свидѣтельствамъ Литовскихъ актовъ. Такъ, Мстиславскому уряду «жаловал и оповедал» землянинъ Мстиславскаго воеводства Семень Людосскій на землянина того же воеводства Ивана Матвѣевича Судиловскаго «тым и таковымъ способомъ о то, иж року теперешнего 1665 мца ноябра 28 дня, будучы мне правомъ и покоемъ посполитымъ обварованый, убезпечоный, ни в чомъ никому, яко человекъ рохманый, *писа и права неумеетный*...» и т. д. ¹⁾. Неграмотность шляхты въ XVI вѣкѣ, конечно, была еще болѣе обычнымъ явленіемъ, чѣмъ въ XVII-мъ. Инструкція 1596 года, данная Брестскимъ сеймикомъ своимъ посламъ, подписана только 19-ю шляхтичами, изъ которыхъ 7 были должностными лицами ²⁾. Само собою разумѣется, что тутъ и рѣчи не можетъ быть о томъ, что мы имѣемъ подписи всей шляхты, собравшейся на сеймикъ. Неумѣніе шляхты писать довольно часто упоминается въ книгахъ Литовскихъ судовъ. Даже возными были иногда лица неграмотныя ³⁾, а документы сеймиковъ сохранили и собственные свидѣтельства сеймикующей шляхты о своей неграмотности. «Всимъ вобецъ и каждому зособна, кому бы то належало ведати. Мы особы, нижей помененые, которые есмо до того листу печати свои притиснувшы, и руками своими, которые умели подписали, ознаймуемъ и сведецтво певное даемъ»... —такъ начинается удостовѣреніе личности пана Криштофа Шолковскаго, «с повету Вилькомирскаго человека», выданное Вилькомирскою шляхтою на три-крольскихъ Вилькомирскихъ рокахъ 1598 года ⁴⁾. Самъ статутъ, говоря объ избраніи шляхтою кандидатовъ на должности членовъ земскаго суда, требуетъ выбора шляхтичей, «писати умеющихъ» ⁵⁾, повторяя то же самое и относительно другихъ врядниковъ ⁶⁾. Ясное дѣло, что самъ законъ признаетъ существованіе неграмотной шляхты въ Княжествѣ, и слишкомъ оптимистично смотрятъ на дѣло тѣ, кто предполагаетъ чуть не поголовную грамотность шляхты великаго княжества Литовскаго ⁷⁾.

¹⁾ Ист.-Юр. Мат. XXV. Стр. 504.   ²⁾ А. Вил. II. Стр. 154.

³⁾ См. Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 277.

⁴⁾ Вил. Центр. Архивъ № 13880. Вилькомирскаго Гродскаго суда № 3. Л. 110.

⁵⁾ III ст. IV. 1.   ⁶⁾ Нпр., III ст. IX. 10.

⁷⁾ Г. К. Харламовичъ (Ор. cit., стр. 196, 197) слишкомъ преувеличиваетъ грамотность въ Литвѣ. Его утверженіе о грамотности шляхты разрушается

Кромѣ школьнаго обученія въ Княжествѣ практиковалось безъ сомнѣнія и обученіе внѣшкольное, учителемъ на дому по приглашенію родителей. Церковный дьякъ былъ естественнымъ учителемъ грамоты ¹⁾, но наряду съ нимъ, по всей вѣроятности, бывали такими учителями и вообще грамотные, притомъ досужіе люди. Θεодоръ Евлашевскій рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что на пятомъ году его начали «бавити наукою Рускою, кгдажъ въ тыхъ часехъ ²⁾ въ той нашей стороне не было иныхъ наукъ, и для того пришло» ему «зостати зъ Рускою наукою» ³⁾. Онъ ни слова не говоритъ о томъ, гдѣ и какъ происходило это обученіе, и, можетъ быть, это обстоятельство нужно считать доказательствомъ внѣшкольнаго его обученія. Но далѣе онъ прибавляетъ, что онъ умѣлъ писать и по-еврейски; едва ли бы сталъ учить его этому церковный дьякъ. Можетъ быть и среди мѣщанъ, особенно изъ числа бывавшихъ за границею по своимъ дѣламъ, также бывали такіе случайные учителя. Какъ бы то ни было, уже съ XV столѣтія извѣстны примѣры домашняго обученія ⁴⁾.

Другимъ средствомъ усвоенія знаній и приобрѣтенія умственнаго развитія являлась книга. Тутъ мы стоимъ передъ вопросомъ о томъ, какія книги были въ рукахъ Западно-Русскаго общества и откуда онѣ были, такъ сказать, родомъ, какого происхожденія? Но предъ нами и другой вопросъ, насколько распространены были книги

приведенными нами въ текстѣ свидѣтельствами источниковъ; что же касается его утвержденія о грамотности крестьянъ (Op. cit., стр. 198), то тутъ простое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что г. Харламповичъ въ доказательство своихъ словъ о грамотности крестьянъ ссылается на поученіе Кіевскаго митрополита Сильвестра новопоставленному іерею (относится къ 1562 году), запрещающее пѣть и читать въ церкви *простымъ* людямъ. Но слово простой означаетъ въ данномъ случаѣ не крестьянъ, какъ полагаетъ г. Харламповичъ, а мірянъ въ противоположность церковному причту. Это видно изъ самаго текста поученія Сильвестра, въ которомъ читаемъ: «пріимшимъ рукоположеніе отъ епископа, верхъ постриженъ носяще, краткій фелонь, чести чтенія и апостоль, пѣти прокимны и «Богъ Господь», а простымъ ни пѣти, ни чести». (А. З. Р. III. № 31). Съ такимъ же значеніемъ слова *простой* встрѣчаемся и въ другихъ памятникахъ. Напримѣръ, въ посланіи Іоанна Вишенскаго къ православнымъ Литвы и Польши находимъ такіа слова: «Гдѣ непорочное священство, гдѣ крестоносное житіе иноческое? Гдѣ *простое* благоговѣнное и благочестивое христіянство?» (А. Ю. и З. Р. II. Стр. 224).

¹⁾ Ср. К. Харламповичъ. Op. cit. Стр. 201.

²⁾ Въ началѣ 50-хъ годовъ XVI столѣтія.

³⁾ Мемуары, относ. къ ист. Южной Руси. Вып. II Кіевъ 1896. Стр. 5, 6.

⁴⁾ J. Łukaszewicz. Hist. Szkół. T. I. Str. 73.

въ обществѣ того времени, какъ много ихъ обращалось вообще въ Княжествѣ и какъ много въ частности между шляхтою? Чтобы отвѣтить на послѣдній вопросъ, необходимо остановиться на цѣнѣ книгъ, такъ какъ это намъ дастъ исходный пунктъ для нашихъ требованій отвѣта отъ актоваго матеріала, оставшагося отъ эпохи. Прекраснымъ источникомъ для ознакомленія со стоимостью книгъ въ Литвѣ въ серединѣ XVII столѣтія является опись имущества, оставшагося послѣ смерти Виленскаго бурмистра, шляхетнаго пана Стефана Лебедича ¹⁾. Славянская библія Острожскаго изданія показана въ описи стоящею 10 золотыхъ Польскихъ ²⁾, псалтырь—2 золотыхъ, молитвенникъ Мамоничской печати—6 грошей, Польская библія—12 золотыхъ. Въ длинномъ спискѣ книгъ Лебедича нѣтъ ни одной стоимостью менѣе 2-хъ грошей. Имѣя такую цѣнность въ XVII вѣкѣ, книги ни въ какомъ случаѣ не могли стоить дешевле въ XVI столѣтіи, а должны были стоить еще дороже. При такой стоимости книгъ онѣ едва ли бы могли не упоминаться въ завѣщаніяхъ, инвентаряхъ, дарственныхъ актахъ, вообще въ документахъ, въ которыхъ находятся описи движимаго имущества шляхты. Такихъ документовъ дошли до насъ тысячи, а между тѣмъ въ нихъ встрѣчаемъ упоминанія о парѣ гусей, парѣ утокъ ³⁾, но ни слова о книгахъ. Крайне рѣдко встрѣчается въ актахъ случайное упоминаніе о книгахъ шляхты ⁴⁾. Это единицы на сотни актовъ, которые могли бы упомянуть о нихъ, но которые ихъ не знаютъ. Да и могла ли рядовая шляхта владѣть книгами при ея небольшомъ достаткѣ, когда большинство ея имѣло лишь столько матеріальныхъ средствъ, чтобы еле-еле сводить концы съ концами? Едва ли могъ позволить себѣ покупку книги рядовой шляхтичъ, имѣвшій всего на всего трехъ, четырехъ крестьянъ, дававшихъ ему четвертую часть своего дохода. Такимъ образомъ и книгу, какъ и школу, мы не можемъ признать достояніемъ всего шляхетства Литовскаго. Книга могла во второй половинѣ XVI столѣтія оказаться въ числѣ вещей лишь безусловно состоятельнаго человѣка, пана, а не

¹⁾ А. Вил. IX. Стр. 479—485 (1649 г.).

²⁾ Въ золотомъ Польскомъ было 24 гроша Литовскихъ (А. Ю. и З. Р. I. № 167, 1573 г.): 15 золотыхъ равны 6 копамъ грошей Литовскихъ.

³⁾ Нпр., А. Вил. XXII, № 620.

⁴⁾ Нпр., А. Вил. XXII, № 143. Между тѣмъ завѣщатели, владѣвшіе книгами, упоминаютъ о нихъ. См., нпр., завѣщаніе священника. Вил. Арх. Сб. VI. № 5 (1522 г.).

рядового шляхтича. Но посмотримъ, что за книги обращались въ XVII вѣкѣ въ Княжествѣ, основываясь на спискѣ книгъ Виленскаго бурмистра, шляхетнаго Лебедича. Библиотека его состояла изъ книгъ писанныхъ на трехъ языкахъ: Латинскомъ, Русскомъ и Польскомъ. Самымъ многочисленнымъ былъ отдѣлъ книгъ Латинскихъ. Въ немъ имѣлось 94 названія. Самымъ небольшимъ—отдѣлъ книгъ Польскихъ, имѣвшій всего 5 названій. Что касается до Русскаго, то онъ имѣлъ 12 названій. Русскія книги были слѣдующія: 1) Славянская Библия Острожской печати, 2) книга св. Василія, также Острожской печати, 3) Дѣянія св. Апостоловъ (рукописная), 4) Учительное Евангеліе, 5) Апостолъ изд. Скорины, 6) Катехизисъ Острожской печати, 7) Псалтырь, 8) Повседневныя молитвы, 9) Объ образахъ и о крестѣ катехизисъ, 10) Ежедневныя молитвы, 11) Молитвы Мамоничской печати, 12) Молитвы же въ новой оправѣ. Книги Польскія: 2 экземпляра Библии, Хроника Мартина Кромера, *Testament postarzały* и Апокалипсисъ св. Іоанна. Изъ этого перечня видно, что въ громадномъ большинствѣ Русскія и Польскія книги Лебедича были религіознаго содержанія. Гораздо разнообразнѣе составъ Латинскихъ книгъ библиотеки. Тутъ встрѣчаются прежде всего также книги религіознаго содержанія, какъ *Evangelia dominicis consuetis legenda*, или *De vita religiose instituenda*, или *Summa totius Evangelii graeco-latina*, или *De imitatione Christi* и т. д. Рядомъ съ ними находятся произведенія классической литературы—*Marcii Tulli Ciceronis opera omnia*, *Homeri Oddisea graeco-latina*, *Valerii Maximi libri novem*, *Caï Julii Caesaris historiae*, *Publii Terentii comaediae* и т. д. Философія классическая и средневѣковая также имѣла своихъ представителей въ библиотекѣ Виленскаго бурмистра первой половины XVII столѣтія, равно какъ въ ней были и пособія для ея изученія. Тутъ былъ и Аристотель со введеніемъ въ его діалектику, и *Artemidori Daediani philosophia*, и діалектика Іоанна Цезарія, и другія сочиненія въ такомъ же родѣ. Путешествія также не были забыты Лебедичемъ, какъ и историки Польши: въ числѣ его книгъ были путешествіе въ Іерусалимъ Радивила, *itinerarium pobilium Italiade religionum*, исторія Польши Гербурта и др. Наконецъ, встрѣчаемъ въ спискѣ словари (Латинско-Еврейскій, Латинско-Греческій, вокабулы Польско Латинскія, *lexicon historicum ac poeticum*) различныя пособія (*calligraphia Romana*, *silva vocabulorum et phrasium*), книги по медицинѣ и естествознанію (*pharmatographia naturalis* и др.) и наконецъ пособія въ родѣ *oratio-*

nes in variis actibus dicendae. Обращаетъ на себя вниманіе и книга—*Respublica Poloniae sive status regni, Lithuaniae et Prussiae (in duodecimo)*. Такимъ образомъ списокъ книгъ библіотеки Виленскаго бурмистра, шляхетнаго пана Лебедича, даетъ довольно большое число книгъ ¹⁾. Но вѣдь Лебедичъ былъ человѣкомъ несомнѣнно очень выдающимся по своему состоянію среди обывателей Виленскихъ: описаніе его имущества не даетъ возможности думать иначе. Поэтому подобное его библіотекѣ собраніе книгъ и для XVII вѣка должно считаться исключительнымъ по богатству состава для невельможнаго человѣка, а будучи рѣдкимъ явленіемъ въ XVII вѣкѣ, конечно, было еще болѣе рѣдкимъ для XVI столѣтія. Интересною чертою для библіотеки XVII вѣка, каковою была библіотека Лебедича, является и обиліе Латинскихъ книгъ при полной бѣдности Польскихъ и сравнительно небольшомъ числѣ Русскихъ. Черта эта такъ наглядно свидѣтельствуетъ о проникновеніи наиболѣе культурныхъ слоевъ населенія Литовскаго княжества обще-европейскою образованностью.

Третьимъ источникомъ для приобрѣтенія новыхъ знаній и для расширенія умственнаго кругозора служили въ великомъ княжествѣ Литовскомъ путешествія. Путешествія за границу статутъ призналъ правомъ Литовскихъ обывателей, и это было сдѣлано Литовскимъ законодательнымъ сборникомъ во всѣхъ трехъ его редакціяхъ ²⁾. Статутъ 1566 года, бывшій дѣйствующимъ правомъ въ изслѣдуемый періодъ, постановляетъ на вѣчныя времена, чтобы «княжата и панове хоруговные, шляхты и каждый человѣкъ рыцерскій и всякого стану» имѣли «вольность и моцъ выѣхати и выйти» изъ земель Княжества «для наукъ у писмѣ, цвиченя, учынковъ рыцерскихъ и лѣшого счастья своего, и тежъ будучы неспособного здоровья своего для лекарствъ». Такія поѣздки возможны во всѣ заграничныя страны, кромѣ земель постоянныхъ враговъ Литвы, т.-е. земель Московскихъ и басурманскихъ, а также и тѣхъ государствъ, съ которыми Княжество находится въ войнѣ въ данное время. Такимъ образомъ законъ разрѣшаетъ обывателямъ Литовскимъ свободное путешествіе за границу, ставя ограниченіе лишь по отно-

¹⁾ Не можемъ не обратить вниманія читателя на отсутствіе въ немъ полемическихъ сочиненій по церковнымъ вопросамъ. Можетъ быть, не такъ сильно интересовалось общество ими въ эту эпоху, чѣмъ это представляется обыкновенно.

²⁾ I ст. III. 8, II ст. III. 13, III ст. III. 16.

шенію къ государствамъ, съ которыми Литва ведетъ войну. Если сравнимъ постановленіе это въ первомъ и во второмъ статутахъ, то замѣтимъ прежде всего расширение цѣлей путешествій заграничныхъ въ пониманіи статута. По первому статуту эти поѣздки предпринимаются въ цѣляхъ «набытя лепшого щастья своего и навчевя учинковъ рыцерскихъ», между тѣмъ какъ статутъ 1566 года прибавляетъ къ этому и изученіе наукъ, какъ цѣль, стоящую рядомъ съ изученіемъ военныхъ приемовъ и традицій рыцерства. Кромѣ того, второй статутъ прибавляетъ и еще одну цѣль—леченіе за границей отъ болѣзней, которой не знаетъ еще статутъ 1529 года. Это расширение цѣлей заграничныхъ путешествій безспорно говоритъ о развитіи сознанія пользы и значенія сношеній съ Западной Европою и о желаніи пользоваться ея культурными преимуществами. Другая особенность редакціи этого артикула въ статутѣ 1566 года та, что въ немъ находится категорическое запрещеніе поѣздокъ въ Москву и въ страны мусульманскихъ сосѣдей, чего нѣтъ не только въ первомъ, но и въ третьемъ статутахъ. Враждебныя отношенія къ Москвѣ и Крыму въ шестидесятихъ годахъ XVI вѣка были настолько прочно утвердившись въ сознаніи современныхъ дѣятелей, что даже въ законѣ они оказались признанными на вѣчныя времена, «вечными часы». Итакъ, законъ даетъ полную свободу заграничныхъ поѣздокъ во всѣ государства, не находящіяся въ войнѣ съ великимъ княжествомъ Литовскимъ. Польская шляхта даже представляла самое путешествіе за границу дѣломъ заслуживающимъ особаго вниманія и награды королевскихъ. Одинъ изъ членовъ посольской избы сейма 1569 года, Вислицкій, принося королю ходатайство о награжденіи Краковскаго подкоморія, говорилъ про него: «онъ усердно работалъ и усовершенствовалъ себя въ чужихъ краяхъ, чтобы быть достойнымъ слугою вашей королевской милости» ¹⁾.

Но широко ли пользовались обыватели Княжества своимъ правомъ путешествій. Это крайне сомнительно. Если вельможи могли ѣздить учиться за границу, слушая тамъ лекціи въ университетахъ, то шляхта и даже средней руки паны не могли этого дѣлать въ силу своего экономического положенія. Конечно, бывали случаи такихъ поѣздокъ, но въ общее правилó они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть возводимы. Для простой шляхты,

¹⁾ Дн. Л. с. Стр. 203.

особенно служилой, болѣе возможны были заграничныя поѣздки по порученіямъ для покупки заграничныхъ товаровъ и продажи сырыхъ продуктовъ изъ имѣній пановъ. также какъ и для мѣщанъ, ведшихъ заграничную торговлю. Исторія знаетъ и нѣсколькихъ Литовцевъ, учившихся въ заграничныхъ университетахъ и ставшихъ потомъ распространителями реформаціоннаго ученія въ Литвѣ, но это все единицы, масса же шляхетства внѣ всякаго сомнѣнія не совершала заграничныхъ поѣздокъ. Поѣздка въ Корону,—это дѣйствительно должно было быть явленіемъ нерѣдкимъ, но и по отношенію къ такимъ поѣздкамъ можно съ увѣренностью сказать, что было достаточное число шляхтичей, не бывавшихъ въ Польшѣ ни разу въ теченіе всей своей жизни, хотя и должны бы были всѣ *viritim* собираться на избирательномъ полѣ въ часы безкоролевья. Слѣдуетъ отмѣтить, что самъ статутъ 1588 года говоритъ о поѣздкахъ за границу великаго княжества Литовскаго, а не его и Короны Польской, и если слова эти являются лишнимъ подтвержденіемъ признанія Литвою своей отдѣльности отъ Польши, то въ то же время они значительно уменьшаютъ и число поѣздокъ за границу *всей Польско-Литовской Речи Посполитой*, которое могло бы рисоваться нашему воображенію. Какъ мы уже говорили, путешествіе за границу могло быть доступнымъ только людямъ состоятельнымъ. Такъ напри- мѣръ, въ 1580 году собрался, «маючи волю, для поратованья здоровья своего до чужое земли, до Нѣмецъ, ѣхать» панъ Михаилъ Боговитинъ Козерадскій, обладатель крупнаго земельного имущества, какъ видно изъ его завѣщанія, внесеннаго имъ въ земскія Берестейскія книги и составленнаго на случай, «если бы въ той дорозѣ Панъ Богъ на него часъ смертельный допустить рачилъ» ¹⁾. Что касается до поѣздокъ Литовскихъ обывателей за границу для образованія, то мы уже говорили, что о нихъ, какъ объ явленіи болѣе или менѣе общемъ, можно говорить лишь по отношенію къ людямъ вельможнымъ. Въ предѣлахъ Речи Посполитой дѣлу высшаго образованія служили Краковскій университетъ, Виленская академія, а съ 1594 года Замойская академія, дѣтище знаменитаго Яна Замойскаго. Но и пользованіе этими учебными заведеніями несомнѣнно было достояніемъ единицъ а не тысячъ, или даже, сотенъ. Акты, однако, знаютъ, хотя очень рѣдко, поѣздки за границу со

¹⁾ А. Вил. II. Стр. 208—216.

спеціально учебною цѣлю и людей незнатныхъ. Такъ, по всей вѣроятности въ Константинопольскую патріаршую школу ¹⁾ поѣхалъ королевскій дворянинъ Станиславъ Броневскій, по поводу поѣздки котораго Сигизмундъ Августъ писалъ въ февралѣ 1568 года такую грамоту патріарху: «велебному в Бозе отцу патріарху Константинопольскому. Ижъ дворянин нашъ Станиславъ Броневскій, хотячи быти годнейшимъ слугою намъ господару своему и панствамъ нашимъ, для науки и языка Греческого, Турецкого и для иныхъ наукъ и цвиченя, которыхъ потребуеть, ехал до земли Турецкое. Тогды мы тебе, яко настоятеля веры хрестіанское, в томъ уживаемъ, ижъбы еси тому дворянину нашему около наукъ квиченя его во въсемъ зычливѣ оказывал и в тых речахъ, о чомъ ся онъ до тебе втекати будетъ, ему, яко слуге и дворянину нашему помочон был, в чомъ намъ реч вдячную вделаешъ» ²⁾. Само собою, однако, разумѣется, что поѣздки, подобныя поѣздкѣ Броневскаго не могли быть явленіемъ частымъ.

Несомнѣнно большее значеніе, чѣмъ школа, книги и путешествія за границу, для массы шляхетства имѣли путешествія по Княжеству, сношенія другъ съ другомъ какъ въ частныхъ бесѣдахъ и собраніяхъ, такъ и во время судовыхъ роковъ, сеймиковъ и съѣздовъ. Литовскіе акты хорошо знаютъ встрѣчи шляхтичей въ корчмахъ и на бесѣдахъ, и, конечно, во время веселыхъ разговоровъ и бражничанья могли подниматься и такія темы и раздаваться такіе случайные рассказы, которые западали потомъ въ душу шляхтича и давали ему толчокъ для его мысли. Самый законъ, который должны были соблюдать суды Княжества, универсалы, оглашавшіеся на торгахъ и при костелахъ во всеобщее свѣдѣніе шляхты, давали несомнѣнную пищу уму и распространяли понятія высшаго порядка и высшей степени умственного достоинства, чѣмъ понятія, господствовавшія прежде. Самый укладъ жизни, въ которой была вдвинута Литовская повѣтовая шляхта реформами шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, являлся громаднымъ развивающимъ средствомъ и давалъ все болѣе и болѣе толчковъ къ умственному развитію, сознательно искомому или безсознательно усваиваемому Литовскими шляхетными обывателями. Королевскіе универсалы и законъ провозгла-

¹⁾ См. объ этой школѣ К. Харламповичъ. Зап.-Р. прав. школы. Стр. 220.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. 67—67 об.

шали принципы, которые сами по себѣ должны были быть развивающимися и заставляли обывателя разсуждать, благодаря своимъ требованіямъ. Законъ, выразившійся въ Литовскомъ статутѣ 1566 года, стоялъ внѣ всякаго сомнѣнія выше, чѣмъ тотъ уровень развитія, на которомъ находилась масса шляхетскаго народа Княжества. Въ силу этого онъ былъ факторомъ умственнаго развитія, ибо вводилъ въ шляхетскія головы Литовскихъ обывателей высшія идеи и понятія по сравненію съ тѣми, которыя имѣлись тамъ прежде. И обязанности власти передъ народомъ, и «одинаковая справедливость» для всѣхъ подданныхъ государства народа шляхетскаго, и обязанности cadaго по отношенію къ речи посполитой, и признаніе значенія науки, ради которой стоитъ ѣздить за границу,—самое утвержденіе этихъ принциповъ и проникновеніе ими было уже громаднѣмъ шагомъ въ дѣлѣ умственнаго развитія. Посполитое рушенъе, созываемое по постановленію сеймовому и распоряженію короля, гетмана и хоружихъ, давало новый толчокъ. Сколько разсказовъ можно тутъ было услышать отъ людей бывалыхъ и много видѣвшихъ, и отъ своихъ, и отъ наемныхъ искателей счастья и приключеній, стоявшихъ подъ знаменами Речи Посполитой, съ разныхъ концовъ Европы собравшихся въ наемные отряды! Сеймикъ вводилъ шляхтича въ дѣла государства. Онъ узнавалъ о предметахъ сейма, передъ которымъ собирался повѣтовый сеймикъ, и, по началу не всегда понимая суть его дѣла, о которыхъ сообщалось сеймикующей шляхтѣ, но мало-по-малу входя въ эти дѣла, съ годами пріучался понимать ихъ. Сеймикъ будилъ мысль, какъ будилъ и патріотическое чувство и личное честолюбіе шляхтича. Къ этому присоединялись коллективныя дѣйствія повѣтовой шляхты въ различныхъ дѣлахъ, помимо сеймовыхъ, заботы о сохраненіи и защитѣ своихъ правъ личныхъ, повѣтовыхъ и государственныхъ, рѣчи, приправленныя текстами и сентенціями, заимствованными изъ древнихъ авторовъ и авторитетовъ мысли и практической дѣятельности—все это создавало атмосферу, дыша которой шляхтичъ набирался новыхъ понятій и знаній. Система суда, стоявшаго такъ высоко по принципу своего устройства и необходимость умѣть защитить себя и свое имущество при сложныхъ постановленіяхъ гражданскаго права, наконецъ, необходимость знать и формальную сторону cadaго гражданскаго акта для того, чтобы обезпечить и оградить себя и свою семью отъ случайностей несправедливаго процесса и опасности непризнанія своего распоряженія и дѣянія

закономъ, родными и истцами, которые могли найтись. Прибавимъ къ этому толки о реформѣ церкви, проникшіе съ Запада, отголоски идей, поднятыхъ изъ-подъ снуда монастырскихъ библиотекъ Итали въ сокровищахъ классической древности, идеи реформаціоннаго ученія и принципы свободы совѣсти утвердившіеся такъ глубоко въ головахъ народа-шляхты. Пусть идеи Запада и его культуры XV и XVI вѣковъ проникали въ Литву иногда черезъ посредство десятковъ устъ, пусть нѣкоторыя изъ нихъ теряли многое по пути, искажаясь передающими, но онѣ все-таки проникали. Все это создавало извѣстную атмосферу, въ которой носились идеи, понятія и взгляды, схватываемые совершенно невольно, но съ которыми сроднялись обыватели, усваивая ихъ вмѣстѣ съ тою обстановкою жизни и господствующими понятіями, въ которыхъ они рождались и проводили свою жизнь. Не въ систематической школѣ, или чтеніи нужно искать главнѣйшій источникъ идей и понятій массы шляхетскаго общества, а именно въ этихъ общихъ условіяхъ ея жизни.

Интереснымъ источникомъ для ознакомленія съ внутреннимъ міромъ Литовскаго шляхтича второй половины XVI столѣтія являются записки Новгородскаго подсудка Θεодора Евлашевскаго ¹⁾. Онъ родился въ Ляховичахъ 7 февраля 1546 года и жилъ еще въ началѣ XVII вѣка. Небогатый шляхтичъ, Евлашевскій вышелъ изъ православной семьи. На пятомъ году его стали учить «наукою Рускою», потомъ ему удалось научиться писать и по-еврейски. Вотъ весь учебный багажъ, съ которымъ, по разсказу Евлашевскаго, онъ вступилъ въ жизнь. А между тѣмъ изъ записокъ его узнаемъ, что онъ пользовался несомнѣннымъ довѣріемъ къ своимъ знаніямъ и способностямъ какъ со стороны лицъ, которымъ служилъ въ качествѣ служебника, такъ и со стороны обывателей Новгородскаго повѣта, которые посылали его своимъ повѣтовымъ посломъ на сеймъ и избрали его на врьдъ земскаго подсудка своего повѣта. Евлашевскій былъ человѣкомъ глубоко религіознымъ. Имя Бога, которое онъ произноситъ постоянно, прославляя и благословляя, встрѣчается на каждой почти страницѣ его записокъ. За всякую удачу, за освобожденіе отъ опасности онъ прежде всего благословляетъ Бога и Его милосердіе. Когда сынъ его Янъ былъ убитъ недругами-шляхтичами, Евлашевскій былъ внѣ себя отъ горя,

¹⁾ Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси. Вып. II. Кіевъ. 1896. Стр. 5—39.

но похоронивъ его въ самый день своего рожденія и вспоминая о томъ, какъ весело встрѣчалъ онъ этотъ день прежде, онъ пишетъ: «зъ чого всего нехъ будетъ похвалено имя Пана Бога всемогущаго»¹⁾. При своей религіозности онъ не остался равнодушнымъ къ проповѣди реформаціоннаго ученія, раздававшейся въ то время громко въ Княжествѣ. Слушая проповѣдниковъ реформаціи, онъ и самъ увлекся ихъ ученіемъ, оставилъ вѣру отцовъ и сдѣлался евангеликомъ. Но съ полною терпимостью Евлашевскій смотритъ на вѣроученія, имъ самимъ не исповѣдуемая. Въ концѣ своей жизни, переживая эпоху религіозной вражды времени царствованія Сигизмунда Вазы, Евлашевскій, съ горестью вспоминая о минувшихъ годахъ полной взаимной религіозной терпимости, называетъ ихъ золотымъ вѣкомъ²⁾. Прекрасный семьянинъ, Евлашевскій былъ и нѣжнымъ сыномъ. Онъ оплакиваетъ смерть своей матери и брата; не жалѣя хлопотъ и затратъ, устраиваетъ отца на Пинскую епископію, чтобы онъ могъ покончить свои дни въ чести и достаткѣ; заботится о братьяхъ и сестрахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ у Евлашевскаго было и несомнѣнное стремленіе къ приобрѣтенію знаній. Онъ мечтаетъ ѣхать «до Угоръ и до Турціи, зведати инше краины далеке, научить се ремеслъ розныхъ»³⁾. Практическій опытъ былъ скоро приобрѣтенъ Евлашевскимъ. Онъ сталъ служить различнымъ панамъ — Радивилу⁴⁾, Ходкевичамъ, князю Константину Острожскому, другимъ и даже самому Сигизмунду Августу. Къ чести Евлашевскаго нужно сказать, что онъ хранилъ къ большинству изъ пановъ, которымъ служилъ, чувство искренней привязанности и вѣрности. Говоря о своихъ службахъ Сигизмунду Августу, Евлашевскій пишетъ: «спысковалемъ въ потребахъ короля его милости, хоть ми послуга мерзила»⁵⁾. Едва ли эти услуги не были службами при дѣлахъ разврата послѣдняго

¹⁾ Стр. 35.   ²⁾ Стр. 7.   ³⁾ Стр. 11.

⁴⁾ Въ изданіи записокъ Евлашевскаго говорится объ его службѣ пану Миколаю Криштофу Ходкевичу, дворному маршалку, князю на Олыкѣ и Несвижѣ, потомъ Троцкому воеводѣ. Конечно, здѣсь нужно читать не Ходкевичъ, но Радивилъ. Началъ свою службу Радивилу Евлашевскій въ 1572 году, а въ 1603 году все еще продолжаетъ, «хоть потымъ не завше притомне», служить ему, да и дѣтямъ своимъ завѣщаетъ служить «его княжеской милости» и его потомкомъ. (Стр. 10, 11). Въ 1572 году дворнымъ маршалкомъ былъ Мик. Кр. Радивилъ, потомъ сдѣлавшійся Троцкимъ каштеляномъ, затѣмъ Троцкимъ воеводою и наконецъ въ 1604 году — воеводою Виленскимъ. Ходкевичи же притомъ не были и князьями.

⁵⁾ Стр. 9.

Ягеллона. Во всякомъ случаѣ характерны слова Евлашевскаго, говорящія объ его охотѣ къ такимъ лишь службамъ, въ которыхъ его дѣятельность казалась ему достаточно чистою. Исполняя порученія различныхъ пановъ, онъ много разъ велъ судебныя дѣла какъ въ повѣтовыхъ судахъ, такъ и въ инстанціяхъ высшихъ. Опытность его въ веденіи судныхъ дѣлъ была на столько велика, что ему была даже предложена должность инстигатора. Извѣстность Евлашевскаго панамъ-радамъ и самому королю дала ему врьядъ мостовничія, а потомъ по выбору Новгородской шляхты онъ былъ представленъ королю въ числѣ четырехъ «електоровъ» на врьядъ Новгородскаго земскаго подсудка и утвержденъ на этомъ урядѣ королемъ, оказавшимъ ему предпочтеніе передъ остальными тремя кандидатами. Какъ записки врьдника, мемуары Евлашевскаго страдаютъ отсутствіемъ полноты разсказа о политическихъ событіяхъ пережитой авторомъ эпохи. О заключеніи Люблинской Уніи находимъ у него всего нѣсколько строкъ, о сеймахъ — не больше, о событіяхъ безкоролевій — почти ничего, даже о такомъ событіи, какъ битва при Бычинѣ въ 1588 году, когда королевская елекція рѣшалась междоусобною войною, не встрѣчаемъ разсказа, въ которомъ чувствовался бы сколько-нибудь сильный интересъ автора къ пережитой кровавой эпохѣ. Болѣе остановился Евлашевскій лишь на возстаніи Наливайки въ 1595 году, которое заставило бояться за свою безопасность центральные повѣты Княжества. Правда, что однажды онъ даетъ объясненіе своему молчанію, говоря, что онъ это дѣлаетъ, «яко ведаючи достаточно то отъ иныхъ выписано»¹⁾, но, конечно, если бы у него былъ силенъ политическій интересъ, онъ не могъ бы не высказаться по поводу упоминаемыхъ событій. Однако, свое, Литовское, онъ не забываетъ противопоставлять Польскому. Онъ отмѣчаетъ страхъ Поляковъ въ эпоху перваго безкоролевья, «абы се Литва зъ Московскимъ не порозумела»²⁾, про Криштофа Радивила говоритъ, что онъ былъ «стлупъ (т.-е. столпъ) панства Литовскаго»³⁾, а разсказывая о сеймѣ 1578 года, отмѣчаетъ: «маршалковалъ межи послами нашг Литвинъ—князь Лукашъ Болько Свирскій»⁴⁾. Выросши въ шляхетскихъ понятіяхъ «благородства», Евлашевскій, разсказывая о своемъ бракѣ, заботливо поясняетъ, что предокъ его жены былъ «человекъ значный»⁵⁾, а какъ сынъ своего вѣка,

1) Стр. 12, 13.   2) Стр. 12.   3) Стр. 38.

4) Стр. 18.   5) Стр. 16.

онъ часто говоритъ о чарахъ, пророческихъ снахъ, видѣнiяхъ и т. д., а также съ особымъ интересомъ слѣдитъ за событiями жизни вельможъ. Трудно сказать, насколько эти черты, которыя даютъ записки Евлашевскаго, могутъ быть принимаемы для характеристики умственного состоянiя всей шляхты Литовской въ томъ среднемъ ея слоѣ, къ которому принадлежалъ подъ конецъ своей жизни Евлашевскiй. Но его записки представляютъ изъ себя единственные извѣстные пока мемуары Литовскаго шляхтича второй половины XVI и начала XVII столѣтiя, почему онѣ и заслуживаютъ очень большого вниманiя. Одинъ изъ сыновей самого Евлашевскаго уже долженъ былъ бы оказаться нѣсколько инымъ человекомъ, чѣмъ его отецъ, такъ какъ свою молодость онъ провелъ за границею вмѣстѣ съ Яномъ Каролемъ Ходкевичемъ. И, конечно, много было отдѣлковъ въ понятiяхъ и внутренней жизни отдѣльныхъ шляхетныхъ обывателей Литовскихъ, но образъ Новгородскаго подсудка Θεодора Евлашевскаго все-таки можетъ помочь представить себѣ ея картину.

Перейдемъ теперь къ изложенiю правъ Литовской шляхты, какъ ихъ понимали законъ и жизнь въ первое двадцатилѣтiе совместной государственной жизни Княжества и Короны. Права эти дѣлятся на права частныя и права политическiя. Личность шляхтича была гарантирована закономъ отъ лишенiя свободы безъ суда. Каждый осѣлый шляхтичъ не можетъ «иманъ и въ везенье сажонъ быти» прежде, чѣмъ онъ будетъ приговоренъ къ этому судомъ, т.-е. если онъ еще — «непоконанный правомъ»¹⁾. При этомъ «о почстивость», т.-е. въ дѣлахъ, касающихся чести шляхтича, его судитъ самъ государь, хотя бы даже данный шляхтичъ былъ панскимъ слугою. Что же касается «злудѣйства, забiйства и иныхъ речей, выступковъ», то частно-служилую шляхту въ такихъ дѣлахъ судятъ ея паны, но не иначе, какъ «осадившы при собѣ предъ се шляхту, людей добрыхъ»²⁾. Такимъ образомъ и личность частно-служилаго шляхтича охраняется закономъ, личность же шляхетнаго обывателя вольнаго охраняется судами, въ которые онъ всегда можетъ обратиться. За убiйство шляхтича статутомъ опредѣлена смертная казнь и, сверхъ того, «головщица близкимъ» убитаго³⁾. За «квалтъ», за нападенiе на домъ былъ назначенъ штрафъ въ 12 рублей и сверхъ того вознагражденiе

¹⁾ II ст. III. 7.

²⁾ II ст. III. 8.

³⁾ II ст. XI. 1, 23.

причиненныхъ убытковъ ¹⁾. Шляхетская головщина, т.-е. штрафъ за убійство шляхтича опредѣляется въ 100 копъ грошей, а за рану, или лишеніе какой-либо части тѣла, равно какъ за ударъ— «навезка» различнаго размѣра, соединенная въ большинствѣ случаевъ съ болѣе или менѣе продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ ²⁾.

Шляхтянкамъ головщина и навезка полагаются въ двойномъ размѣрѣ по сравненію съ мужчинами-шляхтою ³⁾. Свобода личности шляхтича, конечно, должна была требовать и полной свободы религіи для него, и мы уже видѣли выше, что Литовская шляхта имѣла эту свободу ⁴⁾. Имущество шляхты охраняется статутомъ и судомъ, примѣняющимъ его артикулы къ отдѣльнымъ случаямъ, требующимъ активнаго проявленія его охраны. Шляхта и всѣ княжата и паны, «которые имѣнья свои отчизные, выслужонные и купленные и якіе-кольвекъ набытые» со временъ Казимира до времени царствованія Сигизмунда Августа, издавшаго второй статутъ,—всѣ эти имѣнія ихъ владѣльцы держатъ спокойно на вѣчныя времена, сами и ихъ потомки, даже и въ томъ случаѣ, если бы «и листовъ некоторыхъ на то не мѣли» ⁵⁾. Статутъ 1566 года признаетъ полное право собственности шляхтичей на ихъ имѣнія; въ это право не можетъ вторгаться власть государя, вслѣдствіе королевской присяги не имѣющая силы отнимать у шляхты какъ ея имѣній, такъ и вольностей. Договоръ Люблинской Уніи выговорилъ Литовской шляхтѣ сохраненіе права ея на всѣ ея имѣнія, отвергнувъ экзекуцію правъ въ Княжествѣ на вѣчныя времена подъ угрозою разрыва Уніи съ Короной ⁶⁾. Относительно земельныхъ имуществъ, бывшихъ пожалованіями государевыми, статутъ даже дѣлаетъ спеціальное постановленіе ввиду возможности перехода такого имѣнія къ новому владѣльцу. Онъ устанавливаетъ, что, если государь пожаловалъ кому-нибудь «имѣнье, або люди и земли», а кто-либо другой отнимаетъ такое имѣніе, то первый владѣлецъ «можетъ того доходить и правомъ поискивати», но не въ большемъ, конечно, размѣрѣ, чѣмъ ему было дано государемъ. Разумѣется, не слѣдуетъ лишь пропустить десятилѣтней давности для такого иска ⁷⁾.

Люди свободные, шляхтичи были вольны въ распоряженіи своимъ имуществомъ. «Всимъ станомъ шляхецкого народу, яко

¹⁾ II ст. XI. I.   ²⁾ II ст. XI. 13.   ³⁾ Ibidem.   ⁴⁾ См. выше, стр. 236, 237.

⁵⁾ II ст. III. 36.   ⁶⁾ См. выше, стр. 4.   ⁷⁾ II ст. III. 37.

людemъ вольнымъ, вольно есть и будетъ имѣньями своими отчизными, материстыми и якимъ же кольвекъ обычаемъ набытыми шафовати»,—распоряжаться ими безъ всякаго ограниченія, какъ того потребуютъ надобность, воля и желаніе ихъ¹⁾. Относительно имѣній, выслуженныхъ на государѣ, статутъ оказывается вынужденнымъ сдѣлать специальное поясненіе, такъ какъ «выслуги» бывали двухъ видовъ. Въ привилеяхъ на однѣ изъ нихъ передавалось ихъ владѣльцамъ право не только владѣть самимъ, но и «отдати, даровати, и записати», кому они пожелаютъ²⁾. Относительно этихъ имѣній статутъ признаетъ за владѣльцами право распоряжаться ими такъ же, какъ отчизнами и куплями. Нужно только предъявить вряду, вносящему актъ гражданской сдѣлки въ свои книги, королевскій привилей, данный на имѣніе. Другое дѣло выслуженныя имѣнія, которыя даны государемъ «леннымъ правомъ, або доживотьемъ, або до воли и ласки» государевой. Передача своихъ правъ на такія имѣнія можетъ совершаться ихъ владѣльцами не иначе, какъ только передъ самимъ королемъ, съ его вѣдома. Король не будетъ «того боронити» и будетъ ихъ «заховати водлугъ привилевъ ихъ» и своей государевой милости³⁾.

Давая шляхтѣ полную свободу распоряженія ея имуществомъ, статутъ предупреждаетъ и возможность насилія надъ волею владѣльца имѣнія, хотя бы это насиліе выражалось въ требованіи дѣтей. Онъ постановляетъ, что отецъ своимъ дѣтямъ при своей жизни «не повиненъ» ни одного своего имѣнія «поступати, нижли по доброй воли своей, што воля его будетъ». Лишь имѣнія «материстыя» отецъ обязанъ передать своему сыну, достигшему совершеннолѣтія, и дочери, «замужъ ее выдавши», но при этомъ дѣти не имѣютъ права требовать отъ отца ни отчета въ этихъ имѣніяхъ, ни возмѣщенія убытковъ, если таковыя

¹⁾ II ст. III. 33, 34.

²⁾ Таково было, на примѣръ, пожалованіе Сигизмундомъ Августомъ Матеемъ Кгротовскому на три села Ойрагольскаго тивунства Жомойтской земли, сдѣланное въ Кнышинѣ 20 августа 1568 года. Относительно права распоряженія ими привилей говоритъ: «маеть Матей Кгротовский, такъжо жона, дети и потомки его обоого рожаю» пожалованныя села, «держати, пожитъки вшелякие себе тамъ водле воли, баченья и уподобанья своего примножати» и т. д., а также «кому хочечи отъдати, продати, зоставити, заменити, записати и тымъ, яко властностью своею шафовати вечно». Это пожалованіе было подтверждено королемъ Генрихомъ 15 мая 1574 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 81—83 об.

³⁾ II ст. III. 34.

окажутся ¹⁾. Воспрещеніе закономъ всякаго насилія надъ волюю собственника, конечно, и вызвало упоминанія актовъ продажъ, дареній и тому подобныхъ передачъ своихъ правъ на имѣнія о томъ, что это право передается «безъ жадное намовы людское», но «по своей доброй воли», «безъ жадного примушенья» ²⁾. Имѣя право распоряжаться своимъ имуществомъ, дарить и записывать его кому пожелаетъ, шляхта, конечно, имѣла полное право «записати такъ имѣней лежащихъ, яко и иныхъ маетностей» и своему государю, какъ гласитъ статутъ въ особомъ своемъ артикулѣ ³⁾. Конечно, это она могла дѣлать, также лишь соблюдая требуемая закономъ формальности. Право безусловнаго распоряженія своимъ имуществомъ было еще новымъ правомъ въ эпоху второй половины XVI вѣка. Оно было приобрѣтено Литовскою шляхтою на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года ⁴⁾. Провозглашеніе его было крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ развитія правъ Литовскаго шляхетства. Оно было знакомъ превращенія подданныхъ владѣльцевъ земли, верховнымъ собственникомъ которой былъ великій князь, въ свободный народъ-собственникъ своей земли, своихъ «осѣлостей». Изъ подданныхъ великаго князя, какъ лица, шляхта Литовская въ признаніи закона обратилась въ подданныхъ государства и государя, какъ его главы.

Свободно распоряжаясь своимъ имуществомъ, шляхтичъ имѣлъ полное право распоряжаться и своею собственною особою. Онъ могъ, какъ мы видѣли выше, поступить на службу къ частному лицу и сдѣлаться его служебникомъ, пользуясь даже охраною закона въ своей «почтливости». Онъ имѣлъ полное право отъѣзда за-границу по своимъ дѣламъ, нуждамъ и надобностямъ ⁵⁾.

¹⁾ II ст. III. 32.   ²⁾ См., напр., А. Вил. XXII, №№ 597, 600 и др.

³⁾ II ст. III. 35. Ср. А. Ю. и З. Р. I, № 91.

⁴⁾ II ст. VП. I. Шляхтичи иногда особенно подчеркиваютъ это постановленіе Берестейскаго сейма въ документахъ. «А звлаща заживаючы в томъ ведѣле права посполитого и уфалы сойму вального Берестейского, в року минуломъ тисеча пятьсотъ шестьдесятъ шостомъ постановленого и уфаленого, вольности шляхетное, ижъ кождому чоловеку народу шляхетского вольно есть именьемъ своимъ отъчизнымъ, купленнымъ, выслужонимъ и яко-кольвекъ набытымъ водѣле воли и въподобанья своего шафовать, отдать, продат, даровать, записать и, яко хочечы, на пожитокъ свой оборочати...» говоритъ въ своемъ дарственномъ листѣ женѣ Витебскій намѣстникъ Янъ Война Ромейко (1591 г.) Витебскій Центр. Архивъ Вит. губ. Вит. уѣзднаго суда. Земская. № 32. Л. 51, 52.

⁵⁾ II ст. III. 13.

Онъ имѣлъ, наконецъ, право оставить свое шляхетское имѣніе, переселиться въ городъ, утрачивая свое шляхетство лишь въ томъ случаѣ, если бы сталъ заниматься мѣщанскимъ дѣломъ, т.-е. торговлею, или ремесломъ. Однако переселившійся въ городъ шляхтичъ сохранялъ свое шляхетское достоинство для своихъ дѣтей, а также и для себя самого, если дѣти его, или онъ самъ не станутъ дѣлать этого мѣщанскаго дѣла ¹⁾. Женщины-шляхтянки также трактуются статутомъ, какъ свободныя, а не какъ собственность государя, имѣющаго власть по своему произволу устраивать ихъ судьбу и жизнь. Статутъ отъ имени короля обѣщаетъ и повелѣваетъ княгинь, панскихъ вдовъ, княженъ, «паненъ-дѣвокъ, шляхтянокъ и всякого иного стану рожаю земского, яко людей вольныхъ, подъ вольнымъ панованьемъ» его государевымъ, «заховати ихъ», и насильно, «кгвалтомъ», король не долженъ ихъ выдавать замужъ ни за кого, но «за кого хотя, за того волно пойти» ²⁾. Постановленіе это, внесенное уже въ статутъ 1529 года ³⁾, было уничтоженіемъ прежняго, стародавняго обычая, по которому государь выдавалъ замужъ за своихъ бояръ женщинъ и дѣвушекъ по своему собственному желанію и по своему произволу ⁴⁾.

Свободная въ дѣлѣ устройства своего брака по отношенію къ власти государя, шляхетная дѣвушка можетъ выдти замужъ и противъ воли родителей. Статутъ не лишаетъ ее этого права; за выходъ замужъ противъ родительской воли онъ лишаетъ ее только «посага», т.-е. приданаго и наследственнаго имѣнія «отчизного и материстого». Она лишается своего права на наследство и въ томъ случаѣ, если она была единственною дочерью у своихъ родителей, «тогда отчизна на близкихъ спадываетъ мимо таковую дѣвку» ⁵⁾.

¹⁾ II ст. III. 20.   ²⁾ II ст. III. 31.   ³⁾ I ст. IV. 18.

⁴⁾ Примѣровъ пользованія великими князьями Литовскими своею властью надъ подданными и въ этомъ направленіи—достаточно. См., напр., Ист.-Юр. Мат. XXI, стр. 415, гдѣ издана грамота Александра, въ которой упоминается листъ Свидригайла, представленный великому князю Александру Витебскими боярами, Федкомъ Михайловичемъ и Ивашкомъ Гарасимовичемъ съ ихъ братією. Въ немъ читаемъ: «штожь великий князь Швитригайло далъ за деда ихъ, на име за Михайла, жону, на имя Александрову Брузкгалову со всеми имени мужа ее и з людьми, зо всімъ потому, какъ Ортемей Сверко ее держалъ». Такая выдача великимъ княземъ замужъ вдовы одного боярина за другого представлялась выгодною и удобною потому, что и земли его находили себѣ новаго владѣльца-боярина, который въ свою очередь получалъ въ нихъ господарскую награду, и вдова получала себѣ защитника и мужа.

⁵⁾ II ст. V. 7.

Если дѣвушка осталась круглой сиротою послѣ смерти своихъ родителей, то мѣсто родителей въ дѣлѣ заботы о ней для нея замѣняютъ ея братья и стрыи, т.-е. близкіе ея. Выходя замужъ безъ согласія этихъ родныхъ, замѣняющихъ ей родителей, достигла ли она совершеннолѣтія, т.-е. 15-ти лѣтъ, или нѣтъ, — это безразлично, дѣвушка лишается и посага, и наслѣдственного имѣнія, какъ и въ случаѣ брака ея безъ согласія родителей. Но статутъ предвидитъ и случаи задерживанія родными брака дѣвушки изъ своихъ эгоистическихъ разсчетовъ, а потому дѣлаетъ постановленіе, что, если родственники дѣвицы не будутъ желать выдать ее замужъ, она все-таки, если желаетъ сохранить свои права на имущество, «свополнѣ не маеть ни за кого ити», но должна «дати знати до вряду черезъ кровныхъ вѣдомость, а вряду ей маеть дозволити замужъ пойти». Выходя замужъ за равнаго себѣ шляхтича, хотя и противъ воли родныхъ, но съ вѣдома и разрѣшенія вряду, шляхтянка не утрачиваетъ своихъ правъ на имѣнія, и вступившій съ нею въ бракъ будетъ имѣть право «доходити маетности жоны своее», т.-е. искать ея имущества судомъ ¹⁾. Такимъ образомъ свобода личности шляхетской дѣвушки въ дѣлѣ вступленія ея въ бракъ пользуется полнымъ признаніемъ статута; только ея имущественныя права подвергаются ограниченію и сохраняются на наслѣдственное имѣніе лишь тогда, когда бракъ совершится съ согласія людей, отъ которыхъ она зависитъ по семейному праву, причемъ по отношенію къ власти надъ нею братьевъ и родственниковъ законъ даже совершаетъ ея полное освобожденіе въ случаѣ недобросовѣстнаго пользова- нія ими своимъ правомъ. Такъ же, какъ дѣвица, свободна въ своей личности по отношенію къ новому браку и вдова. Послѣ смерти своего мужа она можетъ вновь выдти замужъ. Статутъ только заботится о томъ, чтобы «малженство (бракъ) въ поч- стивости было заховано», а потому въ этихъ цѣляхъ, а также въ цѣляхъ «вѣдомости плоду» хочетъ, чтобы вдова шляхтича всту- пала въ новый бракъ не прежде истеченія шести мѣсяцевъ со смерти своего прежняго мужа. Первое соображеніе служило ох- ранѣ идеальной стороны дѣла взаимной привязанности и вѣрно- сти супруговъ, второе — стремилось къ установленію гарантіи признанія «плода» жены несомнѣннымъ ребенкомъ перваго или втораго ея супруга. Но и тутъ законъ не рѣшается примѣнить

¹⁾ II ст. V. 8.

средства насилія надъ личностью шляхтянки и, несмотря на всю серьезность дѣла, не налагаетъ строгаго и категорическаго запрещенія подъ угрозою суровой кары: онъ лишь ограничивается постановленіемъ объ утратѣ вѣна, записаннаго ей прежнимъ ея мужемъ, и только въ случаѣ его неимѣнія налагаетъ на вдову штрафъ, «заплату до скарбу» государева, въ 12 рублей ¹⁾. Свободныя по отношенію къ семейной и государственной власти въ дѣлѣ выбора себѣ мужа, дѣвушка и вдова шляхетскія охранялись закономъ и отъ насильственнаго захвата ихъ себѣ въ жены мужьями. Статутъ постановляетъ, что, если кто-нибудь насильно, «кгвалтомъ», взялъ за себя шляхтянку «безъ воли отца и матки, стрьевъ або близкихъ», говоря, «ижъ бы ему въ малженство его шлюбила», и объ этомъ было бы донесено государю, панамъ-радамъ и всякому вряду, «таковая персуна маеть первей быти взята до секвестру». Когда затѣмъ судебное разбирательство обнаружитъ, что на этотъ бракъ не было «позволенья» ни «пріятель кривныхъ», т.-е. близкихъ этой шляхтянки, ни ея самой; виновный въ насиліи наказывается смертною казнью, а третья часть его имѣнія идетъ «за навезку» въ пользу женщины или дѣвушки, насильственнымъ образомъ взятой имъ себѣ въ жены. Кромѣ того, если «при томъ кгвалтѣ» были насильникомъ причинены матеріальные убытки, то они, послѣ того какъ будутъ доказаны, присуждаются на остальныхъ двухъ частяхъ его имѣнія. Если же при разборѣ дѣла обнаружится, что дѣвица, «укривши то передъ родичами своими, на тое малженство и на взятѣе позволила и на правѣ се того знала», она теряетъ свои права на наслѣдственныя имѣнія и на «выправу», какъ въ обыкновенномъ случаѣ выхода замужъ противъ воли родителей или родственниковъ ²⁾.

Кромѣ права свободы личности и права свободного распоряженія своимъ имуществомъ, шляхтичъ Литовскій обладалъ свободою отъ постоянныхъ податей. Мы видѣли выше, какъ Виленскій съѣздъ 1584 года заявлялъ, что предки «варовали се того, абы вечный плат николи не былъ вношонъ на маетьности и подданныхъ» Литовскихъ обывателей ³⁾. Во второмъ томѣ настоящаго изслѣдованія мы увидимъ, что и самое обложеніе податями и налогами въ Княжествѣ могло производиться не иначе, какъ по постановленію сейма, т.-е. съ согласія представителей народа-

¹⁾ II ст. V. 12.

²⁾ II ст. XI. 9.

³⁾ Стр. 200.

шляхты, получившихъ свои полномочія отъ него на повѣтовыхъ сеймикахъ. Шляхта была свободна отъ всякихъ циншовъ и постоянныхъ денежныхъ сборовъ, и признаніе шляхетскаго достоинства за обывателемъ влекло за собою немедленное освобожденіе его отъ цинша ¹⁾).

Итакъ, свобода личности и имущества шляхтича были основою его частныхъ правъ. Кромѣ личныхъ правъ, шляхта Княжества имѣла и права политическія. Во главѣ этихъ политическихъ правъ стояло право выбора себѣ государя. По словамъ статута 1566 года Сигизмундъ Августъ обязуется своимъ словомъ, за себя и за своихъ преемниковъ, великихъ князей Литовскихъ, «заховати» всѣхъ князей, пановъ-радъ, духовныхъ и свѣтскихъ, всѣхъ земскихъ и дворныхъ врядниковъ, хоруговныхъ пановъ, «шляхту, рыцерство, мѣщане и всихъ людей посполитыхъ» въ Княжествѣ и его земляхъ «при свободахъ и вольностяхъ хрестіанскихъ, въ которыхъ они, яко люде вольные, вольно обираючы изъ стародавна изъ вѣчныхъ своихъ продковъ собѣ пановъ и господарей, великихъ князей Литовскихъ, жыли и справовали прикладомъ и способомъ волныхъ панствъ хрестіанскихъ, ровнаючы, однако маючы и тыхъ вольностей уживаючы и зъ сусѣды, братьею своею, рыцерствомъ и иные станы народу коруны Польское» ²⁾. Право это признанное закономъ еще до соединенія Литвы съ Польшею Люблинскимъ договоромъ 1569 года, и послѣ этого договора, въ статутѣ 1588 года, является выраженнымъ буквальною выпискою изъ текста второго статута ³⁾, т.-е. съ признаніемъ права Литовскихъ мѣщанъ и подданныхъ государевыхъ на участіе въ выборѣ своего государя. Нельзя не видѣть изъ этого, что еще и въ эпоху третьяго статута не было настолько полного выдѣленія шляхты изъ другихъ сословій, что не было никакого мостика соединяющаго ее съ другими сословіями не только въ жизненной практикѣ, но и въ нормировкѣ ея закономъ, въ основѣ котораго лежали теоретическіе принципы шляхетской исключительности. Интересно, что узаконенія статута 1566 года о правѣ населенія самому избирать себѣ государя нѣтъ въ статутѣ 1529 года. Явившись въ Литовскомъ законѣ, какъ черта перенесенная изъ Польши и какъ одно изъ правъ Польской шляхты, право королевской елекціи въ формулировкѣ его статутомъ обратилось въ право не одной шляхты, но всего Литовскаго народа, за исклю-

¹⁾ См. выше, стр. 242.

²⁾ II ст. III. 2.

³⁾ III ст. III. 2.

ченіемъ лишь той его части, которая была подданными не государя, а частныхъ лицъ. Конечно, на практикѣ, лишь шляхта и высшіе разряды ея, какими были князья, паны, вьядники и сенаторы, пользовались этимъ правомъ, но и самое теоретическое трактованіе права выбора государя, какъ права всего народа, а не народа-шляхты, въ высшей степени характерно для эпохи. Варшавская конфедерація 1573 года, постановленіе которой было внесено потомъ и въ третій Литовскій статутъ, нѣсколько ограничиваетъ право выбора короля, ограничивая число лицъ, которыя могутъ быть возводимы на престолъ Польско-Литовской Речи Посполитой. Король—безусловно избирательный, но свое право избранія народъ-шляхта можетъ приложить лишь къ такому лицу которое «по обранью» принесетъ присягу 1) въ сохраненіи мира и спокойствія между разновѣрными обывателями, 2) въ томъ, что ни подъ какимъ видомъ не будетъ заставлятъ шляхту идти на войну за границу и 3) въ томъ, что не будетъ созывать посполитаго рушенья иначе, какъ по сеймовому постановленію ¹⁾. Такимъ образомъ сама шляхта въ 1573 году нѣсколько ограничила свое право избранія государя, хотя и не коснулась его сущности.

Кромѣ права избранія короля шляхта владѣла политическимъ правомъ сеймикованья. Второй статутъ знаетъ лишь два вида сеймика: предсеймовый и судово-избирательный, избравшій членовъ земскаго повѣтоваго суда. Но затѣмъ, въ періодъ времени, протекшій между изданіемъ второго и третьяго статутовъ, къ этимъ двумъ видамъ сеймика прибавились еще два — реляціонный и для выбора судей трибунальскихъ. Съ этими сеймиками подробно познакомимся въ слѣдующемъ томѣ нашего изслѣдованія. Теперь мы должны указать лишь на ихъ значеніе въ ряду другихъ шляхетскихъ правъ и вольностей. Сеймикъ предсеймовый имѣлъ своею цѣлью ознакомленіе повѣтовой шляхты съ предметами занятій предстоящаго сейма, выборъ ею своихъ пословъ сеймовыхъ и снабженіе ихъ инструкціей, указывающей имъ, какъ они должны высказаться въ томъ или другомъ вопросѣ сеймованья. Реляціонный сеймикъ собирался для выслушанія отчета пословъ повѣтовыхъ, вернувшихся съ сейма, и для постановленій по повѣту въ исполненіе сеймовой конституціи. Такимъ образомъ оба сеймика, связанные съ сеймомъ, давали народу-

¹⁾ Ш, ст. Ш. 3. Vol. leg. II Str. 124, 125.

шляхтѣ непосредственное участіе въ политическихъ дѣлахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, стоящихъ на очереди въ данное время и требовавшихъ верховной санкціи вальнаго сейма. Черезъ своихъ пословъ сеймовыхъ повѣтовая шляхта принимала участіе и въ работахъ сейма, парламента Польско-Литовскаго государства. Сеймики судейскій елекціонный и трибунальскій давали повѣтовой шляхтѣ возможность выбора земскихъ судей повѣта и трибуналистовъ, членовъ верховнаго апелляціоннаго судилища Княжества, и, собираясь на этихъ сеймикахъ, повѣтовая шляхта создавала судовыя корпораціи своихъ повѣтовъ и цѣлаго великаго княжества Литовскаго.

Первое безкоролье принесло съ собою и расширеніе шляхетскихъ правъ. Оно дало Литовской шляхтѣ впервые реальный случай воспользоваться своимъ правомъ избранія короля, оно заставило самъ народъ, предоставленный самому себѣ безъ привычной династіи и съ не совсѣмъ привычнымъ еще принципомъ шляхетскаго равенства, взяться за дѣло государственнаго устройства—замѣщеніе вакантнаго трона и охрану внутренняго порядка при затруднительныхъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, войнѣ съ Москвою и страхомъ передъ вторженіями Татаръ. Съ одной стороны необходимость самой шляхтѣ, руководимой панами-радами, практически разрѣшить рядъ сложныхъ вопросовъ жгучей потребности и чрезвычайнаго значенія, съ другой стороны—идеи, выводы изъ принциповъ и фактовъ, неволью являвшіеся въ головахъ шляхетнаго народа подъ вліяніемъ происходившаго въ Княжествѣ и въ спольной Речи Посполитой. Потребность охраны спокойствія, личности и имущества создаетъ каптуровый судъ, избираемый въ своемъ составѣ повѣтовою шляхтою, рѣшающій въ послѣдней инстанціи дѣла обывателей ¹⁾. Въ то же время вопросы общегосударственные и различныя потребности повѣтовъ создаютъ необходимость повѣтовыхъ и обще-Литовскихъ собраній и съѣздовъ. Права шляхты, если и не получили въ эту эпоху новой формулировки въ Литовскомъ законѣ, то они формулировались уже въ умахъ отдѣльныхъ шляхтичей подъ вліяніемъ быстро смѣнявшихся событій. Самый судъ, дѣйствовавшій до безкоролья исключительно отъ имени короля, подъ его «тытуломъ» ²⁾ даже писавшій свои позвы, замѣнился судомъ, установленнымъ шляхтою,—верховенство короля въ судѣ замѣнилось вер-

¹⁾ См. Ж. Н. Пр. 1897 г. № 6. стр. 266, 291.   ²⁾ П ст. IV. 10.

ховенствомъ шляхты. Къ этому нужно прибавить, что и повѣстовые вранды, вакантные въ часы безкоролья, замѣщались путемъ шляхетскаго избранія, если почему-либо неудобно было обождать съ ихъ замѣщеніемъ до избранія новаго короля. Таково было политическое значеніе шляхты Литовской въ изучаемую эпоху. Въ обычное время, когда король сидѣлъ на тронѣ Речи Посполитой, оно нѣсколько уменьшалось, какъ бы скрываясь до времени, готовое вновь обнаружиться, когда этого потребуютъ обстоятельства; въ дни же безкоролья оно съ полною силою, всецѣло проявлялось наружу. Безкоролья были своего рода приливами скрытой въ обычное время силы, но, когда время ихъ проходило, часть прилившей силы оставалась на поверхности, и сознаніе шляхтою своихъ значенія и силы все расло и расло, даже просто въ силу привычки къ своему новому чрезвычайному положенію, не говоря уже о значеніи этихъ эпохъ по ихъ содержанію и существованію ихъ фактовъ.

Кромѣ своего права участія въ политическихъ дѣлахъ Княжества и соединеннаго государства Польско-Литовскаго Литовская шляхта пользовалась и исключительнымъ правомъ занятія всѣхъ административныхъ и судебныхъ должностей въ Княжествѣ. Участвуя въ законодательствѣ и въ верховномъ правительствѣ, Литовская шляхта въ то же время держала въ своихъ рукахъ всю администрацію и судъ великаго княжества Литовскаго, такъ какъ лишь лица шляхетскаго происхожденія имѣли право на занятіе административныхъ и судебныхъ должностей въ Княжествѣ. Статутъ гласитъ, что король долженъ «простыхъ людей надъ шляхту не повышати, на достоинства ихъ прекладати и врандовъ государственныхъ «простымъ людямъ давати». Лишь шляхтичъ, притомъ родичъ великаго княжества Литовскаго можетъ быть назначенъ на урядъ государственный ¹⁾. Даже пріобрѣвшій осѣлость въ Княжествѣ чужеземецъ не можетъ занимать въ немъ врандовъ духовныхъ и свѣтскихъ, но «только здавна предковъ своихъ уроженецъ великаго князства Литовскаго, Литвинъ и Русинъ» ²⁾. Послѣ 1569 года, какъ мы уже видѣли, постановленіе это не только осталось въ полной силѣ, но было даже еще опредѣленнѣе формулировано III-мъ статутомъ ³⁾. Самыя вранды не

¹⁾ II ст. III. 15. Если король нарушалъ это требованіе Литовскаго статута, Литовскіе станы настаивали на немъ, требуя отмѣны неправильно сдѣланнаго назначенія. См. выше, стр. 227.

²⁾ II ст. III. 9.   ³⁾ III ст. III. 12. См. объ этомъ выше, стр. 223, 224.

могутъ «быти нарушоны» въ своихъ правахъ и прерогативахъ ¹⁾, и привилеи королевскіе на пожалованіе тѣмъ или другимъ урядомъ всегда говорятъ о томъ, чтобы вновь назначаемый врядникъ дѣйствовалъ, «справуючы тымъ вradoмъ потому, яко и перѣвшые» врядники, его предшественники, «з давныхъ часовъ справовали»; самъ же государь желаетъ «того вradу на немъ ни в чомъ не зъмнейшаючы, в ласъце и бачъности» своей «господаръской его заховати» ²⁾.

Чтобы пользоваться большею частью своихъ политическихъ правъ, шляхтичъ долженъ принадлежать къ тому или другому повѣту. Въ самомъ дѣлѣ, принимать участіе въ занятіяхъ сеймика повѣта могъ только шляхтичъ, имѣющій осѣлость въ этомъ самомъ повѣтѣ; избраннымъ въ число пословъ сеймовыхъ повѣта могъ быть также только осѣлый въ этомъ повѣтѣ шляхтичъ. Такимъ образомъ участіе въ разрѣшеніи дѣлъ общегосударственныхъ и повѣтовыхъ было достояніемъ лишь «повѣтниковъ», шляхетскихъ корпорацій, представляющихъ изъ себя шляхту территоріальной единицы Княжества — повѣта. Въ главѣ, посвященной повѣтовому сеймику, мы еще будемъ имѣть случай болѣе подробно остановиться на значеніи повѣта въ дѣлѣ политической организациі народа-шляхты. Теперь же мы должны лишь обратить вниманіе читателя на необходимость для шляхтича быть «повѣтникомъ» для того, чтобы пользоваться своимъ правомъ участія въ обсужденіи дѣлъ повѣтовыхъ и государственныхъ, равно какъ для занятія повѣтовыхъ урядовъ и несенія военной земской службы, также организованной по повѣтамъ, какъ увидимъ ниже.

Итакъ, шляхетское сословіе обладало гарантированными закономъ правами, какъ личными и имущественными, такъ и политическими. Эти права вмѣстѣ съ землевладѣніемъ создавали и извѣстное соціальное значеніе шляхты въ ряду другихъ сословій Княжества. Но что же давала шляхта государству кромѣ своего труда по участію въ верховномъ правительствѣ и управленіи государственнымъ? Если участіе въ сеймовыхъ собраніяхъ считалось трудомъ, который вмѣнялся въ заслугу и былъ достоинъ награды ³⁾, то и сеймикованье также должно было признаваться

¹⁾ II ст. III. 10.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 2. Другіе примѣры см выше.

³⁾ О заслугахъ стольника Литовскаго пана Миколая Дорогостайскаго такъ говорится въ листѣ, данномъ ему на Шерешовскую державу: «про то мы (король

таковымъ. Но и кромѣ сеймикованья на всей шляхетской массѣ лежали повинности на государство. Это—служба земская военная и поборъ, обѣ повинности, налагаемыя лишь самимъ народомъ—шляхтою на себя черезъ согласіе своихъ повѣтовыхъ пословъ, данное на вальномъ сеймѣ. Къ изученію этихъ повинностей шляхты теперь и обратимся.

Прежде чѣмъ изложить тѣ повинности, которыя возлагались на шляхту великаго княжества Литовскаго въ періодъ времени съ 1569 года до смерти Стефана Баторія, посмотримъ, въ какомъ положеніи по отношенію къ отбыванію повинностей находились Литовскіе обыватели наканунѣ 1569 года. Сдѣлавъ это, мы получимъ возможность сравнить тяжесть этихъ повинностей и способъ обложенія ими до Люблинской Уніи и послѣ ея заключенія. Шестидесятые годы XVI столѣтія были эпохою, въ высшей степени тяжелою для Княжества. Трудная Московская война и опасности, грозившія постоянно съ юга отъ «поганства Татаръ», переживались имъ въ эти годы и, конечно, именно эта эпоха должна была потребовать отъ обывателей Литовскихъ полного напряженія ихъ силъ для обороны государства, а потому и для изслѣдователя повинностей шляхты она должна представляться наиболѣе полною картиной возлагаемыхъ на шляхту обязанностей и предъявляемыхъ къ ней требованій государствомъ. Въ самомъ дѣлѣ въ эти годы обывателямъ Княжества приходилось и собираться въ посполитомъ рушеньѣ и выдавать серебщизну на содержаніе войска, притомъ дѣлать это не только въ разные годы, но и одновременно. Остановимся сперва на сборахъ посполитаго рушенья за это время.

Посполитое рушенье было объявлено въ 1563, 1566 и 1567 годахъ. Королевскій универсалъ, данный съ Виленскаго сейма 1563 года ¹⁾, объявилъ Княжеству, что сеймъ постановилъ посполитое рушенье для возвращенія захваченнаго Иваномъ IV Мо-

---

Генрихъ) о заслугахъ пана стольниковыхъ, которыми онъ з молодости летъ своихъ, яко на дворе короля его милости предка нашего отъ немалого часу будучи, такъ и въ потребахъ речи посполитое до войскъ роты и не малые почъты людей водячи и на соймехъ бываючи, з немалыми утратами маетности своее годне, пыльне а въставичъне в служъбахъ короля его милости и въ потребахъ речи посполитое оказывалъ, певную ведомость отъ некоторыхъ пановъ-рад маючи...». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 5. (Дата: Краковъ, 28 марта 1574 года).

¹⁾ А. З. Р. III. № 34.

сковскимъ Полоцка и отомщенія врагу за его дерзость. Но это рушенъе Литовскихъ обывателей было не совсѣмъ обычнымъ. Ввиду затруднительнаго положенія Княжества на его границахъ и ввиду серьезности войны, сеймъ «надъ вси обычаи звыклые и повинности свои, въ статутѣ описаные», на этотъ только разъ постановилъ, что кромѣ обычныхъ почтовъ своихъ обыватели приведутъ еще добавочныхъ ратниковъ, а именно каждый, кто выставлялъ двухъ конныхъ ¹⁾, долженъ къ нимъ прибавить еще пѣшаго «зъ ручницою» и сѣкирою, или съ рогатиною и сѣкирою. Но этого мало. На одну настоящую войну сеймъ согласился, чтобы всѣ братья и сыновья, «зъ отцы недѣльные, шляхта, лѣтъ dorosлые» не оставались дома, но тоже шли на войну. При этомъ было выговорено, что недѣльные братья и сыновья, выправивъ на войну одного изъ своей среды, сами могутъ служить королю на войнѣ за плату, или же могутъ служить также панамъ, какимъ пожелаютъ; но для присмотра за домомъ долженъ остаться одинъ изъ братьевъ, а при больномъ и престарѣломъ отцѣ—одинъ изъ его сыновей. Всякій, кто не подчинится требованію военной службы въ размѣрахъ, установленныхъ сеймомъ 1563 года, подлежитъ наказанію «сѣднемъ у вѣжи надолѣ дванадцать недѣль, такъ тяжкимъ сѣднемъ, яко за голову карають». Отъ этого наказанія освобождены лишь тѣ «недѣльные», которымъ «пѣнезей за службу жолнерскую и пешую за его стараньемъ не дано», т.-е. такіе, которымъ, несмотря на ихъ стараніе, не удалось поступить въ наемныя войска. Освобождаются отъ наказанія также и тѣ, кого не пожелали принять къ себѣ на службу паны. Всѣ такіе шляхтичи должны заявить объ этомъ хоружимъ, и они будутъ свободны отъ наказанія. Объявляя объ этомъ сеймовомъ постановленіи, король гарантировалъ обывателямъ, что оно ни въ какомъ случаѣ не будетъ обращено въ обычный порядокъ, «въ пошину», и не будетъ служить въ ущербъ правамъ ихъ. Это распоряженіе сейма было чрезвычайнымъ. Оно было сдѣлано въ дополненіе къ постановленному этимъ же сеймомъ рушенью обывателей Княжества на войну ²⁾. Уже 27 марта 1563 года былъ данъ приказъ пановъ-радъ, посланный и въ Новгородскій повѣтъ,—

¹⁾ Конный ратникъ выставлялся съ 20 службъ «подлѣ давной и теперешнее ухвалы». За 20 службъ будетъ считаться, если у владѣльца службъ болѣе десяти.

²⁾ Объ этомъ сеймѣ см. *М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ* Стр. 639 и сл.

быть обывателямъ его готовыми къ службѣ военной и явиться на часъ и мѣсто, которые имъ будутъ назначены листами пановъ-радъ, или гетмана ¹⁾. Затѣмъ, послѣ универсала о чрезвычайномъ сборѣ войска, изданнаго Сигизмундомъ Августомъ съ Виленскаго сейма 1563 года, были разосланы и грамоты, объ этомъ сборѣ къ вѣдникамъ, державцамъ, князьямъ и панамъ въ іюль того же года ²⁾. Въ листахъ этихъ говорилось, что государь «с паны-радами» своими, «князи, паны, вѣдники земьскими и дворными, княжаты, паняты и со всеми станы всехъ земль великаго князства Литовскаго, сойму належащими», постановилъ, чтобы «всеи, войне повинныи з ыменей своихъ отчизныхъ, выслужонныхъ и купленыхъ, якимъ кольве обычаемъ набытыхъ, къ службѣ военной почты свои сполна ставили подлугъ уфалы Берестейское, з девети служобъ людей десятого», а кто имѣеть 10 службъ, то одного пахолка на конѣ «збройно з древомъ а старчю». Такъ точно и духовныя лица, и вдовы, не имѣющія взрослыхъ сыновей, владѣющія земскими имѣніями, должны выставить съ нихъ ратниковъ въ томъ же размѣрѣ. Что же касается до шляхты осѣлой, но служащей панамъ «и пенези датокъ на кони в нихъ» берущей, то сами такіе шляхтичи должны служить «особою своею» при своихъ панахъ, а мѣсто свое подъ хоругвью повѣтовою должны замѣститъ «такъ добрымъ шляхтичомъ, яко самъ, на добромъ кони подле уфалы с почтомъ слугъ своихъ». Далѣе грамота говоритъ объ извѣстномъ уже намъ чрезвычайномъ добавленіи къ обычнымъ почтамъ, установленномъ на сеймѣ 1563 года. Затѣмъ она прибавляетъ: «и што ся дотычетъ дальшее и ширшее уфалы на томъ сойме около служъбы военъное, тягненя, становеня у пана гетмана и заслугованье шиху и по шиху отежд-

¹⁾ «...яко при допущенью войска от мене гетмана всимъ станомъ естъ ознаймено в готовности быти на службу военъную, такъ и теперь, бачачи того быти потребу пильную, вси споломъ и именемъ его милости господарскимъ вамъ приказуемъ, ажъбы есте безъ кождого сплошенъства къ служъбе земьской военъной по готову были, а кгда листы нашими, або одного его милости пана гетмана обосланы будете, вы бы вжо, не ждучи другихъ листовъ, на часъ и мѣсто назначоное конъно, збройно ехали, никоторого омишканя вчинити не смеючи и не вымовляючися, хотя бы в томъ часе и на съемъ вамъ ехати розказано. Писанъ у Вильни року 63 месеца марта 27 дня».

Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 1.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 6—10.

ченя, позыченя зброй и коней и иных речей, а яко ся хто в томъ заховати и в тых речах, вышей мененых, поступовати маеть и который бы тежъ тому досыть не вчинилъ, какъ за то каранъ будетъ, то достаточней на писме под печатью нашою (королевскою) во вси поветы и хоружьства через самых вжо тых, што на сойме был и через тых и роздано. Где на збирание и попис к той войне и часъ певный на том же сойме зложили есьмо и симъ листомъ нашимъ складаемъ» — 1 августа въ Кревѣ. Адресату листа приказывается стать со своими почтами на часъ и мѣсто, назначенные Троцкимъ воеводою, гетманомъ наивысшимъ, и «пописаться», не только днемъ, но и часомъ не опоздавъ, подъ угрозою наказанія, «в статуте описаного и на том сойме уваленого» ¹⁾. Однако собраніе посполитаго рушенья въ Кревѣ 1 августа 1563 года, какъ это было рѣшено, не состоялось. Дѣло въ томъ, что Московскій царь писалъ Сигизмунду, какъ рассказываетъ его грамота, отлагающая этотъ сборъ, чтобы перемиріе было продолжено до 1 ноября, и къ нему были посланы Литовскіе послы. Король по различнымъ соображеніямъ рѣшилъ продолжить перемиріе до дня, желаемого Иваномъ IV, послалъ къ нему пословъ, а потому и перенесъ день собранія рушенья съ 1 августа на 29 сентября, «ижъ подъ тымъ часомъ перемире выходить будетъ и потреба за часу собранья войска». Вновь отдается строгій приказъ не пропустить назначеннаго времени, а если встрѣтится надобность въ болѣе раннемъ созывѣ, то спѣшить на него по объявленію великаго гетмана, Николая Юрьевича Радивила ²⁾. 7 сентября того же 1563 года были разосланы по всему Княжеству «листы военные» съ объявленіемъ, «абы на ден све-

¹⁾ «которое от сего часу жадному пропушчоно не будетъ, а мы охотнымъ и поспешнымъ ласкою нашою господарскою паметовати и нагорожати хочомъ. Теж абы есте о томъ ведали и за часу того ся постерегали, иж хто бы колвекъ якого ж колвекъ зупольна почту своего з ыменей своих не поставил, а што такового именя утаил, а то бы на него переведено такъ перед нами подаремъ, яко и перед паномъ гетьманомъ великимъ, тогда в того. хто почту сполна не поставитъ, на нас господара две части того именя взято, третья часть оного ж именья, хто на него то обявить и доведеть, тому маеть быти дана. А кгдажъ то на томъ сойме уфалено от всех становъ а через нас господара утвержьоно, про то абы кожъдый водлугъ того ся заховал и ничимъ выступити с того не смелъ подъ ласкою нашою господарскою а утратою таковых именей. Писанъ у Вильни лет. Бож. Нарож. 1563 месеца 28 дня». Лит. Метр.

Ш А

7 л. 10.

²⁾ Ibidem, л. 27 об., 28.

того Лукаша у Крече становилися»¹⁾. Листы эти были адресованы къ отдѣльнымъ воеводамъ, старостамъ, державцамъ, различнымъ врядникамъ, князьямъ, панамъ, бискупамъ, митрополиту, владыкамъ, вдовамъ и названы въ Метрикѣ Литовской листами «о ставенъе се на войну ку попису». Какъ образецъ содержанія этихъ листовъ, вписанъ въ книгу Метрики листъ къ хоружимъ, а именно къ хоружію Вилькейскому²⁾. Въ немъ объявлялось «хоружому Вилькейскому и всимъ бояромъ шляхте, которые под хоруговью Вилькейскою становитися повинни», о новомъ отложенъѣ дня собранія посполитаго рушенья. По началу этимъ днемъ, какъ мы уже видѣли, было назначено сеймомъ 1 августа, затѣмъ король перенесъ его на день св. Михаила «Рымского свята прийдучого», т.-е. на 29 сентября; теперь этимъ днемъ было назначено 18 октября, день святого «Лукаша», и эта новая отсрочка была сдѣлана «с певных а великих причинъ, стерегучи того, абы войско, на одномъ местцу долъго лежачи, в панъстве» государевомъ, т.-е. великомъ княжествѣ Литовскомъ «спустошенья не чинило»,—срокъ перемирія съ Москвою наступитъ лишь 1 ноября³⁾.

Но и дню 18 октября не суждено было сдѣлаться дѣйствительнымъ днемъ собранія вооружившагося народа, такъ какъ были разосланы по Княжеству новые листы королевскіе по дѣлу того же собранія посполитаго рушенья⁴⁾. Въ нихъ говорилось о томъ, что великій князь Московскій писалъ королю, «перемирю рокъ для

1) Ibidem, л. 35.   2) Ibidem, л. 37 об.—38.

3) «про то приказуемъ и конечно мети хочомъ, абы каждый, ничимъ не вымовляющися, становил ся на местцу назначономъ у Крече под тою жъ виною и каранемъ, яко на сойме уфалено есть, конно, збройно и со всякою живностью, достаточне выправившися такъ, яко бы черезъ всю зиму, будучи на службѣ нашей и земъской, выховати ся могъ со всимъ почтомъ своимъ и в тягнени ничимъ не ушкожалъ людей вшелякого стану, чого абы ты, хоружий, стерогъ подле тоежъ уфалы соймовое, а ижбы кожъдый, права шляхетского уживаючи, не смел омешкати часу и дня на местцу назначономъ у Крече становити, стерегучи ся караня, в статуте и уфале соймовой описаного, бо недбалый, омешкавши часу и дня назначоного, сродзе каран будсть, а особливе вамъ бояромъ шляхъте приказуемъ, ижъбы есте водлугъ постановенья и уфалы соймовой и подлугъ первшого розказанья и листов нашихъ з людей своихъ серебъшчизну до хоружого сполъна, никоторое проволоки не чинечи, отдали. А ты хоружый, абы еси тую сербшчизну на рокъ назначонный, на ден Нароженья Панъны Марии, теперешнее пришлое свято, здесья от-него и до бирчихъ, на то уставленых отдалъ, ничим того року омешкати не смеючи конечно. Писан у Вил. року 63 авг. 31 днъ». Ibidem, л. 37 об.—38.

4) Ibidem, л. 52—54.

послов откладаючи до светого Николы, свята прийдучого декабра шостого дня»; поэтому Сигизмундъ Августъ отложилъ и день «пописа» до 21 ноября, дня «оферованя Панъны Марии». Въ силу этого рѣшенія отиравившіеся уже въ Крево обыватели Княжества, гдѣ бы ихъ ни встрѣтилъ настоящій листъ короля, должны вернуться домой и быть затѣмъ готовыми къ военной службѣ. Имъ приказывается, чтобы къ назначенному времени они «такъ ся зготовили и способили, яко бы через всю зиму и весною, з войска не розежчаючися, могли выживенье мети». Мѣстомъ сбора посполитаго рушенья по прежнему оставалось назначеннымъ Крево. Конечно, всѣмъ запрещается «омешкати» и отговариваться какими бы то ни было причинами для неявки въ Крево. Грамота гласить: «не сподеваючися кажъдый недѣбалый милосердья ужити, кгдажъ за недбалостью и непоспешностью реч посполитая немало шкоды терпять, для чогожъ абы есте вси, хто войну служити повинен, ознаймовал в торгохъ и при костелах у парафеях обволивати казалъ ¹⁾, абы неведомостью ништо причины вымовы не найдовал, якожъ ся не можетъ ништо вымовляти, кгдажъ вжо часъ не малый ку готовности и на выправу маете». Замѣтимъ тутъ, что настоящая грамота дана 20 октября, т.-е. черезъ два дня послѣ срока, назначеннаго для собранія рушенья. Если потребовалось писать грамоты, а не просто объявить собравшимся, то это доказываетъ неаккуратность обывателей Литовскихъ въ дѣлѣ исполненія ихъ повинности

Переговоры о мирѣ, веденные въ Москвѣ въ 1563 году Ходкевичемъ, Воловичемъ и Гарабурдою ²⁾, не привели къ заключенію мира между Литвою и Москвою, да Сигизмундъ Августъ и не желалъ его, стараясь лишь протянуть время, собраться съ силами и поднять Крымскаго хана противъ Ивана IV. Когда вновь открылись военныя дѣйствія, они ознаменовались успѣхомъ Литовскаго гетмана Николая Радивиля, нанесшаго поражение князю Петру Ивановичу Шуйскому на рѣкѣ Улѣ. Надо думать, что эта побѣда одержана была имъ уже при помощи посполитаго рушенья, собравшагося наконецъ въ Кревѣ 21 ноября 1563 года. Когда затѣмъ это посполитое рушенье было распускаемо въ Леплѣ наивысшимъ гетманомъ, онъ ввиду новыхъ опасностей, грозившихъ Литвѣ отъ Москвы, именемъ короля

¹⁾ Король обращается къ панамъ Щитовичамъ.

²⁾ О нихъ см. С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ др. вр. Кн. II. СПб. 1894. Стр. 193—195.

приказалъ Литовскимъ обывателямъ собраться для отпора врага въ Минскѣ черезъ двѣ недѣли послѣ дня св. Мартина 1564 года ¹⁾. Для того, чтобы это распоряженіе гетмана получило еще большую авторитетность, король повторилъ его отъ своего имени, приказывая обывателямъ съ ихъ почтами ²⁾ «оказаться» передъ гетманомъ въ назначенный день и «пописаться». При этомъ король просить, чтобы всѣ, кто выставилъ, согласно постановленію Виленскаго сейма 1563 года при каждахъ двухъ пѣшихъ ратникахъ одного пѣшаго съ ручницею, или рогатиною и сѣкирою, сдѣлалъ бы это и теперь. Конечно, король гарантировалъ, что въ пошлину это не пойдетъ и не сдѣлается обычнымъ уже требованіемъ отъ обывателей увеличенія ихъ прежнихъ почтовъ, которые они должны были выставлять для защиты Княжества.

1565-й годъ прошелъ безъ новаго созыва посполитаго рушеня, но въ 1566 году встрѣчаемся вновь съ приказаніемъ короля обывателямъ, чтобы они «в готовности были, маючи кони сыты и всю спижу военъную по готову, и где бы потреба пришла рушеня, жебы ся тымъ ничего не змешкало, але поспешне на отпоръ неприятелеви тамъ тягнули, где збиранью войска месцо назначоно и зложено будетъ». Документъ, выписку изъ котораго мы только что привели, данъ въ Вильнѣ 3 января 1566 года и названъ въ Литовской Метрикѣ листомъ «до всехъ вобецъ о уставе серебщизну и иныхъ платовъ и о готовности на войну» ³⁾. Онъ говоритъ все еще объ исполненіи постановленія Виленскаго сейма 1563 года, сдѣланнаго на три года. Ровно черезъ три мѣсяца послѣ изданія январьскаго распоряженія 1566 года, 3 апрѣля были даны въ Воинѣ «листы, такъ писаны о еханье до Друцка на певный часъ для пописанья се передъ паномъ гетманомъ» ⁴⁾. Этими листами обывателямъ Княжества королемъ объявлялось, что онъ приказалъ наивысшему Литовскому гетману Григорію Александровичу Ходкевичу ⁵⁾, «з людьми пенежными собравшиися на

¹⁾ М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. Стр. 144, 145.

²⁾ Въ Лит. Метрикѣ, какъ образецъ этихъ листовъ королевскихъ, внесенъ листъ его къ чашинику Литовскому, державцѣ Скерстомонскому и Росенискому, пану Матвѣю Петковичу. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 61 об.—63 об.

³⁾ Ibidem, л. 96—99. ⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 102—102 об.

⁵⁾ «пану Виленскому гетману наивысшему великого князства Литовского, старосте Городенскому, пану Григорію Александровичу Ходкевичу». Только въ этомъ (1566) году Ходкевичъ и получилъ великое Литовское гетманство. J. Wolff. Senat. i dign. Str. 150.

местъцу певномъ, положити, о чомъ его милости устная наука» дана королемъ. Далѣе грамота продолжаетъ: «а ижъбы тымъ можней неприятелеви отпоръ вчиненъ, хочечи мы господаръ послкомъ не омешканнымъ к войскамъ нашимъ прибыти, для того, ачъ в статуте новомъ описано, ижъ без уфалы соймовое рушенъе посполитое быти не маеть, а ведже ижъ есмо над первшую уфалу сойму прошлого валного Виленьского, в року 63-мъ вделаную, инъшого постановенья около валки не вчинили и войны, з неприятелем нашимъ великим княземъ Московскимъ зачатое, не успокоили, а иж то о васъ самых, жоны, дети и маетности ваши идетъ, вы бы, о таковыхъ слухахъ небезпечныхъ от неприятеля ведаючи, поготову были, маючи кони сыты, зброю чисту и всю спижу военъную, беручи ся ку войне не на малый часъ; а рокъ збиранью войска и местцо певное кладаемъ у во Друцку в тыждень по святой Троице Римъского свята в року нинешнемъ 66-мъ». Всѣмъ обывателямъ предписывается королемъ не опоздать съѣздомъ къ гетману «для ласки» государевой «и стерегучи повинъности свои, яко о томъ в статуте правъ земъскихъ есть описано». Исключаются изъ общей массы Литовскихъ обывателей, обязанныхъ собраться готовыми къ войнѣ около гетмана, тѣ, кто «за листы» государевыми «сойму належить и хто от повету посломъ обранъ есть». Такіе сами должны ѣхать на сеймъ, назначенный въ Берестѣ, «заступуючи службу военную почтомъ своимъ подле уфалы соймовое и статуту земского».

Берестейскій сеймъ 1566 года вновь постановилъ посполитое рушенъе. Уфала этого сейма гласить, что гетману великому стало извѣстно возвращеніе пословъ королевскихъ изъ Москвы безъ заключенія перемирія. Гетманъ извѣщаетъ, что большія неприятельскія силы должны уже двигаться къ границамъ и тамъ ожидаются. Ввиду новой громадной опасности всѣ Литовскіе станы, спѣша на отраженіе врага, «яко на квалтъ», разѣхались съ сейма, «моцю соймовою» сдѣлавъ уфалу объ оборонѣ и тѣмъ закончивъ сеймъ. Этою уфалою постановлялось, что всѣ обыватели Княжества, обязанные военною службою «посполитымъ рушенъемъ», должны немедленно спѣшить со своими почтами, «яко на квалтъ». Всякій, кто привелъ бы съ собою большій почетъ, чѣмъ это требуется отъ него статутомъ, или кто, совсѣмъ не будучи обязанъ «войны служити», поѣдетъ самъ и приведетъ почетъ, дѣлая это добровольно изъ любви къ отчизнѣ, — всѣ эти добровольныя увеличенія войскъ Литовскихъ будутъ оплачены изъ

тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя будутъ получены скарбомъ отъ взносовъ по пяти копъ съ коня, выбираемыхъ согласно постановленію Виленскаго и Берестейскаго сеймовъ съ лицъ, не ѣздившихъ на прошлыя войны, какъ штрафъ за ихъ неявку. Кромѣ того, такіе добровольные защитники Княжества будутъ награждены еще и королевскою «даниною». Старосты и лѣсничіе также должны лично ѣхать на войну, ведя съ собою почты свои со своихъ осѣлостей и врядовыхъ земель. Поляки и другіе чужеземцы, пріобрѣвшіе выслугою, куплею, черезъ бракъ, или инымъ какимъ-либо способомъ осѣлости въ Княжествѣ, также обязаны лично ѣхать на войну и стать передъ гетманомъ тамъ, гдѣ въ это время «з войскомъ его милость будетъ». Угрозою всѣмъ, не исполняющимъ сеймоваго постановленія о посполитомъ рушеньѣ, является конфискація ихъ имѣній. ¹⁾

Въ декабрѣ того же 1566 года вновь собрался Литовскій вальный сеймъ, на этотъ разъ въ Городнѣ. Однако, ему не суждено было благополучно дойти до своего конца, потому что онъ по королевскому приказанью былъ «выволанъ» до окончанія ввиду новыхъ опасностей, надвинувшихся на границахъ, и послѣ этого сейма осталась поэтому не уфала, а лишь речесъ, отлагающій до слѣдующаго вальнаго сейма окончательное утвержденіе и дополненіе всего еще не рассмотрѣннаго, но предполагавшагося къ рассмотрѣнію ²⁾. Какъ бы то ни было, этимъ Городенскимъ сеймомъ все-таки была постановлена «оборона земъская—выправа ку войне и податокъ на людъ служебный на два года, тепер идучие», т.-е. 1567 и 1568. Размѣры требуемой теперь отъ обывателей военной службы были чрезвычайны, также какъ и въ ближайшіе прошлые годы ³⁾. 15 апрѣля изъ Петрикова были разсланы по

¹⁾ Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 199—200.

²⁾ Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 449—463.

³⁾ «а особливе для таковое жъ войны потужьное постановено и уфалено на томъ же сойме валномъ в Городне, иж, хто повиненъ двухъ коней ку службе военной ставити, ино межи двема конъными пеший третій мает быти и колько тыхъ драбовъ пешихъ поставити; тогда с таковыми броньми мають пешие быти—два з ручницами, третій з рогатиною и з сокирою. А убогая шляхъта, которые людей своих не мають, тые драба ставити и складатися на него не повинни; а которая шляхта мають люди свои по служъбе, або по колку волокъ оселыхъ и дымовъ, тые мають, складатися на драба одного з 20-ти служобъ, альбо волокъ, а з дымовъ сорока. Тые драби мають быти при панехъ своихъ втягненью и на мествъцу у войску, леть часу шиху войска до битвы и ку штурму и до потребъ шанцовыхъ мають быти даваны под

всему великому княжеству Литовскому военные листы, «складаючи рок збиранью войска у Молодечне на день семое субботы теперешнего пришлого свята»¹⁾. Въ этихъ листахъ, такимъ образомъ, мы встрѣчаемся съ призывомъ королемъ обывателей Литовскихъ съ ихъ почтами собраться въ Молодечнѣ въ исполненіе сеймоваго постановленія о посполитомъ рушеньѣ²⁾. Черезъ три мѣсяца послѣ этихъ военныхъ листовъ, въ Кнышинѣ 13 іюля 1567 года были выданы королемъ новые листы по тому же дѣлу, листы «о показанью се на войну, яко до потребности в Молодечне»³⁾. Въ одномъ изъ такихъ листовъ, а именно въ листѣ маршалку, хоружію, землянамъ, дворянамъ и всему рыцарству Городенскаго повѣта⁴⁾ приказывалось королемъ Сигизмундомъ Августомъ ѣхать обывателямъ съ ихъ почтами согласно уфалѣ Городенскаго сейма «до Молодечна, днемъ и ночью, яко на квалтъ поспешаючися». Это

справою и послушенствомъ пана гетмана великого». Кромѣ того, съ мѣсть князей, пановъ духовныхъ и свѣтскихъ и землянъ должны выставить на войну одного пѣхотинца съ ручницею и мечомъ. Живности для трехъ челоуѣкъ долженъ быть возъ одноконный; при возѣ возница «з рогатиною, з сокорою, з рыдлемъ, з мотыкою». Конечно, король грозитъ и наказаніемъ тѣмъ, кто не явится къ гетману: всякій, кто безъ «слушныхъ» причинъ, обозначенныхъ въ статутѣ, не выѣдетъ на войну, держа шляхетское имѣніе, тотъ лишенъ вольностей шляхетскихъ и будетъ наказанъ согласно статуту. Исполнительнымъ же въ этомъ дѣлѣ—«ласка» государева и награда. «Особливе и того есть потреба», говоритъ далѣе королевскій листъ обывателямъ, «абы есте по местехъ, дворехъ и селахъ нашихъ господарьскихъ, воеводствахъ, староствахъ и державахъ (въ подлинникѣ описка—«державцахъ») своихъ охочихъ людей ку службѣ военной якого колвскъ стану вынайдовати велели; такъ же и цыганомъ всимъ дорослымъ, ку бою годьнымъ, яко ся на сойме намовило, рассказали до войска нашего ити, зоставивши жоны и дети звычайемъ ихъ в местехъ и селахъ, где хто до тыхъ часовъ перемешкивали, допустивши жонамъ ихъ живити ся и выробляти, покуля з войска нашего вернуться. А кожъдому таковому охочому всякого народу людемъ», кто только будетъ служить, «з ласки наше нагорода с причиненьемъ учтивости водле кожъдого заслугъ делана будетъ». Дата этого универсала: Кнышинъ, 1 янв. 1567 года.

Лит. Метр. $\frac{\text{Ш А}}{7}$ л. 135 об.—139 об. (Въ пагинаціи книги недосмотръ: листъ 137 отсутствуетъ, а прямо послѣ 136-го помѣченъ 138-й).

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{Ш А}}{7}$ л. 145—148.

²⁾ Образецъ этого листа, приведенный въ Метрику, датированъ Петриковымъ и 14 апрѣля 1567 года. Ibidem, л. 148.

³⁾ Ibidem, л. 150 об.—151.

⁴⁾ Одинаковаго содержанія листы были, конечно, посланы по всѣмъ повѣтамъ.

повелѣніе королевское приказывалось «обволявать» вездѣ, въ городахъ при костелахъ и на торгахъ, и распорядиться этимъ должны были маршалокъ и хоружій. Конечно, въ центральныхъ повѣтахъ эта обязанность должна была лежать не на маршалкѣ, а на воеводѣ, или каштелянѣ. Собраніе войска требовало и обезпеченія его провіантомъ. Съ этою цѣлью также дѣлались соотвѣтствующія распоряженія. Въ Городнѣ 23 августа 1567 года были даны королевскіе «листы до державецъ (о) еханье самыхъ с почты до Молодечна а о проваженье стацыи водле повинности с подданныхъ господарскихъ»¹⁾, въ которыхъ дѣлалось такое распоряженіе.

Мы видѣли цѣлый рядъ постановленій и распоряженій, рисующихъ посполитое рушенъе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ наканунѣ Люблинской Уніи 1569 года. Акты, приведенные или пересказанные нами, имѣютъ, кромѣ того, и одно специальное значеніе для историка: они касаются эпохи, когда какъ разъ вступалъ въ свое значеніе регуляторъ обязанностей и правъ обывателей Литовскихъ тотъ законодательный сборникъ, съ которымъ вступила Литва въ совмѣстную государственную жизнь съ Польшею. Посмотримъ же теперь на то, какъ рисуетъ посполитое рушенъе второй Литовскій статутъ въ посвященныхъ «оборонѣ земской» артикулахъ второго раздѣла.

Основнымъ условіемъ, необходимымъ для того, чтобы подлежать службѣ военной въ посполитомъ рушенѣ, является обладаніе земскимъ имѣніемъ. Князья, паны, духовныя лица, бояре, вдовы, Татары, наконецъ, мѣщане мѣсть королевскихъ обязаны²⁾ «часу потребы» при государѣ, или при гетманахъ государевыхъ «сами особами своими войну служыти и выправовати на службу военную», когда это будетъ нужно и будетъ постановлено сеймомъ Княжества. Но служить лично имѣютъ дѣйствительную возможность далеко не всѣ владѣльцы земскихъ имѣній. Вдовы и малолѣтніе взамѣнъ личной своей службы выставляютъ въ рушенъе «пахолка зо всимъ на добромъ кони», стоящимъ не мѣнѣе восьми копѣ Литовскихъ грошей, и въ очень хорошемъ вооруженіи³⁾. Можетъ случиться также и то, что владѣлецъ не имѣетъ въ своемъ имѣніи столько людей, сколько потребуетъ «устава» сеймовая; такой самъ во всякомъ случаѣ долженъ ѣхать

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 162—162 об.   ²⁾ II ст. II. 1.

³⁾ «Сукня цвѣтная, панцеръ, прилбица, мечъ, павеза, древо съ прапорцемъ цвѣтнымъ».

и служить ¹⁾. Если имѣніемъ владѣютъ нѣсколько братьевъ, не раздѣливъ его между собою, то они должны выбрать изъ своей среды самаго годнаго и, конечно, притомъ совершеннѣшняго, и онъ будетъ служить съ этого имѣнія, какъ идетъ служба со всѣхъ остальныхъ имѣній земскихъ. Не несутъ общей военной повинности лишь владѣльцы имѣній, отданныхъ королемъ имъ въ «заставу», въ залогъ взятыхъ въ долгъ въ казну денегъ. Но не только шляхта, а и мѣщане, по желанію королевскому должны служить войну съ другими обывателями вмѣстѣ, или «выправлять» за себя воиновъ за дозволеніемъ государевымъ. Мы видѣли сейчасъ, что всѣ владѣльцы земскихъ имѣній обязаны были военною службою государству. Но кто же долженъ отбывать и нести ее, если имѣніе отдано въ залогъ? ²⁾ Тутъ обязанность службы зависитъ отъ условій гражданской сдѣлки, передавшей имѣніе въ заставу. Если въ «записѣ» выговорено, чтобы несть земскую службу собственникъ, а не владѣлецъ имѣнія по закладной, то, конечно, послѣдній свободенъ отъ нея и несетъ ее первый. Но если актомъ гражданской сдѣлки этого выговорено не было, то земскую службу съ заложеннаго имѣнія несетъ лицо, владѣющее имъ заставнымъ правомъ. Итакъ, со всѣхъ земскихъ имѣній должна, въ случаѣ надобности, идти военная служба, и лишь владѣльцы государственныхъ имѣній, заставленныхъ имъ по королевскому приказанію за ссуду въ казну, свободны отъ нея по закону. Но кромѣ свободныхъ отъ обязанности военной службы по закону статутъ знаетъ и освобожденныхъ отъ нея королевскими листами ³⁾. Вообще онъ постановляетъ, что государь не можетъ никого освобождать отъ обязанности идти въ посполитомъ ружьѣ и выставлять свой почетъ для борьбы съ врагами Княжества. Онъ не можетъ дѣлать этого, а также отпускать изъ войска ни своимъ «словнымъ розказаньемъ», ни листомъ. Само собою разумѣется, что если статутъ признаетъ это невозможнымъ для короля, то не имѣетъ власти на такія исключенія и гетманъ. Но все-таки есть лица, которыя могутъ быть освобождены отъ войны. Это врядники и слуги, которыхъ государь оставитъ при себѣ для «послугъ» своихъ и «справъ земскихъ», но и они обязаны выправить и выслать, «почты свои водле возможности именей ихъ». Однако, мы видѣли выше, что не только врядники земскіе и слуги государевы

¹⁾ II ст. II. 1.

²⁾ II ст. II. 4.

³⁾ II ст. II. 3.

освобождались отъ обязанности личной службы во время посполитаго рушенья, а были и еще освобожденные отъ нея. Если рушенье совпадало со временемъ собранія сейма, то и послы сеймовые отъ повѣтовъ Княжества и члены сената освобождались отъ нея: ихъ обязанность—присутствовать на сеймѣ и служить государству не мечомъ, а сеймовыми трудами. Старосты и державцы украинные, т. е. управляющіе пограничными замками и землями, конечно, обязаны «часу вальки», какъ и вся остальная шляхта, нести военную повинность со своихъ имѣній. Сами же они, если освобождены отъ личной службы во время войны королемъ, или гетманомъ, высылаютъ все-таки свои почты, «што зъ урядовъ своихъ повинни». Причина этого освобожденія ясна: они нужны на своихъ замкахъ «украинныхъ» для обороны границъ государственныхъ. Не свободны отъ обязанности обороны государства и духовныя лица ¹⁾, если они владѣли «свѣцкими и костелными надаными» имѣніями, съ которыхъ до ихъ перехода въ руки духовенства шла земская военная служба. Со всѣхъ «наданныхъ» въ церковь земскихъ имѣній, равно какъ со всѣхъ, «войнѣ повинныхъ» шляхетскихъ имѣній отдѣльныхъ лицъ, «отчизныхъ, купленыхъ и закупленыхъ», должна идти земская военная служба, и она отбывалась духовенствомъ такимъ образомъ, что съ имѣнія выправлялся слѣдуемый съ него почетъ, а вмѣсто самого владѣльца отправлялся съ нимъ къ гетману «человѣкъ добрый шляхтичъ», нанимаемый за себя владѣльцемъ. Такимъ образомъ переходъ шляхетскаго имѣнія въ руки духовенства и церкви, какъ и въ руки вообще не-шляхты, отнюдь не сопровождался какимъ-либо измѣненіемъ въ несеніи государственныхъ повинностей, которымъ оно подлежало. Литва не знала выхода земли изъ службы, что было такимъ обычнымъ явленіемъ въ землевладѣніи Московской Руси, а потому она и не знала чего-либо вродѣ Московскихъ постановленій XVI и XVII вѣковъ, имѣвшихъ цѣлью прекратить переходъ служилыхъ земель къ монастырямъ и церквамъ, ибо этотъ переходъ «обѣлялъ» самыя земли и дѣлалъ ихъ неслужилыми изъ служилыхъ въ ущербъ интересамъ государственнымъ. Если право полного распоряженія своимъ имуществомъ, дарованное каждому шляхтичу Берестейскимъ сеймомъ 1566 года и бывшее такимъ дорогимъ въ глазахъ шляхты, соблюдалось, какъ основное право свободного обывателя

¹⁾ II ст. II. 9.

Литовскаго, то отъ этого права военные интересы Княжества нисколько не страдали: кто бы ни владѣлъ шляхетскою землею, въ случаѣ нужды государства въ защитѣ всенародной, съ нея встанетъ воинъ въ ряды земскаго ополченія, получившаго въ Литвѣ названіе посполитаго рушенья. Самое рушенье посполитое не можетъ быть постановлено иначе, какъ только вальнымъ сеймомъ ¹⁾. Власть короля съ его панами-радою недостаточна для приказанія всему народу-шляхтѣ вооружиться и выйти со своими почтами на борьбу съ врагами, какъ недостаточна она и для обложенія народа-шляхты серебщиною, или какимъ-либо «поплатомъ». Лишь вальный сеймъ имѣетъ достаточную для этого власть. Но если бы не могло быть сдѣлано исключенія изъ этого статутаго постановленія, государство могло бы иногда оказаться въ невозможности защититься всѣми своими силами отъ врага. Для созыва сейма требуется время; оно нужно и для разсылки сеймовыхъ листовъ по повѣтамъ, и для собранія повѣтовыхъ сеймиковъ, которые по закону должны быть созываемы за шесть недѣль до вальнаго сейма. Въ то время, пока будетъ подготавливаться сеймъ, Княжество можетъ подвергнуться такому разгрому, что и дальнѣйшая его защита можетъ сдѣлаться слишкомъ уже трудною. Поэтому въ томъ случаѣ, если «якое прудкое уторгненъе было се» въ великое княжество Литовское, и безъ сейма, только «за листы» королевскими, а въ отсутствіе короля за листами пановъ-радъ и гетмана великаго Литовскіе обыватели, которые «войны повинны», должны, «яко на кгвалтъ» спѣшить «на часъ и мѣстце назначоное», дѣлая это «зъ милости речы посполитое, боронечы собѣ, жоны и дѣтей, маетности, отчизны свои». Послѣ изданія универсала о созывѣ посполитаго рушенья шляхта должна собираться по повѣтамъ около врядниковъ, спеціально и существовавшихъ для посполитаго рушенья, а именно повѣтовыхъ хоружихъ, маршалковъ и кашталяновъ. Когда король, паны-рада, или гетманъ оповѣстятъ Княжество о посполитомъ рушеньѣ и всѣмъ будетъ «роказано на войну ѣхати» ²⁾, повѣтовый хоружій оповѣщаетъ шляхту своего повѣта и выѣзжаетъ въ поле, куда по его повѣтовому универсалу должна съѣхаться вся шляхта повѣта и сдѣлать это за три дня до выхода рушенья изъ повѣта. День собранія повѣтовой шляхты

¹⁾ II ст. II. 2.

²⁾ II ст. II. 6. Ср. актъ Варшавской конфедераціи 1573 года. Vol. leg. II. Str. 124.

около хоружія не долженъ быть пропущенъ обывателями, и они со своими почтами обязаны собраться около него, не опоздавъ и «не вымовляючися». Подъ повѣтовою хоруговою должна собраться вся шляхта повѣта, въ немъ осѣлая, и не становиться и не «шиховаться» нигдѣ, какъ только около своего хоружія, конечно, «кромъ особнога розказанья гетманскаго». Шляхтичъ, служащій пану-радѣ, вряднику, или кому-нибудь другому, и тотъ долженъ на своемъ мѣстѣ поставить своего брата, родственника, или вообще «такъ добраго шляхту, якъ самъ», притомъ обязанъ это сдѣлать подъ страхомъ лишенія своего имѣнія, находящагося въ повѣтѣ. Въ собраніи рушившейся повѣтовой шляхты князья, паны хоруговныя, маршалки и врядники королевскіе земскіе и дворные должны становиться на своихъ мѣстахъ «подлугъ стародавнаго обычаю» ¹⁾. Что касается до шляхтичей, владѣющихъ имѣніями, лежащими въ различныхъ повѣтахъ, то они и сами становятся, и почетъ свой ставятъ въ томъ повѣтѣ, въ которомъ находится «наиголовнѣйшее имѣніе» изъ всѣхъ, имъ принадлежащихъ ²⁾. Но можетъ случиться, что шляхтичъ заболѣетъ, «немоцью обложною», которая помѣшаетъ ему ѣхать на военную службу. Если онъ имѣетъ взрослога сына, то послѣдній и будетъ служить вмѣсто своего отца; если же взрослога сына у больнаго шляхтича нѣтъ, то онъ долженъ объявить о своей болѣзни хоружію и тремъ шляхтичамъ, которые лично, «очыма своими», удостовѣрятся въ его болѣзни и потомъ «подъ сумненемъ своимъ» доложить о ней королю, или гетману. Когда заболѣвшій шляхтичъ поправится, онъ будетъ обязанъ присягнуть предъ хоружимъ «безъ отступу напотомъ» въ томъ, что онъ дѣйствительно «для правдивое и обложное немоцы не могъ на тую послугу земскую ѣхати». Само собою разумѣется, что почетъ заболѣвшаго выставлялся имъ, несмотря на болѣзнь. Если для удостовѣренія болѣзни рядоваго шляхтича существовалъ только что изложенный порядокъ, то шляхта высшаго разряда, а именно паны-рада, князья паны и всѣ врядники, заболѣвъ, выправляютъ свой почетъ, а послѣ возвращенія рушенья съ войны должны присягнуть передъ гетманомъ, что дѣйствительно были больны. Если кто-нибудь заболѣетъ уже во время войны, онъ долженъ заявить объ этомъ государю, а въ его отсутствіи гетману. Нужно еще прибавить, что отказавшійся отъ присяги,

¹⁾ II ст. II. 7.   ²⁾ II ст. II. 8.

требуемой закономъ для удостовѣренія болѣзни, лишается своего имѣнія, отбираемаго на государя ¹⁾).

Мы видѣли выше, что больной отецъ можетъ за себя выставить въ рушенъе взрослоаго своего сына. Но замѣнять свою личную службу службою своего сына отцу дозволено закономъ и въ то время, когда онъ здоровъ, а не только въ случаѣ болѣзни. Всякій, кто имѣетъ «сына дорослого лѣтъ осмнадцати, а не нижей», притомъ годнаго къ военной службѣ, можетъ выслать его, и этотъ сынъ будетъ «за отца войну службыти» съ отцовскимъ почтомъ, все равно отдѣленъ ли сынъ отъ отца, или нѣтъ. Требуется лишь нѣкоторая формальность для признанія полной законности случаевъ такой замѣны. Отецъ желающій вмѣсто себя выслать на службу своего сына, долженъ привести его вмѣстѣ съ тремя своими сосѣдами-шляхтичами къ хоружію своего повѣта «и ему оповѣдати». Хоружій же, признавъ его годнымъ къ военной службѣ, долженъ «оповѣдати» его гетману при кашталянѣ ²⁾, и гетманъ обязанъ принять его къ «попису» и къ службѣ государевой ³⁾.

Конечно, шляхта должна быть исполнительною и аккуратною въ дѣлѣ несенія своей земской повинности и сбора на войну. Кто «замѣшкалъ року», назначеннаго королемъ или панами-радою для собранія войска, или кто не сталъ передъ гетманомъ въ день, имъ назначенный, всѣ такіе вносятся по приказанію великаго гетмана въ особый реестръ, и гетманъ докладываетъ королю, кто и на сколько времени опоздалъ. Всѣ виновные въ опозданіи наказываются такимъ образомъ, что гетманъ посылаетъ ихъ на границы, или въ такія мѣста, гдѣ будетъ нужда для государства въ военныхъ силахъ, и тамъ они будутъ обязаны служить двойнымъ почтомъ и вдвое больше времени, чѣмъ то, на которое они опоздали ⁴⁾.

Когда шляхта собралась около хоружія своего повѣта, онъ долженъ имѣть о каждомъ шляхтичѣ «добрую вѣдомость и печу» и долженъ отправиться вмѣстѣ съ нею къ повѣтовому маршалку, если рѣчь идетъ о нецентральныхъ повѣтахъ воеводствъ Литовскихъ, и къ кашталяну, если дѣло происходитъ въ центральномъ. Разумѣется, эта встрѣча съ маршалкомъ, или кашталяномъ должна быть заранѣе точно опредѣлена въ своихъ времени и мѣстѣ. Съѣхавшись съ кашталяномъ, или маршалкомъ, смотря по тому,

¹⁾ II ст. II. 11.

²⁾ Въ нецентральныхъ повѣтахъ, конечно, при маршалкѣ.

³⁾ II ст. II. 12.   ⁴⁾ II ст. II. 13.

къ кому изъ нихъ велъ повѣтовую шляхту хоружій, онъ долженъ ему передать приведенную шляхту и дать отчетъ, «если все сполна, албо и хто есть. . . » Когда хоружіе повѣтовъ воеводства приведутъ свою шляхту къ своимъ маршалкамъ и кашталяну, тогда рушившіеся повѣты направляются къ своему воеводѣ, идя уже «подъ кашталяною, або маршалковою справою». Добравшись до воеводы, кашталянъ, или маршалки, съ хоружимъ своего повѣта каждый, сдаютъ приведенную шляхту воеводѣ, при этомъ докладывая ему, «кого нѣтъ, а за чимъ гдѣ». Теперь уже воевода станетъ во главѣ шляхты всѣхъ повѣтовъ своего воеводства, приведенной маршалками и кашталянами вмѣстѣ съ повѣтовыми хоружими. Онъ поведетъ ее вмѣстѣ съ кашталянѣмъ, маршалками и хоружими на мѣсто, назначенное королемъ или панами-радою съ великимъ гетманѣмъ. Когда такимъ образомъ соберется около гетмана шляхта всѣхъ воеводствъ Княжества, она должна становиться не въ безпорядкѣ, сбившись въ одну общую массу, а по воеводствамъ, становясь каждая около своего воеводы, «будучи въ послушенствѣ и справѣ панѣмъ воеводѣмъ своихъ». При этомъ и повѣты не должны сбиваться въ общую безпорядочную массу воеводской шляхты: «станъ свой повѣтники на войнѣ при хоружомъ у-въ одномъ мѣстцѣ мають мѣти, а не розно»¹⁾. Съ другой стороны становиться и слишкомъ далеко отъ гетмана также никто не имѣетъ права. Не больше мили разстоянія должно отдѣлять отдѣльныя части войска отъ гетмана, и никто не можетъ «далѣй мили» отъ него становиться, «але такъ яко имѣводлѣ потребности часу панъ гетманъ роскажетъ»²⁾. Стоя во главѣ шляхты своего воеводства, воевода долженъ не только заботиться о ней самой, но наблюдать и за тѣмъ, чтобы она въ дорогѣ и въ станѣ никому не дѣлала насилій и не причиняла убытковъ, но кормы себѣ и конямъ своимъ покупала, притомъ «торгомъ, а не уставою». Виновный въ причиненіи убытковъ другимъ обывателямъ подлежить суду воеводы, или кашталяна, но, конечно, лишь до тѣхъ поръ, пока не стали воеводы подъ команду гетмана, приведя къ нему свои воеводства, такъ какъ гетманъ самъ держалъ въ своихъ рукахъ всю юрисдикцію въ своемъ станѣ. Творя свой судъ во время похода, воеводы и кашталяны сразу присуждаютъ убытки и производятъ «отправу на винномъ и на маетности его» безъ всякой проволочки. Ихъ шляхта, «повѣтники»,

¹⁾ II ст. II. 10.

²⁾ II ст. II. 29.

обязаны быть въ полномъ повиновеніи у нихъ, а непослушные и противящіеся ихъ приказаніямъ должны также подвергаться ихъ немедленному суду и наказанію, которое будетъ наложено на нихъ судомъ воеводы, или кашталяна.

Такъ вели свою шляхту воеводы къ гетману, сами управляя ею военною властью во время посполитаго рушенья до прибытія въ гетманскую ставку. Когда собралась шляхта въ гетманской ставкѣ, она должна «пописаться», т.-е. гетманскіе писари должны записать въ свои реестры всѣхъ, явившихся на военную земскую службу. Попись долженъ дѣлаться настолько подробный, что гетманъ долженъ «каждого коня въ шерсть написать и петно, которое будетъ на кони, въ реестръ намалевати»¹⁾. Отъ попису писари гетманскіе должны брать за свой трудъ по поль-гроша отъ коня, но этотъ взносъ полагается съ шляхты лишь тогда, когда войско собирается; когда же попись производится передъ распущеніемъ войска гетманомъ, послѣдній и его писари не должны брать за него со шляхты ничего «подъ ласкою» государевою, хотя войско и распускается гетманомъ «зъ реестру» этого пописа²⁾. Послѣ пописа собравшіеся обыватели вмѣстѣ со своими почтами подлежатъ «шиху», т.-е. смотру³⁾ и послѣ него обязаны служить военную службу при королѣ, или при гетманѣ на тѣхъ же коняхъ и «съ тѣми зброями», съ которыми были на пописѣ и шихѣ, вплоть до распущенія войска. Уѣхавшій изъ войска, хотя и послѣ пописа, но безъ разрѣшенія и вѣдома гетмана, или отпустившій хотя часть своего обязательнаго почта домой, лишается своего имѣнія, все равно какъ и не служившій войны. Но кромѣ людей, обязанныхъ военною службою по своей осѣлости, въ рядахъ посполитаго рушенья стояли неосѣлые наемники, которые наняты обывателями за себя, или и при себѣ къ своимъ почтамъ. Если уйдетъ изъ войска такой неосѣлый, онъ «честь свою тратитъ такъ, якобы зъ войны утекъ»⁴⁾. Грозя наказаніемъ за самовольный отъѣздъ изъ войска, статутъ строго караетъ и бѣглецовъ съ битвы. Убѣжавшій съ битвы въ первый разъ наказывается лишеніемъ имѣнія, бѣжавшій же вторично «почтивость свою тратитъ» по приговору (выроку) государеву, произносимому «за слушнымъ доводомъ отъ гетмана»⁵⁾. Но не одно бѣгство съ поля битвы, или изъ военного стана является тяжкимъ государствен-

1) II ст. II. 10.

2) II ст. II. 16.

3) *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 413.

4) II ст. II. 10.

5) II ст. II. 14.

нымъ преступленіемъ обывателя во время посполитаго рушенья. Статутъ предвидитъ и другія. Прежде всего изъ нихъ онъ упоминаетъ о ссудѣ оружія и всякой брони однимъ шляхтичемъ другому въ войскѣ. Если будетъ доказана такая ссуда, клонящаяся къ обману правительства, то сдѣлавшій ее карается конфискаціей всего его «статка»¹⁾, который отбирается гетманомъ на государя. Тотъ же, кто совершитъ это преступленіе вторично, наказывается смертию, «яко омылный слуга речы посполитое»²⁾. Кромѣ того, могутъ во время похода совершаться наѣзды на дома обывателей и опустошеніе ихъ угодій. Будутъ ли они причинены кѣмъ-либо изъ рушившихся обывателей другому обывателю, стоящему въ тѣхъ же рядахъ вооружившагося народа-шляхты, или сдѣланы по отношенію къ владѣльцу просто встрѣтившейся случайно на пути и привлечшей почему-либо къ себѣ вниманіе проходившаго шляхтича земли — виновный платитъ «кгвалтъ и шкоды», конечно только «за слушнымъ доводомъ», а не иначе³⁾. Но не одни грабежи случалось дѣлать шляхтичамъ и ихъ почтамъ во время посполитаго рушенья. Ненависть, расчетъ, или, наконецъ, случайная ссора могли оказаться причиною убійства, или пораненія того, или другого лица, стоявшаго на службѣ военной государевой. Если преступленіе (убійство, или пораненіе) совершилось и доказана виновность преступника, онъ наказывается смертию; если же онъ не ранилъ, а лишь ударилъ, или, надо думать, пытался это сдѣлать⁴⁾, такого гетманъ наказываетъ самъ «водлѣ баченья своего»⁵⁾. Въ числѣ преступленій, которыя могутъ совершаться въ войскѣ, статутъ считаетъ и задержку у себя коня «блудяги». Согласно статуту, никто во время посполитаго рушенья не можетъ у себя держать отставшаго отъ господина коня долѣе, чѣмъ до утра слѣдующаго за поимкою его дня⁶⁾. Кто продер-

¹⁾ Третій статутъ (III ст. II. 15) говоритъ объ этомъ яснѣе—«статокъ позычонный», т. е. все, данное въ ссуду.

²⁾ II ст. II. 15.   ³⁾ II ст. II. 20.

⁴⁾ Въ текстѣ стоитъ: «а хотя и не ударилъ». Въ III-мъ статутѣ: «а хотя и не ударилъ, але словы неучтьстивыми соромотилъ, або шкоду якую учинилъ». Мы не рѣшаемся ввести эти слова въ наше изложеніе текста II-го статута, такъ какъ они, вѣроятно, были вставлены лишь при «поправѣ» статутовой. Въ рукописномъ экземплярѣ II-го Литовскаго статута, хранящемся въ Имп. Публ. Библ. подъ номеромъ F. II. № 34, этой вставки III-го статута нѣтъ.

⁵⁾ II ст. II. 23.

⁶⁾ Конецъ 27-го артикула II-го раздѣла статута, который мы пересказываемъ въ текстѣ, такъ искаженъ въ изданіи М. Общ. Исторіи и древностей Росс.

жить его у себя дольше, т.-е. послѣ исхода первой, наступившей послѣ поимки ночи, тотъ долженъ считаться преступникомъ. Найденнаго коня, равно какъ всякую другую находку, сдѣланную въ обозѣ, нашедшій, не теряя времени, обязанъ представить къ гетману. Гетманъ прикажетъ о находкѣ «въ обозѣ закликати», а за найденнаго коня гетманъ «не маеть казати» нашедшему братъ болѣе гроша ¹⁾). Вообще, становясь подѣ начальство гетмана, шляхта посполитаго рушенья обязана повиноваться ему въ его распоряженіяхъ. Если гетманомъ, или государемъ будутъ отдѣлены части рушенья для отдѣльныхъ дѣйствій, нужныхъ въ данное время, эти части должны подчиняться назначеннымъ надъ ними гетманомъ или королемъ начальникамъ, а эти «старшіе оные справцы, роспущаючи людей, и такъ же ся, яко панъ гетманъ заховывати мають» ²⁾).

Становясь въ ряды войска государева, шляхта стоитъ въ нихъ рядомъ съ наемными жолнерами, обученными военному дѣлу войсками, служащими государству за деньги. На жолнерахъ лежали обыкновенно и обязанности карауловъ, къ которымъ, надо думать, они были и болѣе пригодны, чѣмъ рушившаяся шляхта, вслѣдствіе несравненно лучшей военной выправки, опытности и дисциплины. Но и шляхта не должна была отказываться отъ сторожевой службы во время похода, и статутъ прямо требуетъ ея отъ вооруженныхъ обывателей въ томъ случаѣ, если въ войскѣ не будетъ жолнеровъ, такъ какъ это «не чья иная потреба и безопасность, одно ихъ властная» ³⁾).

Таковы требованія статута отъ шляхты великаго княжества Литовскаго въ дѣлѣ защиты государства отъ враговъ его посполитымъ рушеньемъ. Но не только въ то время, когда разразилась война и требуется немедленная защита отчизны «персями» ея сыновъ, могъ созвать король военнымъ собраніемъ народъ-шляхту Княжества. Созывъ вооруженной шляхты съ ея почтами, готовыми для войны, законъ разрѣшалъ королю дѣлать и во время мира, «часу покою», если онъ считалъ нужнымъ это сдѣлать. Въ такомъ случаѣ король своими листами назначаетъ обывате-

---

(Временникъ. ХХШ), что мы считаемъ нужнымъ привести его изъ рукописнаго экземпляра статута 1566 года, хранящагося въ Имп. Публ. Библиотекѣ (Ф. П. № 34): «а гетманъ нашъ маеть заказать отъ блудяг болшы не брать толко отъ коня грош, а о иншыя речи въ обозѣ гетманскомъ закликати, а тое, што знашоль, маеть до пана гетмана отдати».

¹⁾ П ст. П. 27.   ²⁾ П ст. П. 17.   ³⁾ П ст. П. 19.

лямъ Княжества день, въ который всѣ, «хто водлугъ уфалы земское службыти войну повиненъ», должны явиться и «пописаться» въ судовыхъ повѣтахъ. Являются и подвергаются «попису» обыватели предъ воеводами (въ землѣ Жомоитской—передъ старостою Жомоитскимъ, имѣющимъ въ этой землѣ значеніе воеводы) въ центральныхъ повѣтахъ и старостами судовыми въ повѣтахъ судовыхъ. Вмѣстѣ съ ними выставляютъ свои почты и сами воеводы и старосты. При этомъ, разумѣется, соблюдается и то, чтобы лица, владѣющія имѣніями, находящимися въ разныхъ повѣтахъ, «показывали» и «пописывали» свои почты со всѣхъ своихъ имѣній при главнѣйшемъ. Сборъ шляхты для пописа сейчасъ же ставитъ и вопросъ объ ея содержаніи и снабженіи провіантомъ во время съѣзда, и статутъ требуетъ, чтобы собравшіеся покупали себѣ «живность» не уставою, т.-е. не по обязательнымъ установленнымъ цѣнамъ, но «торгомъ», т.-е. по соглашенію съ продающими. Отъ такихъ пописовъ, совершаемыхъ въ мирное время по королевскому приказанію, съ обывателей не должно взиматься никакой платы ¹⁾.

Вотъ постановленія статута о сборѣ посполитаго рушенья, этого всенароднаго шляхетскаго войска носившаго въ себѣ древнюю идею вооруженнаго народа, всею своею массою становившагося на защиту родины, выражавшуюся и въ земскомъ ополченіи Русскихъ удѣльныхъ княжествъ, и въ народной борьбѣ Литовцевъ до великокняжеской эпохи съ ихъ врагами, Поляками, Русскими и Нѣмцами, «законниками»-рыцарями. Но, конечно, жизнь вносила свои ослабленія въ тугія пружины, поставленныя закономъ въ организацію посполитаго рушенья, и далеко не такъ стройно и въ такомъ порядкѣ, какъ требовалъ статутъ, собиралось, передвигалось и дѣйствовало оно. Въ самомъ дѣлѣ, королевскіе листы, данные въ Радошковичахъ 10 декабря 1567 года и разосланные по всему Княжеству ²⁾, прекрасно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Такъ, въ листѣ, посланномъ въ Минскій повѣтъ ³⁾, король говорилъ: «то пак маемъ ведомость, ижъ многие с того повету на войну не выехали, а иные, толко пописавшися, з войны проч ехали, в недбалост вину статутовую и уфалу соймовую по-

¹⁾ П ст. П. 28.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 172 об.—173 об.

³⁾ По образцу этого листа были написаны листы и во всѣ остальные повѣты.

ложили; про то, хочечи, абы ся нихъто того важити не смель, будучи намъ се зде у Радошковичахъ, с паны-радами нашими ихъ милостью в томъ зостановене есмо такимъ обычаемъ вчинили, ижъ в кожъдомъ повете посланец, на то отъ нас посланый, маеть выведатися от бирчихъ тогожъ повету под ихъ повинностью и верою ку намъ господару и от ыншихъ врадниковъ и суседовъ, хто бы, повинен будучи войну служити, яко в статуте и уфале сойму Городенского описано, в дому зосталъ, або выехавши и пописавшися в реистръ гетманьский и не дожъдавши шиху, або и по шиху отехалъ, альбо почоть отослалъ, не жъдучи роспушенья войска з войны, такового кождого именья со вьсимъ маеть взяти ку рупе нашей господарской и где бы у другихъ поветехъ именья мел, тогды маеть ¹⁾ ознаймовати один другому посланец, абы ся в нихъ увязывали, а увезавшися мають подавати посланъцы старостамъ и державцамъ нашимъ, где ближей будетъ ку рупе нашей господарской» ²⁾. Передача эта, конечно, сопровождалась извѣстными формальностями и выдачею реестровъ отобраннаго имѣнїя.

Подводя итогъ подъ изложеннымъ о посполитомъ рушеньѣ, мы должны признать, что оно имѣло вполне опредѣленныя черты и значеніе въ эпоху, когда великое княжество Литовское соединялось съ Польшею Люблинскимъ договоромъ 1569 года. Прежде чѣмъ говорить о посполитомъ рушеньѣ въ эпоху послѣ 1569 года, познакомимся съ другимъ видомъ государственной повинности,

¹⁾ Въ рукописи описка—«маемъ» вмѣсто «маеть».

²⁾ «а которого часу ему подано и с чимъ подасть, того посланецъ реистръ старосте маеть дати, а от старосты себе такъже реистръ противний взяти, а староста вжо маеть нам господару ознаймити, которого часу ему подано, ижъбы посланцы не задерживали при себе именья, увезавшися. А хто бы посланъцу нашему спротивился и не поступил увязанья в ыйменя, тотъ маеть быти, яко противникъ, горломъ каранъ. Якожъ мы посылаемъ в тотъ поветъ Менский (чистое мѣсто для имени посланца), росказавши ему в том, яко вышей поменено, водлугъ уфалы и статуту заховатися под его телесною присегою, которую на тую справу намъ господару вделалъ, ижъбы а ни по дорочах, а ни по приязни, а ни для жадное речи таковымъ непослушнымъ в службѣ речи посполитое фолкги не делалъ, бо где бы ся иначе показало, тогды посланецъ маеть быти каранъ, яко кривоприсяжъца, такъже и за неотданье податъковъ, вземши от бирчихъ ведомость, томужъ посланцу нашему увязыватися в ыйменя казали есмо водле уфалы соймовое, о чомъ ведаючи, абы каждый сему росказаню и тому посланъцу нашему спротивитися не смел, стерегучися срокгости права и всего того, яко в сем листе поменено».

которой подлежали шляхетскія земскія имѣнія въ годы, предшествовашіе заключенію Люблинской Уніи. Какъ и посполитое рушенъе, «серебщизна», денежный поборъ съ шляхетныхъ обывателей, назначалась не иначе, какъ сеймомъ. Сеймъ 1563 года, постановившій посполитое рушенъе, постановилъ и серебщизну. Въ исполненіе этого сеймоваго постановленія были посланы 15 іюля 1563 года съ дворяниномъ Теодоромъ Каменицкимъ королевскіе листы, между другими, и къ Жомоитскимъ тивунамъ, такъ какъ серебщизна была постановлена не только съ обывательскихъ, но и съ королевскихъ земель ¹⁾. Размѣръ побора былъ такой: съ каждой сохи, воловьей и конской, «по полукопю» грошей. а съ полсохи, т.-е. съ одного вола, или одной лошади, по 15 грошей. «А хто бы воловъ а ни кляч не мел, тогда зъ земли супольное служъбу, которую пашуть, по петнадцати грошей», съ огородника по 5 грошей, а въ городахъ съ людей, не имѣющихъ ни пашни ни огородовъ, отъ воротъ по 3 гроша. Днемъ «однесенью и отданью» этой серебщизны было назначено 8 сентября 1563 года, праздникъ «Нароженя Панны Марии». 3 января 1566 года снова былъ данъ въ Вильнѣ королевскій универсалъ о серебщизнѣ—«лист до всехъ вобецъ о уставе серебщизну и иныхъ платовъ и готовности на войну» ²⁾. Въ этомъ универсалѣ ³⁾ король объявлялъ, что на

¹⁾ «Тивуну земли Жомоитской волости Дирманьской Яну Крадовскому. Ижъ для потребы речи посполитое уфалили и постановили есьмо серебщизну, яко съ подданныхъ нашихъ, такъ зъ людей князьскихъ, паньскихъ и духовныхъ...» Лит. Метр. $\frac{\text{Ш А}}{7}$ л. 13—14.

²⁾ Ibidem. Л. 96—99.

³⁾ Въ Метрикѣ Литовской, какъ образецъ, приведенъ листъ въ Кіевскій повѣтъ. Его начало не совсѣмъ обычно, почему приводимъ его (послѣ титула): «Княземъ, паномъ, воеводамъ, старостамъ, кнегинямъ, панямъ, державцамъ, вдовамъ, хоружимъ, бояромъ и двораномъ нашимъ, Татаромъ и всякого стану подъданымъ нашимъ, тымъ, которые оселости свои иминья подъ правомъ земьскимъ в повете Кіевьскомъ мають, стану такъ духовного, яко и свецкого у границахъ, нижей писаныхъ, то есть, почавши от Гонъчарихи у Случь, а Случью на долъ Чоръторый пани Семашковое старостиное Кремянецкое, а оттоль до Колодезное Селаша Улина и далее Случью до Каменого села Бабиньского в границу Дубровицкую, держачи поправи повет Кіевьскій, а полеве Пиньскій, Дубровицкій кгрунтъ, а Дубровицкою границю аж до устья реки Убортине, займующи кгрунтътовъ Городецкихъ и Туровскихъ аж до Мозырской границы, держачи по Уборти по праве села бискупи и каноницкие до Припети Мозырскою границю до Брагинское границы, а Брагинскою границю до Днепра, по левой стороны пуцаючи волость Речицкую до Любеча, а зъ Любеча внизъ Днепромъ по обема сторонамъ Днепра,

засѣдавшемъ тогда Виленскомъ сеймѣ, «будучи водле звыклого обычаю панове-рады» государевы «духовные и свецкие, князи, панове и вси врадники земьские и дворные и все рыцарство, сойму належачие, везваны, донесли» королю просьбу о томъ, чтобы «сфолкгованье подданымъ было въ третей серебрящине, которая уфалена была на прошломъ вальномъ сойми ¹⁾ на три лета». Серебщизна эта, какъ мы уже видѣли выше, была установлена въ размѣрѣ полу-копы грошей съ сохи и должна была быть внесена на день Рождества Богородицы. Кромѣ податка за 1565 годъ не всѣ еще внесли и податокъ за 1563 и 1564 года. Давая приказаніе, чтобы всѣ эти податки были выданы сполна всѣми станами на срокъ черезъ три недѣли послѣ Рождества Христова 1565 года, король повелѣваетъ обывателямъ распорядиться, чтобы врадники, или слуги ихъ, отдавая этотъ податокъ, присягали передъ бирчими земскими въ томъ, что «за вшкоженемъ подьданныхъ не могъ vybrати серебрящины такъ сполна, яко першого року выбралъ». Тотъ же, кто не отдалъ серебрящины еще за 1563 годъ, «абы и тепер тую серебрящину сполна выдалъ за присегою жъ, ижъ у в ономъ року не болшь, але такъ много серебрящины з людей его приити мело, яко тепер серебрящину даетъ». Точно также и тотъ, кто не выплатилъ еще серебрящизны за второй годъ ея сбора, т.-е. 1564-ый, долженъ присягнуть, что съ него дѣйствительно слѣдовало ея именно столько, сколько онъ вноситъ въ данную минуту. Но Виленскій сеймъ 1565—1566 годовъ, исходатайствовавъ согласіе короля на нѣкоторое облегченіе неимущихъ обывателей, прибавилъ еще новый поборъ для покрытія военныхъ расходовъ. «А к тому еще болший почоть служебныхъ причиняючи, вси станы» согласились постановить «поголовный платъ» со своихъ подданныхъ, какъ мѣщанъ, такъ сельчанъ, огородниковъ и паробковъ. И съ государевыхъ, и съ обывательскихъ (духовныхъ и свѣтскихъ) мѣщанъ, «которые ганьдлюють и ремество вживають с кожъдого домового господара, братьи и суседовъ отъ головы» по 6 грошей, отъ ихъ женъ и дѣтей также по 6 грошей съ головы; съ шинкаровъ и

ажъ до реки Десны, до Остра, оттоль до Киева Днепромъ до Ловъ до Черькасъ и Канева и до Белой Церкви, оттоль черезъ поле просто межи Слободиць и Пыкова, ажъ до тоежъ пяты могилы Гончарихи. А в тых же границах войтомъ, бурмистромъ, радцамъ и всимъ мещаномъ и тежъ жидомъ и Татаромъ...»

¹⁾ Т.-е. на сеймѣ 1563 года.

перекупниковъ съ головы по 4 гроша, а со всѣхъ остальныхъ мѣщанъ, которые живутъ въ городѣ, но «торговъ, гандлевъ, перекупничества и шинку не вживають», по 3 гроша. Съ наймитовъ, «зъ ихъ властного мыта, або найму», господа ихъ должны выдать по 3 гроша. Съ «людей волочащихъ, которые безъ службы мешкають, и тежъ зъ медведниковъ, дудниковъ, скрипниковъ и съ каждого гудка и иныхъ, въ местехъ мешкающихъ, хто службы певное не маеть», со всѣхъ такихъ, съ ихъ женщинъ («белыхъ головъ») и дѣтей взимается по 8 грошей, а съ жидовъ, какъ осѣлыхъ, такъ и прїѣзжихъ, «въ чьемъ кольвекъ именью будутъ», съ мужчинъ, женщинъ и дѣтей—по 15 грошей отъ головы, а съ ихъ слугъ и челяди, «не жидовъ, наймитовъ и найминокъ, которыхъ въ домехъ своихъ для послугъ ховають»,—по 2 гроша отъ головы. Съ Татаръ, «которые войны не служатъ, а ремесствомъ, фурманствомъ и иными речъми живяться» должно идти по 10 грошей съ человѣка, а съ женъ и дѣтей ихъ по 5 грошей ¹⁾. Со всѣхъ волостныхъ и сельскихъ людей, съ каждой головы «музъское и женъское и тежъ коморниковъ, або суседовъ, наймитовъ ²⁾, найминокъ и детей ихъ» идетъ по 2 гроша, а съ людей «воль», какъ государевыхъ, такъ и обывательскихъ ³⁾—отъ головы по 5 грошей; съ огородниковъ по 1, съ челяди невольной, «которые дома и присевки свои мають», по 5 пенезей отъ головы, съ челяди же невольной, не имѣющей домовъ и присѣвковъ, а живущей «на месечине, на хлѣбе въ домахъ шляхетскихъ», не взимается ничего. Точно также не подлежатъ уплатѣ податка за себя, своихъ женъ и дѣтей путные бояре. Они платятъ поголовный поборъ лишь «отъ людей наймитовъ, найминокъ своихъ» по 2 гроша отъ головы, а съ невольной своей челяди—по 5 пенезей. Что касается до землянъ-шляхты, не имѣющихъ своихъ подданныхъ, то они не должны со своихъ наймитовъ, найминокъ и невольной челяди платить ничего. Изъ этого податка «выняты особы стану духовного и люди народу шляхецкого, которые войну служатъ», а также дѣти, «въ персей будучие».

¹⁾ «а тые Татарове, которые службу земъскую, або зъ датъку пановъ своихъ служатъ и на войне бывають, таковые зъ людей своихъ такъже ровный податокъ, яко и шляхетские подданные повинни дати».

²⁾ Въ рукописи описка—«наймитомъ» вмѣсто «наймитовъ».

³⁾ «а зъ людей воль нашихъ господарскихъ, такъже князскихъ, паньскихъ, землянскихъ, духовныхъ и свецкихъ, которые, хотя воли не выседали, але якихъ-кольвекъ пожитковъ вживають, съ каждое головы по 5 грошей...»

Таковъ былъ поборъ, наложенный на Литовскихъ обывателей сеймомъ 1565—1566 годовъ. Если послѣ выдачи податка окажется, что на наемныя войска денегъ нужно больше, чѣмъ далъ поборъ, тогда на повѣтовыхъ сеймикахъ, которые только что учреждены Сигизмундомъ Августомъ въ Княжествѣ, «вземъши от бирчихъ земскихъ ведомость, маеть быти ешче половица того податку, вышей помененого, съ кождое головы выдано» ¹⁾. Повѣтовые бирчїе ни подѣ какимъ видомъ не должны освобождать отъ этого податка никого изъ обывателей, сами же за пять недѣль «отъ новаго лета, в року нине идучомъ» 66-мъ должны передать собранныя ими деньги бирчимъ земскимъ, т.-е. архидьякону Маковецкому и Градовскому, принеся при этомъ свою присягу. «Отъ квитовъ», росписокъ, выдаваемыхъ повѣтовыми бирчими шляхтѣ, они не должны брать себѣ никакой платы, а вознагражденіе имъ должно идти изъ денегъ, собранныхъ тѣмъ же податкомъ. ²⁾.

Такъ рисуютъ акты сборъ серебщизны, установленной на три года Виленскимъ сеймомъ 1563 года. Городенскій сеймъ 1567 года, не доведенный до конца за разбѣздомъ ввиду военныхъ опасностей съѣхавшихся на него обывателей и оставившій послѣ себя лишь рецессъ, передающій довершеніе его дѣла и занятій слѣдующему ближайшему сейму, все-таки успѣлъ наложить на Княжество новую серебщизну. 28 ноября 1567 года были даны Сигизмундомъ Августомъ въ Радошковичахъ листы «о даванье серебщизны водле уфалы на сейме Городенском» ³⁾, разосланные

---

¹⁾ «на часъ, листы нашими назначоный, который же податокъ на теперешнемъ сойме уфаленом безъ каждаго мешканья до тыхъ бирчихъ поветовыхъ отнесенъ и отданъ быти маеть черезъ вранниковъ и слугъ вашихъ народу шляхецкого, а которые таковыхъ вранниковъ и слугъ народу шляхецкого не мають, тые сами отдати и при отданью того податку передъ тыми жъ бирчими присягу вчинити мають...»

²⁾ Это вознагражденіе («на страву») было опредѣлено въ двѣ копы съ каждаго ста копъ грошей собраннаго податка. Заканчивается документъ слѣдующими словами: «к тому хотимъ мети (и) приказуемъ вамъ, ижбы есте в готовности были, маючи кони сыты и всю спижу военъную по готову, и где бы потреба пришла рушеня, же бы ся тымъ ничего не змешкало, але поспешне на отпоръ неприятелеви тамъ тягнули, где збиранью войска месцо назначоно и зложено будетъ».

³⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 168 об.—171.

по повѣтамъ великаго княжества Литовскаго. Въ нихъ ¹⁾ объявлялось, что на Городенскомъ сеймѣ 1567 года былъ постановленъ «цвнный податокъ серебъшчизный», на оборону государства отъ Москвы «водле достаточного описанья и ознайменья в реще, з сойму Городеньского выданого». Первый податокъ, согласно сеймовому постановленію, долженъ быть выданъ «в десети неделяхъ» послѣ «выволанья», т.-е. окончанія Городенскаго сейма, срокъ же второму былъ назначенъ сеймомъ — «отъ свята Трех Крелевъ в року близко пришломъ» 68-мъ за 12 недѣль. Но въ Лебедевѣ «при бытности» государевой «все станы, до войска се зъехавши а великие и квалтовные налеглые потребности земьские бачачи и хотечи людей служебныхъ для потужнейшее войны: задержати», сами всѣ «с призволенемъ» государевымъ «уфалили и постановили» измѣнить срокъ для отдачи этого второго податка. Рѣшено было, ввиду необходимости скорѣйшей уплаты наемнымъ войскамъ ихъ жалованья, перенести день уплаты съ 1568 года на 1567 и выдать его передъ Рождествомъ Христовымъ этого года, сокративъ, такимъ образомъ, время его выдачи на цѣлыя три мѣсяца. Благодаря лишь этому постановленію, удалось сохранить «людей служебныхъ при службѣ земьской». Они ожидаютъ уплаты своего жалованья и, если ея не послѣдуетъ, «далей жаднымъ обычаемъ служити не хочуть». Требованіе наемнымъ войскомъ жалованья было, очевидно, очень настойчивымъ, если даже многіе паны-рада, «упевняячи некоторыхъ ротъмистровъ, сами имъ заплату пенезей на роты ихъ прирекли», пообѣщали. Они прямо со своихъ имѣній передадутъ ротмистрамъ слѣдующій съ нихъ податокъ, дѣлая это «для поспешнейшее людемъ служебнымъ заплаты», и, конечно, повѣтовые поборцы не должны съ нихъ требовать вторичной уплаты въ свои руки податка. Поборцы должны въ такомъ случаѣ принимать отъ нихъ «квитъ ротмистровъ», росписку въ полученіи денегъ, вмѣстѣ «зъ реистромъ» землевладѣльца, «якъ податокъ зъ ыменя своего выбралъ», считая эту росписку совершенно равною по значенію съ наличными деньгами, слѣдующими съ нихъ въ качествѣ побора.

¹⁾ Какъ образецъ этихъ листовъ, въ Метрицкѣ находится листъ въ Лидскій повѣтъ—«княземъ, паномъ, воеводамъ кашталянномъ, маршалкомъ, старостамъ, державцамъ, врадникомъ поветовымъ, кнегинямъ, панямъ, земляномъ, бояромъ и двораномъ нашимъ и всимъ станомъ духовнымъ, которые именья и оселости свои во въсемъ окрузе повету Лидского мають». Ibidem, л. 170. Документъ изданъ М. К. Любавскимъ. Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. Стр. 192—194.

Въ іюль 1568 года состоялась уфала Городенскаго вальнаго сейма, послѣдняго отдѣльнаго сейма Литовскаго ¹⁾. На этомъ сеймѣ былъ постановленъ податокъ на наемъ и содержаніе жолнеровъ, — «место рушенья посполитого» ²⁾. Въ исполненіе этого сеймоваго постановленія были даны въ Кнышинѣ 8 іюля того же года королевскіе листы въ повѣты «о податокъ, на сойме Городеньскомъ в року 68 уфаленый» ³⁾.

Итакъ, въ эпоху наканунѣ Люблинской Уніи 1569 года земская повинность шляхты Литовской состояла въ ея службѣ въ посполитомъ рушеньѣ для защиты отечества противъ внѣшнихъ враговъ и въ уплатѣ податковъ, серебщизны, которая налагалась на шляхетскія осѣлости также для цѣлей обороны государственной. Такимъ образомъ, можно сказать, что единственною «повинностью» шляхты Литовской наканунѣ вступленія ея въ совмѣстную политическую жизнь со шляхтою Польскою была «оборона» Княжества отъ его враговъ. Въ зависимости отъ обстоятельствъ и степени опасности, для этой обороны назначался податокъ съ земскихъ имѣній, или посполитое рушенье ихъ владѣльцевъ, или, наконецъ, то и другое вмѣстѣ. При этомъ какъ рушенье, такъ и серебщизна постановлялись не иначе, какъ на вальномъ сеймѣ, т.-е. съ согласія самихъ обывателей, даннаго черезъ сенаторовъ, князей, пановъ, врядниковъ и пословъ повѣтовой шляхты. Посмотримъ теперь, каковы были повинности Литовской шляхты въ эпоху, наступившую послѣ Люблинской Уніи. Разсмотримъ прежде всего поборы, которые налагались на шляхту за время съ 1569 по 1586 годъ.

Поборовые универсалы по всей Речи Посполитой были за это время изданы въ 1569, 1573, 1577, 1578, 1580 и 1581 годахъ ⁴⁾. Теперь поборъ уже налагается спольнымъ Польско-Литовскимъ сеймомъ, хотя собираемая имъ деньги и поступаютъ не въ одинъ общій скарбъ, а въ два отдѣльные: Польскіе взносы — въ Коронный, Литовскіе — въ Литовскій. Люблинскій сеймъ 1569 года, т.-е. первый спольный сеймъ только что образовавшейся Польско-Литовской Речи Посполитой, уже постановилъ поборъ по всему соединенному государству. Мы не станемъ приводить всѣхъ цифръ этого

¹⁾ Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 464—496.   ²⁾ Ibidem. Стр. 467.

³⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 176—179.

⁴⁾ Vol. leg. II. Str. 102—106, 126—130, 176—181, 191—198, 198—206, 212—219.

побора, такъ какъ, изданный въ *Volamina legum* универсалъ самъ можетъ ихъ передать читателю. Мы приведемъ только нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы хотя приблизительно показать, насколько поборъ былъ обременителенъ для обывателей шляхетскаго стана. Универсалъ 1569 года¹⁾ требуетъ отъ шляхты Короны и Княжества безразлично уплаты побора съ ея подданныхъ сельскихъ и мѣщанъ въ одинаковыхъ размѣрахъ съ поборомъ, идущимъ съ одноименнаго населенія духовныхъ и королевскихъ имѣній. Съ крестьянъ (кметовъ), какъ королевскихъ, такъ и частно-владѣльческихъ должно было поступить въ Литовскій скарбъ по 20 грошей съ каждаго крестьянина. По 20 грошей должны платить всѣ виды крестьянскаго населенія, а также и путные бояре. Шляхта, не имѣющая крестьянъ, должна платить по 12 грошей съ каждой волюки своей земли. Кромѣ сельскихъ подданныхъ шляхетскихъ поборъ должны были платить и жители мѣстъ и мѣстечекъ, принадлежащихъ какъ королю, такъ и духовнымъ и свѣтскимъ обывателямъ. Податокъ былъ наложенъ также на различныхъ ремесленниковъ, промышленниковъ, гултаевъ, жидовъ, словомъ на все населеніе Речи Посполитой, какъ въ Коронной ея части, такъ и въ Литовской. Но мы не будемъ входить въ детальное изученіе размѣровъ этихъ поборовъ. Они касаются мѣстечекъ и городовъ, которые были достояніемъ лишь шляхты крупной, пановъ, для насъ же особый интересъ представляетъ собою обложеніе шляхты рядовой, менѣе состоятельной.

Поборъ, установленный избирательнымъ сеймомъ 1573 года, потребовалъ опять по 20 грошей съ Польскаго кмета и съ каждой крестьянской службы Литовской²⁾. Такой же размѣръ побора встрѣчаемъ и въ поборовомъ универсалѣ 1577 года³⁾. Но въ слѣдующемъ уже 1578 году цифра побора, взимаемаго съ землевладѣльцевъ по числу ихъ сельскихъ подданныхъ, была увеличена въ полтора раза и доведена до 30 грошей съ кмета⁴⁾. Въ такомъ же размѣрѣ онъ былъ постановленъ въ 1580⁵⁾ и 1581⁶⁾ годахъ. Чтобы представить себѣ степень тяжести этихъ поборовъ для шляхты, мы должны сравнить эти цифры съ количествомъ дохода, который приносилъ крестьянинъ своему землевладѣльцу. Въ Полоцкой Ревизіи 1552 года встрѣчаются нерѣдко крестьяне, переведенные на денежный оброкъ вмѣсто уплаты землевладѣльцу

¹⁾ О поборовомъ универсалѣ этомъ см. выше, стр. 17 и 18, примѣчаніе 3.

²⁾ Vol. leg. II. Str. 126.   ³⁾ Ibidem. Str. 177.

⁴⁾ Ibidem. Str. 191.   ⁵⁾ Ibidem. Str. 198.   ⁶⁾ Ibidem. Str. 213.

части (обыкновенно четвертой) своего сбора. Иногда этот оброкъ соединялся съ барщинною работою, иногда же крестьяне, платя свой оброкъ, были свободны отъ барщины. Въ числѣ имѣній братьевъ Есмановыхъ¹⁾ былъ дворъ Григоровичи, купля ихъ отца. Онъ купилъ этотъ дворъ у Чижевичей, дѣтей государева конюшія. Между людьми, принадлежавшими къ этому имѣнію, были 3 куничника, съ которыхъ владѣлецъ получалъ всего 2 копы 44 гроша, а кромѣ нихъ и другихъ крестьянъ, платившихъ четвертую долю своего сбора и ходившихъ на работу «съ чимъ роскажутъ», были еще 14 дымовъ въ селѣ Удоложецъ, платившихъ землевладѣльцамъ 13 копъ и 8 грошей и косившихъ сѣно²⁾. На каждого куничника, такимъ образомъ, приходилось по $54\frac{2}{3}$ гроша и на каждый дымъ сельца Удоложецъ по $56\frac{2}{7}$ гроша. Но рядомъ съ этими цифрами дохода землевладѣльца-шляхтича со своихъ оброчныхъ крестьянъ встрѣчаемъ и цифры значительно меньшія. Такъ, Петръ Олеша въ имѣніи двора Передолога, отчины жены своей, имѣлъ въ числѣ другихъ крестьянъ человѣка на Гоми, платившаго ему куницы 10 грошей, человѣка на Оболи, платившаго куницы 15 грошей, и двухъ человѣкъ на Мосарѣ, съ которыхъ получалъ куницы 12 грошей³⁾. При соображеніяхъ надъ этими цифрами необходимо принять въ расчетъ, во-первыхъ, то, что Литовскій грошъ, который фигурируетъ въ Полоцкой Ревизіи, былъ одною четвертью больше современнаго ему Польскаго гроша⁴⁾ и, во-вторыхъ, различіе во времени составленія Полоцкой книги и во времени сеймовъ, постановленіями которыхъ были наложены приведенные нами податки.

Итакъ, мы должны признать размѣръ податка, выплачиваемаго шляхтою по сеймовымъ постановленіямъ, весьма значительнымъ для обывателя средняго достатка. Конечно, податокъ вызывалъ увеличеніе размѣровъ оброка землевладѣльцемъ и ложился своею тяжестью, главнымъ образомъ, на шляхетскихъ подданныхъ, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и самой шляхтѣ приходилось сокращать свои доходы съ крестьянъ, платящихъ поборъ, отдавая часть ихъ поборцамъ податка. Мы уже не говоримъ объ убогой шляхтѣ, крестьянъ не имѣвшей и своимъ собственнымъ трудомъ обрабатывавшей свою землю.

Обратимся теперь къ другой повинности шляхетской—службѣ

¹⁾ Павелъ, Сидоръ, Иванъ, Миколай, Глѣбъ, Ходоть Глѣбовичи Есмановы.

²⁾ Полоцкая Ревизія. Л. 57 об.   ³⁾ Ibidem. Л. 61 об.

⁴⁾ Горбачевскій. Словарь др. актовaго языка. Стр. 145.

земской военной въ посполитомъ рушеньѣ народа-шляхты. Въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда Августа, т.-е. въ первые годы существованія спольной Польско-Литовской Речи Посполитой не было надобности въ посполитомъ рушеньѣ, какъ чрезвычайномъ средствѣ защиты государства, такъ какъ въ 1570 году было заключено съ Москвою трехлѣтнее перемиріе съ оставленіемъ каждаго изъ воюющихъ государствъ при тѣхъ владѣніяхъ, которыя у него были въ данное время; а въ теченіе трехъ лѣтъ перемирія должны были вестись переговоры о мирѣ¹⁾. Наступившія послѣ смерти послѣдняго Ягеллона елекціи, давъ Московскому царю надежду на включеніе въ число его владѣній всей Речи Посполитой или, по крайней мѣрѣ, Литовской ея части путемъ избранія его на престолъ всего соединеннаго государства, или Литовскаго княжества, заставили его удерживаться отъ военныхъ дѣйствій противъ Литвы. Но послѣ избранія Баторія вражда между Москвою и Литвою еще болѣе обострилась: къ прежнимъ ея причинамъ присоединились обманутые расчеты и надежды Московскаго царя. Съ самаго начала своего царствованія Баторію пришлось серьезно заняться дѣломъ обороны Княжества и возвращенія его владѣній, отнятыхъ Москвою. Только что (1 мая) коронованный король, отбывъ коронаціонный сеймъ въ Краковѣ и присягнувъ передъ высланнымъ къ нему въ этотъ городъ Литовскимъ посольствомъ, Стефанъ Баторій отправился въ Кнышинъ и Тыкотинъ, гдѣ должны были изъявить ему свое подданство собравшіеся тамъ Литовскіе сенаторы²⁾. Здѣсь ему пришлось сразу дѣлать распоряженія, касающіяся Московской войны. 25 іюля 1576 года въ Кнышинѣ были даны королевскіе листы «о готовности на войну»³⁾. Въ этихъ листахъ Баторій объявлялъ, что ему донесъ князь Иванъ Соломерецкій, каштелянъ и староста Мстиславскій о томъ, что Московскій «князь» собираетъ свои войска. Король не стремится къ войнѣ и не желаетъ кровопролитія: онъ отправилъ въ Москву своихъ пословъ, извѣщая Московскаго государя «о панованьѣ» своемъ и о «склонности ко всему доброму хрестіянскому» и приказавъ оповѣстить по всѣмъ пограничнымъ замкамъ, чтобы по отношенію къ государству и подданнымъ великаго князя Московскаго «спокойнѣ заховывалися, безъ всякоѣ зачѣпки». Но ввиду того, что срокъ перемирія скоро кончается, а также остерегаясь, какъ бы

¹⁾ *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи съ др. временъ. Кн. II. СПб. 1894. Стр. 203.

²⁾ См. выше—стр. 149. Ср. *J. Szujski*. Dz. P. III. Str. 59—62.

³⁾ А. З. Р. III. № 67.

Московскій врагъ не вторгся въ Литовскіе предѣлы внезапно, не извѣстивъ о началѣ военныхъ дѣйствій, король дѣлаетъ распоряженіе о готовности къ войнѣ, хотя «постановленіе около войны сойму вальному належитъ». Опасность грозитъ, и король извѣщаетъ о ней, своимъ «ласкавымъ жеданьемъ» прося обывателей¹⁾, чтобы они по примѣру своихъ предковъ и своему собственному, а также по примѣру обывателей Коронныхъ, на коронаціонномъ сеймѣ безъ Литовцевъ согласившихся на рушеніе, «гдѣ бы съ которое стороны небезпечность на» государство «приходила». Король проситъ обывателей Литовскихъ быть въ военной готовности для защиты отчизны и увѣряетъ, что онъ самъ своею особою не

¹⁾ Хотя документъ, напечатанный въ А. З. Р., и адресованъ къ Литовскому стольнику, князю Александру Пронскому, но несомнѣнно, что это одинъ изъ листовъ, посланныхъ по всему Княжеству—«таковыхъ листовъ послано всихъ 15», гласитъ приписка при этомъ листѣ. Но, конечно, всѣхъ листовъ было гораздо больше, а 15 листовъ, вѣроятно, были посланы къ лицамъ той категоріи врядниковъ, къ которой принадлежалъ князь Ал. Пронскій. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ, на примѣръ, данныя о разсылкѣ листовъ Баторія изъ Городны 16 марта 1580 года о съѣздѣ въ Вильнѣ на 17 апрѣля того же года (Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 3—4 об.). Были посланы 22 листа по повѣтамъ, 14 листовъ къ Жомотскимъ тивунамъ, затѣмъ указаны листы къ сенаторамъ, но, конечно, должны были быть еще отдѣльные листы къ князьямъ, панамъ и врядникамъ, такъ какъ они получали ихъ отдѣльно. Такимъ образомъ, Метрика не всегда помѣщаетъ указанія на всѣ документы по одному и тому же дѣлу въ одномъ мѣстѣ, а, стало быть, нельзя думать, что и 25 іюля 1576 года были даны непременно только 15 листовъ, если эту цифру находимъ въ припискѣ. Въ Литовской Метрикѣ находимъ и данныя того же 25 іюля 1576 года «листы, писаные до панов рад и всих станов вел кз Литовского, радечи и жедаячы, абы готовост военъную способляли». Въ этихъ листахъ (Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 20—20 об.) король говоритъ буквально то же, что въ листѣ князю Пронскому. Приведенный въ Метрикѣ, какъ образецъ этихъ листовъ, листъ въ Виленское воеводство начинается послѣ титула такъ: «князю Валериану, бискупу Виленъскому, пану Николаю Радивилу, воеводе Виленъскому, канъцлеру великого князства Литовского, старосте Лидскому и Мозырскому, державцы Борисовъскому, пану Яну Ходкевичу, пану Виленъскому, старосте Жомоитскому, маршалъку земъскому великого князства Литовского, адъминистратору и гетьману земли Ифлянтское, старосте Ковенъскому, державцы Полотелскому и Телшовскому и всимъ княземъ, паномъ, врядникомъ земъскимъ и дворнымъ и всему рицерству воеводства Виленъского...» Просьба королевская здѣсь читается такъ: «жеданьемъ нашимъ господарскимъ вашей милости пановъ-рад нашихъ и всихъ становъ напоменути, якожь о то жедаемъ...»

замедлить прибыть въ Литву въ случаѣ опасности. Между тѣмъ, послѣ разсылки королевскихъ листовъ событія шли своимъ чередомъ. Вернувшись изъ Тыкотина, Стефанъ Баторій отправился, въ Пруссію, захвативъ въ Варшаву ¹⁾. Въ Брестѣ Куявскомъ ему принесъ присягу черезъ своихъ пословъ Прусскій герцогъ, а въ Торунѣ королю Стефану присягнула вся королевская Пруссія за исключеніемъ одного лишь Гданска. Возстаніе этого города противъ власти Польскаго короля, начавшееся еще въ царствованіе Сигизмунда Августа ²⁾, продолжалось и послѣ вступленія на престолъ Стефана Баторія. Предстояло усмиреніе Гданска, требовавшее не малыхъ расходовъ и военныхъ силъ. Открывшійся 4 октября 1576 года Торунскій сеймъ долженъ былъ заняться королевскимъ предложеніемъ податка на эти надобности ³⁾. Но мы уже знаемъ ⁴⁾, что сеймъ отказался исполнить желаніе Баторія и вмѣсто податка вотировалъ посполитое рушенъе, весьма невысокое въ своихъ боевыхъ качествахъ, рушенъе, которое притомъ король не имѣлъ права дѣлить на отдѣльные отряды ⁵⁾, а также выводить за границы государства ⁶⁾. Ясное дѣло, что король имѣлъ право сказать объ этомъ сеймѣ въ своихъ грамотахъ, посланныхъ къ панамъ-радамъ великаго княжества Литовскаго и данныхъ въ обозѣ подъ Гданскомъ 10 августа 1576 года, что «ся тотъ съемъ за скаранъемъ Божьимъ не водлѣ потребы речи посполитое скончилъ» ⁷⁾. Въ этихъ листахъ, извѣщая о своемъ приказаніи Литовскому земскому подскарбію ⁸⁾ принять на службу столько наемныхъ отрядовъ, сколько позволяютъ средства скарба, а также о своемъ повелѣніи, чтобы были «рушены» Татары и стрѣльцы Литовскіе и чтобы всѣ обыватели были готовы къ посполитому рушенъю, Стефанъ Баторій сообщалъ панамъ-радамъ Литовскимъ о томъ, что главные сеймики Великой и Малой Польшы уже согласились на желаемый королемъ податокъ вмѣсто посполитаго рушенъя. Король уже распорядился написать объ этомъ панамъ радамъ и станамъ Литовскимъ, чтобы и они собрались на своихъ повѣтовыхъ сеймикахъ, а потомъ и на главномъ сеймикѣ Волковыйскомъ, но

¹⁾ Изъ Варшавы, напримѣръ, въ августѣ 1576 года былъ данъ документъ, изданный въ А. З. Р. III (№ 68).

²⁾ См. выше, стр. 153 и сл. Ср. *J. Szujski. Dz. P. II. Str. 390.*

³⁾ См. выше, стр. 154 и сл. Ср. *J. Szujski. Dz. P. III. Str. 65, 66.*

⁴⁾ См. выше, стр. 154. ⁵⁾ *Vol. leg. II. Str. 161. 6.*

⁶⁾ *Vol. leg. II. Str. 124.* ⁷⁾ А. З. Р. III. № 86. ⁸⁾ Лаврину Войнѣ.

онъ все еще не имѣетъ извѣстія объ его постановленіи. Между тѣмъ, военныя потребности растутъ. Въ Лифляндіи Москва осадила Кокенгаузенъ, а такъ какъ у короля въ рукахъ нѣтъ никакого постановленія Литвы кромѣ постановленія рушенья посполитаго, да если бы оно и было, то теперь уже невозможно его привести въ исполненіе.—король предписываетъ поспѣшить на «отпоръ» врагу, или прямо направившись противъ его войска, или же вторгнувшись въ его собственные земли. Выборъ изъ этихъ способовъ противодѣйствія Москвѣ виднѣе самимъ панамъ-радамъ Княжества. Король занятъ подѣ Гданскомъ, но, когда онъ получитъ отъ пановъ-радъ извѣстіе о необходимости его личнаго присутствія въ Инфлянтахъ, онъ поспѣшитъ туда. Но мы уже знаемъ, что король получилъ извѣщеніе о постановленіи Литовскимъ съѣздомъ желаннаго для короля податка. Несмотря на постановленіе податка, сдѣланное Волковыйскимъ съѣздомъ, король все-таки просилъ пановъ-радъ, чтобы они «все яко на квалтъ, зъ милости своее къ отчизнѣ и речи посполитой, для такъ наглоѣ потребы поспѣшились». На средства же, добытыя сборомъ податка должны быть наняты возможно скорѣе жолнеры. Конечно, не одни паны-рады со своими почтами «рушились» въ 1577 году противъ Москвы, а вмѣстѣ съ ними должна была рушиться и большая часть шляхты, хотя едва ли вся шляхта Литовская это сдѣлала: податокъ, постановленный въ Волковыйскѣ, долженъ былъ многимъ обывателямъ представиться достаточнымъ для исполненія всѣхъ обязательствъ, лежащихъ на шляхтѣ, и едва ли могла идти рѣчь о наказаніи не явившихся въ рушенье, такъ какъ съ формальной стороны они были правы. Но и явившихся на службу королевскую также несомнѣнно было много. Въ своемъ листѣ, данномъ 7 мая 1580 года въ подтвержденіе правъ Полоцкой шляхты, Баторій прославлялъ труды шляхты этого воеводства во время войны съ Москвою ¹⁾. Еще за годъ до Виленскаго съѣзда 1580 года, 20 апрѣля 1579 года въ своемъ универсалѣ король заявлялъ и о заслугахъ Литовскихъ становъ, которые добровольно пошли съ королемъ на войну. Король благодарилъ Литовскихъ обывателей за это, назначалъ день «ку тягненью до войска» и гарантировалъ Литвѣ, что такое добровольное рушенье не пойдетъ ей «въ пошлину»—Литва обязана рушиться «водлѣ спису Уніи» лишь вмѣстѣ съ Поляками по сеймовому постановленію ²⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 176.

²⁾ См. выше, стр. 177 и сл.

Такимъ образомъ, рушенъе Литвы во время Московской войны Стефана Баторія было не «повинностью» народа-шляхты Литовской, а ея «милостью», дѣломъ доброй воли и любви къ отчизнѣ и государю. Литовская шляхта, какъ и Литовскіе вельможи ¹⁾, добровольно выставляла свои почты и служила во время Московской войны. Со смерти послѣдняго Ягеллона въ Княжествѣ за весь изслѣдуемый періодъ времени не было посполитаго рушенъа въ силу обязанности шляхты отбывать его, а потому мы и не можемъ разсматривать эту добровольную службу Литовской шляхты, говоря о «повинностяхъ» ея. Мы должны только сказать еще нѣсколько словъ о «рушенъѣ повѣта на непослушныхъ вряду». 67-й артикулъ IV-го раздѣла второго Литовскаго статута ²⁾ постановляетъ, что, если присужденное земскимъ судомъ на отвѣтчикѣ не будетъ послѣднимъ уплочено во время земскихъ роковъ, то по ихъ окончаніи земскій судъ посылаетъ вознаго съ двумя шляхтичами, который и долженъ «отправу вчинити» въ присужденной суммѣ на имѣніи отвѣтчика. Если отвѣтчикъ не согласится добровольно допустить «увязанья», ввода во владѣніе въ присужденной суммѣ, земскій судъ отсылаетъ дѣло къ суду замковому или дворному, и истецъ вызываетъ его предъ этотъ судъ черезъ двѣ недѣли, «яко на рокъ завитый». Когда будетъ на судѣ доказано упорство и сопротивленіе отвѣтчика, то замковый врьдъ ³⁾ долженъ «з раменя» государева обослатъ всю шляхту того повѣта и, назначивъ день, «съ ними ся рушыти и мощно, яко што первей у суду земскаго сказано, такъ и въ закладехъ, у во имѣнья того непослушнаго увезати», и заруки половина пойдеть въ пользу истца, а половина на государя. Вторичное сопротивленіе, т.-е. сопротивленіе «за позваньемъ до кгороду», которое, какъ мы видѣли, дѣлалось «з раменя» государева, доводится урядомъ до королевскаго свѣдѣнія, и король объявляетъ объ этомъ по всему Княжеству и приговариваетъ виновнаго къ смертной казни. Что касается до самой шляхты въ рушенъѣ ея на «непослушнаго», то она «за обосланьемъ старостинскимъ» должна ѣхать въ немъ «збройно, яко на войну, на таковое увязанье и за се на то иманье такового противника». Исключеніе въ обязанности рушиться дѣлается лишь для пановъ-радъ и

¹⁾ См. выше, стр. 170, 171.   ²⁾ «О отправахъ речей сужоныхъ».

³⁾ «...гдѣ воевода будетъ, ино воевода, або староста, або державца, сами особами своими, а въ небытности ихъ, ино намѣстники ихъ».

дворныхъ королевскихъ врядниковъ, занятыхъ своими дѣлами по вряду. Виновные же въ несоблюденіи статутаго постановленія о рушеньѣ на «непослушнаго» подвергаются опредѣленному статутомъ наказанію. Акты знаютъ случаи требованія такого рушенья ¹⁾. Но въ 1578 году Варшавскимъ сеймомъ въ его «поправахъ статутовыхъ» ²⁾, было отмѣнено это посполитое рушенье повѣта на «непослушныхъ вряду» и было замѣнено другими средствами принужденія отвѣтчика, противящагося приговору ³⁾.

Исторія посполитаго рушенья представляетъ изъ себя отраженіе состоянія нравовъ шляхты. Въ болѣе раннее время, когда народъ былъ народомъ-воиномъ, шляхта представляла изъ себя дѣйствительно грозную военную силу, притомъ единственную до появленія наемныхъ отрядовъ. Когда появились наемныя войска, боевыя качества народа-шляхты оказались ниже, чѣмъ боевыя качества наемныхъ солдатъ, специалистовъ военнаго дѣла. Развитие огнестрѣльнаго оружія и необходимость учиться употребленію его, а также искусственному военному строю должны были особенно принижать боевыя качества войска-народа. вмѣстѣ съ тѣмъ качества народнаго войска понижались и съ развитіемъ его правъ. Исторія Польши хорошо знаетъ обращенія рушившейся шляхты изъ войска въ суверенное собраніе народа. Нешавскіе привилеи 1454 года, этотъ фундаментъ, на которомъ Коронное шляхетство выстроило зданіе своихъ политическихъ правъ, были потребованы и получены рушившимся народомъ ⁴⁾. Исторія Литвы также хорошо знаетъ военные сеймы ⁵⁾. Такая возможность обращенія войска въ народное собраніе, въ сеймъ, конечно, чрезвычайно уменьшала пригодность шляхты, какъ войска. вмѣстѣ съ тѣмъ и

---

¹⁾ См., нпр., «листъ пану Каспору Демъбинскому до воеводы Мстиславскаго пана Юря Остика, откладаючи справу ихъ о именье Росошу и иные речи на сеймъ». Дата: Варшава, 16 августа 1576 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. 29—30 об.

²⁾ Временникъ. XXIII. Стр. 200—212.   ³⁾ Ibidem. Стр. 207—210.

⁴⁾ См. А. *Pawiński*. *Sejmiki Ziemskie*. Warszawa. 1895. Str. 71. Ср. также *Jan Friedberg*. *Pospolite ruszenie w Wielkopolsce w drugiej połowie XV wieku* (Studia nad historią prawa Polskiego, wydawane pod redakcją Oswalda Balzera. Tom I. Zeszyt 3). Lwów. 1900. Str. 4, 5.

⁵⁾ М. К. *Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 223, 224, 271—282, 680—681, 783, 784, 787.

Сама шляхта отвыкала отъ военной службы и забывала свои военныя доблести. Такимъ образомъ, мало-по-малу совершилось полное перерожденіе характера шляхты, и изъ военнаго класса она постепенно должна была превратиться въ классъ, сильный лишь своимъ политическимъ и соціальнымъ значеніемъ, а не дѣйствительною боевою способностью.

ГЛАВА III.

Паны-рада великаго княжества Литовскаго.

Въ составъ спольнаго Польско - Литовскаго сената, созданнаго Унією 1569 года, входили слѣдующіе Литовскіе сенаторы: 1) бискупы Виленскій и Жомойтскій, 2) воеводы и кашталяны, а именно, воевода Виленскій, кашталянъ Виленскій, воевода Троцкій, кашталянъ Троцкій, староста Жомойтскій, воеводы—Смоленскій, Полоцкій, Новгородскій, Витебскій, Берестейскій, Мстиславскій и Минскій, кашталяны—Жомойтскій, Смоленскій, Полоцкій, Новгородскій, Витебскій, Берестейскій, Мстиславскій и Минскій, 3) министры—маршалокъ земскій, канцлеръ, подканцлеръ, земскій подскарбій и маршалокъ дворный ¹⁾. Былъ еще одинъ врядникъ, который не былъ внесенъ въ списокъ сенаторовъ соединеннаго государства, составленный въ 1569 году. Это гетманъ наивысшій. Но необходимость, чтобы этотъ урядъ былъ занимаемъ непременно сенаторомъ слѣдуетъ съ полною очевидностью. Какъ главнокомандующій всѣхъ военныхъ силъ Княжества, подъ команду котораго становился весь народъ-шляхта Литвы въ обоихъ ея слояхъ, т.-е. и сенаторскомъ, и просто-шляхетскомъ, онъ не могъ быть лицомъ не сенаторскаго стана. Въ противномъ случаѣ, его авторитетъ не былъ бы достаточно великъ для того, чтобы отдавать приказанія рушившимся сенаторамъ, стоящимъ вмѣстѣ со всею шляхтою подъ его «справою» во время посполитаго рушенья. Кромѣ того, гетманомъ наивысшимъ не могло быть лицо не-сенаторскаго стана и потому, что онъ безусловно долженъ былъ въ силу своихъ обязанностей, сложности и значенія дѣла, ему подлежащаго, присутствовать въ сенатѣ какъ для того, чтобы знать всѣ дѣла, въ немъ обсуждаемыя, такъ и для того, чтобы со своей стороны, подавая свой голосъ, высказывая свои

¹⁾ Vol. lég. II. Str. 93.

взгляды и знакомя сенатъ съ ходомъ военныхъ дѣлъ, настаивать на распоряженіяхъ правительства, для успѣха ихъ необходимыхъ. Число членовъ сената отъ Княжества въ Речи Посполитой было меньше, чѣмъ число пановъ-радъ Литовскихъ въ эпоху совершенно отдѣльнаго политическаго существованія Литовско-Русскаго государства, такъ какъ до Люблинской Уніи кромѣ тѣхъ радныхъ пановъ, которые оказались сенаторскими врядниками Короны за оторваніемъ четырехъ Литовскихъ воеводствъ и присоединеніемъ ихъ къ Польшѣ ¹⁾, въ Литовской радѣ засѣдали еще «столовые» урядники и повѣтовые маршалки, не получившіе мѣста въ спольномъ Польско-Литовскомъ сенатѣ ²⁾. Прежде чѣмъ наблюдать дѣятельность Литовской рады, какъ учрежденія, познакомимся съ сенаторами Княжества, какъ врядниками, занимающими тотъ или другой государственный урядъ, вводившій ихъ въ самый сенатъ. Познакомимся сначала со значеніемъ въ Княжествѣ cadaго сенаторскаго вряда и его функціями и уже затѣмъ обратимся къ совмѣстной дѣятельности радныхъ пановъ, развивавшейся въ радѣ, или сенатѣ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ говорить о политическомъ зданіи Литовскаго сената, мы изслѣдуемъ матеріаль, изъ котораго оно было построено. Во главѣ Литовскаго сената стояли духовные его члены—бискупы Виленскій и Жомоитскій. Описывая политическое устройство Польско-Литовскаго государства, Гванини называетъ архіепископовъ и епископовъ «*principes autem et praecipui regni senatores*», признавая за ними первенство въ сенатѣ «*propter venerandam ecclesiastici ordinis majestatem auctoritatemque et opes, quibus affluunt, praestantissimas*». Во время засѣданій сената духовные его члены занимаютъ первыя мѣста, садясь по обѣимъ сторонамъ королевскаго трона ³⁾.

Въ цѣломъ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ тѣхъ его предѣлахъ, которые были установлены Люблинскою Уніей, были только два бискупства — Виленское и Жмудское. Остальныя бискупства Литовско - Русскаго государства оказались

¹⁾ Подляскаго, Кіевскаго, Волынскаго и Браслава Подольскаго.

²⁾ *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 840.

³⁾ *Sarmatiae Europae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massouiam, Prussiam, Pomeraniam, Liunioniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Gwagnini Veronensis, Equitis Aurati peditumque praefecti. Cui supplementi loco ea, quae gesta sunt superiori anno inter Serenissimum Regem Poloniae et Magnum Ducem Moschouiae, breuiter adiecta sunt. Item Genealogia Regum Polonorum. Spirae. Cum privilegio imper. et Regis Gall. Apud Bernardum Albinum. M D LXXXI. P. 42.*

лежащими въ предѣлахъ короны Польской послѣ оторванія отъ него южной Руси и Подляшья. Виленское бискупство было учреждено Ягайлою въ 1387 году. Первымъ бискупомъ въ Вильнѣ былъ Полякъ Андрей Василь, герба Ястрембець, духовникъ королевы Ядвиги и ея матери Елизаветы. Тогда же были учреждены только что принявшимъ католичество Литовскимъ княземъ нѣсколько католическихъ приходо́въ ¹⁾. Само собою разумѣется, что священники этихъ приходо́въ должны были быть Поляками: языческая Литва не могла сразу образовать національнаго клира. Съ появленіемъ въ столицѣ Литовской бискупа и съ возникновеніемъ католическихъ церквей и приходо́въ, естественно, самое распространеніе христіанства по Латинскому обряду пошло успѣшнѣе. Тѣ части великаго княжества Литовскаго, населеніе которыхъ не было крещено въ 1387 году, вскорѣ увидѣли у себя католическихъ миссіонеро́въ. Въ 1414 году католическая миссія явилась и въ самой преданной языческой старинѣ изъ всѣхъ Литовскихъ земель, Жмуди. Жмудины крещены, основаны 12 приходскихъ церквей, и въ 1416 году на Констанцскомъ соборѣ уже было испрошено королевскими уполномоченными учрежденіе самостоятельнаго бискупства для земли Жомойтской. Въ 1417 году новое бискупство было открыто ²⁾, и первымъ Жомойтскимъ бискупомъ былъ назначенъ Матвѣй, пробощъ Виленской каѳедры. Резиденціей бискупа сдѣлались Мѣдники. Недолго, однако, пришлось спокойно управлять дѣлами своей каѳедры новому бискупу. Уже въ слѣдующемъ, 1418 году языческая реакція въ Жмуди разразилась съ такою силою, что бискупъ былъ изгнанъ изъ своей епархіи и были разрушены католическіе храмы. Только вооруженною рукою удалось Витовту возстановить спокойствіе въ Жмуди. Итакъ, бискупство Виленское, учрежденное въ 1387 году,—старше Жмудскаго на цѣлыя тридцать лѣтъ. Между тѣмъ, въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ великое княжество Литовское пережило событіе первостепенной важности для всего Литовскаго управленія. Мы разумѣемъ Городельскую Унію 1413 года. Учрежденіе двухъ воеводствъ—Виленскаго и Троцкаго и ихъ кашталянѣй дало первое мѣсто въ радѣ великаго князя Литовскаго этимъ чинамъ вмѣстѣ со старостою Жомойтскимъ. Есте-

¹⁾ X. *Melchior Bubiński*. *Historya kościoła Polskiego*. Tom II. W Krakowie. 1873. Str. 23.

²⁾ *Kz. biskup. Maciej Wołoncewski*. *Biskupstwo Żmujdzkie*. Kraków. 1898. Str. 24.

ственно, что существовавший уже въ то время бискупъ въ Вильнѣ сталъ впереди всѣхъ этихъ свѣтскихъ сановниковъ въ силу своего авторитета и занялъ первое мѣсто во всей радѣ Литовской, стоя на челѣ ея. Другіе бискупы не могли сравняться съ бискупомъ Виленскимъ въ его значеніи. Онъ всегда занималъ первое мѣсто въ ряду пановъ-радъ Княжества, и только договоръ Люблинской Уніи, вводя общій сенатъ Литовско-Польскій, поставилъ его въ списокъ сенаторовъ Речи Посполитой рядомъ со всѣми остальными духовными членами его. Но во внутренней жизни Литвы онъ по прежнему игралъ первую роль въ Литовскомъ сенатѣ, далеко выдаваясь впередъ передъ бискупомъ Жомоитскимъ, своимъ сочленомъ въ духовной части Литовской государственной рады. Принадлежность бискуповъ къ панамъ-радамъ придавала имъ особенно большое значеніе въ глазахъ населенія: съ авторитетомъ епископскаго сана они соединяли положеніе пана-рады, столь вліятельное и важное въ государствѣ, какъ увидимъ ниже. Намъ уже извѣстно, какъ энергично настаивала Литва въ концѣ XVI столѣтія на томъ, чтобы непременно «родичъ» Литовскій былъ бискупомъ Виленскимъ ¹⁾. Княжество боролось противъ желанія Сигизмунда Вазы назначить на Виленскую кафедру Поляка потому, что санъ Виленскаго бискупа былъ рядомъ сенаторскимъ государственнымъ не менѣе, чѣмъ саномъ церковнымъ. Политическое значеніе бискуповъ въ глазахъ населенія великаго княжества Литовскаго, пестраго по своему вѣроисповѣдному составу, шло впереди ихъ значенія религіознаго, и такой взглядъ на бискуповъ дѣлалъ ихъ земскими врядниками для всѣхъ обывателей Литовскихъ независимо отъ ихъ принадлежности къ той, или другой религіи. Присмотримся же поближе къ положенію бискупа въ Княжествѣ и постараемся познакомиться съ его правами и значеніемъ.

За время съ 1569 по 1586 годъ Виленское бискупство было въ рукахъ сначала Валеріяна Протасевича (1556—1580 г.), извѣстнаго дѣятеля католической реакціи въ Литвѣ, призвавшаго въ Вильну іезуитовъ, а затѣмъ Юрія Радивила ²⁾, Жмудское же— въ рукахъ Юрія Петкевича (1567—1574 г.) и Мальхера Гедройтя ³⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 227.

²⁾ *Kz. Win. Przyalgowski. Żywoty Biskupów Wileńskich.* Tom I, II i III. Petersburg. 1861. Валеріяну Протасевичу посвящены стр. 160—200 перваго тома (Tom I. Petersburg. 1860), кардиналу Юрію, князю Радивилу—страницы 1—42 втораго тома (Tom II. Petersburg. 1860).

³⁾ *Kz. biskup Maciej Wołonczewski. Bisk. Żm. Str.* 44—56.

Назначеніе бискупа зависѣло отъ короля, но, конечно, утверждалъ его затѣмъ Римскій папа. Свое назначеніе (*nominatio*) король посылалъ въ Римъ, испрашивая папскаго утвержденія. Одновременно съ грамотою къ папѣ посылались грамоты къ нѣсколькимъ кардиналамъ съ просьбою ихъ содѣйствія дѣлу утвержденія папою представляемаго королемъ кандидата. Такъ, когда Стефанъ Баторій подписалъ въ Мариенбургѣ 4 декабря 1576 года грамоту къ папѣ съ представленіемъ на Холмское бискупство Адама Пилховскаго, королевскаго секретаря и референдарія Подляшскаго¹⁾, онъ въ тотъ же день подписалъ и листы къ шести кардиналамъ съ просьбою «*hanc nostram nominationem S. D. nostro commendare curareque, ut eam ratam et gratam auctoritateque sua pontificali, qua in terris secundum Deum maxima fungitur, quam primum confirmatam esse velit*»²⁾. Лишь папская конфирмація обращала «електа», или кандидата, номинованнаго королемъ, въ законнаго бискупа, подлежащаго церковному посвященію, если онъ не имѣлъ до этого времени епископскаго сана. Если мы заглянемъ въ списки бискуповъ, то встрѣтимъ въ нихъ цѣлый рядъ громкихъ и «можныхъ» фамилій Княжества. Въ самомъ дѣлѣ, въ рядахъ бискуповъ Виленскихъ встрѣчаемъ Радивиловъ, Воловича, Сапегу, кн. Гольшанскаго³⁾, въ рядахъ бискуповъ Жомоитскихъ — также представителей знатныхъ родовъ⁴⁾. Стоя во главѣ своей епархіи, бискупы сами должны были находиться въ іерархическомъ подчиненіи своимъ митрополитамъ-архибискупамъ. Оба бискупства Княжества входили въ составъ митрополіи примаса, архіепископа Гнѣзненскаго⁵⁾.

Вѣдая католическое духовенство своей епархіи, бискупъ назначалъ священниковъ въ костелы, наблюдалъ за ними, судилъ ихъ и наказывалъ за проступки. Такъ, 22 сентября 1545 года королемъ Сигизмундомъ Старымъ было предписано Яну, бискупу Виленскому, не только подвергнуть своему суду каплановъ св. Яна въ Вильнѣ, безчиннымъ образомъ звонившихъ ночью «у звонъ

1) Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Архивъ Царства Польскаго. Отд. I. Метрика Коронная. № XXI. Л. 244. Ср. *Litterae nominationis*. Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія. Приложенія. № 11.

2) М. Арх. М. Ин. Д. Арх. Ц. П. Отд. I. М. К. № XXI. Л. 244 об.

3) X. *Melchior Buliński*. Hist. k. P. T. II. Str. 174, 175. T. III. Str. 255, 256.

4) *Ibidem*. T. II. Str. 187, 188. T. III. Str. 257, 258.

5) *Ibidem*. T. II. Str. 174, 187.

церковный» православнаго соборнаго храма «Пречистое Богоматери», но и «впередъ своихъ духовныхъ повстѣгнути», чтобы они «такого находу и легкости» храмамъ «закону Греческого не чинили»¹⁾. Считая себя обязаннымъ охранять чистоту католическаго ученія и защищать католическую религію отъ ущербовъ, причиняемыхъ ей разновѣріемъ, бискупы съ энергіей принялись за исполненіе этой своей обязанности послѣ того, какъ католическая реакція вывела ихъ изъ бездѣйствія, а борьба шляхты съ клиромъ, поднявшаяся въ эпоху реформациі на почвѣ идеальной и соціально-матеріальной въ Польшѣ, отозвалась и въ Литвѣ и тѣмъ дала Литовскимъ бискупамъ толчокъ къ ревливой охранѣ ихъ правъ и преимуществъ. О размноженіи протестантскихъ сборовъ въ Вильнѣ было донесено бискупомъ Валеріаномъ королю Стефану, и изъ Владислава 27 марта 1577 года было предписано Баторіемъ Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу, чтобы въ столицѣ Литовской никто не строилъ новыхъ храмовъ, домовъ или дворовъ для собраній и школъ, а также, чтобы никто не заводилъ въ построенныхъ уже домахъ школъ и собраній. По словамъ короля, все это противъ юрисдикціи Виленскаго бискупа, попеченію котораго подлежатъ храмы и школы, противно это и правамъ самой королевской власти, безъ разрѣшенія которой не могутъ строиться новые храмы²⁾ Но и въ первой половинѣ XVI вѣка, т.-е. еще до начала католической реакціи въ Польшѣ и Литвѣ, встрѣчаемъ примѣры охраны бискупами своихъ правъ и прерогативъ. Встрѣчаемъ даже примѣры попытокъ неправильнаго расширенія бискупской власти на счетъ власти православныхъ митрополита и бискуповъ. Такъ, Кіевскій митрополитъ Іосифъ жаловался въ 1531 году королю Сигизмунду I³⁾, что «которые попы и люди» митрополита находятся въ Вильнѣ, — врядникъ Виленскаго бискупа Яна ихъ «безправне имаеть и въ нялство сажаетъ и ихъ судить и радить, а въ право» митрополита «духовное вступуетъ». Врядникъ бискупа, какъ рассказываетъ жалоба митрополита, укрывалъ, кромѣ того, тѣхъ православныхъ священ-

¹⁾ Вил. Арх. Сб. VI. № 14. Стр. 24.

²⁾ «Id vero esset non solum contra iurisdictionem episcopi Vilmensis, ad quem cura delubrorum et scholarum pertinet, sed etiam multo magis contra auctoritatem nostram regiam, citra cuius consensus neque nova delubra, neque scholae erigi, neque caetus extraordinarii, praesertim in civitatibus nostris cogi, aut convocari possunt». А. Вил. VIII. Стр. 3.

³⁾ Іосифъ III, преемникъ Іосифа Солтана.

никовъ, которые, совершивъ проступокъ, бѣжали къ нему отъ суда митрополичьяго. Король воспретилъ вѣднику бискупа все это дѣлать, посылая въ этомъ смыслѣ приказаніе самому бискупу ¹⁾).

Для управленія своею епархіей, для отправленія своего суда и для веденія хозяйства каѳедры, естественно, бискупъ долженъ былъ имѣть цѣлый штатъ подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ. Если дворъ православныхъ митрополитовъ и епископовъ, какъ въ Руси восточной, такъ и западной, представлялъ изъ себя копию великокняжескаго двора въ миниатюрѣ ²⁾, то же самое можно сказать и о дворѣ бискупа, не упуская, конечно, лишь изъ виду тѣхъ спеціальныхъ чертъ церковнаго католическаго управленія, которыя, будучи общими администраціи католическихъ каѳедръ вообще, не могли не проникнуть и въ Литву. Въ самомъ дѣлѣ, при дворѣ бискупа встрѣчаемъ всѣхъ главнѣйшихъ вѣдниковъ и министровъ, которые имѣлись въ государственномъ и дворномъ управленіи великихъ князей Литовскихъ. Канцлеръ ³⁾ его милости князя бискупа стоялъ во главѣ бискупьей канцеляріи, храня и печать каѳедры. Во главѣ финансоваго управленія стоялъ подскарбій, который завѣдывалъ казною, расходами и доходами бискупства ⁴⁾. Дворъ бискупа имѣлъ и подкоморія ⁵⁾. Были и книги духовнаго суда, которыя велъ «писарь явный права духовнаго» ⁶⁾. Въ то время, какъ войтъ бискупа ⁷⁾ творилъ судъ надъ мірянами-подданными каѳедры, дворный судья ⁸⁾ бискупа, плебанъ, разбиралъ на дворѣ его sprawy церковныя. При бискупѣ находились и его суфраганъ ⁹⁾, и капелланъ ¹⁰⁾, и цѣлый рядъ духовныхъ лицъ, нужныхъ ему для богослуженія ¹¹⁾ или исполняющихъ различныя его порученія. Не отсутствовали на дворѣ бискупа и кухмистръ ¹²⁾, и ключникъ ¹³⁾, и служебники различныхъ назначеній ¹⁴⁾. Бискупы были крупными землевладѣльцами, владѣя

¹⁾ Вил. Арх. Сб. VI. № 18.

²⁾ Ср. Пр. М. И. Горчаковъ. О земельныхъ владѣніяхъ всеросс. митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода. СПб. 1871. Стр. 239 и сл.

³⁾ А. Вил. XX. №№ 4, 10.   ⁴⁾ А. Вил. XX. №№ 4, 24.

⁵⁾ А. Вил. XX. № 4. А. Вил. XVII. № 907.

⁶⁾ А. Вил. XX. № 23. Ср. *ibidem*, № 2 (писарь бискупа).

⁷⁾ А. Вил. XX. №№ 4, 6, 7, 13, 18, 21. Судовыя книги его—*ibidem*, 12, 25, 26, 34.

⁸⁾ А. Вил. XX. № 6.   ⁹⁾ А. Вил. XX. № 7.

¹⁰⁾ *Ibidem*.   ¹¹⁾ Архидіаконъ—А. Вил. XX. №№ 4, 5, 7, 8, 9, 18.

¹²⁾ А. Вил. XX. № 2.   ¹³⁾ А. Вил. XX. №№ 4, 13.

¹⁴⁾ А. Вил. XX. № 6. А. З. Р. III. № 8. А. Ю. и З. Р. I. № 67.

землями каѳедры и своими личными земельными собственностями. Если каѳедры и церкви имѣли въ числѣ своихъ земельныхъ владѣній земли, освобожденныя отъ земской военной службы, то онѣ имѣли и земли, подлежащія отбыванію этой службы. Статутъ гласитъ, что «духовные зъ имѣней своихъ свѣцкихъ и костелныхъ наданыхъ, съ которыхъ служба земская военная бывала до сихъ часовъ, также зъ имѣней своихъ отчизныхъ купленыхъ и закупленыхъ шляхецкихъ, войнѣ повинныхъ, службу земскую служыти мають» — они должны выставлятъ съ этихъ имѣній причитающійся съ нихъ «почетъ», а вмѣсто самихъ себя высылатъ «человѣка доброго шляхтича»¹⁾. Если простое веденіе хозяйства требовало для себя крестьянъ-работниковъ, то военная служба заставляла и бискуповыхъ врядниковъ приискивать лицъ, подходящихъ для ея несенія, притомъ значительнаго числа шляхтичей, ибо количество имѣній, принадлежавшихъ бискупу, было далеко не малое. Нужно было, кромѣ того, имѣть служебниковъ, которые бы служили бискупу въ качествѣ его разсылныхъ, или спутниковъ во время поѣздокъ²⁾ — все это создавало необходимость цѣлаго ряда различныхъ слугъ, частью на самомъ дворѣ бискупа, частью въ его имѣніяхъ, и прежде всего управляющихъ для этихъ послѣднихъ. Но кромѣ имѣній каѳедры, бискупу нерѣдко принадлежало весьма значительное число его собственныхъ имѣній, наследственныхъ или приобрѣтенныхъ. Рядъ врядниковъ и слугъ былъ необходимъ и для нихъ. Служебники нужны были и для веденія тяжбъ въ судахъ, такъ какъ, конечно, не самому же бискупу было ѣздить по судамъ со своими судовыми справами. Такимъ образомъ, служебники и должностныя лица бискупа раздѣлялись на три категоріи: 1) особы духовнаго сана, 2) служилые шляхтичи и 3) слуги, не принадлежащіе къ шляхетскому сословію.

Въ какихъ же отношеніяхъ находился бискупъ къ свѣтской власти? Въ общественномъ и политическомъ положеніи бискупа замѣтны двѣ стороны его значенія: 1) значеніе чисто церковное

¹⁾ II ст. II. 9. Ср. *ibidem*, 1.

²⁾ Нпр., А. Ю. и З. Р. I. № 67 (1517 г.). Ср. также А. Вил. XXIV, № 266 (1584 г.). Примѣръ веденія дѣла бискупа въ судѣ его служебникомъ: «прышедъши очевисто до книгъ канцлярейскихъ господара короля его милости Жыкгимонта Августа за зупольною моцью отъ его милости князя Януша Андрошевича, бискупа Луцького и Берестейского, служебникъ его милости Станиславъ Александровичъ...» Лит. Метр. $\frac{II A}{51}$ л. 5 об. (Дата документа: Кнышинъ, 22 марта 1566 года).

и 2) значеніе политическое, свѣтское. Къ верховной власти бискупы имѣютъ отношеніе и какъ лица, стоящія во главѣ церковнаго управленія, и какъ члены королевской рады со всѣмъ значеніемъ сенатора. Управляя своею епархіей, бискупы озабочены охраною католической религіи и заботою объ исполненіи постановленій ея живущими въ ихъ епархіи католиками. Они обращаются къ королевской власти за ея содѣйствіемъ въ этой своей дѣятельности: мы видѣли выше просьбу Виленскаго бискупа Валеріана Протасевича къ королю Стефану о королевскомъ запрещеніи устройства протестантскихъ сборовъ и школъ въ Вильнѣ¹⁾. Бискупъ Виленскій Павелъ въ 1548 году жаловался Сигизмунду Августу на упадокъ нравовъ въ своей паствѣ²⁾, и король, хотя и бывшій въ то время подъ вліяніемъ покровителей Литовскаго разновѣрія, Радивиловъ, издалъ указъ, не только уполномочивающій служебника бискупа силою брать виновныхъ для казни, но и повелѣвающій всѣмъ оказывать въ этомъ ему помощь³⁾. Король — «зверхній оборонца костеловъ и церквей Божіихъ»⁴⁾, и на этомъ основывается право церкви искать его содѣйствія въ тѣхъ или другихъ ея нуждахъ. Но сношенія бискуповъ по ихъ церковному управленію не ограничивались однимъ требованіемъ вмѣшательства свѣтской власти и ея распоряженій противъ враговъ католической церкви, или плохихъ сыновъ ея. Право королевскаго патроната на многіе приходы и церкви епархіи бискупа ставило его въ необходимость сношеній съ королемъ. Акты знаютъ и пожалованія бискупу права патроната на извѣстныя церкви его епархіи⁵⁾, и затрудненія, которыя возникали при замѣщеніи приходовъ, подлежащихъ королевскому патронату и лишившихся своихъ пастырей въ эпоху безкоролевья, т.-е. въ то время, когда некому было назначить новаго священника; не имѣя возможности откладывать назначенія священника въ приходъ, бискупъ дѣлаетъ это самъ, но затѣмъ испрашиваетъ у новаго короля ему утвержденія⁶⁾. Наконецъ, бискупъ получаетъ отъ короля земельныя по-

¹⁾ А. Вил. VIII. Стр. 3.   ²⁾ А. З. Р. III. № 8.

³⁾ Ibidem.   ⁴⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 191 (1589 г.).

⁵⁾ Нпр., «Donatio juris patronatus ecclesiarum certarum reverendissimo domino Valeriano Episcopo Vilnensi». Лит. Метр. $\frac{I A}{62}$ л. 46.

⁶⁾ Нпр., «Confirmatio Alberto Krzyczowski collationis tempore interregni per reverendissimum dominum Valerianum Episcopum Vilnensem ecclesiae parochialis in Nowydwor». Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. 3 об., 4 (8 іюля 1576 г.).

жалованія «з ласки» его королевской, что, конечно, также вызывает сношенія его съ государемъ ¹⁾). Матеріальные интересы и заботы ставили бискуповъ нерѣдко въ положеніе просителей передъ королями, хлопотавшихъ объ освобожденіи отъ различныхъ сборовъ, налоговъ и т. п. ²⁾).

Земельныя и другія пожалованія давались бискупамъ не только въ награду за ихъ духовную и церковно-административную дѣятельность, но и за дѣятельность чисто государственную. Какъ панъ-рада, бискупъ являлся въ глазахъ короля и Речи Посполитой облеченнымъ особымъ авторитетомъ и вліяніемъ по отношенію къ обывателямъ того повѣта, въ центрѣ котораго находится его резиденція. Созывая въ 1577 году повѣтовые и главные сеймики въ Коронѣ и Княжествѣ для назначенія податка на наемное войско ³⁾, Стефанъ Баторій проситъ Кіевскаго бискупа Николая Паца, чтобы онъ «до того тежъ радю своею, на соймику повѣтовомъ и головномъ у Волковыйску будучи, приводилъ, яко бы тая потреба речи посполитоѣ згоднѣ и одинаково отправована была» ⁴⁾. Сношенія короля съ бискупами передъ сеймиками и сеймами имѣютъ то же самое содержаніе, что и ихъ сношенія съ остальными панами-радами. Бискупы получаютъ и различныя порученія отъ короля подобно другимъ сенаторамъ. Церковное значеніе бискупа вовсе не заслоняетъ его значенія, какъ пана-рады, и король Сигизмундъ Августъ, на примѣръ, прямо выражаетъ это въ своихъ грамотахъ: «князь бискупъ, яко рада наша, завжды обещнѣ тутъ на мѣстцу, у Вилни, для справъ нашихъ господарскихъ и земскихъ мѣшкаеть» ⁵⁾—такъ гласитъ одинъ

¹⁾ Нпр., Николай Паць, бискупъ Жомойтскій, получилъ отъ Сигизмунда Августа въ 1570 году 150 волокъ въ землѣ Жомойтской. Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 10—10 об. («Отписъ до князя Миколая Паца, бискупа Кіевскаго». Дата: Варшава, 29 марта 1570 года).

²⁾ Нпр., А. Ю. и З. Р. I. № 134. ³⁾ См. выше, стр. 158 и сл.

⁴⁾ А. З. Р. III. № 81. Въ этой грамотѣ Николай Паць ошибочно названъ бискупомъ Виленскимъ, а не Кіевскимъ. Х. *Melchior Buliński* говоритъ (Т. II. Str. 194. Nota I. Т. III. Str. 280. Nota I), что Николай Паць въ 1572 году сдѣлался кашталянѣмъ Мстиславскимъ. Само по себѣ такое назначеніе бискупа кашталянѣмъ, т.-е. повѣтовымъ вождемъ посполитаго рушенья должно уже представляться въ высшей степени страннымъ. Кромѣ того, кашталянѣмъ Мстиславскимъ былъ въ это время князь Иванъ Васильевичъ Соломерецкій (*J. Wolff. Sen. i dign. Str. 114*), а Паца мы еще въ 1574 и 1576 годахъ встрѣтили выше (стр. 118, 136), какъ Кіевскаго бискупа.

⁵⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 134.

изъ его листовъ. Но, конечно, какъ особа духовная, бискупъ пользуется особымъ почетомъ въ ряду другихъ сенаторовъ. Такъ, Стефанъ Баторій 4 іюля 1581 года принялъ Виленскаго бискупа, стоя выслушавъ его привѣтствіе, и стоя же на него отвѣтилъ ¹⁾).

Порученія, которыя давались королями бискупамъ, какъ панамъ-радамъ, бывали иногда очень серьезны. Такъ, Николаю Пацу, бискупу Кіевскому, хотя и вызванному вмѣстѣ съ другими сенаторами на сеймъ въ Варшаву, было поручено королемъ замѣнить вмѣстѣ съ братомъ его, Павломъ Пацомъ, Витебскимъ каштеляномъ, воеводу Виленскаго во время его отсутствія изъ Вильны. Опасности войны съ Москвою и страхъ передъ возможными въ Вильнѣ беспорядками побудили короля принять чрезвычайныя мѣры для охраны Литовской столицы во время поѣздки ея воеводы и въ то же время канцлера великаго княжества Литовскаго, Николая Юрьевича Радивиля. Присутствіе его необходимо на сеймѣ, но въ то же время необходимо и Вильну не лишить авторитетнаго главы воеводства въ трудное для Литвы время. Король видитъ исходъ изъ затрудненія въ назначеніи временныхъ замѣстителей Виленскаго воеводы и дѣлаетъ ими Кіевскаго бискупа и Витебскаго каштеляна, присутствіе которыхъ на сеймѣ не такъ нужно, какъ присутствіе Николая Радивиля, перваго по мѣсту изъ всѣхъ свѣтскихъ сенаторовъ Литовскихъ, да кромѣ того еще и канцлера Княжества. Обязанности Кіевскаго бискупа во время его завѣдыванія Виленскимъ воеводствомъ вмѣстѣ съ Павломъ Пацомъ король опредѣляетъ такъ: «если бы, чого Боже уховай, такъ отъ непріятели, яко и зъ иныхъ припадковъ, небезпечность, шкода и злочинства якіе отъ свовольныхъ людей дѣятыся мѣли, того абы еси обаспольнѣ, съ повинное вѣры своее противо намъ господару и речи посполитой, пильнѣ догледали и постерегали, и свовольныхъ люзныхъ людей не терпѣли, але ихъ карати велѣли; и о всякихъ речахъ, штобы ся таковского трафило, а сами бысте тому здѣлати не могли, намъ господару достаточную и неомѣшкалую вѣдомость писаньемъ своимъ знати давали» ²⁾). Бискупы бывали и ревизорами вмѣстѣ со свѣтскими сановниками ³⁾). Бискупъ ссужаетъ государство деньгами въ случаѣ затрудненій скарба, какъ

¹⁾ Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 20. Ср. Вил. Арх. Сб. IV, № 15 (Отношеніе къ Виленскому бискупу пановъ-радъ).

²⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 154.

³⁾ Нпр., А. Вил. XIV, стр. 191.

это дѣлають и другіе паны-рада ¹⁾). Словомъ, земское значеніе бискупа такъ велико, что въ цѣломъ рядѣ грамотъ, писанныхъ къ бискупамъ по дѣламъ земскимъ, мы могли бы свободно замѣнить имя и титулъ бискупа соотвѣтствующими словами имени и титула свѣтскаго пана-рады—и наоборотъ. Земское значеніе бискупа ставило его въ положеніе свидѣтеля актовъ, вышедшихъ изъ-подъ утвержденія королевскаго, имѣющихъ предметомъ пожалованія и православному духовенству, и православной церкви. Его имя въ числѣ пановъ-радъ, которые «при томъ были», во все не звучитъ страннымъ звукомъ имени католическаго епископа, написаннаго на грамотѣ, преслѣдующей интересы другого вѣроисповѣданія, неправильнаго съ точки зрѣнія католической церкви—онъ присутствуетъ въ качествѣ пана-рады, а вовсе не католическаго епископа ²⁾). Послѣ разсмотрѣнія земскаго значенія бискупа невольно долженъ явиться вопросъ, почему православные владыки, или по крайней мѣрѣ митрополитъ, не имѣли того же государственнаго значенія, которое имѣли епископы католическіе? Въ самомъ дѣлѣ, общее число православныхъ обывателей великаго княжества Литовскаго не только не было меньше, но превышало число обывателей-католиковъ; духовный судъ, церковное управленіе, обширныя земельныя имущества и даже обширный дворъ дѣлали владыкъ, а въ особенности митрополита нисколько не уступающими католическимъ бискупамъ, а между тѣмъ для нихъ не было мѣста въ королевской радѣ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года, актѣ значительно забытомъ великимъ княжествомъ Литовскимъ, какъ мы видѣли выше ³⁾), но оставившемъ послѣ себя все-таки очень сильный слѣдъ въ государственной жизни Литвы ввидѣ установленій, передававшихся уже какъ привычный порядокъ, какъ обычай. Городельскій привилей, ставя исповѣдываніе католической религіи необходимымъ условіемъ для пользованія правами шляхетства, поставилъ принадлежность къ этой религіи необходимымъ условіемъ и для полученія учрежденныхъ тогда же высшихъ государственныхъ должностей, воеводъ и каштеляновъ Виленскихъ и

¹⁾ Нпр., «листъ екъзекуторомъ тестаменту небощыка князя Валеряна, бискупа Виленскаго, на суму пенезей, до скарбу господарского позычоную».

Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. 275 об. и сл.

²⁾ Нпр., Вил. Арх. Сб. IX, № 3 (стр. 9).

³⁾ Стр. 236, 237.

Троцкихъ, ставшихъ во главѣ Литовскаго сената ¹⁾). Жизнь потомъ уничтожила своею властною рукою это пергаменное постановленіе, и послѣдующая исторія великаго княжества Литовскаго хорошо знаетъ пребываніе въ радѣ великаго князя не только православныхъ удѣльныхъ князей Русскихъ, но и воеводъ и каштеляновъ, исповѣдывавшихъ православную вѣру. Но, конечно, введеніе православныхъ митрополита и владыкъ въ раду было уже слишкомъ бросающимся въ глаза нарушеніемъ этого привилея, остававшегося формально не отмѣненнымъ въ цѣломъ вплоть до Люблинской Уніи, а въ своей части, устанавливающей преимуществу католическаго шляхетства, — до 1563 года. Но середина XVI вѣка принесла съ собою реформаціонное движеніе съ его новыми идеями. Отрицаніе папскаго авторитета было лишь одною стороною ихъ. Свобода изслѣдованія и самое исканіе истиннаго христіанства охватили лучшую часть Литовскихъ обывателей, какъ и населенія цѣлой Европы. Новыя вѣянія, новый духъ времени создали для Литвы имѣвшій такое глубокое значеніе указъ 1563 года, уравнивающій въ правахъ обывателей некатоликовъ съ католическою шляхтою. Что же удивительнаго, если именно въ это время шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія королю пришлось выслушать на Городенскомъ сеймѣ 1568 года въ числѣ просьбъ, поданныхъ ему митрополитомъ Іоною, и просьбу о томъ, чтобы «владыки, епископы закону Греческого, мѣсто и вотумъ въ радѣ его милости господарской, зъ милостивоѣ ласки его королевской милости и водлѣ обычаю звыклого, яко то предки» его «архіепископы мѣвали, одержати могли» ²⁾). Правда, что король отвѣтилъ на эту просьбу лишь то, что онъ это дѣло «на иншіи часъ откладати рачить», да иначе отвѣтитъ онъ и не могъ ввиду приближавшагося заключенія Уніи съ Польшей, а слѣдовательно и общей реформы Литовскаго сената. Однако для насъ важно не только самое появленіе этой просьбы но и указаніе на то, что бывали и прежде приглашенія высшихъ православныхъ іерарховъ въ засѣданія Литовскаго сената.

Стремленіе получить мѣсто «въ лавицѣ радѣ» не умирало въ православномъ высшемъ духовенствѣ. Оно ярко обнаруживается потомъ во время заключенія Церковной Уніи; будучи однимъ

¹⁾ Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ. СПб. 1865. Стр. 12. Volumina legum. I. Petersburg. 1859. Str. 31.

²⁾ А. З. Р. III. № 43. Просьба 4.

изъ видныхъ побужденій согласія на нее Кіевскаго митрополита Михаила Рагозы и епископовъ, но ему не суждено было осуществиться для уніатскаго духовенства, какъ и для православнаго, хотя право православнаго Кіевскаго митрополита на кресло въ сенатѣ и было внесено уже въ серединѣ XVII вѣка въ Зборовскій трактатъ, проникнувъ въ него по потокамъ казацкой и шляхетской крови, пролитой въ эпоху возстанія Хмельницкаго. Утвердившаяся съ конца XVI вѣка католическая реакція закрыла навсегда для православныхъ владыкъ двери Польско-Литовскаго сената, въ которыя стучался въ 1568 году Кіевскій митрополитъ Иона, и такимъ образомъ католическіе бискупы были единственными духовными сенаторами сената соединеннаго государства въ обѣихъ, Польской и Литовской, его частяхъ.

Перейдемъ теперь къ знакомству съ сенаторскими врядниками, занимавшими въ радѣ слѣдующее мѣсто за мѣстомъ бискуповъ. Этими врядниками были воеводы. Въ періодъ времени съ 1569 по 1586 годы въ великомъ княжествѣ Литовскомъ существовали десять воеводствъ: Виленское, Троцкое, староство Жомойтское, Полоцкое, Новгородское, Витебское, Берестейское, Мстиславское, Минское и Смоленское. Воеводами въ этихъ десяти воеводствахъ въ изслѣдуемый періодъ времени были слѣдующія лица: 1) воеводство Виленское—князь Николай Юрьевичъ Радивилъ (1566—1584) и сынъ его, князь Криштофъ Николай Радивилъ (1584—1603), 2) воеводство Троцкое—князь Стефанъ Андреевичъ Збаржскій (1566—1586), 3) староство Жомойтское—Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ (1563—1579) и Янъ Станиславовичъ Кишка (1579—1589), 4) воеводство Полоцкое—Станиславъ Станиславовичъ Довойна (получилъ Полоцкое воеводство въ 1542 году, въ 1563 году былъ взятъ въ плѣнъ Москвою, умеръ въ 1573 году) и Николай Николаевичъ Дорогостайскій (1576—1597), 5) воеводство Новгородское—Павелъ Ивановичъ Сапега (1558—1579) и князь Николай Николаевичъ Радивилъ (1579—1589), 6) воеводство Витебское—Станиславъ Николаевичъ Паць (1566—1588), 7) воеводство Берестейское—Юрій Васильевичъ Тишкевичъ (1566—1576) и Гавріилъ Ивановичъ Горностай (1576—1588), 8) воеводство Мстиславское—Юрій Юрьевичъ Остикъ (1566—1578) и Павелъ Николаевичъ Паць (1578—1593), 9) воеводство Минское—Гавріилъ Ивановичъ Горностай (1566—1576) и Николай Павловичъ Сапега (1576—1588). Кромѣ этихъ девяти воеводствъ, которыя упоминаются «списаньемъ» Литовскихъ повѣ-

товъ, составленномъ послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ ¹⁾, съ 1569 года является вновь въ актахъ Литовскихъ и воеводство Смоленское, несмотря на то, что самый Смоленскъ, утраченный въ 1514 году, Княжество себѣ вернуло лишь въ 1611 году. Должность Смоленскаго воеводы въ изслѣдуемый періодъ занимали: Василій Тышкевичъ (1569—1571), Григорій Богдановичъ Воловичъ (1572—1577), Юрій Юрьевичъ Остикъ (1578—1579) и Филонъ Семеновичъ Кмита (1579—1587).

Не всѣ перечисленныя воеводства возникли одновременно. Древнѣйшими были три: Виленское, Троцкое и староство Жомоитское. Последнее, будучи воеводствомъ по своему значенію и занимая третье мѣсто въ списокѣ воеводствъ великаго княжества Литовскаго, не имѣло, однако, этого названія вплоть до 1793 года ²⁾. Всѣ три воеводскія должности — воеводы Виленскій и Троцкій и староста Жомоитскій существовали съ 1413 года, со времени Городельскаго привилея. Но въ послѣдующее время въ Княжествѣ, раздѣленномъ въ 1413 году на три большіе округа — Виленскій, Троцкій и Жомоитскій, — имѣвшихъ значеніе дѣленій, и военнаго, и административнаго, и судебного, стали выдѣляться новые округа, стремившіеся пріобрѣсти самостоятельное значеніе административно-судебно-военнаго округа въ государствѣ. Новые округа, впрочемъ, выдѣляются лишь изъ воеводствъ Виленскаго и Троцкаго; староство Жомоитское сохраняетъ и свои предѣлы, и свою старину. Самая обширность воеводствъ, установленныхъ въ 1413 году, должна была требовать этого выдѣленія. Если въ основѣ раздѣленія Литовскихъ владѣній на два воеводства лежалъ политическій дуализмъ временъ Ольгерда и Кейстута, то уже одно это способно объяснить необходимость образованія новыхъ округовъ. Тѣ обширные предѣлы земельныхъ округовъ, въ которыхъ возможно осуществленіе власти князя, какъ государя, не поддаются уже управленію власти на мѣстника-воеводы. И въ самомъ дѣлѣ, съ сохраненіемъ военнаго

¹⁾ «Списанье поветовъ великаго князства Литовскаго и врадниковъ въ нихъ». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 197 об.—203 об. Издано М. К. Лубавскимъ. Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. № 79. Въ немъ показаны, конечно, и воеводства, отошедшія въ 1569 году къ Коронѣ, такъ какъ оно составлено до Уніи, послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Имена воеводъ, приведенныя нами см. у *J. Wolff'a*. (Sen. i dign.).

²⁾ *J. Wolff*. Sen. i dign. Str. 90.

единства воеводства начинаютъ выдѣлять изъ себя новые большіе округи, державцы которыхъ титулуются титуломъ воеводы. Такъ выдѣлился Новгородскій повѣтъ изъ состава Виленскаго воеводства ¹⁾. Намѣстникъ великаго князя въ Новгородкѣ управлялъ самостоятельно, безъ подчиненія Виленскому воеводѣ. Уже Петрашъ Монтыгирдовичъ, бывшій Новгородскимъ намѣстникомъ съ 1431 по 1452 годы, называется воеводою ²⁾. Князь Семень Юрьевичъ Гольшанскій также иногда титулуется воеводою ³⁾, а съ 1506 года титулъ воеводы сдѣлался уже обычнымъ для всѣхъ намѣстниковъ Новгородскихъ. Но съ выдѣленіемъ новаго воеводства все таки сохранялась военная связь земель, вошедшихъ въ него, съ прежнимъ военно-земскимъ центромъ. Поэтому и Новгородское воеводство становилось во время рушенья по прежнему подъ команду Виленскаго воеводы. Какъ изъ Виленскаго воеводства выдѣлилось въ началѣ XVI столѣтія воеводство Новгородское, такъ изъ состава Троцкаго зимою 1513—1514 годовъ были выдѣлены Сигизмундомъ Старымъ округи Дорогицкій, Брестскій, Бѣльскій, Каменецкій, Мельницкій и Кобринскій, изъ которыхъ король образовалъ новое воеводство—Подляшское ⁴⁾. Около того же времени стали именоваться воеводами и намѣстники земель Бѣлой Руси, входившихъ въ составъ Княжества. Такъ явились Полоцкіе воеводы съ 1504 года, Смоленскіе—съ 1508 года, Витебскіе—съ 1511 года. Въ южной Руси они явились еще раньше: Кіевскимъ воеводою титуловался уже князь Михаилъ Ивановичъ Гольшанскій, бывшій намѣстникомъ Кіевскимъ съ 1422 по 1430 годъ. Такимъ образомъ девять воеводствъ великаго княжества Литовскаго существовали уже задолго до вступленія на престолъ послѣдняго Ягеллона, царствованіе котораго имѣетъ такое громадное значеніе въ исторіи Литвы. Реформы шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія потребовали новаго областного дѣленія государства. Цѣлыхъ пять новыхъ воеводствъ были созданы въ 1566 году, что значительно уменьшило размѣры прежнихъ воеводствъ и измѣнило значеніе прежнихъ воеводъ, придавъ имъ рядъ новыхъ товарищей, засѣдающихъ рядомъ съ ними въ радѣ великаго князя Литовскаго, творящихъ судъ и управу въ земляхъ, гдѣ прежде они одни были судьями, правителями и командирами воеводской

¹⁾ *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 126.

²⁾ *J. Wolff*. Sen. i dign. Str. 34.   ³⁾ *Ibidem*. Str. 35.

⁴⁾ Ср. *М. К. Любавскій*. Обл. д. и м. упр. Стр. 20.

шляхты, ведущими къ гетману земское обывательское войско-рушение. Въ 1566 году были учреждены на Виленскомъ сеймѣ воеводства Волынское, Берестейское, Мстиславское, Браславля Подольскаго и Минское. Мы ограничимся пока лишь этимъ указаніемъ для того, чтобы ниже, въ другой связи, разсмотрѣть въ цѣломъ значеніе этой реформы для власти и положенія Литовскихъ воеводъ. Исторія областного управленія Литовско-Русскаго государства можетъ быть раздѣлена эпохою шестидесятихъ годовъ XVI вѣка на два отдѣла, границею между которыми и является эта эпоха.

Прежде чѣмъ перейти къ изображенію положенія воеводы Княжества времени послѣ этой эпохи, бросимъ бѣглый взглядъ на Литовскаго воеводу предшествующаго времени. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Литовско-Русское государство, сложившись изъ различныхъ Литовскихъ и Русскихъ земель постепенно, притомъ въ большинствѣ случаевъ даже не путемъ завоеванія, а путемъ мирнаго присоединенія согласно желаніямъ самого населенія, долгое время сохраняло цѣлый рядъ областныхъ особенностей ¹⁾. Старина и обычай держались, охраняемые самою верховною властью. «Нехай то будетъ по тому, какъ здавна бывало,.... бо мы старины не рухаемъ, а новины не уводимъ» — говорятъ великіе князья Литовскіе въ своихъ грамотахъ ²⁾. Самые законодательные кодексы, издаваемые верховною властью — судебникъ 1468 года и первый Литовскій статутъ — не только не изгоняютъ обычая и старины, но многое изъ нея обращаютъ въ писанный законъ, притомъ сохраняя и обычай, какъ руководство въ тѣхъ случаяхъ, которые не предусмотрѣны закономъ ³⁾. «А которыхъ бы артыкуловъ не было еще в тыхъ правахъ вышей писано, тогда тое право маетъ сужоно быти водле старого обычая, а на потомъ на волномъ сойме тотъ члонокъ и иные, чого потреба вкажетъ, маетъ уписано быти» ⁴⁾ — гласитъ статутъ 1529 года, санкціонируя не только право обычая на значеніе юридической нормы, но даже требуя внесенія въ кодексъ тѣхъ обычныхъ нормъ, которыя упущены первою редакціею Литовскаго статута. Когда въ эпоху шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія эти областныя особенности зна-

¹⁾ См. рецензію *С. А. Бершадскаго* на «Областное дѣленіе и м. упр.» *М. К. Любавскаго*. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Р. при М. Ун. 1894 г. IV.

²⁾ А. З. Р. I. № 90. Ср. *ibidem*, №№ 120, 127 и др.

³⁾ См. *М. Ясинскій*. Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Кіевъ. 1889. Стр. 4.

⁴⁾ I ст. VI. I. Ср. *ibidem*, 37.

чительно сгладились и прежняя слишкомъ замѣтная спайка отдѣльныхъ земель замѣнилась болѣе органическою государственною связью, самый взглядъ правительства на обычай нѣсколько измѣнился. Крѣпко сохраняясь во многомъ не только въ XVI, но и въ послѣдующіе вѣка, онъ уже не признается въ Литовскомъ законодательствѣ источникомъ дѣйствующаго права, а вступление высшаго слоя Литовскаго общества въ культурное общеніе съ Западною Европой потребовало примѣненія постановленій и порядковъ Западно-Европейскихъ государствъ вмѣсто стараго обычая въ роли восполнителя упущеній кодекса Княжества. Интересна постепенность въ этомъ устраненіи правъ обычая изъ Литовскаго законодательства. Статутъ 1566 года постановляетъ, что ни самъ государь, ни воеводы, ни судъ земскій, замковый или дворный и никакой судья вообще не должны судить иначе, какъ «только водле статуту сего, яко въ немъ стоитъ выобразоно»¹⁾. Обычай, такимъ образомъ, уже не принимается законодательствомъ, какъ источникъ для судебной практики и самого законодательства, но пока еще ничего не ставится на его мѣсто. Третій статутъ пошелъ дальше. Онъ гласитъ: «а где бы чога в томъ статуте не доставало, тогды судъ, прихиялючыся до ближъшое справедливости, водле сумненья своего и прикладомъ иныхъ правъ хрестіаньскихъ то отиравовати и судити маеть»²⁾. Но, ставя примѣръ другихъ государствъ, какъ руководство для судьи въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не находитъ его въ статутѣ, Литовскій кодексъ не забываетъ упомянуть и «сумненье» судьи, т.-е. его личное мнѣніе и указаніе его совѣсти. И въ томъ, и въ другомъ не могли не играть роли обычай и старина, о которыхъ слышали и въ которыхъ росли Литовскіе дѣятели. Въ самомъ дѣлѣ, на обычай любили ссылаться Литовскіе судьи, а лучшимъ образчикомъ прочности старины можетъ служить такъ называемый копный судъ, жившій безъ всякаго писаннаго закона еще въ XVІІІ столѣтіи³⁾.

Итакъ, сохраненіе старины—тенденція, проходящая красною нитью въ заявленіяхъ Литовской верховной власти вплоть до шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка⁴⁾. Но сохраняемая во многомъ, она не могла сохраняться во всемъ. Время шло и несло съ собою

¹⁾ II ст. IV. 30.   ²⁾ III ст. IV. 54.   ³⁾ А. Вил. XVІІІ. № 445 и сл.

⁴⁾ О сохраненіи старины въ Княжествѣ въ эпоху послѣ Уніи 1569 года см. выше, стр. 225.

новые запросы и задачи, которые постепенно и разрешались. Старина во многомъ мало-по-малу стала обращаться лишь въ пережитокъ, ея прежде крѣпкіе устои стали давать трещины, и эти трещины быстро заполнялись новымъ содержаніемъ, которое давала жизнь. Новое содержаніе, новые взгляды и потребности и новые порядки приобрѣтають затѣмъ господствующій тонъ въ картинѣ, хотя и ясны еще тоны старины. Эти соображенія необходимо имѣть въ виду какъ вообще при изображеніи строя Литовской политической и соціальной жизни, такъ въ частности при изученіи положенія Литовскаго воеводы.

Назначеніе воеводы совершалось двумя способами. Первый способъ — простое назначеніе великимъ княземъ, совершенно такое же по своему внутреннему смыслу и по внѣшнимъ формальностямъ, какъ и всякое другое пожалованіе высокою государственною должностью. Но уставныя грамоты Литовско-Русскаго государства хорошо знаютъ и другой способъ назначенія на воеводство: великій князь предварительно узнаетъ «волю» земли, т.-е. сама земля избираетъ себѣ воеводу, котораго затѣмъ утверждаетъ великій князь. Такое право имѣть воеводою лишь лицо, угодное землѣ принадлежало землѣ Жомойтской и воеводствамъ Полоцкому и Витебскому ¹⁾. Выборы эти происходили на областныхъ сеймахъ ²⁾. Подтвержденіе словъ уставныхъ грамотъ Полоцкой и Витебской земель, говорящихъ о томъ, что великій князь долженъ дать землѣ другого воеводу вмѣсто того, который имѣ «нелюбъ» и котораго они «обмовятъ» передъ государемъ ³⁾, находимъ и въ актахъ, выдержки изъ которыхъ приводитъ М. К. Любавскій ⁴⁾. Жалоба бояръ и мѣщанъ Витебскихъ на Витебскаго воеводу Ивана Богдановича Сапегу (1517—1526) за его притѣсненія и несправедливости прекрасно рисуютъ осуществленіе этого права. Бояре и мѣщане били государю челомъ, «не хотячы того воеводы собѣ мѣти, абы его милость водлѣ правъ и прывильевъ предковъ его милости и его милости самого, далъ» имъ «инога воеводу». Король вывелъ Сапегу изъ Витебска и далъ ему Подляшское воеводство. Но относительно права земель Полоцкой и Витебской имѣть своего воеводу по своему желанію

¹⁾ См. *М. Ясинскій. Уст. з. гр. Л.-Р. гос.* Стр. 118.

²⁾ См. *М. К. Любавскій. Обл. д. и м. упр.* Стр. 873.

³⁾ *М. Ясинскій. Уст. з. гр. Л.-Р. гос.* Стр. 118.

⁴⁾ *М. К. Любавскій. Обл. д. и м. упр.* Стр. 873.

можно думать, что оно осуществлялось въ дѣйствительности, обыкновенно, не столько въ самомъ выборѣ себѣ воеводы, сколько въ правѣ ходатайства о его смѣщеніи въ случаѣ его непопулярности среди мѣстнаго населенія. Думать такъ не мѣшаетъ построение фразы въ уставныхъ грамотахъ Витебской и Полоцкой земель, а побуждаютъ привилеи на воеводства, выданные королемъ. Такъ, назначая въ 1531 году Витебскаго воеводу и своего маршалка Яна Юрьевича Глѣбовича воеводою Полоцкимъ, Сигизмундъ I совсѣмъ не упоминаетъ о выборѣ его землею. Мотивами для этого повышения урядомъ Яна Глѣбовича являются по словамъ королевскаго привилея лишь: 1) желаніе государя наградить его за его заслуги и сдѣлать такимъ образомъ «охотнѣйшимъ и послушнѣйшимъ ку службамъ» королевскимъ и 2) «причына», т.-е. ходатайство супруги короля, Боны ¹⁾. О выборѣ Глѣбовича Полоцкимъ населеніемъ такимъ образомъ нѣтъ въ привилеѣ ни слова. Но если можно думать такъ о правѣ участія въ назначеніи своего воеводы земель Полоцкой и Витебской, то земля Жомойтская, несомнѣнно, осуществляла цѣликомъ свое право собственнаго выбора своего старосты-воеводы. Такъ, когда умеръ Жомойтскій староста Станиславъ Яновичъ (Кезгайло), къ королю Сигизмунду Старому «присылали» его подданные, «панове, тивунове, вся шляхта земли Жомойтское неколькосъ тивуновъ», короля «великожедаючи и чоломъ бѣючи», чтобы онъ имъ оказалъ «ласку» и «заховалъ» ихъ «водлѣ правъ и привилеевъ ихъ, на то даныхъ» имъ его предками и имъ самимъ. Они присылали къ Сигизмунду и самые «привилея и права свои», прося назначить имъ старостою «тамошнего прироженца земли Жомойтское, а наболей сына бывшего старосты Жомойтского, пана Станислава Станиславовича». Самъ Станиславъ Станиславовичъ просилъ о томъ же «весполокъ съ ними». Король исполнилъ эту просьбу и сдѣлалъ его старостою земли Жомойтской ²⁾. Преемники его также избирались самою землею ³⁾. Самый текстъ уставной Жмудской грамоты опредѣленнѣе выражаетъ это право Жомойтской земли на выборъ своего старосты. Эта грамота говоритъ: «тежъ ста-

¹⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 96.

²⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 86.

³⁾ Избраніе и назначеніе Петра Станиславовича Кшички см. *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 874. Избраніе и назначеніе Яна Еронимовича Ходкевича—*М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 657.

росту, которого бы хотѣли мѣти, того имъ даемъ, а вѣдь же зъ нашою волею»¹⁾).

Итакъ, воеводы назначались въ Литовско-Русскомъ государствѣ двумя способами—великимъ княземъ непосредственно во всѣхъ воеводствахъ кромѣ трехъ, а именно Полоцкаго, Витебскаго и староства Жомойтскаго, и великимъ княземъ совмѣстно съ самимъ населеніемъ—въ этихъ трехъ воеводствахъ. Обязанности воеводы въ его воеводствѣ распадаются на три отдѣла: 1) военныя, 2) административныя и 3) судебныя. Воевода стоитъ во главѣ военной силы, представляемой населеніемъ его воеводства. Подъ его начальство стягиваются военно-служилые землевладѣльцы со своими «почтами», а вмѣстѣ съ ними становятся и всѣ почты и воины, высылаемые лицами, не обязанными собственною особою служить военную службу (духовенство, пани-вдовы). Значеніе воеводы, какъ военачальника земскаго ополченія воеводства сохраняется дольше во всѣхъ земляхъ, входившихъ въ составъ его округа, чѣмъ функціи административныя и судебныя. Выдѣляясь въ отдѣльное воеводство, Новгородскій повѣтъ Виленскаго воеводства сохранилъ вполнѣ военную связь съ Виленскимъ воеводою и становился подъ его начальство вмѣстѣ съ другими повѣтами его округа²⁾. Начальникъ земскаго войска своего воеводства, воевода ведетъ его къ гетману и ставитъ подъ его команду. Что касается до его административныхъ обязанностей, то они могутъ быть раздѣлены на четыре категоріи: 1) управленіе его въ тѣхъ земельныхъ округахъ, въ которыхъ онъ являлся самъ намѣстникомъ-державцею; 2) его административное значеніе для тѣхъ земельныхъ округовъ, которые, будучи расположенными въ предѣлахъ воеводства, находились въ державѣ и подъ управленіемъ другихъ намѣстниковъ-державцевъ; 3) правительственное значеніе воеводы по отношенію къ землямъ, принадлежащимъ частнымъ землевладѣльцамъ, князьямъ, панамъ, шляхтѣ, боярамъ, духовенству, мѣщанамъ, и, наконецъ, 4) отношеніе функцій воеводскаго управленія къ городамъ, пользовавшимся самоуправленіемъ по Нѣмецкому праву. Само собою разумѣется, что власть воеводы и его административныя права были различны по отношенію ко всѣмъ этимъ группамъ земельныхъ владѣній и частей территоріи его воеводства. Въ тѣхъ земельныхъ пространствахъ, въ которыхъ воеводы были намѣстниками-державцами, воеводскій

¹⁾ М. Ясинскій. Уст. з. гр. Л.-Р. гос. Стр. 118.

²⁾ М. К. Любавскій. Обл. д. и м. упр. Стр. 126.

урядъ и функционировалъ такъ, какъ отправляли свою дѣятельность другіе державцы. Воевода завѣдывалъ господарскимъ хозяйствомъ на замковыхъ земляхъ со всѣми хлопотами и доходами этого завѣдыванія. Эксплоатація пашенной земли, выгоновъ, пастбищъ, луговъ, лѣсныхъ угодій, озеръ, рѣкъ находилась въ его вѣдѣніи въ предѣлахъ его округа, какъ державцы, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему принадлежала и обязанность собирать подати и налоги и творить судъ и управу среди живущихъ въ его державѣ крестьянъ. Сдѣлки крестьянъ на участки земли и угодья въ предѣлахъ его державы должны совершаться съ вѣдома его, какъ намѣстника-державцы.

Раздача пустыхъ земель также, конечно, подлежитъ его заботѣ и дѣятельности, равно какъ и расширение эксплоатаціи и развитіе хозяйства господарскаго. Черезъ руки воеводъ идутъ различныя поступленія съ косвенныхъ налоговъ, а въ XV вѣкѣ они даже сами налагали новыя «мыта». Воеводы наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы отъ пожалованія государемъ частнымъ лицамъ права на сборъ мыта, или на учрежденіе торга не терпѣли ущерба господарскіе доходы. Воеводы, какъ и другіе державцы, обязаны давать государю «стацію» въ случаѣ его пріѣзда. Имѣя въ своемъ держаньѣ государевы земли, они, конечно, подлежатъ обязанности выправлять и выводить вмѣстѣ со своими хоружими на военную службу въ случаѣ надобности всѣхъ обязанныхъ военною службою жителей ихъ державы, т.-е. князей, пановъ, бояръ, земянъ, мѣщанъ и военно-обязанныхъ крестьянъ. Забота объ исполненіи военно-служилымъ населеніемъ его обязанности «служить войну» шла рядомъ съ дѣятельностью воеводы въ устройствѣ военно-служилаго землевладѣнія: воеводы или сами своею властью раздавали имѣнія и земли подъ условіемъ земской службы съ нихъ, дѣлая это до утвержденія, «до воли» великаго князя, или же давали такія земли по приказанію отъ государя. Для исполненія всѣхъ этихъ многосложныхъ обязанностей, конечно, воеводы имѣли цѣлый рядъ слугъ различнаго назначенія ¹⁾.

Рядомъ съ дѣятельностью воеводъ въ качествѣ великокняжескихъ намѣстниковъ-державцевъ выступаетъ ихъ дѣятельность какъ преемниковъ удѣльныхъ князей тѣхъ земельныхъ пространствъ, которыя составляли ихъ воеводства, обращенныя въ

¹⁾ О дѣятельности воеводъ, какъ намѣстниковъ-державцевъ, въ началѣ XVI вѣка см. *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 766—824.

нихъ изъ прежнихъ удѣльныхъ княжествъ Литовско-Русскаго государства. «Отъ удѣльныхъ князей воеводы и старосты получили извѣстную долю правительственной власти и значенія по отношенію къ областямъ въ полномъ ихъ составѣ, такъ какъ не всѣ функціи удѣльныхъ князей государь перенесъ на себя непосредственно, какъ не уничтожилъ онъ совершенно и политической особы и самобытности областей»¹⁾. Какъ преемники удѣльныхъ князей, воеводы имѣли извѣстную власть и административныя права по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія землямъ, входившимъ въ составъ ихъ воеводства. На первомъ планѣ тутъ нужно поставить военное дѣло и оборону, которыя требовали участія всѣхъ жителей воеводства. Замокъ, какъ мы видѣли²⁾, былъ мѣстомъ убѣжища, въ которое могли спастись въ минуту опасности въ тяжкое время вражескаго нашествія жители всего воеводства. Замокъ былъ оплотомъ и всего государства, и отдѣльнаго воеводства. Естественно, что городовое дѣло, какъ повинность «рубить городъ», строить городовыя укрѣпленія и чинить ихъ — должно было ложиться на всѣ державы, лежащія въ воеводствѣ, а не на однѣ лишь земли державы самого воеводы. Кромѣ того держать караулъ въ центральномъ городѣ воеводства должны были не только волости державы воеводы, но и волости прочихъ намѣстниковъ-державцевъ воеводства. За этою повинностью по оборонѣ и охранѣ центральнаго замка и города слѣдуетъ повинность намѣстниковъ-державцевъ всѣхъ державъ, находившихся въ воеводствѣ, посылать своихъ крестьянъ на различныя работы въ державу воеводы. Наконецъ, крестьяне, жившіе въ державахъ другихъ намѣстниковъ-державцевъ, тянули дякломъ къ главнымъ городамъ области. Но конечно, описанныя связи привязывали къ центральнымъ замкамъ далеко не всѣ волости, находившіяся подъ управленіемъ намѣстниковъ-державцевъ³⁾. Такимъ образомъ, являясь нитями, которыя притягивали къ центру часть державъ, находившихся въ воеводствѣ, эта связь не была общею для ихъ всѣхъ, и нельзя представлять себѣ дѣло такъ, что всѣ безъ исключенія державы воеводства были связаны ею съ воеводою. Настоящею общею связью его со всѣми землями воеводства была лишь связь военная.

По отношенію къ землевладѣльцамъ воевода имѣетъ общій

¹⁾ Ibidem. Стр. 766.   ²⁾ См. выше, стр. 338, 339.

³⁾ М. К. Любавскій. Обл. д. и м. упр. Стр. 827.

надзоръ за исполненіемъ ими своихъ обязанностей, лежащихъ на нихъ въ пользу государства. Поэтому продажа земель не только приписанными къ замку военно-служилыми крестьянами, но даже и землями совершается съ его вѣдома ¹⁾. По отношенію къ лежащимъ въ предѣлахъ его воеводства городамъ, пользующимся Нѣмецкимъ правомъ самоуправленія, воевода держитъ въ своихъ рукахъ надзоръ, чтобы они не захватывали подъ свой судъ и управленіе людей, имъ не подлежащихъ. Такъ, 28 іюня 1536 года Виленскій воевода Гаштольдъ приказалъ мѣщанамъ города Вильны не судить мѣщанъ митрополита и не брать съ нихъ «подачокъ некоторыхъ» ²⁾. Высокое значеніе воеводы въ его воеводствѣ основывалось не только на томъ, что онъ былъ главою земскаго войска и высшимъ представителемъ администраціи, онъ имѣлъ и судовыя функціи. Къ его суду отзываются даже отъ мѣстнаго суда державъ, не бывшихъ подъ властью его, какъ намѣстника-державцы, а только входившихъ въ территорію его воеводства ³⁾.

Послѣ всего изложеннаго понятенъ тотъ высокій авторитетъ который имѣлъ воевода въ своемъ воеводствѣ. Панъ-рада и близко стоящій около трона вельможа, онъ является посредникомъ между великимъ княземъ и населеніемъ воеводства. Онъ передаетъ государю нужды и просьбы обывателей, онъ рекомендуетъ государю различныхъ лицъ на земскіе вранды. Воевода сознаетъ свое значеніе и выражаетъ это даже въ своихъ листахъ, начиная ихъ иногда подобно самому великому князю. «Мы Олбрахтъ Мартиновичъ Кгашътолтъ, воевода Виленскій, канцлеръ великого князства Литовского, староста Бѣльскій и Мозырскій, явно чинимъ тымъ нашимъ листомъ»—такъ начинается свой мѣновный листъ на мѣну съ Кіевскимъ бискупомъ Вежгаломъ Виленскій воевода Гаштольдъ 17 августа 1529 года ⁴⁾. Ходатайство воеводы весьма цѣнно, и онъ удѣляетъ его лицамъ такого высокаго положенія, какъ митрополитъ ⁵⁾.

На протяженіи времени между 1529 годомъ, т.-е. эпохою перваго статута, и шестидесятыми годами XVI столѣтія, когда созданъ тотъ строй Литвы, съ которымъ она приступила къ заклю-

¹⁾ Полоцкая Ревизія. Л. 75 об. См. выше, стр. 474 прим. 2. Ср. Полоцкая Ревизія, л. 45: «тот же Борколабъ маеть именье, двор Павловичы, который отцу его земенин Полоцкий записал, Остафей Кривоногъ за дозволенемъ воеводы Полоцкого пана Петра Кишки».

²⁾ Вил. Арх. Сб. VI. № 11.   ³⁾ А. Вил. XVII. № 977.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 89.   ⁵⁾ А. З. Р. III. № 18.

ченію Унії съ Польшею мы должны отмѣтить одинъ крупный фактъ въ исторіи мѣстнаго управленія Литовско-Русскаго государства— волочную помѣру ¹⁾, организовавшую управленіе староствами и державами великаго княжества Литовскаго.

Реформы шестидесятихъ годовъ начались съ указа Сигизмунда Августа, изданнаго 7 іюня 1563 года ²⁾ и даровавшаго великому княжеству Литовскому полное уничтоженіе принципа пріобрѣтенія правъ шляхетства лишь подъ условіемъ принадлежности къ католической церкви. Могучій духъ реформаціи сломилъ этотъ принципъ и сравнялъ массы православнаго земянства съ католическою шляхтою. 1564 годъ принесть новое измѣненіе въ положеніи воеводъ и старостъ. Ихъ право суда надъ всѣми обывателями воеводствъ и староствъ (кромѣ лицъ и категорій жителей, имѣющихъ спеціальныя суды) было утрачено. По словамъ Бѣльскаго привилея 1564 года, сами воеводы ³⁾ и иные врядники земскіе, а также старосты и всѣ державцы, которые только владѣли правомъ суда, явившись предъ короля, лично отказались добровольно отъ этого своего права: «маючи напредъ Пана Бога и справедливость светую передъ очима своими», они «важили большъ тую а нижли которое въ томъ поволи, звирхности, владности и пожитки свои». Они отказались отъ своего права суда со всѣми доходами, которые оно имъ приносило. Второй статутъ раздѣлилъ всѣ дѣла, подлежащія областному суду, между тремя судами повѣта—земскимъ, подкоморскимъ и гродскимъ. Первые два суда были совершенно независимы отъ воеводъ и старостъ. Лишь судъ гродскій остался по прежнему въ ихъ рукахъ, но и этотъ судъ подлежалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ надзору земскаго суда ⁴⁾. Въ рукахъ гродскаго суда остались преступленія уголовныя, да, кромѣ того, гражданскіе иски по движимостямъ и дѣла тѣхъ обитателей повѣта, которые по своему состоянію не имѣли доступа ни въ земскій, ни въ магдебургскій суды. 1565 годъ принесть Княжеству новую крупную реформу. 30-го декабря этого года была издана съ Виленскаго сейма королевская грамота объ учрежденіи повѣтовыхъ сеймиковъ для выбора пословъ на сеймъ шляхтою повѣтовъ. Такимъ образомъ, шляхта получила организацію своего представительства на вальномъ сеймѣ, которой она не

¹⁾ А. З. Р. III. № 19.   ²⁾ А. З. Р. III. № 32.

³⁾ М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. № 48. Временникъ. XXIII. Стр. 4—11.

⁴⁾ См. Ж. М. Нар. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 282, 283.

имѣла до этого времени, хотя и высылала своихъ представителей на сеймы. Наконецъ, въ 1566 году увеличилось самое число воеводъ великаго княжества Литовскаго черезъ учрежденіе цѣлыхъ пяти новыхъ воеводствъ — Волынскаго, Берестейскаго, Мстиславскаго, Браславля Подольскаго и Минскаго. Королевскіе послы на повѣтовыхъ сеймикахъ, созванныхъ въ 1566 году передъ Берестейскимъ сеймомъ, уже заявили обывателямъ, что король «для лепшого вечныхъ часовъ порадку и оздобы речи посполитое того панства подле прозбъ, на прошломъ сойме Виленскомъ учиненныхъ, причинити рачилъ достоенствъ для лавицы рады своее яко воеводствъ, кашталяней, такъ тежъ маршалковъ и подкоморыхъ»¹⁾. При этомъ послы могутъ назвать имена назначенныхъ на эти новыя должности лицъ. Черезъ учрежденіе новыхъ воеводствъ, естественно, уменьшились размѣры старыхъ. Если административная власть воеводъ до этой реформы не была велика въ староствахъ, которыя были обращены въ 1566 году въ воеводства, то ихъ военное значеніе было одинаково для всѣхъ безъ исключенія волостей, лежавшихъ въ предѣлахъ столь обширныхъ прежнихъ воеводствъ. Не нанеся, такимъ образомъ, большого ущерба административной власти воеводскихъ урядовъ, существовавшихъ прежде, реформа 1566 года значительно уменьшила территориальныя предѣлы ихъ военнаго значенія. вмѣстѣ съ введеніемъ пяти новыхъ воеводствъ въ прежній составъ областного дѣленія Литовско-Русскаго государства состоялось и правильное раздѣленіе его на повѣты. Воеводство раздѣлилось на нѣсколько повѣтовъ, изъ которыхъ одинъ былъ центральнымъ. Въ послѣднемъ лежалъ главный городъ воеводства, въ которомъ находились воеводскіе паны-рада—воевода и кашталянъ. Число повѣтовъ въ воеводствѣ было отъ пяти до одного и каждый повѣтъ имѣлъ свои повѣтовые суды, являясь такимъ образомъ единицею судебною, свой отдѣльный сеймикъ, что его дѣлало единицею политической, своего старосту, или воеводу, какъ административную власть, что придавало ему значеніе единицы административной, и, наконецъ, хоружихъ имѣли всѣ повѣты, кашталяна—центральные и маршалковъ—всѣ, кромѣ центральныхъ, это были вяды, придававшіе повѣту значеніе единицы земско-военной. И судъ, и администрація, и поли-

---

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 116. Документъ изданъ *М. К. Любавскимъ*. Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. № 57.

тическая дѣятельность повѣтовъ стояли внѣ сферы прямого вліянія воеводы. Лишь центральный повѣтъ, или, какъ онъ иногда называется, воеводство въ тѣсномъ смыслѣ слова, былъ подчиненъ его административной и судебной власти, равно какъ и его авторитету и вліянію его голоса на имѣющемъ политическое значеніе повѣтовомъ собраніи, сеймикѣ. Оставаясь такимъ образомъ самостоятельными единицами въ политическомъ, судебномъ и административномъ отношеніяхъ, повѣты сохраняли полную связь съ центромъ лишь въ земско-военномъ отношеніи. Воевода и каштелянъ стояли на челѣ обывателей всѣхъ повѣтовъ, поднимавшихся вооруженною силою въ посполитомъ рушеньѣ. Но мы уже видѣли выше роль воеводы во время посполитаго рушенья ¹⁾ и теперь можемъ обратиться прямо къ болѣе детальному изученію положенія воеводы въ его повѣтѣ.

Въ привилеяхъ, данныхъ королемъ въ 1566 году новымъ воеводамъ на ихъ должности, подчеркивается то, что это новыя, только что учрежденныя воеводства. Такъ, въ привилеѣ князю Роману Сангушкѣ на воеводство Браславское ²⁾ читаемъ такія слова короля: «ижъ што на сойме вальномъ прошломъ у Вильни за покорными прозбами пановъ-рад нашихъ духовныхъ и светскихъ, и тежъ княжатъ, панятъ и всихъ станов рыперства нашего земли великого князтва Литовского о прымноженье в лавицы рад нашихъ умыслили и постановили есмо в земли Подольской, паньству нашому великому князтву Литовскому приналежахой, то есть въ Расълавли и Веницы, бачачи яко тамъ на тыхъ замкохъ нашихъ намъ к тому паньству нашому, великому князтву Литовскому, много належыть, тымъ же порадкомъ, яко и в ыншихъ земляхъ нашихъ и воеводствахъ, воеводу упривильевати». Изъ этихъ словъ привилея мы ясно узнаемъ и двѣ причины учрежденія новыхъ воеводствъ въ 1566 году. Первая причина — желаніе увеличить составъ рады Литовской черезъ учрежденіе новыхъ сенаторскихъ мѣстъ въ ней. Что касается до второй, то она кроется въ потребностяхъ лучшаго областного дѣленія и въ необходимости передать функціи воеводской власти въ части слишкомъ обширныхъ территорій прежнихъ воеводствъ другимъ лицамъ, облеченнымъ въ нихъ полнотою воеводской власти: «много належыть» государству и королевской власти въ той или другой мѣстности; поэтому нужно выдѣлить

¹⁾ Стр. 543 и сл.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 3 об.—4 об.

ее въ особое воеводство. Однако, старосты въ этихъ округахъ, обращенныхъ въ 1566 году въ новыя воеводства, не были упразднены сразу.

Въ самомъ дѣлѣ, 27 іюля 1566 года Сигизмундъ Августъ послалъ листъ ¹⁾ князю Богушу Ѳедоровичу Корецкому, *старостѣ* Луцкому, *Браславскому и Веницкому* съ приказаніемъ ему ѣхать въ его Браславское и Веницкое староство ввиду опасностей, грозящихъ отъ Татаръ. Королемъ уже приказано отправиться туда князю Роману Ѳедоровичу Сангушковичу, *воеводѣ Браславскому* старостѣ Житомирскому, и князю Корецкому предписывается, чтобы онъ «тамъ до староствъ своихъ Браславля и Веницы ехалъ, а тамъ мешкаючи» государю и речи посполитой «весполокъ зъ его милостью княземъ воеводою служилъ и в тыхъ послугахъ и потребахъ» государевыхъ «и земскихъ его, яко рады» королевскаго «а воеводы своего, послушонъ былъ конечно». На гробницѣ Василя Тишкевича въ Супрасльскомъ монастырѣ была сдѣлана слѣдующая надпись: «Въ лето отъ Нароженя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1571 мѣсеца Августа 13 дня въ неделю, преставися рабъ Божій, панъ Василя Тишкевичъ, Воевода Смоленскій, *Староста Менскій* и Пинскій, положенъ въ храмъ Благовѣщенія Богородицы, въ монастыри Супрасльскомъ» ²⁾. Въ то время, какъ воеводою Берестейскимъ въ 1566 году былъ назначенъ Юрій Васильевичъ Тишкевичъ ³⁾, старостою Берестья былъ Остафій Воловичъ ⁴⁾. Послѣ его смерти также встрѣчаемъ старостъ Берестейскихъ ⁵⁾. Воеводство Мстиславское тоже имѣло своихъ старостъ одновременно съ воеводами. Такъ, въ то время, когда занималъ это воеводство Юрій Юрьевичъ Остикъ (1566—1578) и его преемники, упоминается, какъ староста Мстиславскій, князь Иванъ Соломерецкій ⁶⁾. Наконецъ, старостою Луцкаго староства, обращеннаго въ Волынское воеводство въ 1566 году, былъ князь Богушъ Ѳедоровичъ Корецкій ⁷⁾,

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 8.   ²⁾ Вил. Арх. Сб. IX. № 24 (стр. 74).

³⁾ *J. Wolff*. Sen. i dign. Str. 9.

⁴⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 173 (1566 г.). Цѣлый рядъ примѣровъ именованія его Берестейскимъ старостою вплоть до его смерти. Нпр., А. З. Р. III. №№ 61, 98, 114 и др.

⁵⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 197.

⁶⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 67 (1576 г.), № 155 (1585 г.).

⁷⁾ Ср. А. З. Р. III. № 46 (1568 г.).

въ то время какъ Волинскимъ воеводою былъ князь Александръ Ѳедоровичъ Чарторыйскій, преемникомъ котораго Корецкій затѣмъ въ 1572 году и сдѣлался. Естественно является вопросъ, чѣмъ же были эти старосты рядомъ со своими воеводами? Обратимся къ актамъ судовъ этихъ воеводствъ и поищемъ тамъ отвѣта на этотъ вопросъ. Въ 1567 году Сигизмундъ Августъ исполняетъ просьбу землянина Берестейскаго повѣта Михна Рожчича, утверждая за нимъ сельцо Мокраны, данное ему изъ королевскихъ земель взаменъ за его дворцы Збирозскій и Кгершоновицкій, взятые въ волочную помѣру. Король посылаетъ соответствующее приказаніе не вступаться въ Мокраны старостѣ Берестейскому и «напотомъ будучимъ старостомъ Берестейскимъ»¹⁾. Оказать помощь «жидамъ, арендарамъ» склада соли въ Берестейскомъ воеводствѣ также предписывается старостѣ, а не воеводѣ. Королевская грамота, данная 21 января 1580 года²⁾, говоритъ: «хочемъ мѣти, абы твоя милость въ староствѣ своемъ Берестейскомъ и Кобрынскомъ врадникомъ своимъ тамошнимъ съ пильностью того догледити, а, што до скарбу нашего водлугъ тое аренды приходи маеть, отбирати и до скарбу нашего отдавати велѣлъ конечно». 11 іюля 1582 года жалобу Пружанскаго священника Тимофея Ѳедоровича на Пружанскихъ мѣщанъ Николая Зубовскаго и Яна Ставецкаго разсматривалъ Остафій Воловичъ, панъ Виленскій, канцлеръ Литовскій, староста Берестейскій и Кобринскій, и дѣло записано въ книги гродскія *староства Берестейскаго*³⁾. Думать, что сохраненіе власти, правъ и значенія старосты было оставлено лишь на время, пожизненно тѣмъ лицамъ, которыя имѣли его въ моментъ реформы 1566 года, нельзя, такъ какъ и послѣ смерти этихъ лицъ въ новыхъ воеводствахъ-повѣтахъ существуютъ и старосты и воеводы. Такъ, въ 1631 году, 27 октября приносится «оповѣданье» для вписанія его во врядовыя книги Берестейскія передъ Гедеона Михаила Тризну, стольника Литовскаго, *старосту Берестейскаго*⁴⁾.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ актовъ необходимо сдѣлать выводъ, что и судъ, и администрація, и завѣдываніе столовыми землями Берестейскаго повѣта находились цѣликомъ въ рукахъ старосты, а не воеводы. Прежде чѣмъ обобщать наше наблюде-

¹⁾ А. Вил. VI. № 1. Стр. 3—4.

²⁾ А. Вил. III. № 157. Стр. 293—294.

³⁾ А. Вил. III. № 7. Стр. 10—11. Ср. *ibidem*, стр. 12, 17.

⁴⁾ *Ibidem*. № 23. Стр. 36—37.

ніе надъ фактами старостинскихъ суда и администраціи Берестейскаго староства по отношенію ко всѣмъ учрежденнымъ въ 1566 году воеводствамъ, обратимся къ какому-либо другому изъ ихъ числа и посмотримъ на его управленіе. 4 сентября 1672 года инструкція Оршанскаго сеймика его посламъ сеймовымъ была принесена для вписанія въ Минскія гродскія книги слугою Оршанскаго хоружія, Самуила Кмитица, Яномъ Бочковскимъ, который явился для этого «актикованья» предъ врьдъ гродскій Минскій, передъ Мартина Казиміра Володковича, городничія и подстаросту Минскаго ¹⁾). Не подвоеводій, а подстароста представляетъ изъ себя этотъ врьдъ, являясь, такимъ образомъ, замѣстителемъ старосты, а не воеводы. Минскія гродскія книги хорошо знаютъ и другіе примѣры такого вписанія сеймиковыхъ актовъ подстаростою, какъ врьдомъ гродскимъ ²⁾).

Итакъ, учрежденные въ 1566 году воеводскіе уряды отличались по своему значенію и правамъ отъ старыхъ воеводскихъ должностей, существовавшихъ уже прежде. Функціи административныя, судебныя и хозяйственныя по прежнему принадлежали старостамъ въ центральныхъ повѣтахъ новыхъ воеводствъ; лишь значеніе военное и значеніе пана-рады воеводства принадлежало

¹⁾ «Лета от нароженя Сына Божого тысеца шест сот семдесятъ второго месеца сентебра четвертого дня. На вrade кгродском в замку господарском Минском, передо мною, Мартином Казимером Володковичом, городничым и подстаростим Минским, постановившысе очевисто, слуга его мл. пана Самуеля Кмитыца, хоружого Оршанского, его мл. пан Ян Бочковский, покладал ку актыкованю до книг инъструкъцыю их мл. панов обывателов повету Оршанского, даную их мл. паном послом, до короля его мл. обраным, в середине зъ речю, в нем выражоную, просячы, абы тая инъструкъцыя была до книг кгродских Минских акътыкована и уписана». Вил. Центр. Архивъ. № 11787. Минскаго гродскаго суда, л. 355.

²⁾ Нпр., Вил. Центр. Архивъ. № 11795. Минскаго гродскаго суда, л. 69: «Na urządzie grodzkim Minskim przedemną Theodorem Antonim Wankowiczem, starostą Poduswiackim, stolnikiem у podstaroscim wdztwa Minskiego:—вписывается 19 февраля 1710 года laudum Минскаго воеводства. Онъ же принимаетъ laudum Минскаго воеводства 17 июня 1712 года—ibidem, л. 1352—1353 об. Или того же архива № 11798 (того же суда), л. 492—497: «na urządzie I. K. M. grodzkim Minskim przedemną Andrzeiem Benedyktem Karnickim, podstarostim sądownym woiewodztwa Minskiego»—вписывается 12 сентября 1730 года сеймиковая инструкція. Л. 492—497 об. Примѣръ дѣйствія подстаросты конца XVI-го вѣка: «писал и присылал до вradу кгродского замку господарьского Менского, до мене Яна Петрашковича, подстаростего Менского...» (1590 г.). Вил. Центр. Архивъ. № 11765. Минск. гр. с. л. 438.

новымъ воеводамъ, явившимся въ Княжествѣ въ 1566 году. Бывали случаи и соединенія въ одномъ и томъ же лицѣ обоихъ достоинствъ, т.-е. и воеводы, и старосты, и это, конечно, было самымъ простымъ разрѣшеніемъ неудобства, проистекавшаго изъ существованія въ повѣтѣ воеводы и старосты одновременно. Такъ, панъ Гавріиль Горностай былъ въ одно и то же время воеводою ¹⁾ и старостою Минскимъ ²⁾.

Назначеніе воеводы рисуется цѣлымъ рядомъ привилеевъ, дошедшихъ до насъ. Такъ, 7 іюля 1576 года Стефанъ Баторій назначилъ Полоцкимъ воеводою стольника Княжества, старосту Волковыйскаго, державцу Шерешовскаго и Веленьскаго, тивуна Годинскаго и Бойшагольскаго, Николая Олехновича Дорогостайскаго. Привилей, данный ему ³⁾, такъ объясняетъ мотивы для этого назначенія. Король, «оседѣшы столицу паньствъ своихъ» Польской короны и великаго княжества Литовскаго и «досегънувъшы певное ведомости» отъ пановъ-радъ Польскихъ и Литовскихъ, узналъ «о службахъ, прыпоминанья годъныхъ, продѣковъ» Николая Олехновича Дорогостайскаго. Эти службы «они в дому своемъ старожытѣномъ завѣжды оказовали ку королемъ и великимъ княземъ ихъ милости продѣкомъ» королевскимъ и «речи посполитой, зачымъ достоенствъ и врадовъ земскихъ дослужовали се». Заслуги ихъ «взновилъ и объяснилъ в себе панъ стольникъ, ничымъ не зъмнейшаючы славы и зацѣности продѣковъ своихъ, але з молодости летъ векъ свой провадилъ на службахъ» короля Сигизмунда Августа. Онъ получилъ затѣмъ земскій врядъ, стольничество великаго княжества Литовскаго, «которого онъ уставичне будучы пленъ, на дворе его королевское милости на всемъ веру свою статечне оказовалъ, а тымъ часъ веку своего травилъ, на дворе его королевское милости служачы» своему государю и речи посполитой,

¹⁾ Съ 1566 по 1576 годы.

²⁾ Въ привилеѣ на воеводство Берестейское, данномъ ему Стефаномъ Баторіемъ, читаемъ: «маючы мы залецонные службы воеводы и старосты Менъскаго, державцы Каменецкого, пана Кгабрыеля Горностая, сына его милости пана воеводы Новгородского, которые его милость з молодости летъ своихъ зъ себе оказовалъ...» Дата: Варшава, 6 іюля 1576 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$

л. 41 об.—42 об. Тотъ же привилей—Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 1—1 об.

³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 2—3. Тотъ же привилей—Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 44—45.

«роты за свое властные пенези противъ непрятелей великого князства Литовского выводилъ». Онъ никогда «не омешкалъ» ни «жадное потребности военное», ни сеймовъ. Все это дошло до свѣдѣнія короля, и онъ назначаетъ его воеводою Полоцкимъ. Баторій это дѣлаетъ, «повинность» свою государеву «ку выконанью нагороды за службы пана стольниковы значные призьнавшы» и, кромѣ того, желая «способити» его «хутлившого» къ службамъ королевскимъ и речи посполитой. Итакъ, Дорогостайскій назначенъ Полоцкимъ воеводою въ награду за заслуги предковъ и свои личныя. Эти заслуги требуютъ награды по признанію короля. Съ другой стороны, назначеніе на воеводство является импульсомъ для дальнѣйшей дѣятельности Дорогостайскаго, который, получивъ награду, еще охотнѣе и энергичнѣе будетъ служить. Нѣтъ ни слова о томъ, что Дорогостайскаго желаетъ видѣть своимъ воеводою населеніе Полоцкой земли, которое, какъ мы видѣли выше, имѣло право участія въ назначеніи своего воеводы. Связь воеводы съ землею, основывавшаяся на его осѣлости и извѣстности населенію, утратилась такимъ образомъ совершенно. Воевода назначается королемъ совсѣмъ независимо отъ этихъ соображеній. Но какія же функціи признаетъ привилей за урядомъ воеводы Полоцкаго? Онъ находится въ «лавицѣ радъ» королевскихъ и пользуется всею «владзою того достоенства», со всѣмъ, что подлежитъ ей издавна. Когда возвращены будутъ изъ рукъ Московскихъ замокъ Полоцкій и всѣ земли и волости Полоцкія, захваченныя Москвою, «то все по давному обычаю маеть пан Миколай Дорогостайскій, воевода Полоцъкій, деръжати зо вѣсякими на воеводѣство тое пожитъками и з доходами яким кольвекъ именемъ названными, здавна прыслухаючыми», какъ и «первшые» воеводы Полоцкіе держали. Врядъ воеводскій дается Дорогостайскому «до живота», или до высшаго и «пожиточнейшого опатрєня» королевскаго. Новый воевода получаетъ право «всякое учтивости такъ на соймех вальных паньствъ» королевскихъ «в короне Польской и у великомъ князстве Литовскомъ на мєстѣцу своемъ, правомъ посполитымъ упрывилееванымъ, в раде» королевской «засєдаючы, яко тежъ на соймикохъ, на зѣездехъ поветовыхъ въ воеводѣстве своемъ и в ыншыхъ воеводѣствахъ короны Польское и великого князства Литовского, где бы ся трафило радити и вотовати с присяги и водле наибольшое умєтѣности своеє». Съ этимъ привилеемъ на воеводство сходны и другіе, сохранившіеся до нашего времени въ довольно большомъ

числѣ¹⁾. Ихъ различіе въ обозначеніи временныхъ условій, въ которыхъ находится этотъ врьдъ, какъ на примѣръ, положеніе Полоцкой земли, захваченной Москвою во время назначенія Полоцкимъ воеводою Дорогостайскаго, или же въ указаніи на мѣсто воеводы «въ лавицѣ радѣ» королевскихъ. О компетенціи воеводскаго врьда въ его мѣстномъ значеніи всѣ привилеи говорятъ одинаково, и притомъ въ одинаково общихъ выраженіяхъ. Присмотримся же теперь къ дѣятельности воеводскаго уряда, какъ его рисуютъ источники, въ такомъ богатствѣ сохранившіе данныя для его характеристики.

Со времени Люблинской Уніи, отторгнувшей отъ великаго княжества Литовскаго и присоединившей къ Коронѣ цѣлыхъ четыре Литовскихъ воеводства²⁾, Литовскія земли дѣлились на воеводства—Виленское, Троцкое, староство Жомойтское, Полоцкое, Новгородское, Витебское, Берестейское, Мстиславское, Минское и Смоленское. Каждое воеводство дѣлилось на нѣсколько повѣтовъ, за исключеніемъ лишь трехъ—староства Жомойтскаго и воеводствъ Полоцкаго и Мстиславскаго. Всѣ остальные имѣли по нѣсколькѣ повѣтовъ, и число этихъ послѣднихъ колебалось между пятью и двумя для каждаго отдѣльнаго воеводства. Пять повѣтовъ имѣло воеводство Виленское, четыре—Троцкое, три—Новгородское и Минское и по два—Витебское, Берестейское и Смоленское³⁾. Значеніе воеводы было неодинаково по отношенію ко всѣмъ повѣтамъ, входившимъ въ составъ его воеводства, какъ мы это уже замѣтили выше. Дѣло въ томъ, что въ его врьдѣ соединялись два—врьдъ воеводы для всего земельного округа, составляющаго воеводство, и врьдъ старосты для того повѣта, который имѣлъ центральное значеніе въ цѣломъ воеводствѣ. Мы видѣли даже, что не во всѣхъ воеводствахъ было такое сляніе въ воеводскомъ врьдѣ и воеводскаго, и старостинскаго значенія. Воеводства, учрежденныя въ 1566 году, имѣли въ своихъ центральныхъ повѣтахъ рядомъ съ воеводами старость. Лишь въ воеводствѣ Мстиславскомъ по смерти князя Ивана Васильевича Соломерец-

¹⁾ Изданъ для изслѣдуемой эпохи привилей на воеводство Смоленское пану Филону Кмитѣ Чернобыльскому (1579 г.); притомъ изданъ дважды—А. З. Р. III. № 115 и Описаніе Рук. Отд. Виленской Публичной Библіотеки. III. Вильна. 1898. Стр. 87.

²⁾ См. выше, стр. 565.

³⁾ Ср. *Zygmunt Gloger. Geografia Historyczna Dawnej Polski*. Kraków. 1900. Str. 271—318.

каго, соединявшаго въ своихъ рукахъ старостинскій и кашталянскій уряды Мстиславскіе, врядъ старосты получилъ воевода, именуясь, однако, воеводою и старостою Мстиславскимъ одновременно, не принимая, такимъ образомъ, старостинскаго Мстиславскаго вряда, какъ обязательно слитаго съ воеводскимъ ¹⁾. Значеніе воеводы по отношенію къ цѣлому воеводству, ко всѣмъ повѣтамъ, принадлежащимъ къ нему, выражалось въ военной его власти надъ рушеньемъ шляхты всѣхъ повѣтовъ его воеводства. Мы уже видѣли выше, что подъ команду воеводы ставятъ рушившуюся шляхту кашталянъ и маршалки повѣтовъ ²⁾. Во время приведенія воеводства на военное положеніе ввиду опасностей вражескаго вторженія, шляхтѣ предписывалось королемъ полное послушаніе мѣстному воеводѣ ³⁾. Какъ начальникъ военныхъ силъ повѣта, воевода долженъ находиться на своемъ посту во время опасностей, грозящихъ его воеводству. Какъ военачальнику, ему обязаны повиноваться и повѣтовые старосты ⁴⁾. Военное значеніе вождя шляхты цѣлаго воеводства и было главною основою власти воеводы надъ всѣми повѣтами его воеводства. Стоя во главѣ посполитаго рушенья всѣхъ повѣтовъ воеводства, воевода призывается королемъ и къ провѣркѣ правъ шляхетства по отношенію къ обывателямъ не только центральныхъ, но и остальныхъ повѣтовъ ⁵⁾.

Значеніе воеводскаго уряда для цѣлаго воеводства проявля-

¹⁾ «Воеводе и старосте Мстиславскому и Вилкомирскому, державцы Берже-ницкому пану, Павлу Миколаевичу Пацу»—читаемъ въ спискѣ сенаторовъ, которымъ были разсланы сеймовые листы 1580 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 4 об.

²⁾ См. выше, стр. 543.

³⁾ Вотъ на примѣръ, «лист до земянъ Браславскихъ и Веницкихъ о небезпеченствѣ отъ Татар.—Жикгимонтъ Августъ—Божью милостью король Польскій etc. Ко всимъ земяномъ нашимъ Браславскимъ и Веницкимъ. Маючи ведомостъ о небезпечностяхъ онога краю отъ поганьства Татар, рассказали есмо черезъ листъ нашъ воеводе Браславскому, старосте Житомирскому, князю Роману Федоровичу Санькгушку, на воеводство свое тамъ до Браславля и Веницы для послугъ нашихъ господарскихъ и земскихъ ехати и тамъ мешкати и намъ господарю и речи посполитой служить. А такъ прыказуемъ вамъ, абы есте в послугахъ и во всякихъ потребахъ нашихъ господарскихъ и земскихъ его милости, яко рады наше а воеводы своего послушни были конечно. Писанъ у Люблине» 27 іюля 1566 года. «Подпись руки господарское. Базылиусъ Древинскій писарь». Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 8 об.

⁴⁾ См. выше, стр. 591.

⁵⁾ Примѣръ см. выше, стр. 240, 241.

лось также въ дѣлѣ выбора членовъ земскаго суда во всѣхъ повѣтахъ воеводства. Въ случаѣ смерти судьи, или подсудка, или писаря земскихъ, членовъ земскаго повѣтоваго суда, оставшіеся въ живыхъ земскіе судовые врядники извѣщаютъ о смерти своего товарища воеводу — все равно, имѣла ли смерть судебного врядника мѣсто въ центральномъ, или прочихъ повѣтахъ воеводства. Воевода, получивъ такое извѣщеніе, назначаетъ своими листами сеймикъ «старостамъ, врядникамъ и шляхтѣ того повѣту». Конечно, въ землѣ Жомойтской это дѣлаетъ равный въ ней по значенію воеводѣ староста Жомойтскій. Послѣ выбора сеймикомъ четырехъ кандидатовъ на вакантный судебный урядъ¹⁾, воевода же доводитъ до свѣдѣнія короля объ этомъ избраніи «черезъ листы свои отворонныя за печатью воеводиноюю», испрашивая королевское утвержденіе для одного изъ кандидатовъ, представленныхъ государю²⁾. Акты знаютъ дѣятельность воеводы въ исполненіе этого требованія статута. Когда, напримѣръ, наканунѣ самой Люблинской Уніи, въ 1568 году умеръ земскій подсудокъ Владимірскаго повѣта, «земенинъ тамошний Павелъ Шпаковский», Волынскій воевода, князь Александръ Ѳеодоровичъ Чарторыйскій, «заховываючи ся в томъ водлугъ статуту, всихъ князей и пановъ, земянъ оного повету по кольку кротъ листомъ своимъ объсылалъ»; князь Чарторыйскій приглашалъ ихъ съѣхаться во Владимірскій замокъ для выбора четырехъ «електовъ» вмѣсто умершаго. Приводимый примѣръ выбора Владимірскаго подсудка интересенъ и въ томъ еще отношеніи, что, за неприбытіемъ на сеймикъ многихъ обывателей и несогласіемъ прибывшихъ, выборъ былъ совершенъ самимъ воеводою вмѣстѣ съ мѣстнымъ владыкою³⁾, маршалкомъ⁴⁾ и «з некоторыми иными, в томъ повете оселыми»⁵⁾. Кромѣ того

¹⁾ См. выше, стр. 353.

²⁾ II ст. IV. I. Третій статутъ требуетъ непосредственнаго извѣщенія самого короля земскими судебными врядниками и лишь во время его «небытности» въ Литвѣ—воеводы, или каштеляна. III ст. IV. I.

³⁾ «з владыкою Володимерским и Берестейскимъ Феодосиемъ».

⁴⁾ «з маршалкомъ нашимъ, паномъ Петромъ Богдановичемъ Загоровскимъ». Онъ былъ маршалкомъ именно Владимірскаго повѣта. См. *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. Стр. 228.

⁵⁾ Документъ находится—Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 31—31 об. («Привилей Гаврилу Яковицкому на подсудство Володимерское». Дата: Варшава, 29 сентября 1568 года).

воевода же «пострыгаетъ» т.-е. назначаетъ возныхъ для повѣтовъ своего воеводства ¹⁾).

Если мы обратимся къ дѣятельности и власти воеводы въ его собственномъ повѣтѣ, то увидимъ картину весьма большого административнаго и судебного значенія. Въ предѣлахъ своего повѣта онъ пользовался всею властью судебного старосты, придавая ей еще бóльшую авторитетность своею принадлежностью къ сенаторскому стану, дававшая возможность постояннаго вліянія на правительственныя распоряженія по государству, а также личныхъ сношеній съ королемъ и другими панами-радами. Власть и значеніе воеводы проявлялись въ повѣтѣ по отношенію: 1) къ шляхтѣ-обывателямъ его, 2) къ врядникамъ повѣтовыми и 3) къ нешляхетному населенію замковыхъ и волостныхъ земель — мѣстъ, мѣстечекъ и селъ. По отношенію къ шляхтѣ воевода держалъ въ своихъ рукахъ повѣтовую администрацію и замковый или гродскій судъ повѣта. Не живя самъ въ своемъ воеводствѣ безвыѣздно — членъ рады и владѣлецъ другихъ врядовъ и староствъ, воевода постоянно былъ отвлекаемъ отъ своихъ воеводскихъ обязанностей и часто отсутствовалъ изъ воеводства — онъ назначалъ своего намѣстника, вѣдавшего администрацію повѣта, какъ староста — своего подстаросту. Онъ же вмѣстѣ съ гродскимъ судьей, также назначаемымъ воеводою ²⁾, вѣдалъ замковый судъ. Намѣстникъ и гродскій судья, такимъ образомъ, были врядниками гродскими, «на справы судовыя высажонными отъ ясне вельможного» своего воеводы ³⁾. Если что-нибудь «недойзрѣнемъ ихъ на томъ урядѣ въ справѣ ихъ поблудило», воеводы, какъ и старосты, пересматриваютъ вновь дѣло сами «за отозваньемъ», т.-е. по апелляціи тяжущагося ⁴⁾. Воевода имѣетъ полное право кассировать рѣшеніе своего гродскаго суда, также какъ и наблюдать за его исполненіемъ. Такъ, въ 1570 году панъ Юрій Тишкевичъ, воевода Берестейскій, совершилъ «квалтовное наслане» своего Логойскаго врядника со многими своими боярами и слугами на домъ Епимаха Шириновича, врядника Жомоитскаго войскаго, пана Войтеха Шемета, изранившихъ и избившихъ его и разграбившихъ его домъ. Но этого мало, въ тотъ же день Тишкевичъ совершилъ «насланье квалтовное» на Заозерскій дворъ Шемета и его жены, и этимъ «насланьемъ» было произведено «починенье шкод немалыхъ». Мин-

¹⁾ II ст. IV. 4. Ср. Ж. М. Нар. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 273.

²⁾ II ст. IV. 21.

³⁾ См., нпр., А. Вил. XX. № 39 (1584 г.). ⁴⁾ II ст. IV. 21.

скіе гродскіе вярдники разобрали это дѣло и «водлугъ суду своего кгородского Менского складаючи роки на заплату сумы пенезей, от них вѣсказаное, беглостю права посполитого листъ свой писали»—эту сумму долженъ былъ выплатить Шемету Берестейскій воевода. Но Юрій Тишкевичъ не только не заплатилъ этой суммы, но даже «увязанья» посланному въ его имѣніе Минскому возному «не поступилъ». Затѣмъ, «за листом упоминальным их милости пановъ-рад по зыстью с того света» Сигизмунда Августа, «пан воевода Берестейскій року семдесятъ осмого листъ свой писал, упоминаючи паном воеводичом, абы водлугъ сказанья суду его кгородского Менского» присужденную на ихъ умершемъ отцѣ сумму въ 510 копъ и 8 грошей «на личбу Литовскую» заплатили Шемету и его женѣ. Берестейскій воевода Гаврила Ивановичъ Горностай писалъ свой листъ по дѣлу, касавшемуся Минскаго вярда потому, что во время возникновенія sprawy и разбора ея Минскимъ гродскимъ судомъ онъ былъ воеводою Минскимъ¹⁾. Но воеводичи Берестейскіе, паны Ѳедоръ и Мартинъ Тишкевичи, и этому листу оказали непослушаніе. Тогда Горностай къ нимъ послалъ Минскаго вознаго 16 октября того же 1578 года снова съ увящимъ листомъ, но они и ему «также увезаня не поступили». Наконецъ, терпѣніе Шеметовъ лопнуло, и Берестейскій воевода, Каменецкій державца, панъ Гаврила Горностай былъ «манъдатома» королевскимъ «о неотъправу сумы пенезей, от суду его кгородского всказаную позван». Однако, воевода, не ставъ предъ судъ королевскій, «не вдаючися дей въ право стороною, але заховаючисе в томъ водлугъ уфалы сойму Варшавского»²⁾, послалъ гродскаго Минскаго судью въ Логойскъ, имѣніе Тишкевичей, «чинечи отправу на имену замку Логойского, в люди и в кгрунты, за тую суму пенезей, от них всказаную пану войскому и малжонце его, положивши заруку водлуг тоеж уфалы сойму Варшавского». Но воеводичи и теперь оказались противящимися вярду и не допустили «увезанья». Теперь, уже въ 1580 году, панъ Войтехъ Шеметь на королевскомъ судѣ просилъ, «абы водлугъ уфалы Варшавское был захован, то ест пан Мартинъ Тишкевичъ, яко тот, который се вярду спротивил, до везеня абы был дан и заруки совито на немъ абы были сказаны». Но Мартинъ Тишкевичъ за-

¹⁾ *J. Wolff. Sen. i dign. Str. 25.*

²⁾ Эта уфала замѣнила рушенъе повѣта на непослушнаго вярду такою посылкою вярдника съ двумя шляхтичами. *Временникъ. XXIII. Стр. 207, 208. См. выше, стр. 561, 562.*

явилъ черезъ своего «умоцованого», что приговоръ и судъ Минскій—«неслушный», такъ какъ «в статуте права посполитого» въ 20 артикулѣ IV раздѣла стоитъ: «иж панове воеводове, старостове, або намесники их присяглые каждую реч, на судъ их кгородский належачую, судити и отправовати мають; а иж не сам воевода, а ни подстаростий его судилъ, одно понаместникъ» — поэтому онъ и отказывается признать приговоръ имѣющимъ законную силу. Тишкевичъ заявилъ далѣе, что и самъ воевода, понявъ незаконность этого суда, кассировалъ его рѣшеніе. Въ доказательство этого былъ имъ представленъ «листъ судебный вряду кгородского Менского, которим судом своим присудил вряд кгородский Менский на воеводе зешлом с того света Берестейском, пану Юрю Тишкевичу суму пенезей звышъ помененую; у того листу судебного подписъ руки воеводы Берестейского и старосты Менского в тые словы: я Гаврыло Горностай, воевода и староста Менский тот судъ с причин слушных, водле статуту касую; власною моею рукою подписал»¹⁾. На эту кассацію и сослался Тишкевичъ, какъ на оправдывающую его дѣйствія и, наоборотъ, ставящую самый врядъ Минскій и воеводу въ странное положеніе ищущихъ и требующихъ отъ Тишкевичей увязанья по не существующему, кассированному воеводою судебному приговору. Пересказанный документъ прекрасно рисуесть отношеніе воеводы къ своему гродскому судебному уряду. Съ одной стороны, онъ дѣлаесть распоряженія, имѣющія цѣлью обезпечить исполненіе приговора своего суда²⁾, съ другой — онъ имѣесть власть кассировать самый этотъ приговоръ.

Стоя во главѣ повѣтовой администраціи, воевода, какъ староста, сколько это въ его силахъ, заботится объ охранѣ личности и имущества обывателей. Воевода получаетъ листы по поимкѣ преступниковъ, какъ на примѣръ, 8 іюля 1576 года былъ данъ Баторіемъ листъ «воеводе Полоцкому, пану Миколаю Дорогостай-

¹⁾ Вся эта справа, разбиравшаяся на королевскомъ судѣ, изложена въ судебномъ листѣ Стефана Баторія, данномъ въ Вильнѣ 6 мая 1580 года.

Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 23 об.—24.

²⁾ Ср. также «листъ, писанный до пана воеводы Виленского, ижбы Лву Голенищу з дворанином господарьским Миколаем Юндиломъ о дочьку того Голенища въ пресконченъе вчинилъ». Дата: Люблинъ, 1569 годъ. Лит. Метр.

III A
 $\frac{10}{10}$ л. 25 об.—28.

скому до сихъ вобецъ о пойманье злочынцы, Андрея Ошменишка» ¹⁾. Глава администраціи повѣта, притомъ сановникъ, облеченный званіемъ сенатора со всѣмъ его значеніемъ и авторитетомъ, воевода иногда даже раздавалъ своею властью земскіе уряды своего повѣта, ходатайствуя потомъ передъ королемъ о подтвержденіи своихъ назначеній. Такъ, Станиславъ Николаевичъ Паць, воевода Витебскій, державца Суражскій, послѣ смерти земскаго Витебскаго конюшія, Григорія Шапки, отдалъ «вряд, конюштво земское Витебское», Витебскому землянину Андрею Якубовичу Сивицкому. Сдѣлавъ это назначеніе «до воли и ласки» государевой, Паць затѣмъ испросилъ на него подтвержденіе Сигизмунда Августа, которое и было дано королевскимъ привилеемъ ²⁾. Но не только по отношенію къ врядникамъ воеводства проявляли воеводы свою власть назначенія и пожалованія «до воли и ласки» государевой; какъ старосты-державцы столовыхъ земель, они жаловали иногда участки этихъ земель землянамъ и врядникамъ своего воеводства, дѣлая это до подтвержденія королевскаго ³⁾. При этомъ, стоя близко къ королю, воевода легко можетъ исклопотать у государя подтвержденіе своего пожалованія, какъ и вообще можетъ ходатайствовать передъ нимъ о награжденіяхъ какъ для врядниковъ, такъ и для рядовыхъ шляхтичей.

На сеймикѣ своего повѣта воевода игралъ выдающуюся роль. «За пильнымъ стараньемъ» его сеймикъ достигаетъ своего благополучнаго конца ⁴⁾. Имѣя возможность, какъ панъ-рада, постоянно сноситься съ королемъ, воевода выступаетъ передъ нимъ съ ходатайствами по дѣламъ сеймиковымъ. Такъ, Виленскій воевода въ 1571 году просилъ Сигизмунда Августа не винить сеймовыхъ пословъ Виленскаго воеводства, которые опоздають на

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 5 об.   ²⁾ См. выше, стр. 347, 348, прим. 7.

³⁾ См., напримѣръ, «лист пана Станькевичовъ на пустовъщизны, в земли Жомойтской лежачы». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 74 об. — 76 об. Дата: Краковъ, 10 мая 1574 года.

⁴⁾ Въ листѣ Сигизмунда Августа Жомойтскому старостѣ, данномъ въ Варшавѣ 13 января 1571 года (Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 9 об.—10), читаемъ: «данъ есть намъ листъ твоее милости, в которомъ твоя милость до насъ пишешъ, ознаймуючи, же соймикъ поветовый в земли Жомойтской за пильнымъ старанемъ твоее милости, ачь з великою трудностью и небезъпечностью поветрея вжо дошолъ...»

сеймъ; воевода мотивировалъ это опозданіе въ своемъ листѣ¹⁾. Случай, о которомъ идетъ рѣчь, обращаетъ на себя вниманіе и потому, что сеймикъ, заставившій Виленскаго воеводу хлопотать передъ королемъ, былъ сеймикомъ не Виленскаго повѣта, а всѣхъ пяти повѣтовъ воеводства, собранныхъ на одномъ сеймикѣ по причинѣ сильнаго мороваго повѣтрія, мѣшавшаго съѣздамъ шляхты. Воевода вообще выступаетъ въ качествѣ посредника между королемъ и шляхтою, и если онъ вліяетъ на шляхту въ направленіи, желательномъ для короля, то, съ другой стороны, онъ доводитъ до короля тѣ слухи, которые доходятъ до него отъ шляхты, а также ея желанія и требованія²⁾. Находясь въ радѣ, при королѣ, воевода можетъ всегда выступить въ защиту обывателей и вѣдниковъ своего воеводства и повліять на разрѣшеніе имѣющаго значеніе для воеводства дѣла. «Не замолчалъ бы его милость панъ воевода зъ онымъ часомъ передъ королемъ его милостью противъ тому контрадыковати, кгда се тотъ декретъ сталъ»³⁾—гласить одинъ документъ, и это можетъ сдѣлать воевода не только по своему личному дѣлу, но и въ дѣлахъ воеводства и его обывателей.

Какъ староста своего повѣта, воевода вѣдаетъ и всѣ столовыя земли его, составляющія его воеводство-державу, а какъ глава повѣтовой администраціи, подобно судовому старостѣ, простираетъ свою судебную-административную власть и на остальную территорію повѣта, лежащую за предѣлами его державы. Завѣдуя столовыми землями, воевода передаетъ имѣнія и села, выдѣляемыя изъ нихъ королемъ въ пользу того или другого лица, въ вѣчное или временное владѣніе, въ полную собственность, или на тѣхъ или иныхъ условіяхъ «держанья». Такъ 10 іюня 1569 года въ Люблинѣ было подписано Сигизмундомъ Августомъ приказаніе Жомойтскому старостѣ, Яну Ходкевичу, передать ротмистру князю Лукомскому 15 волокъ «людми оселыхъ» въ Ретовской волости. Ходкевичъ долженъ былъ по королевскому приказу послать въ эту волость своего служебника, который передастъ князю Лукомскому пожалованную ему королемъ землю⁴⁾. Примѣры такихъ пожалованій мы уже видѣли выше не разъ⁵⁾.

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 9.

²⁾ См. выше, стр. 88, 89, прим. 2 и 3.   ³⁾ А. Вил. VI. Стр. 212.

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 44 об.—45. Эти земли пожалованы королемъ князю Лукомскому, «жоне, детемъ и потомкомъ его на вечность».

⁵⁾ Стр. 364, прим. 2 и др.

Акты сохранили и примѣры нарушенія воеводами правъ владѣльцевъ волостныхъ земель королевскихъ. 14 августа 1569 года, на примѣръ, былъ данъ Сигизмундомъ Августомъ въ Люблинѣ листъ ¹⁾ Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу, въ которомъ король говорилъ, что «бывшій» воевода Виленскій, земскій маршалокъ и канцлеръ Литовскій, староста Берестейскій и Ковенскій, Николай Радивиль, «далъ Миколаю Конччы у войтовстве Виленскомъ у волости Рудоминской 10 волок оселыхъ, сельцо Вешуньцы». Затѣмъ Сигизмундъ Августъ, прежде чѣмъ было дано Виленское воеводство настоящему его воеводѣ, подтвердилъ Кончѣ эту землю «за службы его привилеемъ» своимъ «водле листу пана воеводы Виленского». Послѣ этого Конча «за даниною воеводы Виленского и за потверженемъ» королевскимъ «в спокойномъ держанью былъ». Но новый воевода Виленскій, двоюродный братъ воеводы, давашаго Кончѣ землю, «не ведати для чого, оную 10 волокъ в него взяти велелъ и за листом и за дворяниномъ» государевымъ, «Костентиномъ Брынъзою, перво сего» королемъ «знову на увезане его в тое сельцо посланымъ, в то его увезати не допустилъ». Конча обратился къ королю съ просьбою защитить его отъ «шкоды», и король послалъ приказаніе Виленскому воеводѣ немедленно передать пожалованное сельцо; въ противномъ случаѣ королевскій посланецъ передастъ его Кончѣ верховною властью государя ²⁾. Такимъ образомъ авторитетъ воеводы не избавлялъ его отъ обязанности повиноваться королевскимъ приказаніямъ, идущимъ въ разрѣзъ съ его личными желаніями и разсчетами. Во время съѣзда въ центральномъ городѣ воеводства, будетъ ли это съѣздъ повѣтовый или обще-Литовскій, или

¹⁾ «Листъ до его милости пана воеводы Виленского, ижбы селцо Вешунцы, волок 10 оселых у воеводстве Виленском въ селе (sic) Рудомине, которые ему еще первой сего от его королевское милости было потвержено, подал и поступилъ». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 67—68.

²⁾ «...и прыказуемъ тебе, абы твоя милость тое селцо Вешунцы перед тымъ дворанномъ нашимъ ему подалъ и поступилъ, проволоки в томъ ему некоторое не чынечы. Естлижъ бы твоя милость и за симъ листомъ и розказаньемъ нашимъ того сельца еще ему поступити не хотел, мы розказали тому дворанину нашему моцю зверхности наше господарское в тое сельцо его увезати и в моц и в держанье ему подати. Твоя бы милость, о томъ ведаючи, тому дворанину нашему в томъ противен не был и в тое сельцо его увезати и в моц и в держане ему подати не заборонял и заховался бы твоя милость в том водлугъ сего розканья (sic) и листу нашего конечно».

пребываніе короля съ его дворомъ, воевода вмѣстѣ съ великимъ и дворнымъ маршалками, врядниками и становничими вѣдаетъ дѣло отвода квартиръ двору, панамъ-радамъ и врядникамъ, прибывшимъ въ городъ ¹⁾). Онъ это дѣлаетъ, какъ лицо, стоящее во главѣ мѣстной администраціи.

По отношенію къ мѣщанамъ также имѣлъ свое административное значеніе воевода. Конечно, это значеніе было неодинаково по отношенію къ мѣщанамъ городовъ «упривильеванныхъ», т.-е. получившихъ самоуправленіе по Нѣмецкому праву, и къ мѣщанамъ городовъ «неупривильеванныхъ», т.-е. Нѣмецкаго самоуправления не имѣвшихъ. Послѣдніе были такими же подданными староства воеводы, какъ и сельчане, что же касается первыхъ, то власть воеводы надъ ними ограничивалась даннымъ имъ королевскимъ привилеемъ. Самое «осаживаніе», основаніе новаго города, возникавшаго въ предѣлахъ его воеводскаго округа, совершалъ воевода. Напримѣръ, 29 сентября 1568 года былъ данъ по Владимірскому повѣту королевскій универсалъ, предметомъ котораго было «осажене места в селе Смедине в повете Володимерскомъ» ²⁾). Въ немъ объявлялось ³⁾), что «для розмноженья пожитковъ скарбу» государева и земскаго, король поручилъ Волынскому воеводѣ, князю Александру Федоровичу Чарторыйскому «в селе» государевомъ «Смедине, в повете Володимеръскомъ лежачомъ, людьми похожими, не отчизными место осаживати и в немъ торгъ в день четверговый и ярмарку одинъ разъ в рокъ то есть на празникъ ихъ на день святого Крыжа», т.-е. 14 сентября, «установити и везде то объволати казати». Универсаломъ приказывается обывателямъ, чтобы они «не забороняли» приходить «такowymъ людямъ» въ городъ Смединъ и въ немъ «оседати», а точно также не препятствовали бы и «всимъ купцомъ, мешчаномъ и подданнымъ своимъ до того места» государева «Смедина до торгу и на ярмарку с куплями ихъ, хто што маеть, добровольне ездити, куповати и продавати».

Особенно интересными являются права воеводы по отношенію

¹⁾ См: Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 3 об.   ²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 32 об.

³⁾ «Княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, кнегинямъ, панямъ, старостамъ, державцамъ, врядникомъ нашимъ земскимъ и дворнымъ, земляномъ и дворяномъ нашимъ, войтомъ, бурмистромъ, радцомъ и всимъ подданнымъ нашимъ господарскимъ, князскимъ, паньскимъ и духовныхъ, тымъ, которые именья свои в земли Волынской и в повете Володимерскомъ мають...»

къ мѣщанамъ, пользовавшимся Магдебургскимъ самоуправленіемъ, потому что города, которымъ было даровано Магдебургское право, освобождались отъ всякаго присуда и власти воеводъ, кашталяновъ, старостъ, державцевъ, ихъ намѣстниковъ, судей и всякихъ должностныхъ лицъ¹⁾. А между тѣмъ съ дѣятельностью воеводы, направленною къ урегулированію отношеній между мѣщанами, и съ его различными распоряженіями, касающимися городовъ «упривильеванныхъ», встрѣчаемся нерѣдко²⁾. 23 іюня 1593 года на Троицкихъ рокахъ Витебскаго земскаго суда 18 человекъ конныхъ Витебскихъ мѣщанъ жаловались суду отъ своего имени и «ото всее братии своее, мещанъ конныхъ» на мѣщанъ посполитыхъ и на ихъ «помочниковъ» въ томъ, что они не допустили ихъ вступить въ ихъ право вмѣстѣ съ мѣщанами посполитыми «важницу и скриню мескую съ привильями, дворъ гостиный со всеми пожитками мескими посполу справовати»; это они сдѣлали, несмотря на то, что мѣщане конные требовали своего права, явившись на городской гостиный дворъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ, гродскими врядниками и слугами воеводы, вознымъ генераломъ³⁾, «приданнымъ» отъ земскаго суда, и пятью Витебскими шляхтичами. Витебскій намѣстникъ, панъ Тимошей Казаринъ, распорядился прочтеніемъ мѣщанамъ черезъ генерала листа, писаннаго отъ воеводы къ посполитымъ мѣщанамъ объ удовлетвореніи требованій мѣщанъ конныхъ, но посполитые заявили: «ижъ его милости нашего милостивого пана, поважаемъ, але дей васъ, мещанъ конныхъ, до справованья у важницы, тако же дей у скрини меское и тежъ до двора гостиного и до всякихъ пожитковъ мескихъ не припускаемъ и до горлъ нашихъ боронити будемъ». Самый листъ Витебскаго воеводы, Николая Сапеги, приведенъ цѣликомъ въ этой справѣ, записанной въ Витебскія земскія книги⁴⁾. Въ немъ воевода говорилъ, что къ нему обратились Витебскіе конные мѣщане съ жалобою на посполитыхъ—послѣдніе де, не соблюдая постановленія, существующаго между обѣими группами Витебскаго мѣщанства, хранимаго уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, одни, безъ

1) См., нпр., грамоту Баторія на Магдебургское право, данную Могилеву А. З. Р. III. № 77. Бѣлорусскій Архивъ. № 12. О датѣ ея см. выше, стр. 483 прим. 2.

2) Ср. А. Вил. XIII, стр. 83—85: Виленскій воевода Левъ Сапега въ 1623 году разъясняетъ отношенія юрисдикцій замковой и мѣстской въ Вильнѣ.

3) О возномъ генералѣ см. Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 6, стр. 274, 275.

4) Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 328—330.

вѣдома мѣщанъ конныхъ, выбрали войта и, «ихъ отъ справъ скрины меское, печати поотрывавъшы, сами безъ ихъ воли и ведомости» ведутъ «справы меские» и раздаютъ «вольности меские». О возстановленіи своихъ правъ представители конныхъ мѣщанъ били челомъ воеводѣ въ присутствіи и посланцевъ посполитыхъ. Сапега, «взглянувъши въ справы ихъ», представленныя ему конными мѣщанами и движимый желаніемъ успокоить «ростырки и бунты» между мѣщанами, «тую речъ зостановилъ» такъ: лишь только вернутся конные мѣщане въ Витебскъ изъ Вишничей, гдѣ находился Сапега, и подадутъ листъ воеводы его намѣстнику Витебскому, они сейчасъ же должны быть этимъ послѣднимъ «припуцены до всякихъ справъ мескихъ, то есть, до скрины меское, печати и привилеевъ и листовъ, важъницы и двора гостиного зо всими пожытъками». Съ этого времени должны согласно «постановенія стародавняго» вѣдать все это мѣщане конные вмѣстѣ съ посполитыми—изъ 12 выборныхъ для завѣдыванія мѣстскими дѣлами шесть должны быть мѣщанами конными, а шесть посполитыми. Такъ какъ настоящій войтъ выбранъ одними посполитыми безъ участія конныхъ, воевода назначаетъ день для новаго избранія войта, но уже всѣмъ Витебскимъ мѣщанствомъ, а выбраннаго неправильно войта отрѣшаетъ отъ его должности. Въ обезпеченіе исполненія своего распоряженія Сапега наложилъ «на непослушныхъ и противныхъ» ему 3 тысячи копъ грошей «вины» на государя и тысячу—на себя, воеводу. Намѣстнику своему Витебскому Сапега приказалъ не допускать подъ этими «заруками» раздоровъ и безпорядковъ среди мѣщанъ, а если бы изъ ихъ среды оказался «бунтовникъ», который бы «все место бунтовать мелъ», такого намѣстнику Витебскому приказано карать «винами и везеньемъ»¹⁾. Такимъ образомъ, воевода являлся наблюдающимъ за спокойствіемъ и порядкомъ въ Витебскѣ среди мѣщанъ, владѣвшихъ Магдебургскимъ правомъ; онъ принимаетъ челобитье тѣхъ, чьи права подвергаются нарушенію въ городѣ, и своими административными мѣрами приводитъ городскую жизнь къ нормальному, опредѣленному закономъ и правами теченію. Хотя приведенный сейчасъ фактъ и произошелъ нѣсколькими годами позже окончанія эпохи, подлежащей нашему изслѣдованію,

¹⁾ Вся эта справа, записанная въ Витебскія земскія книги, напечатана въ Ист.-Юр. Мат., I, стр. 324—332. Слѣдующіе документы, напечатанные дальше, являются продолженіемъ того же дѣла.

но за эти годы не было никакихъ коренныхъ измѣненій въ положеніи воеводскаго уряда, такъ что событіе это могло свободно имѣть мѣсто и въ болѣе раннее время.

Статутъ, кромѣ того, даетъ въ руки воеводамъ, какъ и старостамъ съ державцами, надзоръ за мѣрами ¹⁾. Размѣръ бочки, которою мѣрился продаваемый хлѣбъ, былъ опредѣленъ закономъ. Второй статутъ предписываетъ Виленскому воеводѣ, чтобы его врядомъ была вымѣрена бочка, причемъ при этой промѣрѣ долженъ находиться вмѣстѣ съ урядомъ воеводскимъ и урядъ мѣстскій. То же самое должны сдѣлать и остальные воеводы, старосты, державцы и тиуны, также имѣя при себѣ мѣстскіе вряды, тѣхъ городовъ, которые владѣютъ Магдебургскимъ правомъ. Равнымъ образомъ воеводы и старосты вмѣстѣ съ тѣми же мѣстскими урядами обязаны «черезъ врядниковъ своихъ постановеніе чинити» и по отношенію къ мѣрѣ и цѣнѣ «шынкованья питья привозного, мушкателы, малмазеи и меду, пива», а также «около ваги и локтя», т.-е. вѣса и мѣры мелочного торга ²⁾.

По отношенію къ королевскимъ подданнымъ, живущимъ въ предѣлахъ его воеводскаго повѣта-староства, воевода также пользуется властью, равною власти обыкновенныхъ повѣтовыхъ старость. Онъ вѣдаетъ населеніе и военно-служилое, и промышленное, и земледѣльческое. Бояре и различные замковые служители находились въ вѣдѣніи воеводы. Въ 1571 г. Сигизмунду Августу жаловались Витебскіе королевскіе бояре, Татарскіе, Шашкевичи и Сидоровичи на Витебскаго воеводу Станислава Николаевича Паца въ томъ, что онъ отдалъ ихъ въ прошломъ 1570 году королевскому ротмистру Валентину Каменскому, а между тѣмъ Витебскіе земляне, шляхта и мѣщане имѣютъ привилей гарантирующій имъ, что ни Витебскій воевода, ни самъ король не будутъ ихъ съ ихъ землями никому дарить, ни отдавать. Спрошенный королемъ прибывшій на Варшавскій сеймъ Станиславъ Паць объяснилъ ему, что ротмистръ Каменскій у него выпросилъ боярскія земли «за пустотины», т.-е., представивъ ихъ ему незаселенными пустошами, и воевода «въ неведомости тыхъ привилей вольностей ихъ» эти земли ему отдалъ. Но затѣмъ къ нему явился

¹⁾ II ст. III. 30.

²⁾ III-й статутъ еще подробнѣе говоритъ о мѣрахъ и цѣнахъ въ 36 артикулѣ III-го раздѣла. Ср. универсалъ Витебскаго воеводы отъ 10 августа 1596 года, въ которомъ онъ дѣйствуетъ на основаніи этого артикула. Ист. Юр. Мат. XVIII. Стр. 165—166.

Витебскій повѣтовый хоружій вмѣстѣ со шляхтою, боярами и мѣщанами Витебскими, и они показали ему «прывилья и волности», въ силу которыхъ король и воеводы его не могутъ никому отдавать и дарить боярѣ государевыхъ, «але волни они именьями, оселостями своими шафовати такъ, яко иная шляхта Витебская». Воеводѣ пришлось, узнавъ о «вольности» боярѣ Витебскихъ и о томъ, что ротмистръ «за пусто, не слушне въ него упросилъ», отобрать отъ него и свой листъ—«дату» и королевское подтвержденіе его. Что касается до боярѣ, то ихъ Паць вновь до «замку» королевскаго «прывернулъ», король же еще разъ подтвердилъ ихъ вольности и права ¹⁾).

Кромѣ боярѣ, къ замку для цѣлей его обороны бывали приписаны замковые казаки, панцырные слуги, а также и слуги путные. По даннымъ Полоцкой ревизіи 1552 года, къ Полоцку были приписаны 9 человекъ казаковъ «замьку Полоцкого» ²⁾. Двое изъ нихъ не имѣли земли, а только дома въ городѣ, трое имѣли земли, а четверо обладали и домами, и землями. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли землю, данную имъ воеводою Полоцкимъ ³⁾, другіе сверхъ «даты» воеводы владѣли еще подтвержденіемъ ея королемъ ⁴⁾. Затѣмъ Полоцкая ревизія называетъ панцырныхъ слугъ Полоцкаго замка. Они слиты въ описаніи вмѣстѣ съ путными, которые также выставляютъ со своихъ дымовъ то, или другое число коней для земской службы. Списокъ этотъ даетъ довольно яркую картину утраты замкомъ земель, приписанныхъ къ нему на этой военной службѣ. Онѣ переходили въ частную собственность шляхты и врядниковъ путемъ пожалованій, покупки и захватовъ. Въ селѣ Кононовичахъ путные люди заявили составителямъ ревизіи, что у двухъ ихъ потужниковъ купилъ

¹⁾ Ист.-Юр. Мат. II. Стр. 221—223 (подтвержденіе Сигизмундомъ III, въ которое вписана грамота Сигизмунда Августа).

²⁾ Богданъ Русиновичъ, Опонасъ Плиница, Сергѣй Артемовичъ, Отрохимъ Цветуха, Сопронъ Кондратовичъ, Иванъ Долгій, Костя Артимовичъ, Иванъ Коновка, Иванъ Кострыца.

³⁾ «Богданъ Русиновичъ маеть землю пустовскую на имю Чурыловщину за датою пана Станислава Довойны, воеводы Полоцкого, у волости Нещерецкой на службу козацкую. С того конь». Полоцкая Ревизія. Л. 20.

⁴⁾ Нпр., «Опонасъ Плиница а Сергей Артемовичъ мають дома в месте а к тому им же пан Станиславъ Довойно, воевода Полоцкий, прыдалъ на службу козацкую тры земли пустовские, на имя Прыстовщину, Тимоновщину а Лещынич у Нещерде на Поречи, на што потверженье господаря короля его милости Жыкгимонта Августа мають. С того коня ставить». Ibidem.

землю панъ Станиславъ Глѣбовичъ въ бытность его Полоцкимъ воеводою и отдалъ ее своему служебнику Кривоногу, который «осадилъ» на ней двухъ человѣкъ. Послѣ его смерти земля перешла къ пану Боркулабу Корсаку, а люди, на ней живущіе, не хотятъ уже ни въ чемъ помогать путнымъ села Кононовичъ ¹⁾. Путные люди села Куриловичъ рассказали о покупкѣ Полоцкимъ городничимъ и хоружимъ у ихъ предка земли, съ которой также не идетъ никакой помощи путнымъ въ отбываніи ихъ повинностей ²⁾. Путные люди и села Забеля также заявили о выслугѣ и покупкѣ земель покойнымъ Полоцкимъ городничимъ ³⁾. Встрѣчались и случаи владѣнія шляхтою землями путныхъ людей, въ которыхъ имѣлъ мѣсто самовольный захватъ, хотя владѣлецъ и старался привести законное основаніе для своего владѣнія ⁴⁾. Въ описаніи имѣній шляхты также въ изобиліи встрѣчаются примѣры перехода къ шляхтичамъ земель путныхъ людей и бояръ ⁵⁾. Итакъ, воевода, какъ староста своего повѣта, вѣдалъ приписанныхъ къ замку военно-служилыхъ людей. Населеніе мѣстское, т.-е. населеніе городовъ и мѣстечекъ, лежащихъ въ предѣлахъ его повѣта также под-

¹⁾ «Село Кононовичы, люди путные Сои дымов сем а сябрь одинъ. С того села на господаря его милости бобровщыны прыходить 15 грошей шырокихъ. На стан Курыловский стацею и подводы даютъ. Сторожом замковым одинъ грошъ шырокий. Ку службѣ земской коня ставятъ. Поведили тые Сои, иж дей пан Станислав Глебович, будучы воеводою Полоцким, купил землю в их потужников, у Василя а у Ивана Свинчычов, которые имъ того коня выправовати помагали и вси повиноватости полнили. Скупившы тую землю, отдал служебънику своему Остафью Кривоногу. Тотъ Кривоногъ на той земли осадил два чоловеки. По смерти Кривонога держыть пан Борколабъ Корсак, а тым Соям жадной повиноватости помагати не хочуть». Полоцкая Ревизія. Л. 22 об.

²⁾ «Поведили тые Курыловляне, иж городничый Полоцкий пан Василей а хоружый Полоцкий пан Иван купили в продка ихъ Грыдюшъка землю, а тепер они с тое земли им тыхъ повинностей помагати не хочуть». Ibidem. Л. 23.

³⁾ «Поведили тые Забеляне, иж которые села небощык пан Иван, городничый выслужыл на государы его милости славное памети короли Жыкгимонте, Ореховно, Загатъе, Солонеевичы, Прозороки, Санники, в которых менили быти со полтораста подымя». Ibidem. Л. 23 об.

⁴⁾ Люди путные села Щапильна заявили: «иж село Могишно люди путные, которые, нет ведома в который обычай, держыть земенин земли Полоцкое Иван Яцъкович, которые дей ку службѣ земской тры кони ставливали и бобровщызну плачывали. А Иван Яцъкович тое село менил быти выслугою своею на государы его милости славное памети Жыкгимонте». Ibidem. Л. 21.

⁵⁾ Нпр., *ibidem* л. 42, 42 об., 44 об., 60 об., 61 и др.

лежало его завѣдыванію, какъ и земледѣльческое населеніе повѣта-староства. Онъ былъ старостою въ повѣтѣ и распоряжался и дѣйствовалъ въ его предѣлахъ съ совершенно тѣми же правами и властью, которыя мы уже видѣли, когда знакомились съ положеніемъ старость Княжества ¹⁾). Воевода имѣлъ свое пребываніе въ замкѣ своего воеводства; но нельзя и думать о томъ, чтобы онъ не только постоянно, безвыѣздно, но даже по очень долгу жить въ главномъ городѣ своего воеводства. Съ одной стороны собранія сената и порученія, налагаемыя на него королемъ, посылающимъ его въ комиссіяхъ, съ другой — староства, державы и различные уряды, которые совмѣщаль воевода со своею воеводскою должностію, постоянно отзывали его изъ его воеводства; къ этому нужно прибавить обширныя собственныя имѣнія, разбросанныя по разнымъ повѣтамъ Княжества. Ясно что мы менѣе всего имѣемъ право представлять себѣ пребываніе воеводы на его урядѣ съ постояннымъ отправленіемъ его обязанностей по воеводству. Даже сеймикъ заставлялъ иногда воеводу не въ его воедствѣ ²⁾). Но какъ бы то ни было въ замкѣ находился рядъ построекъ, предназначенныхъ для воеводы, его семьи и слугъ. Такъ, въ Полоцкомъ замкѣ по ревизіи 1552 года находились шесть домовъ, назначенныхъ для жительства воеводы и при нихъ рядъ домовыхъ, хозяйственныхъ построекъ ³⁾).

Очень часто не находясь на своемъ воеводскомъ посту, воевода необходимо долженъ былъ имѣть своего намѣстника, кото-

¹⁾ Стр. 279 и сл.

²⁾ Примѣры, которые мы можемъ привести, относятся къ концу XVI-го и къ XVII-му столѣтіямъ. На Берестейскомъ сеймикѣ 1596 года находился Николай Сапега, воевода Витебскій (А. Вил. II. Стр. 154), на сеймикѣ того же повѣта въ 1634 году — Ярошъ Воловичъ, староста Жомойтскій (А. Вил. II. Стр. 170), на Виленскомъ сеймикѣ 1671 года — Григорій Подберезскій, воевода Смоленскій (А. Вил. VIII. Стр. 340), на сеймикѣ того же повѣта въ 1698 году — Стефанъ Курчъ, воевода Берестейскій (А. Вил. VIII. Стр. 345).

³⁾ «Будоване замковое в Полоцкѣ, где воевода мешъкаетъ — на первой домъ на подклете, светлица великая зъ сенми и зъ кганъкомъ; другой домъ ветена замковой на городнях светлочъка, комора и сень зъ кганком; третій дом на подклете, комора и сень; четверты дом на подклете, светлочка а сень; пятый домок на подклете, светлочка, комора а сень згнила; шостый дом новый на подклете, светлицы две, комора а сень, еще печей и коменков нет; пивница а на ней сховане; кухня пекарня зъ сенями; стайня рубленая, а за двором лазня (у воротъ замъковых к великому посаду клет королевская, в которой жыто, спижа бывала; тая клет ничемна, згнила; спижи до тог замку...» Полоцкая Ревизія. Л. 5 об.—6.

рый бы завѣдывалъ текущими дѣлами воеводскаго повѣта, находясь въ полной зависимости отъ воеводы и ведя дѣла подъ его непосредственною властью. Статутъ прекрасно знаетъ намѣстниковъ воеводъ и старостъ. Королевскія грамоты также постоянно говорятъ о намѣстникахъ, къ которымъ обращаются приказанія короля въ случаѣ «небытности» воеводъ и старостъ въ ихъ воеводствахъ и староствахъ. Намѣстникъ назначался самимъ воеводою ¹⁾: это былъ его слуга, волею своего пана обращающійся во врядника. Король не зналъ утвержденія намѣстниковъ, и уже это одно говоритъ о характерѣ ихъ власти и значенія въ повѣтовой администраціи. Намѣстникъ—викарій воеводы или старосты, ими назначаемый, но ими же и смѣняемый, въ случаѣ недовольства, не имѣющій власти по вряду, но лишь по порученію своего господина. Иногда своимъ намѣстникомъ воевода дѣлалъ кого-либо изъ шляхтичей, или даже земскихъ врядниковъ своего повѣта. Такъ, намѣстникомъ Виленскаго воеводы въ 1577 году въ Вильнѣ былъ Янъ Абрамовичъ, войскій Виленскій ²⁾. Но постъ намѣстника имѣли право занимать не всѣ повѣтовые врядники: члены земскаго суда повѣта, не имѣли на это права ³⁾.

Положеніе воеводы, какъ врядника-сенатора, стоящаго во главѣ цѣлаго воеводства по своему земскому значенію и во главѣ центрального повѣта его по своему значенію судебно-административному, требовало и извѣстнаго внѣшняго блеска и пышности въ образѣ его жизни ⁴⁾. Число слугъ и обстановка жизни воеводы должны были соответствовать его высокому положенію въ сенатѣ и въ воеводствѣ. Матеріальныя средства

¹⁾ Одинъ документъ, внесенный 24 іюня 1596 года въ Витебскія земскія книги, очень хорошо рисуеъ назначеніе воеводою намѣстника. Витебскій воевода, явившись лично передъ земскій судъ своего повѣта, «оповедати то рачыль», что онъ «по отеханью своемъ отсюль з Витебьска» оставилъ на своемъ воеводскомъ мѣстѣ «зацного и родовитого человека, пана Юрка Войну Ромейка до прибитья своего». Однако Ромейко сложилъ затѣмъ съ себя намѣстничество. Тогда воевода свое Витебское намѣстничество отдалъ пану Миколаю Яновичу Деражинскому, говоря: «абы и онъ без бытности моее не только абы sprawy судовые поветовые и местские Витебьские, яко на наместники врадъ...» (документъ прерывается) Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 468—469.

²⁾ А. Вил. XX. № 28. Тотъ же документъ изданъ въ А. Вил. VIII (стр. 405—411). Абрамовичъ же былъ намѣстникомъ не только въ 1577 году, но вообще около этого времени. А. Вил. XX. № 27 (1576 г.).

³⁾ См. Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 268, 269.

⁴⁾ Ср. также расходы на похороны Витебскаго воеводы въ 1599 году. Вил. Арх. Сб. IV. Стр. 306—308.

воеводы слагались изъ его доходовъ: 1) съ имѣній, принадлежавшихъ ему, какъ частному лицу, 2) со староствъ и державъ и пожалованій королевскихъ и 3) изъ доходовъ по его воеводскому уряду. Собственныя имѣнія воеводы бывали обыкновенно весьма значительны. До воеводскаго кресла возвышался обыкновенно панъ, который могъ оказаться не слишкомъ уже отличающимся по своимъ матеріальнымъ средствамъ отъ старинной Литовской аристократіи, занимавшей издавна сенаторскія кресла. Суды скарбу дѣлали сенаторы вообще и воеводы въ частности въ цѣлыя тысячи копъ Литовскихъ грошей—сумма, размѣръ которой по условіямъ жизни того времени намъ станетъ особенно понятенъ, если мы вспомнимъ цѣны эпохи, хотя бы цѣну работы годового работника, которая была около копы ¹⁾. Мы видѣли выше и тѣ «почты», которые были въ состояніи выставять Литовскіе вельможи ²⁾. Знаемъ мы также и о доходахъ которые приносили воеводамъ пожалованныя въ ихъ завѣдываніе староства и державы ³⁾, а также и аренды мытъ, которыя они иногда получали ⁴⁾. Теперь мы должны лишь изложить тѣ доходы, которые воеводѣ давала собственно его воеводская должность. Эти доходы составлялись прежде всего изъ тѣхъ платовъ, которые шли на воеводу съ земель, приписанныхъ къ замку. Мы можемъ довольно отчетливо видѣть эти доходы на примѣрѣ Полоцкаго воеводства по даннымъ ревизіи 1552 года. Нужно лишь имѣть въ виду два обстоятельства, измѣнившія цифры этихъ доходовъ Полоцкаго воеводы: 1) уставу на волоки и 2) отторженіе ряда Полоцкихъ земель послѣ 1552 года Москвою, такъ какъ, хотя эти земли потомъ и были возвращены Баторіемъ, но уже, разумѣется, въ измѣненномъ экономическомъ состояніи и съ другою населенностью, чѣмъ это было во время составленія ревизіи. Такимъ образомъ, не претендуя на ариѳметическую точность картины доходовъ одного изъ воеводствъ, мы дадимъ читателю перечень воеводскихъ доходовъ. Полоцкое воеводство и впослѣдствіи представляло изъ себя одинъ повѣтъ, и мы рѣшаемся дать читателю перечень доходовъ Полоцкаго воеводы въ 1552 году предупредивъ, какъ нужно пользоваться приводимыми цифрами для того, чтобы представить себѣ хотя въ самыхъ общихъ чертахъ размѣры доходовъ воеводы эпохи послѣ 1569 года. Доходы эти

¹⁾ См. выше, стр. 451.   ²⁾ См. выше, стр. 170.

³⁾ См. выше, стр. 283 и сл.   ⁴⁾ См. выше, стр. 489.

прежде всего шли съ Полоцкихъ мѣщанъ. Мѣщанъ, находившихся «под присудом права Майдабурского» числилось 1.487 человекъ, всѣхъ вмѣстѣ, т.-е. «господарских, князких, панских, землянских и духовных»¹⁾. Доходы съ нихъ шли и на государя²⁾, и на воеводу. Въ пользу послѣдняго поступали слѣдующіе сборы. Прежде всего такъ называемая «явка», а именно «от гостей прыеждчых явки з головы по два гропы широких», а если бы привезенныхъ возовъ оказалось больше, чѣмъ головъ, то по 2 широкихъ гроша съ каждаго воза. Кромѣ того, «с тых же гостей» шло на воеводу «от всякого железа» — отъ сковородъ, топоровъ, лемешовъ, а также отъ мяса, масла, сыровъ и другихъ «странных речей» тридцатая часть и еще «от фасы, то ест отъ полти сечы кос» по 30 широкихъ грошей. «А коли с Полоцка назад Москвичы водою до земли Московское идутъ, тогда с кожного струга по 30 грошей широких». Помимо этого дохода на воеводу шло еще мыто, собираемое его мытникомъ³⁾. Онъ получалъ также половину «вымельковъ», которые давалъ «млынъ» замковый, находившійся на рѣкѣ Полотѣ⁴⁾. Съ жителей, приписанныхъ къ замку и его волостямъ, на воеводу шли также опредѣленные доходы. Съ казаковъ и людей панцырныхъ и путныхъ замковыхъ получались два пуда меду ежегодно, да тѣ же люди платили воеводину подорожнику 2 копы и 25 грошей широкихъ⁵⁾, да его кидничему 3 1/2 Литовскихъ гроша⁶⁾. Псарцы Полоцкаго замка, которыхъ было два села, выплачивали воеводѣ «овъса десеть четвертокъ, каждая по две солянки, а полкопы грошей широкихъ»⁷⁾.

Въ привилеяхъ на воеводство королемъ жалуются воеводскій урядъ съ правомъ, какъ они говорятъ отъ имени государя, «местце в лавицы рад наших заседати, всякое учтивости, владности и моцы и тежъ пожитков воеводства оного (Браславского и Веницкого), от насъ наданых уживати...»⁸⁾.

¹⁾ Полоцкая Ревизія. Л. 11.   ²⁾ Ibidem. Л. 11—11 об.

³⁾ «К тому мыто на Сари на пана воеводу...» Ibidem. Л. 12.

⁴⁾ Ibidem. Л. 12 об.

⁵⁾ Грошъ широкій былъ больше гроша Литовскаго. Литовскій грошъ равнялся 10 пенезямъ, а широкій—14-ти. См. ibidem, л. 25 («12 грошей широких чынить Литовских—16 грошей и 8 пенезей»).

⁶⁾ Ibidem. Л. 25.   ⁷⁾ Ibidem. Л. 25 об.

⁸⁾ «Привилей князю Роману Санкгушку на воеводство Браславское и Веницкое». Дата: Люблинъ, 1566 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 3 об.—4 об.

Кромѣ доходовъ, получаемыхъ съ замковыхъ земель и торговли, воеводы имѣли еще доходы, которые давались правительственною властью въ замѣну земель, по той или другой причинѣ отобранныхъ отъ ихъ воеводствъ. Такъ, Троцкій воевода, князь Стефанъ Андреевичъ Збаражскій «писалъ и присылалъ» къ королю Стефану Баторію на Торунскій сеймъ «о том, иж дей на воеводство Троцкое от протков» государевыхъ, «королей Польских и великих князей Литовскихъ, за доходы волости Упитское, от воеводства Троцкого до столу» государева «приверненые, есть поступлено» изъ скарба по 700 копъ Литовскихъ грошей «воеводе Троцкому платити» ¹⁾. Сохранился въ Метрикѣ также листъ-предписаніе отъ Сигизмунда Августа земскому подскарбію выдавать этотъ юргельтъ, пожалованный Троцкому воеводѣ ²⁾. Юргельты вообще считались въ числѣ доходовъ нѣкоторыхъ воеводъ. Такъ, въ Торунѣ 27 декабря 1576 года былъ данъ Баторіемъ «привилей пану Миколаю Дорогостайскому, воеводе Полоцкому, на юргельтъ в каждый год по триста коп грошей Литовскихъ» ³⁾. Иногда воеводы получали отъ короля право держать корчму, что также служило источникомъ ихъ доходовъ ⁴⁾. Получали воеводы доходы и съ державъ и староствъ, жалуемыхъ имъ королемъ, или закладываемыхъ въ «сумахъ пенезей», вносимыхъ воеводами въ видѣ ссуды въ скарбъ ⁵⁾. Это владѣніе воеводъ староствами и державами сдѣлалось настолько обычнымъ, что мы не можемъ привести примѣра воеводы, который не имѣлъ бы державы, или староства.

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{61}$ л. 36.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 1 об., 2. Дата: Городна, 18 марта 1566 года.

³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. 159 об.—160.

⁴⁾ Нпр., листъ «князю Роману Санкушку о корчму у Веницы при дворе Кмитинском.—Жикгимонт Августъ Божью милостью королъ Польскій etc. Ко всимъ земяномъ и мещаномъ нашимъ Веницкимъ. Дозволили есмо воеводе Браславскому, старосте Житомирскому, князю Роману Федоровичу Санкушквича, при дворе нашомъ Кмитинскомъ, у Веницы лежачомъ, который его милость от насъ держить, корчму постановити. Вы бы о томъ ведали и, яко сами, такъ подѣданые ваши добровольне в той корчме трунъковъ себе брали и тамъ их уживали. Писанъ у Люблине». 27 іюля 1566 года. «Подпись руки господарское. Базылуусъ Древинскій писарь». Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 8 об., 9.

⁵⁾ См. выше, стр. 269, прим 1.

Но помимо всѣхъ этихъ доходовъ, опредѣленныхъ правительственною властью, въ сундукъ воеводы поступали и доходы совершенно другого характера. Это были подарки, дѣлаемые ему обывателями отчасти въ силу обычая, отчасти въ силу необходимости искать покровительства и защиты воеводы, какъ сильнаго вельможи, отъ опасностей, грозящихъ со стороны властей. Приѣздъ воеводы въ какой-нибудь городъ, даже иногда не его административнаго округа, сопровождался поднесеніемъ ему весьма цѣнныхъ подарковъ ¹⁾. Акты сохранили свѣдѣнія о томъ, что даже одинъ изъ богатѣйшихъ вельможъ эпохи, Виленскій воевода Криштофъ Радивилъ, за ходатайство передъ королемъ въ интересахъ Виленскаго типографщика Луки Мамонича, получилъ въ 1588 году обѣщаніе послѣдняго доставлять ему ежегодно по три бочки хорошаго вина и по одной бочкѣ мальвазіи ²⁾. Все это было въ духъ времени и не представлялось ни предосудительнымъ, ни обиднымъ для самолюбія вельможи. По своему положенію сенатора, воевода получалъ различныя королевскія порученія, придавшія ему еще бѣльшій авторитетъ, но съ этими порученіями познакомимся ниже, когда будемъ говорить о значеніи врядниковъ-сенаторовъ, какъ радныхъ пановъ, а не какъ врядниковъ того или другого отдѣльнаго уряда. Ниже увидимъ болѣе обстоятельно и значеніе ходатайствъ передъ королемъ сенаторовъ, а какъ таковыхъ, и воеводъ, но теперь мы должны замѣтить, что ходатайство воеводы не могло не быть особенно цѣннымъ тѣмъ болѣе, что онъ иногда къ своему голосу присоединялъ и голоса обывателей своего воеводства. Такъ, въ 1562 году Полоцкая архіепископія была отдана Сигизмундомъ Августомъ иноку Арсенію Шишкѣ «за писаньемъ и жеданьемъ воеводы Полоцкого и за чоломбитьемъ бояръ, шляхты и мѣщанъ, всего посполства земли Полоцкое» ³⁾.

Второе мѣсто послѣ воеводы занималъ въ воеводствѣ кашталянъ. Оба они были панами-радами воеводства, его представителями въ сенатѣ, но ихъ значеніе и въ радѣ и въ воеводствѣ было неодинаково. Если въ сенатѣ голосъ кашталяна иногда и могъ быть не менѣе авторитетнымъ, чѣмъ голосъ воеводы, то

¹⁾ См. прихода-расходныя книги Могилева, изданныя въ Ист.-Юр. Матеріалахъ. Нпр. II, стр. 41 и сл.

²⁾ Вил. Арх. Сб. VII, Стр. 58—59.

³⁾ А. З. Р. III. № 30. Ср. содѣйствіе Новгородскаго воеводы Павла Сапеги въ дѣлахъ митрополита къ королю. А. З. Р. III. № 18.

это было результатомъ личнаго значенія лица, занимавшаго кашталянню, притомъ соединявшаго съ нею нерѣдко другіе весьма вліятельные уряды. Конечно, голосъ Яна Еронимовича Ходкевича, соединявшаго съ Виленскою кашталяннею врядъ старосты Жомотскаго, администраторство и гетманство Лифляндіи, земское маршалковство, не говоря уже о староствахъ и державахъ, ему принадлежавшихъ, былъ въ сенатѣ нисколько не слабѣе голоса Виленскаго воеводы Николая Радивиля. Но это могло быть лишь въ радѣ. Въ предѣлахъ воеводства вся административная власть центральнаго повѣта ¹⁾ и извѣстное значеніе по отношенію къ остальнымъ повѣтамъ воеводства лежали въ рукахъ воеводы и для кашталяна изъ нихъ ничего уже не оставалось. Значеніе кашталяна въ воеводствѣ выступаетъ лишь во время посполитаго рушенья. Но разсмотримъ сначала тѣ взгляды на врядъ кашталяна, которые высказаны въ литературѣ. Это лучше всего введетъ насъ въ ознакомленіе съ дѣятельностью этого врядника сенаторскаго стана. Порай-Кошиць ²⁾ раздѣляетъ кашталяновъ на высшихъ и низшихъ. Ссылаясь на Бандтке, онъ приводитъ значеніе слова *castellum*, какъ города, крѣпости, замка, укрѣпленнаго города. Кашталянъ такимъ образомъ, по опредѣленію Порай-Кошица, былъ комендантомъ замка. «Какъ помощники воеводъ», говоритъ цитируемый авторъ далѣе, «кастеляне раздѣляли занятія ихъ по военной части и по части земскаго управленія, были судьями уголовныхъ дѣлъ и предсѣдателями на сеймикахъ, а въ случаѣ отсутствія воеводъ вступали въ управленіе ихъ должности». Кашталяны высшаго и низшаго разряда различались, по словамъ Порай-Кошица, своимъ значеніемъ: «первые, подъ главнымъ начальствомъ воеводъ, управляли областью или воеводствомъ (*castellani provinciales*) и посему въ гражданской іерархіи непосредственно слѣдовали за воеводами и рядомъ съ ними засѣдали въ сенатѣ, а послѣдніе—завѣдывали однимъ только городомъ и принадлежащимъ къ нему округомъ или уѣздомъ (*castellani territoriales*), въ сенатѣ же составляли второй рядъ сенаторовъ и назывались некресловыми кастелянами, потому что сидѣли въ сенатѣ позади воеводъ, на скамьяхъ». Это изображеніе кашталянскаго уряда страдаетъ цѣлымъ рядомъ ошибокъ. Мы не ста-

¹⁾ Конечно, какъ мы уже видѣли, это было только въ центральныхъ повѣтахъ старыхъ воеводствъ.

²⁾ *Порай-Кошиць*. Ист. р. о Лит. дв. Стр. 41—42.

немъ входить въ разборъ его, какъ изложенія значенія и положенія Короннаго каштелянства, но какъ рассказъ о врьдѣ каштеляна Литовскаго, оно не можетъ быть принято ни въ какомъ случаѣ. Прежде всего Литовскій сенатъ не знаетъ раздѣленія каштеляновъ на высшихъ и низшихъ. Всѣ Литовскіе каштеляны въ спольномъ Польско-Литовскомъ сенатѣ находились въ ряду каштеляновъ высшихъ (*kasztellani więksi*), а двое изъ нихъ—Виленскій и Троцкій—даже въ ряду воеводъ ¹⁾. Комендантами замковъ также нельзя считать каштеляновъ Литовскихъ, такъ какъ врьдъ ихъ не былъ вовсе достояніемъ всѣхъ замковъ Литовскихъ, притомъ не былъ достояніемъ цѣлаго ряда пограничныхъ, т.-е. имѣвшихъ наибольшее значеніе замковъ, въ которыхъ начальствовали старосты и ротмистры. Объ управленіи каштелянами воеводствами «подъ главнымъ начальствомъ воеводъ» также не можетъ быть и рѣчи, ибо это управленіе находилось въ центральныхъ повѣтахъ старыхъ воеводствъ въ рукахъ самихъ воеводъ и ихъ намѣстниковъ, а въ остальныхъ повѣтахъ—въ рукахъ старостъ и ихъ намѣстниковъ, подстаростъ. Не можетъ быть рѣчи и объ уголовномъ судѣ каштеляновъ, такъ какъ судъ по уголовнымъ преступленіямъ принадлежалъ гродскому суду повѣтовому и его врьдникамъ. Что касается до предсѣдательства на сеймикѣ, то дѣйствительно каштелянъ могъ явиться предсѣдателемъ на немъ, но вовсе не по своему каштелянскому врьду и въ силу его обязанностей, а просто въ силу своего авторитета и старшинства между сеймикующею шляхтою. При этомъ каштеляны далеко не всегда и присутствовали на сеймикахъ своихъ повѣтовъ ²⁾.

Вторымъ мнѣніемъ, высказаннымъ о каштелянахъ Литовскихъ, которымъ мы займемся, является мнѣніе И. Д. Бѣляева ³⁾. По словамъ покойнаго изслѣдователя, учрежденіе должности каштеляновъ не многимъ опередило время изданія перваго Литовскаго статута, т.-е. 1529 годъ. Въ Литвѣ каштелянъ «не только былъ непосредственнымъ начальникомъ гарнизона, но и второстепеннымъ предводителемъ всей мѣстной шляхты во время похода».

¹⁾ Vol. leg. II. Str. 93.

²⁾ Нпр., на Берестейскомъ сеймикѣ избирательномъ-трибунальскомъ 1634 года присутствовали кромѣ Берестейскаго каштеляна каштеляны Виленскій и Новгородскій, не бывшіе такимъ образомъ на сеймикахъ своихъ воеводскихъ повѣтовъ. А. Вид. II. Стр. 170.

³⁾ Разказы изъ Русской исторіи. М. 1872. Стр. 384—388.

Были кашталяны только въ тѣхъ областяхъ, которыя управлялись воеводами, и являлись «собственно помощниками и товарищами воеводѣ и въ ихъ отсутствіе временно заступали ихъ мѣсто». Въ числѣ обязанностей кашталяна было прежде всего «смотрѣніе за исправностью укрѣпленій, состоящихъ въ его вѣдѣніи». Затѣмъ, «какъ военачальникъ, онъ преимущественно завѣдывалъ военными людьми, состоящими на жалованьи, или наемными; но тѣмъ не менѣе на его обязанности лежало собирать въ походъ всю мѣстную шляхту и вести ее на сборное мѣсто и передавать воеводѣ, а иногда онъ и самъ въ походѣ занималъ мѣсто воеводы». Кромѣ военныхъ дѣлъ, кашталяну, по словамъ Бѣляева, принадлежали и судебныя обязанности: «кастелянъ, подобно маршалку, былъ высшимъ судьей, когда тяжущіяся были не довольны судомъ подкоморія». Бѣляевъ говоритъ, что нѣтъ пока извѣстій о томъ, вѣдалъ ли кашталянъ и другія судебныя дѣла, «но по всему вѣроятію, кастелянъ завѣдывалъ всѣми судебными и административными дѣлами, когда онъ заступалъ мѣсто отсутствующаго воеводы, или когда ему самому поручалось какое-либо староство, данное какому-либо воеводѣ, который тамъ не жилъ, а получалъ только съ даннаго староства доходы». Бѣляевъ не знаетъ, получалъ ли кашталянъ доходы по своему ряду, но онъ говоритъ: «кажется должно признать, что кастеляну за его кастелянскую службу всегда назначалось какое-либо староство или державство, какъ источникъ опредѣленнаго дохода». Наконецъ, въ заключеніе, изслѣдователь признаетъ, что «кастеляны въ Литовскомъ княжествѣ до Люблинской уніи, имѣли далеко не то значеніе, какое они получили послѣ Люблинской уніи, слѣдуя Польскимъ порядкамъ». Мнѣніе И. Д. Бѣляева заслуживаетъ особенно тщательнаго разбора: и мѣсто въ ряду научныхъ дѣятелей, и авторитетъ покойнаго изслѣдователя, и значеніе, которое имѣетъ IV томъ его «Разказовъ» въ Русской исторической литературѣ, какъ до самаго недавняго времени ¹⁾ единственный, стройный и захватывающій въ своемъ изложеніи очень много предметовъ трудъ по внутреннему строю великаго княжества Литовскаго, заставляютъ это сдѣлать, а потому мы и привели его мнѣніе почти все его собственными словами. Но и мнѣніе Бѣляева не можетъ быть признано правильнымъ ни въ общемъ, ни въ деталяхъ своихъ.

¹⁾ До появленія въ печати труда *М. К. Любавскаго*. Литовско-Русскій сеймъ. М. 1901.

Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ представленія о времени возникновенія кашталянства въ Литвѣ все почти ошибочно въ этомъ мнѣніи. Первыя кашталяніи въ Княжествѣ возникли въ 1413 году, т.-е. за сто слишкомъ лѣтъ до изданія перваго Литовскаго статута. Городельскій привилей, создавшій въ Литвѣ первыя воеводства—Виленское и Троцкое,—создалъ и кашталянства въ этихъ воеводствахъ¹⁾, и паны, или кашталяны Виленскій и Троцкій часто упоминаются актами времени послѣ Городельскаго привилея²⁾. Несомнѣнно вѣрнымъ нужно признать то, что кашталяны были лишь въ тѣхъ областяхъ, которыя имѣли и воеводъ, но нельзя согласиться, какъ это мы уже видѣли при разборѣ мнѣнія Порай-Кошица, что кашталяны замѣняли воеводъ во время отсутствія послѣднихъ изъ воеводствъ; для такой замѣны существовали воеводскіе намѣстники, да сверхъ того кашталяны и не могли служить такимъ замѣнамъ, такъ какъ ихъ отлучки для сеймовъ и радъ государевыхъ происходили одновременно съ отлучками воеводъ для тѣхъ же самыхъ цѣлей. Завѣдываніе городскими укрѣпленіями находилось въ рукахъ городничихъ, а не кашталяновъ³⁾, а наемными войсками командовали ротмистры и гетманы. Высшимъ судьей по апелляціоннымъ жалобамъ на судовыя разбирательства подкоморія кашталянъ былъ также не по своему уряду: онъ высылался въ качествѣ комиссара королемъ и дѣйствовалъ такимъ образомъ, какъ комиссаръ, а вовсе не какъ кашталянъ. Самъ 70-й артикулъ IV-го раздѣла статута 1566 года, на который ссылается Бѣляевъ, совершенно ясно говоритъ объ этомъ; вообще судъ кашталяна имѣлъ мѣсто въ обычное время лишь тогда, когда онъ получалъ «коммиссію», т.-е. высылался въ качествѣ комиссара вмѣстѣ съ другими членами коммиссіи, назначаемыми, какъ и онъ, спеціально на каждое отдѣльное дѣло королемъ. О приписанныхъ къ кашталянствамъ староствахъ и державахъ не можетъ быть и рѣчи: ихъ не было и староства и державы жаловались самымъ различнымъ сенаторамъ и врядникамъ безъ всякаго приурочиванія тѣхъ или другихъ державъ или староствъ къ одному какому-нибудь уряду. Ту державу, которую держалъ кашталянъ, могъ получить послѣ смерти владѣльца, совсѣмъ не его преемникъ по кашталянству. Кромѣ

¹⁾ Vol leg. I. Str. 30. Документы, объясн. ист. З.-Р. края и его отн. къ Р. и къ П. Стр. 12.

²⁾ Нпр., А. Ю. и З. Р. I, №№ 27, 28 и др.

³⁾ См. выше, стр. 333, 338.

того, повышаясь по іерархической лѣстницѣ вѣрядовъ Княжества, вѣрядники сохраняли свои староства и державы, вовсе и не думая передавать ихъ своимъ преемникамъ по оставляемымъ вѣрядамъ. Нельзя согласиться и съ утвержденіемъ Бѣляева, что послѣ Уніи въ положеніи кашталяновъ произошла какая-то радикальная перемѣна, — Люблинская Унія отнюдь не внесла измѣненій въ мѣстное значеніе ни одного Литовскаго вѣряда. Перемѣны въ мѣстномъ значеніи и компетенціи Литовскихъ областныхъ урядовъ создавались эпохою середины шестидесятыхъ годовъ, создавшей второй Литовскій статутъ. Что касается до роли кашталяна во время посполитаго рушенія, то онъ не собиралъ шляхту (притомъ своего повѣта, а не цѣлаго воеводства), а принималъ ее отъ хоружія центральнаго повѣта, собиравшаго ее и приводившаго къ кашталяну, какъ принимали повѣтовые маршалки шляхту своихъ повѣтовъ отъ ея хоружихъ ¹⁾. Кашталянъ не замѣнялъ воеводу во время мира, да и какъ онъ могъ это дѣлать, занимая обыкновенно еще другіе вѣряды, бывая иногда одновременно кашталянкомъ одного воеводства и воеводою другого ²⁾? Конечно, естественно, ожидать, что если не было во время рушенья воеводы на мѣстѣ, кашталянъ становился во главѣ шляхты воеводства, какъ единственный панъ-рада его во время отсутствія воеводы, но статутъ знаетъ лишь, что кашталянъ можетъ замѣнять воеводу въ судѣ во время рушенья, пока воеводская шляхта не достигнетъ гетманской ставки ³⁾.

Гораздо осторожнѣе поступилъ въ дѣлѣ характеристики кашталянскаго вѣряда К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, который просто опредѣлилъ кашталяновъ, какъ помощниковъ воеводъ, не входя въ подробное изложеніе ихъ дѣятельности и компетенціи ⁴⁾. Но слишкомъ короткое, это опредѣленіе не даетъ читателю сколько-нибудь яснаго представленія о характерѣ кашталянскаго вѣряда.

¹⁾ II ст. II. 6. См. выше, стр. 540.

²⁾ Нпр., Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ былъ кашталянкомъ Виленскимъ и въ то же время старостою Жомойтскимъ.

³⁾ II ст. II. 6.

⁴⁾ Русская исторія. Томъ второй. Выпускъ первый. СПб. 1885. Стр. 61. Указывая на ошибку И. Д. Бѣляева въ приуроченіи времени появленія кашталяновъ въ Литвѣ къ эпохѣ статута 1529 года, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ объ упоминаніи кашталяній привилеемъ Ягайлы 1387 года. Но въ этомъ привилеѣ слово *castelania*, по всей вѣроятности, означало лишь округъ, область, во главѣ которой стоитъ замокъ, а совсѣмъ не кашталянство въ томъ смыслѣ, въ которомъ хочетъ понимать его покойный ученый.

Обращаясь къ Польской литературѣ исторіи права Речи Посполитой, мы встрѣчаемъ трактованіе и Польскихъ, и Литовскихъ кашталяновъ вмѣстѣ, съ однѣми и тѣми же чертами и характеристикой вѣда, чего не должно бы было быть ввиду отличій, существовавшихъ между кашталянами Литовскими и ихъ Коронными товарищами. Тутъ уже прежде всего бросается въ глаза существованіе въ Коронѣ кашталяновъ большихъ и меньшихъ, совершенно неизвѣстное Княжеству. Отдѣльно мы остановимся лишь на мнѣніи Вольфа въ его трудѣ «*Senatorowie i dignitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego*». Онъ говоритъ ¹⁾, что въ Литвѣ кашталянскій урядъ былъ учрежденъ для увеличенія числа сенаторовъ. Кашталяны, по мнѣнію Вольфа, бывали замѣстителями воеводъ, а обязанностью ихъ собственнаго вѣда было предводительство надъ войскомъ округа. Слова Вольфа о причинѣ учрежденія кашталяній въ Княжествѣ могутъ быть приняты цѣликомъ — они, какъ увидимъ, прямо подтверждаются источниками. Что же касается до замѣстительства воеводы и предводительства надъ войскомъ округа, то слова нашего автора должны приниматься съ нѣкоторыми ограниченіями. Кашталянъ являлся замѣстителемъ воеводы лишь въ его авторитетѣ, какъ сенатора воеводства, около котораго группируются вѣдники и обыватели воеводства, но онъ не былъ замѣстителемъ воеводы въ его административной и судебной дѣятельности, такъ какъ для этого каждый воевода имѣлъ своего намѣстника, который и стоялъ во главѣ замковаго, или гродскаго вѣда воеводства подъ высшимъ начальствомъ воеводы. Начальникомъ же земскаго войска кашталянъ былъ лишь для шляхты центральнаго повѣта воеводства начальствовалъ надъ нею подобно тому, какъ надъ шляхтою остальныхъ повѣтовъ начальствовали маршалки, и сдавалъ, какъ они, команду воеводѣ, лишь только приведетъ къ нему рушившуюся шляхту, притомъ и самъ становясь подъ эту команду.

Въ Русской литературѣ на должность кашталяна было высказано много вѣрнаго въ совершенно забытой, писанной шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ статьѣ автора, не пожелавшаго подписать своего имени, помѣщенной въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ» Общества исторіи и древностей Россійскихъ ²⁾. Авторъ

¹⁾ *Senatorowie i dignitarze W. Ks. Litewskiego. Str. 97.*

²⁾ Русскій Историческій Сборникъ, издаваемый Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Редакторъ профессоръ *Погодинъ*. (Т. IV). Книжки 2 и 3. Москва. 1841. «Историческій взглядъ на древнее образованіе славян-

этой статьи приводитъ въ переводѣ слѣдующую выписку изъ сочиненія Станислава Кристановича, писавшаго въ началѣ XVII столѣтія ¹⁾: «Кастелляніи соотвѣтствуютъ *уъздамъ, землямъ, или частіцямъ Воеводства...* Въ каждомъ изъ Воеводствъ полагается четыре, три и не менѣе двухъ Кастелляній. Кастеллянъ, будучи то же сенаторомъ и намѣстникомъ Воеводы, во время народнаго ополченія начальствуетъ вмѣсто его надъ дворянствомъ своего округа. Кромѣ управленія въ военное время, Кастелляны не пользуются никакимъ другимъ судебнымъ вѣдомствомъ (*jurisdictio*) въ своихъ земляхъ. Нынѣ считается 83 кастелляновъ въ Польшѣ, то-есть 31 большихъ (*maiores*) и 52 меньшихъ (*minores*). Большіе допущены наравнѣ съ прочими сенаторами къ самымъ тайнымъ совѣщаніямъ; рѣдко, или даже никогда, меньшіе, хотя и они слывуть сенаторами. Кромѣ того, тремъ изъ Кастелляновъ присвоено первенство въ сенатѣ даже передъ Воеводами, то-есть: Краковскому, Виленскому и Троцкому». Это свидѣтельство Станислава Кристановича и должно быть полагается въ основаніе характеристики кашталяновъ Речи Посполитой эпохи послѣ Люблинской Уніи. Говоря о Литовскихъ кашталянахъ, мы должны только устранить изъ него то, что относится спеціально къ Короннымъ.

Итакъ, врядъ кашталянскій былъ вторымъ послѣ воеводы сенаторскимъ урядомъ воеводствъ Литовскаго великаго княжества. Всѣ кашталяны Литовскіе занимали мѣсто въ спольномъ Польско-Литовскомъ сенатѣ между кашталянами большими, засѣдая въ радѣ государства рядомъ съ воеводами. Въ перечнѣ Литовскихъ сенаторовъ, находящемся въ 65-ой книгѣ Записей Метрики Литовской, помѣщенномъ тамъ въ спискѣ лицъ, которымъ были отправлены сеймовые листы 1580 года ²⁾, находимъ слѣдующихъ кашталяновъ: Виленскаго, Троцкаго, Кіевскаго, Жомойтскаго, Смоленскаго, Полоцкаго, Новгородскаго, Витебскаго, Берестейскаго, Мстиславскаго и Минскаго. Если выкинуть изъ этого списка кашталяна Кіевскаго, который съ 1569 года принадлежалъ къ числу Коронныхъ врядниковъ, то окажется 10 кашталяновъ для вели-

---

скихъ и преимущественно польскихъ городовъ до XIII ст.» Стр. 155—299 Сборника.

¹⁾ Стр. 260—261. Сочиненіе это называется—*Status Regni Poloniae Descriptio*. (Lugd. Batav. 1627). Приведена въ статьѣ и Латинская выписка изъ оригинала.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 4—4 об.

каго княжества Литовскаго. Тѣхъ же кашталяновъ встрѣчаемъ въ спискѣ сенаторовъ, составленномъ въ 1569 году послѣ соединенія Литвы и Польши въ одно государство, когда слились и сенаты этихъ государствъ въ одинъ, спольный ¹⁾). Два изъ Литовскихъ кашталянствъ, а именно Виленское и Троцкое, были учреждены въ 1413 году, и ихъ врядники занимали въ Литовской радѣ одни изъ самыхъ первыхъ мѣстъ, входя въ число «пановъ-радѣ старшихъ», дѣйствительно старшихъ не только по своему мѣсту въ сенатѣ, но и по времени учрежденія своихъ урядовъ по сравненію съ остальными, возникшими впоследствии воеводскими и кашталянскими должностями. Виленскій кашталянъ занималъ третье мѣсто въ радѣ Литовской (послѣ бискупа и воеводы Виленскихъ), Троцкій—пятое (послѣ бискупа, воеводы и кашталяна Виленскихъ и воеводы Троцкаго). Остальные кашталяны, явившіеся въ Княжествѣ позднѣе, въ Литовскомъ сенатѣ занимали мѣста ниже всѣхъ Литовскихъ воеводъ, въ спольномъ же, Польско-Литовскомъ — размѣщались между большими кашталянами Коронными въ то время, какъ Виленскій и Троцкій занимали мѣста среди воеводъ. Всѣ кашталянства Княжества, кромѣ Виленскаго, Троцкаго и Смоленскаго, были учреждены въ 1566 году. Виленское и Троцкое, какъ мы уже видѣли, — въ 1413 году, а Смоленское — въ 1569 году ²⁾). Названіе кашталяна очень часто замѣнялось названіемъ пана воеводства, и нерѣдко одно и то же лицо, въ одномъ и томъ же документѣ называлось и паномъ, и кашталянномъ ³⁾). При этомъ панами воеводствъ назывались не только кашталяны Виленскій и Троцкій, но и остальные ⁴⁾). Учрежденіе новыхъ кашталянствъ вмѣстѣ съ новыми воеводствами было совершено Сигизмундомъ Августомъ на Виленскомъ сеймѣ конца 1565 и начала 1566 годовъ. Какъ гласить его грамота по повѣтамъ Литовскимъ, оно было сдѣлано по просьбѣ самихъ обывателей: «а к тому жедали нас панове-рады наши с прозбами покорными от всихъ станов рыцерьства, на тотъ съемъ зобраных о примножене радѣ и достоенствъ врадовъ в кожъдомъ повете» ⁵⁾).

¹⁾ Vol. leg. II. Str. 93.

²⁾ *J. Wolff*. Sen. i dign. Str. 130.   ³⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 147.

⁴⁾ Нпр., панъ Смоленскій. А. З. Р. III. № 135. Панъ Виленскій—*Ibidem*, №№ 45, 75, 158 и др.; панъ Троцкій—*ibidem*. №№ 48, 125 и др.

⁵⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 94 об. Дата. Кнышинъ, 22 марта 1566 года.

(Документъ находится на л. 94—95 об. Изданъ *М. К. Любавскимъ*. Л.-Р. сеймъ. Приложенія. Стр. 166—167).

Мы видѣли выше ¹⁾, что послы королевскіе, явившіеся на повѣ-
товыя сеймики 1566 года, созванные передъ Берестейскимъ сей-
момъ, объявили и словесно Литовскимъ обывателямъ объ учреж-
деніи новыхъ кашталяній вмѣстѣ съ новыми воеводствами и повѣ-
товыми врядами. Такимъ образомъ, учрежденіе новыхъ воеводствъ
и новыхъ кашталяній въ 1566 году было одною изъ частей общей
реформы Княжества, завершенной въ 1566 году, реформы, помощью
которой Литва готовилась съ полнымъ достоинствомъ и равенствомъ
вступить въ Унію съ Польшею. Учрежденіе новыхъ воеводствъ
и кашталяній входило, какъ органическая часть въ эту реформу
и въ преобразование рады Княжества, приближаемой къ сенату
Короны черезъ введеніе въ нее новыхъ врядниковъ-сенаторовъ,
одноименныхъ съ Коронными. Однако, одинъ изъ кашталяновъ,
явившихся въ 1566 году, выдавался изъ ряда товарищей своимъ
особеннымъ положеніемъ. Это былъ кашталянъ Мстиславскій.
Случилось такъ, что въ то время, какъ на остальные только что
учрежденныя должности были назначены врядники изъ другихъ
областей и лица, не занимавшія административныхъ урядовъ въ
земляхъ только что образованныхъ новыхъ воеводствъ, на каш-
талянію Мстиславскую былъ назначенъ Мстиславскій староста,
князь Иванъ Васильевичъ Соломерецкій ²⁾. Онъ, сдѣлавшись каш-
талянномъ, сохранилъ за собою и Мстиславское староство, остава-
ясь на этомъ урядѣ вплоть до своей смерти, послѣдовавшей около
1580 года ³⁾. Такое соединеніе двухъ врядовъ Мстиславскихъ въ
однѣхъ рукахъ должно было выдвинуть князя Соломерецкаго изъ
ряда его товарищей, такъ какъ въ предѣлахъ Мстиславскаго
повѣта онъ пользовался не только значеніемъ кашталяна, но и
всею судебно-административною властью старосты съ его правами
и доходами. Все Мстиславское воеводство имѣло только одинъ
Мстиславскій повѣтъ, а это еще болѣе возвышало князя Соломе-
рецкаго въ его значеніи, потому что, благодаря этому обстоя-
тельству, власть его, какъ старосты, простиралась на цѣлое вое-

¹⁾ Стр. 589.   ²⁾ *J. Wolff*. Sen. i dign. Str. 114.

³⁾ Въ 1580 году сеймовый листъ посылался уже «каштеляну Мстислав-
скому, пану Гричуну Войне» (Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 4 об.). Такимъ образомъ,
Вольфъ ошибочно считаетъ его живущимъ до 1586 года. Что касается до
Гричуна Войны, то онъ совершенно не помѣченъ Вольфомъ, и послѣ князя
Соломерецкаго прямо показанъ Мстиславскимъ кашталянномъ Станиславъ
Павловичъ Нарушевичъ.

водство. Акты Княжества вполне сохранили для исследователя это значение Мстиславскаго каштеляна. 31 марта 1569 года изъ Люблина былъ данъ Сигизмундомъ Августомъ «отъпис до князя Ивана Соломирецкаго»¹⁾, въ которомъ король отвѣчалъ ему на его листъ объ опасностяхъ со стороны Москвы и о томъ, что имъ не получено еще денегъ и одежды для стрѣльцовъ, находящихся въ его замкѣ²⁾. Конечно, онъ доносилъ обо всемъ этомъ, какъ староста, а не какъ каштелянъ. Донесеніе князя Соломерецкаго было обыкновеннымъ донесеніемъ украиннаго старосты, и образцы такихъ донесеній сохранились до нашего времени въ достаточномъ числѣ³⁾. Тотъ же князь Соломерецкій въ современныхъ актахъ является и дѣйствующимъ въ совершенно обычной дѣятельности повѣтовыхъ старостъ. Сигизмундъ Августъ далъ въ Люблинѣ 3 апрѣля 1569 года ему предписаніе, въ которомъ говорилъ: «кашталяну и старосте Мстиславскому, князю Ивану Соломирецкому — што перъво дали есмо были землянину нашему повету

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 4—5. Въ разсылкѣ сеймовыхъ листовъ 1568 года (сеймикъ на 11 ноября этого года) значится: «кашталяну и старосте Мстиславскому, князю Ивану Соломирецкому». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. 161. Ср. также А. З. Р. Ш. № 67 (1576 г.).

²⁾ «Жыкгимонтъ Августъ. Кашталяну и старосте Мстиславскому, князю Ивану Соломирецкому. Мели есмо тыхъ часовъ листъ твоей милости, до насъ писаный, которого вырозумели есмо, о чомъ еси до насъ писалъ. А ижъ ся о поступкахъ непрятеля нашего великаго князя Московскаго и о забранью войска его, которое с княземъ Пронскимъ у Смоленску лежитъ, намъ ознаймилъ, то еси добре учинилъ и напередъ которые бы слухи съ стороны непрятельское тебе доходили, жебы еси черезъ писанье свое намъ ведати не омишкивалъ. Къ тому тежъ пишешъ до насъ, ознаймучы, же людемъ езднымъ, которыхъ есмо тебе двесте коней тамъ на ономъ замкѣ мети рассказали, и водле постановенья нашего вже тебе заплата дошла, нижьли на 400 стрѣльцовъ пешыхъ, которые еси водле постановенья пана Виленскаго, гетьмана наивышшого великаго княства Литовскаго, старосты Городенскаго и Могилевскаго, пана Грыгорья Александровича Ходъкевича на ономъ же замкѣ мель, пенезей и суконь тебе не дано и просишь, абыхмо заплату заслужоного онымъ стрѣльцомъ вделати велели». Король распорядился въ исполненіе просьбы князя Соломерецкаго и приказалъ приготовить листы къ гетману и къ подскарбію съ повелѣніемъ удовлетворить его требованію денегъ (гетманъ—изъ средствъ земскаго податка) и платья (подскарбій). Лит.

Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 4—5.

³⁾ Особенно часто посылалъ ихъ Оршанскій староста, панъ Филонъ Кмита. О немъ см. ниже.

Мстиславъскаго, Протасу Кастровицкому, село наше у волости Мстиславской, прозываемое Бобыничы, ино потомъ з некоторыхъ причинъ то отъ него взято и ку замьку нашему Мстиславъскому приверънено». Теперь король, «за чоломъбитьемъ его» и помня его службы, пожаловалъ Кастровицкому находящееся при Мстиславскомъ замкѣ «селище, где передъ тымъ было село» королевское Рудомино, въ которомъ $6\frac{1}{2}$ службъ. Кастровицкій имѣеть на это пожалованіе «особливый листъ, данину» государеву. Обращаясь къ князю Соломерецкому, грамота заканчивается такъ: «твоя бы милость о томъ ведалъ и тое селище, вышей мененое Рудомино, естлибы не большъ, одно польсемы службы кгрунъту было, тому Кастровицкому завель и подалъ и, в то его увезавши, ужывати ему не заборонялъ; нехай то онъ держыть и вживаеть водъле листу нашего, на то ему даного, а с того службу земьскую военъную заровъно з ынъшыми земляны нашими Мстиславскими служить» ¹⁾. Грамота эта и рисуемая ею дѣятельность князя Соломерецкаго въ Мстиславскомъ повѣтѣ не даютъ мѣста никакому сомнѣнію въ томъ, что онъ былъ въ его предѣлахъ старостою со всѣми обязанностями и правами послѣдняго. Мы видѣли выше ²⁾, что реформа 1566 года оставила старость при нѣкоторыхъ воеводахъ, и эти старосты управляли воеводскимъ повѣтомъ, несмотря на то, что рядомъ съ ними находился самъ воевода. Воеводство Мстиславское, также созданное лишь въ 1566 году, было въ числѣ такихъ воеводствъ, но старостинскій врьдъ въ первую половину изслѣдуемаго времени въ немъ занималъ его кашталянъ. Послѣ смерти князя Ивана Соломерецкаго Мстиславское староство было отдѣлено отъ кашталяніи того же воеводства и передано въ руки воеводы, который такимъ образомъ взялъ въ свои руки цѣликомъ всю воеводскую власть въ своемъ воеводствѣ, хотя и держалъ ее не по одному воеводскому врьду, а по двумъ—воеводскому и старостинскому. Въ самомъ дѣлѣ, въ спискѣ сенаторовъ, которымъ были посланы сеймовые листы 1580 года, читаемъ: «воеводе и старосте Мстиславскому и Вилкомирскому, державцы Берженицкому, пану Павлу Николаевичу Пацу» ³⁾. Теперь уже воевода вѣдалъ и администрацію, и судъ

¹⁾ «Листъ Кастровицкому до князя Ивана Соломирецакого, ижьбы ему селище Рудомино, польсемы службы подалъ и в то его увезалъ». Лит. Метр.

$\frac{\text{III A}}{10}$ л. 6—6 об. ²⁾ Стр. 591 и сл.

³⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 4 об.

старосты въ повѣтъ ¹⁾. Но случай, который представляло собою соединеніе въ рукахъ Мстиславскаго каштеляна власти старосты воеводскаго повѣта съ каштелянствомъ того же воеводства, былъ исключительнымъ явленіемъ, и это соединеніе, какъ мы уже видѣли, прекратилось со смертью лица, занимавшаго оба эти уряда. Исключеніемъ же было и исполненіе обязанностей Полоцкаго воеводы Полоцкимъ каштеляномъ, Юріемъ Зеновьевичемъ. Послѣдній несъ воеводскія обязанности за Станислава Станиславовича Довоину, попавшаго въ Московскій плѣнъ при взятіи Полоцка войсками Ивана IV ²⁾. Самое отсутствіе административнаго центра, захваченнаго Москвою, и врядника, державшаго въ своихъ рукахъ судъ и администрацію воеводства-повѣта въ остаткахъ По-

¹⁾ 6 декабря 1584 года въ Городнѣ королевскіе ассессоры слушали дѣло «за отосланьемъ от подстаростего Мстиславскаго, Мартина Верыбоговича, и за зложеньемъ часу» черезъ королевскій листъ землянамъ Мстиславскимъ, Богдану, Василю, Радку и Дмитрію Васильевичамъ Зубовичамъ съ Мстиславскимъ же земляниномъ, Николаемъ Ковнацкимъ о пяти земляхъ, «которые земли они Зубовичы под собою мают, а Ковнацкій под отцомъ их то был упросилъ». Ковнацкій на судъ не явился, а Богданъ Васильевичъ Зубовичъ явился самъ за себя и въ качествѣ уполномоченнаго своихъ братьевъ. «Онъ, даючи таковую справу, жаловалъ, ижъ дей тотъ Ковнацкій в року 1569-мъ у каштеляна и старосты Мстиславскаго и Радомскаго, небожчыка князя Ивана Васильевича Соломерецкаго, оную пять земель, звышъ менованых, под отцомъ их, Васильемъ Зубомъ, давши таковую справу, яко бы в пугте лежати мели, упросилъ и листъ себе на то отъ него одержалъ, а потомъ за листомъ прычиннымъ того жъ небожчыка князя Соломерецкаго и за даньемъ справы своее омыльное королю его милости, теперешнему пану нашому милостивому Стефану и листъ его королевское милости на то себе былъ одержалъ. Нижли дей яко перед тым за листом князя Соломерецкаго, такъ же и за листомъ господарскимъ николи тыхъ земель не держалъ и въживанью (sic) ихъ не былъ, о што дей потомъ в року 1574-мъ перед воеводою и старостою теперешнимъ Мстиславскимъ, его милостью паномъ Павломъ Пацомъ з отцомъ ихъ право и росправу мелъ. Тогды его милость панъ воевода за оказаньемъ листу небожчыка пана Василья Полубенскаго, старосты Мстиславскаго, за котрымъ отецъ ихъ тыхъ земель в уживанью былъ и тежъ же вжо отъ летъ сорока то на себе держали, службу земскую военную с того служить пры тыхъ земляхъ отца ихъ оставилъ, а Миколай Ковнацкій от суду пана воеводы Мстиславскаго до его кр. милости апелевалъ, которое апеляцыи пан воевода имъ допустилъ, назначившы певный рокъ перед его кр. милостью становитисе...» и т. д.—«Декретъ земляномъ Мстиславскимъ Зубовичомъ зъ Миколаемъ Ковнацкимъ о пятъ земель, котриє былъ Ковнацкій под отцомъ ихъ упросилъ во Мстиславскомъ повете». Лит. Метр. $\frac{II A}{61}$ л. 377—378 об.

²⁾ С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ др. временъ. Кн. II. СПб. 1894. Стр. 191. Интересны подробности взятія Полоцка, опускаемыя обыкно-

лоцкой земли, сохранныхъ еще Княжествомъ, прекрасно рисуется документомъ, къ пересказу котораго мы теперь переходимъ. Этотъ документъ—«отпись до пана воеводы Виленскаго в речи кашталяна Полоцкаго, пана Юря Зеновевича о врид кгородский земли Полоцкое»¹⁾). Изъ этого листа, даннаго Сигизмундомъ Августомъ въ Варшавѣ 25 октября 1571 года къ Николаю Радивилу, узнаемъ, что Виленскій воевода писалъ къ королю «в речи кашталяна земли Полоцкое, старосты Чечерскаго, Пропойскаго и Лепелскаго, пана Юря Зеновевича, то есть около вриду кгородскаго земли Полоцкое, абы в Леплю былъ постановленъ». Но въ то время, когда Полоцкій воевода находился въ плѣну, на его воеводскую власть было сдѣлано покушеніе и отъ нея стали отрывать часть того, что ей принадлежало. «Староста Дисенскій, пан Боркулабъ Корсакъ, листы отъ» короля «одержавши, кгород у Дисне мѣти и шляхту земли Полоцкое судити хочеть». Виленскій воевода просилъ короля, чтобы онъ запретилъ Боркулабу Корсаку «в то ся вступовати» и постановилъ «вси справы вриду кгородскаго земли Полоцкое пану кашталяну у Леплю отъправовати»; просилъ также Радивиль короля распорядиться извѣщеніемъ и его самого, воеводы Виленскаго, о разрѣшеніи этого дѣла. Королевское рѣшеніе гласитъ слѣдующее: «ачъ и намъ господару такъ бы ся видело, абы оный кгород слушней у Леплю, а нижли у Дисне былъ, нижли ижъ яко твоя милость пишешъ, же панъ

венно Русскими историками въ разсказѣ объ этомъ успѣхѣ Московскаго войска. Гурницкій такъ разсказываетъ о паденіи Полоцка. — «Главною причиною того, что Полоцкъ напрасно (nikszemnie) попалъ въ Московскія руки, были раздоры воеводы съ ротмистрами, а также неразуміе, выразившееся въ томъ, что воевода Довойна заключилъ съ Москвою перемиріе на извѣстное время, не выговоривъ себѣ того, чтобы Москвитяне оставались на своемъ мѣстѣ и не подвигали шанцовъ ближе къ замку. Они придвинули свои шанцы къ самому замку, лишь только было оглашено перемиріе, а когда оно окончилось, зажгли и замокъ. Наши и гасили, и оборонялись, пока могли, и наконецъ, не имѣя возможности погасить огня, вышли изъ замка на волю князя Московскаго. Взять въ плѣнъ воевода вмѣстѣ съ женою, взять Глѣбовичъ, взять владыка и, сколько тамъ ни было Литовцевъ, всѣ взяты». *Dzieje w Koronie Polskiej za Zygmunta I-go u Zygmunta Augusta aż do smierci iego z przytoczeniem niektórych postronnych ciekawości od roku 1538 aż do roku 1572 przez Łukasza Górnickiego Tykocińskiego i Wasilkowskiego Starostę spisane. Zbiór pisarzy polskich. Część druga. Pisma Ł. Górnickiego. Tom IV. W Warszawie. 1828. Str. 186.*

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 1.

Боркулабъ листы наши на то до Дисны одержалъ, которыхъ мы себе на память привести не можемъ, якимъ ся то обычаемъ стало, тогда на сесь часъ заразъ того на конецъ отъправити намъ ещо не здалося, але откладаемъ то до сейму пришлого, на которомъ твоя милость самъ будешъ, такъже пан кашталян Полоцкый и пан Боркулабъ быти можетъ. А на онъ часъ то водле воли наше господарское и рады ваше милости пановъ-радъ нашихъ, якобы наслушней было, осмотрети и постановити хочемъ». Мы не знаемъ, какъ разрѣшилось, въ концѣ концовъ, это дѣло, такъ какъ сеймъ 1572 года не оставилъ послѣ себя конституціи, а лишь рецессъ, отлагающій дѣла до слѣдующаго вальнаго сейма ¹⁾, а королевской грамоты, которая, по всей вѣроятности, была дана Сигизмундомъ Августомъ, мы не встрѣтили въ бывшихъ въ нашихъ рукахъ книгахъ Литовской Метрики. Во всякомъ случаѣ, если дѣло и было рѣшено въ пользу Полоцкаго кашталяна, то послѣдній долженъ былъ судить шляхту Полоцкую не въ качествѣ кашталяна, а въ качествѣ Лепельскаго старосты, присудъ котораго увеличивался. Если бы кашталянъ былъ по праву своего вряда замѣстителемъ воеводы въ его судебно-административномъ значеніи, то, конечно, король не могъ бы дать своихъ листовъ Дисенскому старостѣ, отдающихъ ему судъ на шляхтою Полоцкаго воеводства. Картина, которая рисуется приведенною грамотою, во всякомъ случаѣ, дѣйствительно характерна для состоянія Полоцкой земли въ ея остаткахъ, еще сохранныхъ въ эту эпоху Литвою; характерна она и для значенія кашталяна, отнюдь не несомнѣннаго замѣстителя воеводы при такомъ даже исключительномъ положеніи вещей, какъ плѣнъ послѣдняго. Этотъ документъ лучше всякихъ другихъ фактовъ опровергаетъ тѣ ученныя мнѣнія, которыя считаютъ кашталяна обязательнымъ замѣстителемъ воеводы по вряду послѣдняго.

Обязанности кашталяна по его должности проявляются лишь во время посполитаго рушенья, и мы уже видѣли его роль въ это время, когда знакомились съ организаціей рушенья повѣтовой шляхты Княжества ²⁾. Однако, и помимо часовъ рушенья кашталянъ выступаетъ со своимъ авторитетомъ сенатора въ жизни шляхты своего повѣта. Когда собирается повѣтовый сеймикъ, кашталянъ играетъ на немъ видную роль вмѣстѣ со своимъ воеводою, какъ сенаторъ, имѣющій громаднѣйшій авторитетъ среди

¹⁾ См. выше, стр. 86—91.

²⁾ См. выше, стр. 540 и сл.

сеймикующей шляхты. Вмѣстѣ съ воеводою онъ оказываетъ весьма замѣтное вліяніе на шляхту и на ея сеймикованье ¹⁾. Какъ сенаторъ, каштелянъ является нерѣдко членомъ комиссій, назначаемыхъ королемъ. Такъ, Новгородскій каштелянъ, староста Слонимскій, Григорій Воловичъ былъ, напримѣръ, членомъ комиссії для разбора, сначала въ 1568 году, а потомъ въ 1569-мъ, дѣла о захватѣ Слонимской королевской пуши государевымъ дворяниномъ, княземъ Гаврилою Кгимбулятовичемъ Пятигорскимъ и его женою ²⁾. Равнымъ образомъ бывали каштеляны и членами посольствъ, отправляемыхъ въ другія государства ³⁾. Но были комиссії, въ которыя каштеляны назначались обязательно. Это — комиссії, высылавшіяся для разсмотрѣнія дѣлъ по апелляціямъ на рѣшенія повѣтовыхъ подкоморскихъ судовъ. Если тяжущійся былъ недоволенъ разрѣшеніемъ дѣла судомъ подкоморскимъ, онъ подавалъ апелляціонную жалобу королю, и государь высылалъ комиссаровъ для разсмотрѣнія этого дѣла. Такъ какъ дѣла о границахъ земельныхъ имуществъ были весьма серьезными дѣлами ⁴⁾, притомъ требующими знакомства съ территоріей повѣта, то составъ такихъ комиссій долженъ былъ подбираться особенно тщательно. Въ такую комиссію долженъ входить непременно авторитетный врядникъ изъ числа повѣтовыхъ должностныхъ лицъ, и такимъ обязательнымъ членомъ этихъ комиссій былъ каштелянъ для подкоморскаго суда центральнаго повѣта, какъ маршалокъ — для остальныхъ повѣтовъ ⁵⁾. Когда въ 1581 году былъ учрежденъ главный Литовскій трибуналъ, какъ высшее апелляціонное судище, въ которое съ этого времени должны были направляться апелляціонныя жалобы, то высылка комиссій для пересмотра подкоморскихъ рѣшеній перешла въ его вѣдѣніе, но каштелянъ, или

¹⁾ См. выше, стр. 88, 89, прим. 3.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. 139 об.—140. Кромѣ Григорія Воловича, въ составъ этой комиссії входили: Берестейскій воевода, державца Волковыйскій Юрій Тишкевичъ, ловчій Литовскій, староста Меречскій, державца Ейпискій, Воранскій, Коневскій, Довговскій и Перелайскій Григорій Воловичъ, маршалокъ господарскій, державца Немонитскій Янъ Палускій и дворянинъ королевскій Григорій Скуминъ.

³⁾ Нпр., однимъ изъ пословъ въ Москву въ 1570 году былъ Николай Талвошъ (*С. М. Соловьевъ. Ист. Р. Кн. II. Стр. 203*), какъ разъ въ этомъ году перемѣщенный съ каштелянства Минскаго на каштелянство Жомонтское (*J. Wolff. Sen. i dign. Str. 109*).

⁴⁾ См. Ж. М. Нар. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 341, 342. ⁵⁾ II ст. IV. 70.

маршалокъ, остались по прежнему обязательно назначаемыми ихъ членами ¹⁾).

Кашталяны, какъ и другіе сенаторы, владѣли староствами и державами, и акты даютъ массу примѣровъ такого владѣнія. По этимъ державамъ и староствамъ кашталяны и имѣли постоянныя дѣла, а не по своимъ кашталянскимъ урядамъ, которые, какъ мы уже видѣли, лишь изрѣдка требовали ихъ труда и дѣятельности. Кашталяны получаютъ по этимъ староствамъ и державамъ королевскія предписанія, и, хотя въ нихъ король обращается къ нимъ, говоря—«пане кашталяне» ²⁾, содержаніе такихъ предписаній обыкновенно касается ихъ староствъ и державъ, а не кашталянскаго уряда. Какъ другія состоятельные лица, кашталяны ссужали скарбъ, получая за то «въ заставу» отъ правительства города и земли. Такъ, въ эпоху второго безкоролья кашталянъ Минскій, державца Оникштенскій, Радошковскій и Зейгвольскій, Янъ Глѣбовичъ, ссудилъ администратора и гетмана Лифляндіи, знаменитаго Яна Ходкевича, 1700 копъ Литовскихъ грошей, нужныхъ ему на уплату жалованья наемнымъ войскамъ. Въ этихъ деньгахъ Ходкевичъ «заставилъ» ему въ 1575 году королевскій замокъ Зейгволтъ ³⁾ со всѣми его фольварками и волостью, и Стефанъ Баторій подтвердилъ это распоряженіе Ходкевича своимъ

¹⁾ III ст. IX. 7. Ср. Ж. М. Нар. Пр. 1899 г. № 8, стр. 379—381. Нужно замѣтить, что только что назначенные въ 1566 году кашталяны сразу въ этомъ же году должны были исполнить чрезвычайно важное порученіе по граничному дѣлу. Въ Литовской Метрицѣ между актами 1566 года находится «Списанье поветовъ и границъ» ихъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ ($\frac{III A}{7}$ л.

117—125). Въ концѣ этого документа читаемъ: «тые границы мають быти черезъ кашталяна и увесь врадъ кождого повету выпростованы и копцами засыпаны водле наболшого уваженя, яко наслушней быти розумеючи, водами живыми и дорогами, а где не можетъ быти, тогды копцами осыповати ихъ». Документъ изданъ *М. К. Любавскимъ*. Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. № 55.

²⁾ Такъ, на примѣръ, обращается король Генрихъ къ кашталяну Берестейскому, державцѣ Трабскому, пану Яну Гайкѣ, въ листѣ, данномъ въ Краковѣ 10 мая 1574 года. Въ этомъ листѣ находится предписаніе пану Гайкѣ передать пану Азрубалю Цыприскому и «увязывающему» его дворянину три сельца и застѣнокъ въ державѣ Трабской. На всю Трабскую державу имѣлъ Янъ Гайко отъ Сигизмунда Августа «право доживотное». Лит. Метр. I A $\frac{57}{57}$ л. 119 об.—120.

³⁾ Этотъ замокъ былъ отданъ Сигизмундомъ Августомъ Яну Ходкевичу въ пожизненное владѣніе и на «выхованье» его во время пріѣздовъ въ Лифлянты.

листомъ, даннымъ въ Торунѣ 12 декабря 1576 года ¹⁾. Тотъ же Глѣбовичъ нѣсколькими мѣсяцами раньше получилъ отъ Баторія привилей «на державу Радошковскую в суме пенезей и правом доживотнымъ» ²⁾. Иногда жаловались кашталянамъ, какъ многимъ другимъ врядникамъ, и юргельты изъ скарба. Такъ, кашталянъ Полоцкому Зеновьевичу былъ данъ въ Кнышинѣ 28 іюля 1576 года за подписью Стефана Баторія и скрѣпою писаря Михаила Гарабурды листъ, «потвержаючы юрѣкгелтъ, на службу Лепельскую отъ короля его милости Жыкгимонта Августа поступленный, абы з доходовъ Могилевскихъ на светый Мартинъ в кождый годъ до лепшого опатренья давано его милости по триста коп грошей Литовскихъ» ³⁾. Было послано предписаніе и державцѣ Могилевскому, старостѣ Городенскому, Александру Ходкевичу, чтобы онъ выдавалъ «пану Полоцкому» этотъ юргельтъ изъ Могилевскихъ доходовъ, а подскарбій земскій будетъ отъ него принимать эту выдачу при его отчетѣ, «на личбе» въ скарбѣ ⁴⁾. Это не единственный примѣръ выдачи юргельта кашталянъ. Можно указать на упомянутаго уже Минскаго кашталяна, Яна Глѣбовича, который получалъ юргельтъ въ 400 копъ грошей ежегодно, дарованный ему на всю его жизнь Баторіемъ. Изъ привилея, даннаго Глѣбовичу въ Варшавѣ 9 іюля 1576 года, узнаемъ, что этотъ

1) Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 102—106.

2) Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 58—60. О причинахъ этого пожалованія привилей отъ имени Стефана Баторія говоритъ такъ: королю заявилъ Янъ Глѣбовичъ, «ижъ за взятемъ замку Полоцкаго до рукъ неприетельских не мало именьей его милости отчизныхъ въ сторону неприетельскую пошло, за которіе его милости и до сего часу ниякая нагорода не стала ся и, ачь была обетница короля его милости славное памети Жыкгимонъта Августа, продка нашего, на што и листъ его королевское милости зашитый до себе в отъписе маеть, не отмавяючы дати ему замокъ и двор нашъ Радошковскій. Нижли за зестьемъ зъ света его королевское милости тая обетница и данина Радошковичъ его милости не дошла, ажъ его милость панъ Менский самъ Радошковичы пенезьми своими властными окупилъ у потомковъ маршалка нашего, державцы Радошковского, пана Каленицкаго Тишковича, отложивши сумы всее, в скарбъ нашъ великаго князства Литовского взятое, копъ чотыри тысячи деветнадцать и грошей сорокъ, на што и листы головные, в чомъ пану Каленицкому было то от продка нашего заведено, перед нами оказовалъ...» Дата: Кнышинъ, 4 августа 1576 года.

3) Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 18. 4) Ibidem.

юргельтъ былъ данъ ему за заслуги его и его предковъ, а особенно въ воздаяніе за то, что онъ былъ захваченъ въ плѣнъ при взятіи Москвою Полоцкаго замка ¹⁾. Такимъ образомъ, юргельтъ былъ данъ Глѣбовичу ввиду особаго положенія, въ которомъ находился этотъ сенаторъ, побывавшій въ плѣну и вышедшій «на окучь и на отъмену зъ вязенья» ²⁾. Слѣдовательно, юргельтъ не былъ присвоенъ должности кашталяна, а давался иногда кашталянѣ за его личныя, даже и не по вряду, заслуги. Чтобы закончить наше изслѣдованіе кашталянскаго вряда, намъ остается только сказать, что привилеи, назначающіе на него, сохранились до нашего времени ³⁾ и не представляютъ изъ себя

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 46 об.—47. «Привилей кашталянѣ Менскому пану Яну Глѣбовичу на юргельтъ в каждый год по чотырыста коп грошей».

²⁾ Ibidem.

³⁾ Приводимъ образецъ привилеи на кашталянскій урядъ. «Привилей его милости пану Малхеру Завишы на кашталянею Витебскую.—Жикгимонтъ третій Божю милостью королъ Полскій, и великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жомойтскій, Мазовецкій, Ифлянтскій, тою же милостью назначенный королъ Швецкій, Кготскій, Вандаляскій и великое княжа Финляндское. Ознаймуем сим нашим листомъ всимъ вобецъ и каждому зособна, кому бы того потреба была ведати, пжъ мы господарь, маючи залецоную годность и службы маршалка нашего пана Малхера Завиши, которые онъ, з молодости летъ своихъ служачи предкомъ нашимъ королемъ ихъ (дальше нѣсколько буквъ заклеено; несомнѣнно тутъ было написано—«милости Пол»)скимъ и великимъ княземъ Литовскимъ и речи посполитой з нелитованьемъ маетности своее на войнахъ оказывал, заслугуючи тымъ ласку нашу господарьскую. На што мы господарь ласкавый взглядъ и бачене маючи а хотечи то ему ласкою нашою господарьскою нагородити и оногъ тымъ хутлившого ку службамъ нашимъ и речи посполитое способити и учтивостью стану сенаторского обдарити, з ласки наше господарьское в лавицу межъ иншихъ пановъ-радъ нашихъ посадити, дали есмо ему и симъ нашимъ листомъ даемъ кашталянею Витебскую. Маеть его милость панъ Малхеръ Завиша, кашталянъ Витебскій тую кашталянею Витебскую до живота своего, албо до иного болшого вывышенья и опатренья нашего господарьского уживати, на немъ всякое учтивости, такъ на соймехъ валныхъ панствъ нашихъ в корунѣ Полской и у великомъ князствѣ Литовскомъ на местцу своемъ, правомъ посполитымъ упривильеваномъ, заседати, такъ тежъ на соймкахъ и вездѣ на зъездехъ всякихъ посполитыхъ радити и вотовати с присеги и водле наболшого умеетности своее, такъ тежъ уживаючи всякихъ пожитковъ, которые бы здавна на тую кашталянею належали потому, яко и первый кашталянъ Витебскій держал. И на то дали есмо его милости пану Малхеру Завиши сесъ нашъ листъ с подписомъ руки наше, до которого и печать нашу привесити есмо велели. Писанъ у Краковѣ» 6 февраля 1588 года. «Подпись руки господарское. Елияшъ Пелкгримовскій писарь». Лит. Метр.

$\frac{I A}{65}$ л. 277—277 об.

точного опредѣленія вряда—черта, общая, какъ мы уже не разъ замѣчали, громадному большинству Литовскихъ привилеевъ на должности.

Вслѣдъ за панами-радами, соединявшими со своимъ сенаторскимъ кресломъ мѣстное значеніе, каковыми были, бискупъ, воевода и кашталянъ, списокъ сенаторовъ, составленный въ 1569 году ¹⁾, называетъ слѣдующихъ Литовскихъ сенаторовъ: наивысшаго маршалка, канцлера, подканцлера, земскаго подскарбія и дворнаго маршалка. Это были своего рода министры, вѣдавшіе по своимъ урядамъ дѣла обще-земскаго значенія. Списокъ сенаторовъ Польско-Литовской Речи Посполитой ничего не говоритъ о гетманѣ наивысшемъ. Мы уже видѣли выше ²⁾, что великій гетманъ долженъ былъ быть непременно лицомъ сенаторскаго стана. Но нужно пояснить, почему онъ не попалъ въ списокъ пановъ-радъ 1569 года. Очевидно, причиною этого было то, что великое гетманство Коронное какъ разъ въ это время «ваковало», не замѣщенное послѣ смерти гетмана и Русскаго воеводы Николая Сѣнявскаго, хотя Польская шляхта и хлопотала на Люблинскомъ сеймѣ о назначеніи новаго гетмана ³⁾. Что же касается до гетмана великаго Литовскаго, то Григорій Александровичъ Ходкевичъ, занимавшій врядъ наивысшаго гетманства Княжества въ 1569 году, получилъ свое кресло въ спольномъ сенатѣ по должности Виленскаго кашталяна. Такимъ образомъ, не было надобности для Литвы обозначать своего гетмана отдѣльно въ числѣ членовъ Польско-Литовскаго сената: гетманъ Княжества и безъ того засѣдалъ въ немъ, а ввиду того, что не былъ обозначенъ въ списокѣ и гетманъ Коронный, не было надобности хлопотать о внесеніи въ этотъ списокъ Литовскаго гетмана—для равноправія Княжества съ Короной не было ничего невыгоднаго въ этомъ пропускѣ. Вообще же не только врядъ наивысшаго гетмана, но и остальные министерскіе уряды Княжества совмѣщались съ воеводствами, кашталянствами, или другими сенаторскими врядами. Въ самомъ дѣлѣ, за изслѣдуемый періодъ времени должность земскаго маршалка Литовскаго была занята слѣдующими вельможами, смѣнявшими одинъ другого: Яномъ Еронимовичемъ Ходкевичемъ (1566—1579), Николаемъ Криштофомъ Радвилломъ (1579—1584) и Львомъ Ивановичемъ Сапегою (1585—1589). Первый былъ въ то же время Виленскимъ кашталянномъ

¹⁾ Vol. leg. II. Str. 93.

²⁾ Стр. 564, 566.

³⁾ Дн. Л. с. Стр. 257 и др.

(1574—1579) и Жомоитскимъ старостою (1563—1579), а третій—подканцлеромъ (съ 1585 года). Канцлерами въ это же время были: Николай Юрьевичъ Радивиль (1566—1579), воевода Виленскій, потомъ гетманъ наивысшій, и Евстафій Богдановичъ Воловичъ (1579—1587), Троцкій, а съ 1579 года Виленскій кашталянъ. Подканцлерскій урядъ за тотъ же періодъ времени занимали: Евстафій Богдановичъ Воловичъ (1566—1579), до 1569 года бывшій дворнымъ маршалкомъ, а съ 1569 по 1579 годъ—Троцкимъ кашталянномъ, Виленскій кашталянъ Николай Радивиль (1579—1584) и Левъ Ивановичъ Сапега. Что касается должности земскаго подскарбія, то съ 1566 года по 1575-ый ее занималъ Николай Павловичъ Нарушевичъ, съ 1576 по 1580-ый—Лавринъ Матвѣевичъ Война, а съ 1580 по 1586-ой—Янъ Яновичъ Глѣбовичъ. Всѣ они въ то же время были писарями, а послѣдній, сверхъ того, и сенаторскимъ врядникомъ, Минскимъ кашталянномъ. Наконецъ, дворными маршалками въ изучаемую эпоху были два Радивила, а именно Николай Криштофъ (1569—1579) и Альбертъ или Войтехъ (1579—1586). Просматривая этотъ списокъ мы видимъ, что въ большинствѣ случаевъ вряды сенаторскіе министерскіе соединялись въ однѣхъ рукахъ съ другими должностями, вводившими своихъ врядниковъ въ «лавицу пановъ-радъ». Гетманство наивысшее, какъ мы видѣли, тѣмъ болѣе должно было быть замѣщаемо сенаторомъ, уже имѣвшимъ свое кресло въ радѣ соединеннаго государства. Въ самомъ дѣлѣ, наивысшимъ Литовскимъ гетманомъ былъ съ 1566 до 1572 года Виленскій кашталянъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, а съ 1576 года, послѣ четырехлѣтняго ваката, Николай Юрьевичъ Радивиль, Виленскій воевода и канцлеръ Литовскій. Послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1584 году, для этого вряда снова наступилъ вакатъ, на этотъ разъ пятилѣтній. Кромѣ великаго гетманства въ Княжествѣ, существовало еще гетманство польное, которое могло соединяться съ сенаторскимъ кресломъ, а могло съ нимъ и не соединяться. Съ врядомъ гетмана польнаго мы уже познакомились выше ¹⁾. Теперь намъ нужно только сказать, что съ 1579 года польный гетманъ, Николай Криштофъ Радивиль, соединялъ свой гетманскій урядъ съ Троцкой кашталянней и подканцлерствомъ. На примѣрѣ Радивила мы видѣли, что врядъ гетмана польнаго могъ занимать и не сенаторъ, а потому онъ и разсмотрѣнъ нами въ числѣ вря-

¹⁾ Стр. 435—440.

довъ, не соединенныхъ съ мѣстомъ въ радѣ. Третьимъ гетманствомъ, существовавшимъ въ первую половину изслѣдуемаго періода было гетманство въ Лифляндіи, которое держалъ въ своихъ рукахъ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, соединяя его съ администраторствомъ въ этой странѣ. Ходкевичъ былъ въ то же время Виленскимъ кашталаномъ, Жомойтскимъ старостою и земскимъ Литовскимъ маршалкомъ и, сверхъ того, старостою и державцею нѣсколькихъ державъ и староствъ. Съ гетманствомъ Инфлянтъ Ходкевичъ, такимъ образомъ, соединялъ цѣлыхъ три сенаторскихъ кресла.

Итакъ, мы должны признать, что министерскіе вѣнды, помѣщенные въ списокъ сенаторовъ, составленномъ въ 1569 году, обыкновенно соединялись съ воеводскими и кашталанскими должностями, что, конечно, уменьшало число лицъ, которыя могли бы засѣдать въ соединенномъ сенатѣ. Познакомимся теперь поближе съ каждымъ изъ этихъ урядовъ въ отдѣльности. То обстоятельство, что министерскіе вѣнды соединялись обыкновенно въ однѣхъ рукахъ съ другими сенаторскими должностями, должно говорить о малой обременности дѣлами по своимъ вѣндамъ этихъ вѣндниковъ. Лишь должность земскаго подскарбія была дѣйствительно завалена массою дѣлъ, притомъ дѣлъ, не терпящихъ отлагательства, но эта должность обыкновенно и не соединялась съ другими сенаторскими урядами.

Маршалокъ земскій занималъ первое мѣсто между министрами Княжества. Его присяга вводитъ насъ въ обязанности ¹⁾ земскаго маршалковства. Маршалокъ земскій въ своей присягѣ клянется исполнять свои обязанности на сеймахъ и на дворѣ королевскомъ. Кромѣ того, подобно другимъ сенаторамъ, онъ присягаетъ подавать свою раду въ сенатѣ вѣрно и по крайнему своему разумѣнію, а также хранить тайны, ему извѣстныя. Онъ даетъ клятву отвращать и предупреждать все, что услышитъ вреднаго королю и государству, и предупреждать объ этомъ короля и сенаторовъ. Далѣе онъ присягаетъ принимать во вниманіе личность, «достоинство и годность» cadaго, не допускать никакихъ ссоръ, пожоговъ и распутства, на дворѣ королевскомъ и на сеймахъ, а, если что-нибудь таковое приключится, то строго карать виновныхъ. Во всемъ остальномъ маршалокъ земскій обязуется исполнять

1) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 2, 2 об.

обязанности своего уряда, дѣйствуя согласно съ Литовскимъ статутомъ, притомъ поступать не безъ рады и общей воли всѣхъ остальныхъ радныхъ пановъ.

Такимъ образомъ, мѣстомъ функціонированія уряда земскаго маршалка Литовскаго были сеймъ и королевскій дворъ. При вступленіи земскаго маршалка въ должность, ему вручался жезлъ, какъ знакъ его вряда, и передъ этимъ жезломъ должны были склоняться всѣ, подчиняясь юрисдикціи этого врядника на сеймахъ и на дворѣ королевскомъ. Врядъ маршалка земскаго обыкновенно и проявляетъ себя во время сейма или на государевомъ дворѣ. Когда собирается сеймъ и для присутствованія на немъ съѣзжаются король съ дворомъ, сенаторы, врядники и шляхта, маршалокъ земскій вмѣстѣ съ дворнымъ маршалкомъ распоряжается отведеніемъ «господъ», квартиръ для съѣхавшихся на сеймъ ¹⁾. Во время сейма земскій маршалокъ, какъ членъ сената, засѣдаетъ въ немъ и подаетъ свою раду въ дѣлахъ, обсуждаемыхъ радными панами. Въ радѣ маршалокъ раздаетъ голоса сенаторамъ и поднимаетъ жезлъ для возстановленія тишины и для предупрежденія о рѣчахъ королевскихъ ²⁾. Дѣлаемые королемъ назначенія на вряды оглашаются земскимъ маршалкомъ. Такъ, когда на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, король назначилъ 20 іюня этого года Евстафія Воловича Троцкимъ кашталяномъ ³⁾, оставшійся послѣ этого назначенія вакантнымъ врядъ дворнаго маршалка былъ пожалованъ Сигизмундомъ Августомъ Николаю Христофору Радивилу, и это назначеніе было утверждено королевскимъ привилеемъ, даннымъ того же 20 іюня 1569 года ⁴⁾. Но эти назначенія были рѣшены королемъ еще раньше того дня, когда онъ подписалъ привилей на нихъ, и оглашены они были земскимъ маршалкомъ ⁵⁾. То же самое о дѣятельности земскаго маршалка читаемъ въ привилеѣ, данномъ въ тотъ же день 20 іюня 1569 года на врядъ крайчія Яну Кишкѣ: «quod et nuper per magnificum Ioannem Chodkieuicz capitaneum Samogitiae generalem et Magni Ducatus Lithuaniae supremum marschalcum viua voce fecimus...» ⁶⁾, гласитъ этотъ послѣдній отъ королевскаго имени. Черезъ земскаго маршалка король давалъ свои обѣщанія относительно наградъ и пожалованій. Такъ, передъ королемъ

¹⁾ См. выше, стр. 605.   ²⁾ См. выше, стр. 67.

³⁾ Привилей Воловичу—Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 60 об.—61 об.

⁴⁾ Ibidem. Л. 61. об.—63.   ⁵⁾ Ibidem. Л. 62 об.   ⁶⁾ Ibidem. Л. 64.

Генрихомъ заявилъ въ 1574 году Янъ Ходкевичъ ¹⁾ о томъ, что король Сигизмундъ Августъ, «маючи ласкавое баченье на заслуги старосты Рогачевского, пана Григоря Баки», за его службы «ему опатренье слышное дати мель и то былъ черезъ пана старосту Жомоитского, яко маршалка земского ему обецалъ». Такое значеніе земскаго маршалка давало ему возможность чаще, чѣмъ кому-либо другому изъ пановъ-радъ, рекомендовать королю лицъ для назначенія на вранды, и дѣйствительно маршалокъ земскій чаще, чѣмъ какой-нибудь другой панъ-рада, упоминается актами «жедающимъ у причинѣ», «дающимъ справу», или «вѣдомость» о службахъ и т. д. Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, занимавшій постъ земскаго маршалка, даетъ, напримѣръ, королю Стефану въ 1576 году «справу» о вакантѣ въ Минскомъ воеводствѣ вранды войскаго послѣ смерти князя Петра Пузины. Минскимъ воеводою былъ въ это время назначенный на эту должность 6 іюля того же 1576 года Николай Павловичъ Сапега. Можетъ быть, онъ еще не успѣлъ войти въ дѣла своего воеводства къ 22-му іюля 1576 года, когда былъ данъ Баторіемъ его привилей на врандъ Минскаго войскаго, но, во всякомъ случаѣ, королю было заявлено о необходимости назначить въ Минскъ войскаго никѣмъ другимъ, какъ именно маршалкомъ земскимъ. Привилей далѣе продолжаетъ: «а ижъ подъ тымъ часомъ бачачи быти того потребу, абы тотъ врандъ в томъ воеводствѣ особою якою зацъною засажонъ былъ, подавши намъ его милость (Ходкевичъ) на то земенина тоежъ земли Менское, Стефана Юрѣевича Ванькевича, просилъ насъ за нимъ, абыхмо его, яко чловека з народу зацъного, шляхетного, а до того годного, на тотъ врандъ преложили» ²⁾.

Итакъ, дѣятельность земскаго маршалка на дворѣ королевскомъ и во время сейма проявлялась въ слѣдующихъ направленіяхъ: онъ распоряжается назначеніемъ «господъ» для прибывшихъ лицъ двора и сенаторовъ, онъ руководитъ порядкомъ въ радѣ и онъ оглашаетъ назначенія на должности и пожалованія, ходатайствуя

¹⁾ «Лист пана Баки на села Верхстокъ, Курашово и иньшиє, до живота ему даные». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 48—49 об. Дата: Краковъ, 18 апрѣля 1574 года.

²⁾ «Стефану Ванькевичу на войское Менское». Дата: Тыкотинъ, 22 іюля 1576 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 16—16 об.

нерѣдко при этомъ за награждаемыхъ и назначаемыхъ. Но кромѣ этого, какъ мы видѣли уже изъ содержанія его присяги, онъ имѣлъ свою юрисдикцію. Гейденштейнъ передавая содержаніе споровъ, возникшихъ въ 1580 году въ королевскомъ лагерѣ, по поводу того, кому поручить осаду Велижа, говоритъ, что при особѣ королевской вся гражданская юрисдикція должна находиться въ рукахъ великаго Короннаго маршалка ¹⁾. Но если надъ Поляками ее имѣлъ маршалокъ Коронный, то юрисдикція надъ Литовцами должна была находиться въ рукахъ маршалка земскаго Литовскаго. Онъ отъ своего вряда посылаетъ мандаты, вызывающіе на судъ королевскій въ случаѣ возникновенія дѣла на королевскомъ дворѣ ²⁾. Онъ же произноситъ приговоры надъ нарушителями порядка и спокойствія въ королевской резиденціи, налагая наказанія до смертной казни включительно ³⁾. Къ изложенному для характеристики дѣятельности земскаго маршалка во время обычнаго теченія государственной жизни Речи Посполитой, т.-е. когда король царствуетъ, занимая престолъ соединеннаго государства, нужно прибавить еще нѣсколько словъ объ участіи маршалка земскаго въ тѣхъ церемоніяхъ, которыя имѣли мѣсто на дворѣ королевскомъ. Предъ королемъ въ торжественныхъ его выходахъ маршалки Коронный и Литовскій несли свои маршальскіе жезлы, и никто не имѣлъ права идти тогда между ними и королемъ. Когда королева Марія-Казимира добивалась того, чтобы въ торжественныхъ выходахъ королевичи шли позади маршалковъ, впереди короля Августа II, маршалокъ великій Коронный Станиславъ Любомирскій не допустилъ этого.

Функционируя во время царствованія королей, врядъ маршалка не переставалъ функционировать и во время безкоролевій. Въ это время онъ даже приобрѣталъ особое значеніе въ государствѣ. Отъ маршалка земскаго Литовскаго во время безкоролевья зависитъ назначеніе съѣздовъ Литовскихъ, а также сеймиковъ по Княжеству, и если въ сношеніяхъ Литовскихъ радныхъ пановъ съ Яномъ Ходкевичемъ въ эпоху двухъ первыхъ безкоролевій проглядываетъ уваженіе ихъ къ его личному авторитету, то въ то же время оно, несомнѣнно, обуславливалось и значеніемъ его, какъ маршалка земскаго Литовскаго ⁴⁾. Кромѣ своего значенія,

¹⁾ *Гейденштейнъ. Зап. о М. войнѣ. Стр. 112.*

²⁾ См. выше, стр. 413.

³⁾ *Bandtkie-Steżyński Hist. pr. p. Str. 618.*

⁴⁾ См. ниже, въ изложеніи дѣятельности пановъ-радъ Литовскихъ во время безкоролевья.

какъ врядника, отъ котораго зависятъ назначенія собраній шляхетскихъ для нуждъ Княжества, великій маршалокъ сохранялъ еще въ своихъ рукахъ и юрисдикцію, но эта юрисдикція уже простиралась на все Княжество, а не на одинъ только дворъ государевъ. Такъ, въ 1572 году во время безкорольвья, наступившаго послѣ смерти Сигизмунда Августа, къ Яну Ходкевичу, какъ земскому маршалку ¹⁾, обратился «dobry uszsiwu szłowiek», митрополитъ «serkwі Ruskiey», жалуясь ему въ своемъ письмѣ на пановъ Ярослава и Щаснаго Головчинскихъ, «швагровъ» Ходкевича въ томъ, что они отняли фольварокъ въ Свенциникахъ, издавна «наданный» на церковь, и выгнали оттуда митрополичьяго врядника. Прежде чѣмъ исполнить просьбу православнаго митрополита и выдать напоминальный листъ своимъ родственникамъ, Ходкевичъ проситъ ихъ, «iako powinny przyiasiel», вернуть несправедливо захваченный ими фольварокъ и предупредить такимъ образомъ законное теченіе дѣла со всѣми его послѣдствіями.

Маршалки земскіе оглашаютъ мѣсто для совершенія королевской елекціи, назначаемое примасомъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ ²⁾. Во время перваго безкорольвья Янъ Фирлей, великій маршалокъ Коронный, даже оспаривалъ у примаса право стоять во главѣ государства, считая это право своимъ ³⁾. Что касается до оглашенія избранія королевскаго, то номинація Генриха была

¹⁾ Вил. Арх. Сб. X. № 2 (Стр. 218).

²⁾ Въ универсалѣ, выданномъ подъ Варшавою 25 августа 1587 года послѣ номинаціи двухъ королей (Сигизмунда и Максимилиана), читаемъ: «ту, rady rickerstwo oboiga narodu coronny (sic) Polskiey i wielkiego xięstwa Litewskiego, wszystkim, komu to wiedziec naliezy, oznaimuiemy, isz, ziachawszy sie do Warszawy na seim elekcyei krolia, staralismy, aby naprzod uulnera R. P. spolnei oboiga narodu excessi exorbitanciae, grawamina przed nominatią krolia zniessione i wwsą k liubę wprawione byli, chcąc pana do rządu przywiesc, liecz, isz niektorzy z senatorow, z rickerstwa coronnego, miedzi ktoremi i czy byli, co sie na to podpisali, nie przyjmuiąc w tei mierze conwocatyey, burzili to nam rozmaietemi sposoby, czas zwłocząc. Za tem wiele liudzi iako senatu, tak rickerstwa więsza częśc, widząc czas zwłoczony i rozumieiąc, ze nad zwyczaі seimowy electia dalei trwac nie miała, roziachali sie, a w tym częsc senatorow i rickerstwa coronnego okrom narodu Litewskiego, odłączywszy sie na osobne miejsce od kola generalnego oboiga narodu, od miejsca, wszech stanow naznaczonego i przez arcibiskupa Gnieznienskiego marszalki oboiga narodu publicowanego bez bytnosc i wiadomosci częsci R. P., to iesth wszytkiego narodu wielkiego x. Litewskiego...»

Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 236.

³⁾ См. выше, стр. 92 и сл.

начата примасомъ и провозглашена Короннымъ и Литовскимъ земскими маршалками ¹⁾); провозглашеніе же Баторія королемъ соединеннаго государства совершилось безъ участія Литовцевъ ¹⁾).

Чтобы покончить наше изложеніе функціонированія вряда земскаго маршалка Княжества, нужно сказать еще нѣсколько словъ о значеніи великаго маршалка во время войны. «Что же касается до Польскаго гетмана», читаемъ у Гейденштейна, ²⁾ «то обычаемъ предковъ установлено такъ, что высшая военная власть должна принадлежать (великому) гетману, а вся гражданская юрисдикція при особѣ королевской должна находиться въ рукахъ великаго маршалка Короннаго; въ случаѣ же отсутствія гетмана, маршалокъ принимаетъ на себя его обязанности въ лагерѣ». Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что порядокъ, излагаемый Гейденштейномъ для гетмана и земскаго маршалка Коронныхъ былъ такимъ же и для одноименныхъ врядовъ Литовскихъ. Трудно себѣ представить, чтобы земскій маршалокъ не имѣлъ никакого земско-военнаго значенія въ государствѣ, въ которомъ большинство земскихъ врядовъ возникло именно въ цѣляхъ организациіи военнаго дѣла въ посполитомъ рушеньѣ. Мы видѣли выше, какое значеніе имѣлъ маршалокъ земли Волынской ³⁾. Несомнѣнно, что и маршалокъ земскій долженъ былъ играть выдающуюся роль во время рушенья шляхты-народа Княжества. На основаніи словъ Гейденштейна о значеніи въ лагерѣ земскаго маршалка Коронны рядомъ съ ея гетманомъ можно по аналогіи заключать, что и Литовскій земскій маршалокъ во время рушенья былъ вторымъ лицомъ по значенію и замѣстителемъ наивысшаго гетмана Княжества.

Кромѣ маршалка земскаго великое княжество Литовское имѣло въ числѣ своихъ сенаторовъ-врядниковъ маршалка дворнаго. Нося то же названіе маршалка, этотъ послѣдній стоялъ на іерархической лѣстницѣ Литовскихъ сенаторскихъ врядовъ, гораздо ниже маршалка земскаго. Земскій маршалокъ занималъ первое послѣ кашталяновъ мѣсто въ спискѣ сенаторскихъ врядовъ Княжества, маршалокъ же дворный стоялъ въ этомъ спискѣ самымъ послѣднимъ, и переходъ, изъ дворныхъ маршалковъ на маршалковство земское являлся очень крупнымъ повышеніемъ сенатора

¹⁾ См. выше, стр. 103.

²⁾ *Гейденштейнъ. Зап. о М. войнѣ.* Стр. 112.

³⁾ А. Ю. и З. Р. I. № 79 (1525 г.).

по іерархической лѣстницѣ урядовъ. Въ привилеѣ, данномъ Сигизмундомъ Августомъ 20 іюня 1569 года Николаю Криштофу Радивилу на должность дворнаго маршалка, его обязанности распадаются на двѣ главныя части: 1) *marschalcatu curiae*. 2) *disciplina aulae*, т.-е. обязанности маршалка въ сенатѣ и порядкѣ на дворѣ королевскомъ ¹⁾. Исполняя первую часть своихъ обязанностей, онъ раздаетъ голоса сенаторамъ во время ихъ засѣданій, какъ это дѣлаетъ и маршалокъ земскій. Черезъ дворнаго, какъ и черезъ земскаго маршалка, король объявляетъ о своихъ назначеніяхъ. Такъ, Баторій, назначивъ Яна Замойскаго великимъ Короннымъ гетманомъ въ 1581 году, объявилъ свое назначеніе черезъ дворнаго Короннаго маршалка, Андрея Зборовскаго ²⁾. Тотъ же Зборовскій оглашалъ и другія назначенія по Коронѣ ³⁾, такъ какъ великій Коронный маршалокъ, Опалинскій, не былъ при королѣ во время похода. Аналогичную роль при назначеніяхъ по Княжеству, конечно, долженъ былъ играть дворный маршалокъ Литовскій, замѣняя собою земскаго маршалка Княжества. Кромѣ того, маршалокъ дворный стоялъ во главѣ дворныхъ королевскихъ вѣдниковъ и дворянъ. Во время посполитаго рушенья онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ среди нихъ то же значеніе, которое имѣлъ маршалокъ повѣтовый среди вѣдниковъ и шляхты своего повѣта. Стоя во главѣ дворянъ, онъ передаетъ имъ и королевскія распоряженія относительно переѣзда двора съ

¹⁾ «*Quam ob rem cum post ascensum magnifici Eustachii Wołowicz Magni Ducatus Lithuaniae vicescancellarii et marschalci curiae nostrae ad ampliorem castellanatum Trocensem gradum, marschalcatu curiae nostrae Magni Ducatus Lithuaniae vaccaret, hic nobis occurrebat cum illum hoc tempore mandandum arbitraremur. Quod quidem paulo ante publice viua voce per magnificum Ioannem Chodkiewicz, capitaneum Samogitiae et Magni Ducatus Lithuaniae supremo (sic) marschalco (sic) fecimus et nunc hisce litteris nostris facimus: marschalcatu curiae nostrae eundem ac aulae nostrae disciplinam et regimentum sententiarum rogandarum hospitiorum assignandorum foraliumque pro usus (sic) suo exigendorum ius et potestatem eidem dantes et committentes cum caeteris omnibus negotiis et muneribus, quae sub ditione huius magistratus antiquitus, ac potissimum magnifico Eustachio Wołowicz illum gerente, erant ac cum omnibus privilegiis, praerogatiuis et emolumentis, quae ad eum ex legibus vel consuetudine pertinet, vel deinceps pertinebunt nullis omnino exceptis*». Лит. Метр. $\frac{III \cdot A}{8}$ л.

62 об., 63.

²⁾ *Гейденштейнъ*. Зап. о М. войнѣ. Стр. 190. Коронный великій маршалокъ Опалинскій не находился при королѣ въ походѣ.

³⁾ Нпр., *Дневникъ п. п. Ст. Б.* Стр. 16₂

одного мѣста на другое ¹⁾). Во время переѣздовъ королевскаго двора онъ назначаетъ «господы», какъ и маршалокъ земскій ²⁾). Наконецъ; дворный маршалокъ исполняетъ свои опредѣленныя обязанности и во время придворныхъ церемоній, притомъ иногда замѣняя земскаго маршалка, если послѣдній отсутствуетъ.

Помимо обязанностей дворнаго маршалка «in curia» и «in aula» привилей Николаю Криштофу Радивилу говоритъ о «fogalia» ³⁾), о сборѣ съ торговцевъ, взимаемомъ маршалкомъ дворнымъ, по словамъ грамоты, «pro usu suo», т.-е. въ свою пользу. Акты знаютъ о распоряженіяхъ маршалковъ, касающихся сборовъ въ скарбъ государевъ. Такъ, 4 іюля 1563 года изъ Ковна черезъ дворянъ были разосланы листы «до мест о позычку». вмѣстѣ съ ними были посланы «листы пана маршалка его милости дворнаго, писаны до поборцовъ, абы в мешчан пенези отбирали» ⁴⁾). Оригиналъ этихъ листовъ маршалка въ книгѣ Метрики Литовской не сохранилось: онъ не былъ вписанъ въ нее, а былъ лишь упомянутъ. Королевскій же листъ вписанъ въ книгу, и вотъ содержаніе листа, писаннаго въ Бобруйскъ, по образцу котораго составлены были и всѣ остальные листы, лишь съ замѣною именъ и суммы «позычки» другими ⁵⁾). «Войту и всимъ мешчаномъ места Бобруйскаго. Ижъ великие пилные а праве квалтовные потребы на сес часъ припали, на которые пенезей до скарбу нашего есть потреба, а податокъ на потребу речи посполитое, на сойме, тепер недавно минуломъ, уфаленый серебъщина ешче не выбрана, про то покладаем на тое место нашо на всих васъ суму пенезей двесте копъ грошей». Въ Бобруйскъ посылается королевскій дворянинъ и мѣщанамъ приказывается, чтобы они черезъ недѣлю послѣ предъявленія имъ настоящаго листа дворяниномъ, отдали требуемая съ нихъ деньги тамошнему поборцѣ, Стомѣ Макеевичу, «проволюки некоторое в томъ не чинечи и того часу и дня назна-

¹⁾ Дворный маршалокъ Коронный, напримѣръ, передалъ двору королевское рѣшеніе «рушиться» въ Вильну (1581 г.). Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 156.

²⁾ См. выше, стр. 643 прим. 1.

³⁾ О значеніи слова см. *Н. Горбачевскій*. Словарь древняго актовaго языка С.-З. края и царства Польскаго. Стр. 135.

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 11 об.; листы до поборцевъ Берестейскаго и Волковскаго упомянуты въ книгѣ Метрики отдѣльно, выше на л. 10 об.

⁵⁾ «Тые листы такъ писаны о данье пенезей водде вложенья соймового кождого места». Ibidem. Л. 11.

чоного ничимъ омешкати не смеючи». Поборца же эти деньги представить въ скарбъ и, когда постановленный сеймомъ податокъ будетъ внесенъ въ скарбъ, бирчіе земскіе, назначенные «на отбирание серебъщины», вернуть мѣщанамъ взятые у нихъ теперь деньги ¹⁾. Такимъ образомъ, мы имѣемъ случай принудительнаго займа въ скарбъ съ городовъ, и маршалокъ дворный посылалъ свое приказаніе «выбирать» этотъ заемъ, постановленный королемъ.

Въ той же книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Метрики сохранилась и такая запись: «а то листы пана маршалъка дворного писано, жебы серебшчизну на ден Нароженья Панъны Марии до скарбу его кр. млсти отнесли» ²⁾. Запись эта сдѣлана также въ 1563 году. Наконецъ, тамъ же встрѣчаемъ и еще одну запись, говорящую о дѣятельности дворнаго маршалка—«месеца сент. 21 дня послано князя Ивана Жижемского з листы, то есть з листы пана маршалъка его милости дворного до мешчанъ, абы поборы арендовали в местах» ³⁾. Самаго текста маршалковскихъ листовъ въ книгѣ не приведено въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ также, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что дворный маршалокъ игралъ какую-то роль при сборѣ денежныхъ податковъ, налагаемыхъ сеймомъ, а также и при финансовыхъ операціяхъ скарба въ городахъ. Однако, мы не имѣемъ возможности подробно выяснить эту сторону дѣятельности вряда дворнаго маршалка, такъ какъ намъ не удалось встрѣтить въ источникахъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ для этого данныхъ.

Второе послѣ земскаго маршалка мѣсто въ ряду сенаторовъ-министровъ занималъ канцлеръ. Его присяга тождественна по своему содержанию съ присягою подканцлера. Вотъ ея текстъ ⁴⁾ времени Сигизмуда Августа въ переводѣ съ Польскаго языка: «я (имя) присягаю въ томъ, что на этомъ врядѣ канцлерства (или подканцлерства), мнѣ порученномъ, буду вѣренъ наіяснѣйшему князю и пану, пану Сигизмунду Августу, королю Польскому и великому князю Литовскому и потомкамъ его королевской милости; не выдамъ никакихъ листовъ пергаменныхъ безъ вѣдома, воли и устнаго приказанія его королевской милости, великаго князя; точно также и листовъ бумажныхъ, какъ въ Княжество,

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 11, 11 об.

²⁾ Ibidem. Л. 39.   ³⁾ Ibidem. Л. 44.

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 3.

такъ и на сторону, которые бы служили во вредъ достоинству, авторитету и величію короля и великаго князя, или благодаря которымъ могъ бы приключиться какой-либо вредъ королю или Княжеству, или, наконецъ, которые были бы противны правамъ и вольностямъ посполитымъ Княжества или противорѣчили бы другимъ листамъ, выданнымъ изъ канцеляріи, или имѣли бы другой съ ними смыслъ—никакихъ мембрановъ не буду выдавать и писать иначе, какъ съ вѣдома короля, по приказанію и съ вѣдома котораго только и обязуюсь выдавать мембраны. Въ радѣ буду подавать мой совѣтъ королю самому и Литовскому княжеству и речи посполитой правдиво, вѣрно и благожелательно. Никакихъ тайнъ, мнѣ ввѣренныхъ, никогда и никому не открою иначе, какъ по волѣ и приказанію его королевской милости. Все вредное, что только замѣчу и увижу, откуда бы то ни было, доложу королю, въ томъ его предупрежу и самъ, сколько буду имѣть возможности, буду отражать и отвращать. Такъ помоги мнѣ Боже!»

Текстъ этой присяги, относящійся ко времени послѣдняго Ягеллона и, вѣроятно, къ эпохѣ еще до Уніи 1569 года, рисуется обязанности канцлера исключительно въ дѣлѣ выдачи листовъ изъ канцеляріи. Въ соединеніе съ Польшею Княжество вступило, имѣя своимъ канцлеромъ Виленскаго воеводу, Николая Юрьевича Радивила. Но въ 1579 году онъ сложилъ съ себя должность канцлера, сдѣлавъ это по словамъ привилея ¹⁾, даннаго на канцлерство его преемнику, «et propter ingravestentem aetatem et propter onera imperatoris belli, cuius officio difficili ac negocioso nunc fungitur». Привилей этотъ, данный Евстафію Воловичу, не перечисляетъ обязанностей канцлера, а лишь исчисляетъ достоинства Воловича, назначаемаго на эту должность. Конечно, онѣ остались такими же, какими были и во время канцлерства Радивила, какими были и накануне Уніи 1569 года.

Текстъ присяги, приносимой по своему вряду канцлеромъ, говоритъ лишь о завѣдываніи имъ королевскою канцеляріей и листами, документами, изъ нея выходящими. Въ рукахъ канцлера находилась большая печать великаго княжества Литовскаго—*Sigillum maius Magni Ducatus Lithuaniae*, безъ приложенія которой не признаются дѣйствительными листы и грамоты, выходящіе отъ короля. Въ силу того, что канцлеръ и подканцлеръ были хранителями госу-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I}{65} A$ л. 1—1 об.

дарственной печати и прикладывали ее къ документамъ, они носили названіе «печатарей». Когда на сеймики 1571 года были посланы Сигизмундомъ Августомъ сеймовые листы и инструкции посламъ его запечатанными не, какъ обыкновенно, большою печатью Княжества, а просто королевскимъ сигнетомъ, повѣтовая шляхта стала требовать новыхъ листовъ съ обычною печатью, и паны-рада даже нашли нужнымъ заявить объ этомъ королю ¹⁾. Изъ грамоты короля, писанной къ сенаторамъ въ отвѣтъ на это ихъ заявленіе, узнаемъ, что листы эти были запечатаны сигнетомъ, т.-е. перстнемъ королевскимъ, потому, что во время ихъ изготовленія и разсылки при королѣ не было никого изъ печатарей. Король говоритъ, что въ Польшѣ дѣло обычное—если нѣтъ при королѣ печатарей, то листы всегда запечатываются сигнетовою печатью, чтобы не было никакой задержки въ отправленіи государственныхъ дѣлъ. Если бы пришлось привилей или данины выпустить изъ канцеляріи съ сигнетовою печатью, то эти документы «собе отновляли потомъ у большое печати». Сигизмундъ Августъ говоритъ, что, когда канцлеръ, или подканцлеръ живутъ при королѣ, то и листы сеймовые и всѣ иныя sprawy земскія должны отправляться не иначе, какъ «черезъ руки и справу» ихъ. Печатари въ этомъ дѣлѣ требовали, чтобы листы до ихъ разсылки были посланы для подписи и приложенія печати къ канцлеру или подканцлеру. Переписка эта короля съ панами-радами даетъ намъ прекрасныя свѣдѣнія о значеніи печатарскаго вряда въ Княжествѣ. Безъ приложенія печатарями печати не имѣетъ силы привилей королевскій; онъ долженъ быть утвержденъ не только королевскою подписью, но и государственною печатью. Если въ поднятѣмъ шляхтою вопросѣ о запечатываніи сеймовыхъ листовъ слышится, главнымъ образомъ, опасеніе за права Княжества въ соединенномъ государствѣ, то для пановъ-радъ особенно, а также и для самой шляхты, это нововведеніе могло казаться опаснымъ прецедентомъ для усиленія королевской власти. Печатарь могъ

¹⁾ См. выше, стр. 88—90, прим. 3. На одной грамотѣ Баторія городу Городнѣ, относящейся къ 1576 году, значится—«a pieczęć w. x. Lit. mnieysza» (А. Вил. VII. Стр. 103). Но едва ли это не погрѣшность изданія. Въ самомъ дѣлѣ, если меньшая печать Литовская была приложена къ этому документу при королѣ Стефанѣ, то нужно ожидать, что и на подтвержденіи этой грамоты Сигизмундомъ III будетъ находиться та же печать; между тѣмъ, на ней значится просто печать Княжества. По всей вѣроятности, въ Литвѣ была только одна—большая печать государственная.

противиться болѣе или менѣе удачно королевскому распоряженію и могъ даже прямо отказаться приложить печать къ грамотѣ, идущей въ разрѣзъ съ правами Литвы и съ ея обычными порядками.

Литовская печать, повидимому, имѣлась въ двухъ экземплярахъ: одинъ долженъ былъ находиться у канцлера, другой—у подканцлера; иначе нельзя себѣ объяснить, почему королю представлялось возможнымъ посылать одни и тѣ же листы для приложенія печати и къ тому, и къ другому печатарю безразлично. Самая печать Княжества представляла изъ себя «погоню», т.-е. изображеніе скачущаго вооруженнаго всадника. Хранилась она со всевозможною осторожностью и заботливостью. Евстафій Воловичъ, находясь въ лагерѣ Баторія во время его похода 1581 года, хранилъ Литовскую печать подъ замкомъ въ желѣзномъ сундукѣ, прикрѣпленномъ къ ножкѣ постели ¹⁾. Однако, несмотря на всю заботу объ ея сохранности, бывали случаи пропажи печати. Она была украдена у того же Воловича въ ночь на 18 іюля 1581 года ²⁾. Конечно, пропажа печати вызвала общую тревогу, озаботила самого короля и потребовала даже изданія особыхъ универсаловъ ³⁾.

Итакъ, въ обязанностяхъ канцлера мы должны прежде всего отмѣтить храненіе государственной печати: онъ хранить ее и прикладываетъ къ королевскимъ грамотамъ, не имѣющимъ безъ нея несомнѣнной силы и безспорнаго значенія. Другою стороною въ дѣятельности канцлера было управленіе и завѣдываніе государственною канцеляріей Княжества. Какъ государственная печать хранилась у канцлера и подканцлера, причемъ они оба могли утверждать королевскіе листы, прикладывая ее, такъ и канцеляріей завѣдывалъ канцлеръ при ближайшемъ участіи и помощи со стороны подканцлера. Подъ начальствомъ канцлера состоялъ цѣлый штатъ писарей и дьяковъ, которые вели книги канцеляріи подъ надзоромъ и завѣдываніемъ обоихъ пановъ-печатарей, т.-е. канцлера и подканцлера. Но мы уже выше познакомились съ Литовскою канцеляріей, когда разсматривали обязанности писарей Княжества ⁴⁾. На королевскомъ дворѣ въ канцеляріи Литовской служили многія лица, подобно Ужвенскому тивуну, Семену Войнѣ, который служилъ тамъ «з давнихъ часовъ, а праве з молодости

¹⁾ Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 31.   ²⁾ Ibidem. Стр. 29, 30.

³⁾ Ibidem. Приложенія. № 53 (стр. 277, 278).

⁴⁾ Стр. 402—405.

летъ своихъ» ¹⁾, или подобно секретарю королевскому, земскому Виленскому писарю Андрею Мацкевичу, который Сигизмунду Августу также «з молодости летъ своихъ при канцлярри, на службахъ его королевское милости бываючи, охотне прислуживалъ» ²⁾. Всѣ они, конечно, находились «подъ справой» канцлера и подканцлера, несли ли обязанности писарей, или дьяковъ, или употреблялись на другія нужды и надобности Литовской канцелярии.

Въ радѣ королевской канцлеръ Литовскій долженъ былъ играть выдающуюся роль. И то, что этотъ врьдъ вручался самымъ первымъ по своему значенію раднымъ панамъ Литовскимъ, и то, что онъ имѣлъ значеніе, изложенное выше, уже говоритъ намъ за это. Въ самомъ дѣлѣ, канцлеръ долженъ былъ стоять особенно близко къ королю вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ нимъ государя по поводу каждаго листа и привилея королевскаго, обязательно проходящаго черезъ руки его или подканцлера. «Намова» короля съ канцлеромъ должна была быть дѣломъ особенно частымъ, обычнымъ и необходимымъ. Когда, на примѣръ, Сигизмунду Августу написалъ Кіевскій бискупъ, Николай Пацъ, что онъ еще не получилъ пожалованныхъ ему полутора ста волокъ въ землѣ Жомойтской, король ему отвѣчалъ изъ Варшавы 29 марта 1571 года: «в той речи мы господарь сезде з воеводою Виленскимъ, канцлеромъ великого князства Литовского, старостою Мозырскимъ и Лидьскимъ, державцою Борисовскимъ, паномъ Миколаемъ Радивиломъ намову учинивши, черезъ его жь милость твоей милости волю нашу ознаймити не занежаемъ» ³⁾. Гейденштейнъ говоритъ, что канцлеръ «предсѣдательствуетъ въ радѣ, въ судахъ, вводитъ пословъ и представляетъ королю о просьбахъ и заслугахъ отдѣльныхъ лицъ; къ канцлеру же, въ случаѣ отсутствія маршалка, переходитъ и вся власть послѣдняго» ⁴⁾. Но въ этой характеристикѣ врьда канцлера явное недоразумѣніе, такъ какъ предсѣдателемъ рады былъ король, а во время безкоролевій — примасъ; что же касается до судовъ, то вовсе не существовало никакого специаль-

¹⁾ «Лист пану тивуну Ужвеньскому на державы Полонку и Кгоржьды».

Дата: Краковъ, 4 мая 1574 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 86—87.

²⁾ «Листъ пана Мацкевичовъ на полторы волоки подъ Ковномъ и на застенокъ у волости Велюньской». Дата: Краковъ, 29 апрѣля 1574 года. Ibidem. Л. 1 об.—2 об.

³⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 11 об.   ⁴⁾ Гейденштейнъ. Зап. о М. в. Стр. 112.

наго суда, или вида судовъ, въ которомъ канцлеръ былъ бы председателемъ по своему вряду. Вѣрнымъ въ характеристикѣ должности канцлера, которую находимъ въ «Запискахъ о Московской войнѣ», трудно признать и то, что канцлеръ вводилъ по своему вряду пословъ къ королю. Когда 1 февраля 1581 года Стефану Баторію представлялись прибывшіе Московскіе послы, то представленіе ихъ было совершено слѣдующимъ образомъ. На встрѣчу посламъ вышли два кашталяна, Жарновскій и Сохачевскій, и проводили ихъ до избы, въ которой находился король вмѣстѣ съ сенаторами. Передъ дверями ихъ встрѣтилъ Евстафій Воловичъ, Виленскій кашталянъ и канцлеръ Литовскій, вмѣстѣ съ дворнымъ маршалкомъ Короннымъ. Но Воловичъ встрѣтилъ пословъ съ маршальскимъ жезломъ въ рукахъ ¹⁾, и ясное дѣло, что въ данное время онъ исполнялъ обязанность отсутствовавшего земскаго маршалка, а не канцлера. Во время приема пословъ канцлеръ по своему собственному вряду не встрѣчалъ пословъ, а давалъ имъ королевскій отвѣтъ. Когда 12 февраля 1581 года тѣ же Московскіе послы были вновь введены маршалками къ королю и, когда ударивъ ему челомъ, едва дошли до своей скамьи, канцлеръ Литовскій произнесъ громкимъ голосомъ: «слово господарское». Когда послы встали, онъ объявилъ имъ королевское рѣшеніе — согласно ихъ желанію, они еще разъ должны переговорить съ панами-радами, удалившись въ другой домъ ²⁾. Передача канцлеромъ рѣшеній и мыслей королевскихъ была тѣмъ естественнѣе, что онъ былъ ближайшимъ совѣтникомъ короля и исполнителемъ его повелѣній, какъ начальникъ государственной канцеляріи. Не будемъ забывать, что Коронный канцлеръ Янъ Замойскій, былъ обычнымъ ораторомъ на сеймахъ эпохи Баторія, высказывая въ своихъ знаменитыхъ рѣчахъ мысли и намѣренія короля.

Что касается до объявленія назначеній и пожалованій королевскихъ, то, повидимому, нужно признать, что они дѣлались канцлеромъ такъ же, какъ и маршалкомъ земскимъ. Мы видѣли выше, что Литовскій канцлеръ долженъ былъ извѣщать Кіевскаго бискупа о королевскомъ пожалованіи. «Дневникъ» послѣдняго похода Баторія говоритъ также и о назначеніяхъ, оглашаемыхъ канцлеромъ ³⁾.

Характеризуя вряду канцлера, мы уже дали и характеристику

¹⁾ Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 2.

²⁾ Ibidem. Стр. 5.

³⁾ Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 162.

должности подканцлера. Въ самомъ дѣлѣ, оба эти врядника, хранители государственной печати стоятъ во главѣ государственной Литовской канцеляріи, и какъ канцлеръ завѣдуетъ выдачею листовъ и привилеевъ изъ канцеляріи, такъ и подканцлеръ получаетъ приказанія королевскія выдать привилей тому или другому лицу ¹⁾. Мы видѣли выше, что присяга ихъ обоихъ по своему содержанию совершенно тождественна; слѣдовательно, ихъ обязанности были одинаковы и ихъ положеніе отличалось лишь старшинствомъ вряда и большею авторитетностью, съ нимъ связанною: подканцлеръ былъ младшимъ товарищемъ канцлера. При королевскихъ приѣмахъ также присутствовали подканцлеры ²⁾, но, конечно, и тутъ была замѣтна меньшая авторитетность ихъ, чѣмъ канцлеровъ.

Познакомившись съ врядами печатарьскими, перейдемъ къ характеристикѣ едва ли не самаго труднаго и сложнаго по кругу дѣлъ, ему подчиненныхъ, вряду—должности земскаго подскарбія. Завѣдываніе государственными финансами — дѣло сложное и нелегкое вообще, затруднялось въ Княжествѣ еще болѣе, благодаря спеціальнымъ условіямъ, въ которыхъ находился Литовскій земскій скарбъ изучаемой эпохи, при своей задолженности, неаккуратныхъ поступленіяхъ, системѣ залога столовыхъ имѣній, военныхъ расходахъ эпохи и рядѣ другихъ неблагопріятныхъ условій. Земскій подскарбій, подобно всѣмъ остальнымъ врядникамъ великаго княжества Литовскаго, при вступленіи въ свою должность приносилъ присягу. Текстъ ея введетъ насъ въ кругъ его дѣятельности, а потому приведемъ его въ переводѣ съ Польскаго языка, какъ мы это дѣлали и при изложеніи дѣятельности другихъ врядовъ. Текстъ этотъ, какъ и текстъ присяги маршалка и печатарей, относится къ эпохѣ послѣдняго Ягеллона. «Я (имя) присягаю въ томъ, что буду на порученномъ мнѣ врядѣ подскарбства вѣренъ наіяснѣйшему князю и пану, пану Сигизмунду Августу, королю Польскому великому князю Литовскому, его потомкамъ и великому княжеству Литовскому; врядъ мой буду исправлять съ искреннею вѣрностью и съ величайшимъ усердіемъ не для моихъ собственныхъ выгодъ, а лишь для пользы его королевской милости. Всякіе клейноты и инсигнії великаго Княжества, привилеи и скарбъ его буду хранить съ великою тщатель-

¹⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 20 об. ²⁾ Нпр., Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 20.

ностью, всѣ доходы и все, что належитъ и принадлежитъ скарбу его королевской милости, буду выбирать съ величайшею вѣрностью и вниманіемъ и буду завѣдывать ими съ величайшею вѣрностью и стараніемъ. Чеканить монету, когда явится въ этомъ надобность, буду съ выгодною, нужные расходы изъ государственнаго скарба—выправу жолнеровъ, дворянъ, пословъ и всѣ sprawy, которыя только какъ къ собственной, такъ и къ государственной выгодѣ его королевской милости и великаго Княжества относятся, также всѣ мои обязанности и вранды согласно опредѣленію статутовъ княжества Литовскаго буду обдумывать и выполнять. По приказанію его королевской милости, великаго князя Литовскаго и за радю сенаторовъ и врандниковъ его королевской милости въ радѣ короля его милости и великаго Княжества буду подавать совѣты доброжелательно, никакихъ тайнъ, довѣренныхъ мнѣ королемъ его милостью или панами радами его королевской милости, никому не открою и не объявлю противъ воли и къ ущербу и униженію короля и великаго Княжества. Все, что увижу, пойму, придумаю и услышу, доведу до свѣдѣнія короля его милости и сенаторовъ и въ томъ его королевскую милость и сенаторовъ предостерегу и по мѣрѣ силъ моихъ буду (вредное) отражать ¹⁾. Такъ помощи мнѣ Боже!» ²⁾. Присяга была составлена еще до 1569 года, но врандъ земскаго подскарбія нисколько не измѣнилъ своего значенія и компетенціи и послѣ заключенія Люблинской Уніи. Мы уже знаемъ, что Литовскій скарбъ послѣ Уніи остался по прежнему отдѣльнымъ скарбомъ Княжества и объ измѣненіи положенія и значенія земскаго Литовскаго подскарбія не было и рѣчи на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Ввиду отвѣтственности, сложности и значенія вранды земскаго подскарбія, назначеніе на него должно было быть дѣлаемо съ особою осторожностью. Въ моментъ вступленія Стефана Баторія на престоль Речи Посполитой врандъ этотъ «ваковаль» послѣ смерти земскаго подскарбія Николая Павловича Нарушевича, послѣдовавшей въ 1575 году. Новый король, только что вступившій на Польско-Литовскій престоль, замѣстилъ этотъ врандъ, назначивъ на него дворнаго подскарбія, Лаврина Войну, но сдѣлалъ это не иначе, какъ обратившись съ просьбою о рекомендаціи достой-

¹⁾ Здѣсь другою рукою вписано еще слѣдующее: «na sądach sprawiedliwej dam sentencię».

²⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 3—3 об.

наго и способнаго лица на эту должность къ панамъ-радамъ Польскимъ и Литовскимъ ¹⁾). Привилей, данный Лаврину Войнѣ на его врьдѣ, въ отличіе отъ обыкновенно выдаваемыхъ привилеевъ на должности, очень подробно перечисляетъ кругъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію земскаго подскарбія, и даетъ такимъ образомъ для изслѣдователя весьма цѣнный матеріалъ. Обязанности земскаго подскарбія этимъ привилеемъ раздѣляются на его обязанности въ радѣ королевской и въ скарбѣ земскомъ. Въ сенатѣ подскарбій долженъ подавать мнѣнія и воты, пользуясь при этомъ всѣми преимуществами и почетомъ, принадлежащими званію пана-рады и земскаго подскарбія. Такимъ образомъ въ радѣ королевской онъ засѣдаетъ рядомъ съ другими панами-радами, принимая участіе на равныхъ съ ними условіяхъ въ совѣщаніяхъ и дѣятельности сената. Гораздо сложнѣе были его обязанности по управленію и завѣдыванію скарбомъ земскимъ Литовскимъ. Весь земскій скарбъ «в справованію своемъ» долженъ имѣть онъ и никто другой, какъ говоритъ привилей. Завѣдуя скарбомъ земскимъ, онъ вѣдаетъ и поступленія въ него и изъ него выдачи. Поступленія въ скарбъ идутъ отъ воеводъ, старостъ державцевъ, ловчаго Литовскаго, намѣстниковъ, тивуновъ, лѣсничихъ, цельниковъ, мытниковъ, поборцевъ («такъ хрестіянъ яко и жидовъ»), войтовъ, старцевъ и всякихъ врьдниковъ, какимъ бы именемъ они ни назывались, словомъ ото всѣхъ, кто собираетъ какіе бы то ни было доходы, подлежащіе передачѣ въ скарбъ черезъ ихъ посредство, со столовыхъ, имѣній, мытъ, товаровъ лѣсныхъ, всякихъ арендъ и т. д. Принимая эти поступленія, подскарбій долженъ выслушать отчетъ «личбу» и, провѣривъ его, принять то, что представлено правильно, и выдать свой «квитъ», квитанцію въ пріемѣ. Вѣдая всѣ эти доходы, подскарбій можетъ замѣтить необходимость ревизіи того или другого источника скарбоваго дохода, будетъ ли это воеводство, староство, лѣсничество, или какая-либо другая доходная государственная статья. Въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ право самъ своею властью, не спрашиваясь у короля и пановъ-радъ, послать ревизоровъ для такой ревизіи и послѣ нея своею властью сдѣлать постановленіе объ уменьшеніи

---

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 18—21 об. Ввиду очень большого объема, документъ не можетъ быть изданъ въ примѣчаніи, а потому ограничиваемся лишь подробнымъ его пересказомъ. Дата документа: Варшава, 30 іюля 1576 года.

или увеличеніи скарбоваго дохода по той или другой доходной статьѣ.

Но не однихъ ревизоровъ назначаетъ подскарбій своею властью. Онъ также назначаетъ мытниковъ и поборцевъ для сбора старыхъ мытъ, серебщизныхъ поборовъ и всякихъ податковъ съ имѣній государевыхъ, княжескихъ, панскихъ, духовныхъ и земскихъ, которые были установлены въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и имъ даетъ приказаніе «с пильностью» выбирать ихъ въ скарбъ земскій. Доходы скарба получались не только съ воеводствъ и державъ, отданныхъ въ держанье и управленіе; источникомъ доходовъ государственныхъ была и сдача въ аренду государственныхъ земель и угодій. Подскарбій имѣетъ власть сдавать въ аренду фольварки, гумна, доходы староствъ и державъ, принадлежащія скарбу, точно такъ же, какъ всѣ товары лѣсные въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и въ земляхъ, ему принадлежащихъ, такъ же какъ и мыта самъ лично и черезъ своихъ писарей «справовати» и сдавать въ аренду съ наибольшою выгодною для скарба. Такимъ образомъ въ рукахъ подскарбія земскаго сосредоточивается все завѣдываніе доходами земскаго скарба, Въ силу этого со смертию всякаго державцы столоваго имѣнія (будетъ-ли это воевода, староста, державца, намѣстникъ, тивунъ, лѣсничій, владыка или архимандритъ Русскій), въ ихъ земли подскарбій земскій (и притомъ онъ одинъ и имѣетъ на это право) посылаетъ своихъ уполномоченныхъ, беретъ земли на государя, держитъ ихъ и всѣ доходы, идущіе съ нихъ въ скарбъ, въ него собираетъ; что же касается до тѣхъ доходовъ съ этихъ земель, которые причитаются державцѣ ихъ, то онъ беретъ ихъ себѣ и обращаетъ въ свою частную собственность. Онъ завѣдуетъ и эксплуатируетъ эти земли, изыскивая въ нихъ новые источники дохода вплоть до того времени, когда будетъ назначенъ новый ихъ державца, а съ назначеніемъ такового подскарбій же долженъ передать ему эти земли и сдѣлать его въ нихъ «увязанье». Такова компетенція подскарбія земскаго по отношенію къ тому, что является источникомъ доходовъ для скарба великаго княжества Литовскаго. Но скарбъ не только получаетъ доходы, онъ дѣлаетъ и расходы на нужды государственныя. Эти расходы, прежде всего и главнымъ образомъ, дѣлаются на оборону государства и на военныя его нужды. Подскарбій ведетъ счетъ тому, сколько выслужили на скарбѣ государственнымъ «люди служебные» конные и пѣшіе, замковые и польные, также пушкари,—

счетъ и того, что они уже выслужили, и того, что они будутъ выслуживать. Кромѣ содержанія войска, оборона государства требуетъ устройства и содержанія въ исправности крѣпостей. Поэтому подскарбій долженъ не только выплачивать «заслуженное» людямъ служебнымъ и пушкарямъ, но и ремесленникамъ замковымъ, а также и то, что требуется на строевые расходы и снабженіе провіантомъ замка Виленскаго и другихъ Литовскихъ замковъ, а особливо Русскихъ и Лифлянтскихъ. Всѣ эти расходы распоряженіемъ подскарбія вписываются въ скарбные реестры и согласно имъ производится изъ скарба выдача государственныхъ денегъ. Но не на одни военные расходы производитъ подскарбій выдачи изъ земскаго скарба; юргельты, т.-е. пенсіи, назначаемыя королемъ какъ людямъ военнымъ, такъ и земскимъ врядникамъ, также выдаются имъ по назначенію королевскому. Наконецъ, обязанностью земскаго подскарбія является и чеканка монеты. Согласно Люблинскому договору 1569 года монета въ Литвѣ и Коронѣ должна быть *uniformis et aequalis*, одна и та же. Поэтому привилей Лаврину Войнѣ на подскарбство, который мы теперь пересказываемъ, говоритъ, что земскій Литовскій подскарбій долженъ чеканить монету въ Литвѣ такую же, какую король установитъ и для Польши. Для чеканки монеты онъ долженъ устроить монетный дворъ въ Вильнѣ, или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, гдѣ въ Княжествѣ ему покажется удобнѣе и выгоднѣе. Какой доходъ, расходъ и выгода въ Коронѣ будутъ отъ чеканки монеты для Короннаго скарба, такіе же должны они быть и въ скарбѣ земскомъ Литовскомъ; какой доходъ и вознагражденіе за трудъ будетъ поступать въ Коронѣ въ личную собственность Короннаго подскарбія, такія же суммы будутъ получаемы и земскимъ Литовскимъ подскарбіемъ въ его личную пользу. Изъ бѣглаго перечня обязанностей подскарбія, представляемаго привилеемъ на этотъ врядъ, мы видимъ всю сложность его обязанностей и громадное количество дѣлъ, подлежащихъ его вѣдѣнію. Разумѣется, одинъ подскарбій не могъ управиться со всѣми дѣлами, относящимися къ завѣдыванію его вряда. У него существовалъ цѣлый рядъ подчиненныхъ ему лицъ.

Этими подчиненными его были скарбный, скарбные писари и дворяне, находившіеся въ распоряженіи скарба и потому, особенно въ позднѣйшее время, называемые скарбовыми дворянами. Само собою разумѣется, что всѣ скарбовые врядники назначались королемъ не иначе, какъ по рекомендаціи и представленію ему

кандидата на должность самимъ земскимъ подскарбіемъ. Въ 1576 году, въ годъ назначенія Лаврина Войны на должность земскаго подскарбія, скарбнымъ былъ Упитскій староста, ключникъ и подключій Виленскій, панъ Иванъ Зарецкій, находившійся въ Вильнѣ при скарбѣ ¹⁾. Скарбный былъ ближайшимъ помощникомъ подскарбія и вторымъ послѣ него по значенію врядникомъ земскаго скарба. Онъ принимаетъ и записываетъ скарбовые приходы и расходы, и черезъ его руки принимаются въ скарбъ поступленія и дѣлаются изъ него выдачи. Панъ скарбный, какъ врядникъ государственный, существуетъ уже въ началѣ XVI столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, скарбовая книга 1502—1509 годовъ ²⁾, заключающая въ себѣ отчетность Литовскаго скарба по сношеніямъ съ Татарскими ордами, составлена скарбнымъ. Скарбнаго нерѣдко упоминаютъ источники и послѣдующаго времени ³⁾. Кромѣ скарбнаго при скарбѣ находятся въ распоряженіи земскаго подскарбія скарбные писари, обязанность которыхъ состояла въ принятіи и выслушиваніи «личбы», отчетовъ лицъ, представляющихъ въ скарбъ поступающіе въ него доходы. Скарбовыми писарями бывали, конечно, какъ и на всѣхъ Литовскихъ врядахъ, лица свѣтскія ⁴⁾, но въ видѣ исключенія встрѣчаются и лица духовныя, столь часто занимавшія канцелярскія должности въ Польшѣ ⁵⁾. Иногда въ распоряженіе подскарбія откомандировывались даже секретари ⁶⁾. Но не только на мѣстѣ, въ скарбовой канцеляріи исполняли свои обязанности скарбовые писари; они несли также обязанности ревизоровъ и поборцевъ. Такъ, Еронимъ Квилецкій былъ ревизоромъ королевскаго замка Плотельскаго ⁷⁾, а королевская грамота, данная въ Вильнѣ 9 іюля 1563 года,

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 31 об.—33.

²⁾ М. Довнаръ-Запольскій. Литовскія Упоминки Татарскимъ Ордамъ. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502—1509 г. Симферополь. 1898.

³⁾ Нпр., «пан скарбный взял листы соймовые розослати». Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 2 об. (1563 г.).

⁴⁾ Нпр., «державцы Ясвонскому, писару скарбу нашего, Ярониму Квилецкому»—приказъ Сигизмунда Августа (1563 г.). Вил. Арх. Сб. I. № 41 (стр. 138).

⁵⁾ Нпр., деканъ Виленскій, архидьяконъ Варшавскій, писарь королевскій скарбный, князь Янъ Маковецкій. Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 26 (1563 г.).

⁶⁾ См. выше, стр. 400. ⁷⁾ Вил. Арх. Сб. I. № 41.

предписывающая выдачу постановленной на сеймъ серебщизны, гласить: «гдежъ и бирчихъ на то обрано тежъ черезъ вси станы, до которыхъ у Вильни тую серебщизну относити и отдавати маете, то есть маршалъка нашего державцу Вилкомирскаго, пана Яна Кмиту, а декана Виленскаго, ардыкона Варшевскаго, писара нашего скарбного, князя Яна Маковецкаго, а, при нихъ дьякомъ поборовымъ, тивуна Дирванскаго, Яна Кградовскаго»¹⁾. Давая возможность изслѣдователю присутствовать при самомъ назначеніи скарбовыхъ писарей, документы въ то же время указываютъ на положеніе ихъ, какъ писарей королевскихъ, хотя и служащихъ въ дѣлахъ скарба. Наконецъ въ распоряженіи подскарбія находились дворяне для различныхъ надобностей скарба. Какъ мы уже замѣтили выше, въ позднѣйшее время въ Литовскихъ актахъ упоминаются такъ называемые скарбовые дворяне²⁾. Но въ періодъ времени, подлежащій настоящему изслѣдованію, повидимому, еще не было спеціально причисленныхъ для исполненія скарбовыхъ порученій дворянъ, а подскарбій земскій просто бралъ для своихъ надобностей тѣхъ или другихъ дворянъ королевскихъ изъ находившихся въ данное время незанятыми другими порученіями и службами на королевскомъ дворѣ. Можно лишь думать, что подскарбій бралъ для своихъ порученій обыкновенно однихъ и тѣхъ же дворянъ. Это должно было быть потому, что онъ долженъ былъ нѣкоторымъ изъ дворянъ оказывать большее довѣріе, чѣмъ остальнымъ, а также и потому, что они были уже не новичками въ поручаемыхъ имъ дѣлахъ, что давало извѣстную увѣренность въ успѣшномъ исполненіи даннаго имъ порученія. Иногда порученія подскарбія исполняли и простые его служебники³⁾. Врядъ подскарбія, по всѣмъ признакамъ, еще не закончилъ вполнѣ въ изслѣдуемую эпоху своей организаціи, въ которую жизнь и потребности вносили все новыя черты и требованія.

Прежде чѣмъ показать, какъ проявлялась дѣятельность земскаго Литовскаго подскарбія въ фактахъ реальной дѣйствитель-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 26.   ²⁾ См. выше, стр. 413.

³⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 67 (1564 г.). «того жъ дня писано листъ до мытниковъ Луцкихъ, абы з служебниками пана подскарбега, Василемъ Коледою а Григоремъ Конюховичомъ, скуповали за пенеzi поборовые и мытныя волы, яловицы, овцы, мяса вепровые, сала, масла, сыри и к тому горохи и пушно; тот листъ понесъ Василь Коледа».

ности, сохраненныхъ Литовскими актами, остановимся на отвѣтственности этого врядника-сенатора, на вопросѣ о томъ какъ, передъ кѣмъ и въ какихъ предѣлахъ она отдавалась. Привилей Лаврину Войнѣ на должность земскаго подскарбія говоритъ, что всѣ отчеты воеводъ, старостъ и державцевъ всѣхъ видовъ, разъ они приняты земскимъ подскарбіемъ, будутъ признаны королемъ, панами-радами и всѣми станами Княжества; всѣ аренды и сдѣланныя подскарбіемъ распоряженія, касающіяся мытъ, поборовъ, столовыхъ имѣній, король считаетъ себя «повиннымъ» признать и «держать»; всѣ выдачи изъ скарба, сдѣланныя имъ на земскія нужды, равнымъ образомъ должны быть принимаемы королемъ и его преемниками безъ всякой «вонтъпливости». Итакъ, во всѣхъ расходахъ, и приемахъ поступленій земскій подскарбій облеченъ полнымъ довѣріемъ со стороны короля и становъ, и всякое его дѣйствіе не должно возбуждать никакихъ сомнѣній въ правильности и безкорыстности. Этого мало. Привилей Лаврину Войнѣ гласитъ, что онъ будетъ занимать земское подскарбство до своей смерти, или до повышения его на высшую должность; король не считаетъ, слѣдовательно, возможными какой-нибудь проступокъ, или оплошность подскарбія, могущіе обнаружить его недобросовѣстность, или неспособность. Такимъ образомъ, правильность его показаній приходовъ и расходовъ земскаго скарба въ его отчетахъ не можетъ быть контролирована, но онъ долженъ все-таки представить свой отчетъ, свою «личбу» государю и всей «речи посполитой». Отчетъ этотъ принимается съ полнымъ довѣріемъ къ цифрамъ поступленій и выдачъ, но самыя цифры должны быть представлены подскарбіемъ въ его отчетахъ съ указаніемъ источниковъ поступленій и назначеній расходовъ. Кромѣ того, земскій подскарбій, скарбный и писари скарбные должны всегда имѣть готовыми реестры своихъ «личбъ», чтобы представить ихъ въ случаѣ надобности. Привилей на земское подскарбство, разсматриваемый нами, даетъ Лаврину Войнѣ не только гарантію довѣрія къ нему и его дѣйствіямъ со стороны короля, онъ гарантируетъ также его семью, что она не будетъ привлекаема къ уплатѣ въ скарбъ тѣхъ недочетовъ, которые могутъ въ немъ обнаружиться въ случаѣ, если подскарбія настигнетъ смерть прежде, чѣмъ онъ сдастъ свою «личбу»; въ случаѣ смерти его, отчетъ въ скарбѣ должны будутъ дать скарбный и скарбовые писари, а не семья и потомки его.

Литовскій скарбъ времени послѣ Люблинской Уніи не имѣетъ

спеціального изслѣдованія ¹⁾. Выше мы уже имѣли случай коснуться нѣсколькихъ страницъ, посвященныхъ Литовскому скарбу Павинскимъ; видѣли и ошибочность представленій покойнаго ученаго о скарбѣ Княжества ²⁾. Литовскій скарбъ имѣлъ очень большія отличія отъ скарба Короннаго, и объ этомъ мы уже упомянули выше. Теперь же мы можемъ прямо перейти къ изображенію дѣятельности Литовскаго подскарбія земскаго, какъ ее обрисовываютъ дошедшіе до насъ акты Княжества.

Поступленія въ Литовскій скарбъ были слѣдующія. Во-первыхъ—доходы со староствъ и державъ. Мы уже знаемъ, что старосты и державцы столовыхъ земель должны были отдавать доходы ихъ въ земскій скарбъ Княжества, удерживая изъ нихъ себѣ установленную закономъ часть. Поэтому теперь мы уже не будемъ останавливаться вновь на этихъ поступленіяхъ. Но подскарбіи земскій не только принималъ доходы со столовыхъ земель; послѣ смерти державцы, или старосты онъ управлялъ державою и передавалъ ее новому державцѣ.

Другимъ источникомъ доходовъ земскаго скарба были мыта, которыя арендовались, обыкновенно, жидами, но иногда и шляхтичами, даже вельможами ³⁾. Затѣмъ, въ числѣ скарбовыхъ доходовъ были различные сборы, существовавшіе въ городахъ. Самое преобразование села въ городъ дѣлалось, по словамъ королевскихъ грамотъ, «для розмноженья пожитковъ скарбу нашего (короля) господарьскаго и земскаго» ⁴⁾. Въ скарбъ же шли поборы съ Евреевъ ⁵⁾. Все это—обыкновенныя поступленія въ земскій скарбъ. Но рядомъ съ ними поступали въ него и доходы чрезвычайные. Къ этому разряду скарбовыхъ поступленій принадлежатъ налагаемые сеймомъ, или королемъ поборы на города, а также принудительные займы съ нихъ, и серебщизна, налагаемая сеймомъ на все Княжество — и на шляхту, и на все остальное его на-

¹⁾ Въ настоящее время печатается въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ изслѣдованіе М. В. Довнаръ-Запольскаго, посвященное финансовому устройству Княжества, но мы не воспользовались имъ, такъ какъ наша работа печаталась одновременно съ этимъ трудомъ.

²⁾ О скарбѣ Литовскомъ въ книгѣ А. Павинскаго мы уже говорили выше—стр. 377 и сл.

³⁾ См. выше, стр. 489 и прим. 2.

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 32 об. См. выше, стр. 605.

⁵⁾ Ср. М. К. Любавскій. Л.-Р. сеймъ. Стр. 643 и др.

селеніе—для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ государства ¹⁾. Къ этому нужно прибавить поступления въ видѣ ссудъ, которыя дѣлали скарбу его кредиторы, получавшіе въ залогъ своихъ денегъ столовые имѣнія и державы ²⁾.

Что касается выдачъ изъ скарба, то онѣ прежде всего дѣлались на военныя нужды Княжества, т.-е. на постройку и содержаніе крѣпостей и на жалованье наемнымъ войскамъ. Однако, какъ мы уже знаемъ, земскій скарбъ по большей части не былъ въ силахъ аккуратно расплачиваться по земскимъ нуждамъ. Приходилось часто принимать тѣ или другія мѣры «для уфолькованья» его, такъ какъ онъ «на сесь час розъными бремени обътяжонъ» ³⁾. Затрудненія скарба имѣли своею причиною или чрезвычайныя расходы, или уменьшеніе поступленій ⁴⁾, но какъ бы то ни было, объ его затрудненіяхъ источники говорятъ очень часто ⁵⁾. Для того, чтобы добыть денегъ, государство прибѣгало къ займамъ «черезъ руки» подскарбія, закладывая во взятой въ долгъ суммѣ староства, державы и столовые имѣнія ⁶⁾. Но случалось нерѣдко, что наличныхъ денегъ не хватало, несмотря на займы; тогда приходилось вступать въ то или другое соглашеніе съ самими ротмистрами, требующими слѣдующихъ имъ со скарба денегъ. Такъ, король Генрихъ въ своей грамотѣ отъ 2 мая 1574 года говоритъ: пану Мальхеру Зигмунтовичу Сновскому ⁷⁾ сумма, слѣ-

¹⁾ См. поборовые универсалы въ Vol. legum.

²⁾ См. выше, стр. 269 и сл. О числѣ «заведенныхъ» въ залогъ столовыхъ имѣній самъ король Сигизмундъ Августъ говоритъ такъ: «ведъже маючы на бачности нашей господарьской потребу речы посполитое, ижъ на сесь часъ за уставичными войнами (sic) от немалого часу, которую з неприятелемъ нашимъ великимъ княземъ Московъскимъ ведомо, скарбъ нашъ земскій великого князства Литовского великие беремена на себе поносит, которыи с пожитковъ и доходовъ замковъ, дворовъ, местъ и волостей нашихъ потребамъ военнымъ досыть вчинити не можетъ, кгдажъ много замковъ, дворовъ и местъ и волостей оногожъ паньства нашего великого князства Литовского от столу нашего господарьского рознымъ особамъ обычаемъ заставнымъ въ пенезяхъ заведъшы не на што инъшого, только на потребу земскую военную черезъ руки пана подскаръбего земского выдати есмо розказали...» Лит. Метр. IV A $\frac{10}{10}$ л. 20 об.

³⁾ Лит. Метр. I A $\frac{1}{57}$ л. 78 об.

⁴⁾ См. выше, стр. 289. ⁵⁾ См. выше, стр. 269 и др. ⁶⁾ Ibidem.

⁷⁾ Маршалокъ господарскій, судья земскій Новгородскій, державца Куренецкій.

дусмая ему за содержаніе его роты «на сес часъ отъ насъ зъ скарбу нашего заплачона быти не могла, тогды около тое заплаты учинили есмо з нимъ постановенъе тым обычаемъ, ижъ бояр нашихъ з ыменьями ихъ, ку двору Куренецькому здавна належа- чыхъ и тежъ пушу тамошнюю Куренецькую з гоны бобровыми и зъ иными всякими ее пожитъками» къ его державѣ Куренецкой «взносимъ и записуемъ»¹⁾).

Кромѣ «заслужоного» ротмистрамъ, выдавались изъ земскаго скарба различнымъ лицамъ «юргельты», т.-е. также денежныя жалованья. Выдавались юргельты и должностнымъ лицамъ воен- нымъ²⁾, и панамъ-радамъ³⁾, и врядникамъ⁴⁾. Ко времени Стефана Баторія накопилось столько выдачъ юргельтовъ изъ земскаго скарба, что онъ отдалъ приказаніе земскому подскарбію, «абы юргелтов и пенезей стравных, от королей Жикгимонта Августа и Генриха постановленых, никому без особливых листовъ господар- ских не давалъ»⁵⁾. Кромѣ постоянныхъ юргельтовъ должностнымъ лицамъ, дѣлались также единовременныя выдачи. Такъ, Михаилу Гарабурдѣ, отправленному посломъ въ Москву и задержавшемуся въ Оршѣ, Сигизмундъ Августъ писалъ въ листѣ, данномъ изъ Вар- шавы 28 октября 1571 года: «... а ижъ, до того часу в Орши мешкаючи, не малый коштъ приняти мусишъ, то тебе ласкою нашою господарьскою паметовати хочем и з скарбу нашего на- городити роскажемъ»⁶⁾.

Подскарбію тѣмъ труднѣе было вести свое скарбовое дѣло, что нерѣдко доходы скарба расходовались еще до поступленія ихъ въ него. Листъ Сигизмунда Августа, данный 15 іюля 1568 года и вписанный 14 апрѣля 1574 года въ листъ короля Генриха, гла- сить, что Янъ Ходкевичъ, «за листы» королевскими «заховываючи певный почоть людей служебныхъ ездныхъ и пешихъ и беручи пенези зъ скарбу» короля «земского и розныхъ платовъ и до-

1) Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 53 об. См. выше, стр. 285, прим. 2.

2) Нпр., писарю польному. См. выше, стр. 439.

3) См. выше, стр. 615 и др. 4) Нпр., см. выше, стр. 400.

5) Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 28—29. Дата: Варшава, 13 августа 1576 года.

6) «Отпись перший до пана Михаила Гарабурды писара etc., в поселстве до Москвы посланого, который се вернулъ от границ до Орши». Дата: Вар- шавы, 28 октября 1571 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 1 об., 2.

ходовъ» короля «господаръскихъ и податковъ земскихъ»¹⁾, не только отдалъ въ уплату войскамъ эти деньги, но еще выдалъ имъ и свои собственные. Тотъ же листъ Генриха, въ который вписана эта грамота Сигизмунда Августа, говоритъ, что часть израсходованныхъ Ходкевичемъ собственныхъ его денегъ была ему возвращена «такъ зъ скарбу короля его (милости), яко с певныхъ местцъ»²⁾. Выдавались изъ мытныхъ сборовъ и юргельты до поступленія мытныхъ денегъ въ скарбъ. Такъ, Владимірскій плебанъ, князь Криштофъ Подосскій заявилъ Сигизмунду Августу, что «водле фундушу и наданя предковъ» королевскихъ «першимъ плебаномъ Володимеръскимъ и ему самому з мыта коморы Луцкое плачивано в кождый годъ по чотыры копы грошей». Такъ какъ мытники перестали выплачивать эти деньги на Владимірскій костель, то плебанъ и обратился къ королю съ просьбою, чтобы онъ «в томъ ему шкодовати» не допустилъ, «а оныя пенези, за прошлые годы задержанные, выдати и потомъ завжды платити» приказалъ. «Справу» королю въ этомъ дѣлѣ далъ «намененый владыка Пиньскій и Туровскій, Иванъ Борздобогатый», заявивъ, что, «кгды он мыта Волыньские заведал, тогды тотъ юргельтъ плебаномъ Володимерскимъ завжды плачиванъ былъ». На основаніи этой справки король отдалъ приказъ, чтобы законное требованіе юргельта Владимірскимъ костеломъ было удовлетворено и впередъ его право на него не было бы нарушаемо³⁾.

Стоя во главѣ финансоваго управленія государства и вѣдая источники земскихъ доходовъ, подскарбій получаетъ отъ короля предписанія разслѣдовать дѣло въ случаѣ претензій частныхъ лицъ на государственныя имущества. 6 мая 1574 года, на примѣръ, король Генрихъ далъ такое приказаніе Литовскому подскарбію, Николаю Нарушевичу: «то на твою милость, пане подскарбий земскій, прекладаем, абы еси, о томъ (вы)веданье певное взявши, естли намъ до оного пляцу права никакого нетъ» — дѣло въ томъ, что было предъявлено женою маршалка Сновскаго и женою ротмистра Григорія Войны ихъ право на пляцъ въ Вильнѣ, который былъ захваченъ Виленскимъ городничимъ къ королевскимъ конюшнямъ⁴⁾.

1) Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 11.   2) Ibidem. Л. 10 об.

3) Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 35—35 об. (3 ноября 1568 года).

4) Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 115—115 об. См. выше, стр. 336, прим. 2

Акты знаютъ цѣлый рядъ реестровъ, которые находятся въ скарбѣ, какъ документы, необходимые ему въ его дѣлахъ: реестры скарбные¹⁾, или реестры выбиранья доходовъ²⁾, квиты³⁾ и т. п. часто упоминаются въ современныхъ актахъ. Вѣдая сборы въ скарбѣ, подскарбій вступаетъ въ сношенія съ плательщиками этихъ сборовъ и пишетъ имъ свои листы съ различными извѣщеніями⁴⁾. Но кромѣ документовъ, которые составляются по нуждамъ скарбовымъ, въ скарбѣ хранятся и другіе документы, въ него поступающіе, а именно «права» на имѣнія, которыя въ него поступаютъ отъ ихъ владѣльцевъ, передающихъ свои земли скарбу въ обмѣнъ на другія, жалуемая имъ государемъ⁵⁾. Выше мы видѣли, что въ скарбѣ хранились государственныя инсигніи Княжества и привилеи, и подскарбій земскій, вступая въ должность, клялся охранять ихъ. Такимъ образомъ, скарбъ былъ въ то же время архивомъ и хранилищемъ клейнотовъ и драгоценностей государственныхъ⁶⁾.

Кромѣ того, скарбъ Литовскій игралъ роль учрежденія государственно-почтоваго—онъ разсылалъ по Княжеству листы и универсалы королевскіе. «Тые листы, пописавши, посланы ку разосланю до скарбу господарского»—читаемъ въ ряду записей, сдѣланныхъ въ Литовской Метрицѣ въ 1564 году⁷⁾. Но если въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ листами, писанными въ исполненіе королевскаго распоряженія отъ самого подскарбія, то въ другихъ случаяхъ содержаніе рассылаемыхъ скарбомъ листовъ не имѣетъ никакого отношенія къ спеціальному кругу дѣлъ, вѣдаемыхъ скарбомъ.

¹⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 8 об. (описана доходность дворовъ и мѣстечекъ), или Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 39—40 (описанъ циншъ).

²⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 30—30 об.

³⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 64, или Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 117 об., 119 об.

и др. Ср. квиты поборовые—А. Вил. VI, стр. 231.

⁴⁾ Нпр., «писаны листы отъ его милости пана подскарбего а по дворомъ господарскимъ о живность, фолкгу чинечи, абыхъ з двухъ волокъ третего выправовали». Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 64. (1564 г.).

⁵⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 18 об.

⁶⁾ См. М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 395.

⁷⁾ Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 65.

Напримѣръ, въ числѣ записей 1566 года читаемъ такую: «тые листы посланы ку розосланью до скарбу»¹⁾; между тѣмъ содержаніемъ этихъ листовъ было королевское распоряженіе «о еханье до Друцка на певный час для пописанья се перед паномъ гетманомъ»²⁾. Надо притомъ замѣтить, что листы по этому дѣлу не всѣ были разосланы изъ скарба, а весьма значительная часть ихъ была отправлена прямо со двора, черезъ королевскихъ дворянъ; при этомъ и непосредственно дворянамъ, и въ скарбъ для разсылки были переданы листы къ адресатамъ совершенно одинаковаго значенія — и къ сенаторамъ, и къ князьямъ, и къ панамъ, и къ врядникамъ, и въ повѣты были доставлены листы черезъ оба способа безразлично. Такимъ образомъ, за скарбомъ Литовскимъ мы должны признать еще одну функцію — значеніе государственной почты при разсылкѣ правительственныхъ распоряженій и листовъ, хотя и не всѣ эти листы разсылались скарбомъ обязательно.

Помимо своихъ обязанностей, какъ врядника, завѣдывающаго скарбомъ государственнымъ, подскарбій земскій получалъ иногда и порученія, не входящія въ его прямыя обязанности. Такъ напримѣръ, онъ бывалъ въ числѣ депутатовъ, выбранныхъ для сбора установленнаго сеймомъ податка³⁾. Но надо думать, что вообще избѣгали давать земскому подскарбію стороннія порученія, такъ какъ его врядъ требовалъ слишкомъ много вниманія и времени отъ своего врядника.

Вознагражденіемъ земскаго подскарбія за его трудъ служатъ его доходы по вряду, которые мы уже видѣли выше⁴⁾, а также юргельтъ, идущій ему изъ скарба. Привилей на земское подскарб-

¹⁾ Ibidem. Л. 101.

²⁾ Ibidem. Л. 102. Ср. «листы до пана подскарбе(го) ку розсыланью». Ibidem. Л. 181 об. (1568 г.—листы сеймовые). Или еще: «того ж року 66 в месецы апрели писаны листы увяжчие до поветовъ о невыданье податку поголовного и послано листы ку розосланью до скарбу месеца апреля 20 дня». Ibidem. Л. 102 об.

³⁾ «Wielmoznemu Janu Hliebowiczowi na Dąbrownie, casztalianowi Mien-skiemu, podskarbiemu ziemskiemu y pisarzowi naszemu W. X. Lit., urodzonemu Stanisławowi Naruszewiczowi, ciwunowi Wilienskiemu a urodzonemu Dmitrowi Chalieckiemu, miecznikowi W. X. Lit., deputatom na odbiranie y szafowanie podatkow ziemskich, na seimie walnym Warszawskim ufalionych, postanowionym».

Листъ Баторія отъ 14 января 1582 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ н. 110—110 об.

⁴⁾ Стр. 655 и слѣд.

ство Лаврину Войнѣ говоритъ, что послѣдній будетъ пользоваться всѣми доходами и «пожитками», которыми владѣли его предшественники, а именно Евстафій Воловичъ и Николай Нарушевичъ, приведенные въ примѣръ, какъ ближайшіе подскарбіе, бывшіе до Войны. Получалъ подскарбій и земельныя пожалованія подобно остальнымъ врядникамъ и сенаторамъ Литовскимъ. Наконецъ, получалъ онъ и повышенія по іерархической лѣстницѣ сенаторскихъ врядовъ. Такъ, Евстафій Воловичъ изъ подскарбія былъ сдѣланъ въ 1566 году подканцлеромъ, а потомъ продолжалъ и еще далѣе возвышаться, получая новые вряды, и затѣмъ достигъ канцлерства и Виленскаго каштелянства (1579 г.). Присутствуя въ радѣ, земскій подскарбій также съ удобствомъ могъ наблюдать свои личные интересы и интересы своихъ близкихъ. Такъ, Николай Нарушевичъ, какъ даетъ знать королевская грамота отъ 12 апрѣля 1574 года ¹⁾, «мовилъ» королю Генриху «именемъ тивуна Виленьского, пана Станислава Нарушевича, брата своего», дѣлая это въ интересахъ послѣдняго.

Сенаторскіе уряды, съ которыми мы сейчасъ познакомились, были врядами, постоянно существовавшими въ Княжествѣ. Но была должность, которая постояннаго замѣщенія не требовала, хотя она и была самою высшею въ государствѣ, — подъ начальство ея врядника становились всѣ сенаторы безъ исключенія, какъ и весь народъ-шляхта. Эта должность — врядъ гетмана наивысшаго. Если просмотримъ списки гетмановъ наивысшихъ Литовскихъ ²⁾, то прямо бросятся въ глаза постоянно встрѣчающіеся вакаты въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Въ большинствѣ случаевъ послѣ смерти гетмана наивысшаго нѣсколько лѣтъ преемникъ ему не назначался. Уже одно это должно говорить за то, что наивысшій гетманъ не былъ врядникомъ, дѣятельность котораго требовалась бы для государства непрерывно. Разъ получивъ титулъ гетмана, вельможа носилъ его уже вплоть до своей смерти, или до добровольнаго отъ него отказа, но функционировалъ врядъ великаго гетмана не постоянно, а лишь въ болѣе, или менѣе исключительныя эпохи. Гетманъ наивысшій долженъ былъ функционировать лишь во время весьма серьезныхъ войнъ, притомъ, главнымъ образомъ, когда собиралось посполитое рушенъе. Какъ

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 18 об.—19 об.

²⁾ *J. Wolff. Senat. i dign. Str. 149—152.*

врядъ не постоянно существующій, гетманство наивысшее не нашло себѣ мѣста въ ряду сенаторскихъ урядовъ въ списокѣ 1569 года ¹⁾. Но какъ мы уже замѣтили выше ²⁾, гетманъ наивысшій долженъ былъ быть обязательно сенаторомъ, притомъ однимъ изъ самыхъ первыхъ по своему значенію.

Самое назначеніе наивысшаго гетмана дѣлается нѣсколько иначе, чѣмъ назначеніе остальныхъ врядниковъ. Въ то время какъ остальныхъ сенаторовъ и врядниковъ король назначаетъ, повышая по службѣ и жалую, гетмана наивысшаго онъ *проситъ* принять на себя обязанности этого уряда. Назначивъ въ 1576 году Николая Радивиля на врядъ гетмана наивысшаго Литовскаго, Стефанъ Баторій объявилъ объ этомъ универсаломъ ³⁾ по Княжеству; въ этомъ универсалѣ читаемъ: «про то ужили есьмо жеданьемъ нашимъ королевскимъ воеводу Виленского, канцлера великого князства Литовского, старосту Ошменского и Лидского, пана Миколая Юрьевича Радивиля, абы тую працу и небезпечности рѣчи посполитое на себе принялъ». Тотъ же универсалъ объясняетъ и причину, почему потребовалось непременно назначеніе наивысшаго гетмана. Король говоритъ объ опустошеніи Москвою Инфлянтъ и о приближеніи Московскаго войска къ границамъ Княжества; затѣмъ, призывая шляхту къ общему рушенью противъ врага, продолжаетъ: «чому забѣгаючи и ознаймуючи всимъ станомъ, листы наши писати есьмо казали, жедаячи абы, яко къ квалтовному припадку, къ отпертью непріятелю, кождый зъ хути и зъ милости своее къ рѣчи посполитой, для насъ господаря, и боронячи отчизны и славы народу своего, поспѣшили и на одно мѣстцо до войска збиралися. А ижъ до такового собранья есть потреба певноѣ парсоны, къ справованью надъ всимъ войскомъ порядку», то король и упросилъ Виленскаго воеводу принять на себя обязанности наивысшаго Литовскаго гетмана.

Итакъ гетманъ наивысшій—главнокомандующій всѣми войсками Княжества, т.-е. и наемнымъ, и шляхетско-народнымъ. Мы видѣли выше ⁴⁾, что шляхта не станеть въ своемъ рушеньѣ подъ команду начальника наемнаго войска, гетмана польнаго ⁵⁾; видѣли также, что и самъ гетманъ польный становился «подъ справу» гетмана наивысшаго ⁶⁾. Какъ начальникъ послѣдняго, онъ коман-

¹⁾ Vol. leg. II. Str. 93.   ²⁾ Стр. 564.   ³⁾ А. З. Р. III. № 69

⁴⁾ Стр. 440.   ⁵⁾ О гетманѣ польномъ см. стр. 435 и сл.

⁶⁾ Стр. 440.

дуетъ наемными войсками, непосредственнымъ начальникомъ которыхъ былъ польный гетманъ ¹⁾). Что же касается до роли наивысшаго гетмана во время посполитаго рушенья, то мы уже видѣли ее, когда изучали повинности шляхты Литовской. Гетманъ наивысшій былъ главнокомандующимъ всѣми военными силами Литовскими. Какъ таковой, онъ является дѣйствительно «наивысшимъ» лицомъ въ цѣломъ государствѣ.

Мы не будемъ долго останавливаться на этомъ врьдѣ: функціи его мы встрѣтили выше, когда говорили о военныхъ врьдникахъ Княжества и о посполитомъ рушеньѣ народа-шляхты ²⁾). Теперь обратимся еще къ одному врьду, чтобы закончить обзоръ всѣхъ сенаторскихъ урядовъ изслѣдуемаго времени. Этотъ врьдъ — администраторство и гетманство Лифляндіи. Если гетманство наивысшее нельзя назвать постояннымъ урядомъ, то администраторство и гетманство Лифляндіи было должностью уже совершенно исключительною. Эта должность возникла слѣдующимъ образомъ. Въ 1561 году во главѣ Ливоніи, принятой Княжествомъ подъ свою власть и охрану, былъ поставленъ Кеттлеръ, бывшій магистръ Ливонскаго Ордена, въ то время герцогъ Курляндскій. Но въ 1566 году Литовскіе станы, собравшіеся на Берестейскомъ сеймѣ, рѣшили поставить во главѣ и военнаго, и гражданскаго управле-

¹⁾ «Листъ писанный ку пану гетьману великаго князтва Литовскаго, пану Григорию Ходкевичу, жебы сто и двадцат копъ зъ серебъщизныхъ податковъ до князя Романа Федоровича Санъкгушъковича на люди служебныя послалъ.—Жикгимонтъ Августъ. Пану Виленъскому, гетману наивышому великаго князства Литовскаго, пану Грыгорию Ходкевичу. Мовилъ намъ воевода Браславъскій, староста Жытомирскій, державъца Речыцкій, князь Романъ Федоровичъ Санъкгушъковича, ижъ с потребъ пильныхъ речы посполитое задержалъ пры себе на службѣ нашой людей пенежныхъ з роты князя Костентына Вишъневцакого, 30 коней, которые под справою, ведомостью и послушенствомъ его цалую чвирть году без пенезей служыли, за которую чвирть року, платячы имъ на кожъдого коня по 4 копы грошей, прыидеть дей всего 120 копъ грошей. Про то хочемъ мети, ижъбы твоя милость тые пенези, 120 копъ грошей, с пенезей податку серебъщизного, на сойме Городенъскомъ в року 68-мъ на люд пенежный ку обороне земъской уфаленого, до рук его милости князя воеводы Браславъскаго бирчымъ земли Волынъское отдати велелъ и у которомъ повете его милость взяти их похочеть, заплатити казалъ. Писанъ

в Люблине» 28 іюня 1569 года. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 46. Изъ этого документа видно, что гетманъ вѣдалъ и серебщизну, установленную сеймомъ на веденіе войны.

²⁾ См. выше, стр. 537 и сл. Подробно говорить о гетманскомъ урядѣ *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 411—415.

нія Ливоніи старосту Жомоитскаго и маршалка земскаго Княжества, Яна Еронимовича Ходкевича. 2-го августа 1566 года состоялось это назначеніе, и Ходкевичъ получилъ въ свои руки завѣдываніе Инфлянтами¹⁾. Въ грамотѣ²⁾, адресованной Волмерскому старостѣ, князю Александру Ивановичу Полубенскому, а также «всимвъ старостамъ и державцамъ замковъ арцыбискупства Рижскаго и всихъ иныхъ замковъ и державъ» королевскихъ «въ земли Лифлянтской и тежъ всимвъ ротмистромъ и ихъ товаришомъ ротъ ѣздныхъ и пѣшихъ, которые служатъ въ земли Лифлянтской», читаемъ приказаніе повиноваться Яну Ходкевичу. Власть его въ Инфлянтахъ хорошо обрисовывается слѣдующими словами короля, обращенными въ этой грамотѣ къ старостамъ, державцамъ и наемнымъ войскамъ Лифляндіи: «...и злѣтили есмо его милости (Ходкевичу) всю справу, моцъ и владность арцыбискупства Рижскаго и иные вси замки наши, и гетманство земли Лифлянтскоѣ, давши ему суполную моцъ арцыбискупствомъ Рижскимъ и всими замки нашими въ оной земли Лифлянтской, также и вами, людьми служебными, рядити и справовати, и неприятеlemъ границъ того панства съ добрымъ и пожиточнымъ нашимъ отпоръ чинити, и укривжонымъ подданнымъ справедливость дѣлати, и служебныхъ пріймовати въ службу и имъ приповѣдати, и всякіе рѣчи водлугъ зданья его милости справовати». Ходкевичъ будетъ и судить наемниковъ въ случаѣ жалобъ на нихъ со стороны мирныхъ жителей, онъ же будетъ и расплачиваться съ жолнерами, такъ какъ онъ отъ короля «науку достаточную маеть, откуль заплату теперешнего заслужоного» наемныхъ войскъ въ Лифляндіи «чинити будетъ». Такимъ образомъ Ходкевичъ получилъ всю полноту власти въ Ливоніи въ тѣхъ ея предѣлахъ, въ которыхъ можетъ имѣть ее лишь самъ король.

При такомъ высокомъ положеніи администраторъ и гетманъ Лифляндіи долженъ былъ имѣть и извѣстный внѣшній блескъ, который бы окружалъ его, какъ правителя страны. На свое «выхованье» Ходкевичъ получилъ въ Лифляндіи, замокъ Зейгволтъ³⁾, въ которомъ долженъ былъ имѣть свою резиденцію, если положеніе дѣлъ не требовало его присутствія въ другомъ мѣстѣ. Какъ правитель Ливоніи, онъ принимаетъ посольства, отправляемыя прямо къ нему⁴⁾. Ходкевичъ не былъ новичкомъ въ Ливоніи и былъ

1) М. К. Любавскій. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 749.

2) А. З. Р. III. № 40. 3) См. выше, стр. 632 и прим. 3.

4) Нпр., «instructio ad dominum castellanum Vilmensem a castellanis regiae majestatis Ultradunensis Ducatus, Gasparo a Minckhausen data, per eundem ca-

хорошо знакомъ съ войною въ ея предѣлахъ, когда получилъ свое назначеніе. Еще задолго до него онъ вмѣстѣ съ Чечерскимъ и Пропойскимъ старостою, паномъ Юріемъ Миколаевичемъ Зеновичемъ, былъ гетманомъ въ Инфлянтахъ, находясь тогда подъ командою гетмана наивысшаго ¹⁾). Конечно, и онъ уже зналъ Ливонію, да и его знали мѣстные войска, когда состоялось его назначеніе правителемъ Инфлянтъ. Военное положеніе, на которомъ находились Инфлянты, требовало соединенія военной власти съ гражданскою, какъ для болѣе удачной борьбы съ Москвою, такъ и для того, чтобы защищать мирныхъ жителей отъ насилій наемныхъ солдатъ. Ходкевичъ и долженъ былъ преслѣдовать обѣ эти цѣли. Не получая изъ скарба аккуратно слѣдуемыхъ на веденіе войны и оборону Лифляндіи денегъ, Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ «якъ на заплаченъ людемъ служебнымъ, такъ на опатренъ замковъ и на многие розные а пильные потребности военныя не малую суму властныхъ пенезей своихъ былъ выдалъ», рассказываютъ акты ²⁾). При этомъ приходилось ему и просить ротмистровъ выставлять на свой счетъ роты до уплаты изъ скарба ³⁾, и даже закладывать свои собственныя земли ⁴⁾, такъ какъ военные расходы не могли ожидать, пока скарбъ соберется съ силами и пришлетъ денегъ. Мы видѣли выше, въ какомъ отчаянномъ положеніи былъ Ходкевичъ въ 1574 и 1575 годахъ ⁵⁾, умоляя Корону помочь ему деньгами и войскомъ и требуя этого отъ нея потому, что она установила на Ливонію свое право рядомъ съ правомъ Литвы. Когда, утомленный всѣми дѣлами по управленію Ливоніей, Ходкевичъ сложилъ въ 1578 году съ себя администраторство и гетманство Инфлянтъ, преемникъ

---

stellanum Vilmensem r. majestati missa». Дата: «Rigae, 18 marcii anno 1577». Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Метрика Коронная. № XXI. Л. 52—53 об.

¹⁾ А. З. Р. III. №№ 26 (1559 г.), 27 (1560 г.). А. Ю. и З. Р. I. № 137. (1559 г.) и др.

²⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 10 об. О расходахъ Ходкевича въ Лифляндіи сохранилось въ Метрикѣ очень много упоминаній.

³⁾ Такъ, Ходкевичъ «для убезпеченья земли Ифлянтское ужилъ въ томъ» пана Сновскаго, «ижъ онъ» выставилъ бы на свой счетъ роту. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 53 об. См. выше, стр. 275.

⁴⁾ См., нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 46 об. ⁵⁾ См. выше, стр. 117 и сл.

ему не былъ назначенъ, и въ эту страну для командованія войсками былъ посланъ гетманъ польный Литовскій, Криштофъ Радивиль, который уже дѣйствовалъ тамъ «z wiadomością», гетмана наивысшаго, своего отца, Виленскаго воеводы Николая Радивиля ¹⁾. Такимъ образомъ администраторство и гетманство Лифляндіи, какъ особый врьдъ, прекратило свое существованіе въ 1578 году съ отказомъ отъ него Яна Ходкевича.

Познакомившись съ функціями и значеніемъ каждаго высшаго врьда великаго княжества Литовскаго, имѣвшаго своихъ представителей въ радѣ Литовской, обратимся теперь къ изученію самой рады, объединявшей въ себѣ всѣхъ этихъ высшихъ врьдниковъ, засѣдавшихъ въ ея «лавицѣ». Но прежде чѣмъ приступить къ обзору дѣятельности пановъ радѣ Литовскихъ, какъ таковыхъ, присмотримся сначала къ личному составу сената великаго княжества Литовскаго. Сдѣлать это необходимо по нѣсколькимъ причинамъ. Уже замѣчено, что въ Речи Посполитой Польско-Литовской все дѣлалось отдѣльными лицами, а не учрежденіями ²⁾, и нельзя въ значительной степени не признать этого замѣчанія Польскаго историка справедливымъ по отношенію къ жизни великаго княжества Литовскаго. Лица, сильныя своимъ вліяніемъ, высоко держали свое чело, смѣло и гордо смотря какъ на самого короля, такъ и на обывателей Литовскихъ. Въ сношеніяхъ короля съ его радными панами проглядываетъ ясно различное отношеніе къ отдѣльнымъ лицамъ въ зависимости отъ авторитета и степени вліятельности ихъ. Не званіе раднаго пана, общее имъ всѣмъ, а личность и родъ лица—основаніе для этого. Съ другой стороны, аристократизмъ Литвы—общее мѣсто, принятое и высказываемое, уже какъ несомнѣнная черта порядка Литовской государственной жизни. Провѣрить это на такомъ фактѣ, какъ составъ рады, особенно интересно. Наконецъ, наблюденіе надъ составомъ Литовскаго сената должно ввести насъ въ кругъ взаимныхъ отношеній его членовъ, которыя такъ часто бывали главною пружиною, приводившею къ движенію въ томъ или другомъ направленіи всю Литовскую раду со всѣмъ ея значеніемъ для государства.

Въ составъ Литовской рады въ ея свѣтской части за время съ 1569 по 1586 годы входили слѣдующія фамиліи: Война, Вол-

¹⁾ Biblioteka Ordynacyi Krasiniskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. Tom piąty i szósty. № 53. См. выше, стр. 440.

²⁾ *J. Szujski. Dzieie Polski. T. II. Str. 207. T. III. Str. 9.*

минскій, Воловичъ, Гайко, Гарабурда, Глѣбовичъ, Горностаѣ, Довойна, Дорогостайскій, кн. Збаражскій, Зеновевичъ, Кишка, Кмита, Нарушевичъ, Остикъ, Паць, кн. Полубенскій, кн. Радивиль, Сапега, Сновскій, кн. Соломерецкій, Талвошъ, Тризна, Тишкевичъ, Ходкевичъ и Шеметь. Первое, что обращаетъ на себя вниманіе при разсмотрѣніи этого списка фамилій—небольшое ихъ число. Въ самомъ дѣлѣ ихъ всего 26. Между тѣмъ, лицами, носившими ихъ, занимались 10 воеводскихъ вѣдъ, столько же каштелянскихъ ¹⁾ и 6 министерскихъ ²⁾. При этомъ въ изслѣдуемый періодъ времени только два ³⁾ изъ этихъ урядовъ были заняты одними и тѣми же лицами всѣ 17 лѣтъ, имъ охватываемыя. Большинство вѣдъ (16) за эти годы имѣли по два лица, ихъ занимавшихъ ⁴⁾, шесть имѣли по три своихъ представителя ⁵⁾,

¹⁾ Воеводства и каштелянства Виленскія, Троцкія, Жомойтскія, Смоленскія, Полоцкія, Новгородскія, Витебскія, Берестейскія, Мстиславскія и Минскія.

²⁾ Гетманъ наивысшій, канцлеръ, подканцлеръ, маршалокъ земскій, маршалокъ дворный и земскій подскарбій.

³⁾ Воеводство Троцкое держалъ кн. Стефанъ Андреевичъ Збаражскій (1566—1586), воеводство Витебское—Станиславъ Николаевичъ Паць (1566—1588).

⁴⁾ Воеводства: Виленское—Николай Юрьевичъ Радивиль (1566—1584), его сынъ Криштофъ Радивиль (1584—1603); Жомойтское (староство)—Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ (1563—1579), Янъ Станиславовичъ Кишка (1579—1589); Полоцкое—Станиславъ Станиславовичъ Довойна (1542—1563—1573), Николай Николаевичъ Дорогостайскій (1576—1597); Новгородское—Павелъ Ивановичъ Сапега (1558—1579), Николай Николаевичъ Радивиль (1579—1589); Берестейское—Юрій Васильевичъ Тишкевичъ (1566—1576), Гавріиль Ивановичъ Горностаѣ (1576—1588); Мстиславское—Юрій Юрьевичъ Остикъ (1566—1578), Павелъ Николаевичъ Паць (1578—1593); Минское—Гавріиль Ивановичъ Горностаѣ (1566—1576), Николай Павловичъ Сапега (1576—1588). Каштелянства: Жомойтское — Мальхеръ Станиславовичъ Шеметь (1566—1570), Николай Станиславовичъ Талвошъ (1570—1588); Полоцкое—Юрій Николаевичъ Зеновевичъ (1566—1579), Янъ Волминскій (1579—1588); Новгородское—Григорій Гринковичъ Воловичъ (1566—1585), кн. Александръ Ивановичъ Полубенскій (1586—1607); Витебское—Павелъ Николаевичъ Паць (1566—1578), Мальхеръ Жигмунтовичъ Сновскій (1578—1587); Мстиславское—кн. Иванъ Васильевичъ Соломерецкій, панъ Гричунъ Война. Канцлерство—Николай Юрьевичъ Радивиль (—1579), Евстафій Богдановичъ Воловичъ (1579—1587). Маршалковство земское—Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ (1566—1579), Николай Криштофъ Радивиль (1579—1586). Маршалковство дворное—Николай Криштофъ Радивиль (1569—1579), Войтехъ Радивиль (1579—1586). Гетманство наивысшее—Григорій Александровичъ Ходкевичъ (1566—1572), Николай Юрьевичъ Радивиль (1576—1586).

⁵⁾ Каштелянства: Виленское — Григорій Александровичъ Ходкевичъ (1564—1572), Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ (1574—1579), Евстафій Богдановичъ Воловичъ (1579—1587); Троцкое — Евстафій Богдановичъ Воловичъ

одинъ врядъ имѣлъ четырехъ ¹⁾ и одинъ - пять ²⁾. Общее число Литовскихъ сенаторовъ было 26. Но это не значитъ, что число лицъ, составлявшихъ Литовскую раду равнялось постоянно 26-ти. За изслѣдуемый періодъ времени оно никогда не равнялось числу сенаторскихъ вѣдъ, а было значительно меньше, такъ какъ одни и тѣ же сенаторы занимали по нѣскольку урядовъ. Такъ, Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ совмѣщалъ три сенаторскихъ уряда — Виленское кашталянство, Жомойтское староство и земское маршалковство, Николай Юрьевичъ Радивилъ совмѣщалъ также три — Виленское воеводство, канцлерство Литовское и наивысшее гетманство, Евстафій Воловичъ, Янъ Глѣбовичъ и другіе тоже соединяли въ своихъ рукахъ по нѣскольку сенаторскихъ урядовъ. Это, конечно, съ одной стороны, усиливало значеніе отдѣльныхъ Литовскихъ сенаторовъ, но за то значительно уменьшало число ихъ сравнительно съ сенаторами Короны. Отдѣльныя фамиліи, къ которымъ принадлежали за изслѣдуемый періодъ времени сенаторы Княжества, дали Литовской радѣ далеко не одинаковое число своихъ представителей. Радивиловъ ³⁾, встрѣчаемъ пять въ списокѣ пановъ-радѣ Литовскихъ изучаемой эпохи Пацовъ ⁴⁾ и Сапегъ ⁵⁾—по четыре, Воловичей ⁶⁾—трехъ, Ходкеви-

(1569—1579), Криштофъ Радивилъ (1579—1584), Янъ Яновичъ Глѣбовичъ (1585—1586); Берестейское—Янъ Николаевичъ Гайко (1566—1580), Богданъ Павловичъ Сапега (1580—1585), Криштофъ Юрьевичъ Зеновичъ (1585—1588); Минское—Николай Станиславовичъ Тальвошъ (1566—1570), Янъ Яновичъ Глѣбовичъ (1571—1585), Михаилъ Богдановичъ Гарабурда (1585—1586). Подканцлерство—Евстафій Богдановичъ Воловичъ (1566—1579), Криштофъ Радивилъ (1579—1584), Левъ Ивановичъ Сапега (1585—1589). Земское подскарбство—Николай Павловичъ Нарушевичъ (1566—1575), Лавринъ Война (1576—1580), Янъ Яновичъ Глѣбовичъ (—1586).

¹⁾ Воеводство Смоленское—Василій Тишкевичъ (1569—1571), Григорій Богдановичъ Воловичъ (1572—1577), Юрій Юрьевичъ Остикъ (—1579), Филонъ Семеновичъ Кмита (1579—1587).

²⁾ Кашталянство Смоленское—Григорій Іосифовичъ Тризна (1569—1571) Доминикъ Николаевичъ Паць (1571—1579), Юрій Николаевичъ Зеновичъ (1579—1583), Николай Николаевичъ Паць (1583—1585), Богданъ Павловичъ Сапега (1585—1586).

³⁾ Николай Юрьевичъ, Криштофъ, Николай Криштофъ, Николай Николаевичъ и Войтехъ.

⁴⁾ Павелъ Николаевичъ, Станиславъ Николаевичъ, Доминикъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ.

⁵⁾ Павелъ Ивановичъ, Николай Павловичъ, Богданъ Павловичъ, Левъ Ивановичъ.

⁶⁾ Евстафій Богдановичъ, Григорій Богдановичъ, Григорій Гринковичъ.

чей ¹⁾, Зеновевичей ²⁾ Войнь ³⁾ и Тишкевичей ⁴⁾—по два, представителей остальных 18-ти фамилий—по одному.

Въ числѣ этихъ фамилій были представители старинныхъ панскихъ и княжескихъ фамилій Литвы (напр., Радивилы, Остики, кн. Збаражскій), но были и *homines novi* въ радѣ Княжества, какъ напримѣръ, Филонъ Кмита, или Михаилъ Гарабурда. Само собою разумѣется, что эти члены сената Литовскаго очень отличались своимъ богатствомъ и матеріальною обеспеченностью, также какъ и образованіемъ. Въ рукахъ однихъ находились обширныя родовыя вотчины; другіе не могли равняться съ первыми своимъ матеріальнымъ положеніемъ. Мы не можемъ представить въ цифрахъ это различіе въ экономическомъ положеніи отдѣльныхъ сенаторовъ, но, конечно, оно должно было быть очень значительнымъ. Самые староства, державы и юргельты, получаемые сенаторами, для большей части ихъ являлись необходимыми, ибо едва ли бы могли они жить на свои частныя средства при требованіи извѣстнаго блеска обстановки жизни сенатора, а также при частыхъ поѣздкахъ къ королю и на съѣзды по надобностямъ своего сенаторскаго уряда. По образованію сенаторы также должны были различаться. Одни изъ нихъ получали европейское образованіе въ университетахъ Запада, другіе приобрѣтали свѣдѣнія не столько школьнымъ путемъ, сколько путемъ жизненнаго опыта. Рядомъ съ Радивилами, получившими образованіе за границей, сидѣлъ въ лавицѣ радѣ Литовскихъ Левъ Сапега, который вмѣсто заграничной поѣздки и продолженія образованія поступилъ еще въ юности въ дворянскую службу ⁵⁾.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію того пути, который проходили Литовско-Русскія должностныя лица, прежде чѣмъ войти въ тяжелыя двери сената и занять мѣсто на его «лавицѣ». Само собою разумѣется, что путь этотъ былъ далеко не одинаково продолжителенъ для потомка могущественной своимъ историческимъ именемъ, матеріальнымъ положеніемъ и высокимъ значеніемъ въ государствѣ фамилии и для лица, пробивающаго себѣ дорогу къ высшимъ государственнымъ должностямъ изъ незнатнаго рода лишь своею личною энергіею и даро-

¹⁾ Григорій Александровичъ и Янъ Еронимовичъ.

²⁾ Юрій Николаевичъ, Криштофъ Юрьевичъ.

³⁾ Гричунъ и Лавринъ.

⁴⁾ Юрій Васильевичъ и Василій.

⁵⁾ См. *Archiwum Domus Sapiehanae*. Т. I. № 4.

ваніями. Люди знатнаго рода и люди личной заслуги и милости короля—вотъ двѣ категоріи, на которыя дѣлились паны-рады великаго Литовскаго княжества. Не слѣдуетъ, конечно, думать, что личная заслуга и дарованіе были чужды лицамъ первой категоріи. Достаточно вспомнить одного Яна Еронимовича Ходкевича и его заслуги предъ государствомъ въ Инфлянтахъ, и еще большія заслуги въ дѣлѣ отстаиванія правъ Литвы противъ притязаній Польши ¹⁾.

Подыскалось и своего рода теоретическое основаніе для преимуществъ въ дѣлѣ предоставленія высшихъ государственныхъ должностей членамъ знатныхъ фамилій. Происхожденіе изъ знатнаго рода по понятіямъ, существовавшимъ въ Литвѣ въ XVI вѣкѣ имѣетъ значеніе не только потому, что даетъ блескъ славнаго имени, прославленнаго и возвеличеннаго предками, принесшими славу и пользу отчизнѣ, но и потому, что годность къ службѣ, способности передаются отъ предковъ къ потомкамъ. Григорій Ходкевичъ рѣшился передать своимъ сыновьямъ Александру и Андрею — первому староство Городенское, а второму (подстолю великаго княжества Литовскаго)—Могилевское, но не успѣлъ вполнѣ при жизни своей сдѣлать этого, и стрый его Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ ходатайствовалъ передъ королемъ Генрихомъ о королевскомъ подтвержденіи этой передачи, сдѣланной «небощикомъ» паномъ Виленскимъ, гетманомъ наивысшимъ. Король исполняетъ эту просьбу, которая отчасти ²⁾ уже была раньше вознесена къ его предшественнику Сигизмунду Августу, но которой послѣдній не успѣлъ вполнѣ исполнить, застигнутый смертью, — подтвержденіе короля Сигизмунда «пана подскарбего не дошло». Въ листѣ королевскомъ мотивами для исполненія просьбы этой королемъ является прежде всего «ласкавое баченье» Генриха на «значьные а высокіе заслуги» родичей Ходкевичей, Яна Еронимовича, ходатайствующаго передъ королемъ, но особенно «недавно зешлого» пана Григорія Ходкевича, исполненіемъ желанія котораго и является королевское подтвержденіе. Грамота говоритъ, что король даетъ свое подтвержденіе на передачу староства,

¹⁾ См. первую главу. Характеристику Яна Еронимовича Ходкевича см. у *А. С. Трачевскаго*. Польское безкоролевье по прекращенію династіи Ягеллоновъ. М. 1869. Стр. 111 и сл. Дословная выписка этой характеристики у *И. А. Чистовича*. Очеркъ исторіи Западно-Русской церкви. Ч. I. СПб. 1882. Стр. 70—71.

²⁾ О Могилевскомъ староствѣ.

заслуги его «в доброй ведомости маючы и ихъ ласкаве поважаючы а потомство его милости до таковыхъ же справъ и поступковъ годное быти розумеючи и ласку» свою королевскую «надъ ними указуючы»¹⁾. Ясное дѣло, что при такомъ взглядѣ карьера членовъ знатныхъ фамилій упрощалась чрезвычайно. Вниманіе верховной власти къ службамъ и высокому значенію отцовъ и родственниковъ замѣняло для нихъ долгіе годы дѣятельности и личныя заслуги. Такъ, когда Александръ Ходкевичъ, староста Городенскій, командовавшій жолнерами въ землѣ Инфлянтской уѣхалъ изъ Инфлянтъ по болѣзни и такимъ образомъ долженъ былъ оставить отправление своихъ обязанностей, Стефанъ Баторій назначаетъ на его мѣсто Криштофа Радивиля, Литовскаго подчашія, сына Николая Радивиля, воеводы Виленскаго. Король извѣщаетъ объ этомъ изъ Львова 31 іюня 1578 года Виленскаго воеводу²⁾: сынъ въ качествѣ польнаго гетмана, такимъ образомъ, становится подъ ближайшее начальство своего отца, бывшаго великимъ Литовскимъ гетманомъ. Такъ упрощалась служба для Радивиля. Тотъ же Криштофъ Радивиль въ 1579 году сдѣлался каштеляномъ Троцкимъ и подканцлеромъ, а въ 1584 году былъ уже Виленскимъ воеводою, сдѣлавшись непосредственнымъ преемникомъ ни этомъ врандѣ своего отца. Съ 1589 года онъ былъ и гетманомъ великимъ.

Путь, который проходили лица, не имѣвшія счастливой случайности родиться въ знатной семьѣ, былъ гораздо сложнѣе. Возьмемъ для примѣра хотя бы пана Филона Семеновича Кмиту, получившаго въ 1579 году воеводство Смоленское, въ случаѣ его возвращенія въ составъ территоріи великаго княжества Литовскаго³⁾. Филонъ Кмита⁴⁾ былъ сыномъ дворянина королевскаго, пана Семена Кмиты. Сдѣлавшись королевскимъ ротмистромъ онъ несъ «уставичныя послуги» государевы и земскія военныя, «преложонныя» на него королемъ и гетманами. По словамъ привилея онъ «отъ немалого часу на послугахъ» государевыхъ и земскихъ «и

1) Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 110—на Могилевъ; *ibidem*, л. 108, 108 об.—на Городно.

2) Biblioteka Ordynacyi Krasin'skich. Muzeum Konst. Świdzińskiego. Tom piąty i szósty. Warszawa. 1881. № 53. См. выше, стр. 440.

3) *J. Wolff*. Sen. i dign. Str. 52.

4) Свѣдѣнія о немъ—въ привилеѣ, данномъ пану Филону Кмитѣ на Чернобыльское имѣніе. Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 4 об.—5. См. выше, стр. 431.

въ немалыхъ битвахъ бываючи, противъ неприятеля» королевскаго, «не жалуючи горла и розлитя крови своее, мужне ся, яко правому рыцеру належыть, заставляял». Филонъ Кмита заслужилъ «ласку» короля и «добре ся» королю «подобал». Отдавшись всецѣло исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, онъ даже не имѣлъ возможности и времени заниматься своими частными дѣлами. Результатомъ этого было полное разстройство его Подольскихъ имѣній. Его имѣнія Летино, Полтевичъ, Солаши и дворъ Веницкій со всѣми людьми, принадлежавшими ему на этихъ земляхъ, терпятъ, «яко отъ безвестного уторгненья Татарскаго тамъ в тые краины (наши) пограничныя, такъ же отъ кривдъ, и шкод, которые ся ему и тымъ именьямъ его зъ стороны короны Полское обывателей, на остатокъ и отъ враду (нашого) Веницкаго деють, боронити не можетъ». Не видя выхода изъ этихъ затрудненій, Филонъ Кмита обращается къ королю Сигизмунду Августу съ просьбою взять его имѣнія на государя, а ему взаимѣнь ихъ дать другое какое-нибудь имѣніе. Король исполнилъ эту просьбу. Былъ посланъ дворянинъ королевскій Василій Мацкевичъ для составленія «реестра», описи этихъ имѣній со всѣми ихъ землями, населеніемъ и доходами. Реестръ этотъ поступилъ въ земскій скарбъ и по нему были взяты Подольскія имѣнія Кмиты «до рукъ и до столу (нашого) господарьскаго», а ему 29 марта 1566 года былъ данъ «отъменною» замокъ государевъ Чернобыли, находящійся въ землѣ Кіевской, съ мѣстомъ и со всѣмъ, что къ нему принадлежит¹⁾. Съ тѣхъ поръ и къ фамиліи Кмиты стало присоединяться иногда прилагательное «Чернобыльскій»²⁾. Пожалованіе замкомъ Чернобыльскимъ было какъ нельзя болѣе кстати для храбраго, опытнаго въ военномъ дѣлѣ и расторопнаго ротмистра. Онъ былъ въ числѣ «украинныхъ», и охрана его Кмитой была въ то же время и охраною государства³⁾. Что касается до службы и дѣятельности Филона Кмиты, заслужившей признаніе королевской грамоты, то о ней сохранился цѣлый рядъ указаній источни-

¹⁾ См. выше, стр. 431, 432.

²⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 1 об.

³⁾ Державца Чернобыльскій находится въ спискѣ старость и державцевъ украинныхъ замковъ, которымъ, на примѣръ, были посланы 27 марта 1563 года листы отъ пановъ-радъ Литовскихъ, «ознаймуючи имъ, ижъ з бояры Московскими миръ взятъ ихъ милость рачили до Всенья Пречисто Богородицы».

Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 1 об.

жовъ. То онъ, командуя отрядомъ, посылаетъ своихъ служебниковъ подъ Московскій замокъ (Путивль), которые захватываютъ «взяна ранного», раненаго плѣннаго ¹⁾, то одерживаетъ побѣду надъ «людьми Московскими» подъ Стародубомъ и беретъ въ плѣнъ Московскаго воеводу, князя Василя Ивановича Томкина ²⁾, то одерживаетъ другія побѣды и совершаетъ другіе подвиги ³⁾, иногда рассчитываясь со своимъ отрядомъ собственными даже своими деньгами и ожидая затѣмъ ихъ возвращенія изъ земскаго скарба. Назначенный Оршанскимъ старостою ⁴⁾, Филонъ Кмита обнаруживаетъ и другую сторону своихъ способностей. Положеніе Оршанскаго старосты было чрезвычайно серьезнымъ по тѣмъ исключительнымъ обязанностямъ, которыя онъ несъ. Находясь на Московской границѣ, онъ долженъ былъ не только принимать въ своемъ административномъ округѣ Московскихъ и Литовскихъ пословъ, но и собирать свѣдѣнія обо всемъ происходившемъ въ Московскомъ государствѣ, что имѣло какое-либо значеніе и хотя какой-нибудь интересъ для Литвы и ея правительства. Развѣдочная служба была важною стороною дѣятельности его вряда, и нужно признать, что Филонъ Кмита умѣлъ ее нести. Цѣлый рядъ листовъ его, адресованныхъ къ королю, Литовской радѣ и отдѣльнымъ сенаторамъ Литовскимъ ⁵⁾, листовъ, богатыхъ содержаніемъ,—

¹⁾ Вил. Арх. Сб. I. № 39. (1562 г.).

²⁾ Вил. Арх. Сб. IV. № 5 (1562 г.).

³⁾ См. о немъ, нпр., Вил. Арх. Сб. I, №№ 51, 52, 53, 55, Вил. Арх. Сб. IV, №№ 31, 60, 61, 62, 64, 65, 67, 72, 75.

⁴⁾ 1 іюня 1567 года онъ уже былъ Оршанскимъ старостою (Вил. Арх. Сб. IV. № 65), а 2 апрѣля 1566 года еще не имѣлъ этого уряда (*ibidem*, № 64).

⁵⁾ Źródła do dziejów Polskich, wydawane przez *Mikołaja Malinowskiego* i *Alexandra Przędzińskiego*. Tom drugi. Wydanie Adama Zawadzkiego. Wilno. 1844. Str. 243 et sq. О значеніи Оршанскаго старосты, какъ врядника, черезъ котораго шли сношенія съ Москвою, говоритъ также «отпись першій до пана Михаила Гарабурды, писара etc., в поселстве до Москвы посланого, который се вернулъ от границ до Орши». Въ немъ читаемъ: «Жикгимонт Авъгустъ etc.—Писару нашому, державцы Свислоцкому, пану Михаилу Гарабуръде. Даны намъ суть листы одинъ от тебе, а другій от старосты Оршаньскаго пана Филона Кмиты Чернобыльскаго, до насъ господара писаные, с которыхъ достаточне есмо вырозумели, зъ якихъ причинъ мусель еси назад верънутися отъ границ и зостати у Орши, што ся стало з писаня воеводы Смоленскаго до пана Филона, бы ся въ Орши позадержалъ, вымову незвыклую выписуючи неготовостью корму и подводъ за неданьемъ ему первей приеханя твоего тамъ до Орши от пана Филона знати, што до господара его ты, посланникъ нашъ едешъ, а к тому яко бы для поветрия, которое у Смоленску

доказательство этого. Не даромъ, такимъ образомъ, получилъ этотъ дѣятель великаго княжества Литовскаго мѣсто въ королевской радѣ, бывшее наградою за его полную труда и таланта предшествующую дѣятельность. Новые военные подвиги въ Московской войнѣ, особенно подъ Смоленскомъ, побудили, наконецъ, Стефана Баторія 13 октября 1579 года принять его «в лавицу радѣ» своихъ и дать ему воеводство Смоленское ¹⁾. Говоря о заслугахъ Кмиты, королевскій привилей, однако, не забываетъ упомянуть о томъ, что король дѣлаетъ свои пожалованія, «вземъши ведомость о зацности дому старожитъного пана Филона Кмиты Чорънобыльскаго, старосты Оршанъскаго», и о его заслугахъ и заслугахъ его предковъ передъ королемъ и государствомъ, подчеркивая такимъ образомъ «старожитность» фамилии Кмитъ, хотя она и лишена была ореола знатности—отецъ Филона, Семень Кмита, былъ простымъ дворяниномъ, и члены этой фамилии совсемъ не занимали высшихъ урядовъ до Филона Семеновича. Привилей Баторія далѣе говоритъ, что король хочетъ заслуги Филона Кмиты, старосты Оршанскаго, «баченъемъ» своимъ «королевскимъ нагородити, а *въ дому* и на особе его таковыя цные поступки и sprawy его оздобити». Такимъ образомъ цѣлый родъ возвышается, и фамилія Кмита на будущее время уже будетъ звучать рядомъ съ именами знатныхъ родовъ Литовскихъ. Самая награда, воеводство Смоленское, наводитъ на мысли о томъ, что Кмита все-таки не являлся совершенно равнымъ въ глазахъ короля съ Радивилами, Ходкевичами, Глѣбовичами и другими фамиліями, стоявшими на челѣ Литовскаго народа. Получивъ мѣсто въ радѣ королевской, онъ «владность», sprawy и «пожитки», которые принадлежали прежнимъ Смоленскимъ воеводамъ, получитъ лишь тогда, «кгда Панъ Богъ щастъливе sprawy речи посподитое поведечи, Смоленскъ ку великому князству Литовъскому привернетъ». Радивиль, или Ходкевичъ не получилъ бы такого назначенія.

славят, тобе до князя великаго ехати нельза и очей его долъго не видети. Ведже обещуетъ воевода Смоленъскій на листе своемъ, взявши науку от господара своего, ознаймити, на которіе местца кажетъ тобе до себе ити...» Далѣе грамота говоритъ, что Смоленскій Московскій воевода напишетъ Филону Кмитѣ о томъ, позволяетъ ли его государь ѣхать Гарабурдѣ въ

Москву. Дата документа: Варшава, 28 октября 1571 года. Лит. Метр. ^{І А} $\frac{56}{56}$ л. 1 об., 2.

¹⁾ Описаніе Рукоп. Отд. Виленской Публ. Библ. Вып. III. Вильна 1898. № 38 (стр. 87). Ср. также *ibidem*, стр. 17, 189.

Литовскій сенатъ, какъ мы видѣли выше, дѣлился въ своемъ личномъ составѣ на двѣ категоріи сенаторовъ по ихъ происхожденію: 1) члены знатныхъ фамилій и 2) члены фамилій, не отличавшихся своею знатностью. Изъ 26-ти фамилій, которыя встрѣчаются въ Литовскомъ сенатѣ за время съ Люблинской Уніи до окончанія царствованія Стефана Баторія, шесть только однажды, именно въ изучаемый періодъ времени, имѣли своего представителя въ Литовской радѣ. Эти фамиліи—Волминскій, Гайко, Гарабурда, Довойна, Кмита и Сновскій. Такимъ образомъ, лишь 25 процентовъ сенаторовъ были людьми новыми, 75 же процентовъ ихъ были членами фамилій, болѣе или менѣе прочно усѣвшихся въ лавицѣ радѣ королевскихъ, имѣя тамъ своихъ членовъ въ различныя времена существованія Княжества. Если мы развернемъ списокъ воеводъ Виленскихъ въ XVI вѣкѣ, то сразу бросится въ глаза малочисленность фамилій, представители которыхъ занимали этотъ первый въ ряду свѣтскихъ Литовскихъ сенаторовъ урядъ. Въ самомъ дѣлѣ всего три фамиліи встрѣчаются на этомъ вридѣ за цѣлое столѣтіе ¹⁾: Радивилъ Гаштольдъ и Глѣбовичъ. Притомъ пять Радивиловъ и по одному Гаштольду и Глѣбовичу. На Виленской кашталяннѣ за то же время встрѣчаются девять фамилій: кн. Ольшанскій, кн. Острожскій, Кезгайло, Радивилъ, Остикъ, Ходкевичъ, Воловичъ, Кишка и Пацъ ²⁾. Воеводство Троцкое за цѣлое XVI столѣтіе было подъ управленіемъ воеводъ изъ слѣдующихъ восьми фамилій ³⁾: Забрзинскій, Радивилъ, Остикъ, Гаштольдъ, кн. Острожскій, кн. Гольшанско-Дубровицкій, кн. Збаражскій и Глѣбовичъ. Троцкая кашталяннѣ ⁴⁾ за то же время была въ рукахъ девяти фамилій: Кезгайло, Радивилъ, Кишка, Ходкевичъ, кн. Збаражскій, Воловичъ, Глѣбовичъ, кн. Пронскій и Тальвошъ. Посмотримъ еще списки старостъ Жмудскихъ за то же время, и тогда мы будемъ знать имена всѣхъ фамилій, занимавшихъ за цѣлое XVI столѣтіе всѣ старшіе свѣтскіе вриды Литовскаго сената. Старостами Жомоитскими въ XVI столѣтіи были лица изъ слѣдующихъ фамилій: Кезгайло, Кишка, Радивилъ, Яновичъ, Билевичъ, Ходкевичъ ⁵⁾.

Какъ всякое учрежденіе, состоящее изъ довольно значительнаго числа лицъ, Литовская рада разбивалась на нѣсколько партій. Во главѣ ихъ стояли наиболѣе видныя вельможи. Нѣтъ сомнѣнія,

¹⁾ *J. Wolff. Sen. i dign. Str. 72—73.*

²⁾ *Ibidem. Str. 78—80.*   ³⁾ *Ibidem. Str. 57—59.*

⁴⁾ *Ibidem. Str. 63—65.*   ⁵⁾ *Ibidem. Str. 91—93.*

что личные отношенія и матеріальные интересы во многом мѣшали отдѣльнымъ Литовскимъ сенаторамъ дѣйствовать самостоятельно и въ интересахъ государства исключительно. Но съ другой стороны невозможно и совершенно отрицать идеальной подкладки весьма многихъ поступковъ и дѣйствій пановъ-радъ великаго княжества Литовскаго. Какою, на примѣръ, искреннею любовью къ отчизнѣ звучатъ письма различныхъ дѣятелей къ Виленскому воеводѣ князю Николаю Радивилу по поводу роковыхъ событій 1569 года ¹⁾! Ходкевичъ и Нарушевичъ являются корреспондентами князя на Дубинкахъ и Биржахъ, и ихъ письма, сохраненныя для потомства Несвижскимъ архивомъ, прекрасно характеризуютъ эту идеальную связь, дававшую единство мнѣніямъ и дѣйствіямъ отдѣльныхъ радныхъ пановъ, каковы бы ни были ихъ личные отношенія. За то въ другихъ случаяхъ нельзя не подмѣтить группировки членовъ сената по партіямъ, во главѣ которыхъ стояли особенно вліятельные и крупные паны-рады. Невольно подмѣчается особая личная связь отдѣльныхъ болѣе сильныхъ сенаторовъ съ сенаторами менѣе сильными, которые идутъ за голосами первыхъ, поддерживая ихъ не столько по внутреннему убѣжденію, сколько по мотивамъ личнаго и матеріальнаго свойства. Не будемъ забывать, что въ числѣ пановъ-радъ были такія лица, которыя достигли своего положенія послѣ долгой службы въ дворянахъ, ротмистрахъ, писаряхъ, господарскихъ маршалкахъ, или въ качествѣ другихъ врядниковъ дворныхъ, или земскихъ. При прохожденіи своей службы они пользовались покровительствомъ и ходатайствами отдѣльныхъ сенаторовъ передъ верховною властью. Ясно, что, обязанные имъ въ предшествующемъ своемъ служебномъ поприщѣ и гораздо ниже ихъ стоявшіе прежде, они сохраняли извѣстный пietetъ къ нимъ, усѣвшись на лавицу радъ рядомъ съ ними. Филонъ Кмита долженъ былъ искать поддержки и ходатайства радныхъ пановъ. Обращаясь къ Евстафію Воловичу, онъ пишетъ ему изъ Орши 5 декабря 1573 года: «а про тожъ прошу покорне пана своего милостивого, абымъ могъ за милостивымъ призволеніемъ вашей милости пановъ-радъ для пильныхъ долеглостей моихъ, зъ сего краю староства моего до его кролевской милости, пана намъ пришлого, зъѣхать, а за милостивыми причинами вашей панской милости опатреніемъ которымъ государскимъ упадлость мою поратовать такъ, якъ того

¹⁾ Вил. Арх. Сб. VII. №№ 21—28.

зъ самое милостивое жычливости вашей милости государя моего рада и наука мнѣ есть и яко заслужоное въ скарбѣ, такъ и селка тые подъ Овручемъ, которыемъ вже зъ милостивого розсудку вашей милости пановъ-радъ и правомъ перевель, жебыхъ вже всего того skutкомъ дойти могъ. Якожъ милостивый государю, пане Троцкій, въ надѣю милостивой ласки вашей милости, государя моего, при семъ листѣ моемъ посылаю ку вашей панской милости мамранъ. Вашей милости государю моему вѣдѣть, яко о таковыхъ повинахъ, такъ и около того зѣхана моего писати до ихъ милости пановъ-радъ Корунныхъ. Ваша милость, мой милостивый государь, ведле милостивого а наибольшого баченья вашей милости панского, рачъ розказать зъ милостивое ласки своее до ихъ мости тотъ листокъ отъ мене, слуги вашей милости, писару вашей панской милости справить, а я за такову милостивую ласку вашей милости пана, государя моего, Пана Бога просечи за счасливое панованіе вашей милости, вѣчне службами моими заслуговать повиненъ буду. Съ тѣмъ жычечи вашей панской вельможности, моему милостивому пану, въ ласцѣ Божей при добромъ здровью»¹⁾. Въ такомъ тонѣ пишетъ будущій воевода Смоленскій Евстафію Воловичу, бывшему въ то время Троцкимъ кашталяномъ, подканцлеромъ великаго княжества Литовскаго и старостою Берестейскимъ и Кобринскимъ²⁾, рядомъ съ которымъ онъ сѣлъ въ Литовскомъ сенатѣ въ 1579 году.

Переписка Ходкевича, Радивиловъ, Сапегъ, сохранившаяся и изданная³⁾, даетъ возможность представить себѣ тѣ личныя отношенія, которыя существовали между отдѣльными панами-радами. Какъ старательно, напимѣръ, сообщаетъ⁴⁾ Левъ Сапега, стоя

1) Źródła do dz. P. wydawane przez *M. Malinowskiego* i *A. Przegdzieskiego*. Tom drugi. Str. 245—246. Документъ напечатанъ латиницею. Мы привели его, замѣнивъ Польскія буквы Русскими, которыми писалъ Филонъ Кмита, но правописанія подлинника возстановить не было возможности, такъ какъ передача его латиницею издателями не позволила этого сдѣлать.

2) Упомянутый очень много. Нпр., Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 89.

3) *Scriptores rerum Polonicarum. Tomus VIII. Continet Epistolas ex archivo domus Radziwillianae depromptas. Cracoviae. 1885. Archiwum Domus Sapiehanae. Tomus I. Continet codicem epistolarum 1575—1606.* Вил. Арх. Сборникъ. Т. VII. Письма Литовскихъ сенаторовъ, кромѣ того, разбросаны и по другимъ томамъ различныхъ изданій (другіе томы Вил. Арх. Сб., А. Н. Р. Г. Р. ill XI и т. д.).

4) Нпр., Arch. D. Sap. T. I. №№ 14, 15 и др.

во главѣ Литовской канцеляріи, всѣ новости Криштофу Радивилу! Янъ Глѣбовичъ пишетъ къ Яну Ходкевичу, исполняя посольство Княжества къ избранному безъ участія Литовцевъ Баторію ¹⁾. Въ эпоху, когда былъ еще живъ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, онъ и Виленскій воевода Николай Радивиль были самыми авторитетными членами Литовскаго сената, около которыхъ группировались остальные. Мы видѣли выше переписку этихъ двухъ сильнѣйшихъ Литовскихъ сенаторовъ, когда излагали событія 1569 года ²⁾.

Конечно, при раздѣленіи сенаторовъ на группы-партіи, приходится считаться съ ихъ родствомъ, которое соединяло отдѣльныхъ пановъ-радъ Литовскихъ между собою, а также иногда ихъ и съ сенаторами Коронными. Такъ, Подольскій воевода Николай Мелецкій былъ женатъ на Радивилянкѣ Елизаветѣ ³⁾, Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ ⁴⁾ былъ въ свойствѣ со Зборовскими, Янъ Станиславовичъ Кишка ⁵⁾ былъ женатъ на княжнѣ Острожской, Станиславъ Андреевичъ Довойна ⁶⁾ былъ женатъ на Радивилянкѣ и т. д.

Кромѣ родства, большей сплоченности отдѣльныхъ сенаторовъ способствовала, конечно, принадлежность къ одной и той же религіи. Если, какъ мы уже видѣли, въ Княжествѣ и существовала полная взаимная религіозная терпимость въ эту эпоху ⁷⁾, то все-таки нельзя не признавать принадлежности къ одной и той же религіи связью, соединявшею отдѣльныхъ сенаторовъ, хотя бы уже въ силу того, что у нихъ были общіе интересы по обезпеченію храмовъ, молитвенныхъ собраній и т. п. Сторонниками реформаціоннаго ученія были въ 1570 году, согласно замѣткѣ въ дневникѣ сейма 1570 года ⁸⁾, слѣдующіе Литовскіе сенаторы: воеводы Виленскій (Николай Радивиль), Троцкій (кн. Стефанъ Андреевичъ Збаражскій), Смоленскій (Василій Тишкевичъ), Новгородскій (Павель Ивановичъ Сапега), Витебскій (Станиславъ Николаевичъ Пацъ), Берестейскій (Юрій Васильевичъ Тишкевичъ), Мстиславскій (Юрій Юрьевичъ Остикъ), Минскій (Гавріиль Ивановичъ Горностай), староста Жомойтскій (Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ), кашталяны, Троцкій (Евстафій Воловичъ), Жомойтскій (Мальхеръ Станиславовичъ Шеметь), Берестейскій (Янъ

¹⁾ А. Н. Р. Г. Р. III. XI. № XXIII.   ²⁾ Стр. 42, 43.

³⁾ А. *Boniecki*. *Poczet Rodów*. Str. 276.

⁴⁾ См. выше, стр. 94.   ⁵⁾ А. *Boniecki*. *Poczet Rodów*, Str. 128.

⁶⁾ *Ibidem*. Str. 49.   ⁷⁾ См. выше, стр. 235—237.

⁸⁾ *Scriptores rerum Polonicarum* T. I. P. 154—155.

Николаевичъ Гайко), Полоцкій (Юрій Николаевичъ Зеновичъ), Витебскій (Павелъ Николаевичъ Пацъ) и Минскій (Николай Станиславовичъ Тальвошъ). При этомъ Литовскимъ канцлеромъ былъ Виленскій воевода, подканцлеромъ—Троцкій каштелянъ, земскимъ маршалкомъ—староста Жомойтскій. Таковъ списокъ сенаторовъ протестантовъ. Можно сомнѣваться, однако, въ правильности его. По крайней мѣрѣ, Василій Тишкевичъ, надо думать, былъ православнымъ, или вскорѣ перешелъ въ православіе, такъ какъ онъ былъ похороненъ въ 1574 году въ церкви Супрасльскаго монастыря. Православнымъ сенаторомъ въ 1570 году показанъ замѣтною сеймоваго дневника этого года каштелянъ Новгородскій (Григорій Воловичъ). Остальные сенаторы были католиками.

Перейдемъ теперь къ дѣятельности пановъ-радъ Литовскихъ, какъ она обрисовывается источниками. Въ Литовской Метрицѣ сохранились образцы присягъ, приносимыхъ различными должностными лицами великаго княжества Литовскаго по должности ¹⁾. Для сенатора существуютъ двѣ формы присяги, одна для обычнаго времени государственной жизни великаго Княжества, другая—для времени безкоролевья. Разсмотримъ пока лишь первую форму этой присяги. Въ переводѣ съ Польскаго языка она гласитъ слѣдующее: «я (имя) присягаю его королевской милости великому князю Литовскому въ томъ, что на настоящемъ вѣрѣдѣ правильному исполненію моего назначенія буду вѣренъ ²⁾ и хочу вѣрно подавать мою раду его королевской милости и речи посполитой того Княжества. Тайны, которыя будутъ мнѣ повѣданы его королевскою милостью или ихъ милостью панами-радами, касающіяся его королевской милости или речи посполитой отдѣльно, или совмѣстно, буду вѣрно хранить и никому ко вреду его королевской милости или речи посполитой не объявлю (открою). Насколько только возможно буду стараться объ умноженіи выгодъ (пожитковъ) его королевской милости и речи посполитой (того) Княжества и, что только вреднаго для его королевской милости и речи посполитой Княжества увижу, уразумѣю, или услышу, въ томъ обязанъ буду предостеречь его королевскую милость и речь посполитую Княжества и каждому такому вредному дѣлу буду противодѣйствовать насколько только хватитъ силъ

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 2 и сл.; также—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 303 и сл.

²⁾ «wiernosci przelozenia wierzen bedę na tym urzędzie».

моихъ. Буду охранять правосудіе (справедливость), покой (миръ) посполитый и единомысліе (згода) какъ въ государевой радѣ, такъ и между иными людьми, подданными его королевской милости, и раздоровъ, ссоръ и никакой непріязни ни самъ не буду чинить, ни помогать имъ желать не буду. Этой моей присягою хочу подлежать власти и верховенству его королевской милости всецѣло, всею моею вѣрностью. Такъ помоги мнѣ Боже и святое Евангеліе» ¹⁾).

Время составленія этой присяги не обозначено въ источникѣ, однако текстъ ея составленъ при Сигизмундѣ Августѣ. Въ самомъ дѣлѣ, текстъ присяги великаго маршалка, слѣдующей въ книгѣ Литовской Метрики за текстомъ присяги сенаторовъ, называетъ этого государя по имени. «Ja N. przysięgam, iż najasnieyszemu Xiążęciu Panu Panu Zygmuntowi Augustowi, Krolowi Polskiemu u Wielkiemu Xiędzu Lithewskiemu u iego potomkom u Wielkiemu Xięstwu Lithewskiemu na tym Urzędzie Marszałstwa, mnie zleconym, będę wierzen.....» ²⁾. Но съ другой стороны, перевернувъ два листа той же книги, мы встрѣчаемъ присягу сенаторовъ во время безкоролевья ³⁾, а перевернувъ еще листъ, находимъ текстъ присяги, принесенной 25 апрѣля 1536 года Литвѣ Сигизмундомъ Августомъ ⁴⁾. Такимъ образомъ, на указаніи имени Сигизмунда Августа нѣкоторыми изъ текстовъ присягъ ⁵⁾ основываться вполне и исключительно едва ли возможно. Ясно, что въ той книгѣ, въ которой находится текстъ сенаторской присяги, мы имѣемъ сборникъ документовъ, составленный съ тою, или другою цѣлью путемъ выбора ихъ, а не книгу отпусковъ, копій, снимавшихся съ документовъ, выходившихъ изъ канцеляріи великаго княжества

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 2. Текстъ этой присяги по Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 303 совершенно тождествененъ съ текстомъ $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 2. Только два раза вмѣсто *nauwyssey* (*nauwyszsey*) стоитъ *nauwiejszey* (*nauwiejszey*).

²⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 2.

³⁾ *Juramentum senatorum tempore interregni. Ibidem. Л. 4 об.*

⁴⁾ *Juramentum, quod praestitit serenissimus Rex Sigismundus Augustus Dominis Lithuanis die XXI Aprilis MDXXXVI. Ibidem. Л. 5 об., 6.*

⁵⁾ Кромѣ текста присяги великаго маршалка, имя Сигизмунда Августа даютъ *przysięga canclerzowa* и *podcanclerzowa* (л. 3), *przysięga podskarbiego ziemskiego* (л. 3—3 об.), *juramentum consiliariorum Regni serenissimo Principi Domino Sigismundo Augusto Poloniae Regi Magno Duci Lithuaniae etc. vivente patre praestitum* (л. 5—5 об.), *juramentum, quod praestitit serenissimus Rex*

Литовскаго. Но та же книга сохранила въ себѣ слова, которыя могутъ намъ дать основаніе для заключенія о времени, къ которому относится текстъ присяги сенаторовъ. Послѣ текста присягъ пановъ-радъ, великаго маршалка, канцлера и подканцлера, подскарбія земскаго, писарей королевскихъ, старость, земскихъ подкоморихъ и сенаторовъ времени безкорольвья читаемъ слѣдующія слова: «Ad eas Juramentorum formas, quae in statuto continet adiectae sunt etiam et aliae Juramentorum formulae partim ex Regestris cancellariae partim etiam aliunde descriptae praemisso atque hic inserto primum sacrosancto Jesu Christi Euangelio ad quod tam quam verba vitae et veritatis christiani merito iuramenta sua praestare debent: Initium Sancti Jesu Christi Euangelii secundum Ioannem Cap. I. Vide in principio huius libri»¹⁾. Такимъ образомъ текстъ присягъ врядниковъ, находящихся въ книгѣ, надо думать, былъ дѣйствительнымъ во время, къ которому относится и составленіе присягъ безкорольвья, т.-е. въ семидесятые годы XVI вѣка.

Итакъ, обязанности сенатора, какъ ихъ опредѣляетъ его присяга, въ обычное время состоятъ въ подачѣ совѣта, рады королю и государству, въ сохраненіи королевскихъ или государственныхъ тайнъ, довѣренныхъ ему, въ заботѣ о приумноженіи интересовъ короля и государства и предупрежденіи всякаго для нихъ ущерба, въ охранѣ правосудія, спокойствія и согласія какъ въ средѣ самого сената, такъ и за его предѣлами въ широкихъ границахъ, которыя опредѣляются подданствомъ королю Польскому и великому князю Литовскому. Уже изъ текста самой присяги, приносимой паномъ-радою по своей должности, видно, что онъ не былъ только совѣтникомъ своего государя—панъ-рада не только совѣтникъ, онъ въ то же время стражъ спокойствія, правосудія и согласія въ цѣломъ государствѣ. Если уже въ качествѣ простого совѣтника королевскаго сенаторъ высказывался

Sigismundus Augustus Dominis Lithuanis die XXV Aprilis MDXXXVI (л. 5 об.—6), jusjurandum a serenissimo Sigismundo Augusto Rege Poloniae statibus Regni praestitum Cracoviae III Februarii Anno MDXXXVII (л. 6—6 об.), juramentum Alexandri Valachiae Palatini Regiae Maiestati et Regno Poloniae praestitum (л. 6 об.—8), juramentum serenissimi Domini Sigismundi Augusti Regis Poloniae Alexandro Palatino Valachorum (л. 8), juramentum cancellarii et vicescancellarii Regni (л. 8 об.—9), juramentum marschalci Regni л. 9—9 об.).

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 5.

и заявлялъ свое мнѣніе по тому, или другому дѣлу, не только вызванный на это вопросомъ со стороны короля, но и по своему собственному почину—онъ долженъ вѣдь предупреждать грозящую государству и королю, но неизвѣстную послѣднему опасность,—то охрана правосудія и спокойствія въ цѣломъ государствѣ придаетъ ему характеръ высшаго должностного лица, дѣйствующаго почти независимо отъ королевской власти. Со времени Люблинской Уніи король и сенатъ взаимно дополняютъ другъ друга, и если сенатъ или сенаторъ, самостоятельно рѣшая какое-нибудь дѣло, рѣшаетъ его лишь «до воли» королевской, то и король, въ свою очередь, постановляетъ свое рѣшеніе или дѣлаетъ указъ «за радюю пановъ-радъ» своихъ. Это взаимное дополненіе одного политическаго стана Речи Посполитой другимъ говорить о весьма близкомъ по размѣрамъ значеніи ихъ въ государствѣ. Стоя на первой сверху ступенькѣ королевскаго трона въ цѣломъ своемъ составѣ, хотя и размѣщаясь на всѣхъ его ступеняхъ отдѣльными своими членами, смотря по значенію своего сенаторскаго вѣда и личному вліянію и имени каждаго отдѣльнаго пана-рады, сенаторы титулуются «его милость», какъ титулуется самъ «его милость король»¹⁾. Молитва въ церквахъ должна совершаться за пановъ-радъ рядомъ съ королемъ²⁾. Если власть законодательная въ Речи Посполитой принадлежала нераздѣльно всѣмъ тремъ политическимъ ея станамъ, т.-е. королю, сенату и народу-шляхтѣ черезъ его представителей, составлявшихъ посольскую избу, то высшая администрація и высшій судъ были правомъ короля, которое онъ дѣлилъ съ сенатомъ.

Акты великаго княжества Литовскаго, въ которыхъ рисуется жизнь его населенія, представляютъ слѣдующимъ образомъ дѣло

¹⁾ Это особенно бросается въ глаза, когда встрѣчаются рядомъ обозначеніе короля и пана-рады. Такъ, въ листѣ, данномъ королемъ Генрихомъ Яну Ходкевичу на Ковно, читаемъ: «якожь записы короля его милости отъ тыхъ особъ, которые то в заставе отъ короля его милости мели, его милость (Янъ Ходкевичъ) освободилъ и до рукъ своихъ взялъ...» Лит. Метр. $\frac{IA}{57}$ л. 46 об.

²⁾ Такъ, панъ Иванъ Ивановичъ Хребтовичъ устанавливаетъ, что священникъ церкви его имѣнія Липскаго «водлугъ звыклости хрестіянское за Господаря Короля его милости, за пановъ-радъ, за ктиторовъ тое церкви. а пановъ своихъ и за всихъ православныхъ хрестіянъ уставичные мольбы до Господа Бога приносить и духовному вѣду и послушенству своему досить чинити будетъ повиненъ до своего живота...» А. Вил. I. Стр. 6. Ср. *ibidem*, стр. 5.

устройства народного управления. Весь народъ, какъ свободный, самъ держитъ въ своихъ рукахъ верховную власть въ государствѣ. Но требуется корпорація, которая была бы постоянно блюстительницей этой народной власти, которая бы постоянно обнаруживала эту народную власть, не имѣющую возможности всегда проявляться уже въ силу самой многолюдности ея носителей. Рада эпохи послѣ Уніи и была такою корпораціей. Она состояла изъ цвѣта народа и должна была блюсти его интересы. Аналогія поможетъ при характеристикѣ значенія рады Литовской. Города, обладавшіе Магдебургскимъ самоуправленіемъ, имѣли свою «раду мѣстскую»¹⁾. Эта рада состояла изъ войта, бурмистровъ и радцевъ — выборныхъ людей изъ всего «поспольства» даннаго города. Поспольство — это все населеніе города, весь «народъ» его, если представимъ себѣ городъ отдѣльною самостоятельною единицею въ государствѣ. Изъ народа-поспольства избирается мѣстская рада, которая блюдетъ интересы города, ведетъ его управленіе и хозяйство, но которая созываетъ и все поспольство въ чрезвычайныхъ случаяхъ городской жизни, а также принимаетъ нѣкоторыхъ его членовъ въ свои финансовыя комиссіи. Рада великаго княжества Литовскаго не избиралась; ея члены назначались королемъ, хотя это и дѣлалось имъ съ согласія самихъ радныхъ пановъ, а не по своему произволу. Зерно рады составляли нѣсколько крупныхъ Литовскихъ фамилій, которыя пріобрѣли прочную извѣстность въ народѣ и вліяніе на него. Остальные члены рады проникли въ нее за свои службы и по милости королевской. Если первые въ глазахъ народа-шляхты должны были являться совершенно естественными представителями, истолкователями и блюстителями народныхъ интересовъ, то и послѣдніе, какъ члены рады, пріобрѣтали подобное же значеніе. Каждый радный панъ имѣлъ свое земское значеніе не только какъ совѣтникъ короля, но и какъ земскій вѣдникъ, пользующійся опредѣленнымъ значеніемъ въ центральномъ, или областномъ управленіи или военномъ устройствѣ Княжества. Если сенатъ является однимъ изъ трехъ становъ, составляющихъ Речь Посполитую, то въ то же время сенаторы считаются людьми шляхет-

¹⁾ Нпр., Вил. Арх. Сб. I. № 57: «мы, войтъ, бурмистры и радцы мѣста Виленскаго, чинимъ явно тымъ нашимъ листомъ всимъ вобецъ и каждому зособна, кому бы то належало вѣдать, нинѣшнимъ и напотомъ будучимъ, ижъ, будучи намъ въ звыкломъ собранью нашемъ на ратушу въ *раду мѣстскую*...»

ными ¹⁾. Такимъ образомъ, если источники иногда говорятъ о сенаторскомъ званіи, то это званіе было въ то же время и шляхетскимъ, лишь съ добавленіемъ къ достоинству шляхтича достоинства сенатора ²⁾. Если воевода передавалъ своему сыну право именоваться «воеводичемъ», то вѣдь и всякій врьдъ несенаторскій давалъ право сыну врьдника на соотвѣтствующее именованіе, и «судичъ», «войсковичъ» и тому подобныя обозначенія дѣтей шляхетскихъ врьдниковъ—совершенно обычное явленіе въ источникахъ. Итакъ, сенатъ не представляетъ изъ себя чего-нибудь совершенно чуждаго народу-шляхтѣ. Наоборотъ, какъ покажетъ послѣдующее изложеніе, паны-рада были тѣсно связаны сънародомъ-шляхтою. Это одно и то же дерево; паны-рада представляютъ изъ себя лишь его сердцевину. Рада связана съ посольствомъ всегда. Какъ рада мѣстская не можетъ обходиться безъ созыва отъ времени до времени всего посольства, такъ и рада великаго княжества Литовскаго не можетъ существовать безъ сношеній съ народомъ-шляхтою, и эти сношенія нашли себѣ даже опредѣленныя формы. Рада великаго княжества Литовскаго была политическимъ учрежденіемъ, обладавшимъ высокимъ значеніемъ въ государствѣ. Она дѣйствовала при королѣ, но дѣйствовала и отдѣльно отъ него. Ея значеніе и власть получали свою силу не отъ короля, а были отъ него независимы. Лишь степень энергіи короля и величина его таланта, какъ правителя, могли нѣсколько отражаться на увеличеніи или уменьшеніи значенія сената. Однако, при такомъ увеличеніи, или уменьшеніи значенія сената вопросъ всегда касается лишь того, всецѣло ли долженъ былъ король подчиняться мнѣніямъ своей рады, или же былъ способенъ давать большій просторъ своей личной инициативѣ и личнымъ желаніямъ. Такимъ образомъ, изслѣдователь долженъ исполнить двѣ задачи, изучая раду Княжества: 1) онъ долженъ обрисовать дѣятельность ея и 2) онъ долженъ показать то, на чемъ основывалось громадное значеніе въ государствѣ, бывшее достояніемъ пановъ радныхъ.

Сенаторы спольной Речи Посполитой, обѣихъ частей ея, т.-е. обоихъ народовъ—Цольскаго и Литовскаго, составляли съ 1569 года одинъ общій сенатъ. Его общее собраніе собиралось во вре-

¹⁾ Нпр., «взяломъ зъ стороны сенаторское въ томъ зборе пана Кристусовомъ будучихъ черезъ руки ясне вельможныхъ и зацне врожонныхъ и шляхетныхъ и опатрныхъ пановъ, пана Остафя Воловича, кашталяна Троцкого...» и т. д. А. Вил. XX. № 28 (стр. 31).

²⁾ См., нпр., *Гейденштейнъ*. Зап. о М. войнѣ. Стр. 108.

мя сейма, но могло собираться и независимо отъ созванія послѣдняго. Ленгнихъ въ своемъ трудѣ, вышедшемъ въ XVІІІ вѣкѣ и до сихъ поръ не утратившемъ своего значенія, насчитываетъ три вида совѣщаній короля съ сенатомъ: 1) совѣщаніе его съ сенатомъ послѣ только что окончившагося сейма для обсужденія приведенія въ исполненіе сеймовыхъ постановленій и разрѣшенія вопросовъ, возникшихъ вслѣдствіе дѣятельности сейма; 2) рады сенаторовъ-резидентовъ при королѣ и 3) совѣщанія короля съ сенаторами-резидентами и другими панами-радами, вызванными королемъ ввиду сложности и важности политическаго положенія ¹⁾. Всѣ эти собранія сенаторовъ были собраніями пановъ-радъ обоихъ народовъ вмѣстѣ. Но рядомъ съ ними происходили и совѣщанія короля съ панами-радами одного только народа, и мы увидимъ ниже такія рады его съ сенаторами Литовскими.

Обычными совѣщаніями короля съ радными панами были его рады съ сенаторами-резидентами. Въ 1573 году было постановлено, чтобы при королѣ кромѣ министровъ постоянно находились четыре сенатора. Сеймъ съ этою цѣлью долженъ былъ назначать по 16 сенаторовъ, которые затѣмъ по четыре, каждый по полгода, должны были пріѣзжать къ королевскому двору и жить здѣсь для участія въ государственныхъ дѣлахъ и радахъ королевскихъ. Сенаторы эти жили при дворѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми сенаторами-министрами, дѣлавшими это по обязанности своего министерскаго вряда. Мы уже знаемъ, какъ Литва настояла при вступленіи на престолъ Баторія, чтобы въ этой «прибочной» радѣ королевской непременно находились Литовскіе сенаторы ²⁾. Если развернемъ Дневникъ послѣдняго похода короля Стефана, или Записки о Московской войнѣ Рейнгольда Гейденштейна, то увидимъ цѣлый рядъ совѣщаній короля съ панами-радами. Вновь прибывавшіе въ войско сенаторы также немедленно вступали по своему сенаторскому званію въ раду, и составъ ея былъ то больше, то меньше въ зависимости отъ пріѣзда, или отъѣзда отдѣльныхъ радныхъ пановъ. Это — совѣщанія обыкновенныя. Дѣло, разсматриваемое въ нихъ, бывало временами дѣломъ чрезвычайнаго значенія, но сами они не имѣютъ характера чрезвычайныхъ собраній сенаторовъ. Иногда рада отправляла

¹⁾ *B. Lengnich. Prawo pospolite Królestwa Polskiego. Kraków. 1836. Str. 379—381. Ср. X. W. Skrzetuski. Prawo polityczne narodu Polskiego. T. I. W Warszawie. 1782. Str. 136—138.*

²⁾ См. выше, стр. 147.

свои засѣданія въ тѣсномъ своемъ кругу съ сохраненіемъ полной тайны своихъ обсужденій и предположеній: сенаторы собирались «*in secretissimo consilio*»¹⁾. Въ такихъ случаяхъ, конечно, кромѣ пановъ-радъ, въ засѣданіе не допускался никто посторонній²⁾. Однако, во время похода, силою обстоятельствъ, рада иногда обращалась въ военный совѣтъ. Въ ея засѣданія приглашались иногда даже ротмистры³⁾, которые высказывали свои мнѣнія рядомъ съ сенаторами. Фаренсбекъ, Датчанинъ, прибывшій къ Баторію съ отрядомъ всадниковъ и пѣхотинцевъ для войны съ Москвою⁴⁾, всегда приходилъ къ королю, когда у него бывала рада, и сидѣлъ подлѣ маршалковъ, а рядомъ съ нимъ садился Путлеръ, поручикъ почта герцога Курляндскаго; кромѣ того, «*synowiecz*» королевскій, когда присутствовалъ, всегда занималъ «*in senatu primum locum*»⁵⁾. Итакъ, обыкновенная рада при королѣ бывала или «*zawarta*»⁶⁾, закрытая, которая отправлялась «*secretissime*», съ такою тайною, что даже не всѣ секретари знали о предметѣ ея⁷⁾, и рада, въ которую приглашались лица, не принадлежащія къ числу радныхъ пановъ государства. Въ присутствіи рады король принималъ и пословъ иностранныхъ, давая имъ отвѣты черезъ своихъ сенаторовъ и министровъ и назначая тѣхъ или другихъ сенаторовъ для переговоровъ съ ними⁸⁾. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы совѣщаніями съ панами-радами въ засѣданіяхъ рады исчерпывались совѣщанія короля. Кромѣ засѣданій официальныхъ, король собиралъ у себя иногда и «*consilium privatum*»⁹⁾. Рядомъ съ совѣщаніями короля съ радными панами всего соединеннаго государства король имѣлъ еще отдѣльныя совѣщанія съ радою одного народа Речи Посполитой, т.-е. Литовскаго, или Польскаго. Такъ, Баторій 29 іюля 1581 года имѣлъ раду «таемную» съ панами Литовскими¹⁰⁾. Предметомъ ея была не попытка короля прекратить споры и несогласія Литовцевъ съ Поляками, или какой-нибудь частный вопросъ, касаю-

1) Дневн. п. п. Ст. Б. Стр. 118.

2) Ibidem, стр. 99 («*okrom senatorów nikogo tam nie przopuszczono*»).

3) Нпр., *ibidem*, стр. 45, 52, 103, 104, 117.

4) *Гейденштейнъ*. Зап. о М. войнѣ. Стр. 112.

5) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 74. 6) Ibidem. Л. 22.

7) По крайней мѣрѣ не зналъ составитель Дневника посл. пох. Ст. Баторія, бывший Короннымъ секретаремъ.

8) Нпр., Дн. п. п. Ст. Б., стр. 2, 3.

9) Ibidem. Стр. 69. 10) Ibidem. Стр. 41.

ційся Литвы, или Литовскаго сената, а въ высшей степени важный вопросъ похода: куда двинуться и какой пунктъ избрать цѣлью похода. Именно это засѣданіе короля съ Литовскими панами-радами и рѣшило назначить Псковъ цѣлью послѣдняго похода короля Стефана.

Что касается до времени дня, въ которое собиралась рада въ эпоху похода Баторія, то оно было самое различное. Случалось, что она собиралась и передъ обѣдомъ ¹⁾, случалось, что продолжала свои совѣщанія и ночью, начинаясь, вѣроятно, вечеромъ, или, во всякомъ случаѣ, послѣ обѣда ²⁾. Мы видѣли выше, что число сенаторовъ въ радѣ Баторія во время его послѣдняго Московскаго похода бывало различно, уменьшаясь, или увеличиваясь по мѣрѣ пріѣзда въ войско, или отъѣзда изъ него радныхъ пановъ. Бывали, однако, случаи, когда король вызывалъ къ себѣ сенаторовъ для рады, не ожидая ихъ случайнаго пріѣзда. Такъ, по разсказу Гейденштейна ³⁾, король Стефанъ въ 1578 году послѣ назначенія сеймиковъ въ Краковскомъ, Сендомірскомъ и Сѣрадзскомъ воеводствахъ для установленія налога, отправившись изъ Варшавы во Львовъ и узнавъ на пути, что Краковское и Сендомірское воеводства не дали согласія на требуемый королемъ налогъ, остановился въ Сендомірѣ и вызвалъ сюда сенаторовъ Малой Польши. Это былъ, такимъ образомъ, сенаторскій съѣздъ пановъ-радъ цѣлой провинціи Малопольской ⁴⁾. Но бывали и созывы королемъ большей части всего сената, когда этого требовало состояніе дѣлъ, хотя время не было временемъ сейма. Когда, на примѣръ, въ 1582 году обнаружилось вполнѣ, что виды Шведскаго короля на Ливонію идутъ въ разрѣзъ съ интересами Речи Посполитой и когда посоль Баторія, Аламанній, сталъ присылать извѣстія, что отношенія къ государю Швеціи становятся все болѣе и болѣе натянутыми, король Стефанъ, находившійся въ то время въ Гроднѣ, вызвалъ къ себѣ большую часть сенаторовъ и здѣсь согласно общему ихъ желанію рѣшилъ скорѣе назначить сеймъ для сообщенія ему о дѣйствіяхъ Шведскаго короля ⁵⁾.

Какъ же происходили засѣданія рады королевской? Вотъ раз-

¹⁾ Ibidem. Стр. 22.   ²⁾ Ibidem. Стр. 118.

³⁾ Гейденштейнъ. Зап. о М. в. Стр. 31.

⁴⁾ Состояла изъ одиннадцати воеводствъ (Краковское, Сендомірское, Кіевское, Русское, Волынское, Подольское, Люблинское, Бельзское, Подляшское, Брацлавское, Черниговское).

⁵⁾ Гейденштейнъ. Зап. о М. в. Стр. 280.

сказъ ¹⁾ автора Дневника послѣдняго похода Стефана Баторія противъ Москвы, Короннаго секретаря, писавшаго этотъ дневникъ для своего покровителя, Короннаго маршалка Андрея Опалинскаго. Рада собралась 23 октября 1581 года въ лагерьъ подъ Псковомъ. Троцкій каштелянъ, князь Криштофъ Николай Радивилъ, представилъ реляцію своихъ военныхъ дѣйствій, которыя онъ велъ, стоя во главѣ отдѣльнаго отряда. Затѣмъ стали разсуждать объ опасномъ положеніи Гарабурды съ его Татарами подъ Порховомъ, такъ какъ панъ Троцкій довелъ до свѣдѣнія засѣдавшихъ о томъ, что въ шести миляхъ отъ Порхова находятся пять тысячъ Москвы и Татаръ, «*ktorzy riczowniki brac bendą*». Было высказано въ радѣ желаніе прогнать оттуда Москву, но каштелянъ Троцкій заявилъ, что тутъ ничего не подѣлать. Непріятели настолько осторожны, что, провѣдавъ о приближеніи врага, отступятъ въ Новгородъ, а биться не станутъ: такъ имъ приказано отъ великаго князя Московскаго. Отправившись въ эту экспедицію, войско короля напрасно передвинется и лишь только повернется оттуда, Москва сейчасъ же по его слѣдамъ снова выступитъ впередъ. Поэтому, по мнѣнію Криштофа Радивиля, лучше усилить Гарабурду, чтобы онъ находился подъ Порховомъ, сторожа врага: объ этомъ должны позаботиться паны гетманы. Послѣ этого, «*semotis arbitrīs*», трактовался вопросъ еще большаго значенія. Замойскій въ пространной рѣчи докладывалъ, каковъ «*praesens belli status*»; положеніе таково: завоеваніе города трудно, время наступаетъ зимнее, тяжелое, и приходится «*nova consilia quaerere*»—что дѣлать? Излагая далѣе положеніе дѣлъ, Коронный гетманъ выяснилъ его подробно и высказалъ свое мнѣніе—подождать еще нѣкоторое время, не снимая осады со Пскова, несмотря на ея трудности, и тѣмъ не дать Москвѣ возможности требовать менѣе выгодныхъ для Речи Посполитой условій мира. Послѣ рѣчи канцлера высказался самъ король «*in eundem sensum*», какъ и Коронный гетманъ. Онъ говорилъ пусть не думаютъ, что онъ хочетъ потерять все свое войско, благодаря зимнему стоянью подъ Псковомъ; онъ не такой «*insanus*», чтобы «*sibi ipsi deberet infigere cultrum in pectus; in salute huius exercitus salus*» его самого «*consistit, dignitas, honor et existimatio*». Поэтому пусть подождутъ и пусть срокъ стоянья подъ Псковомъ будетъ оставаться «*indefinitum*». Далѣе король говорилъ о томъ,

¹⁾ Дн. п. п. Ст. Бат. Стр. 122—127.

что, если разсчитать, то во Псковѣ и провіанту хватать не должно, и Шуйскому придется въ скоромъ времени выслать изъ города массу людей, а самому остаться лишь «*cum defensoribus*», которыхъ тамъ немного, а къ тому же немало и убитыхъ—ему тогда будетъ трудно со всѣхъ сторонъ защищать Псковскія стѣны. Когда королевскія войска залягутъ Новгородскую дорогу,—а только по этой дорогѣ и можетъ городъ получать помощь и провіантъ,—когда будутъ взяты Порховъ и Печерскій монастырь, «*zeby rabulatia wolna beła exercitui*», тогда городъ долженъ будетъ дойти «*ad extremam necessitatem*». Врагъ сдѣлается «*facilior ad pacificandum*», видя такое постоянство и упорство осаждающихъ. Если «*temere*» оставить Псковъ, снова придется впасть «*in summas dificultades*», которыхъ концу уже почти радуются король и войско. Придется вновь имѣть дѣло со станами изъ-за денежныхъ средствъ, оставить жолнеровъ на Литовскихъ лежахъ «*soby nam nie integrum uczinic propter conscientiam, patrzancz tak czesto na płacz y skwierk ludzi ubogich*», прибавилъ Баторій. Ввиду всего этого. по мнѣнію короля, нужно оставаться подъ Псковомъ и, если непріятель не заключить мира, то опустошить на 20 миль кругомъ земли около города, забрать и пожечь все, что тамъ есть, размѣстить войско на постоянныхъ квартирахъ около Порхова, Русы, Воронца,—такимъ образомъ будетъ занята Новгородская дорога, и Псковъ не будетъ имѣть возможности получить какой-либо помощи, а жолнеры будутъ пользоваться удобствами и провіантомъ. Кромѣ того королю говорилъ панъ Троцкій, что около Русы, за Порховомъ, деревни такъ густы, какъ въ Мазовіи, притомъ такъ велики, что въ одной деревнѣ могутъ расположиться «*sub tectis*» нѣсколько тысячъ жолнеровъ; ржи, ячменя, овса онъ видѣлъ тамъ такія большія и высокія скирды, что хлопъ едва перекинулъ камень; если бы не хватило овса и ячменя, то можно будетъ прокормиться и прокормить коней рожью. Такъ высказался король. Послѣ его рѣчи стали вотовать Литовскіе паны-рада, всѣ «*generaliter*» въ томъ смыслѣ, что невѣроятно, чтобы можно было выдержать жизнь подъ Псковомъ. Рѣчь идетъ не объ имуществѣ, или здоровьѣ Литовцевъ-сенаторовъ, а объ особѣ самого короля. «Чтобы тебя въ опасность не привести», говорилъ воевода Виленскій, обращаясь къ Баторію, «мы будемъ ждать, пока будемъ имѣть возможность это дѣлать, но у насъ теперь всего убываетъ, а Москва имѣетъ, какъ *commoditates*, села, съ которыхъ будутъ прибывать къ

ней подкрѣпленія и припасы съ Днѣпра, съ Дона: врагъ будетъ имѣть, когда станетъ ледъ, свѣжихъ людей, которыхъ лѣтомъ ему имѣть было трудно». Великій маршалокъ Литовскій высказался такъ: «помнимъ мы экспедицію подъ Улу— былъ я тамъ также; въ ту зиму также, когда мы начали, намъ казалось, что мы играемъ въ шахматы— такъ мы *lusimus effigiem belli*; однако потеряли мы тогда 500 человекъ, погибшихъ отъ руки непріятельской, да около 8.000 погибли и поубѣжали отъ зимнихъ невзгодъ. То повѣдаю милостивому королю, что съ Москвою воевать лучше лѣтомъ, а зимою лучше грѣться дома у теплаго камина». Панъ Виленскій также прибавилъ со своей стороны къ высказанному его Литовскими радными сотоварищами. Онъ говорилъ: «подождемъ, пока вернется Поссевиновъ слуга отъ князя, уже не назначая никакого определеннаго времени для пребыванія подъ Псковомъ; если онъ принесетъ что-либо определенное и правдивое, что дѣйствительно Московскій князь хочетъ мира и соглашенія, то мы будемъ служить вашей королевской милости до тѣхъ поръ, пока не состоится это соглашеніе. Правдиво ли и искренно ли хочетъ мира и стремится къ соглашенію князь—признакъ этого будетъ въ томъ, поспѣшно или нѣтъ онъ отошлетъ назадъ того слугу. Если предположеніе о его желаніи мира вѣрно, то ожидаю слугу обратно такъ черезъ недѣлю. Но если онъ по старому хитритъ и лишь хочетъ протянуть время, я увѣренъ, что онъ не скоро отправитъ этого слугу, и это будетъ вѣрнымъ признакомъ его намѣренія». Наконецъ, Жомойтскій староста добавилъ, что, хотя это и тяжело, но Литовскіе сенаторы согласны; пусть лучше жолнеры будутъ находиться у нихъ въ Литвѣ на лежахъ, чѣмъ здѣсь дойти «*ad extremum*». Что касается до Польскихъ сенаторовъ, то они, не опредѣляя точно времени, предлагали ждать, пока будетъ возможно. Затѣмъ, послѣ новой рѣчи Замойскаго и выраженнаго Короннымъ дворнымъ маршалкомъ Зборовскимъ мнѣнія о необходимости созыва сейма, король «*paзад concludovai*» и формулировалъ рѣшеніе: время пребыванія войска подъ Псковомъ не должно быть «*definitum*», нужно ждать возвращенія Поссевинова слуги и уже затѣмъ «*e re nata capere consilium*»; что же касается затронутаго Зборовскимъ вопроса о созывѣ сейма, то король радъ его рассмотреть и задумалъ предложить его на обсужденіе, но уже утро, и сегодня нѣтъ времени имъ заняться. Рада разошлась послѣ этого заключительнаго королевскаго слова.

Пересказанное засѣданіе рады королевской рисуесть намъ,

какъ велось обсужденіе дѣлъ въ сенатѣ Речи Посполитой. Мы не ошибемся, если скажемъ, что не было определенной формы открытія его обычныхъ засѣданій. Иногда открывалъ своимъ заявленіемъ засѣданіе король, иногда—кто-либо изъ сенаторовъ. Рада была слишкомъ обычнымъ собраніемъ для того, чтобы тутъ могли всегда соблюдаться формальности. Ежедневныя собранія ея при томъ взглядѣ, который долженъ былъ существовать на избирательнаго короля, лишь какъ на первое лицо въ государствѣ, должны были значительно упростить внѣшнюю форму веденія засѣданій. Самыя воты, подаваемыя сенаторами, мы видѣли, подавались ими не по старшинству ихъ урядовъ. Прежде другихъ высказался Виленскій воевода, затѣмъ — маршалокъ земскій ¹⁾ и уже послѣ него говорилъ старшій, чѣмъ онъ, по сенаторскому креслу панъ Виленскій. Послѣ него говорилъ староста Жомойтскій. Необходимо, однако, замѣтить, что, съ другой стороны, иногда, особенно въ полномъ собраніи сената, порядокъ подачи голосовъ по старшинству сенаторскихъ мѣстъ и соблюдался ²⁾.

Кромѣ обычныхъ собраній пановъ-радъ въ неполномъ ихъ составѣ, король созывалъ иногда конвокацію цѣлаго сената, когда этого требовало положеніе дѣлъ государства, въ которомъ король не рѣшался поступить безъ совѣщанія съ цѣлымъ сенатомъ. Какъ на примѣръ такого чрезвычайнаго созыва сената, можно указать на сенаторскую конвокацію во Вроцлавкѣ, созванную ввиду неудачи Торунскаго сейма 1576 года и опасностей государства ³⁾. Въ полномъ своемъ составѣ сенатъ собирался во время сейма, но эти сеймовыя собранія пановъ-радъ подлежатъ нашему изслѣдованію уже въ слѣдующемъ томѣ нашей работы. Мы должны теперь указать еще только на засѣданія сената послѣ окончанія сейма. Такъ, послѣ сейма 1582 года, когда разѣхались уже сеймовые послы, король и сенатъ продолжали свои занятія и выработали цѣлый рядъ распоряженій для Ливоніи ⁴⁾. Но кромѣ тѣхъ видовъ собранія пановъ-радъ, которыя бывали полными во время

¹⁾ Николай Криштофъ Радивиль.

²⁾ См., напр., «vota przednieyszych radh Coronnych na propositiã seimowa w roku 1585». (Библиотека Главнаго Штаба. Akta od 1585 do 1606 roku. Рукописная книга in folio). Первый говорилъ архіепископъ Гнѣзненскій, потомъ архіепископъ Львовскій, далѣе—воевода Сендомірскій, воевода Подольскій, маршалокъ Коронный и канцлеръ.

³⁾ См. выше, стр. 159.

⁴⁾ Гейденштейнъ. Зап. о М. в. Стр. 305.

сейма и въ случаѣ созыва королемъ сенаторскихъ конвокацій, былъ еще случай, когда весь сенатъ собирался около короля и когда обычныя совѣщанія короля съ радными панами обращались въ постоянныя совѣщанія его съ цѣлымъ сенатомъ въ полномъ его составѣ. Это бывало во время посполитаго рушенья, когда всѣ обыватели, а стало быть и всѣ паны-рада, собирались около короля вооруженными, живя при немъ и принимая постоянное участіе въ засѣданіяхъ его рады. Но посполитаго рушенья не было въ изучаемую эпоху, было лишь добровольное рушенье Литвы по призыву короля Стефана Баторія, собравшее дѣйствительно около него большую часть Литовскихъ сенаторовъ, но изъ Коронной части сената въ этомъ собраніи радныхъ пановъ было немного.

Мы видѣли сейчасъ цѣлый рядъ совѣщаній короля съ панами-радами. Всѣ эти совѣщанія происходили устно: король слушалъ своихъ радныхъ пановъ, они убѣждали его, онъ — ихъ, и путемъ взаимнаго обмена мнѣній созрѣвало рѣшеніе, которое потомъ приводилось въ исполненіе. Но кромѣ совѣщаній устныхъ нерѣдко практиковалась письменная подача своихъ «зданій», т.-е. мнѣній панами-радами, живущими въ данное время вдали отъ государя. Источники знаютъ о томъ, что король, обыкновенно, письменно спрашивалъ совѣта старшихъ сенаторовъ въ важнѣйшихъ своихъ начинаніяхъ ¹⁾. Король отправлялъ свои листы къ сенаторамъ, требуя ихъ отвѣта и совѣта въ тѣхъ дѣлахъ, которыя доводились до ихъ свѣдѣнія ²⁾. Король не только просилъ совѣта, онъ въ то же время сообщалъ отсутствующему сенатору дѣла и вопросы, которые правительству приходится разрѣшать въ его отсутствіи. Но говоря объ освѣдомленности пановъ-радъ въ дѣлахъ государственныхъ, мы должны раздѣлить ихъ на двѣ группы: паны-рада старшіе и паны-рада младшіе. Старшими сенаторами, какъ мы уже видѣли выше, были въ Литвѣ бискупъ, воевода и каштелянъ Виленскіе, воевода и каштелянъ Троцкіе и староста Жомойтскій. Такимъ образомъ, хотя рада Княжества и расширилась въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, но различіе между старыми, существовавшими еще съ 1413 года сенаторскими врядами и новыми, вновь учрежденными, осталось. Иногда король

¹⁾ *Гейденштейнъ*. Зап. о М. в. Стр. 284. Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 34.

²⁾ Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 86, 100. Приложенія №№ 59 и 60. Ср. А. Н. Р. С. Р. III. XI. № XLIII и др. документы.

сносился лишь съ одними старшими сенаторами иногда же приказывалъ писать ко всѣмъ панамъ раднымъ безъ исключенія. Но «лавицу таемную» королевскую составляли не одни старшіе паны-рада, а всѣ они, т.-е. и старшіе, и младшіе одинаково. Такъ, жалую 5 ноября 1569 года воеводѣ Подляшскому, пану Василю Тишкевичу графство, Сигизмундъ Августъ говорилъ въ своемъ привилеѣ¹⁾, данномъ ему на это достоинство, что награждаетъ его за перечисленные различныя его заслуги, а также и за то, что, какъ гласитъ привилей, «в лавицы нашей таемной будучи, радюю своею мудрою годне и пожиточне намъ господарю и речи посполитой служилъ». Между тѣмъ, Подляшскій воевода не былъ старшимъ паномъ-радою, не принадлежа къ числу шести первыхъ сенаторовъ Литовскихъ. Такимъ образомъ, невозможно предполагать, что младшіе паны-рады могли вообще оказаться не знающими какого-нибудь изъ вопросовъ государственныхъ: рано, или поздно, и ихъ не минуетъ государственная тайна. Возможно только, что король въ болѣе постоянныхъ сношеніяхъ находился лишь со старшими панами-радами, стоявшими на челѣ сената и пользовавшимися въ немъ большимъ авторитетомъ и вліяніемъ. Въ силу этого, старшій сенаторъ оказывался часто болѣе освѣдомленнымъ въ данное время, чѣмъ его младшій товарищъ: онъ уже получилъ королевскій листъ, знакомящій его съ положеніемъ государственныхъ дѣлъ, младшій же узнаетъ о немъ позднѣе, когда свидится съ королемъ, или другими панами-радами. Невозможно предположить, чтобы сенаторы Литовскіе дѣлились по своимъ правамъ на два отдѣла: единственнымъ основаніемъ, создававшимъ ихъ различіе въ степени ихъ значенія въ радѣ было ихъ личное вліяніе, а не номеръ сенаторскаго кресла.

Какъ же устанавливалось рѣшеніе рады королевской? Какое значеніе имѣли въ совѣщаніяхъ ея голосъ королевскій и голоса сенаторовъ? Въ трудахъ по исторіи Польскаго права²⁾ рѣшенія сената представляются рѣшеніями по большинству голосовъ, т.-е. коллегіальнымъ порядкомъ. Мы не совсѣмъ согласны съ этимъ. Общее правило, которое имѣлось ввиду при всѣхъ совѣщаніяхъ и обсужденіяхъ дѣлъ въ Польшѣ, а потомъ и въ Речи Посполитой Литовско-Польской, было требованіе «згоды», соглашенія всѣхъ совѣщаю-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 47 об.—48 об.

²⁾ См., напр., *Bandtkie—Steżyński*. Hist. pr. P. Str. 596.

щихся. «Consensus» становъ для введенія чего-либо новаго въ Польшѣ требовался еще Коронною конституціей 1505 года. Въ совѣщаніяхъ рады съ королемъ такая «згода» достигалась тѣмъ, что король, выбирая то или другое мнѣніе, убѣждалъ его противниковъ подчиниться рѣшенію, пріятному и желательному для него, и такимъ образомъ пристать къ общему мнѣнію. Бывали случаи, когда король не исполнялъ желанія пановъ-радъ цѣлаго народа. Такъ, когда посланные въ 1571 году въ повѣты сеймовые листы королевскіе оказались запечатанными сигнетомъ, а не печатью Княжества, паны-рады Литовскіе, въ виду недовольства шляхты, подали Сигизмунду Августу «раду и зданье свое» — переписать листы и перемѣнить печать ¹⁾. Но король поступилъ по своему и такимъ образомъ пошелъ противъ цѣлой рады Литовской, но не будемъ забывать, что этотъ король былъ Ягеллонъ, наслѣдственный великій князь Литовскій. Короли послѣдующіе, т.-е. уже избранные на престолъ Речи Посполитой «спольной»; не могли позволять себѣ этого. Говоря о значеніи голоса короля и голосовъ сенаторовъ, мы едва ли ошибемся, если представимъ дѣло такъ. Рѣшающимъ голосомъ былъ, несомнѣнно, голосъ короля; кто изъ сенаторовъ умѣлъ подчинить его мнѣніе своему, убѣдивъ его въ правильности этого послѣдняго, или подѣйствовавъ на него своимъ личнымъ значеніемъ и силою своего вліянія въ государствѣ, тотъ и былъ господиномъ положенія. Полякъ, составитель Дневника Псковского похода Баторія, относящійся далеко не съ расположеніемъ къ Литовцамъ, все-таки записываетъ о дѣйствіяхъ короля «*za persuazią panow Lithewskich*» ²⁾. Королю приходилось, такимъ образомъ, постоянно сообразоваться въ засѣданіяхъ рады и съ самымъ дѣломъ, и съ настроеніемъ своихъ отдѣльныхъ радныхъ пановъ. Королю нужно было дѣйствовать своею личностью, дарованіемъ, тактомъ и энергіей, а не какими-либо правами его короны надъ сенатомъ для того, чтобы достигать соглашенія между сенаторами и общаго, принятаго всѣми рѣшенія. Едва ли можетъ быть рѣчь о приказаніи избирательнаго короля тому самому сенатору, который могъ наложить свою руку

¹⁾ «Отписъ до панов-рад Литовскихъ на лист ихъ мл., который писали, хотечи ведати, естли бы соймъ далей не былъ помкненъ для поветрея. О печатоване листовъ соймовыхъ сыгнетовою печатью и о зъехане поветовъ на одно мествцо». Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 5 об.—7. См. выше, стр. 88 и 89, прим. 2 и 3.

²⁾ Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 42.

на корону и не дать ея королю во время его коронаціи, если онъ не присягнетъ въ соблюденіи условій его избранія на престолъ. Такъ буквально сдѣлалъ Коронный маршалокъ Янъ Фирлей во время коронаціи Генриха Вalezія¹⁾. Бывали бурныя засѣданія рады съ рѣзкою критикою королевскихъ дѣйствій, когда сенаторъ, заявивъ, что онъ долженъ высказать то, что думаетъ, а не «quod placet», откровенно говорилъ о положеніи дѣлъ, какъ это, на примѣръ, сдѣлалъ великій Литовскій маршалокъ въ засѣданіи рады 12 октября 1581 года²⁾. Случалось, что протестовали противъ дѣйствій короля и его рѣшеній сенаторы цѣлаго народа, какъ это сдѣлали 19 октября того же года въ радѣ Баторія бывшіе тамъ паны Литовскіе³⁾. Итакъ, хотя король и пользовался рѣшающимъ голосомъ въ своей радѣ, онъ «concludowal», т.-е. заключалъ своимъ рѣшеніемъ «рады» сената, но онъ далеко не всегда имѣлъ возможность высказать въ своемъ заключительномъ словѣ именно то, что хотѣлъ и что считалъ правильнымъ рѣшеніемъ вопроса. Передъ его глазами должна была всегда стоять перспектива ссоры и затаенной вражды пана-рады съ его вліяніемъ на сосѣдей по сенаторскимъ кресламъ, на родныхъ и друзей, засѣдающихъ въ томъ же сенатѣ, наконецъ на шляхту своего повѣта, а также и другихъ повѣтовъ по безчисленнымъ нитямъ, соединяющимъ его съ обязанными ему покровительствомъ, или службою врядниками и шляхтичами. Рада короля въ изучаемую эпоху была не только совѣтомъ, «радившимъ» королю; она была въ то же время учрежденіемъ, ограничивавшимъ его власть. Гванини прямо говоритъ: «*ita cum sit potentissimus rex Poloniae, tamen secundum legum et senatus praescripta vivere tenetur....*»⁴⁾.

Акты на своемъ языкѣ прекрасно выражаютъ это значеніе сената: король дѣйствуетъ не только за «радою», но и за «зезволеньемъ» радныхъ пановъ. При такомъ положеніи и значеніи

¹⁾ Ср. *J. Szujski*. Dz. P. III. Str 38.   ²⁾ Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 109.

³⁾ *Ibidem*. Стр. 118. Протестація по указанію источниковъ дѣлается для того, чтобы не имѣть какого-либо ущерба въ своихъ правахъ и владѣніяхъ. Такъ, землянинъ Оршанскаго повѣта, панъ Мартіянъ Соморокъ, у котораго пропали во время войны документы, «*aby w dobrach swoich leżacych uszczerbku iakiego nie ponosił, żałował uprotestował takowym sposobem*». Ист.-Юр. Мат. XVII. Стр. 232. О значеніи протестаціи говоритъ также Гейденштейнъ: «*ею какъ ничье право не уменьшается, такъ и не усиливается*». Зап. о М. войнѣ. Стр. 15.

⁴⁾ *Gwagnini*. P. 42.

сенаторовъ, ихъ рука сказывается на всѣхъ королевскихъ распоряженіяхъ, имѣющихъ государственное значеніе. Почти всѣ назначенія и пожалованія королевскія дѣлались за «залеценъемъ», «жеданъемъ» и «причиною» пановъ-радъ, всѣхъ или нѣкоторыхъ. Король въ своихъ привилеяхъ говоритъ о ходатайствахъ и одного сенатора ¹⁾, и нѣсколькихъ ²⁾, и даже цѣлой рады вмѣстѣ съ земскими послами во время вальнаго сейма ³⁾. Само собою разумѣется, что сеймовое ходатайство не могло быть особенно частымъ и должно было требовать отъ лица, за которое предпринималось, заслугъ, извѣстныхъ всѣмъ обывателямъ. Въ главѣ, посвященной Литовскому повѣтовому сеймику, увидимъ, что иногда въ инструкцію своимъ посламъ на сеймъ повѣтовая шляхта вносила порученіе ходатайствовать за то, или другое частное лицо, хотя еще и вопросъ, всегда ли удавались на сеймѣ эти ходатайства отдѣльныхъ повѣтовъ.

¹⁾ Такъ, на примѣръ, врядъ Берестейскаго войскаго былъ пожалованъ Сигизмундомъ Августомъ 31 іюля 1570 года Григорію Вагановскому по ходатайству Остафія Воловича. См. выше, стр. 340. Особенно часто въ актахъ изслѣдуемой эпохи, встрѣчается ходатайство Яна Еронимовича Ходкевича.

²⁾ См. выше, стр. 407 и прим. 4.

³⁾ Нпр., «листъ пана Зборовскаго на Дубно», данный Генрихомъ Валезіемъ въ Краковѣ 10 апрѣля 1574 года, гласитъ отъ имени короля: «ознаимъ симъ листомъ нашимъ, ижъ мы, маючи ласкавое бачене на заслуги старосты Одоляновскаго и Кескаго, пана Яна Зборовскаго, которыми онъ первой королю его милости и великому князю Жикгимонъту Августу такъ на дворе его королевское милости служаши, якъ ку оброне и потребе рѣчы посполитое паньствъ нашихъ немалые почъты и роты людей служебныхъ водячи, добре, верне и накладне, наследуючи знаменитыхъ заслугъ продковъ своихъ зъ себе оказывалъ, а особливе и тыхъ недавныхъ часовъ, кгда онъ до короля его милости Францускаго, брата нашего, вживаючи насъ на тые паньства, на коруну Полскую и на великое князство Литовское, отъ Речи Посполитое обраны будучи, ездилъ тогды и в томъ посельстве якъ пыльне, верне а статечъне потребы Речи Посполитое зо всякою учъстивостью Корунною отъпрововалъ, такъ и немалый наклад и утрату на маетьности своей приняти мусел, што все мы пану Яну Зборовскому, ласкою нашою хотечи вызнати и нагороду такъ зацныхъ заслугъ и утратъ его вделати, за причиною пановъ-радъ нашихъ духовныхъ и свецкихъ и за прозбою пословъ земскихъ, дали есмо ему в державу доживотную двор нашъ Дубно, в повете Городеньскомъ лежащий.....» Документъ находится—Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 43—44.

Другой примѣръ—«Яцку Быстрейскому на тридцать и три волоки у волости Лидской в селе Кулбаках до очищеня именовъ его Полоцкихъ», Лит. Метр.

$\frac{I A}{49}$ л. 49. Дата: Кнышинъ, 10 ноября 1569 года.

Ходатайство пановъ-радъ передъ королемъ было для него обязательнымъ не только въ силу ихъ авторитета, но и въ силу того, что избирательный король садился на престолъ совершенно чуждаго ему прежде государства; онъ былъ чужимъ человѣкомъ и самъ долженъ былъ это сознавать. При такомъ положеніи, разумѣется, онъ не могъ совершенно самостоятельно дѣлать назначеній на должности и раздавать пожалованій, такъ какъ онъ не зналъ ни лицъ, которыхъ долженъ былъ назначать, ни значенія всѣхъ вѣдъ, которые ему приходилось замѣщать своими назначеніями. Особенно это было такъ въ первое время послѣ вступленія новаго короля на престолъ. Для короля являлось необходимымъ присутствіе пановъ-радъ въ то время, когда онъ подписывалъ привилеи на должности и пожалованія. Ходатайство пана-рады очень часто бывало ходатайствомъ начальника за своего подчиненнаго, извѣстнаго ему лично способностями и заслугами ¹⁾, или просьбою о назначеніи самому сенатору подчиненнаго ему вѣдника, или, наконецъ, ходатайствомъ воеводы за вѣдника его воеводства ²⁾. Такое ходатайство являлось для короля и гарантіей того, что назначаемое имъ лицо окажется вполне пригоднымъ для занятія жалуемаго ему вѣда. Не зная совершенно просителя, обращающагося къ нему, король долженъ справиться о немъ у пановъ-радъ, которые и даютъ ему «справу», «ведомость», «свидѣтельство» относительно того, или другого дѣла, или

¹⁾ Напримѣръ, король Стефанъ пожаловалъ ротмистру своему Василю Немирѣ 10 службъ въ селѣ Красномъ въ Мстиславскомъ воеводствѣ «за причиною ихъ милости пановъ-радъ и гетмановъ» государевыхъ «за учтивые, верные а не пооднокротъ показанные службы» его. Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 105.

Или еще примѣръ: Янъ Ходкевичъ ходатайствовалъ объ юргельтѣ для польнаго писаря Лифляндіи, Войтеха Стабровскаго, и король Генрихъ утвердилъ юргельтъ за Стабровскимъ, дѣлая это, по словамъ привилеи, «з ласки» своей «господарское и за причиною пана Виленскаго, яко администратора и гетмана в земли Лифлянтской». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 74.

²⁾ Нпр., тивунство и городничество Троцкое король Стефанъ отдалъ 30 іюля 1576 года пану Мартину Стравинскому, «маючи на ласкавой бачности» своей «господарской залеценье воеводы Троцкого, державцы Сомилишского и Жосленского, князя Стефана Корибутовича Збаражского а кашталяна Троцкого, подъканъцлерого великого князства Литовского, старосты Берестейского и Кобрынського, пана Остафья Воловича». Документъ находится—

Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 56—57.

лица. Когда, напримѣръ, къ Генриху Валезію обратился царевичъ Пунскій Исламъ Янбековичъ съ просьбою о подтвержденіи ему земельного пожалованія, сдѣланнаго еще Сигизмундомъ Августомъ, скончавшимся, однако, прежде, чѣмъ «царевичъ до держанья того сельца пришолъ»,—Генрихъ исполнилъ его просьбу не только «з ласки» своей государевой, но и «взявши ведомость о заслугахъ того царевича отъ некоторыхъ пановъ-радъ» своихъ ¹⁾. Но не только при оцѣнкѣ качествъ того или другого лица нуждается король въ указаніи сенаторовъ; они должны указывать ему, какъ бывало «зъ стародавна» по отношенію къ данному вряду, или дѣлу. Такъ, «некоторые зъ ихъ милости пановъ-радъ» Литовскихъ, «а меновите» воевода Виленскій, канцлеръ Литовскій, Николай Радивилъ, «и зъ ыными ихъ милость паны-радами оного паньства», короля Генриха «о томъ за паномъ тивуномъ Виленскимъ жедаючи, справу» по его дѣлу королю «дали» ²⁾. Можно привести безконечный рядъ примѣровъ такого участія пановъ-радъ въ назначеніяхъ и ихъ указаній королю. Но если это участіе сенаторовъ въ распоряженіяхъ короля нужно ему, какъ указаніе, какъ совѣтъ, то оно нужно было ему и для того, чтобы его распоряженія не могли представляться народу-шляхтѣ чѣмъ-либо несогласнымъ съ традиціями и интересами государства и дѣлаемымъ королемъ по своему личному желанію и произволу. Избирательный король не можетъ сразу получить народное довѣріе, и указаніе въ документѣ, подписанномъ королемъ, на совѣтъ сенаторовъ должно было быть важнымъ для самого короля въ его личныхъ интересахъ. Перечисленіе именъ сенаторовъ въ концѣ многихъ привилеевъ и грамотъ послѣ словъ «при томъ были», поэтому, должно было получить свое новое значеніе въ глазахъ народа послѣ соединенія Литвы съ Польшею и введенія избирательнаго престола. Въ концѣ королевскихъ грамотъ и прежде очень часто поименовывались тѣ радные паны, которые присутствовали при данномъ распоряженіи государя; ихъ имена перечислялись послѣ словъ: «при томъ были». Возникновеніе этого обычая очень древнее. Когда дѣлалось какое-либо важное распоряженіе или постановленіе, было необходимо при немъ присутствіе свидѣтелей, могущихъ потомъ напомнить и засвидѣтельствовать совершившееся передъ ними. Документъ можетъ погибнуть легко,

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 40—41 об.

²⁾ Ibidem. Л. 19. См. выше, стр. 312, прим. 1.

а въ древнѣйшее время Метрикъ не было и о сохраненіи документовъ Литовское правительство не заботилось такъ, какъ это оно дѣлало впослѣдствіи. Свидѣтели постановленія или распоряженія должны были замѣнять въ то время актовыя книги, и ихъ заявленіе должно было замѣнять выпись изъ книгъ позднѣйшаго времени. Нѣкоторые документы прекрасно рисуютъ такое значеніе тѣхъ, кто «при томъ были». Такъ, Рижскій архіепископъ Альбертъ, давая въ 1269 году Іоанну Гизенгаузену въ ленъ имѣнія, которыми прежде «*jure feodali*» владѣлъ «*Th. miles dictus de Kokenus et uxor ejus Sophia*» по пожалованію Рижскаго епископа Николая, такъ заканчиваетъ свою грамоту: «*hujus rei testes sunt dominus Iohannes praepositus, Iohannes cellerarius, Conradus Hauerland canonici Rigenses, dominus Iohannes miles dictus de Dolen, Iohannes de Ungaria, Gerandus Livo, vassali nostri et alii quam plures*»¹⁾. Жалованная грамота великаго князя Литовскаго Свидригайла его вѣрному слугѣ, пану Ершу Терешковичу, данная 9 января 1450 года, заканчивается также подобнымъ указаніемъ на свидѣтелей сдѣланнаго пожалованія. Въ концѣ ея читаемъ: «а при томъ были свѣтки—рада, князь Михайло Васильевичъ, а князь Иванъ Романовичъ, а панъ Немиря, староста Луцкій, а панъ Сѣмашко Михайловичъ, а панъ Юшко Войдатовичъ, а панъ Сенко Калениковичъ, подскарбій и подканцлерій нашъ, а иныхъ много добрыхъ при томъ было»²⁾. Невольно напрашивается на сравненіе обычай, существовавшій и у частныхъ лицъ приглашать свидѣтелями «людей добрыхъ» при гражданскихъ своихъ актахъ—имъ будетъ «свѣдомо» распоряженіе, или сдѣлка, и они, когда потребуется, подтвердятъ ихъ дѣйствительность³⁾. Итакъ обычай

¹⁾ *Źródła do dziejów Polskich, wydawane przez Michała Grabowskiego i Alexandra Przegdzickiego. T. I. Wilno 1845. Str. 125, 126.*

²⁾ Вил. Арх. Сб. VII. № 3.

³⁾ Примѣровъ чрезвычайно много въ документахъ гражданскихъ актовъ въ книгахъ Литовскихъ судовъ. Особенно хорошо и ясно опредѣляетъ это «при томъ были» записная грамота Виленскому Пречистенскому собору, данная княгинями, Софіей Дмитриевой Зубревицкой и Маримьяною Семеновною Трабской (6 августа 1486 года). Въ концѣ ея читаемъ: «а свѣдомо то князь Ивану Жославскому, а князь Ивану Васильевичу, а пану Андрею Олександровичу, подскарбьему королеву, а брату его пану Солтану, маршалку короля его милости, а брату нашему князю Семену Юрьевичю Галшанскому, а князю Ивану Глинскому, архимандриту Лаврошевскому Θεодосію, а пану Θεодку, господаря нашего писарю». Вил. Арх. Сб. VI. № 1. Иногда писалось: «а при томъ были и того суть добре сведоми». Нпр., А. Вил. XX. №№ 6, 17 и др.

перечисленія пановъ-радъ въ королевскихъ грамотахъ древній, и возникъ онъ изъ потребности, чтобы каждое распоряженіе государя, имѣющее государственное значеніе, и каждое его пожалованіе имѣли свидѣтелей, которые могли бы ему напомнить о содержаніи его, когда встрѣтится въ томъ надобность для самого великаго князя, или для лица, въ немъ заинтересованнаго. Даже въ концѣ третьей четверти XVI вѣка, несмотря на заботы о сохраненіи книгъ Метрики государственной, случилось, что король откладывалъ дѣло до сейма, когда соберутся паны-рада, такъ какъ онъ не можетъ «себе на память привести» своихъ листовъ, данныхъ по дѣлу прежде ¹⁾. Въ эпоху избирательнаго правленія упоминаніе о радныхъ панахъ, знающихъ о данномъ распоряженіи королевскомъ, дѣлаемое или въ старинной формѣ «при томъ были», или въ самомъ текстѣ грамоты съ указаніемъ на ихъ роль при разрѣшеніи дѣла, пожалованіи, или повелѣніи королевскомъ приобрѣтаетъ, несомнѣнно, новое значеніе: оно является доказательствомъ извѣстности панамъ-радамъ королевскаго дѣянія и отсутствія въ немъ произвола. Иначе и быть не можетъ: народу-шляхтѣ нужна была гарантія правильности распоряженій короля, ему совершенно неизвѣстнаго и даже чуждаго по національности. На почвѣ незнакомства избраннаго короля съ государствомъ и народомъ выростала обязанность, обращающаяся потомъ въ сознаніи дѣятелей въ право, — руководить королемъ, сидящимъ на избирательномъ престолѣ Речи Посполитой. Такимъ образомъ и долженъ былъ создаться такой порядокъ, что король ничего, сколько-нибудь имѣющаго государственное значеніе, не могъ сдѣлать безъ соглашенія со своими радными панами, хотя, конечно, отъ личности короля зависѣло смягчить и ослабить для себя такое положеніе королевской прерогативы.

Окруженный своими панами-радами, своими совѣтниками и наблюдателями, король пользуется ими и при своемъ судѣ. Учасіе пановъ-радъ въ высшемъ, королевскомъ судѣ Литовскомъ можетъ быть раздѣлено на два главные вида. Король творитъ свой судъ вмѣстѣ съ панами-радою лично, или же они судятъ самостоятельно. Королевскій судъ до 1581 года, т.-е. до учрежденія главнаго трибунала въ Княжествѣ, былъ единственною апелляціонною инстанціею для Литовскихъ судовъ, такъ какъ су-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 1. См. выше, стр. 629, 630.

довыя сѣзды пановъ-радъ не привились въ Литвѣ¹⁾. Мы видѣли выше, какъ обремененъ былъ массою судныхъ дѣлъ король по апелляціямъ. Но являясь апелляціонной инстанціей, королевскій судъ былъ въ то же время и инстанціей первой и окончательной для цѣлаго ряда справъ судовыхъ. Такъ, «ображеніе маестату господарского» подлежало суду короля вмѣстѣ съ его панами-радою²⁾. Государевыхъ вранниковъ по преступленіямъ по ихъ должностямъ, «кому бы кольвекъ кривда се дѣяла, або видѣла» судилъ также только государь³⁾. Если король пребываетъ съ дворомъ своимъ въ Княжествѣ и при «бытности» его «учинилъ хто кому квалтъ, бой, раны, або якую шкоду» на дворѣ королевскомъ, то виновный «не маеть се повѣтомъ вымовляти, а ни позвы брати и ими се закрывати», но долженъ сразу быть поставленъ королевскимъ дворяниномъ предъ короля, или его дворный Литовскій судъ, «кому то отъ» короля «злецоно будетъ»⁴⁾. Аренда мыта сопровождалась, обыкновенно, также дарованіемъ арендатору права быть подсуднымъ только одному королю⁵⁾. Мы уже видѣли, что невозможность для короля управиться со всею массою подлежащихъ его «розсудку» дѣлъ, вызвало учрежденіе трибунала⁶⁾, видѣли также ассессорскіе суды, возникшіе, какъ видъ дворнаго королевскаго суда Литовскаго⁷⁾. Теперь мы должны коснуться лишь участія пановъ-радъ въ двор-

¹⁾ См. выше, стр. 181, 182.   ²⁾ II ст. I. 3.

³⁾ II ст. IV. 45.   ⁴⁾ II ст. IV. 18.

⁵⁾ Напримѣръ, въ грамотѣ Сигизмунда Августа на аренду старыхъ и новыхъ мытъ во всемъ Княжествѣ, данной въ Кнышинѣ 15 августа 1569 года королевскимъ подданнымъ, «жидамъ Берестейскимъ», Исааку Бродавкѣ и Менделю Изаковичу, а вмѣстѣ съ ними и королевскому секретарю Валентому Иберфельту, читаемъ: «к тому тежъ они, мытники наши, слугъ своихъ, которыхъ будутъ на мѣстахъ своихъ на коморахъ головныхъ и на прикоморькахъ зоставовати, и кому бы кольвекъ якая потреба была, мають сами судити, а воеводы, старостове, деръжавъцы и ихъ намѣстники, войты и бурмиетры до ихъ слугъ ничего мети не мають, звлаца в речахъ мытныхъ и промытахъ звыклыхъ окромъ кривавыхъ чотырохъ причинъ, естлибы ся от слугъ ихъ який квалтъ, або забойство, пожога, або пакъ розъбой кому сталъ, таковыхъ вранники замъков и дворов наших мають и вольни будутъ судити и радити подле ихъ правъ и привилъевъ жыдовъскихъ, ведъже самыхъ тыхъ мытниковъ нашихъ особъ во всякихъ речахъ, буд купецъкихъ и мытныхъ, або и кривавыхъ, яко ся вышей поменило, не маеть никто з воеводъ, старость, державецъ и ихъ намѣстниковъ судити, одно мы господаръ, або подскаръбий нашъ земскій». Лит. Метр. $\frac{IV A}{10}$ л. 31 об.

⁶⁾ Стр. 181 и сл.   ⁷⁾ Стр. 393.

номъ судѣ Княжества. Участіе ихъ имѣло мѣсто въ трехъ формахъ дворнаго суда. Эти формы были слѣдующія: 1) судъ короля совмѣстно съ панами-радами; 2) судъ однихъ пановъ-радъ и 3) судъ ассессорскій. Съ ассессорскимъ судомъ мы уже познакомились выше, а потому остановимся теперь лишь на первыхъ двухъ видахъ дворнаго суда Княжества.

«Смотрели есмо того дела с паны-радами нашими ихъ милостью короны Польское и великого князства Литовского, на тотъ часъ здесе, у Варшаве, при нас господари будучыми» — такъ начинается актъ разсмотрѣнія Стефаномъ Баторіемъ на сеймѣ Варшавскомъ въ январѣ 1580 года апелляціи отъ земскаго суда въ тяжбѣ вечнаго Литовскаго, пана Димитрія Есифовича Халецкаго съ землянкою господарскою Васильевою Коптевою, панею Полонеею Воловичовой ¹⁾. Во время сейма особенно удобно королю заниматься разсмотрѣніемъ судебныхъ дѣлъ, такъ какъ на сеймѣ собирается сенатъ въ полномъ составѣ. Въ обыкновенное время малочисленность сенаторовъ, находящихся въ данную минуту около короля, заставляла его иногда отлагать дѣло до сейма. Такъ, дѣло земскаго Виленскаго судьи, «урождонаго» Яна Войтеховича Млечка, съ Полоцкимъ воеводою, паномъ Николаемъ Дорогостайскимъ ²⁾, король Стефанъ «смотрѣлъ» въ Городнѣ 23 ноября 1584 года ³⁾ вмѣстѣ «с паны-радами» своими, «на тотъ часъ» при королѣ бывшими. Но по причинѣ малаго числа сенаторовъ, находившихся тогда при королѣ, дѣло было отложено до предстоявшаго въ 1585 году сейма ⁴⁾, очевидно, съ расчетомъ для короля имѣть возможность посоветоваться съ цѣлымъ сенатомъ.

Но во время сейма вовсе не обязательно для короля личное

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 10—11.

²⁾ «О неуступене села Бержъ, в державе его милости Бойсакколской ему в суме пенезей заведенного».

³⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 324 об.—326.

⁴⁾ «Мы господаръ, намовившыся в томъ с паны-радами нашими, выслушавшы обудву сторонъ, спору и мовенья, а не хотечы тое sprawy на сесь часъ выроком нашимъ кончыть для малое личьбы панов-рад нашихъ, пры насъ на тотъ час будучых, тую справу отложыли есмо до сойму валного, близко прышлого в року прышлом 85-мъ обеюм сторонамъ. Што для памети до книгъ нашихъ господарьскихъ канъцлярейскихъ вписано». Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 326.

разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ, восходящихъ на судъ королевскій. Дѣла могутъ разсматривать и одни паны-рада безъ короля, притомъ не въ полномъ составѣ сената, а въ составѣ лишь нѣсколькихъ сенаторовъ, назначенныхъ королемъ. Напримѣръ, актъ sprawy Пинскаго земянина Семена Яцковича съ земяниномъ Клецкимъ, Войною Пахабомъ объ имѣніи Кривчицкомъ и о двухъ домахъ въ мѣстѣ Пинскомъ, составленный 11 іюля 1570 года въ Варшавѣ, во время сейма, гласить: «будучи намъ господару (Сигизмундъ Августъ) на сойме великомъ валномъ здесь у Варшаве, за росказаньемъ нашимъ смотрели того дела панове-рады ихъ милость, воевода Виленский, канцлеръ великого князства Литовского, староста Лидский, державца Мозырский и Борысовский, панъ Миколай Радивил, пан Троцкий, подканцлерийъ великого князства Литовского, староста Берестейский и Кобринский, панъ Остафей Воловичъ, староста Жомоитский, маршалокъ земский великого князства Литовского, администратор и гетманъ земли Ифлянтское, староста Ковенский, державца Плотелский и Телшовский, панъ Янъ Ходкевич»¹⁾. Тѣ же лица разсматривали судебныя дѣла и въ другіе дни²⁾. Паны-рада, разсматривая по королевскому порученію судебное дѣло, иногда сами разрѣшали его³⁾, но въ большинствѣ случаевъ, не постановляя своего рѣшенія, докладывали его королю, брали справу «на опытанье маестату его королевское милости»⁴⁾. Паны-рада, «на прослуханье тое sprawy от его королевское милости высажонные», представляли дѣло королю—«такъ, якося оная справа перед их милостю точила, его королевской милости оповедили и реляцыю вчинили», и уже король разбиралъ дѣло и постановлялъ приговоръ⁵⁾.

Разсмотрѣніе дѣла панами-радою имѣеть, конечно, силу раз-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. 234—236 об.

²⁾ Нпр., 14 іюля 1570 года—«справа князя Анѣдрея Курпъского з Матеем Рудоминою о збитье и поранене товаришов роты его». Ibidem. Л. 238 об.—244.

³⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 303—303 об.—«Вызволене от позву и року земенина повету Слонимского Ждана Миколаевича в запозваню от кашталяна Новгородского, старосты Слонимского, пана Григоря Воловича, его, а не инстыкгаторским именем, о 4 волоки в селе Бракове в повете Слонимском etc». Дата: Городна, 18 ноября 1584 года.

⁴⁾ Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. 275 об. ⁵⁾ Ibidem. Л. 278—279.

смотрѣнія его самимъ королемъ непосредственно. Оно вписывается въ канцелярейскія книги, и его актъ имѣетъ форму королевскаго листа, который пишется подъ королевскимъ титуломъ, отъ его собственнаго имени. Напримѣръ—«Стефан Божю милостю король. Смотрели того дела зъ розказаня нашего их милостю панове-рада наши. Приточиласе справа перед насъ господара за позвомъ нашимъ подкоморому Жомоитскому, державцы Скирстомонскому и Росенскому, пану Венцлаву Шемету зъ врадниками земскими Жомоитскими, паномъ Казимером Яновичомъ Орвидом, судею, а паномъ Криштофом Яновичомъ Белевичом, штож дей...»¹⁾ и т. д. Далѣе идетъ изложеніе самага дѣла и его разбора. Но конецъ акта говоритъ уже о непосредственномъ участіи самого короля въ этомъ дѣлѣ. «Мы с тыхъ причинъ», читаемъ въ заключительныхъ строкахъ документа, «намовивъшися зъ их милостю паны-радами нашими» и т. д.²⁾—слѣдуетъ изложеніе приговора. Статутъ прекрасно знаетъ, что судъ короля производится имъ совместно съ сенаторами. Говоря о виновномъ въ «ображеньѣ маестату господарского»³⁾, онъ отъ имени короля гласитъ: «таковый с права зъ розсудку нашего с паны-радами нашими Великого Князства Литовского честь, горло тратить» и т. д.⁴⁾. Но если судъ короля совместно съ панами-радою является судомъ его съ совѣта сенаторовъ, то существованіе суда радныхъ пановъ однихъ является несомнѣннымъ доказательствомъ того, что король самъ не могъ управляться со всею массою судовыхъ дѣлъ, которыя восходили на его разрѣшеніе. Источники сохранили ясное сознаніе населеніемъ Княжества одинаковаго значенія суда сенаторовъ и суда самого короля. Въ одномъ земельномъ дѣлѣ разсмотрѣнномъ комиссарами⁵⁾, высланными въ 1599 году королемъ Сигизмундомъ III-мъ⁶⁾, Берестейскіе мѣщане такъ высказались по поводу листа, представленнаго противною стороною: «на тотъ листъ мѣщане повѣдили, же тотъ кгрунтъ, ижъ его менуетъ шляхецкимъ, не есть водле права справлений, бо

1) Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 208 об.

2) Ibidem. Л. 209. 3) II ст. I. 3. 4) Ср. II ст. III. 4.

5) Григорій Война, кашталянъ Берестейскій, Янъ Шуйскій подкоморій Берестейскій, Мальхеръ Райскій дворянинъ королевскій.

6) Дѣло о спорной землѣ между земляниномъ Иваномъ Калиховичемъ Брезовскимъ и Берестейскими мѣщанами. А. Вил. VI. Стр. 176.

есть ручной, а передъ его королевскою милостью, або радюю его королевской милости не признаный»¹⁾.

Въ изложеніи отправленія суда на дворѣ государевомъ мы уже встрѣтились съ дѣятельностью пановъ-радъ не совмѣстно съ самимъ королемъ, а лишь по его слову, по данному порученію. Но не на одномъ только дворѣ королевскомъ имѣла мѣсто такая дѣятельность сенаторовъ. Коммиссіи, порученія «за листомъ комисійнымъ» были для пановъ-радъ дѣломъ обычнымъ. Онѣ имѣли и несудовый и судовой характеръ. Судовыя порученія давались королемъ панамъ-радамъ, конечно, въ дѣлахъ чрезвычайной важности, которыхъ обыкновенный судъ не могъ разрѣшить съ достаточнымъ авторитетомъ. Напримѣръ, въ 1571 году Сигизмундомъ Августомъ было дано нѣсколькимъ панамъ-радамъ порученіе разобратъ дѣло о копцѣ Вечельскомъ, содержаніемъ котораго была междуусобная война двухъ ротмистровъ изъ-за этого копца²⁾. Король «предложилъ» это дѣло на Виленскаго бискупа Валеріана, Виленскаго воеводу и канцлера Николая Радивила, Виленскаго кашталяна и гетмана наивысшаго Григорія Ходкевича, Троцкаго кашталяна и подканцлера Евстафія Воловича и земскаго подскарбія Николая Нарушевича. Король приказалъ написать имъ «листъ» королевскій, «абы их милость на онъ часъ, кгда на соймикъ поветовый воеводства Виленского, который маеть быти месеца декабра девятого дня, зъедуться, на той справе засели и, обудвомъ сторонамъ перед собою стати казавши, того межи ними досмотрели и всего того, яко се деяло, знову межи ними прослухали», постановили приговоръ и государю «о всем том писаньемъ своимъ ознакомили».

По учрежденіи въ Княжествѣ трибунала, этотъ судъ также сталъ высылать пановъ-радъ повѣтовыхъ на разсмотрѣніе граничныхъ дѣлъ по апелляціямъ отъ суда подкоморскаго. Но мы уже знаемъ обязанность кашталяновъ быть членами комиссій, высылаемыхъ по апелляціямъ отъ подкоморскаго суда. Особенно удобнымъ представлялось королевское порученіе раднымъ панамъ разсмотрѣть ту или другую претензію обывателей въ то время, когда они входили въ составъ ревизорской ком-

¹⁾ А. Вил. VI. Стр. 172.

²⁾ «Отпись до кашталяна Полоцкого пана Зеновича и до пана Боркулаба Корсака о Телицу и Кошича». Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 3—4 об. См. выше, стр. 433, 434.

миссиі, посланной въ мѣстность, гдѣ возникла эта претензія. Такъ, въ 1581 году король Стефанъ предписалъ комиссарамъ, высланнымъ имъ «на ограниченье» Бѣловѣжскихъ пуццъ Берестейскому кашталянѣ Богдану Сапегѣ и королевскому секретарю Станиславу Локницкому—разсмотрѣть дѣло по жалобѣ Берестейскаго земскаго судьи Адама Потя съ братьями и Берестейскаго подстаросты Малхера Райскаго, именемъ его жены, пасербовъ и всѣхъ участниковъ имѣнія Рѣчицкаго, на захватъ Подляшскимъ кашталянѣмъ Матвѣемъ Савицкимъ ихъ входовъ въ пуццу Бѣловѣжскую по имѣнію Черные Лозы ¹⁾. Не слѣдуетъ, конечно, думать, чтобы во всякой комиссиі, посылаемой королемъ, находился радный панъ, какъ непремѣнный членъ ея. Бывали случаи комиссій королевскихъ безъ всякаго участія въ нихъ сенаторовъ ²⁾. Иногда ревизоры высылались на ревизію столовыхъ земель цѣлаго повѣта. Такъ, Жомоитскій бискупъ Мальхеръ князь Гедройтъ вмѣстѣ съ королевскимъ маршалкомъ и Ошменскимъ подкоморіемъ Яномъ Полускимъ Довквидомъ дѣйствуютъ въ 1577 году, какъ «одъ его королевское милости до добръ господарскихъ въ воеводствѣ Берестейскомъ на ревизію высланныи» ³⁾. Коммиссія, дававшаяся раднымъ панамъ, касалась всегда предметовъ серьезнаго значенія, а иногда являлась дѣломъ особенно важнымъ. Къ числу такихъ дѣлъ нужно, конечно, отнести установленіе границъ территорій Литвы и Польши послѣ заключенія Люблинской Уніи. Определеніе границъ Подляшья, вошедшаго въ 1569 году въ составъ Короны, было поручено въ 1576 году королемъ Стефаномъ Подляшскому воеводѣ Николаю Кишкѣ и кашталянамъ Бѣльскому, Жигмунту Чижовскому, и Варшавскому, Войтеху Ренчайскому,—съ Польской стороны, и Полоцкому воеводѣ, Смоленскому кашталянѣ Доминику Пацу и Литовскому крайчію Кишкѣ—со стороны Княжества ⁴⁾. Не менѣе серьезнымъ дѣломъ являлась и назначенная въ 1588 году, комиссія въ Инфлянты, въ составъ которой вошли Смоленскій воевода Янъ Волменскій, Минскій кашталянъ Вацлавъ Агриппа и другіе несенаторскіе врядники ⁵⁾.

¹⁾ А. Вил. VI. Стр. 135—136.   ²⁾ Нпр., *ibidem*, стр. 139.

³⁾ А. Вил. III. Стр. 13.

⁴⁾ Библіотека Главнаго Штаба. Acta Historyczne. XI. Заглавіе документа: «Deputantur comisarii ad constituendos fines et terminos inter Magnum Ducatum Lithuaniae et Palatinatum Podlachiae». См. выше, стр. 169, 170.

⁵⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 281, 281 об.

Для мирныхъ переговоровъ также назначались паны-рада. Напримеръ, въ ноябрѣ 1581 года были назначены для веденія переговоровъ о мирѣ съ Московскими уполномоченными—Браславскій воевода, дворный Литовскій маршалокъ и при нихъ третьимъ Гарабурда ¹⁾, а для переговоровъ подъ Люценъ во время того же Псковскаго похода Баторія—Троцкій каштелянъ вмѣстѣ съ Собѣскимъ ²⁾.

Итакъ, предметы порученій, даваемыхъ отдѣльнымъ панамъ-радамъ, могутъ быть самыми различными. Всякое дѣло, представляющеея почему-либо особенно серьезнымъ и важнымъ, могло требовать авторитета сенатора для своего разрѣшенія. Выше мы видѣли участіе сенаторовъ и въ дѣлѣ проверки шляхетства. Такимъ образомъ, паны-рада не только являлись совѣтниками короля и вѣдали въ своихъ совѣщаніяхъ дѣла государственныя, они часто дѣйствовали облеченные и исполнительною властью въ дѣлахъ первостепеннаго государственнаго значенія. Не менѣе важнымъ представляется участіе пановъ-радъ въ подготовкѣ предстоящаго сейма. Актъ Люблинской Уніи требуетъ, чтобы спольные Польско-Литовскіе сеймы собирались въ Польшѣ тамъ, гдѣ это покажется наиболѣе удобнымъ королю и панамъ-радамъ ³⁾. Это требованіе исполняется королями, которые послѣ 1569 года назначаютъ сеймы, «за доложенъемъ и радю ихъ мл. пановъ-радъ Корунныхъ и великаго князства Литовскаго» ⁴⁾, обозначая, впрочемъ, иногда короче—«за радю пановъ-радъ нашихъ» ⁵⁾. Определеніе времени и мѣста для сейма, равно какъ и предварительное обсужденіе вопросовъ и дѣлъ, которые будутъ представлены правительствомъ на сеймовое разсмотрѣніе, были дѣломъ короля и сената нераздѣльно. Въ 1571 году, зимою, паны-рада великаго княжества Литовскаго получили отвѣтъ ⁶⁾ короля Сигизмунда Августа на свою просьбу объ отсрочкѣ сейма, назначеннаго на

¹⁾ Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 160.   ²⁾ Ibidem. Стр. 172.

³⁾ См. выше, стр. 2.

⁴⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{56}$ л. 20 об.

⁵⁾ «...для пилныхъ и великоважныхъ потребъ Речи Посполитое за радю пановъ-радъ нашихъ зложили есмо соймъ валный у Варшаве...» (на 2 февр.

1587 года). Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 200. Дата документа: Городно, 8 ноября 1586 года.

⁶⁾ Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 5 об.—7. Дата: Варшава, 25 ноября 1571 года.

день Трехъ Кролей 1572 года, ввиду «казни Божьей», повѣтрія, которое свирѣпствовало въ то время не только «мало не по всихъ сторонахъ» въ Княжествѣ, но проникло и въ Корону и тамъ распространилось «мало не по всихъ кутехъ». Король на просьбу Литовскихъ сенаторовъ отвѣтилъ предписаніемъ съѣхаться на сеймики 9 декабря, какъ это и было предписано раньше, для выбора повѣтовыхъ пословъ на трекрольскій сеймъ 1572 года. Что касается до отсрочки сейма, то король говоритъ объ этомъ такъ: «о томъ ни от кого с пановъ-рад нашихъ Корунныхъ до насъ не писано, намъ тежъ самымъ откладати нельзя, на што ся ваша милость, вси панове-рады наши первой зезволили». Далѣе король продолжаетъ: «хиба, если бы, чого Боже вховай, былъ кгвалтъ, а казнь Божая ширила ся, для которое бы трудно сеймовати, тогда роскажемъ вашей милости ознаймити о всемъ достаточне, если ся съемъ далей помъкнуги мусить, а соймики на положонный часъ пред ся кгды дойдуть и послы ся оберуть, ино тымъ ся ничого не затруднить, але то еще лепей, же готовы будутъ ехати на съемъ, хотяжъ бы ся и предложилъ на дальшій часъ». Этотъ королевскій «отпись» данъ Литовскимъ сенаторамъ, которые поименно перечисляются въ обращеніи королевскомъ, а именно Виленскому воеводѣ и канцлеру Литовскому Николаю Радивилу, пану Виленскому и гетману наивысшему Литовскому Григорію Ходкевичу, пану Троцкому и подканцлеру Княжества Евстафію Воловичу и маршалку земскому Литовскому, старостѣ Жомойтскому, Яну Еронимовичу Ходкевичу. Приведенный «отпись» ясно говоритъ о предварительныхъ сношеніяхъ короля съ сенатомъ обоихъ народовъ, которыя бывають передъ сеймомъ для получения согласія сената на предполагаемый созывъ сейма.

Мы видѣли сейчасъ дѣятельность радныхъ пановъ въ королевскомъ совѣтѣ и въ коммиссіяхъ и порученіяхъ, даваемыхъ имъ государемъ. Въ глазахъ народа-шляхты и прочаго населенія панъ-рада, несомнѣнно, являлся окруженнымъ ореоломъ величія и «мощности», силы и вліянія. Такое положеніе пана-рады имѣло по понятіямъ вѣка и свою идеальную основу. Восхваляя предковъ пана Василя Тишкевича, воеводы Подляскаго, привилей Сигизмунда Августа ¹⁾, данный ему на графство 5 ноября 1569 года, гласить: «домъ его милости з давнихъ часовъ славне и мужне господаромъ своимъ за предковъ нашихъ великихъ князей Ли-

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I}{49}$ л. 47 об.—48 об.

товских служилъ и в томъ панъстве, великомъ князьстве Литовскомъ, в справах своих почтивых от пановъ своих не последне былъ поважанъ, а с початку фамилии своея зацные а великие мужества чинечи и войска водечи, неприятелей господарей своих потлумяли и горла свои на службахъ клали и, значне на всемъ речи посполитой и паномъ своимъ служивши, часу покою в каждой пильной престрозе вольности свободъ тутошняго панъства нашего великого князства Литовского и в раде будучи з местца своего повинъности своее не опускали». Такимъ образомъ, службы государевы и охрана свободъ и вольностей—дѣло пана-рады. Ясно, что и то, и другое должно было получить свое признание въ лучшей части населенія и дать панамъ-радѣ право на его уваженіе. Слово раднаго пана не можетъ возбуждать сомнѣнія въ своей истинности. «Были бы то дивныи и непотребныи речи, ижъбы еще не могло быти вѣры додавано вашей милости, предней радѣ его королевской милости»—писалъ земскій подскарбій и дворный маршалокъ Княжества Иванъ Горностай Жомойтскому старостѣ Ерониму Ходкевичу ¹⁾. Засѣдая въ королевской радѣ, панъ-рада можетъ «контрадыковати» ²⁾ противъ всякаго распоряженія, которое онъ считаетъ неправильнымъ. Онъ можетъ вступиться и за интересы отдѣльныхъ лицъ, которымъ грозитъ враждебное настроеніе короля и части сената, и можетъ защитить ихъ своимъ словомъ и вліяніемъ. Тотъ же Иванъ Горностай писалъ къ тому же Ерониму Ходкевичу, прося его помощи и защиты противъ Виленскаго кашталяна: «не стоечи, але седечи при его королевской милости, панѣ нашомъ милостивомъ, рачь ми зычливостью и пріязнью вѣрною зъ сердца своего у справедливости и въ невинности моей противко того пана допомогати. А естли, пане господине, усхотятъ меня бити и за бороду рвати, ваша милость рачьте мя боронити и не рачьте мя, ваша милость, повольного своего отъ себе отметывати, але по старому рачьте ласкави быти» ³⁾. Желаніе пользоваться расположеніемъ того, или другого сенатора

¹⁾ Вил. Арх. Сб. I. № 54. Издатели этого тома совершенно невѣрно отнесли документъ къ 1580 году. Онъ писанъ ранѣе 1558 года, такъ какъ Иванъ Горностай умеръ въ этомъ году. Еронима Ходкевича также не было въ 1580 году въ живыхъ, онъ умеръ въ 1561 году. См. *J. Wolff. Senat. i dign. Str. 185 i 92.*

²⁾ А. Вил. VI. Стр. 207.

³⁾ Вил. Арх. Сб. I. № 45. Необходимо отмѣтить ошибку издателей въ датированіи и этого документа, такъ какъ онъ относится ко времени до 1558 года, какъ и № 54.

было совершенно обычнымъ чувствомъ шляхты и врьдниковъ Литовскихъ. Филонъ Кмита, занявшій въ 1579 году самъ мѣсто въ «лавицѣ радъ» королевскихъ, такъ писалъ изъ Орши 5 декабря 1573 года Евстафію Воловичу ¹⁾: «ваша милость, мой милостивый государь! ведле милостиваго а наибольшаго ба- ченя вашей милости панскаго, рачь разсказать зъ милостивое ласки своее до ихъ милости ²⁾ тотъ листокъ, отъ мене, слуги ва- шей милости, писару вашей панской милости справить, а я за таковую милостивую ласку вашей милости, пана государя моего, Пана Бога просечи, за счастливое панованіе вашей милости вѣчне службами моими заслужовать повиненъ буду».

Но если для врьдниковъ и шляхты, обладавшихъ политическими правами въ государствѣ, расположеніе и ходатайство раднаго пана были такъ цѣнны и заманчивы, то еще дороже были они для мѣщанъ. Если мѣщане не упускаютъ случая расположить въ свою пользу всякаго врьдника земскаго, или дворнаго, сдѣлавъ ему подарокъ на средства своего мѣстскаго скарба, то, конечно, рад- ный панъ, проѣзжающій черезъ мѣсто, получаетъ обильные дары отъ депутаціи мѣщанъ, являющейся къ нему съ поклономъ, при- вѣтствіемъ и просьбою не забыть своею «ласкою» ихъ мѣсто. При- ходо-расходныя книги городовъ Западно-Русскихъ сохранили списки такихъ подношеній, составлявшихъ, въ концѣ концовъ, довольно крупный расходъ въ городскомъ хозяйствѣ. Такъ, когда въ на- чалѣ 1686 года въ Могилевъ пріѣхалъ канцлеръ Литовскій (князь Мартіянъ Огинскій), то послѣ встрѣчи его и проводовъ въ за- мокъ, войтъ ³⁾ «запросилъ пановъ маистратовыхъ, пана Кондрата Автушковича Войта и пановъ бурмистровъ и радець, такъ роч- ныхъ, яко и не рочныхъ, на ратушь». Это совѣщаніе, по всей вѣроятности, и имѣло своимъ предметомъ обсужденіе вопросовъ, которые были связаны для Могилева съ пребываніемъ въ немъ «ясневельможнаго его милости канцлера». На слѣдующій день, т.-е. 5 января, магистратъ ⁴⁾ ходилъ къ канцлеру съ поклономъ. При этомъ «поклону» было дано ему 50 штукъ «таляровъ твар- дыхъ», что составило сумму въ 300 золотыхъ. Разумѣется нельзя было вручить эти деньги просто, нужно было ихъ обернуть или

¹⁾ Źródła do dziejów Polskich, wydawane przez Mikołaja Malinowskiego i Alexandra Przędzińskiego. Tom drugi. Str. 246. См. выше, стр. 681.

²⁾ Т.-е. къ остальнымъ панамъ-радамъ Литовскимъ.

³⁾ Ист.-Юр. Мат. IV. Стр. 68—71.   ⁴⁾ «Панове маистратовые».

положить во что-нибудь, и на обертку («увиване») этих талеровъ прибрѣтенъ отъ райцы, пана Яна Коробанки локоть «китайки небесное воднистое». Не забыта была и пани «канцлеровая». Ей были поднесены два сорока горностаевъ на сумму въ 115 золотыхъ. При этомъ канцлеру магистратъ предложилъ въ видѣ дара два гарнца вина «флянскаго» въ красивыхъ бутылкахъ, «флясахъ гарцовыхъ», и разнаго «кореня», какъ-то «цукру», перца, имбиря, «розынекъ великихъ и мнейшихъ», миндалю, «гоздиговъ», шафрану, «рыжу»—всего цѣною на 29 золотыхъ и 20 осмаковъ. Но этихъ даровъ и расходовъ для выраженія городомъ своего почтенія канцлеру было мало. Встрѣча его, когда онъ въѣзжалъ въ Могилевъ, потребовала расходовъ отъ города. «Споткали его всеми цехами» и на стрѣльбу «до дзяль большихъ и мнейшихъ» израсходовали 25 фунтовъ пороху; при этомъ хоругвь «конная», которую держали при торжественномъ въѣздѣ канцлера, обошлась 17 золотыхъ ¹⁾. Маршалокъ канцлера получилъ отъ города 90 золотыхъ. Отъѣздъ канцлера изъ Могилева также былъ соединенъ съ большими расходами для магистрата. Самому ясневельможному его милости опять были поднесены 50 талеровъ, т.-е. 300 золотыхъ, да, сверхъ того, магистратъ израсходовался на его креденцаровъ, гайдуковъ, трубачей, становничія, пана кашяра рейтарскаго, пана поручника и его «товарыство». Приемъ князя Огинскаго Могилевомъ, описанный Могилевскою приходо-расходною магистратовою книгою, разумѣется, не былъ явленіемъ единичнымъ. Такъ пышно встрѣчали въ своихъ стѣнахъ Литовско-Русскіе города радныхъ пановъ, конечно, не только въ концѣ XVII вѣка, но и въ болѣе раннее время, желая имѣть въ нихъ могущественныхъ покровителей и ходатаевъ. Если большинство грамотъ-привилеевъ городамъ не говорятъ о ходатайствахъ радныхъ пановъ за города, то, во всякомъ случаѣ, примѣры ихъ встрѣчаются. Когда Дисненскіе мѣщане хлопотали передъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ о дарованіи имъ Магдебургскаго права ввиду ихъ трудовъ и расходовъ для укрѣпленія замка во время войны съ Москвою, «за ними листомъ своимъ у причинѣ» короля «жедалъ» Григорій Александровичъ Ходкевичъ, Виленскій кашталянъ и гетманъ наивысшій Литовскій, староста Городенскій

¹⁾ За матерію для этой хоругви—15 золотыхъ, «кравцу» за работу—1 зол.; на капу (чехоль) къ хоругви пошло Московскою крашанины 2 локтя по 12 осмаковъ за локоть, да кравцу за работу капы—6 осмаковъ. Ibidem. Стр. 71.

и Могилевскій. Королевская грамота, изданная 20 января 1569 года въ Люблинѣ, гласитъ, что король снисходитъ на челобитье Дисненскихъ мѣщанъ не только «зъ ласки» своей государевой и по удостовѣреніи ихъ трудовъ и «хути ку службамъ» королевскимъ старостою Дисненскимъ, но и «на прымову пана Виленьского»¹⁾.

Паны-рада, какъ и всѣ врядники, служившіе королю и речи посполитой, получали и награды. Этими наградами были пожалованія староствъ и державъ, назначеніе юргельта изъ земскаго скарба, повышеніе въ іерархическомъ порядкѣ сенаторскимъ врядомъ высшаго значенія и дарованіе графскаго титула. Примѣры пожалованій староствъ и державъ мы видѣли выше²⁾, также какъ и примѣры пожалованія юргельтовъ³⁾. Жаловались сенаторамъ и пляцы въ городахъ для постройки домовъ⁴⁾. Повышеніе по ступенямъ іерархической лѣстницы сенаторскихъ вря-

1) А. Ю. и З. Р. I. № 151. 2) Стр. 269 и сл. 3) Стр. 615 и др.

4) «Лист пану Троцкому на пляц в Городне.—Стефан Божю милостю корол Полскій, великий княз Литовскій, Русскій, Прусскій, Жомоитскій, Мазовецкій, Ифлянтскій, княжа Седмигородское и иных. Ознаймуем сим листом нашим нинешъним и потом в прышълый час будучимъ, иж мы господаръ, того потребно быти видечи, абы для отправованья потреб великоважных господарских и речи посполитое пан Троцкий, подканцълерый и гетьман полный великого князства Литовского, староста Борысовъскій и Солецкій, его милост пан Крыштофъ Радивил, княжа на Дубинках, обецне на дворе нашом господарском пры нас будучимъ, дом свой властъный для покойного мешканя и отправованя таковых справ в месте нашом Городенъском, где бы набълижей замку нашего мети могъ,—с тых причин дали есмо его милости пану Троцкому и сим листом нашим даем пляцъ замковый, пры саду замковомъ надъ рекою Немном лежаком (sic), почавъшы вдолжъ одним концом од рову, идучого од мосту замкового на дол ку Немну, а другим до улицы мостовое, з рынку идучое, противъ дому мешчанина Городенского Стефана Улька, а въ шир з одное стороны, почавъшы от рову пры дому суди земского Городенского, пана Грыгоря Масалского ажъ до край пляцу того над садом замковым, вышей помененым. Мает его милост пан Троцкий сам и потомки его милости помененый пляц так, якова в себе вдолжъ и вшир маеть на волности земской на себе держати и оного, ку пожитку своему наилучшому оборочаючи, спокойно ужывати на вечные и потомные часы, волны будучи тот пляц з будованем, на нем тепер и напотом будучим, отъдати, даровати, продати, заменити и, куды ходтя (sic), водле воли и уподобаня своего оборочати. На шъто для певнейшое ведомости дали есмо его милости пану Троцкому-сес нашъ нашъ (sic) лист с подписомъ руки нашое господаръское, до которого есмо и печат нашу прытиснути розказали. Писан у Городне» 22 іюня 1582 года. «Stephanus Rex. Венцлавъ Акгрипа писарь». Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 156 об.

довъ, равно какъ совмѣщеніе съ однимъ вѣдомъ еще другого, также давались въ награду сенаторамъ за ихъ заслуги. Наконецъ, наградою для раднаго пана могло быть и возведеніе въ графское достоинство. Титулъ графа, «кграбя», — какъ называютъ графа Литовскіе акты, — жаловался далеко не часто. За изслѣдуемый періодъ времени его носили лишь три сенатора — Янъ Ходкевичъ, Василій Тишкевичъ и Николай Криштофъ Радивилъ. «Привилей пану Василю Тишкевичу, воеводе Подляскому на кграбство» былъ данъ Сигизмундомъ Августомъ въ Кнышинѣ 5 ноября 1569 года ¹⁾. Тишкевичъ имѣлъ титулъ графа на Логойскѣ и Бердичевѣ, Ходкевичъ — на Шкловѣ и Мыши ²⁾ и Радивилъ — на Шидловцѣ ³⁾. Графскій титулъ жаловался вельможѣ на тѣхъ или другихъ его

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 47 об.—48 об. Онъ такъ гласитъ объ этомъ титулѣ: «...и хочечи тую паметку его милости таковыхъ верныхъ а значныхъ и пожиточныхъ службъ на особе его милости самого и потомстве его милости зоставити, а розмножаючи зацность и старожитность дому его милости, яко черезъ руки зацные sprawy годные в речи посполитой отъ предковъ потомкомъ суть поданы, хочечи; абы и его милость потомству оздобенье дому его было побудкою до всякихъ зацныхъ справъ, с порадою пановъ-радъ нашихъ даруемъ и даемъ менованому воеводе Подляскому, Менскому и Пенскому старосте, державцы Лысковскому, Межирецкому и Анскому, пану Василю Тишкевичу, самому, детемъ его милости, потомкомъ и щадкомъ, титулъ зацности и вывышенья, то есть кграбство, которое его милость, дети его милости, потомки и щатки с всимъ вывышеньемъ, оздобою и окрасою на вечные часы вживати и на особахъ своихъ носити маюгъ заровно, яко иные граби отъ цезаровъ ихъ милости и королей христьянскихъ учинены и вывышоны суть, такъ яко бы вси оздобы и окрасы, тому титулу належачие, тутъ описаны были. И вжо впредъ речоны воевода Подляскій панъ Василей Тишкевичъ, самъ, дети его милости, потомки и щатки того титулу, кграбства, зо всими належностями, оздобою и вольностями вживати, славить писать, меновать, такъ в панствахъ нашихъ, яко и чужоземскихъ, а гербомъ своимъ прирочонымъ лелива, печатовати маюгъ и вольны будутъ кромъ всякое переказы отъ вшелякого стану подъ караньемъ и виною звыклою, отъ цезаровъ и королей христьянскихъ в таковой справе застановеной, которая, ач в семъ листе нашомъ описана не есть, ветже властне за тымъ нашимъ позволеньемъ розумено быти маеть, яко бы тутъ выображона была, а отъколь бы его милость самъ, дети его милости, потомки и щатки, яко упривилиюваные кграфы, тымъ зацнымъ титуломъ кграбскимъ писатися мели, на вечные часы постановляемъ. уфалаяемъ и тотъ титулъ кграбства вносимъ на именья его милости Логойскѣ и Бердичевѣ».

²⁾ А. З. Р. III. №№ 55, 75, 76, 79, 82, 117. Ср. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 44 об., 46, 50 об., 86, 93 об., 109, 118 об., 119.

³⁾ А. *Boniński*. *Poczet Rodów*. Str. 276.

имѣніяхъ. Но необходимо замѣтить, что имѣвшіе этотъ титулъ далеко не всегда имъ именовались. Василій Тишкевичъ въ своемъ завѣщаніи называетъ себя просто—«я рабъ Божій, Василій Тишковичъ, воевода Смоленскій, староста Менскій и Пинскій»¹⁾. Надпись, сдѣланная на его гробницѣ въ Благовѣщенскомъ храмѣ Супрасльскаго монастыря, также не называетъ его графомъ²⁾. Равнымъ образомъ, и Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ не всегда титулуется графскимъ титуломъ³⁾, а Радивилъ, именуемый графомъ, встрѣчается прямо какъ исключеніе⁴⁾.

Мы видѣли дѣятельность пановъ-радъ при королѣ и въ комиссіяхъ, назначаемыхъ королемъ, видѣли взглядъ на нихъ населенія Княжества и отношеніе его къ нимъ, видѣли и награды, которыя получали сенаторы отъ короля и которыя еще болѣе возвышали отдѣльныхъ лицъ сенаторскаго стана. Прежде чѣмъ переходить къ изображенію дѣятельности и значенія пановъ радъ въ эпохи безкоролевій, мы должны еще коснуться связей, которыя существовали между ними и народомъ-шляхтою и которыя соединяли эти два стана Литовскихъ. Тутъ прежде всего нужно отмѣтить власть и значеніе вряда сенатора въ воеводствѣ, или въ цѣломъ Княжествѣ. Воеводы, кашталяны, маршалки, гетманы, печатари и подскарбій земскій имѣли каждый свою компетенцію и власть, которой должна была подчиняться шляхта въ томъ или другомъ отношеніи непосредственно; соединеніе же нѣсколькихъ урядовъ въ рукахъ одного и того же сенатора еще болѣе увеличивало прямую власть надъ шляхтою ихъ носителей. Кромѣ того, сенаторы всегда владѣли державами и староствами, многіе владѣли староствами судовыми, что еще болѣе расширяло кругъ шляхты и врядниковъ, находившихся въ прямой зависимости отъ нихъ. Такимъ образомъ, самые вряды сенаторовъ ставили ихъ въ извѣстныя сношенія со шляхтою и создавали зависимость ея отъ нихъ, а также ихъ знакомство. Благодаря такому знакомству дѣла-

¹⁾ Вил. Арх. Сб. IX. № 23 (стр. 66).   ²⁾ Ibidem. № 24 (стр. 74).

³⁾ Нпр., А. З. Р. III. № 94, Вил. Арх. Сб. IX, стр. 78. Лит. Метр. $\frac{IA}{57}$ л. 48, 48 об., 49 об., 51 об., 53, 53 об., 102, 103, 104 об., 105 об., 106, 106 об., 107 об., 117 об.

⁴⁾ Нпр., «велможный панъ его милость, панъ Миколай Криштофъ Радивил, княжа на Олыце и Несвижу, кграбя на Шидловцу, маршалокъ дворный великаго князтва Литовскаго». Лит. Метр. $\frac{II A}{51}$ л. 264.

лись возможными ходатайства радныхъ пановъ за шляхту, — отдѣльныхъ шляхтичей и врядниковъ, или за цѣлые повѣты въ ихъ нуждахъ и потребностяхъ. Мы видѣли цѣлый рядъ примѣровъ такихъ ходатайствъ. Паны-рада были посредниками между шляхтою и королемъ, доводя до него нужды и интересы шляхетскіе, но они являлись также и проводниками желаній королевскихъ въ шляхетскія массы. До пановъ-радъ доходятъ слухи «отъ некоторое шляхты»¹⁾, и они передаютъ королю о настроеніи ея по отношенію къ тому или другому королевскому распоряженію, предупреждая разладъ, могущій возникнуть между королемъ и народомъ-шляхтою. Съ другой стороны, они побуждаютъ шляхту на сеймикѣ и вліяютъ на нее въ направленіи, желательномъ для короля, до извѣстной степени создаютъ отношеніе сеймикующей шляхты къ дѣламъ и вопросамъ, сообщеннымъ сеймику королевскимъ универсаломъ и посломъ государя²⁾. Не будемъ забывать, что такое содѣйствіе пана-рады государевымъ планамъ было тѣмъ болѣе цѣннымъ, что сенаторъ, дѣйствуя на сеймикѣ, оказываетъ на сеймѣ свое вліяніе двумя путями: въ званіи раднаго пана онъ засѣдаетъ и высказывается въ сенатѣ въ то время, когда въ посольской избѣ дѣйствуютъ послы повѣтовъ его воеводствъ и староствъ, на которыхъ онъ оказалъ свое вліяніе на ихъ сеймикахъ, лично, или черезъ намѣстниковъ, и которые были сами выбраны подъ его давленіемъ, да и инструкцію привезли съ собою, составленную повѣтовою шляхтою подъ его вліяніемъ. Но кромѣ всего этого, пана-раду съ народомъ-шляхтою связывала необходимость защищать интересы Литовскаго народа отъ опасностей, которыя могутъ имъ грозить отъ дѣйствій избирательнаго короля-чужестранца и «братіи»-Поляковъ. Первый, не имѣя надобности заботиться о государственномъ благосостояніи въ интересахъ своего потомства и династіи, могъ слишкомъ стремиться къ блеску своего царствованія въ ущербъ послѣдующему времени; онъ могъ расточить матеріальныя средства государственнаго скарба на привлеченіе къ себѣ людей, нужныхъ ему для его цѣлей, составляя партію преданныхъ сторонниковъ. Помимо всего этого, простое незнаніе жизненныхъ условій Княжества, его дѣйствительныхъ интересовъ и положенія могло создать цѣлый рядъ

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. 5 об.—7. См. выше, стр. 88—90, прим. 2 и 3.

²⁾ См. выше, стр. 88—90, прим. 3.

его дѣйствій и распоряженій, крайне вредныхъ для речи посполитой Литовской. Что касается до взаимныхъ отношеній Поляковъ и Литовцевъ, то мы уже знаемъ ихъ характеръ въ годы, наступившіе за Уніей 1569 года. Эти отношенія были таковы, что Литва должна была постоянно охранять свои права въ соединенномъ государствѣ отъ покушеній на нихъ со стороны Поляковъ, и паны-рада Княжества были естественными блюстителями интересовъ и правъ Литовской речи посполитой, какъ отдельной самостоятельной части соединеннаго государства. Паны-рада Литвы охраняли свободы, вольности и права Литовскаго народа отъ могущихъ возникнуть для нихъ опасностей со стороны короля и Короны. Это было также крѣпкою нитью, связывающею Литовскую шляхту съ ея сенатомъ.

Но кромѣ извѣстныхъ отношеній, которыя слагались между шляхтою и панами-радами въ силу должностнаго значенія послѣднихъ, существовали между ними отношенія и связи, въ основѣ которыхъ лежало экономическое положеніе радныхъ пановъ, создававшее для нихъ вліяніе среди повѣтовой шляхты. Какъ крупный и богатый землевладѣлецъ, сенаторъ не могъ не пользоваться авторитетомъ среди шляхты тѣхъ повѣтовъ, въ которыхъ лежали его имѣнія. Къ этому необходимо прибавить то вліяніе на повѣтъ, которое было въ рукахъ пана-рады, благодаря службѣ у него цѣлаго ряда служебниковъ-шляхтичей, участвовавшихъ лично на сеймикѣ и обладавшихъ родственными и дружественными связями среди повѣтовыхъ обывателей. Даже врядники, не говоря уже о рядовой шляхтѣ, служили панамъ раднымъ ¹⁾. Кромѣ того, мы видѣли выше, что въ «лавицу радъ» проникали не только издревле вельможные паны, но и шляхтичи повѣтовые и дворяне, постепенно поднимаясь по іерархической лѣстницѣ и, наконецъ, достигая сенаторскаго кресла. Они сохраняли среди повѣтовой шляхты родныхъ, друзей и знакомыхъ и, конечно, черезъ нихъ имѣли полную возможность связи съ повѣтовою шляхтою.

Существовавшая между панами-радою и народомъ-шляхтою связь особенно должна была чувствоваться въ дни безкоролевій. Какова бы ни была дѣйствительная власть короля въ Польско-Литовскомъ государствѣ, онъ занималъ его престолъ и давалъ народу-шляхтѣ свою эгиду «стража справедливости» и защитника.

¹⁾ См. выше, примѣръ Евлашевскаго—стр. 513, 514.

его земель, имущества и жизни отъ враговъ. Но послѣ смерти короля Литовскій народъ оставался лишь со своими сенаторами рядомъ съ народомъ Польскимъ, заботящимся только о себѣ, часто пренебрегая интересами Княжества. Выборы королей стали производиться противъ желаній и заявленій Литвы и даже съ нарушеніемъ ея правъ, на защиту которыхъ она должна была энергично выступать каждое безкоролевье. Само собою разумѣется, что сенатъ Литовскій долженъ былъ тѣснѣе спланиваться съ Литовскою шляхтою каждый разъ, когда наступало безкоролевье. Со смертью короля наступало распаденіе рады соединеннаго королевства на двѣ отдѣльныя рады—Польскую и Литовскую. Не было общаго короля, объединяющаго ихъ, и государственное тѣло соединенной Речи Посполитой распадалось на два, изъ которыхъ каждое начинало вырабатывать свои особыя требованія къ новому королю и каждое отдѣльно вступало въ завѣдываніе своими текущими государственными дѣлами. Для Княжества въ изслѣдуемый періодъ каждое безкоролевье соединялось съ двойными опасностями: съ одной стороны, Москва и Крымъ грозили его границамъ, съ другой—Поляки своими поступками угрожали его правамъ. Создавшееся черезъ это чувство общей опасности для всего Княжества должно было еще болѣе сближать сенаторскій и шляхетскій Литовскіе станы. Но это мало. Въ эпохи безкоролевій просыпалось въ Княжествѣ сознаніе утраченной полной самостоятельности, а, проснувшись, оно должно было воскрешать въ умахъ мыслящихъ людей Литовскихъ пережитые удары Люблинскаго сейма 1569 года. Росло желаніе передѣлать статьи Люблинскаго договора и выговорить себѣ новыя права, измѣняющія его статьи и способныя дать Литвѣ болѣе совмѣстныя съ ея достоинствомъ и настоящимъ значеніемъ условія жизни въ общемъ съ Короною государствѣ. Конечно, въ эти эпохи единеніе и связь между шляхтою и сенатомъ Княжества должны были быть особенно замѣтны.

Въ эпохи безкоролевій дѣятельность Литовскаго правительства, отдѣльнаго отъ Польскаго во время «интеррегни», должна была преслѣдовать двѣ цѣли и развиваться въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, на рукахъ у него были забота о безопасности государства—внутренней и внѣшней—и веденіе текущихъ дѣлъ государственныхъ, которыя при жизни короля велись имъ съ его радю. Паны-рада постоянные блюстители государственнаго блага и распорядители дѣлами въ Княжествѣ, въ то время, какъ всѣ станы

собираются лишь на съѣздъ и дѣлаютъ обязательныя для всѣхъ постановленія. Во-вторыхъ, Литовское правительство должно было заниматься вопросомъ о выборѣ новаго короля, о королевской елекціи, которую Литва должна произвести вмѣстѣ съ Польшею и которая вернетъ Речь Посполитую вновь къ обычному порядку государственной жизни. Мы говоримъ о Литовскомъ правительствѣ; но изъ кого же оно состояло? Правительствомъ великаго княжества Литовскаго во время безкоролевій была Литовская рада и съѣздъ обще-Литовскій. Тѣ обычныя дѣла, которыя при жизни короля велись имъ совмѣстно съ панами-радами, теперь ведутся радными панами одними, совершенно самостоятельно; тѣ же, которыя по своей важности не подлежали рѣшенію короля и сената, а требовали обсужденія сейма и сеймиковъ, рѣшалъ обще-Литовскій съѣздъ, въ вѣдѣніе котораго поступала и масса дѣлъ, и вопросовъ первостепеннаго государственнаго значенія, возникающихъ исключительно во времена безкоролевій, каковы установленіе чрезвычайнаго суда, выборъ новаго государя и т. д.

Въ ряду распоряженій и дѣйствій пановъ-радъ послѣ смерти короля прежде всего выступаютъ ихъ дѣйствія по исполненію тѣхъ распоряженій, которыя уже были сдѣланы покойнымъ королемъ, но которыя оформить и скрѣпить своимъ листомъ помѣшала ему смерть. Изъ привилея короля Генриха, даннаго цирульнику Лукашу Вольфу 20 апрѣля 1574 года «на две селе у пуци Олицкой»¹⁾, узнаемъ, что этотъ Вольфъ представилъ новому королю листъ Сигизмунда Августа, данный ему «на тые две села Мотълавку и Бухты такъже на 15 волокъ лесу и на две волоки сеножати ему даные, и к тому другой листъ некоторыхъ пановъ-рад, на онъ часъ при королю его милости будучихъ, то есть князя Франъцышка, бискупа Краковскаго, подканъцлерога коруны Польское, пана Троцькаго, подканъцлерога великаго князства Литовскаго, старосты Берестейскаго и Кобриньскаго, пана Остафья Воловича, Еронима Синявскаго, каштеляна Каменецкаго, Яна Дульскаго, каштеляна Хельминьскаго, старосты Браньскаго и Рокгозиньскаго, Миколая Криштофа Радивила кнежати на Олице и Несвижу, маршалъка дворного великаго князства Литовскаго, с печатьми и с подписами рукъ ихъ милости, в которомъ пишут, сознаваючи то, ижъ его кролевская милость, в неспособномъ здорověю будучи, ихъ милости то, ижъ ему таковое опатренье за

¹⁾ Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 19 об.—21 об.

службы его даль, ознаймити и привилей на тую данину пану Троцкому, подканъцлерому великого князства Литовского, старосте Берестейскому и Кобриньскому, пану Остафью Воловичу, выдати росказати рачилъ». Король не успѣлъ самъ подписать этого привилея, и рады удостовѣрили своимъ листомъ лечившему его медику королевское пожалованіе. Въ это время паны-рады еще не разѣхались и не успѣли раздѣлиться на два совершенно отдѣльныхъ сената. Листъ ихъ, о которомъ говоритъ привилей Вольфу, былъ ими данъ, или въ послѣдніе часы жизни короля Сигизмунда, или тотчасъ послѣ смерти этого послѣдняго Ягеллона. Затѣмъ распоряженія Литовскихъ пановъ-радъ дѣлаются уже ими одними безъ всякаго участія Польскихъ сенаторовъ и являются совершенно самостоятельными ихъ дѣйствіями. Эти распоряженія касались и назначеній на должности, вакантныя въ данное время, и займовъ въ скарбъ земскій съ залогомъ столовыхъ земель, и исполненія судебныхъ приговоровъ и пожалованій державъ, и сношеній съ другими государствами.

4 декабря 1576 года Стефаномъ Баторіемъ было подтверждено за королевскимъ дворяниномъ Степаномъ Пацкевичемъ мостовничество дороги изъ Минска въ Кіевъ, данное ему панами-радами Литовскими во время только что окончившагося безкоролья ¹⁾. Конечно, паны-рада дѣлали свои назначенія «до воли и ласки» государевой, но, разумѣется, новый король никогда не отмѣнялъ, да и не имѣлъ возможности отмѣнить этихъ quasi-временныхъ назначеній сенаторовъ. Держа въ своихъ рукахъ исполнительную власть въ текущихъ дѣлахъ великаго княжества Литовскаго во время безкоролья, паны-рады Литовскіе вѣдали

¹⁾ «Стефанъ» и проч. «Ознаймемъ симъ листомъ нашим, штож бил нам чолом дворенинъ нашъ Степанъ Пацкевичъ и листъ ихъ милости пановъ-рад наших великого князства Литовского под печатми и с подписом рукъ их милости перед нами покладалъ, писанный до всех князей, панов и обывателей великого князства Литовского, которые повинни по дорозе, з Менска до Клева идучыи, подданыи своими мосты мостити и напроавати, ознаймуючы то имъ через лист свой, иж мостовничый бывшый, Стома Пацкевичъ, в том часе зъ сего света зъшолъ, а тое мостовничество тым гостинцом в небытности нас господара без мостовничого в непорядку не хотечы зоставити и проездъ безпечный учынити, выбравшы на то человека годного, того Степана Пацкевича, тое мостовничество ему до воли и ласки наше господарское дали...» Дата

документа: Торунь, 4 декабря 1576 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{61}$ л. 17—17 об. Тотъ

же документъ—Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. 123 об.—124.

и финансовыя дѣла Литвы, изыскивая денежныя средства для скарба земскаго путемъ залога столовыхъ земель, что при жизни короля не могло совершаться иначе, какъ по его разрѣшенію и листу. Новымъ королямъ приходилось потомъ подтверждать такія распоряженія пановъ-радъ своими листами послѣ своего вступленія на престоль. Такъ, въ эпоху безкоролевья, наступившаго послѣ смерти Сигизмунда Августа, паны-рады великаго княжества Литовскаго «взяли и позычили» въ земскій Литовскій скарбъ «за вѣдомостью и черезъ руки» Литовскаго земскаго подскарбія ¹⁾ у пана Лаврина Войны ²⁾ 500 копъ грошей Литовскихъ. Въ этихъ деньгахъ «завели и заставили» ему паны-рады три села. Но одно изъ этихъ сель—Рогачи, принадлежащее къ селамъ Индурской волости оказалось на коронаціонномъ сеймѣ 1574 года отданнымъ Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу, такъ какъ вся эта волость «съ певныхъ а слупныхъ причинъ» была ему пожалована королемъ Генрихомъ. Лавринъ Война тогда, «то ку ублизенью права и ку немалой шкодѣ своей розумѣючи, билъ» королю «чоломъ» о новомъ обезпеченіи ему скарбоваго долга ³⁾. Къ тому же королю Генриху обратился Янъ Ходкевичъ ⁴⁾, заявляя, что «панъ Виленскій, гетьманъ навышъшій великаго князства Литовскаго, староста Городеньскій и Могилевскій, стрій его милости, маючи певное право и доживотье на старостве Городеньскомъ, еще за живота своего оное староство Городеньское спустилъ сыну своему, пану Алексанъдру, а потомъ панове-рады ихъ милость великаго князства Литовскаго для великихъ а шильныхъ потребъ и отъправъ земскихъ въ ономъ паньстве» королевскомъ, Литовскомъ великомъ княжествѣ, взяли у того же пана Александра Ходкевича «обычаемъ позычнымъ» въ земскій Литовскій скарбъ 8 тысячъ копъ грошей. Эти деньги «з оногожъ староства Городеньскаго» пану Александру Ходкевичу они «выдерживати описали» такимъ образомъ, что сдавая въ скарбъ доходъ со староства и давая въ немъ отчетъ, онъ ежегодно будетъ по тысячѣ копъ грошей оставлять у себя въ счетъ уплаты ему

¹⁾ Николай Нарушевичъ.

²⁾ Дворный Литовскій подскарбій и писарь, староста Пинскій, державца Олитскій и Квасовскій.

³⁾ Вил. Арх. Сб. III. № 27. Ср. А. Вил. VIII. Стр. 253—255.

⁴⁾ «Лист пана Александра Ходкевича на Городно». Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л.

107 об.—109. Ср. также А. Вил. VIII, стр. 229—230, или Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 46—48.

долга скарбомъ; одинъ же изъ фольварковъ староства (Одельскій) онъ «до избранья тое сумы на выхованье свое мети маеть». Это такимъ образомъ своего рода проценты на ссуду. Когда Ходкевичъ вернетъ себѣ всѣ деньги, ссуженныя скарбу, то онъ будетъ держать эти земли на обычныхъ условіяхъ держанья староствъ и державъ въ Княжествѣ съ «личбою» въ скарбѣ.

Но не одними внутренними дѣлами управляли Литовскіе паны-рада въ Княжествѣ во время безкоролевій. Сношенія съ сосѣдними государствами не только не прерывались въ эти эпохи, а, наоборотъ, усиливались, такъ какъ къ обычнымъ вопросамъ и предметамъ переговоровъ прибавлялись еще посольства сосѣдей. имѣвшія цѣлью предстоящую королевскую елекцію. Сосѣднія съ Речью Посполитою государства должны были стремиться повліять на эту елекцію въ томъ, или другомъ направленіи, такъ какъ этого требовали ихъ собственные интересы. Паны-рада Литовскіе получаютъ донесенія отъ пограничныхъ врядниковъ и дѣлаютъ свои распоряженія, отдавая приказанія должностнымъ лицамъ. Такъ, 17 марта 1573 года Литовскіе сенаторы ¹⁾ дали свое предписаніе «задне урожоному пану брату и прыятелю» своему «милому», пану Филону Кмитѣ Чернобыльскому, старостѣ Оршанскому, извѣстившему ихъ объ отправленіи Московскимъ царемъ пословъ къ панамъ-радамъ Короннымъ и Литовскимъ. Паны-рада Княжества полагаютъ «того быти потребу великую, абы противъ тымъ посломъ стрѣча была послана на границу». Они предписали Витебскому воеводѣ, Полоцкому каштеляну и князю Константину Лукомскому старостѣ Ульскому, пану Боркулабу Ивановичу Корсаку старостѣ Дисненскому и пану Оникію Корсаку послать «почтовъ своихъ» — первымъ четыремъ по 50, а послѣднему 30 коней «передъ Проводною Недѣлею за часу, покуля тые послы въ границу того панства не въѣдутъ». Филонъ Кмитѣ паны-рада «жедаютъ», чтобы и онъ со ста конями своего почта Московскихъ пословъ «водлѣ звыклого обычая съ тымъ людомъ служебнымъ стрѣль» на границѣ. Къ этимъ вооруженнымъ людямъ прибавятся еще 150 коней Кристофа Радивила ²⁾. Панамъ радамъ Литовскимъ Оршанскій староста доноситъ обо всѣхъ «новинахъ», которыя онъ долженъ былъ узнавать о дѣйствіяхъ Москвы и Крыма. Онъ сообщаетъ имъ о томъ, что «зъ земли непріатель-

¹⁾ Бискупъ Виленскій Валеріанъ, Виленскій воевода и канцлеръ Литовскій Николай Радивиль, земскій Литовскій подскарбій Николай Нарушевичъ и маршалокъ дворный Литовскій Николай Кристофъ Радивиль.

²⁾ Вил. Арх. Сб. I. № 48.

ское слышать», будто Московскіе воеводы, бывшіе въ Астрахани, ушли изъ нея послѣ двухлѣтней обороны противъ Ногайскихъ Татаръ и Черемисовъ: вслѣдствіе недостатка провіанту и пуль; будто бы они вступили въ Казань, а Астраханью овладѣли Татары и Черемисы; прибавляетъ къ этому о возвращеніи Московскихъ войскъ, посланныхъ было въ Инфлянты, и о движеніи ихъ къ Казани, а также доноситъ о перемиріи Москвы со Швеціей ¹⁾. Сообщаетъ Кмита панамъ-радамъ и объ отъѣздѣ Грознаго царя съ сыновьями изъ Москвы въ Александровскую слободу ²⁾, передаетъ и другіе слухи и достовѣрно ему извѣстныя событія въ сосѣднихъ государствахъ и намѣренія ихъ правительствъ ³⁾. Желая отправиться со своего поста въ Краковъ на коронаціонный сеймъ «въ потребахъ» замка своего и въ своихъ «власныхъ доглоглостяхъ», Филонъ Кмита проситъ у пановъ-рады разрѣшенія отлучиться отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей. Когда разрѣшить ему эту поѣздку раднымъ панамъ «подъ тымъ часемъ ся не видѣло», Кмита остался въ Оршѣ, «того розказа-нія» сенаторскаго «не ослухиваючи» ⁴⁾. Во второе безкоролье, когда въ февралѣ 1576 года въ Литву прибылъ Московскій гонецъ, Янъ Ходкевичъ писалъ «до пановъ-радъ ихъ милости, которые бы на тотъ часъ, у Вильни были», чтобы этотъ гонецъ былъ «прыймованъ» въ Липнишкахъ или въ Сперенойнахъ ⁵⁾.

Такимъ образомъ, паны-рады ведутъ всѣ текущія дѣла великаго княжества Литовскаго, будутъ ли это дѣла внутренія, или внѣшнія. Если обратимся отъ эпохи, наступившей послѣ Люблинской Уніи ко времени до 1569 года, найдемъ много аналогичнаго въ дѣятельности пановъ-радъ Княжества эпохи его совершенно отдѣльнаго самостоятельнаго существованія съ ихъ дѣятельностью въ эпоху безкорольей спольной Речи Посполитой. Отъѣзды великаго князя Литовскаго въ Польшу, престолъ которой онъ занималъ одновременно съ престоломъ Княжества, ставили пановъ-радъ Литовскихъ при каждомъ такомъ отъѣздѣ въ положеніе своего рода Расправной палаты, каковая была при Московской думѣ, только съ большею авторитетностью и свободой дѣйствій и распоряженій. Въ самомъ дѣлѣ, паны-рада давали приказанія отпусковъ изъ земскаго скарба денегъ, мѣховъ и драго-

¹⁾ Źródła do dz. P., wydawane przez M. Malinowskiego i A. Przewdzieckiego. Tom drugi. Str. 247.

²⁾ Ibidem. Str. 249.

³⁾ Ibidem. Str. 244 et sq.

⁴⁾ Ibidem. Str. 248.

⁵⁾ Виѣл. Арх. Сб. IV. № 16.

цѣнностей¹⁾. Они же посылали отъ своего имени листы къ ротмистрамъ, «приповѣдающіе» имъ службу²⁾, какъ и листы къ старостамъ и державцамъ «украинныхъ» замковъ съ извѣщеніемъ о «покорѣ» съ Москвою³⁾ и т. п., они дѣлали и различныя иныя распоряженія⁴⁾. Что касается сношеній пановъ-радъ Литовскихъ съ другими государствами, то и это было дѣломъ обычнымъ въ эпоху совершенно самостоятельнаго существованія Литовско-Русскаго государства⁵⁾. Итакъ, панамъ-радамъ Литовскимъ еще до перваго безкоролевья была знакома дѣятельность по управленію государствомъ въ «небытности» государевой. Всего черезъ три года послѣ Уніи 1569 года наступившее первое безкоролевье было еще такъ близко ко времени отдѣльнаго существованія Княжества, чтобы въ его дни у Литовскаго сената не оказалось навыка и умѣнья самостоятельно управлять государствомъ.

Мы видѣли уже, съ какимъ тактомъ и пониманіемъ нуждъ Литвы дѣйствовали паны-рада Княжества во время безкоролевій изслѣдуемаго времени⁶⁾. Но въ какомъ своемъ составѣ держала Литовская рада въ рукахъ правительственную власть въ Княжествѣ въ дни безкоролевій? Въ идеѣ, конечно, Литвою управляла вся ея рада, но въ дѣйствительности текущими дѣла Княжества завѣдывали тѣ его сенаторы, которые находились въ его столицѣ, Вильнѣ, и отдѣльные радные паны, значеніе и вліяніе которыхъ особенно выдавалось. Глейтовный листъ пановъ-радъ Литовскихъ, данный 21 февраля 1575 года, начинается такъ: «мы рады великаго князства Литовскаго, которыи есьмо на тотъ часъ у Вильни были»⁷⁾. Изъ перечисленія ихъ узнаемъ, что это была лишь небольшая часть Литовскаго сената, а именно Виленскій бискупъ Валеріянъ, Виленскій воевода и канцлеръ Литовскій

¹⁾ М. В. Довнаръ-Запольскій. Литовскія Упоминки Татарскимъ Ордамъ. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502—1509 г. Симферополь. 1898. Стр. 36 и др.

²⁾ Нпр., «месеца апреля первого дня писаны листы до ротъмистровъ о приповедане служъбы от ихъ милости пановъ-радъ, то есть о(т) бискупа Виленскаго, Луцкаго, Киевскаго, Жомойтскаго, воеводы Виленскаго и Троцкого и розосланы тые листы з скарбу». Лит Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 2—2 об. (1 апр. 1563 года).

³⁾ Ibidem. Л. 1 об.—2 («ознаймуючи имъ, ижъ з бояры Московскими миръ взят их милость рачили до Вспенья Пречисто Богородицы». 27 марта 1563 г.).

⁴⁾ Нпр., Вилен. Арх. Сб. VII, №№ 13, 14.

⁵⁾ Нпр., Сб. Имп. Р. Ист. Общ. XXXV, №№ 70, 71 и др.

⁶⁾ См. первую главу. ⁷⁾ А. З. Р. III. № 62.

Николай Радивиль, Виленскій кашталянъ, Жомойтскій староста и земскій Литовскій маршалокъ Янъ Ходкевичъ, Минскій кашталянъ Янъ Глѣбовичъ и дворный маршалокъ Княжества Николай Криштофъ Радивиль. А между тѣмъ этотъ листъ былъ опасною грамотою Московскимъ посламъ, стало быть его выдача была актомъ высокаго государственнаго значенія. Однако и бѣльшій составъ сенаторовъ, ведущихъ текущія дѣла Княжества, также встрѣчается въ листахъ-предписаніяхъ радныхъ пановъ эпохи безкоролевій ¹⁾. Отдѣльные сенаторы, выдававшіеся своимъ значеніемъ въ Княжествѣ, имѣли, конечно, рѣшающій голосъ въ общихъ распоряженіяхъ Литовской рады. Такъ, находившіеся въ Вильнѣ паны-рада ²⁾ писали 11 февраля къ Яну Еронимовичу Ходкевичу, занимавшему въ то время выдающееся положеніе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, прося его не «омѣшкати» своимъ приѣздомъ къ нимъ въ Вильну «такъ для принятія и слуханья Московскаго гонца, яко тежъ и для отправки посла Цесарскаго» ³⁾. Въ томъ же письмѣ къ Ходкевичу паны-рада отвѣчали на выраженное имъ желаніе, чтобы былъ созванъ 20 февраля съѣздъ въ Новгородкѣ, о чемъ онъ писалъ панамъ-радамъ, «докладаючи, жебыи княже его милость Слуцкое могло тамъ быти и зъ иныхъ повѣтовъ рыцерству снадне ся зѣхати». Такимъ образомъ Ходкевичъ желалъ собрать обще-Литовскій съѣздъ не въ столицѣ Княжества, а въ Новгородкѣ, что требовало переѣзда туда и бывшихъ въ Вильнѣ сенаторовъ. Къ этому желанію послѣдніе относятся не совсѣмъ сочувственно. Они пишутъ Виленскому кашталяну, что нужно бы было «фолкговати и его милости князю бискупу Виленскому, радѣ его королевской милости, владицы доховной преднѣйшей, брату нашему, который часъ и лѣта свои стравилъ и старкгалъ на службѣ его королевское милости и речи посполитой». Мало того, шляхта многихъ повѣтовъ заявляетъ, что мѣсто для съѣзда должно быть избрано такъ, чтобы каждому было недалеко приѣхать; особенно Вилькомирская шляхта, писавъ и присылавъ къ панамъ-радамъ пословъ, просила, чтобы «не по далеку краю ихъ мѣстце на зѣханье зложено было», и ея листъ

¹⁾ Ibidem. № 61.

²⁾ Валеріанъ, бискупъ Виленскій, Малхеръ Гедройтъ, електъ Жомойтскаго бискупства, Николай Радивиль, воевода Виленскій и Николай Криштофъ Радивиль, дворный маршалокъ Литовскій.

³⁾ Вил. Арх. Сб. IV. № 16. Объ этихъ послахъ, съ просьбою приѣхать въ Вильну ихъ выслушать, писали паны-рада Ходкевичу уже 7 февр. 1576 года. Ibidem. № 15.

сенаторы даже пересылаютъ къ Ходкевичу. Но несмотря на все это, паны-рады склоняются передъ желаніемъ пана Виленскаго, старосты Жомойтскаго и земскаго маршалка Яна Ходкевича: такъ былъ великъ его авторитетъ и значеніе въ это время. Лишь о днѣ съѣзда паны-рада сдѣлали ему возраженіе, но и то въ такой формѣ, что заранѣе соглашались съ нимъ, если онъ будетъ настаивать на своемъ желаніи. Они пишутъ Ходкевичу, прося его «въ то пильно угленути», могутъ ли всѣ паны-рада и вся шляхта собраться въ желаемый имъ день, такъ какъ «если бы часъ короткій зложонъ былъ, нижъ ся листы во вси повѣты розошлють, тогды тотъ часъ збѣжить». Это соображеніе тѣмъ справедливѣе, что настоящее посланіе пановъ-радъ къ Ходкевичу писано всего за девять дней до 20 февраля ¹⁾, которое послѣдній назначаетъ днемъ съѣзда. Паны-рады просятъ его, «своего брата», чтобы онъ, «намыслившись въ томъ, рачилъ» имъ уже совершенно опредѣленно «ознаймить листъ, на который бы часъ видѣлося» ему «тое зѣханье зложити». Листы въ повѣты о съѣздѣ паны-рады уже приказали готовить, оставляя въ нихъ пустое мѣсто для вписанія дня съѣзда и, «дождавши» отъ Ходкевича «вѣдомости», распорядятся вписать его. Чтобы не было проволочки въ этомъ важномъ дѣлѣ, сенаторы просятъ Ходкевича «безъ мѣшканья» извѣстить ихъ объ его рѣшеніи и «печатъ свою ку запечатанью тыхъ листовъ, около зѣханья въ повѣты писаныхъ, прислати». Воевода Виленскій Николай Радивилъ, бывшій въ то же время и канцлеромъ Литовскимъ, прибавляетъ отъ себя еще, что онъ послѣ отвѣта Ходкевича, оставивъ у себя листы для разосланья въ Виленскій повѣтъ, всѣ остальные листы, «рѣскажавши въ нихъ уписати день, на который бы тотъ зѣздъ мѣлъ быти, для розосланья» къ Ходкевичу «зѣ ихъ милостью паны-радами пошлетъ».

Пересказаннымъ документомъ ясно рисуется значеніе Яна Еронимовича Ходкевича во время безкоролевья, наступившаго послѣ бѣгства изъ Кракова перваго избраннаго короля Польско-Литовской Речи Посполитой. Ходкевичъ рѣшаетъ, когда и гдѣ соберется весь Литовскій народъ-шляхта вмѣстѣ со своими па-

¹⁾ Въ документѣ день этого съѣзда обозначенъ одинъ разъ—«мѣсеца Февраля двадцатого дня», а въ другой, «шостогонадцать Февраля». Надо думать, что второе обозначеніе ошибка, такъ какъ и до 20-го февраля съ 11-го, когда писано настоящее посланіе Литовскихъ пановъ-радъ къ Ходкевичу, времени для разсылки листовъ о съѣздѣ немного, а въ 5 дней (если принять 16-е число), конечно, это сдѣлать едва ли возможно.

нами-радою, и остальные сенаторы, въ томъ числѣ бискупы и Радивилы, склоняются передъ его рѣшеніемъ. Безъ его печати радные паны не могутъ разослать листовъ по повѣтамъ, и приложеніе печатей остальныхъ сенаторовъ безъ печати Ходкевича недостаточно въ глазахъ обывателей Литовскихъ для того, чтобы распоряженіе рады имѣло полную авторитетность. Въ главѣ, посвященной обще-Литовскому съѣзду, мы увидимъ, какую роль при созывахъ его игралъ врядъ земскаго маршалка, занимаемый Яномъ Еронимовичемъ Ходкевичемъ въ эту эпоху, теперь же мы должны лишь указать на то, какимъ вообще выдающимся значеніемъ пользовался этотъ сенаторъ въ Княжествѣ. Мы видѣли уже его крупную роль на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, а также въ сношеніяхъ Литовцевъ съ Поляками во время первыхъ двухъ безкоролевій ¹⁾; къ тому, что было приведено выше, нужно добавить то, что мы видѣли сейчасъ, — Ходкевичъ руководилъ Литвою и въ ея внутреннихъ дѣлахъ, а не только въ сношеніяхъ съ Польшею.

Что касается до королевской елекціи, которая въ силу Люблинскаго договора должна была совершаться Поляками и Литовцами вмѣстѣ, то, говоря о дѣятельности Литовскихъ сенаторовъ, вызываемой ею, мы должны указать на сношенія радныхъ пановъ Княжества съ кандидатами на престолъ соединеннаго государства и ихъ агентами, на сношенія пановъ-радъ между собою по дѣламъ елекціи и, наконецъ, на ихъ сношенія съ Короною по тому же предмету. Съ введеніемъ вольной елекціи и первымъ ея осуществленіемъ послѣ смерти послѣдняго Ягеллона, Речь Посполитая, по словамъ Польскаго историка, стала «*zajezdnym domem polityki obcej, targowicą władzy królewskiej*» ²⁾. Москва, Германія, Франція, Швеція выставили своихъ кандидатовъ на вакантный престолъ, и сразу Польско-Литовское государство представило изъ себя картину борьбы партій и честолюбивыхъ расчетовъ, когда происки сосѣднихъ и дальнихъ чужестранныхъ государей перемѣшались на ея аренѣ съ корыстными расчетами вельможъ и чистымъ патриотизмомъ шляхетской массы, смѣшаннымъ со стремленіями къ полной свободѣ совѣсти и развитію вольностей народныхъ. Эпоха первыхъ безкоролевій — волнующееся море, на поверхность котораго передъ глазами изслѣдователя всплываетъ столько поразительно-противоположныхъ цѣлей и стремленій, прозрачно-чистыхъ рядомъ съ отвратительно-грязными, увлеченій идеей и разсудочно-осмотрительныхъ расчетовъ эгоизма рядомъ съ

¹⁾ См. первую главу.

²⁾ *J. Szujski. Dz. P. III. Str. 10.*

горячею преданностью государству и отечеству. Выборъ короля ставилъ вопросъ объ его личности, матеріальныхъ средствахъ, союзахъ, которые онъ принесетъ съ собою для Речи Посполитой, правахъ народа и обязанностяхъ короля, въ соблюденіи которыхъ заставятъ присягнуть вновь избираемаго короля, давая ему корону, но принимая отъ него скрѣпленные его присягою *роста conventa*. Если Речь Посполитая ожидала предложеній отъ искателей блестящаго престола ея, передаваемыхъ черезъ ихъ пословъ, то отдѣльные сенаторы обыкновенно входили въ сношенія съ искателями короны и дѣлали это или сами своимъ починомъ, иногда даже внушая самую мысль о кандидатурѣ лицу, о ней и не думавшему, или же подаваясь на происки и щедро раздаваемые обѣщанія агентами и посланцами кандидатовъ на Польско-Литовскій престолъ. Условія, на которыхъ обѣщали свою поддержку тѣ или другіе сенаторы, были, конечно, различны въ зависимости отъ нравственнаго уровня отдѣльныхъ лицъ: одни условія могли предложить такіе дѣтели, какъ Зборовскіе, и, разумѣется, совершенно другія требованія къ кандидату въ короли предъявляли такіе люди, какъ Янъ Замойскій, или Янъ Ходкевичъ. Какъ бы то ни было, чѣмъ вліятельнѣе было то или другое лицо изъ радныхъ пановъ государства, тѣмъ упорнѣе и сильнѣе стремились завербовать его въ число своихъ сторонниковъ искатели вакантнаго престола. Царь Московскій Иванъ Васильевичъ, потерпѣвшій неудачу во время избирательной борьбы перваго безкоролья, такъ писалъ Яну Ходкевичу послѣ того, какъ Стенжицкій съѣздъ призналъ Польско-Литовскій престолъ вакантнымъ послѣ бѣгства во Францію Генриха Вalezія: «и только намъ послужишь, и тѣ три государства (Москва, Польша и Литва) случатца въ одно мѣсто, и намъ велитъ Богъ на тѣхъ государствахъ быти,— и мы тебя своимъ жалованьемъ во всякихъ почестливостехъ и въ прибыткѣхъ учнемъ нагорожать свыше иныхъ пановъ, также вотчинами и скарбомъ пожалуемъ тебя и здоволимъ» ¹⁾. Если съ Востока получалъ панъ Виленскій такія обѣщанія за свою поддержку на елекціи, то и съ Запада также не скупились на нихъ по отношенію къ нему. Петръ Зборовскій употреблялъ всѣ усилія, чтобы перетянуть его на сторону кандидатуры Чешскаго вельможи, Вильгельма изъ Розенберга, обѣщая ему 100 тысячъ золотыхъ за содѣйствіе дѣлу его избранія ²⁾; однако, замѣтимъ,

¹⁾ Вил. Арх. Сб. IV. № 14.

²⁾ *Θ. Вержбовскій*. Двѣ кандидатуры на Польскій престолъ Вил гельма изъ Розенберга и эрцгерцога Фердинанда. Варшава. 1889. Стр. 125.

что самъ Вильгельмъ не считалъ возможнымъ подкупить Яна Еронимовича Ходкевича ¹⁾. Послѣдній, дѣйствительно, оставался вѣрнымъ своей склонности къ императорскому Габсбургскому дому и поддерживалъ его въ эпоху второго безкоролевья, какъ это дѣлалъ и во времена перваго ²⁾. По отношенію къ другимъ раднымъ панамъ также дѣлались съ различною степенью успѣха попытки завербовать ихъ въ число сторонниковъ того или другого кандидата.

Совершенно естественно, что во времена безкоролевій паны-рады раздѣлялись на партіи: одни стояли за одного кандидата, другіе—за другого. Если раздѣленіе сенаторовъ на партіи было дѣломъ обычнымъ даже въ то время, когда престоль Речи Посполитой былъ занятъ сидящимъ на немъ королемъ, то еще болѣе было основаній для образованія сенаторскихъ партій въ эпохи безкоролевій, когда престоль «ваковалъ». Въ эпоху второго безкоролевья главными руководителями Литовскаго народа были Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, Виленскій каштелянъ, Жомойтскій староста и земскій маршалокъ Княжества, и Николай Радивилъ (Рудый), Виленскій воевода и канцлеръ Литовскій ³⁾. Оба они стояли во главѣ двухъ партій, на которыя раздѣлялась Литва, идя за авторитетомъ этихъ, самыхъ вліятельныхъ своихъ сенаторовъ. Однако, мы видѣли то единодушіе, съ которымъ выступали Литовцы на общихъ съ Поляками съѣздахъ эпохи, изъ чего несомнѣнныхъ является, что всѣ разногласія въ Литвѣ примирялись и погашались на обще-Литовскихъ съѣздахъ и путемъ сношеній Литовскихъ дѣятелей между собою. Когда Корона самовольно провозгласила королемъ Стефана Баторія ⁴⁾, нарушая тѣмъ совершенное Литовцами и частью Поляковъ избраніе императора Максимилиана, по началу Ходкевичъ и Радивилъ пошли разными путями, и первый сталъ склоняться на сторону Баторія, въ то время какъ послѣдній обнародывалъ универсалы, провозглашая императора ⁵⁾; однако, затѣмъ, вся Литва вновь объединилась въ постановленіи Мстибоговскаго съѣзда отправившаго къ королю Стефану пословъ съ Литовскими условіями его признанія ⁶⁾. Но, боязнь за усиленіе главы одной партіи въ ущербъ значенія главы другой замѣтна въ корреспонденціи членовъ отдѣльныхъ партій. Сто-

¹⁾ Ibidem. Стр. 137.

²⁾ Ibidem. Стр. 58. Тѣмъ непонятнѣе слова того же автора объ «измѣнѣ» Ходкевича Вильгельму изъ Розенберга (стр. 129); нѣсколько выше, въ томъ же изслѣдованіи читаемъ, что подкупить Ходкевича не удалось (стр. 137).

³⁾ Ср. *ibidem*, стр. 111—112. ⁴⁾ См. выше, стр. 134 и сл.

⁵⁾ См. выше, стр. 141, 142. ⁶⁾ См. выше, стр. 142 и сл.

ронникъ Яна Ходкевича, Минскій кашталянъ Янъ Глѣбовичъ писалъ ему 30 января 1576 года: «ale mciwy Panie, pisząc otwo-
rzyście jeśli kiedy, to teraz domowi W. Mci panów Zborowskich trzeba
się czuć, bo jeśli tu Radziwiłłowie, a tam Mieleccy z Firlejami góę
wezmą siedzie bieda, a tak źle że, nigdy gorzej...» ¹⁾. Такъ рѣзко
расходились обѣ Литовскія партіи въ своихъ интересахъ. Сторон-
никами Яна Ходкевича были Минскій кашталянъ Янъ Глѣбовичъ,
Литовскій крайчій Янъ Кишка ²⁾, дворный подскарбій Княжества
Лавринъ Война ³⁾ и, конечно, многіе другіе сенаторы и врьд-
ники. Само собою разумѣется, что вопросы эпохи безкоролевій,
какъ въ дѣлѣ королевской елекціи, такъ и въ другихъ нуждахъ
и дѣлахъ государственныхъ, вызывали сношенія Литовскихъ рад-
ныхъ пановъ съ сенаторами Коронными ⁴⁾.

Родство и единство взглядовъ въ вопросѣ о кандидатѣ на пре-
столь соединяли въ одну партію многихъ Коронныхъ и Литовскихъ
сенаторовъ, а для Литовскихъ пановъ-радъ и сенаторовъ тѣхъ вое-
водствъ, которыя были оторваны отъ Княжества Польшею въ 1569
году, эта связь была еще легче и сильнѣе въ виду недавней принад-
лежности ихъ къ одному и тому же совершенно отдѣльному и само-
стоятельному великому княжеству Литовскому. Личныя связи здѣсь
согрѣвались воспоминаніями прежняго политическаго единства, и,
напримѣръ, Волынскій кашталянъ Михаилъ Мышка такъ высоко ста-
вилъ Яна Еронимовича Ходкевича, что писалъ ему о своемъ уваже-
ніи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «a iż ja, Mciwy Panie Wileński,
jako też i inszych zacnych ludzi wiele, to o W. Mci zawsze rozumiem i
dzierzę, że W. Mśc cokolwiek podawać raczysz Rzeczypospolitej,
dobrem to sercem czynisz, zabiegając wszemu złemu, raczysz przy-
wodzić też do tego i mnie, który aczem chudy, ale nie widzę nic
tak nazbyt dobrego, czemubym się więcej radować nad dobro pos-
polite miał, i dalibóg wiernie a życzliwe przeciw R. P. we
wszem postępuję» ⁵⁾. Рядомъ со сношеніями между отдѣльными
панами-радами шли официальные сношенія между Литовскимъ
и Короннымъ сенатами. Не только отдѣльные сенаторы сговари-
вались и сносились другъ съ другомъ для того, чтобы заранѣе
подготовить почву для согласнаго голосованія во время елекціи,

¹⁾ А. Н. Р. Г. Р. III. XI. № VI.

²⁾ Издатель А. Н. Р. Г. Р. III. XI ошибочно считаетъ (str. 5, nota 1)
его въ 1576 году Жомойтскимъ старостою. Этотъ урядъ занималъ вплоть до
своей смерти Янъ Ходкевичъ, и лишь въ 1579 году его получилъ Кишка.

³⁾ Ихъ переписку см. въ А. Н. Р. Г. Р. III. XI.

⁴⁾ Нпр., А. Н. Р. Г. Р. III. XI. № II. ⁵⁾ Ibidem. № X.

дѣлая это по такимъ различнымъ соображеніямъ и цѣлямъ, необходимы были и официальные сношенія и пересылки обѣихъ частей сената спольной Речи Посполитой, такъ какъ нужно было обѣимъ частямъ соединеннаго государства дѣлиться своими взглядами на положеніе государственныхъ дѣлъ, политическія задачи и нужды даннаго времени. Примѣры такихъ пересылокъ мы видѣли выше, когда рассматривали отношенія Княжества и Короны въ эпоху перваго и втораго безкоролевій¹⁾.

Мы познакомились бѣгло съ дѣятельностью радныхъ пановъ во время безкоролевій, выражавшейся въ сношеніяхъ съ кандидатами на престолъ и въ сношеніяхъ съ другими сенаторами; если бы мы рѣшились войти въ болѣе детальное изложеніе дѣйствій отдѣльныхъ пановъ-радъ Литовскихъ во время безкоролевій, то мы слишкомъ бы расширили наше изслѣдованіе. Выяснить взаимныя отношенія лицъ, стоявшихъ во главѣ Княжества въ эти эпохи,—задача заманчивая и чрезвычайно интересная, но по своему объему она способна составить предметъ обширной спеціальной научной работы.

Намъ нужно еще указать на воздѣйствіе радныхъ пановъ на народъ-шляхту Литвы въ эпохи безкоролевій. Паны-рада и шляхта стоятъ въ Княжествѣ рядомъ въ своемъ политическомъ значеніи. Поэтому излагая роль первыхъ во время безкоролевій Речи Посполитой и въ дни пріискиванія ею себѣ государя, необходимо указать на факты, говорящіе о сношеніяхъ ихъ съ народомъ-шляхтою. Эти сношенія велись въ двухъ цѣляхъ и направленіяхъ. Прежде всего, обыватели искали отъ своего повѣтоваго или воеводскаго пана-рады помощи въ повѣтовыхъ дѣлахъ и охраны ихъ его авторитетомъ и значеніемъ отъ обидъ и насилій, такъ легко приключавшихся въ дни безкоролевій. Но и по дѣлу предстоящаго королевскаго избранія повѣтовые обыватели должны были также сноситься со своимъ раднымъ паномъ: онъ знаетъ вѣрно и обстоятельно то, что доходитъ до шляхты путемъ слуховъ и отрывочныхъ пересказовъ, онъ «веле» можетъ и своимъ вліяніемъ въ силахъ дать направленіе дѣлу и въ сенатѣ, и среди шляхты, въ «шопѣ» радныхъ пановъ и «sub Iove», подъ открытымъ небомъ избирательнаго поля народа-шляхты. Потребности и нужды личныя, повѣтовые и государственныя заставляли обывателей еще тѣснѣе становиться подъ эгиду своего воеводы и искать у него указанія, помощи и защиты. Вотъ, напримѣръ, посланіе

¹⁾ См. первую главу.

Жомоитскаго сеймика своему старостѣ-воеводѣ, Яну Ходкевичу, писанное 14 октября 1574 года ¹⁾. Собранный на сеймикъ въ Крожы, мѣсто назначенное Ходкевичемъ, рады, тивуны, врядники и всѣ обыватели Жомоитской земли «обмышляли въ тыхъ рѣчахъ», отъ Ходкевича «словне всказанныхъ» черезъ пана Николая Станкевича Бѣлевича, Жомоитскаго подкоморія, Ойрагольскаго тивуна. Сеймикъ благодаритъ Яна Ходкевича за его «старанье и обмышлянье» и, избравъ своихъ пословъ, отправляетъ ихъ на коронацію короля Генриха, «злетивши имъ обо всемъ зъ милостивою волею и порадою» его, Ходкевича, «становити». Вслѣдъ за этимъ своимъ постановленіемъ сеймикъ излагаетъ въ посланіи къ своему старостѣ-воеводѣ «великія кривды и нежные утиски» обывателямъ Жомоитскимъ «отъ людей свовольныхъ», приключившіеся «по устанью справъ кгородскихъ въ земли Жомоитской»; онъ жалуется на поступки Николая Криштофа Радивиля, Виленскаго воеводича, дворнаго Литовскаго маршалка, жалуется и на то, что «жидове» на мытныхъ пограничныхъ коморахъ «мыто надъ вольность и ухвалу соймовую берутъ» съ товаровъ, которые шляхтичи «на потребу свою властную зъ границъ Прусскихъ припровожаютъ». Далѣе Жомоитскіе обыватели настаиваютъ передъ Ходкевичемъ на своихъ вольностяхъ и привилеяхъ, гарантирующихъ имъ то, что лишь «обыватели и родичи земли Жомоитской» должны быть тивунами и врядниками въ ихъ землѣ. Кромѣ того, что изложено было Жомоитскимъ сеймикомъ письменно, онъ «въ иныхъ пильныхъ потребахъ всея речи» своей «пополитое» поручилъ еще своимъ посламъ «словне мовити и донести» Ходкевичу. Такимъ образомъ связь, между воеводою и обывателями его воеводства, и особенно его повѣта, была очень велика: мы видѣли, что Жомоитскіе обыватели дали своимъ посламъ полномочіе поступать «зъ милостивою волею и порадою» своего старосты-воеводы. Понятно, поэтому, что дѣйствительно возможно было говорить о массахъ шляхты, зависящихъ отъ отдѣльныхъ пановъ-радъ ²⁾ и идущихъ во время безкоролевья и елекціи за ними.

На этомъ мы окончимъ изложеніе дѣятельности и положенія пановъ-радъ Литовскихъ въ годы, протекшіе отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти короля Стефана. Мы еще встрѣтимся съ Литовскими сенаторами во второмъ томѣ настоящаго

¹⁾ Вил. Арх. Сб. IV. № 10.

²⁾ *Θ. Вержбовскій*. Двѣ кандидатуры. Стр. 125.

изслѣдованія, когда будемъ изучать ихъ дѣятельность на сеймикѣ, обще-Литовскомъ съѣздѣ и вальномъ Польско-Литовскомъ сеймѣ. Тогда и многія функціи сенаторовъ-врядниковъ и значеніе самой рады явятся намъ въ другихъ фактахъ, обнаружатся тѣ стороны, которыя остались въ тѣни, или совершенно еще не были затронуты въ настоящей главѣ, и многія черты, характеризующія пановъ-раду Княжества, затронутыя въ настоящемъ изложеніи, уяснятся больше, когда передъ нашими глазами развернется дѣятельность Литовской рады въ политическихъ собраніяхъ народа-шляхты (сеймикъ и съѣздъ) и въ ея парламентѣ (сеймѣ). Теперь же, чтобы закончить наше изложеніе, приведемъ текстъ присяги, которую приносили паны-рада во время безкоролевій. Текстъ этой присяги является дополненіемъ къ тому содержанію клятвеннаго обѣщанія, приносимаго сенаторами въ обычное время государственной жизни Речи Посполитой, которое мы видѣли выше. «Я (имя) клянусь въ томъ, что буду съ вѣрностью печься о благѣ и невредимости Речи Посполитой Польской и великаго княжества Литовскаго; не открою никому касающихся Речи Посполитой тайнъ въ ущербъ ея интересамъ и по мѣрѣ моихъ силъ и возможности буду увеличивать благо Речи Посполитой; что бы ни услышалъ, узналъ, или замѣтилъ Речи Посполитой вреднаго и вредоноснаго, буду ее охранять, противодействовать его существованію и его отвращать. Такъ да поможетъ мнѣ Богъ и сей святой Крестъ» ¹⁾. Такъ гласитъ въ переводѣ на Русскій языкъ эта присяга, сохранившаяся въ Литовской Метрицѣ.

---

¹⁾ «Juramentum senatorum tempore interregni. Ego (имя) juro, quia pro salute et incolumitate Reipublicae Polonae et Mag. Duc. Lithua. fideliter consulam, secreta, contingentia Rempublicam, nemini in jacturam Reipublicae pandam et pro posse meo utilitates Regni et Reipublicae augmentabo; quicquid sciuro, intellexero, aut sensero Regno et Reipublicae nocibile et damnosum, custodiam et, ne fiat, me opponam et illud auertam. Sic me Deus adiuvet e haec S. Сух». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 4 об.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ.

- Августовская губернія 462.
Австрія 95, 154.
Азовская Орда 462.
Алевковцы 431.
Александровская слобода 726.
Андреевъ 134, 135, 140.
Ангутово 273.
Астрахань 726.
- Б**анишскій застѣнокъ 291.
Бельзское воеводство 691.
Белюна 411.
Бердичевъ 717.
Березвичо 492.
Берестейская земля 337, 579.
Берестейскій повѣтъ 294, 324, 343, 592.
Берестейское воеводство 144, 169, 170, 189, 222, 322, 351, 416, 577, 580, 589, 592, 594, 596, 671, 710.
Берестейское староство 33, 44, 380, 592, 593.
Берестейско-Подляшская земля 339.
Берестье (Брестъ-Литовскій) 43, 65, 148, 340, 342, 357, 417.
Бержанская (Берженская) волость 306.
Бержанское тивунство 382.
Бержы 706.
Берзники 288.
Биржелявки 274.
Бирштанская пуца 371.
Бирштанскій дворъ 363.
Бирштанское лѣсничество 286, 304, 305.
Блоня 130.
Бобруйскъ 259, 644.
Бобыничы 328, 448, 627.
- Бойсакголская держава 706.
Бокшишки 292, 293.
Бопты 273.
Борысковичи 474.
Бочечвичи 289.
Брагинская граница 549.
Бражоло 269, 270, 271, 276.
Браково 707.
Браславль-Литовскій 297, 479.
Браславль-Подольскій, или Брацлавъ 40, 82, 83, 98, 100, 118, 120, 590, 597.
Браславскій повѣтъ 163, 297, 317, 433, 479.
Браславское староство 294, 479, 591.
Брацлавское воеводство 45, 103, 186, 187, 322, 565, 580, 589, 590, 614, 691.
Брестскій уѣздъ 462.
Брестское воеводство 158.
Брестъ-Куявскій 153, 559.
Брянскъ 311.
Булгаковскій фольварокъ 283.
Булгаковское войтовство 284.
Бульская пуца 372.
Бусяжъ 473.
Бухты 247.
Быдгощъ 400.
Быстрица 93.
Быховъ 117.
Бычинь 514.
Бѣлавицкая пуца 371.
Бѣлая Русь 579.
Бѣлая Церковь 550.
Бѣловѣжская пуца 303, 370, 371, 372, 710.
Бѣлская пуца 371.

- Бѣльскія земля 158, 397, 579.
 Бѣльскій повѣтъ 317.
 Бѣльскъ 102, 287, 403.
- Ваверка** 473.
 Вака р. 462.
 Ваколовщина 329, 448.
 Вангола 411.
 Варшава 10, 45, 65, 86, 87, 88, 90, 94, 95, 96, 97, 99, 100, 102, 103, 106, 115, 116, 121, 122, 125, 129, 130, 131, 132, 137, 139, 141, 143, 144, 148, 149, 152, 153, 156, 160, 169, 179, 188, 205, 211, 221, 258, 259, 297, 298, 301, 341, 348, 366, 367, 378, 403, 416, 433, 435, 559, 562, 574, 594, 598, 602, 629, 633, 641, 649, 653, 661, 678, 691, 706, 707, 711.
 Василково 400.
 Ведры 274.
 Вежковичи 273.
 Везки 380.
 Вейсенбургъ 108.
 Веленская волость 364.
 Веленская пуца 372.
 Велижъ 171, 640.
 Великая Польша 61, 63, 65, 92, 93, 94, 159, 162, 163, 559.
 Великія Луки 171.
 Велицкое 362.
 Велья р. 312.
 Велюньская волость 649.
 Велюньская держава 363.
 Венгерское королевство 108. См. Угры.
 Венгровъ 129, 130.
 Веница 40, 431, 488, 590, 597, 614, 615, 676.
 Веницкій повѣтъ 431.
 Веницкое староство 591.
 Вепрь р. 121.
 Вериче 274.
 Вертилишки 380.
 Верховицкое имѣніе 303.
 Верхстокъ 267, 639.
 Весницкое 267.
 Вечельскій копець. См. Веченскій копець.
 Веченскій копець 434, 709.
 Вижунское имѣніе 454.
- Виленская губернія 462.
 Виленскій повѣтъ 227, 468, 475, 729.
 Виленское воеводство 63, 143, 156, 188, 241, 300, 322, 558, 577, 578, 579, 596, 601, 602, 603, 620, 671.
 Виленское войтовство 604.
 Виленское предмѣстье 296.
 Виленское тивунство 312.
 Вилкейская держава 279.
 Вилкейское лѣсничество 301.
 Вилкійская пуца 371.
 Вилькія 363.
 Вилькомірскій повѣтъ 263, 454.
 Вилькомірское староство 294.
 Вильна 24, 25, 38, 41, 67, 90, 91, 94, 97, 99, 102, 117, 119, 129, 148, 165, 166, 170, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 188, 194, 199, 201, 202, 205, 211, 212, 232, 233, 246, 310, 312, 315, 335, 336, 349, 351, 388, 392, 393, 403, 404, 406, 407, 426, 427, 434, 455, 458, 462, 486, 500, 501, 502, 529, 530, 531, 533, 549, 558, 565, 567, 568, 569, 572, 573, 574, 587, 590, 601, 606, 612, 644, 655, 656, 657, 662, 687, 726, 727, 728.
 Виница. См. Веница.
 Вирсвидово 273.
 Виршведа 273.
 Витебская земля 263, 583.
 Витебскій повѣтъ 331, 348.
 Витебское воеводство 144, 189, 322, 577, 582, 596, 671.
 Витебскъ 109, 246, 423, 582, 607, 612.
 Виттенбергъ 232.
 Виховичи 480.
 Вишниччи 607.
 Вишунцы 604.
 Владимірскій повѣтъ 315, 317, 497, 598, 605.
 Владиміръ 488, 489, 598.
 Владиславъ 569.
 Владычни Долицы Великія 267.
 Владычни Долицы Малыя 267.
 Влохи, см. Италія.
 Воинъ 30, 34, 74, 241, 403, 484, 533.
 Воинъ фольварокъ 380.
 Войшведа 273.
 Волкиницкая держава 411.

- Волкиницкое мѣсто 411.
 Волковский повѣтъ 373.
 Волковскийское староство 277, 294.
 Волковскийскъ 116, 161, 162, 163, 164,
 174, 189, 190, 191, 202, 204, 573.
 Волынское воеводство 45, 63, 186, 187,
 322, 497, 565, 580, 589, 591, 691.
 Волянь, Волянская земля 9, 10, 14, 16,
 27, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 42, 43,
 44, 45, 60, 82, 83, 97, 98, 100, 102,
 103, 108, 113, 114, 118, 120, 130, 133,
 263, 314, 315, 316, 321, 322, 462, 496,
 605, 642, 667.
 Вольмеръ 405, 468.
 Воронежскій замокъ 434.
 Воронежъ 695.
 Вороночь 267.
 Ворскла р. 463.
 Вроцлавокъ 159, 162, 695.
 Вроцлавъ 130, 131.
 Вшаболки 480.
 Вышегородское городище 402.
 Вяжская волость 371.

 Гавриловское войтовство 479.
 Ганушишки 405, 468.
 Гати 371, 372.
 Гданскъ (Данцигъ) 86, 153, 154, 155,
 158, 161, 167, 168, 169, 415, 427, 559,
 560.
 Гераноинская волость 289.
 Гераноинская держава 287.
 Гераноины 136, 138, 289.
 Германія 54, 232, 730.
 Гершоновицкій дворець 592.
 Глова 168.
 Годынецъ (Кодынецъ) 30, 74.
 Гомей 330, 448.
 Гомель 281, 325.
 Гомельское староство 282.
 Гомій 556.
 Гомле 480.
 Гонѣндзъ 234.
 Гончариха 549, 550.
 Горжды держава 649.
 Городенская пуца 420.
 Городенскій повѣтъ 156, 317, 318, 347,
 394, 455, 468, 536, 700.
 Городенское староство 285, 288, 294,
 380, 674, 724.
 Городецкіе грунты 549.
 Городище 373, 486.
 Городница 380.
 Городно 93, 136, 137, 148, 170, 174,
 179, 218, 227, 288, 296, 299, 310, 320,
 393, 394, 396, 403, 433, 479, 535, 537,
 558, 615, 628, 675, 691, 706, 707, 711,
 716, 724.
 Григоровичи 556.
 Гродненская губернія 462.
 Грузское 373.
 Грутишскіе грунты 213.
 Груштенское 476.
 Грюнвальденъ 463.
 Гуца 42.

 Десна р. 550.
 Дивинокъ 380.
 Дирвянскія тивунства 305.
 Дирвянь Большихъ тивунство 305, 357.
 Дирвянь Малыхъ тивунство 305.
 Дисна 179, 267, 269, 329, 330, 448, 629,
 630.
 Дисненское староство 267, 269, 431.
 Днѣпровскія поля 372.
 Днѣпръ р. 463, 549, 550, 694.
 Днѣстръ р. 463.
 Добринская земля 158.
 Добруджа 462.
 Добучинскій дворъ 363.
 Довги 289.
 Довговская волость 412.
 Довневское войтовство 289.
 Довсповская волость 288.
 Доложце 329.
 Донъ р. 463, 694.
 Дорогицкая земля 397, 579.
 Дорогицкій повѣтъ 317.
 Дорсунишки 215.
 Дорсунишская пуца 371.
 Дорсунишское лѣсничество 286, 304, 305.
 Дрисса 334.
 Друйскій фольварокъ 479.
 Друцкъ 533, 534, 664.
 Дубенская держава 277, 374.
 Дубно 158, 277, 374, 700.

- Дубровицкая граница 549.
 Дубровицкій грунтъ 549.
 Дубровка 373.
 Дубровна 664.
 Думленскій фольварокъ 283.
 Еванко Монастырское 267.
 Ейнаршскій грунтъ 213.
 Ейшиская волость 373.
 Ейшискій повѣтъ 392.
 Екиманскій посадъ Полоцка 481.
 Жомойть (Жмудь), Жомойтская земля,
 Жомойтское староство 43, 143, 176,
 189, 224, 244, 260, 278, 305, 306, 307,
 308, 309, 322, 339, 353, 355, 357, 359,
 364, 380, 382, 394, 423, 429, 430, 446,
 460, 476, 507, 547, 549, 565, 566, 573,
 577, 578, 582, 583, 584, 596, 598, 602,
 643, 649, 671, 735.
 Жосле (Жосли) 269, 270, 271, 276, 277.
 Жосленская волость 277.
 Жуснево войтовство 430.
 Забашевичи 469.
 Забелье 337, 610.
 Забрадовичи 480.
 Завезневичи 480.
 Завечелье 267.
 Заволочье 171.
 Загатье 337, 610.
 Загородскій трактъ 326.
 Загривецкое войтовство 250.
 Задуское войтовство 284.
 Заозерскій дворъ 599.
 Западная Россія 462.
 Западно-Русскій край 1, 236, 245, 576,
 620.
 Заполоцкій посадъ Полоцка 481.
 Запольскій Ямъ 107.
 Заровданьское сельцо 364.
 Зарѣцкій трактъ 326.
 Зарѣцкое войтовство 371.
 Заселье 329, 448.
 Збирозскій дворець 592.
 Здитовская пуца 371.
 Зейгволтъ 632, 668.
 Золотая Орда 470.
 Зябки 337.
 Игуменіе 267.
 Игуменово 267.
 Индурская волость 724.
 Иновлоцлавское воеводство 158.
 Инфлянты 20, 21, 53, 55, 61, 62, 63,
 69, 74, 77, 95, 97, 98, 99, 101, 104,
 106, 107, 109, 113, 128, 129, 130, 135,
 138, 161, 170, 173, 223, 273, 285, 301,
 308, 376, 386, 423, 429, 433, 439, 440,
 460, 467, 479, 490, 558, 560, 565, 617,
 632, 637, 666, 667, 668, 669, 674, 675,
 695, 701, 707, 710, 726.
 Италия 54, 423, 506, 512.
 Иерусалимъ 506.
 Казань 726.
 Калишское воеводство 158.
 Каменецкая держава 380.
 Каменецкій округъ 579.
 Каменое село Бабинское 549.
 Камень 102.
 Каневъ 550.
 Каски 96, 97, 98.
 Квасовка 380.
 Кейданы 411.
 Киверова Гора 189.
 Килвиняны 373.
 Кипчакъ 462, 463. См. Золотая Орда.
 Кишчичи 357.
 Кіевецъ фольварокъ 380.
 Кіевскій повѣтъ 435, 549.
 Кіевское воеводство 9, 45, 63, 186, 187,
 322, 565, 691.
 Кіевщина, Кіевская земля 9, 40, 45, 82,
 374, 431, 455, 676.
 Кіевъ 14, 15, 40, 41, 42, 43, 44, 60, 82,
 83, 97, 98, 100, 103, 108, 113, 118,
 120, 133, 310, 333, 402, 413, 414, 463,
 550, 723.
 Клещеле 380.
 Клясичи 337.
 Кмитинскій дворъ 488, 615.
 Кнышинская держава 287.
 Кнышинская пуца 371.
 Кнышинъ 87, 93, 94, 113, 149, 168,
 242, 267, 268, 288, 337, 396, 403, 407,
 411, 412, 414, 422, 423, 426, 431, 441,

- 460, 468, 483, 484, 489, 490, 517, 536,
554, 557, 624, 633, 700, 705, 717.
- Кобринская держава 380.
Кобринский округъ 579.
Кобринское староство 592.
Кобринъ 43, 488.
Ковельская-Вишовская пуца 371.
Ковельская-Нюинская пуца 371.
Ковенская волость 273.
Ковенская держава 389.
Ковенская пуца 371, 372.
Ковенский повѣтъ 317, 446.
Ковенский фольварокъ «по Немоне» 273.
Ковенское староство 273, 286, 294, 304,
395.
Ковно 273, 283, 286, 305, 411, 644,
649, 686.
Ковнятинское 371, 372.
Коденець 380.
Козьяны 179.
Койлевичи 450.
Кокенгаузенъ 433, 479, 560.
Коло 96, 158, 162, 192.
Колодезное 549.
Кондратовщина 329, 448.
Кононовичи 609, 610.
Конюхи 273.
Коревичи 289.
Коржды 412, 413.
Коркенята 291.
Короивицы 289.
Корчинъ. См. Новое Мѣсто Корчинъ.
Коршовская волость 278.
Коршовское тивунство 260, 307.
Котра 380.
Крайскъ 419, 488.
Краковопольский фольварокъ 368.
Краковское воеводство 63, 69, 231, 691.
Краковъ 2, 24, 92, 109, 110, 130, 135,
136, 137, 138, 141, 142, 144, 145, 146,
152, 194, 222, 266, 267, 272, 273, 276,
283, 284, 285, 291, 292, 293, 301, 303,
304, 305, 306, 307, 312, 335, 336, 364,
375, 400, 406, 414, 423, 425, 429, 430,
432, 476, 527, 557, 632, 634, 639, 649,
685, 700, 726, 729.
Красникъ 380.
Красницкая волость 292.
Красницкий дворъ 283, 290.
Красное 174, 179.
Красное Село 469, 701.
Крево 530, 531, 532.
Кремянецкий повѣтъ 317, 497.
Кретинка 412, 413.
Кривая Воля 245.
Кривчицкое 707.
Криконово 411.
Кринская пуца 371.
Кричевское староство 268, 414.
Кричевъ 268.
Крожи 735.
Крымъ 92, 162, 327, 462, 463, 721.
Крынки 380.
Кубелино 431.
Кублицкий дворець 491.
Кубокъ 480.
Кужелицкое войтовство 371.
Кузница 380.
Кузницкая пуца 371.
Кулбаки 407, 700.
Куликовщина 328, 448.
Кумелы 420.
Курашово 267, 639.
Куренецкая держава 275, 285, 291, 661.
Куренецкая пуца 285, 661.
Куренець 275, 285, 321, 661.
Куриловичи 610.
Куриловский станъ 610.
Купетицкое войтовство 371.
- Лабвардзе 274.
Лабно 380.
Ластовица 492.
Лебедево 553.
Ленчица 96.
Ленчицкое воеводство 158.
Лепель 532, 629.
Летино 431, 676.
Лехистанъ 462.
Лещиничъ въ Нещердѣ на Порѣчьѣ,
земля пустовская 609.
Лива 95, 102, 129, 130.
Ливонія. См. Инфлянты.
Лида 462.
Лидская волость 407, 700.
Лидский повѣтъ 317, 473, 553.

- Лидскій уѣздъ 462.
 Лидское староство 294.
 Линково 411.
 Линкупяны 304.
 Линкупяньское урочище 303.
 Липнишки 363, 726.
 Липское 686.
 Лифляндія. См. Инфлянты.
 Ловейковщина 330, 448.
 Ловы 550.
 Логойскъ 600, 717.
 Лоздеи 283, 284, 288, 289, 412.
 Ломазы 30, 74, 380.
 Ломжа 94, 100.
 Лососинская пуца 371.
 Лугъ р. 488, 489.
 Луковщина 487.
 Лукьяновщина, 330, 448.
 Луцкая земля 236.
 Луцкій повѣтъ 315, 497.
 Луцкое староство 591.
 Луцкъ 362.
 Лысковская пуца 371.
 Львовъ 675, 691.
 Любечъ 549.
 Любиская пуца 371.
 Люблинское воеводство 691.
 Люблинъ 6, 7, 10, 13, 17, 18, 27, 28,
 29, 30, 31, 32, 33, 37, 38, 39, 41, 42,
 43, 44, 67, 91, 94, 148, 197, 240, 243,
 244, 274, 278, 279, 281, 282, 288, 289,
 290, 308, 309, 310, 344, 345, 397, 403,
 412, 418, 430, 438, 439, 488, 597, 601,
 603, 604, 614, 615, 626, 667, 716.
 Люботинъ 467.
 Люценъ 711.
 Ляцкорона 141.
 Ляховицкая держава 272.
 Ляховичи 272, 285, 512.

Маенгаузенъ 425.
 Мазовія 20, 91, 94, 104, 138, 160, 223,
 423, 429, 565, 693.
 Малая Польша 61, 63, 65, 92, 93, 159,
 160, 162, 163, 232, 559, 691.
 Малороссія 235.
 Мальборкъ 163, 369, 370, 371, 414.
 Мариенбургъ 568.
 Мегешъ 146.
 Межигорскій монастырь 402.
 Мелники 291.
 Мельницкая земля 397.
 Мельницкій повѣтъ 317, 579.
 Мерецкая волость 288, 412.
 Мерецкая пуца 371.
 Мерецкое староство 283.
 Меречь 288, 289.
 Милейчицы 380.
 Мильковщина 380.
 Минская губернія 259, 462.
 Минская земля 639.
 Минскій повѣтъ 294, 469, 547.
 Минское воеводство 144, 189, 294, 322,
 577, 580, 589, 593, 596, 639, 671.
 Минскъ 189, 334, 335, 414, 533, 593,
 639, 723.
 Митковичи 296.
 Могилевская волость 393.
 Могилевская губернія 443.
 Могилевское староство 280, 357, 376,
 386, 410, 674.
 Могилевъ 280, 338, 376, 443, 461, 483,
 486, 606, 616, 675, 714, 715.
 Могишино 610.
 Мозырская граница 549.
 Мозырскій повѣтъ 294, 317, 323.
 Мозырское староство 294.
 Мойсичи 291.
 Мокраны 592.
 Молодечно 318, 536.
 Молчадь 296.
 Молявицкая пуца 371.
 Москва 28, 43, 62, 70, 92, 95, 100, 101,
 102, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 115,
 128, 132, 150, 153, 154, 155, 161, 162,
 168, 169, 170, 173, 174, 175, 176, 178,
 179, 180, 183, 189, 193, 227, 255, 282,
 309, 325, 327, 358, 366, 378, 406, 407,
 408, 423, 429, 430, 433, 435, 460, 467,
 497, 507, 508, 524, 531, 532, 534, 553,
 556, 557, 560, 565, 574, 595, 596, 613,
 614, 626, 628, 629, 631, 634, 661, 666,
 677, 690, 692, 693, 694, 715, 721, 726,
 730.
 Московская граница 677.
 Московская Русь 482, 539.

- Мосты 380.
 Мотлявка (Мотлавка) 247.
 Мотырыно 267.
 Мстибоговъ 137, 142, 156.
 Мстиславль 482.
 Мстиславская волость 627.
 Мстиславская земля 627.
 Мстиславскій повѣтъ 294, 333, 393, 625, 627.
 Мстиславское воеводство 189, 322, 482, 503, 577, 580, 589, 591, 596, 625, 627, 671, 701.
 Мстиславское староство 625.
 Мышь 267, 376, 717.
 Мѣдники 566.
 «На Вели» село 480.
 «На Горанехъ» село 480.
 «На Мосарѣ» село 480.
 Наревъ р. 43.
 «На Славнѣ» дворъ 492.
 «На Туросѣ» село 330.
 Негоничи 469.
 Неменчинъ 312.
 Немоноитская пуца 433.
 Немоноитскія села 305.
 Немоноитское лѣсничество 286, 303, 304, 370, 432, 480.
 Несвижъ 233, 501, 718, 722.
 Нестеревичи 289.
 Нещерда 174.
 Новгородокъ 189, 197, 579, 728.
 Новгородская дорога 693.
 Новгородскій повѣтъ 188, 406, 468, 528, 579, 584.
 Новгородское воеводство 143, 189, 322, 414, 577, 596, 671.
 Новгородъ 692.
 Новогрудскій уѣздъ 462.
 Новое Мѣсто Корчинъ 160, 162, 192.
 Новый Дворъ 363, 367, 380.
 Нощыничи 330.
 Нѣманъ р. 273, 372, 716.
 Нѣмцы (Германія) 509.
 Обельскіе грунты 396.
 Облиньское войтовство 274.
 Обновлянское 446.
 Оболи 480.
 Обяны 411.
 Овручій 431, 681.
 Одельская пуца 371.
 Одельскій фольварокъ 286, 725.
 Одельско 380.
 Озера 380.
 Ойрагольская волость (тивунства) 306, 309, 460.
 Ойрагольское тивунство 306, 517.
 Олита 368.
 Олитская волость 292.
 Олитская держава 363, 380.
 Олитская пуца 247, 371, 722.
 Олитскія села 305.
 Олитское лѣсничество 286.
 Олыка 718, 722.
 Онуфріевскій монастырь 332.
 Орло 411.
 Орша 106, 661, 677, 680, 714, 726.
 Оршанскій повѣтъ 317, 699.
 Оршанское староство 294.
 Орѣховно 337, 610.
 Остеръ 550.
 Островное 461.
 Осѣкъ 95, 96.
 Опмена 293.
 Опменскій повѣтъ 293, 300, 317.
 Опменское староство 294.
 Опмянскій уѣздъ 462.
 Павловичи 587.
 Палеса 473.
 Парижъ 114, 126.
 Парчовъ 7, 42, 99.
 Пацупка, пустовщизна 475.
 Педя 411.
 Переволотьская пуца 371.
 Передолій 556.
 Перелай 288, 289.
 Перелайская волость 412.
 Переломская пуца 371, 372, 373.
 Переломское лѣсничество 302, 370, 415, 416.
 Переросльское мѣстечко 416.
 Переросля 245.
 Пернава 129, 273.
 Перстунъ 288.

- Перстуньская пуца 371.
 Перстуньское лѣсничество 245, 430.
 Петриковъ (Піотрковъ) 148, 187, 342, 424, 427, 489, 535, 536.
 Печерскій монастырь 693.
 Пештувяны 446.
 Пинскій повѣтъ 317, 326, 355, 371, 549.
 Пинскія пуцы 371, 372.
 Пинское староство 294.
 Пинскъ 43, 326, 327, 343, 707.
 Пискулы 267.
 Плисо 492.
 Плотельскій замокъ 656.
 Плоцкое воеводство 104, 158.
 Плоцкъ 95.
 Плонскій дворъ 480.
 Подлипые сельцо 406, 429.
 Подляшская пуца 455.
 Подляшское воеводство 45, 63, 158, 169, 322, 565, 579, 582, 691.
 Подляшье, Подляшская земля 9, 10, 14, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 44, 45, 60, 74, 82, 83, 98, 100, 103, 108, 113, 114, 118, 120, 133, 170, 187, 354, 397, 487, 566, 710.
 Подолье 97, 113, 130, 590.
 Подольское воеводство 691.
 Познанское воеводство 69, 158.
 Покалино 469.
 Положино 469.
 Полонка 413, 649.
 Полота р. 614.
 Полоцкая земля 177, 179, 181, 309, 483, 497, 583, 595, 596, 629, 630.
 Полоцкое воеводство 29, 143, 176, 177, 180, 188, 322, 328, 358, 493, 497, 577, 582, 584, 596, 613, 630.
 Полоцкъ 100, 116, 174, 176, 177, 179, 180, 181, 309, 310, 328, 330, 337, 374, 480, 481, 482, 483, 494, 501, 595, 609, 611, 614, 628, 629, 633, 634.
 Полтевичи 431, 676.
 Польское Царство 341, 644.
 Померанія 423, 429, 565.
 Поневѣжъ 299.
 Понемоньское имѣніе 364.
 Понельское имѣніе 454.
 Порховъ 692, 693.
 Поспты 273.
 Поюрская волость 306.
 Поюрское тивунство 279.
 Поякменское войтовство 274.
 Припеть р. 549.
 Прозороки 337, 472, 473, 610.
 Просмужець 330.
 Пружона 380.
 Пруссія 20, 75, 93, 96, 97, 135, 153, 160, 186, 187, 223, 423, 429, 507, 559, 565.
 Прусская граница 304.
 Пристовщина, земля пустовская 609.
 Псковъ 171, 179, 189, 366, 691, 692, 693, 694.
 Пуневщизна 392.
 Пустынскій монастырь 256.
 Путивль 677.
 Путилковичи 267.
 Пыковъ 550.
 Равское воеводство 158.
 Радивоновское 256.
 Радошковичи 278, 468, 547, 548, 552, 633.
 Радошковская держава 274, 278, 633.
 Радуньская держава 363.
 Раковъ 263, 264.
 Раславль. См. Браславль.
 Ревель 100.
 Ретовская волость 309, 603.
 Ретовское тивунство 278, 307, 310, 430.
 Рига 135, 427, 669.
 Рижское архіепископство 668.
 Рогачи 724.
 Родевичи 292.
 Роканы 273.
 Ромаинское имѣніе 395.
 Росейны 189.
 Рославль 443.
 Росоша 562.
 Россія 1, 236, 423, 429, 565, 576.
 Росскій дворъ 445.
 Рудники 95.
 Рудомино 290, 604, 627.
 Рудоминская волость 604.
 Румшишки 273, 286, 304, 305.
 Румшишская волость 273.

- Румшишская держава 273.
 Румшишская пуца 371.
 Руса 693.
 Русановичи 357.
 Русота 487.
 Русская земля 430.
 Русские замки 655.
 Русское воеводство 691.
 Русь 20, 43, 97, 130, 224, 244.
 Русь Восточная 570.
 Русь Галицкая 235.
 Русь Литовская 236.
 Русь Южная. См. Южная Русь.
 Рыка 121.
 Рѣчица 380.
 Рѣчицкая волость 549.
 Рѣчицкій повѣтъ 317.
 Рѣчицкое имѣніе 710.
 Рѣчицкое староство 294.

 Салаты 380.
 Самогитія. См. Жомойтъ.
 Санники 337, 610.
 Сарматія 423, 429, 565.
 Саря р. 614.
 Свенциники 641.
 Сверетинское село 371, 372.
 Свира 178, 179.
 Свислочское имѣніе 272.
 Свислочь 272, 285.
 Седмигородье 138.
 Сейвы 289, 412.
 Селашо 549.
 Селецкая пуца 371.
 Селище 329.
 Сендомірское воеводство 231, 691.
 Сендоміръ 169, 462, 691.
 Синія Воды р. 462.
 Ситно 174, 179.
 Скерстомонская держава 363.
 Скерстомонская пуца 372.
 Скерстомонское лѣсничество 301.
 Скидель 380.
 Скребини 273.
 Слободищи 550.
 Слонимская волость 290, 430.
 Слонимская пуца 631.
 Слонимская-Загривецкая пуца 371.
 Слонимскій повѣтъ 240, 317, 331, 355,
 395, 473, 707.
 Слонимское лѣсничество 260, 301, 370.
 Слонимское староство 261, 294, 395.
 Слонимъ 202, 204, 276, 290, 296, 365.
 Случь р. 549.
 Смединъ 605.
 Смоленская земля 374.
 Смоленское воеводство 577, 578, 596,
 671, 675, 678.
 Смоленскъ 578, 626, 677, 678.
 Соколь 174.
 Солаша 431, 676.
 Солонеевичи 337, 610.
 Сомилишки 336.
 Сомилишская волость 336.
 Сомилишская держава 336.
 Соричи 373.
 Сперенойны 726.
 Стайки 480.
 Станиславово 439.
 Стародубъ 677.
 Старые Троки 336.
 Стенжица 116, 121, 127, 128, 150.
 Стербельская пуца 371.
 Стетковское имѣніе (Бокшишки) 292.
 Стобаньское войтовство 284.
 Стобинки 283, 284.
 Супрасльскій дворъ 455.
 Супрасльскій монастырь 475, 591, 718.
 Суша 174, 179, 467.
 Сушино 474.
 Сушинское имѣніе 491.
 Сѣверо-Западный край 341.
 Сѣверская область 325.
 Сѣрадзское воеводство 158, 691.

 Таврусъ 241.
 Татарія 423, 429, 565.
 Тверская волость 306, 308.
 Териховщина 329, 448.
 Тетча 267.
 Тимоновщина, земля пустовская 609.
 Торунь 153, 154, 155, 298, 340, 349,
 356, 398, 413, 615, 633, 723.
 Трабская держава 291, 292, 293, 414,
 632.
 Трабскій дворъ 292.

Троки 41, 188, 310, 349, 350, 351.
Трокскій уѣздъ 462.
Троцкій повѣтъ 213, 468.
Троцкое воеводство 143, 156, 189, 240, 241, 322, 347, 577, 578, 596, 615, 620, 671.
Троцкое тивунство 311.
Туличово 488.
Туровля 174, 179.
Туровскіе грунты 549.
Туроса 448.
Турція 105, 510, 513.
Тыкотинъ 97, 149, 302, 415, 557, 559, 639.
Тяпино 448.
Уборть р. 549.
Угры (Венгрія) 513.
Удоложець 556.
Украйна 498.
Ула 9, 430, 694.
Ула р. 467, 532.
Улино 549.
Улича 267.
Упитская волость 615.
Упитскій повѣтъ 89, 260, 317.
Упитское староство 294, 298.
Усвица 267.
Усвятъ 171.
Утенская держава 389.
Ухотъевичовъ 475.
Филипово 245, 423.
Фоенское войтовство 371.
Франція 40, 104, 114, 116, 117, 130, 150, 730, 731.
Фульда 109.
Холпеница 451.
Хотенчичи 419, 488.
Хотетово 393.
Христоволотское войтовство 371.
Цыгановское войтовство 289.
Чемеровицкое 290.
Черепеть 480.

Черкасы 42, 255, 550.
Чернгородская пуца 371.
Черниговское воеводство 691.
Чернобыли 287, 431, 432, 675, 676.
Черныя Лозы 710.
Черчицкое войтовство 371.
Чехія 54.
Чешское королевство 108.
Чомоданы 357.
Чорторый долъ 549.
Чурыловщина, земля пустовская 609.
Шавленская держава 380.
Швеція 327, 726, 730.
Шевино 480.
Шеметово 469.
Шерешовская волость 275.
Шерешовская держава 274, 275, 277, 278.
Шерешовская пуца 372.
Шерешовъ 267, 268, 274, 275, 276, 285, 526.
Шидловець 717, 718.
Шилайна 411.
Шкловъ 267, 376, 717.
Шкобелево 373.
Шлелювъ 273.
Шрода 94.
Шуляки 261.
Щапильно 610.
Юго-Западная Россія 462.
Южная Русь 87, 235, 457, 463, 512, 566.
Юравщица 392.
Юрбарская пуца 372, 373.
Юрборское лѣсничество 301.
Язненскій дворъ 492.
Язно 492.
Якиманье, предмѣстье Полоцкое 492.
Якуня р. 292.
Яловое 373.
Ярнево 261.
Яцольда р. 43.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫИ ¹⁾.

- Абрамовичъ Янъ, намѣстникъ и вой-
скій Виленскій 612.
- Августъ II, король Польскій, великій
кн. Литовскій 467, 640.
- Агриппа Вацлавъ (Венцлавъ), писарь,
кашт. Минскій 710, 716.
- Агронъ, ж. Жославскій 344.
- Адамовичъ Адамъ, з. Кнежицскій 485.
- Аламанній, посоль Стефана Баторія къ
Шведскому королю 691.
- Александровичъ Андрей, подскарбій
королевскій 703.
- Александровичъ Солтанъ, панъ 703.
- Александровичъ Станиславъ, служеб-
никъ бискупа Луцкаго и Берестей-
скаго Януша Андрошевича 571.
- Александръ, в. Валацкскій 685.
- Александръ Казиміровичъ, король Поль-
скій, великій кн. Литовскій 4, 7, 22,
38, 49, 315, 329, 338, 388, 404, 470,
519.
- Александръ I, Русскій императоръ 114.
- Алексѣй Михайловичъ, царь Москов-
скій 339, 482.
- Альбертъ, архіепископъ Рижскій 703.
- Альбинъ Бернардь 565.
- Альбрехтъ Фридрихъ, герцогъ Прусскій
153.
- Альхимовичъ Кононъ, слуга путный По-
лоцкскій 474.
- Андегавенская фамилія 108.
- Андреевичъ Гришко, дв. Юрія Мико-
лаевича, ст. Городенскаго 408.
- Андреевичъ Мартинъ, служебникъ (по-
сланецъ) Тверскаго тивуна Андрея
Илковскаго 308.
- Андреевичъ Петръ, шл. Полоцкскій 495.
- Андрей, кухаръ 362.
- Андрошевичъ Николай, панъ 392.
- Андрошевичъ (Андрушевичъ) Янъ, би-
скупъ Луцкскій и Берестейскій 571,
727.
- Анна Ягеллонка. См. Ягеллонка Анна.
- Антоній Поссевинъ. См. Поссевинъ
Антоній.
- Антоновичъ В. Б., ц. 462, 490.
- Антоновичъ Ходоровича Сенко, б. гос-
подарскій Городенскаго повѣта 251,
252.
- Арби Ридигеръ, партизанъ 435.
- Аристотель 506.
- Арсеній Шишка, архіепископъ Полоц-
кскій 616.
- Артемидоръ Дедіанъ 506.
- Артемовичъ Сергѣй, казакъ Полоцкаго
замка 609.
- Артимовичъ Костя, казакъ Полоцкаго
замка 609.
- Атаманъ Гринько, п. князей Жослав-
скихъ 344.

¹⁾ Сокращенія: б.—бояринъ, в.—воевода, д.—державца, дв.—дворянинъ, ж.—
жидъ, з.—землянинъ, кашт.—кашталянъ, кн.—князь, марш.—маршалокъ, п.—под-
данный, ротм.—ротмистръ, ст.—староста, ц.—цитируемый авторъ, или издатель,
шл.—шляхтичъ.

- Бабинскій, ротм. 421.
 Базаровичъ Соболевъ, кн., Татаринъ 470.
 Базэнъ, Французскій посолъ 105, 108.
 Бака Григорій, ст. Рогачевскій 266, 267, 476, 639.
 Баксаши мурза, Яковлевъ сынъ, Татаринъ 467.
 Балинскій М., ц. 90, 91, 294.
 Бальцеръ О., ц. 183, 186, 187, 391, 562.
 Бандтке I. В., ц. 617.
 Бандтке-Стенжинскій Я. В., ц. 229, 231, 248, 334, 340, 341, 354, 395, 640, 697.
 Барановичъ Остапко, п. князей Жославскихъ 344.
 Барташова Софія, мѣщанка Городенская 248.
 Баторій Стефанъ. См. Стефанъ Баторій.
 Батюшковъ П. Н., ц. 79, 233.
 Бегимовичъ Аликечь Уланъ, хоружій Татарскій Городенскаго стяга 332.
 Белавскій Матей, ротм. 421.
 Белевичъ Альбертъ, тивунъ Шовдовскій 143.
 Белевичъ Криштофъ Яновичъ, земскій врядникъ Жомоитскій 708.
 Белевичъ Миколай Станкевичъ. См. Станкевичъ Бѣлевичъ Миколай.
 Бердникова Орина, сестра Яхна Бердника 452.
 Бердникъ Яхно, тяжущійся передъ Сленимскимъ градскимъ врядомъ 452.
 Бершадскій С. А., ц. 75, 181, 182, 334, 371, 490, 580.
 Бестужевъ-Рюминъ К. Н., ц. 621.
 Билевичи, паны 679.
 Бируковая, мѣщанка Поневѣжская 299.
 Бобоѣдъ Дмитрій, ротм. 421, 422.
 Бобржинскій, М., ц. 71, 85, 86, 97, 226.
 Бобровичъ Я. Н., издатель 93, 172.
 Богатыревичъ Степанъ, шл. Полоцкій 496.
 Богдановичъ Жданъ, лавникъ Могилевскій 483.
 Богданъ, тяжущійся предъ Могилевскимъ мѣстскимъ урядомъ 485.
 Богомолецъ, Ф., ц. 172.
 Болжовая, княгиня 495.
 Бона, королева Польская, великая княгиня Литовская, супруга Сигизмунда Стараго 232, 371, 388, 390, 409, 583.
 Бонецкій А., ц. 166, 261, 262, 311, 314, 334, 339, 340, 345, 347, 368, 375, 381, 387, 423, 487, 717.
 Бопланъ Гильомъ, Французскій инженеръ, авторъ Описанія Украйны 457.
 Борздобогатый Иванъ, «намененый» владыка Пинскій и Туровскій 662.
 Борисовичъ Василій, шл. Полоцкій 493, 495.
 Борисовичъ Семень, шл. Полоцкій 493, 495.
 Борковскій, шл. 74.
 Боровская Щасная Юрьевна, княжна 260.
 Боровскій Михаилъ, кн., тивунъ Коршовскій 260, 274, 278.
 Боровскій Юрій, кн. 261.
 Боровскій Янъ, кн., тивунъ Коршовскій 307.
 Бочковскій Янъ, служебникъ Оршанскаго хоружія Самуила Кмитица 593.
 Брамовская Магдалена, супруга Андрея Тиковскаго 394.
 Брезовскій Иванъ Калиховичъ, з. 708.
 Бриндза Александръ, войскій Новгородскій, д. Пуньскій 339.
 Бродавка Исаакъ, ж. Берестейскій 490, 705.
 Брозовскій Иванъ, шл. 483.
 Брѳль-Платеръ В. С., графъ, ц. 68.
 Броневскій Станиславъ, дв. 510.
 Бросковскій, Мазовецкій посолъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года 61, 62.
 Брузгалова Александрова, жена боярина 519.
 Брынза Константинъ, дв. 604.
 Будный Симонъ, издатель Несвижскаго катехизиса 233.
 Буйвидова Алшка Николаевна, жена Виленскаго землянина 475.
 Буйвидъ Матвѣй Григорьевичъ, панъ 449, 450.
 Буйвидъ Станиславъ Матвѣевичъ, з. Виленскій 475.
 Буйно, п. пана Гришка Перспечи 425.
 Буйно Николай, хоружій Дорогицкій 112.

- Букраба Васиій, хоружій Берестейскій 324, 331.
- Булинскій М., ц. 117, 196, 207, 227, 566, 568, 573.
- Бурба Янъ Яновичъ, войскій земли Жомоитской 339.
- Бурбоны, династія 114.
- Буцко Остафій Ивановичъ, шл. Полоцкій 491, 495.
- Буяновскій Янъ, ротм. 422.
- Быстрейскій Яцко Богдановичъ, шл. Полоцкій 495.
- Быстрейскій Яцко. Богдановичъ, слуга Сигизмунда Августа 407, 700.
- Бѣлзоръ Христофоръ, марш. Упитскій 371.
- Бѣльскій Мартинъ, авторъ хроники 9, 10, 87, 93, 97, 99, 101, 102, 116, 121, 131, 134, 135, 136, 138, 139, 142, 144.
- Бѣлявскій Стефанъ, справца староства Городенскаго 366.
- Бѣляевъ И. Д., ц. 334, 346, 390, 437, 618, 619, 620, 621.
- Бѣховскій, Познанскій посолъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года 49.
- Вагановскій Александръ**, марш. господарскій 321.
- Вагановскій Григорій, дв., потомъ войскій Берестейскій 340, 341, 343, 413, 700.
- Валезій Генрихъ. См. Генрихъ Валезій.
- Валерій Максимъ 506.
- Валеріянъ, бискупъ Виленскій. См. Протасевичъ Валеріянъ.
- Валуа, династія 130.
- Валюжиничъ Костюшко, дворный б. 408.
- Ванкевичъ (Ванькевичъ) Стефанъ Юрьевичъ, войскій Минскій 340, 639.
- Ванкевичъ (Ванковичъ) Теодоръ Антоній, ст. Подусвятскій, стольникъ и подстароста Минскій 593.
- Варковскій Мышка Михайлъ, ст. Гомельскій 281, 282.
- Васечко, холопъ 344.
- Василевичъ Бенедиктъ, войскій Городенскій 340, 344, 345.
- Васиій Дмитріевичъ, великій кн. Московскій 462.
- Василь, паробокъ 446.
- Василь Андрей, герба Ястрембець, бискупъ Виленскій 566.
- Васильевичъ Жданъ, шл. Полоцкій 495.
- Васильевичъ Иванъ, кн. 703.
- Васильевичъ Левонъ, слуга путный Полоцкій 474.
- Васильевичъ Михайло, кн. 703.
- Васильевскій В. Г., ц. 233.
- Васко, кухаръ 362.
- Васько, челядь 447.
- Ватриньскій Фридрихъ, дв. 411.
- Вежгаль, бискупъ Кіевскій 587.
- Вендрогорскій, проповѣдникъ реформаціоннаго ученія въ Литвѣ 235.
- Вепсара Аламаньни Доминикъ, стольникъ Люблинскій 387.
- Вербицкій Янъ, ротм. 421.
- Вербовскій Бальцеръ, ротм. 422.
- Вержбовскій Ѡ., ц. 127, 142, 182, 731, 732, 735.
- Верыбоговичъ Мартинъ, подстароста Мстиславскій 628.
- Веселовскій Миколай, стольникъ 385.
- Весторковичъ Стась Мицейкевичъ, б. Ейшискаго повѣта 392.
- Видавскій, посолъ Яна Еронимовича Ходкевича 135.
- Викторинъ Вирбицкій, бискупъ Луцкій. См. Вирбицкій Викторинъ.
- Вильгельмъ изъ Розенберга, Чешскій вельможа, претендентъ на корону Речи Посполитой 127, 142, 731, 732.
- Вильковскій Янъ, ротм. 421.
- Винклеръ Янъ, проповѣдникъ протестантизма въ Литвѣ 502.
- Винкъ Иванъ, з. Ковенскій 446.
- Вирбицкій Викторинъ, бискупъ Луцкій 42.
- Виршилова, пани 411.
- Вислицкій, посолъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года 508.
- Витебскіе князья 255.
- Витовтъ, великій кн. Литовскій 181, 315, 461, 462, 463, 470, 502, 506.
- Вишневецкіе, князья 265.

- Вишневецкій Андрей, кн. 264.
 Вишневецкій Константинъ, кн. 42, 667.
 Владимірскій-Будановъ М. Ф., ц. 75.
 Владиміръ, дв. Стефана Баторія 414, 415.
 Владиміръ Святой, великій кн. Кіевскій 154.
 Владиславъ IV, король Польскій, великій кн. Литовскій 371.
 Владыка Александръ Теоодоровичъ, марш. Упитскій 317, 321.
 Влохъ, ротм, 423.
 Влохъ Александръ, ротм. 422.
 Влохъ Амброжей, ротм. 421, 422.
 Влохъ Антоній, муляръ 296.
 Внучко Маркъ, тивунъ Ретовскій 278, 308, 309, 310, 438.
 Войдатовичъ Юшко, панъ 703.
 Войзбуновая Миколаева Шимковича Ядвига Яновна, землянка Ковенская 212, 213, 214, 215.
 Войзбунъ Лукашъ Миколаевичъ, з. Ковенскій 213, 215.
 Войзбунъ Томашъ Котовичъ, з. Ковенскій 213, 214.
 Войзбунъ Якубъ Миколаевичъ, з. Ковенскій 213, 215.
 Война Бенедиктъ, кустошъ Виленскаго главнаго костела св. Станислава, администраторъ бискупства Виленскаго, пробошъ Троцкій 475.
 Война Гавріилъ, писарь 218.
 Война Георгій, посоль Мстибоговскаго съѣзда къ Стефану Баторію 143.
 Война Григорій, дв., ротм., войскій Городенскій, потомъ кашт. Берестейскій 144, 274, 278, 336, 340, 662, 708.
 Война Гричунъ, кашт. Мстиславскій 625, 673.
 Война Лавринъ, подскарбій дворный и писарь, ст. Пинскій, д. Олитскій, Квасовскій и Красницкій, потомъ подскарбій земскій 93, 136, 143, 165, 166, 283, 290, 309, 325, 382, 403, 441, 559, 636, 652, 653, 655, 656, 658, 665, 672, 673, 724, 733.
 Война Семень, тивунъ Ужвенскій 648, 649.
 Войниловичъ Павель, дв. 413.
 Войны, паны 670, 673.
 Воисецкій Михайло Ловейковичъ, шл. Полоцкій 495.
 Войтъ Кондрать Автушковичъ, членъ Могилевскаго магистрата 714.
 Войцицкій К. В., ц. 1, 237, 466.
 Воланъ Андрей, служебникъ Виленскаго воеводы Николая Радивиля, шл. 243.
 Воланъ Яковъ, шл. 243.
 Волимунтовичъ Румбольтъ, староста Жомоитскій, маршалокъ земскій 314.
 Волменскіе (Волминскіе), паны 670, 671, 679.
 Волменскій (Волминскій) Янъ, кашт. Полоцкій, потомъ в. Смоленскій 671, 710.
 Воловичи, паны 235, 258, 671, 672, 679.
 Воловичъ Григорій Богдановичъ, ловчій, д. Мерецкій, Ейшпискій, Довговскій, Перелайскій, Оранскій, Коневскій и Дубицкій, ст. Мстибоговскій, потомъ в. Смоленскій 289, 302, 303, 369, 370, 371, 372, 373, 412, 578, 672.
 Воловичъ Григорій Гринковичъ, кашт. Новгородскій, ст. Слонимскій 136, 242, 250, 251, 290, 395, 396, 631, 671, 672, 683, 707.
 Воловичъ Евстафій, бискупъ Виленскій 568.
 Воловичъ Евстафій Богдановичъ, марш. дворный, подскарбій земскій, потомъ подканцлеръ, канцлеръ, кашт. Троцкій, кашт. Виленскій, ст. Берестейскій и Кобринскій 18, 30, 31, 32, 33, 42, 59, 61, 63, 70, 74, 89, 99, 104, 118, 121, 122, 131, 136, 143, 145, 233, 269, 296, 337, 340, 343, 403, 407, 489, 490, 532, 591, 592, 636, 638, 643, 646, 648, 650, 665, 671, 672, 680, 681, 682, 688, 694, 700, 701, 707, 709, 714, 722, 723.
 Воловичъ Иванъ Ивановичъ Гришковича, марш. Городенскій, писарь замковъ украинскихъ 136, 317, 318, 320, 321.
 Воловичъ Ярошъ, ст. Жомоитскій 611.

- Володковичъ Мартинъ Казиміръ, городничій и подстароста Минскій 593.
 Володковичъ (Волотковичъ) Мартинъ, судья земскій Минскій 144, 334, 335.
 Волончевскій М., бискупъ, ц. 117, 501, 566, 567.
 Волоткевичъ Иванъ, шл. Полоцкій 495.
 Волотковичъ Адамъ Мартиновичъ, городничій Минскій 334, 335.
 Волочкевичъ Мартинъ, членъ комиссіи для исправленія статута 1566 года 195.
 Волочковичъ (Волчко) Янъ Юрьевичъ, конюшій Виленскій, подконюшій земскій, д. Василишскій, марш. господарскій 190, 346, 347, 368.
 Волчекъ (Волчко) Янъ, марш. Лидскій 317, 321.
 Волчокъ Юрій, панъ 411.
 Волчко Николай, панъ 264.
 Волынецъ Федько Ивановичъ, шл. Полоцкій 481, 495.
 Вольскій Зыгмунтъ, кашт. Черскій 141.
 Вольскій Николай, панъ Сендомірскій, охмистръ королевы Боны 388.
 Вольфъ І., ц., 93, 127, 196, 255, 300, 314, 315, 319, 361, 362, 366, 368, 369, 374, 376, 377, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 390, 398, 436, 573, 578, 579, 591, 600, 622, 624, 625, 631, 665, 675, 679, 713.
 Вольфъ Лукашъ, цирюльникъ короля Сигизмунда Августа 246, 247, 406, 407, 414, 722.
 Волянъ Андрей, секретарь Виленскаго воеводы Николая Юрьевича Радивила 44. См. Воланъ.
 Вонсовичъ, ротм. 421.
 Ворона Иванъ Яцковичъ, шл. Полоцкій 496.
 Воронецкій Яковъ, пробощъ Гераноинскій 117.
 Вороничъ Янъ Филонъ, скарбникъ Кіевскій, судья гродскій Пинскій 343.
 Воропай, гонецъ Литовской рады въ Москву 106.
 Вронскій Андрей, ротм. 421.
 Вунешко Маркъ, шл. 136.
 Выдра Янъ, хоружій Ковенскій 273.
 Высоцкій Евтихъ Васильевичъ, дьякъ или писарь Коронной канцеляріи 402.
 Габріяловичъ Станиславъ, князь мистръ плебанъ Тыкотинскій, дворный судья Виленскаго бискупа 393.
 Габсбургскій домъ 154, 158.
 Гавриловичъ Офанасъ, подстароста Слонимскій 452.
 Гайки, паны 671, 679.
 Гайко Янъ Миколаевичъ, марш. господарскій и писарь, конюшій Городенскій, д. Опменскій, Вилькейскій, Красносельскій, Трабскій, потомъ кашт. Берестейскій 136, 194, 291, 293, 320, 347, 632, 672, 683,
 Галицкій Андрей, писарь Рѣчицкій 136.
 Гарабурда Лукашъ Богдановичъ, шл. Полоцкій 309, 495.
 Гарабурда Михаилъ Богдановичъ, писарь, д. Свислочскій, потомъ кашт. Минскій 98, 102, 105, 106, 118, 403, 532, 633, 661, 672, 673, 677, 678, 711.
 Гарабурды, паны 671, 679.
 Гарасимовичъ Ивашка, б. Витебскій 519.
 Гауерландъ Конрадъ, каноникъ Рижскій 703.
 Гаштольдъ Альбрехтъ Мартиновичъ, в. Виленскій, канцлеръ, ст. Бѣльскій и Мозырскій 263, 292, 325, 587.
 Гаштольдъ Юшко (Гернило), марш. дворный 315.
 Гаштольды, паны 263, 292, 679.
 Гванини Веронскій Александръ, ротм., авторъ «Описанія» Речи Посполитой и сосѣднихъ съ нею земель 245, 246, 423, 424, 429, 430, 565, 699.
 Гедиминъ, великій кн. Литовскій 255, 461.
 Гедройти, князя 258.
 Гедройтъ Мальхеръ, кн., бискупъ Жомотскій 117, 136, 567, 710, 728.
 Гедройтъ Самуиль Казиміръ, войскій Мстиславскій 343.
 Гейденштейнъ Рейнгольтъ, секретарь Коронный, авторъ хроники 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 100, 101, 102, 103,

- 104, 105, 106, 108, 109, 110, 115, 116, 121, 122, 123, 124, 126, 128, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 144, 149, 152, 169, 170, 171, 185, 333, 369, 374, 375, 440, 443, 640, 642, 643, 649, 688, 689, 690, 691, 695, 696, 699.
- Генрихъ Бурбонъ, король Наварскій 105.
- Генрихъ Валезій, король Польскій, великій кн. Литовскій 102, 103, 105, 106, 108, 109, 110, 114, 115, 116, 117, 119, 120, 121, 123, 124, 126, 130, 147, 150, 196, 197, 209, 211, 245, 246, 247, 266, 267, 269, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 283, 285, 290, 291, 292, 303, 304, 312, 321, 336, 362, 364, 373, 374, 375, 376, 399, 400, 401, 405, 407, 414, 423, 430, 432, 433, 439, 460, 476, 480, 517, 527, 632, 639, 641, 660, 661, 662, 665, 674, 686, 699, 700, 701, 702, 722, 724, 729, 731, 735.
- Гербортъ Станиславъ, кашт. Львовскій 33.
- Гербуртъ, историкъ 506.
- Гербуртъ Янъ, кашт. Саноцкій 122, 124.
- Гетолтъ Александръ, шл. Полоцкій 480.
- Гетолтъ Матвѣй Томковичъ, шл. Полоцкій 480, 495.
- Гилевичъ Томашъ, п. королевскій 289.
- Гильтебрандтъ П. А., ц. 233.
- Гинца Якубъ, п. королевскій 273.
- Гладышъ Павелъ, ротм. 421.
- Глазковичъ Степанъ, шл. Полоцкій 496.
- Глинская Елена, великая княгиня Московская, правительница въ малолѣтство Ивана IV 325.
- Глинскій Богданъ Федоровичъ, кн. 495.
- Глинскій Дмитрій Федоровичъ, кн. 495.
- Глинскій Иванъ, кн. 703.
- Глинскій Михаилъ, кн., марш. дворный, намѣстникъ Мерецкій и Утенскій 389.
- Гловацкій, ротм. 421.
- Глогеръ Зыгмунтъ, ц. 596.
- Глушанинъ Матвѣй, шл. 240.
- Глѣбовая Марина Васильевна, шляхтянка Полоцкая 495.
- Глѣбовичи, паны 258, 671, 678, 679.
- Глѣбовичовна Варвара, воеводянка Виленская, супруга Черскаго кашталяна Зыгмунта Вольскаго 141.
- Глѣбовичъ Арнольдъ, хоружій Дорогицкій 141, 143.
- Глѣбовичъ Иванъ Ивановичъ, кашт. Минскій, д. Оникщенскій, Радошковскій и Зейгвольтскій, ст. Упитскій, потомъ подскарбій земскій, потомъ кашт. Троцкій 136, 138, 139, 140, 141, 143, 171, 234, 295, 334, 335, 390, 440, 629, 632, 633, 634, 636, 664, 672, 682, 728, 733.
- Глѣбовичъ Янъ (Станиславъ) Юрьевичъ, в. Витебскій, потомъ в. Полоцкій, потомъ в. Виленскій 583, 610.
- Годачевскій Михайло, шл. Полоцкій 496.
- Годачевскій Опанасъ Ивановичъ, шл. Полоцкій 496.
- Годачевскій Петръ Семеновичъ, шл. Полоцкій 496.
- Годачевскій Семень Олехновичъ, шл. Полоцкій 496.
- Гозій Станиславъ, кардиналъ 9.
- Голандъ Мартинъ, партизанъ 435.
- Голенбювскій Северинъ, ц. 91, 219.
- Голенище Левъ, шл. 601.
- Головацкій Яковъ, ц. 487.
- Головенца Мартинъ, машталеръ 364.
- Головенчина, жена машталера 364.
- Головиничъ Петрашко Охромеевичъ, шл. Полоцкій 496.
- Головчинскій Кнежыцкій Ярославъ Ярославовичъ, кн. 485.
- Головчинскій Щасный, панъ 641.
- Головчинскій Ярославъ, панъ 641.
- Голубицкій Станиславъ, ротм. 421, 422.
- Голубицовича Янковая Богдановая, шляхтянка Полоцкая 495.
- Голубовскій П. В., ц. 374.
- Голубъ Андрей, посолъ Мстибоговскаго съѣзда къ Стефану Баторію 143.
- Гольмстенъ А., ученый 75.
- Гольшанскіе, князья 263, 679.
- Гольшанскій Михаилъ Ивановичъ, кн., в. Кіевскій 579.
- Гольшанскій Павелъ Альгимунтъ, кн., бискупъ Виленскій 568, 572.

- Гольшанскій Семень Юрьевичъ, кн., в. Новгородскій 579, 703.
 Гольшанско-Дубровицкіе, князья 679.
 Гомеръ 506.
 Горбачевскій, Н., ц. 37, 197, 341, 346, 557, 644.
 Горностаи, паны 671.
 Горностаи Гаврила Ивановичъ, воеводичъ Новгородскій, в. и ст. Минскій, д. Каменецкій, потомъ в. Берестейскій 143, 416, 417, 577, 594, 600, 601, 671, 682.
 Горностаи Иванъ, воеводичъ Новгородскій, дв., 264, 278.
 Горностаи Иванъ, марш. дворный, подскарбій земскій и писарь, потомъ в. Новгородскій 325, 388, 594, 713.
 Горностаи Оникій, марш. Рѣчицкій 317.
 Горчаковъ М. И., пр., ц. 570.
 Гостскій Ярофей, ротм. 422.
 Гоцовскій Левъ, шл. 250.
 Грабовскій Михаилъ, ц. 703.
 Градовскій Янъ, тивунъ Дирванскій 273, 552, 549, 657.
 Гржибовскій Войтехъ, посолъ Андреевскаго съѣзда 135.
 Грибунъ, шл. Полоцкій 491, 493, 496.
 Григорьевичъ Богданъ, з. 485.
 Григорьевичъ Матвѣй, з. Ковенскій 488, 498.
 Гринкевичъ Богданъ, конюшій Городенскій 349.
 Гричинъ Гаврила, войтъ Воинскій 484.
 Гричинъ Яковъ, войтъ Воинскій 484.
 Гроденскій (Гродинскій, Гродзинскій) Юрій, дв. и струкцасъ; лѣсничій Переломскій 302, 369, 370, 415, 416.
 Гротовскій Матвѣй, шл., служебникъ Яна Еронимовича Ходкевича 306, 460, 517.
 Груша Семень, з. 292, 293.
 Грушевскій М., ц. 374.
 Грыдковичъ Занько Болото, шл. Полоцкій 496.
 Грыдковичъ Иванъ Болото, шл. Полоцкій 496.
 Грыдюшка, путный слуга Полоцкій 610.
 Губа Щасный, ротм. 421.
 Гурко Александръ, шл. 460.
 Гурко Василій Григорьевичъ, служебникъ кн. Збаражскаго 460.
 Гурко Левъ, шл. 460.
 Гурницкій (Горницкій) Лукашъ, ст. Тыкотинскій и Василковскій, авторъ хроники 10, 13, 87, 111, 400, 629.
 Гурскій Николай, з. Слонимскій 487.
 Гурскій Сопко, з. Слонимскій 487.
 Гурскій Фронцъ, з. Слонимскій 487.
 Гуца Васко, шл. Полоцкій 496.
 Гуца Максимъ, шл. Полоцкій 496.
 Гуца Михаилъ, шл. Полоцкій 496.
 Гуца Якимъ, шл. Полоцкій 496.
 Гюппе З., ц. 229.
 Давыдовичъ Оразъ, Татаринъ 470.
 Данилевичъ В. Е., ц. 374.
 Даниловичъ И., ц. 106, 219, 220, 221.
 Данильевичъ Теодоръ, подкоморій Витебскій 331.
 Дарскалайтисъ Войтехъ, б. Жомойтскій 308.
 Девялтовскій Альбертъ (Войтехъ), подкоморій Ковенскій, посолъ Мстибоговскаго съѣзда къ Стефану Баторію 143, 273.
 Дембинскій Валентъ, канцлеръ Коронный 31, 49, 61.
 Дембинскій Каспоръ, канцлеровичъ Коронный 116, 562.
 Демяновичъ Демешъ, б. путный, служба 290.
 Деражинскій Николой Яновичъ, намѣстникъ Витебскій 612.
 Деречинскіе, князья 265.
 Джанибекъ, ханъ Татарскій 462.
 Джэлял-эд-динъ, сынъ Татарскаго хана Тохтамыша 463.
 Дзѣдушицкій Маврикій, графъ, ц. 54.
 Дзядко Станиславъ, войтъ Дорогицкій 315.
 Дзялынскій, ц. 11, 32, 65, 77.
 Дзялынскій Лукашъ, ст. Ковальскій и Бродницкій 171.
 Дзялынскій Павелъ, кашт. Добржинскій 135.
 Дмитрей, кн. Татарскій 462.

- Дмитріевичъ Олизаръ, дв. бояринъ Пинскій королевы Боны 409.
- Довгирдъ Розмыслъ, ротм. 421.
- Довейко Матей Авгуштыновичъ, з. Упитскій 299.
- Довквидъ Полусскій Янъ, марш. госп., подкоморій Опшменскій 710.
- Довнаръ-Запольскій М. В., ц. 12, 17, 18, 402, 405, 406, 408, 656, 659, 727.
- Довойна Станиславъ Андреевичъ, подкоморій, ст. Пинскій и Кобринскій 377.
- Довойна Станиславъ Станиславовичъ, в. Полоцкій 474, 577, 609, 628, 629, 671, 682.
- Довойновичъ Андрей-Якубъ, подкоморій 375.
- Довойны, паны 372, 459, 671, 679.
- Долбенка, чоботаръ Слонимскій 450.
- Долбенка Максимецъ, сынъ Слонимскаго чоботаря 450.
- Долгій Иванъ, казакъ Полоцкаго замка 609.
- Доманевскій Янъ, бискупъ Жомоитскій 727.
- Дорогостайскіе, паны 671.
- Дорогостайскій Криштофъ Николаевичъ, стольникъ 126, 127.
- Дорогостайскій (Кухмистровичъ) Миколай Монвидъ Олехновичъ, стольникъ, потомъ в. Полоцкій, ст. Волковыйскій и Лепельскій, д. Шерешовскій, Веленскій и Бойсагольскій, тивунъ Гондинскій 126, 136, 143, 171, 195, 233, 268, 274, 275, 276, 277, 278, 285, 328, 386, 494, 526, 577, 594, 595, 601, 602, 615, 671, 706, 710.
- Древинскій Василій, писарь 341, 345, 348, 403, 418, 597, 615.
- Дрогоевскій Янъ Томашъ, посолъ Варшавскаго съѣзда 1574 года къ бѣжавшему во Францію Генриху Валезію 116.
- Друцкіе, князя 258, 265.
- Друцкій-Соколинскій Юрій, кн., подкоморій Витебскій, 328, 329, 358.
- Друцкій Щасный, поборца Новгородскій 168.
- Дубровиная Ганна, шляхтянка Полоцкая 496.
- Дудичъ Андрей, императорскій посолъ въ Польшу 142.
- Дуло, парбокъ 446.
- Дульскій Янъ, кашт. Хельминскій, ст. Брянскій и Рогозинскій 722.
- Дхоровскій Шимонъ, писарь Виленскаго замка 335.
- Дьячанъ Вл., ц. 184.
- Д'Эспессъ, Французскій посолъ 123.
- Евлашевскій Янъ Θεодоровичъ, сынъ Новгородскаго подсудка 512.
- Евлашевскій Θεодоръ, подсудокъ Новгородскій, авторъ мемуаровъ 87, 188, 235, 504, 512, 513, 514, 515, 720.
- Евсеевичъ Глядъ, б. королевскій 264.
- Евсеевичъ Ходко, б. королевскій 264.
- Екатерина Австрійская, королева Польская, великая княгиня Литовская, супруга Сигизмунда Августа 111.
- Елена Ивановна, королева Польская, великая княгиня Литовская, супруга Александра Казиміровича 360, 388, 390.
- Елизавета, королева Англійская 399.
- Елизавета, королева Польская, супруга Людовика Венгерскаго 566.
- Ело Михаилъ, марш. Кремянецкій 317, 321.
- Епимахъ, Богданъ Андреевичъ, шл. Полоцкій 481, 495.
- Епимахъ Василій, шл. Полоцкій 495.
- Епимахъ Война Петровичъ, цельникъ Полоцкій 329, 495.
- Епимахъ Фредрихъ, шл. Полоцкій 495.
- Епимахъ Янъ, шл. Полоцкій 495.
- Ернестъ, эрцгерцогъ Австрійскій, претендентъ на престолъ Речи Посполитой 118, 119, 120, 133, 134.
- Есковичъ Иванъ, п. господарскій 452.
- Есмановъ Глѣбъ Глѣбовичъ, шл. Полоцкій 495, 556.
- Есмановъ Иванъ Глѣбовичъ, шл. Полоцкій 495, 556.
- Есмановъ Миколай Глѣбовичъ, шл. Полоцкій 495, 556.

- Есмановъ Павелъ Глѣбовичъ, шл. Полоцкій 495, 556.
- Есмановъ Сидоръ Глѣбовичъ, шл. Полоцкій 495, 556.
- Есмановъ Ходоть Глѣбовичъ, шл. Полоцкій 495, 556.
- Женьскій** Еронимъ, посоль Гродненскаго съѣзда къ Стефану Баторію 138.
- Жигимонтовичъ Станиславъ, шл. 395.
- Жижемскій Иванъ, кн. 645.
- Жижемскій Петръ Богдановичъ, кн. 495.
- Жижемскій Фридрихъ, кн., ротм. 422.
- Жилинскіе, князя 256.
- Жилинскій Янъ, товарищъ роты Каспора Стужиньскаго 435.
- Жолинскій Михайль, Мазовецкій посоль на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года 61, 62.
- Жославскіе, князя 344.
- Жославскій Иванъ, кн. 703.
- Жукъ Павелъ Яновичъ, з. Троцкій 212, 213, 214, 215, 216.
- Жукъ Станиславъ, служебникъ Яна Ерон. Ходкевича 274.
- Жукъ Фронцъ Бартошевичъ, писарь польный, потомъ городничій Полоцкій 334, 406, 437, 438.
- Забеляне**, жители села Забеля 337.
- Заболоцкій Владиміръ Семеновичъ, ротм. 272, 422.
- Забрезинскіе, паны 679.
- Завадзскій Адамъ, издатель 677.
- Завиша Мальхеръ, марш. господарскій, потомъ кашт. Витебскій 319, 634.
- Завиши, земляне Пинскіе 372.
- Завиши, паны 258.
- Загоровскій Василій, марш. господарскій, городничій Владимірскій 321, 489.
- Загоровскій Петръ Богдановичъ, марш. Владимірскій 317, 318, 321, 598.
- Закревскій Янъ, дякъ Яна Гайка 320.
- Закревскій Янъ, ротм. 421.
- Залусскій Григорій Мартиновичъ, дв. 413.
- Замойскій Янъ, ст. Бельзскій и Кнышинскій, подканцлеръ Коронный, потомъ канцлеръ и великій гетманъ Короны 134, 171, 172, 173, 176, 370, 371, 420, 509, 643, 650, 692, 694, 695, 731.
- Заньковичъ Вольфромей, шл. Полоцкій 496.
- Заньковичъ Матвѣй, шл. Полоцкій 496.
- Зарецкій Иванъ, скарбный, ст. Упитскій, ключникъ и подключій Виленскій 350, 656.
- Заславскіе, князя 256.
- Заторскій Лукашъ, марш. господарскій 136.
- Захариничъ Иванъ, протопопъ Могилевскій 299.
- Захариничъ Сасинъ, слуга королевскій на Могилевскомъ замкѣ 299.
- Захаровъ Михайль Филипповичъ, шл. 396.
- Збаражскіе, князя 264, 265, 671, 673, 679.
- Збаражскій Стефанъ Андреевичъ Корнбутовичъ, кн., в. Витебскій, потомъ кашт. и в. Троцкій, д. Сомилишскій и Жосленскій 42, 88, 99, 171, 269, 270, 271, 276, 277, 459, 460, 577, 615, 671, 682, 701.
- Збаражскій Янушъ, кн., в. Брацлавскій 711.
- Зборовская Барбара Ердановна, пани 476.
- Зборовскіе, паны Короны 134, 682, 731, 733.
- Зборовскій Андрей, мечникъ Коронный, потомъ марш. дворный Коронный 105, 643, 650.
- Зборовскій Петръ, в. Сендомірскій, потомъ в. Краковскій 63, 94, 96, 97, 142, 171, 731.
- Зборовскій Самуиль, ротм. Коронный 205.
- Зборовскій Янъ, кашт. Гнѣзненскій, ст. Одоляновскій, Кескій, Грудзѣндскій, Волпенскій, гетманъ дворный Коронный 171, 277, 374, 700.
- Збыховскій Станиславъ, ротм. 422.

- Збышевскій Станиславъ, ротм. 421, 422.
 Здитовскій Лавринъ, намѣстникъ Слонимскій 450, 451.
 Здровець (Здоровецъ) Янъ, ротм. 422.
 Зеленскій, владѣлецъ деревни Рыки (подъ Стенжицей) 121.
 Зеновьевичи (Зеновевичи, Зеновичи), паны 258, 671, 673.
 Зеновьевичъ Иванъ Михайловичъ, хоружій Полоцкій 328, 329, 330, 447, 448, 481, 493, 495, 610.
 Зеновьевичъ (Зеновичъ) Криштофъ Юрьевичъ, ст. Чечерскій и Пропойскій, ротм., потомъ кашт. Берестейскій 234, 422, 672, 673.
 Зеновьевичъ (Зеновичъ) Юрій Николаевичъ, кашт. Полоцкій, ст. Чечерскій, Лепельскій и Пропойскій (раньше гетманъ въ Инфлянтахъ) 118, 171, 433, 434, 628, 629, 630, 633, 669, 671, 672, 673, 683, 709, 725.
 Зеновьевичъ (Зеновичъ) Янъ Яновичъ, подстолій 385, 386.
 Зеновьевичъ (Зеновичъ) Яцекъ Михайловичъ, шл. Полоцкій 328.
 Зеновьевичъ (Зеновичъ) Корсакъ Глѣбъ Ивановичъ, шл. Полоцкій 480, 495.
 Зеновьевичъ (Зеновичъ) Корсакъ Теодоръ Ивановичъ, шл. Полоцкій 480, 481, 495.
 Злоба, служебникъ князя Романа Сангушки 467.
 Зубовичи, земляне Мстиславскіе 393.
 Зубовичъ Богданъ Васильевичъ, з. Мстиславскій 628.
 Зубовичъ Василій Васильевичъ, з. Мстиславскій 628.
 Зубовичъ Дмитрій Васильевичъ, з. Мстиславскій 628.
 Зубовичъ Радко Васильевичъ, з. Мстиславскій 628.
 Зубовскій Николай, мѣщанинъ Пружанскій 592.
 Зубревицкая Софія Дмитриевна, княгиня 703.
 Зубрицкій Д., ц. 235.
 Зубъ Василій, з. Мстиславскій 628.
 Иберфельтъ Валентый, служебникъ Сигизмунда Августа, секретарь 490, 705.
 Иванова Кузьмича Орина, подданная господарская 250.
 Ивановичъ Андрей, подкоморій Новгородскій, потомъ писарь Литовскій 355, 356, 403, 405.
 Ивановичъ Артемъ, шл. Полоцкій 474, 496.
 Ивановичъ Гришко, дв. 412.
 Ивановичъ Жданъ, путный б., служба 290.
 Ивановичъ Илья, хоружичъ, ротм. 422.
 Иванъ, городничій Полоцкій 610.
 Иванъ III, великій кн. Московскій 443.
 Иванъ IV Грозный, царь Московскій 3, 15, 24, 34, 95, 105, 106, 107, 108, 109, 117, 118, 128, 129, 130, 133, 150, 155, 162, 164, 174, 175, 176, 336, 416, 423, 425, 430, 497, 514, 527, 530, 531, 532, 534, 557, 626, 628, 629, 660, 692, 725, 731.
 Ивашенцовъ Богданъ, городничій 338.
 Ивашкевичъ Войтехъ, мечникъ 387.
 Изаковичъ Мендель, ж. Берестейскій 489, 490, 705.
 Илковскій (Илковскій, Илговскій) Андрей, дв., тивунъ Тверскій 273, 290, 308.
 Иловайскій Д. И., ц., 79.
 Ильиничъ Мошко, ж. 344.
 Ильиничъ Николай Ивановичъ, марш. великаго кн. Александра, намѣстникъ Смоленскій 315.
 Ильиничъ Хемья, ж. 344.
 Исаевичъ Иванъ, шл. Полоцкій 496.
 Исайковскій Петръ Далмать, Виленскій каноникъ и секретарь 371.
 Исаковскій Янъ, писарь скарбовый, ключникъ и дровничій Виленскій, д. Виршубскій 350.
 Иоаннъ Вишенскій, Аѳонскій монахъ 504.
 Иоаннъ, de Ungaria 703.
 Иоаннъ, король Шведскій 9, 98, 133, 399, 430, 691.
 Иоаннъ, miles de Dolen 703.
 Иоаннъ, praepositus, каноникъ Рижскій 703.

- Іоаннъ cellerarius, каноникъ Рижскій 703.
- Іона, митрополитъ Кіевскій 576, 577.
- Іосифъ III, митрополитъ Кіевскій 569.
- Іосифъ Солтанъ, митрополитъ Кіевскій 569.
- Кавечинскій, Несвижскій намѣстникъ, издатель Несвижскаго катехизиса 233.
- Казаринъ Тимоѳей, намѣстникъ Витебскій 606.
- Казимерскій Петръ, ротм. 432.
- Казиміръ Великій, король Польскій 462, 502.
- Казиміръ Ягеллонъ, король Польскій, великій кн. Литовскій 22, 337, 404, 516.
- Кайдаръ, Татаринъ 467.
- Калачовъ Н. В., ц. 334, 459, 482, 497.
- Калениковичъ Сенко, подскарбій и подканцлеръ великаго князя Свидригайлы 703.
- Каленицкій Тишкевичъ. См. Тишкевичъ Каленицкій.
- Каменецкій Валентый, ротм. 421.
- Каменицкій Теодоръ, дв. 549.
- Каменскій Валентинъ, посолъ Мстибоговскаго съѣзда къ Баторію 143.
- Каменскій Валентый, ротм. 370, 421, 422, 423, 432, 433, 480, 608.
- Кампо Сципіянъ, кальвокаторъ 365, 367.
- Карлъ V, императоръ 262.
- Карлъ IX, король Французскій 105, 114, 700.
- Карницкій Андрей Бенедиктъ, подстароста Минскій 593.
- Карницкій Янъ, ротм. 421.
- Карнковскій Станиславъ, бискупъ Кувявскій, потомъ примасъ, архіепископъ Гнѣзненскій 14, 32, 94, 96, 138, 641, 695.
- Карсьницкій Станиславъ (Сасинъ), подсудокъ (судья) Сѣрадзьскій 135, 141, 142, 143.
- Картанъ Микула, шл. Полоцкій 495.
- Картенъ Василій, шл. Полоцкій 495.
- Картенъ Войниновича Богданъ, шл. Полоцкій 495.
- Картенъ Войниновича Иванъ, шл. Полоцкій 495.
- Картенъ Войниновича Степанъ, шл. Полоцкій 495.
- Картиная Соня Рафаловна, Васильева Войниновича, шляхтянка Полоцкая 495.
- Карѣевъ Н. И., ц. 32, 227, 232.
- Каспаровичъ Фронцко, шл. Полоцкій. 474, 495.
- Кастровицкій Протасъ, з. Мстиславскій 627.
- Квилецкій Еронимъ, писаръ скарбный, д. Ясвонскій 656.
- Квинта Войтехъ, б. 241.
- Квинта Онъ Войтеховичъ, б. 241.
- Кгорскій Владиміръ, шл. 240.
- Кградовскій Янъ. См. Градовскій Янъ.
- Кгульбицкій Бернатъ, ротм. 421.
- Кезгайло. См. Яновичъ.
- Кезгайлы, паны 263, 384, 679.
- Кейстутъ Гедиминовичъ, великій кн. Литовскій 578.
- Кеттлеръ, магистръ Ливонскаго Ордена, потомъ герцогъ Курляндскій 667.
- Кимбаръ Войтехъ Гришковичъ, намѣстникъ Городенскій 470.
- Киндеровичи, князья 256.
- Киндюкъ, Табуковъ сынъ, Татаринъ 467.
- Кишка (Техановецкій) Иванъ Станиславовичъ, крайчій, потомъ ст. Жомойтскій 118, 138, 143, 145, 165, 166, 170, 234, 382, 383, 384, 577, 638, 671, 682, 694, 695, 710, 733.
- Кишка Николай, в. Подляшскій 32, 45, 710.
- Кишка Петръ Станиславовичъ, в. Полоцкій, потомъ кашт. Троцкій и ст. Жомойтскій 583, 587.
- Кишки, паны 671, 679.
- Клекоцкій Янъ, посолъ Городенскаго съѣзда къ Стефану Баторію 138.
- Клодинскій Каспоръ, д. Волкеницкій 410, 411.
- Клочко Войтехъ (Войтко) Яновичъ, марш. и охмистръ королевы Елены,

- намѣстникъ Утенскій, потомъ Ковенскій 388, 389.
- Клочко Матвѣй, панъ 336.
- Клочковна Барбара, жена Мальхера Сновскаго 336.
- Клочковна Раина, жена Григорія Войны 336.
- Клюковскій Иванъ, городничій Городенскій 143.
- Клюковскій Янъ, ротм. 421.
- Кмита Семенъ, дв. 431, 675, 678.
- Кмита (Чернобыльскій) Филонъ Семеновичъ, ротм., потомъ ст. Оршанскій и в. Смоленскій 287, 431, 432, 578, 596, 626, 672, 673, 675, 676, 677, 678, 680, 681, 714, 725, 726.
- Кмита Янъ, марш. госп., д. Вилкомирскій 327, 328, 494, 657.
- Кмитицъ Самуиль, Оршанскій хоружій 593.
- Кмиты, паны 671, 679.
- Кобринская Уляна Семеновна, княгиня, 256.
- Кобринскій Иванъ Семеновичъ, кн. 256.
- Ковальскій Янъ, дв. 365.
- Ковнацкій Миколай, з. Мстиславскій 393, 628.
- Кожичъ Андрей, попъ дворный, шл., Полоцкій 496.
- Кожичъ Левонъ, шл. Полоцкій 496.
- Козерадскій Михаилъ Боговитинъ, панъ 509.
- Козиньскій Михаилъ Тихновичъ, марш. господарскій 320.
- Козицкій Павелъ, шл. Полоцкій 495.
- Козловскій Константинъ, ц. 490.
- Коледа Василій, служебникъ подскарбія 657.
- Коледа Михаилъ Григорьевичъ, служебникъ королевскій 263.
- Комаровичъ Федько, шл. Полоцкій 481, 496.
- Конаховичъ Тишко, шл. 488, 489.
- Кондратовичъ Сопронъ, казакъ Полоцкаго замка 609.
- Конецкій Янъ, охмистръ королевы Анны Ягеллонки, ст. Ломзенскій 389.
- Коновка Иванъ, казакъ Полоцкаго замка 609.
- Кононовна Авдотья 485.
- Конча Николай 604.
- Конюховичъ Григорій, служебникъ подскарбія 657.
- Копоть Василій, дв. 303.
- Коптевая Васильева Полоня Воловичова, землянка 706.
- Корецкій Богушъ Θεодоровичъ, кн. ст. Луцкій, Браславскій и Веницкій 42, 591, 592.
- Корецкій Еліокимъ, кн. 256.
- Корибутъ-Димитрій Ольгердовичъ, кн. 34.
- Корицкая Ярошова, старостина Мельницкая, Гераноинская и Кнышинская, урожденная Софія Ходкевичевна 287, 288, 362.
- Корицкій Янъ, ротм. 421.
- Коробанка Янъ, райца Могилевскій 715.
- Корсакъ, шл. Полоцкій 133.
- Корсакъ Аникей Андреевичъ, шл. Полоцкій 495.
- Корсакъ Аникей Ивановичъ шл. Полоцкій 495.
- Корсакъ Богданъ Ивановичъ, шл. Полоцкій 481, 495.
- Корсакъ Боркулабъ Ивановичъ, шл. Полоцкій, ст. Дисненскій, ротм. 267, 269, 337, 431, 433, 434, 495, 587, 610, 629, 630, 709, 725.
- Корсакъ Василій, хоружій Мозырскій 323.
- Корсакъ Василій Михайловичъ, городничій Полоцкій 495, 610.
- Корсакъ Дмитрій Богдановичъ, шл. Полоцкій 449, 492, 493, 495.
- Корсакъ Костишно Семеновичъ, шл. Полоцкій 495.
- Корсакъ Оникей Андреевичъ, д. Воронецкій, потомъ подкоморій Полоцкій 176, 337, 725.
- Корсакъ Остафій Глѣбовичъ, шл. Полоцкій 495.
- Корсакъ Петръ Васильевичъ, шл. Полоцкій 495.

- Корсакъ Яковъ Глѣбовичъ, шл. Полоцкій 495.
- Корсакъ Янъ Глѣбовичъ, шл. Полоцкій 495.
- Корсакъ Зеновевичъ Глѣбъ Ивановичъ, шл. Полоцкій 495.
- Корсакъ Зеновевичъ Федоръ, Ивановичъ, шл. Полоцкій 495.
- Корыцскій (Корицскій) Ярошъ, конюшій дворный, ст. Мельницкій и Лосичскій, д. Гераноинскій и Кнышинскій 287, 362.
- Косинскій Адамъ, марш. Дрогицкій и Мельницкій 316, 317, 321.
- Костевичъ Янушъ Станкевичъ, мечникъ 387.
- Костеницкій, проповѣдникъ реформаціоннаго ученія въ Литвѣ 235.
- Костка Янъ, кашт. Данцигскій, потомъ кашт. Гнѣзненскій 53, 104.
- Костомаровъ Н. И., ц. 325.
- Костровицкій Протасъ, з. Мстиславскій 290.
- Кострыца Иванъ, казакъ Полоцкаго замка 609.
- Котовицкій Юрій, писарь земскій Полоцкій 176.
- Кохцицкій Янъ, императорскій посолъ 142.
- Коширскій Андрей Михайловичъ, кн. 392.
- Кошчъ Богданъ, ротм. 434, 709.
- Кояловичъ М. О., ц. 1, 11, 16, 25, 32, 65, 79.
- Крадовскій Янъ. См. Градовскій Янъ.
- Крайницкіе подданные Довойны 372.
- Краковъ Рейнолтъ, д. Корждъ, Кретинки и Полонки 412, 413.
- Красинскіе, ордин. библ., 231, 440, 670, 675.
- Красинскій Францискъ, подканцлеръ Коронный, потомъ бискупъ Краковскій 57, 58, 76, 722.
- Кржичовскій Альбертъ, капланъ 572.
- Кривоногъ Остафій, з. Полоцкій, служебникъ Станислава Глѣбовича, в. Полоцкаго 587, 610.
- Криковичъ Каспоръ, подкоморій Мельницкій, тивунъ Дирвянъ Большихъ 357.
- Кристановичъ Станиславъ, ц. 623.
- Кричевскій Кирдей, судья, хоружій Берестейскій 195, 241.
- Кричевскій (Кречевскій) Ярошъ, д. Шерешовскій 268, 274, 275, 278, 285.
- Кромеръ Мартинъ, историкъ 506.
- Крочевскій Еразмъ, кухмистръ 41.
- Крошинскіе, князя 256.
- Крышковскій Лаврентій, издатель Невсвижскаго катехизиса 233.
- Кублицкая Ганна Лаврыновна, Васильева Олехновича, шляхтянка Полоцкая 495.
- Кублицкій Гринашко, шл. Полоцкій 448, 495.
- Кублицкій Иванъ Пѣтуховичъ, шл. Полоцкій 491, 493, 496.
- Кублицкій Семень Митковичъ, шл. Полоцкій 448, 495.
- Кублицкій Федоръ Богдановичъ, шл. Полоцкій 448, 495.
- Кузьмичъ Иванъ, п. пана Льва Гоцовскаго 250, 251.
- Кулвинскій (Кулывенскій) Войтехъ, умоцованный пана Павла Яновича Жука на судѣ Троцкаго подкоморія 214, 215.
- Кулишъ П. А., ц. 235.
- Кульва Авраамъ, проповѣдникъ лютеранства въ Литвѣ 232, 502.
- Кумпелевна Марина, жена дворянина Ивана Богушевича Тарусы 252.
- Куницкій Станиславъ, ротм. 421, 425.
- Кунцевичъ Иванъ, шл. 372.
- Кунцевичъ Константинъ, дв. 376, 410.
- Кунцевичъ Якубъ, конюшій дворный и Троцкій, намѣстникъ Волкиницкій и Лепунскій, лѣсничій Городенскій 346.
- Кунцовичъ Янъ, подкоморій Новгородскій 296.
- Куньца Иванъ Васильевичъ Шыпило, шл. Полоцкій 496.
- Куньца Семень Васильевичъ Шыпило, шл. Полоцкій 496.
- Курбскій Андрей Михайловичъ, кн. 261, 707.

- Куриловичъ Ониска, п. господарскій 250, 251.
- Курницкій Петръ, ротм. 421, 422.
- Курчъ Макаръ, дв., ротм. 422.
- Курчъ Мартинъ, ротм. 421, 422.
- Курчъ Стефанъ, в. Берестейскій 611.
- Кутлубуга, кн. Татарскій 462.
- Кухмистровичъ. См. Дорогостайскій.
- Лапы Матвѣй, шл. 396.
- Ласкій Альбрехтъ, в. Сѣрадзскій 141.
- Ласоцкій Криштофъ, кашт. Сохачевскій 650.
- Лебедичъ, бурмистръ Виленскій 505, 506, 507.
- Левоничъ Васко, шл. Полоцкій 496.
- Левоничъ Гарасымъ, игумень Воскресенскій, шл. Полоцкій 496.
- Левоничъ Михно, шл. Полоцкій 496.
- Лелевель Іоакимъ, ц. 384, 439.
- Ленгнихъ Б., ц. 97, 689.
- Ленцскій Лукашъ, ложничій 277, 374.
- Леонтовичъ Ѡ. И., ц. 75, 101, 256, 305, 315, 338, 350, 351, 360, 375, 376, 388, 389, 391, 402, 408.
- Лещинскій Рафаиль, ст. Радѣевскій, Познанскій посолъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года 70, 122.
- Ливо Герандъ, вассалъ Рижскаго архієпископа 703.
- Лишинскій Т., ц. 294.
- Лисманини Францискъ, придворный проповѣдникъ королевы Боны 232.
- Литвиновскій Рафалъ Прокулей, войскій Берестейскій 340, 343.
- Лодятичъ Миколай Индрыховичъ, шл. Полоцкій 495.
- Лозка Василій, хоружій Мозырскій 323.
- Локницкій Станиславъ, секретарь 710.
- Лопатинскій Воцлавъ, инстигаторъ 396.
- Лопоть Иванъ, ротм. ст. Дриссенскій 143, 421.
- Лугвеній, кн. Мстиславскій 408.
- Лукашевичъ Іосифъ, ц. 499, 501, 502, 504.
- Лукомскіе, князья 258, 265.
- Лукомскій Андрей Андреевичъ, кн. 264.
- Лукомскій Балтазаръ (Бальцеръ) Андре-
свичъ, кн., ротм. 307, 308, 422, 429, 430, 603.
- Лукомскій Константинъ, кн., ст. Ульскій 725.
- Лукомскій Фелиціанъ, войсковичъ Ви-тебскій 343.
- Лысаковскій, панъ, кашт. Хелмскій 13.
- Любавскій М. К., ц. 12, 22, 23, 32, 37, 39, 79, 101, 112, 144, 181, 183, 236, 240, 256, 259, 262, 263, 264, 265, 292, 294, 306, 307, 311, 313, 315, 318, 319, 333, 334, 337, 339, 342, 346, 349, 350, 351, 354, 357, 374, 376, 382, 387, 388, 390, 401, 402, 409, 416, 417, 419, 436, 437, 465, 467, 470, 496, 528, 533, 544, 553, 562, 565, 578, 579, 580, 582, 583, 584, 585, 586, 588, 589, 598, 619, 624, 632, 659, 663, 667, 668.
- Любатовскій (Любятковскій) Войтехъ, ротм. 421, 422.
- Любецкій Иванъ, кн. 264.
- Любовичъ Н., ц. 61, 232, 234, 500.
- Любомирскій, великій марш. Коронный 640.
- Людовикъ XIV, король Французскій 40.
- Людовикъ Венгерскій, король Польскій 354.
- Людосскій Семень, з. Мстиславскій 503.
- Лютеръ, реформаторъ 232.
- Лядскій Иванъ Ивановичъ, лѣсничій Бѣловѣжскій 303.
- Мавловичъ, дв. пана Матусевича 408.
- Магнусъ, Датскій принцъ (братъ ко-роля) 109, 117, 129.
- Макарій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, ц. 233, 235.
- Макеевичъ Стома, поборца Бобруйскій 644.
- Маковецкій Еронимъ, секретарь 398, 399, 400.
- Маковецкій Янъ, деканъ Виленскій, архидьяконъ Варшавскій, писарь скарбный 235, 552, 656, 657.
- Максимиліанъ II, императоръ Священ-ной Римской Имперіи 9, 111, 127, 134, 641.

- Малей, кухарь 362.
 Малиновскій Н., ц. 677, 681, 714, 726.
 Малинскій Елъ, марш. господарскій 361, 362.
 Малышевскій И. И., ц. 79.
 Мальхеръ Гедройтъ, бискупъ Жомоитскій. См. Гедройтъ Мальхеръ.
 Мамевичъ Василій, попъ Юревскій Туловскій, шл. Полоцкій 496.
 Мамоничъ Лука, Виленскій типографщикъ 616.
 Манузи Станиславъ, графъ, землевладѣлецъ Сѣверо-Западнаго края 75.
 Манцовичъ Федець, б. путный, служба 290.
 Маргарита Валуа, сестра Карла IX и Генриха Вalezія, супруга Генриха Наварскаго 105.
 Марія Казимира, королева Польская 640.
 Марковичъ Кузьма, з. Могилевскій 485.
 Масальскіе, князья 265.
 Масальскій Андрей, кн., ротм. 422.
 Масальскій Григорій, лѣсничій Олитскій и Немоноитскій, д. Берзницкій и Перстунскій, потомъ подсудокъ и судья земскій Городенскій 156, 288, 303, 716.
 Масальскій Иванъ Тимофеевичъ, кн. 495.
 Масальскій Ѳеодоръ Ивановичъ, кн., марш. Городенскій 319, 320.
 Масальскій Юрій Тимофеевичъ, кн. 495.
 Масальскій Якубъ, врядникъ Обельскій 396.
 Масюкъ, человекъ похожій 451.
 Матвѣй, пробощъ Виленскій, потомъ бискупъ Жомоитскій 566.
 Матвѣй съ Лопухова, б. 451.
 Матеевичъ Болтрмей, кухарь 292.
 Матеевичъ Шимонъ, кухарь 292.
 Матеейтисъ Юрій, б. Жомоитскій 308.
 Матишекъ, ст. Мельницкій 28.
 Матусевичъ, панъ 408.
 Мафиць Филиппъ, лѣсничій Бѣловѣжскій 371.
 Мацель, человекъ служалый 451.
 Мацкевичъ (Мацковичъ, Мачковичъ) Андрей, секретарь, писарь земскій Виленскій 195, 364, 399, 400, 401, 649.
 Мацкевичъ Василій, дв. 431, 676.
 Мацкевичъ Шимко, тивунъ Виленскій 392.
 Мацковичъ Андрей, д. Волкминицкій и Лепунскій 392.
 Мацѣевскій Бернардъ, бискупъ Луцкій, не принятый Литвою бискупъ Виленскій, потомъ бискупъ Краковскій, архіепископъ Гнѣзненскій, кардиналъ 227.
 Машевичъ Хома, ротм. 421.
 Машичъ Маско Малиць 467.
 Медичи Екатерина, королева Французская, супруга Генриха II 105.
 Мелецкіе, паны Коронные 733.
 Мелецкій Николай, в. Подольскій 96, 116, 443, 682, 695.
 Мелецкій Севастіянъ, кашт. Краковскій 15.
 Мелешко Аврамъ, войскій и писарь земскій Слонимскій 340, 341.
 Мелешко Иванъ Опонасовичъ, шл. Полоцкій 496.
 Мелешко Шымко Мартиновичъ, шл. Полоцкій 496.
 Мелешко Ѳеодоръ Ивановичъ, шл. Полоцкій 329, 496.
 Меницкій Василій Гридковичъ, шл. Полоцкій 495.
 Микиновичъ Андрей 485.
 Микитичъ Ярославъ Матвѣевичъ, кн. 273.
 Миклашовскій Петръ, ротм. 421.
 Миколаевичъ Жданъ, з. Слонимскій 395, 707.
 Миколаевичъ Юрій, ст. Городенскій 408.
 Миколаевскій, убійца Сѣрадзскаго кашталяна Лютомірскаго 9.
 Микутевичъ Сенько, п. королевскій 289.
 Милонъ, марш. дворный 314.
 Минець, паробокъ 446.
 Миньгаузенъ Гаспаръ, посолъ Датскій 668, 669.

- Миреевскій, слуга подскарбія 461.
 Мисевичъ Адамъ, ротм. 421
 Мискевичъ Мулкуманъ, кн., Татаринъ 470.
 Миткевичъ Петръ, участникъ гражданской сдѣлки, заявленной Могилевскому мѣстскому уряду 443.
 Митковичъ Василій, шл. Полоцкій 475, 495.
 Митрополи Иванъ Игнатовичъ, шл. Полоцкій 474, 495.
 Михайло, б. Витебскій 519.
 Михайловичъ Александръ, шл. Полоцкій 495.
 Михайловичъ Андрей, шл. Полоцкій 495.
 Михайловичъ Богданъ, шл. Полоцкій 495.
 Михайловичъ Гаврила, возный Слонимскій 453.
 Михайловичъ Сѣмашко, панъ 703.
 Михайловичъ Федко, б. Витебскій 519.
 Михаилъ Рагоза, митрополитъ Кіевскій 577.
 Михно, служебникъ-конюшій старосты Пинскаго Кобринскаго, Клецкаго и Городенскаго, державцы Селецкаго 349.
 Михновичъ Матфей, шл. Полоцкій 496.
 Мицута Петръ, лѣсничій Городенскій 470.
 Млечко Янъ Войтеховичъ, земскій судья Виленскій 706.
 Млодавскій, ротм. 421.
 Млодецкій Теофилъ, служебникъ королевскій 288.
 Мокуличъ Иванъ, ревизоръ 410.
 Монтыгирдовичъ Петрашъ, намѣстникъ, или воевода Новгородскій 579.
 Московка Иреня 443.
 Мстиславскіе, князья 256.
 Мстиславскій Михаилъ Ивановичъ, кн. 256.
 Мурадъ IV, султанъ Турецкій 462.
 Мухановъ, ц. 435.
 Мухлинскій А., ц. 461, 462, 463, 464, 466, 470, 471.
 Мыльскій Олизаръ Кирдей, марш. Пинскій 317, 321.
 Мышка съ Варковичъ Михаилъ, кашт. Волинскій 420, 733.
 Мышковскій Петръ, бискупъ Плоцкій и подканцлеръ Коронный 13, 96.
 Мышковскій Станиславъ, в. Краковскій 41.
 Найдень, кухаръ 362.
 Наливайко, казацкій гетманъ 514.
 Нарбутъ Станиславъ Николаевичъ, воеводичъ Подляпскій, подкоморій Слонимскій 355.
 Нарбутъ Т., ц. 87, 91, 195.
 Нарбуты, паны 258, 265.
 Наримунтъ Гедиминовичъ, кн. 34.
 Нарушевичи, паны 671.
 Нарушевичъ Адамъ, ученый 156, 181.
 Нарушевичъ Миколай Павловичъ, подскарбій земскій и писарь, д. Марковскій, Мядельскій, Ушпольскій и Пеняпскій 30, 33, 41, 43, 44, 67, 72, 267, 276, 283, 284, 312, 325, 336, 400, 401, 426, 437, 636, 652, 662, 665, 672, 680, 709, 724, 725.
 Нарушевичъ Павелъ, панъ 392.
 Нарушевичъ Станиславъ Павловичъ, тивунъ Виленскій, потомъ кашт. Мстиславскій 166, 312, 625, 664, 665, Настасья, челядь 447.
 Невельскій Володько Игнатовичъ, шл. Полоцкій 496.
 Невельскій Петръ, шл. Полоцкій 495.
 Невельскій Романъ, посоль Мстибоговскаго съѣзда къ Стефану Баторію 143.
 Некрашевича Станиславовая Анна Ивановна, пани 486, 487.
 Некрашевичъ Станиславъ, панъ 487.
 Некрашова, пани 451.
 Немира Василій, ротм. 701.
 Немира, ст. Луцкій 703.
 Нестанижскій плебанъ 496.
 Нецѣцкій Мельхіоръ, инстигаторъ Подляпскій 397.
 Нечай Иванъ Логвиновичъ, шл. Полоцкій 496.

- Николай Паць, бискупъ Кіевскій. См. Паць Николай.
- Нининскій Станиславъ, подстароста Упитскій 295.
- Новоселецкій Каспоръ, ротм. 422.
- Новоца Микита Васильевичъ, шл. Полоцкій 494, 496.
- Нѣмцевичъ І. У., ц. 93.
- Оболенскій М. кн., ц. 106.
- Оболенскій Михайль, кн. 396.
- Оборскій Адамъ, ротм. 421.
- Оборскій Петръ, д. Старыхъ Трокъ 336.
- Оборскій Прецлавъ, ротм. 421.
- Овсяный Богушъ Алексѣевичъ, подкоморій Новгородскій 143, 355, 356, 413, 414.
- Овсяный Янъ Богусевичъ, секретарь 398.
- Огинскій Богданъ, съ Козельска кн., подкоморій Троцкій, д. Дорсуншскій и Кормяловскій 212, 213, 214, 215, 410.
- Огинскій Мартіянъ, кн., канцлеръ 714, 715.
- Огурцевичъ Андрей, свидѣтель въ справѣ Долбенка и Подлытковича 450.
- Одинцевичъ Андрей Семеновичъ, кн., марш. госп., ст. (д.) Оршанскій 317, 458.
- Олелько, кн. 34.
- Оленскій, ротм. 421.
- Олехновичъ Василій, шл. Полоцкій 481, 496.
- Олехновичъ Войтехъ, бояринъ путный, служка 290.
- Олехновичъ Николай, подкоморій Лидскій, тивунъ Дирвянъ Большихъ 305, 357.
- Олеша Петръ, шл. Полоцкій 495, 556.
- Ольгердъ Гедиминовичъ, великій кн. Литовскій 34, 461, 578.
- Ольшамовскій Б. Г., ц. 75.
- Ольшанскіе, князья. См. Гольшанскіе, князья.
- Онисковичъ Куриловича Макаръ, п. господарскій 250.
- Оношко Петръ, городничій Минскій 334.
- Опалинскій, охмистръ Польскій Сигизмунда-Августа 390.
- Опалинскій Андрей, великій марш. Коронный 127, 692, 695.
- Опанасовичъ Балтротмей, п. господарскій 289.
- Оразовичъ Богданъ, Татаринъ 470.
- Оразовичъ Мурза, Татаринъ 470.
- Орвидъ Казиміръ Яновичъ, судья земскій Жомоитскій 708.
- Орда Василій Альбрехтъ, хоружій и мечный Пинскаго повѣта 326, 327.
- Оржельскій съ Божеёвиць Святославъ, ст. Радзѣвскій, авторъ хроники 93, 94, 97, 103, 104, 111, 115, 116, 117, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 138, 139, 140, 141, 146, 149, 374, 375.
- Орина, челядь 447.
- Орѣховскій Валентинъ, Перемышльскій судья, посолъ Русскаго воеводства на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, 16, 17, 27, 48, 66, 75, 76.
- Осанчуковичъ Магметъ Уланъ, кн., марш. 471.
- Ососокъ Василій Ивановичъ, шл. Полоцкій 472, 473, 496.
- Ососокъ Жданъ Ивановичъ, шл. Полоцкій 472, 473, 496.
- Ососокъ Лецко Ивановичъ, шл. Полоцкій 472, 473, 496.
- Ососокъ Яцко Ивановичъ, шл. Полоцкій 472, 473, 496.
- Оссолинскій Еронимъ, Краковскій посолъ на сеймѣ 1553 года, потомъ кашт. Сандецкій 13, 19, 44, 184.
- Остики, паны 258, 468, 671, 673, 679.
- Остиковичъ (Остикъ) Григорій Станиславовичъ, марш. дворный, намѣстникъ Мерецкій и Оникштенскій 314, 315.
- Остикъ Николай Юрьевичъ, ст. Кревскій и Румборскій 486.
- Остикъ Юрій Юрьевичъ, в. Мстиславскій, ст. Браславскій, потомъ в. Смо-

- ленскій 116, 297, 479, 562, 577, 578, 591, 671, 672, 682.
- Островецкій Протасовичъ Матвѣй, секретарь, ключникъ Троцкій 399.
- Островицкій Павелъ, марш. Опшменскій 317, 321.
- Островскій Тарасъ, панъ 453.
- Острожскіе, князья 384, 679, 682.
- Острожскій Константинъ Константиновичъ, кн., в. Кіевскій, марш. земли Волынской, ст. Луцкій 42, 45, 104, 513.
- Острожскій Янушъ Константиновичъ, кн., потомъ в. Волынскій и кашт. Краковскій 158.
- Оханковая Зофія, шляхтянка Полоцкая 496.
- Оханокъ Якубъ Якубовичъ, шл. Полоцкій 496.
- Оханокъ Яцко Якубовичъ, шл. Полоцкій 496.
- Ошменишко Андрей, преступникъ 602.
- Павелъ, бискупъ Виленскій. См. Гольшанскій Павелъ.
- Павилайтисъ Павелъ, б. Жомоитскій 308.
- Павинскій А., ц. 71, 369, 377, 378, 379, 380, 381, 562, 659.
- Павлицевъ Н. И., ц. 498.
- Павловичъ Янута, слуга землянина Василя Михайловича Скипора 452, 453.
- Падневскій Филиппъ, бискупъ Краковскій 14, 16, 17, 28, 35, 45, 57, 60, 96, 125, 131.
- Палускій Янъ, марш. госп., д. Немоноитскій 631.
- Паревскій Януша, коморникъ королевскій 420.
- Пахабъ Иванъ, з. Клецкій 707.
- Пахманъ С. В., ученый 75.
- Пацевичъ Николай Юрьевичъ, подкоморій и ловчій 377.
- Пацкевичъ (Пацковичъ) Степанъ, дв. и мостовничій 414, 723.
- Пацкевичъ (Пацковичъ) Стома, мостовничій 723.
- Пацовичъ Янъ, дв. 411.
- Паць, шл. Слонимскій 241.
- Паць Доминикъ Миколаевичъ, кашт. Смоленскій 672, 710.
- Паць Миколай Миколаевичъ, кашт. Смоленскій 672.
- Паць Николай, бискупъ Кіевскій 118, 136, 138, 143, 573, 574, 649, 727.
- Паць Павелъ Миколаевичъ, кашт. Витебскій, потомъ в. и ст. Мстиславскій, ст. Вилкомирскій, д. Берженицкій 32, 99, 136, 574, 577, 597, 627, 628, 671, 672, 683.
- Паць Станиславъ Миколаевичъ, подстолій, потомъ в. Витебскій, д. Суражскій 118, 348, 386, 577, 602, 608, 671, 672, 682, 725.
- Пацы, паны 671, 672, 679.
- Пашницкій Богданъ, хоружичъ, Витебскій посолъ на Торунскій сеймъ 331.
- Пелгримовскій Іеліяшъ, писарь 634.
- Переломецъ Гришка Андреевичъ, мѣщанинъ Городенскій 349.
- Перепеча Гришко, панъ 452.
- Перхуровъ Андрей, слуга путный Полоцкій 474.
- Петкевичъ Андрей, человекъ похожій 449, 450.
- Петкевичъ Лавринъ, сынъ похожаго человека Андрея Петкевича 449, 450.
- Петкевичъ Павелъ, сынъ похожаго человека Андрея Петкевича 449, 450.
- Петкевичъ Юрій, бискупъ Жомоитскій 117, 567.
- Петкевичъ (Петковичъ) Матвѣй, чашникъ, д. Скерстомонскій и Росейнскій 383, 384, 533.
- Петрашковичъ Янъ, подстароста Минскій 593.
- Петрова, невѣстка Ковенской землянки Альжбеты Миколаевны Матеевой Григорьевича 488.
- Петровичъ Богданъ, воеводичъ Волошскій, ротм. 423.
- Петровичъ Самсонъ, з. Островнаго имѣнія Льва Сапеги 461.
- Петровичъ Томашъ, п. господарскій 296.

- Петровичъ Яцко, шл. Полоцкій 496.
- Петровскаго Войтеха жена, Дорота Андреевна 396.
- Петровскій Мартинъ, шл., служебникъ дворянина Владиміра 415.
- Петръ изъ Гонѣндза, проповѣдникъ антитринитаризма въ Литвѣ 234.
- Петръ Мышковскій, бискупъ Плоцкій. См. Мышковскій Петръ.
- Пибракъ, посолъ Генриха Вalezія 123, 130.
- Пилховскій Адамъ, секретарь и Подляшскій референдарій, потомъ бискупъ Холмскій 568.
- Пинско-Туровскіе князья 255.
- Пирхлинскій Криштофъ, ротм. 274, 278, 307.
- Плещевъ, думный дв. Московскій 107.
- Плиница Опанась, казакъ Полоцкаго замка 609.
- Погодинъ М. П., ц. 622.
- Подбережскіе князья 256.
- Подберезскій Григорій, в. Смоленскій 611.
- Подберезскій Григорій Яцковичъ, шл. Полоцкій 495.
- Подлытковичъ Давидъ, мѣщанинъ Слонимскій 450.
- Подосскій Криштофъ, плебанъ Владимірскій 662.
- Подцевскій (Подцендковскій) Мартинъ, конюшій Троцкій, ревизоръ 327, 328, 494.
- Поезерскій Бартломей Барташевичъ, з. Упитскій 299.
- Полкотыцкій, слуга Пинскаго хоружія Орды 326.
- Полозовичъ Павелъ, шл. Полоцкій 496.
- Полоцкіе князья 255.
- Полтева Василій Павловичъ, конюшій Смоленскій 346.
- Полубенская, княгиня, супруга князя Александра Ивановича Полубенскаго 279.
- Полубенскіе, князья 671.
- Полубенскій Александръ Ивановичъ, кн., ротм., потомъ ст. Волмерскій и Трикацкій, д. Вилькейскій и Поюрскій, кашт. Новгородскій 260, 279, 421, 422, 628, 668, 671.
- Полубенскій Андрей Ивановичъ, кн. 392.
- Полубенскій Иванъ, кн., ротм., лѣсничій Слонимскій 260, 301, 302, 370, 421, 422, 430.
- Полупета Василій, шл. Полоцкій 495.
- Полупета Михайло, шл. Полоцкій 496.
- Порай-Кошиць И., ц. 341, 342, 346, 436, 617, 620.
- Портикъ Винцентій, легатъ папскій 9.
- Поссевинъ Антоній, іезуитъ, посредникъ въ мирныхъ переговорахъ между Стефаномъ Баторіемъ и Иваномъ Грознымъ 694.
- Потворовскій Доброгость, судья Калишскій, посолъ Калишскаго воеводства на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года 40, 75, 76.
- Потей Адамъ, земскій судья Берестейскій 710.
- Прайтфусъ Епъ, городничій Виленскій 334, 336.
- Пребыславскій Фронць, ротм. 421.
- Презмыцкій Алексѣй, ротм. 281, 282 421, 422.
- Претоцкій (Протоцкій) Войтехъ, городничій Виленскій 335.
- Пржездзецкій Александръ, ц. 677, 681, 703, 714, 726.
- Пржіалговскій В., кс., ц. 567.
- Прилецкій Маріанъ, Краковскій гродскій судья и бургграфъ, посолъ Краковскаго воеводства на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года 76.
- Приемскій Войтехъ, кашт. Ленчицкій 53, 54.
- Прокулей Рафалъ, дв., потомъ войскій Берестейскій 413.
- Пронскіе, князья 679.
- Пронскій Александръ, кн., воеводитчъ Кіевскій, стольникъ 104, 234, 386, 558, 626.
- Проселковая Васильева, шляхтянка Полоцкая 495.
- Проселокъ Федоръ Мартиновичъ, шл. Полоцкій 495.

- Проствило, шл. Слонимскій 241.
- Проствиловичи, шл. 240, 241, 242, 331.
- Проствиловичъ Богушъ Мискевичъ, шл. Слонимскій 241.
- Проствиловичъ Василь Борисовичъ, б. шл. Слонимскій 240, 241, 242.
- Проствиловичъ Лень Ивановичъ, б. шл. Слонимскій 240, 241, 242.
- Проствиловичъ Маркъ Климовичъ, б. шл. Слонимскій 240, 241, 242.
- Проствиловичъ Миско, шл. Слонимскій 241.
- Проствиловичъ Николай Станкевичъ, шл. Слонимскій 241.
- Проствиловичъ Петръ Ходоровичъ, б. шл. Слонимскій 240, 241, 242.
- Проствиловичъ Станько, шл. Слонимскій 241.
- Протасевичъ Валеріанъ, бискупъ Виленскій 44, 100, 166, 194, 195, 196, 235, 558, 567, 569, 572, 575, 709, 725, 727, 728.
- Протасовичъ Бенедиктъ, войскій Городенскій, ключникъ и подключій Трощкій 349, 350.
- Протоцкій Войтехъ, городничій Виленскій 334.
- Прохаска А., ц. 138.
- Пташицкій С. Л., ц. 75, 193, 207, 218, 219, 402, 404.
- Пузина (Пузына), кн., марш. госп. 321.
- Пузина (Пузына) Петръ, кн., войскій Минскій 340, 639.
- Пулешта Еронимъ, хоружій Волковыйскій 143.
- Пунскій царевичъ. См. Янбековичъ Исламъ.
- Путлеръ, поручикъ отряда Курляндскаго герцога 690.
- Путяты, князя 256.
- Пѣтухъ Константинъ, городничій Могилевскій 338.
- Пэчеви, исторіографъ султана Мурада IV 462.
- Пясецкій Войтехъ, возный дворный 394.
- Пясецкій Якубъ, конюшій, д. Герановскій (Гераноинскій) и Липнишскій 289, 362, 363, 366, 367, 368.
- Пясть 134.
- Пятигорскій Гаврила Гимбулятовичъ, кн., дв. 631.
- Пятниковича Богдановая, мѣщанка Слонимская 450.
- Рагоза Василій, дв., потомъ хоружій дворный 387, 418, 419, 488.
- Рагоза Григорій, хоружій дворный, потомъ судья земскій Минскій 241, 387, 418, 419.
- Рагоза Михаилъ. См. Михаилъ Рагоза.
- Рагоза Олехно, шл. Полоцкій 495.
- Рагозянка Ганна, супруга Яна Болеславовича Свирскаго 447.
- Радивилъ Войтехъ Миколаевичъ, кн. на Олыкѣ и Несвижѣ, марш. дворный 636, 671, 672, 711.
- Радивилъ Криштофъ Миколаевичъ, кн. на Биржахъ и Дубинкахъ, крайчій, чашникъ и подчашій, кашт. Трощкій, в. Виленскій, гетманъ польный, подканцлеръ, гетманъ наивысшій, ст. Борисовскій и Солецкій 32, 118, 135, 142, 149, 194, 366, 383, 384, 385, 403, 417, 436, 437, 440, 441, 514, 577, 616, 636, 670, 671, 672, 675, 682, 692, 693, 711, 716, 725.
- Радивилъ Миколай Криштофъ (Сиротка), кн. на Олыкѣ и Несвижѣ, графъ на Шидловцѣ, воеводичъ Виленскій, д. Шавленскій, марш. дворный, потомъ марш. земскій 41, 104, 105, 114, 118, 121, 131, 370, 371, 388, 399, 407, 454, 506, 513, 514, 635, 638, 643, 644, 649, 671, 672, 673, 682, 694, 695, 717, 718, 722, 725, 728, 735.
- Радивилъ Миколай Миколаевичъ, кн. на Биржахъ и Дубинкахъ, ловчій, потомъ в. Новгородскій 369, 370, 577, 671, 672.
- Радивилъ Миколай Юрьевичъ, кн. на Дубинкахъ и Биржахъ, в. Трощкій, потомъ в. Виленскій, канцлеръ, гетманъ наивысшій, ст. Мозырскій и Лидскій, д. Борисовскій, потомъ ст. Ошменскій и Лидскій 15, 18, 19, 42, 43, 44, 67, 89, 102, 104, 118, 120, 126,

- 132, 133, 136, 141, 161, 162, 163, 166, 168, 169, 173, 233, 240, 241, 243, 263, 300, 312, 325, 399, 407, 432, 433, 440, 454, 455, 530, 532, 558, 569, 574, 577, 617, 629, 630, 636, 646, 649, 666, 670, 671, 672, 675, 680, 682, 693, 695, 702, 707, 709, 712, 724, 725, 727, 728, 729, 732.
- Радивиль Миколай Яновичъ (Черный), кн. на Олыкѣ и Несвижѣ, в. Виленскій, марш. земскій, канцлеръ, ст. Берестейскій и Ковенскій 233, 372, 604, 727.
- Радивиль Юрій, кн. на Олыкѣ и Несвижѣ, кардиналъ, бискупъ Виленскій, потомъ Краковскій 206, 207, 567.
- Радивиль Юрій Миколаевичъ, кашт. Виленскій, ст. Городенскій, марш. дворный, д. Лидскій, гетманъ наивысшій 325.
- Радивиль Янушъ, подкоморій 376.
- Радивилы, паны, потомъ князя 42, 103, 170, 233, 235, 262, 263, 384, 568, 572, 671, 672, 673, 678, 679, 681, 730, 733.
- Радивилиянка Варвара, супруга Сигизмунда Августа 235, 390.
- Радивилиянка Елизавета, супруга Николая Мелецкаго 682.
- Радивилиянка Петронеля, супруга Станислава Станиславовича Довойны 682.
- Радиминскій (Радзиминскій) Янъ, ротм. 422.
- Радимскій (Радзимскій) Войтехъ, лѣсничій Переломскій 370, 416.
- Радюкъ Янъ, кухаръ 292.
- Раецкій Бальцеръ, служебникъ Виленскаго воеводы Николая Радвила 454, 455.
- Райскій Бальцеръ, д. Румшишскій 273.
- Райскій Мальхеръ, дв. 276, 708.
- Райскій Мальхеръ, подстароста Берестейскій 337, 710.
- Райскій Станиславъ, д. Олитскій 288.
- Ракуса Василій Богдановичъ, шл. Полоцкій 495.
- Ракуса Иванъ, ротм. 422.
- Ракуса Иванъ Богдановичъ, шл. Полоцкій, городничій Дрисскій 334, 337, 495.
- Рамбулье, посоль Генриха Вalezія 109, 110.
- Рачковскій Юрій, ротм. 421.
- Ребичковичъ Аврамъ Езофовичъ, подскарбій земскій 334.
- Ренчайскій Войтехъ, кашт. Варшавскій 710.
- Репнинъ Николай Васильевичъ, кн., генераль-губернаторъ и командующій войсками въ Литвѣ 228.
- Ринковъ Иванъ, шл. Полоцкій 496.
- Рогусскій Бартошъ, ловчій 495.
- Рожчаловскіе подданные Ник. Ян. Радвила 372.
- Рожчичъ Михно, з. Берестейскій 592.
- Розміевскій, ротм. 421.
- Розражевскій Еронимъ, старшій секретаръ Коронный 116.
- Рокицкій Матвѣй, з. Ушитскаго повѣта 260.
- Рокицкій Станиславъ, д. села Скребинъ 273.
- Романовичъ Иванъ, кн. 703.
- Ромейко Война Юрко, намѣстникъ Витебскій 612.
- Ромейко Янъ Война, намѣстникъ Витебскій 518.
- Рончковскій Юрій, ротм. 394.
- Роскій Стефанъ, дв. 234, 264.
- Ротундусъ Августинъ, войтъ Виленскій 91, 195.
- Рудомина Матвѣй, д. Утенскій 707.
- Рудомина Матвѣй, мѣщанинъ Виленскій 413.
- Рудый Иванъ, паробокъ 446.
- Ружинскіе, князя 265.
- Русецкій Станиславъ, ротм. 421, 422.
- Русиновичъ Богданъ, казакъ Полоцкаго замка 609.
- Ручень, кухаръ 292.
- Рѣдкинъ П., ц. 219.
- Савицкій Альбрехтъ, ст. Мельницкій 394.
- Савицкій Матвѣй, писаръ и секретаръ, ст. Мельницкій, войскій Дорогицкій,

- потомъ кашт. Подляшскій 233, 234, 340, 356, 399, 403, 405, 441, 710.
- Савичъ Лавринъ, з. Троцкій 410.
- Самойловичъ Оеанасъ, служебникъ Пинскаго князя Θεодора Ивановича Ярославича 409.
- Сангушки (Сангушковичи), князья 265.
- Сангушко (Сангушковичъ) Романъ Θεодоровичъ, кн. в. Брацлавскій, ст. Жлтомірскій, д. Рѣчицкій, гетманъ дворный 9, 40, 430, 488, 590, 591, 597, 614, 615, 667.
- Сангушковичъ Андрей Александровичъ, кн., ст. Владимірскій 315.
- Сангушковичъ Θεодоръ Андреевичъ, кн., марш. земли Волынской 316.
- Санецъ, кухаръ 362.
- Сапега Андрей Павловичъ, стольникъ 385.
- Сапега Богданъ, кашт. Берестейскій, потомъ кашт. Смоленскій 393, 420, 672, 710.
- Сапега Димитрій, лѣсничій Слонимскій 301.
- Сапега Иванъ Богдановичъ, в. Витебскій 582.
- Сапега Левъ Ивановичъ, подканцлеръ, потомъ канцлеръ и в. Виленскій, ст. Слонимскій, Ясвонскій, Марковскій и Мядельскій 193, 194, 218, 219, 220, 388, 417, 461, 606, 607, 635, 636, 672, 673, 681.
- Сапега Николай Павловичъ, воеводичъ Новгородскій, марш. Бѣльскій, потомъ в. Минскій, в. Берестейскій, в. Витебскій 317, 321, 453, 577, 606, 611, 639, 671, 672.
- Сапега Павелъ, в. Витебскій и региментаръ войскъ великаго княжества Литовскаго 327.
- Сапега Павелъ Ивановичъ, в. Новгородскій 577, 616, 771, 672, 682.
- Сапега Павелъ Ивановичъ, кашт. Кіевскій 118.
- Сапега Янъ, подстолій 374.
- Сапеги (Сопеги), паны 454, 568, 671, 672, 681.
- Сапроновичъ Ивашко, мѣщанинъ Могилевскій 443, 444.
- Сасинъ Андрей, б. 470.
- Сверко Ортемъ, б. 519.
- Свецкій Петръ, шл. Полоцкій 495.
- Свидерскій Янъ, ротм. 422.
- Свидзинскій Константинъ, муз. библ. орд. Красинскихъ 231, 440, 670, 675.
- Свидригайло Ольгердовичъ, великій кн. Литовскій 315, 322, 519, 703.
- Свинчичъ Василій, путный слуга Полоцкій 610.
- Свинчичъ Иванъ, путный слуга Полоцкій 610.
- Свирскій Александръ, кн. 264.
- Свирскій Иванъ Болеславовичъ, кн., марш. господарскій, д. Мойшогольскій 143, 234, 320, 321, 393, 447, 486.
- Свирскій Лукашъ Болеславовичъ (Болько), кн., марш. Браславскій 195, 317, 318, 320, 321, 393, 486, 514.
- Свирскій Яковъ, кн., марш. господарскій, д. Немонитскій 143.
- Святскій Иванъ Григорьевичъ, з. Городенскій 303, 304.
- Седлецкій, Петръ, ротм. 421.
- Секлицкій, дв. 411.
- Селимъ II, султанъ Турецкій 9.
- Селицкій Богданъ, хоружій Мстиславскій 332.
- Селицкій Богущъ, ротм. 421, 422.
- Селява Василій Андреевичъ, шл. Полоцкій 481, 495.
- Семашко Якубъ Матвѣевичъ, з. Жомотскій 394.
- Семашковая, старостиная Кремянецкая 549.
- Семеновичъ Иванъ, шл. Полоцкій 496.
- Семеновна Марія, княгиня Пинская 389.
- Сергѣевичъ В. И., ц. 75, 306, 381, 383, 386, 387, 408.
- Серебрицкій Петръ, ротм. 421.
- Серебрицкій (Серебрыцкій) Янъ, ротм. 422.
- Серебряный Василій Семеновичъ, кн., Московскій бояринъ, в. и писецъ 459.
- Сивицкій Андрей Якубовичъ, конюшій Витебскій 347, 348, 602.

- Сигизмундъ I Старый, король Польскій, великій кн. Литовскій 6, 10, 20, 22, 55, 232, 256, 268, 315, 316, 325, 328, 333, 337, 371, 378, 388, 417, 491, 568, 569, 579, 583, 610, 629.
- Сигизмундъ II Августъ, король Польскій, великій кн. Литовскій 6, 7, 9, 10, 14, 19, 20, 21, 22, 27, 28, 37, 42, 46, 49, 50, 55, 56, 66, 69, 70, 71, 72, 76, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 95, 97, 106, 108, 110, 111, 147, 149, 153, 171, 177, 183, 184, 219, 227, 233, 235, 237, 240, 241, 243, 246, 247, 258, 260, 268, 269, 272, 273, 274, 275, 277, 278, 281, 282, 285, 288, 289, 290, 292, 297, 301, 303, 307, 308, 309, 316, 318, 320, 329, 332, 333, 336, 339, 340, 343, 344, 347, 348, 355, 361, 364, 372, 373, 374, 376, 378, 382, 387, 388, 390, 396, 399, 400, 401, 404, 405, 406, 407, 410, 411, 414, 417, 418, 424, 426, 427, 429, 430, 431, 434, 437, 438, 439, 460, 464, 465, 470, 479, 483, 484, 488, 489, 490, 510, 513, 516, 517, 522, 529, 530, 532, 536, 552, 557, 559, 571, 572, 573, 588, 591, 592, 594, 597, 600, 602, 603, 604, 608, 609, 615, 616, 624, 626, 629, 630, 632, 633, 638, 639, 641, 642, 645, 647, 649, 651, 656, 660, 661, 662, 667, 674, 676, 677, 684, 685, 697, 698, 700, 702, 705, 707, 709, 711, 712, 715, 717, 722, 724.
- Сигизмундъ III Ваза, король Польскій, великій кн. Литовскій 218, 220, 221, 222, 227, 235, 237, 319, 336, 380, 381, 466, 513, 567, 609, 634, 641, 647, 708.
- Сидоровичи, бояре Витебскіе 608.
- Сильвестръ, митрополитъ Кіевскій 504.
- Синявскій Еронимъ, кашт. Каменецкій 722.
- Сираковскій съ Богуславиць Янъ, в. Ленчицкій 53, 141, 142.
- Ситянка Иванъ, ротм. 390.
- Скиндеръ Станиславъ, шл., лѣсничій князей Жославскихъ 344.
- Скипоровна Томила, землянка Слонимская 452, 453.
- Скипоръ Василій Михайловичъ, з. Слонимскій 452.
- Скирневичъ Тишко, шл. Полоцкій 496.
- Скоковка Демешко, слуга путный Полоцкій 474.
- Сколка Янъ, членъ комиссіи для исправленія Литовскаго статута 195.
- Скржетускій В., ц. 248, 311, 334, 689.
- Скромовскій Еронимъ, ротм. 281, 282, 422.
- Скуминъ Григорій, дв. 631.
- Скуминъ-Тишкевичъ (Тишковичъ) Теодоръ, дв., потомъ подскарбій дворный, подскарбій земскій, в. Новгородскій 136, 328, 358, 377, 378, 382, 494.
- Славескій Юрій, ротм. 422.
- Славутичъ Теодоръ, дьякъ Слонимскій, замѣститель Слонимскаго намѣстника Лаврина Здитовскаго 451.
- Служка Иванъ, городничій Кіевскій 333.
- Слупецкій Станиславъ, кашт. Люблинскій 33.
- Слуцкіе (Олельковичи), князья 257, 260.
- Слуцкій (Олельковичъ) Юрій Юрьевичъ, кн. 101, 103, 113, 122, 129, 148, 258, 259, 728.
- Слуцкій Симеонъ Олельковичъ, кн. 259.
- Слуцкій Павелъ, ротм. 421.
- Слушка, панъ 42.
- Слушка Иванъ, панъ 264.
- Слядковскій Рафалъ, кашт. Конарскій 135.
- Смоленскіе князья 255.
- Сновскіе, паны 671, 679.
- Сновскій, Литовскій посолъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года 66, 70.
- Сновскій Мальхеръ Зигмунтовичъ, марш. господарскій, судья земскій Новгородскій, ротм., д. Куренецкій потомъ кашт. Витебскій 165, 166, 275, 285, 291, 321, 336, 393, 660, 662, 669, 671.
- Собскъ Станиславъ, подскарбій Коронный 65, 72.
- Соболевскій Иванъ Ивановичъ, з. 455.
- Соболевскій Лукьянъ Ивановичъ, з. 455.
- Соболевскій Омелянъ Ивановичъ, з. 455.

- Собѣсскій, хоружій (Польскій) 711.
Собѣсскій Яковъ, в. Бельзскій, авторъ
Исторіи Хотинскаго похода 463.
Собѣсскій Янъ. См. Янъ III.
Совковичъ Янъ, коморникъ Троцкій
212, 213, 215.
Созонъ, кухаръ 362.
Соклицкій Павелъ, городничій Бере-
стейскій 337.
Соколинская Андреевая Василиса Ан-
дреевна Сангушкова, княгиня 495.
Соколинская Ивановая, княгиня, панна
Андреевна 491, 493, 495.
Соколинскіе (Соколенскіе), князья 258.
Соколинскій Андрей, кн. 495.
Соколинскій Андріянъ, кн. 260.
Соколинскій Богданъ, кн. 260.
Соколинскій Борисъ, кн. 495.
Соколинскій Михайло Васильевичъ, кн.
495.
Соколинскій Павелъ, кн. 260.
Соколинскій Павелъ, кн., подкоморій
Витебскій 195.
Соколинскій Павелъ, кн., ротм. 261, 422.
Соколинскій Павелъ Юрьевичъ, кн. 495.
Соколинскій Семень, кн., ротм. 261, 422.
Соколинскій Тимофѣй, кн. 260.
Соколинскій Тимофѣй Юрьевичъ, кн.
495.
Соколинскій Юрій, кн. 331.
Соколовскій Михаилъ Лавриновичъ,
хоружій и писаръ земскій Слоним-
скій, потомъ хоружій и судья зем-
скій Слонимскій 143, 241, 331, 332.
Соликовскій Янъ Димитрій, архіепа-
скопъ Львовскій, авторъ хроники
104, 115, 116, 117, 131, 138, 140, 142,
695.
Соловьевъ С. М., ц. 106, 107, 325, 557,
628, 631.
Сологубъ Николай Павловичъ, панъ 264.
Сологубъ Станиславъ, подкоморій Мин-
скій 144.
Сологубы, паны 265.
Соломерецкіе, князья 256, 671.
Соломерецкій Иванъ Васильевичъ, кн.,
кашт. и ст. Мстиславскій, ст. Радом-
скій 290, 557, 573, 591, 597, 625, 626,
627, 628, 671.
Солтанъ Иванъ Андреевичъ, подскар-
бій дворный 260, 453.
Соморокъ Мартіянъ, з. Оршанскій 699.
Сопотько, конюшій Городенскій 349.
Софія, супруга Th. de Kokenus 703.
Стабровскій Войтехъ, тивунъ Вешвен-
скій, писаръ польный 278, 309, 310,
437, 438, 439, 701.
Ставецкій Янъ, мѣщанинъ Пружан-
скій 592.
Ставскій Юрій, ротм. 422.
Станиславовичъ Петръ, писаръ земскій
Оршанскій 195.
Станиславовичъ Петръ, участникъ граж-
данской сдѣлки, заявленной Могил-
левскому мѣстскому уряду 443.
Станиславъ-Августъ (Понятовскій), ко-
роль Польскій, великій кн. Литов-
скій 237, 467.
Станиславъ Гозій, кардиналъ. См. Гозій
Станиславъ.
Станиславъ Карнковскій, бискупъ Кра-
ковскій. См. Карнковскій Станиславъ.
Станкевичъ (Станковичъ) Бѣлевичъ
(Бѣловичъ) Миколай (Станиславъ),
подкоморій Жомойтскій, тивунъ Ойра-
гольскій, лѣсничій Вилкейскій, Юр-
борскій и Скерстомонскій 166, 301,
309, 355, 602, 735.
Старовольскій Симонъ, ц. 219.
Старомовскій Яронимъ, ротм. 422.
Сташкевичи, бояре Витебскіе 608.
Сташкевичъ Аброжій, п. королевскій
289.
Степановичъ Семень, шл. Полоцкій 495.
Степурка, паробокъ 446.
Стефанъ Баторій, король Польскій, ве-
ликій кн. Литовскій 71, 81, 134, 135,
136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143,
144, 145, 146, 147, 149, 150, 151, 152,
153, 154, 157, 158, 159, 160, 161, 162,
163, 164, 168, 169, 170, 171, 172, 173,
174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181,
183, 187, 189, 193, 196, 197, 198, 205,
207, 208, 209, 211, 212, 215, 218, 221,
222, 231, 257, 279, 298, 301, 311, 319,

320, 323, 328, 332, 335, 336, 349, 350, 352, 355, 358, 360, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 377, 378, 380, 384, 389, 395, 398, 400, 401, 404, 406, 414, 415, 416, 417, 420, 421, 432, 435, 436, 440, 441, 483, 501, 527, 557, 558, 559, 560, 561, 568, 569, 572, 573, 574, 594, 595, 601, 606, 613, 615, 628, 632, 633, 639, 642, 643, 647, 648, 649, 650, 652, 661, 664, 666, 675, 678, 679, 689, 690, 691, 692, 696, 698, 699, 701, 706, 708, 710, 716, 723, 732, 735.

Стецковичъ (Стецкевичъ) Миколай Богданъ, ротм. 421, 433, 479.

Стецковичъ (Стецкевичъ) Янъ, ревизоръ 454, 455.

Стецковичъ (Стецкевичъ) Янъ, членъ комиссіи для исправленія статута 1566 года 195.

Стороженко Н. В., ц. 264.

Стравинскій Болтротмей, ротм. 421.

Стравинскій Мартинъ, дв., тивунъ и городничій Троцкій, д. Гунскій, войтъ Могилевскій 311, 334, 483, 484.

Стравинскій Мартинъ (см. выше), марш. господарскій 320, 393.

Стравинскій Мартинъ (см. выше), ротм. 422.

Стражъ, отуреченный Полякъ 42.

Стрежовскій Иванъ Яцковичъ, шл. Полоцкій 495.

Стрежъ Иванъ Михайловичъ, шл. Полоцкій 496.

Стромило Юрій, подкоморій 375.

Стрыйковскій Матвѣй, авторъ хроники 9, 470.

Стужинскій Каспоръ, ротм. 435.

Стуржинскій Каспоръ, ротм. 421.

Судиловскій Иванъ Матвѣевичъ, з. Мстиславскій 503.

Супроновая Маня, подданная господарская 450.

Суходольскій Юрій, чесникъ Мстиславскій, скарбовый дв., подстароста Могилевскій 338.

Сушко Яцко, владѣлецъ имѣнія Туличова 488.

Съ Богуславиць Янъ, в. Ленчицкій. См. Сираковскій съ Богуславиць Янъ.

Сѣлцкій, членъ комиссіи для исправленія статута 1566 года 195.

Сѣницкій Николай, подкоморій Холмскій, посоль Русскаго воеводства на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года 53, 61, 64, 75, 76, 77.

Сѣнинскій Янъ, капт. Жарновскій 96.

Сѣновицкій Криштофъ, посоль Городенскаго съѣзда къ Стефану Баторію 138.

Сѣнявскій Николай, в. Русскій, великій гетманъ Коронный 635.

Талипскій, ротм. 421.

Талкевича Яновая, пани 451.

Тальвошъ (Талвошъ), паны 671, 679.

Тальвошъ (Талвошъ) Миколай Станиславовичъ, ротм., ст. Дунеборскій, потомъ капт. Минскій, капт. Жомойтскій 131, 421, 428, 631, 671, 672, 683.

Тарановскій Андрей, посоль въ Москву 105, 106.

Тарасовичъ Иванъ, мѣщанинъ Могилевскій 484.

Тарло Янъ, капт. Радомскій, потомъ в. Люблинскій 122, 123.

Тарновскій Станиславъ, ротм. 430.

Таруса Иванъ Богусевичъ, дв. 252.

Татарскіе бояре Витебскіе 608.

Телица Богданъ, ротм. 434, 435, 709.

Тенчинскій Андрей, в. Бельзскій 133, 134.

Тенчинскій Янъ, подкоморій Коронный 375.

Тепиносъ Матысъ, сокольникъ 373.

Терентій Публій 506.

Терешковичъ Ершъ, слуга великаго князя Свидригайлы 703.

Техановецкій Кишка Иванъ. См. Кишка (Техановецкій) Иванъ.

Тизенгаузенъ Гоаннъ, вассаль Рижскаго архіепископа 703.

Тиковскій съ Войславичъ Андрей, дв. ст. Утянскій 394.

Тимуръ, ханъ Татарскій 462.

Тишиная Быковская Федя, шляхтянка Полоцкая 495.

- Тишкевичи (Тишковичи), паны 671, 673.
- Тишкевичъ (Тишковичъ) Василий, графъ на Логойскѣ и Бердичевѣ; в. Подляшскій, ст. Минскій и Пинскій, д. Лысковскій, Межирецкій и Анскій потомъ в. Смоленскій 113, 578, 591, 672, 673, 682, 683, 697, 712, 717, 718.
- Тишкевичъ (Тишковичъ) Каленицкій Василевичъ, марш. Мозырскій, ст. Гомельскій, д. Радошковскій 281, 317, 321, 633.
- Тишкевичъ (Тишковичъ) Мартинъ Юрьевичъ, воеводичъ Берестейскій 600.
- Тишкевичъ (Тишковичъ) Остафій Янъ Юрьевичъ, воеводичъ Берестейскій, секретарь 331.
- Тишкевичъ (Тишковичъ) Скуминъ Львовичъ, марш. господарскій, д. Чернобыльскій 378.
- Тишкевичъ-Скуминъ. См. Скуминъ-Тишкевичъ.
- Тишкевичъ (Тишковичъ) Юрій Васильевичъ, марш. господарскій, д. Волковыйскій, потомъ в. Берестейскій 194, 320, 577, 591, 599, 600, 601, 631, 671, 673, 682.
- Тишкевичъ (Тишковичъ) Юрій, войскій Виленскій, ст. Обельскій 343.
- Тишкевичъ (Тишковичъ) Юрій, ротм. 156, 422.
- Тишкевичъ (Тишковичъ) Θεодоръ Юрьевичъ, воеводичъ Берестейскій 600.
- Токаревскій Θεодоръ Васильевичъ, шл. 413.
- Томицкій Янъ, кашт. Гнѣзненскій 97.
- Томкинъ Василий Ивановичъ, Московскій в. 677.
- Тоурза Товкелевъ Резановъ, Татаринъ 467.
- Тохтамышъ, ханъ Татарскій 462.
- Трабская Маримьяна Семеновна, княгиня 703.
- Трачевскій А. С., ц. 85, 92, 93, 94, 97, 99, 103, 106, 674.
- Третьякъ Николай, дв., потомъ хоружій земскій 387.
- Тризна Андрей, судья гродскій Новгородскій, ключникъ и подключій Троцкій 188, 349, 350.
- Тризна Гедеонъ Михайлъ, стольникъ, ст. Берестейскій 592.
- Тризна Григорій Есифовичъ, ротм., марш. господарскій, потомъ кашт. Подляшскій, кашт. Смоленскій 320, 421, 425, 672.
- Тризны, паны 671.
- Троцинскій Димитрій Прокофьевичъ, докладчикъ дѣлъ у Екатерины II (членъ Совѣта и завѣдующій его канцеляріею при Александрѣ I) 228.
- Туровскій К. I., ц. 10, 219.
- Туръ Григорій, ротм. 422.
- Туръ Мартинъ войскій Берестейскій 342.
- Тыдикъ Томашъ Юрьевичъ, возный Городенскій, генераль дворный 394.
- Тяпинскій Матей Ивановичъ, шл. Полоцкій 448, 495.
- Тяпинскій Миколай Ивановичъ, шл. Полоцкій 495.
- Узловскій Ленартъ, подсудокъ Волковыйскій 143.
- Улановичъ Гасанъ, ротм. 422, 423, 435.
- Улько Стефанъ, мѣщанинъ Городенскій 716.
- Ульская Федя Васильевна, Александровича Богдановая, шляхтянка Полоцкая 495.
- Ульскій Семень Федоровичъ, шл. Полоцкій 495.
- Ульяновичъ Андрей, шл. Полоцкій 496.
- Ульяновичъ Гаврило, шл. Полоцкій 496.
- Ульяновичъ Ермола Ивановичъ, шл. Полоцкій 496.
- Уманецъ Ѳ. М., ц. 28, 97.
- Умный-Колычевъ, окольничій 107.
- Ункторіусъ Матіасъ, докторъ Стефана Баторія 406.
- Утка Федья, челядь 447.
- Уханскій Яковъ, примасъ архіепископъ Гнѣзненскій 30, 31, 47, 60, 66, 68, 92, 94, 104, 105, 111, 115, 132.
- Фаренсбекъ. Датчанинъ, начальникъ отряда въ войскѣ Стефана Баторія 690.

- Федюшко Василій, хоружій Пинскій 144.
- Фердинандъ, эрцгерцогъ Австрійскій, претендентъ на престолъ Речи Посполитой 127, 731.
- Филиппъ, тяжущійся передъ Могилевскимъ мѣстскимъ судомъ 485.
- Филиппъ Падневскій, бискупъ Краковскій. См. Падневскій Филиппъ.
- Финкель Л., ц. 79.
- Фирлеи, паны Коронные 733.
- Фирлей Андрей, ст. Сендомірскій 122.
- Фирлей Янъ, в. Краковскій, великій маршалокъ Коронный 33, 50, 61, 62, 92, 93, 94, 96, 103, 641, 699.
- Францишекъ, бискупъ Краковскій, подканцлеръ Коронный. См. Красинскій Францискъ.
- Фредро Андрей Максимилианъ, в. Подольскій, авторъ Истории Польши при Генрихѣ Валезіи 115, 227, 228.
- Фредро Иванъ, посолъ Русскаго воеводства на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года 27.
- Фридбергъ Янъ, ц. 562.
- Фридрихъ III, король Датскій 399.
- Фронцко. См. Каспаровичъ Фронцко.
- Хаджибей**, кн. Татарскій 462.
- Халецкій Дмитрій Есифовичъ, мечный 664, 706.
- Харитоновичъ Иванъ, хоружій Новгородскій 241.
- Харитоновичъ Илья Ивановичъ, хоружій Новгородскій 324.
- Харламповичъ К., ц. 499, 500, 501, 503, 504, 510.
- Харменскій Щасный, хоружій Кіевскій 331.
- Хмельницкій Богданъ, Малороссійскій гетманъ 577.
- Ходкевича Юрьевая, княжна Софія Юрьевна Слуцкая 445.
- Ходкевичи (Ходковичи), паны 235, 384, 513, 671, 673, 678, 679.
- Ходкевичъ Александръ Григорьевичъ, ст. Городенскій и Могилевскій, д. Анскій 138, 143, 145, 285, 366, 367, 633, 674, 675, 724.
- Ходкевичъ Александръ Ивановичъ, ст. Берестейскій, марш. господарскій, д. Вилкейскій, Острынскій и Кнышинскій 455, 456.
- Ходкевичъ Андрей Григорьевичъ, подстолий, ст. Могилевскій 280, 376, 386, 410, 674.
- Ходкевичъ Григорій Александровичъ, кашт. Виленскій, гетманъ наивысшій, ст. Городенскій и Могилевскій 43, 63, 280, 288, 332, 345, 376, 377, 422, 425, 434, 436, 440, 533, 626, 635, 636, 667, 671, 673, 674, 709, 712, 715, 716, 724.
- Ходкевичъ Еронимъ, ст. Жомойтскій 713.
- Ходкевичъ Юрій Александровичъ, крайчій, ст. Бѣльскій, потомъ кашт. Троцкій 43, 44, 532.
- Ходкевичъ Янъ Еронимовичъ, графъ на Шкловѣ и на Мыши, кашт. Виленскій, ст. Жомойтскій, марш. земскій, администраторъ и гетманъ Лифляндіи, ст. Ковенскій, д. Плотельскій и Тельшовскій 18, 19, 32, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 70, 71, 74, 94, 98, 100, 108, 121, 132, 135, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 143, 145, 151, 161, 168, 170, 266, 267, 272, 273, 283, 286, 300, 301, 304, 305, 307, 308, 325, 343, 349, 350, 357, 360, 362, 364, 376, 386, 399, 407, 413, 438, 439, 440, 445, 460, 476, 489, 490, 558, 577, 583, 603, 617, 621, 632, 635, 637, 638, 639, 640, 641, 643, 661, 662, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 680, 681, 682, 686, 700, 701, 707, 712, 717, 718, 724, 726, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 735.
- Ходкевичъ Янъ Кароль, ст. Жомойтскій, гетманъ наивысшій, потомъ в. Виленскій 515.
- Ходковичъ Александръ, б. 264.
- Ходковичъ Тышко, б. 264.
- Ходоровичъ Антонъ, б. Городенскаго повѣта 251, 252.
- Хоружичъ Илья Ивановичъ, ротм. 422.
- Хоружичъ Петръ Яновичъ, ротм. 422.

- Хребтовичи, паны 265.
Хребтовичъ Иванъ Ивановичъ, панъ 686.
Хребтовичъ Илясъ Васильевичъ, тол-
мачъ 406.
Хребтовичъ Литаворъ Иванъ Богдано-
вичъ, подскарбій дворный 381.
Хребтовичъ Петръ, панъ 264.
Хрящъ Матфей, шл. Полоцкій 496.
Хрящъ Остафій, шл. Полоцкій 496.
Хрящъ Семень, шл. Полоцкій 496.
- Царица Якимъ, Татаринъ Минскаго
повѣта 469.
Цветуха Отрохимъ, казакъ Полоцкаго
замка 609.
Цедровский Янъ, ротм. 421.
Цезарій Іоаннъ 506.
Цезарій Францискъ, типографщикъ 219.
Цезаръ Юлій 506.
Цихинскій Василій Зенковичъ, посолъ
Мстибоговскаго съѣзда къ Стефану
Баторію 143, 144.
Цицеронъ Маркъ Туллій 506.
Цыприсскій Азрубаль, дв. 291, 414, 632.
Цыприсскій Петръ, дв. 414.
Цѣхановичъ Станиславъ, войскій Пин-
скій 343.
- Чамсъ Станиславъ (Станцель), писарь
Виленскаго замка 335.
Чапинскій Василій, посолъ Мстибогов-
скаго съѣзда къ Стефану Баторію
143, 144.
Чапличъ, б. 475.
Чапличъ Григорій, ротм. 422.
Чапля Максимиліанъ, посолъ Мстибо-
говскаго съѣзда къ Стефану Баторію
144.
Чарнковскій Станиславъ, референдарій
Коронный, марш. посольской избы
Люблинскаго сейма 1569 года 13, 30,
36, 50, 62, 63, 68, 70, 75, 76, 77, 78.
Чарторыйскій Александръ Феодоро-
вичъ, кн., в. Волинскій 42, 45, 592,
598, 605.
Чацкій Т., ц. 219, 220, 221.
Череповичовна Елена, жена Владиміра
Заболоцкаго 272.
- Черленковскій Иванъ, стольникъ Бра-
славскій, подстароста Слонимскій 296.
Черниговскіе князья 255.
Четвертинская Богдана Феодоровна,
княжна 260.
Четвертинскіе, князья 265.
Чехъ Павчичъ Янъ, ротм. 421, 423.
Чижевичи, дѣти конюшія 556.
Чижевичъ Богданъ, шл. Полоцкій 495.
Чижевскій Жигмунтъ, кашт. Бѣльскій
710.
Чижъ, секретарь 398.
Чистовичъ И. А., ц. 232, 234, 674.
Чупурна Станиславъ, марш. земскій 314.
Чуръ Янъ, Татаринъ Мстиславецъ 467.
- Шалка Григорій, конюшія Витебскій
348, 602.
Шафранецъ Станиславъ, Краковскій
посолъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569
года, потомъ кашт. Бѣцкій, в. Сен-
домірскій 123, 126, 131, 695.
Шахдовлетъ, кн. 467.
Шеметь Венцлавъ, подкоморій Жомойт-
скій, д. Скирстомонскій и Росенскій
708.
Шеметь Войтехъ, войскій земли Жо-
моитской 339, 599, 600.
Шеметь Мальхеръ Станиславовичъ,
кашт. Жомойтскій 194, 195, 196, 671,
682.
Шеметь Станиславъ, кухмистръ 360, 361.
Шеметы, паны 265, 671.
Шепелевичъ Волчокъ, городничій Мин-
скій 334.
Шербиць (Щербиць) Павель, Корон-
ный секретарь 219, 220, 221.
Шидковичъ Хома, участникъ граждан-
ской сдѣлки, заявленной Могилев-
скому мѣстскому уряду 443.
Шиловичъ Борисъ, з. Полоцкій 474.
Шимковичъ, марш. господарскій 321.
Шириновичъ Епимахъ, врядникъ пана
Войтеха Шемета 599.
Шипка Филипъ Федоровичъ, шл. По-
лоцкій 495.
Шмерлевичъ Давидъ, ж. Берестейскій
490.

- Шобловинскій Федоръ Тарасовичъ, шл. Полоцкій 495.
- Шолковскій Криштофъ, шл. Вилькомирскій 503.
- Шолуха Андрей, д. Кричевскій 268.
- Шолуха Константинъ, дв., д. Кричевскій 268, 414.
- Шолуха Остафій, ротм. 422.
- Шостовичъ Гарасимъ, шл. Полоцкій 495.
- Шостовичъ Федоръ, шл. Полоцкій 495.
- Шпаковскій Павелъ, подсудокъ земскій Владимірскій 598.
- Шпиль Андрей, секретарь 400.
- Шуйскіе, князья Василий Феодоровичъ Скопинъ и Иванъ Петровичъ, Московскіе воеводы, защищавшіе Псковъ противъ Стефана Баторія 693.
- Шуйскій I., ц. 71, 87, 91, 97, 103, 106, 115, 117, 131, 134, 154, 158, 226, 328, 331, 375, 557, 559, 670, 699, 730.
- Шуйскій Петръ Ивановичъ, кн., Московскій б., в., намѣстникъ въ Полоцкѣ и писецъ 381, 459, 532.
- Шуйскій Янъ, подкоморій Берестейскій 708.
- Щелкаловъ Андрей, Московскій дьякъ 107.
- Щелкаловъ Василий, Московскій дьякъ 107.
- Щепичъ Николай, в. Пинскій 372.
- Щитъ Григорій Семеновичъ, шл. Полоцкій 242, 337, 483.
- Щитъ Мартинъ Трухоновичъ, шл. Полоцкій 483, 484.
- Юндиловичъ Матвѣй, панъ 263.
- Юндиловичъ Миколай, панъ 263.
- Юндиловичъ Павелъ, панъ 263.
- Юндилъ Малхеръ, панъ 263, 264.
- Юндилъ Миколай, дв. 601.
- Юндилъ Миколай, панъ 264.
- Юндилъ Миколай Павловичъ, дв. (см. выше) 473.
- Юндилъ Станиславъ, панъ 263.
- Юндилъ Юрій, подкоморій Волковыскій 357.
- Юндилъ Янъ, панъ 263.
- Юндылы (Юндиловичи), паны 263.
- Юраха Бенедиктъ, марш. господарскій 195.
- Юревскій Гаврило Гридковичъ, шл. Полоцкій 495.
- Юревскій Константинъ, шл. Полоцкій 495.
- Юревскій Федоръ, шл. Полоцкій 495.
- Юрій III, бискупъ Жомойтскій. См. Петкевичъ Юрій.
- Юрій Радивиль, бискупъ Виленскій. См. Радивиль Юрій.
- Юрчинскій Геркулесъ, дв. 289, 412.
- Юхновичъ Магметъ Уланъ, кн., хоружій Татарскій Городенскаго стяга 332.
- Яворовскій Войтехъ, шл. 413.
- Ягайло, великій кн. Литовскій и король Польскій 34, 236, 462, 621.
- Ягеллонка Анна, дочь Сигизмунда Стараго, супруга Стефана Баторія, королева Польская, великая княгиня Литовская 95, 98, 102, 114, 134, 135, 138, 271, 276, 389, 390.
- Ягеллонъ, Ягеллоны, династія 8, 12, 16, 17, 23, 24, 58, 91, 92, 106, 111, 114, 154, 185, 257, 373, 514, 557, 561, 579, 646, 651, 674, 698, 730.
- Ядвига, королева Польская 566.
- Яковицкій Гаврила, подсудокъ Владимірскій 598.
- Яковъ Уханскій, примасъ. См. Уханскій Яковъ.
- Якутевичъ Шимко, п. королевскій 289.
- Янбековичъ Ислямъ, царевичъ Пунскій, ротм. 406, 429, 468, 702.
- Янковскій Чеславъ, ц. 300.
- Яновичи, паны 679.
- Яновичъ Петръ, хоружичъ, ротм. 422.
- Яновичъ (Кезгайло) Станиславъ, ст. Жомойтскій 389, 583.
- Яновичъ (Кезгайло) Станиславъ Станиславовичъ, ст. Жомойтскій 583.
- Янушъ Андроновичъ, бискупъ Луцкій и Берестейскій. См. Андроновичъ Янъ.

Янъ, бискупъ Виленскій 568, 569.

Янъ, кухаръ 362.

Янъ Доманевскій, бискупъ Жомоитскій.

См. Доманевскій Янъ.

Янъ Казиміръ, король Польскій, великій кн. Литовскій 338, 339, 498.

Янъ III (Собѣсскій), король Польскій, великій кн. Литовскій 466.

Янъ VI Димитрій Соликовскій, архіепископъ Львовскій. См. Соликовскій Янъ Димитрій.

Ярославичъ Θεодоръ Ивановичъ, кн. Пинскій 409.

Ярославовая Матвѣевича, княгиня Дорота Коптевна 318.

Ярославовичъ Миколай, кн., ротм. 422.

Ярославъ, великій кн. Кіевскій 374.

Ярославъ Матвѣевичъ, кн., марш. Ковенскій 317, 318, 321.

Ярошевичъ I., ц. 283

Ясенскій Миколай, писаръ, подкоморій Виленскій, войтъ Могилевскій 336, 357, 417, 483.

Ясинскій М., ц. 81, 187, 580, 582, 584.

Яцко, тяжущійся предъ Городенскимъ судомъ 251.

Яцковичъ Давидъ, панъ 452, 453.

Яцковичъ Иванъ, з. Полоцкій 610.

Яцковичъ Семень, з. Пинскій 707.

Яцыничъ Иванъ, марш. Слонимскій 317.

Яцыничъ Мартинъ, ротм. 422.

Θедоровичъ Тимофѣй, священникъ Пружанскій 592.

Θедьковна Улька, боярыня господарская 251, 252.

Θедюшко Семень, шл. 372.

Θеодко, писаръ королевскій 703.

Θеодоровичъ Иванъ, хоружій Витебскій 331.

Θеодоръ Ивановичъ, царевичъ, потомъ царь Московскій 106, 107.

Θеодосій, архимандритъ Лаврошевскій 703.

Θеодосій, владыка Владимірскій и Берестейскій 598.

Θеофанъ Богданъ, архіепископъ Полоцкій, Витебскій и Мстиславскій 332.

Θоминско-Березуйскіс, князья 256.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
4	2 сверху	привилей,	привилей
4	7 снизу	не нарушимыми	ненарушимыми
6	21 снизу	мотивы въ	мотивы къ
8	9 сверху	читателя	читателя.
11	7 снизу	Zródłopisma	Zródłopisma
12	4 сверху	пергаминъ	пергамень
13	4 сверху	Петрковскаго	Піотрковскаго
13	3 снизу	еп. Плоцкій,	еп. Плоцкій
20	4 сверху	овшемъ	о вшемъ
20	15 сверху	гра	гра-
22	16 сверху	при	при-
31	1 снизу	1)	4)
32	15, 16 сверху	Доминикомъ	Павломъ
36	8 сверху	Король	король
39	13 сверху	отпираючи	отпираючи,
42	17 сверху	отдаеть	, отдаеть
42	14 снизу	ксендзъ	князь
58	6 снизу	Речи Посполитой	речи посполитой
67	17 снизу	27 іюля	27 іюня
68	1 сверху	ounuch	o unuch
71	10 сверху	Польши	Польши.
71	4 снизу	пр.	нпр.
88	11 снизу	государи	господари
88	8 снизу	государи	господари
88	3 снизу	такъ же	такъ же
91	3 снизу	Zygmunta	Zygmunta
100	1 сверху	св. Войтѣха	св. Войтеха
101	2 снизу	Litewzko-Ruscy	Litewsko-Ruscy
102	15 снизу	3)	5)
112	10 сверху	случайно	случайно,
113	17 сверху	интересамъ	интересамъ.
118	19 снизу	csęsci	csęsci
119	10 снизу	de	do
123	14 сверху	ихъ	ихъ,
136	9 снизу	Брестскій	Берестейскій
138	7 снизу	ак	tak
140	20 снизу	начальной	начальный
144	1, 2 сверху	Сопѣга	Сопега
146	14 сверху	сенаторовъ	сенаторовъ,
146	15 снизу	участія.	участія
147	13 сверху	такъ	какъ
156	17 сверху	государъ	господаръ
158	11 сверху	Татаре	Татары
166	2 снизу	(стр. 278)	(стр. 276)

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
171	13 снизу	obJeżenia	obleżenia
171	9 снизу	(Dziejach	Dziejach
172	6 сверху	Liwy	Litwy
181	14 сверху	безуспѣшно	безуспѣшно,
193	3 снизу	Сапѣгѣ	Сапегѣ
194	2 сверху	Сапѣги	Сапегги
197	10 сверху	dzień.	dzień
213	12 снизу	Жукового.	Жукового
215	3 снизу	Дорсунишѣкахъ	Дорсунишѣкахъ».
218	18 снизу	Сапѣги	Сапегги
218	9 снизу	Сапѣга	Сапега
218	6 снизу	Сапѣга	Сапега
219	5 сверху	Сапѣгѣ	Сапегѣ
219	9 сверху	Сапѣгу	Сапегу
219	2 снизу	<i>Francisci</i> Caesarii	<i>Francisci</i> Caesarii
220	16 сверху	Сапѣга	Сапега
220	18 сверху	Сапѣга	Сапега
220	18 снизу	Сапѣга	Сапега
220	12 снизу	Сапѣги	Сапегги
220	6 снизу	Сапѣга	Сапега
221	1 сверху	Сапѣги	Сапегги
227	18 сверху	można.	można,
227	18 снизу	monarcha	monarcha
229	2 снизу	Verfassung	Verfassung
230	5 сверху	Татаре	Татары
233	3 снизу	канцлеръ	канцлеръ (гетманъ)
233	2 снизу	Лидскій	Лидскій,
237	20 сверху	Татаре	Татары
246	18 сверху	онъ	онъ,
246	18 снизу	заслуживалъ	заслуживалъ,
246	9 снизу	панствъ	панствъ
251	18 снизу	жену	жену,
255	18 снизу	Черкесовъ:	Черкесовъ.
255	2 снизу	Józef	Józef
258	20 снизу	земляхъ	земляхъ,
259	10 сверху	мѣсто	мѣсто,
259	1 снизу	документовъ	документовъ.
266	20 сверху	несудовыя	несудовыя.
267	3 снизу	Лит	Лит.
268	13 сверху	належало	належало,
270	13 сверху	пашнями),	пашнями)
273	14, 13 снизу	Румъшишѣскій	Румъшишѣскій
274	22 сверху	дер	дер-
276	17 снизу	мѣсто	место
279	1 сверху	не	не-
279	14 снизу	хозяйство	хозяйство.
280	3, 2 снизу	, городничія	городничія,
295	7 сверху	замковымъ	замковымъ
295	7 снизу	года.	года,
296	15 сверху	5)	5).
300	2 снизу	ankowski	Jankowski
302	6 сверху	работахъ	работахъ.
309	17 снизу	доходу	доходы
309	17 снизу	пожитъку	пожитъку
314	16 сверху	Волимунтонича	Волимунтовича
318	2 сверху	Загоровскій	Загоровскій
319	4, 5 сверху	каштелянство	каштелянство
327	16 снизу	zuliwy	zuczliwy

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть	
328	11	сверху	6 дымовыхъ	6 дымовъ
328	6	снизу	вельмож	вельмож-
329	16	сверху	прешествующаго	предшествующаго
330	11	сверху	Городомъ	городомъ
334	15	сверху	Pol.	Pol-
335	2	снизу	ношое	нашое
343	10	снизу	Witto.	Witto».
346	11	снизу	Троцкій	Троцкій,
355	15	снизу	⁵⁾	⁵⁾ .
355	5	снизу	на	на-
370	2	снизу	князствау	князства
375	14	снизу	Dzieris.	Dziejoris.
377	12	сверху	и и	и
378	10	снизу	литовскаго	Литовскаго
384	14	снизу	подстоля	подчашія
387	16	снизу	¹⁾	⁸⁾
387	4	снизу	немъ	немъ.
388	19, 20	сверху	милость	милость»
400	9	сверху	назначилъ	, назначилъ
401	11	снизу	радѣ	радѣ,
401	8	снизу	135	135.
402	14	сверху	королевской	королевской,
403	15	сверху	документы	документы,
404	10	сверху	маеть ¹⁾ .	маеть» ¹⁾ .
407	11	сверху	цирюльника	цырюльника
407	15	сверху	ему,	, чтобы ему,
414	20	сверху	цирюльника	цырюльника
417	19	снизу	дворныхъ	дворныхъ,
422	9	сверху	Полубенскихъ	, Полубенскихъ
422	12	снизу	Яъ	Янъ
423	15	сверху	ротъ,	ротъ-
427	8	снизу	свее	своее
431	14	сверху	Венипкомъ	Веницкомъ
436	11, 10	снизу	Николай Криштофъ	Криштофъ Николаевичъ
436	7	снизу	того же Николая	того же
436	4	снизу	Николай Криштофъ	Криштофъ Николаевичъ
443	12	снизу	Герберштейнъ	Гейденштейнъ
453	9	снизу	довольно	поручать довольно
459	9	сверху	рѣчами	рѣчами,
462	5	снизу	было,	было
463	17	сверху	и такимъ	, и такимъ
463	11	снизу	за-одно	за-одно,
464	4	снизу	имѣніями	имѣніями,
466	9	снизу	по мы	но мы
469	4	снизу	Не	. Не
470	15	сверху	Войтѣхъ	Войтехъ
489	21	снизу	по	по-
495	7	сверху	Полоцкій;	Полоцкій,
495	10	снизу	Богдановичъ	Богдановичъ
495	2	снизу	Гарасимъ а	Гарасимъ и
496	17	снизу	братією,	братією
499	7	снизу	школы	школы.
503	4	сверху	давольно	довольно
512	1, 2	сверху	найтись. Прибавимъ	найтись; прибавимъ
518	3	снизу	Архивъ	Архивъ.
522	18	снизу	это	это,
526	14	снизу	ниже	ниже.
527	14	сверху	эпохою,	эпохою

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
528	10 сверху	мало	мало.
529	14 снизу	года	года.
543	15 снизу	такъ	такъ,
547	10 снизу	Радошковичахъ	Радошковичахъ
556	8 сверху	чет	чет-
556	10 сверху	платив	платив-
569	19 снизу	Но	. Но
573	15 снизу	Жомоитскій	Кіевскій
588	9 сверху	рефор	рефор-
591	17 снизу	³⁾⁾	³⁾
591	14 снизу	воеводами	воеводами.
597	6 сверху	по	по-
600	1 сверху	и	и,
610	9 снизу	государьи	господарьи
611	8 сверху	жить	могъ жить
622	8 сверху	остано	остано-
622	14 снизу	воеводства	воеводства,
635	5 сверху	были,	были
636	9 сверху	Виленскій кашталянъ Ни- колай Радивилъ	Троцкій кашталянъ Кри- штофъ Николаевичъ Ра- дивилъ
636	5 снизу	Николай Криштофъ	Криштофъ Николаевичъ
641	13 снизу	excessi	excessi,
641	4 снизу	bytnosc	bytnosci
642	9 снизу	врядовъ,	врядовъ
644	13 снизу	дворянинъ	дворянинъ,
647	9 снизу	услиленія	усиленія
653	12 снизу	отчетъ	отчетъ,
655	15 сверху	Со	Со-
674	6 сверху	Инфлянтахъ,	Инфлянтахъ
674	13 сверху	вѣкѣ	вѣкѣ,
676	12 снизу	ротмистра	ротмистра.
681	9 сверху	повинахъ	новинахъ
682	16 сверху	Андреевичъ	Станиславовичъ
686	19 снизу	политическимъ	политическимъ
687	12 сверху	города	города.
692	8 снизу	говорилъ	говорилъ:
699	5 снизу	uprotestował	у protestował
703	16 снизу	Итакъ	Итакъ,
704	8 снизу	своемъ судѣ	своемъ судѣ
705	19, 20 сверху	вызвало	вызвала
736	2 снизу	е	et